

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

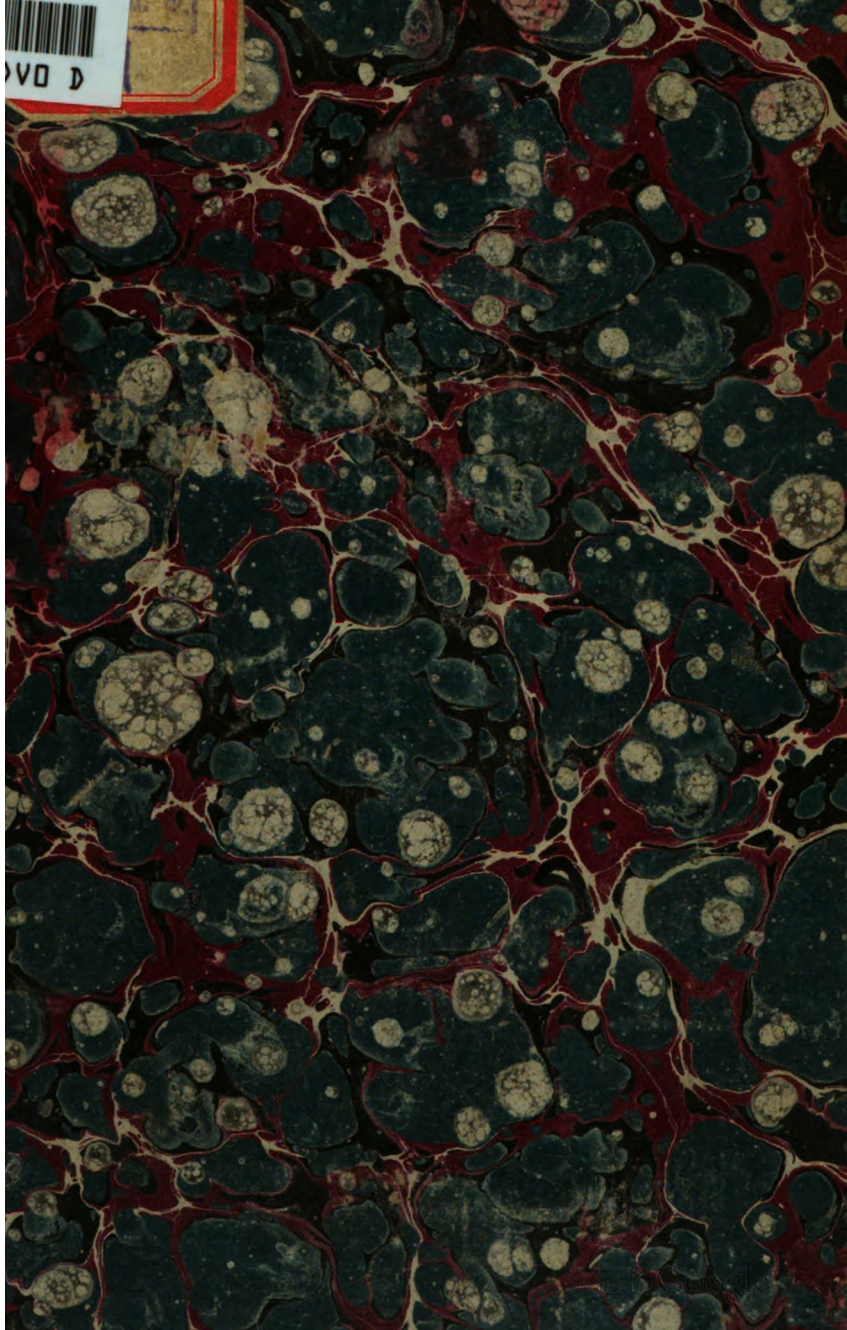
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

VVO D

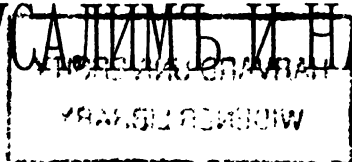
1945

13275

ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ И НА АФОНЪ.

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Протоіерея Владиміра ГУЛЯЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Сойкина, Вознесенскій пр., д. № 47

1892

HARVARD UNIVERSITY
WIDENER LIBRARY

У7*2(VGBIL)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 Января 1892 года.

ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ И НА АѦОНЪ.

I.

Постепенное подготовленіе къ дальнему путешествію. — Борьба съ сомнѣніями, явившимися предъ путешествіемъ. — Отъѣздъ и путь до Константинополя.

Съ молодыхъ лѣтъ появилось у меня и постепенно обратилось въ привычку желаніе посѣщать святыя мѣста. Еще воспитанникомъ Семинаріи я два раза ходилъ пѣшкомъ въ находящуюся въ 20 верстахъ отъ С.-Петербурга — Обитель Преподобнаго Сергія Радонежскаго. Затѣмъ будучи діакономъ одной изъ бѣднѣйшихъ домовыхъ церквей столицы и вмѣстѣ съ тѣмъ студентомъ С.-Петербургской Духовной Академіи, получая самое нищенское содержаніе, я дважды ѣздилъ въ Новгородъ на поклоненіе мощамъ тамошнихъ Св. Угодниковъ Божіихъ. Потомъ, занявши болѣе обезпеченное положеніе, я дважды ѣздилъ въ знаменитые монастыри Коневецъ и Валаамъ для поклоненія мощамъ тамошнихъ угодниковъ Арсенія, Сергія и Германа. Далѣе, взысканный особенною милостію ко мнѣ Господа, предъ временемъ появленія на свѣтъ Божій роднаго своего дѣтища послѣ двадцатилѣтняго бесплоднаго супружества, я ѣздилъ на поклоненіе въ Москву, въ Троице-Сергіеву Лавру и Новый Іерусалимъ. Потомъ, чрезъ

три года я ѣздилъ въ Кіевъ, и на пути снова заѣзжалъ въ Москву и Сергіевскую Лавру. — По возвращеніи изъ Кіева, у меня тотчасъ-же явилось желаніе посѣтить и тѣ сугубо великія и сугубо священные мѣста, на которыхъ жилъ и дѣйствовалъ воплотившійся для нашего спасенія Единородный Сынъ Божій, Господь Іисусъ Христосъ. Тотчасъ-же я началъ откладывать и приберегать необходимыя для поѣздки въ священные и отдаленныя отъ насъ мѣста деньги. Средства къ поѣздкѣ наконецъ составились, и я рѣшился предпринять далекое путешествіе въ Св. Землю,—путешествіе по дороговизнѣ для многихъ недоступное.

Въ это время, какъ и всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, меня начали смущать различные недоумѣнія:—а) доброе-ли дѣло совершаю я, предпринимая это дорогое и далекое путешествіе? — не лучше-ли будетъ, если необходимую для этой поѣздки сумму я употреблю цѣликомъ или на нужды своихъ приходскихъ бѣдняковъ, которыхъ у насъ многое множество,—или на нужды своихъ бѣдныхъ родныхъ, изъ которыхъ нѣкоторые хотя и не нищенствуютъ, но все-таки часто во многомъ нуждаются, постоянно затрудняются свести концы съ концами, сравнять приходъ съ расходомъ?—б) предпринимаемое мною далекое путешествіе не слишкомъ-ли рискованно, и не опасно-ли:—буря на морѣ, дерзость туземцевъ не прекратятъ-ли преждевременно моего земнаго странствованія, и не сдѣлаюсь-ли я виновникомъ горькаго сиротства моей жены и моей единственной малолѣтней дочери? Къ этимъ присоединялось предположеніе, неоднократно высказываемое многими очевидцами св. мѣстъ Палестины,—что предпринимаемая мною поѣздка не только не принесетъ мнѣ никакой нравственной пользы, но еще можетъ послужить къ разслабленію во мнѣ вѣры, потому что служащее при Палестинскихъ святыняхъ Греческое духовенство, во главѣ

со своими Іерархами, своимъ образомъ дѣйстви́й вызы-
ваетъ иногда сомнѣнія и ослабляетъ уваженіе къ до-
рогимъ для каждаго христіанина освященнымъ Самимъ
Господомъ Святынямъ Палестины.

По мѣрѣ приближенія времени, предназначеннаго къ
дальнему путешествію эти сомнѣнія все болѣе и болѣе
усиливались,—и на душѣ становилось все тяжелѣе и тя-
желѣе. Я всячески старался успокоить себя и укрѣпить
себя въ своемъ намѣреніи. Я говорилъ себѣ: а) дѣло об-
думано и задумано давно,—о своей рѣшимости ѣхать въ
Св. Градъ Іерусалимъ я многіе ~~уже~~ уже высказывалъ,—
нужно-же и ѣхать, не хорошо измѣнять данному слову;—
б) бѣдняки вообще и бѣдные мои сродники въ особенно-
сти мною не оставляются въ пренебреженіи;—я, хотя и
не похожъ на одобренную Христомъ Спасителемъ Евангель-
скую вдовицу, хотя и не отдаю всецѣло въ пользу ихъ
всѣхъ своихъ приобрѣтеній, но всетаки не оставляю ихъ
безъ помощи и мою помощь имъ нельзя признать ни-
чтожною;—в) люди, не только переѣзжаютъ моря, но иног-
да и большую часть своей жизни проводятъ въ моряхъ
и океанахъ на корабляхъ, — не только временно появ-
ляются среди дикарей, но иногда подолгу остаются въ
сообществѣ съ ними, — и по милости Божіей остаются
цѣлы и невредимы;—г) что Всемогуцій Господь промыш-
ляетъ о человѣкѣ сколько на землѣ, столько и на морѣ.
что и на морѣ и на землѣ жизнь человѣка одинаково на-
ходится въ рукахъ Божіихъ;—д) что отъ злодѣйской руки
человѣкъ не безопасенъ и въ цивилизованныхъ государ-
ствахъ, на оживленныхъ улицахъ многолюдныхъ столицъ,
гдѣ правительство всячески старается обезопасить лич-
ность своихъ гражданъ;—е) что недостойные служители
алтарей Господнихъ своею небрежностію никогда не мо-
гутъ воспрепятствовать благодати Божіей дѣйствовать на
тѣхъ людей, которые усиленно ищутъ ее;—г) что свя-

тыня должна оставаться святынею не только въ рукахъ плохихъ христіанъ, но даже и въ рукахъ невѣрныхъ; что священная для христіанъ Голгсеа безъ сомнѣнія была предметомъ благоговѣнія даже и въ то тяжкое время, когда на ней красовалось языческое капище и совершались идольскія жертвоприношенія.

Ободряя и утѣшая себя подобными мыслями, я рѣшился 23-го мая 1890 года оставить мѣсяца на три свой приходъ, свой храмъ, и свою семью, и отправиться въ далекій путь. Но горько, горько было на сердцѣ и наканунѣ и въ самый день моего отправленія. Знавшіе о предстоящей моей поѣздкѣ добрые мои прихожане дня за два, за три и наканунѣ въ особенности явились ко мнѣ, приносили свои лепты на свѣчи святынямъ Палестины и Аѳона, просили молитвъ о себѣ. Тяжело было расставаться съ ними, въ большинствѣ ихъ я всегда видѣлъ искреннюю къ себѣ любовь, преданность и уваженіе.—Тяжело было расставаться и съ семьєю, около трехъ мѣсяцевъ мнѣ предстояло быть въ разлукѣ съ нею,—такой продолжительной разлуки съ нею у меня еще не бывало. Тяжело было расставаться и съ престолами Божиими нашихъ трехъ храмовъ, священнодѣйствуя предъ которыми, я и самъ часто воскрилялся духомъ къ Горнему Престолу Божию и старался возбуждать умиленіе въ другихъ.—Совершая литургію въ день своего отправленія, не смотря на всѣ усилія, я не могъ затупить въ себѣ слезъ,—онѣ какъ-то невольно лились сами собою. Простившись съ своими св. храмами, сопровождаемый родными и прихожанами 23-го мая 1890 года въ среду на двухъ-часовомъ поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги я выѣхалъ изъ Петербурга. По мѣрѣ удаленія отъ него горечь душевная пропадала, усиливалась надежда на милосердіе Божіе и крѣпла преданность Его Всеблагой волѣ.

По пути въ Іерусалимъ я останавливался для покло-

ненія и исправленія молитвъ и благословенія:—въ Твери у Святителя Арсенія Тверскаго, — въ Москвѣ у Божіей Матери предѣ Иверскою ея иконою и Святыхъ Святителей Московскихъ,—въ Кіевѣ у Антонія и Ѳеодосія и прочихъ угодниковъ Печерскихъ. 1-го іюня въ пятницу я прибылъ въ Одессу, остановился на подворьѣ Аѳонскаго Пантелеимоновскаго монастыря, хлопоталъ о выдачѣ мнѣ заграничнаго паспорта. 2-го іюня послѣ утрени и обѣды въ моленной подворья я служилъ и для себя и для другихъ богомолцевъ (насъ собралось человекъ 8) напутственный молебенъ;—получивши потомъ паспортъ изъ Канцеляріи Градоначальника, я взомель на пароходъ Русскаго Общества «Цесаревичъ»,—отправлявшійся чрезъ Константинополь въ Александрію, и тамъ передававшій своихъ пассажировъ на другой пароходъ для отправления въ Яффу,—отправлявшійся и самъ въ Яффу, но только послѣ недѣльнаго отдыха въ Александріи. Таковъ былъ порядокъ на всѣхъ пароходахъ Русскаго Общества въ навигацію 1890 года. Пароходъ «Цесаревичъ» одинъ изъ плохихъ пароходовъ Русскаго Общества,—каюты въ немъ тѣсны, самъ онъ на ходу дребезжитъ, трясется, цѣпи, на которыхъ висятъ лампы, постоянно издають странный и непріятный звукъ.—Народу съ нами было не особенно много, такъ что на палубѣ было просторно,—но за то вмѣстѣ съ пассажирами третьяго класса въ близкомъ сосѣдствѣ съ ними и въ трюмѣ везли 6-ть лошадей и штукъ 60-ть воловъ.

Выѣхали мы изъ Одессы въ 4 часа вечера; дулъ крѣпкій вѣтеръ, играли барашки, была качка, но только не сильная, страдающихъ отъ морской болѣзни было очень немного. Я совершенно не потерпѣлъ ничего, проводилъ время по большей части на палубѣ, гдѣ меня порядочно продуло,—такъ что къ вечеру 3-го іюля я почувствовалъ лихорадку, но принялъ хины, укутался, легъ и за ночь совершенно поправился.

II.

Пріѣздъ въ Константинополь.—Пребываніе въ немъ. — Обзорѣніе его достопримѣчательностей.

4-го іюля въ понедѣльникъ часовъ въ 8 утра прибыли мы въ Константинополь. Окрестности Константинополя восхитительны, особенно правый берегъ Константинопольскаго пролива—Европейскій. Берега этого пролива гористы и покрыты растительностію,—по берегамъ множество разнообразныхъ строеній въ родѣ дачъ съ садами, много затѣмъ мечетей съ куполами и минаретами. Проливомъ мы ѣхали около часу.

Въ Константинополѣ пароходъ нашъ остановился въ саженьяхъ 100 отъ берега; пристани, на которую прямо съ парохода могли-бы выходить пассажиры, тамъ нѣтъ. На пароходъ къ намъ явились монахи съ Аѳонскихъ подворій, сняли насъ съ парохода, усадили въ лодку, привезли на берегъ и проводили къ себѣ. У таможни они остановились, здѣсь осматривали наши паспорта, у меня онъ былъ въ сакъ-вояжѣ, но дѣло обошлось безъ него.

За неимѣніемъ вожатыхъ, намъ не удалось въ этотъ день обзорѣть святынь Константинополя, нѣсколько времени мы ходили одни. Обошли всю лучшую улицу Константинополя—Перу. Улица не совсѣмъ узка, похожа на улицу Европейскаго города. По ней проѣзжали экипажи, ходили и omnibuses. Omnibuses снаружи грязны, лошади заморены; — есть omnibuses и двухъэтажные, — второй этажъ тоже крытый. Въ нихъ, какъ и въ вагонахъ паровой желѣзной дороги, имѣются особые отдѣленія для женщинъ. Женщины-турчанки показывались на улицѣ рѣдко, и то по большей части пожилыя. Онѣ появляются съ закрытыми почти лицами, видѣнъ только носъ, глаза и средняя часть лица,—лобъ-же, ротъ и подбородокъ закрыты платкомъ. У молодыхъ же турчанокъ лицо совсѣмъ

закрѣто бѣлою провзрачною матерією. Ходятъ турчанки въ широкихъ платьяхъ съ капюшономъ, закидываемымъ на голову и закрывающимъ плечи, лицо и руки, опоясанныя. Платья одноцвѣтныя, чаще черныя, синія, желтыя, темномалиновыя, рѣдко полосатыя. Матерія платья по большей части шелковая. На улицѣ попадалось много чистильщиковъ сапоговъ. Магазины маленькіе. Торговцы не европейцы — греки и турки грязные и оборванные. — Изъ Перы мы возвращались домой другимъ путемъ, сначала по набережной, а потомъ по какой-то узкой улицѣ. Намъ постоянно попадались непривычныя для нашихъ глазъ — вьючныя лошади, мулы, ослы, изрѣдка и телѣгитарбы въ одну лошадь. Дрова, кирпичи, корзины съ плодами и всякой всячиной — перекидывались чрезъ спину вьючныхъ животныхъ. Видѣли мы дворецъ Султана и находящіяся вблизи его казармы. Дворецъ и великъ и красивъ. По пути зашли въ Греческую церковь Святителя Христова Николая. Церковь красива, свѣтла и чиста, но иконы писаны очень аляповато. При насъ начали служить вечерню. Иеромонахъ или священникъ (у грековъ по одеждѣ они другъ отъ друга не отличаются) служилъ ее даже и безъ эпитрахили, и стоялъ не въ алтарѣ, а на правомъ клиросѣ. Чтецъ же и пѣвецъ также въ рясѣ и камилавкѣ стоялъ на лѣвомъ клиросѣ.

Ночь на 5-е іюля провелъ я на подворьѣ. Пришлось всю ночь промучиться. Постель и подушки были жестки, какъ камень. Оказались и насѣкомыя, — пришлось употребить въ дѣло взятый изъ дому персидскій порошокъ; насѣкомыя скоро угомонились, но заснуть все-таки не удалось. Гдѣ-то вблизи по сосѣдству былъ театръ: — музыка сильно рѣвала слухъ и безпокоила, по временамъ раздавалась пальба, застарѣвшая вздрагивать; за пальбою слѣдовали аплодисменты, которые, казалось, раздавались надъ самою головою. Въ два часа пошли мы къ утрени въ

церковь подворья, по окончаніи которой сряду-же, безъ промежутка, слѣдовала и обѣдня. Пѣніе было скромное, обыкновенное. Херувимскую пѣснь пѣли Кіевскимъ распѣвомъ,—«милость мира» съ послѣдующими краткими священными пѣснями,—и стихирю «сѣде Адамъ прямо рая» вмѣсто запричастна пѣли особеннымъ умиленнымъ напѣвомъ по партеснымъ нотамъ. На эктеніяхъ и на великомъ выходѣ поминали нашъ Царствующій домъ, Патриарха Діонисія и Св. Синодъ. Во время причастна прикладывались къ иконамъ и частицамъ Св. мощей. Служилъ одинъ іеромонахъ безъ іеродиакона. На великомъ выходѣ большой воздухъ былъ не на плечѣ служащаго іеромонаха, какъ это у насъ бываетъ всегда, а на спинѣ его и затылкѣ, а для того, чтобы онъ не свалился, онъ ленточками привязанъ былъ къ шеѣ; это, какъ оказалось потомъ, есть общій обычай Греческой церкви.

5-го іюня вторникъ. Часовъ въ семь утра въ числѣ 12-ти человекъ, въ сопровожденіи даннаго намъ водильщика черногорца Виды Иванова, мы отправились обозрѣвать святыни Константинополя. Водильщикъ долженъ былъ платить за насъ за переходъ по мосту (по паричкѣ, т. е. 2½ коп.), а мы за его труды должны были заплатить ему каждый по 30-ти копѣекъ.

Обозрѣніе города скоро совершенно разочаровало насъ. Красивъ Царь-градъ только снаружи и издали. Его красоту составляетъ то, что онъ расположенъ по уступамъ горъ, и то, что въ немъ множество мечетей съ куполами и минаретами. Но внутри—улицы, за очень рѣдкими исключеніями, очень узки, тротуаровъ почти нѣтъ, собаки пѣлыми партіями валяются по улицамъ, путь по улицамъ постоянно затрудняется: то собачье семейство обходить приходится (тревожить собакъ въ Константинополѣ не позволяется), то вьючныя животныя останавливаютъ. Дома высокіе въ 2—3—4 этажа,—но большихъ, длинныхъ до-

мовъ очень мало; есть дома въ 2 сажени въ длину по улицѣ, и во столько же въ ширину внутрь. На каждомъ почти домѣ есть терраса, или площадка съ особою маленькою постройкою. Эти террасы служатъ и мѣстомъ для прогулки и для сушенія бѣлья и для кухонныхъ работъ (на Аеонскихъ подворьяхъ, онѣ очень обширны, на этихъ террасахъ выстроены церкви, — церковь по террасѣ можно обойти кругомъ). Дома каменные, но очень тонки, верхнія помѣщенія тоньше, чѣмъ въ полѣ-кирпича. — На второстепенныхъ улицахъ цѣлыми кварталами попадаются дома своеобразнаго состава: — изъ мусору, глины, мелкаго камня съ деревянными для крѣпости вдоль и поперекъ перекладинами, — подобнаго рода постройки снаружи обшиты дранью. Дворовъ при домахъ или вовсе нѣтъ, или есть, но очень маленькіе, въ 3 — 4 кв. сажени. Тѣснота улицъ, тѣснота или отсутствіе дворовъ при домахъ, множество уличныхъ собакъ дѣлаютъ знаменитый древній Царь-градъ, соотвѣтствующій своему названію и нынѣ по наружной своей красотѣ, отвратительнымъ, грязнымъ. Лавченки и мастерскія очень малы, и ремесленные работы и торговля производятся почти на улицахъ, на улицахъ же и варятъ и жарятъ предметы продовольствія торговцы. Всякій соръ безъ стѣсненія выкидывается прямо на улицу. По утрамъ, улицы очищаются отъ этого сора и мусоръ на осликахъ, въ небольшихъ телѣжкахъ, куда-то увозится.

Посѣтили мы сначала Патріаршій соборъ, потомъ Влахернскій храмъ и Балуклю и въ заключеніе бывший храмъ Св. Софіи. Въ Патріаршемъ соборѣ въ правой стѣнѣ, близъ иконостаса въ колонѣ вдѣлана часть столба, къ которому привязанъ былъ Христосъ Спаситель во время бичеванія. Обычнаго во всѣхъ русскихъ кафедральныхъ соборахъ амвона посреди церкви для архіерея въ Царьградскомъ Патріаршемъ соборѣ нѣтъ. Отсутствие этого

амвона, какъ оказалось въ послѣдствіи, есть общая особенность всѣхъ Греческихъ церквей. Въ восточной стѣнѣ алтаря устроено сопрестоліе: каменная скамья полукругомъ съ большимъ выступомъ на срединѣ, на которомъ стоитъ Патріаршее кресло.

Влахернскій храмъ очень малъ, тоже и Балуклю—или Живоноснаго источника,—впрочемъ въ Балуклю есть и другой храмъ обширный.

Общее во всѣхъ осмотрѣнныхъ нами Греческихъ храмахъ слѣдующее:—а) посреди храма, за лѣвымъ клиросомъ устраивается особое мѣсто—возвышеніе со стѣнками и кресломъ и съ крышкою въ родѣ балдахина—для патріарха, или для архіерея;—б) кромѣ обычныхъ подобныхъ нашимъ паникадилъ или люстръ, отъ самаго потолка висятъ рядами нѣсколько лампадъ въ одну свѣчу, или съ одною чашею для елей;—в) предъ мѣстными большими иконами на маленькихъ палочкахъ лежатъ для лобызанія маленькія иконы съ тѣми-же изображеніями;—г) при входѣ въ церковь выставлено нѣсколько блюдь для подаянія,—безъ обозначенія, какое назначеніе имѣетъ сборъ;—д) свѣчи для продажи по преимуществу очень маленькія, не длиннѣе 3-хъ вершковъ, съ толстою свѣтильнею въ родѣ фитиля, отъ нихъ сильно пахнетъ стеариномъ.

Въ каждомъ храмѣ ломанымъ русскимъ языкомъ намъ предлагали записать или за здравіе, или за упокой. Напоминаніе о пожертвованіи иногда было черезъ-чуръ грубо. «Давай, давай, на масло»,—кричали намъ почти предъ каждымъ нашимъ выходомъ изъ храма.

При храмѣ Балуклю находится православное кладбище. Въ немъ много богатыхъ памятниковъ, мраморныхъ, въ родѣ гробницъ. Изъ надписей видно, что тутъ же погребались и погребаются Константинопольскіе Патріархи. На Востокѣ нѣтъ обычая хоронить въ церквахъ,

и Патріарховъ погребаютъ на общихъ кладбищахъ на ряду съ мірянами. При храмѣ же, въ оградѣ, въ саженьхъ 5-ти отъ него, находится лавочка и кофейня, около которой была сложена цѣлая груда табуретокъ. Не захороненная часть кладбища, какъ мнѣ сказали, служить мѣстомъ для гулянья.

На пути къ Балуклю и отъ Балуклю долго шли мы мимо громаднаго турецкаго кладбища. Памятники на этомъ кладбищѣ однообразны: каменная доска аршина въ два вышины и четверти въ полторы ширины, прямо воткнутые въ землю. Есть и столбики-колонки. Все это по большей части покровилось. На каждомъ памятникѣ есть надпись. Семейные палисадники встрѣчаются очень рѣдко. Верхушки памятниковъ иногда украшены вырѣзанными и вызолоченными изображеніями или цвѣтовъ или чалмы. Цвѣты указываютъ, что погребена женщина, а чалма, что погребенъ мужчина.

На дорогѣ къ Балуклю зазывалъ насъ одинъ грекъ поклониться Св. Троицѣ. Вожатый нашъ объявилъ намъ, что здѣсь когда-то существовалъ монастырь Св. Троицы, разрушенный турками, что отъ этого монастыря уцѣлѣла только одна пещера, въ которой нѣтъ ничего замѣчательнаго; что на поклоненіе Св. Троицѣ вызываютъ здѣсь единственно съ цѣлю выманить что нибудь отъ поклонниковъ.

Пройдя отъ Балуклю съ полчаса, мы сѣли въ вагонъ желѣзной дороги, ведущей изъ Адрианополя въ Константинополь. Ѣхали не болѣе 15 минутъ и въ это время три раза останавливались, причемъ на каждой остановкѣ у насъ осматривали и прорѣзали билеты. Отъ вокзала мы пошли къ Св. Софіи. Шли минутъ 20. За входъ въ Св. Софію съ насъ взяли по 80 копѣекъ съ человѣка, т. е. по полмеджидіе. Великъ, громаденъ, свѣтелъ, величественъ этотъ бывшій православный храмъ, а нынѣ мечеть. Нельзя

не пожалѣть, что эта древняя христіанская святыня не только находится въ рукахъ мусульманъ, но еще и обращена въ мечеть. Нельзя вмѣстѣ съ о. Михайловскимъ не пожалѣть о томъ, что изъ строителей нашихъ величественныхъ храмовъ никто не воспользовался храмомъ Св. Софіи какъ планомъ. Лучшаго образца найти невозможно. Массою свѣта обильно разливающегося сверху по всѣмъ частямъ храма онъ далеко превосходитъ не только нашу всероссійскую знаменитость — Исаакіевскій каѳедральный соборъ, но и московскій храмъ Христа Спасителя.

Отъ Влахернскаго храма до Балуклю и отъ Балуклю до вокзала желѣзной дороги, шли мы по большей части вдоль городской стѣны, сохранившейся со временъ Равноапостольнаго царя Константина. Не охраняется теперь эга стѣна. Много въ ней проломовъ и выбоинъ, много изъ нея взято и кирпичу и плиты. Ограда прилегающаго къ ней громаднаго турецкаго кладбища очевидно цѣлкомъ выстроена изъ матеріала взятаго изъ этой стѣны. Выстроена эта стѣна изъ камня въ родѣ нашей петербургской бутовой плиты и тонкаго кирпича въ родѣ черепицы. Въ мѣстахъ не тронутыхъ эта стѣна сажень 5—6 вышиною, башни сажень 10-ти вышиною, многія изъ нихъ сохранились въ цѣлости. Много разрушеній въ этой стѣнѣ, но и сохранилось отъ нея все-таки очень много. Говорятъ, эту стѣну окружалъ каналъ, теперь же онъ засыпанъ, воды въ немъ нѣтъ нигдѣ, но ровъ еще очень глубокъ, въ сажень и двѣ ниже прилегающей мѣстности, мѣстами эти рвы превращены въ огороды. Какъ грандіозна, должно быть, была эга стѣна, когда она была вся въ цѣлости!

Говоря о Константинополѣ, нельзя обойти молчаніемъ Аѳонскія подворья. Они своимъ гостепріимствомъ и руководствомъ оказываютъ величайшую услугу русскимъ поклонникамъ, не только бѣднякамъ, но и состоятель-

ымъ, особенно не знающимъ ни турецкаго, ни греческаго языка. Константинополь таковъ, что заблудиться въ немъ нѣтъ ничего легче. Обитатели его — турки, армяне, греки добросовѣстностію не отличаются. Они болѣе готовы обмануть и обидѣть, чѣмъ помочь. И вотъ тутъ-то среди басурманъ и близкихъ къ нимъ армянъ и грековъ, афонскіе монахи являются истинными безкорыстными друзьями русскихъ поклонниковъ. Они снимутъ васъ съ парохода, привезутъ къ себѣ, накормятъ, напоятъ, дадутъ совѣтъ, успокоятъ, снова проводятъ на пароходъ, и за все за это ничего не спросятъ. Мало-ли, много-ли дадите вы, они примутъ съ большою благодарностію.

III.

Отъ Константинополя до Смирны и въ Смирнѣ.

Въ 3-мъ часу дня того-же 5-го іюня во вторникъ сѣли мы на тотъ-же пароходъ «Цесаревичъ». Дорогою намъ перерѣзала путь турецкая таможенная лодка и наскоро произведенъ былъ осмотръ нашихъ чемодановъ. Пассажировъ на пароходѣ оказалось въ четверо больше, чѣмъ было ихъ на пароходѣ въ началѣ, при выходѣ изъ Одессы. Европейцевъ убавилось, а азіатцевъ прибавилось. Турки, татары, персы, киргизы преобладали. Палуба III класса была положительно засыпана народомъ. Днемъ, сидя, они кое-какъ размѣщались, а какъ укладывались ночью, это трудно представить. Пройти по палубѣ съ одного конца парохода на другой, отъ каюты II класса до палубы I и II классовъ, было очень трудно, а пройти ночью, не наступивши на когонибудь, не было возможности. Турчанки заняли полъ палубы I и II-го классовъ. Пять человѣкъ татаръ помѣстились въ нашей каютѣ II класса. Между ними была одна молодая тур-

чанка. Взошла она къ намъ вся въ покрывалѣ, и только изрѣдка выбѣгала изъ своей каюты и промелькала какъ стрѣла, по общему залу. Для услугъ къ ней приходилъ грязный, безобразный эвнухъ, въ полосатомъ балахонѣ и чалмѣ. Пароходная администрація къ новымъ пассажирамъ была внимательнѣе, чѣмъ къ русскимъ паломникамъ, пассажирамъ III класса:—а) они, напримѣръ, сами должны были промыслить себѣ деревянныя койки,—магометанамъ-же койки были доставлены пароходною прислугою,—б) русскимъ не позволено было во время дождя сложить свои вещи подъ навѣсомъ около машины,—магометане-же нагромодили здѣсь цѣлый ворохъ сундуковъ и мѣшковъ, а затѣмъ, тутъ-же помѣстились и сами;—в) наши не смѣли и думать разводить огонь на палубѣ, и брали готовый кипятокъ отъ буфетчика, а у магометанъ явились и самовары и жаровни, они тутъ и жарили и варили.

Въ среду утромъ 6-го іюня—пароходъ нашъ остановился въ Галлиполи, мѣстечкѣ въ началѣ Дарданельскаго пролива. Галлиполи, нѣсколько укрѣпленій и селеніе съ большими каменными домами по обѣимъ сторонамъ пролива, послѣ Буюкдере не представляетъ ничего привлекательнаго. Простояли мы въ немъ около часу. Пассажировъ, которыхъ и такъ было много, прибавилось еще человекъ двадцать. Въ числѣ ихъ было пять греческихъ монаховъ. Проѣзжая Дарданельскій проливъ, мы изрѣдка выходили на палубу; красивыхъ береговъ было много. Видѣли городъ Баба.

Вечеромъ того-же 6-го іюня на пароходѣ между служителями парохода и пассажирами татарами произошла потасовка изъ-за воды. Прѣсною водою на пароходѣ хотя и не скупаются, но не позволяютъ и тратить ее безъ толку. Татары же такъ именно и тратятъ ее: по нѣскольку разъ въ день обмываются, моютъ голову, лицо, руки и ноги, и, насколько возможно не раздѣваясь, другія части тѣла;—

затѣмъ, нужно татарину воды стакана два, а онъ нали-
ваетъ себѣ цѣлое ведро, и остальное выливаетъ за бортъ.

Часовъ въ 10-ть вечера прибыли мы въ городъ Смирну.
За позднимъ временемъ нашъ пароходъ не впустили въ
портъ, и онъ сталъ на якорь предъ портомъ. Любовались
мы городомъ и его предмѣстьемъ. Красиво мелькали
огоньки къ домамъ по склонамъ горъ, на обѣихъ сторо-
нахъ пролива. Увидѣли мы городъ и утромъ: набережная
его красиво застроена каменными домами, лицевая сторона
у многихъ цѣликомъ, у многихъ мѣстами (на обычномъ
мѣстѣ цоколя, по крайнамъ оконъ и дверей) выложена
бѣлымъ или розовымъ мраморомъ.

7-го іюня, въ четвергъ, въ 8 часовъ утра мы вы-
ѣхали на берегъ, и посѣтили храмъ Св. Фотиніи, Са-
марянки, бесѣдовавшей съ Господомъ у колодца близъ
города Сихаръ. Снаружи храмъ не казистъ: онъ окруженъ
домами, которые всѣ выше его, — внутри онъ скромно бла-
гоустроенъ, похожъ на патріаршій соборъ Константинополя,
съ хорами по правой и лѣвой сторонамъ, съ мѣстомъ для
Архіерея за лѣвымъ клиромъ, съ возвышенными на одну
ступень мѣстами на правой и лѣвой сторонахъ храма, съ
нѣсколькими люстрами и лампадами въ одинъ свѣтиль-
никъ отъ потолка. Въ храмѣ три престола въ рядѣ; при-
дѣлы одинъ отъ другаго не отдѣлены перегородками, или
стѣнами, какъ это бываетъ въ нашихъ русскихъ храмахъ.
Иконы по большей части безъ ризъ; предъ большими мѣ-
стными иконами на полочкахъ находятся маленькія ко-
піи съ тѣхъ же иконъ. Икона Св. Фотиніи, мѣстная, въ
иконостасѣ, въ серебряной ризѣ, находится рядомъ съ
иконою Божіей Матери. Церковные сторожа, при выходѣ
нашемъ изъ храма, предлагали намъ сходить къ митропо-
литу, вызывались и проводить насъ къ нему; но, не желая
безпокоить Владыку, мы отказались отъ предложенія.

Побродили мы потомъ по улицамъ города. Городъ,

какъ и Константинополь, оказывается красивымъ только снаружи. Впрочемъ, онъ менѣе красивъ, чѣмъ Константинополь. Смирну не украшаютъ ни куполы мечети, ни минареты. И изъ церквей, съ берега, въ немъ видны только храмъ Св. Фотиніи и католическій костелъ. Въ немъ есть и еще двѣ церкви, но онѣ нисколько не возвышаются надъ другими зданіями, и ихъ не видать даже и съ берега. Улицы въ Смирнѣ, за исключеніемъ набережной и еще двухъ-трехъ, также узки какъ и въ Константинополѣ, но грязи въ нихъ меньше, собаки попадаютъ рѣже, по одиночкѣ, а не цѣлыми партіями какъ въ Константинополѣ. Лавочки и мастерскія такъ же, какъ въ Константинополѣ, открыты на улицу всею своею дѣятельностію,—даже печи пекаренъ топками выходятъ на улицу. На улицѣ пекари и валяли хлѣбы и сажали въ печь. Въ Смирнѣ мы въ первый разъ увидѣли व्यючныхъ верблюдовъ,—они появлялись цѣлыми караванами, штукъ по 10 и болѣе, съ желѣзными, сѣтчатыми намордниками, съ колокольчиками около шеи и удиль, привязанные къ сѣдлу предъидущаго, а самый первый привязанъ къ сѣдлу осла, такъ что оселъ оказывается предводителемъ каравана. Кромѣ навьюченныхъ верблюдовъ, попадались навьюченные и ослы, и лошади, и мулы. Иврѣдка встрѣчались телѣжки съ зелеными ящиками, на рессорахъ. Экипажей, каретъ и колясокъ очень немного. Вдоль набережной проведена желѣзно-конная дорога. Прокатились мы и въ конкѣ до вокзала желѣзной дороги и обратно. Перевозчики съ парохода на берегъ назойливы, не сговорившись ѣхать нельзя,—и, сговорившись, они требуютъ денегъ впередъ, и умолкаютъ только послѣ угрозы. Торговцы, являющіеся на палубу, недобросовѣстны:—запросятъ два рубля и отдаютъ за 30-ть копѣекъ. Одно только удобство покупать на пароходѣ, русскія деньги идутъ безпрепятственно, между тѣмъ на берегу русскія деньги

идутъ съ затрудненіями. Купались мы въ морѣ, но это купанье съ проѣздомъ на берегъ, съ проѣздомъ по конкѣ и съ платою за купальню, обошлось намъ дорого—90 коп. съ двоихъ.

Смирна далеко раскинута по берегу моря, она занимаетъ и уступы и склоны горъ.

Выѣхали мы изъ Смирны около 5-ти часовъ вечера въ тотъ же день, четвергъ. Долго ѣхали проливами въ виду береговъ; берега гористы и съ причудливыми очертаніями.

IV.

Путь до Александріи.—Александрія и Портъ-Саидъ.

8-ю *Іюня. Пятница.*—Ночью, часовъ въ 11-ть, остановились мы въ Хіосѣ. Стояли, говорятъ, около часу. Я спалъ въ это время крѣпко, и не слыхалъ, какъ пароходъ остановился, постоялъ и пошелъ дальше. Объ этой остановкѣ я услыхалъ только утромъ. Пожалѣлъ я объ этомъ, но бывалые люди успокоили меня, сказавши, что въ Хіосѣ и видѣть нечего.

Весь почти день 8-го іюня мы проходили между берегомъ и островами. Утромъ часовъ въ 10-ть прошли мы мимо мѣста заключенія Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова—острова Патмоса, —на этомъ островѣ есть, говорятъ, монастырь, но мы его видѣли очень не ясно. Ясно мы видѣли только семь хребтовъ, изъ которыхъ состоятъ онъ. Вечеромъ часовъ въ семь проѣзжали мы около острова Родоса. Та сторона его, которую мы видѣли, представляла не болѣе, какъ длинную скалу.

Вечеромъ намъ указаны были три скалистыхъ острова,

близкихъ другъ къ другу, и много похожихъ другъ на друга, почему и называются они три сестры.

9-го *Юня. Суббота.* Весь день ѣхали мы не видя береговъ; погода была теплая, но вѣтренная; бѣгали и барашки, но качки не было.

10-е *Юня. Воскресенье.* Рано утромъ прибыли мы въ Александрію, напились чаю и переѣхали на другой пароходъ Корниловъ. Пароходъ же «Цесаревичъ» остался на недѣлю для отдыха въ Александрію, для того, чтобы затѣмъ идти въ Портъ-Саидъ, Яффу, Бейрутъ, Триполи, Хіосъ, Смирну, Дарданель, Константинополь и Одессу. Новый нашъ пароходъ оказался гораздо лучше прежняго—просторнѣе, удобнѣе.

Съ провожатымъ изъ мѣстныхъ арабовъ намѣняли мы на одинъ рубль египетскихъ денегъ, купили 2 почтовыхъ марки, опустили въ почтовый ящикъ 2 письма, затѣмъ прошли въ Патріаршій Соборъ Св. Екатерины; потомъ, наняли парную коляску по 60 коп. въ часъ, проѣхали вдоль Нильскаго канала къ городскому саду, а оттуда къ пароходу; затѣмъ хотѣли было закусить, но по незнанію языка сговориться не могли, и вернулись на пароходъ, заплативъ 1 руб. 20 коп. извозчику и 1 руб. 60 коп. вожаку.

Александрія городъ очень красивый. Дома каменные, высокіе, въ 3—4 этажа, европейской архитектуры. Улицы широкія, вымощены сплошь большою плитою, такою же, какою у насъ мостятъ панели. Экипажей много—экипажи парные, крытые, коляски и кареты. Вьючные ослики и мулы попадались рѣдко, и ослики возили поклажу въ повозкахъ.—Церквей православныхъ мало; онѣ, какъ и въ Константинополѣ, не обширны, безъ куполовъ и колоколенъ; колокола небольшіе, вѣсомъ въ 5—10 пудовъ. Не великъ и Патріаршій Соборъ; онъ скромно благоустроенъ, безъ золота и серебра. Полъ въ немъ мраморный. Стѣны

раскрашены подъ мраморъ; хоры только свади; кромѣ люстръ, какъ и въ другихъ восточныхъ храмахъ, есть и лампы отъ потолка въ одну свѣчу.

При входѣ нашемъ въ церковь служащій священникъ уносилъ куда-то изъ церкви Св. Евангеліе. Пришли мы во время утрени. Пѣли канонъ. Пѣніе было не особенно пріятное. Пѣли на два клироса, по одному взрослому и по три мальчика на каждомъ. Пѣли все—и ирмосы и тропари, чтенія не было, по большей части пѣлъ только одинъ взрослый, а маленькіе только подтягивали.—Эктеній ни на канонѣ, ни послѣ славословія не было. Діаконъ во время канона обошелъ съ кадиломъ всю церковь. Въ церкви былъ и Патріархъ; онъ стоялъ не въ алтарѣ, а на своемъ мѣстѣ, свади праваго клироса, въ черной рясѣ, безъ панатинъ, въ черной греческой камилавкѣ сначала съ крепою, потомъ безъ крепы. Въ концѣ утрени онъ сошелъ съ своего мѣста, читалъ предъ иконостасомъ какія-то молитвы, приложился ко всѣмъ иконамъ по всему иконостасу, поклонился народу, и благословилъ его на три стороны, клиръ пропѣлъ *eis polla...* и Патріархъ снова вошелъ на свое мѣсто и стоялъ на немъ до конца литургіи. Рядомъ съ Патріархомъ, впереди его, за патріаршимъ мѣстомъ, стоялъ его слуга въ рясѣ и камилавкѣ; онъ подавалъ ему книгу, крестъ, камилавку и т. п. Послѣ утрени не было даже и отпуста, прямо начата была литургія. Царскія врата въ началѣ литургіи были открыты. Особенностей богослуженія въ Египетскомъ богослуженіи замѣчено мною много: 1) открывалъ завѣсу, открывалъ и закрывалъ царскія двери не діаконъ, а кто-то изъ прислужниковъ—въ полурыскѣ; 2) входу съ Евангеліемъ и съ дарами предшествовали три мальчика въ бѣлыхъ холстинныхъ стихаряхъ, съ синими крестами спереди и свади, — шли одинъ съ за престольнымъ крестомъ, и двое со свѣчами; 3) апостолъ читался съ клироса лицомъ къ наро-

ду; 4) евангеліе читалось съ высокой проповѣднической каведры; 5) и съ великимъ и малымъ входомъ выходили на средину церкви; 6) діаконъ имѣлъ стихарь архидаконскій; 7) священникъ былъ въ голубой ризѣ безъ кустодіи, а діаконъ въ темномалиновомъ парчевомъ стихарѣ; 8) большой воздухъ на великомъ входѣ діаконъ несъ не на плечѣ, а сзади на спинѣ привязаннымъ ленточками къ шеѣ; 9) при возгласѣ «станемъ добрѣ» завѣса была закрыта; 10) слова «и всѣхъ и вся» произнесены были діакonomъ въ алтарѣ, между царскими дверями и престоломъ, лицомъ къ народу; на это время завѣса была открыта, а затѣмъ тотчасъ-же снова закрыта; 11) «миръ всѣмъ—благодать Господа», — и «да будутъ милости»..... говорилъ не служащій священникъ, а Патріархъ; 12) антидоръ во время причастна раздавалъ самъ Патріархъ; 13) отпустъ послѣ литургіи произнесъ священникъ, а Патріархъ благословилъ народъ,—крестомъ,—но цѣловать креста народу не давалъ.

Народу въ церкви было немного, человекъ 50, не больше.—Въ храмѣ у иконы Спасителя, у иконы Божіей Матери, стояли громаднѣйшіе трехсвѣчники, къ большимъ свѣчамъ ихъ по нашему были прѣставлены огарки. Сѣверныя и южныя двери алтаря, также какъ и царскія, створчаты.

Городской садъ густъ, наполненъ рѣдкими для нашей мѣстности растеніями: леандры огромнѣйшихъ размѣровъ, пальмы, бананы, душистые цвѣты. Тѣни отъ деревьевъ не было никакой. Растенія поливаются, и растутъ только благодаря поливкѣ.

Женщины арабки носятъ черное платье; лицо у нихъ, какъ и у турчанокъ закрыто; на носу, начиная со средины лба до средины носа, онѣ носятъ мѣдную трубочку, въ родѣ широкаго игольника.

Изъ Александріи мы выѣхали въ половинѣ четвертаго

часа дня. Погода была ясная, вѣтренная, былъ небольшой валь, но пароходъ, за недостаткомъ груза, сильно покачивало. Дамы страдали, меня же опять Богъ помиловалъ. Качка продолжалась до полуночи; когда она прекратилась, мы и не почувствовали. Я крѣпко спалъ.

11-е Юня. Понедѣльникъ. Въ семь часовъ утра пріѣхали мы въ Портъ-Саидъ, — городъ при началѣ Суэзскаго канала. Красивъ городъ снаружи, хорошъ и внутри. Дома огромные—каменные, въ 3—4 и 5 этажей, улицы широкія, многія изъ нихъ украшены аллеями изъ тѣнистыхъ акацій. Былъ въ городскомъ саду, онъ малъ, посрединѣ его есть водоемъ, въ которомъ много золотыхъ рыбокъ. Лавки немного похожи на Петербургскія. Искалъ я коралловъ, но не нашелъ. Дынь и арбузовъ было много на базарѣ.

Женщины туземки, какъ и арабки, носили мѣдныя трубочки на носу.

На концѣ одной улицы видѣлъ я арабскую школу. Помѣщалась она въ простомъ шалашѣ, открытомъ со всѣхъ сторонъ. Ученики, человекъ 30 съ дощечками въ рукахъ, сидѣли на циновкѣ поджавши ноги и что-то жу жукали. Учитель сидѣлъ также на циновкѣ, поджавши подъ себя ноги, и курилъ трубку. И учитель и ученики были въ лохмотьяхъ.

Купался я въ морѣ подъ открытымъ небомъ, на концѣ пристани, — видѣлъ много акулъ, онѣ караулили насъ и плавали саженьяхъ въ 5-ти отъ берега. Боясь ихъ, мы купались около самаго берега, такъ что вода не покрывала насъ и до колѣнъ и мысли лежа.

Видѣлъ строящіеся дома. Строительный матеріалъ носили въ корзинкахъ, строили изъ мелкаго камня, четверти въ 1½ квадратныхъ, и кирпичу;—кирпичъ употребляли только мѣстами для выравниванія стѣнъ; балками служили доски, ставившіяся ребромъ.—Окна въ домахъ закрыва-

лись деревянными рѣшетчатыми сторонами. Балконовъ много. Есть балконы и такіе, по которымъ можно обойти вокругъ всего дома.

Вечеромъ около 11-ти часовъ выѣхали мы изъ Портъ-Саида.

V.

Яффа. — Путь къ Іерусалиму. — Въѣздъ въ Іерусалимъ. — Посѣщеніе Храма Воскресенія. — Визитъ къ Патріарху.

12-е Іюня. Вторникъ. Въ пять часовъ утра подъѣхали мы къ Яфѣ. Руководясь указаніями путеводителей, мы не сходили съ парохода, а поджидали драгомана отъ русскаго посольства. Скоро подъѣхала шлюпка съ русскимъ гербомъ на флагъ. Явился на пароходъ самъ вице-консулъ, и прямо прошелъ на палубу 1-го класса къ капитану. Я подошелъ къ нему съ просьбою распорядиться объ отправленіи насъ на берегъ. Онъ, узнавши отъ меня, что насъ всего человѣкъ 8, замѣтилъ: «не много-же, не нужно и распоряженій, выбирайте лодку, заплатите по 25 коп., и будете на берегу, а тамъ васъ встрѣтитъ кавасъ, онъ найметъ вамъ носильщиковъ и проводитъ до пріюта при посольствѣ». Море было тихо, — только у береговъ, отъ множества камней оно волновалось; спокойно сошли мы въ шлюпку и подъѣхали къ самой набережной. Идти въ бродъ не пришлось. На берегу дѣйствительно встрѣтилъ насъ кавасъ отъ посольства и довелъ до пріюта для русскихъ поклонниковъ, имѣющагося при посольствѣ же. — Побродили мы немного по берегу; видѣли убогую по внѣшности Греческую церковь на мѣстѣ чудеснаго видѣнія Апостолу Петру; купались въ морѣ,

на берегу, буквально устьянномъ болѣе чѣмъ на $\frac{1}{4}$ аршина мелкими раковинами, и приступили втроемъ (я, о. Палладій, іеромонахъ Сергіевской Лавры, и подполковникъ Щеголевъ) къ найму для себя фургона для переѣзда къ цѣли нашего путешествія, св. граду Іерусалиму. Нанять былъ 4-хъ мѣстный фургонъ за 5 руб. 50 коп. съ тѣмъ, чтобы владѣлецъ кромѣ насъ никого въ фургонъ не пускалъ. Свое право ѣхать только втроемъ мы отстаивали потому чуть не съ боемъ. Кучеръ-арабъ, не стѣсняясь договоромъ, три раза пытался посадить къ намъ четвертаго пассажира.

Яффа съ моря городъ весьма и весьма красивый, расположенъ по склону горы. По красотѣ онъ не уступаетъ Константинополю, но внутри гораздо грязнѣе Константинополя. Улицы его ничто иное, какъ ломанныя и кривыя лѣстницы. Праздношатающагося народу очень много. Скитальцы эти навойливы. Навяываются быть вашими провожатыми и руководителями по городу. Гоните его отъ себя сколько угодно, онъ будетъ идти то впереди, то сзади васъ, и надоедать вамъ своими предложеніями и объясненіями, и въ концѣ концовъ будетъ навойливо требовать вознагражденія за свои труды. Нѣкоторые прямо просятъ милостыни; чтобы расположить васъ къ себѣ, они называютъ себя Христіанами,—гоните ихъ отъ себя хоть 10 разъ, они всетаки будутъ вертѣться около васъ и просить. Дайте имъ, они не отстанутъ и будутъ просить прибавки.

Выѣхали мы изъ Яффы въ половинѣ 4-го часа. Три раза кормили, каждый разъ часа по два. На первой станціи въ Рамлѣ пили чай; за самоваръ послѣ торга съ насъ взяли 30 копѣекъ, варенныя яица обошлись намъ по 5 коп. пара, бѣлый обыкновенный хлѣбъ, фунта въ $1\frac{1}{2}$, 10 коп. штука. На слѣдующихъ двухъ станціяхъ мы были уже ночью и даже не выходили изъ фургона. Въ Іерусалимъ пріѣхали въ среду, 13-го іюня въ 6 часовъ

утра, остановились на русских постройкахъ. Въ ожиданіи распоряженій, находясь на площадкѣ дома, гдѣ помѣщаются служащіе при русской духовной іерусалимской миссіи, и гдѣ обыкновенно дается помѣщеніе прѣзжающимъ духовнымъ богомольцамъ, мы случайно увидѣли о. архимандрита Антонина; онъ тотчасъ же приказалъ корридорному служителю Исидору дать намъ комнату, гдѣ пожелаемъ, вверху, или внизу, и предупредилъ, что кромѣ помѣщенія мы не должны ничего болѣе ожидать отъ пріюта, обо всемъ остальномъ мы должны заботиться сами. Ничего болѣе мы и не ждали. Сторожъ Исидоръ объяснилъ намъ, что обѣдать мы можемъ ходить въ общую столовую втораго разряда съ платою за обѣдъ въ полтора франка,—самоваръ и посуду онъ далъ намъ свои, и кромѣ того прислуживалъ намъ: ставилъ самоваръ, убиралъ комнату, ходилъ по нашимъ порученіямъ, такъ что мы прожили въ Іерусалимѣ безъ всякихъ лишеній.

Наши спутники богомольцы остались недовольны порядками на русскихъ постройкахъ:—во 1-хъ, ихъ медленно размѣстили, долго они оставались въ корридорѣ въ ожиданіи вниманія къ себѣ; во 2-хъ, бесплатно имъ дали одно только мѣсто на нарахъ, или деревянную койку; въ 3-хъ, имъ не давали не только кипятку для чаю, на что они рассчитывали по указанію путеводителя, но не давали даже и воды,—воду они должны были приносить себѣ сами изъ цистерны, находящейся внѣ ограды русскихъ построекъ,—и эта вода была очень плоха, ее можно было употреблять не иначе, какъ процѣдивши дважды сквозь тонкую ткань. •

Въ тотъ же день по просьбѣ паломниковъ была истоплена для нихъ баня, чѣмъ воспользовались и мы. вмѣсто каменки служилъ чугунный верхъ надъ очагомъ. Вѣниковъ не полагалось.

14-ю Іюня. Вторникъ. Всталъ въ 6 часовъ утра, на-скоро умылся, и еще скорѣ помолился, и отправился на поклоненіе святынямъ св. града. За нами явился одинъ изъ святоградскихъ игуменовъ. По выходѣ изъ ограды русскихъ построекъ насъ обступили человекъ шесть іерусалимскихъ нищихъ. Паричекъ, мелкой турецкой монеты, ни у кого изъ насъ не было, и подать было нечего. Нищіе же были черезъ чуръ назойливы. Они то шли рядомъ съ нами, то предъ нами, то сзади и кричали: «здравствуй, монахъ», «Господи, помилуй насъ», — «дай паричку, монахъ», — «спасибо, монахъ», — «ну, прощай, монахъ». — Ихъ мы и просили отойти отъ насъ и гнали, но они не отходили. Сопровождавшій насъ святоградскій игумень съ большимъ усердіемъ даже ударилъ кулакомъ одного изъ нихъ по загорбку, и ударенный нищій минуты чрезъ 2 снова бѣжалъ около насъ и надоѣдалъ своими просьбами. У игумена для обороны отъ нищихъ имѣлся даже хлыстъ.

Привели насъ къ Патріархіи. Ввели въ какую-то комнату, очень просто убранную, или вѣрнѣе сказать совсемъ неубранную. Здѣсь выдали намъ по маленькой чашечкѣ; затѣмъ монахъ началъ каждому выдавать по горсточкѣ явюму, послѣ чего началъ угощать каждого ракіей и кофе. Отъ всего этого я отказался, желая на тощакъ приложиться къ первымъ христіанскимъ святынямъ. Потомъ, чрезъ большой промежутокъ времени, такъ что я успѣлъ въ это время потихоньку прочитать про себя два акафиста—страстямъ Христовымъ и живоносному Гробу и Воскресенію, насъ повели въ небольшой храмъ св. первомученика Стефана; здѣсь намъ дали по свѣчкѣ и пропѣли краткій молебенъ, потомъ свѣчи отобрали, (мы ихъ и не зажигали) и взяли за нихъ по 20 коп. съ человека. Далѣе, ввели въ особую комнату, гдѣ надъ нами былъ совершенъ обрядъ омовенія ногъ. Во время пѣнія двумя монахами какихъ-то стихиръ намъ на-скоро омыли обѣ

ноги и вытерли полотенцемъ. Затѣмъ cadaго изъ насъ по одиночкѣ вводили въ особую комнату, гдѣ сидѣло два архіерея, здѣсь записывали для поминаенія имена родныхъ и знакомыхъ—живыхъ и умершихъ, каждый по своему усердію и средствамъ вносилъ за это поминаеніе. Потомъ, повели насъ снова въ первую комнату, гдѣ угощали кофе и ракіей, и здѣсь сказали, что сейчасъ принесутъ обѣдъ. Мы просили уволить насъ отъ обѣда и вести по святынямъ, за чѣмъ мы и пріѣхали,—намъ данъ былъ отвѣтъ, что таковъ уже обычай,—а затѣмъ тотъ-же монахъ минутъ чрезъ 15 или 20 самъ пришелъ къ намъ и предложилъ — не лучше-ли сначала обойти святыни, а потомъ уже пообѣдать, на что мы согласились съ величайшимъ удовольствіемъ. Повели насъ въ храмъ Воскресенія, — сопровождалъ насъ монахъ іеродіаконъ Грекъ,—онъ, читая по бумажкѣ, ломанымъ русскимъ языкомъ объяснялъ намъ значеніе cadaго святаго мѣста. Подъ его руководствомъ поклонились мы камню помазанія, столбу бичеванія (чрезъ прикосновеніе къ нему палочки и лобызаніе конца этой палочки), возложенія терноваго вѣнца (тоже чрезъ прикосновеніе къ нему рукою и цѣлованіе руки), темницѣ, гдѣ ноги Христа Спасителя были заключены въ оковы, раздѣленія ризъ, обрѣтенія креста, Гробу Господню, камню, на которомъ находился Ангелъ и возвѣстилъ о воскресеніи, и Голгоѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какіе-то проходимцы назойливо навязывали купить и поставить свѣчи, для этого же даже хватили за руки и указывали на находящіяся въ рукахъ ихъ свѣчи, фитили, со словами: «запали»—или «закури».

Съ Голгоѣ повели насъ въ храмъ Воскресенія Господня. Этотъ храмъ великъ сравнительно съ другими придѣлами и помѣстителенъ. Въ немъ собственно только и заключаются всѣ обычныя принадлежности хра-

мовъ, въ другихъ же придѣлахъ этихъ принадлежностей нѣтъ. Храмъ этотъ неособенно чистъ и свѣтелъ, но достаточно благолѣпенъ. Иконостасъ многоярусный весь вызолоченный, но позолота потемнѣла. Сѣверныя и южныя двери алтаря створчатыя. Вдоль стѣнъ, какъ и въ другихъ храмахъ Греческихъ, устроены хоры. На восточной сторонѣ алтаря полукружіемъ тянется каменный выступъ, скамейка, на которомъ возвышается каменное кресло. Престоги и жертвенники украшены скромно. На престолѣ дарохранительница мраморная очень аляповатой работы. За лѣвымъ клиросомъ, какъ и во всѣхъ Греческихъ храмахъ, устроено Патріаршее мѣсто. Лучшимъ украшеніемъ храма служить плащаница, недавній даръ Россіи. Она виситъ надъ царскими вратами на мѣстѣ образа Тайной вечери. Посреди храма,—есть возвышеніе, въ родѣ каменной большой чаши, на которой очень удобно сидѣть, украшенное крестомъ. Къ этому возвышенію ставятъ свѣчи. Это возвышеніе цѣлуютъ, называя его центромъ, или серединою земли. Основаніемъ названія служитъ библейское изрѣченіе:—«спасеніе содѣлалъ еси посредѣ земли».— Но если основываться на этомъ изрѣченіи, то серединою земли скорѣе можно признать или мѣсто водруженія Креста Господня, т. е. Голгоѳу, — или мѣсто Воскресенія Господня, т. е. гробъ Господень, но никакъ не это мѣсто; серединою же, или центромъ земли, на томъ основаніи, что она есть шаръ, можетъ быть названа рѣшительно каждая точка земли.

Слава Господу! Онъ не отринулъ меня; Онъ удостоилъ меня, поклониться Ему на мѣстѣ Святѣмъ Его, на мѣстѣ Его страданій, смерти и воскресенія. Ему слава во вѣки вѣковъ! День этотъ, четвергъ 14-го Іюня 1890 года, будетъ для меня всегда памятенъ, какъ знаменательнѣйшій день моей жизни.

Въ тотъ же день вечеромъ, чтобы получить право священнодѣйствовать въ Палестинѣ и чтобы исполнить

порученіе одного изъ своихъ прихожанъ, я съ от. Палладіемъ ѣздилъ къ Патріарху, въ его лѣтнее помѣщеніе Катамонъ. Вмѣстѣ съ нами къ Патріарху явился русскій іерусалимскій консулъ съ дѣтьми. Жена консула просила Патріарха позволить пожить въ Яфѣ въ его домѣ и пользоваться его посудой. Патріархъ далъ на это свое позволеніе. Принялъ насъ Патріархъ очень ласково, на свидѣтельствѣ владыки Исидора о не состояніи подъ запрещеніемъ наложилъ резолюцію о разрѣшеніи священнодѣйствовать, и кромѣ того въ субботу общалъ выдать установленную для сего грамоту;—разспрашивалъ о здоровѣ владыки Исидора, восхвалялъ восточную простоту его и митрополита Платона;—жаловался на трудность своего положенія, на то, что турки обижаютъ православныхъ, постоянно вмѣшиваются въ дѣла Іерусалимской церкви, благоволятъ католикамъ;—высказывалъ, что величайшею милостію для него было-бы поселиться въ Сергіевской Лаврѣ, въ какомъ нибудь скиту и умереть подъ покровительствомъ преп. Сергія. Коснувшись случайно о протоіерея В. Я. Михайловскаго, посѣтившаго Палестину въ 1888 году, Патріархъ выразилъ свое неудовольствіе къ нему за его правдивый отзывъ о Греческомъ Іерусалимскомъ духовенствѣ. У Патріарха мы пробыли около часу и отъ него зашли въ его домовую церковь во имя Св. Симеона Богопріимца. Здѣсь намъ указали гробницу блаженнаго старца.

VI.

Посѣщеніе нѣкоторыхъ Іерусалимскихъ монастырей. — Служеніе въ Русскомъ храмѣ въ Геесиманіи. — Посѣщеніе Елеона и гробницъ пророковъ. — Ночь и служеніе у Гроба Господня.

15-е Іюня. Пятница. Стоялъ литургію въ Троицкомъ соборѣ на русскихъ постройкахъ. Храмъ и великолѣпенъ

и простъ. Пѣли только три человѣка подъ руководствомъ А. П. Попова, но пѣли очень стройно и благозвучно.

Пошли-было мы въ храмъ Воскресенія, но онъ оказался запертымъ. Монахи черезъ окошечко объяснили намъ, что храмъ мокутъ, и потому онъ запертъ. Это объясненіе многимъ показалось невѣроятнымъ; многіе изъ частыхъ посѣтителей храма видѣли, что храмъ для мытья никогда не запирали. Нѣкоторые изъ богомольцевъ слышали, что храмъ былъ запертъ потому, что Греки не исполнили во время какого-то денежнаго обязательства къ Туркамъ.

Сходили мы въ Аврааміевскій монастырь, тамъ указали намъ мѣсто жертвоприношенія Исаака. Зашли на Геосиманское подворье, тамъ была указана намъ плащаница, изображающая Успеніе Вожіей Матери. Плащаница эта съ крестнымъ ходомъ выносится 15-го августа въ Геосиманію для поклоненія по подобію выноса плащаницы въ Великій Пятокъ. Зашли въ монастырь—«Большую Панагію». Тамъ намъ было показано рукописное Евангеліе, писанное на кожѣ, времянь Маріи Египетской, частицы мощей преподобной Меланіи, Кирика и Улиты, Омара турка, увѣровавшаго во Христа, но не успѣвшаго креститься и сожженнаго за вѣру, — показывали намъ еще гробницу преподобной Меланіи и пещеру ея. Были потомъ въ монастырѣ св. великомученика Георгія не задолго передъ нашимъ посѣщеніемъ ограбленнаго. 70-ти лѣтній игуменъ, старецъ Аверкій не имѣетъ сана священства. Онъ показалъ намъ частицу мощей св. великомученика Георгія. Затѣмъ, взопли мы на Сіонъ, видѣли кладбище, но объяснить значеніе видѣннаго намъ было некому, и мы все равно что ничего не видѣли.

Вечеромъ въ 4 часа я служилъ вечерню и утреню на русскихъ постройкахъ въ Троицкомъ Соборѣ.

16-го Іюня. Суббота. Я служилъ литургію въ русской церкви Маріи Магдалины, въ Геосиманіи. Вышли мы изъ

дому въ 5 часовъ утра и пошли съ псаломщикомъ Константиномъ Антоновичемъ Котлинскимъ. Шли по большей части вдоль стѣнъ. Издали видѣли мечеть Омара на мѣстѣ храма Соломонова. Вошли сначала въ Греческій подземный храмъ, маленькій; посрединѣ спуска на площадкѣ, на пути въ Греческій Геосиманскій храмъ, показали намъ гробницу Іоакима и Анны, а надѣе Обручника Пресвятыя Дѣвы Іосифа. Геосиманскій Греческій храмъ содержится небрежно, грязно, стѣны и потолокъ положительно черны отъ копоти. Надъ гробницею Богородицы возвышается часовня вродѣ кувукліи надъ гробомъ Христа Спасителя. Гробница служить престоломъ; на немъ красиво стоятъ нѣсколько вазъ съ искусственными цвѣтами, какъ и надъ Гробомъ Господнимъ въ храмѣ Воскресенія; сверху горитъ нѣсколько лампадъ.

На пути въ Геосиманію показанъ былъ камень, на которомъ Христосъ Спаситель говорилъ о кончинѣ міра и о разрушеніи Іерусалима.

Русскій храмъ Св. Маріи Магдалины въ Геосиманіи красивъ и снаружи и изнутри. Небольшой, въ русскомъ стилѣ, пятиглавый, чистенькій, свѣтленькій. Иконостасъ изъ бѣлаго мрамора, полъ изъ сѣраго мрамора, иконы новаго письма, ласкающаго взгляда. Надъ царскими вратами, надъ тайною вечерію, находится картина: «Марія Магдалина стоящая съ яйцомъ предъ императоромъ Тиверіемъ». Жертвенникъ и ризница находятся въ особыхъ комнатахъ, отдѣленныхъ отъ алтаря каменными стѣнами съ проходными арками. Антиминсъ обшитъ плитою. Таковъ обычай во всѣхъ видѣнныхъ нами Палестинскихъ церквахъ съ антиминсами Патріаршаго священія. На антиминсахъ, кромѣ обычныхъ у насъ изображеній, есть еще изображеніе — «кувукліи», — т. е. часовни надъ гробомъ Господнимъ. Надпись сдѣлана сверху и снизу, а не вокругъ. Антиминсъ темно-краснаго

цѣта, матерія крѣпкая, плотная, близкая къ шелку, но не шелковая.

По окончаніи Литургіи пошелъ я на Елеонъ въ домъ, выстроенный для себя о. іеромонахомъ Русской духовной миссіи—Парееніемъ. Былъ и въ Елеонскомъ храмѣ. Около храма есть какой-то камень, обнесенный желѣзною рѣшоткою съ крестомъ вверху. Камень чѣмъ-то замѣчательнъ,—но чѣмъ объяснить этого мнѣ никто не могъ. Въ храмѣ въ полу есть много мозаичнаго пола, бывшаго въ древнемъ храмѣ на этомъ мѣстѣ. Эта древняя мозаика вложена въ новый полъ крестообразно. Мнѣ показано было мѣсто, съ котораго въ ясную погоду бывають видны Іорданъ и Мертвое море. Вдали былъ туманъ, посему мы только чуть-чуть видѣли Мертвое море. Іорданъ-же не былъ видѣнъ. Мнѣ объяснили, что при такомъ туманѣ онъ не бываетъ видѣнъ даже и съ колокольни. Частію посему, а частію боясь головокруженія, я не пожелалъ взобраться на высочайшую въ Палестинѣ Елеонскую колокольню. Величественъ съ Елеона видъ на св. градъ Іерусалимъ.

На пути отъ Елеона въ Геесиманію намъ показанъ былъ камень, на которомъ будто-бы спали св. Апостолы во время молитвы Господа въ саду Геесиманскомъ.

Обошелъ я затѣмъ принадлежащій католикамъ Геесиманскій садикъ. Онъ обнесенъ рѣшоткою, за которою видны маслины, кипарисъ и другія растенія. Эта рѣшотка обнесена другою рѣшоткою,—изъ этихъ двухъ рѣшотокъ образуется какъ-бы корридорчикъ. Въ этихъ корридорчикахъ въ нишахъ помѣщены, числомъ 14, рельефныя изображенія страданій Христа Спасителя: — возложеніе терноваго вѣнца, объявленіе приговора, несеніе креста и пр.

Былъ въ мечети, гдѣ намъ показали камень, съ котораго будто-бы Спаситель вознесся на небо. На камнѣ замѣтенъ слѣдъ, какъ-бы отъ человѣческой стопы. Мечеть

обнесена каменною оградю, — сзади ея въ полукружіи ограды устроены каменные престолы: большой православный, поменьше католическій, потомъ армянскій, коптскій. На этихъ престолахъ однажды въ годъ турки позволяютъ совершать Богослуженіе.

Быль въ пещерѣ преподобной Пелагіи, видѣлъ покрытую краснымъ покрываломъ ея гробницу.

Быль затѣмъ въ пещерахъ пророковъ Іереміи и Захаріи. Входъ въ нихъ очень тѣсенъ, нужно пролѣзть, а не входить. Но въ самыхъ пещерахъ можно ходить не согнувшись. Ходили мы со свѣчами. Пещеры эти широкіе корридоры, стѣны и потолки въ нихъ какъ бы оштукатурены; есть въ нихъ и боковые корридоры, отчего не зная и въ потемкахъ, въ нихъ не трудно заблудиться. По стѣнамъ пещеръ внизу, много какъ бы пробоинъ, нишъ; это древніе гробы или могилы: въ нихъ вкладывали, или точнѣе вдвигали тѣла умершихъ.

Ночь на 17-е іюня провелъ я вмѣстѣ съ о. Палладіемъ у гроба Господня. На немъ совмѣстно съ Греческимъ духовенствомъ мы намѣрены были совершить Божественную литургію. Явились мы по наказу Греческихъ святогробскихъ монаховъ въ 6 часовъ вечера, между тѣмъ, какъ при насъ храмъ Воскресенія еще часа два не запирался. Съ 6-ти часовъ вечера и до 12-ти ночи, т. е. до времени обычнаго начала утрени мы бодрствовали при храмѣ Воскресенія: — на Голгоѣ я прочиталъ акаѣистъ страстямъ Господнимъ, а предъ гробомъ Господнимъ акаѣистъ живонаначальному гробу и Воскресенію и ко причащенію Св. Тайнъ.

При насъ, по запорѣ храма, греки на Голгоѣ совершили повечеріе. Служащій іеромонахъ только для кажденія во время канона надѣлъ эпитрахиль, а остальное время былъ безъ эпитрахили. Канонъ весь сполна и тропари и ирмосы пѣли. Во время кажденія іерсмонаху предшество-

валъ со свѣчею и дѣйствовалъ по діаконски простой монахъ-пономарь.

Утреню въ храмѣ Воскресенія служили при весьма бѣдной обстановкѣ:—въ средней части храма горѣло всего только двѣ или три лампы, — а въ алтарѣ только на престолѣ одна свѣча,—по всему храму царствовалъ убогій мракъ. Утренняя началась съ полунощницы;—для кажденія на канонѣ полунощницы облачился іеродіаконъ, онъ и совершилъ каждене, и тотчасъ же разоблачился. — Всю остальную часть службы іеромонахъ совершалъ одинъ и въ одной эпитрахили, — фелонъ одѣвалъ онъ только для чтенія евангелія. Евангеліе читали и по русски и по гречески, по русски читалъ не служащій іеромонахъ въ одной эпитрахили. Канонъ, такъ-же на повечеріи и на полунощницѣ ирмосы и тропари пѣли сполна, на два клироса, по одному человѣку на клиросѣ. Только кое-что пѣли хоромъ человѣкъ 10, — но это пѣніе было не особенно пріятно: монотонно, крикливо. Каѳизмы читали по русски,—и нынѣ... аллилуіа... и пр. также; на каждой славѣ отвѣчалъ чтецу каѳизмы другой чтецъ речитативомъ. Замѣчательныхъ эктеній сугубой и просительной не было, спуста тоже не было.

Въ началѣ пѣнія канона, мы въ числѣ шести чело-вѣкъ, священники и іеромонахи, читали входное. Тутъ мое вниманіе остановилось на слѣдующей замѣчательной особен-ности Греческой Іерусалимской церкви: по прочтеніи молитвъ всѣ мы поклонились до земли Патріаршему мѣсту; эта особенность намъ показалась тѣмъ болѣе рѣзкою, что лобыз-аніе святыхъ иконъ обходилось вовсе безъ поклоновъ и даже безъ особаго крестнаго знаменія предъ каждою ико-ною, и за однимъ крестнымъ знаменіемъ для всѣхъ иконъ. Служавшій съ нами Архіепископъ Даниилъ совершилъ входныя молитвы одинъ и даже безъ діакона послѣ насъ.

Никакой торжественной встрѣчи Архіерею не было. Облачался онъ по просту въ алтарѣ.

Во время пѣнія часовъ мы, служащіе литургію іеромонахи и священники, со Архіереемъ во главѣ, вышли на площадку, и стали въ обычномъ порядкѣ предъ кувукліемъ. Здѣсь послѣ пѣнія окончанія часовъ (часы у грековъ поются, а не читаются) и обычныхъ для начала литургіи молитвъ, Архіерей благословилъ всѣхъ насъ однимъ общимъ благословеніемъ и затѣмъ протянулъ впередъ свою руку и каждый изъ насъ шести священниковъ и двухъ іеродіаконовъ долженъ былъ подойти къ ней и поцѣловать ее.

Литургію пѣли то по русски, то по гречески. По русски пѣла сборная братія изъ богомольцевъ, и это пѣніе было несравненно лучше пѣнія греческаго святогробскаго монашескаго братства. Апостолъ и Евангеліе читали и по русски и по гречески. Чтецы Апостола — одинъ въ скюртукѣ, другой въ пальто — предварительно, во время пѣнія трисвятаго, вошли въ кувуклій, единственными дверями, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ служили и царскими, пали въ ноги архіерею и приняли отъ него благословеніе. Этотъ входъ въ алтарь и выходъ изъ него двухъ различно одѣтыхъ свѣтскихъ лицъ показался мнѣ очень страннымъ. Евангеліе читали діаконы; ихъ всего только и было двое, они и діаконствовали и иподіаконствовали и всѣ эктеніи говорили или съ дикиріемъ или съ трикиріемъ въ рукахъ.

Престоломъ служилъ камень, на которомъ сидѣлъ Ангелъ при Воскресеніи Господа, на немъ была положена приличнаго размѣра доска и одѣта по престольному, лежалъ антиминсъ, обшитый илитонемъ, и евангеліе нижнею доскою вверхъ, креста-же не было, а между тѣмъ посохъ архіерейскій во все время службы лежалъ на престолѣ.

Послѣ малаго входа вспоминали только одного патріарха. На великомъ входѣ (его совершили вокругъ кубулы) одинъ изъ священниковъ несъ чашу — другой яцацу, третій копіе, четвертый губку, пятый митру. Архіерей съ дискосомъ въ рукахъ поминалъ по запискѣ (по заказу) живыхъ, а съ потиромъ въ рукахъ по запискѣ же умершихъ. Послѣ херувимской пѣсни возгласы: «щедротами» — «побѣдную пѣснь», — «Твоя отъ твоихъ», — «изрядно о Пресвятѣй» — «и даждь намъ Владыко», — «и сподоби насъ Владыко», — «яко Твое есть царство» говорили не архіерей, какъ принято это у насъ, а священники и іеромонахи по очереди. Молитву предъ причащеніемъ «вѣрую Господи и исповѣдую»... мы, по настоянію сослужащихъ намъ іеромонаховъ и іеродіакона грековъ, должны были прочитать раньше преподанія св. Даровъ. Данную намъ частицу св. Агнца мы должны были употребить тотчасъ же по принятіи ея изъ рукъ архіерея. Къ этому греческому обряду, мы русскіе были не подготовлены, каждый изъ насъ намѣревался принять св. Тайны по русскому обряду, но архіерей побуждалъ каждого изъ насъ принять св. Тайны, вслѣдъ за принятіемъ ихъ изъ его рукъ.

Служеніе все вообще совершалось торопливо и безпорядочно. Архіерей то торопилъ пѣвчихъ, то перебивалъ ихъ и запѣвалъ самъ новыя священныя пѣсни, то разговаривалъ со служащими, то подсказывалъ мнѣ безъ всякой нужды, то понукалъ пѣвчихъ, то ворчалъ на нихъ и даже топалъ ногами, грозилъ кулаками. Неумѣстная во всякомъ храмѣ, при всякомъ богослуженіи и тѣмъ болѣе при совершеніи божественной литургіи и въ особенности не желательная на такомъ дорогомъ для каждого христіанина мѣстѣ торопливость и суетливость съ переговорами, понуканіями и перебранкою вызывали въ душѣ тяжелое недовольство, и лишали всякой возможности поддерживать въ себѣ молитвенное настроеніе. Это-ли тѣ дорогія ми-

нуты, ради которыхъ принято далекое, дорогое и трудное путешествіе и о которыхъ я долженъ былъ съ благоговѣніемъ вспоминать во все остальное время своей жизни! Послѣ литургіи снова вышли мы на площадку предъ кулуаріемъ. Съ нами вмѣстѣ вышли четыре іеромонаха. Архіерей каждому изъ нихъ выдалъ (бралъ съ блюда) эпитрахиль. Они стали сзади насъ, во второй рядъ. Началась панихида. Архіерей зорко слѣдилъ затѣмъ, чтобы никто изъ насъ не принималъ и не читалъ поминающія стороннихъ лицъ, которыя по временамъ намъ совали съ боковъ. Поминали только тѣхъ, кто впередъ заявилъ объ этомъ и внесъ по положенію, т. е. по 5 к. съ имени, за помянутое на обѣднѣ и на панихидѣ.

Началась служба въ двѣнадцать часовъ, а кончилась въ четыре. Послѣ службы вмѣстѣ съ архіереемъ мы пили кофе у Святогробскаго братства. Архіерей чрезъ переводчика спросилъ меня:—бываль-ли я когда нибудь за такую продолжительною службою, и не усталъ-ли?—Я, нисколько не стѣсняясь, отвѣталъ ему чрезъ того-же переводчика, что меня истомила не продолжительность богослуженія; что мнѣ приходилось и выстаивать и самому совершать болѣе продолжительныя службы; что у живоначальнаго гроба Господня я съ большимъ удовольствіемъ простоялъ бы и еще дольше, — но меня истомили безпорядокъ и суетливость во время Богослуженія и отсутствіе всякаго благоговѣнія въ служащемъ у гроба Господня греческомъ клирѣ. Въ Россіи я не только никогда не видѣлъ, но даже не представляю себѣ возможности видѣть что либо подобное. Никто не возразилъ мнѣ на это ни слова.

Непріятно въ храмѣ Воскресенія Христова и то, что одновременно съ православными на своихъ престолахъ совершаютъ утреню армяне, копты, католики. Ихъ крики и звукъ органа непріятно рѣжутъ слухъ православныхъ. Крикливость католиковъ особенно поразительна: — бого-

кольцевъ у нихъ нѣтъ, вся ихъ община въ Іерусалимскомъ храмѣ состоитъ изъ однихъ священнослужащихъ (человѣкъ десять), они служатъ только для себя, ихъ никто не слушаетъ, съ ними никто не молится,—но они кричатъ очень громко. Себя-ли они тѣшатъ своимъ крикомъ, ми-же хотятъ во время самой молитвы кольнуть православныхъ, растроить ихъ, вызвать въ нихъ богѣзвенныя чувствованія? —Суди ихъ за это Господь!

VII.

Путешествіе къ дубу Мамврійскому.—Посѣщеніе Вилеема.—Служеніе на гробѣ Богоматери въ Геесиманіи и служеніе на Голгоѣ.

Того-же 17-го Іюня, въ воскресенье, въ пять часовъ вечера, отправились мы въ фургонѣ, запряженномъ тройкою, въ Хевронъ, къ дубу Мамврійскому. Фургонъ былъ нанятъ туда и обратно, съ обязательствомъ заѣхать въ Вилеемъ, за 8 руб. 50 коп. Поѣхало насъ пятеро: я о. Палладій, г. Щеголевъ и двѣ послушницы кievскаго Покровскаго монастыря; я взялъ ихъ съ собою на свой счетъ для того, чтобы онѣ пропѣли литургію у дуба. На пути видѣли мы Ильинскій монастырь. Соломоновы пруды, подлѣ нихъ что-то въ родѣ крѣпости, и католическую школу. Путь гористый, но дорога хорошая, шоссе, горы срѣзаны, выровнены, крутыхъ подъѣмовъ нѣтъ нигдѣ. Виды горъ около Хеврона прелестны. Горы лѣстницами, издали и вечеромъ онѣ кажутся городами,—въ долинахъ красуются маслины и виноградники. Лошади у насъ были, хотя и не крупныя, но сытыя. Кучеръ-же нашъ по привычкѣ ѣхалъ шагомъ. Приѣхали мы въ Хевронъ въ 10 часовъ вечера. Подвезли насъ къ какой-то гостинницѣ,—оказалось, что это не русскій страннопріимный домъ, выстроенный о. Антониномъ, гдѣ съ его позволенія мы намѣревались пріютиться; поэтому

мы поѣхали дальше, къ другой гостинницѣ. Здѣсь намъ объяснили, что къ дубу и страннопріимному дому подъѣхать нельзя, что туда можно пройти пѣшкомъ. За проводы съ насъ запросили 30 копѣекъ. Одинъ изъ насъ за протестовалъ противъ этой цѣны, и мы по его настоянію пошли одни безъ провожатаго по указанному направленію, но скоро пожалѣли о своей грошевой расчетливости. Сами мы дороги не знали, спросить о ней по незванію языка не умѣли; да и спрашивать-то было почти не у кого. Съ закатомъ солнца (около 8 часовъ вечера) въ Палестинѣ прекращалась всякая уличная дѣятельность—и въ 10 часовъ вечера тамъ тоже что полночь. Это то мы и опустили изъ виду, рѣшившись идти одни. Едва, едва напали мы на двухъ арабовъ, кое-какъ растолковали имъ свою нужду и убѣдили ихъ проводить насъ. Долго они требовали съ насъ,—*бакшишъ* впередъ. Шли мы за ними глухою мѣстностью, между каменистыми оградами, и боялись, чтобы они куда нибудь не завели насъ и не ограбили. Однако мы пришли на мѣсто въ одиннадцать часовъ.

18-го Іюня. Понедѣльникъ. Утромъ осматривали мы мѣстность. Великъ Мамарійскій дубъ только въ нижней своей части,—въ объѣмѣ; много (штукъ 5—6) громаднѣхъ вѣтвей отвалилось отъ него, и онъ представляетъ изъ себя кривую развалину—громadный пенъ, со множествомъ отвалившихся и отпиленныхъ вѣтвей—съ двумя, или тремя вѣтвистыми суками съ одной стороны. Около него сдѣлана насыпь, которая обнесена каменною стѣною въ аршинъ вышины,—и дубъ представляется стоящимъ какъ бы въ громадной каменной кадкѣ. Дня за три до нашего пріѣзда отвалился отъ дуба громадный сукъ, и мы, благодаря этой случайности, взяли отъ него на память для себя нѣсколько вѣточекъ;—срывать вѣточки на память богомольцамъ вообще не позволяется.

У дуба, подъ открытымъ небомъ, я совершилъ божест-

венную литургію. Антиминсъ напомнилъ мнѣ дорогое отечество, онъ освященъ С.-Петербургскимъ Митрополитомъ Антоніемъ. Пѣли и читали за литургією двѣ послушницы, а молящимися были г. Щеголевъ и о. Палладій.

Напившись чаю часовъ въ восемь утра, отправились мы пѣшкомъ до большой дороги. Долго ждали своего возницы, и выѣхали изъ Хеврона въ половинѣ 11-го часа. Назадъ ѣхали скорѣе.

Въ три часа дня пріѣхали мы въ Виелеемъ. Виелеемъ издала красивъ, а внутри, какъ и всѣ азіатскіе города, чрезвычайно грязенъ. Улицы узкія, дорога рытвинами.

Вошли мы въ храмъ, выстроенный на мѣстѣ вертепа, въ которомъ родился Христосъ Спаситель. Верхній храмъ обширенъ и благоустроенъ, но только безъ роскоши. Одна половина храма — сѣверная принадлежитъ католикамъ, южная православнымъ. Есть даже непривычная для храмовъ простота:—стропила на виду, потолка нѣтъ, подъ черепичною крышею видна деревянная обшивка, ничѣмъ не крашеная. Въ нижней части храма — вертепъ, — онъ уже совершенно въ землѣ, ступень на 12 ниже поверхности. Сѣверная часть его принадлежитъ католикамъ, а южная православнымъ. Мѣсто рожденія Господа у Восточной стѣны обозначено металлическою, серебряною, или посеребренною звѣздою; надъ этою звѣздою находится престолъ и надъ нимъ виситъ множество лампадъ. На противоположной стѣнѣ, западной, указывается мѣсто, гдѣ были ясли, въ которыхъ былъ положенъ Богомладенецъ Христосъ Спаситель. Мѣсто это обложено мраморомъ, надъ нимъ, какъ и надъ вертепомъ находится множество лампадъ. Виелеемскій митрополитъ Спиридонъ, при нашемъ участіи, пропѣлъ намъ краткій молебенъ, возложивъ на себя предъ тѣмъ краткій омофоръ.

Послѣ молебна митрополитъ повелѣлъ насъ къ себѣ и по пути завелъ въ придѣлъ, который замѣняетъ со-

бою приходскую церковь. Этотъ придѣлъ очень бѣденъ: иконы грубой работы, простѣнки въ иконостасахъ окрашены синеватою краскою, царскія врата тоже и на нихъ нѣтъ никакихъ священныхъ изображеній.

Митрополитъ по обычаю угощалъ насъ ракею, вареньемъ и кофе. Между прочимъ онъ спросилъ меня: доволенъ ли я тѣмъ высокимъ счастьемъ, которымъ Господь удостоилъ меня,—и то ли получилъ, что ожидалъ? Я откровенно высказалъ митрополиту о замѣченныхъ мною недостаткахъ въ служеніи Іерусалимскаго духовенства и митрополитъ согласился со мною.

Пробыли мы у митрополита около получаса и затѣмъ, закупивши въ одной изъ лавокъ нѣсколько образковъ и крестиковъ, выѣхали изъ Виедеема и въ половинѣ шестаго часа благополучно прибыли въ Іерусалимъ. Въ тотъ же день я ходилъ къ Гевсиманскому и Святигробскому игуменамъ съ просьбою о разрѣшеніи служить.

19-ю Іюня. Вторникъ. Совершилъ раннюю литургію на гробѣ Богоматери. Гробъ служилъ престоломъ,—надъ нимъ 27 лампадъ католическихъ и православныхъ; на немъ у задней стѣнки шесть фарфоровыхъ красивыхъ вазъ съ металлическими цвѣтами, изъ нихъ три съ золотыми, и три съ серебряными. Евангеліе читалъ я одинъ сначала на славянскомъ, потомъ на греческомъ языкѣ. На проскомидіи и на Херувимской пѣсни меня заставили окадить всю церковь. Во все время совершенія мною литургіи, рядомъ со мною, у гроба стоялъ какой-то свѣтскій грекъ и смотрѣлъ на мое священнодѣйствіе. вмѣсто причастна греки пропѣли панихиду.

Вино для литургіи у грековъ употребляется желтоватаго цвѣта, горьковатое,—что-то въ родѣ сотерна.

Изъ Геесиманіи возвращался домой другимъ путемъ:—вдоль потока Кедрскаго; видѣлъ гробницу Авессалома, и маслину, обдѣланную у корня камнемъ на подобіе дуба

Мамврійскаго, подъ которою по преданію былъ перепиленъ пророкъ Исаія. Видѣлъ новую русскую постройку близъ Храма Воскресенія, — постройкою будутъ окружены древнія ворота, по преданію судныя, чрезъ которыя веденъ былъ на Голгоу Христось Спаситель. Видѣлъ издали мечеть Омара и мечеть на мѣстѣ храма Соломона.

20-го Іюня. Среда. Снова ночевалъ въ храмѣ Воскресенія. Господь удостоилъ меня совершить божественную литургію на Голгоескомъ престолѣ совмѣстно съ греческимъ іеромонахомъ и іеродіакономъ. Я первенствовалъ; антифоны и блаженства пѣли поляѣ, чѣмъ у насъ. Евангеліе іеродіаконъ читалъ на греческомъ языкѣ, а я на славянскомъ. Возгласы послѣ Херувимской пѣсни дѣлились между мною и іеромонахомъ, какъ и при Архіерейскомъ служеніи. Молитву «Вѣрую Господи и исповѣдую» также требовалось прочесть, какъ при Архіерейскомъ служеніи, — до взятія въ руки частицы Св. Агнца, но я не подчинился этому обычаю и причастился по русски. Антидора и запивки опять какъ при Архіерейскомъ служеніи, священно-служителямъ не полагалось. Утреню одновременно съ греками опять служили католики, на своихъ престолахъ и армяне и копты. Послѣ литургіи меня пригласили въ трапезу и угощали ракіемъ, вареньемъ и кофе.

VIII.

Путешествіе къ Іордану. — Пребываніе въ Іерихонѣ. — Молебень и купанье въ Іорданѣ. — Путь отъ Іордана къ Горѣ Соблазна и въ монастырь Георгія Хозевита. — Возвращеніе въ Іерусалимъ и посѣщеніе Горней.

Въ 4 часа вечера того же 27-го Іюня въ сообществѣ восьми человекъ богомольцевъ въ сопровожденіи шейха, каваса и хозяина лошадей, верхами на лошадяхъ отпра-

вились мы изъ Іерусалима къ Іордану, Кавасъ и шейхъ были наняты для насъ на нашъ счетъ консульствомъ за 9 р, лошади по 3 рубля за штуку. На пути видѣли мы Геесиманію, Елеонъ съ его постройками, въ сторонѣ Виванію, затѣмъ одно арабское селеніе, одинъ ханъ или кофейню въ 10-ти верстахъ отъ Іерихона, и только. Путь шелъ горами по большей части совершенно голыми, по вновь устраиваемому шоссе; мостовъ по этой дорогѣ нигдѣ еще нѣтъ, и потому колесная ѣзда по ней не открыта. Растительность встрѣчалась очень рѣдко. Въ одномъ мѣстѣ на пространствѣ около полуверсты, дорога шла надъ пропастью. Страшно было взглянуть внизъ. Эта дорога меня сильно истомила: я тридцать лѣтъ не садился верхомъ на лошадь, при быстрой ѣздѣ меня сильно трясло, сѣдло не отличалось удобствомъ, и лошадь меня не слушалась:—заскачетъ, мнѣ ее не остановить; пойдетъ шагомъ и далеко отстанетъ отъ другихъ, мнѣ не заставить ее бѣжать; пойдетъ по краю пропасти, мнѣ ее не отвернуть. Приѣхали мы въ Іерихонъ въ 10-ть часовъ вечера, тамъ уже спали. На открытомъ воздухѣ было пріятно,—не жарко, и не прохладно, но въ комнатѣ отъ дневнаго жара еще не остыло, въ ней было душно, что-то около 25 градусовъ. Іерихонъ, мѣсто обращенія мытаря Закхея, упоминаемый потомъ въ притчѣ о милосердномъ Самарянинѣ, по мѣстному названію—Риха, состоитъ изъ трехъ гостинницъ для поклонниковъ и нѣсколькихъ убогихъ лачужекъ—бедуиновъ. Изъ гостинницъ одна устроена о. Антониномъ; это большой двухъэтажный каменный домъ, въ которомъ безъ стѣсненія могутъ расположиться человѣкъ 100, а поклонниковъ на праздникъ Крещенія собирается тамъ до двухъ тысячъ.

21-го Іюня. Четвергъ. Утромъ въ 4½ часа поѣхали мы къ Іордану. Путь былъ ровный, изрѣдка покрытый терновникомъ. На пути заѣхали мы въ монастырь Св. Іоан-

на Предтечи. Монастырь, какъ и всѣ монастыри Палестины, — очень маленький. Постройка новая, каменная; выстроенъ онъ квадратомъ. Церковь небольшая, человѣкъ на сто, чистенькая. Мы попросили игумена прислать на Іорданъ водосвятную чашу. На Іорданѣ я отслужилъ молебень. Затѣмъ всѣ мы выкупались въ Іорданѣ. Теченіе очень быстро, дно усьяно кругловатымъ камнемъ, вода теплая, бѣловатая, но пріятная на вкусъ; я съ удовольствіемъ и пилъ ее, и полоскалъ ею ротъ. Со дна Іордана я набралъ себѣ на память 12-ть камешковъ. Четверо изъ насъ, въ томъ числѣ и я, поѣхали назадъ въ Іерихонъ, а четверо поѣхали къ Мертвому морю и въ монастырь Преи. Герасима. Въ Іерихонѣ мы отдыхали до 4-хъ часовъ вечера. При русскомъ страннопріимномъ домѣ находится порядочный садъ. Лакомились мы плодами винограда (зрѣлаго было немного и ѣсть его было можно только по выбору); видѣли ягодичину, лимоны, гранаты, сахарные стручки, — послѣдніе уже перезрѣли. Въ 4½ часа дня мы выѣхали. Согласились заѣхать къ горѣ Сорокадневной, или Соблазна, и въ монастырь Св. Георгія Хозевита. Сорокадневная гора составляетъ одну изъ цѣлой цѣпи горъ. Она, какъ и другія, рядомъ съ нею лежащія, очень высока. На половинѣ ея, люди кажутся карликами. Я, боясь головокруженія, не поднимался на гору, а остался внизу, и выкупался въ небольшомъ быстромъ ручьѣ, не болѣе аршина ширины и полъ аршина глубины. Вода чистая, прохладная, пріятная. Ручеекъ этотъ называется источникомъ Елисея. Четверо-же изъ насъ восходили на гору; посреди ея въ отвѣсѣ скалы устроенъ маленький монастырекъ съ церковію. Онъ вырубленъ въ скалѣ, отъ него снизу только видны маленькія оконца. Путь къ монастырю—узкая тропинка (двоимъ рядомъ, идти нельзя), зигзагами, частію по склону, а частію по отвѣсу горы.

Отъ горы Соблазна поѣхали, а я пошелъ (и къ счастью) къ монастырю Св. Георгія Хозевита, устроенному на мѣстѣ явленія Ангела Богоотцу Іоакиму. Тяжелъ былъ этотъ путь, долго онъ будетъ для меня памятенъ. Часа полтора не меньше мы шли между горами, по склону, дорога узкая, тропинка въ аршинъ ширины не больше, надъ дорогою высокія скалы, часто отвѣсомъ, внизу пропасть; мѣстами она лѣстницею, громадными и неправильными ступенями, то поднималась, то опускалась, такъ что приходилось часто не идти, а ползти на четверенькахъ. Жутко было проходить этимъ путемъ, но слава Богу, все это пережилося; усталые, измокшіе отъ пота до послѣдней нитки, часовъ въ 11-ть ночи добрались мы наконецъ до монастыря. Монастырь этотъ верхъ труда и подвижничества: площадь монастыря вырублена по срединѣ скалы, вверхъ—скала отвѣсомъ, внизъ—пропасть. Стѣны облицованы камнемъ, обыкновенною въ Іерусалимѣ кладкою. Въ монастырѣ двѣ церкви; надъ одною изъ нихъ устроены изъ камня куполь и колокольня, а надъ ними полукругомъ виситъ скала. Въ монастырѣ вмѣстѣ съ игуменомъ девять человѣкъ братіи. Есть двѣ комнаты Патріаршія, и для помѣщенія насъ 11-ти пришельцевъ нашлось двѣ комнаты. По разсказу игумена Каллиника, такъ же, какъ и въ Іерусалимскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, неимѣющаго священнаго сана, монастырь основанъ 1300 лѣтъ тому назадъ; 700 лѣтъ тому назадъ онъ былъ разграбленъ и заброшенъ, а нынѣ съ благословенія Патріарха Никодима на жертвы добрыхъ людей, онъ снова устраивается. Радужно приняла насъ братія; мы пили чай и ужинали. Хорошо въ особенности былъ арбузъ изъ монастырскаго сада. Такого сладкаго и сочнаго арбуза мнѣ никогда ѣсть не приходилось. Подкрѣпившись и отдохнувши до 3-хъ часовъ утра, мы выѣхали изъ монастыря, на хорошую дорогу, и безъ вся-

кихъ приключеній въ девять часовъ утра прибыли въ Іерусалимъ.

Остатокъ дня проведенъ былъ въ отдыхъ. Вечеромъ хотѣлъ было я сходить въ баню, но это оказалось невозможнымъ, потому что въ Іерусалимѣ до полудня пользуются торговыми банями мужчины, а послѣ полудня женщины.

23-го Іюня. Суббота. Утромъ ходилъ въ баню; полканѣтъ, о паренъ не имѣютъ понятія; полъ мраморный, скользкій, безъ деревянныхъ подошвъ ходить нельзя. Моются прямо на полу; вода одна теплая, она служитъ и для омовенія и для качиванія.

Въ три часа дня я и о. Палладій на ослѣ (по рублю за штуку въ оба конца) отправились въ селеніе Горнюю, мѣсто жительства Пророка Захаріи, свиданія Пресвятыя Дѣвы съ Праведною Елизаветою и рожденія Предтечи. 24-го Іюня, день своего храмова приходскаго праздника, я счелъ приличнымъ провести въ этомъ именно мѣстѣ. На пути въ Горнюю мы видѣли небольшой Греческій монастырь, называемый крестнымъ, на этомъ мѣстѣ по преданію произросло древо креста. Всѣ знаменательныя мѣста Горней находятся во власти католиковъ, на этихъ мѣстахъ у нихъ имѣются монастыри. Въ Горней о. Антонинъ куплено мѣсто, разведенъ садъ, и имѣются два дома, одинъ выстроенъ, а другой купленъ готовый. Тутъ же выстроена церковь во имя Рождества Предтечи, храмъ небольшой, красивъ снаружи и очень благолѣпенъ внутри. Тутъ же, съ позволенія отца Антонина, живутъ поклонницы монахини и бѣлицы, — живутъ своими средствами, въ домикахъ или самими ими выстроенныхъ, или купленныхъ. Хлопочутъ онѣ объ учрежденіи здѣсь русскаго женскаго монастыря. До Горней мы ѣхали часа полтора, ѣхали спокойно. Вообще, на ослѣ ѣхать гораздо спокойнѣе, чѣмъ на лошади.

Въ Горней мы втроемъ я, о. Палладій и о. Ѳеодосій, богомолецъ, прѣзжающій въ Іерусалимъ уже пятый разъ, и нынѣ частнымъ образомъ исполняющій при духовной миссіи обязанности [проповѣдника, служили всенощную,

24-го Іюня. Воскресенье. Въ Горней же, о. Антоній, я, о. Палладій, о. Ѳеодосій и о. Георгій, мѣстный священникъ изъ арабовъ, въ семь часовъ утра совершили Божественную литургію и отслужили молебенъ. Затѣмъ, мы угощались чаемъ, ракіей и фруктами. Купилъ я себѣ на память пять иконъ свиданія Пресвятой Дѣвы съ праведною Елизаветою; монахиня Рахиль подарила мнѣ четки. Часовъ въ 11-ть дня мы отправились въ обратный путь. Хотѣли зайти въ храмъ католическаго монастыря на мѣстѣ Рождества Предтечи, но онъ, по случаю обѣденнаго времени, оказался запертымъ. Зашли потомъ къ мѣстному священнику. Живетъ очень бѣдно, въ большой тѣснотѣ и грязи. Занимаетъ всего одну только комнату сажень 7-мъ квадратныхъ. Семейство у него громадное:—слѣпой старикъ отецъ-священникъ, жена, замужняя дочь брошенная мужемъ съ двумя малолѣтними дѣтьми, и четверо своихъ малолѣтнихъ дѣтей, одинъ грудной и старшему лѣтъ одиннадцать. Жалованье получаетъ онъ отъ Патріарха, по двѣ лиры въ мѣсяцъ.

Въ половинѣ перваго часа мы прибыли въ свой пріютъ на русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ.

IX.

Послѣдній день въ Іерусалимѣ:—похороны въ Іерусалимѣ, Сіонъ и Армянская Патріархія, служеніе на Елеонѣ, прощаніе съ храмомъ Воскресенія, съ Патріархомъ, отъѣздъ изъ Іерусалима,—возвращеніе въ Яффу.

Хотѣлъ было посѣтить мечеть Омара и мечеть на мѣстѣ храма Соломонова. Меня увѣрили нѣкоторые бывалые богомольцы, что это можно сдѣлать очень просто, заплативъ нѣсколько паричекъ бакшиша. Но на дѣлѣ это оказалось не такъ просто. Нужно было черезъ Русскаго Консула получить разрѣшеніе Паши (что вдругъ сдѣлать нельзя) и внести за право входа за одного ли, или за нѣсколько человѣкъ, 5-ть рублей платы. На другой же день мною и другими богомольцами предполагалось уже и выбыть изъ Іерусалима; посему, объ осмотрѣ этихъ мечетей нечего было и думать. Рѣшился я осмотрѣть Сіонъ и мечети только снаружи. Съ однимъ изъ богомольцевъ я и отправился на Сіонъ. Случайно наткнулись мы на жалкую греческую похоронную процессію:—впереди несли небольшой запрестольный крестъ и по бокамъ два фонаря. Эти крестоносцы, молодые люди, были въ обычныхъ у грековъ цвѣтныхъ грязныхъ, вылинявшихъ, мятыхъ, чуть не рваныхъ стихаряхъ, съ фесками на головахъ и босикомъ; за тѣмъ шли три священника, или іеромонаха также въ грязныхъ зеленоватыхъ старенькихъ ризахъ и что то пѣли въ полголоса своимъ обычнымъ распѣвомъ; потомъ человѣкъ шесть несли на носилкахъ грубой плотничьей работы черный гробъ, покрытый старымъ чернымъ, чуть ли не суконнымъ, покровомъ; свади шла толпа человѣкъ въ тридцать провожатыхъ мужчинъ и женщинъ. Принесли гробъ къ могилѣ и поставили съ носилками на землю. Крестоносцы вмѣстѣ съ фонарями и крестомъ куда-то

ушли, священники пропѣли литію, тѣло облили масломъ и посыпали землею и отошли въ сторону; затѣмъ гробъ покрыли крышкою и опустили въ могилу (могила не глубока—аршина $1\frac{1}{2}$). Священники отошли. Могилу зарыли и верхъ ея покрыли продолговатою кучею камней, послѣ чего священники опять подошли и снова отслужили литію.

Зашли мы потомъ въ Сіонскую мечеть, видѣли тамъ горницу Тайной вечери,—сквозь желѣзную рѣшетку въ окнѣ намъ показали гробницу Давида и Соломона. Въ оградѣ Сіонскаго кладбища намъ указано было мѣсто сошествія Св. Духа; это мѣсто означено крестомъ на стѣнѣ. На этомъ мѣстѣ въ Троицынъ день совершается вечерня. Былъ потомъ въ Армянскомъ Патріаршемъ соборѣ. Соборъ великъ и красивъ. Прикладывался тамъ къ камню, которымъ былъ убитъ Апостолъ Іаковъ. Показывали камни съ Сіона, Иордана, Синая. Армянская улица очень чиста.

25-го Іюня, *понедѣльникъ*. Прощался со святынями города Іерусалима. Рано утромъ на разсвѣтѣ, съ подговореннымъ еще наканунѣ паломникомъ изъ Херсонской епархіи, іеродіакономъ Михайломъ, отправились на гору Елеонъ,—тамъ вблизи мѣста Вознесенія Господня на небо, въ русскомъ храмѣ, я съ о. Михайломъ, исправлявшимъ обязанности чтеца и пѣвца, совершилъ Божественную литургію. Оттуда зашелъ въ католическій храмъ, гдѣ на 33-хъ различныхъ языкахъ, въ томъ числѣ и на русскомъ и славянскомъ, написана молитва «Отче нашъ». Потомъ прошелъ въ храмъ Воскресенія Господня, обошелъ всѣ его престолы, поклонился всѣмъ священнымъ его мѣстамъ, и въ заключеніе отслужилъ на Голгоѣ при соучастіи того-же о. Михаила панихиду и молебенъ; причемъ поманулъ всѣхъ своихъ и родныхъ и знакомыхъ, и живыхъ и умершихъ. И то и другое слушали человекъ тридцать богомольцевъ. — Затѣмъ, явился къ Святогробскому игумену, передалъ ему гонораръ пять рублей за данное мнѣ

право отслужить самому безъ участія грековъ, молебень и панихиду, спросилъ себѣ елея и аромать отъ гроба Господня; потомъ поклонился еще разъ гробу Господню и камню помазанія, — далъ небольшой бакшишъ (30 к.) турецкой стражѣ и вышелъ изъ святѣйшаго всѣхъ святыхъ христіанскихъ храмовъ—храма Воскресенія.

Потомъ съ о. Палладіемъ отправились мы къ Патріарху,—у него собирався въ это время Іерусалимскій Синодъ. Насъ попросили немного обождать; съ полчаса мы ждали, и затѣмъ заявили, что ждать болѣе не можемъ, а потому просили Патріарха благословить насъ заочно, когда онъ освободится. Съ этою просьбою мы и ушли было, но насъ тотчасъ же вернули. Патріархъ принялъ насъ, выразилъ удивленіе, что мы отправляемся такъ скоро;—мы отвѣтили, что у насъ дома есть свои обязанности, что дѣлать намъ въ Іерусалимѣ больше нечего, что мы поклонились вездѣ, и перечислили, гдѣ мы побывали и гдѣ служили. Услышавши, что я сегодня служилъ на Елеонѣ, Патріархъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ сказалъ: «Ну что такое Елеонъ?» Дѣйствительно, Патріарху почему то не была угодна постройка русскаго храма Божія на Елеонѣ; онъ долго не хотѣлъ освятить его, и освятилъ не во имя Вознесенія Господня, а просто во имя Господа Вседержителя, и съ тѣмъ условіемъ, чтобы Богослуженіе со звономъ совершалось въ этомъ храмѣ только по четвергамъ. Патріархъ просилъ насъ ради гроба Господня сказать о немъ доброе слово и ничего не говорить дурного; мы отвѣчали, что гробъ Господень вѣвѣхъ вѣрующихъ вызываетъ къ себѣ одно благоговѣніе, что объ немъ никто и никогда не посмѣетъ сказать что нибудь дурное,—что говорятъ дурное не про гробъ Господень, а про служащихъ при гробѣ, а это двѣ вещи различныя. Патріархъ повторилъ свою просьбу, мы замолчали. Онъ благословилъ насъ, далъ намъ свой фотографическій

портретъ, разрѣшительную грамоту и свой печатный адресъ.

Затѣмъ сходили мы проститься съ о. Архимандритомъ Антониномъ.

Въ пять часовъ вечера предположено было отправиться изъ Іерусалима въ Яффу. Нанять былъ для четверыхъ фургонъ за 6-ть рублей. Но въ пять часовъ отправиться не пришлось,—кучеръ долго мѣшкалъ, потомъ явился съ плохимъ фугономъ, такъ что мы вынуждены были отослать его, и наконецъ пришлось выѣхать изъ Іерусалима только около 8-ми часовъ вечера. Выѣхали мы вчетверомъ: я, о. Палладій, маіоръ Щеголевъ и петербургскій столяръ Пырскій.

Прости Градъ Божій, прости мѣсто спасенія всѣхъ насъ! Благословенъ Господь отъ Сіона, живой во Іерусалимѣ. Никогда не забуду я тѣхъ великихъ минутъ, которыя мнѣ приходилось проводить или на Голгоѣ, или у живоноснаго гроба. Аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя.

Проѣхали мы безъ всякихъ приключеній, и часовъ въ семь утра явились снова въ весьма красивый снаружи и крайне грязный внутри городъ Яффу.

Х.

Отъ Яффы до Назарета и въ Назаретъ.

26 *Іюня, вторникъ*. Съ трудомъ, послѣ долгихъ переговоровъ, я, студентъ университета Андрей Дмитріевичъ Калмыковъ, служащій въ конторѣ сибирскаго купца Палевскаго Федоръ Степановичъ и петербургскій столяръ Пырскій отыскивали за пять французскихъ наполеоновъ, или за 35 руб., фургонъ, владѣлецъ котораго обязался на тройкѣ лошадей отвезти насъ отъ Яффы до Назарета и чрезъ три дня по пріѣздѣ въ Назаретъ привезти оттуда

обратно въ Яффу. Выѣхали мы изъ Яффы въ половинѣ пятого часа вечера.

Возница нашъ оказался и незнающимъ дороги и неумѣющимъ говорить по русски. Поѣздка эта была пыткой для всѣхъ насъ. Лошади, вѣроятно, послѣ какого-нибудь продолжительнаго переѣзда, были безсильны и раза по три на верстѣ останавливались. Дорога вскорѣ послѣ выѣзда изъ Яффы оказалась весьма плохую: или сыпучій песокъ, или кочки, ухабы и рытвины; часто фургонъ шель бокомъ и одинъ разъ такъ накренился, что мы всѣ вывалились и одинъ изъ насъ при этомъ порядочно ушибся, я-же отдѣлялся одною только легкою царапиною на лбу. Намъ самимъ пришлось помогать своему кучеру Рашиду поднимать фургонъ. Возница нашъ потомъ заблудился, и мы, проблудивши до часу ночи, остановились для ночлега и корма лошадей подъ открытымъ небомъ въ деревнѣ Тыри. Жалки въ глуши наши русскія деревни, но арабскія деревни — верхъ убожества. Улицъ нѣтъ. Дома — мазанки изъ глины и камня съ такою-же кровлею и съ однимъ только отверстіемъ для двери. Только при нѣкоторыхъ изъ домовъ имѣются особыя мазанки для скота и скарба. Въ Тыри у троихъ изъ насъ было украдено по зонтику. Арабы по большей части ходятъ грязными, въ лохмотьяхъ, дѣти-же иногда совершенно голыми. И грязь и бѣдность арабовъ зависитъ единственно отъ ихъ лѣни. По цѣлымъ часамъ они валяются или стоятъ безъ дѣла. При появленіи новаго человѣка, европейца въ особенности, скоро вокругъ него образуется цѣлая толпа зѣвакъ, которые будутъ стоять подлѣ него и смотрѣть часъ, два, три. Вблизи Яффы, верстахъ въ трехъ-четырехъ отъ нея, мы видѣли нѣмецкую колонію. Какая громадная разница между ею и арабскими селеніями! Дома чистые, обширные, высокие, крытые черепицею; скота много и скотъ крупный,

поля воздѣланныя; въ ней мы видѣли и стоги сѣна, о которыхъ въ Палестинѣ и понятія не имѣютъ. Туземцы-владѣльцы этой благодатной земли, изъ которой съ трудомъ и умѣніемъ можно добыть многое, исполняютъ у нѣмцевъ, своихъ арендаторовъ, самыя черныя работы, а добру не учатся.

27 Июня, среда. Цѣлый день мы маялись. Два раза кормили лошадей и отдыхали подъ открытымъ небомъ; кромѣ дынь и арбузовъ прямо съ поля, въ этихъ мѣстахъ достать мы ничего не могли. Въ одномъ мѣстѣ въ жестяномъ чайникѣ, мы сами кипятили воду и приготавливали для себя чай. Третью остановку сдѣлали мы въ деревнѣ Замаринѣ. Замаринъ—это богатая, въ родѣ нѣмецкой, еврейская колонія, устроенная Ротшильдомъ. Въ ней есть высшее еврейское училище, есть и агрономъ. Въ шесть часовъ вечера выѣхали мы изъ Замарина и опять промаялись всю ночь. Я, боясь паденій, по большей части шелъ пѣшкомъ. Ночью мы были перепуганы: Рашидъ неожиданно остановился, началъ свистать и звать кого-то; на его свистки отвѣчали такими-же свистками и около насъ стали собираться люди; начались непонятные для насъ переговоры съ нашимъ кучеромъ, вызываніе свистками новыхъ людей, толпа около насъ увеличивалась. Ночь, темнота, мѣсто пустое, крикъ нѣсколькихъ чловѣкъ на грубомъ арабскомъ языкѣ, размахиваніе руками, какое-то непонятное обращеніе къ намъ, все это смущало насъ. Намъ казалось, что насъ хотятъ ограбить, но дѣло вскорѣ просто объяснилось. Рашидъ боялся заблудиться снова и вступилъ въ переговоры съ пастухами относительно провожатаго. Провожатый, наконецъ, былъ нанятъ имъ. Верстѣ 10 онъ бѣжалъ впереди нашего фургона. Въ три часа утра пріѣхали мы въ городъ Кайфу. Возница нашъ остановился на краю города на улицѣ и мимикомъ предлагалъ намъ идти, куда угодно и искать ночлега.

Едва-едва уговорили мы его идти съ нами отыскать для насъ пріютъ. Я остался хранить вещи при фургонѣ, а остальные пошли вмѣстѣ съ Рашидомъ и ходили очень долго, около часа. Наконецъ, мои спутники вернулись съ Рашидомъ и носильщиками. Пріютъ былъ найденъ подъ открытымъ небомъ, на террасѣ одного дома. Терраса эта, на которой для насъ четверыхъ были постланы тюфяки и положены подушки съ одѣялами, была не болѣе двухъ квадратныхъ сажень. Надъ нами на шестахъ сидѣли куры и пѣтухи, и беспокоили насъ своимъ пѣніемъ. Утромъ захотѣлось намъ напиться чаю, но для этого намъ самимъ пришлось кипятить воду въ жестяномъ чайникѣ. И за этотъ ночлегъ съ насъ взяли по франку съ человѣка т. е. по 35 копѣекъ.

28 Июля, четверг. Утромъ мы ходили купаться въ море. На возвратномъ пути на улицѣ мы встрѣтили консула. Русскій консулъ въ Каифѣ — арабъ, былъ прежде кавасомъ. Къ нему мы предъявили свои претензіи на нашего возницу, на то, что онъ не знаетъ дороги, не умѣетъ править лошадьми, вывалилъ насъ; на то, что привезъ насъ въ Кайфу не во время, вмѣсто 11 часовъ дня въ 2 часа ночи, и на то, что изъ-за незнанія имъ дороги у насъ украли 3 зонтика. Консулъ былъ очень любезенъ къ намъ, самъ пришелъ къ намъ на квартиру, снова подробно переспросилъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, для уясненія его себѣ попросилъ передать его по французски, и переселилъ насъ къ себѣ въ домъ, а за вещами прислалъ къ намъ своего каваса. У себя въ домѣ онъ распорядился для охраненія насъ отъ всякихъ приключеній во время путешествія отъ Назарета къ Тиверіадѣ и обратно, а для руководства кучеромъ Рашидомъ, далъ намъ своего каваса, съ тѣмъ, чтобы содержаніе и вознагражденіе во время ѣзды въ фургонѣ онъ получалъ отъ хозяина фургона и лошадей, во время же ѣзды на ослахъ отъ Назарета

до Тиверіады и обратно получалъ отъ насъ по восьми-десяти копѣекъ въ сутки.

Въ часъ дня мы и отправились въ томъ-же фургонѣ. Отѣхали верстѣ пять и фургонъ нашъ, при поворотѣ къ спуску для переѣзда чрезъ потокъ Кисовъ, снова опрокинулся, и мы снова всѣ до одного вывалились. При этомъ одинъ изъ насъ, Пырскій, оказался съ большою шишкою на лбу и ссадинами на ногѣ. Снова помогли мы поднимать фургонъ, онъ оказался на этотъ разъ нѣсколько поврежденнымъ, впрочемъ не настолько, чтобы нельзя было ѣхать дальше. Въ одномъ арабскомъ селеніи останавливались мы для корма лошадей. Пріѣхали въ Назаретъ уже въ сумеркахъ и остановились въ пріютѣ, находящемся въ завѣдываніи Палестинскаго общества. При немъ отъ Палестинскаго общества находится большая школа для арабскихъ дѣтей, съ тремя учительницами и начальницею.

29 Юня, пятница. Почти до 12 часовъ пробыли мы въ Назаретѣ. Городъ, какъ и всѣ восточные города, снаружи красивъ, а внутри улицы и грязны и узки. Посѣтили мы утромъ принадлежащія католикамъ святыни съ храмами при нихъ:—на мѣстѣ воспитанія Христа Спасителя, т. е. того дома, въ которомъ Онъ будто-бы раздѣлялъ ремесло мнимаго Своего отца Іосифа; затѣмъ на мѣстахъ, гдѣ былъ похороненъ Іосифъ и гдѣ Іисусъ явился ученикамъ послѣ Своего Воскресенія и вечерялъ съ ними. Храмы католическіе чисты, свѣтлы, убраны со вкусомъ. Сопровождавшіе насъ монахи-католики гораздо любезнѣе греческихъ монаховъ, сопровождавшихъ насъ при гробѣ Господнемъ. Показывали намъ еще источникъ воды, изъ котораго будто-бы Пресвятая Дѣва Марія брала воду. Мѣсто это ничѣмъ не отличено; находится оно около какой-то грязной стѣны; изъ него мѣстные жители берутъ для себя воду и здѣсь поятъ скотъ.

XI.

Изъ Назарета въ Кану, Тиверіаду, на Оаворъ, обратно въ Назаретъ, Кайфу и Яффу.

Въ Назаретѣ наняли мы ослятъ и для себя, и для каваса, по два рубля за штуку, и около 12 часовъ дня отправились въ Кану Галилейскую, чтобы оттуда ѣхать въ Тиверіаду. Въ Кану прибыли мы черезъ два часа послѣ выѣзда. Были въ храмѣ. Храмъ небольшой, новенькій, чистенькій, что весьма рѣдко встрѣчается въ храмахъ Греческихъ. У южной и сѣверной двери храма, въ нарочито сдѣланныхъ для того углубленіяхъ, хранится по сосуду изъ бывшихъ будто-бы при Христѣ Спасителѣ во время совершенія имъ чуда на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Сосуды эти, каменные, громадные кувшины, съ очень толстыми (вершка 2) стѣнками. Ни одинъ изъ нихъ не сохранился въ цѣлости: одинъ представляетъ собою только половину сосуда, у другаго же только начинается суженіе къ горлу. Надъ сосудами на стѣнахъ висятъ св. иконы, изображающія бракъ въ Канѣ. Для Богослуженія въ храмѣ Каны и для совершенія требъ находятся священникъ и монахъ, такъ что клиръ Каны составляетъ полуприходъ, полумонастырь. Іерей пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ. Въ домѣ въ одной комнатѣ съ хозяиномъ были и Турки: они, объяснилъ намъ хозяинъ, исполняютъ обязанности сторожей при храмѣ и въ домѣ. Хозяинъ угощалъ насъ по арабски: сидѣли мы на полу вокругъ большого, невысокаго, круглаго столика, не выше подножной скамейки. Поданъ былъ бѣлый хлѣбъ въ родѣ лепешки, или большихъ блиновъ, мы ѣли его обмакивая въ какой-то кисловатый красноватаго цвѣта соусъ, который потомъ замѣненъ былъ свѣжимъ сотовымъ медомъ.

Пробывши въ Канѣ около часу, мы отправились въ Тиверіаду. Прибыли туда въ шесть часовъ вечера, за часъ до заката солнечнаго. Путь туда гористый, но подъемы и спуски очень отлоги; при удобствѣ сидѣнья, при ровномъ ходѣ осла, безъ тряски, путь этотъ былъ довольно приятенъ. Видъ Тиверіадскаго озера (мы увидѣли его часа за полтора до пріѣзда къ нему), въ гористой, сухой, каменистой и жаркой мѣстности, лелѣялъ намъ взоры. Давно не видали мы такой массы воды. Неизбѣжное при этомъ воспоминаніе величественныхъ событій изъ жизни нашего Господа, совершившихся на этомъ озерѣ, освящало наши мысли, возвышало чувства и умиляло души. Тиверіада снаружи очень красивый городъ, но внутри, какъ и въ другихъ городахъ, улицы кривы и узки, мостовая убійственная; по грязи Тиверіада превосходить всѣ другіе восточные города, видѣнные нами раньше. Городъ обнесенъ каменною древнею стѣною, мѣстами разрушающеюся.

Остановились мы въ греческомъ монастырѣ Собора 12 апостоловъ. Монаховъ въ этомъ монастырѣ только два: одинъ изъ нихъ о. Никандръ, іеромонахъ. Съ удовольствіемъ выкупались мы въ водахъ Тиверіадскаго озера. Вода въ немъ свѣжая, теплая, прѣсная, вкусная. Такъ рекомендовалъ ее намъ о. Никандръ, такую нашли мы ее и сами. Но нѣкоторымъ она кажется солоноватою. Показали намъ монастырскую церковь. Она почти въ землѣ. Бѣдность ея поразительна: полъ земляной, на стѣнахъ и сводахъ нѣтъ и слѣда какой нибудь краски, штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась, иконостасомъ служить ветхая, ситцевая занавѣсъ; въ церкви только шесть иконъ, Спасителя, Божіей Матери и по двѣ по сторонамъ. Послѣ купанья мы пили чай, затѣмъ долго сидѣли на берегу озера, услаждаясь видомъ тихой массы воды, прелестной дикостью береговъ, чистотою воздуха и благоговѣйнымъ

воспомяніемъ чудной дѣятельности на этомъ озерѣ Христа Спасителя. Затѣмъ, мы ужинали, внесли свои лепты въ пользу монастыря и отправились для отдохновенія.

На пути къ Тиверіадѣ часа за полтора ходьбы намъ указана была гора, на которой будто-бы Христосъ Спаситель произнесъ Свою Божественно-величественную нагорную проповѣдь и совершилъ чудесное насыщеніе народа. Эта гора ничѣмъ не отличена. Нѣтъ на ней ни монастыря, ни церкви, ни часовни.

30 Іюня, суббота. Напившись чаю, въ 5½ часовъ утра двинулись мы на тѣхъ-же осликахъ обратно къ городу Назарету, съ цѣлію посѣтить на пути гору Ѡаворъ. Путь былъ не такъ удобенъ, какъ наканунѣ, каменистъ и гористъ, съ крутыми подъемами и спусками. Постоянно попадались громадные камни; ослы или обходили ихъ, или переходили чрезъ нихъ, осторожно поднимаясь и спускаясь. Около шести часовъ добрались мы до Ѡавора. Ѡаворъ видѣнъ былъ издали; казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ мы начнемъ подниматься на него, но это былъ только оптический обманъ. Прежде чѣмъ приступить къ подъему, пришлось и спуститься и подняться съ нѣсколькихъ горъ. Подъемъ шелъ огромнѣйшими зигзагами, поднимались мы часа полтора. Мой оселъ скоро оказался безсильнымъ, и я около часу поднимался пѣшкомъ. На Ѡаворѣ есть монастырь. Братіи въ немъ девять человѣкъ съ архимандритомъ Паисіемъ во главѣ. О. Паисій радъ былъ нашему приходу, уговаривалъ пожить денька 3—4, отслужить на Ѡаворѣ литургію, давалъ намъ очень хорошее помѣщеніе, чуть-ли не Патріаршее. Отъ предложенія мы рѣшительно отказались. Отслуживши молебень въ Ѡаворскомъ храмѣ, напившись лимонаду и квасу у о. Паисія и полакомившись арбузами, мы двинулись въ обратный путь. Храмъ Ѡаворскій благолѣпенъ; восточная

стѣна его составляетъ остатокъ храма, выстроеннаго здѣсь Равноапостольными Константиномъ и Еленою. Роскоши, впрочемъ, въ храмъ нѣтъ, но за то слѣды обычной Греческой небрежности къ своимъ святынямъ замѣтны и здѣсь: а) на престольное евангеліе было въ простомъ кожанномъ переплетѣ; б) креста на престолѣ не было; в) крестъ вынулъ изъ шкафа пономарь и самъ же положилъ его на престолъ; г) на престолѣ лежалъ мѣдный колокольчикъ вѣроятно для приглашенія алтарнаго служителя; д) на мой вопросъ—имѣется-ли у нихъ славянское евангеліе, пономарь сказалъ: «есть, все есть», и тотчасъ же досталъ и положилъ на престолъ цѣлую кипу: евангеліе въ кожанномъ переплетѣ, два-три требника и столько-же служебниковъ.

Побывши часа полтора на Ѡаворѣ и внесши о. архимандриту свои посильныя пожертвованія, мы двинулись дальше. Спускъ съ Ѡавора продолжался не менѣе часа. Часа черезъ три послѣ выѣзда съ Ѡавора, около трехъ часовъ дня, были снова въ Назаретѣ. Здѣсь ожидало насъ новое затрудненіе: намъ объявили, что распатавшійся отъ двукратнаго паденія нашъ фургонъ починенъ (это оказалось только наполовину правдой), но возвращенъ будетъ нашему кучеру лишь тогда, когда за починку его мы отдадимъ два меджидіе. Переговоры шли долго. Отъ этой платы мы положительно отказались. Тогда у нашего кучера была задержана лошадь, и мы отъ Назарета до Кайфы ѣхали уже не съ кучеромъ, а съ кавасомъ, и не на тройкѣ лошадей, а на парѣ. Разбитый при вторичномъ паденіи нашего фургона нашъ спутникъ Пырскій не захотѣлъ продолжать съ нами путь, отдѣлился отъ насъ и поѣхалъ одинъ на лошади верхомъ. Въ Кайфу пріѣхали мы около часа ночи, и остановились у консула. Консулъ ждалъ насъ къ себѣ и для всѣхъ насъ у него приготовлены были постели.

1-е *Іюля, воскресенье*. Утромъ мы предъявили консулу свои новыя неудовольствія на нашего возницу. Консулъ распорядился: а) нанять для насъ за 2 меджидіе новаго кучера. Эти два меджидіе мы должны были заплатить тотчасъ-же и потомъ удержать ихъ съ подрядчика, при расчетѣ съ нимъ; б) выдать на томъ-же условіи кучеру Рашиду четыре меджидіе на выкупъ лошади и на покупку корма для обратнаго пути. Мы не прекословили. Консулъ предложилъ намъ потомъ купить провизіи для обѣда и поручить его прислугѣ приготовить для себя обѣдъ. Но лишь только провизія была принесена, консулъ объявилъ намъ, что готовить для насъ обѣдъ въ Кайфѣ уже некогда, что пора ѣхать, что купленную провизію мы можемъ взять съ собою и воспользоваться ею въ Замаринѣ. На это мы не согласились и потребовали, чтобы намъ обѣдъ былъ приготовленъ сейчасъ-же. Намъ и приготовили, но только не вдругъ, сначала приготовили жаркое, а потомъ, послѣ вторичнаго нашего отказа взять рисъ и помидоры съ собою сырыми, приготовленъ былъ и рисъ.

Послѣ обѣда намъ была объявлена новая непріятность: нашъ кучеръ Рашидъ сбѣжалъ. Консулъ настоялъ, чтобы мы ѣхали на его лошадахъ безъ Рашида, съ однимъ нанятымъ имъ для насъ кучеромъ, и чтобы мы выдали еще полтора меджидіе на счетъ подрядчика для покупки корма лошадямъ. Пырскій снова поѣхалъ не съ нами, а верхомъ на лошади.

Нашъ новый кучеръ оказался крайне дерзкимъ: а) не хотѣлъ взять своихъ вещей изъ подъ нашихъ ногъ и при этомъ еще грозилъ намъ; б) за городомъ, отъѣхавши версты четыре, при встрѣчѣ съ знакомымъ фургонщикомъ остановился, и долго-долго, не обращая на насъ никакого вниманія, разговаривалъ съ нимъ. Мы требовали, чтобы онъ ѣхалъ, кричали ему, махали руками,

онъ только взглядывалъ на насъ и продолжалъ свое дѣло. Наконецъ, одинъ изъ насъ толкнулъ его ногою. Тогда нашъ кучеръ круто повернулъ лошадей назадъ, чуть не вывалилъ насъ и нагло требовалъ, чтобы мы вышли изъ фургона, объясняя мимикою, что онъ болѣе не поѣдетъ съ нами. Скоро, впрочемъ, онъ смирился, но тогда мы сами не пожелали ѣхать съ нимъ дальше, и настойчиво потребовали, чтобы онъ везъ насъ обратно къ консулу. Это и было имъ сдѣлано. Консула просили мы дать новаго кучера и каваса для охраненія насъ отъ всякихъ случайностей. Консулъ увѣрялъ, что послѣднее излишне, но мы настояли, и за семь рублей, взятыхъ съ насъ консуломъ впередъ, намъ данъ былъ кавасъ.

Въ шесть часовъ вечера мы вторично выѣхали изъ Кайфы. Видѣли гору Кармилъ и на ней католическій монастырь. Ёхали до часу ночи. Возница нашъ сбился съ дороги, и чтобы не заблудиться совсѣмъ, какъ было съ Рашидомъ, благоразумно распорядился ночевать подъ открытымъ небомъ. Сидя въ фургонѣ, мы спали.

2-е *Юля, понедѣльникъ*. Утромъ, чуть-чуть забрезжилъ свѣтъ, мы поѣхали дальше, и съ восходомъ солнца прибыли въ Замаранъ. Тамъ подкрѣпились чаемъ и закусили и цѣлый потомъ день ѣхали; въ одномъ мѣстѣ поили лошадей, два раза кормили ихъ, оба раза подъ открытымъ небомъ, одинъ разъ близъ какой-то арабской деревни, другой разъ около мельницы. Это было уже въ потемкахъ. Темнота, тишина и громкое кваканье лягушекъ вызвали въ насъ очень непріятное чувство. Въ Яффу приѣхали мы часовъ въ 11 ночи. Здѣсь долго мы помучились, пробродивши часа полтора, прежде чѣмъ попасть въ пріютъ для богомольцевъ при русскомъ консульствѣ. Ни кавасъ, ни кучеръ по русски говорить не умѣли, и насъ не понимали. Устали мы до изнеможенія: сначала привели насъ въ домъ, гдѣ живетъ русскій консулъ, по-

томъ завели въ греческій монастырь, затѣмъ послѣ долгихъ переговоровъ съ многими лицами въ искомый нами пріютъ.

3-ю Іюля, вторникъ. Утромъ явились мы въ консульство и предъявили свои претензіи на нашего подрядчика Пшара Акуры, заявили о своихъ расходахъ. Консульство приняло отъ насъ причитающіяся подрядчику, за исключеніемъ нашихъ расходовъ, деньги и отпустило насъ.

ХІІ.

Отъ Яффы до Константинополя и Афона.

Въ два часа дня съ большимъ удовольствіемъ оставили мы Яффу и переѣхали на пароходъ «Россія». Пароходъ этотъ лучшій изъ пароходовъ Русскаго Общества, совершающихъ свои рейсы отъ Одессы до Александріи и обратно по Черному и Средиземному морямъ. Помѣщенія въ немъ просторныя, идетъ онъ плавно; при тихой погодѣ, на полномъ ходѣ въ немъ незамѣтно того дребезжанія и тренія цѣпей, которыя надоѣдали намъ на пароходѣ «Цесаревичъ».

Въ четыре часа вечера пароходъ нашъ поплылъ. Погода стояла тихая. Плыли мы спокойно; чувствовали себя какъ дома, вспоминали случившіяся съ нами непріятности на пути отъ Яффы до Назарета, благодарили Бога за благополучный исходъ ихъ и за то, что Онъ помогъ намъ посѣтить не только Іерусалимъ и его окрестности съ Хеврономъ и Іорданомъ, но и Галилею съ Назаретомъ, Канною, Тиверіадою и Өаворомъ, куда большая часть паломниковъ, пріѣзжающихъ въ Палестину не на долго, вовсе не попадаютъ. Слава Господу за все!

4-ю Іюля, среда. На разсвѣтѣ прибыли мы въ Вейрутъ и пробыли въ немъ до полуночи на 5 іюля. Вей-

руть расположенъ по склону горъ. Дома по набережной есть хорошіе—каменные, высокіе, красивые, съ черепичною крышею. И внутри онъ не такъ грязенъ, какъ другіе восточные города. Много и широкихъ улицъ, узкихъ-же, въ родѣ корридоровъ, не много. Базаръ въ немъ обширенъ. Есть хотя и маленькіе, но чисто петербургскіе магазины. Вблизи его, намъ говорили, есть церковь св. великомученика Георгія на мѣстѣ пораженія имъ змія. Заходили мы въ какой-то католическій храмъ: красивъ онъ, чистъ и свѣтелъ, службы при насъ въ немъ не было никакой, но было четверо причастниковъ: одинъ мужчина, двѣ женщины и одна дѣвочка. Пришелъ ксендзъ, монахъ, сдѣлалъ книксенъ предъ престоломъ, сходилъ въ ризницу, вышелъ оттуда въ бѣлой одеждѣ съ широкими рукавами, снова сдѣлалъ книксенъ, зажегъ на престолѣ двѣ свѣчи, вынулъ изъ находящейся на престолѣ дарохранительницы сосудъ въ родѣ нашего православнаго потира—съ освященными дарами облатками, прочиталъ какую-то молитву краткую и началъ подходить къ желающимъ причаститься, бралъ изъ потира рукою облатку и полагалъ ее въ ротъ. Затѣмъ опять прочиталъ молитву, поставилъ сосудъ на свое мѣсто, снова сдѣлалъ книксенъ, затушилъ свѣчи и ушелъ въ ризницу. Причастники одинъ за другимъ стали выходить изъ церкви, съ лицами, выражающими умиленіе. Причащеніе продолжалось не болѣе 5 минутъ.

Видали городской садъ небольшой, съ фонтаномъ посрединѣ, съ тропическими деревьями: леандрами и фуксіями. Выкупались въ купальнѣ на морѣ. Вечеромъ на пароходъ явилось человекъ 10 новыхъ пассажировъ. Провожавшіе ихъ очень долго оставались на пароходѣ и, отъѣзжая, устроили на лодкѣ фейерверкъ. Это развлекло насъ, хотя фейерверки эти были слабѣйшее только подобіе тѣхъ, какіе приходилось намъ видѣть издали въ окрестностяхъ Петербурга—Павловскѣ и Шуваловѣ.

5-го *Июля. Четверг.* Утромъ часовъ въ восемь прѣѣхали мы въ Триполи. Городъ не великъ. Красиво расположенъ онъ по равнинѣ при подошвѣ горы. За неопредѣленно-стію времени отхода парохода намъ не удалось выйти на берегъ, чтобъ ознакомиться съ нимъ поближе. Одинъ изъ офицеровъ парохода успокоилъ меня, сказавши, что въ немъ нечего и смотрѣть: «обычная-де восточныхъ» городовъ грязь, постоянный и безтолковый гамъ обитателей и больше вичего». Въ 1-мъ часу дня мы тронулись изъ Триполи. Дулъ вѣтеръ, играли барашки. Покачивало, но не сильно, и не съ боковъ, а вдоль киля.

6-го *Июля. Пятница.* Цѣлый день плыли, береговъ не видали, дулъ вѣтерокъ. была и качка, но слабая.

7-го *Июля. Суббота.* Опять плыли цѣлый день, нигдѣ не останавливаясь. Погода была теплая. Утромъ видѣли берега малоазіатскаго острова Коса и другихъ, большихъ, малыхъ и маленькихъ острововъ. Берега эти не представляютъ ничего интереснаго, по большей части голыя скалы, только изрѣдка покрытыя выгорѣвшею травою. Около нѣкоторыхъ изъ нихъ видны были маленькія лодки съ парусами и безъ парусовъ. Ночью прѣѣхали въ Хіосъ и ночью же, не выходя на берегъ, выѣхали оттуда. Судя по огонькамъ, городъ небольшой, версты полторы по берегу и расположенъ при подошвѣ горы.

8-е *Июля. Воскресенье.* Утромъ проснулись мы въ Смирнѣ. Пароходъ уже стоялъ на якорѣ вблизи берега. Мы пошли къ обѣднѣ въ соборъ Св. Фотиніи. Народу въ немъ было порядочно, человѣкъ триста—четыреста. Мужчины стояли внизу, а женщины на хорахъ. Средина церкви не была занята. Раньше окончанія службы выходили очень немногіе. Замѣтили мы здѣсь новую особенность въ греческомъ богослуженіи: на Херувимской пѣсни кадиль не діаконъ, а священникъ. На великомъ выходѣ сначала шелъ впе-

реди неслужащій священникъ въ эпитрахили,—а потомъ два свѣщеносца мальчика въ бѣлыхъ стихаряхъ. Евангеліе во все время службы находилось посрединѣ церкви, въ сторонѣ, подъ хорами, на аналоѣ съ деревяннымъ балдахиномъ (подобные же аналои съ балдахиномъ мы видѣли и въ другихъ греческихъ церквахъ—для мѣстно чтимыхъ иконъ).

Изъ церкви Св. Фотиніи отправились мы въ церковь Св. Георгія. Эта церковь величественна: въ ней три престола; иконостасъ и полы мраморные, — архіерейское или патріаршее мѣсто тоже мраморное. Иконы хорошаго письма. Здѣсь вынесли намъ для поклоненія—ступню ноги и голень св. великомученика Георгія и черепъ преподобнаго Іоанна Дамаскина.

Провѣли насъ потомъ въ храмъ Св. Іоанна Божіе — небольшой и бѣдный. Тамъ показали намъ рукописное Евангеліе на пергаментѣ, написанное на греческомъ языкѣ 1108 лѣтъ тому назадъ. Затѣмъ, провели насъ къ мѣсту, на которомъ сожженъ св. священномученикъ Поликарпъ. Мѣсто это обнесено стѣною, внутренность ея мѣстами обита жестью. Подлѣ него находится бѣдная турецкая мечеть.

Въ Смирнѣ же мы проѣхались на пароходѣ въ предмѣстье Кореліо, находящееся на противоположномъ берегу залива, и тамъ купались. Я купилъ себѣ тамъ на память зонтикъ, 2 гребенки, 2 вѣера.

9-е Іюля. Понедѣльникъ. Намѣреваясь въ Дарданеллахъ сойти съ парохода, и оттуда, а не изъ Константинополя ѣхать на Аѳонъ, я рѣшилъ одинъ свой сундукъ, пріобрѣтенный въ Іерусалимѣ, съ вещами купленными въ Іерусалимѣ для раздачи въ С.-Петербургѣ — иконами, крестиками и т. п. и съ нѣкоторыми своими вещами, необходимыми для дальнѣйшаго путешествія, — отправить прямо въ Одессу. Для этого понадобилось посредничествъ)

русскаго агентства. Оно должно было взять съ меня, причитающіяся за отправку и за страхованіе деньги и дать ордеръ о принятіи вещей для отправленія. Оказалось, что въ русскомъ агентствѣ въ Смирнѣ по русски не говорятъ и для уплаты (одного рубля пятидесяти копѣекъ золотомъ) не взяли даже русскихъ денегъ, а потребовали полторы меджидіе турецкими деньгами.

Вечеромъ, около 5-ти часовъ, пароходъ нашъ, къ общему удовольствію, отправился въ путь. Стоять на одномъ мѣстѣ, признаться, всѣмъ надобло.

Подговорилъ я двухъ аеонскихъ монаховъ грековъ, отправлявшихся на Аеонъ, взять меня съ собою въ компанію, помочь съѣхать съ парохода на берегъ и найти помѣщеніе, гдѣ бы пріютиться. Они обѣщали все это сдѣлать.

10 Юля. Вторникъ. Около 8-ми часовъ утра пріѣхали мы въ Дарданеллы. Пріѣхавшіе на пароходъ съ своими товарами и плюпками турки, толкались, галдѣли, шумѣли по обычаю и зазывали къ себѣ въ лодку, увѣряя, что завтра отъ нихъ отправляется пароходъ на Аеонъ. Между тѣмъ пріѣхалъ на пароходъ русскій консулъ. Онъ посовѣтывалъ, не останавливаясь въ Дарданеллахъ, ѣхать въ Константинополь, увѣряя, что въ Дарданеллахъ придется ждать парохода до пятницы. Я согласился продолжать путь до Константинополя, съ тѣмъ, чтобы съ первымъ пароходомъ ѣхать на Аеонъ чрезъ тѣ же Дарданеллы, тѣмъ болѣе, что аеонскіе монахи греки мною не интересовались: нанявши себѣ лодку и не предложивши даже мнѣ сѣсть вмѣстѣ съ ними, они отправились. Кстати, когда пришлось потомъ ѣхать чрезъ Дарданеллы на греческомъ аеонскомъ пароходѣ, они и на пароходъ не явились.

11-е Юля. Среда. Часовъ въ пять утра пріѣхали въ Константинополь. Аеонскіе монахи по обычаю встрѣтили насъ. Въ таможенѣ насъ не осматривали, отдѣлались бакшишемъ. О. Маврикій, встрѣчающій богомольцевъ аеон-

скій монахъ, за всѣхъ насъ, человѣкъ восемь, заплатилъ меджидіе. Во время пребыванія нашего на подворьѣ, намъ сильно надоѣдалъ какой-то уличный актеръ, почти безпрерывно громко зазывая къ себѣ публику и показывая при этомъ фокусы.

Мы немного прошлись по Константинополю, и новыхъ впечатлѣній не получили. Невдалекѣ отъ Пантелеймоновскаго подворья случился сильный пожаръ. Пожарная команда однако очень слаба. У ней нѣтъ даже лошадей. Она и сама ходитъ пѣшкомъ и пожарные инструменты носить, а не везитъ. Водюю пользуются мѣстною, которая обязательно есть въ каждомъ домѣ. Пылало страшно, загорался домъ за домомъ, и пожарные совершенно были безсильны отстаивать сосѣдніе дома, что при скученности и горючести Константинопольскихъ построекъ совершенно понятно. Пожары, какъ намъ объяснили, всегда производятъ въ Константинополѣ страшныя опустошенія: такъ, незадолго до нашего пріѣзда, за одинъ разъ выгорѣло болѣе трехсотъ домовъ.

Въ три часа дня мы снова вошли въ море и сѣли на греческій пароходъ «Критъ». Пароходъ плохенькій, небольшой, помѣщенія вообще очень тѣсны, содержатся очень грязно, прислуга по русски не говоритъ. При нашемъ выѣздѣ дулъ сильный вѣтеръ, скоро началась качка; страдающихъ морскою болѣзнію было очень много, я же, благодареніе Господу, сохранился безболѣзненно, можетъ быть, благодаря крѣпости своей натуры, а можетъ быть и потому, что сначала долго стоялъ на палубѣ и долго смотрѣлъ на море,—а потомъ, когда волны стали сильно побрызгивать въ лицо, зашелъ въ каюту и легъ спать.

12-е Іюля. Четвергъ. Подъ утро качка прекратилась. Утромъ часовъ въ семь мы остановились не болѣе какъ на полчаса около небольшого и красиваго городка Галлиполи, потому-что ни разгрузки, ни нагрузки не было

и пассажировъ не оказалось. Часовъ въ 10 прѣехали въ Дарданеллы; здѣсь стояли очень долго—до четырехъ часовъ вечера; занимались выгрузкою угля. Изъ Дарданеллы все ѣхали около береговъ и острововъ. Берега красивы, покрыты растительностію. Аеонъ, царство монаховъ, величественная гора, удѣлъ Богоматери, показался намъ часовъ за семь до подѣзда къ нему. Часа за три ѣзды онъ казался намъ находящимся подлѣ самаго парохода; казалось даже, что вотъ-вотъ пароходъ ударится въ него. Подѣхали мы къ нему около двухъ часовъ ночи. Долго, минутъ пятнадцать, мы ожидали прѣзда за нами монаховъ. Наконецъ, они подѣхали, сняли насъ съ парохода и привезли на пристань «Даона» въ напѣтый ими здѣсь на берегу домъ. Сюда явился таможенный турецкій офицеръ и осматривалъ наши паспорта. Затѣмъ, насъ снова посадили въ лодку и повезли къ монастырю. Онъ находится въ 3½ верстахъ отъ пристани. Въ три часа мы подѣхали къ монастырскому берегу, вошли въ отведенную намъ комнату и съ удовольствіемъ улеглись въ постель.

ХІІІ.

Осмотръ Пантелеймоновскаго монастыря.—Строгость монашеской жизни на Аеонѣ.—Неприглядныя стороны въ Аеонскомъ монашествѣ: запрещеніе мытья, скорость постриженія, постриженіе женатыхъ, монахи келліоты и каливиты.

13 Іюля. Пятница. Намъ почему-то не спалось, часовъ въ семь утра мы были уже на ногахъ. По аеонски это, впрочемъ, очень поздно, тамъ жизнь начинается гораздо раньше. Въ будни въ два часа, а въ праздники въ часъ монахи уже въ церкви. Послѣ чаю, явился къ намъ завѣдывающій гостинницею, по аеонски фандарикомъ, и

потому называемый фандаричнымъ, іеродіаконъ Іорамъ. Для разгледенія насъ онъ повелъ насъ по различнымъ монастырскимъ учрежденіямъ. Подъ его руководствомъ осматрѣли мы: а) монастырскую просфорню, для замѣшиванія и растиранія тѣста,—тамъ имѣется машина; б) мастерскую, гдѣ отдѣлываются доски подъ иконы; в) мастерскую, гдѣ наклеиваются на доски печатные оттиски иконъ; г) монастырскую больницу и аптеку. Лѣчитъ монахъ, называемый докторомъ, самоучка, лѣчитъ по опыту, и часто на удачу; даетъ лекарста, или прямо по указанію самихъ больныхъ, или же испытываетъ на больныхъ силу того или другаго средства; даетъ одно—не поможетъ, даетъ другое, третье. При больницѣ имѣется довольно большая аптека, по крайней мѣрѣ гораздо больше видѣнныхъ мною аптекъ — въ Смирнѣ, Александріи, Портъ-Саидѣ, Константинополѣ; д) огромное строящееся судно съ церковію для перевоза провіанта изъ Ростова на Дону на Аѳонъ; е) Павтелеймоновскій соборъ—въ немъ хорошъ съ двухглавыми орлами и въ срединѣ обыкновенная люстра; соборъ этотъ для братіи малъ, но мнѣ объяснили, что онъ строился еще тогда, когда въ монастырѣ было всего только челоуѣвъ 70 братіи. Теперѣ же въ немъ со скитами и подворьями 1.200 челоуѣвъ, въ нихъ 800 на лицо, а 400 разсѣяны по скитамъ и подворьямъ. Разросся монастырь до такого громаднaго числа братіи въ какихъ нибудь 50 лѣтъ; ж) трапезу; она очень обширна, стѣны въ ней росписавы, мѣсто для чтеца представляетъ собою очень высокую каеедру. Въ трапезѣ (пострсева она глаголемъ) столы разставлены въ два три ряда; скатертей въ монастырѣ не полагается, салфетки изъ тика, ложки деревянные.

Изъ разговора съ о. Іорамомъ и другими монахами, что подтвердилось потомъ и собственными нашими наблюденіями, монашеская жизнь на Аѳонѣ очень сурова;

а) встають рано: въ часъ или два ночи, ложатся спать не раньше 10 часовъ; б) службы выстаиваютъ продолжительныя: утреня 3—3½—4 часа, литургія 3—4 часа, вечерня 1 часа, повечеріе 2 часа, всенощная 8—10—12 часовъ; в) кромѣ обязательнаго для всѣхъ постѣнія всѣхъ обывденныхъ службъ, каждый монахъ обязанъ и дома выполнять келейное правило, и нести какое нибудь свое послушаніе; г) питаніе очень скудное и грубое: 2 блюда, неискусно приготовленныхъ; въ недѣлю три дня постныхъ, когда пища полагается безъ масла, и притомъ одинъ только разъ въ день. Въ Великомъ посту: въ понедѣльники, среды и пятницы монахи остаются совершенно безъ пищи, по вторникамъ и четвергамъ дается всего по куску хлѣба и стакану теплой воды, въ субботу обѣдъ полагается изъ двухъ блюдъ безъ масла и вечеромъ чай, въ воскресенье обѣдъ изъ двухъ блюдъ съ масломъ и вечеромъ чай, д) отличій никому не предоставлено никакихъ: и іеромонахи пользуются тѣмъ же, что имѣютъ и послушники; е) келліи убогія, маленькія, въ одно окошечко, безъ всякихъ украшеній; ж) одежда грубая, въ одномъ экземпляръ; з) прислуги не полагается никому; прибирать свою комнату каждый долженъ для себя самъ, стирать себѣ бѣлье въ общей прачешной также; и) мыть тѣло и даже голову не дозволяется, бани нѣтъ, купаться запрещено; і) спать должны не раздѣваясь, въ подрясникахъ.

Вообще, среди аеонскаго монашества заботы о душѣ и вѣчности видимо преобладаютъ надъ заботами о тѣлѣ и временномъ. За то предсмертныя и посмертныя заботы о монахѣ на Аeonѣ особенно поучительны: а) монаха во время болѣзни непременно постараются особоровать; б) лишь только его положеніе покажется опаснымъ, его исповѣдуютъ и причащаютъ ежедневно по окончаніи ранней или поздней литургіи обѣденными дарами; при

сомнѣніи же, что больному не дожить до окончанія литургіи, его немедленно причащаютъ запасными дарами,— не боятся, значить, какъ у насъ въ мірѣ, испугать больного напоминаніемъ о томъ, чего никто не избѣгнетъ; в) по смерти монаха, тѣломъ его занимаются немного и недолго: наскоро обмоютъ, одѣнуть въ нижнее бѣлье и туфли, затѣмъ въ клобукъ и мантию, обовьютъ старой рясой и наглухо зашьютъ, потомъ въ тотъ-же день отпоютъ, безъ гроба опустятъ въ могилу, огородивъ небольшими плитками одну только голову, заркоутъ и поставятъ небольшой черный крестъ съ надписью «кто и когда умеръ». Но за то потомъ новопреставленнаго въ теченіи 3 и болѣе лѣтъ поминаютъ и на проскомидіяхъ и на эктеніяхъ за всѣми литургіями, и при поминовеніи за всѣми прочими службами. Само собою разумѣется, что имя каждаго монаха записывается въ постоянно читаемыя на Аѳонѣ синодики для вѣчнаго поминовенія. Аѳонскій монахъ въ большинствѣ случаевъ (исключенія конечно есть, но ихъ очень немного) представляетъ высокій нравственный идеалъ человѣка, совершенно отрѣшившагося отъ міра: нестяжательнаго, смиреннаго, постника, молитвенника. Большинство изъ нихъ точно и усердно исполняютъ данное имъ дѣло, живутъ сосредоточено, ничѣмъ и никѣмъ не интересуясь. Къ богомольцамъ очень внимательны; лица, приставленные къ нимъ, усердно заботятся, чтобы имъ было и уютно и покойно, но вмѣстѣ съ тѣмъ не разспрашиваютъ: кто вы, откуда, чѣмъ занимаетесь и т. п.

Впрочемъ, и на солнцѣ есть пятнышки, и въ жизни аѳонскаго монашества, какъ и вообще въ жизни каждаго человѣческаго учрежденія, дѣло не обходится безъ недостатковъ, не единоличныхъ, а общественныхъ, устраненіе которыхъ было-бы по сему особенно желательно.

Такъ, никакъ нельзя одобрить запрещенія аѳонскимъ

монахамъ мыть голову, обмывать тѣло, ходить въ баню, купаться. Чистота не прихоть, а необходимость; и лишеніе права обмываться, съ неизбѣжною при этомъ не-пріятностію разводить на тѣлѣ своемъ грязь, едва ли есть дѣло богоугодное. Господь не только не запрещалъ, но даже прямо повелѣвалъ мыть съ извѣстною цѣлію лицо, и мазать голову. Чистота есть необходимая принадлежность общежитія. Живя въ обществѣ, человѣкъ обязанъ заботиться о чистотѣ своего тѣла, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы не возбуждать отвращенія къ себѣ. Ужъ, если не мыться, то и жить нужно не съ людьми, а уединенно. Удивляться нужно, какъ аеонскіе монахи при своемъ уставѣ, запрещающемъ омовеніе, и при тамошней жарѣ, гдѣ потливость является дѣломъ неизбѣжнымъ, не покрываются струпами. Нѣкоторые келліоты и расчесываніе волосъ и бороды считаютъ грѣшнымъ. Волосы на головѣ у аеонскихъ монаховъ не распускаются по плечамъ, а скручиваются и прячутся подъ воротникъ подрясника, или подъ камилавку. Даже и священно-иноки въ священныхъ ризахъ держать волоса такимъ именно образомъ. Впрочемъ, это обычай не аеонскаго только монашества, но и всего вообще греческаго духовенства. Церковными-же правилами іерею и діакону повелѣвается прямо при совершеніи Божественной Литургіи быть чистыми душею и тѣломъ, имѣть на себѣ одежды чистыя и цѣльныя, голову причесанную, лицо и уста вымытыми, ногти обрѣзанными. Это требуется чести ради Божественныхъ таинъ. Непонятно поэтому, отчего аеонскіе монахи, причащающіеся по своему уставу еженедѣльно, не только не считаютъ себя обязанными, но даже признаютъ чѣмъ-то неумѣстнымъ той же ради чести тѣхъ же Божественныхъ Таинъ, постоянно заботиться о чистотѣ своихъ тѣлесъ.

Нельзя также одобрить обычай Св. Аеонской горы

постригать въ монахи скоро, безъ надлежащаго подготовленія къ тому и безъ соблюденія всѣхъ формальностей. На Аеонѣ постригаютъ чрезъ $\frac{1}{2}$ года, чрезъ годъ послѣ поступленія въ монастырь и избѣгаютъ нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, постригая напр. лицъ женатыхъ, не разведенныхъ съ женами. Постригаютъ скоро не только людей престарѣлыхъ и лицъ зрѣлаго возраста, но и молодыхъ, лѣтъ 22 — 23. На обратномъ пути съ Аеона на пароходѣ пришлось увидѣть молодаго монаха, возвращающагося въ Россію для вынутаго жребія по отбыванію воинской повинности. Скоро на Аеонѣ постригаютъ, за то и растригеніе совершается тоже очень скоро. Самъ-ли монахъ вадумаетъ выселиться съ Аеона, или же начальство монастыря признаетъ необходимымъ выслать его оттуда, ему выдается паспортъ, съ которымъ онъ пріѣхалъ на Аеонъ, и онъ выѣзжаетъ оттуда подъ прежнимъ своимъ именемъ, какъ будто и не былъ постриженъ, и—или безъ всякихъ формальностей слагаетъ съ себя монашеское званіе, или же, поступая въ монастырь, снова постригается. Если Аеонское постриженіе по выѣздѣ изъ Аеона не имѣетъ значенія, то тѣмъ болѣе требуется осторожности при этомъ постриженіи. Монашескіе обѣты даются предъ крестомъ и евангеліемъ, и къ обряду постриженія въ монашество нельзя относиться легко, чтобы и другихъ не вводить въ грѣхъ, и самому не сдѣлаться участникомъ чужихъ грѣховъ. Слѣдовало-бы и на Аеонѣ постригать не иначе, какъ послѣ достиженія постригаемымъ зрѣлаго возраста и достаточномъ убѣжденіи, что постригаемый возлюбилъ Аеонъ и никогда и ни за что не расстанется съ нимъ. Спѣшка при постриженіи представляется неумѣстною и безцѣльною. Если и въ монастыря, среди шумнаго міра, можно быть монахомъ безъ постриженія, то тѣмъ это удобнѣе въ монастырѣ, особенно Аеонскомъ. среди множества истинныхъ под-

вижниковъ вѣры и благочестія, отрѣшившихся отъ міра,— кто и что мѣшаетъ и не постриженному жить ихъ жизни? Прекрасно поступалъ въ этомъ случаѣ Дамаскинъ, покойный игуменъ русскаго—Аѳона Валаамскаго монастыря. Жизни иноческой онъ безусловно требовалъ отъ каждаго, кто изъявлялъ рѣшительное желаніе остаться въ его монастырѣ и кого онъ по этому желанію соглашался принять въ свой монастырь, а дѣло постриженія предоставлялъ своему личному усмотрѣнію, и постригалъ не скоро, не иначе, какъ испытавши всячески ищущаго монашества и убѣдившись въ непоколебимости его желанія быть монахомъ. У Дамаскина бывали примѣры, что ищущіе постриженія, жили въ его монастырѣ безъ постриженія лѣтъ по десяти.

Допускается у насъ въ Россіи исключеніе для ученыхъ, ихъ постригаютъ и молодыми. Но за то они ученые, ученость во многомъ замѣняетъ житейскую опытность; да къ тому же, сложеніе монашества у насъ обставленно такими затрудненіями, что въ виду этихъ затрудненій и разочаровавшійся въ монашествѣ и сознавшій свое безсиліе въ исполненіи монашескихъ обѣтовъ, не всегда рѣшится сложить съ себя монашество.

Постриженіе въ монашество людей женатыхъ, не разведенныхъ съ женами, дѣло еще менѣе того состоятельное. И женитьба и монашество одинаково связываютъ человѣка на всю жизнь, и потому вступать въ законный бракъ и постригаться въ монашество человѣкъ долженъ не иначе какъ по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ необходимыхъ для добраго успѣха той и другой жизни обстоятельствъ дѣла. И несчастные супруги и плохіе монахи у насъ встрѣчаются по преимуществу потому, что они легкомысленно, необдуманно, не сообразившись со своими силами, или вступили въ бракъ, или приняли монаше-

ство. Женатый бросает жену и идетъ въ монахи; этимъ онъ рекомендуетъ себя, что онъ одинъ жизненный шагъ совершилъ легкомысленно. Уже по одному этому, его постриженіе должно совершаться съ большою осторожностію. При томъ-же онъ, какъ связанный бракомъ, еще и не свободенъ располагать собою. Жена въ правѣ требовать его къ себѣ; постричь его, значить, лишить жену этого права. Монашество, какъ высшее проявленіе христіанства, должно содѣйствовать скрѣпленію, а не разъединенію супружескихъ союзовъ. Что соединилъ Богъ, человекъ, даже и въ лицѣ монашества, разъединять не долженъ. Если женатому не живется съ женою, онъ можетъ, пожалуй, жить въ монастырѣ, но только безъ постриженія.

Немаловажную особенность представляетъ существованіе на Аeonѣ монаховъ келліотовъ и монаховъ каливитовъ. Келліоты—это монахи собственники, лица по большей части состоятельныя. Желая жить на Аeonѣ, и въ тоже время тяготясь продолжительнымъ богослуженіемъ въ aeонскихъ монастыряхъ и скудостію содержанія, они покупаютъ отъ монастыря или готовую келлію, находящуюся внѣ монастыря, иногда верстахъ въ двухъ отъ него, или же землю подъ келлію, и келлію выстраиваютъ сами. Затѣмъ живутъ они уже отдѣльно, по своему усмотрѣнію, занимаясь или земледѣліемъ, разведеніемъ виноградниковъ, фруктовыхъ садовъ, огородовъ, или писаніемъ иконъ и картинъ, или шитьемъ одежды и обуви. Нѣкоторые изъ келліотовъ имѣютъ при себѣ учениковъ, даровыхъ работниковъ; нѣкоторые за плату даютъ помѣщеніе, въ своей келліи монахамъ, не желающимъ жить въ монастырѣ; у нѣкоторыхъ изъ келліотовъ при келліяхъ имѣются и церкви, для служенія въ которыхъ они или имѣютъ своихъ іеромонаховъ, или приглашаютъ таковыхъ по праздникамъ изъ монастыря. Это келліотство едва ли гармонируетъ съ общимъ духомъ Aeона.

Монахи каливиты тоже живутъ не въ монастыряхъ, а въ уединеніи, особнякомъ, только не въ благоустроенныхъ келліяхъ, а въ убогихъ шалашахъ. Большинство изъ нихъ живутъ милостынею. За милостынею они обращаются и къ богомольцамъ, и приходятъ въ русскіе монастыри по праздникамъ, цѣлыми толпами, человѣкъ по 300 — 400. Греческіе монастыри, несмотря на то, что большинство каливитовъ родомъ греки, имъ не помогаютъ. Русскіе же монастыри по праздникамъ и кормятъ ихъ въ своей трапезѣ, и надѣляютъ сухарями и деньгами. Это нищенствующее монашество тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманіе, что между нимъ нерѣдко встрѣчаются и люди молодые, здоровые. Если нищенство въ мірѣ человѣку здоровому вмѣняется въ преступленіе и преслѣдуется, то непонятно почему оно терпится въ монашествѣ. Монахъ, какъ лицо стремящееся къ высшему совершенству, не менѣе мірянина долженъ трудами снискивать себѣ пропитаніе.

XIV.

Наша жизнь на Аѳонѣ.—Особенность Аѳонскаго Богослуженія.—Преимущество Аѳонскихъ Архимандритовъ. — Особенности монашества Аѳонскаго въ ношеніи камилавки. — Обряды въ трапезѣ.—Похороны на Аѳонѣ, кладбище и усыпальница.

Прожилъ я на Аѳонѣ десять дней съ 13-го по 22-е Іюля. Большую часть этого времени я провелъ въ Русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ. Только двое сутокъ я былъ внѣ монастыря, путешествовалъ по Аѳону, для посѣщенія нѣкоторыхъ монастырей его. Всѣхъ монастырей Аѳона я и не намѣренъ былъ посѣщать, во 1-хъ, въ виду трудности пути по скаламъ Аѳонскимъ (есть мѣста, гдѣ путешественникамъ приходится подни-

маться вверхъ по веревочной лѣстницѣ, или спускаться внизъ въ корзинѣ), и во 2-хъ, потому что всѣ монастыри Аѳона, какъ я слышала, устроены по одному образцу, руководятся однимъ уставомъ—вслѣдствіе чего и обзорѣніе всѣхъ святынь Аѳонскихъ не представляетъ особаго интереса.

Для жительства намъ троемъ: мнѣ, о. іеромонаху Свято-Троицкой Сергіевской Лавры Даниилу и г. подполковнику Щеголеву дана была одна большая комната, въ ней мы проводили время между службами, пили чай и ночевали. Обѣдать же и ужинать по буднямъ ходили въ общую для всѣхъ привилегированныхъ богомольцевъ столовую,—а въ праздники ходили въ общую монастырскую трапезу. Отдѣльно отъ монаховъ насъ кормили очень хорошо: обѣдъ и ужинъ состоялъ изъ трехъ и четырехъ блюдъ, по скоромнымъ днямъ съ рыбою, по постнымъ безъ рыбы, всегда приготовленный очень вкусно; — въ началѣ подавалась ракія, т. е. винный спиртъ; затѣмъ, на столѣ всегда стояло и мѣстное виноградное вино, красное въ родѣ лафита, только гуще и кислѣе; подавались и фрукты: сливы и виноградъ, въ концѣ обѣда кофе и опять вино. Обѣдъ - же въ общей монастырской трапезѣ, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, былъ очень скуденъ и простъ. Для компаніи по буднямъ съ нами всегда обѣдали и ужинали три или четыре монаха.

Богослуженіе на Аѳонѣ, какъ уже было сказано, очень продолжительно. Эта продолжительность зависитъ отъ точнаго выполненія устава, отъ отсутствія торопливости при чтеніи и пѣніи, отъ пѣнія съ канонархомъ, отъ частаго чтенія поминаній, отъ поученій. Кромѣ того Аѳонское богослуженіе имѣетъ много своихъ особенностей. Такъ мною было замѣчено слѣдующее:—1) на повечеріи и на молебнахъ каженіе совершается простымъ монахомъ —

пономаремъ; онъ кадитъ и алтарь, и средній храмъ, и народъ (для чего къ каждому подходитъ отдѣльно), съ металлическою ручкою кадильницею со звонками; при этомъ по праздникамъ лѣвый бокъ кадящаго закрывается пеленою, и кадильницу онъ держитъ не голою рукою, а прикрытою пеленой; — 2) при праздничномъ служеніи кадитъ не одинъ іеродіаконъ, а два, что бываетъ и въ Россіи, и при этомъ каждый изъ нихъ держитъ на лѣвомъ плечѣ вызолоченную модельку шести-главаго храма. Этою моделькою на плечѣ діакона, какъ мнѣ объяснили потомъ на Аеоуѣ, означаетъ то, что ветхозавѣтные левиты, которыхъ въ христіанскомъ богослуженіи замѣнили діаконы, носили на своихъ плечахъ Ковчегъ Завѣта; — 3) при совершеніи кажденія архимандритомъ, его сопровождаютъ 6 іеродіаконовъ — два съ діаконскими свѣчами, два съ малыми свѣчами и два съ модельками храма на плечахъ; — 4) царская фамилія поминается вся безъ уако-веннаго у насъ сокращенія, и на всѣхъ эктеніяхъ и великихъ и сугубыхъ; — 5) не только на литургіи, но и на вечернѣ и утрени и на всенощныхъ читаются заздрав-ныя и заупокойныя помянники; особенно долго читаютъ ихъ во время всенощныхъ на литіи; — 6) всенощныя начинаются малымъ повечеріемъ съ пѣніемъ на немъ обыч-наго канона. По окончаніи повечерія вся братія садится, и сидятъ при всеобщемъ молчаніи минутъ пять. Затѣмъ іеромонахъ, а не іеродіаконъ, возглашаетъ «востаните» и при всеобщемъ молчаніи въ предшествіи пономаря со свѣчею совершаетъ кажденіе алтари храма и народа, и уже по окончаніи кажденія возглашаетъ — «слава святѣй» 7) на праздничныхъ всенощныхъ только входъ съ кади-ломъ на Господи возвахъ и выходъ на величаніе, совер-шаются архимандритомъ, — литія же съ благословеніемъ хлѣбовъ отправляется однимъ іеромонахомъ съ двумя іер.діаконами при закрытыхъ царскихъ вратахъ. При

мнѣ, во время всенощной на 15 іюля, на входѣ съ кадиломъ и на величаніе выходили: архимандритъ, 20-ть іеромонаховъ и 8 іеродіаконовъ, при чемъ на входѣ съ кадиломъ два іеродіакона шли съ кадилами, два съ рипидами и четыре съ престольными крестами въ рукахъ. Входъ съ кадиломъ былъ совершенъ не на солею, а на средину храма. На величаніе вышли только послѣ пѣнія поііеіейныхъ псалмовъ, во время пѣнія которыхъ царскія врата оставались закрытыми. Тотчасъ же по окончаніи величанія всѣ священнодѣйствующіе ушли въ алтарь, и царскія врата до чтенія евангелія были закрыты. Священнослуженіе продолжалось одними только чередными іеромонахомъ и іеродіакономъ; — 8) пареміи читаются при открытыхъ царскихъ вратахъ; — 9) на канонѣ, всенощныхъ и утрняхъ вычитываются всѣ ветхозавѣтныя священныя пѣсни; — 10) на всенощныхъ и на утрняхъ всѣ малыя эктеніи произносятся не іеродіакономъ, а іеромонахомъ; — 11) литургія совершается только на двухъ просфорахъ; — одна служитъ для вынутія агнца, а изъ другой съ четырьмя печатами вынимаются части для прославленія Божіей Матери и Святыхъ и для поминовенія живыхъ и умершихъ; — 12) малый и великій входы на литургіи при соборномъ служеніи совершаются на средину храма; — 13) на великомъ входѣ при соборномъ совершеніи литургіи каждому іеродіакону полагается на плечи воздухъ, и такимъ образомъ употребляются воздухи и не нужные для совершаемой литургіи; — 14) при совершеніи литургіи и послѣ херувимской пѣсни священническіе возгласы говорятъ не однимъ первенствующимъ, а всѣми служащими священниками, — по очереди, — такъ что при совершеніи литургіи на 15 іюля архимандритомъ съ 14 іеромонахами ни одинъ іеромонахъ безъ возгласа не остался; — 15) на воскресныхъ утрняхъ, когда не положено поііеіей, поііеіейныхъ псалмовъ не поется.

На Аѳонѣ нѣкоторые іеродіаконы, съ благословенія архимандрита носятъ орарь длинный — архидіаконскій. Вообще, архимандриты аѳонскіе пользуются большими привиллегіями и властію, чѣмъ архимандриты русскихъ монастырей. Такъ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ они являются въ трапезу въ архіерейской мантии. Производство въ іеродіакона и іеромонаха вполнѣ представлено ихъ усмотрѣнію. По ихъ указанію, проживающіе на Аѳонѣ, на покоѣ, іерархи — посвящаютъ въ священныя степени, безъ всякихъ формальностей, не изслѣдуя правъ и достоинствъ посвящаемого, не испрашивая на это разрѣшенія Константинопольскаго Патріарха, въ непосредственномъ завѣдываніи котораго находится Аѳонъ.

Монахи аѳонскіе исповѣдуются и причащаются ежедневно, преимущественно по субботамъ. Подходя къ причастію они предварительно складываютъ крестъ, или какъ они называютъ ее, наметку, косыночку, закидываютъ ее за спину и обвязываютъ около шеи. Вообще, въ ношеніи камилавки у аѳонскихъ монаховъ есть своя особенность:—въ богослуженія и храма они не имѣютъ права обнажать головы, и во время Богослуженія рѣдко скидываютъ камилавку, по большей же части снимаютъ одну наметку, которая и не привязывается къ камилавкѣ, какъ у нашихъ монаховъ. Іеродіаконы въ облаченіи, при выходѣ на литію и при крестныхъ ходахъ, поверхъ камилавки надѣваютъ и крестъ, что у насъ въ монастыряхъ не принято.

Трапеза на Аѳонѣ по праздникамъ совершается торжественно: — послѣ того, какъ соберется въ нее братія, — входитъ архимандритъ въ архіерейской мантии, при пѣніи, предшествуемый двумя пономарями съ большими свѣчами въ подсвѣчникахъ, и въ сопровожденіи пѣвчихъ. Архимандритъ благословляетъ столъ и занимаетъ свое мѣсто. Начинается трапезованіе при обычномъ

въ монастыряхъ чтеніи житія святыхъ. Послѣ трапезы чтецъ іеромонахъ подходитъ къ архимандриту, кланяется ему до земли, получаетъ отъ него большую часть просфоры, при чемъ цѣлуетъ его руку и отходитъ. Архимандриту подносятъ корзину, онъ бросаетъ въ нее остатки хлѣба, и при этомъ произноситъ: — «благословенъ Богъ, умножая избытки укрупъ, всегда, нынѣ»... По его призыву, бросаетъ въ ту же корзину остатки хлѣба сидящая подлѣ него братія. Затѣмъ архимандритъ сходитъ съ своего мѣста и направляется къ выходу. Вблизи выхода онъ останавливается у стола, на которомъ лежитъ большая просфора, а по сторонамъ ея двѣ дымящихся кадильницы. Поются молитвы, во время которыхъ просфора обносится по братіи; каждый изъ братіи отламываетъ отъ нея для себя кусокъ; пономари же между тѣмъ берутъ кадильницы и проходятъ между братією; каждый изъ братіи отломленный для себя кусочекъ старается подержать надъ кадильницею, такъ, чтобы дымъ кадильный коснулся этого кусочка, и кусочекъ сѣдается. Послѣ этого архимандритъ читаетъ молитву, при чемъ кратко (не поименно) поминаются живые и умершіе, и выходятъ изъ трапезы. За цимъ слѣдуетъ и вся братія. Въ сѣняхъ трапезы, поклонившись въ землю, лежатъ монастырскіе повары изъ монаховъ же; этимъ они какъ бы просятъ у братіи прощенія за свои кулинарныя погрѣшности. Братія, въ предшествіи архимандрита, идутъ въ соборъ, и размѣщаются по формамъ. Здѣсь іеромонахомъ и іеродіакономъ, при открытыхъ царскихъ вратахъ, совершается краткая литія: произносится сугубая эктезія, возгласъ и отпусть, и провозглашается многолѣтіе царствующему дому, Константинопольскому Патріарху, Всероссійскому Святѣйшему Синоду и архимандриту съ братією. Архимандритъ слагаетъ съ себя мантію, и всѣ расходятся по келліямъ.

Пришлось мнѣ видѣть на Афонѣ похоронную процессію. Было это 16-го Іюля вечеромъ, послѣ вечерни. Хоронили пѣвчаго грека, монаха Никифора. Несли его на кровати; онъ былъ покрытъ чернымъ покрываломъ, украшенномъ красными крестами. Впереди несли крестъ и фонарь, потомъ шли два іеромонаха въ свѣтлыхъ эпитрахильяхъ, — у дверей останавливались и произносили заупокойныя эктеніи. Принесли на кладбище, остановились у одной изъ готовыхъ могилъ, поставили носилки на землю. Могильщикъ монахъ очевидно предупрежденъ не былъ, потому что его не было на мѣстѣ, не было даже и лопаты для зарытія покойника. Начали кричать, чтобы подали лопату. Чрезъ стѣну, съ горы, послышался вопросъ, кого принесли, и потомъ минутъ чрезъ 10 выкинули со стѣны двѣ лопаты. Тогда покойника раскрыли, одинъ изъ носильщиковъ монахъ вскочилъ въ могилу, ему подали покойника, онъ принялъ его въ охапку и опустилъ въ могилу, покойникъ облить былъ потомъ масломъ изъ лампы, голова его была ограждена и покрыта тремя плитками, двумя съ боковъ и одною сверху, покойника потомъ варыли, произнесли эктенію и разошлись. Всю похоронную процессію составляли человѣкъ 12-ть, не болѣе и это въ монастырѣ, гдѣ около 800 человѣкъ братіи на лицо! Это безучастіе къ умершему мнѣ объяснили тѣмъ, что покойникъ жилъ въ монастырѣ недолго, около двухъ лѣтъ.

21-го Іюля мнѣ пришлось видѣть отпѣваніе другого монаха, регента пѣвчихъ Григорія. Принесли его для отпѣванія изъ больничной церкви, гдѣ по немъ совершена была заупокойная литургія, — въ Успенскую церковь. Переносили при похоронномъ перезвонѣ. Братіи въ церкви было много, человѣкъ около 300. Отпѣвали — архимандритъ и іеромонахи; стояли они не около умершаго, а въ формахъ, и были въ однихъ эпитрахильяхъ.

Осмотрѣно было мною въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ и кладбище съ усыпальницею. Кладбище очень невелико, занимаетъ двѣ небольшихъ площадки: на горѣ и подъ горою. Могила расположена правильными рядами; надъ ними нѣтъ никакихъ возвышеній, въ возглавіи каждой стоитъ небольшой черный, четвероконечный крестъ съ надписью имени умершаго и времени его смерти. Могила неглубока, не болѣе полутора аршинъ. На Аѳонѣ чрезъ три года покойники вырываются, и если тѣла ихъ оказываются совершенно истлѣвшими, то черепа и остальные кости ихъ вынимаются изъ могилы, обмываются въ морѣ, и относятся въ усыпальницу; могилы-же ихъ такъ и остаются не зарытыми до слѣдующаго погребенія. Если-же тѣла умершихъ оказываются неистлѣвшими, — то онѣ, послѣ прочтенія надъ ними разрѣшительной молитвы, снова зарываются, а затѣмъ, доколѣ не истлѣютъ, ежегодно отрываются. Нетлѣніе умершаго считается на Аѳонѣ недобрымъ знакомъ того, что умершій не помилованъ Господомъ, а посему, тамъ усиливается молитва о тѣхъ умершихъ, тѣла которыхъ не тлѣютъ. — Усыпальница, это зданіе въ родѣ часовни; на передней стѣнѣ ея въ срединѣ помѣщенъ образъ Христа Спасителя, находящагося въ темницѣ, а по бокамъ сверху до низу устроены полки, на которыхъ рядами уложены черепа умершихъ, на нѣкоторыхъ черепахахъ написаны имена покойныхъ ихъ владѣльцевъ. На лѣвой стѣнѣ часовни полѣнницею сложены прямая кость рукъ и ногъ, а у дверей находится огромный ящикъ съ остальными костями. При насъ усыпальницею и кладбищемъ завѣдывалъ схимонахъ Веніаминъ: — онъ ведетъ списки умершихъ, зарываетъ ихъ и отрываетъ: обмываетъ кости ихъ и складываетъ въ усыпальницу. Онъ завелъ насъ въ выстроенную имъ для себя келлію (полчаса ходьбы отъ монастыря) съ 4-мя

коморками, и угостилъ арбузомъ. Келья эта очень убога, но онъ отъ нея въ большомъ восторгѣ, и ждетъ, какъ праздника, когда архимандритъ дастъ ему позволеніе уединиться въ ней.

XV.

Путешествіе по Аѳону.—Осмотрѣнные нами монастыри.—Различіе между русскими и греками на Аѳонѣ.—Обстоятельства извиняющія грековъ.—Отъѣздъ изъ Аѳона.—Возвращеніе въ Константинополь.—Новое ознакомленіе съ нимъ.—Возвращеніе въ Россію.

Для обзорѣнія (куда путь былъ неособенно затруднителенъ) монастырей Аѳона мы вчетверомъ (я, о. Давидъ, г. Щеголевъ и данный намъ въ руководители Пантелеймоновскій монахъ Гликерій) выѣхали изъ Пантелеймоновскаго монастыря въ пять часовъ утра 17-го Іюля во вторникъ,—въ 5 часовъ утра по нашему счисленію, на Аѳонѣ-же, какъ и вообще въ Турціи, свое исчисленіе времени. Съ закатомъ солнца часы тамъ ежедневно переводятся на 12-ть часовъ. Для надсмотра надъ мулами съ нами шелъ пѣшкомъ монастырскій чернорабочій болгаринъ. Въ 9-ть часовъ утра мы были въ Андреевскомъ скиту, застали тамъ конецъ литургіи: затѣмъ ходили пѣшкомъ (часть пути) въ Корею, потомъ вернулись въ Андреевскій скитъ, осматривали тамъ садъ, строящійся соборъ, усыпальницу, прикладывались къ мощамъ, обѣдали, отдыхали, пили чай, — часа въ три дня выѣхали, черезъ два часа пріѣхали въ Иверскій монастырь. Приложились къ тамошнимъ святынямъ, и, пробывши минутъ 20 у одного монаха, отправились дальше, а часовъ въ семь вечера прибыли въ Ильинскій скитъ, гдѣ и ночевали. Вечеромъ осматривали монастырь, а утромъ

прикладывались къ святинямъ. Часовъ въ семь утра 18-го Іюля въ среду отправились изъ Ильинскаго скита; часовъ въ 9-ть утра заѣзжали въ принадлежащій русскому Пантелеймоновскому монастырю Болгарскій Богородичный скитъ, гдѣ пробыли неbolѣе часа. Часовъ въ 11-ть дня прибыли въ Ватопедъ, тамъ пробыли часовъ до трехъ и отправились въ Зографъ; куда прибыли около шести часовъ вечера. Здѣсь отстояли вечерню и ночевали. Утромъ 19-го числа въ половинѣ 6-го часа утра изъ Зографа, проѣзжали мимо греческихъ монастырей Дохіара и Ксенофа. Около 9-ти часовъ утра мы были во временномъ своемъ пріютѣ, въ гостинницѣ Пантелеймоновскаго монастыря.

Дорога по Аеону была очень разнообразна: то приходилось подниматься въ горы, то спускаться съ горы, то ѣхать по берегу моря, то небольшими равнинами, то въ ущельяхъ горъ. Изрѣдка, при крутыхъ подъемахъ и спускахъ, проѣзжали мы дорогою, вымощенною аеонскою плитою, которая на Аеонѣ употребляется и на покрытіе домовъ; по дорогамъ эта плита не кладется, а ставится ребромъ плотно одна къ другой. Иногда дорога шла надъ обрывами, ѣхать по такой дорогѣ было страшновато. Горы Аеонскія по большей части покрыты растительностію, только верхушка самаго высокаго хребта Аеона представляетъ голую скалу. Эту вершину два раза пришлось видѣть выше облаковъ. По уступамъ, въ ущельяхъ горъ и по берегу иногда очень красиво выдаются или монастыри или отдѣльныя кельи.

Въ осматрѣнныхъ монастыряхъ много общаго: зданія высоки, въ 4—5 этажей, выстроены четыроугольникомъ, такъ что сами зданія служатъ и оградою монастыря;—дворы небольшіе, вымощенные плитою, посреди двора церковь;—церквей въ каждомъ монастырѣ нѣсколько, нѣсколько и мощей;—одна, двѣ, три главы угодниковъ, Божіихъ,

частицы мощей различныхъ святыхъ; въ каждомъ монастырѣ есть частицы животворящаго креста. Мощи хранятся съ серебрянныхъ ковчегахъ въ алтарѣ въ шкафахъ и для цѣлованія выносятся на средину. Главы церквей вездѣ очень малы, малы и кресты надъ ними; золоченыхъ крестовъ не приходилось видѣть (только въ Русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ кресты на церквахъ велики, украшены позолотою и разноцвѣтными стеклами). Въ каждомъ монастырѣ имѣется усыпальница для храненія череповъ и другихъ костей умершихъ.

Въ Андреевскомъ скиту строится новый большой соборъ. Доселѣ выложенъ только фундаментъ и подвалъ со сводами. Св. мощи тамъ хранятся въ одной общей ракѣ съ балдахиномъ, стоящей въ одной небольшой церкви.

Въ Ильинскомъ скиту лѣтъ 15 ть тому назадъ, во время посѣщенія Аэона Великою Княгинею Александрою Петровною, положенъ въ основаніе новаго собора огромный мраморный камень съ приличною на немъ надписью,— и съ тѣхъ поръ дѣло о построеніи тамъ новаго собора находится безъ движенія. Старый же соборъ малъ и для братіи, которой въ скиту около 300 человекъ.

Двѣ большихъ церкви Иверскаго монастыря и соборъ Зографа росписаны внутри священными изображеніями и по стѣнамъ и по потолку, и потому много напоминастъ соборы Московскаго Кремля, Свято-Троицкой Сергіевской лавры и лавры Кіево-печерской.

Въ Болгарскомъ скиту Пресвятой Богородицы великолѣпенъ новый соборъ, освященный во имя св. Кирилла и Меодія, учителей славянскихъ. На пути къ Андреевскому скиту и въ Корей мы видѣли человекъ 20 монаховъ нищихъ, они обращались къ намъ за милостынею.

Кромѣ этого двухъдневнаго путешествія на мулахъ, мы ходили еще пѣшкомъ въ греческій монастырь Ксиропотамъ и келію Пантелеймоновскаго архидіакона Лу-

кіана, служившаго когда-то ієродіакономъ при посольскихъ церквахъ Рима и Константинаполя. И келлія и Ксиропотамъ находятся отъ Пантелеймоновскаго монастыря въ разстояніи одного часа ходьбы. Келлія о. Лукіана очень обширна, проста, безъ роскоши, но съ удобствами. При ней находится очень порядочный фруктовый садъ. Въ келліи нѣсколько (4—5) комнатъ, одна изъ нихъ занята живописною мастерскою. О. Лукіанъ живописецъ, самоучка, пишетъ иконы и картины. Работы его очень красивы. Живетъ онъ съ другимъ монахомъ, молодымъ, который учится у него живописи.

Въ Ксиропотамѣ находится самая большая часть животворящаго древа съ язвою отъ гвоздя — три мученическихъ главы (одна—одного изъ семи братьевъ Маккавеевъ) и частицы мощей разныхъ святыхъ. Соборъ монастыря древній; весь росписанъ внутри и раздѣляется на двѣ части восточную и западную. Въ западной два придѣла; въ нихъ живопись очень аляповата, — вмѣсто сѣверныхъ и южныхъ дверей грязноватая, цвѣтныя занавѣски. Есть въ соборѣ хоросъ, внутри котораго помѣщена обыкновенная люстра, хоросъ украшенъ двухглавыми орлами. Есть отъ потолка свѣтильники въ двѣ свѣчки (подобный Ксиропотамскому хоросъ есть и въ Русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ въ соборѣ). Ксиропотамскій соборъ, кромѣ придѣловъ, вообще благолѣпенъ и не производитъ того непріятнаго впечатлѣнія, какое получается въ большинствѣ случаевъ при посѣщеніи греческихъ храмовъ.

Вообще и на Аѳонѣ такъ-же, какъ въ Іерусалимѣ, рѣзко сказывается различіе между русскими и греками. У русскихъ храмы благолѣпны, ризница богата, пѣніе стройно и пріятно, монахи привѣтливы. У грековъ же въ храмахъ мракъ, копоть, грязь; ризница — рухлядь, грязная, рваная, мятая; чтеніе торопливое, пѣніе некрасивое, унисономъ; о посѣтителяхъ монахи не заботятся.

Въ Корѣѣ, напримѣръ, монахъ грекъ, вызванный нами, сказалъ только, что чудотворная икона по случаю ремонта собора находится въ другой церкви, и тотчасъ же ушелъ, не указавши, гдѣ именно она находится, и не предложивши намъ показать ее; такъ что мы, побывавши въ Корѣѣ, такъ и остались, не выдавши этой святыни. Въ Ватопедѣ мы три часа ждали, чтобы намъ отперли церковь со святынями, да такъ и не дождались. Въ грекахъ, въ отношеніи къ русскимъ, замѣтно даже что-то непріязненное; такъ, помѣщающійся на землѣ греческаго Пантократорскаго монастыря русскій Ильинскій скитъ, находящійся посему въ зависимости отъ послѣдняго, стѣсненъ греками даже въ пользованіи водою и терпитъ недостатокъ въ іеромонахахъ и іеродіаконахъ. У грековъ менѣе, чѣмъ у русскихъ, развито чувство христіанскаго милосердія: нищенствующіе монахи каливиты и келліоты (ихъ на Аѳонѣ около 800 человекъ), хотя и греки по преимуществу, но живутъ пособіями не отъ грековъ, а единственно только подаваніями отъ русскихъ Пантелеймоновскаго монастыря и Андреевскаго и Ильинскаго скитовъ. Только адѣсь они по всеѣмъ праздникамъ пользуются столомъ и надѣляются сухарями и деньгами.

Въ оправданіе грековъ можно сказать, что они, находясь около 500 лѣтъ подъ тяжелою властію кровожадныхъ турокъ, много и много претерпѣли отъ нихъ, и потому и сами загрубѣли. Турки всячески тиранили грековъ и издѣвались надъ ними. Такъ, чтобы заставить грековъ носить фески, этотъ символъ подданства султану, рассказывали мнѣ въ Константинополѣ, турки пришивали фески къ головамъ грековъ желѣзными иглами, даже прибывали ихъ къ головѣ мелкими гвоздями. Чтобы заставить грековъ говорить по турецки, турки отрѣзывали у другихъ грековъ языки. На Аѳонѣ мнѣ рассказывали, что въ Салоникахъ былъ случай, когда турки ради потѣхи

нагрузили цѣлый возъ отрѣзанными у грековъ языками. Недавно еще было время, рассказывали мнѣ въ Іерусалимѣ, что греческіе архіереи, или являясь по дѣлу къ турецкимъ пашамъ, или случайно встрѣчаясь съ ними, должны были кланяться до земли и цѣловать у нихъ полы одежды. Много и много греки перетерпѣли отъ турокъ и звѣрскаго вѣнства, и униженій, и оскорбленій. Чтобы нѣсколько отвлечь отъ себя злобное вниманіе турокъ, чтобы нѣсколько облегчить ихъ тяжелый гнетъ, греки во многомъ должны были поддѣлываться подъ вкусъ турокъ. Самый напѣвъ греческаго богослуженія, поражающій своею неблагозвучностью, говорили мнѣ на Аѳонѣ, они заимствовали стъ турокъ. Въ этомъ я убѣдился и самъ, случайно услышавши на нароходѣ пѣніе турецкихъ солдатъ. Нужно сказать большое спасибо грекамъ и за то, что они, находясь подъ варварскою властію турокъ, совершенно не потеряли православія. Но теперь, слава Богу, турецкія звѣрства прекратились. Турки въ дѣлахъ вѣры грековъ не стѣсняютъ. Въ самомъ даже Константинополѣ православные храмы дозволено украшать крестами. Можно значить грекамъ и сознать свои религіозные и богослужебные недостатки и поучиться православію у русскихъ. И въ Іерусалимѣ и на Аѳонѣ что хорошо, то только русское, а все греческое не можетъ послужить ни къ утѣшенію, ни къ назиданію.

На Аѳонѣ Господь удостоилъ меня четыре раза совершить божественную литургію: 15 іюля въ Покровскомъ соборѣ, соборне съ о. архимандритомъ во главѣ и въ сослуженіи 13-ти іеромонаховъ, потомъ 20—21—22 іюля одному, даже и безъ іеродіакона въ небольшой Введенской церкви.

22 го іюля я выѣхалъ изъ Аѳона. Послѣ вечерни и молебна св. великомученику Пантелеймону, совершенныхъ въ Покровскомъ соборѣ, для насъ богомольцевъ въ Успенской церкви былъ отправленъ особый молебенъ въ бла-

гословеніе хотящимъ по водамъ плыти. Послѣ молебна мы ходили проститься къ о. архимандриту. Онъ благословилъ каждого изъ насъ видомъ Аеона, альбомомъ фотографическихъ снимковъ всѣхъ аеонскихъ монастырей, четками, иконою св. великомученика Пантелеимона и просфорою. Затѣмъ, мы поужинали и отправились въ лодкѣ въ общую аеонскую пристань Даэну. Тамъ до часа ночи мы ожидали парохода. Въ часъ ночи подвели въ лодкѣ и посадили на пароходъ «*Πάνορμος*». Пароходъ малъ, но очень быстръ на ходу. Стояли мы очень не долго и лишь только вышли въ открытое море, какъ началась сильная качка. Страдали очень многіе и очень сильно. Меня же Господь опять сохранилъ, я не страдалъ нисколько. Качка продолжалась около двѣнадцати часовъ къ ряду, до двухъ часовъ слѣдующаго дня. 24 іюля, во вторникъ, въ 10 часовъ утра мы прибыли въ Константинополь. Монахи аеонскіе по обычаю сняли насъ съ парохода и привезли къ себѣ на подворье.

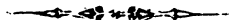
Въ Константинополѣ намъ пришлось ждать парохода, отправляющагося въ Одессу, до четверга 26 іюля. Въ это время я нѣсколько разъ принимался бродить по разнымъ улицамъ Константинополя. Между прочимъ вторично посѣтилъ бывшій храмъ Св. Софіи, нынѣ мечеть, осматривалъ ее долго и внимательно, сверху и снизу. Ясно видѣлъ во многихъ мѣстахъ остатки на стѣнахъ и сводахъ изображеній херувимовъ и крестовъ. На верху, на хорахъ, у западной стѣны, мнѣ показана была комната безъ входа въ нее, безъ оконъ и дверей, окруженная со всѣхъ сторонъ стѣнами. Вожатый объяснилъ, что, по преданію, въ этой комнатѣ былъ св. алтарь, что при взятіи Константинополя и при вторженіи турокъ въ храмъ Св. Софіи, въ этомъ алтарѣ совершалась божественная литургія. Далѣе, по объясненію вожатаго, одно преданіе говоритъ, что, турки ворвавшись въ храмъ, задѣлали на глухо камен-

ною стѣною выходѣ изъ этого алтаря и такимъ образомъ, живо похоронили въ немъ всѣхъ совершителей божественной службы; другое преданіе говоритъ, что въ это время Самъ Господь, чтобы сохранить отъ поруганія и божественныя тайны и совершителей оныхъ, воздвигъ стѣну всемошною Своею силою. На хорахъ, у южной стѣны, мнѣ показали другую стѣну, съ широкою, желѣзною рѣшетчатою дверью и объяснили, что эту стѣну съ дверью турки не одинъ разъ пытались сломать, но этой попытки никомъ образомъ не могли исполнить, потому что, при каждой попыткѣ стѣны храма начинали колебаться.

При этомъ третьемъ посѣщеніи Константинополя, я замѣтилъ въ немъ новую особенность: въ немъ очень мало лавокъ книжныхъ, картинныхъ и съ канцелярскими принадлежностями. Захотѣлось мнѣ пріобрѣсти на память видъ храма Св. Софія, понадобилось купить почтовой бумаги и конвертовъ, и исполнить то и другое удалось съ большимъ трудомъ. Часа два бродилъ по городу, прежде чѣмъ найти требуемое. Слаба значить у турокъ потребность въ письменности.

Изъ Константинополя выѣхали мы 26 іюля, въ четвергъ, около четырехъ часовъ вечера и 28 іюля, въ субботу, благополучно прибыли въ Одессу. Ъхали на пароходѣ «Россія». Весело было выйти на берегъ родной земли. Православные храмы лелѣяли взоръ, русская рѣчь веселила. Кончился далекій, казавшійся опаснымъ, морской путь. Благодареніе Господу за то, что онъ помогъ мнѣ преодолѣть сомнѣнія, останавливавшія меня отъ этой поѣздки! Благодареніе Господу за то, что Онъ удостоилъ меня помолиться и послужить въ Іерусалимѣ въ храмѣ Воскресенія, у Гроба Господня и на Голгоѣ, въ Геесиманіи, у дуба Мамврійскаго, на Елеонѣ, въ Виелеемѣ и въ Горней, искупаться въ Іорданѣ и Тиверіадскомъ оверѣ, побывать въ Назаретѣ, на Өаворѣ и въ Канѣ, насладить-

ся зрѣніемъ удѣла Божіей Матери—св. горы Аѳонской и
посмотрѣть аѳонскихъ подвижниковъ вѣры и благочестія.
Не сожалею о томъ, что я совершилъ, этотъ дальній продол-
жительный путь. Будь этотъ путь и дешевле и короче, я
бы съ удовольствіемъ предпринялъ его и во второй разъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I. Постепенное подготовленіе къ дальшему путешествію.—Борьба съ сомнѣніями, явившимися предъ путешествіемъ.—Отъѣздъ и путь до Константинополя.	1
II. Пріѣздъ въ Константинополь.—Пребываніе въ немъ.—Обозрѣніе его достопримѣчательностей.	8
III. Отъ Константинополя до Смирны и въ Смирнѣ.	15
IV. Путь до Александріи.—Александрія и Портъ-Сандъ.	19
V. Яффа.—Путь къ Іерусалиму.—Въѣздъ въ Іерусалимъ.—Посѣщеніе Храма Воскресенія.—Визитъ къ Патріарху.	24
VI. Посѣщеніе нѣкоторыхъ Іерусалимскихъ монастырей.—Служеніе въ Русскомъ храмѣ въ Геосиманіи.—Посѣщеніе Елеона и гробницъ пророковъ.—Ночь и служеніе у Гроба Господня. 30	
VII. Путешествіе къ дубу Мамврійскому.—Посѣщеніе Внелеема.—Служеніе на гробѣ Богоматери въ Геосиманіи и служеніе на Голгоѣ.	39
VIII. Путешествіе къ Іордану.—Пребываніе въ Іерихонѣ.—Молебень и купанье въ Іорданѣ.—Путь отъ Іордана къ горѣ Сблзана и въ монастырь Георгія Ховевита.—Возвращеніе въ Іерусалимъ и посѣщеніе Горней.	43
IX. Послѣдній день въ Іерусалимѣ:—похороны въ Іерусалимѣ, Сіонѣ и Армянская Патріархія, служеніе на Елеонѣ, прощаніе съ храмомъ Воскресенія, съ Патріархомъ, отъѣздъ изъ Іерусалима,—возвращеніе въ Яффу.	49
X. Отъ Яффы до Назарета и въ Назаретѣ.	52
XI. Изъ Назарета въ Кану, Тиверіаду, на Өаворъ, обратно въ Назаретъ, Каифу и Яффу.	57
XII. Отъ Яффы до Константинополя и Алона	63

- XIII. Осмотръ Пантелеймоновскаго монастыря.—Строгость монашеской жизни на Аѳонѣ.—Нежелательныя стороны къ Аѳонскому монашеству: запрещеніе мытья, скорость постриженія женатыхъ, монахи келіоты и каливиты. 70
- XIV. Наша жизнь на Аѳонѣ.—Особенность аѳонскаго богослуженія.—Преимущество аѳонскихъ архимандритовъ.—Особенности монастыря аѳонскаго въ пошеніи камлавки.—Обряды въ трапезѣ.—Похороны на Аѳонѣ, кладбище и усыпальница. 78
- XV. Путешествіе по Аѳону.—Осмотрѣнные нами монастыри.—Различіе между русскими и греками на Аѳонѣ.—Обстоятельства извиняющія грековъ.—Отъѣздъ изъ Аѳона.—Возвращеніе въ Константинополь.—Новое ознакомленіе съ нимъ.—Возвращеніе въ Россію. 86

ПРОРОКЪ ИЛІЯ

И

ИЗВЛЕКАЕМЫЕ ИЗЪ ЖИЗНИ ЕГО УРОКИ

Извлечено изъ англійскаго сочиненія

Чарльза МАЙЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Сойкина, Вознесенскій пр., № 47

1892

Доводено цензурою. С.-Петербургъ, 3 марта 1892 года.
Цензоръ Архимандритъ Тихонъ.

ГЛАВА I.

Наступилъ періодъ быстрого распространенія идолопоклонства и господства его въ землѣ десяти колѣнъ Израилевыхъ; поклоненіе Іеговъ, повидимому, навсегда потеряло свою силу. Такъ думалъ Ахавъ, такъ думала Іезавель, такъ думали разсѣянные по всей землѣ пророческіе ученики и ложные пророки. Въ своихъ предположеніяхъ они упустили одно изъ виду—Самаго Іегову. Они забыли, что когда люди доходятъ до послѣднихъ предѣловъ зла, тогда начинаетъ дѣйствовать Господь, и однимъ ударомъ разрушаетъ все сдѣланное раньше безъ Него. Страницы, повѣствующія намъ объ этомъ, страшны для враговъ Божіихъ и полны утѣшенія для любящихъ Бога и назиданія для будущихъ временъ.

Послѣ смерти Соломона, единое царство Израиля распалось на два отдѣльныхъ царства: въ южномъ царствовалъ Ровоамъ, въ сѣверномъ Іеровоамъ. Послѣдній дорожилъ своею властью и боялся, что путешествіе его поданныхъ въ Іерусалимъ на праздники два или три раза въ годъ можетъ отшатнуть ихъ отъ него, поколебать неокрѣпшую еще вѣрность ихъ, и потому рѣшилъ установить поклоненіе Іеговъ въ собственной землѣ, для чего

выстроилъ два храма: въ Данѣ на сѣверѣ и въ Веилѣ на югѣ. Іегова изображенъ былъ въ нихъ въ видѣ тельца, ядущаго траву, и это было прямымъ нарушеніемъ 2-й заповѣди. Поэтому, какъ погребальный звонъ, звучать часто повторяемыя въ этой книгѣ слова: «Іеровоамъ, сынъ Наватовъ, который ввелъ Израиля въ грѣхъ» (3 Цар. гл. 15, ст. 26, 30).

Послѣ многихъ переворотовъ и кровопролитій, царство Израильское перешло къ предпримчивому вождю Амврию, а затѣмъ къ сыну его Ахаву, о которомъ говорится, что онъ «дѣлалъ неугодное предъ очами Господа, больше всѣхъ бывшихъ прежде него». (3 Цар. 16, 30). Когда молодая красавица Іезавель покидала блестящій тирскій дворецъ, чтобы сдѣлаться супругой израильскаго царя, союзъ этотъ вѣроятно казался блестящимъ, но, какъ не рѣдко случается, этотъ блестящій союзъ принесъ съ собою только горе и несчастіе, въ наказаніе за то, что Ахавъ нарушилъ повелѣніе Господа: «не вступать въ бракъ съ нечестивыми», и его безхарактерность сдѣлала его орудіемъ въ рукахъ порочной и жестокой Іезавели. Когда она покидала свою родину, жрецы Ваала, ея руководители и воспитатели, убѣдили ее употребить всѣ мѣры ко введенію въ Израиль жестокихъ и постыдныхъ обрядовъ ея религіи. Іезавель не замедлила это исполнить. Сначала она выстроила храмъ Ваалу въ Самаріи, а затѣмъ повсюду стали появляться храмы и капища въ честь ложныхъ боговъ, между тѣмъ какъ жертвенники Іеговы безпощадно разрушались, а гордые и жестокіе пророки Ваала наводнили землю. Началось преслѣдованіе истинныхъ пророковъ и истребленіе ихъ; нѣкоторые изъ нихъ, оставшіеся въ живыхъ, принуждены были спасаться въ пещерахъ горы Кармилъ, гдѣ богобоязненный Авдій, подвергая опасности собственную жизнь, оберегалъ и питалъ ихъ. Изъ всего Израиля только семь тысячъ не прекло-

нили колѣнъ передъ Вааломъ, но они были такъ разсѣяны преслѣдованіями въ землѣ Израильской, что Илія, во время полного своего одиночества, даже и не подозрѣвалъ о ихъ существованіи. Вся страна, казалось, отступила отъ Іеговы. Зло умножалось, любовь изсякла, лжеученіе быстро распространялось и свѣтъ истины угасалъ. Но Господь не забылъ своего народа; въ это страшное время, Онъ втайнѣ приготовлялъ немощнаго человѣка, для исполненія своихъ предначертаній. Эготъ человѣкъ былъ—Илія.

Илія былъ изъ Галаадскихъ поселенцевъ. Дикая и необработанная страна Галаадъ лежала на востокъ отъ Іордана. Характеръ жителей этой страны вполне соответствовалъ ея свойствамъ. Живя въ пещерахъ и занимаясь пастушествомъ, эти дикіе, необузданные люди, не признавали ни закона, ни какихъ бы то ни было ограниченій. Илія росъ какъ и всѣ его сверстники, и въ юности вѣроятно пасъ овецъ на дикихъ холмахъ. Его высокій станъ, суровая наружность, сила мышцъ, одежда изъ верблюжьей шерсти, способность переносить всякое физическое утомленіе,—все это отличало его отъ жителей долинъ, но не отличало отъ людей выросших вмѣстѣ съ нимъ въ Огсвѣ, отъ которой онъ получилъ названіе *Огсвитянина*. И не въ физической силѣ заключалось его могущество. По мѣрѣ того, какъ Илія возрасталъ, въ немъ проявлялись глубокое и искреннее благочестіе и ревность по Богѣ Саваоѣ. Когда онъ предавался благоговѣйному изученію Священнаго Писанія, то мѣста, гдѣ говорилось о дѣйствіяхъ Іеговы и милостяхъ Его къ Израилю, особенно привлекали его вниманіе. Когда же до него дошла страшная вѣсть о томъ, что дѣлается за Іорданомъ, когда вѣстники одинъ за другимъ рассказывали какъ Іезавель уничтожаетъ поклоненіе Богу, убиваетъ Его пророковъ и вводитъ нечестивое поклоненіе божествамъ тирскимъ, то

его негодованіе не знало предѣловъ. Илія всей душой жаждалъ востановленія жертвенника Господня, и началъ дѣйствовать молитвою. «Онъ молитвою помолился» (Іак. 5, 17). Молитва навела его на воспоминаніе о томъ, какъ Моисей предостерегалъ израильтянъ отъ служенія инымъ богамъ, съ угрозою что: «тогда воспламенится гнѣвъ Божій на васъ, и заключить Онъ небо и не будетъ дождя» (Втор. 5: 11, 17). Илія сознавалъ, что лучше народу испытать голодъ и страшнѣйшую жажду, лучше ему самому погибнуть жертвой народнаго возмущенія, нежели пережить отступленіе Израиля и забвеніе Истиннаго Бога, когда народъ окончательно впадетъ въ идолопоклонство. И вотъ Илія «молитвой молился, чтобы не было дождя» (Іак. 5, 17), и эта потрясающая сердце молитва была услышана! «Ты сдѣлалъ это, и Я молчалъ, и ты думалъ, что Я такой же какъ и ты, но Я обличу тебя, и исправлю дѣла твои», говоритъ Господь (Псал. 49, 21). Наступило страшное народное бѣдствіе,—но оно было необходимо, чтобы исцѣлить народную язву, истребить жрецовъ Ваала и возстановить на горѣ Кармилъ жертвенникъ Іеговы.

Отсюда мы можемъ видѣть, что когда и насъ постигаютъ тяжелыя несчастія, намъ не слѣдуетъ впадать въ отчаяніе; мы должны вѣрить, что это не случай, но дѣло Того, Кто любитъ насъ и печется, чтобы мы не отпадали отъ Него. Господь открылъ Илію, что его молитва услышана и что засуха была послѣдствіемъ его молитвы, и далъ ему порученіе извѣстить Ахава и народъ о причинѣ постигшаго ихъ бѣдствія. Илія идетъ къ царю и говоритъ ему: «Въ эти годы не будетъ ни росы, ни дождя, развѣ только по моему слову» (3 Цар. 17, 1). Отъ Іліи, много требовалось самоотверженія, чтобы идти къ Ахаву; онъ не могъ ожидать ничего лучшаго той участи, которой подверглись и менѣе смѣлые пророки, бывшіе прежде

него. Но онъ пошелъ на встрѣчу грозившей ему опасности, и вышелъ изъ нея побѣдителемъ.

Въ чемъ же была тайна и источникъ этой силы? Илія, ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ своихъ соотечественниковъ; жилъ въ такой же обстановкѣ, какъ и они, и его сила исходила изъ Источника, доступнаго для каждаго изъ насъ, отъ Бога. Самъ Илія указываетъ на этотъ источникъ: «Живъ Господь Богъ Израилевъ, предъ Которымъ я стою» (3 цар. 17), говоритъ пророкъ, представъ предъ Ахавомъ. Вникнемъ въ эти слова.

«Живъ Господь Богъ Израилевъ».... Для многихъ израильтянъ, ихъ Богъ, безмолвно терпѣвшій всѣ ихъ беззаконія, казался какъ бы не существующимъ; но для Илія въ Господѣ сосредоточивалась вся жизнь, и въ Немъ одномъ заключалась цѣль его жизни. Господь далъ ему силу, но эта сила дастся и намъ, если мы съ такою же благоговѣйною и твердою вѣрою можемъ сказать: Я знаю, что живъ Спаситель и ходатайствуетъ за насъ! Онъ страдалъ, умеръ на Крестѣ, былъ погребенъ, но я твердо вѣрю, что Воскресшій Спаситель мой живъ.

«Предъ Которымъ я стою!» Илія стоялъ предъ Ахавомъ, но чувствовалъ присутствіе инаго, высшаго надъ всѣми Властителя. Онъ чувствовалъ присутствіе Господа, предъ Которымъ «благоговѣйно предстоятъ Ангелы» (Лук. 1, 19), и это чувство дало Илію побѣду! Будемъ-же развивать въ себѣ сознаніе постоянного присутствія Господа. Будемъ жить и дѣйствовать съ постоянною мыслію, что «мы стоимъ предъ Господомъ», и это сознаніе поставитъ насъ превыше всякаго страха человѣческаго. Вотъ почему и Илія былъ неустрашимъ предъ Ахавомъ. Онъ сознавалъ, что стоитъ предъ Богомъ, какъ призванный Имъ слуга. Замѣтимъ, что самое имя «Илія», можетъ быть переведено: «Господь—мой Богъ» —или Господь—моя сила. Какъ безумно полагаться на наши слабыя, ничтожныя

силы! Будемъ стремиться обладать силою Іліи, и искать ее въ Богѣ, и тогда мы можемъ сказать вмѣстѣ съ апостоломъ: «Все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ» (Филип. 4, 13).

ГЛАВА II.

Если бы мы признали, что Ілія обладалъ таинственной силой, недоступной для другихъ людей, то мы могли бы и не углубляться въ изученіе его жизни. Эта жизнь представляла бы примѣръ, далеко превосходящій наши силы, и недостижимый для насъ идеаль; но мы утверждаемъ, что Ілія былъ такой же слабый человѣкъ какъ и всѣ мы, и если онъ побѣдилъ идолопоклонство и обратилъ свой народъ къ Богу, то совершилъ это силою Господа, въ немощи совершающейся.

Источникомъ силы пророка, двигавшей горами и свѣтившей какъ звѣзда во мракѣ, была вѣра въ Бога. Эта сила доступна всякому человѣку, чувствующему въ своемъ сердцѣ готовность, подобно Іліи, служить Господу; но для того, чтобы пріобрѣсти вѣру, могущую побѣждать царства, возстановлять истину и обращать въ бѣгство враговъ, мы должны постепенно, шагъ за шагомъ, пройти извѣстную школу христіанскаго совершенствованія. Прежде чѣмъ стать на высотѣ Кармила, Ілія долженъ былъ скрыться у потока Хорааа, а потомъ удалиться въ Сарепту. Труденъ этотъ путь, но онъ былъ труденъ и для Іліи. Оставляя Θεсу, чтобы объявить въ Самаріи то, что тяготило его душу, онъ вѣроятно желалъ знать, что предстоитъ ему дѣлать дальше? Но Господу неужгодно, чтобы мы, Его дѣти, въ своихъ предположеніяхъ и разсуждені-

якъ опережали Его указанія. Онъ сообщаетъ намъ только то, что мы можемъ виѣстить и исполнить, но не даетъ полного откровенія разомъ, дабы не смущать насъ и внушить намъ смиреніе. Можетъ быть, нашу душу тяготитъ сознаніе неисполненной обязанности, страшитъ неизвѣстность будущаго. Но страшиться нечего; надо вѣрить, что не мракъ ждетъ насъ впереди, а твердый путь, каждый камень котораго положенъ Самимъ Богомъ. Подобно тому, какъ Господь посылалъ манну израильтянамъ въ пустынь, Онъ и намъ даетъ ежедневно насущный хлѣбъ, и во всѣхъ трудностяхъ жизни посылаетъ намъ силу.

Господь сказалъ Иліи: «Поди отсюда, обратись на востокъ и скройся у потока Хораа». Человѣкъ, котораго ждетъ возвышеніе предъ своими собратіями, долженъ смириться духомъ предъ Богомъ. Богъ иногда удаляетъ такого человѣка изъ среды, въ которой онъ считалъ себя необходимымъ, дабы внушить ему, что можетъ быть онъ и не нуженъ для исполненія предначертаній Божіихъ, и показать, какъ иногда много грѣховнаго примѣшивается къ его побужденіямъ. Въ уединенной долинь Хораа, Иліа могъ размышлять о слабости своихъ личныхъ силъ и о необходимости всѣмъ сердцемъ предаться волѣ Божіей.

Счастливъ, кто призванъ совершить дѣло Божіе; счастливъ любящій Бога, который, довѣряясь путямъ Господнимъ, можетъ во всякое время сказать: Да будетъ воля Твоя!.. Въ этомъ настроеніи сердца, онъ становится способнымъ въ немощи воспринять силу Божію, необходимую для борьбы со зломъ, и готовность перетерпѣть униженіе ради Господа.—«И пошелъ онъ, и сдѣлалъ по слову Господню». (3 Цар. гл. 17, ст. 3). Господь повелѣлъ Иліи укрыться отъ поисковъ Іезавели, не выходя изъ предѣловъ Израіля. Повелѣнію этому оставалось только повиноваться, а чтобы ободрить Илію въ виду наступающей засухи и голода, Господь посылаетъ его къ потоку, и из-

вѣщаетъ его, что «воронамъ велѣлъ питать тебя тамъ. И пошелъ онъ!»! Человѣкъ сначала со страхомъ исполняетъ повелѣніе Божіе, но убѣдившись, что милость Господа даже превышаетъ дарованныя Имъ обѣтованія, онъ укрѣпляется вѣрою, и стремится впередъ, къ новымъ подвигамъ вѣры, къ новому служенію Богу. Подобно орлу, носящему на крыльяхъ птенцовъ своихъ, пока они не научатся летать, Господь заботится о насъ, руководить нами, пока не исполнится слово Его: «Все возможно вѣрующему»! Илія, дошелъ до того мѣста, гдѣ потокъ впадаетъ въ Іорданъ. По двумъ сторонамъ Хораа, возвышались величественныя горы, открывавшія только небольшое пространство голубаго неба; вѣтви деревьевъ переплетались, составляя естественную защиту отъ жгучихъ лучей полуденнаго солнца; по берегамъ ручейка, ковромъ пестрѣли яркіе цвѣты. Мѣстность была живописная.

«И вороны приносили ему хлѣбъ и мясо». Вотъ поразительный примѣръ помощи всемогущаго Бога и попеченія Его о Своихъ дѣтяхъ, заставляющій насъ твердо вѣрить, что Господь никогда не оставитъ насъ и что пощечительная любовь Его сохранить насъ, какія бы лишенія и испытанія насъ ни постигали. Если мы исполняемъ волю Божію на землѣ, какъ она исполняется на небѣ, то милосердый Отецъ Небесный приметъ на Себя заботу о дарованіи намъ хлѣба, котораго мы просимъ у Него. Довѣримся же Его обѣщанію и будемъ искать прежде Царства Божія и Правды Его, и это все приложится намъ.

По прошествіи нѣкотораго времени, въ Хорааѣ потокъ высохъ. Самое пылкое воображеніе можетъ лишь смутно представить себѣ то состояніе, въ которое пришла Обѣтованная Земля, послѣ первыхъ мѣсяцевъ засухи. Гористыя пастбища, лѣса и нивы, были сожжены какъ-бы огнемъ; рѣки и потоки изсякли; солнце восходило и заходило, не

омраченное ни однимъ облачкомъ; не было росы, чтобы осыѣжить раскаленную землю; изсякъ наконецъ и источникъ Хораеа и на днѣ его русла остались одни камни. Какъ же отнестя къ этому Илія? Онъ съ полною вѣрой ожидалъ дальнѣйшихъ повелѣній Божіихъ. Не находятся ли и среди насъ люди въ столь же безвыходномъ положеніи, какъ Илія у изсохшаго Хораеа? Неизлѣчимыя болѣзни, потеря друзей, нищета, все это можетъ привести людей къ ропоту и сомнѣнію, — но Господь попускаетъ такія лишенія и скорби, дабы научить насъ прилѣпляться не къ дарамъ Его, а только къ Нему Самому. Господь хочетъ очистить насъ, ослабить узы, приковывающія насъ къ земному, чтобы вывести насъ въ другой кругъ дѣятельности на путь духовнаго развитія, и указать намъ ея различіе между земными источниками и никогда не изсякающимъ потокомъ, исходящимъ отъ Престола Божія. Проникнемся же этими мыслями и обратимся къ единому вѣрному источнику—Христу, въ Которомъ обитаетъ полнота, неуменьшаемая жаждою цѣлыхъ міріадъ святыхъ, которые, подобно тому, какъ мы на землѣ, утоляютъ ее на небѣ у Источника вѣчной Любви. «Кто будетъ пить воду, которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждать во вѣкъ, но вода, которую Я дамъ ему, сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную». (Іоан. 4, 14).

ГЛАВА III.

Садовникъ, чтобы придать растеніямъ большую силу и пышность, пересаживаетъ ихъ съ одной почвы на другую; винодѣлъ нѣсколько разъ переливаетъ вино по сосудамъ, чтобы сдѣлать его вкуснымъ и прозрачнымъ. По-

добно тому, и людямъ для христіанскаго усовершенствованія, нужны перевороты и перемѣны въ жизни, такъ какъ жизнь беззаботная не даетъ возможности обнаружиться духовнымъ дарованіямъ человѣка. Господь посылаетъ ему перевороты неожиданные въ жизни, переселяетъ его изъ одной мѣстности въ другую. Эти перемѣны, повидимому, грозятъ нарушеніемъ духовнаго строя его жизни, но если онъ узнаетъ въ нихъ Промыслъ Божій и принимаетъ ихъ съ вѣрой и терпѣніемъ, то они проявляютъ въ немъ чудное дѣйствіе благодати. Все это исполнилось и на Іліи. Подобно вину, переливаемому изъ сосуда въ сосудъ, Ілія долженъ былъ переходить изъ одного состоянія въ другое; домашній очагъ, потомъ Израель, Хораѡ и Сарепта, были сосуды, чрезъ которые ему необходимо было пройти, иначе онъ не достигъ бы той нравственной высоты, которая поставила его на горѣ Преображенія вмѣстѣ со Христомъ и Моисеемъ.

Не будемъ-же унывать, если насъ постигаютъ несчастія и внезапныя перемѣны, когда избранныя нами условія жизни должны неожиданно измѣниться. Господь ведетъ Насъ, подобно тому, какъ Онъ велъ Израильскій народъ облачнымъ столпомъ и гласомъ трубнымъ. Онъ приготовляетъ насъ къ исполненію нашего славнаго призванія. Будемъ вѣрить, что обстоятельства нашей жизни—именно тѣ самыя, которыя нужны для нашего духовнаго развитія. Они избраны Господомъ изъ множества другихъ обстоятельствъ, какъ самыя полезныя и наилучшія средства для достиженія совершенства. Человѣкъ, живущій предъ лицемъ Господа, можетъ сказать: «Такъ говоритъ Господь, предъ Которымъ стою». Для него измѣняющіяся обстоятельства затрогиваютъ лишь внѣшнюю сторону жизни. Что-бы они ни отнимали отъ него, они не могутъ отнять у него Бога, и чтобы ни приносили съ собою, они не могутъ принести болѣе того, что мы

обрутаемъ въ самомъ Богѣ. Это сознаніе присутствія Божія во всѣхъ нашихъ жизненныхъ обстоятельствахъ есть всеобъемлющая мысль, служащая для насъ вдохновеніемъ, успокоеніемъ и утѣшеніемъ на всякій часъ нашей жизни.

При мысли о присутствіи Божіемъ, люди и обстоятельства освѣщаются новымъ свѣтомъ, подобно тому, какъ природа, озаренная яркими лучами солнца, получаетъ въ глазахъ нашихъ новую прелесть. Исполнять Божіи предначертанія, повиноваться малѣйшему мановенію Его воли, пребывать погруженнымъ въ созерцаніе Его, преисполняться радостію, которую разливаетъ Его присутствіе,—вотъ стремленіе духа, озареннаго благодатію. Она можетъ быть нашимъ достояніемъ, силою Святаго Духа, если наше сердце открыто къ ея принятію.

Что было-бы съ нами, если-бы намъ пришлось быть на мѣстѣ Иліи у изсыхающаго источника? Мы впали-бы въ уныніе, тревожась за будущее; затѣмъ стали-бы строить разныя предположенія, раздумывать, что намъ дѣлать дальше, можетъ быть рѣшили-бы отправиться въ путь прежде божественнаго указанія и согрѣшили-бы, какъ согрѣшилъ Саулъ, когда самъ принесъ всесожженіе, «не дождавшись Самуила». (1 Цар. 13, 12).

Онъ-же, долготерпѣливый и многомилостивый, часто освобождаетъ насъ отъ нашихъ затрудненій. Довѣримся-же ему вполне! Тогда намъ откроются пути Его; тогда намъ не придется отступать съ горькими слезами поворота изъ того лабиринта противорѣчій и скорбей, въ который мы произвольно вошли. Примѣромъ точнаго исполненія воли Божіей для всѣхъ, а особенно для служителей церкви является Моисей, которому было сказано Господомъ: «Смотри, сдѣлай все, по образу, показанному тебѣ на горѣ». (Евр. 8, 5). Моисей не долженъ былъ сдѣлать ни одного колокольчика, ни одной кисти, ни занавѣса, ни

сосуда для скинія, иначе какъ по образу, указанному Богомъ, когда онъ былъ взятъ на гору.

Другой примѣръ явленъ намъ Христомъ, Который сказалъ: «Сынъ ничего не можетъ творить Самъ отъ Себя, если не увидитъ Отца творящаго. (Іоан. 5, 19).

Отрекшись отъ Себя, Христосъ жилъ въ непрестанномъ послушаніи волѣ Отца и, слѣдуя ея предначертаніямъ, пошелъ на смерть, воскресъ, вознесся къ престолу Всевышняго и пребываетъ тамъ въ ожиданіи Своего славнаго втораго пришествія. Все сотворившій жилъ жизнію, полною зависимости! О, если-бы мы всегда слѣдовали этому высокому примѣру смиренія!

Илія не допустилъ недовѣрію закрасться въ его сердце; безнадежныя обстоятельства не затмили въ его душѣ мысли о присутствіи Бога,—онъ видѣлъ Господа вездѣ, и, проникнутый этою вѣрою, бодро смотрѣлъ на все окружающее. И тогда только къ его непоколебимому духу было обращено Слово Господа: «Встань, поди въ Сарепту»!.. Будемъ-же и мы съ твердой вѣрой ожидать указаній воли Божіей, обращаясь къ Нему съ молитвою: «Господи, открой мнѣ Твои пути и научи меня творить волю Твою».

И всталъ Илія, и пошелъ въ Сарепту,—какъ прежде пошелъ къ потоку Хараеъ и какъ по слову Господа пришелъ къ Ахаву. Слово это было для Ілии не подлежащимъ сомнѣнію повелѣніемъ и онъ немедленно его исполнилъ.

Исполненіе Слова Отцаго было и для Христа цѣлію, къ которой стремилось сердце Его: «Я желаю исполнить волю Твою, Боже мой!» (Псал. 39, 9). Приснодѣва, Матерь Господа нашего, въ простотѣ сердца произнесла слова, имѣющія великое значеніе для всѣхъ вѣковъ; слова эти были изречены ею на свадебномъ пиру въ Канѣ Галилейской и обращены къ прислужникамъ: «Что скажетъ Онъ вамъ,—то сдѣлайте». (Іоан. 2, 5). Мы должны радостно повиноваться Господу, принесшему Себя въ иску-

цательную жертву за всѣхъ людей ради любви Его къ намъ, и только тогда мы будемъ пользоваться Его драгоценными дарами.

Слово Сарепта — значить «горящее горнило». Городъ этотъ находился за предѣлами земли Ханаанской, на мѣстѣ нынѣшняго Сурафенда. Сарепта принадлежала къ той странѣ, откуда Іезавель привела своихъ нечестивыхъ царедворцевъ, и гдѣ, какъ и въ Ханаанѣ, въ это время была засуха. Путь Иліи, долгій и утомительный, пролегалъ черезъ ту страну, гдѣ его ненавидѣли и изъ которой изгнали, такъ что, для пророка, Сарепта вполнѣ соотвѣтствовала своему наименованію. Это путешествіе было прохожденіемъ черезъ горнило, чрезъ огонь очищенія, для истребленія въ Иліи духа гордости, который можетъ быть гнѣвдился въ тайникахъ его сердца.

«И когда пришелъ къ воротамъ города, вотъ тамъ женщина вдова, собираетъ дрова». Не случайна была эта встрѣча. Можетъ быть вдовица имѣла предвѣстіе о приходѣ Иліи, какъ можно заключить изъ словъ Господа: «Я повелѣлъ тамъ женщинѣ вдовицѣ, кормить тебя». (3 Цар. 17, 9). Очевидно, что въ этой женщинѣ сохранились проблески вѣры и зародыши добра, и было такое настроеніе сердца, какого нельзя было найти у многочисленныхъ вдовъ земли Израильской (ср. Лук. 4, 25. 26). Потому-то она и удостоилась встрѣтить Пророка, и подѣлиться съ нимъ щедротами Отца Небеснаго.

Какъ получившая предвѣстіе отъ Бога, эта женщина не удивилась, когда, истощенный жаждою и утомленный долгимъ путемъ, пророкъ обратился къ ней съ просьбою принести ему немного воды въ сосудѣ. Готовность ея послужить пророку ободрила Илію и онъ воскликнулъ вслѣдъ ей: «возьми для меня и кусокъ хлѣба въ руки свои». Это скромное требованіе раскрыло тайную скорбь сердца вдовицы. У нея не было хлѣба! Все, что она имѣла, состояло

только изъ горсти муки и небольшого количества масла; она собирала дрова, чтобы приготовить эти скудные остатки для послѣдней трапезы себѣ и своему сыну, а дальше имъ гровила голодная смерть.

И сказалъ Илія: «Не бойся—такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ,—мука не истощится до того дня, когда Господь дастъ дождь на землю». (3 Цар. 17, 14). Илія былъ исполненъ сознаниемъ присутствія и всемогущества Божія. Всѣ препятствія и трудности только болѣе укрѣпляли силу его вѣры, какъ движеніе укрѣпляетъ силу мышцъ. Илія помнилъ обѣщаніе Божіе, что вдова пропитаетъ его, вѣрилъ, что оно должно исполниться. Постараемся и мы уяснить себѣ волю Божію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нашей жизни, проникнемся сознаниемъ Его присутствія, и тогда Онъ поможетъ намъ, и невозможное человѣку совершить Самъ Господь! «Ищите прежде Царства Божія и правды Его и это все приложится вамъ». (Матѣ. 6, 33).

ГЛАВА IV.

При восходѣ солнца, сначала освѣщаются вершины самыхъ высокихъ горъ, потомъ свѣтъ спускается ниже, пока наконецъ не дойдетъ до холмовъ и долинъ. Этому распространенію свѣта можно уподобить Завѣтъ Бога съ людьми до пришествія Христа на землю и послѣ него. И прежде Духъ Божій ниспосылался людямъ, но тогда только избранные, каковъ былъ Илія, удостоивались этой благодати, между тѣмъ какъ нынѣ Божественный Свѣтъ сталъ доступенъ самымъ уничиженнымъ и слабымъ. Какъ могущественная сила электричества проходить чрезъ

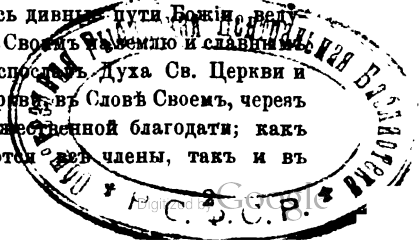

тонкую проволоку, такъ и Духъ Божій можетъ дѣйствовать черезъ слабыя и ничтожныя орудія.

Поэтому наша духовная немощь и нравственные недуги не должны насъ смущать. Духъ Божій можетъ дѣйствовать черезъ насъ, не смотря на все наше недостойнство. Чѣмъ орудіе ничтожнѣе, тѣмъ болѣе на немъ проявляется Слава Божія ¹⁾. Вѣрующіе члены Церкви Христовой всѣ содѣлались причастными Духу Святому, и Имъ укрѣпляются во всѣхъ трудностяхъ жизни. Полнота благодати заключается въ Иисусѣ Христѣ (Лук. 4, 1. 14. 18). До вознесенія Его на небо и сошествія Св. Духа, ученики Христовы не могли еще свидѣтельствовать объ истинѣ во всей ея полнотѣ, ибо: «еще не было на нихъ Духа Святаго, потому что Иисусъ еще не былъ прославленъ». (Іоан. 7, 39). Увѣровавшіе самаряне получили полноту Духа Святаго, когда апостолы Петръ и Іоаннъ, помолившись, возложили на нихъ руки. Это помазаніе Духомъ необходимо всѣмъ людямъ. Въ книгѣ Дѣяній Св. Апостолъ сказано: «Ибо вамъ принадлежитъ обѣтованіе и дѣтямъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ кого не призоветъ Господь Богъ нашъ».—Въ числѣ этихъ дальнихъ, находимся и мы, а потому должны желать и надѣяться получить полноту Св. Духа ²⁾. Кажддаго изъ насъ, Господь

¹⁾ Въ Св. Писаніи упоминается о духѣ Іліи. Ангелъ Божій говоритъ съ Захаріею въ Іерусалимскомъ храмѣ объ Іоаннѣ Крестителѣ: «И предъидетъ предъ Нимъ въ духѣ и силѣ Іліи».

²⁾ Сообщение людямъ благодати различно въ Ветхомъ и Новомъ Заветѣ. До Христа, она была чрезвычайнымъ даромъ, который былъ достояніемъ лишь немногихъ избранныхъ. Это были часы вдохновенія, когда избранникамъ Божиимъ открывались дивныя пути Божіи, ведущіе человѣка ко спасенію. Съ пришествіемъ Своимъ на землю и славнымъ Воскресеніемъ изъ мертвыхъ, Господь ниспослалъ Духа Св. Церкви и призываетъ насъ всѣхъ въ таинства Церкви, въ Слово Своё, черезъ служителей Своихъ, къ принятію Его Божественной благодати; какъ въ такіе человѣческомъ жизнію проникаютъ ея члены, такъ и въ

удостоить этой благодати, если мы откроемъ сердца свои передъ Нимъ, чтобы Онъ очистилъ ихъ отъ всякаго сомнѣнія и самонадѣянности. Сообщение благодати есть таинственное дѣло Божіе. Оно пріемлется сердцемъ и видимо только для духовныхъ очей вѣры; присутствіе Св. Духа въ сердцѣ человѣка обличаетъ его въ грѣхъ и соединяетъ съ Богомъ постоянно возрастающе къ Нему любовію. «Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любить Меня. Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ Слово Мое». (Іоан. 14, 21. 23). «Если заповѣди Мои соблюдете, пребудете въ любви Моей, какъ и Я соблюлъ заповѣди Отца Моего, и пребываю въ Его любви» (15, 10).

«И пошелъ Ілія, и сдѣлалъ по слову Господню (3 Цар. 17, 5—10)». Будемъ-же и мы безпрекословно, повиноваться Божіимъ указаніямъ во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

«Я узнала, что Слово Господне въ устахъ твоихъ истинно», сказала вдова Іліи; не изучая этого Слова, не питаясь имъ, намъ невозможно сохранить въ себѣ полноту благодати. Мы должны съ сосредоточеннымъ вниманіемъ, благоговѣйно и въ простотѣ сердечной изучать Св. Писаніе. Тогда откроются намъ дивныя истины и Господь преподастъ намъ Свои Божественныя утѣшенія. Къ прискорбію, многіе христіане нашихъ временъ, хотя и совершаютъ добрыя дѣла и читаютъ назидательныя книги, но въ тоже время мало обращаютъ вниманія на Слово Божіе—на Библію.

Доброе мнѣніе о людяхъ часто исчезаетъ при болѣе близкомъ знакомствѣ съ ними, но чѣмъ болѣе мы узнаемъ человѣка Божія, тѣмъ яснѣе убѣждаемся, что въ немъ обитаетъ Богъ и благодать Его. Кротость и покорность,

---

тѣмъ Церкви Христовой благодать проникаетъ всѣхъ людей, желающихъ принять ее и готовыхъ къ ея принятію.

при раздражающихъ обстоятельствахъ, твердость въ искушеніяхъ, наконецъ сила молитвы и побѣда надъ смертію— все это было доказательствомъ присутствія въ Іліи Духа Святаго.

И вдовица, когда Ілія напомнилъ ей прежніе грѣхи ея, и вернулъ къ жизни ея сына, сказала пророку: «Я узнала, что ты Божій человѣкъ».

«Вѣрующій въ Меня, дѣла, которыя творю Я, и онъ сотворитъ» говоритъ Спаситель всѣмъ пріемлющимъ благодать Св. Духа.

ГЛАВА V.

Истинно христіанское настроеніе должно проявляться во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, вліять на всякое слово наше и на всякую мысль. Сила Божія одинаково побѣждаетъ и величайшія трудности и мелкія искушенія. Должно вѣровать, что мелкія обстоятельства нашей частной жизни избраны для насъ любящею рукою Божіей, такъ какъ Всевѣдущій знаетъ, что они-то именно и нужны для нашего преуспѣянія въ христіанской жизни. Онъ-же даетъ намъ силу и возможность побѣждать всѣ трудности нашей жизни. Можетъ быть, Ілія предпочелъ-бы имѣть въ распоряженіи своемъ большой запасъ хлѣба, чтобы быть свободнымъ отъ заботъ на долгое время, но такъ какъ для духовнаго преуспѣянія, необходимо, чтобы человѣкъ постоянно чувствовалъ свою зависимость отъ Бога и былъ чуждъ всякой самонадѣянности, то и Іліи Господь посылалъ необходимую пищу лишь на одинъ день, дабы поддержать въ немъ вѣру въ постоянную помощь Божию.

Если-бы Господь допустилъ насъ имѣть всѣ средства

къ жизни и предоставилъ намъ самимъ распоряжаться ими, безъ Его помощи, то наша жизнь была-бы полна заботъ и искушеній, предъ которыми мы не въ силахъ были-бы устоять. Но, помня Слово Христа: — «Ищите прежде Царствія Божія и все это приложится вамъ», мы должны всецѣло довѣриться попеченію Божію, въ твердой увѣренности, что если Господь обѣщаетъ питать и согрѣвать насъ, то Онъ это исполнить. Хотя-бы всѣ средства истощились, мы не должны забывать, что безпокойства и заботы не помогутъ намъ, а молитва и вѣра всемогущи. Отецъ Небесный знаетъ нужды Своихъ дѣтей, и всѣ съ дѣтскою вѣрою обращающіеся къ Нему не остаются безъ Его помощи. «Все могу въ укрѣпляющемъ меня Иисусѣ Христѣ» (Филип. 4, 13), говоритъ апостолъ Павелъ. Люди, стремящіеся къ полной независимости, ищутъ невозможнаго. Мы—рабы Христовы; земныя блага даны намъ на время, дабы мы по указанію Божію распоряжались ими и съ радостью были готовы всегда отдать ихъ Тому, отъ Кого ихъ получили.

Возвратимся однако къ вдовѣ Сарептской. «Ты пришелъ ко мнѣ напомнить грѣхи мои и умертвить моего сына» (3 Цар. 18, 19), говоритъ она Іліи. Мы не знаемъ, сколько времени былъ боленъ сынъ вдовицы, но видимъ, что она ожесточилась и обратилась къ пророку съ неслуженнымъ укоромъ, который легко могъ возбудить негодованіе въ душѣ Іліи. Но въ немъ пребывалъ Духъ Божій. «Плодъ-же Духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе» (Гал. 5, 22. 23). «Духъ Святый есть любовь, а любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, не раздражается» (1 Кор. 13, 4—5), и вотъ почему Ілія, чуждый всякаго смущенія и негодованія, кротко отвѣтилъ: «дай мнѣ сына твоего» (ст. 19).

Часто ничтожное столкновеніе, малѣйшее противорѣчіе отъ близкихъ служить для насъ поводомъ къ раздраже-

нію и гнѣву. Но можемъ-ли мы считать себя посвященными Богу безъ кроткаго и смиреннаго духа,—хотя-бы и совершали другія дѣла благочестія? Благодареніе Богу: Христосъ всемогущъ, по молитвѣ нашей, измѣнить наши грѣховныя наклонности и дать намъ кротость, которой мы не способны сами приобрѣсть.

Вдовица сказала Іліи: «Ты пришелъ напомнить мнѣ грѣхи мои!....» Въ жизни этой женщины былъ грѣхъ, котораго она не могла забыть, и долго вѣроятно этотъ грѣхъ ее мучилъ ¹⁾, но въ послѣднее время, можетъ быть, голосъ совѣсти сталъ умолкать въ ней. Настоящее заглушило то, что было прежде, но довольно бываетъ одного намека, чтобы грѣшникъ вспомнилъ о своемъ грѣхѣ.

Таковыми намеками для Сарептской вдовы были святая жизнь Іліи и собственное горе—болѣзнь сына.

«И взялъ его изъ рукъ ея, и понесъ въ горницу..... и воззвалъ къ Господу....» (3 Цар. 19—20). Послѣдовавшее чудо было дѣйствіемъ молитвы пророка. Слова же счастливой и благодарной матери:—«Я узнала, что ты чело-вѣкъ Божій, и слово Господне, въ устахъ твоихъ истинно», были великимъ утѣшеніемъ и радостію для пророка.

ГЛАВА VI.

Долгое время жилъ Ілія у Сарептской вдовы, пока не услышалъ повелѣнія, вновь отправиться въ путь. Господь сказалъ пророку: «Поди, и покажись Ахаву» (3 Цар. 18, 1). Какъ вѣрный слуга Господа, онъ тотчасъ-же повино-

¹⁾ Язычники, не имѣющіе закона христіанства, имѣютъ естественный законъ совѣсти, который обличаетъ ихъ въ грѣхахъ. (Рим. 2, 14—15).

вался. Онъ могъ бы утѣшиться предстоящаго свиданія и ожидать, что грозный царь предастъ его пыткамъ, чтобы наказать его за слова, вызвавшія засуху, и заставить пророка избавить землю и народъ отъ этого бѣдствія, но Илія смѣло пошелъ, воодушевленный мыслью, что живъ Господь, Который его не оставитъ.

Грустно, конечно, было пророку видѣть то раззореніе, которое причинила странѣ его молитва,—но его утѣшала мысль, что въ этомъ посѣщеніи Божиѣмъ было единственное средство исправить народъ и спасти его отъ окончательной нравственной гибели. Ахавъ въ это время былъ далекъ отъ мысли обратиться съ молитвою раскаянія къ Господу, и болѣе заботился о своихъ коняхъ, нежели о страждущемъ народѣ. О, какъ часто такой неразумный эгоизмъ встрѣчается и среди современныхъ христіанъ, изъ которыхъ многіе болѣе заботятся объ удовлетвореніи своихъ прихотей, нежели о помощи нуждающимся ближнимъ!

Удивительно, что человѣкъ, подобный Авдію, могъ жить при дворѣ Ахава. Авдій былъ человѣкъ весьма богобоязненный (3 Цар. 18, 3) отъ юности и по собственному свидѣтельству (ст. 13), а между тѣмъ онъ хотѣлъ въ одно время служить и Богу и Ахаву.

Христіанамъ, конечно, не воспрещается служить сильнымъ міра сего; напротивъ, они, совмѣщая эту службу со служеніемъ Богу, могутъ принести много пользы окружающимъ; но нельзя не замѣтить, что не всѣ, живя среди людей міра, способны оставаться твердыми и непреклонными въ своихъ убѣжденіяхъ. Живя въ такой средѣ, человѣкъ вынужденъ часто дѣлать уступки во избѣжаніе непріятностей, молчать чтобы не навлечь на себя гнѣва властвующихъ, въ то время, когда совѣсть повелѣваетъ говорить. Къ числу такихъ слабыхъ людей принадлежалъ и Авдій. Онъ гнушался пороковъ, которые видѣлъ вокругъ себя, и помогалъ пророкамъ (ст. 4), укрывая ихъ отъ преслѣдо-

ваній; быть можетъ, онъ негодовалъ на неправды своего царя, но не имѣлъ нравственной силы явно противустать ему и обличать его.

Нерѣдко бываетъ, что и между христіанами встрѣчаются люди, подобные Авдію, которые не осмѣливаются открыто признать себя служителями Бога живаго, опасаясь презрѣнія и насмѣшекъ толпы, а въ тайнѣ, также какъ и Авдій, желаютъ, чтобы истинные христіане считали ихъ своими, и спѣшатъ выставлать предъ ними свои добрыя дѣла. «Развѣ не сказано господину моему, что Я сдѣлалъ», говоритъ Авдій (ст. 13). Живя въ мірѣ, участвуя въ его проявленіяхъ, можно ли остаться независимымъ отъ него? Какъ часто не мы влияемъ на него, а онъ на насъ! вмѣсто того, чтобы убѣждать Ахава обратиться къ Господу, Авдій искалъ травы для царскихъ коней (3, 6). Авраамъ оказывалъ большее влияние на Содомъ, живя внѣ стѣнъ его, нежели Лоть Содомлянинъ. Мы подражаемъ мірскимъ обычаямъ, чтобы снискать расположение людей, думая этимъ пріобрѣсти власть надъ міромъ, но вмѣсто того сами впадаемъ въ безсиліе. Подражая одному, мы увлекаемся другимъ, подчиняемся третьему, и мало-по-малу, отдаемся грѣховному міру исполнѣ. Богъ повелѣваетъ намъ жить въ мірѣ, но не принадлежать ему. Такъ жили всѣ пророки и мученики, слѣдуя примѣру Великаго Учителя, о Которомъ написано, что «Онъ пострадалъ внѣ вратъ, за станомъ» (Евр. 13, 12. 13).

Авдій укрывалъ пророковъ и спасалъ ихъ отъ преслѣдованій Іезавели и отъ голода (ст. 4). Этимъ онъ угождалъ Богу. Но недостаточно только защищаться отъ зла; нужно еще дѣйствовать и побѣждать зло, а Авдій былъ слишкомъ малодушенъ для этого. Чтобы бороться со зломъ и съ корнемъ вырывать его, нужны люди глубокой вѣры и сильной воли, которые, пренебрегая всякими препятствіями и опасностями, боролись бы со грѣхомъ явно и.

какъ соль задерживающая порчу, останавливали бы разрушительное дѣйствіе зла.

Авдій былъ пораженъ изумленіемъ, когда пророкъ велѣлъ ему возвѣстить Ахаву: «Илія здѣсь» (ст. 8). Онъ зналъ, что Ахавъ замыслилъ умертвить Илію и думая, что это неизвѣстно пророку, страшился за его участь; но болѣе всего онъ боялся за себя, и два раза повторилъ Иліи: «Онъ убьетъ меня!» (Ст. 12 и 14). Тогда пророкъ рѣшительно объявилъ Авдію: «Сегодня, я покажусь ему» (т. е. Ахаву) (ст. 15), и Авдій наконецъ долженъ былъ согласиться съ нимъ.

Смѣлость Иліи понятна, если мы припомнимъ слова его: «Живъ Господь, предъ Которымъ я стою». Вѣра пророка была такъ сильна, что онъ какъ-бы видѣлъ Самого Бога и сонмы ангеловъ, могущихъ защитить его, и потому не страшился земнаго владыки.

Ахавъ не имѣлъ ничего противъ Авдія, который и не укорялъ его ни въ чемъ. Но Илію онъ встрѣтилъ словами: «Ты-ли это, смущающій Израиля?» (ст. 17). И онъ же говорилъ впоследствии о пророкѣ Михеѣ Іосафату: «Я не люблю его, потому что онъ не пророчествуетъ мнѣ доброе, а одно худое». (3 Цар. 22, 8).

Когда люди міра сего не любятъ и хулятъ насъ, то это служить лучшимъ доказательствомъ нашей угодной Богу жизни. «Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ, гнать и всячески неправедно злословить за Меня,—радуитесь и веселитесь!» (Матѣ. 5—11). Люди міра сего, смущаемые присутствіемъ христіанъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что они сами исполнены грѣховъ и пренебрегаютъ ими же данными обѣтами. Смущеніе ихъ служить доказательствомъ, что ихъ обличаетъ Тотъ, Который всесиленъ спасти обращающихся къ Нему со слезами раскаянія.

ГЛАВА VII.

Идя къ Ахаву, Илія не имѣлъ еще опредѣленнаго плана дѣйствія, онъ получилъ лишь повелѣніе «идти», показаться Ахаву, «зналъ что будетъ дождь, потому что такъ говорилъ Господь». Но какъ это все произойдетъ, ему не было открыто. Господь постепенно указывалъ ему, какъ дальше дѣйствовать, такъ что Илія не зналъ что послѣдуетъ за первымъ шагомъ. Эта постепенность откровеній, дѣлаетъ нашу жизнь радостною; неожиданный исходъ событій указываетъ намъ, что то или другое повелѣніе Господь даетъ для нашего блага. Вникнемъ глубже въ то душевное настроеніе, которое было у Иліи, въ это время его жизни.

Пророку больно было видѣть, что его народъ забылъ истиннаго Бога; онъ страдалъ отъ преслѣдованій, которыми всегда подвергаются благочестивые люди, но о себѣ не думалъ; его единственное желаніе было: «Пусть узнаютъ, что Ты—Богъ Израилевъ» (ст. 36). Онъ горѣлъ ревностью о славѣ Божіей и, не взирая ни на что, желалъ возстановить престолъ Господень. Этотъ огонь, эту ревность, Богъ даруетъ всякому искренно просящему Его о томъ, но для этого необходимо прежде всего стремиться къ прославленію имени Божія всѣмъ сердцемъ, забыть себя для Бога, не думая объ успѣхѣ нашихъ личныхъ дѣлъ, о достиженіи нашихъ личныхъ цѣлей. «Да познаютъ въ сей день, что Ты одинъ Богъ въ Израилѣ, и что я рабъ Твой, и все сдѣлалъ по слову Твоему!» (ст. 36). Илія зналъ, что поступаетъ по слову Господа, согласно съ Его волей, и поэтому былъ увѣренъ въ успѣхѣ. И дѣйствительно, когда человѣкъ идетъ туда, куда указы-

ваетъ Господь, и поступаетъ согласно волѣ Божіей, то ему нечего бояться, ибо съ нимъ Господь. По этому и мы, никогда не впадая въ уныніе, прежде всего должны просить Господа, чтобы Онъ указалъ намъ Свою волю. Онъ укрѣпитъ и поддержитъ насъ, если мы послѣдуемъ по Его пути. Здѣсь и обстоятельства, и внутренній голосъ, ясно говорятъ намъ что мы должны дѣлать; сомнѣніе же здѣсь можетъ происходить отъ двухъ причинъ: или чело-вѣкъ не вполне предалъ себя въ руки Божіи, или еще не наступилъ часъ для осуществленія Божіихъ указаній; но и посреди сомнѣній, Богъ открываетъ намъ Свою волю, если мы обратимся къ Нему съ искренней молитвою.

Надо полагать, что Илія не раскрылъ Ахаву во всей полнотѣ того, что должно было произойти на горѣ Кармилѣ, — онъ лишь обѣщалъ царю, что будетъ дождь, и велѣлъ собрать народъ. Илія зналъ, что Іегова восторжествуетъ, что Вааль будетъ побѣжденъ, но не говорилъ объ этомъ заранѣе, во избѣжаніе преждевременныхъ пререканій и насмѣшекъ.

«И послалъ Ахавъ, ко всѣмъ сынамъ Израилевымъ, и собралъ всѣхъ пророковъ на гору Кармилъ четыреста пятьдесятъ пророковъ Вааловыхъ и четыреста пророковъ дубравныхъ, питающихся отъ стола Іезавели» (ст. 20). Въ надеждѣ, что будетъ дождь, Ахавъ охотно повиновался Іили. Прежде чѣмъ собрался народъ, должно было пройти нѣсколько дней. Въ это время, Илія вѣроятно молился въ пещерѣ, или предъ разрушеннымъ алтаремъ Господнимъ, не потому, чтобы онъ усомнился въ исходѣ борьбы, но потому, что для всякаго подвига вѣры требуется подкрѣпленіе молитвою; пророкъ зналъ, что прежде чѣмъ получить небесные дары, мы должны обратиться къ Богу, съ искреннею молитвою полною вѣры. Такъ и апостолы, предъ сошествіемъ Св. Духа, провели десять дней въ единомысленной молитвѣ.

«Все возможно вѣрующему». Предадимъ-же себя всецѣло волѣ Божіей и да будемъ орудіемъ въ рукахъ Его для совершенія Его великихъ дѣлъ.

ГЛАВА VIII.

Разсвѣтало, когда на гору Кармиль толпами сталъ собираться народъ, спѣша на предстоящее состязаніе. Наконецъ явился царь, во всемъ блескѣ своей царственной роскоши, явились и четыреста пятьдесятъ пророковъ Ваала, увѣренные въ царской милости, полные сознанія собственной силы и презрѣнія къ своему сопернику. И противъ всей этой толпы былъ одинъ только человѣкъ! Онъ былъ одинъ, но ему никого и не нужно было, такъ какъ съ нимъ былъ Тотъ, Кто всѣхъ народовъ сильнѣе. Подошелъ Іилія къ народу и сказалъ: «Долго ли вамъ хромать на оба колѣна; если Господь есть Богъ, то послѣдуйте Ему, а если Вааль, то ему послѣдуйте!» Іилія твердо вѣрилъ въ истиннаго Бога,—но онъ хотѣлъ указать народу, какъ безумно въ одно и тоже время поклоняться Іеговѣ и Ваалу. И народъ, какъ видно, понималъ свое безумство, такъ какъ никто не осмѣлился возразить пророку ни единымъ словомъ. И среди насъ сколько есть людей, которые думаютъ одновременно служить Богу и Мамонѣ! Только человѣкъ, полный самоотверженія и вѣры въ Бога, даетъ таковымъ возможность понять все безумство ихъ поведенія. «Тотъ Богъ, Который дастъ отвѣтъ посредствомъ огня, есть Богъ» (ст. 24).

Народъ долженъ былъ одобрить это предложеніе: не только потому, что Вааль считался богомъ солнца, но особенно потому, что Іегова не разъ открывался Израилю въ огнѣ, и народъ отвѣтилъ: «Хорошо». Іилія, увѣренный

въ торжествѣ Бога своего, не имѣлъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ исходѣ до его предложенія. Онъ исполнилъ волю Божию и зналъ, что Богъ, взявъ молитвъ его, совершить чудо, ибо никогда Онъ не покидаетъ тѣхъ, кто всецѣло вѣряется Его волѣ (25—29). Напрасно жрецы Ваала скакали вокругъ жертвенника, призывая своего бога; прошло три часа, солнце было въ зенитѣ, во всей своей силѣ, но отвѣта не было. Тогда Илія приказалъ народу приблизиться; народъ окружилъ пророка, и онъ приступилъ къ возобновленію жертвенника изъ двѣнадцати камней, служившихъ знаменіемъ единства двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ. И онъ, Илія, далъ повелѣніе: «Наполните четыре ведра воды, и выливайте на всесожигаемую жертву и на дрова», и люди исполнили его приказаніе до трехъ разъ. Такимъ образомъ, Илія былъ увѣренъ, что умноженіе препятствій послужить лишь къ большому прославленію Господа, тогда какъ мы, на мѣстѣ Иліи, поступили бы наоборотъ: мы не стали бы воздвигать препятствій, а напротивъ постарались бы всячески устранить ихъ, и это оттого, что мы не довѣряемъ, какъ должно, могуществу Божию и силѣ молитвы.

Илія, будучи увѣренъ, что молитва его будетъ услышана, съ полнымъ спокойствіемъ духа погрузился въ молитву. О, если бы и мы столь же увѣренно и спокойно молились о прославленіи Господа! Наши молитвы никогда не оставались бы безотвѣтными. Господь говорилъ: «И если чего попросите у Отца Моего во Имя Мое, то сдѣлаю, да прославится Отецъ въ Сына» (Іоан. 14, 13).

Послѣ молитвы пророка, огонь ниспалъ съ неба (ст. 38). И сказалъ Илія: «Схватите пророковъ Вааловыхъ, чтобы ни одинъ не укрылся». Народъ, увидѣвъ обманъ жрецовъ, безъ всякихъ колебаній послушался Иліи: только что раздался возгласъ «Господь есть Богъ!» (ст. 40), какъ, по слову пророка, жрецы были схвачены. «И от-

велъ ихъ Илія къ потоку Киссону и закололъ ихъ тамъ». Это былъ суровый приговоръ, но онъ былъ необходимъ для очищенія страны отъ распространителей идолопоклонства. Святые мужи Ветхаго Завета были неумолимы къ нарушителямъ воли Божіей. Пророкъ видѣлъ, что жрецы приносятъ вредъ народу, и онъ призналъ нужнымъ истребить ихъ. Очистимъ и мы сердца наши отъ враговъ Христовыхъ, дабы Онъ одинъ царствовалъ въ насъ.

ГЛАВА IX.

Когда погибъ послѣдній изъ жрецовъ Ваала, Илія, сказалъ царю: «Поди, ѣшь и пей; ибо слышенъ шумъ дождя» (41). Пошелъ Ахавъ ѣсть и пить, а Илія вошелъ на верхъ Кармила, и наклонился къ землѣ, и положилъ лицо свое между колѣнами (42). Въ молитвѣ Илія надо отмѣтить черты, которыя присущи и всякой угодной Богу молитвѣ.

1) Его молитва была согласна съ волею Божіей и основана на Его обѣтованіи. Посылая Илію къ царю, Господь сказалъ: «Покажись Ахаву, и Я дамъ дождь на землю» (ст. 1). Многие думаютъ, что для исполненія столь положительнаго обѣщанія не требовалось молитвы, и притомъ усиленной. Но такъ думать нельзя. Богъ даетъ намъ обѣтованія лишь для того, чтобы указать намъ, какъ и о чемъ мы должны молиться. Въ Библии мы находимъ много примѣровъ обѣтованій Божіихъ, которыя исполнялись лишь по молитвѣ. Это законъ духовной жизни, столь-же неоспоримый и непреложный, какъ и законы природы. Мы не понимаемъ, какъ дѣйствуетъ молитва, но знаемъ, что всѣ святые молились; молился

и Самъ Христосъ. Онъ сказалъ: «Просите и дастся вамъ», и нашъ собственный опытъ доказываетъ, что молитва не есть мечтаніе, а сила дѣйствующая.

2) Молитва должна быть усердна. О молитвѣ Іліи, Апостолъ Іаковъ говоритъ, что Ілія «молитвою помолился», т. е. съ великимъ усердіемъ, и всѣ молитвы святыхъ, упомянутыя въ Священномъ Писаніи, были также усердны. Наше усердіе въ молитвѣ должно быть безгранично, какъ безгранична слава Господня, о явленіи которой молятся любящіе Бога.

3) Молитва должна быть смиренна. Чѣмъ сильнѣе борьба человѣка со зломъ, тѣмъ болѣе онъ долженъ смиряться предъ Богомъ. Богъ — Отецъ нашъ, и мы Его дѣти, но Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Царь и Владыка нашъ. Мы всѣ грѣшники, недостойные любви Его, и можемъ прибѣгать къ Нему только ради заслугъ нашего небеснаго Первосвященника и Спасителя, искупившаго насъ.

4) Необходимое условіе молитвы: вѣра. Она ниспосылается намъ благодатію Божіею и укрѣпляется въ насъ молитвою. Вѣра Іліи была такъ сильна, что Онъ посылалъ отрока смотрѣть приближеніе дождя. Прошеніе переходитъ въ благодарную молитву, при полной вѣрѣ молящагося.

5) Молитва должна быть неослабна. Такова была молитва Іліи, который не падалъ духомъ, хотя посылаемый имъ отрокъ до семи разъ приносилъ отвѣтъ, что еще нѣтъ дождя. Пророкъ зналъ, что Богъ испытываетъ его, и испытаніе это не было выше его силъ. Когда мы долго не видимъ исполненія самой усердной нашей молитвы, то да послужить намъ утѣшеніемъ мысль, что Господь медлитъ отвѣтомъ для того, чтобы терпѣніе, вѣра и усердіе возросли до высшей степени въ сердцахъ чадъ Его.

Такова должна быть всякая молитва, такова была молитва Иліи, и потому она была услышана! Отрокъ увидѣлъ наконецъ небольшое облако; этого было достаточно для восточнаго жителя, чтобы убѣдиться въ приближеніи дождя. Отрокъ былъ посланъ съ этой вѣстью къ царю отъ пророка, исполняющаго волю Божию. Такъ, вѣрою и молитвою одного человѣка, спасена была цѣлая страна. Но духовная сила доступна всякому вѣрующему, будемъ-же стремиться пріобрѣсть ее.

ГЛАВА X.

Пророкъ, вѣстѣ съ царемъ (45, 46), достигли Изрееля посреди дождевыхъ потоковъ, и въ этотъ знаменательный день они раньше всѣхъ могли сообщить жителямъ Изрееля о совершившемся на горѣ Кармиль. Пророкъ нашелъ себѣ пристанище въ скромномъ жилищѣ, между тѣмъ какъ Ахавъ отправился во дворецъ, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ждала Іезавель (19, 1). Появленіе дождя она безъ сомнѣнія приписывала вмѣшательству Ваала, и потому была поражена извѣстіемъ о гибели всѣхъ его жрецовъ. Кто дерзнулъ поднять на нихъ руку? Почему они не защищались? Неужели царь не заступился за нихъ? Гдѣ теперь Ілія? Что произошло съ народомъ? Царь долженъ былъ отвѣтить на всѣ эти вопросы, и тогда негодованіе Іезавели не знало границъ. Ахавъ, преданный чувственности, былъ равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ; для него не существовало различія между служеніемъ Богу или Ваалу; настроеніе его духа выражалось словами: «будемъ ѣсть и пить, ибо завтра умремъ». Не такова была Іезавель: преслѣдуя свои цѣли

съ настойчивой рѣшимостью, она дѣйствовала при помощи интригъ и лукавства и, пользуясь своимъ вліяніемъ на Ахава, не гнушалась никакими, самыми преступными средствами. Она понимала значеніе наступившей рѣшительной минуты. Всѣ ея долголѣтнія, хитросплетенныя усилія могли быстро разрушиться, если народное движеніе распространится далѣе. Негодование и политическія соображенія побуждали Іезавель дѣйствовать безъ замедленія. Прежде всего, нужно было сокрушить главнаго дѣятеля въ этомъ знаменательномъ событіи. И вотъ, въ эту-же ночь, среди бушующаго вѣтра и грозы, къ Іліи является посланникъ Іезавели (ст. 2), со словами отъ нея имени: «Пусть то и то сдѣлають мнѣ боги, и еще больше сдѣлають, если я завтра къ этому времени, не сдѣлаю съ душою твоею того, что сдѣлано съ душою каждаго изъ нихъ», т. е. жрецовъ Ваала.

Пророкъ былъ въ ея власти, но она боялась убить его и ограничилась одними угрозами. Ей важно было лишь удалить Ілію изъ своей страны, такъ какъ присутствіе его могло довершить начатое дѣло разрушенія идолопоклонства; народъ нуждался въ человѣкѣ, который, воздвигнувъ жертвенникъ Іеговы, привелъ бы его къ поклоненію Богу живому.

На основаніи предыдущихъ дѣйствій Іліи, можно было бы предположить, что онъ мужественно и спокойно приметъ посланнаго Іезавели, въ убѣжденіи, что Господь укроетъ его въ день бѣдствія (Пс. 26, 5). Но расчетъ Іезавели удался, угроза подѣйствовала; Ілія всталъ и пошелъ (ст. 3), «чтобы спасти душу свою». Выѣстъ съ своимъ слугою, пророкъ стремительно направилъ путь свой къ границамъ пустыни Аравійской и достигнулъ Вирсавіи, города, гдѣ кончались владѣнія Іезавели, и Ілія сталъ внѣ опасности. Но и здѣсь онъ не могъ успокоиться;

онъ тяготился даже присутствіемъ слуги своего и, оставивъ его въ Вирсавіи, удалился въ глубь дикой пустыни къ Синаю. Мучительны были часы бѣгства Іліи по пустынѣ. Палящіе лучи солнца, жгучій песокъ, приводили его въ изнеможеніе; онъ былъ лишень человѣческаго чувства, а самое главное, уже не видѣлъ предъ собою Господа, не чувствовалъ на себѣ промыслительнаго покрова, охранявшаго его у Хораоа и въ Сарептѣ. Онъ памогалъ духомъ и, сидя подъ можжевельновымъ кустомъ, просилъ себѣ смерти. Кто знаетъ, какія могли бы произойти перемѣны, если бы Ілія остался вѣренъ своему призванію? Быть можетъ, страна его была бы спасена; народъ Божій не подвергся бы плѣвленію и разсѣянію; семь тысячъ челоѣкъ, оставшихся вѣрными Богу, вышли бы изъ своихъ уѣжищъ и поклоненіе Ваалу замѣнилось бы поклоненіемъ истинному Богу. Но Ілія, однимъ своимъ грѣховнымъ шагомъ, утратилъ вліяніе на израильскій народъ и не могъ болѣе воспользоваться дарованною ему отъ Бога силою — послужить своему народу. Господь все еще прикрывалъ его Своимъ милосердіемъ и отеческою любовью; но уже положеніе, которое имѣлъ раньше Ілія, какъ служитель Божій и руководитель народа, было для него утрачено.

Въ Священномъ Писаніи мы встрѣчаемъ примѣры духовнаго паденія ветхозавѣтныхъ праведниковъ, въ то время, когда они, казалось, уже вполне обладали силою противостоятъ всякому искушенію. Авраамъ былъ отцемъ вѣрующихъ, но будучи въ Египтѣ, онъ поколебался вѣрою, и сказалъ ложь фараону и своей женѣ. Моисей, смиреннѣйшій изъ людей, не достигъ обѣтованной земли, потому что неразумно говорилъ устами своими. И вотъ, наконецъ, Ілія, бывшій повидимому выше челоѣческихъ слабостей, оказывается челоѣкомъ «подобнымъ намъ». (Іаа. 5, 17). Представимъ себѣ примѣръ защиты какого

нибудь укрѣпленнаго мѣста; если, въ надеждѣ на неприступность его стѣнъ, занимающіе это мѣсто не поставятъ ночной стражи, то даже небольшой отрядъ враговъ, пользуясь ночнымъ временемъ, нападаетъ на спящихъ и крѣпость будетъ взята. Этотъ примѣръ можетъ служить предостереженіемъ и для насъ. Часто мы говоримъ о какомънибудь грѣхѣ: «въ этомъ я не согрѣшу! это меня не соблазнить»; а между тѣмъ согрѣшаемъ. Врагъ нашего спасенія, въ то время когда мы перестаемъ бодрствовать и молиться, нерѣдко доводитъ насъ до такой самоувѣренности и безопасности. Поразительная правдивость библейскихъ разсказовъ доказываетъ, что Слово Божіе написано по внушенію Св. Духа. Если бы эту священную книгу писали обыкновенные люди, то они не рѣшились бы съ такой неподдѣльной искренностью разсказывать о паденіи главныхъ своихъ дѣятелей. Въ этой-то правдивости и заключается между прочимъ великое достоинство Библии, которая, какъ зеркало, отражаетъ въ себѣ всѣ свойства человѣка и укрѣпляетъ нашъ духъ въ минуты искушенія. Илія, до паденія своего, могъ казаться намъ образцомъ недостижимымъ. Но когда мы читаемъ повѣствованіе о его слабости, отъ которой, можетъ быть, и нѣкоторые изъ насъ устояли бы, то для насъ ясно, что сила, дѣйствовавшая въ пророкѣ, не была его личнымъ человѣческимъ достояніемъ, а даромъ Божіимъ, воспринятымъ вѣрою, и что эта вѣра доступна и каждому изъ насъ. Илія былъ человѣкъ, подобный намъ. Ободримся же мыслию, что Господь и насъ недостойныхъ можетъ, по вѣрѣ и молитвѣ нашей, сдѣлать орудіемъ Своихъ великихъ дѣлъ.

Чтобы лучше уразумѣть причину паденія Іліи, мы должны вспомнить всѣ трудности, которыя онъ перенесъ съ тѣхъ поръ, какъ покинулъ свой мирный уголокъ въ Сарептѣ. Сильное возбужденіе, духовная борьба во время созыва народа къ жертвеннику, избіеніе жрецовъ Ваала,

зѣмь сосредоточенная молитва и поспѣшное удаленіе въ Изреель, наконецъ бѣгство въ пустыню, — все это должно было произвести въ пророкѣ болѣзненный упадокъ силъ, такъ что онъ бросился на землю и въ полномъ изнеможеніи сталъ просить себѣ у Бога смерти. Илія не сознавалъ опасности и не боялся ея, пока чувствовалъ себя предъ Богомъ, но лишь только, уклонившись отъ возложеннаго на него дѣла, онъ какъ бы поколебался въ вѣрѣ и потерялъ изъ вида Господа, — то онъ внезапно подпалъ дѣйствию страха человѣческаго, бѣжалъ и сталъ просить себѣ у Бога смерти. Что было бы, если бы Господь исполнилъ молитву Иліи? Конецъ его жизни былъ бы омраченъ паденіемъ, онъ бы уже не услышалъ кроткаго гласа Божія, не создалъ бы цѣлаго расадника пророковъ, не передалъ бы своего великаго дѣла Елисею и наконецъ не удостоился бы славнаго вознесенія на небо. Но если Господь не исполняетъ иногда нашихъ молитвъ, то въ этомъ проявляется только Его благодать къ намъ. Не посылая намъ, по нашей молитвѣ, смерти и оставляя насъ на землѣ, Онъ хочетъ, чтобы возложенное на насъ дѣло было исполнено. И какъ мы сами будемъ благодарить Господа, если Онъ не исполнитъ обращенной къ Нему, въ минуту малодушія, молитвы о смерти!

ХІ.

«Мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее», говоритъ апостолъ Іоаннъ (Послан. 1-е, гл. 4. ст. 16), удостоившійся нѣкогда возлечь на груди Іисуса и научившійся отъ Него этой любви. Любовь эту Илія позналъ, какъ и большинство изъ насъ, лишь

въ состояніи паденія. — Малодушіе его имѣло крайне печальныя послѣдствія. Кромѣ того, что оно омрачило свѣтлую до тѣхъ поръ личность Іліа, оно распространило боязнь и обезсилило бодрость сердець въ тысячахъ людей, въ которыхъ, съ появленіемъ Іліа, начинала оживать надежда на восстановленіе Израиля. Если бы человѣку суждено было всегда переносить наказаніе, заслуженное по грѣхамъ его, то Іліа, послѣ своего паденія, долженъ бы былъ погибнуть. Но Господь долготерпѣливъ и много-милостивъ. Господь видѣлъ, какимъ разочарованіемъ и отчаяніемъ обуревалась душа Іліа; Его любящій взоръ слѣдилъ за каждымъ шагомъ пророка, бѣжавшаго въ пустыню. Любовь Его приняла теперь болѣе кроткій характеръ, чѣмъ въ то время, когда Іліа торжественно представлялъ жертвеннику, на который сошелъ огонь съ неба. Какъ добрый Пастырь, Господь слѣдилъ теперь за заблудшею овцею, и когда Іліа въ изнеможеніи отъ духовной борьбы и тѣлесной усталости, лежалъ подъ можжевелевымъ кустомъ, то Онъ явился на помощь пророку. Господь охранялъ его не только отъ духовной опасности, но работалъ о восстановленіи и тѣлесныхъ силъ Іліа и о возвращеніи ему бодрости. По повелѣнію Божію, ангелъ дважды приготавливалъ ему въ пустынѣ пищу и, прикоснувшись къ нему, убѣждалъ его вкусить отъ нея. Со стороны Господа не было ни одного слова упрека. Іліа видѣлъ только попеченіе о себѣ, ниспосланіе сна и пищи.

Безъ сомнѣнія, многіе изъ насъ пережили горькій опытъ бѣгства отъ пути Господня; у многихъ лежитъ на совѣсти воспоминаніе о невѣрности къ Богу въ возложенныхъ Имъ на насъ обязанностяхъ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ насъ, бывъ руководителями другихъ, и возбуждали ихъ къ подвигамъ самоотверженія, но за то сами не могли удержаться на этомъ пути и явились невѣрными въ тѣ самыя минуты, когда всѣ взоры и надежды были

обращены на нихъ. При такихъ обстоятельствахъ мы стыдимся людей, стараемся скрыться отъ нихъ и, въ припадкѣ малодушія, на рубежѣ отчаянія, считаемъ себя покинутыми и Богомъ и людьми. Но ободримся! Люди могутъ насъ забыть, но не забудетъ насъ Господь. Онъ любить насъ, Онъ готовъ простить намъ, Онъ къ намъ близокъ и только ждетъ мгновенія, когда мы всецѣло откроемъ Ему свое сердце. Конечно, эту близость къ намъ и любовь Господа намъ легче усвоить, когда мы хвалимъ и благодаримъ Его за ниспосланныя намъ благодѣянія, нежели когда, въ сознаніи своихъ грѣховъ, мы чувствуемъ себя какъ бы изгнанными отъ Лица Божія. Апостолу Петру ничто не препятствовало вѣрить въ любовь и близость къ Нему Господа, когда Онъ видѣлъ славу Его на Оаворѣ. Но ему трудно было проникнуться сознаніемъ этой близости и любви къ нему его Небеснаго Учителя, послѣ того какъ онъ трижды отрекся отъ Него. Научимся же познавать любовь Господа и довѣряться ей. Если мы считаемъ себя недостойными ея, все же она остается для насъ неизмѣнной и во всякое время доступной для насъ. Она нѣжнѣе любви матери, вѣрнѣе любви друга, она сильна разсѣять туманъ нашихъ грѣховъ, скрывающій ее отъ насъ, сильна вновь сдѣлать насъ способными прославлять святое имя Божіе. Любовь Господа не можетъ измѣниться, такъ какъ Богъ есть любовь. Чѣмъ сильнѣе мы печалимся о нашихъ грѣхахъ, тѣмъ сильнѣе Господь проявляетъ Свою любовь къ намъ. Илію, по повелѣнію Божію, питали вороны въ Хораѣ, въ Сарептѣ вдова; теперь, въ пустынѣ, Господь посылаетъ ангела Своего, чтобы поддержать силы пророка. Это особенное доказательство попечительности Божіей было необходимо, чтобы смягчить сердце пророка и привести его къ полному раскаянію. Въ Новомъ Завѣтѣ мы видимъ назидательный для всѣхъ примѣръ нѣжной заботливости Господа Иисуса

ко впавшимъ въ грѣхъ ученикамъ Его. Послѣ Воскресенія ангелъ говоритъ женамъ, пришедшимъ ко гробу Иисуса: «Скажите ученикамъ Его и Петру, что Онъ встрѣтитъ васъ въ Галилеѣ». Спаситель предвидѣлъ, что Петръ, послѣ своего отреченія, не рѣшится причислить себя къ сонму учениковъ Христовыхъ, и вотъ Господь Самъ призываетъ его. Самъ Господь выходитъ на встрѣчу кающемуся грѣшнику; Онъ, какъ добрый Пастырь, подымлетъ и приводитъ заблудшую овцу къ Себѣ. Притча о блудномъ сынѣ указываетъ на радость Отца нашего небеснаго о кающемся грѣшникѣ; Онъ не только приготовилъ пиръ для него, но и ангеловъ призываетъ принять участіе въ Его радости, ибо сынъ Его погибъ и нашелся, былъ мертвъ и ожилъ. Даже въ то время, когда мы впадаемъ въ настроеніе, близкое къ отчаянію, взоръ Господа, съ заботливой любовью, слѣдитъ за нами. Ненавидя грѣхъ всею Своею святостью, Господь любитъ грѣшника всею неизслѣдимою глубиною Своей любви. Когда мы уклоняемся отъ Него, Онъ призываетъ насъ къ Себѣ и окружаетъ насъ Своими благодѣяніями. Не будемъ же сопротивляться Ему и успѣшимъ отвѣтить на милостивый призывъ Его.

Илія странствовалъ по пустынѣ цѣлый день и былъ вечеръ, когда пророкъ въ изнеможеніи заснулъ подъ можжевеловымъ кустомъ (3 Цар. 19, 5). Въ это время явился ангелъ и увѣщевалъ пророка встать и принять пищу. Всю ночь Ангелы окружали и хранили пророка, а къ утру снова послышался призывъ принять пищу. Какой поразительный примѣръ неизмѣнной любви Божіей къ намъ! Илія уклонился отъ дѣла, которое ему было предназначено исполнить, и избралъ произвольный путь. Но и на этомъ пути, Господь, единственно по Своей благодати, предупреждаетъ нужду Иліи и посылаетъ ему пищу и сонъ для его подкрѣпленія. Только нѣжною лю-

божію Господа можно объяснить Его милости въ тѣ минуты, когда Ілія такъ настойчиво и неуклонно совершалъ свой путь. Господь, даровавшій намъ жизнь и дыханіе, слѣдитъ и за непослушными Своими чадами, предупреждаетъ ихъ нужды и лишенія и посылаетъ имъ Свою помощь, такъ какъ Онъ и во гнѣвѣ милостивъ. Всѣ мы, отступившіе отъ путей Господа, должны, довѣряя Его любви, обратиться къ Нему и покаяться, и тогда Онъ возстановитъ насъ и сдѣлаетъ избранными сосудами Своей благодати. Когда мы, смирившись духомъ, снова возьмемъ за оставленное нами дѣло, Господь снова чрезъ насъ изольетъ на другихъ Свое благословеніе.

ГЛАВА XII.

Съ именемъ горы Хоривъ, къ которой отправился подкрѣпленный сномъ и пищею пророкъ (3 Цар. 19, 8), въ Израилѣ соединялось воспоминаніе о неоднократномъ присутствіи на ней Іеговы. На Хоривѣ Богъ явился Моисею въ видѣ неопалимой купины; на ней же былъ данъ и законъ израильскому народу, такъ что самое мѣсто, куда пришелъ Ілія, способно было возбудить его духъ къ исполненію Божіихъ предначертаній. Сорокъ разъ видѣлъ пророкъ восходъ и заходъ солнца надъ разстилавшимся предъ нимъ необъятнымъ пространствомъ. Это число, часто встрѣчающееся въ Св. Писаніи, имѣетъ символическое значеніе; оно нерѣдко упоминается въ связи съ искушеніями и грѣхопаденіями.

Въ расщелинѣ скалы, въ одной изъ мрачныхъ пещеръ Хорива, Ілія ждалъ явленія Бога. «И было къ нему Слово Господне: Что ты здѣсь Ілія?» (ст. 9). Богъ уже

нѣсколько разъ прежде говорилъ съ Іліею; говорилъ въ Оесвѣ, Самаріи, послѣ перваго порученія къ Ахаву, говорилъ у Хораа, наконецъ въ Сарептѣ, когда призвалъ пророка къ дѣятельной жизни, но на этотъ разъ не слышался ли упрекъ въ словахъ Господа? Но у Іліи не достало искренности дать прямой отвѣтъ Господу, что онъ дѣйствительно согрѣшилъ, покинувъ порученное ему дѣло, и что первый грѣховный шагъ все болѣе и болѣе вовлекалъ его во мракъ непослушанія. Еслибы пророкъ съ сокрушеніемъ сердца исповѣдалъ свой грѣхъ передъ Богомъ, то навѣрное былъ бы прощенъ и восстановленъ въ своемъ призваніи. Ілія же началъ говорить о своихъ заслугахъ и о грѣхахъ отступившаго отъ Бога израильскаго народа (ст. 10). «Возревновалъ я о Господѣ Богѣ Саваоѣ, говорилъ онъ, ибо сыны Израилевы оставили Заветъ Твой, разрушили жертвенники Твои и пророковъ Твоихъ убили мечемъ; остался я одинъ, но и моей души ищутъ, чтобы отнять ее». Все это было извѣстно Богу, — но развѣ грѣховность другихъ могла служить оправданіемъ для Іліи, когда онъ поддался искушенію единственно потому, что страхъ омрачилъ его душу? Онъ думалъ оправдать себя, обвиняя народъ Божій, но забылъ, что не отъ виновности народа, а отъ его собственного малодушія страдало Божіе дѣло. Правда, Ілія часто скорбѣлъ о нравственномъ упадкѣ своего народа, болѣзненно чувствовалъ свое одиночество; самоотверженіе и ревность къ дѣлу Божію часто всецѣло охватывали его душу, но не въ этомъ была причина, почему онъ скрывался въ пещерѣ и на вопросъ Іеговы Ілія не далъ прямого отвѣта..... О, какъ часто вопросъ: «Что ты здѣсь?» обращенный Богомъ къ чадамъ Своимъ, остается безъ отвѣта!.. Лишь только неожиданныя препятствія или собственный расчетъ отвлекаютъ человѣка отъ указаннаго Богомъ дѣла, раздается гласъ Господень: «Что ты здѣсь?» Слышать

этотъ вопросъ и тотъ, кто зарываетъ свой талантъ въ землю и влачить безполезное существованіе, тогда какъ жизнь есть время труда и міръ великое для него поле. Всѣ созданія Божія, подъ Его руководствомъ, должны исполнить свое назначеніе, начиная съ Ангела, воспѣвающего гимнъ Богу и кончая мельчайшимъ насѣкомымъ. Оставимъ же одинокія пещеры, въ которыя мы удаляемся: предъ нами широкое поприще дѣятельности; предъ нами борьба со зломъ, благотвореніе, укрѣпленіе малодушныхъ, возвращеніе грѣшниковъ на путь спасенія. Мы призваны къ труду и, содѣлавшись причастниками спасенія Божія, должны трудиться для Него.

Послышался шумъ сильнаго вѣтра, поднялся вихрь, сокрушившій горы, разбивавшій въ дребезги скалы; но не было Господа въ этомъ вихрѣ. Послѣ вѣтра началось землетрясеніе; горы колебались, земля стонала, но не было Господа и здѣсь. Тогда показался огонь; пылали вершины горъ и долины казались раскаленными печами. Хотя всеочищающій огонь и бываетъ символомъ присутствія Божія, но и въ огнѣ не было Господа. Наконецъ послѣдовало тихое вѣяніе вѣтра и до внимавшаго пророка донеслись слова Господа. Богъ говорилъ съ нимъ.

Картиною разъяренныхъ стихій Господь какъ бы указывалъ Иліи, что въ видимыхъ, потрясающихъ душу явленіяхъ природы не проявляется Духъ Господень, чрезъ который Онъ дѣйствуетъ для достиженія великихъ Своихъ предначертаній. Плодомъ этого неуловимаго для людей кроткаго дѣйствія Духа Господня были семь тысячъ избранниковъ Божіихъ, непреклонившихся предъ Вааломъ. Утѣшительно думать объ этихъ семи тысячахъ, извѣстныхъ одному Господу. Мы иногда съ грустью смотримъ на незначительное число исповѣдующихъ Христа, среди множества невѣрующихъ, но намъ служить утѣшеніемъ то, что многіе, невѣдомо для насъ, имѣютъ вѣру во Христа,

подобно Іосифу Аримаеѣйскому и Никодиму, которые тайно отъ іудеевъ приходили ко Христу... И на cadaго изъ завѣдомо принадлежащихъ къ стаду Христову и къ усерднымъ членамъ Церкви можно считать сотни и даже тысячи такихъ, которыхъ, невѣдомо для насъ, Богъ признаетъ Своими. Но тотъ, кто принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ, долженъ взвѣсить, насколько ложно то положеніе, въ которое онъ ставитъ себя, бездѣйствуя тамъ, гдѣ могъ бы способствовать исполненію дѣла Божія, какъ бы стыдясь исповѣдывать Христа и тѣмъ измѣняя Ему. Правда, служеніе Христу всегда сопряжено съ извѣстнаго рода мученичествомъ въ томъ или другомъ видѣ и мы часто съ содроганіемъ сердца служимъ Ваалу. Но въ такія минуты обратимъ всѣ наши помыслы на тотъ торжественный часъ, когда Господь Іисусъ Христосъ назоветъ передъ Отцемъ имена наши и признаетъ насъ Своими. Будемъ молиться и просить Его, чтобы Онъ далъ намъ силы, тайно и явно исповѣдывать Его, чтобы Онъ творилъ въ насъ и чрезъ насъ чего мы сами исполнить не можемъ. Завѣдующіе маякомъ никогда не знаютъ, сколько истомленныхъ глазъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за мерцающимъ въ темнотѣ огонькомъ; такъ и мы должны свѣтить свѣтомъ Христовымъ, не допытываясь: зачѣмъ? и не гоняясь за видимымъ успѣхомъ, а только смиренно и неуклонно исполняя волю Господа, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что Онъ не забываетъ одушевляющей насъ вѣры и любви и трудовъ, которые мы совершаемъ.

И какъ часто впадаемъ мы въ ошибки, подобно Ілиі! Желая духовнаго пробужденія людей, мы стараемся привлечь толпу, ищемъ одаренныхъ силою проповѣдниковъ, заботимся о возможности произвести наиболѣе сильное впечатлѣніе, подобно землетрясенію или огню. Мы ищемъ присутствія Господа въ потрясеніяхъ душевныхъ, а между

тѣмъ дѣйствіе Духа Божія на духъ человѣка подобно тихому вѣянію вѣтра. «Онъ сошелъ какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капля орошающая землю» (Пс. 71, ст. 6.). «Стезя Его была въ водахъ великихъ, и слѣды Его невѣдомы» (Пс. 76, ст. 20). Спасителя ожидали въ славѣ и величіи, а Онъ родился въ ясляхъ. Святыи Духъ нисходитъ въ видѣ голубя, тихо спускающагося по воздуху. И насъ Господъ привлекаетъ къ себѣ не бурнымъ вѣтромъ, но тихимъ вѣяніемъ; не въ то время, когда потрясается земля, но когда наше сердце сокрушается скорбію, и не огнемъ привлекаетъ Онъ насъ, но благодатию. Господъ бесѣдуетъ съ нами не тогда, когда мы окружены толпою, но когда находимся въ уединеніи, посреди горькихъ слезъ и тяжкихъ испытаній.

Но Ілія не захотѣлъ принять предложеннаго ему утѣшенія; онъ, казалось, не могъ сбросить съ себя тяготѣвшее на немъ бремя и когда Богъ вторично спросилъ его: «Что ты здѣсь Ілія?» онъ отвѣчалъ по прежнему, стараясь оправдать себя: «Возревновалъ я о Господѣ!»

ГЛАВА XIII.

По милости Божіей, мы, стоящіе не подѣ закономъ, а подѣ благодатию, и послѣ нравственнаго паденія можемъ возобновить покинутую нами дѣятельность. Примѣръ этого представляетъ намъ Апостолъ Петръ, которому, послѣ его паденія, Спаситель сказалъ: «Паси овецъ Моихъ». Но въ Вѣтхомъ Завѣтѣ отношенія между людьми и Богомъ были иные. Моисей, величайшій изъ пророковъ, видѣвшій Господа лицемъ къ лицу, водившій народъ по пустынь Израильской, спасавшій его отъ истребленія своимъ хода-

тайствомъ,—этотъ вѣрный слуга Божій не могъ ввести народъ въ Обѣтованную Землю, потому что погрѣшилъ устами своими, ударивъ дважды по скалѣ въ порывѣ сомнѣнія. Саулъ, начало царствованія котораго было подобно безоблачному утру, лишился царства за то, что самъ принесъ жертву, которую по закону могли приносить одни только священники.

Илія, какъ мы видимъ, также не былъ возстановленъ въ своемъ прежнемъ призваніи. Господь повелѣлъ ему вернуться для исполненія другаго дѣла: помазать на царство двухъ царей и Елисея пророкомъ вмѣсто себя. Такъ Господь избираетъ людей, могущихъ замѣнить насъ, когда мы оказываемся невѣрными. Учители и наставники, преданные дѣлу Божию, должны обратить особенное вниманіе на этотъ случай.

Насъ могутъ не постигнуть искушенія, которымъ подвергся Илія, но надо помнить, что мы повсюду окружены многочисленными опасностями, которымъ врагъ нашего спасенія придаетъ обманчивый видъ, какъ охотникъ, прикрывающій травю капканъ. Сколько лести приходится выслушивать людямъ, какъ сильно у насъ желаніе всюду занимать видное мѣсто, играть первенствующую роль, — желаніе, столь далекое отъ того младенческаго настроенія, которое необходимо для общенія съ Богомъ. Однако, вмѣстѣ съ опасностью, намъ открывается и путь ко спасенію, ибо, вѣруя въ искупительную жертву Спасителя, мы остаемся Сынами Его. Пролитая за насъ кровь Христова очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха ¹⁾).

Итакъ Илія былъ удаленъ отъ своего прежняго слу-

---

¹⁾ Въ связи съ этимъ обѣщаніемъ, Господь указываетъ на два необходимыя условія для отпущенія нашихъ грѣховъ: «Ходите въ свѣтѣ и въ любви, и имѣйте общеніе другъ съ другомъ» (1 Посл. Іоанна ст. 7). Будемъ-же чаще приступать къ таинству покаянія и Св. Причащенія, черезъ которыя обновляются наши духовныя и тѣлесныя силы.

женія. На его мѣсто явились другіе дѣятели: Азаилъ царь ассирійскій, послужившій безпощаднымъ мечомъ для Израильскаго народа; Іууй, которому предлежало истребить до основанія домъ Ахава, и Елисей, дѣятельность котораго носила на себѣ болѣе мирный отпечатокъ ¹⁾.

Всякаго изъ насъ Господь призываетъ къ Себѣ, но только различными путями. Кто не видитъ указанія Божія въ обстоятельствахъ жизни, тотъ можетъ быть призванъ или чтеніемъ Священнаго Писанія, или живымъ словомъ служителя церкви. Въ Св. Писаніи не говорится, чтобы Елисей боролся мечемъ. У него былъ свой мечъ, — кроткая любовь, которая сокрушаетъ сердца сильнѣе, чѣмъ грозная дѣятельность какого нибудь Азаила или Іууя; сокрушеніе же сердца пробуждаетъ въ человѣкѣ раскаяніе и совершаетъ обновленіе. Поэтому, мы никогда не можемъ сравнивать одного человѣка съ другимъ, такъ какъ непонятное и ничтожное для насъ обстоятельство можетъ быть для другого именно призывомъ Господа. Не будемъ же завидовать другъ другу; у cadaго изъ насъ есть какой нибудь особенный даръ, которымъ мы можемъ служить Господу. Господь сказалъ Ілію, что у него было семь тысячъ избранныхъ, которые не преклонились предъ Вааломъ, а Ілія предполагалъ, что только онъ одинъ

---

¹⁾ Господь дѣйствуетъ иногда и чрезъ такихъ людей, которые по видимому руководствуются однимъ личнымъ произволомъ и даже творять зло. Такъ, предательство Іосифа братьями послужило въ послѣдствіи ко спасенію всего народа (Быт. 38, 46). И Христа евреи распяли, по точному опредѣленію и предвѣдѣнію Божию. Конечно, грѣхъ людей не уменьшается оттого, что они служатъ невольными исполнителями предначертаній Божіихъ (Дѣян. 2, 25), и отвѣтственность всегда остается на людяхъ за причиненное ими зло, но все же они являются орудіями въ рукахъ Господа. Поэтому сколько бы зла ни причиняли такіе люди, но если оно допускается любовію Божіею, то мы должны смѣрять на него какъ на проявленіе воли Божіей, говоря: «Не моя воля, но Твоя да будетъ» (Луки 22, 42).

любить Бога живаго и покланяется Ему. У Господа много сокровенныхъ чтителей Его святаго имени.

«Я оставилъ между израильтянами семь тысячъ мужей» (3 Цар. 19, 18). Мы не знаемъ ни именъ, ни образа жизни этихъ мужей. О нихъ извѣстно только, что они не преклоняли колѣна предъ Вааломъ. Они скорбѣли и плакали въ уединеніи, бесѣдовали другъ съ другомъ и Господь внималъ ихъ словамъ. Онъ зналъ ихъ, какъ пастырь знаетъ своихъ овецъ, заботился о нихъ неусыпно и послалъ къ нимъ Елисея, чтобы питать и руководить ихъ. Для Илии они были невѣдомы; но пришелъ Елисей, и они увидѣли, что Господь печется о нихъ.

Итакъ, какъ бы ни были мы немощны въ ряду воиновъ Божіихъ, но если мы имѣемъ хотя искру вѣры и любви и не поддаемся суетѣ мірской, то Господь, простирающій руку помощи и спасенія всякому немощному, признаетъ и назоветъ насъ Своими. Будемъ помнить, что если зародилась въ насъ эта духовная жизнь, то она не можетъ остаться навсегда сокрытой: она вспыхнетъ, какъ долго тлѣвшая искра, и проявится, какъ брошенное въ землю зерно. Ко многимъ изъ насъ малодушныхъ Господь обращается со словами: «вернись ко Мнѣ»! Вернемся же къ оставленному нами служенію Господу и къ прежнему счастливому состоянію дѣтской вѣры. Откликнемся на зовъ Господень и скажемъ: «мы возвращаемся къ Тебѣ, Господи, ибо Ты Господь Богъ нашъ!»

ГЛАВА XIV.

Близъ дворца Ахава находился виноградникъ, принадлежавшій израильтянину Навуею. Этотъ виноградникъ такъ понравился царю, что онъ рѣшилъ во что бы ни стало приобрѣсти его. Навуею былъ призванъ къ Ахаву;

но на предложеніе продать виноградникъ отвѣчалъ: «Сохрани меня Богъ, чтобы я продалъ наслѣдіе отцовъ моихъ» (ст. 3). По закону Моисея, Ханаанъ считался землею Божіею, которую израильтяне получили отъ Бога лишь во временное пользованіе. Поэтому продавать свои участки никто не имѣлъ права, кромѣ случая крайней нужды, но и тогда все-таки продавшій сохранялъ за собой право выкупить землю послѣ перваго юбилейнаго года. Вѣроятно, это право постепенно предано было забвенію и Навуоѣй боялся навсегда потерять наслѣдіе отцевъ, продавъ его царю. Отвѣтъ Навуоѣя до крайности раздражилъ Ахава. Какъ человекъ, ни передъ чѣмъ не останавливающійся для удовлетворенія своихъ желаній, Ахавъ, по совѣту Іезавели, приказалъ Навуоѣя убить и завладѣлъ его виноградникомъ (21, 1—13).

«И было слово Господне къ Іліи» (21, 17). Намъ неизвѣстно, сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ къ Іліи было слово Господне въ послѣдній разъ. Можетъ быть, прошло нѣсколько лѣтъ. Все это время вѣроятно Ілія съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался, не раздастся ли нѣкогда знакомый ему голосъ.

Но дни проходили за днями, въ тщетномъ ожиданіи и глубокомъ раскаяніи. Ілія имѣлъ полную возможность смиренно ожидать того времени, когда Господу угодно будетъ вновь призвать его къ Своему служенію. Если кто либо изъ насъ лишается прежней дѣятельности, то не слѣдуетъ унывать и скорбѣть. Господь властенъ избрать кого Онъ желаетъ. Это дѣло всевѣдѣнія и всемогущества Божія, и мы всегда должны быть готовыми откликнуться на призывъ Господа, должны внимательно слѣдить за собой и горячо молиться, чтобы Господь очистилъ наше сердце отъ всего, что можетъ препятствовать избранному Имъ для насъ служенію. Не забудемъ, что Господь знаетъ всѣ наши помыслы, и добрые, и злые.

«И пошелъ Илія»... Для Іліи миновало то печальное время, когда онъ, ради спасенія своей жизни, измѣнилъ своему служенію. Прежняя ревность къ служенію Іеговъ возвратилась, и Пророкъ поспѣшилъ въ виноградникъ Навуея, чтобы встрѣтить тамъ царственного преступника. Годы, одиночество и самоиспытаніе совершили свое дѣло. Теперь Ілія не боялся Іезавели, искавшей погубить его, и смѣло обличилъ Ахава. Ахавъ однако не собственно-ручно убилъ Навуея; наустительницею преступленія была Іезавель, потому онъ не считалъ себя убійцей Навуея, хотя и желалъ смерти этого человѣка. Тѣмъ не менѣе, пророкъ, движимый духомъ Божиимъ, возложилъ отвѣтственность на Ахава. «Ты убилъ и еще вступаешь въ наслѣдство»!...

Такъ Господь обличаетъ грѣшниковъ, какъ бы высоко ни стояли они въ глазахъ толпы... «Ты нашелъ меня, врагъ мой», говоритъ Ахавъ Ілія. Обнаженіе раны всегда увеличиваетъ боль и прикосновеніе врача къ переломленной кости всегда приводитъ въ содроганіе больного. Такъ и Ахавъ считалъ врагомъ обличающаго его пророка, подобно тому, какъ египтяне ненавидѣли облачный столпъ и филистимляне поспѣшили отослать обратно взятый ими плѣнъ Ковчегъ Заѣта.

Все, что предсказалъ Ілія о судьбѣ царской семьи, исполнилось въ точности.

ГЛАВА XV.

Для того, чтобы отдать себѣ вполне вѣрный отчетъ о дѣйствіяхъ Іліи, намъ необходимо перенестись къ ветхозавѣтному домостроительству, которое закончилось на Голгоѣ. По нашему высокому пониманію христіанскаго милосердія и прощенія обидѣ, открытому намъ жизнію и

смертью Иисуса Христа, мы не можемъ судить о прежнихъ временахъ и не должны усваивать себѣ образъ дѣйствій и понятій, допущенный по духу времени, еще не озареннаго евангельскимъ свѣтомъ. Когда Иисусъ Христосъ, послѣ славнаго Своего Преображенія, направлялъ путь Свой въ Іерусалимъ, то Онъ проходилъ чрезъ Самарію; на Его просьбу дать Ему ночлегъ, въ которомъ Онъ пуждался, жители селенія самарянского Ему отказали. Вотъ какъ опасна слѣпота фанатизма! Если-бы самаряне знали, что къ ихъ предѣламъ приблизился Тотъ, Кому надлежало соединить въ одно духовное братство іудеевъ и самарянъ, чрезъ искупительную жертву за грѣхи всего міра, то съ какимъ усердіемъ и радостью приняли-бы они Господа! Но даже близкіе къ Нему ученики пока еще мало понимали Его. Онѣ хотѣли низвести огонь съ Неба на жителей Самаріи, но Господь сказалъ имъ: «Не знаете какого вы Духа».

Въ этомъ словѣ заключается вся тайна новаго домостроительства. Законъ и пророчества должны исполниться въ новомъ, божественномъ смыслѣ. Приближалось евангельское домостроительство милосердія. Оно заключалось въ Духѣ Сына, обитающемъ въ лонѣ Отца, а не въ духѣ раба, ревностно выступающаго на борьбу за славу Божию. Огонь любви Духа Святаго замѣнилъ всепожирающій огонь истребленія, возмездіе замѣнилось спасеніемъ. Вѣтхій Завѣтъ преисполненъ поразительными примѣрами праведности и святости Божіей. Богъ Отецъ всегда былъ Богомъ долготерпѣнія и милосердія, и въ Вѣтхомъ Завѣтѣ встрѣчаются драгоцѣнные проблески Его отеческой любви къ Своимъ дѣтямъ. Проблески эти учащаются съ приближеніемъ времени, когда должно было совершиться воплощеніе Сына Божія. Но люди неспособны усвоить себѣ разномыслие божественныя предначертанія; они могутъ уразумѣвать ихъ лишь постепенно. Въ каждой предшествующей

эпохѣ зарождается и развивается какая нибудь ей одной свойственная истина, которая выдвигается впередъ, яснѣе обрисовывается и подтверждается послѣдующими событіями. Времена законодательства Моисеева, предшествовавшія служенію Іліи, главнымъ образомъ указывали на божественное свойство строгаго правосудія и кары за грѣхи. Только переживъ и испытавъ тѣ времена, человѣчество могло оцѣнить любовь Господа, проявившуюся въ искупительной жертвѣ Христа.

Оховія, сынъ Ахава, унаслѣдовалъ престолъ, а вмѣстѣ съ нимъ и грѣхи отца своего. Устрашившись опасности вступить въ борьбу съ Моавомъ, онъ во дворцѣ своемъ предался роскоши и самоугожденію, какъ будто позабывъ, что опасность можетъ вездѣ насъ постигнуть. Оховія, стоя на высокой крышѣ своего дворца, оперся на рѣшетку и упалъ на землю. Желая узнать исходъ своей болѣзни, онъ обратился не къ Іеговѣ, а къ языческимъ божествамъ. Этотъ поступокъ ясно показывалъ, что Оховія идетъ по стопамъ своего отца, и онъ не могъ остаться безнаказаннымъ. Ілія встрѣтилъ посланниковъ Оховія и возвѣстилъ имъ о близкой смерти его. «Такъ говоритъ Іегова, сказалъ онъ имъ: ты не встанешь съ постели своей, ты долженъ умереть».

Много лѣтъ прошло со времени перваго общественнаго служенія Іліи въ Израилѣ. Посланные царя вѣроятно не знали могущественнаго пророка Божія, но они такъ были поражены его повелительнымъ голосомъ и наружностью, что рѣшили тотчасъ же возвратиться къ царю и передать ему причину ихъ скорого возвращенія. Оховія понялъ кто «дерзнулъ ему сопротивляться» (4 Цар. 1, 7), но спросилъ: «Каковъ видомъ тотъ человѣкъ, который вышелъ на встрѣчу вамъ и говорилъ вамъ слова сіи»? И когда они описали его, то царь сказалъ имъ: «Это Ілія Ѳесвитянинъ».

Оховія, въ негодованіи своемъ, желалъ имѣть Илію въ своей власти, но вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ скрытую надежду, что пророкъ отмѣнитъ смертный приговоръ, вышедшій изъ устъ его. Чтобы овладѣть пророкомъ, Оховія послалъ за нимъ пятидесятника съ отрядомъ изъ пятидесяти воиновъ, но когда всѣ они были поражены смертію, то онъ назначилъ другаго пятидесятника съ другими пятидесятью воинами. Посланные обратились къ пророку со словами: «Человѣкъ Божій, царь говоритъ: сойди!» Или они издѣвались надъ нимъ, назвавъ его человѣкомъ Божиимъ, или дѣйствительно считали его человѣкомъ Божиимъ, но и въ такомъ случаѣ власть царя земнаго въ ихъ глазахъ стояла выше власти Царя Небснаго, а то и другое одинаково было оскорбленіемъ, нанесеннымъ не столько Иліи, сколько Богу, Которому онъ служилъ. Пророкъ былъ видимо преисполненъ ревностью о славѣ Божіей, а не чувствомъ личной мести, когда сказалъ: «Если я человѣкъ Божій, то пусть огонь сойдетъ съ неба, и поглотитъ тебя и твой пятидесятокъ». И сошелъ съ неба огонь и поглотилъ его и пятидесятокъ его. Когда же третій пятидесятникъ обратился къ Иліи съ почтительной и смиренной просьбой, то Илія по слову Господню всталъ и пошелъ съ нимъ къ царю.

Какая благодатная перемена произошла во внутреннемъ настроеніи Иліи! Теперь онъ какъ бы осуществлялъ на себѣ слова псалмопѣвца: «Если полкъ возстанетъ на меня, я и тогда безопасенъ». — И, безъ всякаго страха, онъ слѣдуетъ за третьимъ пятидесятникомъ до самаго дворца, въ которомъ находились враги его. Въ чемъ заключалась сила Иліи, когда онъ, спокойно исполнивъ порученіе Божіе къ царю, вышелъ отъ него невредимымъ? Въ томъ, что Илія теперь снова былъ подъ покровомъ Всевышняго и предъ лицомъ Іеговы. Его вѣра оживилась, онъ вновь облекся во всеоружіе Божіе и такимъ образомъ

былъ въ силахъ устоять противъ раскаленныхъ стрѣлъ лукаваго. Приближалось время, когда служитель Божій, процвѣтшій какъ маслина и въ старости приносившій плодъ свой, долженъ былъ получить великую мѣду отъ Господа. Воздадимъ же хвалу Всевышнему, Онъ обновляетъ силы изнемогающихъ дѣтей Своихъ, отъ гроба воздвигаетъ ихъ и держитъ ихъ какъ звѣзды въ Своей десницѣ, даруя имъ счастье служить Ему, для славы Его святаго имени.

XVI.

Послѣ весьма оживленной дѣятельности, для Иліи еще здѣсь на землѣ наступила пора отдыха. Конецъ его земнаго пути былъ какъ бы озаренъ отблескомъ того лучшаго міра, въ который онъ долженъ былъ переселиться. Отрадно видѣть старость человѣка, много потрудившагося въ жизни. Молодое поколѣніе окружаетъ его съ почтительной любовью и сѣмена, посѣянные много лѣтъ тому назадъ, приносятъ плоды на радость и утѣшеніе благословеннаго старца. Изъ памяти о прошломъ выступаютъ дорогія воспоминанія, а небесная родина, какъ бы скрытая подъ легкимъ покрываломъ, становится видимой для свѣтлой, оживляющей будущее надежды. Въ глазахъ свѣтится прежняя энергія, но она смягчается состраданіемъ къ человѣческой немощи, рѣзкость смѣняется снисхожденіемъ, и въ мудрыхъ рѣчахъ старца многому могутъ научиться молодые люди окружающіе его.

Мы не знаемъ, достигъ ли пророкъ преклонныхъ лѣтъ, но его жизнь видимо склонялась къ закату, когда онъ

основалъ школу пророковъ. Легко можно предположить, что Илія желалъ образоватъ людей, способныхъ продолжать его дѣло борьбы противъ идолопоклонства. Посмотримъ, что значитъ самое слово: «пророкъ». Невѣрное представленіе, будто слово «пророкъ» непременно означаетъ челоуѣка, предсказывающаго будущее, препятствуетъ ясному разумѣнію Св. Писанія. Въ точномъ смыслѣ, слово пророкъ значитъ: «По вдохновенію Божию говорящій». Богъ говорилъ чрезъ пророковъ, и святые вѣщали, будучи движимы Духомъ Святымъ. Согласно этому опредѣленію, въ Св. Писаніи мы видимъ, что школы пророковъ состояли изъ собранія молодыхъ людей, сердца которыхъ были открыты для воспринятія повелѣній Божіихъ и готовы къ возвѣщенію того, что Господь имъ открывалъ. Перенесемся мысленно въ Веилъ, Галгалу и Іерихонъ, гдѣ, подъ вліяніемъ Иліи, вѣроятно и воспитывались сыны пророковъ, быть можетъ, изъ числа тѣхъ семи тысячъ, которые не преклонили колѣна предъ Вааломъ. Быть можетъ, Исаія, Осія, Іезекииль и другіе пророки находились въ этихъ духовныхъ училищахъ, въ которыхъ Господь избиралъ всѣхъ великихъ пророковъ для проповѣди покаянія. По видимому, эти молодые люди, раздѣленные на общества пятидесяти такъ называемыхъ сыновъ пророческихъ, подъ управленіемъ руководителя, живя въ шалашахъ, довольствуясь самой простой пищей и одеждой, посвящали себя Богу, изучали Св. Писаніе и распространяли Его въ народѣ чрезъ книги, ими же переписанныя. Иногда Господь посылалъ ихъ или для помазанія царя на царство, или для обличенія грѣшника, или на защиту угнетенныхъ. Легко понять, какъ Илія дорожилъ этими школами пророковъ, — какъ его сердце жаждало утвердить ихъ на прочныхъ основаніяхъ, дабы впослѣдствіи огонь любви ко Господу горѣлъ неугасимымъ пламенемъ.

Таково было состояніе духа Ілія предъ взятіемъ его на небо. Ілія пламенною любовью былъ привязанъ къ этимъ юнымъ сердца́мъ; онъ желалъ побесѣдовать съ ними, хотя и рѣшилъ ничего не говорить имъ о великой, ожидающей его славы. Въ пророкъ проявилось смиреніе истиннаго величія. Онъ скрывалъ тайну своего взятія на небо отъ самыхъ приближенныхъ къ нему, предпочитая не имѣть свидѣтелей этого событія. Ілія старался убѣдить Елисея не слѣдовать за нимъ и говорилъ ему: «Останься здѣсь». Можетъ быть Ілія опасался, что ему будетъ приписана слава, принадлежащая единому Богу. Какое заключается въ этомъ обличіе для насъ! Мы спѣшимъ повѣдать людямъ о нашихъ трудахъ для Бога; мы хвалимся малѣйшимъ ихъ успѣхомъ и полученные нами таланты стараемся употреблять для своего собственнаго возвышенія. Не потому ли Отецъ нашъ Небесный медлитъ обогатить насъ духовными дарами, что дары эти, ставъ поводомъ къ гордости, могутъ привести насъ къ великой гибели. Но какъ намъ освободиться отъ исканія своихъ силъ? Только одинъ Духъ Святыи можетъ освободить насъ отъ закона грѣха и смерти. Если бы взоры наши были постоянно обращены къ Солнцу правды, то мы не захотѣли бы видѣть темной тѣни нашего «я». Обратимся же къ этому чудному Свѣту; будемъ молить Господа, дабы Онъ совершилъ надъ нами и чрезъ насъ Свое святое дѣло и дабы мы, забывъ о себѣ, стремились къ прославленію Небеснаго Учителя.

Обратимъ еще вниманіе на дивное спокойствіе пророка въ эти послѣдніе дни его земной жизни. Онъ ожидалъ чудеснаго взятія себя на небо, но дорожилъ возможностью послужить людямъ на землѣ. Въмѣсто того, чтобы погрузиться въ восторженные представленія о невидимомъ мірѣ, Ілія продолжаетъ свои ежедневныя занятія,

посѣщаетъ школы пророковъ и бесѣдуетъ съ своимъ другомъ до того самаго часа, когда надъ избранникомъ Божиимъ совершилось чудное событіе перехода въ другой міръ. Какъ поучителенъ для насъ примѣръ Іліи! Не указываетъ ли онъ каждому изъ насъ, что мы должны неуклонно исполнять наши ежедневныя обязанности, даже въ то время, когда мы приготовляемся къ переходу въ небесное отечество? Когда Господь призоветъ насъ къ Себѣ, найдетъ ли Онъ насъ посреди трудовъ, которые Онъ возложилъ на насъ? Путь послушанія угоденъ Ему. Не смотря на оттѣнокъ природной суровости, Ілія обладалъ тѣми задушевыми свойствами, которыя внушали любовь къ нему со стороны окружавшихъ его людей—пророческихъ сыновъ и въ особенности Елисея. Елисей слѣдуетъ за нимъ отъ Веила до Іерихона и даже за Іорданъ. Сила любви, соединявшей обоихъ пророковъ, выражается часто повторяемыми словами: «они оба шли вмѣстѣ, оба стояли у Іордана, оба перешли черезъ Іорданъ».

Благоговѣнное чувство охватило сыновъ пророческихъ, когда они въ послѣдній разъ увидѣли своего Учителя. Они не смѣли заговорить съ нимъ о предстоящемъ восхищеніи его на небо, о которомъ самъ онъ не начиналъ съ ними рѣчи. Они только спрашивали, насколько близко это событіе. Какъ многозначительно это молчаніе ожидавшихъ земной разлуки съ пророкомъ и какъ близокъ ко всѣмъ имъ былъ Господь въ это время! Онъ былъ передъ очами Іліи и указывалъ предстоящій ему путь. Елисей постоянно призываетъ Живаго Бога, передъ Которымъ онъ стоитъ, какъ-бы перенесенный духовно въ ту небесную страну, куда готовился перейти Ілія. Для сыновъ пророческихъ взятіе ихъ учителя на небо было очевиднымъ дѣломъ Господа.

А мы, въ своихъ отношеніяхъ къ Богу, способны ли

обращаться къ Нему съ полною, непоколебимою вѣрою? Не страшимся ли мы перехода на другой берегъ Иордана? Готовы ли къ входу въ небесныя врата?.. ¹⁾).

ГЛАВА XVII.

Теперь мы дошли до одного изъ самыхъ величественныхъ повѣствованій Ветхаго Завета, чуждаго однако подробностей и передающаго однѣ только главные, выдающіяся черты этого необычайнаго событія.

Сыны пророческіе не могли слѣдить за удалившимся пророкомъ, а Елисей, въ яркомъ сіяніи небеснаго воинства, не могъ съ точностью опредѣлить, что именно совершалось предъ его глазами. «Когда они шли и дорогою разговаривали, вдругъ явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучила ихъ обоихъ, и понесся Илія въ вихрь на небо» (4 Цар. 2, 11). При этомъ совершилось одно только знаменіе, послужившее предвѣстіемъ чуда, которое должно было совершиться. Когда Елисей и Илія приблизились къ Иордану, то увидѣли, что онъ преграждаетъ дальнѣйшій ихъ путь. Но могущественная вѣра воодушевила Илію, и естественные законы

¹⁾ Во всѣхъ книгахъ Священнаго Писанія Господь постоянно оживляетъ въ сердцахъ нашихъ надежду узрѣть Его. Трудно жить въ постоянномъ ожиданіи смерти, или страшнаго суда. Но радостно жить въ очищающей насъ надеждѣ соединенія съ возлюбленнымъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ «въ день, когда мертвые во Христѣ воскреснутъ прежде; потомъ мы оставшіеся въ живыхъ вмѣстѣ съ ними восхищены будемъ на облакахъ въ срѣтеніе Господу на воздухѣ, и такъ всегда съ Господомъ будемъ». (1 Фессал. 4, 16—17).

должны были уступить законамъ высшаго порядка, доступнымъ единственно силѣ этой вѣры. «И взявъ Ілія милость свою, и свернулъ, и ударилъ ею по водѣ, и разступилась она туда и сюда, и перешли оба по суху» (4 Цар. 2, 8). Въ этомъ внѣшнемъ знаменіи выразилось настроеніе духа Іліи. Онъ зналъ, что Господь посылаетъ его на другой берегъ рѣки, и былъ увѣренъ, что Господь Самъ уравниваетъ преуказанный ему путь. Духъ Іліи вознесся до престола Всевышняго и воспринялъ божественную власть, дѣйствовавшую во всѣхъ путяхъ его, и, вода разступилась туда и сюда, и перешли они по суху.

И на твоёмъ пути, чадо Божіе, не лежитъ ли преграда, подобная Іордану, тогда какъ обстоятельства твоей жизни указываютъ на необходимость безостановочнаго движенія впередъ? И вотъ здѣсь-то именно и должна проявиться твоя вѣра. Богъ и для тебя уравниваетъ путь, на который указываетъ. Не страшись бушующихъ волнъ, иди впередъ съ неуклонной вѣрой, и ты найдешь исходъ тамъ, гдѣ по человѣческому разумѣнію нѣтъ исхода. Вдали отъ мѣстъ, связанныхъ съ земными воспоминаніями Іліи и событіями въ жизни его народа, среди величественныхъ скалъ пустынной мѣстности, Господь послалъ огненную колесницу, въ которой Ілія вознесся на небо.

Жизнь Іліи можно сравнить съ вихремъ, который внезапно охватываетъ людей, не приготовленныхъ къ его появленію; въ вихрѣ онъ былъ восхищенъ и на небо. Елисей воскликнулъ ему въ слѣдъ: «Отецъ мой! Колесница Израиля, и воинство его!» Въ восторженномъ состояніи духа, онъ въ этомъ восклицаніи выразилъ ту истину, что Ілія былъ истиннымъ щитомъ для своего народа. Этотъ великій пророкъ, котораго Елисей любилъ, какъ преданный сынъ любить отца, вѣрою и молитвою своею

неоднократно отвращалъ бѣдствія и опасности, грозившія Израилю. Молитва сильнѣе цѣлаго вооруженнаго полчища,—но немного людей въ духѣ и силѣ Іліи, дѣйствующихъ силою молитвы. Современники пророка были люди, поглощенные чувственною жизнію и мало заботившіеся о томъ, что ожидаетъ ихъ послѣ смерти. Идолопоклонники, посреди которыхъ они жили, имѣли о вѣчности крайне смутныя и притомъ извращенныя языческими нравами и обычаями понятія. Взятіемъ Іліи на небо Господь далъ Своему народу поразительное свидѣтельство о духовномъ мірѣ. Такъ огонь соединяется съ огнемъ, духъ съ духомъ и человѣкъ Божій съ Богомъ. Такое же свидѣтельство дано было людямъ предъ потопомъ, когда Енохъ, не подвергнувшись смерти, былъ также переселенъ на небо,—и мы съ благоговѣніемъ вспоминаемъ Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа ¹⁾.

Восхищеніемъ Іліи на небо Господь возложилъ Божественную печать истины на слова раба Своего. Если бы пророкъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, то народъ израильскій могъ бы еще имѣть для себя нѣкоторое оправданіе, отвергая божественное посланничество Іліи; но могъ ли народъ не вѣрить человѣку, котораго Господь такимъ торжественнымъ образомъ перенесъ отъ земли на небо? Изъ невидимаго міра выступилъ Богъ Вседержитель и далъ удостовѣреніе, что Онъ послалъ народу израильскому раба Своего и что этотъ рабъ Господа говорилъ и дѣйствовалъ согласно съ Его волею.

Въ жизни Іліи былъ случай ослабленія вѣры, но общее служеніе пророка было угодно Богу, и Господь засвидѣтельствовалъ о семъ предъ людьми. Припомнимъ, что нѣкогда пророкъ просилъ себѣ смерти у Бога. Господь не

¹⁾ Таковаго свидѣтельства могутъ ожидать хрістіане и передъ вторымъ пришествіемъ Господа (1 Корин. 15, 51—54. Фил. 4, 16—18).

дать ему просимаго и теперь беретъ его къ Себѣ на огненной колесницѣ. Одна изъ главныхъ причинъ, почему Господь не всегда исполняетъ наши молитвы, заключается въ томъ, что мы не знаемъ чего просимъ. Господь хочетъ дать намъ несравненно болѣе того, что мы въ состояніи избрать для себя. И въ будущей жизни, благодаря Господа за Его великія милости исполненіемъ нашихъ молитвъ, мы будемъ благодарить Его и за то, что многихъ изъ этихъ молитвъ Онъ не исполнилъ. Когда Господу угодно отвѣчать отказомъ на нашу просьбу, будемъ вѣрить, что любовь Его приготовляетъ для насъ благословеніе и блаженство выше того, о которомъ мы помышляемъ, какъ восхищеніе на небо было выше смерти въ пустынѣ, о которой молился пророкъ.

Чтоже такое смерть? Смерть не есть состояніе, но дѣйствіе, не условное положеніе, но переходъ. Апостолъ Павелъ говоритъ, что несравненно лучше «разрѣшиться и быть со Христомъ» (Фил. 1, 23); но изъ его же словъ мы узнаемъ, что полное блаженство наступитъ только при воскресеніи тѣла, облекшагося въ нетлѣніе и безсмертіе въ день пришествія Господня. Хотя отъ насъ сокрытъ часъ пришествія Господа, когда не только мертвые во Христѣ воскреснутъ, но и оставшіеся въ живыхъ вмѣстѣ съ ними восхищены будутъ на облакахъ небесныхъ въ срѣтеніе Господу,—но какимъ бы путемъ Господь ни опредѣлитъ взять насъ къ Себѣ, мы должны быть готовы предстать предъ Нимъ. Во время опасности, болѣзни, всегда и вездѣ, да будутъ сердца чадъ Божіихъ преисполнены любовью къ Нему, дабы, омывшись кровію Агнца, они могли пройти чрезъ врата, ведущія въ вѣчность. Тѣмъ темъ колесницъ Божіихъ будутъ посланы Господомъ для восхищенія святыхъ Его на небо.

ГЛАВА XVIII.

«Духъ, который въ тебѣ, да будетъ во мнѣ вдвойнѣ» (4 Цар. 2,9). Книга Царствъ повѣствуетъ, что Илія и Елисей разговаривали между собою на пути. О чемъ шла ихъ бесѣда? Можетъ быть о паденіи Израиля и судѣ надъ нимъ, или о прекращеніи пророческаго служенія Иліи и вступленіи въ него Елисея съ новымъ призывомъ и новыми прещеніями Божиими для Израиля. Во всякомъ случаѣ, торжественна и глубоко назидательна долженствовала быть эта бесѣда. Перейдя чрезъ Іорданъ, Илія сказалъ Елисею: «Проси, что сдѣлать для тебя, прежде, чѣмъ я буду взять отъ тебя»; и сказалъ Елисей: «духъ, который въ тебѣ, пусть будетъ во мнѣ вдвойнѣ». Для испытанія вѣры Елисея, Илія трижды предлагалъ своему преемнику не слѣдовать за нимъ; когда же увидѣлъ его твердую, непоколебимую рѣшимость остаться вѣрнымъ до конца своему учителю, то вѣроятно ему преподано было указаніе, что Елисей не можетъ просить того, что Господу не угодно ему дать. Илія былъ человѣкъ подобный намъ и только постояннымъ общеніемъ съ Богомъ онъ достигъ дѣрзновенія вѣры и доступа къ сокровищницѣ благословенныхъ Божіихъ даровъ, которые могли излиться и на Елисея, родственнаго ему по духу. Елисей не просилъ богатства, почестей и власти,—онъ не хотѣлъ болѣе возвращаться къ земнымъ благамъ, отъ которыхъ отказался, простившись съ домашнимъ очагомъ и друзьями. Елисей сказалъ Иліи: «Духъ, который въ тебѣ, да будетъ во мнѣ вдвойнѣ». Нельзя допустить, чтобы Елисей просилъ для себя вдвое больше вѣры и силы духовной, нежели сколько имѣлъ ихъ Илія. Въ Законѣ Моисеевомъ (Втор. 21, 17) двойная мѣра означала права первенца и наслѣд-

ника, и Елисей желалъ быть первенцемъ Иліи, наслѣдникомъ его духа, преемникомъ его служенія. Его стремленія были широки, но онъ чувствовалъ, что не можетъ взять на свою отвѣтственность дѣла Божія и одолѣть предстоящія ему искушенія, иначе какъ во всеоружіи духа. И Господь исполнилъ его прошеніе. И всегда, возлагая на насъ какое либо дѣло, Господь Самъ руководить нами и даетъ намъ силу его исполнить. Намъ остается только съ твердостью и вѣрою бодрствовать и молиться, въ ожиданіи небесной помощи.

Илія тщательно испытывалъ твердость Елисея въ послѣдніе дни своей земной жизни. «Останься здѣсь», говорилъ ему Илія; но Галгала, Веѣиль и Іерихонъ не привлекали Елисея. Онъ зналъ цѣну дара, къ которому стремился, понималъ значеніе предложенныхъ ему испытаній и его рѣшимость, съ увеличеніемъ трудностей на пути, возрастала, подобно тому какъ возрастаетъ напоръ воды, удерживаемой запрудой. Такая всепревозмогающая вѣра была у Хананеянки, неотступно молившей Христа Спасителя.

Отецъ нашъ Небесный испытываетъ Насъ, самонадѣянныхъ, твердо ли мыжелаемъ замѣнить присущую намъ силу силою Духа Святаго, и какъ радуется милосердый Спатель, видя нашу настойчивость въ молитвѣ, которую Онъ желаетъ исполнить! съ какою любовію, испытавъ нашу вѣру, говоритъ намъ: «Велика вѣра твоя, да будетъ тебѣ по прошенію твоему!» Только обладая вѣрою, мы становимся способными облечься силою свыше, и Господь благословляетъ насъ. «Царствіе Божіе силою берется». Великія духовныя блага требуютъ соотвѣтствующей борьбы вѣры. Іаковъ и Іоаннъ, прося для себя престоловъ въ Царствѣ Божіемъ, не помышляли о томъ, какою дорогою цѣною, какою искупительною жертвою Господь Іисусъ Христосъ возведетъ будетъ во славу, которую Онъ жаждалъ даровать

Своимъ ученикамъ. Крестъ предшествовалъ Воскресенію, горькая геесиманская чаша уготовляла путь для Вознесенія Побѣдителя грѣха и смерти къ престолу Всевышняго. И намъ необходимо взять крестъ свой и слѣдовать за Іисусомъ, соединиться съ Нимъ подобіемъ смерти Его; нашъ ветхій человекъ долженъ быть распятъ со страстями и похотями и воля Божія должна приниматься нами съ любовію, хотя бы среди скорби и слезъ. Тогда только, послѣ перенесеннаго нами испытанія нашей вѣры, при неуклонной рѣшимости достигнуть высокой цѣли, мы сдѣлаемся сосудами, способными вмѣстить высшій даръ Благодати Святаго Духа.

«Если увидишь какъ я буду взять» (4 Царс. 2, 10). Кто можетъ видѣть событія духовнаго міра? Доступны ли они человѣческому взору? Для чувствъ, помраченныхъ страстями, нѣтъ доступа въ высшую духовную область. Во всемъ Израилѣ нашелся одинъ только Елисей, который по чистотѣ сердца удостоился узрѣть небесное видѣніе. Мы могли бы только засвидѣтельствовать объ изчезновеніи Пророка, а Елисей видѣлъ самое восхищеніе Іліи на небо; слѣдовательно, его духовная жизнь укрѣпилась на столько, что онъ могъ проникнуть въ преддверіе Небесныхъ обителей. Такъ, по мѣрѣ подчиненія ветхаго человека волѣ Божіей, крѣпнеть духовная жизнь.

«Онъ поднималъ милоть».... Эта упавшая милоть имѣла большое значеніе. На востокѣ, передача милоти означала передачу наслѣдства и служенія. Когда милоть упала къ ногамъ Елисея, онъ понялъ, что его прошеніе услышано, принято и исполнено на небѣ. Онъ узналъ, что помазанъ продолжать служеніе Іліи, получилъ его силу. И какъ «безмѣрно величіе могущества Его въ насъ вѣрующихъ, по дѣйствию державной силы Его!» (Еф. 1. 19). Но лишь только мы облакаемся во всеоружіе Божіе, какъ уже наступаютъ вновь испытанія силы вѣры. Такъ было и съ

Елисеємъ: онъ вернулся и сталъ у Іордана; онъ видѣлъ Илію, восходящаго на небо, и вѣрилъ, что духъ Іліи былъ въ немъ вдвойнѣ,— и посему-то онъ дѣйствовалъ съ рѣшимостью, свойственною только человѣку, обладающему твердою вѣрою.

ГЛАВА XIX.

Утомленный отъ трудовъ, ища уединенія и возможности побесѣдовать съ друзьями Своими, Господь Іисусъ во время Своихъ путешествій избѣгалъ многочисленныхъ селеній и направлялся къ горѣ Ермонъ, стоявшей подобно стѣнѣ на границѣ Палестины. Есть основаніе предполагать, что здѣсь Іисусъ пробылъ около недѣли, бесѣдуя съ Своими учениками и приготовляя ихъ къ страшнымъ и великимъ событіямъ Его искупительной жертвы. «Дней черезъ восемь, взявъ Петра, Іакова и Іоанна, Онъ взошелъ на гору помолиться» (Лук. 9, 28). Онъ искалъ въ молитвѣ духовнаго обновленія для предстоящей Ему борьбы и повелъ учениковъ Своихъ дальше отъ шума и взоровъ людскихъ. Первую часть ночи ученики вѣроятно бодрствовали вмѣстѣ съ Іисусомъ, но потомъ, утомившись, уснули; между тѣмъ, Спаситель міра продолжалъ горячо молиться. Но вотъ они проснулись, не отъ утренней зари, но отъ сіянія неизреченной славы, исходявшей отъ Богочеловѣка. Эта слава проникала все Его существо, изгладила съ лица Его слѣды Его тяжкихъ заботъ и озаряла Его небесной радостью. «Одежда Его была бѣлѣе снѣга на вершинахъ горъ. И вотъ два мужа бесѣдовали съ Нимъ, которые были Моисей и Ілія» (Лук. 9, 30). Ихъ лица сіяли отраженіемъ славы Божественной.

Какая могла быть причина явленія этихъ двухъ мужей и особенно Иліи? Не они-ли должны были свидѣтельствовать о величіи и достоинствѣ Господа Іисуса, какъ члены человѣческой семьи, память о которыхъ еще пребывала посреди людей? Не Адама, не Авраама, но Илію и Моисея угодно было Господу избрать для свидѣтельства о Немъ предъ учениками Своими. Илія былъ величайшій изъ пророковъ, пользовавшихся особливимъ значеніемъ и уваженіемъ у Израильскаго народа. И для учениковъ Іисуса, бывшихъ свидѣтелями Преображенія, явленіе Иліи, поклоняющагося Господу, имѣло особенное значеніе. Оно давало имъ возможность уразумѣть, что какъ бы велика ни была слава Иліи, неизмѣримо выше слава Богочеловѣка, которому Илія поклоняется. Явленіе Моисея и Иліи возвѣщало, что Іисусъ есть именно Тотъ, къ принятію Кого они приготовляли Израиля ¹⁾, и предметами бесѣды Христа съ сими небожителями могло быть именно то, что лежало въ это время на сердцѣ Іисуса. Тѣнь Креста уже осѣняла Господа. Ему нужно было укрѣпленіе отъ Бога Отца и оно дается Ему свыше бесѣдою съ Иліею и Моисеемъ,—бесѣдою объ искупленіи человечества чрезъ закланіе Агнца Божія, бесѣдою о славѣ Отца, возвеличенной славою Сына.

ГЛАВА XX.

Тотъ, кто всецѣло предаетъ себя Богу, дѣлается орудіемъ благодати Божіей. Немошной человѣкъ тогда становится могущественнымъ и черезъ него Господь изливаетъ на людей благословеніе, какъ воду живую.

¹⁾ Филиппъ говоритъ Наанану: «Мы нашли Того, о Которомъ писали Моисей въ законѣ и пророки» (Іоан. 1, 45).

Знаменательный примѣръ силы Божіей въ помощи человека мы находимъ въ жизни пророка Іліи. Уже болѣе столѣтія преобладало надъ служеніемъ истинному Богу поклоненіе Ваалу и Астартѣ, со всѣми возмутительными обрядами и оргіями древняго боготворенія силъ природы. Позорныя дѣянія язычниковъ поддерживались жрецами, которые въ свою очередь опирались на царственную поддержку Іезавели. Козни жрецовъ, какъ сѣтью, охватывали страну. Жертвенники Іеговы были разрушены; пророки умолкли; сонмъ поклоняющихся Богу былъ такъ малочисленъ, что только Онъ одинъ зналъ имена оставшихся вѣрными Ему. Яркое сіявшій въ Израилѣ свѣтъ истины теперь мерцалъ, какъ догорающая ижека. И вотъ явился человекъ, съ такимъ же немощами какъ и мы, искушенный собственными и намъ искушеніями, и теченіе дѣлъ измѣняется. Послѣдователи истиннаго Бога ободряются, развитіе идолопоклонства пріостанавливается; могущество Іеговы вновь признается; воздвигаются жертвенники Господу; возникаютъ школы пророковъ. Священное Писаніе неоднократно указываетъ, какъ велико было значеніе Іліи. Послѣдній изъ пророковъ Вѣтхаго Завета сравниваетъ предтечу съ Ііею (Малах. 5—6). Болѣе 400 лѣтъ спустя, Архангелъ Гавріиль, явившись къ Зіхаріи, возвѣщаетъ, что «Іоаннъ предъидетъ предъ Господомъ, въ духѣ и силѣ Іліи». Мысль о возвращеніи Іліи на землю была сильно распространена среди Израиля, испытавшаго такъ много тяжелыхъ переворотовъ. Народъ обращался къ Іоанну съ вопросомъ: «Что же ты, Ілія?» Когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ привлекалъ къ себѣ сердца людей, то іудеямъ казалося, что исполнились многовѣковыя ожиданія, Іисусъ Христосъ казался имъ вновь явившимся Ііею. Такимъ образомъ, личность Іліи и его дѣло особенно возвышаются надъ прочими избранниками Божіими и ихъ подвижами. Ілія былъ человекъ подобный

намъ (Іак. 5, 17): въ чемъ же заключалась причина его особеннаго значенія? Въ томъ, безъ сомнѣнія, что онъ былъ исполненъ Духа Святаго. Тайна его силы состояла не въ человѣческихъ его свойствахъ, а въ дѣйствовавшемъ чрезъ него Духѣ Божіемъ.

Вникнемъ глубже въ эту божественную истину; сосредоточимъ все наше вниманіе на единственномъ Источникѣ силы духовной; будемъ неуклонно стремиться къ высшему благу—быть исполненными Духомъ Святымъ, и тогда чудныя дѣла Господа вновь проявятся въ церкви Его. Господь ищетъ людей способныхъ забыть себя и отречься отъ самихъ себя, дабы содѣлаться орудіями Его всемогущества. Благодатная сила, которая въ Ветхомъ Завѣтѣ была удѣломъ немногихъ, теперь открылась въ церкви для всѣхъ жаждущихъ ея. Господь и къ намъ обращается съ увѣщаніемъ: «Исполняйтесь Духомъ». (Еф. 5, 18). Когда мы будемъ исполнены Духомъ Святымъ, то предъидемъ предъ Нимъ въ духъ и силъ Иліи, какъ было сказано объ Іоаннѣ Крестителѣ, дабы обращать сердца людей къ Господу и служить Ему. Въ день пятидесятницы, всѣ готовые принять благодать Божію исполнились Духа Святаго. Источникъ благодати открылся для обновленія всѣхъ вѣрующихъ.

Книга Дѣяній Апостольскихъ повѣствуетъ, что ученики, исполнившіеся Духа Святаго, начали говорить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ «провѣщевать» (Дѣян. 2, 4), и что по молитвѣ ихъ «поколебалось мѣсто, гдѣ они были собраны, и исполнились всѣ Духа Святаго и говорили Слово Божіе съ дерзновеніемъ» (Дѣян. 4, 31). Книга Дѣяній является какъ бы неоконченной, не потому ли, что Господь ожидаетъ ея продолженія въ жизни церкви основанной въ день пятидесятницы? Свидѣтельство о пребываніи въ церкви Св. Духа должно было продолжаться во всѣ столѣтія, во всѣ дни ея существованія. Господь въ день

пятидесятницы открылъ церкви сокровищницу неистощимую, но готовы ли мы принять Его даръ? Безъ этой силы дара Духа Святаго церковь не въ состояніи побѣждать міръ и бороться противъ враждебныхъ силъ. Никто изъ насъ не можетъ духовно возрасти, не исполнившись Св. Духа. Да укрѣпитъ Господь нашу вѣру въ то, что достояніе христіанъ первыхъ временъ церкви остается достояніемъ христіанъ и нашего времени. Тогда Господь сокрушитъ всѣ препятствія къ принятію Его великаго дара. Не забудемъ однако, что если мы стремимся исполниться Духа Святаго, то мы должны искать этого дара не для собственной радости и успокоенія и даже не для личной болѣе полной дѣятельности, но для прославленія Бога. Облеченные плотію смертной, мы причастны грѣху, но должны быть омыты кровію Христовою, отъ всякаго вольнаго оскверненія, такъ какъ Господь не вложитъ драгоценнѣйшаго дара въ нечистые сосуды.

По законамъ физическаго міра, сила проявляется тамъ, гдѣ меньше сопротивленія — такъ и въ духовной области всякое сопротивленіе должно быть устранено, чтобы сила Духа Святаго могла дѣйствовать съ полною свободою. Мы не сопротивляющійся больше получить. «Богъ даетъ Духа Святаго повинующемуся Ему» (Дѣян. 5, 32). Духъ Святой уже дарованъ церкви. Онъ заключается въ тѣхъ духовныхъ благословеніяхъ съ небесъ, которыми Господь благословлялъ насъ во Христѣ Иисусѣ (Еф. 1, 3).

Отъ насъ не требуется борьбы, тревожныхъ усилій, сердечныхъ волненій, чтобы получить достояніе, которое по волѣ Господа уже принадлежитъ намъ. Мы не должны опираться на свои собственные чувства и размышлять о томъ, имѣемъ ли мы особенную, неиспытанную прежде радость; мы должны продолжать жизненный путь съ вѣрою, что мы приняли Духа Святаго, и, по мѣрѣ хожденія нашего въ вѣрѣ, откроется дѣйствительность полученнаго

дара, обладаніе новою силою и могуществомъ. Господь говоритъ: «Открой уста твои, и Я наполню ихъ». Будемъ же съ дѣтскою вѣрою молиться о ниспосланіи намъ Духа Святаго, и пребываніе Его въ сердцѣ непременно принесетъ плодъ свой, подобно чуднымъ растеніямъ южныхъ странъ, служа намъ доказательствомъ, что въ теплицѣ поддерживается огонь. Духъ низойдетъ, «какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли орошающія землю». (Пс. 71, 6).

Апостолъ сопоставляетъ дѣла плоти съ плодами Духа. Възрастаніе Духа преисполнено миромъ и жизнію; благодатныя проявленія Духа тѣсно связаны между собою: любовь производитъ радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе, — и все сердце наполняется добродѣтелями Христовыми. Сердца наши должны быть всецѣло преданы Богу, дабы Духъ Святый въ насъ и черезъ насъ исполнялъ Свою Божественную волю и даровалъ намъ силу для служенія Богу и людямъ.

Послѣ сошествія Св. Духа, робкіе нѣкогда Апостолы уже съ великою смѣлостью и силою свидѣтельствуютъ о Господѣ. Жизнь ихъ получила освященіе; Евангеліе проповѣдуется со властію; они изгоняютъ бѣсовъ, исцѣляютъ больныхъ и привлекаютъ ко Христу толпы народа. Тотъ, кто исполненъ Духа Святаго, призванъ совершать дѣло Божіе, дѣло освобожденія людей отъ грѣха; для такого человѣка людская молва и осужденіе теряютъ, свою силу. Какая неимѣримая перемѣна предлагается каждому изъ насъ!

Дѣйствія Духа Святаго безчисленны; остановимся на слѣдующихъ изъ нихъ:

1. Побѣда надъ грѣхомъ.
2. Обитаніе Господа Іисуса въ сердцѣ человѣка.
3. Оживленіе смертныхъ нашихъ тѣлъ.

Побѣда надъ грѣхомъ: законъ духа жизни во Христѣ Иисусѣ освободилъ насъ отъ закона грѣха и смерти, подобно тому какъ законъ, поддерживающій птичку на воздухѣ, освобождаетъ ее отъ закона тяготѣнія, въ силу котораго она могла бы пасть на землю.

Обитаніе Господа Иисуса въ сердцѣ человѣка не есть понятіе отвлеченное, но чудная, славная дѣйствительность.

Изъ числа любящихъ Бога нераздѣльной любовью, нѣкоторые безъ смерти будутъ восхищены въ срѣтеніе Господа на воздухѣ, или будутъ въ числѣ воскресшихъ, но, такъ или иначе, они раздѣляютъ славу Господню, и тогда «равные будутъ сіять, какъ свѣтило на тверди, и обратившіе многихъ къ правдѣ, какъ звѣзды во вѣки навсегда» (Даніил. 12, 3).

Въ числѣ этихъ избранныхъ, будетъ съ Господомъ и Ілія, человѣкъ подобный намъ, который вѣрою побѣдилъ царство, творилъ правду, получилъ обѣтованіе (Евр. 11, 33). Изъ немощи онъ перешелъ въ силу и послѣ земной борьбы, не застигнутый смертію, въ день Преображенія Христа удостоился явиться вмѣстѣ съ Нимъ во славу.

Огненный пророкъ, мы прощаемся съ тобою до наступленія дня Господня.

КОНЕЦЪ.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“

- I. Вѣчное чудо Христіанской вѣры. *И. К. Клодницкаго*. Цѣна 5 коп.
II. Покровъ Пресвятыя Дѣвы Богородицы надъ Россією. Цѣна 20 коп.
III. Библейскіе мужи: 1) Праотецъ Авраамъ, его жизнь и время. Цѣна 25 коп. 2) Моисей, его жизнь и время. Цѣна 45 коп.
IV. Святой Григорій Богословъ. Цѣна 5 коп.
V. Въ древней Палестинѣ. Природа и люди земли Обѣтованной временъ Соломона. Цѣна 25 коп.
VI. Жизнь христіанъ въ вѣнъ Апостольскій. *А. Молчанова*. Цѣна 15 к.
VII. Календарь—Указатель Православной Святыни. Цѣна 20 коп.
VIII. Хожденіе игумена Данила въ Святую Землю. Цѣна 10 коп.
IX. Путеводитель по Святой Землѣ. *А. В. Елисеѣва*. Съ рисунками и картами. Выпускъ I. Цѣна 85 коп.
X. Аніанъ Есеевичъ или Осада Іерусалима. Историческая повѣсть изъ временъ Апостольскихъ. Цѣна 35 коп.
XI. Съ Востока на Западъ. Историческая повѣсть изъ первыхъ временъ Христіанства. Цѣна 35 коп.
XII. Цецилія. Историческая повѣсть. Цѣна 35 коп.
XIII. Бен-Гуръ. Разсказъ изъ времени земной жизни Христа Спасителя. Цѣна 1 руб.
XIV. Святой животворящій крестъ Господень и Православное ученіе о почитаніи Святыхъ иконъ. Преосв. Сергія, епископа Могилевскаго. Ц. 30 к.
XV. Феофана Прокоповича—Апологія Св. Кіевскихъ мощей. Цѣна 10 к.

Складъ изданій въ редакціи «Русскаго Паломника»,
Владимірскій пр. д. № 13, кв. № 8.

І И С У С Ъ Х Р И С Т О С Ъ

Соч. Дидона (въ 3-хъ томахъ).

Первый томъ заключаетъ въ себѣ 364 страницы, второй 426 страницъ, третій 256 страницъ. Къ третьему тому приложена карта Палестины.

Цѣна каждого тома 75 коп., съ пересылкою 1 р.; за всѣ три тома 2 р. 25 к., съ пересылкою 3 рубля.

Съ требованіями обращаться въ редакцію „РУССКАГО ПАЛОМНИКА“
С.-Петербургъ, Владимірскій пр., 13.

СВЯТЫЕ АДРІАНЪ И НАТАЛІЯ.

(ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ВОСТАНОВКА)

ПРОТОІЕРЕЯ

Димитрія АЛЕКСИЧА.

Переводъ съ сербскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Сойкина, Вознесенскій пр., д. № 47

1892

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Февраля 1892 года.

Вмѣсто предисловія.

Какъ все мѣняется на Божьемъ свѣтѣ!.. Если-бы люди не имѣли науки, именуемой „исторія“. они-бы никогда не могли даже и представить себѣ того, что произошло съ поколѣніями, предшествовавшими имъ; мало того: — они-бы не могли никогда уяснить себѣ всего того, что они переживаютъ въ данную минуту, и завѣса будущаго не подымалась-бы передъ ихъ очами.

Впрочемъ, и теперь есть много людей. для которыхъ и прошлое, и будущее—равно темны и непонятны. Они не считаютъ исторію достовѣрною наукою, а на факты, представляемые ею, смотрятъ, какъ на измышленія празднаго ума или плодъ большой фантазіи.

Къ счастью, такихъ людей очень мало и съ ними не нужно считаться: они принадлежатъ къ числу тѣхъ „блаженненькихъ“, которые до сихъ поръ еще сомнѣваются, что земля вращается вокругъ солнца и вокругъ самой себя. Разумѣется. они и на исторію смотрятъ, какъ на сплошную сказку.

Но намъ, людямъ знающимъ и понимающимъ исторію, дѣлается тяжело на сердцѣ, когда мы сравнимъ теперешнее съ прошлымъ. Гдѣ сильная

Вавилонія, великая Македонія, Персидское царство и Римская имперія?—Гдѣ онѣ?—Все это исчезло и въ прахъ превратилось... А на заходѣ кровавой звѣзды Рима современникамъ не вѣрилось и не грезилось еще распаденіе его на два государства, какъ не могли они представить себѣ и перенесеніе грознаго византійскаго престола въ малоазіатскій городокъ—Никомидію!..—И человѣка, незнакомаго съ исторіею, кажется, невозможно-бы было убѣдить, что нынѣшнее незначительное мѣстечко въ азіатской части Турецкаго государства—*Исмидъ*, съ малымъ количествомъ жителей и бѣдными, жалкими постройками,—*шестнадцать* столѣтій тому назадъ было столицей пышныхъ восточно-римскихъ цезарей и носило имя *Никомидіи*!.. да!—славной въ исторіи Никомидіи! — Неужели и это ложь, неужели и это выдумка?—Нѣтъ! не ложь и не выдумка это,—а великая истина: объ этомъ говоритъ исторія и свидѣтельствуетъ современное положеніе, а такіе свидѣтели не лгутъ и переспорить ихъ нѣтъ возможности!..

Да! Мы не можемъ, не смѣемъ не вѣрить историческимъ даннымъ, ибо исторія есть такая книга, которой съ благоговѣніемъ вѣрятъ всѣ живущіе на свѣтѣ и которая всѣмъ намъ служить, какъ учитель жизни.

Исторія показываетъ намъ множество примѣровъ; она говоритъ намъ о томъ, что и какъ происходило на бѣломъ свѣтѣ, и между прочимъ она говоритъ и о тѣхъ святыхъ душахъ, которые живутъ свой положили за истину христіанской вѣры. Мы подразумѣваемъ здѣсь имена святыхъ мучениковъ—*Адріана* и *Наталіи*.

Представить жизнь и подвиги святыхъ хри-

стіанскихъ мучениковъ.—дѣло далеко не бесполезное и нелишнее, въ виду тѣхъ многихъ и многихъ десятковъ и сотенъ тысячъ христіанъ, которымъ это описаніе можетъ сослужить хорошую службу въ дѣлѣ спасенія ихъ душъ. Благодаря исторіи, они могутъ извлечь изъ этого достовѣрнаго описанія много поучительнаго и назидательнаго. А разъ этотъ рассказъ можетъ принести хотя самую малую пользу христіанамъ—сочинитель безмѣрно счастливъ и съ избыткомъ уже вознагражденъ за свой трудъ.

С В Я Т Ы Е

А Д Р І А Н Ъ И Н А Т А Л І Я.

(ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ).

I.

Если-бы ты, дорогой читатель, захотѣлъ увидѣть картину полного счастья, которымъ только можетъ наслаждаться на землѣ человѣкъ, и если ты еще сомнѣваешься въ возможности такого счастья, то я-бы совѣтывалъ тебѣ идти въ домъ Адріана, претороначальника въ Никомидіи, этой новой столицы царей Великаго Рима. Здѣсь, въ этомъ домѣ, ты можешь увидѣть счастливаго человѣка и счастливую женщину, увидѣть яркій отблескъ ихъ счастья.

Трудно описать счастье этого прекраснаго человѣка словами!—Ни высокій чинъ, ни положеніе его въ обществѣ, до которыхъ онъ возвысился еще въ ранней юности — теперь Адріану только 28-мой годъ—ни огромныя богатства его, ни—даже—высокое происхожденіе и родство съ знаменитѣйшими фамиліями въ государствѣ — не создавали счастья Адріану. Это все только дополняло его, но самое счастье его составляла его молодая, прекрасная супруга Наталія.

Ахъ, какъ хороша была супруга Адріана!... Сама судьба распорядилась такъ, чтобы Наталія была вѣрною подругою жизни для Адріана. Высокое происхожденіе ея

и богатство ея отца, прирожденная доброта, нѣжность и мягкость характера — все, все внушало къ ней любовь, все располагало ея быть любимой мужемъ, — и сама она старалась о томъ, чтобы быть достойной своего супруга, котораго она любила всею своею душою. Она была счастлива со своимъ Адрианомъ и всѣ свои усилія прилагала къ тому, чтобы и его сдѣлать счастливымъ, и успѣла въ этомъ. Адрианъ и Наталія, дѣйствительно, были счастливы въ полномъ смыслѣ этого слова.

Адрианъ принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ фамилій великаго Рима. Бракъ его съ Наталіей соединилъ его съ другою, не менѣе славною и древнею. Семья его жены, насчитывавшая множество членовъ, замѣнила ему его собственную семью, которой онъ лишился еще въ ранней юности. И дѣйствительно!... Новые родные горячо полюбили и привязались къ Адриану; они искренно радовались его счастію, искренно называли его своимъ сыномъ и братомъ. Всѣ гости, всѣ поѣзжане на свадьбѣ также радостно привѣтствовали его, сулили ему долгую жизнь и счастье—и все это дѣлалось искренно и отъ души, безъ всякихъ расчетовъ или видовъ на богатство и связи молодаго человѣка. Расточавшіе свои похвалы и ласки не нуждались ни въ томъ, ни въ другомъ, такъ какъ всего этого имѣли въ достаточномъ количествѣ. Разумѣется, встрѣчая со всѣхъ сторонъ только ласку и привѣтъ, Адрианъ былъ сильно растроганъ.

Всѣ симпатіи, вся любовь, всѣ ласки, которыми осыпали Адриана, естественно, переносились и на его невѣсту. Оба молодыхъ супруга положительно были завалены подарками и приношеніями, при чемъ каждому изъ нихъ доставалось всего въ равной мѣрѣ и всѣ подарки были одинаковы и драгоценны.

Сверхъ всего этого, свадьба Адриана и Наталіи была почтена и императорскимъ дворомъ въ Никомидіи. Поми-

мо различныхъ мелкихъ драгоценностей, императоръ прислалъ Адріану драгоценный мечъ съ золотою насѣчкою и въ серебряныхъ ножнахъ, а императрица—Наталіи золотой вѣнецъ, весь усыпанный дорогими камнями и стоявшій въ крайней мѣрѣ въ пять разъ дороже, чѣмъ подарокъ императора, и увеличившій красоту юной невѣсты до какого-то чудеснаго, сказочнаго невѣроятія.

Радости Наталіи и удовольствію Адріана не было конца, когда настали самыя свадебныя празднества. Они заботились только о томъ, чтобы гости были веселы и ни въ чемъ не терпѣли недостатка.

Огромный домъ Адріана, или лучше сказать—дворецъ, кишмя кишѣлъ гостями; роскошныя яства и вина смѣнялись, какъ-бы по волшебству, одно другимъ..... На дворѣ гремѣла музыка и молодежь устраивала танцы..... Недаромъ на свадьбѣ Адріана веселилась цѣлая Никомидія и послѣ свадьбы въ городѣ только и толку было, что о томъ, какіе веселые дни пережила столица римскихъ императоровъ. .

Три дня продолжались веселыя свадебныя празднества въ домѣ Адріана. Гости выходили изъ-подъ гостепріимнаго крова домой на весьма лишь короткое время, только для отдыха, а затѣмъ опять шли на трапезу и бесѣду. За все это время торговцы и трактирщики города, по большей части, и не открывали своихъ лавокъ и гостинницъ, а чиновники и прочіе служащіе получили отпускъ и въ полномъ составѣ своемъ присутствовали теперь на свадьбѣ Адріана.

Наконецъ, торжество окончилось, гости разъѣхались и молодые остались дома одни. Разсматривая подарки, Адріанъ сказалъ своей восхищенной супругѣ:

— «Не думаешь-ли ты, моя дорогая, что подарки эти, полученные нами отъ дорогихъ нашихъ согражданъ, и

насъ со своей стороны обязываютъ чѣмъ либо отблагодарить ихъ: за любовь — любовью, за ласку — ласкою, и показать имъ, что мы глубоко понимаемъ и искренно цѣнимъ ихъ душевное расположеніе и привязанность къ намъ и вполне достойны ихъ любви?...

И, сказавъ это, онъ привлекъ къ себѣ Наталію и тихо поцѣловаль ее въ лобъ.

Наталія поглядѣла на Адріана взглядомъ полнымъ нѣжности, полнымъ любви, и ничего не отвѣтила на его вопросъ.

— «Чѣмъ-же», продолжалъ опять Адріанъ, «чѣмъ-же мы можемъ приобрести себѣ любовь и сочувствіе дорогихъ нашихъ согражданъ, дорогая Наталія?...

— «Добрыми дѣлами и хорошею жизнью, милый другъ мой!...» отвѣтила, наконецъ, Наталія.

— «Эти рѣчи подсказало тебѣ мое сердце», радостно воскликнулъ Адріанъ. «Пусть это будетъ руководящимъ правиломъ во всю нашу жизнь. Поклянемся, что мы исполнимъ его — и ты, и я, каждый въ отдѣльности, — поклянемся, что мы никогда не измѣнимъ ему, но еще постараемся провести его и въ жизнь другихъ людей!...»

И какъ говорилъ Адріанъ, такъ они и сдѣлали: жизнь этихъ молодыхъ, искренно-любящихъ другъ друга супруговъ была сама воплощенная добродѣтель. Это внушало къ нимъ великую любовь и уваженіе, которыя они и встрѣчали на каждомъ шагѣ со стороны своихъ согражданъ, а взаимныя любовь и согласіе дѣлали ихъ счастливыми.

Да! Адріанъ и Наталія были счастливы, совершенно, вполне счастливы!...

II.

Домъ Адріана принялъ совершенно другой видъ, когда въ него вошла Наталія. Пока Адріанъ былъ холостъ, его хозяйствомъ и домоправительствомъ завѣдывали старые, опытные и преданные ему слуги. Казалось, Адріанъ былъ доволенъ ими и никогда не вмѣшивался въ ихъ распоряженія. Оно и немудрено: утромъ рано, уходя на службу, онъ отдавалъ своимъ челядинцамъ и довѣреннымъ всѣ нужнѣйшія приказанія и затѣмъ удалялся, озабоченный дѣлами въ своемъ званіи претороначальника. Являлся онъ домой очевъ поздно и спѣшилъ подкрѣпиться ужиномъ, а затѣмъ шелъ спать, — и такъ все это продолжалось изъ дня въ день. Большую часть дня занимали писмоводство и составленіе рапортовъ, которые представлялись имъ. главнокомандующему или завѣдующему императорскою квартирою, а за отсутствіемъ ихъ — лично самому императору. Иногда, правда, выдавались свободные дни, въ которые онъ не бывалъ занятъ службою, но это случалось не часто, и тогда онъ цѣлый день сидѣлъ дома; но бывало и такъ, что по цѣлымъ суткамъ онъ не заглядывалъ на свою квартиру; ночевать же дома ему приходилось очень рѣдко. Понятно, что иногда, придя домой, онъ съ неудовольствіемъ замѣчалъ у себя различные непорядки: незапертое окно, разбитую посуду, нечистоту на дворѣ, сломанные деревья въ саду.

Все это происходило, по мнѣнію Адріана, потому, что во всемъ домѣ не было хозяйскаго глаза; который-бы за всѣмъ присматрѣлъ; не было заботливой руки, которая-бы все наставляла и направляла въ домѣ, ибо на слугъ — хотя и весьма преданныхъ Адріану — все-таки нельзя было положиться; однимъ словомъ, Адріанъ замѣтилъ, что его дому недостаетъ дѣловитой хозяйки.

Это мнѣніе молодого человѣка было блистательно доказано появленіемъ въ его домѣ прекрасной Наталіи. Не прошло и года, какъ Наталія вошла въ его домъ полноправною хозяйкою и госпожею, и приняла въ свои руки бразды домоправительства,—но чудная переменъ произошла въ хозяйствѣ Адріана. Самый домъ Адріановъ, какъ кажется, измѣнилъ даже свой первоначальный видъ: все въ немъ издали уже дышало довольствомъ и великолѣпіемъ, а внутренность его была восхитительна: въ особенности хороши были пріемныя залы и гостинныя, а также и комнаты обоихъ молодыхъ супруговъ!.. Самъ императоръ, зачастую посѣщавшій домъ Адріана, не скрывалъ своего удовольствія по поводу порядка и опрятности дома, необычайной чистоты двора и красивой раскладки огромнаго сада.

— Ты, Адріанъ, имѣешь теперь все, чтобы возгордиться своимъ счастьемъ,—сказалъ однажды Максиміанъ, посѣтивъ своего претороначальника. — Ни богатство, доставшееся тебѣ отъ отца, ни богатство, которое принесла тебѣ въ приданое твоя жена Наталія,—но великолѣпіе твоего брачнаго чертога, твоего семейнаго счастья и спокойной жизни, дѣлаютъ тебя счастливымъ и счастливе тебя, по моему мнѣнію, врядъ-ли найдти человѣка!

— Ваше Величество изволите шутить со мною,—скромно отвѣтилъ Адріанъ, — богатства мое и моей жены совсѣмъ не на столько велики, чтобы имъ можно было позавидовать... Въ Никомидіи есть много богатыхъ людей кромѣ меня и еще болѣе такихъ, которые неизмѣримо богаче...

— Не о богатствѣ вовсе и рѣчь, — возразилъ Максиміанъ, улыбаясь, — неужели ты думаешь, что твое счастье я полагаю въ твоихъ несмѣтныхъ богатствахъ?..

— Нѣтъ, Ваше Величество,—отвѣчалъ Адріанъ,—я хорошо понимаю вашу рѣчь и готовъ даже дать объяс-

неніе того, какъ я понимаю ее, если только Ваше Величество позволите мнѣ это сдѣлать... Осмѣлюсь-ли я?

— Говори, мой вѣрный, говори, мой дорогой другъ!.. Ты знаешь какъ я люблю слушать твои дѣльныя рѣчи, всегда готовая придти на помощь ближнему, всегда исполненная добраго и благого совѣта... Говори-же и теперь, я тебя слушаю!..

— Мое домашнее благополучіе, — продолжалъ Адріанъ, — тоже не должно никому внушать зависть, такъ какъ никакой и ничьей заслуги въ этомъ нѣтъ. Это составляетъ обязанность моей жены и она до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, точно исполняла и исполняетъ ее... Такъ что, право, мнѣ кажется, что ни съ той, ни съ другой стороны завидовать мнѣ никому не приходится: богатство мое есть чистая случайность, а второе, т. е. домашнее благоустройство есть такое счастье, котораго каждый легко можетъ достигнуть. И ни то, и ни другое не составляетъ моего счастья, но...

— Но Наталія!—добавилъ со своей стороны императоръ, громко захохотавъ.

— Ваше Величество изволили сказать истину, — отвѣтилъ Адріанъ спокойно, мое счастье, дѣйствительно, составляетъ Наталія, все-же остальное служить только дополненіемъ этого счастья...

— Мнѣ уже только одно нравится въ тебѣ, Адріанъ, что ты не возгордился своимъ счастіемъ настолько, чтобы позабыть службу. Но съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты женился, ты сталъ еще болѣе рачителенъ, полезенъ и незаменимъ въ своей должности,—отвѣтилъ императоръ.

И дѣйствительно! Адріанъ съ самаго перваго дня своей женитьбы обнаруживалъ еще большее и небывалое до той поры рвеніе къ своей службѣ. Все дѣлалось до такой степени точно, исправно и аккуратно, что даже самъ Максиміанъ однажды выразился о своемъ преторо-

начальникъ такъ, что во всей его имперіи нѣтъ такого преторона начальника, который-бы въ своей дѣятельности сравнился съ Адріаномъ. И слова эти императоръ сказалъ среди близкихъ къ нему людей, людей почтенныхъ и знатныхъ во всей имперіи.

Такимъ образомъ женитьба Адріана оказала самое благотворное вліяніе и на его домохозяйство, и на его службу. Последней онъ отдался весь, исключительно, съ какимъ-то особеннымъ пыломъ: онъ выходилъ изъ дому и направлялся въ канцелярію съ разсвѣтомъ; возвратившись-же домой онъ могъ спокойно отдыхать, наслаждаясь обществомъ своей милой и прекрасной супруги. Онъ видѣлъ, что Наталія не только вполне замѣняетъ его, какъ хозяйина дома, но даже во многомъ принимаетъ починъ на себя и образцово ведетъ хозяйство, — и между ними по вечерамъ завязывался разговоръ мирный, невинный, спокойный: Адріанъ рассказывалъ о своей жизни до женитьбы, Наталія дѣлилась съ нимъ воспоминаніями о своемъ дѣтствѣ и дѣвичествѣ. Такъ мирно проводили время молодые супруги.

Домъ Адріана былъ не только домомъ счастья и союза двухъ молодыхъ сердецъ: онъ былъ, по истинѣ, домъ милосердія. Огромные доходы съ имѣній, которыми владѣлъ Адріанъ, большое жалованье, получаемое имъ, согласно званію, которое онъ носилъ, наконецъ, остаточныя суммы, образовавшіяся отъ сокращенія штата ихъ прислуги, но въ особенности, большая экономія, которой придерживалась Наталія, — все это взятое вмѣстѣ давало имъ гораздо болѣе того, что они проживали и могли прожить. Къ тому-же ни Адріанъ, ни его супруга не имѣли въ своихъ душахъ и тѣни того, что зовется себялюбіемъ или — еще худшимъ именемъ — сребролюбіемъ. Поставивши себѣ за

правило сдѣлать какъ можно болѣе добра своимъ ближнимъ, они не хотѣли скапливать излишекъ своихъ богатствъ для себя, не хотѣли также и пускать своихъ денегъ въ оборотъ или приобрѣтать себѣ новыя богатства, какъ то дѣлали другіе богачи, но весь остатокъ употребляли на дѣла благотворительныя, преимущественно, для раздачи городскимъ нищимъ и убогимъ.

III.

Благотворительность Адріана и Наталіи могла-бы вестись еще гораздо шире, если-бы молодые супруги не боялись того, что скажутъ о нихъ посторонніе люди, а именно они боялись упрековъ въ мотовствѣ, роскоши и расточительности,—какъ разъ въ тѣхъ самыхъ грѣхахъ, въ которыхъ они не были и повинны.

Поэтому они жертвовали въ пользу бѣдныхъ только отъ своихъ избытковъ, ни чуть не уменьшая и не сокращая расходовъ. Дѣлалось это такъ: обыкновенно Наталія, какъ домоправительница, составляла смѣту о приходѣ и расходѣ на каждый мѣсяцъ; затѣмъ, согласно этой смѣтѣ, она вела мѣсячныя книги и по истеченіи срока представляла ихъ на разсмотрѣніе своего супруга. По повѣркѣ счетовъ и книгъ, Адріанъ обыкновенно отдѣлялъ всю сумму чистаго дохода и отправлялъ ее къ предсѣдателю коммиссіи о призрѣніи бѣдныхъ города, который уже и распредѣлялъ ее въ пособіе неимущимъ семьямъ гражданъ.

Разумѣется, при Наталіи сумма этихъ доходовъ, а слѣдовательно и пособій нищей братіи, увеличилась уже настолько значительно, что Адріанъ не переставалъ изумляться ея экономіи и хозяйственнымъ знаніямъ. Онъ

не могъ понять, какимъ это образомъ такъ бережлива его молодая супруга, и однажды, — какъ-то вечеромъ, — смѣясь, сказала ей:

— Скажи мнѣ, пожалуйста, какъ это ты такъ бережлива. Я какъ не думалъ самъ объ этомъ, все-таки понять не могъ. Не объяснишь ли этого мнѣ ты?!... Если-бы и главный министръ финансовъ былъ также бережливъ, какъ ты, и прилагалъ-бы такія-же заботы объ императорской кассѣ, какъ ты о моемъ имуществѣ, то, право, она-бы была много полнѣе, чѣмъ теперь!

Прекрасная супруга Адріана весело засмѣялась на его слова и, взявши его за руку, тихо сказала:

— Да! Если-бы императорскій министръ финансовъ такъ же хлопоталъ о счастіи и благосостояніи подданныхъ своего государя, какъ мы съ тобой хлопочемъ и заботимся о счастіи нашихъ ближнихъ, то и я увѣрена, что касса государственная была-бы много богаче, чѣмъ она есть теперь; да и самъ императоръ въ тысячу разъ болѣе былъ-бы любимъ своимъ народомъ, чѣмъ это мы видимъ нынѣ!... Какъ ты думаешь, Адріанъ?

И Адріанъ, вмѣсто всякаго отвѣта, привлекъ къ себѣ на грудь свою супругу и крѣпко поцѣловалъ ее въ душевное чело и милые, ясные глаза.

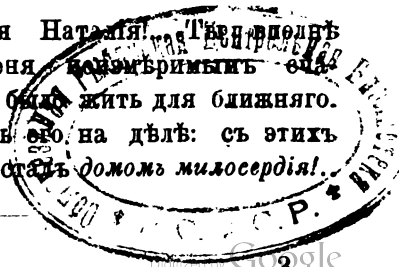
Съ того дня прошло нѣсколько мѣсяцевъ и вотъ молодые супруги однажды совершенно случайно узнаютъ, что деньги, ежемѣсячно отправляемые ими на имя предсѣдателя комиссіи о призрѣніи бѣдныхъ, не раздаются бѣднымъ, а присвоиваются чиновниками, служащими въ комиссіи, и употребляются ими на свои собственные нужды. Это привело Адріана и Наталію въ такое силь-

ное негодование, что они рѣшили никогда больше не посылать денегъ для раздачи бѣднымъ въ комиссію о призрѣніи нищихъ.

Вмѣсто того молодые супруги рѣшили благотворить бѣднымъ въ столицѣ другимъ образомъ, а именно: по взаимному соглашенію, они рѣшили разослать по всей Никомидіи особые листки, коими городскіе бѣдняки приглашались по извѣстнымъ днямъ приходить въ домъ Адріана и получать отъ него или отъ его жены посильное по нуждамъ каждого пособіе, если только они принесутъ съ собою удостовѣреніе о бѣдности, написанное въ городской управѣ и скрѣпленное ея печатью. Съ тѣхъ поръ домъ Адріана сталъ осаждаться цѣлыми толпами бѣдняковъ и Наталія не знала ни одной минуты отдыха и покоя, то кормя одного, то перевязывая раны другому, то одѣвая третьяго. Каждый бѣднякъ уходилъ изъ дома никомидійскаго претороначальника со слезами благодарности и радости на глазахъ и съ сердцемъ, полнымъ благословеній и благожеланій гостепріимной кровлѣ молодыхъ супруговъ. Наталія окончательно отдалась дѣлу благотворенія, и такъ скоро освоилась съ нимъ, что менѣе, чѣмъ чересъ два мѣсяца, могла уже составить себѣ полный списокъ всѣхъ неимущихъ семей въ городѣ. Ея дѣло стояло на твердыхъ основаніяхъ и со временемъ получило особую систему. Адріанъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на ея дѣятельность и однажды въ порывѣ душевнаго волненія сказалъ ей:

— Благодарю тебя, дорогая Наталія! Ты поняла меня и наградила меня своимъ вниманіемъ. Мое всегдашнее желаніе было жить для ближняго. Ты поняла его и осуществляешь его на дѣлѣ: съ этихъ поръ мой домъ, дѣйствительно, сталъ домою милосердія!

IV.

Втеченіе всей своей счастливой совмѣстной жизни Наталія всегда привыкла видѣть Адріана бодрымъ и веселымъ; все время, когда онъ былъ дома, они проводили въ беззаботныхъ, нѣжныхъ разговорахъ; Наталія, точно птичка, щебетала своимъ ласковымъ, пѣвучимъ голоскомъ, мило смѣялась, — но вотъ, вдругъ она замѣтила въ мужѣ серьезную перемѣну. Эта перемѣна поразила ее въ самое сердце и заставила сильно страдать.

Съ нѣкоторыхъ поръ она стала замѣчать, что Адріанъ какъ будто чуждается или боится ея общества. Онъ сталъ угрюмъ и неразговорчивъ, грустенъ и задумчивъ. Онъ какъ-то нехотя здоровался и прощался съ женою, цѣлуя ее въ лобъ, — казалось, будто и на это у него не хватало времени. Даже самыя отлучки Адріана на службу рѣзко измѣнились: то по цѣлымъ днямъ онъ не выходилъ изъ дому, молча и сосредоточенно просиживая у себя въ комнатѣ, то, уходя съ ранняго утра, возвращался лишь поздно вечеромъ. И не только по вечерамъ прекратились ихъ милыя бесѣды, но даже и на случайные, мимоходомъ услышанные имъ вопросы жены онъ почти ничего не отвѣчалъ. Такъ во время обѣда онъ зачастую столь сильно углублялся въ свои мысли, что не замѣчалъ стоявшихъ передъ нимъ кушаній, которыя остывали и иногда уносились со стола не тронутыми.

Странное поведеніе Адріана сильно дѣйствовало на Наталію. Часто, оставаясь дома одна, въ отсутствіе мужа, она плакала, горько плакала, но никогда не показывалась печальною на глаза его, чтобы не огорчить тѣмъ своего любимого супруга. Передъ нимъ она была даже весела, шутила, смѣялась, безъ умолку болтала, стараясь угодить Адріану всѣмъ, чѣмъ только могла; но къ великому

своему горю мало успѣвала въ томъ и не могла развлечь своего супруга.

Наконецъ, Наталія была уже не въ силахъ болѣе притворяться. Печаль и безысходная грусть сломили ея нѣжное женское сердце и она однажды, во время обѣда, подойдя къ Адріану, сквозь слезы спросила его:

— Я давно замѣтила, что ты сильно грустишь, мой Адріанъ. Я боюсь, не случилось-ли съ тобою какого-нибудь зла. Быть можетъ, ты боленъ, или тебя чѣмъ-либо огорчили?...

Адріанъ разсмѣялся, но этотъ смѣхъ еще болѣе разстроилъ Наталію, такъ какъ въ немъ она ясно прочитала отвѣтъ Адріана:—«зачѣмъ ты меня спрашиваешь? неужели тебѣ такъ хочется терзать мое сердце?»..

— Скажи-же мнѣ, прошу тебя, продолжала Наталія, что съ тобой?—Не мучь меня этою неизвѣстностью, которая, положительно, меня убиваетъ.

Она встала на колѣни около своего супруга, взяла его за правую руку и стала глядѣть ему прямо въ глаза.

— Зачѣмъ ты такая любопытная, моя милая Наталія? сказала Адріанъ, медленно водя рукою по чернымъ прядямъ шелковистыхъ волосъ своей прекрасной супруги.— Видишь, я, слава Богу, здоровъ и ты также здорова. Чего же тебѣ еще бояться или заботиться?—Я немного, дѣйствительно, встревоженъ и огорченъ, но это огорченіе и тревогу мнѣ причиняетъ моя служба, а отнюдь ужъ не ты. Я счастливъ твоею любовью и счастливъ, что могу отвѣчать тебѣ на нее тѣмъ-же, т. е. своею любовью. Если что меня и разстраиваетъ въ службѣ, такъ это одно обстоятельство, котораго, кажется, все равно не избѣжать. Но только ты не грусти, будь спокойна и весела. Ты и впредь навсегда останешься моею любовью, моимъ счастьемъ, моимъ покоемъ и отрадой.

— Но какое-же это такое обстоятельство въ твоей

службѣ, которое такъ мучить тебя и не даетъ тебѣ покоя и про которое ты говоришь, что его никакъ нельзя избѣжать?... Быть можетъ, тебѣ дали какое нибудь неприятное, несогласное съ твоими взглядами и убѣжденіями или оскорбительное, низкое для твоего сана порученіе?... Такъ успокойся, мой милый, не огорчайся, не грусти!... Мы проживемъ съ тобою и безъ твоей службы!.. Лучше лишиться ея, чѣмъ имѣть какія-либо тяжелыя и неприятныя обязанности.

— Да! если-бы я могъ, я-бы оставилъ службу!... въ раздумьи проговорилъ Адріанъ.

— Отчего-же нѣтъ? весело сказала Наталія и засмѣялась.—Слава Богу, мы такъ богаты, что можемъ существовать и безъ твоей службы!..

— Ахъ! Совсѣмъ не въ этомъ дѣло, дорогая моя!... Я прекрасно знаю, что мы такъ богаты, что можемъ прожить на свои собственные суммы, но различныя другія причины заставляютъ меня еще на нѣкоторое время оставаться на службѣ и не покидать своего поста!..

— А какія это причины? съ любопытствомъ спросила Наталія, заглядывая мужу въ глаза.

— Ахъ! мало-ли какія!... Тебѣ вовсе объ этомъ не надо знать!

— Нѣтъ! скажи мнѣ... Я тоже хочу ихъ знать!..

Любопытство Наталіи росло все сильнѣе и сильнѣе, но Адріанъ притворился сердитымъ и пересталъ отвѣчать на всѣ ея вопросы. Но она неотступно просила его открыть ей всю истину, плакала и цѣловала ему руки и, наконецъ, заклинала его своею любовью сказать ей правду. Адріанъ сначала молчалъ, потомъ смѣялся надъ просьбами Наталіи, потомъ сердился; но ничто не помогало. Тогда, видя невозможность скрывать долѣе, онъ сказалъ твердо и рѣшительно, придавъ суровое выраженіе своему голосу:

— Ну, смотри-же: послѣ не упрекай меня, что я все рассказывалъ тебѣ!...

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Наталія. Только говори, Бога ради!... я слушаю тебя!...

— Такъ ты хочешь знать тѣ причины, которыя заставляютъ меня оставаться на службѣ, несмотря на то, что я съ радостью покинулъ бы свой постъ?...

— Да, да! подтвердила Наталія, кивая головою.

— Ну, такъ слушай же. Ты, по всей вѣроятности, ничего не знаешь о томъ, что происходитъ у насъ въ Никомидіи? Потому-то ты и весела такъ и беззаботна, какъ птичка; а еслибы ты знала настоящее положеніе вещей, то никакое веселье не пошло-бы тебѣ на умъ!

— Что-же такое случилось въ городѣ? — спросила Наталія, испуганно глядя на мужа.

— Не перебивай меня! — отвѣтилъ Адріанъ серьезно и тихо отстранилъ Наталію отъ себя. — Въ столицѣ весьма и весьма даже неспокойно; броженіе умовъ идетъ всюду — не только въ Никомидіи, но и по цѣлому государству. Злые люди, день и ночь, только стараются о томъ, чтобы поддерживать волненіе между гражданами и раздувать опасное пламя возмущенія не только здѣсь, но и далеко по окрестностямъ. Разумѣется, имъ это выгодно, но каково-же намъ, мирнымъ людямъ, не посвященнымъ въ ихъ постыдныя замыслы?... Уже и теперь нѣтъ любви и согласія между гражданами; зависть и ненависть царствуютъ всюду; подкапываются одинъ подъ другаго съ тѣмъ, чтобы погубить и уничтожить своего противника, а самому завладѣть его мѣстомъ; страшно даже и подумать, что дѣлается!... Честь отдѣльныхъ лицъ, женъ, семьи — ни во что не ставится, развратъ полный... Братъ идетъ на брата, отецъ на сына. Ужасъ, ужасъ!... Мятежъ чистый, но весь этотъ пламень тaitся еще внутри. Что-же будетъ,

когда онъ прорвется наружу?—Кажется, онъ сожжетъ и проглотить у насъ все...

— Адрианъ, вѣдь это страшно!... перебила его рѣчь Наталія, вся поблѣднѣвъ.

— Страшно, Наталія, очень страшно!... Но все это еще ничего, пока только граждане не ладятъ между собою, пока чиновники строятъ другъ другу козни при дворѣ и въ канцеляріяхъ; это еще всетаки бѣда не важная;—но, что ты скажешь, если это броженіе проникло и въ войско, если вѣлые люди постарались деморализовать даже и войско?...—Здѣсь уже гибель всему государству, здѣсь полное раззореніе и смерти!...

— Да! это ужасно, Адрианъ! прошептала Наталія, поднимая на мужа свои большіе печальные глаза.

— Вотъ видишь, я только напугалаъ тебя!... Впрочемъ, ты сама виновата, ты сама хотѣла этого! сказалъ Адрианъ, привлекая къ себѣ жену и цѣлуя ее. Полно! стыдно тебѣ печалиться, развѣ ты уже сама упрекала меня въ томъ... Оправься же, прошу тебя, и слушай дальше, если хочешь!..

— Да, да! Говори, прошу тебя! живо подхватила Наталія и глаза ея опять заблестѣли. Я хочу все знать, хочу нести ту самую тяготу, которую несешь ты. Не бойся за меня! Я сильна... То былъ не страхъ передъ лютой опасностью, но боязнь за то, счумѣю-ли я въ минуту опасности быть вѣрной подругой и помощницей тебѣ, моя радость, мой герой?... Твой рассказъ меня не пугаетъ; я приготовилась слушать его,—но меня пугаетъ моя женская слабость: счумѣю ли я выдержать предстоящее намъ испытаніе?... Теперь же я ничего не боюсь, какъ бы ни былъ страшенъ твой дальнѣйшій рассказъ... Объ одномъ только прошу тебя: рассказывай мнѣ все, ничего не скрывая, какъ-бы это ужасно ни было...

— Хорошо. Слушай-же дальше. Я расскажу тебѣ объ этомъ подробнѣе... Я уже говорилъ тебѣ, что неповино-

веніе, обособленность, зависть и всѣ другіе низкіе пороки проникли въ войско. Это великое несчастье для государства, но для насъ. горожанъ, это еще болѣе великое несчастье. Слушай внимательно и пойми, что я хочу сказать этимъ. Какъ ты знаешь. въ политическомъ отношеніи мы повинемся одной власти, но въ отношеніи религіозномъ или церковномъ двумъ: языческой и христіанской. Оба этихъ вѣроисповѣданія имѣютъ своихъ вождей, свои храмы, своихъ священниковъ и приверженцевъ. Соревнованіе между этими двумя областями не могло-бы быть опасно для существованія государства, если вопросъ о вѣрѣ не былъ предметомъ споровъ, или, по крайней мѣрѣ, если-бы государство стояло на той сторонѣ, гдѣ больше здраваго смысла, гдѣ чище вѣрозаконіе и нравственные принципы, гдѣ лучше организація и кому принадлежитъ будущность. Но въ томъ-то и дѣло, что у насъ, къ несчастію, этого нѣтъ!... Государство не относится безразлично къ вопросамъ о вѣрѣ и стоитъ не на сторонѣ здраваго смысла, но на сторонѣ отжившихъ преданій, не имѣющихъ ни будущности, ни пользы для народа, и поддерживаемыхъ въ народѣ исключительно лишь съ низко-эгоистичными, корыстными цѣлями. Языческій первосвященникъ теперь сильно напуганъ успѣхами христіанства; онъ обратился къ властямъ съ ходатайствомъ о защитѣ истинной прадѣдовской вѣры, опирается на сильную дворскую партію и, наконецъ, вкрался въ довѣріе самого императора... О, если-бы ты знала, сколько клеветъ сыплется теперь на христіанъ!... въ какихъ только черныхъ краскахъ не описаны они теперь передъ императоромъ: будто-бы они и государственный переворотъ замыслили, будто-бы они и республику домогаются провозгласить, и чего-чего еще не измыслили на нихъ, пока, наконецъ, напослѣдокъ не успѣли убѣдить императора Максиміана принять самыхъ строгія

мѣры противъ этихъ опасныхъ сектантовъ и лишить ихъ той силы, которою они обладаютъ теперь: т.-е. по-просту, разстроить ихъ крѣпкую организацію, убивши ихъ вожаковъ и разбѣявши повсюду наиболѣе вліятельныхъ изъ членовъ Никомидійской паствы. Но и на этомъ противники христіанъ не остановились. Христіанство всюду будетъ строго преслѣдоваться и надъ послѣдователями его будетъ учрежденъ совершенно особый надзоръ. Кромѣ того, Наталія, императора вынудили и еще на одну жестокою и, по моему мнѣнію, позорную мѣру: убіеніе здѣшняго владыки христіанскаго Анеима!...

— Далѣе, далѣе?—произнесла Наталія, видя что Адріанъ пріостановился.

— Ну, а затѣмъ: созовутъ всѣхъ христіанъ и станутъ предлагать имъ измѣнить своей вѣрѣ; кто согласится, будетъ почтенъ, а на остальныхъ воздвигнутъ гоненіе и умертвятъ ихъ. Какой несчастливецъ этотъ владыка Анеимъ!.. Старецъ онъ добросердечный, довѣряется всѣмъ и каждому, ко всѣмъ снисходитъ, но, къ сожалѣнію, онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ низкими, безчестными людьми, ежечасно готовыми предать его въ руки враговъ. Всѣ его священники, діаконы, клирики — люди съ дешевою, продажною совѣстью, и добра отъ нихъ ждать нечего. Правда, есть среди нихъ и достойные священнослужители и міряне, но ихъ уже заблаговременно постарались отдѣлать отъ владыки...

— Бѣдный старецъ! пожалѣла и Наталія.—А что же говоритъ императоръ относительно преслѣдованія христіанъ?

— Касательно этого предмета при дворѣ еще ничего не рѣшили опредѣленнаго. Ты помнишь, что не далѣе, какъ еще вчера вечеромъ, я такъ поздно вернулся домой?... Всѣ эти дни были совѣщанія во дворцѣ, а вчера вечеромъ и я былъ приглашенъ на нихъ. Тоже будетъ и сегодня,

и завтра и еще долго, пока окончательно не обсудить хода всѣхъ дѣйствій противъ христіанъ. На вчерашнемъ совѣтѣ императоръ рѣшительно говорилъ противъ христіанъ, но относительно преслѣдованія ихъ выражался съ великою осторожностью и весьма уклончиво. Я держался своего мнѣнія, независимаго ни отъ кого, тѣмъ болѣе отъ Максиміана, и сказалъ ему, что для государства было-бы величайшимъ несчастіемъ поднять гоненіе на людей, ни въ чемъ неповинныхъ, исправно платящихъ подати, людей, въ рукахъ которыхъ будущность нашей имперіи и всего міра. Максиміанъ надудся, но я не обратилъ на это особеннаго вниманія и продолжалъ развивать свой взглядъ, который считалъ вполне соответствующимъ современному положенію вещей. Всѣ меня слушали, но, какъ образецъ того, насколько они поняли мою рѣчь, скажу тебѣ, Наталія, что всѣ семь городскихъ трибуновъ, съ какимъ-то нелѣпымъ сарказмомъ на лицѣ, не постыдились, въ присутствіи императора и всего избраннаго совѣта, громогласно обвинить меня возмутителемъ государственнаго и общественнаго спокойствія и открытымъ приверженцемъ христіанства!... Что ты скажешь на это?

— Неужели? спросила Наталія съ безпокойствомъ. Но что же было далѣе?...

— Да ничего особеннаго, если не считать того, что я навлекъ на себя гнѣвъ языческаго первосвященника, который тотчасъ-же и сталъ мнѣ возражать, уже съ явной враждебностью. Но меня ничуть не пугаютъ ни его гнѣвъ, ни его оппозиція, и доводы его отнюдь для меня не убѣдительны. Я все равно также буду защищать христіанъ, какъ защищалъ ихъ вчера въ совѣтѣ императора. Я дѣлаю это еще потому, что вижу, что престолъ его окруженъ ненадежными людьми, нетвердыми въ своихъ убѣжденіяхъ и мысляхъ и весьма легко поддаю-

щимися вліянню окружующей обстановки; люди корыстные, низкопоклонные и льстивые окончательно завладѣли императоромъ и что будетъ далѣе — неизвѣстно. Вотъ что, дорогая Наталія, и заставляетъ меня не отказываться отъ моей службы. Согласна ли ты со мной?— Онъ ласково глядѣлъ на жену и ждалъ ея отвѣта.

— Согласна, согласна! говорила Наталія, цѣлуя Адріана. Иначе и поступить нельзя, дорогой мой!... Нѣтъ нѣтъ! Не оставляй службы, защищай ихъ, несчастныхъ, коимъ нужна твоя защита!...

Она крѣпко обняла Адріана.

V.

Опасенія Адріана были вполне основательны. Языческій первосвященникъ не остановился на первомъ опытѣ. Видя, что дѣло его не двигается впередъ, онъ пустился на слѣдующія хитрости.

Въ одно утро, во дворцѣ только и разговора было о томъ, что христіане ради успѣха дѣлъ своей секты рѣшили умертвить цезаря и хотятъ поторопиться исполненіемъ своего нечестиваго рѣшенія. Фанатики кричали, требуя мщенія христіанамъ и казней; голоса недовольныхъ становились все слышнѣе и слышнѣе, а верховный жрецъ отъ удовольствія потиралъ руки и втихомолку посмѣивался, торжествуя свою побѣду. Онъ стоялъ въ сторонѣ и, повидимому, не принималъ никакого участія во всемъ этомъ движеніи, а между тѣмъ все дѣлалось по его почину. Язычники кричали, что всякій успѣхъ христіанства будетъ въ ущербъ цѣлости государства; что всякія попытки христіанъ къ усиленію и распространенію своего ученія будутъ гибелью для государ-

ства и что, наконецъ, развѣ можно терпѣть, чтобы ученіе, послѣдователи котораго прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, какъ посягательство на драгоценную жизнь священной особы возлюбленнаго монарха, чтобы такое безнравственное ученіе дозволялось проповѣдываться безбоязненно и безнаказанно? Нѣкоторые указывали при этомъ еще и на то, что богатства, накопленные христіанскою общиною въ Никомидіи, легко могутъ послужить христіанскимъ жрецамъ для возбужденія возстанія въ городѣ и для найма убійцъ императора, если только это послѣднее злодѣяніе не совершить собственноручно какой либо изъ наиболѣе фанатичныхъ поклонниковъ Христа. Эти и подобныя имъ слухи успѣли возмутить, ожесточить и, наконецъ, привести въ ужасъ несчастнаго Максиміана, и верховному жрецу было дано знать объ успѣхѣхъ его продѣлки. Послѣдній, не медля ни мало, явился во дворецъ и, какъ бы случайно, сталъ опять говорить о зловредности христіанской вѣры, о лицемеріи и двоедушіи ея послѣдователей, которые прикидываются только набожными и думающими о Царствіи Небесномъ, а на самомъ дѣлѣ всѣ помыслы свои направляютъ къ тому, чтобы разрушить имперію, свергнуть съ престола Максиміана и, если возможно, умертвить его, а на развалинахъ монархіи основать свое собственное коммунистическое государство,—одну колоссально-гигантскую общину людей, — гдѣ-бы не было ни императора, ни вельможъ, ни правителей, ни войскъ, но гдѣ-бы народъ управлялся самъ собою, по собственной своей волѣ.

Разсуждая на этотъ разъ, повидимому, спокойно и равнодушно, великій жрецъ превосходно успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ. Извѣстно, что даже самый маленькій и незначительный человѣкъ, и тотъ готовъ рѣшиться на крайность, если дѣло повернется настолько серьезно, что станетъ грозить его жизни, здоровью или достатку. Если

же при этомъ человѣкъ занимаетъ какой-либо служебный или общественный постъ, то опасенія его дѣлаются еще понятнѣе: онъ, какъ утопающій за соломѣнку, хватается за всякое средство, лишь бы только удержать въ своихъ рукахъ ту власть, которою онъ въ настоящее время обладаетъ. Что же мы скажемъ о томъ человѣкѣ, который обладаетъ такою властью, выше которой уже нѣтъ на землѣ?—О, разумѣтся, онъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы удержаться на престолѣ, онъ все сломить и свергнуть на своемъ пути къ славѣ и могуществу, онъ все принесетъ въ жертву своему идолу—своему «я». Такъ точно и Максиміанъ. Услышавъ отъ верховнаго жреца объ опасности, угрожающей какъ его трону, такъ и лично ему, онъ сталъ часто совѣщаться съ нимъ о мѣрахъ, ведущихъ къ охраненію его жизни и власти и, наконецъ, такъ сильно подпалъ подъ влияніе этого человѣка, что дня не могъ обойтись безъ него. А великій жрецъ съ своей стороны весьма хорошо этимъ воспользовался.

Между тѣмъ, во дворцѣ государя совѣщанія шли одно за другимъ, но рѣшеній еще не послѣдовало и мѣръ никакихъ не принималось. Максиміанъ видимо терялъ голову и не зналъ, что ему дѣлать, за что ухватиться. Онъ часто совѣтывался со своимъ другомъ, старикомъ Діоклетіаномъ (тогда въ Никомидіи было два государя и оба съ одинаковою императорскою властью: Діоклетіанъ и Максиміанъ), что ему дѣлать, но старый другъ успокаивалъ его только тѣмъ, что совѣтовалъ выждать время и присмотрѣться къ обстоятельствамъ, полагая, что эти послѣднія повернутся благонріятнѣе для дѣлъ имперіи, нежели для христіанъ. На самомъ же дѣлѣ, Діоклетіанъ самъ выжидалъ время, стараясь захватить власть въ свои руки, чтобы править имперіею единолично, не дѣлясь ни съ кѣмъ ни почестями сана, ни богатствами.

Но положеніе Максиміана, по истинѣ, стало невыноси-

мымъ. Всѣ мысли его настроились такъ, что онъ видѣлъ повсюду только зло, коварство, низкіе и преступные замыслы. Онъ почти сходилъ съума, на яву и во снѣ представляя себѣ самыя страшныя и мрачныя картины: то ему казалось, что христіане уже врываются къ нему во дворецъ, въ комнаты; то онъ воображалъ, что уже свергнутъ съ престола и заключенъ въ сырую, тѣсную и смрадную темницу и что враги приходятъ къ нему, чтобы мучить, терзать и пытать его, а потомъ ведутъ на казнь, позорную и безславную. И все это—и думы, и видѣнія—повергало его въ такой сильный страхъ, что часто ночью онъ вскакивалъ со своего роскошнаго ложа, весь въ поту и трясаясь, и выбѣгалъ въ садъ, чтобы освѣжиться ночной влажностью, послѣ чего уже боялся вновь засыпать. Несчастный человѣкъ! Онъ страшился потерять власть, и скорѣе лишился ея; онъ съ ужасомъ думалъ о своей смерти, а послѣ все равно самъ прибѣгнулъ къ ней *).

Какъ бы то ни было, но Максиміанъ все-таки много думалъ о своемъ положеніи, разсуждалъ о различіи вѣръ: христіанской и языческой, а такъ какъ Богъ не отказалъ ему въ здоровомъ смыслѣ, то онъ скоро и приходилъ къ заключенію, что христіанство отнюдь не можетъ быть враждебно и опасно его императорской власти, такъ какъ оно не идетъ войной противъ существующаго порядка, а скорѣе дѣйствуетъ увѣщаніемъ. Придя къ такому выводу, Максиміанъ успокоивался, развлекался и даже бывалъ веселъ; у него являлся аппетитъ, онъ съ удовольствіемъ ѣлъ и мирно спалъ. Но все это продолжалось лишь весьма короткое время, только до пер-

---

*) Вслѣдствіе неудачной попытки свергнуть съ императорскаго престола вѣтя своего Константина и самому снова воцариться, Максиміанъ повѣсился.

ваго прихода языческаго первосвященника, который новыми измышленіями запугивалъ робкое и податливое сердце императора и снова ввергалъ его въ то тягостное состояніе, изъ котораго ему стоило столько трудовъ выйдти.

Дѣла однако не могли оставаться въ такомъ положеніи. Нѣсколько совѣщаній прошло даромъ: Максиміанъ почти не принималъ въ нихъ участія. Это давало право многимъ высказывать свои мысли, не вполнѣ согласныя съ мнѣніемъ большинства. Пользуясь молчаніемъ или уклончивыми отвѣтами императора, совѣщавшіеся вели шумные и оживленные пренія. Каждый старался привлечь на свою сторону Максиміана и доказать ему, что вотъ его-то мнѣніе и есть настоящая, искомая истина. Между ними были и такіе сановники, которые безбоязненно и мужественно, лицомъ къ лицу, высказывали императору свои мнѣнія, хотя эти мнѣнія не могли нравиться большинству, да вѣроятно расходились и со взглядами самаго Максиміана, настроеннаго совершенно иначе. Императоръ, въ одно изъ засѣданій совѣта, и постарался доказать имъ это въ длинной и рѣзкой рѣчи, прямо обращенной къ нимъ. Друзья христіанства поневолѣ должны были замолчать, а враги торжествовали свою побѣду и строили козни противъ этихъ благородныхъ людей. Черныя тучи собирались надъ ихъ головами и они уже видѣли, какъ постепенно падало, а, наконецъ, и вовсе пало ихъ вліяніе и они находятся въ опалѣ, но они держали себя также независимо и неустрашимо и также безбоязненно и открыто высказывали свои мнѣнія, какъ будто съ ними не произошло ничего особеннаго. Эти немногіе благородные люди были: изъ не-христіанъ — претороначальникъ Адріанъ, а изъ христіанъ — весьма близкіе къ императору люди — Дорофей и Горговій.

Но эти нѣсколько человекъ не могли уже поколебать

рѣшенія императорскаго совѣта и благотворно подѣйствовать на самаго императора, котораго совѣтъ успѣлъ наконецъ вооружить противъ нихъ за ту искренность и то благородство, съ которыми они защищали правое дѣло.

VI.

Между тѣмъ въ государствѣ происходили важныя мѣропріятія. Изъ вѣхъ концовъ имперіи присылались списки христіанъ, съ означеніемъ, кто состоитъ изъ нихъ на государственной службѣ и въ какомъ именно званіи и чинѣ. Прежде всего, конечно, былъ доставленъ списокъ христіанъ, проживающихъ въ Никомидіи, и оба государя пришли въ ужасъ, увидя, что все, что было лучшаго въ государствѣ, все, что окружало ихъ престолъ, — все это оказывалось на сторонѣ христіанства; весь цвѣтъ войска, дипломатическій корпусъ, правители городовъ и цѣлыхъ областей, генералитетъ, военные трибуны и проч. — всѣ были христіане; наконецъ, свита, прислуга и самые близкіе къ императорамъ люди во дворцѣ, тѣ, на кого такъ особенно они надѣялись и кому, въ минуты откровенности, повѣряли государственныя и свои личныя тайны, — и тѣ были христіане и тѣ были, значитъ, на сторонѣ враговъ имперіи и императоровъ.

И Діоклетіанъ, и Максиміанъ были настолько сильно поражены сдѣланнымъ ими открытіемъ, что долго не могли придти въ себя и только въ недоумѣніи спрашивали другъ друга, что имъ теперь дѣлать и что предпринять? — По теоріи великаго жреца выходило, что христіане — всѣ — отъ перваго и до послѣдняго — должны быть истреблены; но, очевидно, и самъ великій жрецъ былъ введенъ въ заблужденіе, думая, что христіанство исповѣ-

дуются сравнительно небольшимъ и притомъ непривилегированнымъ кружкомъ людей. Великій жрецъ вѣроятно, окончательно растерялся бы, если бы увидѣлъ списокъ лицъ, исповѣдующихъ христіанство! Здѣсь были самыя громкія и великія во всей имперіи имена: то были люди, извѣстные знатностью и древностью своего происхожденія, или—изъ новыхъ, прославившіеся своими побѣдами надъ внѣшними врагами имперіи и государственною мудростью во внутреннихъ дѣлахъ ея.

Вопросъ былъ въ высшей степени затруднителенъ: съ одной стороны, малодушіе и ненависть нашептывали гоненіе и всеобщее избіеніе послѣдователей и чтителей ослиной головы *), а съ другой стороны, государственная мудрость и простой практическій здравый смыслъ совѣтывали императорамъ не подниматься на напрасную борьбу, не слушать голоса заинтересованнаго лично въ этомъ дѣлѣ корыстолюбиваго и славолубиваго верховнаго жреца и не подвергать опасности существованіе самой имперіи, которая уже и безъ того шаталась на своихъ основаніяхъ и если еще держалась, то исключительно лишь благодаря стараніямъ тѣхъ именно лицъ, противъ которыхъ и воздвигалась теперь буря.

Много разъ совѣщались между собою оба императора, но все еще не могли придти къ соглашенію, что имъ начать дѣлать?—Имъ странно и дико казалось поднять гоненіе на тѣхъ людей, которые не только не разрушаютъ общественный строй и порядокъ, но еще сами поддерживаютъ его и старательно заботятся о процвѣтаніи имперіи и ограждаютъ императорскую власть.

*) Въ числѣ многихъ клеветъ, къ которымъ прибѣгали враги христіанства, лжесвидѣтельствующая противъ христіанъ, была придумана и негѣлая, кощунственная сказка, будто-бы послѣдователи Распятаго Бога поклоняются ослиной головой.

Но запавшее въ души обоихъ императоровъ сѣмя злобы, ненависти, страха и сомнѣній нашло для себя благодарную почву и незамедлило пустить въ ней ростки. Злоба и безотчетная ненависть противъ христіанъ росла въ нихъ не по днямъ, а по часамъ. Къ этому примѣшивался еще низкій и постыдный, почти животный, страхъ за свою жизнь и за свои благополучія. Страхъ видѣть всюду шпиона, измѣнника или наемнаго злодѣя заставлялъ императоровъ замкнуться въ самихъ себя. Они боялись съ кѣмъ-либо совѣтываться, не знали въ комъ найдти точку опоры и довѣренное лицо. Кто имъ остался вѣренъ? — Никто, рѣшительно никто! Они отовсюду окружены врагами и извергами и это несчастное предубѣжденіе заставляло ихъ скрывать свой низкій страхъ передъ людьми близкими, передъ своими приближенными, даже, наконецъ, предъ совѣтомъ.

Въ такомъ жалкомъ состояніи находились оба императора. Только въ бесѣдѣ другъ съ другомъ они отводили свои души, только тогда они чувствовали себя бодрѣе и сильнѣе.....

Несчастные! Они даже были лишены общества живыхъ людей, общества себѣ подобныхъ: они добровольно ушли отъ свѣта и сами себя заперли въ тѣсную тюрьму взаимнаго общенія другъ съ другомъ.... — Только оставаясь наединѣ, они чувствовали себя спокойнѣе. А тамъ, за предѣлами ихъ жилья, нѣсколькихъ душевныхъ комнатъ, избранныхъ ими для своего пребыванія, грозно бушевалъ и ярился темный міръ людской, всѣ помыслы котораго исключительно были направлены къ одной только цѣли: унижить и растоптать ихъ роскошную діадему, лишить ихъ власти, почестей, славы и жизни.

Наконецъ, это одиночество стало нестерпимо для нихъ. Они начали думать, не созвать-ли имъ снова совѣтъ, но исключительно лишь изъ язычниковъ, и поступить во всемъ согласно съ ихъ мнѣніями?

Нѣсколько разъ поспоривши и даже одинъ разъ крупно поссорившись, друзья остановились, наконецъ, на послѣднемъ способѣ помочь своему положенію.

Максиміанъ уже заранѣе рѣшилъ, что гоненіе необходимо и притомъ гоненіе наистрожайшее и наибезчеловѣчнѣйшее. Но, заглянувши въ списки христіанъ, онъ нѣсколько дней еще колебался, придумывая и приискивая въ своемъ умѣ, кто бы изъ язычниковъ могъ замѣнить тѣхъ, кто, по его мнѣнію, долженъ былъ пасть подъ сѣкирою палача?...

Мысль эта была тяжела для императора, такъ какъ всѣ тѣ, кого онъ уже осудилъ на казнь, были люди почтенные, всѣми любимые и уважаемые, извѣстные безпримѣрною честностію, вѣрностію и другими добродѣтелями, были—въ полномъ смыслѣ этого слова — столпами государства, уже расшатаннаго и падающаго. И такихъ людей онъ не могъ найти между язычниками, такъ какъ тѣ напротивъ отличались всевозможными пороками.

Но сердце человѣческое непостижимо. Тѣ-же самые христіане, о которыхъ Максиміанъ зналъ, что они люди уважаемые и почтенные, друзья порядка и законности, — тѣже самые христіане представлялись вновь глазамъ его людьми лживыми, безчестными и презрѣнными, казались корыстолюбцами, любостяжателями и развратниками,—только потому, что они были христіане!... Они являлись передъ его глазами бунтовщиками, которыхъ слѣдовало всюду разыскивать, казнить и истреблять вмѣстѣ съ ихъ семьями и даже имуществомъ!... Вотъ до чего додумался несчастный Максиміанъ!...

Но гдѣ-же достать императору такого человѣка, который-бы, ни мало не задумываясь, строго и точно исполнилъ все то, чего требовалъ отъ него Максиміанъ?... Гдѣ взять такого человѣка?...

И Максиміанъ тяжело задумался, перебирая въ умѣ

имена своихъ сотрудниковъ и приближенныхъ. На одномъ имени онъ остановился, подумалъ съ минуту и вдругъ радостно воскликнулъ, потирая отъ удовольствія руки:

— О, я нашелъ себѣ помощника! Я нашелъ!... Вотъ моя правая рука, вотъ совершитель моей воли!... Побѣда—моя!

Не прошло и часа, какъ Максиміанъ вступилъ въ бесѣду о мѣрахъ противъ христіанъ съ военачальникомъ Ветуриемъ, свирѣпымъ и безбожнымъ фанатикомъ—язычникомъ.

VIII.

Не безъ причины Адріанъ ничего не говорилъ Наталіи о томъ, что дѣлалось при дворѣ: онъ не хотѣлъ пугать ее разсказами о намѣреніяхъ Максиміана и о страшныхъ приготовленіяхъ къ гоненію. Это было ему самому настолько тяжело, что онъ радъ бы былъ хоть немного забыться отъ дѣйствительности. Къ сожалѣнію этого нельзя было сдѣлать!

Благородная душа его страдала страхомъ за другихъ, за тѣхъ, коихъ теперь ждало ужасное испытаніе. Онъ боялся за то, всѣ ли будутъ мужественны, всѣ ли будутъ въ силахъ перенести это испытаніе и лучше пасть, чѣмъ намѣнить своему Богу, своимъ убѣжденіямъ.

Тѣмъ не менѣе Адріанъ общалъ вѣдь своей женѣ разсказывать все, что только ни предпринималось противъ христіанъ при дворѣ кесаря. Онъ видѣлъ, что она страдаетъ, ничего не зная, и ощутилъ нѣкоторый упрекъ въ своей душѣ за то, что ничѣмъ не дѣлится съ особою, горячо ему преданною и любимую. Ему самому было бы легче подѣлиться съ ней своею печалью, своимъ

страданіемъ; Наталія своими совѣтами и вѣжнымъ вниманіемъ могла бы поддержать его въ тяжелой борьбѣ,—и онъ, какъ это часто бывало и прежде, придя домой, усталый и сумрачный, раздраженный или печальный, всегда находилъ въ ней нравственное врачевство, которое успокоивало его душу и разгоняло печальныя мысли, тѣснившіяся въ его головѣ.

Но Наталія еще не была посвящена въ послѣднія событія, происшедшія въ Никомидіи и при дворѣ; она ничего не предчувствовала и по прежнему оставалась только вѣрнымъ совѣтникомъ и другомъ Адріана, не пытаясь расспрашивать его и навязываться со своими ласками, но ожидая во всемъ откровенности отъ него перваго.

Она настолько была увѣрена въ искренности своего мужа, что не пыталась расспрашивать его, хотя видѣла, что что-то новое и грозное надвигается на ея спокойную, веселую, беззаботную, счастливую жизнь. Но Адрианъ молчалъ и дѣлался только все сумрачнѣе и сосредоточеннѣе.

Дни шли за днями въ Адриановомъ домѣ обычнымъ порядкомъ; только ужъ прежней веселости не замѣчалось въ Наталіи. Она стала молчалива, серьезна, почти никуда не выходила и по-долгу сидѣла въ своемъ кабинетѣ, какъ-бы что-то раздумывая или соображая. Даже домашніе мало видѣли ее, такъ какъ она почти не оставляла свою комнату. Мало-по-малу въ домѣ воцарился, по истинѣ, мертвый покой, потому что и прислуга боялась лишними разговорами или пѣснями нарушить молчаніе и спокойствіе своей госпожи.

Ей еще не было извѣстно, что предпринялъ Максиміанъ; въ ея душѣ еще теплилась слабая надежда, что благонамѣренными людьми будутъ приняты всѣ мѣры,

чтобы продлить миръ и безопасность въ государствѣ; она дѣлалась за эту мысль и вѣровала въ нее, желая, чтобы честь умиротворенія имперіи исключительно принадлежала ей мужу... Но черныя тучи все гуще и гуще надвигались и вились надъ Восточно-Римской державой и буря грозила разразиться ежеминутно. Предупреждающихъ, приближающихся ударовъ грома Наталія, впрочемъ, еще не слыхала.

Однажды, Адріанъ вернулся домой настолько задумчивъ и печаленъ, что позабылъ даже поздороваться съ Наталією, что онъ всегда дѣлалъ, когда возвращался домой. Это показалось Наталіи страннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятно поразило ее: ей сдѣлалось тяжело отъ такой забывчивости мужа. Но она ничего не сказала по этому поводу и выжидала, что онъ ей станетъ говорить. Но онъ молчалъ, а лицо его было настолько страшно и выражало столько отчаянія и горя, что Наталія, схвативъ его за руку, быстро увела его къ себѣ въ комнату и поспѣшно спросила, не спуская глазъ съ его лица:

— Что это съ тобою сдѣлалось, мой Адріанъ?.. Ты даже позабылъ и поздороваться со мною... Что съ тобой случилось?..

Адріанъ крѣпко пожалъ руку Наталіи и, тяжело вздохнувъ, проговорилъ:

— Прости меня, моя дорогая Наталія!.. Но то, что случилось сегодня, настолько потрясло меня, что я до сихъ поръ еще еле держусь на ногахъ. Дай мнѣ хоть немного отдохнуть, а потомъ я все стану рассказывать тебѣ по порядку.

Онъ тяжело опустился на близъ стоявшую софу, за-

крыль глаза и молчалъ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу и онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

— Что же такое случилось съ тобою, мой другъ? Говори же скорѣе, не мучь меня!.. проговорила наконецъ, Наталія глухимъ, упавшимъ голосомъ.

Адріанъ молчалъ.

— Говори же!.. почти крикнула Наталія.

Тогда Адріанъ открылъ глаза и пристально посмотрѣлъ на нее.

— Рѣшенъ, наконецъ, вопросъ о христіанахъ, медленно началъ онъ. Разрѣшилъ его въ самомъ ужасномъ смыслѣ самъ Максиміанъ и тотчасъ же энергически приступилъ къ дѣлу ихъ истребленія. Нашелъ онъ и помощника себѣ: военачальникъ Ветурій взялъ на себя починъ въ этомъ гнусномъ и кровавомъ дѣлѣ!

— Что ты говоришь, Адріанъ?.. воскликнула Наталія съ ужасомъ и закрыла лицо руками.

— Христіане, продолжалъ Адріанъ, повидимому, наружно совершенно спокойны, но въ силу декрета Максиміана должны быть всѣ истреблены и эту постыдную услугу взялся совершить нашъ расторопный и кровожадный, нашъ страшный Ветурій...

— А когда это рѣшено? спросила Наталія.

— Это рѣшено вчера ночью, а сегодня уже отданъ приказъ и начаты дѣйствія въ смыслѣ этого приказа. Именно, Ветурій позвалъ на совѣтъ всѣхъ офицеровъ здѣшняго гарнизона и прочелъ передъ ними императорскій указъ, которымъ отнынѣ навсегда воспрещается гласное исповѣданіе христіанства по всей имперіи. Затѣмъ Ветурій уже отъ себя приглашалъ офицеровъ послѣдовать этому указу и дѣйствовать въ смыслѣ его. На это нѣкоторые изъ присутствовавшихъ отвѣчали Ветурію, что указъ расходится съ ихъ убѣжденіями, такъ какъ они сами принадлежатъ къ тѣмъ людямъ, которые исповѣ-

дуютъ христіанство, и просили ходатайствовать передъ кесаремъ объ уничтоженіи этого декрета. Но Ветурій грубо перебилъ ихъ и требовалъ безусловной покорности и повиновенія императорскому указу, присовокупивъ, что всѣ, кто не желаетъ исполнить его и отречься отъ христіанства, не могутъ уже болѣе оставаться на государственной службѣ...

— А потомъ что?

— Потомъ, онъ предложилъ офицерамъ обдумать ихъ слова и его предложеніе оставить государственную службу и далъ имъ для этого всего только одинъ часъ времени, требуя уже затѣмъ категорическаго отвѣта. И вообрази же себѣ, что было дальше,—оживился вдругъ Адріанъ и, вставъ со своего мѣста, принялся взадъ и впередъ ходить по комнатѣ:—черезъ часъ времени всѣ лучшіе офицеры, наихрабрѣйшіе изъ военачальниковъ, лучшіе и наипочетнѣйшіе люди во всемъ войскѣ, лучшіе стратеги и тактики нашей великой арміи, — однимъ словомъ, цвѣтъ и украшеніе Римской державы, подали въ отставку и, какъ милости, просили исключить ихъ изъ списковъ арміи. Казалось-бы, Максиміанъ долженъ былъ понять все это и перемѣнить свою тактику, но онъ предпочелъ оставаться и далѣе все въ томъ-же гибельномъ для него и для всѣхъ насъ заблужденіи и....

— И что же дальше? — спросила Наталія.

— Ветурій принялъ ото всѣхъ прошенія объ отставкѣ и отнесъ ихъ къ Максиміану. Но на дорогѣ многіе изъ придворныхъ останавливали его и вручали ему также свои отставки. Императоръ, когда узналъ объ этомъ, пришелъ въ величайшую ярость, видя, что многіе патриціи и трибуны отказались повиноваться указу и лучше желаютъ потерять службу, чѣмъ отречься отъ христіанства. Говорятъ, что онъ даже воскликнулъ: О! для нихъ это такъ дешево не пройдетъ!... Пусть они не думаютъ, что отдѣ-

лаются отставками: — всёю голову долой!... Но, затѣмъ, одумавшись, онъ самъ вышелъ ко всёмъ намъ и вотъ тутъ-то возникъ споръ. Начался онъ изъ-за того, что нѣкоторые изъ патриціевъ и придворныхъ, наиболѣе близкіе къ императору люди, не побоялись прямо и мужественно, даже немного въ рѣзкой формѣ, высказать ему, что они несогласны съ его мнѣніемъ о пользѣ истребленія христіанства; императоръ сердился страшно, кричалъ и спорилъ съ ними. Болѣе всёхъ оспаривалъ императора Горгоній, который представлялъ ему самые убѣдительные доводы, что Максиміанъ погубить свое государство, и предостерегалъ его отъ этого необдуманнаго и опаснаго шага. Но все было напрасно!... — Максиміанъ ничего и никого не слушалъ или, вѣрнѣе, не хотѣлъ слушать, кипятился все болѣе и болѣе и смотрѣлъ на всёхъ насъ присутствовавшихъ такими глазами, какъ будто-бы хотѣлъ всёхъ проглотить. Горгонію-же досталось болѣе всёхъ: императоръ бѣсился и кричалъ на него, топалъ ногами и сжималъ кулаки, осыпая этого прекраснаго человѣка и стараго, идеально честнаго, почтеннаго служаку грубыми ругательствами. Натѣшившись вволю, онъ ушелъ обратно въ свои комнаты, взявши прошенія объ отставкѣ офицеровъ и пригласивши слѣдовать за собою Ветурія, а намъ приказалъ оставаться во дворцѣ и ждать его возвращенія. Почти два часа онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ съ глазу на глазъ съ Ветуріемъ; затѣмъ тотъ удалился, вѣроятно, домой, а императоръ опять вышелъ къ намъ въ приемную еще болѣе раздраженнымъ, какъ показалось намъ, чѣмъ былъ раньше. Это, впрочемъ тотчасъ-же и не замедлило обнаружиться...

— И что-же говорилъ далѣе императоръ? почти шопотомъ спросила Наталія.

— Максиміанъ продолжалъ по прежнему бѣситься и

грозилъ непокорнымъ и непокоряющимся его указу. Онъ горько жаловался на то, что отовсюду окруженъ измѣнниками и предателями, намекая на тѣхъ, которые заявили ему, что они христіане; но болѣе всего онъ негодовалъ на Горгонію, грозилъ, ругался и вообще велъ себя до такой степени неприлично, что я видѣлъ это въ первый и, вѣроятно уже, въ послѣдній разъ, и если-бы онъ обратился ко мнѣ такимъ же образомъ, какъ къ Горгонію, то клянусь честью, я-бы не позволилъ ему этого и расправился-бы съ нимъ иначе.

При этихъ словахъ на блѣдномъ лицѣ Адріана вспыхнулъ румянецъ, глаза заблестали и онъ, гордо выпрямившись и остановившись передъ своею супругою, съ достоинствомъ указалъ на свой мечъ.

— Что-же было далѣе, Адріанъ? спрашивала Наталія, краснѣя и опуская глаза.

— А было вотъ что: почти половина всѣхъ придворныхъ и другихъ чиновниковъ и патриціевъ тотчасъ же стали просить объ отставкѣ. Императоръ отвѣтилъ, что это, конечно, воля наша—служить или не служить государю и государству, и что неволить онъ никого не можетъ и не хочетъ, но что за то онъ знаетъ, какъ ему надо поступить съ государственными измѣнниками. Затѣмъ онъ, по-просту говоря, прогналъ насъ всѣхъ отъ себя и я теперь прямо оттуда....

Адріанъ замолчалъ. Наталія тоже молчала; она была положительно убита этимъ разсказомъ. До сихъ поръ она еще питала слабую надежду на лучшій исходъ вопроса о христіанахъ; теперь и эта надежда была разбита и въ будущемъ не представлялось ничего утѣшительнаго. Сердце ея мучительно сжалось.

Она взглянула на Адріана, хотѣла что-то сказать и вдругъ изъ глазъ ея ручьемъ хлынули слезы. Адріанъ

заботливо подошелъ къ ней и тихо положилъ свою руку на ея плечо.

— Что съ тобой, моя дорогая? Отчего ты плачешь? спросилъ онъ ее своимъ ласковымъ и вкрадчивымъ голосомъ, съ нѣжнымъ упрекомъ и печалью глядя на нее. Развѣ ты забыла, что ты общалась и *должна* быть хладнокровною?..—Онъ сдѣлалъ сильное удареніе на послѣднихъ словахъ.

Наталія продолжала плакать.

— Не плачь, моя дорогая! продолжалъ утѣшать ее Адріанъ. Твои слезы ничему тутъ помочь не могутъ... Катастрофа во всякомъ случаѣ неизбежна.

— Ахъ, несчастные, несчастные!...—сквозь слезы проговорила, наконецъ, Наталія, покачивая головой. Несчастные христіане!... Ни за что, ни про что такъ погибнуть!...

— Полно, Наталія, успокойся!... Что-жъ дѣлать, если императоръ такъ хочетъ!?

— А развѣ невозможно еще чего-либо испробовать, чтобы отклонить это общее всѣмъ, ужасное несчастье?...—спросила Наталія, вдругъ оживляясь.

— Нѣтъ! Ничего невозможно!... — рѣшительно отвѣтилъ Адріанъ.

— Ахъ, еслибы я могла, я бы сама пошла къ Максиміану и на колѣняхъ умоляла-бы его отказаться отъ этого ужаснаго предпріятія....

— О, дитя, дитя! глухо проговорилъ Адріанъ и горькая усмѣшка искривила его губы. Въ дѣтской головкѣ дѣтскія и мысли!... Знай-же, Наталія, что если цѣлый сонмъ государственныхъ людей, понимающихъ и защищающихъ интересы Римской имперіи, не могъ отвратить Максиміана отъ его пагубныхъ для цѣлости державы замысловъ, то что-же могла-бы сдѣлать ты, слабая женщина?... Оставь эту мечту и не думай объ этомъ! Онъ нервно повернулся и отошелъ отъ Наталіи.

И въ самомъ дѣлѣ, благородная сама по себѣ мысль Наталіи была совершенно неприложима и неосновательна. Прежде чѣмъ рѣшиться на какую нибудь крайность, нужно было терпѣливо дожидаться дальнѣйшихъ событій и тогда уже дѣйствовать согласно съ обстоятельствами.

Но это было крайне трудно и не было въ характерѣ обоихъ супруговъ.

Въ этотъ день они такъ были взволнованы, что даже не могли обѣдать. Роскошный, изысканный и обильный явствами обѣдъ римскаго патриція былъ предоставленъ въ полное распоряженіе его многочисленной прислуги. Но и рабы и отпущенники нехотя воспользовались предоставленной имъ на этотъ разъ милостью. Ихъ мысли были заняты однимъ: отчего господи ихъ такъ сильно огорчены, что не сѣли даже за трапезу?... Эта мысль не давала покоя прислугѣ и ее въ свою очередь лишила аппетита.

Это былъ очень невеселый день въ роскошномъ дворцѣ Никоидійскаго претороначальника.

VIII.

Обнародованіе императорскихъ указовъ и другихъ служебныхъ извѣстій не было особенной диковинкой для гражданъ новой столицы Римской имперіи—Никоидіи. Они привыкли, что ихъ государи къ прежнимъ титуламъ своимъ «самодержца и кесаря» присоединяли все новые и новые, какъ-то: «непобѣдимые, великіе первосвященники, трибуны, консулы, проконсулы, отцы отечества, благочестивые», съ присовокупленіемъ именъ мѣстностей, гдѣ были одержаны побѣды, именъ покоренныхъ народовъ и ихъ вождей, и количества павшихъ непріятелей.

О такихъ побѣдахъ, на самомъ дѣлѣ существовавшихъ, но также иногда и не существовавшихъ въ дѣйствительности, императоры любили объявлять весьма часто, такъ что въ концѣ концовъ Никомидійскіе граждане перестали даже интересоваться ими и, быть можетъ, только изъ одной учтивости или даже изъ боязни, когда проносился слухъ о какой нибудь новой побѣдѣ «непобѣдимыхъ кесарей», — посылали къ нимъ во дворецъ депутаціи, которыя поздравляли обоихъ императоровъ съ воинскими успѣхами и доблестями (иногда чисто фиктивными) и благодарили ихъ за заботы объ охраненіи жизни ихъ вѣрноподданныхъ, ихъ имущества и границъ государства, которыя къ этому времени почти не раздвигались, а только, дѣйствительно, охранялись, хотя иногда и урѣзывались стараніями воинственныхъ сосѣдей, отовсюду окружавшихъ Имперію. Впрочемъ, Никомидійскіе граждане слышали только объ успѣхахъ Римскаго воинства; слухи-же объ уронахъ, которые оно часто терпѣло, почему-то до нихъ вовсе не доходили.

Какъ-бы тамъ ни было, но объявленіе послѣдняго указа кесарей взволновало всю² Никомидію и народъ огромными толпами собрался послушать глашатая и его секретаря, объявлявшихъ указъ во всеуслышаніе по стогнамъ и торгамъ шумной столицы. По всѣмъ улицамъ, переулкамъ, рынкамъ и дорогамъ (ведущимъ въ окрестности города Никомидіи) на столбахъ были вывѣшены доски, на которыхъ читался указъ, производившій множество оживленныхъ толковъ среди горожанъ и поселянъ ближнихъ деревень и собиравшій къ себѣ толпы народа.

На лицахъ всѣхъ безъ исключенія гражданъ Никомидіи ясно читались недоумѣніе и скорбь; на лицахъ огромнаго большинства — недвусмысленный страхъ. И недоумѣніе, и грусть, и страхъ нагонялъ на лица людей указъ, довольно туманно объяснявшій причины гоненія

той вѣры, которая уже давно никѣмъ не преслѣдовалась, но за то весьма ярко грозившій ужасными наказаніями за убѣжденія, имѣть которыхъ никто уже не считалъ для себя преступленіемъ. Такой страшный, кровавый и кровожадный указъ читался жителями Никомидіи впервые.

Указомъ этимъ императоры окончательно воспрещали всенародно исповѣдывать христіанскую вѣру, объявляли, что всѣ офицеры и чиновники, не отрeksiеся отъ христіанства, исключены изъ государственной службы, и наконецъ сообщали народу, что, по ихъ повелѣнію, христіанскія церкви и молитвенные дома будутъ разрушены до основанія.

Вслѣдъ затѣмъ въ Никомидіи начались разные безпорядки и, наконецъ, произошло такое крупное волненіе, о какомъ раньше никто и помыслить не могъ. Случилось же именно слѣдующее.

Среди бѣлаго дня, на центральной площади города, обыкновенно многолюдной, а въ данный моментъ полной народу, одинъ изъ императорскихъ чиновниковъ читалъ уже извѣстный намъ указъ, какъ вдругъ изъ толпы гражданъ выдѣлился нѣкто Іоаннъ и, подойдя къ чиновнику, выхватилъ изъ рукъ его декретъ и тутъ-же, на глазахъ всѣхъ, изорвалъ его на куски.

— Это такая-то намъ плата за наши побѣды надъ Сарматами и Готами?... воскликнулъ онъ, съ гнѣвомъ глядя на чиновника и бросая лоскутья изорваннаго декрета на землю. Славной-же платы дождались мы, братья! прибавилъ онъ, обратясь къ горожанамъ.

— Что это?!—воскликнулъ перепуганный чиновникъ.— Какова дерзости!... Что ты сдѣлалъ съ императорскимъ указомъ?... Знаешь-ли, что тебѣ за это будетъ?...

— Пусть это будетъ и императорскій декретъ, отвѣчалъ Іоаннъ,—но если это дѣло безбожное, то его слѣдуетъ

уничтожить, хотя-бы оно происходило отъ самаго императора.

— Держите его, держите его! кричалъ чиновникъ, указывая на Іоанна, и два воина схватили Іоанна. Но на помощь ему подоспѣли граждане и дѣло могло принять весьма дурной оборотъ, еслибы самъ арестованный не крикнуть:

— Оставьте, братья, не мѣшайтесь въ это дѣло!... Вы этимъ сами можете навлечь на себя несчастіе... Я пойду къ императору и скажу ему прямо въ глаза, что онъ безбожникъ и врагъ и себѣ самому и всему своему народу...

Всѣ отступились отъ Іоанна, который продолжалъ, обращаясь къ окружавшимъ его воинамъ:

— Меня вовсе не нужно связывать и вести силою и не думайте, пожалуйста, объ этомъ. Я самъ пойду впередъ васъ на дворъ къ кесарю, а вы только сопровождайте меня...

И Іоаннъ, дѣйствительно, пошелъ впередъ, за нимъ чиновникъ и воины, а далѣе валила уже несмѣтная толпа народа.

Въ то время, когда на площади случилась это событіе, Ветурій вторично созвалъ офицеровъ Никоидійскаго гарнизона и прочелъ имъ второй указъ кесаря, которымъ увольнялись отъ службы всѣ тѣ, которые рѣшили не отречься отъ христіанства.

— Мы добровольно подали въ отставку, замѣтилъ одинъ изъ военныхъ трибуновъ, зачѣмъ-же въ императорскомъ декретѣ читается, что мы увольняемся отъ службы потому, что не отрелись отъ христіанства?

Ветурій бросилъ свирѣпый взглядъ на мужественнаго трибуна.

— Да, это правда,—сказалъ онъ, помолчавъ немного.— Вы подали въ отставку, но императоръ не пожелалъ принять вашихъ просьбъ. Но такъ какъ вы остаетесь при своемъ и продолжаете придерживаться нелѣпыхъ заблужденій этой христіанской секты, то императоръ исключаетъ васъ изъ своей службы. Но, быть можетъ,—я такъ думаю — нѣкоторые изъ васъ образумятся и, уступивъ давленію, будутъ съ честію продолжать свою службу, на пользу родины и государю. Императоръ такихъ простить и помиловать; его милость неизреченна—предупреждаю васъ ..

— Благодаримъ за такую милость!—воскликнули нѣкоторые изъ офицеровъ, понявъ насмѣшку.—Мы выгнаны со службы — хорошо-же! и, не дожидаясь приглашенія Ветурія разойтись, они повернулись къ нему спиною и стали уходить. Только нѣкоторые, отпоясавъ свои мечи, съ гнѣвомъ бросили ихъ передъ Ветуріемъ и поспѣшили къ выходу въ слѣдъ за своими товарищами.

Ветурій весь кипѣлъ и трясся отъ гнѣва.

— Дорого-же вы заплатите за вашу дерзость, господа!—сказалъ онъ, обращаясь къ тѣмъ немногимъ, которые еще не успѣли уйти вслѣдъ за прочими.—Скоро васъ постигнетъ и моя месть вмѣстѣ съ той казнью, которая ждетъ васъ согласно декрету императора!..

— Знаемъ, знаемъ мы васъ!—со смѣхомъ отвѣчали нѣкоторые изъ молодыхъ военныхъ трибуновъ.—Знаемъ, какъ вы страшны!..—и, даже не поглядѣвъ на Ветурія, они скрылись за дверями и скоро вышли изъ дома главнокомандующаго.

Въ это-же время и у императора происходило совѣщаніе, результатомъ коего было исключеніе изъ службы множества патриціевъ и разныхъ придворныхъ чиновъ, кои порѣшили не отступать отъ христіанства и претерпѣть гоненіе и даже самую смерть, и не заслужить про-

звѣща вѣроотступника отъ современниковъ и отъ будущихъ поколѣній.

Наконецъ, и при самомъ дворѣ случилось обстоятельство, приведшее обоихъ императоровъ въ сильнѣйшій и яростнѣйшій гнѣвъ. Одинъ изъ дворцовой прислуги, по имени Петръ, еще очень молодой человѣкъ, какъ доносили императорамъ, издѣвался надъ ними и въ особенности надъ ихъ указомъ, который онъ называлъ фіаломъ ярости сатаны и діавола, говоря, что только безумные могли сочинить и написать его, изрыгнувъ столько несправедливой хулы на христіанскую вѣру. При этомъ онъ осыпалъ непристойными ругательствами и таковыми-же эпитетами какъ самый указъ, такъ и священныя особы обоихъ римскихъ государей. Императоры повелѣли арестовать и привести къ нимъ Петра. И когда Петръ также дерзко велъ себя предъ лицомъ самихъ императоровъ, то они попробовали утратить его угрозою казни и пытокъ. Но такъ какъ и это не повлияло на него, то императоры повелѣли предать его смертной казни, выбравъ для этого одинъ изъ самыхъ мучительнѣйшихъ видовъ ея.

Это послѣднее повелѣніе императоровъ произвело страшный переполохъ по всей Никомидіи. Одновременно стало извѣстнымъ какъ по окраинамъ, такъ и по окрестностямъ какъ ближнимъ такъ и дальнимъ. Всюду распространились страхъ и уныніе, никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и всѣ дрожали за свою судьбу и безопасность.

А между тѣмъ тѣ, кому бы наиболѣе слѣдовало опасаться за свою судьбу, повидимому, нисколько не тяготились своимъ положеніемъ и не боялись послѣдствій грознаго императорскаго указа, хотя—и почти исключи-

тельно—и направленнаго-то противъ нихъ. Мы говоримъ объ исключенныхъ изъ службы чиновникахъ, придворныхъ и офицерахъ и нѣкоторыхъ близкихъ къ императорамъ людей. Они спокойно жили въ своихъ домахъ, по-видимому, вовсе не заботясь о томъ, что не только дни, но даже и часы ихъ жизни уже сочтены неумолимымъ рокомъ и что смерть уже витаетъ надъ ихъ обреченными ей въ жертву головами. Но эти люди были совершенно спокойны!..

IX.

Между тѣмъ власти энергично приступали къ самому страшному дѣлу—къ дѣлу разрушенія цѣ квей... Всѣ церкви были уже заранѣе запечатаны и охраняемы большими отрядами воиновъ... Когда же приступили къ самому разрушенію храмовъ и другихъ молитвенныхъ зданій, то не только площадки передъ ними, но и всѣ ближайшія къ нимъ улицы были окружены войсками, подъ прикрытіемъ которыхъ рабочіе занимались своимъ ужаснымъ дѣломъ.

Сообщеніе по улицамъ такимъ образомъ было прервано и власти этимъ воспользовались, чтобы дѣлать обыски, аресты, допросы, доносы и т. п. Воины вторгались въ дома и квартиры частныхъ лицъ, схватывали священниковъ, діаконовъ, клириковъ и мірянъ—большинство отводили въ тюрьму, но нѣкоторыхъ—пользуясь отсутствіемъ всякаго контроля надъ своими дѣйствіями—прямо убивали и пытали, вымогая отъ нихъ деньги, а то и просто грабя ихъ имущество и деньги, безчестили ихъ женъ и дочерей... Дерзость и наглость воиновъ простерлись до того, что отъ ихъ свирѣпости страдали не только христіане, но и самые

язычники... Отовсюду слышались вопли противъ господствующей анархіи и неистовствъ, чинимыхъ представителями «солдатскаго царства»...

Въ короткое время Никомидія представляла изъ себя страшное зрѣлище. «Мы никогда не доживали и не думали дожить до такихъ ужасовъ, какіе мы видимъ теперь», говорили старежилы-горожане и со страхомъ помышляли о завтрашнемъ днѣ. Отовсюду слышались страшные рассказы о томъ, что воинамъ въ награду за аресты будетъ отдано все имущество христіанъ, ихъ дома, честь ихъ женъ и дочерей, наконецъ, право продавать и обращать ихъ дѣтей въ рабство, а найденныхъ рабовъ освобождать и отпускать на волю, производить допросы и слѣдствія, прибѣгая въ нужныхъ случаяхъ къ употребленію пытки.

Но войны въ этомъ случаѣ превысили даже данныя имъ полномочія... Нашлось вѣсколко недобросовѣстныхъ и безвравственныхъ людей, которые кленетали и лжесвидѣтельствовали для того только, чтобы пользоваться наградой за доносъ, или имуществомъ, или частью его у христіанъ. Такимъ образомъ погибло множество лучшихъ людей даже среди самихъ язычниковъ. Войны врывались въ ихъ дома, грабили все, что попадалось имъ подъ руку, безчестили женщинъ и подъ конецъ замучивали всѣхъ обитателей дома самыми изысканными муками: вѣшая, рубя головы, засѣкая или сжигая ихъ на медленномъ огнѣ, иногда топили въ котлахъ и бассейнахъ, женщинъ вѣшали за волосы, войвая въ подошвы и ступни ногъ мелкіе гвозди и острые шпильки, вытѣзывая ремни изъ спины, и мучили всякими другими муками.

Не лучше было положеніе и тѣхъ, которыхъ запирали въ тюрьмы, а потомъ отводили на судъ къ императорскимъ судьямъ. Судьи-же дѣйствовали во всемъ согласно императорскому указу. Когда къ нимъ приводили подсу-

димаго, они не спрашивали его о преступленіи, — такъ, какъ, по большей части, такового и не было, — а ограничивались только однимъ вопросомъ: — Ты христіанинъ?.. — и, получивъ утвердительный отвѣтъ, немедленно-же изрекали смертный приговоръ, руководствуясь при семъ словами императорскаго указа и для устрашенія прочихъ. Въ дальнѣйшее-же разбирательство дѣла они не входили и не принимали во вниманіе ни пола, ни возраста обвиняемыхъ. Всѣхъ равно ждала мученическая смерть, а передъ смертію еще иногда и тягчайшія поруганія...

Темницы были переполнены... Сажать въ нихъ «преступниковъ» уже не было мѣста и, несмотря на страшное истребленіе христіанъ въ силу смертныхъ приговоровъ, число заключенниковъ нисколько не уменьшалось, а еще со дня на день увеличивалось. — Въ виду этого власти рѣшили не только не останавливать неистовство воиновъ, но еще даже всемѣрно стараться объ усиленіи ихъ. Истребившій болѣе число «преступниковъ» награждался сообразно званію и богатствамъ истребленныхъ. Такимъ образомъ, у убійцъ явилось нѣкотораго рода соревнованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ могла установиться и правильная статистика жертвъ и нѣкоторый контроль за точнымъ исполненіемъ императорскаго указа.

Однако, несмотря на страшное, свирѣпствовавшее въ Никомидіи гоненіе, несмотря на избиеніе множества священниковъ и другихъ клириковъ Никомидійской церкви, владыку Анеима еще не трогали. Наконецъ пришла очередь и до этого почтеннаго, всѣми гражданами уважаемаго че-

ловѣка: нашлось и для него мѣсто въ одной изъ темницъ, несмотря на переполненіе ихъ... -

Ужасна была картина, когда этого сѣдаго, разбитаго дряхлостію и болѣзнію старца (онъ страдалъ параличемъ) грубые воины повлекли изъ дома въ темницу. Никто не пришелъ проститься съ нимъ, никто не проводилъ его, — наоборотъ, всѣ попрятались или разбѣжались, всѣ отшатнулись отъ него и несчастный старецъ остался совершенно одинъ. Когда воины выводили его со двора, онъ въ послѣдній разъ въ жизни оглянулся на свое жилище и долго смотрѣлъ на него, какъ-бы прощаясь съ нимъ и благословляя его передъ разлукой. Оно такъ на самомъ дѣлѣ и было. Владыкѣ Анѣиму не суждено уже было вернуться обратно въ свое обиталище.

Несчастный старецъ почувствовалъ себя сиротою, покинутымъ своею паствою, оставленнымъ всѣми, дорогими для него и любимыми людьми, и горько, безутѣшно заплакалъ. А грубые воины насмѣхались, били и толкали владыку. Для нихъ была чужда святость его сана и они смотрѣли на старца только какъ на влекомаго ими государственного преступника, хотя все его преступленіе именно и состояло въ томъ, что онъ принялъ на себя и съ честью носилъ этотъ санъ.

Если грубыхъ воиновъ, оскорблявшихъ владыку Анѣима, еще можно было бы оправдать тѣмъ, что это были язычники, то какое же оправданіе мы прищемъ для тѣхъ, которые называли себя вѣрными, гордились своими высокими (быть можетъ, воображаемыми) христіанскими доблестями, а въ горькую минуту бросили своего архипастыря, выдали его смертельнымъ врагамъ христіанства, а сами попрятались по домамъ, терзаясь низкимъ, малодушнымъ страхомъ?.. Какое имя мы дадимъ такимъ людямъ, какъ мы назовемъ ихъ?..

И въ то самое время, когда владыку Анѣима запира-

ли въ темную, тѣсную и затхлую конуру тюрьмы нико-
мидійской, только въ это время,—его паства, его «досто-
йные» ученики и сподвижники стали показываться изъ
убѣжищъ, гдѣ они скрывались во время ареста своего
архипастыря.

Теперь собралась вся паства, всѣ словесныя овцы, ли-
шенные своего архипастыря. Теперь, только поняли онѣ
всю утрату, постигшую ихъ, и ихъ блѣдныя лица, со
слѣдами еще недавняго малодушнаго страха, вдругъ
оросились горькими, неудержимыми и неутѣшными
слезами.

— Потеряли мы теперь своего владыку, — заливаясь
горькими слезами, простоналъ одинъ священникъ. — Что
мы теперь, несчастные, будемъ дѣлать?.. Пропадемъ и
мы всѣ!..

— Пропадемъ! возопила вся паства.

— О, если-бы мы не оставили его, то или не отдали
бы его, или раздѣлили бы одинаковую съ нимъ участь...
И въ самомъ несчастіи есть счастье, братіе!—Послѣдуемъ
за нимъ!..

— Послѣдуемъ! вопила толпа, рыдая и тѣсясь около
говорившаго священника.

Всѣми вдругъ овладѣло раскаяніе.

— Братіа!—говорилъ другой.—Не оставимъ его, пой-
демъ къ нему.. Вспомните: во время мира и покоя цер-
ковнаго вы были вѣрны ему, а теперь въ минуту нашего
тяжкаго испытанія,—вы его бросили и предали злодѣямъ,
какъ Іуда Христа!..

Толпа заливалась слезами, слушая краспорѣчиваго
проповѣдника, всѣ прощались другъ съ другомъ, просили
одинъ у другаго молитвъ. Но самъ ораторъ, кажется, по-
забылъ, что въ числѣ предавшихъ своего архипастыря
былъ и онъ. По крайней мѣрѣ, обличая другихъ, онъ не
счелъ нужнымъ самъ покаяться въ своемъ грѣхѣ всена-

родно. Впрочемъ и то было хорошо, что онъ съ успѣхомъ взывалъ къ лучшимъ чувствамъ другихъ людей.

Но какъ бываетъ въ каждомъ дѣлѣ, и здѣсь нашлись несогласные.

— Въ чемъ мы будемъ каяться? — спрашивали эти послѣдніе. — Неужели вы думаете, что нашъ владыка болѣе Христа, а мы лучше апостола Петра?.. Кажется, мы никакого преступленія не сдѣлали тѣмъ, что не послѣдовали за своимъ архіереемъ въ темницу?.. Такъ поступилъ и святой Петръ, отказавшись отъ Христа!.. А мы по чувству смиренія не должны возвышаться своими дѣлами надъ святыми, а тѣмъ болѣе надъ апостолами...

Голоса этихъ «смирненныхъ», благонамѣренныхъ и благоразумныхъ людей пересилили мнѣніе большинства. Толпа разсудила лучше покориться обстоятельствамъ и каждому отдѣльно ожидать своей участи, а пока разойдтись по домамъ и не выходить изъ нихъ безъ особой нужды, дабы не накликать на себя бѣды.

X.

Казни въ Никомидіи происходили ежедневно и были такъ страшны, что многочисленныя толпы зрителей, людей невѣжественныхъ и лакомыхъ до всякихъ забавъ и кровавыхъ потѣхъ, и тѣ даже вполне искренно приходили въ ужасъ и негодовали на это безумное истребленіе населенія, тѣмъ болѣе что большинство казненныхъ страдали невинно—за одно только имя *христiанина*.

Негодование все росло и росло. Власти стали опасаться бунта, но казни не прекращались: на мѣсто однихъ жертвъ и палачей являлись другіе и такъ казалось, что этому и конца не будетъ. Классъ лазутчиковъ и доносчиковъ увеличивался со дня на день и жизнь и честь cadaго гражданина висѣла на волоскѣ. Стоило только

не понравиться первому встрѣчному сыщику и доносъ уже готовъ, а тамъ обычное: пытка, раззореніе и мучительная смерть...

Всѣ улицы города были покрыты войсками, точно въ военное время. То тамъ, то сямъ видны были сильныя отряды, окружающіе какой нибудь домъ, откуда слышались крики, стоны, рыданія, плачь, а иногда дикія ругательства и грубый, звѣрскій хохотъ палачей. Въ толпѣ воиновъ, окружающихъ домъ на дворахъ, въ самомъ домѣ, — всюду мелькали злорадные лица гнусныхъ, бездушныхъ доносчиковъ...

Изрѣдка встрѣчались группы воиновъ, предводительствуемыя шпионами, которые шли съ торжествующими лицами и вели за собою цѣлыя толпы христіанъ. Шпионы, натѣшившіеся своими жертвами, шли веселые, въ ожиданіи получить богатыя награды за свое усердіе; воины — тоже; но арестованные, по большей части, имѣли страшный видъ: съ окровавленными лицами, со связанными назадъ, какъ у преступниковъ, руками, въ изорванныхъ одеждахъ, — они едва передвигали ноги. При этомъ отстающихъ или усталыхъ воины били водовыми жилами или камнями по ногамъ, или кололи копьями, или съ ругательствами ударяли по лицу и плевали въ глаза. Часто тоже самое дѣлали съ несчастными и нѣкоторые изъ встрѣчавшихся по пути язычниковъ - фанатиковъ.

Но еще ужаснѣе были казни и самыя мѣста для нихъ. Тутъ все было полно свѣжей человѣческой крови, а на лицахъ встрѣчавшихся въ этомъ мѣстѣ былъ написанъ невыразимый ужасъ. Самые дома въ этомъ мѣстѣ были забрызганы кровью..

Тамъ, на этой самой площади, гдѣ Іоаннъ всенародно

разорвалъ императорскій декретъ, вырвавши его изъ рукъ читавшаго его императорскаго чиновника, были устроены висѣлица и громадный костеръ. На этомъ кострѣ и окончилъ свою жизнь Іоаннъ.

На Маломъ Торгу (такъ называлась одна изъ Никомидійскихъ площадей) была совершена казнь надъ придворнымъ служителемъ Петромъ. Въ землю вбили четыре бревна по краямъ и пятое въ середину, на которое и положили Петра, привязавши его руки и ноги къ каждому изъ крайнихъ бревенъ. Привязавъ его толстымъ канатомъ и раздѣвъ до нага, его били воловьими жилами съ такою силой и до тѣхъ поръ, пока не обнажились кости. Тогда его сняли съ бревна и положили на рѣшетку, которую по немногу раскачивали на угольяхъ. Иногда рѣшетку снимали съ угольевъ и предлагали ему отречься отъ христіанства, но онъ упорно отказывался измѣнить своей вѣрѣ. Тогда рѣшетку опять ставили на уголья, а его поливали расплавленною сѣрою. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока Петръ не умеръ, удививъ своею твердостью и выносливостью даже самихъ своихъ мучителей.

Далѣе, были повѣшены Дороеей и Горгоній, оба рядомъ на одной висѣлицѣ и повернутые лицомъ къ окнамъ роскошнаго дворца императоровъ.

Сѣдаго владыку Анеима, уважаемаго и любимаго всѣми, даже язычниками, казнили на третій день ареста отрубленіемъ головы.

А помимо этихъ главныхъ жертвъ одновременно погибала подъ руками палача и масса другихъ, терзаемая и замучиваемая всенародно на площадяхъ и улицахъ города. Населеніе Никомидіи замѣтно порѣдѣло; не только погибли всѣ христіане, но не досчитывались и массы язычниковъ, въ особенности тѣхъ, которые обладали большими богатствами, но при этомъ не имѣли счастья принадлежать къ сильнымъ міра сего.

Оставшіеся въ живыхъ, уцѣлѣвшіе отъ этой страшной рѣзни, чувствовали себя осиротѣвшими.

Множество христіанъ спасли себѣ жизнь тѣмъ, что принесли жертвы идоламъ и были окроплены кровію принесенныхъ животныхъ. Благодаря этому, они и ихъ семьи избѣжали пытокъ, смерти и поруганій; дома ихъ не были разграблены и кромѣ того сами они получили еще отъ кесарей богатые подарки.

Нѣкоторые изъ нихъ, окончательно заглушивъ въ себѣ угрызенія совѣсти, стали даже весьма ревностными шпионами и доносчиками, губя своихъ братьевъ и увеличивая свои накопленные богатства.

XI.

Оставшіеся въ живыхъ послѣ этой ужасной бойни, немногіе христіане Никоидіи завидовали участи погибшихъ...

Между тѣмъ — по дошедшему до насъ свидѣтельству современнаго безпристрастнаго историка — «палачи утомились отъ непрерывныхъ козней, орудія пытокъ иступились и переломались, колеса зазубрились и мечи заржавѣли, а на сооруженіе новыхъ костровъ уже не хватало дерева и другихъ горючихъ веществъ, такъ какъ лѣса и рощи, окружающія со всѣхъ сторонъ Никоидію, были вырублены; сами судьи утомились, допрашивая подсудимыхъ, и доносчики выбились изъ силъ, перебѣгая изъ дома въ домъ, а оттуда въ преторію или къ грозному Ветурію...¹⁾).

Христіанскіе храмы были разрушены и всякія сбо-

¹⁾ Евсевій.

рища христіанъ безусловно воспрещены... Но и сами христіане, — какъ мы уже выше сказали объ этомъ, — боялись выходить изъ домовъ, страшась навлечь на себя гнѣвъ властей и новые ужасы новой, безконечной и безпощадной бойни...

Но злоба язычниковъ и безчестныхъ людей искала новыхъ жертвъ и, наконецъ, нашла ихъ... Нѣсколько подкупленныхъ рабовъ и злодѣевъ донесли Никомидійскимъ властямъ, что въ одной изъ пещеръ въ окрестностяхъ города тайно собираются христіане и тайно молятся своему Богу, совершая въ честь его жертвоприношенія и другія—воспрещаемыя закономъ—дѣйствія и обряды.

Доносчикамъ немедленно-же было отдано приказаніе схватить и привести означенныхъ христіанъ, не щадя ни пола, ни возраста.—а для этой цѣли къ нимъ приданъ былъ сильный отрядъ воиновъ.

Сказано—сдѣлано!—Христіанъ, дѣйствительно, нашли въ указанномъ мѣстѣ, всѣхъ похватали, связали и повели на судилище. Всѣхъ арестованныхъ было 23 человѣка!

На обѣду, это случилось еще въ одинъ изъ языческихъ празднествъ, когда самъ Максиміанъ стравлялся въ капище, чтобы принести жертву богамъ.. Воины вошли въ городъ и поравнялись съ императорскимъ дворцомъ въ то время, какъ Максиміанъ вышелъ на крыльцо и сѣлся въ колесницу, намѣреваясь ѣхать во храмъ.

Увидя связанныхъ людей, онъ остановился и, подозревая къ себѣ воиновъ, освѣдомился у нихъ, что это за люди, которыхъ они связали и ведутъ? Узнавши-же, что схваченные—всѣ принадлежатъ къ ненавистой ереси—заблужденію христіанскому, Максиміанъ разгнѣвался, но вскорѣ оправился, желая подѣйствовать на «преступниковъ» ласкою.

Онъ началъ издадека, похваливъ твердость, съ которою они исповѣдуютъ свои убѣжденія, но не преминулъ

также выразить и свое удивленіе тому, что такіе мужественные и убѣжденные люди стоятъ за подобныя заблужденія.

Выразивъ это, императоръ съ жаромъ сталъ доказывать преимущества старой (т. е. языческой) вѣры отцовъ. Онъ говорилъ много и долго, просилъ и требовалъ, чтобы они отреклись отъ христіанства для спасенія самихъ себя и для цѣлости государства и, наконецъ, истощивъ всѣ доводы и все свое краснорѣчіе, выразилъ надежду, что убѣдилъ ихъ и что они примутъ его отеческіе совѣты къ сердцу, стараясь во всемъ слѣдовать примѣрамъ *его божественности*.

Высказавъ это Максиміанъ остановился въ ожиданіи отвѣта со стороны христіанъ... Но они безмолвствовали и стояли передъ нимъ неподвижно, сосредоточенно смотря въ землю. А когда Максиміанъ прямо предложилъ имъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ языческій храмъ и тамъ принести жертву передъ идолами,—то въ отвѣтъ получилъ ото всѣхъ единодушный кликъ:—«Не хотимъ, Государь!..»

Боже, что тогда было съ Максиміаномъ!.. Сначала онъ позеленѣлъ, потомъ покраснѣлъ, но отъ гнѣва не могъ сказать ни слова и только безмолвно двигалъ губами.

Наконецъ, даръ слова возвратился къ нему.

— Это измѣна!.. Бунтъ!.. — закричалъ онъ. Отчего вы не хотите?

— Не можемъ, государь!.. — также громко, твердо и согласно отвѣтили христіане вторично.

— О, несчастные!..—завопилъ Максиміанъ и поднялъ кулаки.

Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости. Потомъ оглядѣлся вокругъ себя и обратился къ толпѣ воиновъ съ вопросомъ.

— Кто изъ васъ счумѣетъ обратить этихъ несчастныхъ къ познанію свѣта истинной вѣры?..

Хитрый и лицемерный вопрос этотъ былъ понятъ воинами, какъ нельзя лучше. Трое изъ нихъ, вооруженные длиннѣйшими бичами, сдѣланными изъ толстыхъ, какъ канатъ воловьихъ жилъ, тотчасъ-же выступили впередъ.

— Ударьте ихъ, ударьте ихъ хорошенько!.. — бѣсился Максиміанъ, топая ногами и потрясая въ воздухѣ кулаками.

Началось страшное истязаніе несчастныхъ христіанъ. Воины повалили ихъ на землю, волочили за концы веревокъ, которыми они были связаны, били по чему попало: удары сыпались и по лицу, и по рукамъ, и по спинѣ, топтали ихъ ногами и кололи копьями и мечами.

Но христіане, заглушая свои стоны, безпрерывно повторяли:—мы страдаемъ и терпимъ все это за имя Христа Спасителя!..—Эта ужасная сцена тянулась настолько долго, что Максиміанъ уже потерялъ всякое терпѣніе. Онъ сѣлъ въ колесницу, торопясь къ богослуженію въ языческій храмъ и хриплымъ голосомъ прокричалъ своимъ воинамъ:

— Дѣти мои!... Бейте ихъ камнями по лицу!..Выбейте у нихъ, окаянныхъ, всѣ зубы, чтобы они не могли болѣе твердить имя этого ужаснаго своего Христа!

Воины съ жаромъ бросились выполнять приказаніе императора и съ такимъ усердіемъ принялись за указанное имъ дѣло, что били не только мучениковъ, но даже другъ друга, въ общей схваткѣ не разбирая, и не видя, гдѣ лицо преступника-христіанина и гдѣ лицо друга и товарища-соратника-сослуживца по оружію и по позорной роли палача.

Текла кровь несчастныхъ христіанъ, но теперь текла также кровь и ихъ лютыхъ мучителей—грубыхъ и жестокосердыхъ воиновъ.

Многіе изъ нихъ отступили съ окровавленными лицами и руками, въ самомъ печальномъ видѣ.

— Что ты дѣлаешь, господинъ?—слабымъ голосомъ сказалъ одинъ изъ мучениковъ.—За что ты такъ страшно мучишь насъ, ни въ чемъ неповинныхъ людей?.. — Погляди, что ты сдѣлалъ и со своими вѣрными слугами, со своими воинами, которыхъ ты сейчасъ только самъ называлъ своими дѣтьми?.. Боишься-ли ты Бога, Государь?.. — Видь Онъ—Всемогущій—очень хорошо знаетъ все, что дѣлается здѣсь, на землѣ: Онъ все слышитъ и видитъ Своимъ Божественнымъ Разумомъ и очами... Онъ разрушить твой престолъ и жестоко покараетъ и тебя самого за твою жестокость.—На тебя нѣтъ управы на землѣ—такъ пусть Самъ Богъ явится тебѣ за насъ мстителемъ.

— Что?..—воскликнулъ Максиміанъ,—про кого это ты такъ говоришь?—Не про меня-ли, твоего Государя?..

— Про тебя!.. — отвѣтили всѣ христіане единогласно.

— Про меня?!—А знаете-ли, что я выдумаю для васъ самую страшную изъ всѣхъ смертей, какой еще не видѣла Никоидія?.. А?..

— Воленъ ты, Императоръ, дѣлать, что хочешь,—отвѣтили ему христіане,—но ты можешь мучить насъ впродолженіи только нѣсколькихъ часовъ, нѣсколькихъ дней,—пусть даже, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль и мѣсяцевъ, — и все-таки, въ концѣ концовъ, страданія наши окончатся. А тебя, несчастный Государь, ждутъ вѣчныя страданія, вѣчныя муки, которыя никогда не прекратятся.

Выслушавъ отвѣтъ христіанъ, Максиміанъ поблѣднѣлъ, задумался и не зналъ, что ему теперь предпринять. Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ колесницѣ, останавливался, всматривался въ лицо каждаго мученика, какъ-бы желая запомнить черты его лица, и при этомъ зловѣще молчалъ. Придворные и стража, толпясь около него, также молчали, пораженные страхомъ. Молчали и христіане, не желая болѣе говорить со своимъ мучителемъ.

Наконецъ, Мамсиміанъ сѣлъ въ колесницу, велѣлъ вести себя въ храмъ. а воинамъ, сопровождавшимъ христіанъ, крикнулъ:

— Ведите ихъ, дѣти мои, въ тюрьму! . А я поѣду помолиться богамъ, чтобы они научили меня, что мнѣ дѣлать съ этими негодяями — ослушниками и воли боговъ, и моей воли! Дальнѣйшія приказанія вы получите отъ претороначальника Адріана!..

Воины повели христіанъ къ темницѣ, а Максиміанъ поѣхалъ къ площади. гдѣ блисталъ и возвышался великолѣпный храмъ въ честь боговъ—покровителей Имперіи.

XII.

По прибытіи на мѣсто, христіане тотчасъ-же были заключены въ темницу, а придворной канцеляріи повѣщено обо всемъ случившемся, о мѣстѣ и времени ареста преступниковъ и о числѣ арестованныхъ.

Начальникъ канцеляріи, претороначальникъ Адріанъ, немедленно отправился допросить подсудимыхъ. Ему нужно было выслушать доносчиковъ, и при сопоставленіи ихъ отвѣтовъ съ отвѣтами христіанъ, установить факты и степень виновности каждого изъ арестованныхъ въ отдѣльности. Адріана сопровождалъ также и секретарь канцеляріи.

Когда оба чиновника вошли въ темницу, — ужаснѣйшую изъ всѣхъ темницъ въ Никомидіи, — болѣе страшную, чѣмъ гробъ и могила, и самая смерть, — они нашли христіанъ, весело и спокойно сидѣвшихъ на полу и вполголоса бесѣдовавшихъ между собою.

Это сильно поразило обоихъ чиновниковъ. Они переглянулись между собою и Адріанъ, сдѣлавши одинъ шагъ впередъ, громкимъ и твердымъ голосомъ поздоровался, съ осужденными преступниками. Получивъ отъ нихъ въ отвѣтъ такое-же привѣтствіе, Адріанъ немедленно приступилъ къ допросу. Секретарь писалъ, а Адріанъ предлагалъ вопросы..

Но чѣмъ болѣе углублялся Адріанъ въ отыскиваніе правды, — не внѣшней правды ихъ ареста, а внутренней правды, причинъ, повлекшихъ за собою это несчастіе ихъ, — тѣмъ болѣе и болѣе онъ чувствовалъ ихъ невинность, тѣмъ болѣе и болѣе сердце его располагалось къ нимъ. И начавши допросъ суровымъ голосомъ и надменнымъ тономъ неумолимаго слѣдователя и верховнаго судьи и начальника, — онъ мало-по-малу снисшелъ до тона и вкрадчиво-ласковаго голоса бесѣдующаго друга. Онъ уже не спрашивалъ ихъ о ихъ мнимыхъ преступленіяхъ, но бесѣдовалъ съ ними объ истинахъ христіанской вѣры. Христіане говорили съ жаромъ и этотъ образъ Сына Человѣческаго, Сына Божія, — этотъ кроткій, всепрощающій образъ Божественной Любви, — становился необыкновенно дорогъ, милъ и знакомъ ему. Когда же христіане рассказывали ему о своихъ мукахъ и страданіяхъ, — то Адріаномъ овладѣвало горькое чувство и слезы душили его. Онъ не могъ усидѣть спокойно на своемъ мѣстѣ и быстрыми шагами ходилъ по сырой и мрачной комнатѣ тюрьмы.

Мало-по-малу онъ сталъ чувствовать правдивость христіанъ и получилъ непреодолимое желаніе раздѣлить съ ними свою участь. Но не столько истины самой вѣры

Христовой убѣдили его, сколько хладнокровіе, съ которыми христіане относились къ своимъ страданіямъ и, вообще, къ своей судьбѣ; беззавѣтная надежда, съ которою они упоминали имя своего Бога и Его Сына Иисуса Христа, ради Котораго терпѣли муки и поруганія; ожиданіе вѣчныхъ наградъ въ небесномъ Царствіи за временныя земныя муки,—наградъ, которыя ожидаютъ праведниковъ, твердо вынесшихъ испытанія и устоявшихъ противъ соблазновъ и обольщеній; наконецъ, искренняя вѣра въ истинность своихъ убѣжденій. Все это очаровало Адріана и онъ радъ былъ слушать христіанъ, готовъ былъ слушать ихъ безъ конца.

Когда допросъ былъ конченъ и секретарь составилъ протоколъ обо всемъ случившемся, то подаль его Адріану для подписи.

— Что-же?.. Развѣ уже все готово?.. спросилъ Адріанъ, какъ будто изумленный.

— Все! — отвѣчалъ секретарь. — Допросъ снятъ со всѣхъ христіанъ...

— Я не имѣю права подписать его, отвѣтилъ Адріанъ спокойно и тихо, но твердымъ голосомъ. — Протоколъ этотъ, по моему мнѣнію, не законченъ, а когда онъ будетъ и законченъ, то все-таки я не буду имѣть права подписать его, ибо подпись моя ничего рѣшительно не значить... Садись и продолжай писать...

— Но что-же я буду писать дальше? — спросилъ секретарь, съ изумленіемъ глядя на Адріана и не понимая, чего еще требуетъ отъ него претороначальникъ.

— Пиши слѣдующее, произнесъ Адріанъ повелительнымъ тономъ и нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ:—«Когда былъ поднесенъ этотъ протоколъ для подписи Никомидійскому претороначальнику Адріану», диктовалъ Адріанъ своему секретарю,—«то онъ сказалъ слѣдующее:

«И я тоже христіанинъ»!

— Что ты говоришь?.. — воскликнулъ глубоко пораженный секретарь и даже привскочилъ на своемъ мѣстѣ.

— Пиши, что я тебѣ приказываю, — спокойно сказала Адріанъ и усмѣхнулся. — Я тоже христіанинъ, — я тоже вѣрую въ Христа-Бога!...

— Но я не могу писать этого, — протестовалъ несчастный секретарь.

— Быть можетъ, что ты и не можешь, но ты долженъ, — твердо сказалъ Адріанъ.

— По службѣ! — прибавилъ онъ.

— Ахъ! — произнесъ секретарь и съ отчаяніемъ посмотрѣлъ на Адріана. — Что ты сдѣлалъ, что ты сдѣлалъ, Адріанъ!

— Пиши, дорогой мой!... — заговорилъ Адріанъ нѣжнымъ и мягкимъ голосомъ, положивъ ему руки на плечи. — Я понимаю тебя и твое отчаяніе, но чему быть должно, — того не минуешь..... Прощу-же тебя: пиши, что я тебѣ приказалъ.

Секретарь плакалъ навзрыдъ, но долго еще не соглашался исполнить приказаніе Адріана. Наконецъ, ласки Адріана и напоминанія о долгѣ службы превозмогли его доброе желаніе и онъ дрожащею рукою приписалъ послѣднія слова Никомидійскаго претороначальника къ составленному имъ протоколу.

Новый христіанинъ весело подписалъ свой смертный приговоръ, а подпись Адріана и протоколъ скрѣпилъ секретарь и вышелъ изъ тюрьмы.

Адріанъ подошелъ къ нему и весело пожалъ ему руку.

— Полно, другъ мой, тихимъ и задушевнымъ голосомъ сказалъ онъ ему. Не безпокойся..... Много-ли значить: однимъ человѣкомъ больше или меньше на свѣтѣ?... Я добровольно назвалъ самъ себя христіаниномъ и твоя совесть не должна мучить тебя, что ты меня погубилъ. Будь веселъ по прежнему и только — прошу тебя — почаще вспоминай твоего товарища Адріана.....

— Ахъ!—простоналъ секретарь,--никогда я не забуду этого дня.—Это день несчастія въ моей жизни..... — Онъ не могъ болѣе говорить отъ слезъ и, плача, вышелъ изъ комнаты. Адрианъ же остался въ тюрьмѣ.....

XIII.

Въ тотъ-же самый день Максиміанъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и прилежно читалъ полученные утромъ донесенія провинціальныхъ чиновниковъ.

Въ дверь кто-то постучался и вошедшій адъютантъ доложилъ, что императора желаетъ видѣть государственный секретарь. Такое посѣщеніе,возвѣщавшее о чемъ-либо необычномъ въ текущихъ дѣлахъ Имперіи, а тѣмъ болѣе въ неуказанное время, не могло понравиться Максиміану и потому онъ довольно грубо обратился къ адъютанту съ вопросомъ.

— Да что-же, развѣ онъ не можетъ обратиться къ кому-либо другому, помимо меня?... Неужели дѣло настолько важно?..

— Я и самъ не хотѣлъ принимать его, вѣжливо отвѣчалъ адъютантъ, склонившись передъ императоромъ, но государственный секретарь говоритъ, что дѣло настолько важно, что не терпитъ отлагательства....

— Что еще тамъ такое?—проговорилъ императоръ недовольнымъ голосомъ. Навѣрное какая-либо мелочь, которая въ глазахъ этого безпокойнаго человѣка кажется чѣмъ-нибудь необычайнымъ..... Но такъ какъ онъ все равно оторвалъ уже меня отъ дѣла, то пусть войдетъ сюда..... Посмотримъ, что это за важная новость.....

Адъютантъ отворилъ двери въ кабинетъ и попро-

силъ господина государственнаго секретаря пожаловать предъ очи наибожественнѣйшаго и наисвѣтлѣйшаго императора.

Государственный секретарь былъ блѣденъ и казался испуганнымъ и растерявшимся. Максиміанъ смѣрилъ его съ ногъ до головы долгимъ и строгимъ, испытующимъ взглядомъ.

— Ну, чего тебѣ надо?—спросилъ онъ тономъ, въ которомъ можно было легко угадать, что онъ намѣренъ обойтись съ такимъ важнымъ должностнымъ лицомъ далеко не любезно.

Этотъ тонъ и взглядъ маленькихъ, воспаленныхъ и злобныхъ глазъ императора еще болѣе смутилъ несчастнаго государственнаго секретаря и онъ началъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Божественный императоръ!... Я знаю, что ты быть можешь и не повѣришь моей рѣчи, но я говорю истину и завѣряю твою свѣтлость, что вѣрный до-нынѣ слуга твой Адріанъ-претороначальникъ..... Чиновникъ остановился и нерѣшительно глядѣлъ на императора.

— Ну, что-же съ Адріаномъ?....—спросилъ императоръ видимо озадаченный и раздосадованный внезапнымъ перерывомъ рѣчи государственнаго секретаря.

— Я боюсь, государь, что ты не повѣришь, но я говорю истину:—Адріанъ христіанинъ!...

Эти слова такъ глубоко потрясли Максиміана, что онъ какъ-будто застылъ на своемъ мѣстѣ. Онъ измѣнился въ лицѣ и въ широко-раскрытыхъ глазахъ его свѣтилось искреннее, непритворное и притомъ безграничное изумленіе и сожалѣніе. Влѣдъ затѣмъ на лицѣ его выразилась досада, которая смѣнилась сначала гнѣвомъ, потомъ сожалѣніемъ, потомъ отчаяніемъ, наконецъ, горемъ, — но надо всемъ этимъ брало верхъ изумленіе. Максиміанъ, положительно, отказывался вѣрить своимъ ушамъ.

— Что?... Что ты сказалъ?... упавшимъ голосомъ проговорилъ императоръ, глядя на государственнаго секретаря и приподнимаясь съ креселъ.

— Онъ христіанинъ, государь!...

— Нѣтъ! — Этого не можетъ быть!... — воскликнулъ Максиміанъ съ искреннимъ чувствомъ! — Адріанъ не можетъ быть христіаниномъ! — продолжалъ онъ со все болѣе возрастающимъ волненіемъ. — Нѣтъ! Это клевета!...

Настала мертвая тишина. Только Максиміанъ крупными шагами ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Адъютантъ и государственный секретарь, стоя у двери кабинета, съ трудомъ ватаивали дыханіе, съ минуты на минуту ожидая грозы.

Но грозы не произошло. Максиміанъ успокоился, или старался успокоиться на той мысли, что на Адріана, на его любимаго Адріана-претороначальника, возведена нелѣпая и постыдная клевета. Онъ рѣшилъ самъ убѣдиться въ этомъ и лично допросить Адріана. Поэтому, обратясь къ адъютанту, императоръ уже мягкимъ голосомъ и даже съ улыбкою — столь рѣдкою гостіею на его злобно-суровомъ лицѣ — отдалъ ему приказаніе:

— Поди, Вогій, и позови ко мнѣ тотчасъ-же Адріана. Я самъ спрошу его обо всемъ. Возвращайся и ты вмѣстѣ съ нимъ. — А ты, обратился онъ къ государственному секретарю, стоявшему у дверей и смиренно ожидавшему приказаній, иди въ пріемную и дожидайся тамъ, пока я тебя не позову. — Идите-же!...

Адъютантъ и государственный секретарь вышли изъ кабинета.

Оставшись одинъ, Максиміанъ подошелъ къ столу, утѣлся въ кресло, опустилъ голову на руки и глубоко

задумался. Да и было отчего задуматься императору!...— Его сильно встревожила мысль, что любимый имъ высшій офицеръ гвардіи, его претороначальникъ, лицо изъ наипочетнѣйшихъ во всей Имперіи и, вообще, такое, на которое онъ болѣе всего полагался и которому довѣрялъ такъ много важныхъ тайнъ —и государственныхъ и частныхъ, что—это лицо могло быть измѣнникомъ-христіаниномъ. Въ глазахъ Максиміана эти два понятія имѣли одинаковое значеніе.

Но, помимо тревоги, Максиміана волновали и другія чувства. До сей поры Адріанъ былъ вѣренъ ему, былъ его правой рукою въ военномъ совѣтѣ и на бранномъ полѣ,— какъ онъ замѣнить его теперь?...—Адріанъ былъ для него дорогъ, какъ милый и добрый сынъ, послушный и исполнительный по отношенію къ своему императору, какъ къ отцу,—и Максиміану было горько и тяжело считать этого милаго и дорогаго ему человѣка за измѣнника.

— А вдругъ это—правда?...—подумалъ онъ,—и онъ почувствовалъ себя какъ будто осиротѣвшимъ, но тотчасъ-же въ холодной пустотѣ своего сердца онъ обрѣлъ и новое успокоеніе,—новое чувство, которымъ вполне утѣшился. Это *новое* чувство, къ сожалѣнію, было въ немъ далеко не новостью; это чувство было — требованіе жестокой, неумолимой мести... Но въ его отношеніяхъ къ Адріану, оно дѣйствительно было новостью.—А между тѣмъ онъ думалъ, что если вѣсть о принадлежности Адріана къ этой ужасной сектѣ окажется не клеветой, а правдою, — о! тогда моя месть обрушится на него всею тяжестью...—этого нельзя такъ оставить!... Я заглушу въ своемъ сердцѣ всѣ мои чувства къ нему, я выдумаю для него самыя страшныя муки и казнь...—И духъ его, какъ злой воронъ, пошелъ витать по всѣмъ областямъ и окраинамъ великаго Римскаго государства.

Всюду ему грезились бунты, возстанія, опасность для его жизни.

— Они злоумышляютъ [противъ меня!... я долженъ истребить ихъ!... думалъ онъ про христіанъ, и черныя мысли такъ овладѣли всѣмъ его существомъ, что онъ, какъ бѣшеный, соскочилъ со своего кресла и принялся большими шагами ходить вдоль и поперекъ по комнатѣ, какъ раненый левъ, мечась то въ ту, то въ другую сторону.

— О, христіане, христіане! — говорилъ онъ самъ съ собою, что это за гадкая, презрѣнная секта!... — Чего они хотятъ отъ меня, отъ своего природнаго Государя?... О, злые убійцы, варвары, негодяи!... Буду-ли, не буду-ли я на престолѣ: — кара боговъ все равно васъ постигнетъ, не минетъ вашихъ головъ... Но что-же теперь я предприму противъ нихъ, если всѣ прежнія ужасныя мѣры прошли безслѣдно для ихъ уничтоженія?... — По истинѣ, это изумительно, но не согласиться съ этимъ невозможно: секта растетъ и множится несмотря ни на какія гоненія и преслѣдованія... Вотъ депеши, полученныя мною сегодня съ часъ тому назадъ... О чемъ пишутъ мнѣ мои вѣрные намѣстники по префектурамъ и провинціямъ? — Во всѣхъ донесеніяхъ я нахожу только одно согласное, точно всѣ они писали подъ диктовку, — и это согласное — по истинѣ ужасно: они пишутъ, что, несмотря на всѣ ихъ старанія, христіане въ провинціяхъ не только не уменьшаются, но еще даже увеличиваются и я не знаю, что теперь мнѣ еще предпринять противъ нихъ. Ужасы, имѣвшіе мѣсто у насъ въ Никоидіи, не только не испугали этихъ безумцевъ, но какъ будто придали имъ еще больше храбрости, еще больше силы... Всѣ эти казни: вѣшаніе, колесованіе, сожиганіе, — насилія, тюрьма и ужасныя пытки, которымъ были подвергаемы христіане, — не привели рѣшительно ни къ чему... Что-же я буду теперь дѣлать противъ нихъ?... — Прекратить гоненіе?... — Это невоз-

можно!... Это-бы значило добровольно отказаться отъ своей короны, отъ власти, которую я добылъ съ такимъ трудомъ. И я лучше прощусь со своею жизнью, чѣмъ откажусь отъ престола... Нѣтъ!... это невозможно,—этого не будетъ,—я продолжу гоненіе, чтобы съ корнемъ вырвать эту гнусную ересь, хотя-бы для этого мнѣ пришлось истребить болѣе половины всего населенія имперіи...

Максиміанъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ. Онъ былъ страшно утомленъ и физически, и нравственно: холодный потъ крупными каплями покрывалъ его чело...

Онъ, шатаясь, подошелъ къ креслу, тяжело опустился въ него, закрылъ глаза и свѣсилъ на голову грудь.

Казалось, императоръ уснулъ, но это продолжалось недолго. Внезапно изъ пріемной раздались быстрые и сильные шаги нѣсколькихъ людей, которые, повидимому, направлялись къ кабинету. Императоръ поднялся съ кресла и сталъ прислушиваться.

Дверь изъ пріемной растворилась и въ кабинетъ вошли два человѣка. То были Вогій и Адріанъ.

Войдя въ кабинетъ, они отдали императору военную честь, послѣ чего Вогій, по мановенію руки императора, удалился, а Адріанъ остался лицомъ къ лицу съ Максиміаномъ въ его кабинетѣ.

Настали минуты томительнаго молчанія. Максиміанъ устремилъ глаза на молодого претороначальника и долго не спускалъ ихъ съ него. И, вправду, Адріанъ невольно привлекалъ къ себѣ взоры cadaго. Глядя на него, трудно было даже опредѣлить себѣ, что болѣе всего могло понравиться въ немъ: высокій-ли ростъ его или гордая осанка и поступь воина, или его прекрасное — полное благородства и мужества, съ одной, и добродушія — съ другой стороны — лицо, или черные глаза, полные огня и провидцательности, или, наконецъ, его роскошное одѣяніе и бле

стящее, дорогое оружіе?—но все это до такой степени дѣйствовало на посторонняго зрителя и очаровывало его, что ему стоило большихъ трудовъ отвести глаза отъ лицезрѣнія этого превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка.

И Максиміанъ, въ настоящую минуту, находился подъ вліяніемъ этого могучаго чувства:—очарованія личностью и, вообще, всею вышнестію Адріана,—и хотя каждый день, по нѣсколько разъ, онъ видѣлся со своимъ претороначальникомъ, но также, какъ и въ первый разъ, онъ теперь еще разъ подумалъ про себя:—вотъ это — настоящій идеалъ воина!...

Максиміанъ кашлянулъ и повернулся на своемъ креслѣ.

— На тебя, мой милый Адріанъ, началъ онъ тихимъ голосомъ, взведена постыдная клевета. Это мнѣ тѣмъ болѣе удивительно, что, какъ мнѣ извѣстно, враговъ у тебя нѣтъ; а между тѣмъ, не болѣе часа тому назадъ господинъ государственный секретарь рекомендовалъ мнѣ тебя съ совершенно небывалой стороны, — со стороны слушника моей воли, лживаго и презрѣннаго христіанина. Будь добръ, мой дорогой Адріанъ, разстѣй всѣ мои сомнѣнія... Я вполне увѣренъ въ тебѣ, но все-таки хотѣлъ-бы и изъ твоихъ устъ услышать отрицаніе этой безумной клеветы... Ну, что-же?...

— Государы!—сказалъ Адріанъ твердо и гордо поднимая свою красивую голову, —государственный секретарь не солгалъ тебѣ и это не клевета:—я, дѣйствительно, христіанинъ!...

Максиміанъ, какъ-будто, окаменѣлъ, услыша, что наиболѣе близкій къ нему человѣкъ, съ такимъ хладнокровіемъ и смѣлостію, такъ безбоязненно признается въ тягчайшемъ изъ всѣхъ преступленій—въ государственной измѣнѣ.

— Да ты, что-же это, шутишь, что-ли? —спросилъ Максиміанъ едва слышнымъ и дрожащимъ отъ волненія

и страха голосомъ.—Понимаешь-ли ты, что ты говоришь и въ чемъ сознаешься, и еще передъ кѣмъ-же? — передъ своимъ императоромъ!...

— Передъ тобой, Государь, я всегда и всюду былъ откровененъ. Ничего я отъ тебя не скрывалъ и никогда я тебѣ не лгалъ. Не лгу и теперь... Да! — Я дѣйствительно, христіанинъ!...

— Но ты не можешь быть христіаниномъ!... Ты долженъ исповѣдывать ту религію, которую исповѣдуетъ твой императоръ, которая есть столпъ и основаніе нашего государства и моего престола!...

— Государь! — сказалъ Адріанъ съ убѣжденіемъ и постепенно возвышая голосъ. — Воленъ ты говорить, что хочешь, — но я тебѣ скажу только одно: и христіанская вѣра могла-бы быть столпомъ твоего государства, такимъ-же столпомъ, какъ и языческая, — если только еще не крѣпче..... Ты-бы смѣло могъ опереться на этотъ столпъ и онъ-бы не рухнулъ подъ тяжестью Имперіи и почва не ускользала-бы у тебя изъ-подъ ногъ, такъ какъ ускользаетъ она изъ-подъ нихъ теперь. Скажи мнѣ правду, Государь, неужели ты такъ привязанъ къ своей религіи, неужели она удовлетворяетъ тебя, неужели ты еще вѣришь въ своихъ устарѣвшихъ боговъ?...

— Ты не смѣешь такъ разговаривать со мною!... — вспыхнулъ Максиміанъ и вскочилъ со своего кресла. — Но если уже пошло на то, чтобы мнѣ договариваться и объясняться съ тобою, — изволь, такъ и быть я скажу тебѣ..... Вѣрю-ли, не вѣрю-ли я своимъ богамъ, — до этого нѣтъ тебѣ дѣла; но вотъ чему я не вѣрю, то это твоимъ медовымъ рѣчамъ..... Я знаю, что всѣ вы, христіане, таковы!.. Эгими рѣчами вы хотите обольстить и усыпить меня, чтобы я пересталъ бодрствовать надъ благосостояніемъ врученной мнѣ всемогущими богами Имперіи.... Тогда вы, поссоривъ меня съ моимъ народомъ, свергнете

меня съ престола и, поставивъ на него одного изъ своихъ, сами станете распоряжаться Имперіей, какъ хотите.— Но увѣряю васъ, что вы этого не достигнете!... Запугать меня мудрено!... Пересилить меня невозможно.....— Я, не даромъ, «непобѣдимый» цезарь!...— Но ты, ты...— какъ осмѣлился ты стать на сторону моихъ враговъ?... Какъ у тебя достало духу измѣнить мнѣ, отплатить мнѣ черною неблагодарностію за всю мою любовь и благодѣянія, которыя я такъ щедро изливалъ на твою голову?...

Максиміанъ въ сильномъ волненіи нѣсколько разъ прошелъ взадъ и впередъ крупными шагами по комнатѣ.

— Государь!... Было много случаевъ, когда я выражалъ тебѣ свою благодарность за твою любовь и ласки..... Мало того:—я готовъ для тебя—по первому твоему слову—жизнь положить и все отдать тебѣ, все, что только можно отдать..... Но, прежде всего, я все-таки христіанинъ и не могу измѣнять христіанамъ даже ради твоей великой любви ко мнѣ. Мое мѣсто среди нихъ, Государь!...

— И ты будешь съ ними, если ты такъ сильно этого желаешь,—сказалъ Максиміанъ дрожащимъ отъ злобы голосомъ. Подожди только немного, подожди.... Но только ты жестоко ошибаешься, если думаешь, что христіане могутъ быть моими друзьями!.. Какъ ты не увѣряй меня въ этомъ,—я тебѣ все равно не повѣрю...

— Думай, Государь, какъ хочешь,—снова съ твердостію сказалъ Адріанъ,—но я тебя увѣряю, что христіане для тебя болѣе полезны, нежели язычники..... Повѣрь мнѣ!... Я не лгу.....

— А кто заразилъ христіанствомъ тебя, мой вѣрный слуга?...—спросилъ Максиміанъ, остановясь передъ Адріаномъ и скрестивъ на груди свои могучія руки.

— Никто меня не заразилъ..... Я самъ просвѣтился христіанствомъ,—возразилъ Адріанъ спокойно, выдерживая на себѣ суровый и испытующій взглядъ Максиміана.—

И я уже не могу молиться бездушнымъ истуканамъ бездушныхъ боговъ, но всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣмъ разумѣніемъ молюсь живому Богу, Который и есть только одинъ, Сотворившій міръ и человѣка въ шесть дней....

— Довольно!—сказалъ Максиміанъ и махнулъ рукою.

Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ отъ Адріана и нѣсколько секундъ молча разсматривалъ его и качалъ головою. Мало по маду взглядъ его становился все страшнѣе и страшнѣе.

— Довольно!—продолжалъ онъ глухимъ голосомъ.— Меня этими бреднями, вѣдь, не увѣришь, да мнѣ онъ и не интересны... — Не желаешь-ли ты отказаться отъ христіанства?—Право, это будетъ много лучше и для тебя, и для меня....

— Нѣтъ!... Я не желаю!..—громко и звучно проговорилъ Адріанъ съ отбѣнкомъ въ некоторой торжественности.

— И тогда ты уже не будешь болѣе моимъ вѣрнымъ слугою и высшимъ дворскимъ офицеромъ, и тебя постигнетъ таже злая судьба, которая постигнетъ и всѣхъ твоихъ друзей—христіанъ,—промолвилъ императоръ также торжественно.

Онъ подождалъ немного, ожидая отвѣта со стороны Адріана, но послѣдній безмолвствовалъ.

Императоръ съ минуту еще колебался, затѣмъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на Адріана и, обратившись къ двери, захлопалъ въ ладоши.

— Вогій!—позвалъ онъ.

Адъютантъ появился на порогѣ кабинета.

— Позови господина государственнаго секретаря,—приказалъ императоръ, да приходи и самъ сюда.

Черезъ минуту оба вошли въ комнату.

— Отъ сего часа,—торжественно сказалъ Максиміанъ, обращаясь къ вошедшимъ, извѣстный вамъ Адріанъ-пре-тороначальникъ лишается своего высокаго званія. Выѣстѣ

съ тѣмъ онъ лишается и тѣхъ правъ и знаковъ отличій, которые сопряжены съ его достоинствомъ.....

И обратившись къ Адріану, императоръ прибавилъ:

— Сними свой мечъ, который ты носишь такъ недостойно!..

Адріанъ молча отпоясалъ свой мечъ и передалъ его Вогію, а тотъ Максиміану.

— Тебѣ, Вогій,—продолжалъ Максиміанъ,—ставлю въ непрѣмѣнную обязанность снять съ Адріана всѣ знаки отличія, которые онъ носилъ, какъ претороначальникъ. А тебѣ,—обратился онъ къ государственному секретарю,—приказываю поступить съ Адріаномъ также, какъ и со всякимъ другимъ государственнымъ преступникомъ христіаниномъ; прямо отсюда, изъ дворца, ты отведишь его связаннаго въ темницу. Потребное для этого количество воиновъ имѣетъ дать тебѣ Вогій. Идите-же и исполните все то, что я повелѣлъ!..

Всѣ трое вышли изъ комнаты.

Не прошло и четверти часа, какъ того-же самаго Адріана, который вошелъ во дворецъ въ блестящей одеждѣ и вооруженіи претороначальника со всѣми знаками, украшеніями и драгоцѣнностями, сопряженными съ его высокимъ саномъ, выводили вонъ и препровождали въ темницу шесть здоровыхъ и грубыхъ воиновъ. Только теперь во внѣшности его послѣдовала перемѣна. Помимо цѣпей, которыя при каждомъ шагѣ его глухо звенѣли на его рукахъ и ногахъ, онъ былъ простоволосъ, босоногъ и выгляждѣлъ такъ странно, такъ жалко и униженно, что въ этомъ избитомъ, истерзанномъ и обезчещенномъ человѣкѣ едва-ли-бы кто-нибудь призналъ молодого, блестящаго претороначальника. Мы говоримъ *избитая*... Да! Страшно сказать, но это, именно, такъ и было! Лицо его было покрыто синяками и царапинами, а плечи носили слѣды ужасныхъ ударовъ плетей и воловьихъ жилъ. Одѣтъ-же

онъ былъ въ самое жалкое отрпье, нищенское рубище. Такое ужъ было тогда ужасное время, что жестокіе войны не поцеремонились съ бывшимъ своимъ начальникомъ, до сихъ поръ въ такой степени любимымъ ими, что они считали его своимъ отцомъ—защитникомъ и покровителемъ; а теперь эти-же самые *дѣти* не погнушались взяться за ремесло палача и примѣнить всѣ свои познанія въ этомъ постыдномъ ремеслѣ ни на комъ другомъ, какъ именно на своемъ *отцѣ*. При этомъ наглость воиновъ уже не знала предѣловъ...

Какъ-бы то ни было, но граждане, видѣвшіе эту ужасную картину, положительно, отказывались вѣрить своимъ глазамъ и въ этомъ избитомъ, презрѣнномъ человѣкѣ, котораго влекли теперь въ темницу шестеро грубыхъ негодеевъ-палачей, видѣть своего любимаго, чтимаго, молодаго супруга прекрасной Наталіи—знаменитаго Никоидійскаго претороначальника Адріана...

XIV.

А между тѣмъ это была истина, но этой истины Наталія даже еще и не предчувствовала.

Въ то время, какъ ея прекраснаго супруга влекли въ одну изъ ужаснѣйшихъ темницъ города Никоидіи, Наталія спокойно сидѣла у себя дома, разсматривая новый драгоценный уборъ, который прислалъ ей для покупки ювелиръ.

Окончивъ осмотръ, она повзала служителя и приказала ему идти къ домоправителю и передать ему, что уборъ купленъ. Этими словами домоправитель извѣщался,

что онъ долженъ уплатить ювелиру всѣ требуемыя имъ деньги.

Служитель въ дверяхъ комнаты столкнулся съ нѣкоторымъ человѣкомъ, который бѣжалъ къ кабинету Наталіи.

Увидя незнакомаго человѣка, служитель спросилъ его, что ему нужно. Послѣдній, отъ усиленной ходьбы и растерявшись отъ предложеннаго ему вопроса, стоялъ молча и тяжело переводилъ дыханіе.

Между тѣмъ занавѣсъ, скрывавшій покои прекрасной Наталіи, отдернулся и она остановилась на порогѣ, съ изумленіемъ смотря на подошедшаго, лицо котораго было блѣдно и печально, а глаза сильно заплаканы.

Служитель повторилъ свой вопросъ.

— Кто ты такой и чего ищешь?..

— Я гражданинъ Никомидіи,—съ трудомъ проговорилъ спрошенный человѣкъ,—я знаю господина Адріана и пришелъ передать госпожѣ Наталіи одну вѣсть...—Онъ закашлялся.

— Вѣсть?.. Какую вѣсть?..—спросилъ служитель съ изумленіемъ.

— Какую это вѣсть принесъ ты?..—спросила Наталія, подходя ближе къ говорившему.

— Худую вѣсть, госпожа!.. отвѣчалъ пришедшій человекъ.—Знаешь-ли ты, гдѣ теперь господинъ Адріанъ?..

— То есть, какъ это, гдѣ онъ?..—спросила Наталія съ изумленіемъ.—По всей вѣроятности, онъ во дворцѣ или въ канцеляріи..

— Нѣтъ, госпожа!.. Онъ не въ канцеляріи:—онъ посаженъ въ темницу?!..

— Въ темницу?!.. воскликнула Наталія, пошатнувшись..—Что ты говоришь? Въ какую темницу?..

— Да, госпожа, увѣряю тебя!... Не далѣе получаса тому назадъ воины вели его въ темницу... Охъ! Какая

это была ужасная картина.. Я и самъ едва узналъ его!..

Слова эти, какъ громомъ, поразили Наталію. Она слушала и не вѣрила своимъ ушамъ.

— Но что ты говоришь?.. произнесла она, наконецъ, тяжело переводя духъ.— Да ты знаешь-ли моего Адріана?.. Быть можетъ, ты не объ немъ говоришь?..

— Знаю, знаю, госпожа, и я никакъ не могъ ошибиться... Вотъ, потому-то я и пришелъ къ тебѣ, чтобы предупредить тебя о несчастіи, которое постигло и тебя, и твоего супруга!.. Онъ отставленъ отъ должности, лишенъ всѣхъ чиновъ и отличій, одѣтъ въ рубище, лишенъ чести и добраго имени, избитъ... Ахъ!..—какая это ужасная картина!.. Его вели босаго, съ непокрытой головой...— Ахъ!..—и гражданинъ закрылъ лицо руками.

— О, Боже!..—воскликнула Наталія, пораженная этою вѣстью въ самое сердце, и схватила за голову.—Да возможно ли это?..

Она стояла еще нѣсколько минутъ передъ Никомидійскимъ гражданиномъ и, наконецъ, спросила глухимъ голосомъ, раздѣляя каждое слово:

— А не знаешь-ли ты, добрый человекъ, за что такъ страдаетъ Адріанъ?..—и она исподлобья посматрѣла на гражданина.

— Знаю,—отвѣчалъ тотъ,—это съ нимъ дѣлаютъ за то, что онъ исповѣдалъ христіанскаго Бога передъ самимъ императоромъ. Это рассказывали тѣ самые воины, которые вели его въ темницу. Они говорятъ, что онъ сдѣлалъ это добровольно, допрашивая христіанъ...

Гражданинъ замолчалъ, съ участіемъ глядя на жену бывшаго преторона начальника.

Наталія какъ-будто ожидала этого роковаго извѣстія. Она низко опустила голову; лицо ея было блѣдно, а въ широко-открытыхъ глазахъ стояли слезы.

— Ну, прощай!..—сказала она незнакомому и, медленно повернувшись къ нему спиною, вошла въ свою комнату.

Окинувши ее взглядомъ и давъ знакъ служителю выйти, она тяжело опустилась на софу и задумалась.

Все слышанное ею казалось ей ужаснымъ и невѣроятнымъ. Она была такъ потрясена и разстроена, что даже не могла плакать; голова ея тяжело опустилась на грудь; она почти мгновенно вся поблѣдѣла и осунулась; ноги ея подгибались, руки дрожали и отказывались служить, взглядъ мутился...

Наконецъ, она разразилась отчаянными рыданіями. Слезы ручьями лились по ея прекрасному лицу...

Наконецъ, она немного пришла въ себя. — Слезы ее облегчили...

— Ахъ!..—воскликнула она, вслухъ разговаривая сама съ собою. — И тебя, мой дорогой господинъ, постигла такая же участь, какъ и всѣхъ другихъ христіанъ!..—О, злая судьба!.. За что-же онъ, лучшій изъ людей, долженъ погибнуть, скажи мнѣ? — За что-же должна я овдовѣть во цвѣтѣ лѣтъ?—Зачѣмъ я останусь сиротою?..

Слезы душили ее... Она закрыла лицо руками...

— О, мой Адріанъ, мой добрый господинъ!..—продолжала она изливать свою жгучую скорбь. — Для чего ты погубилъ себя?.. Для чего мнѣ, бѣдной, оставаться теперь, жить безъ тебя?

Долго еще плакала Наталія, долго жаловалась на свою судьбу, но, наконецъ, уже и слезъ, и жалобъ не хватило. Она утомилась отъ долгихъ рыданій и тихо прислонилась къ спинкѣ дивана.

Въ ней самой теперь совершалась чудная переменна. Придя въ себя и немного оправясь, она стала разсуждать.

— Да!—говорила она. — Итакъ онъ въ тюрьмѣ... Въ тюрьмѣ за то, что онъ—христіанинъ... Другаго преступленія на немъ нѣтъ... Только это одно... но, по моему,

христіанство вовсе не такое преступленіе, какимъ его дѣлають... Оно не можетъ безчестить человѣка, какъ говорить его противники... Христіанство мнѣ знакомо, и святѣе, чище, нравственнѣе этого ученія я не знаю никакого другаго... Кромѣ того, множество честныхъ людей отдавали ему всю свою душу и гибли за него на плахѣ или на крестахъ... Они гибли спокойно, съ сознаніемъ своей правоты и истины своего ученія, съ чувствомъ собственного достоинства и исполненнаго долга... я помню всѣ эти рассказы о такихъ герояхъ... А теперь и мой господинъ будетъ въ числѣ ихъ... Но я объ этомъ даже никогда и не думала и не смѣла думать. А между тѣмъ это совершилось!.. О, мой дорогой Адріанъ!..

И вспомнивъ о своемъ супругѣ, молодая женщина опять заплакала.

— Но что-же такое «христіанинъ»?..—заговорила она опять, переставъ плакать и отирая слезы... Какое преступленіе скрывается за этимъ именемъ?.. Неужели вѣровать въ Пророка Божія Христа и въ то, что Онъ есть Сынъ Живаго Бога—есть преступленіе?.. Но, вѣдь, тогда и я—христіанка, тогда—и меня надо сажать въ тюрьму, пытать, безчестить и мучить?.. Я много разъ разговаривала объ этомъ съ моимъ господиномъ, и къ чему-же приводили всѣ наши разговоры? О, всегда къ одному!.. По моему мнѣнію, вѣра христіанская, всегда была, есть и будетъ—сама Божественная истина!.. И Адріанъ всегда раздѣлялъ это мнѣніе!.. О, какъ онъ счастливъ, что можетъ пострадать за его истину!..

И сказавъ это, Наталія опять зарыдала. Но это уже не были слезы горечи и ужасной, неутолимой скорби; это были радостныя слезы. Наталія въ первый разъ сознательно почувствовала въ себѣ, въ своей душѣ, что она можетъ назвать себя—*христіанкой!*

Эта мысль успокоила ее; она перестала плакать...

Между тѣмъ, по всему дому Адріана, разнеслась вѣсть о томъ, что господинъ заключенъ въ тюрьму. Вся прислуга страшно перепугалась и попряталась по разнымъ угламъ дома, а служанки подошли къ покоемъ Наталіи и, стоя въ дверяхъ, съ печальными лицами посматривали на свою госпожу, ожидая съ ея стороны какихъ-либо приказаній или распоряженій.

Наталія приказала приготовить ванну, всѣ самыя лучшія и дорогія свои одежды и другія принадлежности туалета и, когда все требуемое было готово, она вымылась, умастилась ароматами, причесалась, одѣлась и вышла изъ дому.

На дворѣ ее догнали слуги и служанки.

— Госпожа!.. Ужъ не покидаешь-ли ты насъ?.. заговорили слуги, останавливая ее и умоляющими взорами смотря ей въ лицо.

— Госпожа!.. Если ты уходишь, то возьми и насъ съ собою,—умоляли служанки, окружая Наталію и цѣлуя ей руки и одежду.

— Нѣтъ, нѣтъ, друзья мои!.. говорила Наталія, тронутая до слезъ. Я никуда не уйду... Я скоро вернусь домой... Я хочу тѣлько навѣстить своего и вашего господина... И сказавъ это, Наталія вышла изъ воротъ дома и отправилась въ тюрьму.

Она шла по улицѣ съ такимъ спокойнымъ выраженіемъ на лицѣ, что многіе знакомые, встрѣчаясь съ нею, говорили: О, бѣдное дитя, бѣдная Наталія!.. Она, вѣроятно, еще ничего не знаетъ о своемъ мужѣ, о томъ, чему онъ уже подвергся и что его ожидаетъ!..

Но Наталія знала!

Темница была на противоположномъ отъ дома Адріана концѣ города и когда Наталія подошла къ этому ужас-

ному зданію и оглядѣла его со всѣхъ сторонъ, то поблѣднѣла и затряслась отъ страха.

Передъ дверьми тюрьмы стояли на стражѣ два тяжело-вооруженныхъ воина.

— Могу-ли я войти въ темницу?.. — робкимъ и тихимъ голосомъ спросила Наталія одного изъ стражей, избѣгая, впрочемъ, смотрѣть на него. Я бы хотѣла навѣстить своего мужа!..

— Поди, спроси у тюремщика... это его дѣло...— грубо и нехотя отвѣчалъ воинъ и махнулъ рукою по направлению къ темницѣ.

Наталія зашла къ темничному сторожу и упросила его отворить ей темницу для того, чтобы повидаться съ мужемъ.

Тюремщикъ вышелъ къ ней, неся въ обѣихъ рукахъ ключи отъ темничныхъ дверей. Старикъ долго не сдавался на ея просьбы, наконецъ, тронулся ея мольбами и слезами, отперъ двери и выпустилъ ее внутрь тюрьмы, а самъ тотчасъ-же ушелъ обратно.

Невозможно представить себѣ того чувства, которое овладѣло душою Наталіи, когда она очутилась въ огромной, но нязкой и темной, сырой, какъ подвалъ, комнатѣ, сверху, снизу и съ боковъ устланной каменными плитами. Свѣтъ проникалъ сверху изъ маленькихъ — болѣе похожихъ на щелки — окошечекъ и позволялъ видѣть только одни очертанія огромныхъ, массивныхъ столбовъ, поддерживающихъ своды тюрьмы.

Когда Наталія вошла въ тюрьму, то эта тьма и тяжелый, спертый воздухъ такъ страшно поразили её, что она вся задрожала и непремѣнно-бы упала на сырой и холодный полъ темницы, если-бы чья-то услужливая, любящая рука не поддержала ее.

Какой-то человекъ подошелъ сзади къ Наталіи и поддерживалъ ее подъ спину.

Человѣкъ этотъ былъ Адріанъ!

— Не бойся, моя Наталія!..—заговорилъ онъ ободряющимъ голосомъ и тихо звеня на ходу ножными кандалами. Пойдемъ!.. Успокойся немного и Расскажи мнѣ, какъ это ты попала сюда?.. Я просто глазамъ своимъ не вѣрю, что вижу тебя!..

— Чему-же ты удивляешься, мой другъ?..—серьезно отвѣтила Наталія.—Неужели ты думаешь, что твоя Наталія способна отказаться отъ тебя только потому, что тебя постигло это страшное несчастье?.. Нѣтъ!.. Твоя жена никогда не откажется отъ тебя и пойдетъ даже за тобой въ тотъ надзвѣздный міръ, въ который, вѣроятно, скоро будетъ суждено перейти тебѣ,—если только нужна эта жертва...—Но что произошло съ тобой, Адріанъ?—Расскажи мнѣ все откровенно?..

И она съ надеждою глядѣла ему въ лицо, но вдругъ свѣтъ померкъ въ ея глазахъ и она, прислонившись къ плечу Адріана, горько зарыдала.

— Не плачь, моя дорогая подруга!—утѣшалъ Адріанъ, лаская ее.—Со мною не случилось ничего дурнаго, а только то, что такъ обычно у насъ въ настоящую пору въ Никоидіи и что постигло уже многихъ честныхъ людей Римской Имперіи. Ужаснаго тутъ ничего нѣтъ и не я—первый, не я—последній!...

— О! хорошо знаю это!..—сказала Наталія, переставъ плакать.—Ты въ темницѣ потому, что ты христіанинъ...

— А какъ ты смотришь на это, Наталія?..—спросилъ Адріанъ съ замѣтнымъ безпокойствомъ и тревогою.

— О, мой милый!..—отвѣтила Наталія съ живостію.—Я не только одобряю твой поступокъ, но еще жалѣю, что никакъ не могу увидѣть этого кровожаднаго Максиміана, чтобы со своей стороны тоже исповѣдать передъ нимъ Христову вѣру...—Я сама—христіанка, мой дорогой Адріанъ!..

— Ахъ, Наталія!—воскликнулъ бывший претороначальникъ, обнимая ее,—мы должны благодарить Бога за то, что Онъ, Милосердый Творецъ нашъ, далъ тебѣ такую душевную красоту и свободу мысли и ума, которыя не допускаютъ тебя до грубыхъ заблужденій и ошибокъ и помогаютъ тебѣ инстинктивно находить желанный исходъ и спокойную пристань... Но, Наталія, не хорошо мы дѣлаемъ, оставаясь здѣсь одни...—Вонъ, тамъ еще есть люди, которые страдаютъ также, какъ и я, за христіанство!.. Пойдемъ къ нимъ... Это мои друзья и соратники; мои товарищи по заключенію...

Наталія устремила взоръ во мракъ, окутывавшій всю темницу. Теперь только она увидѣла, что тамъ есть люди. Она увидѣла группу христіанъ, спокойно сидѣвшихъ на землѣ и тихо бесѣдовавшихъ между собою. Ихъ было 23 человѣка.

Эти люди были именно тѣ, допрашивая которыхъ, Адріанъ самъ призналъ себя христіаниномъ. Встрѣчая Наталію, они не могли подняться съ полу, такъ какъ тяжелыя оковы крѣпко держали ихъ, дѣлая излишними всѣ попытки встать.

Наталія вступила съ ними въ разговоръ и не переставала изумляться ихъ мужеству, спокойствію и равнодушію, которое они выказывали къ жизни. Ни ропота, ни упрека не вырвалось изъ ихъ устъ; къ своему ужасному, безвыходному положенію они относились совершенно спокойно, не находя его тяжелымъ и возсылая хвалу Создавшему ихъ Господу Богу, Божественному Сыну Его Іисусу Христу и Святому Духу.

Наталія вынесла самое отрадное впечатлѣніе изъ разговора съ ними, укрѣпляя ихъ въ желаніи мученическаго подвига и сама укрѣпляясь къ перенесенію предстоящаго ей тяжелаго испытанія.

Между тѣмъ, минуты свиданія были сочтены... Наталіи было время уже идти домой и глаза ея опять затуманились печалью. Сердце ея мучительно сжалось и она, заплакавъ, обратилась къ Адріану со слѣдующими словами:

— Смотри, Адріанъ!.. Вотъ я прощаюсь съ тобою...— мнѣ время уходить!..— Не поскользись, ради Бога, на томъ опасномъ и полномъ терній и соблазновъ пути, по которому Богъ велитъ тебѣ идти... Пусть ни муки, ни прельщенія не заставляютъ тебя отречься отъ Христа!.. Теперь я оставляю тебя... Да благословитъ-же тебя Богъ, дорогой мой супругъ!..— Она склонилась къ нему на плечо и заплакала.

— Будь спокойна, дорогая моя Наталія!..—отвѣчалъ Адріанъ слегка дрогнувшимъ голосомъ.—Если бы я хоть одинъ разъ помыслилъ только объ отступничествѣ, то повѣрь мнѣ я уже не былъ-бы тутъ и вернулся-бы къ тебѣ съ прежнимъ саномъ претороначальника и съ новыми почестями былъ-бы принятъ во дворѣ...—Максиміанъ умѣетъ вознаграждать вѣрныхъ своихъ слугъ,—прибавилъ онъ и горько усмѣхнулся.

— А когда васъ поведутъ на допросы и на пытку,—кто мнѣ дастъ знать объ этомъ?—спросила Наталія, отирая крупныя слезы.

— Я самъ тогда приду къ тебѣ,—отвѣтилъ Адріанъ.

— Спасибо тебѣ, другъ!.. Ну, а теперь—прощайте братья-христіане!.. Прощай, мой Адріанъ!.. Она крѣпко обняла и поцѣловала его.

— Прощай!—отвѣтилъ Адріанъ и долго смотрѣлъ на нее, какъ-бы запоминая эти дорогія для него черты.

Наталія опустила на колѣна, приподняла тяжелыя оковы мужа и прижала ихъ къ губамъ.

Слезы душили ее... Грудь судорожно поднялась, а въ глазахъ блисталъ огонь...

Она горячо поцѣловала желѣзо и въ какомъ-то непо-

нѣжномъ для нея самой восторгѣ произнесла сильнымъ, твердымъ голосомъ:

— А вы, кандалы, не тяготите слишкомъ ноги моего милаго господина!..

Сказавъ это, она тихо встала съ колѣнъ и вышла изъ темницы, не оглядываясь назадъ.

Силы — и физическія, и нравственныя покидали ее... Однако, очутившись на свѣжемъ воздухѣ, Наталія вскорѣ пришла въ себя...

Между тѣмъ, тюремщикъ замкнулъ ворота тюрьмы и теперь стоялъ подлѣ нея.

Наталія внимательно поглядѣла на него...

Это былъ глубокій старикъ, со сморщеннымъ, какъ печеное яблоко, но весьма добродушнымъ и симпатичнымъ лицомъ. Тяжелая и безсердечная служба тюремщика была ему далеко не по нраву. Честный и добрый старикъ часто оплакивалъ судьбу проходившихъ черезъ его руки узниковъ...

И теперь, стоя передъ Наталіей, онъ усиленно моргалъ своими подслѣшоватыми глазами, полными слезъ. Ему не хотѣлось, чтобы такая знатная госпожа обратила вниманіе на его грустное настроеніе, но онъ не могъ оторваться отъ этого прекраснаго, одушевленнаго страданіемъ и восторгомъ лица.

Но вотъ Наталія внезапно повернулась и прямо, въ упоръ, взглянула на него.

Старикъ быстро отвернулся... Наталія тоже...

И тотъ, и другая поняли другъ друга!.. Наталія нервно подернула плечами и опустила въ руку тюремщика нѣсколько мелкихъ монетъ... Старикъ, плача, склонился и поцѣловалъ ея тонкую, благовонную ручку...

Наталія тихими и медленными шагами вышла изъ тюрьмы и направилась въ свой — теперь осиротѣвшій домъ.

XV.

Положеніе заключенныхъ не поддается никакому описанію!..

По ихъ собственнымъ воззрѣніямъ, они были весьма счастливы:—душа ихъ была чиста и спокойна, совѣсть ни въ чемъ ихъ не упрекала; они страдали за истину и среди нихъ не было ни одного предателя или отступника, который-бы промѣнялъ вѣру Христову на тлѣнныя блага сей жизни.

А старый тюремщикъ, по своему, выказывалъ имъ свою любовь, извѣщая ихъ о всемъ, что дѣлалось въ городѣ, а также и о томъ, что и какія перемѣны могли ожидать ихъ въ будущемъ.

Но о развязкѣ,—т. е. о смертной казни или, какъ говорили сами христіане, *о вѣнцѣ мученическомъ*,—что-то уже долго не было слышно...

Наконецъ, однажды, въ неуказанное время, тюремщикъ вошелъ въ тюрьму и крѣпко затворилъ за собою двери.

Тщательно озираясь по сторонамъ и ошупывая передъ собою путь, тюремщикъ, наконецъ, остановился и громко произнесъ:

— Эй, вы, братья-христіане, тутъ-ли вы всѣ или чего добраго поразбѣжались?.. и онъ добродушно разсмѣялся.

— Здѣсь, здѣсь, старче!..—отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Ну-ка, зажгите-ка огоньку, а то здѣсь у васъ ничего не видно... Слѣдуетъ вамъ одну важную новость сообщить... — Въ голосѣ старика послышалась грустная нота...

Буковый факель вспыхнулъ легкимъ пламенемъ и обдалъ все помѣщеніе струею ѣдкаго и удушливаго дыма. Тюремщикъ подошелъ къ осужденнымъ, которые

съ нетерпѣніемъ ожидали услышать отъ него ту важную новость, которая привела его къ нимъ...

Но какую картину представляли они теперь?.. Оставались они въ томъ-же положеніи, въ которомъ ихъ доставили грубые и жестокіе воины въ это ужасное зданіе, называемое темницею,—въ этотъ ужасный каменный подвалъ, гдѣ скорпіоны были ихъ единственными друзьями, гдѣ неумолкну раздавался только звукъ однихъ оковъ, которыми они были опутаны,—та единственная—давящая и томящая сердце—музыка, на которую они были осуждены?..

Увы!.. Несчастные мученики сильно измѣнились съ тѣхъ поръ... Въмѣсто свѣжаго румянца, пылавшаго на ихъ щекахъ, лица ихъ были блѣдны; отъ сыраго и влажнаго воздуха каменныхъ стѣнъ тюрьмы, они всѣ страдали извурительною лихорадкою,—и вмѣсто здоровыхъ и сильныхъ мужей—это были теперь еле дышавшіе и двигавшіеся скелеты, ноги которыхъ были покрыты ранами, причиненными тяжестью оковъ. Они казались теперь пришлецами съ того свѣта...

Да это, впрочемъ, такъ и было!.. Люди эти уже не принадлежали этому міру... Но они все-таки были бодры и веселы и, ободряя другъ друга, не переставали говорить о тѣхъ высокихъ небесныхъ наградахъ, которыя ждали ихъ за кратковременныя муки на землѣ...

Одинъ изъ этихъ людей, осужденныхъ на муки, казался бодрѣе ихъ всѣхъ и могъ тихо прохаживаться по тюремной комнатѣ.

Этотъ человекъ былъ Адріанъ...

— Ну, какая-же новость?.. спросилъ Адріанъ тюремщика.

— Одинъ изъ воиновъ сказалъ мнѣ, братья-христіане, что завтра утромъ васъ поведутъ на допросъ къ самому кесарю Максиміану...

Слова эти темничный сторож произнесъ нерѣшительно и съ боязнью, что они произведутъ на заключенныхъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе но, къ изумленію своему, онъ увидѣлъ написанную на лицахъ всѣхъ непритворную радость. Христіане поздравляли друга друга съ наступленіемъ конца своихъ страданій а сидѣвшіе на землѣ близко одинъ къ другому обнимались между собою.

Тюремщикъ остоленѣлъ отъ изумленія..

— Наконецъ-то!.. произнесъ одинъ изъ христіанъ. Слава Богу, удостоились мы вѣнца!.. а другой прибавилъ радостнымъ голосомъ:

— Спасибо тебѣ, братъ нашъ во Христѣ, что ты принесъ намъ эту дорогую, желанную и радостную для всѣхъ насъ вѣсть!..

— Неужели это можетъ веселить васъ, братья?..—съ нескрываемымъ удивленіемъ и ужасомъ сказалъ тюремщикъ.

— А то какже?—возразилъ одинъ. Вѣдь ты знаешь ли, старче, что мы идемъ предстать не предъ кесаря, «а въ срѣтеніе Господне на воздушъхъ», къ Самому Господу и Спасителю Нашему Иисусу Христу, Сыну Вожию?

— Ахъ, дѣти, дѣти!.. не то съ укоризною, не то съ сочувствіемъ произнесъ старый тюремщикъ и горькія слезы полились изъ его подслѣповатыхъ глазъ. — Не знаете вы сами, что вы дѣлаете! .

— Нѣтъ!..—съ живостью заговорилъ Адріанъ, подходя къ старику и обнимая его. Не плачь, старикъ!.. О чемъ ты жалѣешь? . Брось!.. Ты тутъ не при чемъ! — Наоборотъ... и я, и всѣ мои товарищи много обязаны тебѣ:—ты обращался съ нами не какъ тюремщикъ, а какъ добрый отецъ со своими милыми дѣтьми... Не печалься-же! . Что намъ суждено,—того не миновать. Да мы, къ тому же, и счастливы. Ты слышалъ, что сказалъ мой товарищъ? Мы идемъ навстрѣчу къ своему Богу, чтобы въ

лицезрѣніи Его раздѣлить съ Нимъ покой, ждущій всѣхъ праведныхъ людей...

— Ахъ, мой милый юноша! — говорилъ тюремщикъ сквозь рыданія, цѣлуя Адріана, — я плачу изъ-за неправды, которая дѣлается здѣсь на бѣломъ свѣтѣ... я жалѣю вашу молодость...

— Утѣшься, добрый человекъ!.. — сказалъ Адріанъ. Перестань плакать, отри слезы и дозвожь намъ кое о чемъ посоветоваться...

— Охотно!.. отвѣчалъ старикъ и отошелъ отъ Адріана, предоставивъ узниковъ самимъ себѣ.

— Братъ!.. сказалъ Адріанъ, обращаясь къ товарищамъ по заключенію, — вы вѣдь общали женѣ моей Наталіи извѣстить ее о томъ, когда насъ поведутъ на допросъ и на муки. Нынѣ настало такое время; слѣдовательно, нужно исполнить наше обѣщаніе... Но какъ мы сдѣлаемъ это, братья?

— Не иначе, какъ это мы рѣшили и тогда, — т. е. ты пойдешь къ ней самъ и расскажешь ей объ этомъ, — отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Да! Только такъ это и возможно сдѣлать!.. — подтвердили и всѣ остальные.

— Но я въ оковахъ и содержусь подъ стражей также, какъ и вы!.. отвѣчалъ Адріанъ. Какъ-же я могу уйти къ Наталіи?..

— Да это очень легко сдѣлать!.. вмѣшался въ разговоръ старый тюремщикъ, который, стоя въ отдаленіи, до сего времени слушалъ весь разговоръ Адріана съ христіанами. — Я могу снять съ тебя оковы и выпустить тебя изъ темницы попозже къ вечеру... Сходи домой, только потсмъ возвращайся сюда, — иначе я не могу тебя выпустить!..

— Спасибо тебѣ, старикъ!.. — воскликнулъ Адріанъ веселымъ голосомъ.

— Смотри-же: — возвращайся настойчиво говорилъ сторожъ, а то мнѣ, — старику, — не сносить головы!.. — прибавилъ онъ.

— Успокойся, старикъ, не бойся!.. — Вѣдь, если-бы я захотѣлъ уйти отсюда, — я бы ужъ это давно сдѣлалъ, и ты знаешь какимъ путемъ... Но я не уйду, потому что вовсе этого не желаю!.. Будь-же спокоенъ, и если можешь сдѣлать это, то отпусти меня сегодня-же!..

— Хорошо!.. — отвѣчалъ старикъ, успокоившись. — Я вѣрю тебѣ!.. — И онъ пристально посмотрѣлъ на Адріана.

— Если ты все еще сомнѣваешься, — произнесъ Адріанъ, хорошо понявъ его тревожный взглядъ, — то я самъ могу и не идти, но только попрошу тебя отправиться ко мнѣ въ домъ и сказать моей Наталіи, что утромъ насъ поведутъ на допросъ...

— Но какъ-же я рѣшусь принести госпожѣ Наталіи такое черное извѣстіе?.. Нѣтъ я этого не сдѣлаю, а лучше отпущу тебя... Иди ты самъ и скажи ей все, что ты знаешь, а я принять этого на себя не могу... — Только смотри-же: — возвращайся!..

Христіане, а съ ними и Адріанъ, улыбнулись.

— Полно старикъ! — сказалъ одинъ изъ христіанъ, обращаясь къ тюремщику. — Не обманетъ, Адріанъ! — Вернется!.. — Но какъ же ты выпустишь его изъ тюрьмы, когда у воротъ стоитъ сильная стража!..

— О!.. Этого нечего опасаться!.. отвѣчалъ тюремщикъ, смѣясь, — я приглашу воиновъ къ себѣ и угощу ихъ виномъ, а когда они напьются и заснутъ, то я сниму съ Адріана оковы и выведу его изъ тюрьмы... Къ утру онъ вернется и никто ничего не узнаетъ..

— Отлично!.. — обрадовались христіане.

Сказано — сдѣлано. Когда совсѣмъ уже стемнѣло и въ городѣ прекратилось всякое движеніе, тюремщикъ звалъ къ себѣ воиновъ и усиленно сталъ угощать ихъ разными

закусками и напитками, а, когда они уже вдоволь упились, то онъ незамѣтно проскользнулъ въ тюрьму, расковалъ цѣпи Адріана и вывелъ его на улицу, напомнивъ ему на прощаньи еще разъ:

— Смотри-же, возвращайся,—прошу тебя!.. — Прошу тебя именемъ твоего Бога, твоей молодости, твоей прекрасной супруги... Пожалуйста, возвращайся!..

И старецъ съ надеждою смотрѣлъ на удалявшася Адріана...

XVI.

Лѣто 303-го года было нестерпимо жаркое!.. Тѣмъ пріятнѣе были для никомидійцевъ прохладныя августовскія ночи, свѣтлыя какъ день, полныя нѣги, благовопія и луннаго блеска...

Въ эти чудныя, дивныя ночи Никомидія не спала... Несмотря на то, что съ наступленіемъ сумерекъ движеніе на улицахъ пріостанавливалось до утра слѣдующаго дня, никомидійцы, пользуясь праздничнымъ временемъ, цѣлыми обществами проводили время на террасахъ и открытыхъ кровляхъ своихъ домовъ или въ садахъ, наслаждаясь влажнымъ воздухомъ мала-азіатской ночи, ярко-синимъ полнымъ звѣздъ небомъ и кроткимъ сіяніемъ мѣсяца...

Въ числѣ прочихъ и Наталія отдавалась чувству восторженнаго созерцанія пышно-ликующей природы... Съ самаго дня ареста Адріана Наталія безвыходно сидѣла дома и нигде изъ него не отлучалась.—Ея мысли были

неразлучны съ Адріаномъ; она похудѣла, согнулась и состарѣлась въ эти нѣсколько ужасныхъ дней, но все еще была бодра и крѣпка духомъ; уныніе только изрѣдка овладѣвало ею...

Однажды—поздно вечеромъ—она сидѣла передъ раскрытымъ окномъ въ своей комнатѣ и со слезами на глазахъ смотрѣла на полный и сверкающій серебромъ мѣсяць... Ночь была чудная:—именно одна изъ тѣхъ ночей, которыя только и знакомы намъ, жителямъ юга *), влажная, сіяющая, благовонная ночь...

Мысли толпою тѣснились въ ея головѣ и, наконецъ, вылились въ душу раздирающемъ воплѣ:

— А ты, мой милый, мой дорогой Адріанъ, не имѣешь теперь ни воли, ни возможности любоваться всѣми этими красотами нашей дивной, божественно-роскошной природы...

Какъ разъ въ это время сильный стукъ въ двери вставилъ ее очнуться отъ забытья...

— Кто тамъ?.. — произнесла она дрогнувшимъ голосомъ.—Войди!..

Въ двери вошелъ одинъ изъ ея домовыхъ слугителей.

— Госпожа!.. — началъ онъ нерѣшительнымъ и несмѣло-радостнымъ голосомъ.— Могу-ли я сказать тебѣ радостную вѣсть?.. Нашъ господинъ возвращается!..

*) Авторъ этого разсказа—уроженецъ южной прибалканской Сербіи.

— Что? .. — воскликнула Наталія. — Что ты говоришь?...—Какой господинъ?...

Она быстро поднялась со своего мѣста и подошла къ нему.

— Да вотъ идетъ нашъ господинъ Адріанъ!... — продолжалъ слуга радостнымъ голосомъ и съ улыбкой счастья на лицѣ.—Онъ сію минуту здѣсь будетъ...

— Откуда ты это знаешь?...

— Я самъ видѣлъ, какъ онъ шелъ сейчасъ по главной улицѣ, и опередилъ его, чтобы принести тебѣ эту радостную вѣсть...

— Да вправду-ли это Адріанъ?...

— Онъ, госпожа!..

— Хорошо!... Иди!..

Служитель вышелъ, а Наталія заперла двери и вернулась опять на свое мѣсто, къ окну.

— Откуда онъ?... — разсуждала она сама съ собою,— какъ онъ выбрался изъ темницы?.. Убѣжать онъ не могъ, такъ какъ, во-первыхъ, на подобную низость онъ ни за что не рѣшится, а во-вторыхъ, и темница тверда, и оковы тяжелы, и стража многочисленна, бдительна и сурова... Но, быть можетъ... Боже мой... Она не договорила и, склонившись на окно, глухо зарыдала.

— Быть можетъ, думалось ей, онъ отказался отъ Христа, опять возлюбилъ эту тлѣнную жизнь... опять идетъ свободнымъ и претороначальникомъ, а друзья его — христіане, продолжаютъ страдать въ темницѣ!.. Онъ навѣки закрылъ для себя входъ въ Царство Небесное... Онъ предалъ христіанство... О, Боже!..

Она плакала, и плакала горько и долго, при одной мысли, что ея дорогой, любимый мужъ Адріанъ вдругъ сдѣлался безчестнымъ человѣкомъ.

Она такъ отдалась этому своему воображаемому горю, что и не слыхала, что чья-то сильная рука стучится къ ней въ дверь уже довольно долгое время.

Наконецъ, она стала прислушиваться.

Первы ея начали успокаиваться, а новый сильный стукъ въ двери заставилъ ее вздрогнуть и въ испугѣ подняться со стула. Вслѣдъ затѣмъ, она услышала милый голосъ, звавшій ее:

— Наталія, дорогая моя Наталія!..

Радость, и страхъ невольно овладѣли ею. Она подбѣжала къ двери.

Но вдругъ страшная мысль остановила ее...

— А что, если я отворю предателю?..

— Наталія, Наталія, отвори-же... слышался умоляющій голосъ сваружи...

Наталія не шевельнулась и продолжала прислушиваться...

— Сестра Наталія!.. продолжалъ Адріанъ настойчиво. Отвори мнѣ... я хочу видѣть тебя... Еще, еще одинъ разъ— быть можетъ, послѣдній— я хочу увидѣться съ тобою, а тамъ я готовъ идти въ срътеніе моему Господу и предстать передъ Его престоломъ... Отвори-же,—умоляю тебя... Время дорого!.. Друзья ждутъ меня въ темницѣ и старики тюремщики беспокоятся о моемъ возвращеніи...

Эти слова вывели Наталію изъ оцѣпенѣнія... Сердце ея сжалось, но вмѣстѣ она и радовалась внезапному свиданію съ Адріаномъ, и притомъ не въ мрачной и смрадной темницѣ, а здѣсь, у себя въ домѣ, въ ея уютномъ и роскошномъ кабинетѣ...

Она съ легкостью газели побѣжала къ дверямъ, отперла ихъ и встрѣтила своего дорогого и столь поздняго нечаяннаго гостя.

— А ты не освобожденъ, мой милый?—спросила она, обнимая Адриана и съ любовію смотря ему въ глаза.

— Нѣтъ, дорогая моя!.. — отвѣтилъ онъ, цѣлуя ей лобъ, уста, плечи и руки.

— Но какъ-же ты сюда попалъ?..

— Нужно-же было исполнить, мой другъ, обѣщаніе, которое я далъ тебѣ: — извѣстить тебя о томъ, когда насъ поведутъ на муки... Вѣдь ты помнишь это?.. И вотъ друзья мои благословили меня на мой путь къ тебѣ, а старикъ тюремщикъ снялъ съ меня на это время оковы, чтобы я могъ безпрепятственно дойти до своего дома... Стражники-же теперь всѣ у него... Онъ ихъ поить...

— А я,—прервала Наталія его рассказъ,—подумала, ужъ не отрекся-ли ты отъ Христа... и такъ испугалась этой мысли, — прибавила она дѣтски-наивнымъ шепотомъ.

— О дитя, дитя!.. — проговорилъ Адрианъ тихимъ голосомъ, лаская и цѣлуя ее. И какъ это достало у тебя духу такъ думать обо мнѣ?.. Неужели-же ты меня еще не знаешь?.. это стыдно женѣ Адриана!.. я никогда этого не сдѣлаю!

— Ну, иди-же въ комнату,—сказала Наталія и, введя его къ себѣ въ кабинетъ, усадила его на диванъ и сама усѣлась съ нимъ рядомъ. Я еще незадолго до твоего прихода сидѣла вотъ у этого окна и смотрѣла на ясное небо и на этотъ чудный серебряный мѣсяцъ. Жалѣла, что ты не можешь наслаждаться теперь его лицезрѣніемъ и долженъ оставаться въ своемъ сыромъ и мрачномъ подвалѣ...

— Нагляжусь я на него еще вдоволь!..—проговорилъ Адрианъ, улыбаясь. Но теперь мой долгъ приготовиться въ тотъ далекій путь, который ведетъ въ надзвѣздное

царство, который освящается невещественнымъ и немерцающимъ, могучимъ свѣтомъ Святой Троицы, второе сильвѣйшимъ, чѣмъ всѣ свѣтила міра, взятыя вмѣстѣ, и при началѣ котораго теперь я стою...

Наталія поблѣднѣла, понурила голову и глубоко задумалась...

— Я пришелъ къ тебѣ, дорогая моя Наталія, сказать, что завтра насъ ждутъ муки и пытки...

Наталія вздрогнула и глухо зарыдала...

— Что съ тобою, дорогая сестра моя?!—спросилъ Адріанъ съ легкимъ укоромъ. Неужели ты боишься за меня?..

— О, вѣтъ, мой добрый и милый господинъ,—отвѣчала Наталія голосомъ, въ которомъ послышался восторгъ: я увѣрена, что за муки, которыя ты претерпишь здѣсь на землѣ, за эти кратковременныя страданія, ты получишь неизяснимое блаженство тамъ, на небѣ... Но... Наталія вдругъ остановилась.

— Что-же ты не говоришь дальше, Наталія?..—проговорилъ Адріанъ тихимъ голосомъ и пристально посмотрѣлъ ей въ глаза.—Время идетъ... Говори мнѣ все, что ты думаешь... Я скоро уйду и, быть можетъ, въ этой жизни мы съ тобой уже больше не увидимся...

Онъ замолчалъ, глядя на нее.

— Что-же я еще скажу тебѣ?..—отвѣчала Наталія. Самъ милосердый Богъ заботится о насъ, Своихъ вѣрныхъ рабахъ... Но я тебѣ хотѣла сказать, мой Адріанъ, не хочешь-ли ты повечерять со мною?..

— Не могу, моя дорогая сестра!.. Мнѣ пора вернуться... И мои друзья, и тюремщикъ ждутъ меня... Прощай, моя Наталія!

Адріанъ всталъ съ дивана; Наталія тоже поднялась за нимъ, держа его за руку.

— До свиданья, моя милая Наталія!..

— До свиданья, Адріанъ!.. Пусть Спаситель нашъ Христосъ Іисусъ придетъ къ тебѣ на помощь и укрѣпить твои силы въ предстоящемъ подвигѣ... Завтра мы увидимся съ тобою!..

Еще одинъ поцѣлуй и молодые супруги разстались... Адріанъ вышелъ на крыльцо, а Наталія, прислушиваясь къ звуку его шаговъ, долго смотрѣла ему вслѣдъ, и, когда Адріанъ, наконецъ, скрылся изъ виду, она тихо склонилась на окно и зарыдала...

Восходящее солнце встало ее спящую, съ головою, опущенною на руки.

XVII.

Между тѣмъ въ помѣщеніи тюремщика шло широкое веселье... Стражники усиленно угощались, а такъ какъ гостепріимный хозяинъ устроилъ предъ ними цѣлый столъ кувшинами и амфорами съ виномъ, — то солдаты пришли въ такой восторгъ, что позабыли и службу, и дисциплину... Не заботясь болѣе о караулѣ, они разсѣлись по скамьямъ, отпоясали свои мечи, сложили восторону прочее оружіе и весело пировали, смѣясь и разговаривая между собою.

Во всей этой дружеской бесѣдѣ не принималъ участія одинъ только человѣкъ и человѣкъ этотъ — былъ самъ хозяинъ.

Человѣкъ скромный, бѣдный и расчетливый, онъ неособенно любилъ такія пирушки и потому-то на лицѣ его читались суровость и неудовольствіе, несмотря на то, что онъ частенько и усердно упрасивалъ своихъ гостей не церемониться, а кушать и пить все, что есть на столѣ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ возбужденъ, какъ чело-
вѣкъ, который боится какой-либо опасности... Онъ не могъ
усидѣть на мѣстѣ, и часто вставалъ, переходя съ мѣста
на мѣсто, «какъ курица, которая готовится снести яйцо»,
говорили солдаты, смѣясь. Затѣмъ, онъ часто выходилъ
изъ комнаты и подходилъ къ дверямъ темницы, долго
смотря въ ту сторону, съ которой долженъ былъ придти
Адріанъ.

Уже блѣднѣлъ мѣсяцъ и на востокѣ загорался день,
когда старецъ, выйдя на улицу и опять долгое время
напрасно прождавъ Адріана, сумрачно вернулся въ
комнату, гдѣ пили и громко распѣвали пѣсни солдаты;
онъ отеръ крупныя капли пота, струившіяся съ его лба,
и проворчалъ сквозь зубы:

— Ну, а что, какъ онъ не придетъ?... — Что я тогда
несчастный, буду дѣлать?... Вѣдь погибну я, горемыка...

И при одной мысли объ этомъ, старецъ содрогнулся...

Воины, вообще, не обращали вниманія на частыя
отлучки старика и продолжали себѣ благодушно весе-
лится; но на этотъ разъ безпокойство тюремщика было
настолько велико и такъ ясно читалось на его лицѣ, что
и солдаты съ удивленіемъ поглядѣли на него... Безпо-
койство старика сообщилось и имъ, и десятникъ, который
былъ потрѣзвѣ ихъ всѣхъ и, какъ начальникъ, внима-
тельнѣе относился къ своей службѣ, подойдя къ старику,
тихо спросилъ его.

— О чемъ ты, дѣдушка, такъ безпокоишься?...

— Ни о чемъ!.. Что ты?!..—О чемъ мнѣ безпокоиться,
когда намъ такъ весело?...

— Да!... Но ты такъ часто выходишь изъ комнаты,
что мнѣ даже стало страшно, не убѣжали-ли заключенные
изъ тюрьмы!...

Десятникъ сказалъ это спроста, но тюремщику пока-
залось, что онъ какъ-будто на что-то намекаетъ, что-то

знаетъ или по крайней мѣрѣ о чемъ-то догадывается... Ему вспало на мысль, ужъ не узналъ-ли онъ, чего добраго, что Адріанъ отпущенъ?...

Старикъ струсилъ, но пересилилъ свой страхъ и спокойнымъ, равнодушнымъ тономъ отвѣтилъ десятнику (хотя придать этотъ тонъ ему было не легко):

— Что ты говоришь?... — Какъ они могутъ убѣжать, когда ключи отъ темницы у меня, и къ тому-же они крѣпко скованы?!..—Тамъ они всѣ; тамъ и Адріанъ съ ними вмѣстѣ...

И онъ вытащилъ изъ-за пояса огромную связку ключей и показалъ ихъ воину, какъ-бы удостовѣряя этого послѣдняго въ справедливости сказаннаго имъ...

— Да нѣтъ, нѣтъ, старикъ!... говорилъ десятникъ, смѣясь.—Я вѣдь только пошутилъ, я тебѣ вѣрю... — и, сказавъ это, предался самому шумному веселью, а старикъ, немного успокоившись, по прежнему время отъ времени выходилъ изъ комнаты и смотрѣлъ на встрѣчу Адріану...

Наконецъ, уже передъ самой зарей, выйдя изъ своего помѣщенія, старикъ-тюремщикъ издали увидѣлъ Адріана, медленно возвращавшагося въ темницу. Увидя его, старикъ отъ радости не зналъ, что и дѣлать...

Забывъ свои лѣта, онъ со всѣхъ ногъ бросился навстрѣчу къ Адріану, обнялъ его и горячо поцѣловалъ, говоря ему:

— Вотъ и спасибо тебѣ, голубчикъ, что ты сдержалъ свое слово и вернулся!... Спасибо тебѣ!...

— И тебѣ спасибо, дядя, что ты пустилъ меня сходять домой,—проговорилъ Адріанъ, смѣясь и цѣлуя старика,—ты не можешь себѣ представить, какое ты доставилъ мнѣ этимъ наслажденіе... Я бы никогда не позво-

лилъ себѣ покривить душою и, давши въ чемъ либо слово, не сдержать его... Ни вѣра, ни честь моя не позволять мнѣ этого!..

Тюремщикъ отворилъ темницу и впустилъ въ нее Адріана, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали остальные его товарищи по заключенію. За Адріаномъ вошелъ и онъ и вновь заковалъ его ноги въ оковы; затѣмъ, пожелавъ заключеннымъ спокойнаго сна, онъ отправился къ себѣ, тщательно заперевъ дверь темницы на ключъ...

— Какъ-бы теперь избавиться мнѣ отъ моихъ гостей,—думалъ онъ, взявшись за скобку дверей своей комнаты. Вѣдь, они теперь всѣ поголовно пьяны. Что мнѣ съ ними дѣлать?.. На стражу они все равно стать не могутъ, а оставить ихъ у себя—не могу... Да теперь они и не нужны мнѣ...

И въ самомъ дѣлѣ положеніе тюремщика было затруднительное,—тѣмъ болѣе, что онъ еще боялся неожиданной повѣрки караула...

О томъ, что они выпили все его вино,—онъ не жалѣлъ, такъ какъ это только облегчило его трудную задачу: — отпустить Адріана домой... Но теперь, — если-бы попойка все еще продолжалась,—тюремщикъ не очень-то порадовался-бы этому... Какъ мы уже сказали,—онъ былъ человѣкъ расчетливый, гостебичъ и попоекъ не любилъ и всякій лишній расходъ былъ для него раззореніемъ...

Съ этими мыслями онъ взялся за скобу двери и вошелъ въ свою комнату... А воины и не подозрѣвали, что въ эту минуту думаетъ о нихъ старикъ-тюремщикъ, и продолжали себѣ благодушно веселиться, допивая послѣднія амфоры...

Уже стало свѣтать, когда, наконецъ, десятникъ всталъ со своего мѣста и, ударивъ ладонью по столу, обратился къ присутствовавшимъ со словами:

— Время намъ, братья, расходиться... Кто изъ васъ

может держаться на ногах, совѣтую идти и стать на стражу, а остальные могут спать... Пройдетъ еще немного времени и явится смѣна, а тогда мы уже должны быть трезвы... Этого вы и достигнете: одни — отдыхая, а другіе — вдыхая свѣжесть утренняго воздуха... Итакъ, пора! Расходитесь, братцы, и дайте покой нашему дорожному хозяину, котораго поблагодаримъ хорошенько за угощеніе... Спасибо тебѣ, дядя! Да сохранять тебя боги!..

Тюремщикъ съ удовольствіемъ прослушалъ эту рѣчь... Онъ очень усталъ; устали и его гости, и всѣмъ былъ необходимъ живительный отдыхъ...

Шумной толпою поднялись воины изъ-за столовъ и тѣснились къ выходу. Но тутъ старый тюремщикъ оставилъ ихъ...

— Время, дѣти мои, уходить,—это такъ, правда, и я съ этимъ согласенъ,—проговорилъ онъ,—и у меня даже разболѣлась голова отъ этого жара, разговоровъ, шума, крика и пѣсенъ, такъ что я даже буду радъ, что вы уйдете, но еще одно слово...

— Ну! проговорилъ десятникъ, — чего-же еще нужно тебѣ... Говори!..

И онъ лукаво посмотрѣлъ на солдатъ, подмигивая и, какъ-бы, говоря:—Ну, послушаемъ, что-то скажетъ этотъ чудакъ!..

— Такъ вотъ, постойте!.. медленно продолжалъ старецъ. Выпьемъ мы еще одну чару на легкій сонъ!..

И онъ, отойдя всторону, вынулъ большой мѣхъ съ виномъ и передалъ его десятнику.

Десятникъ, получивъ мѣхъ, отхлебнулъ изъ него вина, затѣмъ передалъ его слѣдующему, а тотъ своему товарищу, и мѣхъ сталъ переходить съ рукъ на руки, пока, наконецъ, все вино, содержавшееся въ немъ, не было выпито. Тогда солдаты шумной гурьбой вышли изъ

комнаты тюремщика и разошлись по разнымъ угламъ тюремнаго зданія.

— Ну, все это хорошо уладилось!..—проговорилъ тюремщикъ довольнымъ голосомъ, когда остался одинъ. А вѣдь я могъ сильно пострадать. Однако порядочно они опустошили мой погребъ: вина ни капли, припасы вышли всѣ, и если-бы за все это я самъ расплачивался, то хотъ помирай съ голоду!.. Полное развореніе... Но такъ какъ за все заплатить добрая госпожа Наталія и заплатить вдесятеро, въ чемъ я увѣренъ, то мнѣ нечего бояться... Изъ ея нѣжныхъ ручекъ не мало перепадетъ мнѣ златницъ!.. Ахъ, какая это славная, добрая госпожа!.. Да пошлютъ ей боги здоровья и счастья!..

Равсуждая такимъ образомъ, старикъ собрался спать.

Мало-по-малу все въ этомъ грозномъ зданіи затихло и только изрѣдка тишину нарушали—въ комнатѣ тюремщика—громкое храпѣнье спавшаго, а на улицѣ окрики стражи да понемногу просыпавшійся къ дѣятельности городъ.

Вскорѣ яркое солнце залило всѣ улицы Никомидіи своимъ ослѣпительнымъ блескомъ, затопило окрестности и раскаленнымъ шаромъ всплыло надъ городомъ.

Веселымъ щебетаніемъ встрѣтили его птицы, радуясь наступившему дню.

XVIII.

День былъ чудный, но уже съ самаго утра начался такой зной, что всѣ предъидущіе нестерпимо-жаркіе дни могли почестъся прохладными въ сравненіи съ тѣмъ, что ожидало никомидійцевъ на этотъ разъ. Роскошное, ликующее утро уже жгло своимъ раскаленнымъ дыханіемъ;

всѣ, кому не было особенной нужды выходить изъ дому, укрылись въ самые тѣнистые и прохладные уголки своихъ жилищъ, опасаясь солнечнаго удара. Движеніе на улицахъ почти прекратилось, такъ какъ песокъ проѣздныхъ дорогъ такъ сильно раскалился, что жегъ ноги лошадей, и животныя отказывались ступать по нему.

Все замерло, все дремало, всюду была тишина.

Тѣмъ страннѣе было видѣть въ эту пору одинокую женскую фигуру, шествовавшую по улицамъ, ведущимъ къ темницѣ, гдѣ находился Адріанъ. Женщина эта, одѣтая весьма просто, безъ всякихъ украшеній на платьѣ, въ лѣвой рукѣ надъ собою несла большое опахало, а въ правой держала тоненькій, весь расшитый и пропитанный духами платокъ, который часто прикладывала къ своему пылающему отъ зноя лицу и стирала крупныя капли пота, катившіяся по щекамъ и челу.

Читатель уже догадался, конечно, что эта просто одѣтая женщина была никто иная, какъ Наталія. Излишне прибавлять, что и въ этомъ простомъ, темномъ одѣяніи жена бывшаго преторона начальника была также хороша, сохраняла ту же величественную и благородную осанку, какъ и тогда, когда она была окружена почетомъ, блескомъ и великолѣпіемъ, присутіемъ ея сану и богатствамъ.

Наталія съ намѣреніемъ одѣлась въ это простое, темное платье... она не хотѣла привлекать на себя чьихъ-либо любопытныхъ или участливыхъ взоровъ. Съ этою цѣлью она отправилась въ темницу даже одна, безъ слугъ и рабовъ, шла пѣшкомъ и даже сама несла довольно тяжелый пукъ страусовыхъ и павлиньихъ перьевъ, служившій опахаломъ.

Идти приходилось очень далеко, а страшный зной и тяжесть опахала такъ изнуряли ее, что на длинномъ пути—отъ дома до темницы—она не однажды отдыхала.

Дойдя-же до темницы, она почувствовала себя совершенно обезсилившей.

Прежде всего она зашла къ тюремщику. Старикъ изумился, увидя ее такъ просто одѣтою.

— Что съ тобою, милостивая госпожа?.. Я едва узналъ тебя!..—воскликнулъ онъ. Какъ это ты рѣшилась шествовать сюда одна, безъ слугъ, безъ носилокъ?..

Наталія, ничего не отвѣчая на его вопросъ, спросила его, пустить-ли онъ ее и сегодня въ темницу къ Адріану или, быть можетъ, такія свиданія уже запрещены начальствомъ?.. При этомъ, Наталія незамѣтно положила на столъ старика нѣсколько мелкихъ золотыхъ монетъ.

Маленькіе глаза старца замѣтили эту благодѣтельность онъ, осклабившись и склоняясь предъ *милостивой госпожей Наталіей*, вытащилъ изъ-за пояса огромный ключъ и завозился около тяжелой двери, открывая ее.

— Милостивая госпожа!..—говорилъ онъ, гремя затворами. Для тебя, такой доброй, все можно сдѣлать... Прошу тебя покорнѣйше, дай мнѣ поддержать, покамѣсть, твое опухало: оно, какъ видно, тяжелое, а ты устала...

— Мнѣ слишкомъ жарко, но я вовсе не устала,—отвѣтила Наталія, отклоняя эту *дружескую* услугу... Но прошу тебя,—если можно, вступи меня въ темницу... Я хочу видѣть своего мужа... я хочу скрыться отъ зноя...

Старикъ прекратилъ свои разпросы и молча отомкнулъ двери или, лучше сказать, ворота тюрьмы... Наталія быстро проникла подъ темные своды, но старикъ-тюремщикъ остановилъ ее на порогѣ, говоря:

— Подожди, госпожа, я сейчасъ принесу тебѣ свѣтильникъ, а то въ этой мглѣ ты ничего не увидишь...

Онъ быстро сбѣгалъ къ себѣ въ комнату и вернулся съ зажженнымъ факеломъ, который и подалъ ожидавшей его Наталіи...

Дымя и треща факеломъ, молодая женщина вошла

въ тюремную комнату..... Тюремщикъ заперъ за нею дверь...

Адріанъ радостно встрѣтилъ свою прекрасную супругу, обвилъ рукою ея талію и вмѣстѣ съ нею пошелъ по направленію къ своимъ товарищамъ, остальнымъ заключеннымъ христіанамъ,—которые съ восторгомъ привѣтствовали Наталію... Это былъ ихъ ангелъ-хранитель, свѣтлый лучъ сіяющаго майскаго солнца, нечаянно запавшій въ ихъ смрадную и темную яму, въ этотъ проклятый каменный мѣшокъ, который, однако, съ ея приходомъ всегда дѣлался для нихъ дворцомъ райскихъ наслажденій и утѣхъ...

Но они не могли подняться къ ней навстрѣчу, такъ какъ имъ мѣшали тяжкія оковы, опутывавшія ихъ тѣло...

XIX.

Подойдя къ христіанамъ, Наталія опустила на землю, воткнула въ землю факелъ и отвязала отъ пояса небольшой ящичекъ, который поставила около себя и начала бережно отпирать ключемъ. Ящикъ почему-то долго не отворялся; христіане и самъ Адріанъ съ любопытствомъ смотрѣли на работу Наталіи, и недоумѣвали, что могло бы заключаться въ ящичкѣ?..

Но дѣло скоро объяснилось: Наталія отперла ящичекъ и стала вынимать изъ него одинъ за другимъ бинты и платочки, а затѣмъ стеклянки съ бальзамами, маслами, мазями, сиропами и пластырями и съ другими укрѣпляющими лѣкарствами...

— Пришла я къ вамъ, братья,—начала Наталія, съ цѣлію принести возможное облегченіе... Рѣшила я помочь вамъ, чтобы вы легче могли перенести предстоящія вамъ страданія... Еще въ прошлый разъ я видѣла, какъ же-

стоко истерзали ваши ноги эти страшныя оковы; тутъ нужна скорая помощь и я постараюсь дать вамъ ее сегодня...

Съ этими словами она приступила къ своему великому дѣлу любви и милосердія!..

Молодая женщина говорила правду!.. Тяжелыя оковы развѣли мясо на ногахъ мучениковъ и образовали на нихъ глубокія раны, которыя отъ времени и воздуха засорились и наполнились червями... Эти живыя существа еще болѣе усиливали страданія заключенныхъ; но несчастные терпѣли ихъ въ молчаніи, зная, что стоны и жалобы не облегчатъ ихъ тяжелаго положенія... Исходомъ изъ него могли быть: или освобожденіе изъ тюремнаго заключенія и возвращеніе домой, или смерть. Но первое могло совершиться только въ томъ случаѣ, когда-бы они отступили отъ христіанства, на что никто изъ нихъ—несмотря на соблазны—согласиться не могъ, и потому единственнымъ исходомъ для нихъ оставалась смерть, которой осужденные ждали съ нетерпѣніемъ...

Тѣмъ не менѣе они были рады, когда увидѣли лѣкарства, принесенныя Наталіей, и почувствовали облегченіе отъ первыхъ перевязокъ, сдѣланныхъ ею.

— Спасибо тебѣ, сестра наша во Христѣ!.. — говорили они, обращаясь къ женѣ Адріана. Да благословить же тебя Господь Богъ за всю ту доброту, которую ты на насъ изливаешь въ такомъ изобиліи!.. Пусть Господь Іисусъ покроетъ тебя и защититъ отъ всякаго зла и неблагополучія, если на тернистомъ пути жизни тебя ждутъ испытанія!.. Да будетъ благословенно имя Бога Нашего, научившаго тебя служить Его славѣ и пославшаго тебя къ намъ на помощь!.. Да будетъ благословенно имя Господне отнынѣ и до вѣка... Аминь!..

Что касается до Адріана, то онъ былъ внѣ себя отъ радости при видѣ смѣлаго и прекраснаго поступка Наталіи. Онъ любовался, смотря, какъ нѣжно, старательно и любовно занимается жена дѣломъ милосердія; дивился умѣнію, съ какимъ она разсматривала и перевязывала раны, и приписывалъ все это Промыслу Божію, пекущемуся о людяхъ...

Онъ подошелъ къ Наталіи и горячо обнялъ ее...

— Сестра моя!..—сказалъ онъ громкимъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ:—я и не думалъ, что ты способна къ такому самопожертвованію; не ждалъ я и такого мужества отъ слабой женщины, воспитанной въ роскоши и вдали отъ жизни, полной бѣдъ, лишеній и тревоженій... Все это подвиги святой и высокой души, святой по своей простотѣ и высокой по вложеннымъ въ нее началамъ, твоей души, моя дорогая Наталія!.. Въ знакъ той великой благодарности, которую я къ тебѣ питаю, я, въ присутствіи товарищей по заключенію, позволяю себѣ дать тебѣ, моя Наталія, братскій поцѣлуй... Не велика эта награда, — продолжалъ онъ задыхающимся голосомъ, — но прошу тебя:—прими ее...—Я здѣсь, въ тюрьмѣ, лишень всего... только это я и могу дать тебѣ... этого мучители мои отъ меня не отнимуть...—Отъ переполненія чувствъ, Адріанъ не могъ продолжать; Наталія плакала и христіане были глубоко растроганы...

Мужъ и жена нѣжно поцѣловались, затѣмъ, Наталія, облегченная слезами, снова приступила къ исполненію своего прекраснаго христіанскаго долга...

Бережно, съ факеломъ въ рукѣ, разглядывала она раны на ногахъ больныхъ, затѣмъ очищала и смазывала тѣмъ или другимъ лѣкарствомъ и накладывала на нихъ бинты... Христіане радовались, чувствуя облегченіе...

Дѣло милосердія уже приближалось къ концу, какъ вдругъ передъ темницей послышались крики и звонъ ору-

жія... Вслѣдъ за тѣмъ, двери темницы отворились и осужденные увидѣли сильный отрядъ вооруженныхъ воиновъ. Но вмѣстѣ съ воинами было еще нѣсколько человекъ, носившихъ страшнаго вида орудія: это были бичи, клещи, воловьѣ жилы, зубья, деревянные и желѣзные пилы, вилы, лети и рѣшетки для поджиганія тѣла мучениковъ. Это были орудія пытки, коими мучили христіанъ.

Съ шумомъ ворвались воины въ темницу и, какъ лютые звѣри, смотрѣли на христіанъ. Видъ страшныхъ орудій распалилъ въ нихъ дикіе инстинкты и они съ нетерпѣніемъ ждали того момента, когда имъ дозволить приступить къ истязаніямъ...

Нѣкто—въ офицерской одеждѣ и со знаками отличія—грубо и размахисто вошелъ въ темницу.. Толпа раздалась... Цепуріонъ кричалъ, бранился и неизвѣстно за что ударилъ одного изъ воиновъ... Наконецъ, обратившись къ христіанамъ, сурово крикнулъ:

— Эй, кто изъ васъ Адріанъ—претороначальникъ,—т. е. *бывшій* претороначальникъ?.. произнесъ онъ, гордо поглядывая вокругъ себя и съ намѣреніемъ упирая на слово «бывшій».

Между воинами раздался смѣхъ. Начальникъ дерзко смотрѣлъ на христіанъ и нагло взглянулъ на Наталію, которую онъ только теперь замѣтилъ...

— Это я!..—отозвался Адріанъ, вставая съ пола и гремя тяжелыми кандалами...

— Впередъ!..—скомандовалъ офицеръ и запретилъ солдатамъ смѣяться.

Солдаты выстроились въ карре, Адріанъ всталъ между ними...

— Прощайте, братья!—произнесъ онъ съ чувствомъ, обращаясь къ христіанамъ:—одинъ Богъ только знаетъ, увидимся-ли мы съ вами еще хоть одинъ разъ?!

Наталія бросилась къ Адріаву, обняла его и, зады-
хаясь отъ слезъ, тихо прошептала:

— Да будетъ надъ тобою сила Господа Іисуса, мой
дорогой, мой милый супругъ и другъ... Пусть Онъ, Все-
могущій, дастъ тебѣ столько мужества, столько крѣпости,
чтобы ты могъ перенести всѣ тѣ пытки и муки, которыя
достанутся тебѣ на долю отъ этихъ слугъ антихристовыхъ,
твоихъ злыхъ мучителей!..

— Да сохранить тебя Богъ, Адріанъ, и да спасетъ
Онъ твою душу!..—сказалъ одинъ изъ заключенныхъ:—ты
первый изъ насъ удостоишься вѣнца мученическаго, и
мы всѣ, вѣроятно, скоро послѣдуемъ за тобою!..

— Дай Богъ!.. — съ чувствомъ подтвердилъ другой,
крестясь и крестя издали Адріана...

— Ты страдаешь во славу Бога; ты страдаешь за имя
Христа Спасителя,—за имя Сыва Божія!..—прибавилъ
третій,—ты счастливъ, Адріанъ!..—Памятуй лишь, что за
кратковременныя страданія здѣсь, на землѣ, ты получишь
вѣчныя награды тамъ, на небѣ... Только не отрекись отъ
христіанства, постарайся предстать чистымъ и праведнымъ
передъ величепріятнымъ Судіею нашимъ—Богомъ!..

Онъ перекрестилъ Адріана...

— Ну, довольно!.. грубо прервалъ офицеръ.

Адріанъ вырвался изъ объятій жены и твердымъ ша-
гомъ направился къ дверямъ... На порогъ онъ на ми-
нуту замедлил свой шагъ, обернулся и еще разъ ска-
залъ своимъ друзьямъ:

— Прощайте!.. Прощай, моя Наталія!..

Съ этими словами онъ вышелъ изъ тюрьмы, слѣдуя
за рядами воиновъ, а тяжелыя двери темницы съ глухимъ
шумомъ замкнулись за нимъ...

Между тѣмъ въ темницѣ воцарилась мертвая тишина... Наталія и осужденные напряженно прислушивались къ шуму, доносившемуся до нихъ съ улицы и отъ воротъ тюрьмы... Тамъ кричали и спорили солдаты, слышались отдѣльные возгласы, ругательства и дикіе, бессмысленные крики да уныло и однообразно звенѣли на ходу оковы Адріана...

Мало-по-малу шумъ становился все тише и глуше, звонъ оковъ понемногу замиралъ въ отдаленіи... Потомъ раза два или три еще донесся этотъ печальный и рѣзкій душу звукъ и, наконецъ, исчезъ.

Мертвая тишина водворилась и внутри... Ее первая прервала Наталія:

— Простите меня, братья мои во Христѣ!.. — сказала она, кланяясь заключеннымъ...—Я такъ была взволнована всѣмъ, что здѣсь произошло, что и позабыла о своей обязанности, которую добровольно приняла на себя...—Но я такъ страдаю, такъ страдаю страданіями моего добраго господина...—Она горько заплакала...

Оправившись немного, Наталія продолжала еще съ большимъ рвеніемъ свое дѣло... Ухаживая за страдальцами, она, какъ будто, хотѣла забыть свои собственныя страданія, но слезы неудержимо текли по ея блѣдному и прекрасному лицу и орошали ноги мучениковъ...

А когда работа Наталіи была окончена, она тутъ-же, около христіанъ, мирно улеглась на сыромъ и холодномъ полу и, закрывши глаза, забылась больнымъ и тяжелымъ сномъ...

Скоро впрочемъ она въ испугѣ вскочила на ноги и съ ужасомъ осматривалась кругомъ...

— Что съ тобою, сестра?..... — спросили христіане,

крайне удивленные и испуганные ея поступкомъ и растеряннымъ, почти безумнымъ видомъ,—что съ тобою?.. Чего ты испугалась?.. Расскажи намъ!..

— Ахъ, братья мои! — отвѣчала Наталія жалобнымъ голосомъ... — Увидѣла я такіе ужасы, что мнѣ страшно даже объ нихъ вспоминать, а не то что говорить...—Но я все-таки должна ихъ вамъ рассказать...

— Что-же ты намъ расскажешь?.. спросили христіане съ любопытствомъ... — Говори, сестра!.. Мы съ нетерпѣніемъ готовы тебя выслушать!..

Наталія стояла, опустила голову...

Она съ минуту помолчала еще и затѣмъ тихо проговорила:

— Во снѣ мнѣ явился...—я видѣла... моего—Адріана...

— Ну, и что-же? — Говори, говори, сестра... повторяли осужденные, съ тревожной радостію глядя на блѣдное и растерянное лицо Наталіи...

— Что мнѣ говорить?..—отвѣчала Наталія протяжно и вдругъ вся какъ-то выпрямилась и пошатнулась...—Ахъ!..—воскликнула она потомъ, наклонившись впередъ и вытягивая руки... Глаза ея расширились, она говорила шепотомъ...—Ахъ!..—Онъ уже удостоился вѣнца мученическаго... Я видѣла его блѣднаго, окровавленнаго, съ улыбкой на устахъ... Затѣмъ она вскрикнула и безъ чувствъ повалилась на полъ...

Вся эта сцена страшно потрясла христіанъ... Съ одной стороны, высокая духовная радость о томъ, что другъ и братъ ихъ во Христѣ, дорогой ихъ Адріанъ, уже, быть можетъ, вкушаетъ теперь райскіе восторги и наслажденія; съ другой, недавняя помощь ихъ страданіямъ, поданная Наталіей, сдѣлала то, что нѣкоторые изъ нихъ, вдругъ почувствовавъ въ себѣ облегченіе и возвратъ прежнихъ юношескихъ силъ, вскочили на ноги и бросились къ Наталіи на помощь, приводя ее въ чувство...

— Помолитесь, братья!.. — сказалъ одинъ изъ хри-

стіанъ...—чтобы Богъ даровалъ намъ, рабамъ Своимъ, и брату нашему—мученику Адріану силы, терпѣніе и кротость въ перенесеніи лютыхъ тѣлесныхъ мученій, какъ подобаеть христіанамъ; а сестрѣ нашей Наталіи—мужества и самоотверженія въ перенесеніи нравственныхъ страданій, и да пошлетъ Онъ ей утѣшеніе и вѣнецъ праведницы въ небесахъ...

— Помолитесь!...—воскликнули всѣ и вмѣстѣ съ Наталіей воспѣли восторженную хвалу Богу.

ГЛАВА XX.

Въ этотъ же самый день, съ ранняго утра, Максиміанъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Лицо его было озабочено и имѣло озлобленный видъ.

Окна въ кабинетѣ были отворены и благовонный воздухъ несся изъ сада освѣжая удушливый зной.

Максиміанъ подошелъ къ одному изъ раскрытыхъ оконъ, постоялъ около него; затѣмъ вернулся къ письменному столу и сердито утѣлся въ кресло, пробормотавъ:

— «Кажется и сегодня будетъ сильная жара!...»—

Онъ сидѣлъ довольно долго, но, отдохнувши, снова принялся за свою обычную работу: за прочтеніе хартій, лежавшихъ передъ нимъ на столѣ... Вѣроятно, извѣстія, полученныя имъ изъ провинцій, были далеко неутѣшительны, такъ какъ лицо его—злое и темное—становилось все мрачнѣе и мрачнѣе... Наконецъ, онъ уже не могъ болѣе сдерживать себя, въ бѣшенствѣ вскочилъ съ кресла и бросилъ на полъ одну изъ хартій, которая имѣла несчастіе разозлить его.

Внявъ себя отъ гнѣва, онъ быстрыми шагами сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, не имѣя возможности

произнести и одного слова... Злоба душила его, онъ дико озирался по сторонамъ.

— Пропало мое государствованіе!.. Пропалъ Римъ!..— воскликнулъ онъ. — Христіанство усиливается, всюду проникаетъ, грозитъ захватить всю имперію.... Теперь оно утвердилось тамъ, гдѣ прежде о немъ не было и помину... Что же могутъ сдѣлать мои намѣстники, мои вѣрные слуги, когда я самъ, вотъ здѣсь, въ своей столицѣ, въ своемъ дворцѣ, ничего не могу сдѣлать съ этою ересью?..— Я, непобѣдимый кесарь, стою во главѣ непобѣдимыхъ легионовъ, но мнѣ измѣняютъ лучшіе офицеры и чиновники,—измѣняютъ тѣ, на кого я рассчитывалъ!..—Крамолы растутъ!..—Что дѣлать? что дѣлать!

Максиміанъ отеръ потъ на челѣ и, подумавъ немного, крикнулъ:

— Вогіі!..

Адъютантъ показался въ дверяхъ кабинета.

— Ну, что съ Адріаномъ?—спросилъ императоръ насмѣшливо.—Какъ онъ поживаетъ?

— Онъ въ темницѣ, Государь!—отвѣтилъ Вогіі тихимъ голосомъ.

— И онъ остается христіаниномъ?—спросилъ императоръ.

— Такъ точно!—отвѣтилъ Вогіі.

— Пошли за нимъ солдатъ! Пусть они приведутъ его... Да на случай упорства, пусть принесутъ и орудія пытокъ!..

— Слушаю! отвѣчалъ Вогіі и вышелъ отдать нужныя распоряженія, а Максиміанъ опять усѣлся въ кресло и продолжалъ просматривать столь сердившія его хартіи.

Выраженіе лица его часто мѣнялось: то блѣднѣло, то краснѣло... Сегодня онъ получилъ такую массу депешъ, какъ никогда... Депеши были срочныя и интересныя, но самаго тяжелаго интереса... Давно уже императоръ не получалъ такихъ непріятныхъ извѣстій и поэтому

былъ сильно разстроенъ... И если-бы даже, въ эту минуту, онъ столкнулся съ кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ людей, которыхъ онъ цѣнилъ и уважалъ, то и эта встрѣча не доставила бы ему удовольствія... Что-же сказать о тѣхъ несчастныхъ, на которыхъ могъ обрушиться гнѣвъ его?..

И вотъ въ эту-то страшную минуту, Адріанъ приближался къ жестокому императору...

Звонъ тяжелыхъ оковъ и шумъ на дворѣ возвѣстили Максиміану о приближеніи его жертвы... Онъ бросилъ хартію, которую просматривалъ, всталъ со стула и вышелъ изъ кабинета.

Черезъ нѣсколько минутъ, Адріанъ былъ передъ Максиміаномъ... Какъ непохоже было это свиданіе на тѣ, когда Адріанъ былъ наверху могущества и славы!...

Взоръ кесаря затуманился и онъ стоялъ, молча и съ сожалѣніемъ поглядывая на Адріана...—А какой это былъ прекрасный воинъ и придворный!..—думалъ онъ и горькая усмѣшка искривила его губы... Но Адріанъ стоялъ передъ Максиміаномъ съ спокойнымъ и безстрастнымъ лицомъ!..

И въ самомъ дѣлѣ Максиміанъ могъ полюбоваться на него!.. Несмотря на долгое заключеніе въ сырой и мрачной тюрьмѣ Никомидійской,—Адріанъ не потерялъ своей величественной осанки и благороднаго вида; онъ по-прежнему смотрѣлъ прямо и гордо, не опуская глазъ предъ императоромъ!..

Присутствіе Максиміана ничуть не испугало его и, когда онъ поднималъ глаза и прямо вперилъ ихъ на императора, то въ нихъ читалась холодная строгость и презрѣніе къ кровожадному человѣку.

Это спокойствіе смутило Максиміана. Онъ понималъ, что не таковъ гордый духъ Адріана, чтобы его могли сломить кандалы и тюрьма, и онъ рѣшилъ подѣйствовать на Адріана насмѣшкою...

Еще нѣсколько секундъ стояли они, молча, другъ противъ друга. Наконецъ императоръ прервалъ молчаніе... Кровь бросилась ему въ голову и онъ хриплымъ голосомъ проговорилъ:

— Итакъ, мой милый, ты пришелъ сюда для того чтобы отказаться отъ христіанства?.. Хвалю тебя за твою вѣрность императору!.. — Я зналъ, что Адріанъ, какъ провинившееся дитя, придетъ просить прощенія къ своему отцу!.. Не правда-ли?

И, сказавъ это, Максиміанъ дико захохоталъ.

Адріанъ спокойно посмотрѣлъ на императора и также спокойно отвѣтилъ:

— Я пришелъ сюда, государь, по твоему повелѣнію!..

— Ну, и по-прежнему упрямисься и называешь себя христіаниномъ?..

— Напрасно, ты государь, выражаешься такъ!.. — Христіанство есть та широкая и спокойная ладья, которая черезъ волны бушующаго моря нашихъ человѣческихъ страстей выносить на себѣ ищущихъ спасенія людей и доносить ихъ до тихаго пристанища блаженной жизни за гробомъ... Быть христіаниномъ еще не составляетъ, по моему, преступленія; въ самомъ названіи этомъ нѣтъ ничего гнуснаго и позорнаго, и тебѣ, государь, христіане никакого зла не сдѣлали и не дѣлаютъ...

— Что?.. Тебѣ не кажется гнуснымъ, что ты являешься разрушителемъ того, что существовало за много вѣковъ до насъ, что служило устоемъ Имперіи?.. Тебѣ не кажется гнуснымъ быть бунтовщикомъ?..—закричалъ Максиміанъ.

Онъ помолчалъ немного и затѣмъ насмѣшливо прибавилъ:

— Адріану, кажется, нравится быть христіаниномъ!.. Онъ не находитъ въ этомъ имени ничего позорнаго для себя или безчестящаго его родъ... Ну, чтожъ?..—Быть можно, это званіе и много почетнѣе званія претороначальника!.. Ну, чтожъ, Адріанъ, тогда тебѣ придется вос-

пользоваться и всѣми тѣми почестями, которыя сопряжены съ этимъ высокимъ званіемъ,—тѣми почестями, которыми пользуются отъ меня и всѣпрочіе христіане!.. Ха, ха, ха!—злбно засмѣлся императоръ: —А вѣдь тебѣ, Адріанъ, за все то высокое духовное наслажденіе, которое ты испытываешь теперь, пожалуй, придется перенести и нѣкое малое тѣлесное огорченіе?... А?... Что скажешь?... Впрочемъ, ты самъ, по собственной охотѣ, заслужилъ его!... Не лучше-ли было заблаговременно отказаться отъ христіанства?!... Ну, да дѣло сдѣлано, а разъ сдѣлано,—ты можешь выйти отсюда! А вы, — сказалъ императоръ, обращаясь къ стражѣ, приведшей Адріана, — постарайтесь исправить этого христіанина и вернуть его на путь истины и спасенія тѣмъ, что имѣете въ своихъ рукахъ. Проводите его съ честью на дворъ, гдѣ я прикажу выдать ему пышную и величественную награду за его непоколебимую вѣрность мнѣ и моему престолу... Идите-же и выполняйте то, что я вамъ приказалъ.... Я буду смотрѣть въ окно...

Вслушавъ рѣчь императора, Адріанъ спокойно и съ достоинствомъ поклонился ему и вышелъ изъ кѣмнаты. Въ этотъ-же мигъ цѣлая туча ударовъ обрушилась на него... Но онъ шелъ медленно, прямо и съ гордо поднятой головой, какъ-будто не чувствуя ударовъ и боли отъ нихъ... Воины шли за нимъ по пятамъ, нанося ему тяжкіе удары, но онъ ни на минуту не ускорялъ своего шага, а, напротивъ, какъ будто еще замедлялъ его...

Такъ дошли они до окна Максиміанова кабинета, а императоръ стоялъ у окна и смотрѣлъ на эту ужасную картину истязаній своего бывшего преторона начальника...

— Ну, чтоже, долго ты намѣренъ оставаться христіаниномъ?... — спросилъ его Максиміанъ, высовываясь изъ окна и кровожадно улыбаясь.

— Я умру имъ, Государь! — отвѣтилъ Адріанъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— Плохо-же вы исправляли его!... — замѣтилъ императоръ воинамъ. — Нѣтъ-ли у васъ съ собою еще чего-нибудь, что оказало-бы больше вліянія на упругую христіанскую спину?...

Послѣ этихъ словъ произошла небольшая передышка:— воины, какъ-бы совѣтовались между собою, выбирая орудіе мученія... Наконецъ, послѣ краткаго, но жаркаго спора, воины стали колоть Адріана своими копьями во всѣ части тѣла, прорывая и раздирая кожу до крови... Между тѣмъ, еще отъ предъидущей пытки, когда воины наносили Адріану жестокіе удары, у него потоками лилась кровь изъ носа, ушей и рта...

Послѣ продолжительныхъ истязаній измученный Адріанъ палъ наконецъ на землю замертво и лежалъ безъ движенія, весь покрытый ранами и кровью.

— Остановитесь! — закричалъ Максиміанъ воинамъ, боясь, что подъ ихъ ударами Адріанъ умретъ, и затѣмъ громко спросилъ:

— Ну, а ты, безумный человѣкъ, еще и до сихъ поръ признаешь себя христіаниномъ?...

— Да, Государь, я — христіанинъ!... — едва слышно отвѣтилъ Адріанъ.

Эти слова привели Максиміана въ ярость.

— Бейте и мучьте его, какъ знаете!—закричалъ онъ воинамъ, нервно кусая губы и сжимая руки до боли. Бейте, мучьте!—хрипѣлъ онъ, чувствуя, что его самого оставляютъ силы и что взоръ его отъ ярости мутится и тускнѣетъ...

Тогда воины со всѣхъ сторонъ набросились на Адріана и, какъ дикіе звѣри, стали топтать его, бить копьями, палками и другими орудіями, бросали въ него камнями, волочили по землѣ и истязали всевозможными способами. Все это они дѣлали для того, чтобы заслужить милость императора....

На Адріанѣ не было, что называется, живаго мѣста, а грудь и спина были такъ истерзаны, что глядѣть на

нихъ было страшно. Удары падали съ такою силою, что кровь брызгала во всѣ стороны и обливала стоявшихъ около людей. Сами палачи съ ногъ до головы были забрызганы ею и даже по лицамъ ихъ струилась кровь мученика, и они удивлялись, откуда у этого христіанина столько крови...

Максиміанъ оправился немного и снова подошелъ къ окну. Когда онъ увидѣлъ всю эту страшную картину на дворѣ, и истерзаннаго мученика, то, быть можетъ, въ первый еще разъ во всю свою жизнь, имъ овладѣлъ ужасъ. Но, быть можетъ, также и единственный разъ въ жизни, именно въ этотъ самый день, этотъ бездушный человѣкъ, который съ недостигаемой высоты своего престола мучилъ, казнилъ и умерщвлялъ безъ всякаго милосердія огромныя массы людей, — почувствовалъ тѣнь раскаянія въ своей кровожадности....

Взглянувъ внизъ, онъ вздрогнулъ и отшатнулся отъ окна... Блѣдное лицо его покрылось краскою стыда или негодованія, и онъ громко и грозно отдалъ воинамъ приказаніе кончить свою кровавую потѣху... Адріанъ лежалъ безъ голоса и движенія въ цѣломъ морѣ своей собственной крови....

— Христіанинъ-ли ты еще?... громко крикнулъ Максиміанъ, уже не допрашивая Адріана, а просто желая убѣдиться, живъ-ли онъ еще или уже жизнь оставила его...

— Христіанинъ—и умру имъ, Государь!..—едва слышно отвѣчалъ Адріанъ.

— Отнесите его въ темницу!... — сказалъ, понизивъ голосъ, Максиміанъ и, шатаясь, весь блѣдный, отошелъ отъ окна, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и стирая съ лица крупныя капли холоднаго пота...

Въ то же время четыре воина скрестили копыя и, положивъ на такое военно-походное ложе Адріана, понесли его въ темницу.

ГЛАВА XXI.

Страдальческая участь, постигшая Адриана, глубоко поразила жителей Никомидии. Повсюду только и слышались разговоры, что о послѣднемъ христіанскомъ процессѣ; мысли всѣхъ витали около «несчастнаго» Адриана...

— Неужели Адрианъ въ темницѣ? — спрашивали другъ у друга обитатели Никомидии. — Этого быть не можетъ!... — Адрианъ — претороначальникъ?... — Нашъ дорогой Адрианъ?... — Неужели онъ можетъ быть въ чемъ-либо обвиненъ?... — Неужели онъ — измѣнникъ или государственный преступникъ?... — Ахъ!... онъ страдаетъ невиннымъ!....

— Но, вѣдь, онъ — христіанинъ!... говорили люди искавшіе обогащенія на счетъ казенныхъ, и на эти слова никто не отвѣтилъ.... Головы всѣхъ съ тяжелой душой опускались на грудь, и вопрошавшіе и сомнѣвающіеся, молча, расходились по домамъ, дабы безплоднымъ сожалѣніемъ о влопотаніи вѣкогда дорогаго имъ человѣка не навлечь на самихъ себя лютыхъ бѣдъ и злосчастій...

Въ скоромъ времени о несчастной судьбѣ Адриана уже знала и громко, не стѣсняясь, сожалѣла вся Никомидія.

Многочисленные родственники и друзья его лили горькія слезы о его страданіяхъ въ ужасной темницѣ, а всѣ бѣдняки города Никомидии глухо роптали и волновались, такъ какъ вся та богатая помощь, которую они получали изъ дома Адрианова, изъ «дома милосердія» всей Никомидии, прекратилась въ тотъ-же самый день, какъ Адрианъ былъ брошенъ въ темницу.

Безпрестанно разспрашивая другъ друга объ Адрианѣ, жители Никомидии уже хорошо знали, въ какомъ положеніи онъ находится и какъ живетъ въ своемъ заключеніи;

узнали наконецъ и о томъ, что Наталія посылаетъ его, принося ему и заключеннымъ съ нимъ узникамъ вещественную и духовную помощь.

Эти рассказы, проникая въ народъ, превращались въ сверхъестественныя сказанія; чернь волновалась, и имя Адріана и Наталіи тысячу тысячъ разъ на день повторялось, напутствуемое благословеніями и благопожеланіями.

Но этимъ, однако, дѣло не ограничилось: нѣсколько женщинъ, родственницъ заключенныхъ христіанъ, побуждаемые высокимъ чувствомъ христіанской любви, послѣдовали смѣлому примѣру Наталіи. Онѣ сговорились между собою, захватили перевязки, лѣкарства и съѣстные припасы и отправились въ темницу.

Это случилось, какъ разъ, въ тотъ день, когда Адріана повели на допросъ къ кесарю.

Что Адріанъ будетъ приведенъ для допроса къ самому кесарю,—объ этомъ хорошо знала вся Никомидія еще за часъ до самаго допроса..... Когда воины шли за Адріаномъ въ темницу, неся съ собою многочисленныя орудія пытки, то они не преминули сообщить торговцамъ о цѣли своей страшной прогулки по городу.....

Вѣсть о томъ, что Адріанъ будетъ отведенъ на допросъ къ цезарю, а затѣмъ, вѣроятно, и подвергнутъ пыткамъ, произвела страшное волненіе по всей Никомидіи.

Немедленно-же за проходомъ солдатъ торговцы затворили всѣ магазины города, укрѣпили ихъ болтами и, боясь возстанія черни, завалили всѣ двери и проходы къ нимъ. Хозяева гостинницъ и тавернъ сдѣлали тоже самое и, большею частью, сами затворились въ своихъ домахъ, трепеща за свою жизнь и за цѣлость своего имущества. Многимъ-же, кромѣ того, было тяжело видѣть мученія Адріана. Но среди этихъ людей нашлись и такіе, которые отправились ко дворцу цезарей, желая все увидѣть своими собственными глазами и дожидаться конца или развязки такъ глубоко заинтересовавшаго ихъ дѣла.....

А между тѣмъ, женщины приближались къ темницѣ... О томъ, что Адріанъ будетъ преданъ пыткѣ, онѣ слышали мимоходомъ, но не обратили особеннаго вниманія на эту вѣсть..... Поэтому онѣ надѣялись застать Адріана въ темницѣ и не слишкомъ торопились.....

Но, увы! — Адріана онѣ уже не нашли на мѣстѣ его заключенія.....

ГЛАВА XXII.

Мы оставили христіанъ — товарищей Адріана по заключенію и Наталію въ тотъ самый моментъ, когда они, преклонивъ колѣна, молились Всемогущему Богу о ниспосланіи имъ силъ въ предстоящемъ трудномъ подвигѣ.....

Внезапно они прекратили молитву, такъ какъ необычайный шумъ передъ дверями темницы отвлекъ ихъ отъ ихъ благочестиваго занятія. Нѣсколько женскихъ голосовъ, казалось, спорили о чемъ-то съ тюремщикомъ, густой голосъ котораго гремѣлъ и покрывалъ ихъ. Христіане и Наталія стали прислушиваться.....

Сначала они думали, что то воротились воины, уведшіе Адріана. Но голоса женщинъ поразили ихъ; не слышали они также и шума оружія, и обычныхъ ругательствъ грубыхъ и жестокосердыхъ солдатъ, и звона цѣпей, надѣтыхъ на ноги Адріана. Тогда они поняли, что кто-либо изъ родственниковъ пришелъ навѣстить ихъ и сильно обрадовались. Обрадовалась съ ними и Наталія, которой было очень пріятно, что у нея нашлись послѣдователи или послѣдовательницы.....

Вдругъ двери темницы съ шумомъ распахнулись и глазамъ заключенныхъ предстала неожиданная картина..... Сперва они такъ изумились, что не могли даже сказать и слова, и только, широко открывъ глаза, смотрѣли на входящихъ; но понемногу они пришли въ себя и встрѣтили вошедшихъ радостными криками.....

А въ тюрьму вошли: во-первыхъ, старый сторожъ съ доброй улыбкой на сморщенномъ лицѣ, а за нимъ виднѣлась цѣлая вереница плачущихъ женщинъ, въ которыхъ заключенные узнавали: кто—жену, кто—мать и сестру и т. д. Всѣ эти женщины были съ узелками и мѣшечками и еще издали, съ порога тюремной комнаты, улыбались своимъ мужьямъ, братьямъ и дѣтямъ и простирали къ нимъ руки.

— Вотъ я вамъ и гостей привелъ,—весело сказалъ темничный сторожъ, пропуская женщинъ и затворяя за ними двери тюрьмы.

— Восхвалимъ Господа Иисуса!..—Живъ Господь нашъ отнынѣ и до вѣка!... — раздавались громкія привѣтствія со стороны женщинъ.

— И есть, и будетъ!...—отвѣчали христіане.

— Мы пришли,—сказала одна изъ женщинъ, обращаясь къ осужденнымъ,—воодушевленные примѣромъ нашей милой и дорогой сестры Наталіи, чтобы помочь ей и послужить вамъ въ облегченіи вашихъ язвъ, носимыхъ вами во имя Христова.....

— Хорошо сдѣлали, что пришли къ намъ; вы — наши добрыя сестры!.. — произнесъ одинъ изъ заключенныхъ, не давая ей высказаться.

— Такъ, такъ!... подтвердили другіе.

Въ это время тюремщикъ принесъ три свѣтильника, которые разомъ освѣтили тюрьму..... Женщины расположились около узниковъ, развертывая принесенные ими съ собою узелки.....

Вдругъ, около тюрьмы опять послышался шумъ.... Опять растворились ворота и четыре воина вступили въ темницу, неся на скрещенныхъ копьяхъ истерзаннаго и окровавленнаго Адріана.....

Наталія поднялась съ пола и нѣсколько секундъ стояла молча, шатаясь и безсознательно смотря на эту ужасную картину..... Но затѣмъ, она схватилась руками за голову,

пронзительно вскрикнула и бросилась къ воинамъ, вносившимъ полумертваго Адріана въ темницу...

Она опустилась на колѣна передъ окровавленнымъ тѣломъ своего господина и покрывая поцѣлуями его руки и лицо, плача и ломая руки, восклицала:

— О, мой дорогой другъ, мой милый господинъ!...

— Утѣшься, Наталія, съ трудомъ произнесъ Адріанъ, — я не отрекся отъ христіанства и сподобился пострадать за имя Христа.....

— О, пусть будетъ благословенъ твой терновый путь! — прошептала Наталія, заливаясь слезами..... Воины грубо оттолкнули ее.

Въ это время вошелъ въ темницу офицеръ, — тотъ самый, который такъ дерзко кричалъ на Адріана въ моментъ арестованія послѣдняго..... Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на женщину, пристально посмотрѣлъ на каждую, какъ-бы желая запомнить черты ихъ..... Затѣмъ, позвалъ тюремщика и сурово спросилъ его:

— А зачѣмъ здѣсь эти женщины?—Ты службы своей не знаешь?

— Прости меня, господинъ, — отвѣчалъ старикъ, испугавшись строгаго начальника; я впустилъ этихъ женщинъ потому, что онѣ — жены заключенныхъ христіанъ....

— Но какже смѣлъ ты ихъ сюда впустить?... — горячился офицеръ, сжавъ брови и сердито топая ногами. — Какъ ты смѣлъ?—Я тебя спрашиваю!...

— Да почему-же и нѣтъ?... — отвѣчалъ тюремщикъ, оправляясь, и въ его голосѣ послышалось болѣе удивленія, чѣмъ страха.—Вѣдь этого мнѣ никто не запрещалъ!...

— Хорошо!... Завтра-же ты получишь объ этомъ указъ!... — грубо перебилъ его центуріонъ и вышелъ изъ тюрьмы вмѣстѣ съ тюремщикомъ.

Воины осторожно положили Адріана на землю и вышли..... Долго еще было слышно, какъ кричалъ центуріонъ, но, наконецъ, все стихло.....

Когда водворилась тишина и тюремщикъ вновь заперъ ворота тюрьмы, то всѣ оставшіеся въ темницѣ подошли къ Адріану.

Ужасная картина представилась глазамъ присутствующихъ: Адріанъ лежалъ безъ движенія, какъ мертвецъ; онъ былъ весь покрытъ ранами и кровью, а изъ ранъ,— изъ которыхъ нѣкоторыя были страшно широки и глубоки, такъ что пальцы рукъ легко могли войти въ нихъ,— торчали щепы и занозы отъ палокъ, которыми били Адріана...

Эта картина была ужасна!...

Христіане, припавши къ мученику, съ плачемъ цѣловали его лицо, руки и ноги, восклицая:

— Братъ нашъ, братъ во Христѣ!... Миръ тебѣ!...

Но тѣмъ не менѣе и эта ужасная картина не поколебала мужества христіанъ, а напротивъ закалила ихъ въ перенесеніи предстоящихъ имъ скорбей..... Они завидовали Адріану, что онъ уже вынесъ муки за имя Христово и съ нетерпѣніемъ ожидали своей очереди, готовясь перенести всѣ пытки не съ озлобленіемъ, а съ радостью и мужествомъ.....

Такое-же точно настроеніе сообщилося и Наталіи..... Она вдругъ почувствовала въ себѣ новыя силы, новый приливъ энергіи.....

— Милыя подруги!—воскликнула она громкимъ голосомъ, обращаясь къ окружавшимъ ее женщинамъ, — идите сюда, перевяжемъ раны моему дорогому господину.....

Женщины тотчасъ-же послѣдовали ея приглашенію. Онѣ осторожно перевязали раны Адріана, затѣмъ, также осторожно, заставили его принять нѣсколько глотковъ вина, принесеннаго одною изъ нихъ.....

Тогда Адріанъ открылъ глаза и съ трудомъ осмотрѣлся вокругъ себя.

— Спасибо тебѣ, Наталія, за ласку твою и за память обо мнѣ, — слабымъ голосомъ сказалъ онъ, обращаясь къ своей женѣ.....

Наталія горько заплакала, но Адріанъ сдѣлалъ видѣ, будто не замѣтилъ этого, и съ трудомъ повернулъ лицо свое къ женщинамъ.

— Благодарю васъ, дорогія сестры!...—Пусть за эту великую любовь вашу наградитъ васъ Господь и Спаситель вашъ Іисусъ Христосъ!...

Женщины, слушая его рѣчь, горько плакали.....

Тогда Адріанъ обратился къ своимъ товарищамъ по заключенію.....

— И вамъ, братья мои во Христѣ, я приношу большую благодарность,—сказалъ онъ тѣмъ-же тихимъ и спокойнымъ голосомъ,—вы дѣлите со мною, тягость моего заключенія; вамъ же я обязанъ еще и за то, что чрезъ васъ, чрезъ вашу твердость въ вѣрѣ и я сдѣлался ученикомъ Христовымъ..... — Онъ остановился и перевелъ духъ.....

Христіане плакали, думая, что онъ умираетъ, и, дѣйствительно, рѣчи его походили скорѣе на прощальное привѣтствіе умирающаго.

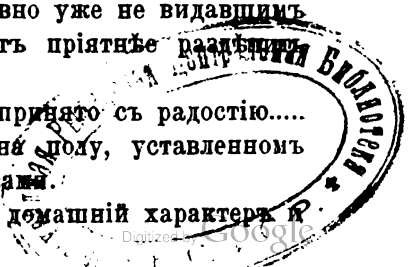
ГЛАВА XXIII.

Но когда прошли первыя изліянія скорби, одна изъ женщинъ, обращаясь къ присутствовавшимъ, громко сказала:

— Братья и сестры!... Время идетъ и, быть можетъ, мы должны скоро покинуть этотъ храмъ вашей славы и вашихъ страданій..... Поэтому приступимте къ трапезѣ..... такъ какъ и вамъ, братья мои, давно уже не видавшимъ своихъ домовъ и семействъ, будетъ пріятнѣе раздѣлится ея съ нами.....

Предложеніе это всѣми было принято съ радостію..... Тотчасъ-же всѣ расположились на полу, уставленномъ блюдами съ разнообразными яствами.

Эта скромная трапеза имѣла домашній характеръ и

прошла довольно оживленно. Одинъ только Адріанъ не могъ принять въ ней участія и Наталія взяла на себя трудъ накормить его.

Послѣ обѣда наступило прощаніе. Женщины ушли, унося съ собою тревожное чувство объ участи дорогихъ заключенныхъ, и общали осужденнымъ вновь вернуться на другой день.

Но когда наступилъ слѣдующій день и женщины, дѣйствительно, вернулись къ темницѣ, то тюремный сторожъ, не допуская ихъ даже до двери, громко объявилъ имъ новый императорскій указъ, которымъ на будущія времена воспрещалось посѣщать узниковъ въ темницѣ ихъ женамъ и вообще какимъ-бы то ни было родственницамъ.

Въ опасныя и трудныя минуты жизни человѣкъ иногда рѣшается на такія мѣры, о которыхъ ему и на мысль не придетъ въ обыкновенное время. Такъ и Наталія нашла, казалось, средство обойти императорскій указъ, воспрещавшій женщинамъ навѣщать своихъ мужей въ темницѣ.

Ея сердце горѣло желаніемъ послужить своему дорогому и измученному пыткой господину и она, не разсуждая долго, рѣшилась на опасную попытку еще разъ пробраться въ тюрьму и увидѣть Адріана...

Быстро сообразивъ, что нужно дѣлать, Наталія позвала къ себѣ одну изъ вѣрнѣйшихъ и преданнѣйшихъ своихъ служанокъ. Эта женщина служила еще родителямъ Адріана; на ея скромность и опытность Наталія могла вполнѣ положиться.

Въ комнату вошла старая сгорбленная лѣтами женщина. Наталія усадила ее подлѣ себя и начала съ нею бесѣдовать.

Неизвѣстно о чемъ именно бесѣдовали между собою молодая госпожа и старуха-служанка, и долго-ли длилась ихъ бесѣда, — но только кончилась она тѣмъ, что старуха

встала со своего мѣста и, взявъ ножницы, сръзала длинную и густую косу Наталіи.

Спустя часъ изъ дома бывшего претороначальника вышелъ красивый молодой человѣкъ, почти мальчикъ, одѣтый хотя бѣдно, но настолько опрятно, что легко могъ быть принятъ за слугу или отпущенника какого-нибудь небогатаго господина. Этотъ юноша смѣло направлялъ свои шаги къ главной тюрьмѣ города Никомидіи и былъ никто иной, какъ сама любящая жена Адріана—Наталія.

Она прошла въ такомъ видѣ черезъ всю Никомидію и никому изъ встрѣчавшихся ей по пути не приходило и въ голову, что этотъ прекрасный, статный юноша—вовсе не мужчина, а женщина и при этомъ еще богатая и знатная женщина.

Достигши тюрьмы, Наталія прежде всего зашла въ комнату тюремщика.

Тюремщикъ при появленіи ея всталъ и пристально посмотрѣлъ на молодаго человѣка. Лицо его показалось старику знакомымъ, но онъ не могъ припомнить, гдѣ онъ видѣлъ этого молодаго человѣка.

Пока онъ раздумывалъ объ этомъ, Наталія приблизилась къ нему и, по своему обыкновенію, положила ему на столъ нѣсколько крупныхъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ.

— Здравствуй, дядя! — сказала Наталія, улыбаясь.

Старикъ узналъ голосъ Наталіи, но отъ изумленія едва проговорилъ:

— Боги да сохраняютъ тебя подъ своимъ покровомъ, мой сынъ! — да только сдается мнѣ, что ты.... не мужчина.... или ужъ я старъ становлюсь?...

Наталія постаралась улыбнуться.

— Не старишься ты, дядя!.... Я, дѣйствительно, Наталія, жена Адріана:—но я знаю тебя, какъ человѣка добраго, и увѣрена, что ты пропустишь меня къ моему доброму

господину.... Тебя не проведешь, да и обманывать тебя— грѣхъ! Другое дѣло войны.... Съ тѣми нужно дѣйствовать осторожноѣе...

И она съ мольбою посмотрѣла на старика..

Бя просьбы, а также и видѣ золота, подѣйствовали на тюремщика. Подумавъ немного, онъ наконецъ поднялся съ мѣста и, взявъ ключи, промолвилъ, обращаясь къ Наталіи:

— Ну, идемъ, моя добрая и милостивая госпожа!.. Все я, старикъ, сдѣлаю для тебя...—и повелъ ее въ темницу.

— Охъ, не легка моя служба,—бормоталъ онъ гремя ключами и затворами. Наталія вошла въ темницу и по-вдоровавшись съ христіанами, которые встали приея приходѣ, опустилаь на колѣни около истерзаннаго Адріана и покрыла слезами и поцѣлуями его руки, лицо и голову.

Адріанъ открылъ глаза.

— Кто этъ?—произнесъ онъ слабымъ голосомъ.

— Адріанъ! неужели ты не узнаешь меня, своей жѣны, своей Наталіи?—спрашивала молодая женщина, глядя ему въ глаза.

— Ахъ, это ты, моя дорогая Наталія!—отвѣтилъ Адріанъ съ улыбкою.

— Я... я, мой милый, мой дорогой другъ, мужъ и господинъ!..

— Благодарю тебя, моя дорогая.... Спаситель нашъ вознаградить тебя за твое самоотверженіе!..

ГЛАВА XXIV.

Въ то время, какъ христіанки, подъ видомъ молодыхъ людей, посѣщали заключенныхъ въ главной тюрьмѣ города Никомидіи, во дворцѣ императора Максиміана происходили совершенно другія сцены.

Императоръ былъ по-прежнему суровъ и сосредото-

ченно-молчаливъ. Влестящіе приемы и аудіенціи прекратились и только два человѣка изъ приближенныхъ къ императору имѣли къ нему доступъ во всякое время и не боялись бесѣдовать съ нимъ о текущихъ дѣлахъ въ государствахъ.

Эти два человѣка были—Ветурій и Вогій.

Впрочемъ, съ недавняго времени, Ветурій все рѣже и рѣже сталъ появляться на глаза Максиміана, такъ какъ вѣсти, приходившія къ императору изъ разныхъ окраинъ государства, становились болѣе утѣшительными. Препфекты и проконсулы писали императору, что число христіанъ постоянно уменьшается и что въ самое короткое время ихъ и вовсе не будетъ въ Римской Имперіи.

Казалось, эти извѣстія могли бы утѣшить императора, и, дѣйствительно, они разогнали морщины на его суровомъ и вѣчно мрачномъ челѣ. Будь всякій другой человѣкъ на мѣстѣ Максиміана онъ непременно высказалъ-бы, или, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ души своей ощутилъ бы сожалѣніе о такомъ множествѣ погубленныхъ людей, Максиміанъ-же отнесся къ этому совершенно равнодушно,—или, лучше сказать, даже радовался истребленію своихъ «враговъ», какими считалъ христіанъ.

Вотъ и теперь Максиміанъ съ удовольствіемъ прочитывалъ депешу, полученную изъ одной отдаленной провинціи, правитель которой извѣщалъ его объ энергическихъ мѣрахъ, предпринятыхъ имъ противъ исповѣдниковъ христіанства.

Прочитавъ полученное извѣстіе, Максиміанъ всталъ со стула, походилъ нѣкоторое время по кабинету и, наконецъ, подошелъ къ дверямъ.

— Вогій!.. Поди сюда!—закричалъ онъ въ залу, открывая двери своей комнаты.

Черезъ нѣсколько секундъ адъютантъ вбѣжалъ въ

*

кабинетъ и, отдавъ воинскую честь императору, безмолвно и какъ вкопанный остановился на порогѣ комнаты, ожидая, когда Максиміанъ обратится къ нему съ вопросомъ или съ приказаніемъ.

— Что—заговорилъ императоръ, медленно пропуская слова,—что слышно объ Адріанѣ и остальныхъ его друзьяхъ—христіанахъ?..

— Оня, Государь, въ темницѣ... Адріанъ лежитъ безъ движенія и не сегодня—завтра умереть; прочіе также на очереди,—отвѣчалъ Вогій.

— Ну, и отлично!.. Чего-же еще ждать?.. А женщины, что-же, ухаживаютъ еще за ними, и по прежнему проводятъ дни и ночи въ темницѣ?

— Нѣтъ, Государь!.. Съ тѣхъ поръ, какъ отданъ приказъ не впускать женщинъ въ темницы, еще ни одной не было; не было также и попытокъ проникнуть къ христіанамъ съ помощію подкупа сторожа или часовыхъ... Только нѣсколько молодыхъ людей ежедневно навѣщаютъ темницу, стараясь облегчить участь узниковъ...

Но Вогій еще не договорилъ, какъ императоръ уже вспыхнулъ.

— Какъ?.. Молодые люди? Какіе молодые люди? Откуда? Зачѣмъ? Кто ихъ пускаетъ? Это—измѣна, Вогій! Быть можетъ, эти мальчишки тоже христіане?

— О, нѣтъ, Государь, успокойся! Они слишкомъ невинны, чтобы быть христіанами. Они родственники осужденныхъ и приходятъ только провести съ ними время и нѣсколько облегчить тяжесть—ихъ оковъ и горькой тюремной жизни...

— Но, вѣдь, въ такомъ случаѣ они могутъ заразиться христіанствомъ отъ осужденныхъ, Вогій? Тогда и съ ними мы будемъ имѣть множество затрудненій и непріятностей. Подумалъ-ли ты объ этомъ?.. Вѣроятно, нѣтъ... А я думаю, что дальнѣйшее пребываніе христіанъ въ

тюрьмѣ совершенно для насъ неудобно и не соотвѣтствуетъ нашимъ интересамъ... Итакъ, совѣтую тебѣ, Богій, позаботиться о томъ, чтобы дѣло ихъ было поскорѣе покончено!

— Осмѣлюсь доложить твоей божественности, Государь, — робко и почтительно замѣтилъ Богій, — что дѣло уже давно-бы могло быть покончено, если-бы христіане могли предстать передъ судомъ; но, къ сожалѣнію, этого сдѣлать невозможно... Что-же повелишь, Государь? Повелѣвай—я слушаю...—И Богій склонился на одно колѣно предъ Максиміаномъ.

Максиміанъ слегка задумался. Но это замѣшательство продолжалось недолго.

— Я покончу съ ними сейчасъ-же!.. — сказалъ императоръ, понемногу входя опять въ свое нормальное состояніе, т. е. злое возбужденіе.—Рѣшать—такъ рѣшать! Одинъ ударъ—и всему конецъ! Иди сейчасъ-же и приготовь все, что нужно къ казни... Да выбери родъ казни по-суровѣе, такъ какъ ослушники моей воли заслуживаютъ самыхъ примѣрныхъ наказаній и пытокъ. Приговоръ можешь исполнить и въ тюрьмѣ. Не нужно никакихъ торжественностей.

Богій всталъ съ колѣнъ.

— Но, Государь, какъ же это безъ всякаго суда и приговора?..—воскликнулъ онъ, крайне удивленный.

Эго замѣчаніе еще болѣе увеличило гнѣвъ императора Максиміана.

— Иди, негодяй!.. Дѣлай то, что я повелѣлъ!..—прохрипѣлъ онъ, безцеремонно выталкивая адъютанта изъ дверей своего кабинета. — Какой тебѣ еще судъ, какой приговоръ! Я самъ тебѣ судъ, самъ — приговоръ! Убирайся пока цѣлъ да голова еще на плечахъ держится. Понялъ ты это?

— Понялъ, Государь!.. — отвѣчалъ трепещущій Богій и тотчасъ же удалился.

Максиміанъ живо подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ изъ дворца двинулось по направленію къ темницѣ страшное шествіе, состоявшее изъ небольшого отряда пѣшихъ воиновъ, окружавшихъ телегу, нагруженную огромною желѣзною наковальнею и нѣсколькими тяжелыми чугунными молотами.

Только что шествіе двинулось и кесаревъ дворъ опустилъ, Вогій снова вошелъ въ кабинетъ Максиміана и быстро отрапортовалъ императору, что все, что было приказано его божественностію, исполнено въ точности.

Но императоръ не обратилъ вниманія на слова адъютанта и жадно слѣдилъ за всѣми движеніями удалявшихся воиновъ-палачей, представляя въ своемъ развращенномъ воображеніи всѣ муки, которыя должны были перенести несчастные христіане.

А муки, дѣйствительно, предстояли ужасныя!

ГЛАВА XXV.

Между тѣмъ воины-палачи, достигши темницы, сняли съ телеги наковальню и молоты, отворили дверь въ темницу и войдя въ нее, разставили эти ужасныя орудія пытки и смерти среди христіанъ. Съ ними вмѣстѣ вошла и темничная стража. Тутъ-же около христіанъ находились и жены узниковъ.

Расположившись полукругомъ у двери, воины скрестили копья; изъ среды ихъ выдвинулся офицеръ и, обратившись къ узникамъ, произнесъ:

— Христіане! Вы осуждены на смерть... Намъ приказано убить васъ наиболее тяжелою и позорною казнью... Съ этою цѣлью и принесены сюда эти страшныя орудія—наковальня и молоты. Вамъ будутъ раздроблены руки и ноги, а на послѣдокъ головы, дабы вы умерли въ жесто-

кихъ мукахъ... Такова воля кесаря и преступить ее мы не можемъ. Но и милость кесаря къ вамъ неизреченна: онъ общаетъ вамъ прощеніе всѣхъ вашихъ преступленій, возвратъ къ прежнему благополучію и награды всѣмъ, кто отречется отъ Христа и своей вѣры, Слѣдовательно, спасеніе ваше зависитъ отъ васъ самихъ, въ противномъ-же случаѣ жаловаться на кого либо вы не имѣете права... Я сказалъ вамъ все; теперь ваша очередь отвѣчать мнѣ.

Съ величайшимъ спокойствіемъ выслушали христіане эту жестокую рѣчь и одинъ изъ узниковъ просто и кратко отвѣтилъ на нее:

— Мы останемся христіанами, а ты дѣлай, зачѣмъ посланъ сюда!..

— И такъ, друзья, за дѣло!.. — приказалъ офицеръ, повернувшись къ воинамъ.

Воины окружили христіанъ...

Между тѣмъ, Наталья, не покидавшая Адріана ни на минуту и съ ужасомъ смотрѣвшая на страшныя приготовленія къ казни и на все, что происходило около нея, наклонилась къ своему мужу и тихо прошептала:

— Господинъ мой!.. Не лучше-ли бы было, если-бы ты первый далъ примѣръ всѣмъ этимъ христіанамъ, какъ нужно умирать за имя Христа... А то, быть можетъ, среди ихъ найдется и такой, который изъ страха передъ этими муками или ради кратковременной прелести земной жизни отречется отъ Небеснаго Царствія и лицезрѣнія Божественнаго лика Христа нашего Спасителя?..

На самомъ дѣлѣ Наталія не столько боялась за другихъ, сколько за того-же ея дорогаго мужа, за Адріана... На одну только минуту въ ея головѣ блеснула мысль, тягостная мысль о томъ, что больной Адріанъ, вдругъ увидя страшныя приготовленія къ мучительной смерти, можетъ пасть духомъ и отказаться отъ Христовой вѣры... И вотъ, она тутъ-же обдумала планъ силою своей души и

многолюбящаго сердца помочь Адріану войти въ небесное Царствіе, врата котораго уже были раскрыты для него... Она предложила Адріану умереть первымъ... И Адріанъ покорно и кротно согласился на это...

— Да я покажу имъ примѣръ мой вѣрный и дорогой другъ!.. Скажи центуріону, что я первый готовъ умереть,—отвѣтилъ Адріанъ.

Наталія съ радостнымъ лицомъ обратилась къ распоряжавшемуся казнью офицеру:

— Мой господинъ, — сказала она, — просить тебя, центуріонъ, чтобы надъ нимъ первымъ свершили лютую казнь, какъ повелѣлъ императоръ...

Офицеръ пожалъ плечами:

— Странное желаніе у твоего господина, — сказали онъ съ насмѣшкою, — но, впрочемъ его воля и я не могу въ этомъ противорѣчить... Ну, мы готовы, торопись тогда! — и онъ, повернувшись къ воинамъ, продолжалъ безжалостно шутить надъ обреченными на лютую смерть...

Между тѣмъ Адріанъ, припадая къ помощи Наталіи, подошелъ къ страшной наковальнѣ...

Два воина схватили его за плечи, одинъ обхватилъ поперегъ тѣла, а Наталія, спросивъ предварительно позволенія у него, потомъ у офицера, взяла его правую руку и, предварительно поцѣловавъ, положила ее на страшную наковальню...

Кровавая драма началась...

Адріанъ, закрывъ глаза, тихо молился...

Воинъ съ силою взмахнулъ огромнымъ молотомъ и опустилъ его на руку Адріана... Ударъ былъ страшенъ и раздробилъ кость руки пополамъ...

Адріанъ вскрикнулъ и лишился чувствъ.

Слѣдующій ударъ раздробилъ ногу и палачь отскѣкъ ее острымъ концомъ молота...

Наталія, все еще не теряя присутствія духа, наклон-

нилась и подняла его лѣвую ногу, которую поцѣловала и положила на наковальню...

И эту ногу постигла таже судьба!...

Мы опускаемъ здѣсь занавѣсъ на всѣ отвратительныя сцены звѣрскаго убійства, варварской и безсмысленной жестокости...

Читатель уже знаетъ, что за раздробленіемъ и отсѣченіемъ ногъ слѣдовало раздробленіе и отсѣченіе рукъ.....

Наталія не отходила отъ Адріана ни на минуту и приняла его послѣдній вздохъ. Онъ умеръ прежде отсѣченія правой руки, бросивъ послѣдній потухающій взоръ на Наталію...

Онъ умеръ мужественно, удививъ своею стойкостью и терпѣніемъ не только друзей, но и враговъ...

Когда ему отрубили лѣвую руку, Адріанъ уже не слышалъ и не чувствовалъ страданій, — онъ былъ мертвъ....

— Такимъ-же точно образомъ были замучены и всѣ прочіе христіане. Воистину, страшное зрѣлище представляла темница, полная изуродованныхъ тѣлъ, раздробленныхъ и валявшихся повсюду рукъ и ногъ...

Воины ушли; ушла съ ними и стража, уже болѣе ненужная здѣсь, такъ какъ стеречь было уже болѣе некого... Настала мертвая тишина, лишь изрѣдка прерываемая горькимъ плачемъ христіанскихъ женъ...

Въ дверяхъ темницы показался старый тюремщикъ....

— Ахъ, вы мои бѣдныя!...—пробормоталъ онъ, смотря на женщинъ и на трупы и качая головою... — Жаль мнѣ васъ, но чтожъ будешь дѣлать?... — Однако, время уже идти вамъ обратно домой... — Всякій часъ теперь нужно ожидать, что отъ кесаря придетъ приказъ, какъ поступить съ тѣлами избѣенныхъ... Худо будетъ и мнѣ, и вамъ, если васъ застанутъ здѣсь... Чего добраго, пожалуй, узнаютъ, и тогда... Ну, да что объ этомъ толковать!... Уходите!... Вашихъ мертвыхъ теперь неутомимый работникъ,—

лодочникъ Харонъ,—перевозить уже черезъ рѣку Стиксъ въ царство вашего славнаго Христа...

Женщины тотчасъ же вышли, а Наталія предъ уходомъ, потихоньку отъ прочихъ, взяла правую руку Адріана и бережно, какъ святыню, завернула ее и скрыла подъ своимъ плащемъ.

Старый тюремщикъ не замѣтилъ этой дорогой пропажи....

ГЛАВА XXVI.

На другой день вышло отъ императора Максиміана приказаніе сжечь публично тѣла всѣхъ усопшихъ христіанъ, а прахъ ихъ по сожженіи развѣять по вѣтру...

Но Господь не допустилъ этого поруганія надъ своими вѣрными рабами!...

Случилось слѣдующее:

Тѣла христіанъ были вывезены ночью изъ темницы и сложены на главной площади города Никомидія въ громадной желѣзной печи, но по какой-то странной случайности приставить къ нимъ стражу никто и не подумалъ...

Въ полночь явилось нѣсколько людей, которые длинными копьями вынули тѣла мучениковъ изъ этой печи и перенесли ихъ на галеру богатаго Никомидійскаго купца и банкира Константина, который, случайно уцѣлѣвъ отъ гоненія, — онъ былъ христіанинъ, — и опасаясь за свою жизнь и за цѣлость своего огромнаго богатства, рѣшилъ искать безопасности въ бѣгствѣ на европейскій материкъ а, именно, въ Византію.

Тамъ онъ хотѣлъ съ честью предать землѣ тѣла мучениковъ и получилъ уже на это благое дѣло согласіе со стороны ихъ родственниковъ....

На слѣдующій день, когда Максиміанъ проснулся и, по обыкновенію, кликнулъ Вогія, дежурный адъютантъ,

войдя, объявилъ ему объ исчезновеніи съ площади тѣлъ казненныхъ христіанъ...

— Какъ?... Что ты говоришь?... Этого быть не можетъ!..—Куда же они могли исчезнуть?... Поди, ищи ихъ, да зови сюда Вогія!... закричалъ Максиміанъ на адъютанта.

— Слушаю!... — отвѣтилъ офицеръ и быстро вышелъ, чтобы отдать воинамъ нужныя распоряженія.

Но какъ ни старались приспѣшники императора съ Вогіемъ во главѣ отыскать тѣла замученныхъ христіанъ или, по крайней мѣрѣ, виновниковъ ихъ похищенія,— все было напрасно: таковыхъ не нашлось, а галеру Константина, мирно стоявшую въ гавани, никто не сталъ и осматривать, полагая, что она биткомъ набита драгоцѣнностями, но отнюдь не мертвыми тѣлами.

Императоръ свирѣпствовалъ и былъ такъ сильно разгнѣванъ, что въ теченіи цѣлыхъ двухъ дней не пускалъ къ себѣ на глаза Вогія. Вогій и его адъютанты были въ отчаяніи...

Между тѣмъ въ Никомидіи случилось еще одно, довольно странное, происшествіе....

Случай этотъ произошелъ съ трибуномъ Антоніемъ, однимъ изъ наиболѣе любимыхъ и приближенныхъ къ императору лицъ.

Надъ этимъ трибуномъ довольно зло подсмѣялась вѣчная проказница—судьба...

И безъ того этотъ трибунъ уже наслаждался полнымъ и всесовершеннымъ благополучіемъ на землѣ: онъ былъ богатъ, происходилъ изъ хорошей и знатной фамиліи, занималъ почетное и независимое положеніе въ городѣ и, въ особенности, какъ ревностный язычникъ, былъ любимъ и почитаемъ самымъ даже императоромъ Максиміаномъ. Одного только не хватало счастливому трибуну города Никомидіи:—красивой, знатной и богатой жены...

Онъ рѣшилъ добыть и это послѣднее счастье и потому, когда Максиміанъ оставлялъ залу совѣта, онъ подошелъ къ нему и, опустившись передъ императоромъ на одно колѣно, просилъ, какъ милости, говорить...

— Говори, говори, мой вѣрный трибунъ, чего ты желаешь!..—одобрительно и съ улыбкою замѣтилъ императоръ.

— Государь!—началъ трибунъ довольно несмѣлымъ голосомъ и сильно покраснѣвъ.—Твой покорный и вѣрный тебѣ рабъ хочетъ просить тебя объ одной великой для него милости...

— Говори-же, Антоній, о какой!?!—сказалъ Максиміанъ, слегка удивленный.

— Дозволь мнѣ, о Государь, взять въ жены себѣ одну изъ вдовъ казенныхъ тобою христіанъ...

— Которую-же это именно?...—спросилъ императоръ и сердито сдвинулъ брови....

Антоній испугался не на шутку, замѣтивъ неудовольствіе Максиміана, и началъ уже раскaysаться въ своемъ неумѣстномъ и, какъ ему теперь показалось, опасномъ планѣ; но разъ онъ уже началъ говорить и Максиміанъ ждалъ его отвѣта,—кончить было нужно и Антоній еще болѣе несмѣлымъ и упавшимъ голосомъ проговорилъ:

— Прости, Государь, я вовсе не имѣлъ намѣренія оскорбить твой божественный слухъ упоминаніемъ имени этихъ нечестивыхъ христіанъ.... Я говорилъ только о Наталіи, женѣ бывшаго претороначальника города Никомидіи казеннаго тобою Адріана...

Къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ при этой сценѣ, лицо Максиміана прояснилось. Онъ ласково кивнулъ головою молодому, стройному и красивому трибуну, громко разсмѣялся. Веселость божественнаго императора привела придворныхъ въ неописанное восхищеніе, а онъ, повернувъ свое сіяющее лицо къ толпѣ, окружавшей его, весело проговорилъ:

— Вотъ, хвалю выборъ трибуна... Какой у него быстрый и вѣрный взглядъ на вещи:—изъ всей Никомидіи, выбрать себѣ красивѣйшую и богатѣйшую женщину!... О, да ты, трибунъ, молодецъ!... Ну, поздравляю тебя, мой новый претороначальникъ,—ты теперь будешь занимать эту должность и я увѣренъ, что ты послужишь мнѣ много вѣрнѣе, чѣмъ служилъ Адрианъ.... Вѣдь, ты неоднократно предупреждалъ меня о томъ, чтобы я боялся этого измѣнника.... Итакъ, тебѣ по праву принадлежитъ и все имѣніе казеннаго — и движимое, и недвижимое,—и даже самая жена его, моя прекрасная подданная Наталія!... Пусть это будетъ тебѣ наградою за твою вѣрную службу!..

— Но все это нужно оформить извѣстными дѣйствіями,—продолжалъ императоръ уже болѣе серьезнымъ тономъ,—и ты, Вогій, тотчасъ-же отправляйся къ Наталіи и скажи ей, что я приказываю ей выйти замужъ за новаго претороначальника Антонія, бывшаго трибуна Никомидійскаго. Понялъ ты меня?..

— Понялъ,—отвѣчалъ Вогій, почтительно склоняясь.

— Скажи, что я приказываю!—повторилъ императоръ.

— Слушаю!..—отвѣчалъ Вогій и отправился къ Наталіи.

Не прошло и часа, какъ Вогій уже вернулся во дворецъ.

— Ну что?—спросилъ его Максиміанъ.

— Наталія просила васъ, Государь, дать ей три дня, чтобы оплакать своего любимаго мужа... Затѣмъ она съ радостію исполнитъ ваше приказаніе....

— Хорошо!—сказалъ Максиміанъ, успокоившись.—Ты, Вогій, достоинъ награды...

Но на другой день и Вогія, и самого императора ждало крупное разочарованіе...

Еще поздно ночью прибѣжалъ во дворецъ одинъ изъ воиновъ городской стражи и громко требовалъ, чтобы его проводили къ Вогію.

Но Вогія во дворцѣ не было...

Стражникъ прибѣгалъ еще два раза, но также безуспѣшно, какъ и въ первый. Наконецъ, уже утромъ явился во дворецъ Вогій. Но онъ, повидимому, уже зналъ о происшедшемъ и тотчасъ-же распорядился, чтобы его пропустили въ императору.

— Что тебѣ нужно?...—спросилъ Максиміанъ, свирѣпо глядя на своего адъютанта. Онъ видимо былъ нерасположенъ выслушивать о какихъ-бы то ни было новостяхъ.

— Случилось, Государь, нѣчто странное и невозможное: минувшею ночью Наталія исчезла изъ своего дома.

— Что?—воскликнулъ императоръ, вскакивая со своего кресла.—Что ты говоришь? Возможно-ли это?!

— Не знаю, Государь, но это такъ!...—Стражникъ, который мнѣ донесъ это первый, рассказываетъ, что задолго еще до первой стражи ¹⁾ мимо него проходила какая-то женская тѣнь, но онъ не придалъ этому значенія, въ противномъ случаѣ, остановилъ-бы женщину...

— А куда отправилась эта женщина?...

— Она шла по направленію къ дворцу....

— Ну, такъ это и была Наталія!—воскликнулъ Максиміанъ.—И она ушла въ гавань!.. Вогій! Ее необходимо схватить и пусть это мое приказаніе выполнить ея-же женихъ.... Пусть Антоній схватить ее и держать у себя въ домѣ до завтрашняго утра, а завтра:—или она будетъ его женою, или я прикажу ее бросить въ раскаленную печь....

— Слушаю!—отвѣтилъ Вогій и вышелъ изъ комнаты.

Несмотря однако на все это, планъ Антонія овладѣть Наталіей рушился окончательно—она уже была на пути въ Византію. ..

---

¹⁾ Какъ извѣстно у древнихъ Римлянъ сутки распредѣлялись по смѣнамъ патрулей городской стражи. Всѣхъ смѣнъ было четыре.

ГЛАВА XXVII.

Вотъ какъ это случилось.

По уходѣ Богія, Наталія долго плакала, покрывая поцѣлуями руку Адріана; наконецъ, встала, одѣлась по дорожному и незамѣтно отъ прислуги удалилась изъ дому черезъ садъ, только ей одной извѣстною тропинкою.

Она спѣшила въ галанъ, гдѣ стояла еще галера богатаго Константина, уже совсѣмъ готовая къ отплытію.

Нервы Наталіи достигли высшаго напряженія; силы покидали ее и едва она достигла галеры, какъ почти безъ чувствъ упала на первую встрѣтившуюся скамью.

Какой-то рослый и красивый мужчина подошелъ къ ней и, осторожно держа ее за руку, помогъ ей подняться....

— Кто ты?.. — спросилъ онъ пріятнымъ и мягкимъ голосомъ.

— Я—Наталія, вдова бывшего претороначальника города Никоидіи Адріана.... Хочу уѣхать въ Византію.... На твоей галерѣ, добрый человекъ, если ты только владѣлецъ ея, находится тѣло моего мужа, которое ты взялъ, чтобы похоронить.... Я также хочу лечь рядомъ съ нимъ въ землѣ нашей общей матери....

— Я—Константинъ!... — отвѣтилъ мущина. — И вдова претороначальника Адріана всегда будетъ дорогою гостею на моемъ кораблѣ. Но зачѣмъ у тебя такія мрачныя мысли, зачѣмъ ты думаешь о приближеніи смерти? Ты такъ еще молода,—у тебя жизнь еще впереди.

— Поздно теперь говорить объ этомъ, — отвѣчала Наталія печальнымъ голосомъ, въ которомъ слышалась безнадежность.—Жизнь моя такъ подорвана, что у меня одна только молитва къ Господу Иисусу:—пусть-бы скорѣе окончились мои страданія и Господъ Иисусъ принялъ-бы меня къ Себѣ....

Разговоръ на этомъ кончился и галеры вышли изъ гавани....

Ночь была свѣтлая, полный мѣсяцъ стоялъ на небѣ...

Какъ только галера очутилась въ открытомъ морѣ, Наталія попросила Константина свести ее въ трюмъ, гдѣ лежали яетлѣнныя тѣла мучениковъ.

Она быстро отыскала среди нихъ тѣло своего возлюбленнаго супруга и съ благоговѣніемъ припала къ нему.

— О мой дорогой супругъ!...—восклидала она, плача и сжимая въ рукахъ окровавленные останки Адріана.

Долго она плакала, долго рыдала,—но усталость взяла свое:—она тихо заснула среди труповъ никоидійскихъ мучениковъ.

— Оставьте ее!...—сказалъ Константинъ, видя, что нѣкоторые изъ христіанъ, бывшихъ съ Наталіею, хотѣли разбудить ее.—Пусть отдохнетъ!..

Христіане оставили ее въ покоѣ.

Сонъ ея былъ продолжителенъ.

Вдругъ она очнулась и сѣла на полу, рядомъ съ тѣлами мучениковъ. Глаза ея свѣтились радостью, она широко распростерла руки, какъ-бы готовясь принять кого-то въ свои объятія и вдругъ, громко воскликнувъ:—О Адріанъ, дорогой, милый Адріанъ!...—опрокинулась на полъ.

Христіане слышали этотъ восторженный крикъ и толпою бросились къ тѣламъ мучениковъ.... Но Наталія была уже мертва: духъ жизни покинулъ ее навсегда.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія христіане рѣшили похоронить святыя тѣла Адріана и Наталіи вмѣстѣ, но отдѣльно отъ прочихъ Никоидійскихъ мучениковъ....

Галера Константина спокойно вошла въ пространный портъ Византіи....

Конецъ.

ВѢКЪ АПОСТОЛЬСКІЙ.

Сочиненіе Е. Ле-Камю.

Переводъ съ французскаго.

Изданіе редакціи «Русскаго Паломника».

С. - ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Вознесенскій пр. № 47
1892

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Мая 1892 года.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ ряду произведеній, которыя западно-богословская наука посвятила Вѣку Апостольскому, предлагаемое нами сочиненіе Е. Ле-Камю занимаетъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ по своимъ ученымъ качествамъ и внѣшнему изложенію и можетъ служить достойнымъ продолженіемъ знаменитаго творенія Дидона „Исусъ Христосъ“, которое было напечатано нами въ прошломъ году.

Въ проповѣди апостольской авторъ различаетъ три главные стадіи. Послѣ скромныхъ и едва замѣтныхъ начатковъ, вдругъ проявляется могучая дѣятельность, самоотверженнымъ трудомъ и кровавыми жертвами подготавливающая полное развитіе Церкви. Это—постепенный ростъ горчичнаго зерна, брошеннаго въ землю и орошеннаго божественною кровію. Оно должно прозябнуть и превратиться въ дерево, въ вѣтвяхъ котораго будутъ укрываться птицы небесныя. Раздвинувъ облегающую его землю, сѣмя прорывается изъ борозды на свѣтъ Ножій; выросшій изъ него корень раскрываетъ свои юныя

вѣтви, расширяетъ ихъ въ пространствѣ и пробуетъ свои силы, опираясь на глубокіе корни; наконецъ, являются цвѣты, готовится плодъ и дерево красуется во всемъ своемъ плодородіи. Таково и дѣло апостоловъ. Церковь возникла, стряхнувъ съ себя затвердѣлую землю іудейства, которую такъ худо воздѣлывали фарисеи,—это періодъ ея освобожденія; затѣмъ, разославъ благовѣстниковъ во все концы земли съ своею проповѣдію и побѣдоносною благодатію, она поручила имъ овладѣть міромъ.—это періодъ завоеванія; наконецъ, дополнивъ свою внутреннюю организацію, она обезпечила свою будущность противъ зла, времени и людей,—это періодъ укрѣпленія.

Этими тремя стадіями Вѣка Апостольскаго и опредѣляется содержаніе предпринятаго авторомъ труда. Пребывая въ средѣ исключительно іудейской, Церковь начинаетъ проявлять внутри себя жизненные элементы, совершенно независимые отъ синагоги. Проповѣдники ея говорятъ языкомъ, не похожимъ на рѣчи раввиновъ. Они чтутъ Моисея, но Іисусъ распятый есть дѣйствительный Вождь, подъ руководствомъ Котораго они совершаютъ свое движеніе—впередъ. Ихъ цѣль заключается въ томъ, чтобы возвѣстить и дать міру Царя. Богослуженія храма для нихъ недостаточно и, неразрывая видимымъ образомъ связи съ Закономъ, они устанавливаютъ особое богочтеніе, новое общество, съ особыми связями, средствами и надеждами.

За этимъ первымъ проявленіемъ совершенно особой жизни, подкрѣпленной многочисленными чудесами и яркими доблестями, наступаетъ весьма знаменательное центробѣжное движеніе, похожее на роеніе пчелъ и служащее предвѣстникомъ болѣе могучаго, всемірнаго распространенія. Добрая вѣсть явилась не для того, чтобы загдохнуть въ стѣнахъ Іерусалима: по велѣнію Господа, она должна быть пронесена по Самаріи и по всему языческому міру. Естественный порядокъ требуетъ, чтобы зерно, пребывая въ землѣ, испытывало тѣмъ большую потребность выйти изъ ея лона, чѣмъ многочисленнѣе препятствія, задерживающія его выходъ. Одинъ промыслительный случай—у Бога всегда есть свое время и свои люди,—эллинизмъ или присутствіе въ лонѣ юной Церкви іудеевъ, болѣе іерусалимскихъ своихъ соотечественниковъ пріобывшихъ къ широтѣ языческой цивилизаціи и къ шумному столкновенію господствующихъ въ средѣ ея ученій,—содѣйствуетъ опредѣленію пути, по которому должно шествовать Евангеліе. Три мужа являются его представителями: Стефанъ, павшій жертвою своихъ вѣрованій, Филиппъ, по внушенію Духа Святаго, начавшій вводить ихъ въ жизнь, и Павелъ, на котораго оно возложило впоследствии свои великія упованія.

Тѣмъ не менѣе, отверзть двери Церкви всякому, кого Богу благоугодно ввести въ ея лоно, подобало Петру. Онъ первый указалъ путь въ среду язычества и, слѣдовательно, къ окончательному

устроению будущей Церкви. Онъ пошелъ вмѣстѣ съ Іоанномъ освятить то, что Филиппъ сдѣлалъ въ Самаріи. Но послѣдній шагъ его въ этомъ направленіи встрѣтилъ затрудненія. Его собесѣдованія съ обратившимся Павломъ не могли восторжествовать надъ чисто іудейскими привязанностями Павла. Но на кровлѣ кожевника Іуппіи явилось знаменіе Божіе, показавшее ему, что отнынѣ нѣтъ ничего чистаго ни нечистаго и что все способно быть приведеннымъ въ новое царствіе. Богъ ведетъ его въ Кесарію и указываетъ ему на римскаго сотника и его семейство. Крещеніе этихъ язычниковъ, которые, подобно ученикамъ въ Іерусалимѣ, также имѣли свою Пятидесятницу, является рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ стародавнимъ притязаніямъ іудейства. Петръ въ оправданіе свое ссылается на волю Божію и такимъ образомъ объявляетъ, что всѣ пути міра отнынѣ открыты для учениковъ Евангелія. Церковь выступаетъ тогда изъ Іерусалима и вмѣстѣ съ апостолами доходитъ до Антіохіи, гдѣ, дыша воздухомъ свободы и вполне принадлежа самой себѣ, она упраздняетъ всякое различіе между іудеями и язычниками, полагаетъ начало всемірной проповѣди Евангелія и становится Церковію Христіанскою.

Такимъ образомъ, три главныхъ элемента поддерживали ее въ этой первой борьбѣ за существованіе и постепенно выдвинули на путь, ведущій отъ Іерусалима до Антіохіи, т. е. отъ исключитель-

ности фарисеевъ до вселенскаго значенія Евангелія: мысль о Распятіи, отдѣлившая Церковь отъ синагоги; ревность эллиниствующихъ, выведшая ее изъ Іерусалима; поведѣніе Божіе Петру, содѣлавшее ее христіанскою въ Антиохіи. Все это произошло въ періодъ времени отъ 33-го до 45-го года, когда Церковь, окончательно освободившись отъ іудейства, приступаетъ къ своимъ великимъ завоеваніямъ въ языческомъ мірѣ. На заднемъ планѣ, въ видѣ чисто-человѣческой рамки этой исторіи, читатель увидитъ рядъ болѣе или менѣе недостойныхъ личностей, державшихъ послѣдовательно гражданскую, военную или религіозную власть въ столицѣ имперіи и въ Іерусалимѣ.

Въ Римѣ три императора держатъ въ рукахъ своихъ судьбы міра: одинъ—лицемѣрный злодѣй, другой—кровожадный сумасбродъ и третій—полоумный старикъ. Это: Тиверій, котораго гнусное царствованіе оканчивается въ 37 году; преемникъ его Калигула, павшій четыре года спустя подъ ударами Херея (24 января 41 года) и Клавдій, умершій въ 54 году. Эти властители лишь издали вліяли на судьбы Палестины; но въ лицѣ ихъ уполномоченныхъ это вліяніе не разъ принимало значительные размѣры. Поэтому не бесполезно ознакомиться со всѣми этими лицами.

Послѣ Пилата, вызваннаго въ Римъ Вителліемъ въ 36 году, и окончательно лишеннаго власти Калигулою, Іерусалимъ поступаетъ подъ управленіе Маркелла

въ качествѣ прокуратора и Марулла, какъ ишпарха. Послѣ нихъ Иродъ Агриппа I, уже съ 37 года, по повелѣнію Калигулы, правящій тетрархіями Филиппа и Антипы, получаетъ отъ Клавдія въ 41 году достоинство царя іудейскаго и самарійскаго. Онъ умираетъ въ 44 г. въ Кесаріи, и такъ какъ сынъ его слишкомъ молодъ чтобы наслѣдовать царское достоинство, то въ лицѣ Куспія Фада снова начинается рядъ прокураторовъ. Преемникомъ Фада является въ 47 году отступникъ изъ египетскихъ іудеевъ Ти-верій Александръ, который передаетъ свою власть Вентидію Куману, а самъ дѣлается правителемъ Александріи. Всѣ эти люди проводятъ достаточно времени въ Палестинѣ, чтобы вредить ей, и недостаточно, чтобы сдѣлать ей какое нибудь добро.

Съ своей стороны, по капризамъ политической власти, религіозная власть является еще менѣе устойчивою. На мѣсто Каіафы, который, по удивительному совпаденію, подвергся опалѣ въ одинъ годъ (36-ый) съ Пилатомъ, назначенъ былъ Іонаѳанъ, сынъ первосвященника Анны, пріобрѣтшаго столь печальную извѣстность въ евангельской исторіи. Вителлій однако вскорѣ оказывается недовольнымъ этимъ выборомъ и ставитъ въ слѣдующемъ году Теофила, другаго сына того-же лица. Иродъ, по полученіи царскаго достоинства, является еще болѣе предприимчивымъ противъ священнической власти. На мѣсто Теофила онъ ставитъ Симона Кантеру, котораго чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ за-

тѣмъ низлагаетъ. Потомъ онъ предлагаетъ первосвященничество сначала низложенному Вителліемъ Іонаану, который отказывается, затѣмъ еще другому сыну Анны—Матѳію. Послѣдній принимаетъ предложенное ему достоинство, но въ 44 году, незадолго до смерти, царь лишаетъ его этого достоинства и передаетъ его Эліонеу, сыну Кантеры, не надолго однако, потому что другой Иродъ, князь Халкидскій, которому Клавдій ввѣряетъ завѣдываніе религіозными дѣлами въ Іерусалимѣ, низлагаетъ Эліонея и ставитъ на его мѣсто, въ 45 году, Іосифа, сына Калиѳа, которому три года спустя, наследуетъ Ананія или Іонаанъ, сынъ Небедея.

Таково странное преемство деспотовъ и фанатиковъ, кесарей, прокураторовъ, царей, первосвященниковъ, рядомъ съ которыми юная Церковь должна отвоевать и закрѣпить свою независимость. Между тѣмъ можно сказать, что, не смотря на прискорбные случаи гоненій и мученичества, это время было для нея золотымъ вѣкомъ. Память о Божественномъ Учителѣ заставляла всѣ сердца биться священнымъ восторгомъ, Его слова были на устахъ у всѣхъ, Его образъ всегда былъ у нихъ передъ глазами. Не въ прошедшемъ только Его видѣли, слышали и осязали,—присутствіе Его чувствовалось въ настоящемъ, и какъ Духъ Святый постоянно поддерживалъ въ нихъ эти живыя и свѣжія впечатлѣнія души, то Іисусъ пребывалъ жизнію для всѣхъ.

ВѢКЪ АПОСТОЛЬСКИЙ.

Основаніе Христіанской Церкви.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Начало Церкви въ Іерусалимѣ или Церковь и іудейство.

ГЛАВА I.

Восполненіе юпой Церкви избраніемъ новаго апостола.

Со дня вознесенія Іисуса на небо, вѣра учениковъ Его получила свое полное утвержденіе. Послѣ утѣшительныхъ явленій, происходившихъ въ теченіи сорока дней, когда они собственными глазами, ушами и руками могли убѣдиться, что являвшійся имъ былъ именно ихъ Божественный Учитель, воскресшій и живой, какъ бы никогда не знавшій смерти,—Его вознесеніе въ сіяніи славы, дабы, возсѣвъ одесную Отца, освятить обѣтованное Имъ царство небесное, составляло для нихъ послѣднее, вполне убѣдительное чудо. Немногіе усумнившіеся (Матѣ. 28, 17) отложили теперь всякое сомнѣніе. Настало, наконецъ, время, когда они должны уразумѣть, въ чемъ состоитъ это царство, многократно возвыщенное, но столь мало понятое и столь нетерпѣливо ожидаемое. Съ этого времени ученики имѣли въ сердцѣхъ одни и тѣ же убѣжденія, одинаковую любовь

и одинаковыя чаянія, соединились въ отдѣльное общество, или какъ бы нѣкое небольшое воинство, начавшее обдумывать свою будущую совмѣстную дѣятельность.

Богодуховенный повѣствователь представляетъ намъ учениковъ собравшимися въ одной изъ верхнихъ горницъ, какія встрѣчаются на Востокѣ въ каждомъ достаточномъ домѣ и гдѣ семья собирается для домашней бесѣды и для молитвы. Это мѣсто, вѣроятно, было то самое, гдѣ Иисусъ вкушалъ съ учениками послѣднюю пасху и гдѣ произнесъ Свою прощальную бесѣду, столь сладостную и возвышенную, преисполнившую елеемъ сердца ихъ и приведшую въ восхищеніе ихъ души. Поэтому-то священный писатель и говоритъ объ немъ, какъ о мѣстѣ, достаточно всѣмъ извѣстномъ. Существуетъ предположеніе, что оно принадлежало какому-либо богатому и вліятельному послѣдователю Христа, считавшему за счастье предложить ученикамъ Господа гостепріимство, сколько искреннее, столько же и вполне безопасное.

Ученики выходили изъ этой горницы только въ храмъ, утромъ и вечеромъ, въ часъ общественной молитвы. Народъ видѣлъ это и удивлялся пламенности ихъ молитвы. Придѣпляясь все болѣе и болѣе къ Богу, по мѣрѣ того, какъ благодать проникала ихъ, они возвращались въ горницу только для того, чтобы еще и еще молиться, но только съ большею свободою и вкупѣ. Въ этомъ благочестивомъ изліяніи душъ выражалось неотступное желаніе апостоловъ увидѣть скорое исполненіе обѣтованій Иисуса съ водвореніемъ новаго порядка вещей. Нельзя не испытывать глубочайшаго благоговѣнія къ этому небольшому обществу, которое, безъ всякой человѣческой помощи, окруженное кознями могущественной партіи и лишенное естественныхъ способозъ для торжества намѣреній, которыми оно было оушевлено, тѣмъ не менѣе признано было свыше проповѣдывать Евангеліе во Іудеи,

Самаріи и даже до послѣднихъ земли. Все, что касается этого скромнаго воинства, представляетъ для насъ высочайшій интересъ: его образъ жизни, волнующія его чувства, число и имя входившихъ въ составъ его воиновъ. Ихъ было около ста двадцати, подраздѣлявшихся на отдѣльныя группы: апостоловъ, учениковъ и святыхъ женъ съ Маріею и племянниками ея, называвшимися братьями Іисуса. Здѣсь въ послѣдній разъ Пресвятая Дѣва упоминается въ священныхъ книгахъ. Находясь всѣ вмѣстѣ, они припоминали дѣла Господа или слова, которыя отъ Него слышали, но полнѣе всѣхъ ихъ могла возстановить гармоническое цѣлое Его сверхчеловѣческой жизни Пречистая Его Матерь, прозрѣвавшая въ Его божественную природу. Никто, кромѣ Ея, не могъ знать сокровеннѣйшихъ Его чувствъ и уразумѣвать всю глубину Его ученія.

Апостолы главнымъ образомъ должны были заняться тѣми указаніями, которыя они получили какъ вожди духовнаго стада, и вообще всѣмъ, что касалось будущности юной Церкви. Они помнили, что Іисусъ ограничилъ число ихъ двѣнадцатью въ память двѣнадцати колѣнъ Израилевыхъ, и они поспѣшили дополнить это символическое число, столь горестно нарушенное предательствомъ Іуды. Сынъ погибели дѣйствительно оставилъ весьма завидное въ главахъ истинныхъ друзей Іисуса наслѣдіе. Могли ли они представить для себя болѣе славную будущность, какъ возможность занять мѣсто въ ряду апостоловъ Господа, которымъ преподаны были обѣтованія будущаго? Священный повѣствователь считаетъ нужнымъ повторить имена одиннадцати апостоловъ, которые, оставшись вѣрными, имѣли стать во главѣ новаго царства и принять на себя руководство въ его развитіи. Это были: Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, Андрей, Филиппъ, Ѳома, Вареоломей, Матѳей, Іаковъ Алфеевъ, Симонъ Зилотъ и Іуда, братъ Іакова,

отнынь несокрушимые и самоотверженные до смерти проповѣдники Евангелія.

Тогда Апостоль Петръ, ставъ посреди учениковъ, произнесъ слѣдующія слова: «Мужи братія! (этими словами апостоль, можетъ быть, желалъ показать, что женщины, даже съ выдающеюся святостію, не должны имѣть никакого участія въ управленіи церковію). Мужи братія! Надлежало исполниться тому, что въ Писаніи предрекъ Духъ Святый устами Давида объ Іудѣ, бывшемъ вождѣ тѣхъ, которые взяли Іисуса. Онъ былъ сопричисленъ къ намъ и получилъ жребій служенія сего. Но приобрѣлъ землю неправедною мздою и когда низринулъ, разсѣлось чрево его и выпали всѣ внутренности его. И это сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ жителямъ Іерусалима, такъ что земля на отечественномъ ихъ нарѣчій названа Акелдама, то-есть «Земля крови» (Дѣян. 1, 16—19). Въ книгѣ же Псалмовъ написано: «да будетъ дворъ его пустъ, и да не будетъ живущаго въ немъ; и достоинство его да приметъ другой» (Псал. 68, 26).

Нельзя не дивиться тому торжественному тону, съ какимъ Петръ, еще недавно неученый рыбарь Геннисаретскаго озера, а нынѣ учитель, испытавшій Писаніе, произнесъ свою первую рѣчь предъ своими соапостолами. Очевидно, что произошло нѣчто необыкновенное въ этомъ галилейскомъ поселеніи, приводящемъ тексты Священнаго Писанія для подкрѣпленія своихъ мыслей. Лучъ божественнаго свѣта уже ослѣпилъ его, какъ и его собратій апостоловъ, которые, еще до наступленія пятидесятницы, уже получили благодать Святаго Духа, ибо не вотще изрекъ имъ Господь по воскресеніи: «Примите Духа Святаго» (Іоан. 20, 22).

«И такъ надобно—продолжалъ Апостоль Петръ,—чтобы избранъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые находились съ нами во все время, когда пребывалъ и обращался съ нами

Господь Иисусъ, начиная отъ крещенія Іоаннова до того дня, въ который Онъ вознесся отъ насъ, и чтобы онъ былъ вмѣстѣ съ нами свидѣтелемъ воскресенія Его» (Дѣян. 1. 21—22). Итакъ, Апостолъ долженъ быть свидѣтелемъ и апостольство, собственно говоря, есть прежде всего призваніе къ мученичеству. Такимъ образомъ, оно можетъ быть вѣрено только людямъ мужественнымъ, внушающимъ къ себѣ уваженіе и готовымъ начать проповѣдь, когда настанетъ время, ибо только ихъ мужественныя и единодушныя увѣренія послужатъ основаніями очевидной достовѣрности Евангелія. Посему важно чтобы ликъ апостольскій, являющійся избраннымъ представителемъ Церкви воинствующей, находился въ полномъ составѣ, и его беззамедленія слѣдуетъ пополнить. Апостоловъ должно быть двѣнадцать, чтобы возвѣстить побѣдоносное чудо Воскресенія сначала двѣнадцати колѣнамъ Израилевымъ, затѣмъ самарянамъ и, наконецъ, цѣлому міру. Они встрѣтятъ отпоръ со стороны невѣрія, но будутъ утверждать истинность этого чуда, не смотря на всѣ насилія, и самоотверженно запечатлѣютъ кровію свое свидѣтельство.

Собраніе остановило свой выборъ на двухъ лицахъ, по ихъ мнѣнію одинаково достойныхъ столь великой и страшной чести: это были Іосифъ Варсавы и Матей. Оба они съ самого начала состояли учениками Іисуса. Это и было первымъ условіемъ ихъ избирательной правоспособности. Согласно съ древнимъ преданіемъ, о которомъ упоминаютъ Евсевій и Св. Епифаній, Матей принадлежалъ къ сонму семидесяти учениковъ. Что касается Іосифа Варсавы, который, по весьма распространенному тогда обычаю, носилъ прозвище римское и назывался также Іустомъ, то его не должно смѣшивать съ Іосифомъ Варнавою. Эти два имени Варсавы и Варнавы дѣйствительно и не могутъ смѣшиваться ни по формѣ, ни по значенію. Можетъ быть, онъ былъ братъ Іуды Варсавы, который

сопровождать Павла и Варнаву изъ Іерусалима въ Антіохію (Дѣян. 15, 22) и котораго вліяніе было весьма велико въ первенствующей церкви. Имя Варсавы было отчествомъ, какъ Вареолема и другихъ. Во всякомъ случаѣ, очевидно, что соперникъ Матеія, по крайней мѣрѣ, по вѣрѣ своей, вполне соответствовалъ тому, чего требовалъ Іисусъ отъ Своихъ учениковъ. По свидѣтельству Папія, однажды, выпивъ смертельный ядъ, онъ не испыталъ никакого вреда.

Когда были предложены два лица, одинаково достойныя чести апостольства, то апостолы пожелали призвать Господа, дабы Онъ Самъ благоволилъ указать угодное Ему лицо. Собраніе стало на молитву и благоговѣнно воззвало къ Господу: «Ты, Господи, Сердцевѣдецъ всѣхъ, покажи изъ сихъ двоихъ одного, котораго Ты избралъ принять жребій сего служенія и апостольства, отъ котораго отпалъ Іуда, чтобы идти въ свое мѣсто» (Дѣян. 1, 24—25).

Такое обращеніе къ небу со стороны апостоловъ находится въ прямомъ соотношеніи съ жизнію ветхозавѣтныхъ іудеевъ. Израиль всегда вѣровалъ въ прямое участіе Божіе во всѣхъ дѣлахъ, съ которыми связаны были его важнѣйшіе интересы. Іудейская теократія всецѣло основывалась на постоянномъ присутствіи и непосредственномъ управленіи Іеговы. Когда нужно было рѣшить какой-либо важный споръ, іудеи прибѣгали къ жребію, и Богъ давалъ такимъ образомъ отвѣтъ душамъ вѣрующимъ, молившимъ о Его посредствѣ. Іудеи вѣровали, что десница Божія сама избирала наилучшее между различными рѣшеніями какого-либо затрудненія, и всѣ были удовлетворены ¹⁾. Такъ именно было, когда, по повелѣнію Моисея, іудеи приступали къ раздѣленію земли Обѣтованной ²⁾. Такъ же было, когда Самуилъ приступилъ

¹⁾ Ис. Нав. 7, 14, 18; 1 Цар. 14, 41—42; Суд. 20, 10 и прч.

²⁾ Числ. 26, 55; Нав. 18, 10.

къ избранію Саула царемъ Израильскимъ ¹⁾). Подобно сему, и апостолы просили Господа указать наиболѣе достойнаго изъ двухъ чести апостольства, такъ какъ ихъ личныя заслуги считались одинаковыми. Такимъ образомъ, этотъ способъ избранія былъ отголоскомъ Ветхаго Завета на рубежѣ Завета Новаго. Но послѣ пятидесятницы водворились совершенно новыя понятія и Духъ Святый началъ вѣщать не посредствомъ жребія, но посредствомъ дѣлъ Своихъ и людей, на которыхъ почивала благодать Его. Изъ двухъ именъ, положенныхъ въ избирательную урну, вынуто было имя Матеія, и двѣнадцатый апостоль, замѣнившій Іуду, занялъ мѣсто съ своими товарищами. Дѣянія этого новаго избранника намъ въ точности неизвѣстны; но, по свидѣтельству Никифора, онъ проповѣдывалъ Евангеліе въ Египціи и тамъ же принялъ мученическій вѣнецъ.

Такимъ образомъ сонмъ апостольскій былъ восстановленъ и двѣнадцать свидѣтелей готовы были выступить на проповѣдь по первому проявленію воли Божіей. Событіе это не замедлило совершиться. Приближался великій день пятидесятницы. Іудеи еллинисты называли такъ праздникъ, въ который Израиль приносилъ въ жертву Богу хлѣбы, приготовленные изъ новой пшеницы. Въ продолженіи пасхальныхъ торжествъ Іеговъ приносились первые зрѣлые плоды, а пятьдесятъ дней спустя должно было праздноваться благополучное окончаніе жатвы и утѣшительные плоды ея. Мога-ли-Иисусъ — это зерно таинственнаго хлѣба, ввернутое въ нѣдра земли нечестивыми, но воскресенное Отцомъ Небеснымъ, — не воспользоваться этимъ случаемъ, дабы явить міру Своихъ учениковъ, преисполненныхъ твердости и мужества, какъ благословенный плодъ Своей смерти и Своего воскресенія и

¹⁾ : Цар. 10, 20.

завершить Свое дѣло ниспосланіемъ Святаго Духа и, какъ первосвященникъ въ благодарственномъ жертвоприношеніи, принести Своему Отцу первенцевъ своей Церкви живой и воинствующей? Раввинисты послѣднихъ временъ хотѣли видѣть въ праздникѣ семи седминъ воспоминаніе о дарованіи божественнаго закона на Синаѣ, потому что между изданіемъ закона и первою Пасхою считаютъ пятьдесятъ дней. Хотя въ Писаніи нѣтъ основаній для такого мнѣнія, тѣмъ не менѣе богословы того времени принимали его. Не естественно ли было ожидать, что новый законъ объявленъ будетъ Израилю въ тотъ самый день, въ который праздновалось обнародованіе закона древняго?

Но справедливы или нѣтъ подобныя символическія сопоставленія, несомнѣнно, что ученики предчувствовали наступленіе важныхъ событій. Собравшись въ Іерусалимѣ по случаю великаго праздника, они должны были предполагать, что не напрасно состоялось это собраніе, и несомнѣнно приготовлялись къ наступающимъ событіямъ созерцаніемъ и молитвою.

ГЛАВА II.

Христіанская пятидесятница.

Наступилъ праздникъ пятидесятницы. Онъ продолжался только одинъ день. Такъ какъ онъ начинался съ вечера, по захожденіи солнца, то понятно, почему священный историкъ указываетъ, что праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ, когда произошло событіе, о которомъ онъ повѣствуетъ. Въ самомъ дѣлѣ, было около восьми часовъ утра. Маленькая христіанская церковь, сошедшаяся въ обыкновенномъ мѣстѣ своихъ собраній, предварила частнымъ отдѣльнымъ богослуженіемъ то величественное религіозное торжество, которое должно было совершиться въ храмѣ.

Вдругъ послышался большой шумъ, котораго нельзя было объяснить естественными причинами. Онъ исходилъ изъ глубины небесъ. Виновникомъ его былъ Богъ. Можно было подумать, что бурный вѣтеръ устремился на домъ, гдѣ сидѣли ученики, и окружилъ его со всѣхъ сторонъ. Это былъ страшный шумъ того гласа Господня, который, по слову псалмопѣвца, колеблетъ пустыню и сокрушаетъ кедры Ливанскіе. Зданіе было поколеблено до основанія, между тѣмъ какъ продолжительный шумъ распространился по всѣмъ концамъ его.

Въ то же время, — какъ будто небесное явленіе должноствовало быть столько же видимымъ для зрѣнія, сколько оно было ощутительнымъ для слуха, — ученики увидѣли, явив-

шіея языки, имѣвшіе огненный видъ. На безгрѣшное чело-
вѣчество Іисуса Духъ Святый нисшелъ въ видъ голубя; на
человѣчество падшее и оскверненное Онъ исходитъ какъ
буря все низвергающая и огонь все пожигающій. Эти
огненные языки были образомъ пламенной рѣчи Еван-
гелія, которой надлежало очистить міръ. Раздѣлившись,
языки почилы на каждомъ членѣ собранія. Такимъ обра-
зомъ, Небо вѣнчало своихъ избранниковъ пламеннымъ
ореоломъ, чтобы яснѣе въ наружномъ дѣйствіи показать
то, что произвело это чудесное явленіе внутри ихъ. Духъ
Святый, нисшедши со всѣми своими дарами на апосто-
ловъ, распространилъ въ нихъ званіе, силу, святость, и
создалъ, такъ сказать, въ нихъ новую природу, способную
на всякое самоотверженіе, даже до пролитія крови. Послѣ
Творенія и Искушенія, это былъ третій великій день
Божій въ челоуѣчествѣ.

Въ ту же минуту учениками овладѣлъ религіозный
восторгъ, котораго они прежде не знали. Всѣ выѣстъ, вос-
хищенные воздѣйствовавшю въ нихъ благодатію, они
вознесли къ небесамъ, въ чудной гармоніи, гимнь любви
и поклоненія. Они восхвалили Бога, и — о, чудо изъ чу-
десъ! на языкахъ всей земли. Въ Вавилонѣ чрезъ смѣ-
шеніе языковъ духъ злобы произвелъ раздѣленіе горде-
ливаго и непокорнаго челоуѣчества. Въ день пятидесят-
ницы Духъ Божій нисшелъ прекратить это горестное раз-
дѣленіе и дабы нагляднѣе показать, что послѣ искупленія
весь міръ не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ единымъ
необозримымъ семействомъ и истинною вселенскою цер-
ковію, въ которой Евангеліе, проповѣданное всѣмъ наро-
дамъ, не должно было, подобно древнему закону, быть
связано съ однимъ какимъ-либо языкомъ, Онъ далъ Апо-
столамъ способность возвѣщать Евангеліе на всѣхъ нарѣ-
чіяхъ земли.

Изъ этихъ двухъ чудесъ, видимаго сошествія Святаго

Духа на Апостоловъ и дара языковъ, безъ сомнѣнія, важнѣйшимъ было первое. Оно именно составляетъ самое существо небеснаго явленія и оно же должно постепенно укрѣпить развитіе царства Божія на землѣ. Другое же чудо было просто символическимъ выраженіемъ намѣренія Божія и имѣло одно лишь временное, переходное значеніе. *И исполнились всѣ Духа Святаго* — вотъ великое дѣло пятидесятницы. *И начали говорить на языкахъ новыхъ для нихъ* — вотъ чудесное событіе, которому христіанская экзегетика должна придать подобающее значеніе.

Возникаетъ вопросъ, произошло ли чудо на устахъ учениковъ, говорившихъ послѣдовательно на всѣхъ языкахъ міра, или въ ухахъ слушателей, которые слышали, каждый на своемъ языкѣ тѣ рѣчи, которыя Апостолы въ дѣйствительности произносили на арамейскомъ нарѣчій. Нѣкоторые Отцы Церкви допускаютъ послѣднюю гипотезу, утверждая, что чудо совершилось надъ невѣрующею толпою, а не надъ вѣрующими учениками. Но такое предположеніе не подтверждается священнымъ текстомъ. Тамъ говорится, что не слушатели начали слышать обыкновенный языкъ Апостоловъ въ ихъ собственныхъ нарѣчійхъ, но что именно Апостолы начали говорить иными языками, на которыхъ они не говорили прежде. Впрочемъ, это самое Іисусъ общалъ вѣрующимъ въ Него: «Они будутъ говорить коими языками» (Марк. 16, 17). Итакъ, чудо состояло въ возможности, данной вѣрующимъ, говорить не всѣми языками, но языками новыми и говорить не по своей волѣ, но по тому какъ Духъ Святой давалъ имъ провѣщать. При томъ же не для проповѣди толпѣ они получили этотъ даръ, а для восхваленія Господа. Посему они и говорили на языкахъ ко Господу до прибытія толпы и нѣтъ указанія, чтобы они пріостановили свое славословіе для обращенія къ ней. Когда Петръ говорилъ рѣчь, она произнесена была по-арамейски, на отечествен-

номъ языкѣ всѣхъ іудеевъ, изъ какой бы страны они ни пришли Іерусалимъ.

Апостолъ Павелъ, характеризуя чудесное явленіе глоссоаліи или дара языковъ, говорить, что «тотъ, кто говоритъ на иныхъ языкахъ, говорить не людямъ, но Богу». Онъ говоритъ для себя прежде всего, назидая себя самого; для другихъ же потомъ, если кто либо понимаетъ его. Въ дѣйствительности, предположеніе, будто Апостолы одарены были способностью понимать рѣчь всѣхъ народовъ и говорить на ихъ природныхъ языкахъ, не подкрѣпляется ни чудомъ пятидесятницы и ни однимъ фактомъ изъ исторіи Церкви первенствующей. Напротивъ, въ исторіи этой мы читаемъ, что Апостолъ Петръ пользовался услугами Марка, какъ переводчика ¹⁾, а послѣ видимъ, что Апостолъ Павелъ, вполне одаренный сверхъестественнымъ даромъ языковъ, не всегда понималъ нарѣчія народовъ, среди которыхъ онъ находился (Дѣян. 14, 11—14). При томъ же стиль, которымъ Апостолы писали по-гречески, съ видимыми неправильностями, многочисленными арамеизмами и иногда съ очень замѣтнымъ затрудненіемъ, былъ бы недостойнъ Святаго Духа, если бы Онъ былъ для нихъ наставникомъ языковъ.

Но если этотъ даръ языковъ или глоссоаліи не приносилъ ничего въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ, то какая была его цѣль? Вѣдь Богъ не дѣлаетъ чуда безъ пользы? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, слѣдуетъ припомнить, что объ этомъ сверхъестественномъ явленіи, весьма обыкновенномъ въ первенствующей Церкви, упоминается въ трехъ другихъ мѣстахъ нашихъ священныхъ книгъ и ихъ можно опредѣлить чрезъ взаимное сопоставленіе. Такъ въ Кесаріи у Корнилія произошло тоже самое, что и здѣсь въ Іерусалимѣ (Дѣян. 11, 15). Рав-

¹⁾ См. свидѣтельство Папія у Евсевія III, 39, а св. Иринея прямо называетъ Марка толковникомъ.

нымъ образомъ въ Ефесѣ ученики Іоанна Крестителя, обращенные Павломъ, начали говорить новыми языками и пророчествовать (19, 6). Наконецъ, тотъ же даръ обнаружился и въ юныхъ обществахъ христіанскихъ, и Апостолъ Павелъ, въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (12, 10, 30 и вся 14 глава) изображаетъ истинное его значеніе. Эти указанія очень важны. Дѣйствительно, было бы произвольно отрицать присутствіе благодати, обнаруживающейся всюду въ этотъ періодъ нарождающейся Церкви. Святый же Павелъ, объясняя этотъ даръ, полагаетъ, что можно говорить на языкахъ такъ, что не только никто не пойметъ говорящаго въ собраніи, но и самъ говорящій часто не можетъ перевести того, что говорилъ. Въ этомъ случаѣ, онъ совершенно естественно отдаетъ преимущество дару пророчества или предсказанія. Это же дѣлаетъ и Апостолъ Петръ, который оставляя въ сторонѣ даръ языковъ, сливаетъ его съ даромъ пророчества, обѣщаннаго отъ Бога получившимъ Святаго Духа. Такимъ образомъ, весьма естественно, что Св. Павелъ научаетъ насъ придавать этому дару значеніе относительное и характеръ переходный. По словамъ Апостола, онъ проявляется у людей, соединившихся съ Богомъ и не знающихъ, въ тѣлѣ-ли они находятся, или внѣ тѣла. Ихъ языкъ есть лира, которую благодать настраиваетъ для пѣнія, молитвы, благодаренія на всѣхъ нарѣчіяхъ земли. По истинѣ назидательно видѣть, что Духъ Святый совершаетъ столь чудесное дѣйствіе въ душахъ вѣрующихъ и первый результатъ дара языковъ состоитъ въ томъ, что онъ доказываетъ невѣрующимъ сколь могущественъ Духъ Святый (1 Кор. 14, 22). Однако назиданіе достигаетъ своей полноты только тогда, когда собраніе понимаетъ пламенную рѣчь, стремленія вѣры, вопли любви, исходящіе изъ устъ тѣхъ, кто выражаетъ ихъ такимъ образомъ. Если же присутствующіе не понимаютъ ихъ, то слѣдуетъ кому нибудь

встать и ихъ разъяснить. Безъ этого, стократно выше краснорѣчивая и восторженная проповѣдь пророковъ. Такъ выражается Св. Павелъ въ своемъ посланіи. Естественными же толкователями при этомъ будутъ: или тотъ, кто говоритъ на иностранномъ языкѣ и долженъ прежде всего испросить у Бога дара истолкованія, или другой членъ собранія, который по своему происхожденію или сношеніямъ окажется свѣдущимъ въ этомъ языкѣ. Во всякомъ случаѣ, польза чуда находится въ прямомъ соотвѣтствіи съ тою легкостью, съ которою проповѣдь будетъ понята присутствующими.

Такъ объясняется главное значеніе того, что произошло въ день пятидесятницы. Апостолы конечно имѣли даръ перевода ихъ собственной проповѣди, но въ этомъ не было нужды. Всѣ народности находились въ этомъ собраніи, въ естественныхъ толковникахъ не могло быть недостатка и каждый изъ слушателей могъ засвидѣтельствовать, что онъ слышитъ разговоръ на своемъ собственномъ языкѣ. Чудо было тѣмъ болѣе велико, что оно обнимало почти всѣ языки извѣстнаго тогда міра. Но Святыи Духъ не имѣлъ въ виду поразить толпу проявленіемъ дара, безъ особенной практической пользы. Онъ желалъ провозвѣстить будущее, и въ этомъ-то заключается важная сторона дара языковъ. Въ тотъ самый день, когда началось Его царство надъ человѣчествомъ, сотворенное Имъ чудо имѣетъ по преимуществу символическое значеніе. Всѣ народы нѣкогда будутъ принадлежать Ему; Онъ нынѣ же принимаетъ ихъ въ Свое обладаніе заставляя новорожденную Церковь говорить различными языками, на которыхъ будетъ говорить Церковь будущаго. Въ самомъ началѣ Онъ указываетъ на то, что будетъ въ концѣ. Въ тоже время, совершая поступательное движеніе къ этому неизмѣримому результату, Онъ Своимъ дуновеніемъ ниспровергаетъ всѣ преграды, раздѣ-

ляющія народы, и громогласно свидѣтельствуешь, что желаетъ сдѣлать все человѣчество одною семьей, гдѣ будутъ употребляться безразлично всѣ нарѣчія земнаго шара. Вѣра Израиля съ особенною любовію прославляла это соединеніе людей въ одинъ народъ, говорящій однимъ языкомъ, какъ великое знаменіе временъ Мессіанскихъ. Для каждаго мыслящаго человѣка понятно, что даръ языковъ представлялъ собою не иное что, какъ всеобщность христіанства, выразившуюся въ чудесномъ событіи. Въ дѣйствительности, Евангеліе вѣщаетъ міру не народнымъ языкомъ, но языкомъ человѣчества. Оно само себя истолковываетъ всякому, кто желаетъ внимать ему, и только Духъ Божій ввѣдряетъ смыслъ Евангелія въ сердце человѣка. Таково дѣйствительное значеніе чуда глоссолаліи или дара языковъ.

Необычайный шумъ, внезапно раздавшійся въ домѣ, вдохновенные клики и наружный образъ дѣйствій учениковъ привлекли вниманіе проходившихъ. Къ первымъ любопытнымъ, подошедшимъ къ дому, тотчасъ присоединилось множество другихъ. Это было время, когда весь городъ, разсѣянный по улицамъ, собирался идти въ храмъ на утреннее богослуженіе. Пилигримы всѣхъ странъ и жители Іерусалима стѣснились въ огромномъ числѣ вокругъ горницы. То что они увидѣли, безъ сомнѣнія, ихъ удивило; но удивленіе ихъ еще болѣе увеличилось, когда, прислушавшись, они узнали, что всѣ они, къ какой національности ни принадлежали, слышатъ хвалу Бога на ихъ отечественныхъ языкахъ. «Какъ?—сказали они: эти люди говорящіе не всѣ ли галилеяне? Какъ же мы слышимъ каждое собственное нарѣчіе, въ которомъ родились? Парѣяне, мидяне, еламиты и жители Месопотаміи, Іудеи и Каппадокіи, Понта и Асіи, Фригіи и Памфиліи, Египта и частей Ливіи, прилежащихъ къ Киринѣи и пришедшіе изъ Рама, Іудеи и прозелиты, критяне и

аравитяне, слышимъ ихъ нашими языками говорящихъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ?» ¹⁾ (Дѣян. 2, 7—11).

Такъ громогласно выражали свое удивленіе эти поклонники, пришедшіе сюда со всѣхъ странъ свѣта, потому что іудейство имѣло тогда своихъ сыновъ во всѣхъ странахъ міра. Филонъ свидѣтельствуетъ, что въ его время іудеи находились въ каждомъ значительномъ городѣ римской имперіи и даже на островахъ Европы и Азіи. Сначала они были разсѣяны рукою завоевателей по Мидіи и берегамъ Евфрата. Затѣмъ они подверглись расселенію, въ видѣ привилегированныхъ колоній, по нѣкоторымъ областямъ Азіи и Египта со стороны Александра Великаго и его преемниковъ Селевкидовъ и Птолемеевъ. Но особенно привлекалъ ихъ въ торговые города греко-римскаго міра промышленный духъ этого народа. По волѣ

¹⁾ Первая группа изъ упомянутыхъ здѣсь четырехъ народовъ представляетъ страны на Востокѣ по ту сторону Евфрата. Паретане, мидяне, еламиты населяли страну, куда Салманассаръ, царь ассирійскій, отвелъ въ плѣнъ десять колѣнъ израилевыхъ. Месопотамія—древній Паданъ-Аранъ, упомянутый въ книгѣ Бытія, лежала между Тигромъ и Евфратомъ; въ ней были поселены два остальныхъ колѣна, плѣненные Навуходоносоромъ. Изъ слѣдующихъ затѣмъ странъ, расположенныхъ къ сѣверу отъ Іудеи, Каппадокія была въ это время римскою провинціею, а Понтъ, лежавшій на южномъ берегу Чернаго моря, готовился превратиться въ такую же провинцію. Асіею называлась здѣсь округъ, расположенный вдоль Егейскаго моря и заключавшій въ себѣ Іонію, Лидію, Мизію и Карію. Столицею ея былъ Ефесъ. Это была одна изъ богатѣйшихъ римскихъ провинцій. Фригія находилась въ срединѣ между этими землями; Памфілія подходила къ морю. Изъ послѣднихъ пяти народностей, въ Египтѣ, Ливіи Киринейской и Римѣ было особенно много іудеевъ, такъ что, по словамъ Тацита, многочисленность ихъ въ столицѣ даже причиняла безпокойство императорскому правительству. Такимъ образомъ, изъ приведеннаго перечисленія видно, что ученики Іисуса стали говорить въ это время почти на всѣхъ нарѣчіяхъ главныхъ языковъ образованнаго человечества.

Провидѣнія, онъ долженъ былъ, въ лонѣ самаго отвратительнаго язычества, посѣвать понятія объ истинномъ Богѣ и, поддерживая надежду на пришествіе Мессіи, подготавливать умы къ установленію новой религіи.

Такимъ образомъ, слышать, что эти вдохновенные люди говорятъ не только на различныхъ языкахъ міра, но и на ихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, для самыхъ непредубѣжденныхъ людей казалось самымъ изумительнымъ изъ чудесъ. Не въ силахъ будучи скрыть своего удивленія, они говорили другъ другу: «Что это значить»? Группа скептиковъ и шутниковъ выражала свое чувство въ иной формѣ. Люди, недостойные познать истину и оцѣнить ее, стараются сдѣлать смѣшными ея проповѣдниковъ: «Вотъ, говорили они, это сладкое вино ихъ возбуждаетъ», — какъ будто опьяненіе, вмѣсто того чтобы научить человѣка новымъ языкамъ, не заставитъ его скорѣе забыть даже тѣ языки, которые онъ можетъ быть и знаетъ.

Апостолъ Петръ услышалъ хулу на Святаго Духа и, выступивъ впередъ съ другими одиннадцатью апостолами, приготовился обличить ее. Крыша дома или наружная лѣстница, которая вела туда, послужила ему импровизированною каеэдрой. Отсюда, возвышаясь надъ толпою, онъ полнымъ энергіи голосомъ приказалъ толпѣ умолкнуть. Освободившись отъ восторженнаго состоянія, въ которомъ душа его только что воспѣла на новыхъ языкахъ гимвъ величію Божію, онъ сталъ говорить можетъ быть по гречески, вѣроятно же всего по арамейски, потому что этотъ языкъ былъ языкомъ народнымъ и болѣе всего знакомымъ его слушателямъ: «Мужи іудейскіе -- возгласилъ онъ — и всѣ живущіе въ Іерусалимѣ! Сіе да будетъ вамъ извѣстно и внимайте словамъ моимъ: они не пьяны, какъ вы думаете, ибо теперь третій часъ дня. Но это есть предреченное пророкомъ Іоилемъ: И будетъ въ послѣдніе дни, говорить Богъ, излію отъ Духа Моего на всяку плоть и

будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ. И на рабовъ Моихъ и на рабынь Моихъ въ тѣ дни излію отъ Духа Моего, и будутъ пророчествовать. И покажу чудеса на небѣ вверху и знаменія на землѣ внизу, кровь и огонь и куреніе дыма. Солнце превратится во тьму и луна въ кровь, прежде нежели наступитъ день Господень великій и славный. И будетъ: всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется» (Дѣян. 2, 14, 21).

Такъ какъ дѣйствіе Духа Святаго на Петра становится все болѣе и болѣе ощутительнымъ, то онъ, будучи доселѣ кипучаго характера, теперь спокойно принимаетъ на себя задачу опровергнуть оскорбительное для его сотоварищей обвиненіе и однимъ словомъ уничтожаетъ его. Опьяненіе въ ранній утренній часъ было бы очень страннымъ даже у язычниковъ; тѣмъ болѣе невѣроятнымъ представляется оно у іудеевъ, притомъ въ день великаго праздника, когда всякій благочестивый Израильтянинъ долженъ присутствовать, не вкусивъ пищи, не только при богослуженіи девяти часовъ, но даже и полуденномъ. Поэтому, вполне несомнѣнно, что ученики, сообразно съ религіозными предписаніями, которыхъ они были вѣрными хранителями, не могли находиться въ томъ состояніи, въ какомъ ихъ предполагали. Не вино, а Духъ Божій наполнялъ эти восторженные сердца. Да и чему тутъ удивляться? Развѣ пророки не возвѣщали это внезапное распространеніе свыше сходящихъ даровъ? То, что предсказалъ Іоиль за 800 лѣтъ тому назадъ, нынѣ исполнилось буквально. Богъ, въ Существовѣ Своемъ сохраняя Своего Духа въ нерушимомъ Единствѣ Своей Троицы, посылаетъ Его чрезъ обильное изліаніе на всяку плотъ. Вѣровать въ Искупителя—значить имѣть право на небесный даръ, говорить подъ вліяніемъ божественнаго внушенія и пророчество-

вать. Что въ древнемъ Законѣ было преимуществомъ только нѣкоторыхъ лицъ, то сдѣлалось обыкновеннымъ состояніемъ многихъ по установленіи Закона новаго. Духъ Божій воздѣйствуетъ на всѣхъ членовъ Мессіанскаго царства и если не всѣ они предсказываютъ будущее, потому что главный предѣлъ пророчествамъ наступилъ вмѣстѣ съ явленіемъ въ міръ Спасителя, за то всѣ говорятъ о предметахъ небесныхъ. Этого достаточно, чтобы заслужить наименованіе пророка. По первоначальному этимологическому значенію слово: пророкъ, дѣйствительно, означаетъ человѣка исполненнаго Божественной силы, изъ устъ котораго изливались потоки божественныхъ сообщеній. Но эти сообщенія не обусловливаются единственно и необходимо откровеніемъ будущаго. Богъ поставляетъ пророками между своимъ народомъ тѣхъ людей, которымъ Онъ внушаетъ то воспѣвать славу Его и напоминать объ оправданіяхъ Его, то ободрять добрыхъ и предостерегать злыхъ, то наконецъ проникать и уразумѣвать таинственный смыслъ божественныхъ глаголовъ.

Итакъ часъ возрожденія наступилъ. Сыны и дщери Израиля, рабы и рабыни Божіи проповѣдуютъ, юноши и старцы удостоиваются сверхъестественныхъ видѣній, только въ силу упраздненія Ветхаго Завѣта и установленія Завѣта Новаго. Если нужны для этого другія доказательства, то они кровавыми знаменіями начертаны на небѣ и на землѣ. Ужасающее разрушеніе Іерусалима въ грозной дѣйствительности осуществляетъ послѣднія слова пророчества, подобно тому какъ Пятидесятница радостно осуществляетъ первыя. Люди, которыхъ нечестіе еще не ослѣпило, могутъ видѣть совершающееся и попытаться спастись. Съ неистощимымъ милосердіемъ Господь открываетъ всякому вѣрующему врата царствія небснаго. Настало время вступить въ него. Если заблужденіе было возможно для нѣкоторыхъ при жизни Іисуса, то по смерти

Его оно упразднено окончательно. Петръ даетъ неопровержимое тому доказательство. Оно чувствуется въ глубинѣ духа Апостола; оно могуче, какъ оружіе, еще скрытое въ ножнахъ, но приготовленное для окончательной побѣды. Давно уже готовится Онъ указать на это доказательство евреиству, какъ недопускающее никакихъ возраженій: это доказательство есть воскресеніе Іисуса. Если ученики молчали, то ихъ молчаніе послужило только къ тому, чтобы подготовить болѣе краснорѣчивое и непреложное проявленіе истины.

«Мужи Израильскіе — прибавляетъ апостолъ, — выслушайте слова сіи: Іисуса Назорея, Мужа, засвидѣтельствованнаго вамъ отъ Бога силами и чудесами и знаменіями, которыя Богъ сотворилъ чрезъ Него среди васъ, какъ и сами знаете, Сего, по опредѣленному совѣту и предвѣдѣнію Божію преданнаго, вы взяли и, пригвоздивъ руками беззаконныхъ, убили» (Дѣян. 2, 22. 23). Какая сила въ послѣднихъ словахъ обличенія! Неумолимое обвиненіе устремляется въ душу богоубійцъ, какъ стрѣла, которая должна пронзить ее, и все было такъ чудесно предуготовано, что эта стрѣла наноситъ вѣрный ударъ. Заслуги Жертвы, Ея святость, величіе Ея дѣлъ, божественность Ея посланничества представляются на первомъ планѣ картины. Ни одно обстоятельство не пропущено. Петръ съ намѣреніемъ указываетъ даже на національность Іисуса, этого Питомца Назарета, Который, будучи іудеемъ по племени и по сердцу, былъ братомъ Своихъ убійцъ. Онъ выясняетъ, что если Богъ допустилъ злодѣямъ свободу совершить преступленіе, то заставилъ и самую злобу ихъ служить исполненію плановъ Провидѣнія. Никто иной, какъ Онъ Самъ, въ часъ опредѣленный Его предвѣдѣніемъ, предалъ имъ Сына Своего. Ничто не произошло безъ Его повелѣнія или поущенія. Въ концѣ имѣвшаго совершиться преступленія, они ничего не подозрѣвали,

кроме торжества своей ненависти; Онъ же видѣлъ здѣсь спасеніе міра. Такимъ образомъ, благодаря Божественной премудрости, зло, которое они думали совершить, содѣлалось благомъ, и изъ преступленія злодѣевъ вышло спасеніе праведныхъ. Преступленіе ихъ тѣмъ не менѣе гнусно, ибо на немъ лежалъ явный отпечатокъ неблагодарности, нечестія и лицемерія. Чтобы не обагрить своихъ рукъ въ крови Божественнаго Посланника, они обратились къ рукѣ чужестранца, притѣснителя ихъ родины, и къ врагамъ Иеговы и храма. Но, несчастные, не сами ли они убили Того, Кого передали римлянамъ, чтобы отвести на смерть? Предавая святую Жертву мечу язычниковъ, не прибавляли-ль они къ убійству еще и святотатство?

Нѣтъ, они не могутъ сложить на другихъ отвѣтственность за преступленіе, которое всецѣло лежитъ на нихъ самихъ. Одни они потребовали Его казни и отвели на Голгофу; одни они, не смотря на Его чудесныя дѣянія, живыя, не имѣвшую ничего равнаго по святости, и Божественное Его посланничество, преступно умертвили Его.

Таково ихъ дѣло и таково, по сравненію съ нимъ, дѣло Божіе. Царь небесъ, въ Своей безконечной премудрости, можетъ на мгновеніе допустить, чтобы неправда восторжествовала надъ справедливостью. Но такое положеніе не можетъ продолжаться всегда и добродѣтель должна достигнуть своего славнаго торжества. Господь ожидалъ враговъ Своего Сына у самого камня Его гробницы. И здѣсь-то Онъ пожелалъ ниспровергнуть ихъ Своимъ всемогуществомъ, или лучше просвѣтить сіяніемъ Своей славы.

«Того, Котораго вы убили, говоритъ Петръ съ возрастающимъ энтузіазмомъ, Богъ воскресилъ, расторгнувъ узы смерти: потому что ей невозможно было удержать Его». Живой интересъ возбуждаетъ апологетическій методъ, внушенный первымъ орудіямъ Святаго Духа для

убѣжденія невѣрующихъ. Такъ какъ слушатели, къ которымъ обращался Апостоль Петръ, всецѣло состояли изъ іудеевъ, по религіи, если не по происхожденію, то Апостоль становится на почву Священнаго Писанія, которую раввинство почти одну только и допускаетъ. Этотъ внезапно просвѣщенный Духомъ Святымъ проповѣдникъ, еще наканунѣ бывшій простымъ рыбакомъ, вдругъ является столько же знакомымъ съ библейскими текстами, сколько и съ сѣтями Генисаретскаго озера. Онъ владѣетъ ими съ одинаковою легкостью. Онъ понимаетъ пророковъ, какъ Израильскій книжникъ. Такимъ образомъ, исполнилось слово, данное Господомъ Своимъ ученикамъ, ибо Онъ влагаетъ въ уста ихъ такую силу убѣжденія, которой трудно противостоять. Богодуховенность здѣсь очевидна. Она должна была сіять на челѣ Апостола и на устахъ его.

Исусъ не могъ оставаться въ узахъ смерти, «ибо Давидъ сказалъ объ Немъ: видѣлъ я предъ собою Господа всегда: ибо Онъ одесную Меня, дабы я не колебался. Отъ того возрадовалось сердце мое и возвеселился языкъ мой; даже и плоть моя упокоится въ упованіи. Ибо Ты не оставишь души моей въ адѣ и не дашь святому Твоему увидѣть тлѣнія. Ты далъ мнѣ путь жизни: Ты исполнишь меня радостію предъ лицомъ Твоимъ. Мужи братія! Да будетъ позволено съ дерзновеніемъ сказать вамъ о протцѣ Давидѣ, что онъ и умеръ и погребенъ, и гробъ его у насъ до сего дня ¹⁾. Вудучи же пророкомъ и зная, что

---

¹⁾ Соломонъ похоронилъ своего отца на горѣ Сіонѣ, на мѣстѣ града Давидова (3 Цар. 2, 10). По возвращеніи іудеевъ изъ плѣна, гробница Давида еще существовала (Неем. гл. 3). Впослѣдствіи Гирканъ вырубилъ за нее три тысячи талантовъ, часть которыхъ передалъ Антиоху Благочестивому, убѣждая его пощадить священный городъ. Незадолго до Рождества Христова, Иродъ похитилъ изъ одной изъ многочисленныхъ камеръ Давидовой усыпальницы заключавшіяся въ ней значительныя сокровища. Діонъ Кассій говоритъ, что при импе-

Богъ съ клятвою обѣщалъ ему отъ плода чреслъ его воздвигнуть Христа во плоти и посадить на престолѣ его, Онъ прежде сказалъ о воскресеніи Христа, что не оставлена душа Его въ адѣ и плоть Его не видѣла тлѣнія. Сего Иисуса Богъ воскресилъ, чему всѣ мы свидѣтели. И такъ Онъ, бывъ вознесенъ десницею Божіею и принявъ отъ Отца обѣтованіе Святаго Духа, излилъ то, что вы нынѣ видите и слышите. Ибо Давидъ не взомель на небеса, но самъ говоритъ: сказалъ Господь Господу Моему: сѣди одесную Меня, доколѣ положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ. Итакъ твердо знай весь домъ Израилевъ, что Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ сего Иисуса, Котораго вы распяли» (Дѣян. 2, 25—36).

Духъ Святой показываетъ здѣсь, какую осторожность долженъ былъ соблюдать Апостолъ при изложеніи основныхъ вопросовъ христіанства, чтобы слишкомъ яркимъ свѣтомъ не причинить вреда больнымъ или осужденнымъ на слишкомъ продолжительную темноту глазамъ. Иудеямъ недовѣрчивымъ и упорнымъ онъ ни слова не говоритъ о божествѣ Иисуса, какъ бы опасаясь потревожить преданное имъ отцами единобожіе. Онъ говоритъ объ Иисусѣ только какъ о человѣкѣ и если бы мы вздумали судить о личности Мессіи единственно по этой первой апологетической рѣчи, то пришлось бы отказаться отъ того, что для Апостола Иисусъ былъ дѣйствительно Богъ. Но Петръ не высказываетъ здѣсь послѣдняго слова своей вѣры. Она была гораздо опредѣленнѣе, когда онъ далъ извѣстный отвѣтъ Господу на пути въ Кесарію, а съ тѣхъ поръ она еще болѣе укрѣпилась вслѣдствіе многократныхъ явленій

раторъ Адрианъ мавзолей его лежалъ въ развалинахъ. Блаженный Іеронимъ еще видѣлъ его въ свое время. Мѣсто, которое нынѣ назначаютъ гробу Давидову, близъ предполагаемаго мѣста Горницы, заставляетъ думать, что, прозявша свою р.ч., Петръ могъ рукой указать на этотъ памятникъ.

Воскресшаго, чудеснаго Вознесенія Господня и просвѣщенія Духомъ Святымъ въ день Пятидесятницы. Такимъ образомъ цѣлью его было въ настоящемъ случаѣ представить слушателямъ, еще далеко не воспріимчивымъ къ пониманію высшихъ таинствъ жизни божественной, только лучезарную человѣчность Христа Спасителя. Безъ сомнѣнія, въ этомъ краткомъ очеркѣ онъ говоритъ о дѣйствіи Божества на человѣческую природу Іисуса, но только въ такихъ предѣлахъ, какъ будто дѣло идетъ объ общемъ воздѣйствіи Бога на человѣка, а не объ особомъ дѣйствіи втораго лица Св. Троицы въ человѣческой природѣ, съ которою Оно ипостасно соединилось. Петръ полагалъ конечно, что если онъ заставитъ признать сначала мессіанское достоинство Іисуса, то ему уже не трудно будетъ доказать, что Мессія долженъ быть Сынъ Божій и Богъ, какъ и Отецъ Его. Говоря объ одномъ только божественномъ призваніи Іисуса, онъ тѣмъ самымъ устраняетъ всякій болѣе или менѣе серьезный споръ. Ему нужно только ввести въ сознаніе слушателей, что человѣкъ воскресенный Богомъ былъ человѣкъ Божій, а затѣмъ, склонивъ слушателей на свою сторону, онъ уже безъ труда заставитъ ихъ воспринять истину во всей ея полнотѣ. Потому-то, въ яркомъ заключеніи рѣчи Апостола замѣчается пылкость обвинителя, которая уже обращаетъ на себя вниманіе при самомъ ея началѣ. Изложеніе событій поразительно въ своей краткости. Богъ содѣлалъ Іисуса Господомъ и Христомъ, Іудеи Его распяли. Кто же правъ: Іегова или Израиль? Конечно, Іегова: воскресеніе Іисуса доказываетъ это. Но если Израиль ошибся и сдѣлался убійцею Мессіи, то что отсюда можетъ послѣдовать? Ибо этотъ Мессія Іисусъ живетъ и понынѣ, сдѣлавшись Царемъ и Владыкою человѣчества навсегда. Какую участь уготовляетъ Онъ Своимъ мучителямъ? Столь важный вопросъ долженъ былъ смутить слушателей и заронить въ ихъ души глубокое

безпокойство. По свидѣтельству священнаго повѣствователя, это тягостное чувство заставило слушателей условно покориться слову Апостола.

Привлекая такимъ образомъ сердца къ Иисусу, Духъ Святый совершилъ великое чудо, гораздо болѣе поразительное, нежели сообщеніе человѣку дара языковъ. «Мужи и братія, говорили они Петру и прочимъ Апостоламъ, что намъ дѣлать?» «Покайтесь, сказалъ Петръ, и да крестится каждый изъ васъ во имя Иисуса Христа для прощенія грѣховъ и получите даръ Святаго Духа. Ибо вамъ принадлежитъ обѣтованіе и дѣтямъ вашимъ и всѣмъ дальнимъ, кого ни призоветъ Господь Богъ нашъ». Условіе спасенія и вступленія въ новую жизнь двоякое: одно внутреннее, другое внѣшнее. Первое заключается въ отвращеніи отъ грѣха, въ скорби о содѣянномъ грѣхѣ и въ твердомъ намѣреніи не грѣшить въ будущемъ. Второе—въ крещеніи, которое означаетъ омовеніе отъ грѣховъ, совлеченіе ветхаго человѣка и начало новаго бытія. Но теперь недостаточно того крещенія, которое преподается только въ знакъ покаянія, каковы были крещеніе Іоанна и то, которое предписывалось іудействомъ, принимавшимъ въ среду свою язычниковъ. Новый обрядъ является выраженіемъ вѣры. Онъ преподается именемъ Иисуса Христа, или лучше, по Его повелѣнію и соотвѣтственно съ Его заповѣдями. Получить это крещеніе значитъ воистину признать Иисуса Мессіею и Спасителемъ, принять Его ученіе, выступить на служеніе Ему и приобщиться къ Его заслугамъ. Посему, грѣхи отпускаются тому, кто крестился, и такъ какъ скверна упраздняется, то Духъ Святый занимаетъ мѣсто въ очищенной душѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не должно думать, что одни лишь Апостолы призваны были получить этотъ великій небесный даръ. Иисусъ общаетъ его всей Своей Церкви. Въ немъ примутъ участіе всѣ тѣ, которые, какъ бы ни были они далеки отъ Бога, перехо-

дять въ лоно Церкви Христовой изъ іудейства или язычества.

Въ то же время Апостолъ Петръ, въ другихъ своихъ рѣчахъ, которыхъ священный повѣствователь не сохранилъ для насъ, убѣждалъ тѣхъ изъ своихъ слушателей, которые уже были поколеблены, но еще оставались въ нерѣшительности. Онъ приводилъ новыя свидѣтельства въ подтвержденіе божественнаго посланничества Іисуса и говорилъ въ заключеніе: «Спасайтесь отъ рода сего развращеннаго». И такимъ образомъ, въ великій день Пятидесятницы, когда Израиль приносилъ Іеговѣ новые хлѣбы, Духъ Святый вмѣстѣ съ Сыномъ привели ко Отцу, руками Апостоловъ, три тысячи душъ обратившихся.

ГЛАВА III.

Жизнь первых христіанъ.

Чудесныя событія Пятидесятницы сдѣлали положеніе Апостоловъ и учениковъ исключительнымъ въ глазахъ толпы. Удостоенные дара чудесъ и пользуясь имъ, когда представлялся случай, они день ото дня замѣчали, что почти-тельное удивленіе къ нимъ со стороны прозелитовъ постепенно возрастаетъ. Священный повѣствователь говоритъ даже, что они распространяли нѣкій страхъ вокругъ себя: «былъ страхъ на всякой душѣ» (ст. 43), какъ всегда бываетъ съ тѣмъ, что, по свойству своему, повидимому соприкасается съ міромъ сверхъестественнымъ. Не было сомнѣнія, что Апостолы являются хранителями силы высшей и можетъ быть отмщенія. Богъ только что возвѣстилъ ихъ устами, что Онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ святотатственнымъ дѣйствіямъ Израиля къ своему Мессію. Мало по малу они сдѣлались средоточіемъ религіозной дѣятельности, возбуждившимъ подозрительность теократической партіи. За ними слѣдили, какъ за нововводителями, и зачислили ихъ въ вожди сектантства.

Между собою они назывались *братъями*, чтобы отмѣтить духъ нѣжной любви, которая ихъ соединяла. Когда ихъ мысль останавливалась на томъ, что Господь содѣлалъ для ихъ спасенія, то они называли себя *святъими*. Самое собраніе, или община, образовавшая стройное цѣлое,

получила названіе церкви — *эклісія*, заимствованное съ греческаго и напоминающее демократическія собранія въ Аѳинахъ. Маленькое, но дивное общество учениковъ Христовыхъ, какъ будто имѣло еще въ своей средѣ Того, Кѣмъ оно жило и дѣйствовало, и Павелъ, будучи гонителемъ этого общества, испытывалъ въ послѣдствіи такія угрызенія совѣсти, какъ будто онъ преслѣдовалъ Самого Іисуса Христа. Не было, въ самомъ дѣлѣ, ни одной добродѣтели Господа, которой оно не старалось бы прилагать къ жизни. Его образъ, плѣнительный по своей кротости, вѣжности, отеческой властности и лучезарной красотѣ, всегда былъ присущъ ученикамъ Его, и каждый изъ нихъ въ тысячахъ нравоучительныхъ повѣствованій, старался запечатлѣть въ душахъ членовъ юной Церкви этотъ поразительный и негибнущій образъ.

Необыкновенно поучительными и отрадными должны были быть эти благочестивыя бесѣды, въ которыхъ Апостолы и друзья Спасителя, собирая самыя дорогія свои воспоминанія, пересказывали внимательному собранію исторію Господа, Его рѣчи, обѣтованія и благословенія. Такимъ-то образомъ, Евангеліе облеклось въ свою первую, подлинную и авторитетную форму. Различнымъ разсказамъ, тысячу разъ повторяемымъ, придана была наконецъ однообразная устная редакція, составившая изъ нихъ какъ бы нѣкоторый катехизисъ, прочно опирающійся на преданія. Не слѣдуетъ искать иной причины одинаковости выраженій и оборотовъ рѣчи въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ, или синоптикахъ, хотя они весьма свободно и въ различномъ порядкѣ распредѣляютъ одинаковыя повѣствованія и рѣчи, или вставляютъ по мѣстамъ слова, представляющія кажущееся противорѣчіе.

Ученіе новой религіи сначала все заключалось въ этихъ повѣствованіяхъ, и такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, то оно и принималось, какъ въ высшей сте-

пени общедоступное. Богословіе умозрительное, опредѣляющее и устанавливающее догматы научнымъ образомъ, не могло бы быть воспринято умами, мало подготовленными къ пониманію ихъ, и въ средѣ еще слишкомъ юной, чтобы усваивать слишкомъ питательную пищу, начатки которой и Апостолъ Павелъ рѣшался дать только болѣе крѣпкимъ умамъ. Для каждаго прозелита достаточно было видѣть на дѣлѣ великія таинства христіанства, чтобы знать и исповѣдывать ихъ, и вѣра его не была оттого ни менѣе просвѣщенною, ни менѣе сильною, нежели наша. Не задавая себѣ вопросовъ о томъ, требуется ли природою Существа безконечнаго, чтобы оно вѣчно дѣйствовало, сознавало и любило Себя взаимно, каждый тѣмъ не менѣе ясно видѣлъ въ Евангеліи Священную Троицу съ Отцемъ управляющимъ міромъ, который Онъ сотворилъ, Сыномъ искупающимъ его чрезъ воплощеніе и Духомъ Святымъ проникающимъ его Своимъ дыханіемъ. Въ повѣствованіи о страданіяхъ Спасителя ученики усматривали въ особенности исторію божественнаго милосердія и человѣческой злобы, и все зданіе вѣры прочно основывали на воскресеніи Распятаго. Таинства, какъ средства, чрезъ которыя подается благодать Божія, предлагались въ то время новообращеннымъ подъ различными формами: Крещенія, отпущенія грѣховъ, общенія Духа въ различныхъ степеняхъ и Евхаристіи. Такимъ образомъ, вся совокупность первыхъ и существенныхъ догматовъ съ возрастающею ясностію выдѣлялась изъ проповѣди апостольской или изъ самаго исповѣданія первенствующей церкви.

Нравственность же, напротивъ того, какъ руководство въ жизни практической, принята была во всей своей полнотѣ и съ самаго начала исполнялась съ вѣрностію, мужествомъ и самоотверженіемъ, выше которыхъ ничего не было впослѣдствіи. Прозелиты, въ самомъ дѣлѣ, довольствовались только тѣмъ, что съ священною ревностію

слушали ученіе Апостоловъ, они еще размышляли объ немъ и прилагали его къ своей ежедневной дѣятельности. Какое это было чудное время, когда всѣ вѣрующіе, имѣя одно сердце и одну душу, дѣлили между собою однѣ и тѣже мысли, стремленія и добродѣтели! Ихъ жизнь была непрестанною молитвою, бесѣда непрестаннымъ общеніемъ благодатныхъ даровъ, трапеза непрестанною вечерію любви, которая завершилась великимъ памятникомъ искупленія—таинствомъ Евхаристіи.

Такимъ образомъ, по плану Божественнаго Промысла, новая религія утвердилась на проповѣди и жертвоприношеніи какъ на двухъ основахъ своей вѣковѣчной неизблемости, и мы видимъ, что съ самаго начала, въ двоякомъ приобщеніи къ Слову Божію, преподаваемомъ чрезъ ученіе и причащеніе, Церковь обрѣла жизненность и силу развитія, которыя послужили прочнымъ обезпеченіемъ ея будущности. Своимъ ученіемъ она приводила всѣ умы къ единомыслию и соединяла ихъ въ одномъ и томъ же актѣ вѣры. Чрезъ таинство Евхаристіи, это величайшее дѣло мудрости и любви божественной, она соединяла сердца въ самомъ святомъ и тѣсномъ братствѣ. Соединенные между собою этими двоякими узами, вѣрующіе въ тоже время соединяются съ Богомъ, ибо если чрезъ ученіе они раздѣляютъ Его мысль, то чрезъ Евхаристію они приобщаются къ Его жизни. Въ этомъ таинствѣ Церковь имѣла несокрушимую преграду, отдѣлявшую ее отъ обряда Моисеева. Крестъ сталъ нерушимою стѣною между учениками Іисуса и іудеями, отдѣляя послѣднихъ назадъ и выдвигая христіанъ впередъ. Христосъ умеръ: это было преступнымъ дѣяніемъ однихъ и спасеніемъ другихъ, угрызевіемъ совѣсти для упорствующихъ и упованіемъ для вѣрующихъ, точкою отправленія новосозданнаго общества. Игнатій Богоносецъ имѣлъ основаніе назвать крестъ «великимъ орудіемъ спасенія», чрезъ которое Спаситель,

Своими распростертыми руками, призываетъ и привлекаетъ къ Себѣ весь міръ. Крестъ упразднилъ синагогу и основалъ Церковь. Живымъ и дѣйственнымъ воспоминаніемъ о немъ послужила Евхаристія. Его чтили со всею вѣрностью признательной любви, и первымъ предметомъ богослуженія было таинственное освященіе хлѣба и вина. Вечери любви, устрояемыя сообща съ трогательною простотою и сердечностью, предшествовали этому величественному обряду, или сопровождали его.

Какъ сердца у первыхъ христіанъ находились въ единеніи, такъ и мѣнія ихъ готовы были смѣшаться между собою. По естественному чувству любви, большая часть вѣрующихъ начали продавать изъ имѣній своихъ что могли и считали себя счастливыми, употребляя вырученные деньги на пользу общины. Еще при жизни Господа Апостолы руководствовались этимъ правиломъ, и они не находили ничего лучшаго, какъ продолжать его примѣненіе. Такимъ образомъ, бѣдные неожиданно были подняты до уровня богатыхъ, и такъ какъ никто не имѣлъ надобности заботиться о завтрашнемъ днѣ, то это давало всѣмъ возможность употреблять время на слушаніе Слова Божія и на общественную и частную молитву. Востокъ есть такая страна, гдѣ человѣкъ весьма легко живетъ безъ занятій матеріальныхъ, если только его занимаютъ мыслию религіозною. Символъ поколѣнія имѣетъ непреодолимое влеченіе къ предметамъ, касающимся души и Бога. Оно создано для созерцанія и молитвы. Даже въ настоящее время, помимо вопросовъ, въ которыхъ играетъ роль оружіе, единственное средство соединить, одушевить и увлечь людей въ этой странѣ солнца—это обратиться къ ихъ религіозности. Они охотно забудутъ все, чтобы послѣдовать свойственному имъ инстинкту, влекущему ихъ къ тѣснѣйшимъ сношеніямъ съ высшимъ міромъ.

Замѣчательно, однако, что первые вѣрующіе, насаждая

въ домахъ своихъ, частнымъ образомъ, новыя формы богочтенія, болѣе возвышеннаго, нежели религіозныя установленія Моисея, долгое время не переставали подчиняться публично требованіямъ закона Моисеева. И есть нѣчто трогательное въ этомъ продолжающемся почтеніи учениковъ къ закону Моисееву, въ этомъ соединеніи двухъ началъ совершенно противоположныхъ и однако уживавшихся между собою, не въ силу какой нибудь сдѣлки, а вслѣдствіе совершенно естественнаго сліянія. Въ началѣ, ученики Іисуса суть іудеи и христіане въ одно и тоже время. Они аккуратно посѣщаютъ храмъ и смѣшиваются здѣсь съ толпою богомольцевъ. Для нихъ новая религія была не противоположностью, но славнымъ плодомъ религіи древней. Они разсуждали совершенно вѣрно, что святыя души того и другаго Завѣта въ дѣйствительности составляютъ одну и ту же Церковь, вокругъ одного и того же Мессіи, непризнаннаго одними и радостно принятаго другими, но составляющаго единственный предметъ чаяній Израиля. Да и Самъ Господь не дѣйствовалъ-ли съ такою же осмотрительностію, засвидѣтельствовавъ Свое уваженіе къ служенію Іоанна Крестителя и съ великою осторожностію устраняя въ Моисеевыхъ учрежденіяхъ то, что могло задерживать развитіе новой религіозной жизни? Мудрая осторожность, благочестивая осмотрительность требовались и здѣсь, ибо переходное состояніе все еще продолжалось. Единому Богу, Творцу Вѣтнаго Завѣта, подобало возвѣститъ всѣмъ, чрезъ разрушеніе храма и уничтоженіе національности Израиля, что наступилъ законный конецъ Моисеевыхъ учреждений.

Вотъ почему маленькая Іерусалимская Церковь, хотя и жила своею самобытною, личною и частною жизнію, находила еще нужнымъ по наружности оставаться въ подчиненіи и у Закона. Она желала съ честію погребсти синагогу. Но не должно забывать, что ея уступчивость іудей-

ству была ничѣмъ инымъ какъ національною почестію, воздаваемою славному прошлому, которое угасало и меркло. Послѣ нѣсколькихъ превій, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, Церковь признала, что прозелиты, перешедшіе изъ язычества, свободно могутъ оставаться чуждыми этому чувству. Она приняла ихъ въ свою среду прямо, безъ предварительнаго искуса въ синагогѣ. Для всѣхъ истинныхъ учениковъ Христа само собою разумѣлось, что такъ какъ Царство Божіе перестало быть національнымъ и сдѣлалось лично каждому принадлежащимъ, то входить въ него можно не по званію сына Израилева, но чрезъ вѣру и покаяніе. Самые прозорливые всегда признавали главнымъ предметомъ религіи живое и духовное богопочтеніе, которое они отправляли въ своихъ частныхъ собраніяхъ, и только здѣсь укрѣплялся самый пламенный прозелитизмъ.

Нельзя себѣ представить, сколько живыхъ силъ придаютъ общинѣ, ратующей за извѣстную идею, исключеніе изъ среды ея всѣхъ уродливыхъ и неопредѣленныхъ примѣсей, жизнь совершенно обособленная, полное разумѣніе средствъ, находящихся въ ея распоряженіи, и испытываемое каждымъ личное чувство, что онъ промыслительно является участникомъ въ совершеніи великаго дѣла. Намъ кажется, что послѣ преобладательнаго воздѣйствія Духа Святаго на первенствующую Церковь, наиболѣе дѣйственною причиною ея быстрого распространенія былъ самый родъ ея первоначальнаго существованія. Въ самомъ дѣлѣ, зная своихъ, она умѣла удерживать въ своей средѣ тѣхъ, кто, несмотря ни на какія препятствія и соображенія, рѣшился принадлежать ей. Такимъ образомъ, въ ней было столько же апостоловъ, защитниковъ и подвижниковъ, сколько членовъ. Съ той минуты, когда въ какомъ-либо обществѣ безнаказанно терпятъ людей нерѣшительныхъ, слабыхъ и даже недостойныхъ,

рядомъ съ добрыми, дѣятельность настоящая притупляется и жизненный нервъ порывается. Увеличилась численность, но рядомъ съ ней явилось ослабленіе. Когда, напротивъ, братья чувствуютъ себя достойными другъ друга, то они взаимно любятъ и защищаютъ одинъ другаго съ полною увѣренностью. Они доказываютъ, что для того, чтобы быть силою, нѣтъ надобности быть массою. Изъ этихъ-то замкнутыхъ собраній Іерусалима, Антиохіи, Ефеса, Коринѳа, а позже римскихъ катакомбъ, вышло то могучее дерево, которому предназначено было покрыть весь міръ своими вѣтвями. Всюду, гдѣ домохозяинъ не боится прибѣгнуть къ сѣкирѣ для очистки вѣтвей, дубъ зеленѣетъ съ новою силою и глубже пускаетъ свои корни.

Въ Іерусалимѣ народъ обратилъ вниманіе на первыхъ христіанъ, которые мало-по-малу составили многочисленную семью въ средѣ великаго города, оказали себя полными благорасположенія ко всѣмъ, принимали нищихъ, утѣшали несчастныхъ и не требовали никакого общественнаго вознагражденія за свои добродѣтели. Понятно, что народъ началъ относиться къ нимъ съ уваженіемъ. Отсюда до желанія соединить свою жизнь съ ихъ жизнью—оставался одинъ только шагъ. Число избранныхъ, говоритъ Книга Дѣяній, видимо возрастало. Между тѣми, которые были только проѣздомъ въ Іерусалимъ, не разъ встрѣчались люди, которые, нашедши себѣ мѣсто въ благочестивомъ ульѣ, чувствовали въ себѣ желаніе основать въ другомъ мѣстѣ новый рой. Жадно слагали они въ своей душѣ необходимыя качества, для того, чтобы съ успѣхомъ проповѣдывать Евангеліе въ отдаленныхъ мѣстахъ. Они записывали или изучали на память благочестивыя повѣствованія евангельской исторіи и потомъ, получивъ возложеніе рукъ апостольскихъ и исполненные Духа свыше, шли туда, гдѣ, между торговыми сношеніями, Провидѣніе предназначило имъ пронести благую вѣсть. Вѣроятно,

что многія и наиболѣе знаменитыя церкви возникли подъ стопами этихъ мужественныхъ труженниковъ. И какъ были просты эти времена вѣры! Исторія не сохранила даже именъ первыхъ сѣятелей Евангелія въ самыхъ важныхъ центрахъ. Каждый ревностно совершалъ свое дѣло и, совершивъ его, воздавалъ славу единому Богу, говоря: «я былъ рабъ неключимый!» Къ счастью, имя такого подвижника тѣмъ болѣе было славно на небѣ, чѣмъ менѣе извѣстно на землѣ.

Этотъ періодъ внутренней дѣятельности въ Иерусалимѣ и апостольское служеніе не названныхъ по имени лицъ внѣ его, лицъ, которыхъ собственныя дѣла преобразили въ проповѣдниковъ Евангелія на всѣхъ пунктахъ имперіи, продолжался гораздо долѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Онъ обнимаетъ время по крайней мѣрѣ до трехъ, а можетъ быть даже до шести лѣтъ, и начинаясь отъ смерти Спасителя простирается до убіенія Стефана. Богъ, въ Своихъ дѣлахъ, не требуетъ излишней поспѣшности. Премудрость Его даетъ человѣческимъ добродѣтелямъ время созрѣть и когда Онъ видитъ, что сѣмя готово, то самымъ нечестивымъ дозволяетъ поднять бурю, которая разнесетъ его по бороздамъ человѣчества.

Странное совпаденіе обстоятельствъ! Между тѣмъ какъ христіанская Церковь, въ полномъ сознаніи нравственной силы человѣка, удивляла міръ духомъ любви, кротости и безусловной святости,—язычество, достигнувъ апогея безнравственности и безумія, напротивъ выставляло на видъ въ самомъ Римѣ все безобразіе и всю горечь своихъ плодовъ. Это было около конца царствованія Тиверія. Лукавый и безстыдный тиранъ старался заглушить въ своихъ окровавленныхъ рукахъ послѣднія проявленія человѣческаго достоинства и свободы. Побуждаемые имъ доносчики, то-есть патентованная ненависть, зависть и ложь, немилосердно разрушали общество сверху, между тѣмъ

какъ Апостолы начинали возсозидать его снизу. Все, что можно вообразить себѣ недостойнаго, противообщественнаго и гнуснаго, стояло въ Римѣ на сторонѣ язычества, которое готовилось сказать свое послѣднее слово. Все же, что есть прекраснаго, великаго и чистаго, нарождалось въ Іерусалимѣ вмѣстѣ съ новою религіей. Тамъ люди ненавидѣли, предавали и убивали другъ друга. Здѣсь они нѣжно одинъ другаго любили, другъ друга поддерживали и жили какъ братья. Нѣтъ ничего поучительнѣе, съ точки зрѣнія апологетической, какъ глубокая параллель между этими двумя обществами, изъ которыхъ одно клонилось къ паденію, а другое было на зарѣ своего существованія, этихъ двухъ народовъ, изъ коихъ одинъ принадлежалъ злему духу, а другой Іисусу Христу. Правиломъ перваго была полная эгоизма ненависть, другаго—неисчерпаемая любовь. Но мы въ послѣдствіи встрѣтимся съ борьбою ихъ въ Римѣ и увидимъ, чѣмъ окончится этотъ величественный поединокъ, который безъ вѣдома самаго Рима, начался въ этотъ самый моментъ евангельской исторіи, чтобы привести къ гибели язычества и наступленію новаго міра.

ГЛАВА IV.

Петръ и Іоаннъ, по исцѣленіи разслабленнаго, говорятъ рѣчи къ народу и подвергаются заключенію въ темницѣ.

Такъ какъ Церковь христіанская должна была отдѣлиться отъ іудейства и пойти на встрѣчу язычеству только чрезъ рядъ потрясеній, то нужно было ожидать преслѣдованій, которыя, по неисповѣдимымъ судьбамъ Промысла Божія, должны были привести къ этому результату. Да и возможно-ли было, что священническая партія, такъ безпощадно преслѣдовавшая Іисуса, допустила свободное размноженіе въ Святомъ Градѣ прямыхъ истолкователей Его ученія и защитниковъ Его памяти? Чудо, на глазахъ всѣхъ совершенное у самыхъ дверей храма, послужило поводомъ къ первымъ проявленіямъ вражды къ Апостоламъ. Вѣроятно, по этой причинѣ, священный повѣствователь, упомянувъ лишь въ общихъ выраженіяхъ о множествѣ чудесъ, совершенныхъ учениками (Дѣян. 2, 43), останавливается съ большею подробностію на чудѣ у дверей храма.

Однажды, около трехъ часовъ пополудни, Петръ и Іоаннъ отправились въ храмъ, для участія въ общественной молитвѣ и вечернемъ жертвоприношеніи. Такимъ образомъ, апостольская община, съ самою поучительною точностью, продолжала исполнять обязанности, которыя Законъ возлагалъ на всякаго благочестиваго израильянина.

Петръ и Іоаннъ были вмѣстѣ. Господь внушалъ ученикамъ ходить по двое, и скорбныя событія страданій Христовыхъ, равно какъ и неожиданные факты Воскресенія ¹⁾, закрѣпили узы самой тѣсной дружбы между этими двумя апостолами, несмотря на различіе ихъ характеровъ. Изъ всего сонма апостоловъ только одинъ Іоаннъ былъ личнымъ свидѣтелемъ Петрова паденія. Можетъ быть, для Петра служила нѣкоторымъ утѣшеніемъ эта близость къ Іоанну, дабы содѣлать его свидѣтелемъ своего покаянія.

Подойдя къ такъ называемымъ краснымъ дверямъ, они хотѣли уже вступить на первый дворъ храма, какъ услышали, что ихъ зоветъ нищій. Этотъ бѣднякъ, у котораго ноги были сведены отъ рожденія, былъ ежедневно приносимъ сюда для прошенія милостыни. И во всѣ времена нищета располагалась у дверей священныхъ зданій, въ надеждѣ, что общественная благотворительность здѣсь скорѣе, чѣмъ гдѣ-либо, придетъ ей на помощь. Сюда обыкновенно стекаются люди сострадательные, и внутренній голосъ напоминаетъ каждому, что вѣрнѣйшее средство получить милость отъ Бога состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего самому выслушивать просьбы бѣдняковъ.

Петръ и Іоаннъ, всмотрѣвшись въ просившаго, какъ бы съ желаніемъ ознакомиться съ его положеніемъ и личностью, сказали ему: «Взгляни на насъ». Этимъ приглашеніемъ апостолы желали подвергнуть его непосредственно своему нравственному и физическому вліянію. Онъ ожидалъ простой милостыни; но апостолы, исцѣленіемъ его членовъ, желали возратить ему наилучшее благо въ жизни. Хромою пристально посмотрѣлъ на нихъ. Петръ сказалъ: «Серебра и золота нѣтъ у меня, а что имѣю, то даю тебѣ: во имя Іисуса Христа Назорея, встань и ходи». Это приказаніе было дано съ такою силой, которая свойственна

¹⁾ Лук. 22, 8; Іоан. 18, 15. 19, 26; 20, 2; 21, 7.

человѣку, увѣренному въ своемъ могуществѣ. Петръ чувствовалъ чего Богъ требовалъ отъ него въ эту минуту и что онъ могъ совершить именемъ своего Господа. Призывая Его, со всѣми титлами славы и униженія ¹⁾, апостоль распорядился съ царственною властностію. Нимало не медля, онъ взялъ хромого за правую руку, чтобы помочь ему подняться. Но хромой уже чувствовалъ, что его ступни и колѣна укрѣпляются. И дѣйствительно, онъ вдругъ вскакиваетъ, становится прямо, начинаетъ ходить какъ всѣ люди ²⁾ и, скача отъ радости, входитъ въ храмъ вмѣстѣ съ своими благодѣтелями.

Народъ, увидѣвъ, что нищій, котораго всѣ знали какъ хромого отъ рожденія, ходитъ какъ и всѣ, былъ пораженъ изумленіемъ и проникся священнымъ ужасомъ. Сомнѣнія въ личности хромого не могло быть; очевидно, это былъ тотъ самый несчастливецъ, который около сорока лѣтъ находился въ параличномъ состояніи (Дѣян. 4, 22) и самъ не могъ приходить въ храмъ, но былъ приносимъ и сажаемъ другими при дверяхъ храма; нельзя было сомнѣваться и въ наличности чуда, такъ какъ хромой стоялъ теперь на ногахъ, ходилъ, бѣгалъ и скакалъ какъ ребенокъ. И все это было дѣломъ двухъ человѣкъ, которые,

---

¹⁾ Всѣ титла Иисуса находятся въ этомъ призваніи: *Иисусъ*—Господь, избавляющій народъ Свой отъ грѣха (Мате. 1, 21); *Христосъ*—Мессія, предвозвѣщенный пророками (Дѣян. 2, 31); *Назорей*—наименованіе, изъ-за котораго Онъ былъ презрѣнъ іудеями и отвергнутъ Своимъ народомъ (Мате. 2, 23; Іоан. 1, 47).

²⁾ Это живописное изображеніе чуда вполне соответствуетъ научнымъ требованіямъ и достойно историка, знакомаго съ врачебнымъ искусствомъ. Послѣдовательное состояніе хромого, надъ которымъ совершилось чудо, есть сама натура, схваченная въ дѣйствиіи. Хромой чувствуетъ, что жизнь возраждается въ его чреслахъ и ногахъ и сила возвращается въ ступни; онъ разомъ вскакиваетъ, твердо держится, ходитъ, скачетъ и хвалитъ Бога.

проходя мимо, произнесли нѣсколько словъ! Человѣкъ, надъ которымъ совершенно было чудо, своимъ поведеніемъ указывалъ тѣхъ, кто были его благодѣтелями, ибо, почтительно слѣдуя за апостолами, онъ какъ будто не хотѣлъ ихъ покинуть.

Петръ и Іоаннъ направились къ притвору Соломонову и толпа, внѣ себя отъ изумленія предъ совершившимся чудомъ, съ шумомъ послѣдовала за ними. Не обращая вниманія на мѣсто, гдѣ всѣ они находились, и на духовныя власти, которыя могли прійти въ раздраженіе, Петръ призналъ нужнымъ воспользоваться этимъ случаемъ и преподать назиданіе людямъ, которыхъ въ такое сильное волненіе привело совершившееся чудо. «Мужи израильскіе сказалъ онъ,—что дивитесь сему, или что смотрите на насъ, какъ будто бы мы своею силою или благочестіемъ сдѣлали то, что онъ ходитъ?» Апостолъ не выполнилъ бы своего предназначенія, если бы, увлекаясь народнымъ восторгомъ, поставилъ себя на мѣсто Того, Кого онъ долженъ былъ проповѣдывать и прославлять, и онъ въ сильныхъ выраженіяхъ привлекаетъ общественное вниманіе на Іисуса, истиннаго Творца совершившагося чуда и единого имѣющаго право на благоговѣнное поклоненіе всѣхъ.

«Богъ Авраама, Исаака и Іакова, продолжалъ онъ, Богъ отцовъ нашихъ, прославилъ Сына Своего Іисуса, Котораго вы предали и отъ Котораго отреклись предъ лицомъ Пилата, когда онъ полагалъ освободить Его. Но вы отъ Святаго и Праведнаго отреклись, и просили даровать вамъ человѣка убійцу, а Начальника жизни убили. Сего Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, чему мы свидѣтели. И ради вѣры во имя Его, имя Его укрѣпило сего, котораго вы видите и знаете, и вѣра, которая отъ Него, даровала ему исцѣленіе сіе предо всѣми вами».

Петръ снова возвращается къ обвиненію, которое онъ

произнесъ въ день Пятидесятницы. По его убѣжденію всякое возникающее чудо имѣетъ цѣлію яснѣе выразить глубокую противоположность между судомъ Божиимъ по отношенію къ Иисусу и судомъ, которому подвергли Иисуса іудеи. Чѣмъ рѣзче они отвергли, унизили и обезславили Иисуса, тѣмъ болѣе благоугодно Богу оправдать и прославить Его и доказать, что Онъ былъ истиннымъ Сыномъ Его. Захотятъ ли наконецъ іудеи открыть глаза, признать, что Богъ праведенъ по отношенію къ нимъ, и воздать Ему поклоненіе? Но въ случаѣ, если они будутъ расположены къ этому, могутъ ли они надѣяться на прощеніе столь великаго преступленія? Таковы вопросы, которые ставитъ ревность апостола и отвѣтъ на которые облегчается чувствомъ милосердія, смягчающимъ нечестивое Богоубійство.

«Впрочемъ я знаю, братія, присовокупляетъ апостоль, — что вы, какъ и начальники ваши, сдѣлали это по невѣдѣнію; Богъ же, какъ предвозвѣстилъ устами всѣхъ Своихъ пророковъ—пострадать Христу, такъ и исполнилъ». Ошибка составляетъ не столько преступленіе, сколько несчастіе. Достаточно отказаться отъ своего заблужденія, чтобы предстать предъ Богомъ въ положеніи, подобающемъ истинно кающемуся. Признать истину значитъ возненавидѣть заблужденіе и слѣдовательно покаяться. «Итакъ покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грѣхи ваши, да придутъ времена отрады отъ лица Господа, и да пошлетъ Онъ предназначеннаго вамъ Иисуса Христа, Котораго небо должно было принять до временъ совершенія всего, что говорилъ Богъ устами всѣхъ святыхъ Своихъ пророковъ отъ вѣка». Израиль такимъ образомъ не извергнуть изъ домостроительства искупленія. Дабы пріобщиться къ Нему дѣйствительнымъ образомъ, достаточно одного его желанія. Божественное милосердіе уготовляетъ

еще ему дни спасенія. Мессія не отрицается проповѣдывать ему чрезъ благодать и Евангеліе. Итакъ пусть онъ проявитъ свое раскаяніе. Развѣ такъ трудно видѣть, что древнія пророчества исполнились и что остается только вѣрно слѣдовать голосу Пастыря, явившагося во Израили? Древній законодатель израильскаго народа не указалъ ли душамъ всѣхъ вѣрующихъ будущаго Мессію? Для чего же отказываться идти къ Нему?

«Моисей сказалъ отцамъ: Господь Богъ вашъ воздвигнетъ вамъ изъ братьевъ вашихъ Пророка, какъ меня; слушайтесь Его во всемъ, что Онъ ни будетъ говорить вамъ; и будетъ, что всякая душа, которая не послушаетъ Пророка Того, истребится изъ народа». (Втор. 18, 15—18). За исключеніемъ смертной казни, отлученіе изъ среды народа было самымъ строгимъ наказаніемъ, какому только можно было подвергнуть сына израилева. По закону Моисееву, тотъ кто отказывается признать Мессію, тѣмъ самымъ подлежитъ этому наказанію. Тоже будетъ и съ тѣми, кто не отзовется на братское приглашеніе Петра. Оно опирается на великомъ откровеніи Божиѣмъ, данномъ не чрезъ одного только Моисея, но и чрезъ весь славный рядъ посланныхъ Имъ мужей. И дѣйствительно, «всѣ пророки отъ Самуила и послѣ него, сколько ихъ ни говорили, также предвозвѣстили дни сіи. Вы сыны пророковъ и завѣта, который завѣщавалъ Богъ отцамъ вашимъ, говоря Аврааму: и въ сѣмени твоѣмъ благословятся всѣ племена земныя. Богъ, воскресивъ Сына Своего Іисуса, къ вамъ первымъ послалъ Его благословить васъ, отвращая каждого отъ злыхъ дѣлъ вашихъ».

Оба апостола еще продолжали говорить народу и намѣревались безъ сомнѣнія развитъ выраженные ими истины и сдѣлать изъ нихъ самые отрадные выводы, когда появились священники, бывшіе на очереди служе-

нія въ тотъ день. Начальникъ стражи при храмѣ и нѣ-
сколько членовъ саддукейской секты также были съ ними.
Говорить народу въ притворѣ Дома Божія, не получивъ
на это полномочія и противъ воли духовныхъ властей,—
не было ли святотатственною дерзостью? Посему-то свя-
щенники и потребовали главнаго начальника стражи ¹⁾ и
съ нимъ вмѣстѣ приступили къ двумъ апостоламъ, чтобы
заставить ихъ умолкнуть. Группа саддукеевъ, раздражен-
ныхъ тѣмъ, что апостолы проповѣдуютъ ученіе о воскре-
сеніи, уже не какъ теорію или предметъ упованія, а какъ
фактъ, подтверждаемый самымъ воскресеніемъ Іисуса,
распалая еще болѣе ихъ ярость и готовились поддержать
ихъ требованія. Мы впрочемъ увидимъ въ послѣдствіи,
что эта партія захватываетъ себѣ все болѣе и болѣе пре-
обладающее вліяніе въ борьбѣ, которая возгорается про-
тивъ Церкви, и дѣлается самымъ ожесточеннымъ ея про-
тивникомъ. Безъ дальнихъ предосторожностей, эта толпа
налагаетъ руки на обоихъ проповѣдниковъ и какъ уже
было слишкомъ поздно ²⁾, чтобы устроить судъ надъ ними,
то ихъ отдаютъ подъ стражу, отложивъ судебную про-
цедуру до слѣдующаго дня.

Насиліе не доказательство. Для народа, только что

---

¹⁾ Начальникъ стражи, о которомъ здѣсь говорится, былъ священ-
никъ, распоряжавшійся охранителями храма, а въ эту послѣднюю
должность вступали очередные священники. Начальникъ занималъ
сравнительно важную роль, такъ какъ наблюдалъ за цѣлостію и со-
хранностію святилища и находился въ числѣ значительныхъ лицъ
города. Іосифъ Флавій упоминаетъ объ одномъ изъ такихъ лицъ Анаѣ,
который былъ отправленъ Квадратомъ въ Римъ, вмѣстѣ съ первосвя-
щенникомъ Ананіею, для отвѣта предъ императоромъ Клавдіемъ за
безпорядки, происшедшіе въ Іудеѣ.

²⁾ Исцѣленіе нищаго произошло около трехъ часовъ по-полудни;
слѣдовательно, апостолы могли быть схвачены не раньше пяти или
шести часовъ вечера.

произнесенная рѣчь оставалась тѣмъ болѣе убѣдительною, что она видимо подтвердилась чудомъ исцѣленія хромаго. Великое число присутствовавшихъ при всемъ этомъ объявили себя готовыми покаяться [и увѣровать въ Иисуса. Съ этой минуты пять тысячъ человѣкъ торжественно приобщились къ вѣрѣ нарождавшейся Церкви, къ ея жизни и упованіямъ ¹⁾]. Ловцы человѣковъ не напрасно забросили свои мрежи.

---

¹⁾ Изъ священнаго текста неясно видно, обратилъ ли Петръ послѣднею рѣчью пять тысячъ человѣкъ, или эту цифру образовали всѣ обращенные до этого дня, со включеніемъ и тѣхъ трехъ тысячъ, которые обратились ранѣе. Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ послѣднее предположеніе. Въ текстѣ (4, 4) не сказано, какъ ранѣе (2, 41): «и присоединились пять тысячъ человѣкъ», а говорится: «и было число таковыхъ людей (увѣровавшихъ) около пяти тысячъ». Болѣе вѣроятно, что здѣсь имѣется въ виду общее число обращенныхъ къ этому дню.

ГЛАВА V.

Петръ и Іоаннъ предъ синаedrіономъ.

На другой день синаedrіонъ собрался въ торжественное засѣданіе. Здѣсь должны были обязательно присутствовать представители трехъ сословій: священники, книжники и старѣйшины народа, въ числѣ 71 человѣка. Предсѣдательствовалъ Анна, котораго священный повѣствователь именуетъ первосвященникомъ, хотя первосвященство давно уже было отнято у него римлянами и мѣсто его занималъ Каіафа. Но извѣстно, что для истинныхъ іудеевъ вторженіе избранниковъ чужестранца не отнимало у сверженнаго первосвященника непререкаемыхъ правъ его на званіе, считавшееся пожизненнымъ, и если то или другое лицо могло сдѣлаться великимъ первосвященникомъ фактически, то только избранникъ самихъ іудеевъ оставался таковымъ по праву. Таковы были права Анны по отношенію къ его четыремъ преемникамъ, навязаннымъ римлянами, и въ частности по отношенію къ зятю его Каіафѣ, котораго онъ повидимому подавлялъ всею силою своего гордаго и предприимчиваго характера. Рядомъ съ нимъ засѣдали Каіафа, Іоаннъ, Александръ и нѣсколько членовъ первосвященническаго рода. Такъ какъ по крайней мѣрѣ пятеро изъ нихъ были или имѣли право быть призванными къ верховному первосвященству, то

совершенно естественно, что они занимають здѣсь почетныя мѣста.

Петръ и Іоаннъ были введены въ священное собраніе и поставлены въ срединѣ залы, шедшей полукругомъ. Допросъ начался съ предварительнаго вопроса: «Какую силою или какимъ именемъ вы сдѣлали это?» Судьи не осмѣлились дать какое либо другое опредѣленіе совершившемуся событію, какъ только въ этой, неясной и недостаточной формѣ. Говорить о чудѣ и даже объ исцѣленіи казалось имъ дѣломъ затруднительнымъ и непріятнымъ, и поэтому чудо они назвали: «это». Іисусъ, общавшій ученикамъ Своимъ, что Онъ не оставитъ ихъ, когда они будутъ предстоять судьямъ, показалъ теперь, какъ Онъ выполняетъ Свое обѣтованіе. Духъ Святой вложилъ въ уста Петровы такое блестящее и сильное краснорѣчіе, предъ которымъ никто устоять не могъ.

«Начальники народа и старѣйшины израильскіе! сказалъ Петръ,—если отъ насъ сегодня требуютъ отвѣта въ благодѣяніи человѣку немощному, какъ онъ исцѣленъ, то да будетъ извѣстно всѣмъ вамъ и всему народу израильскому, что именемъ Іисуса Христа Назорея, Котораго вы распяли, но Котораго Богъ воскресилъ изъ мертвыхъ, Имъ поставленъ онъ предъ вами здравъ. Онъ есть камень, пренебреженный вами зиждущими, но сдѣлавшійся главою угла, и нѣтъ ни въ комъ иномъ спасенія (Псал. 117, 22), ибо нѣтъ другаго имени подъ небомъ, даннаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись».

Петръ выражаетъ удивленіе предъ судьями, что онъ и его сотрудникъ привлечены къ отвѣту за исцѣленіе немощнаго. Развѣ оказанное благодѣяніе составляетъ преступленіе? Во всякомъ случаѣ, если они признають фактъ исцѣленія,—вѣдь онъ послужилъ поводомъ къ судебному преслѣдованію, а исцѣленный находится тутъ же,—то они должны признать, что исцѣленіе было чудесно. И въ та-

комъ случаѣ, имъ вовсе не приличествуетъ относиться презрительно или къ событію, или къ Тому, именемъ Котораго оно совершено. Они желаютъ знать это имя; Петръ не отказывается произнести его. И вотъ роли перемѣняются: изъ обвиненнаго онъ дѣлается обвинителемъ. Апостолъ торжественно приглашаетъ судей и всего Израиля выслушать его и когда каждый изъ нихъ въ тревогѣ и безмолвіи ожидаетъ отвѣта, онъ съ высоты креста беретъ это благословенное имя, въ томъ видѣ, въ какомъ прочли его іудеи и написалъ Пилатъ, и произноситъ его, грозное, какъ угрызеніе совѣсти. Благородная гордость отиѣчаетъ на его устахъ каждое изъ этихъ трехъ словъ: *Исуса Христа Назорея*. Потомъ, съ неумолимой энергіей, обращаясь къ своимъ судьямъ, онъ укоряетъ ихъ въ томъ, что они распяли и предали смерти Того, Кого Богъ прославилъ и возвратилъ къ жизни. Тщетны усилія этихъ неразумныхъ водчихъ Царствія Божія: только одинъ камень способенъ держать на себѣ тяжесть неизмѣримаго и вѣчнаго зданія, и этотъ именно камень они отвергли, какъ будто онъ ни къ чему негоденъ! Это грубая ошибка, и посему-то Богу угодно было поднять этотъ камень, воздвигнувъ Исуса на заслуженное Имъ достославное мѣсто. Тщетно возстаетъ іудейство съ своимъ злымъ сердцемъ и одоблѣвшимъ умомъ, — только одно имя было дано людямъ Вѣтнаго Завѣта, какъ залогъ спасенія: имя будущаго Мессіи, къ Которому устремлялись всѣ упованія; одно дано и людямъ Завѣта Новаго, и это тоже имя Мессіи, но уже пришедшаго и съ Которымъ они соединены вѣрою. Стоя между обоими зданіями, какъ необходимый камень, скрѣпляющій ихъ, Мессія есть и навсегда будетъ единственною промыслительною связію между обоими Завѣтами. Люди спасались и спасутся только Имъ однимъ. Но этотъ Мессія есть никто иной какъ Исусъ; падите же ницъ предъ Его всемогущимъ, спасительнымъ и всехвальнымъ именемъ!

Столь смѣлое краснорѣчіе Петра и Іоанна ¹⁾ удивило судей, которые считали подсудимыхъ людьми некнижными и простыми. Знаніе Священнаго Писанія, которое они какъ бы невольно доказали своею рѣчью, явилось для старыхъ книжниковъ Израїля чудомъ еще большимъ, чѣмъ самое исцѣленіе хромага. Они чувствовали, что видятъ предъ собою людей совершенно необыкновенныхъ. Такъ какъ они ученики Іисуса, то можетъ быть и въ нихъ они встрѣтятъ могущество словъ и дѣяній, которымъ такъ грозенъ былъ ихъ Учитель? Что-же дѣлать? Судебное преслѣдованіе, такъ неосторожно возбужденное, должно же быть приведено къ какому нибудь рѣшенію. Отрицать утвержденія Петра было трудно. Чудесно исцѣленный стоялъ тутъ же, рядомъ съ своими благодѣтелями. Сорокалѣтнимъ параличомъ онъ подтверждалъ дѣйствительность своего прежняго недуга, а своимъ видомъ со вчерашняго дня онъ свидѣтельствовалъ о своемъ нынѣшнемъ исцѣленіи. Если синедріонъ рассчитывалъ, что апостолы не рѣшатся произнести предъ нимъ имя своего Учителя, и если онъ надѣялся, что все кончится робкимъ молчаніемъ или презрѣннымъ отступничествомъ, то онъ очевидно ошибался. Со времени вечера страстей Христовыхъ съ Петромъ произошла неизмѣримая перемѣна. Насколько тамъ онъ показалъ себя робкимъ, клянясь предъ прислугой первосвященника, что онъ не знаетъ Іисуса, настолько же онъ мужественъ теперь, чтобы прославить имя Его предъ собравшимся верховнымъ совѣтомъ. Его рѣшительность и смѣлость утратили судей. Они удалили на нѣсколько минутъ апостоловъ и приступили къ совѣ-

---

¹⁾ Священный историкъ по прежнему свидѣтельствуетъ, что здѣсь, какъ и въ притворѣ Соломона, Петръ и Іоаннъ говорили вмѣстѣ, хотя приводитъ одну только рѣчь Петра. Намѣреніе его очевидно состояло въ томъ, чтобы воспроизвести въ общихъ чертахъ ходъ мыслей, выраженный обоими апостолами.

щанію. Кого или что устранить? Чудо или совершившихъ его? Нищій подтверждалъ первое, толпа повидимому поддерживаетъ послѣднихъ. «Что намъ дѣлать съ этими людьми?» говорили они другъ другу. Что они явно совершали нѣчто чудесное, это теперь всякій знаетъ въ Іерусалимѣ и отвергать это для насъ уже поздно. Все что мы можемъ рѣшить, для того чтобы случай этотъ не разгласился еще болѣе въ народѣ,—это подѣ серьезной угрозой воспретить имъ говорить объ этомъ имени кому бы то ни было изъ людей. Результатъ разсужденій былъ тотъ, что синедріонъ прибѣгнулъ къ системѣ устрашенія въ высшей мѣрѣ. Апостоловъ призвали въ залу собранія и строжайше воспретили имъ говорить, а тѣмъ болѣе проповѣдывать, во имя своего Учителя. Но какова бы ни была строгость судебного распоряженія, ея было недостаточно для того чтобы заградить уста тѣхъ, въ комъ дѣйствовалъ Духъ Божій. Рука человѣческая сокрушается, когда она хочетъ остановить движеніе, рѣшенное всемогуществомъ Божиимъ.

Нисколько не уstraшившись повелѣнія синедріона, Петръ и Іоаннъ сказали въ отвѣтъ: «Судите, справедливо ли предъ Богомъ слушать васъ болѣе, нежели Бога? Мы не можемъ не говорить того, что видѣли и слышали». Отвѣтъ былъ рѣшительный и подсудимые оказались вполнѣ неуступчивыми. Судьи напрасно повторяли свои угрозы; нужно было ограничиться ими и отпустить подсудимыхъ. Настроеніе народа и совершенное чудо слишкомъ краснорѣчиво говорили за нихъ, чтобы можно было дерзнуть на что нибудь большее.

Получивъ свободу, Петръ и Іоаннъ тотчасъ же возвратились къ братіямъ. Послѣдніе, зная о происшедшемъ наканунѣ, находились въ крайнемъ безпокойствѣ. Посагательство, столь быстро совершенное противъ Господа, было слишкомъ свѣжо въ памяти всѣхъ, чтобы не опа-

саться новаго насилія. Потеря Петра и Іоанна была бы жесточайшимъ испытаніемъ для юной Церкви. Тѣмъ радостнѣе было удивленіе общины, когда она увидѣла, что оба благополучно возвратились. Съ священнымъ любопытствомъ и живѣйшею радостію выслушали ученики разсказъ о томъ, что произошло между ними и судьями. Затѣмъ, въ чудномъ порывѣ благодарности, единодушно воздвигнувъ голоса къ небу, они воскликнули: «Владыко Боже, сотворившій небо и землю, и море, и все что въ нихъ! Ты устами отца нашего Давида раба Твоего, сказалъ Духомъ Святымъ: что мнутъ язычники, и народы замышляютъ тщетное? Возстали цари земные и князи собрались вмѣстѣ на Господа и на Христа Его. (Псал. 2,1—2). Ибо по истинѣ собрались въ городъ семъ на Святаго Сына Твоего Іисуса, помазаннаго Тобою, Иродъ и Понтій Пилать съ язычниками и народомъ Израильскимъ, чтобы сдѣлать то, чему быть предопредѣлила рука Твоя и совѣтъ Твой. И нынѣ, Господи, воззри на угровы ихъ, и дай рабамъ Твоимъ со всею смѣлостію говорить слово Твое, тогда какъ Ты простираешь руку Твою на исцѣленіе и на содѣланіе знаменій и чудесъ именемъ Святаго Сына Твоего».

Такимъ образомъ, мужественные воины Христовы не отказываются отъ борьбы; они молятъ Бога не забыть, что борьба уже началась, и поддержать ихъ мужество всякій разъ, когда Онъ ниспослеть имъ случай доказать это. Судьи воспретили имъ учить во имя Іисуса, а они просятъ о совершеніи чудесъ отъ этого благословеннаго имени, дабы судьи не оставались въ неизвѣстности, что они все еще проповѣдуютъ о немъ и продолжаютъ трудиться для его прославленія. Ничего нѣтъ трогательнѣе этого простаго и великаго, какъ самоотверженіе, мужества, внушающаго столь дивную молитву гонимой Церкви. Когда мы припомнимъ, что тѣ, которые говорятъ такимъ образомъ, еще недавно были столь нерѣшительны и мало-

душны, то мы не можемъ не признать, что въ ихъ душахъ совершилось что-то необыкновенное, другими словами, что ихъ осѣнилъ Духъ Святый.

И въ это самое время, Духъ сей еще парилъ надъ благочестивымъ собраніемъ. Едва была окончена трогательная молитва учениковъ, какъ мѣсто, гдѣ они были собраны, поколебалось въ своихъ основаніяхъ. Еще разъ Духъ Святый обильно излился во всѣ сердца. Это была минута высочайшаго восторга въ собраніи. Въ этомъ внезапномъ колебаніи земли они увидѣли отвѣтъ небесный, и подобно тому, какъ въ день Пятидесятницы, каждый обрѣлъ въ полученномъ откровеніи божественномъ не только временный даръ хвалить Бога на разныхъ языкахъ, но въ особенности силу проповѣдовать Христа Іисуса столь же убѣдительно, какъ и благоуспѣшно.

ГЛАВА VI.

Ананія и Сапфира.

Послѣдствіемъ этого перваго дуновенія враждебныхъ силъ было то, что узы, соединявшія вѣрующихъ въ союзъ святаго братства, укрѣпились еще болѣе. О вѣрующихъ можно сказать, что они не руками, но сердцемъ держались другъ за друга. Поэтому они являлись дѣйствительною силою, которая росла со дня на день. Священный повѣствователь, возвращаясь къ начертанной имъ картинѣ единенія вѣрующихъ, добавляетъ, что у нихъ было одно сердце и одна душа. И этимъ сердцемъ и душою былъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ. Онъ Своею благодатіею и памятію о Себѣ разливалъ утѣшительную сладость во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ между собою и поддерживалъ ихъ взаимную любовь священнѣйшими упованіями.

Выраженія: мое и твое, не существовали на устахъ новыхъ братьевъ и не пріурочивались къ ихъ имуществамъ; чуждые земныхъ попеченій, они всѣ свои усилія употребляли на то, чтобы настойчиво и съ помазаніемъ проповѣдывать воскресеніе Іисуса Христа. Въ этомъ заключалось для нихъ несокрушимое основаніе Евангелія. Такая система христіанской апологетики, полагавшая послѣднее событіе земной жизни Іисуса Христа въ основу всѣхъ прочихъ, имѣла великое значеніе, ибо событіемъ

Воскресенія объяснялось и доказывалось все остальное. Этот трудъ учениковъ Христовыхъ, составлявшій для нихъ величайшую привлекательность, сопровождался значительнымъ успѣхомъ. Не только Духъ Святый внушалъ имъ то, что они должны были проповѣдывать, но благодать Его вѣдряла предметъ этой проповѣди, въ самыя сердца слушающихъ. Народъ обнаруживалъ все болѣе и болѣе замѣтное благорасположеніе къ новымъ благовѣстникамъ, образъ жизни которыхъ, всецѣло посвященный дѣламъ благотворенія, былъ столь же удивителенъ какъ и проповѣдываемое ими ученіе. Такъ странно было видѣть въ Иерусалимѣ, гдѣ различіе между богатымъ и бѣднымъ всегда рѣзко бросалось въ глаза и гдѣ въ это самое время пропитанная матеріализмомъ секта саддукеевъ дѣлала особенно ненавистнымъ это различіе, — существованіе общества, едва возникавшаго, но уже многочисленнаго, которое не имѣло ни бѣдныхъ, ни богатыхъ и гдѣ каждый имѣлъ часть въ имѣніяхъ, общихъ всѣмъ. Въ глазахъ народа нѣтъ ничего краснорѣчивѣе, какъ подобное, чисто практическое примѣненіе человѣческаго равенства и братства.

Такъ какъ ко всему этому примѣшивалось восторженное настроеніе, то великодушные прозелиты продавали свои земли или дома и цѣну ихъ полагали къ ногамъ апостоловъ. Такимъ образомъ общее достояніе подкрѣплялось постоянно. Блаженные времена, но они должны были окончиться вмѣстѣ съ младенческимъ состояніемъ Церкви! Въ самомъ дѣлѣ, Церковь могла расширить кругъ своего первобытнаго развитія и распространиться въ мірѣ только при условіи принести въ жертву своему вселенству сладостныя и искреннія отношенія, соединявшіе чадъ ея другъ съ другомъ ¹⁾).

¹⁾ Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ, чтобы эта святая общность имуществъ существовала гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Иерусалима. Внушенія—оказывать милосердіе бѣднымъ и не прилѣпятся къ

Однимъ изъ первыхъ подавшихъ примѣръ разумаго братства и проистекающаго отсюда самоотверженнаго безкорыстія, былъ левитъ Іосифъ, происходившій съ острова Кипра. Онъ въ особенности извѣстенъ въ исторіи Церкви подъ именемъ Варнавы, или сына утѣшенія и проповѣди,—почетное титуло, данное ему безъ сомнѣнія общиною въ виду его плодотворнаго служенія. Онъ имѣлъ въ своемъ владѣніи поле. Левиты могли обладать землями въ Палестинѣ, даже внѣ городовъ, которые были назначены имъ Моисеемъ (Іерем. 32, 7). Варнава продалъ свое поле и, получивъ за него деньги, принесъ ихъ въ даръ апостоламъ.

Такъ какъ подобные подвиги милосердія не были обязательны ¹⁾, то понятно, что они были предметомъ вели-

благамъ міра сего, встрѣчаемыя нами въ писаніяхъ апостольскихъ, вездѣ предполагають двойную категорію: бѣдныхъ и богатыхъ. Обращается ли Павелъ къ Коринтской церкви (1 Кор. 16, 2; 2 Кор. 9, 5—7), или къ Галатійской (Гал. 2, 10), или къ ученикамъ, какъ напр. къ Тимооею (1 Тим. 6, 17),—онъ во всѣхъ христіанскихъ общинахъ допускаетъ неравенство состояній. Даже самъ Іаковъ, съ отличающимъ его строгимъ образомъ рѣчи, напоминаетъ намъ, что были и бѣдные и богатые въ Іерусалимской церкви и, не осуждая этого неравенства, ограничивается однимъ лишь порицаніемъ вызываемыхъ имъ злоупотребленій (Іак. 2, 1—9; 5, 1—5).

¹⁾ Если бы они были обязательными для всѣхъ, то Варнава не былъ бы восхваляемъ, какъ поучительное для прочихъ исключеніе; Петръ не сказалъ бы Ананіи, что «пріобрѣтенное продажею находилось въ его власти», и Марія, мать Іоанна Марка (Дѣян. 12, 12), одна изъ самыхъ ревностныхъ женщинъ первенствующей Церкви, не обладала бы домомъ въ Іерусалимѣ. Поэтому слѣдуетъ предположить, что такъ какъ въ составъ Церкви входили въ особенности люди бѣднаго класса народа, то принадлежавшіе къ ней богатые люди дѣлали въ ея пользу богатыя пожертвованія и такимъ образомъ старались поддерживать между ея членами общую жизнь, какую вели ученики во времена Іисуса. Полная нищета, до которой доведены были Іерусалимскіе христіане даже до осады Святаго Града (Дѣян. 11, 29, 24, 17; Гал. 2, 10; Рим. 15, 26; 1 Кор. 16, 1; 2 Кор. 8, 4—14; 9, 1—12); доказываетъ, что евангельскія наставленія относятся не къ цѣлымъ обществамъ, и даже не къ группамъ, болѣе или менѣе многочисленнымъ, а исключительно къ отдѣльнымъ лицамъ.

нихъ восхваленій и что лицемѣріе иногда также желало воспользоваться ихъ славою, не подвергая однако себя во всей полнотѣ соединеннымъ съ ними жертвамъ. Такъ, книга Дѣяній повѣствуетъ, что одинъ прозелитъ, по имени Ананія, также продалъ имѣніе и, по уговору съ женой своей Сапфирой, удержавъ у себя часть продажной цѣны, принесъ остальное апостоламъ, показывая видъ, что онъ приноситъ въ пользу братской общины все, полученное имъ, безъ удержанія. Такимъ поступкомъ онъ присвоивалъ себѣ заслугу безграничной щедрости, тогда какъ щедрость эта была только относительная; можетъ быть также, что этимъ низкимъ и обманчивымъ способомъ онъ желалъ обезпечить себѣ на неопредѣленное время содержаніе на средства общественнаго казначеища, сохранивъ однако, на всякій непредвидѣнный случай, кое-какія личныя средства содержанія.

Какъ бы то ни было, намѣреніе Ананіи и Сапфиры было неодобрительно: оно имѣло характеръ или лицемѣрія, или плутви. Изъ всѣхъ золъ, удручающихъ общество, самое худшее—ложь, которая прикрывается наилучшими добродѣтелями. Въ этомъ заключалось преступленіе Ананіи. По внушенію Духа Божія, Петръ узналъ объ этомъ. Въ ту минуту, когда лицемѣръ пересчиталъ предъ Апостоломъ свое урѣзанное приношеніе, ожидая гласнаго восхваленія своей щедрости, Петръ взглянулъ на него съ жалостью и негодованіемъ: «Ананія, сказалъ онъ ему,— для чего ты допустилъ сатанѣ вложить въ сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить изъ цѣны земли? Чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было, и приобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось? Для чего ты положилъ это въ сердца твоего? Ты солгалъ не человѣкамъ, а Богу». Въ этомъ заключалось неисцѣлимое зло его лицемѣрія. Ананія забылъ, что истинный глава Церкви есть Богъ и что если иногда можно обмануть, ложною

добродѣтелью, Апостоловъ, которые суть Его представители, то никогда нельзя ввести въ заблужденіе Того, Кого они представляютъ. Въ эти времена первоначальнаго образованія Церкви и пламенной вѣры сыновъ ея, Духъ Святый пребывалъ съ особенною напряженностью въ вождахъ новаго общества. Онъ говорилъ и дѣйствовалъ чрезъ нихъ, и желать ввести ихъ въ заблужденіе значить предположить, что можно обмануть Самого Духа. Ананія однако не могъ не знать, каковъ былъ этотъ Духъ, божественное вліяніе котораго онъ испыталъ самолично. Судъ Божій былъ страшенъ. Едва Петръ окончилъ свое строгое порицаніе, какъ Ананія, къ общему ужасу, пораженный невидимою силою, палъ бездыханенъ. Страшный образъ еще болѣе страшнаго наказанія въ мірѣ духовномъ: вѣчная смерть, которую божественное правосудіе уготовляетъ для злыхъ!

Младшіе члены собранія, которые несли на себѣ наиболѣе тяжелые труды, тотчасъ же встали и, не оросивъ слезами мертвеца, пораженнаго Богомъ, завернули его въ саванъ и отнесли въ гробницу, по ту сторону долины Гинномъ или Кедронскаго потока, гдѣ находились іудейскія кладбища. Все это совершилось въ теченіи трехъ часовъ. Столь быстрое погребеніе, безъ предварительныхъ траурныхъ приготовленій, должно было немало способствовать увеличенію чувства страха, преисполнявшаго всѣ сердца.

Собраніе не имѣло силъ разойтись послѣ этого печальнаго событія, и каждый желалъ дожидаться возвращенія юношей, чтобы спросить ихъ о подробностяхъ ихъ грустной экспедиціи. Этимъ объясняется частію, почему слухъ о роковомъ событіи не скоро распространился и почему Салфира ничего о немъ не знала, когда, въ ожиданіи похвалъ отъ священной общины, она въ свою очередь явилась въ среду ея. Какъ бы для того, чтобы пре-

ступленіе стало для всѣхъ осязательнѣе, деньги все еще лежали тамъ, гдѣ положилъ ихъ Ананія, и каждый могъ созерцать это грустное воспоминаніе о совершенномъ святотатствѣ. Петръ, укававъ на нихъ несчастной женщинѣ, спросилъ ее: «Скажи мнѣ, за сколько ли вы продали землю?» Она сказала: «Да, за столько». Такимъ образомъ, несмотря на милостивую предосторожность, выразившуюся въ вопросѣ Апостола, онъ не могъ отвратить ее отъ лжи. Преступная чета не желала обнаружить свою тайну, и правосудіе Божіе не раздѣлило судьбы тѣхъ, кого соединяло одинаковое лицемѣріе. «Что это согласились вы искусить Духа Господня? Вотъ входятъ въ двери погребавшіе мужа твоего, и тебя вынесутъ». Подобно своему мужу, несчастная женщина, какъ пораженная громомъ, упала бездыханною у своего роковаго пожертвованія. Молодымъ людямъ, возвращавшимся въ это самое время, ничего не оставалось, какъ вынести и ее и безъ дальнихъ приготовленій приступить къ ея погребенію.

Это столь трагическое событіе не могло не оставить живѣйшаго впечатлѣнія въ душѣ тѣхъ, кто были свидѣтелями его, и даже тѣхъ, до кого дошелъ слухъ о немъ. Духъ Божій съ несомнѣнностію почивалъ на Апостолахъ, если было такъ опасно обмануть ихъ. При господствѣ новаго закона, точно также какъ и ветхаго, десница Божія карала его нарушителей. Для іудеевъ, съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами, подобные уроки были необходимы. Только одинъ страхъ могъ побуждать ихъ къ служенію Богу, даже по водвореніи закона любви.

Отсюда было ясно, что не только, вмѣстѣ съ любовію и вѣрою, простота сердца и искренность составляютъ величайшую христіанскую добродѣтель, но и что власть Апостоловъ была грозною властію, ибо Богъ даровалъ имъ и силу проникать въ дурныя наклонности сердца и право строго карать за нихъ. Съ этого дня, народъ окру-

жилъ ихъ еще болѣе глубокимъ благоговѣніемъ. Когда они вмѣстѣ собирались въ притворѣ Соломоновомъ, а они обыкновенно здѣсь сходились, то никто не дерзалъ подходить къ нимъ. Всякій чувствовалъ, что они суть хранители высшей силы и находятся въ общеніи съ Богомъ далеко не въ такой степени, какъ простые вѣрующіе. Въ такое время, когда зилоты наводили страхъ своими убійствами, и у такого народа, который не отказывался вооруженною рукою отстаивать дарованныя ему Богомъ права, сила, однимъ взглядомъ или однимъ словомъ, истреблять лжецовъ не могла не производить спасительнаго дѣйствія.

Апостолы однако обладали не одною только силою поражать смертію, но и силою поддерживать жизнь исцѣленіемъ болящихъ. Если они однажды и воспользовались первою изъ этихъ двухъ силъ, тѣмъ не менѣе, по свѣдѣтельству священнаго повѣствователя, они часто прилагали и послѣднюю. Благость составляетъ существо христіанскаго духа. Исцѣляя множество недужныхъ или бѣсноватыхъ, Апостолы доказывали всѣмъ, что имъ болѣе свойственно было совершать дѣла милосердія, нежели карать. Толпа, хорошо чувствовавшая это, часто обращалась къ ихъ сверхъестественной силѣ. Вѣра въ эту силу быстро распространялась между жителями Іерусалима. Больныхъ выносили на площади и вмѣстѣ съ этими несчастными, испускавшими жалобные стоны на своихъ ложахъ или одрахъ, судя по тому, къ какому общественному классу они принадлежали, ожидали приближенія членовъ апостольскаго сонма. Просьбы обращались въ особенности къ Петру, такъ какъ ему въ особенности приписывалась чудотворная сила. По общему вѣрованію, даже и тѣнь Апостола обладала силою исцѣленія. И это вѣрованіе было вполне разумно, во-первыхъ потому, что достаточно было и одной тѣни, чтобы поставить больного въ сопри-

косновеніе съ тѣмъ, кто долженъ былъ исцѣлить его, и во-вторыхъ потому, что не рука и не тѣнь творить чудо, а Богъ, чрезъ ихъ посредство внимлющій молитвѣ вѣрующихъ.

Всѣ эти исцѣленія, совершаемыя во-очію всѣхъ, все болѣе и болѣе усиливали религіозное движеніе, возникшее вокругъ Апостоловъ. Больныхъ привозили изъ сосѣднихъ городовъ и такъ какъ всѣ они получали исцѣленіе, то выѣстъ съ ними распространялись и имя Іисуса Христа, и свѣтъ Евангелія. Такимъ образомъ, юная Церковь, лишившаяся двухъ своихъ чадъ, находила утѣшеніе въ тѣхъ мужахъ и женахъ, которые вступали въ лоно ея отовсюду. Мѣста Ананіи и Сапфіры не остались незамѣченными въ священномъ собраніи. Чѣмъ выше счастье принадлежать къ Церкви, тѣмъ болѣе достойными этого счастья должны быть ищущіе его. Терпѣть на здоровомъ и сильномъ организмѣ зараженные члены или оскверняющіе его наросты значитъ вредить самой жизни и повергать въ уныніе тѣхъ, кто желаетъ приобщиться въ ней. Церковь признаетъ своею задачею выказывать, безустанное милосердіе къ людскимъ слабостямъ, но она строго караетъ преднамѣренный грѣхъ. Но когда она вынуждается къ этой строгости, то Богъ снисходитъ къ тугамъ ея материнскаго сердца и съ лихвою возвращаетъ ей то, что она самоотверженно отсѣкаетъ отъ своего тѣла.

ГЛАВА VII.

Вторичное заключеніе Апостоловъ въ темницу.

Послѣ смѣлыхъ объясненій, которыя были даны Апостолами предъ лицомъ синедріона, нельзя было надѣяться что дѣла примутъ мирный оборотъ. Въ самомъ дѣлѣ, — съ одной стороны, первенствующая духовная власть во Израили не привыкла къ неисполненію ея требованій и пренебреженію ея авторитета; съ другой, чѣмъ болѣе заставляли Апостоловъ молчать, тѣмъ настойчивѣе они проповѣдывали о святости Іисуса Христа, Его славномъ воскресеніи и всемогуществѣ. Первосвященникъ былъ огорченъ такимъ положеніемъ вещей и совокупно съ своими сторонниками рѣшился дѣйствовать. Случай къ этому былъ тѣмъ удобнѣе, что Пилать сошелъ со сцены. Это было въ началѣ 37-го года. Саддукеи, болѣе чѣмъ когда либо, обнаружили готовность свою поддержать духовную власть. Разсказы о томъ, что Апостолы проповѣдуютъ воскресеніе, до крайности раздражали ихъ. Фарисеи, собственно говоря, были менѣе пылки. Народное движеніе, возбужденное Апостолами во имя Мессіи, въ сущности не было для нихъ непріятно, и они сквозь пальцы смотрѣли на происходившее. Но, кромѣ тѣхъ и другихъ, существовала еще большая партія ловкихъ людей, которая, желая выставить себя передъ властью, какая-бы она ни была, съ особеннымъ наслажденіемъ предавалась доносу и всту-

пала въ борьбу со всѣмъ, что могло возбуждать въ ней подозрѣніе. Такова вездѣ партія людей голодныхъ, честолюбивыхъ и угодливыхъ. Первосвященникъ рассчитывалъ на нее въ данныхъ обстоятельствахъ, и когда имъ даны были прямыя приказанія, то представители этой партіи такъ искусно расставили свои сѣти, что всѣ Апостолы были схвачены и предоставлены въ его распоряженіе.

Въ ожиданіи суда надъ ними, ихъ отвели въ темницу. Но Богъ былъ сильнѣе людей и освободилъ Апостоловъ. Въ первую-же послѣ ихъ заключенія ночь, ихъ посѣтилъ Ангелъ Господень, который отворилъ двери темницы и вывелъ ихъ вонъ. Чрезъ освобожденіе это они однако не избѣгли опасности, напротивъ, еще больше подверглись ей. «Идите,—сказалъ имъ небесный вѣстникъ,—и, ставши во храмъ, говорите народу всѣ сіи слова жизни». Солнце едва показалось на горизонтѣ, какъ проповѣдники Евангелія вступили въ храмъ, чтобы вступить со врагомъ въ новую борьбу, во славу Божию. Восточные народы имѣютъ обыкновеніе, очень рано, до наступленія дневнаго жара, исполнять разныя обязанности жизни религіозной или общественной. Поэтому Апостолы нашли уже въ храмѣ многочисленное собраніе и начали проповѣдывать.

Въ это самое время первосвященникъ созвалъ синедрионъ и приготовлялся подвергнуть торжественному суду *) Апостоловъ, которыхъ онъ считалъ подъ стражей. Получивъ приказаніе привести подсудимыхъ, служители отправились въ темницу, но каково было ихъ удивленіе, когда они не нашли Апостоловъ въ темницѣ! Они тотъ-

---

*) Прибавивъ слова: «и всѣхъ старѣйшинъ изъ сыновъ Израилевыхъ», св. Лука повидимому даетъ уразумѣть, что собраніе состояло не изъ однихъ только членовъ великаго Совѣта, но и всѣхъ старѣйшинъ, которые не могли быть членами синедриона. Первосвященникъ очевидно желалъ, чтобы въ такомъ важномъ дѣлѣ приняли участіе всѣ главные представители народа.

часть-же вернулись назадъ и въ слѣдующихъ выраженіяхъ представили свой оффиціальный докладъ: «Темницу мы нашли запертою со всею предосторожностью и стражей стоящими предъ дверями; но отворивши, не нашли въ ней никого». Этотъ докладъ, вполне обстоятельный, но и странный, повергъ въ величайшее недоумѣніе и главнаго первосвященника, и начальника стражи, и прочихъ первосвященниковъ. Куда дѣвались Апостолы? Въ эту минуту прибылъ человекъ и сказалъ имъ: «Вотъ, мужи, которыхъ вы заключили въ темницу, стоятъ въ храмѣ, и учатъ народъ». Какимъ образомъ они оказались на свободѣ? Кѣмъ выпущены изъ тюрьмы? Во всякомъ случаѣ, данный имъ урокъ не послужилъ въ пользу, если они такъ скоро опять вернулись на путь вчерашнихъ заблужденій.

Тогда начальникъ стражи, взявъ съ собою нѣсколько служителей, отправился туда, гдѣ находились непослушные проповѣдники. Въмѣсто того, чтобы совершить надъ ними насиліе, онъ вступилъ съ ними въ переговоры. Народъ все болѣе и болѣе проникался удивленіемъ и восторгомъ къ людямъ, обнаружившимъ въ своемъ образѣ дѣйствій такое мужество и столь сильныхъ словомъ. Онъ легко возсталъ-бы на ихъ защиту и забросалъ-бы камнями всякаго, кто въ эту минуту дерзнулъ-бы наложить на нихъ руки.

Апостолы однако весьма охотно пошли на зовъ начальника стражи. Все ихъ желаніе состояло въ томъ, чтобы найти новый случай подтвердить свою вѣру, и они не могли желать болѣе блестящаго собранія, какъ синагога, сошедшійся въ торжественное засѣданіе и окруженный многочисленною толпою любопытныхъ, которые внимательно слѣдили за ходомъ его совѣщаній.

Когда Апостолы приведены были на судилище, то

первосвященникъ прежде всего обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «Не запретили-ли мы вамъ на-крѣпко учить о имени семъ? И вотъ, вы наполнили Іерусалимъ ученіемъ вашимъ и хотите навести на насъ кровь Того Человѣка». Человѣкъ, о Которомъ говоритъ первосвященникъ, настолько извѣстенъ, что ошибиться невозможно. Если первосвященникъ не произноситъ Его имени, то онъ чувствуетъ, что оно звучитъ упрекомъ въ его сердцѣ. Онъ видимо боится этого имени и, скрывая свой страхъ подъ личиною ненависти, нарочно не произноситъ его. Это имя въ слухъ всѣхъ долженъ безбоязненно произнести Апостолъ Петръ. Если нѣкоторые члены синаedrіона слышали, какъ онъ отвергся отъ своего Учителя предъ Каиафою, то теперь имъ предстоитъ увидѣть, какъ онъ возстаетъ отъ своего паденія: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человѣкамъ,—воскликаетъ онъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ.—Богъ отцовъ вашихъ воскресилъ Іисуса, Котораго вы умертвили, повѣсивши на древѣ. Его возвысилъ Богъ десницею Своею въ Начальника и Спасителя, дабы дать Израилю покаяніе и прощеніе грѣховъ. Свидѣтели Ему въ семъ мы и Духъ Святой, Котораго Богъ далъ повинующимся Ему». Это торжественное прославленіе Сына Отцемъ Апостолы видѣли собственными глазами. Они были свидѣтелями славнаго воскресенія Того, Кого видѣли распятымъ на крестѣ и погребеннымъ. Все это неоспоримо, и они не могутъ не свидѣтельствовать о томъ. Ихъ побуждаетъ къ сему Духъ Святой и чудесами, которыя они творятъ чрезъ Него, Онъ подтверждаетъ это свидѣтельство. Посему они не страшатся смѣло идти на встрѣчу всѣмъ судьямъ и всѣмъ властямъ земнымъ. Первосвященникъ упрекнулъ ихъ за то, что они хотѣли навести на него и его пособниковъ кровь Распятаго. Петръ не отрицаетъ этого и смѣло обличаетъ своихъ противни-

ковъ: «Да, вы умертвили Его, повѣсивши на древѣ». Изъ словъ священнаго дѣписателя видно, что эти слова, какъ острое желѣзо, пронзили душу судей. Укоры совѣсти за совершенное преступленіе, которые слова Петра возбудили въ нихъ, смѣлость, съ которою онъ упрекнулъ ихъ въ этомъ преступленіи, и наконецъ ихъ безсиліе представить успѣшную защиту своихъ дѣйствій, все это разрывало ихъ отъ гнѣва.

Они навѣрное рѣшились бы потребовать головы этихъ смѣлыхъ свидѣтелей, чтобы навсегда сомкнуть имъ уста; но въ это время одинъ фарисей, человекъ основательно изучившій законъ и уважаемый всѣмъ народомъ, по имени Гамалиилъ, поднялся съ своего мѣста и потребовать удалить на время Апостоловъ изъ собранія, чтобы съ полной свободой изложить свое мнѣніе. «Мужи израильскіе,—сказалъ онъ затѣмъ,—подумайте сами съ собою о людяхъ сихъ, что вамъ съ ними дѣлать.» Эти слова мудрости и умѣренности находились въ странномъ противорѣчій съ яростію огромнаго большинства судей. Для Гамалиила, который высказывалъ свое мнѣніе, все это дѣло представлялось сложнымъ и нельзя было сказать, что подсудимые непременно виновны. Если судьи желаютъ остаться на высотѣ своего назначенія, то они должны остерегаться слишкомъ скорыхъ рѣшеній. Не дать себѣ времени успокоиться, значить подвергнуться опасности сдѣлать ошибку и неправильно судить о самыхъ важныхъ дѣлахъ. Въ данномъ случаѣ, на дѣло, можетъ быть взираетъ Самъ Богъ, такъ какъ люди эти называютъ себя Его посланниками. Израиль не долженъ возставать на проповѣдниковъ, которые намѣреваются совершить религіозный переворотъ, ибо Израилью хорошо извѣстно, что рано или поздно долженъ явиться Нѣкто съ такою именно задачею. Только римскій кесарь можетъ быть обезпоченъ

этимъ, потому что только онъ одинъ можетъ бояться пришествія Мессіи. Если Апостолы возымѣютъ намѣреніе возбудить теократическое движеніе, то, еще разъ, подавить это движеніе слѣдуетъ предоставить Риму. Какая польза Израилю вмѣшиваться въ это дѣло? Если люди эти отъ Бога, то Израиль впадетъ въ преступленіе; если же они обыкновенные возмутители, то войны прокуратора, какъ и прежде, обойдутся безъ содѣйствія синедриона, чтобы подавить смуту. Незадолго предъ симъ явился Ѳевда, выдавая себя за кого-то великаго, и къ нему пристало около четырехсотъ человѣкъ; но онъ былъ убитъ, и всѣ, которые слушались его, разсѣялись. Трагическій конецъ предпріятія Ѳевды не могъ не произвести сильнаго впечатлѣнія на умы; почему и Іосифъ Флавій не только не проходитъ молчаніемъ этого событія, но, напротивъ, посвящаетъ ему столько-же мѣста, какъ и Іисусу, показывая, какъ сильно онъ вліялъ на народъ своими рѣчами и дѣяніями. Такъ напр., Ѳевда убѣдилъ однажды своихъ приверженцевъ слѣдовать за нимъ, захвативъ съ собою все что у нихъ было наиболѣе цѣннаго, какъ будто дѣло шло о переселеніи, и они двинулись къ берегамъ Іордана. Здѣсь должно было совершиться чудо, достойное библейской древности, такъ какъ Ѳевда выдавалъ себя за пророка: по его слову, воды Іордана должны были раздѣлиться и Израиль перейти Іорданъ по-суху. Подобныя обѣщанія разгорячали воображеніе народа. Чтобы покончить съ подобными безумными притязаніями, римскій прокураторъ послалъ эскадронъ кавалеріи, который, захвативъ въ располхъ бунтовщиковъ, положилъ конецъ движенію; одни изъ нихъ были убиты, другіе отведены въ плѣнъ. Самъ Ѳевда былъ схваченъ и обезглавленъ. Голова его была привезена въ Іерусалимъ и видъ ея разсѣялъ замыслы его

последнихъ сторонниковъ. Дѣло погибло вмѣстѣ со лже-пророкомъ.

«Послѣ него, продолжалъ Гамалиилъ,—во время переписи явился Іуда Галилеянинъ и увлекъ за собою довольно народа; но онъ погибъ и всѣ, которые его слушались, разсѣялись». Таковы уроки исторіи. Агитаторы, чуждые божественнаго посланничества, являются какъ метеоры, и ни ихъ личная храбрость, ни пылкость ихъ приверженцевъ, ни одушевляющія ихъ патріотическія чувства, не въ силахъ поддержать ихъ. Они представляютъ собою силу человѣческую, которую низлагаетъ другая человѣческая сила, болѣе могучая. Что могло быть болѣе народнаго и сочувственнаго для всѣхъ, какъ восстаніе, которое пытался произвести Іуда Галилеянинъ? *) Онъ проповѣдывалъ сынамъ Израиля, что у нихъ одинъ только повелитель—Самъ Богъ, и что преступно платить подати кесарю. И онъ мечемъ старался поддержать свою проповѣдь; но римляне были сильнѣе

---

*) Іосифъ Флавій нѣсколько разъ упоминаетъ объ этомъ Іудѣ, котораго онъ называетъ то Гавлонитомъ, потому что онъ былъ родомъ изъ Гамалы въ Нижней Гавлонитидѣ, то Галилеяниномъ, по той странѣ, въ которой онъ жилъ и организовалъ восстаніе. Изъ разсказа іудейскаго историка видно, какимъ образомъ, по поводу установленія народной переписи въ Палестинѣ при Августѣ и въ то время, когда Сирійскою провинціею управлялъ Квириній, этотъ знаменитый демагогъ успѣлъ возмутить народъ, воспретивъ ему подчиниться этой мѣрѣ, которая считалась клеймомъ народного порабощенія. Къ нему примкнулъ фарисей Садокъ и эти два пламенныхъ патріота мечтали ни о чемъ иномъ, какъ о восстановленіи древней іудейской теократіи. Римская армія уничтожила ихъ, но ихъ мысль пераживала ихъ, и Іосифъ замѣчаетъ, что они оставили послѣ себя секту выжидовъ или ревнителей. Секта эта играла весьма дѣятельную роль въ послѣдніе дни сятаго города. Сыновья Іуды были такими-же патріотами какъ и онъ самъ и они въ свою очередь пали жертвами той же идеи.

его. Несмотря на свое прекрасное политическое учение и содѣйствіе многочисленныхъ и преданныхъ сторонниковъ, онъ палъ. Перстъ Божій былъ не на его сторонѣ.

«И нынѣ, говорю вамъ, заключилъ Гамаліилъ,—отстаньте отъ людей сихъ и оставьте ихъ, ибо если это предпріятіе и это дѣла—отъ человѣковъ, то оно разрушится, а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богопротивниками».

Такъ говорилъ Гамаліилъ, сынъ Симеона и внукъ Гиллея. Такая умѣренность неудивительна со стороны книжника, который, по свидѣтельству Гемары, не воспрещалъ своимъ ученикамъ наслаждаться красотами греческой словесности. Но какъ бы ни были широки его воззрѣнія, на практикѣ онъ оставался строгимъ фарисеемъ. Будучи человекомъ ученымъ и благочестивымъ, онъ получилъ отъ своихъ современниковъ прозвище «Красоты закона». Вотъ какъ отзывается о немъ Талмудъ: «Когда раввинъ Гамаліилъ умеръ, то слава Закона прекратилась». Такой отзывъ, по понятію іудеевъ, былъ выше всякаго восхваленія. У Гамаліила были знаменитые ученики, и въ числѣ ихъ Апостолъ Павелъ и Онкелосъ, авторъ Таргума или халдейскаго переложенія Пятикнижія Моисеева. Будучи вождемъ фарисейства съ лучшей его стороны, онъ естественно могъ склоняться къ защитѣ Апостоловъ противъ саддукеевъ и искусно пользоваться случаями унижить своихъ политико-религіозныхъ противниковъ. Оттого онъ нечуждъ предположенія, что Богъ руководитъ Апостолами *)

---

*) Христіанская древность даже предполагала, что Гамаліилъ, несмотря на то, что состоялъ членомъ Верховнаго Совѣта, въ тайнѣ былъ христіаниномъ (см. у Климента) и если по наружности былъ привязанъ къ іудейству, то лишь для того, чтобы тѣмъ лучше служить своимъ братьямъ. По свидѣтельству, приведенному у Фотія, онъ по-

сила его доказательствъ въ защиту Апостоловъ не можетъ назваться неоспоримою. Невсегда справедливо, что только тѣ религіозныя или политическія движенія распространяются и достигаютъ цѣли, которыя отъ Бога. Человѣческія страсти точно также могутъ содѣйствовать имъ, поддерживать ихъ существованіе и извлекать изъ нихъ пользу. Магометанство охватило громадныя пространства, и однако нельзя сказать, что оно отъ Бога. По отношенію къ христіанству, доказательство Гамалиила основательно, потому что эта сверхъестественная религія идетъ въ разрѣзъ со всѣми человѣческими страстями. Но вообще говоря, если справедливо, что мудрость совѣтуетъ иногда предоставить переворотамъ падать подъ своею собственною тяжестью, вмѣсто того чтобы увеличивать ихъ напряженность преслѣдованіями или насиліемъ, то еще болѣе неоспоримо то, что опасныя и превратныя ученія должны быть энергически подавляемы. Терпимость несомнѣнно имѣетъ предѣлы, которые предписываетъ обществу естественное чувство самосохраненія и которые благоразуміе законодателей должно наблюдать. Въ данномъ случаѣ несомнѣнно, что рѣчь Гамалиила внушена ему до-

лучилъ крещеніе, совмѣстно съ сыновьями своими Авивомъ и Никодимомъ, отъ рукъ Петра или Іоанна. Есть также свидѣтельство, что тѣло его чудеснымъ образомъ было открыто вмѣстѣ съ мощами св. первомученика Стефана. Все это возможно и ничего невѣроятнаго въ себѣ не заключаетъ; тѣмъ не менѣе мы склоняемся къ предположенію, что обращеніе Гамалиила ко Христу совершилось позднѣе. Рѣчь, которую онъ произнесъ въ засѣданіи синедріона, свидѣтельствуетъ только о его терпимости и благорасположеніи, но не носитъ на себѣ христіанскаго отпечатка. Сопоставленіе Петра съ Февдою или Іудеоу Галилеяниномъ, не довольно почтительно по отношенію къ Апостолу, да и христіанство Гамалиила, отличающееся не столько самоотверженіемъ, сколько увертливостью, не соотвѣтствуетъ нравственному уровню этого времени.

брыми намѣреніями и что онъ достигъ ею довольно удовлетворительнаго результата.

Дѣйствительно, Апостолы были снова призваны въ заседание и судьи ограничились тѣмъ, что подвергли ихъ тѣлесному наказанію, вмѣсто того чтобы приговорить ихъ къ смерти, тѣмъ болѣе что это послѣднее обстоятельство, несмотря на полное благорасположеніе римлянъ въ это время, было бы новымъ политическимъ усложненіемъ, которое также не могло не беспокоить Гамалила. Бичеваніе употреблялось для наказанія за разныя преступленія *) и было не только болѣзненнымъ, но и позорящимъ наказаніемъ. Оно послужило возмездіемъ за непослушаніе Апостоловъ и въ особенности охраною достоинства синедріона. Нельзя было показать и вида, что священное собраніе создано для того только, чтобы оправдать подсудимыхъ.

Подвергнувъ Апостоловъ бичеванію, синедріонъ отпустилъ ихъ, но снова подтвердилъ имъ запрещеніе проповѣдывать во имя Іисуса. Апостолы знали, что имъ предстоитъ смертельная борьба, но, сознавая святость своего посланничества, они чувствовали себя сильнѣе и выше всего міра. Къ этому первому и непреодолимому чувству своей правоты, котораго не могли поборотъ ни власть, ни насиліе, присоединялось другое отрадное чувство Апостоловъ, что они содѣлались достойными принять безчестіе за имя Христово. Несказанная радость сіяла въ ихъ взорахъ. Надъ ними виталъ какъ-бы первый вѣнецъ мученичества, ибо уже начинало осуществляться пророчество Господа, что ихъ будутъ отдавать въ судилища и въ синагогахъ своихъ будутъ бить ихъ (Мат. 10, 17). Отнынѣ они возлагали крестъ на рамена свои, и это первое зна-

---

*) Со временъ Моисея (Второз. 25, 1—3) до Апостола Павла (2 Кор. 11, 24) наказаніе это было въ употребленіи у иудеевъ.

меніе любви ихъ ко Господу, пріобщая ихъ къ страстямъ Самаго Христа, имѣло для нихъ сладость неизреченную. Страдать подобно Ему, за Него и съ Нимъ, должно было составлять вѣчный идеаль душъ возвышенныхъ. Священная радость, которую испытывали по этому случаю Апостолы, была въ послѣдующія времена обычнымъ состояніемъ духа всѣхъ мучениковъ. Ни одинъ изъ нихъ не переносилъ страданій съ ропотомъ. Они проливали всю свою кровь, но ни одной слезы, и этимъ доказывали не столько господства духа надъ тѣломъ, сколько дѣйствіе божественной благодати на нашу человѣческую слабость.

Не думая болѣе о синаедріонѣ, Апостолы снова начали учить въ храмѣ, въ тѣ часы, когда народъ собирался въ немъ, и переходя изъ дома въ домъ, въ остальное время дня. Они проповѣдывали именно то, что было имъ запрещено проповѣдывать: что Іисусъ распятый есть воистину Мессія Израилевъ.

Такимъ образомъ, будучи окружена со всѣхъ сторонъ іудействомъ и воздвигаемою имъ враждою, юная Церковь все болѣе и болѣе проявляла свое личное существованіе, право проповѣдывать, учить и привлекать послѣдователей, пренебреженіе къ страданіямъ и преслѣдованіямъ, сознаніе своего назначенія за предѣлами синагоги и вѣру въ будущее. Таковы были первые достигнутые ею результаты и начатки жизни самостоятельной и личной, свидѣтельствовавшіе о ея заражающей силѣ. Это происходило около первыхъ мѣсяцевъ 37-го года.

Право судить и бичевать подсудимыхъ, которое присвоивалъ себѣ синаедріонъ; видимое желаніе взвести на нихъ уголовное преступленіе; послѣдовавшія затѣмъ событія, каковы преданіе смерти Стефана безъ всякаго протеста со стороны римскихъ властей и отправленіе Савла съ грамотами синаедріона,—все это ясно показываетъ, что въ

Римъ преобладала болѣ либеральная политика по отношенію къ покореннымъ областямъ и въ особенности, что Пилата уже не было въ Іерусалимѣ. Дѣйствительно, онъ былъ посланъ въ Римъ Вителліемъ, правителемъ Сиріи, послѣ избіенія самарянъ на горѣ Гаризимѣ, то-есть около конца 36 года. Прибывъ въ Римъ, чтобы оправдаться предъ императоромъ, онъ нашелъ Тиверія умершимъ, а на его мѣстѣ Калигулу, занимавшаго престолъ съ 16 марта 37 года. Калигула полагалъ, что покореннымъ народностямъ слѣдуетъ предоставить самимъ управляться согласно съ своими обычаями и пользоваться серьезною автономіею, подъ властію туземныхъ правителей, по крайней мѣрѣ настолько, чтобы интересы имперіи отъ того не страдали. Съ своей стороны, Вителлій, послѣ удаленія Пилата, совершивъ путешествіе въ Іерусалимъ къ праздникамъ Пасхи, проявилъ величайшую благосклонность къ іудейскому народу, сложивъ съ него часть повинностей, и приказалъ, чтобы великолѣпныя облаченія первосвященника, до сего времени хранившіяся въ башнѣ Антонія, были возвращены подъ охрану храма. Для временнаго замѣщенія Пилата онъ назначилъ одного изъ своихъ друзей, Маркелла, котораго благодушное правленіе, равно какъ и правленіе преемника его Марулла, осталось безъ всякихъ слѣдовъ въ исторіи. Намъ кажется, что именно къ этому времени, когда римская власть ступевывается, и слѣдуетъ отнести то ожесточеніе враждебныхъ чувствъ со стороны духовной партіи, на которое мы указали. Враждебность начинается этимъ первымъ посягательствомъ на свободу благовѣстниковъ и поворотнымъ бичеваніемъ ихъ. Въ послѣдующихъ событіяхъ она должна выразиться съ большею рѣзкостію. Эти событія вызываются появленіемъ элемента, хотя и не новаго, но приобретающаго все болѣе и болѣе силы въ лонѣ юной Церкви,—мы говоримъ объ эллинистахъ, т. е. іудеяхъ изъ

странъ языческихъ; ибо, если не вполне справедливо, что іудеи, говорившіе на греческомъ языкѣ, благопріятствовали новой религіи ¹⁾, то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что тѣ изъ нихъ, которые приняли эту религію, сдѣлались самыми ревностными ея распространителями.

¹⁾ Эллинисты были причиною мученичества св. Стефана и одинъ изъ нихъ, Савлъ, съ наибольшою жестокостію возбуждаетъ гоненіе на учениковъ Христовыхъ. Впослѣдствіи они же злоумышляютъ на жизнь Павла, проповѣдывавшаго въ Іерусалимѣ (9, 29), а порядѣе доносятъ на него духовной партіи, когда узнаютъ его въ Асіи (21, 27).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Распространеніе Церкви за предѣлами Іерусалима.

ГЛАВА I.

Учрежденіе діаконовъ.

Апостольское служеніе, стоящее на высотѣ своего долга, поглощаетъ всѣ жизненныя силы человѣка. Для апостола затруднительно въ одно и тоже время благовѣствовать и вѣдать матеріальную сторону благотвореній, которыя онъ организуетъ въ теченіе своего апостольства. По мѣрѣ того, какъ маленькая община развивалась, въ ежедневномъ распредѣленіи милостыни произошли нѣкоторыя замѣшательства. Помощники, предложившіе свои услуги для замѣны членовъ сонма апостольскаго въ этомъ служеніи, не всегда отличались справедливостью и умѣньемъ вести это дѣло, отчего возникли неудовольствія и жалобы. Это былъ первый случай нарушенія того чуднаго единенія, которое проникало всѣ сердца членовъ юной Церкви. Чтобы исполнѣ понять значеніе этого случая, нужно помнить, что значительное число членовъ Церкви принадлежали къ іудейскимъ семействамъ, жившимъ посреди язычниковъ, внѣ Іерусалима, и въ недавнее время возвратившимся на родину, или проживавшимъ въ Святомъ городѣ мимоѣздомъ. Многіе изъ нихъ по всей вѣроятности были даже

изъ язычниковъ, примкнувшихъ къ іудейству. Они говорили не на арамейскомъ нарѣчїи, но погречески. Оттуда и произошло названіе эллинистовъ ¹⁾. Между тѣмъ, произошло то, что при распредѣленіи денегъ и припасовъ, вдовы ихъ получали менѣе, нежели вдовы іудеевъ палестинскихъ ²⁾. Это вынуждало ихъ жаловаться; когда же жалобы не достигали цѣли, то они съ большею настойчивостью стали указывать на подобную несправедливость Апостоламъ.

Въ глубинѣ своего сердца, всякій іерусалимскій іудей хранилъ въ себѣ такое сознаніе своего превосходства, какъ привилегированный сынъ Закона, что онъ не могъ удержаться отъ замѣтнаго предпочтенія ко всякому, кто никогда не покидалъ Святой Земли и не осквернилъ себя соприкосновеніемъ съ язычниками. Хотя бы человѣкъ былъ нетолько обрѣзаннымъ изъ язычниковъ и прокли-

---

¹⁾ Это наименованіе, встрѣчающееся два или три раза въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ (см. гл. 9, ст. 29 и гл. 11, ст. 20), указываетъ въ самомъ дѣлѣ на тѣхъ іудеевъ или приверженцевъ іудейства, которые нетолько говорили между собою на греческомъ языкѣ, но и читали Священное Писаніе и воздавали поклоненіе Іеговѣ на этомъ же языкѣ. Названіе ихъ происходило отъ слова *эллинизмъ*, говорить погречески, въ противоположность іудеямъ палестинскимъ или евреямъ, которые читали Св. Писаніе на еврейскомъ языкѣ, а говорили на сиро-халдейскомъ или арамейскомъ. Въ своемъ общемъ составѣ они были еврейскаго происхожденія, но только родились или жили за предѣлами Палестины. Ихъ называли также сынами разсѣянія. Между ними могли находиться и *прозелиты братъ*, т. е. язычники, обращенные въ іудейство.

²⁾ Слово *вдовы* означаетъ здѣсь вѣроятно тѣхъ бѣдныхъ женщинъ, которыхъ смерть оставила безъ всякой опоры и которыя содержались на средства общины. Если же предположить, что подъ этимъ наименованіемъ подразумѣвались тѣ благочестивыя женщины, о которыхъ упоминаетъ Апостолъ Павелъ (1 Тим. 5, 3—16) и которыя сами должны были пещись о пропитаніи и уходѣ за больными, то дѣло это пріобрѣтаетъ еще болѣе важное значеніе.

нающимъ своихъ боговъ, но и іудеемъ, сыномъ іудея, вѣрнымъ чителемъ Іеговы и данникомъ храма, этого особаго святилища установленной закономъ молитвы, но если онъ пребывалъ въ сношеніяхъ съ язычниками, говорилъ ихъ языкомъ и не жилъ въ Іерусалимѣ, то онъ принадлежалъ къ классу людей, во всѣхъ отношеніяхъ стоявшему ниже истинныхъ евреевъ, которые говорили на родномъ нарѣчій, жили подъ сѣнію дома Божія и входили въ составъ истиннаго Израиля, чуждаго всякой сдѣлки съ людьми нечистыми. Такъ какъ черта различія между іудеями эллинистами и іудеями іерусалимскими была проведена слишкомъ рѣзко въ одебелѣвшемъ умѣ однихъ и свободомысленныхъ замашкахъ другихъ, то отсюда не могла не произойти не только разница въ распредѣленіи милостыни, но и цѣлая система предпочтеній, преимуществъ и разрядовъ, скоро получившая характеръ до нѣкоторой степени оскорбительный и антихристіанскій. Поэтому ничто не препятствуетъ заключить, что вслѣдъ за какой-нибудь случайной жалобой въ первый разъ обрисовался гораздо болѣе важный вопросъ, ставшій скоро неотразимымъ и неотложнымъ, пока онъ недождался формальнаго разрѣшенія. Въ сущности, требовалось рѣшить вопросъ о томъ, устраняла ли новая религія кореннымъ образомъ всякое различіе въ происхожденіи, языкѣ и народности, всякую сословность, коренившуюся въ старинныхъ воспоминаніяхъ іудейства, всякія преимущества сыновъ Израиля и Авраама, происходящихъ отъ нихъ по болѣе или менѣе прямой линіи.

Для устраненія затрудненій, по наружности чисто матеріальнаго свойства, Апостолы временно удовольствовались тѣмъ, что установили должность, еще новую въ церкви, но отвѣчающую матеріальнымъ потребностямъ и способную смягчить указанныя неудобства. Въ дѣйствительности-же, нововведеніе это имѣло гораздо большее зна-

ченіе, нежели предполагалось, и результаты его, съ точки зрѣнія распространенія ученія Христова и освобожденія Церкви, были гораздо рѣшительнѣе, нежели съ точки зрѣнія внутренняго порядка общины и распредѣленія милостыни. Двѣнадцать Апостоловъ созвали общее собраніе учениковъ. На нихъ лежалъ долгъ усовершенствовать организацію Церкви и развить ея способы дѣйствій, чтобы удовлетворить могущимъ встрѣтиться нуждамъ. Въ такомъ дѣлѣ, которое прямо касалось матеріальныхъ интересовъ общества, имъ казалось правильнымъ предоставить дѣятельную роль самому обществу, предоставивъ только себѣ опредѣлить ея условія. Церкви не могло не быть угоднымъ участіе народа въ управленіи ею, лишь-бы власть священная направляла и одобряла общественныя постановленія. Это соотвѣтствовало и самому духу Евангелія. «Не хорошо намъ, сказали Апостолы,—оставивши Слово Божіе, пещись о столатъ. Итакъ, братія, выберите изъ среды своей семь человекъ, извѣданныхъ, исполненныхъ Святаго Духа и мудрости; ихъ поставимъ на эту службу; а мы постоянно будемъ въ молитвѣ и служеніи слова». Такимъ образомъ, Апостолы не отвергали справедливости ропота, который дошелъ до ихъ слуха. Не выражая никакой горечи противъ жалующихся и съ полнымъ смиреніемъ, Апостолы высказываютъ желаніе быть освобожденными отъ заботъ по распредѣленію милостыни.

Если они приняли на себя эту обязанность въ самомъ началѣ, то потому, что вѣрующіе находили вполне естественнымъ полагать къ ногамъ ихъ свои приношенія. Но теперь Церковь сдѣлалась настолько многочисленною и случаи проповѣдывать Евангеліе настолько умножились, что они уже не могли вполне плодотворно исполнять столь различныя обязанности. Изъ двухъ служеній, они жертвуютъ тѣмъ, которое идетъ отъ людей: раздачею ми-

лостыни, и оставляютъ за собою то, которое происходитъ отъ Бога: проповѣдь Евангелія. Итакъ, община должна немедленно избрать себѣ распорядителей. Обязанности, которыя на нихъ возлагаются, указываютъ, какія требуются отъ нихъ добродѣтели. Такъ какъ они хранятъ и раздаютъ общественное достояніе, то отъ нихъ требуется прежде всего безукоризненная честность; поелику они служатъ орудіями христіанскаго милосердія ко всѣмъ, то естественно желать, чтобы Духъ Святой пребывалъ въ нихъ и далъ имъ силу не только раздавать милостыню, но еще болѣе разливать вокругъ себя благодать Божию; будучи покровителями бѣдныхъ, они настолько должны обладать тактомъ и осторожностью, чтобы удовлетворить всѣхъ и избѣгнуть новыхъ жалобъ. Семи избранниковъ достаточно для выполненія новой обязанности, можетъ быть потому, что Іерусалимская церковь христіанская дѣлилась на семь округовъ, или потому, что такъ какъ въ недѣлѣ семь дней, то каждый изъ избранниковъ поочередно долженъ былъ завѣдывать раздачею одинъ разъ въ недѣлю ¹⁾.

Какъ бы то ни было, но предложеніе Апостоловъ было угодно всѣмъ, и собраніе приступило къ выборамъ. Семь именъ, которыя были провозглашены, повидимому ука-

---

¹⁾ Число семь вообще полно великихъ воспоминаній. Ной, вступая въ ковчегъ, долженъ былъ ввести въ него по 7 паръ чистыхъ животныхъ и птицъ небесныхъ; чтобы овладѣть Іерихономъ, нужно было 7 дней для обхода его, и въ седьмой день, при звукѣ семи трубъ, въ которыя дули семь священниковъ, городъ палъ. Свѣтильникъ имѣлъ семь вѣтвей, недѣля имѣетъ семь дней и т. д. Посему и въ Апокалипсисѣ постоянно встрѣчается это число: 7 церквей, печатей, трубъ, сосудовъ, ангеловъ, духовъ предъ престоломъ, роговъ, очей Агнца и проч.

зываютъ на то, что или партія эллинистовъ сильно оспаривала избраніе, или палестинцы обнаружили большую уступчивость, потому что имена эти имѣютъ чисто греческій характеръ. Правда, что и многіе чистокровные евреи носили греческія имена: таковы Андрей и Филиппъ между Апостолами; но нельзя отрицать, что такъ какъ большинство дало свои голоса простому проводнику изъ Антиохіи, то избраніемъ имѣлось въ виду въ особенности дать удовлетвореніе партіи эллинистовъ и притомъ подѣ совершенно инымъ впечатлѣніемъ—іерусалимской исключительности. Въ число избранниковъ вошли слѣдующія лица: Стефанъ, Филиппъ, Прохоръ, Никаноръ, Симонъ, Парменъ и Николай. О первомъ изъ этихъ лицъ сказано, что онъ былъ исполненъ вѣры и Духа Святаго, и онъ незамедлилъ доказать это. Второму, Филиппу, предстояла также славная будущность; онъ показалъ, что былъ столько-же способенъ къ раздаянію хлѣба духовнаго, какъ и милостынн. О четырехъ слѣдующихъ намъ ничего неизвѣстно,—такъ мало заботилась первенствующая церковь о личностяхъ въ это благодатное время, когда Лицемъ Іисуса Христа поглощалось все. Седьмой—Николай былъ обращенъ изъ антиохійскихъ язычниковъ; прежде нежели сдѣлаться христіаниномъ, онъ долженъ былъ принять іудейство и подвергнуться обрѣзанію. Относительно его окончательнаго значенія въ церкви христіанской, преданія несогласны между собою. Къ несчастію, полныя любви объясненія Климента Александрійскаго не уничтожили страшныхъ обвиненій, высказанныхъ противъ него св. Иринеємъ, Тертуліаномъ, св. Епифаніемъ и блаж. Іеронимомъ. По словамъ этихъ отцовъ и учителей церкви, несчастный діаконъ, будучи не въ силахъ выполнить данныхъ имъ обѣтовъ цѣломудрія, сдѣлался родоначальникомъ нечестивой секты николаитовъ, противъ которой

Апокалипсисъ предостерегаетъ первенствующихъ христіанъ ¹⁾).

Семь избранниковъ были представлены Апостоламъ, которые, помолившись, возложили на нихъ руки. Такимъ образомъ, народъ, привлеченный къ участию въ выборѣ новыхъ служителей, совершивъ избраніе, предоставилъ Апостоламъ посвятить ихъ. Указаніе достойнѣйшихъ есть одно, преподаніе священнаго сана—другое; послѣднее принадлежитъ только Апостоламъ и ихъ преемникамъ. И Апостолы вводятъ избранниковъ народа въ сонмъ священнослужителей не иначе, какъ совершивъ молитву, какъ ни была мала степень священства, преподанная избраннымъ. Они знаютъ, что только единому Богу, или Иисусу Христу принадлежитъ право расширить устройство Церкви, которой Онъ есть единый Глава и Господь. Онъ только одинъ можетъ сообщить власть приобщать новыхъ лицъ къ преимуществу быть Его представителями въ управленіи Церковію и въ раздаваніи благодати. Избранные теперь діаконы имѣли не одну только обязанность служить на вечеряхъ; они были также призваны къ тому, чтобы съ дерзновеніемъ проповѣдывать слово Божіе, и успѣхи, ко-

---

¹⁾ Въ короткихъ словахъ сущность этого вопроса заключается въ слѣдующемъ: уже въ концѣ II вѣка, св. Иринеи утверждаетъ, что николанты, не признававшіе грѣхомъ прелюбодѣянія и употребленія въ пищу мяса идоложертвенныхъ животныхъ, называли учителемъ своимъ діакона Николая. Тоже подтверждаютъ Тертуллианъ и св. Иларій, а св. Епифаній сообщаетъ и подробности о паденіи Николая, подтверждаемая авторомъ книги «Философумена». Напротивъ, Климентъ Александрійскій рассказываетъ совершенно иначе исторію Николая, къ которому относится съ полнымъ уваженіемъ и котораго именуетъ мужемъ апостольскимъ. По его словамъ, Николай велъ жизнь вполне цѣломудренную, а сыновья и дочери его, будучи столь-же цѣломудренны, какъ и ихъ отецъ, возложили даже на себя обѣтъ дѣвства.

торыми сопровождалась ихъ проповѣдь, доказали, что не тщетно было возложеніе на главы ихъ рукъ апостольскихъ. Духъ Святый, преизобильно явившійся въ сердца ихъ, насадилъ въ нихъ такую могучую нравственную силу, которой ничто не могло сопротивляться.

Что въ этомъ событіи исторіи апостольской слѣдуетъ видѣть установленіе не временной только, но постоянной степени священнослуженія, имѣющей связь съ пресвитерствомъ, подобно тому какъ пресвитерство состоитъ въ неразрывной связи съ епископствомъ, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Древнѣйшее преданіе христіанское согласно утверждаетъ, что большая часть церквей, и въ томъ числѣ римская, по свидѣтельству Евсевія, имѣли въ началѣ только по семи діаконѣвъ, тогда какъ число пресвитеровъ было весьма значительно. Притомъ, самая торжественность, съ которою семь діаконѣвъ были избраны и посвящены, даетъ уразумѣть, что не на время только и не для переходныхъ обязанностей они были назначены, но что они должны были образовать изъ себя учрежденіе окончательное. Иначе откуда явились ихъ преемники, идеалъ которыхъ, рядомъ съ идеаломъ епископа, въ такихъ прекрасныхъ чертахъ изображаетъ Апостоль Павелъ (1 Тим. гл. 3)? Если учрежденіе это необходимо поставить въ связь съ чѣмъ-либо, то почему не съ этимъ первымъ избраніемъ? Что обязанности діаконѣвъ должны были измѣниться съ теченіемъ времени и сообразно съ потребностями церквей, — это вполне естественно; тѣмъ не менѣе очевидно, что по существу они остались облеченными саною служителями собранія вѣрующихъ и такими свыше назначенными помощниками священнослужителей, которые должны были завѣдывать распредѣленіемъ вечерей любви и порядкомъ собраній; преподавать таинство св. Евхаристіи, въ особенности носить его отсутствующимъ братіямъ; читать въ собраніи Евангеліе и даже проповѣ-

дывать ¹⁾; помогать при освященіи таинства, — словомъ, находиться въ общеніи съ престоломъ и церковною іерархією по праву божественному, чрезъ первоначальное и особое преподаніе благодати Святаго Духа и чрезъ внѣшнее дѣйствіе возложенія рукъ, что составляло и донинѣ составляетъ часть таинства Священства.

Послѣдствія возведенія семи лицъ въ новоучрежденный санъ, какъ мы уже замѣтили, превзошли всѣ ожиданія. Находясь въ подчиненномъ положеніи относительно прочихъ церковныхъ сановниковъ, по крайней мѣрѣ двое изъ нихъ были великими проповѣдниками идеи вселенства, указавшей новые пути для Церкви.

Такъ какъ Апостолы, освободившись отъ матеріальныхъ заботъ, могли съ большею силою трудиться для распространенія истины; діаконы же съ своей стороны, проявляя особенную ревность при исполненіи своихъ обязанностей, пользовались при раздаваніи милостыни народу, всякимъ случаемъ, чтобы посѣвать доброе сѣмя въ душахъ, то въ это время обращенія были особенно часты. Они коснулись даже представителей духовной власти въ іудействѣ, и многіе левиты или священники у ногъ Апостоловъ покорились вѣрѣ въ Іисуса Христа ²⁾.

Видѣли ли они въ Церкви не просто форму іудейства, богѣ совершенную, а нѣчто иное? Отказались ли рѣшительно отъ предпочтенія закона Моисеева закону Іисуса, Христа? А отказавшись отъ этого предпочтенія, не вернулись ли они назадъ и, продолжая служить храму, не пришли ли незамѣтнымъ образомъ къ прежнему убѣжденію, что не крестъ, а храмъ долженъ быть средоточіемъ религіознаго движенія, къ которому они примкнули? Это

¹⁾ Діаконъ Филиппъ (Дѣян. 21, 8) именуется благовѣстникомъ.

²⁾ Нельзя сомнѣваться, что именно между этого рода обращенными слѣдуетъ искать начатковъ секты іудействующихъ.

очень возможно, и все заставляеть насъ думать, что именно между этими обращенными священниками и левитами вскорѣ появились тѣ упорные и рѣшительные ревнители закона, которые были извѣстны подъ именемъ іудействующихъ, или защитниковъ обрѣзанія¹⁾. Не вполнѣ отказавшись отъ исполненія обрядовъ Моисеева закона, родившись и пребывая въ храмѣ и не въ силахъ будучи примириться съ мыслию, что имъ должно отрѣшиться отъ словопреній, которымъ они научились съ такимъ трудомъ, эти люди создали грозную партію, которая съ безпощадною ненавистью преслѣдовала вселенское ученіе Павла всюду, гдѣ онъ ни проповѣдывалъ, которой опасался Петръ въ Антиохіи и которая находилась будто-бы подъ вліяніемъ Іакова въ Іерусалимѣ. Ошибочно предполагать, что она серьезно опиралась на авторитетъ котораго-либо изъ Апостоловъ. Ея заблужденіе вовсе не раздѣлялось въ средѣ апостольской, съ которой она находилась въ близкомъ соприкосновеніи. Если она держалась, то только благодаря сильному вліянію людей ученыхъ и добродѣтельныхъ, которые были склонны ее поддерживать, а также и тому, что она льстила племеннымъ инстинктамъ, стариннымъ народнымъ предубѣжденіямъ и прирожденному уваженію къ Закону. Въ дѣйствительности, представители ея никогда неимѣли полномочій отъ Апостоловъ ни въ Галатіи, ни въ Антиохіи (Дѣян. 15, 24). Они иногда сами ихъ себѣ усвоивали, но несправедливо. Всѣ Апостолы безъ исключенія, какъ Іаковъ²⁾, такъ и прочіе отвергли ихъ воззрѣнія.

¹⁾ Намъ кажется естественнымъ отождествленіе «увѣровавшихъ изъ фарисейской среды» (Дѣян. 15, 5) съ этими обратившимися левитами и священниками. Они именно требовали обрѣзанія и соблюденія закона Моисеева отъ язычниковъ.

²⁾ Напрасно ссылаются при этомъ на выраженіе: «до прибытія нѣкоторыхъ отъ Іакова» (Гал. 2, 12). Здѣсь говорится просто о лицахъ, жившихъ при Апостолѣ, ссылавшихся на него и выдвигавшихъ его имя (Сравн. 2 Кор. 11, 5; 12, 11).

Несмотря на это, секта іудействующихъ, долгое время и почти вездѣ, задерживала освободительное движеніе, которое Духъ Божій сообщилъ Своей Церкви. Но наконецъ она была поглощена эвѣонитствомъ. Весьма замѣчательно то, что если эта секта дѣйствительно имѣла своихъ первыхъ представителей между іудейскими священниками, о обращеніи которыхъ мы упомянули, то она возникла какъ разъ въ то время, когда, вмѣстѣ съ эллинистами, должно было начаться то движеніе вселенства, котораго она сдѣлалась непримиримой противницей.

ГЛАВА II.

Попытка Стефана освободить церковь отъ іудейства и мученическая кончина его.

Діаконъ Стефанъ особенно выдавался своею ревностью къ распространенію Евангелія въ средѣ Эллинистовъ, изъ которой онъ вышелъ самъ. При его пылкомъ и крѣпко закаленномъ темпераментѣ, ничто не могло удержать его отъ сообщенія другимъ того свѣта, который озарялъ его собственную душу, хотя бы ему пришлось искать слушателей тамъ, гдѣ онъ былъ увѣренъ встрѣтить однихъ лишь противниковъ. Такимъ образомъ, съ нимъ юная Церковь стала отрѣшаться отъ своей сдержанности, чтобы вступить въ открытую борьбу съ синагогой. Къ тому же. Богъ поддерживалъ его въ апостольскомъ служеніи, давая ему силу подкрѣплять благовѣстіе великими чудесами, такъ что онъ какъ бы соревновалъ силою съ самими Апостолами. Народъ дивился его дѣламъ, и никто не могъ устоять предъ мудростію его рѣчей.

Синагоги доставляли Господу Іисусу готовыхъ слушателей и избранную среду для насажденія благовѣстія. Стефанъ пришелъ къ убѣжденію, что слѣдуетъ подражать столь высокому примѣру, и онъ съ полною рѣшимостью являлся на благочестивыхъ собраніяхъ Святаго Града, вызывая присутствующихъ на гласныя собесѣдованія. Нововведеніе это было смѣлою попыткою, такъ какъ и

сами Апостолы не начинали еще проповѣдывать въ подобныхъ собраніяхъ, и тѣмъ не менѣе оно обѣщало быть плодотворнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Нежелая вступать въ борьбу съ іерусалимскимъ іудействомъ, Стефанъ выступилъ противъ іудейства Эллинистовъ, уже близкаго къ распаденію и, по самой средѣ, въ которой оно жило, менѣе чуждаго вселенскому духу Евангелія. Изъ 480 синагогъ, существовавшихъ, по увѣренію раввиновъ, въ святомъ городѣ, Стефанъ нарочито открылъ свои собесѣдованія въ тѣхъ изъ нихъ, которыя посѣщались іудеями разсѣянныя или греками іудействующими. Такъ, онъ обращался попеременно, то къ римскимъ евреямъ въ ихъ синагогахъ, именовавшимся отпущенниками, то къ африканскимъ въ синагогахъ Киринейцевъ и александрійцевъ, то къ азійскимъ въ синагогахъ Киликіи и проконсульской Азіи¹⁾. Если проповѣдь его здѣсь сопровождалась успѣхомъ, то она возбуждала вмѣстѣ съ тѣмъ и сильнѣйшую оппозицію. Таковъ былъ молодой Савлъ изъ Тарса, по праву принадлежавшій къ киликійской синагогѣ; онъ несомнѣнно съ жадностію слушалъ краснорѣчиваго пропо-

---

¹⁾ Словомъ «отпущенники» или либертинцы римляне называли евреевъ, которыхъ Помпей привелъ въ Римъ въ качествѣ рабовъ, а потомъ отпустилъ. Евреи, поселившіеся въ Кириней, по словамъ Іосифа Флавія, составляли четверть населенія этого значительнаго города. Они были еще болѣе многочисленны въ Александріи, гдѣ изъ пяти городскихъ частей они занимали двѣ части и достигли цифры 100.000. Нѣкоторые толкователи предполагали, что всѣ эти эллиниствующіе іудеи составляли часть одной и той же синагоги. Но эти зданія, столь многочисленныя въ Іерусалимѣ, были небольшихъ размѣровъ и ни одно изъ нихъ не могло бы вмѣстить въ себѣ столько народа. Другіе думаютъ, что отпущенники, киринейцы и александрійцы составляли одну группу, а іудеи Киликіи и Азіи другую. Болѣе вѣроятно допустить, что каждая страна имѣла свою особую синагогу, какъ и въ настоящее время каждая народность старается имѣть свою отдѣльную домовую церковь, если не отдѣльный храмъ.

вѣдника и былъ ярымъ его противникомъ. Онъ смотрѣлъ на Стефана какъ на нарушителя Закона и на врага своего народа, и ненависть его простерлась до того, что онъ не усомнился принять участіе въ смертномъ приговорѣ противъ Стефана. Но усилія его были напрасны: вопреки ему самому и даже безъ его вѣдома, могучее слово святаго діакона постепенно проникало его и, какъ неотвратимое жало, пронзало его сердце, пока наконецъ онъ не былъ побѣжденъ и не объявилъ себя не только побѣжденнымъ, но и рѣшительнымъ представителемъ ученія и вѣры Того, Кого до сихъ поръ онъ проклиналъ. Всѣ приверженцы іудейства тщетно соединялись между собою, чтобы противостоять могучему дуновенію этой новой проповѣди,—усилій ихъ было недостаточно. Ученіе Стефана разсѣвало всѣ возраженія, а Духъ Божій, говорившій его устами, увлекалъ сердца.

Поэтому противники Стефана сочли болѣе благоразумнымъ отказаться отъ словопреній, при которыхъ они всегда были побѣждаемы, и прибѣгли къ средствамъ менѣе честнымъ, но благодаря которымъ они могли рассчитывать остаться побѣдителями. Клевета, какъ бы мало ни благопріятствовала ей обстоятельства, есть страшное оружіе. Ею и воспользовались враги Стефана. Въ дѣйствительности, съ широтою воззрѣвій и яснымъ представленіемъ будущаго Церкви, отличавшими Стефана, онъ первымъ изъ всѣхъ поднималъ руку на неподвижную стѣну іудейства. Это было опаснымъ предпріятіемъ. Апостолы скорѣе предпочли обречь себя на исполненіе всего Закона, нежели дать поводъ подозрительно взирать на ихъ чувства по отношенію къ учрежденіямъ Моисея. Оттого фарисеи, а съ ними и народъ, терпѣли ихъ, какъ секту конечно новую, но все-таки не оторванную отъ лона синагоги. Стефанъ, напротивъ, полагалъ, что наступило время разорвать съ нею всѣ связи, и его безбоязненное слово все

опрокидывало на своемъ пути, все болѣе и болѣе расширяя религіозный кругозоръ. Всякій нововводитель, потому ли, что одни его не вполне понимаютъ, тогда какъ другіе понимаютъ слишкомъ, всегда подаетъ поводъ къ злнамѣреннымъ обвиненіямъ. Враги Стефана подкупили свидѣтелей, которые будто бы слышали, какъ онъ говорилъ хульные слова на Моисея и на Самого Бога. Въ этомъ-то обвиненіи, несмотря на всю его лживость, и слѣдуетъ искать разгадки всего этого дѣла.

Каждый богохульникъ заслуживалъ смерти (Второз. 13, 6—10). Такъ какъ римская власть не полагала теперь препятствій, то враги Стефана пришли къ заключенію, что можно безъ всякихъ опасеній возбудить обвиненіе въ уголовномъ преступленіи. Народъ, старѣйшины, книжники, не замедлили войти въ соглашеніе, чтобы произвести смуту. Собравшись толпою, они схватили молодаго діакона и повели въ синагогу. Такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ возобновился образъ дѣйствій, который тѣже люди позволили себѣ по отношенію къ Іисусу Христу. Дѣйствительно, вызваны были лжесвидѣтели, которые еще яснѣе выразили свои прежнія показанія: «Этотъ человѣкъ не перестаетъ говорить хульные слова на святое мѣсто сіе и на законъ. Ибо мы слышали, какъ онъ говорилъ, что Іисусъ Назорей разрушить мѣсто сіе и перемѣнить обычаи, которые передалъ намъ Моисей». Въ сущности, Стефанъ могъ говорить все это, безъ всякаго богохульства. Увѣрять, что Моисеевы обряды не вѣчны, вовсе не значитъ упразднить Моисея, который самъ возвѣстилъ явленіе въ будущемъ Пророка, большаго нежели онъ. Объявить, что храма уже недостаточно для человѣчества, такъ какъ оно всецѣло призвано отнынѣ поклоняться истинному Богу, не значитъ относиться съ хулою къ величію или святости Божіей. Если Стефанъ говорилъ такіа рѣчи, то онъ только повторилъ и съ особенною силою развилъ ученіе, которое пре-

подалъ Иисусъ самарянкѣ. Послѣ Учителя и Господа, воспрещалось ли говорить, что наступилъ часъ, когда Богу будутъ поклоняться не на такой-то горѣ или во храмѣ, но во всей вселенной, въ духѣ и истинѣ, поклоненіемъ внутреннимъ, такъ что храмъ іерусалимскій долженъ упраздниться, потому что каждый чтитель Бога носитъ въ душѣ своей великолѣпнѣйшій изъ храмовъ? Неужели проповѣдникъ Христа не могъ, опять таки вслѣдъ за Учителемъ и Господомъ, выяснить что было переходнаго въ ветхомъ Завѣтѣ и показать, какимъ образомъ символическіе обряды Моисеевой религіи привели къ окончательному установленію Царствія Божія, какъ осуществленію и завершенію ихъ? Все это было вполнѣ правильно и послѣдовательно и непротиворѣчило существу ветхозавѣтной религіи, хотя находилось въ прямомъ несогласіи съ истинными предразсудками іудейства. Тоже самое проповѣдывалъ впослѣдствіи и Павелъ. Но проповѣдникъ былъ признанъ разрушителемъ и преступникомъ. Тому, кто желалъ наступленія времени плодовъ вслѣдъ за временемъ цвѣтенія, говорили: «Ты хочешь, чтобы дерево засохло!» И съ нимъ поступили, какъ съ богохульникомъ и нечестивцемъ. Истина при ложномъ освѣщеніи можетъ показаться богохульствомъ. Для умовъ, закованныхъ въ броню формализма, всякій прогрессъ представляется преступной революціей.

Итакъ, Стефанъ былъ обвиненъ въ намѣреніи упразднить Бога, въ то время, когда онъ болѣе всѣхъ трудился для распространенія Царства Его. Сильный истинною своего ученія и чистыми побужденіями своего сердца, онъ предсталъ предъ своими судьями съ такимъ величіемъ въ осанкѣ и съ такимъ блескомъ во взорѣ и крѣпостію въ лицѣ, что сидящіе въ синедріонѣ, смотря на него, видѣли лицо его какъ лицо Ангела. Божественный духъ, коимъ онъ былъ преисполненъ, окружалъ его какъ бы небесною

славою. Ни одна изъ клеветъ, которыми удручали его, не смутила спокойствія души его. Враги чувствовали, что онъ сгораетъ нетерпѣніемъ не защищаться, а доказать свою пламенную любовь къ Богу. Чтобы положить предѣлъ сочувственному движенію, постепенно охватывавшему все собраніе, предсѣдательствующій въ синадріонѣ поспѣшилъ рѣзко обратиться къ подсудимому: «Такъ ли это?» воскликнулъ онъ. — «Основательно ли что говорятъ на тебя?»

«Мужи, братія и отцы! — отвѣчалъ на это Стефанъ, — послушайте».

Душа его переполнена мыслями о предметѣ своей проповѣди и онъ, какъ бы опасаясь увлечься ими и слишкомъ рѣзко отозваться на вопросъ, проситъ снисходительнаго вниманія. Его обвиняютъ въ нечестіи, — онъ высказываетъ свое исповѣданіе вѣры, и это исповѣданіе есть библейская исторія народа Божія; онъ излагаетъ ее, чтобы доказать, что онъ вполне и всецѣло допускаетъ ее. Да, онъ вѣруетъ въ непрерывное божественное воздѣйствіе Іеговы на Свой народъ, вѣруетъ въ призваніе Моисея, котораго изображаетъ въ самыхъ возвышенныхъ выраженіяхъ, и въ святость храма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вѣруетъ и въ послѣдовательное развитіе царства Божія на землѣ. Исторія Израиля не показываетъ ли ему, что божественныя откровенія, переставъ быть удѣломъ одной личности, сдѣлались всенародными, и истинная религія, первоначально сосредоточенная въ сердцѣ одного человѣка, превратилась въ религію цѣлаго народа? По какому праву іудеи хотятъ возбранить ему вѣровать въ Мессію, какъ Лице высшее Моисея, когда этотъ Мессія, съ Своимъ премірнымъ царствомъ, былъ возвѣщенъ Моисеемъ и пророками, или въ переходное значеніе храма, который не всегда существовалъ и не могъ долѣтъ на всѣ времена? Разсматривая эту исторію минувшихъ дней, онъ видитъ одно только неизмѣннымъ: невѣрность Израиля и его

упорное сопротивленіе дѣйствию благодати Божіей. Съ горечью указываетъ онъ на жестокой поступокъ сыновъ Іакова съ братомъ своимъ Іосифомъ, на то, что свои же отвернулись отъ Моисея, на поклоненіе ложнымъ богамъ, на гоненія, воздвигаемыя на пророковъ, пока наконецъ Самъ Праведный, Мессія, не былъ преданъ смерти. При этомъ воспоминаніи, Стефанъ уже не въ силахъ сдержать охватившаго его волненія; онъ осуждаетъ вѣчныхъ противниковъ истины, желающихъ заградить ему уста, какъ они не разъ поступали съ другими посланниками Божиими, и тѣмъ навлекаетъ на свою голову смертный приговоръ.

«Богъ славы, сказалъ Стефанъ, особенно ударяя на это слово, чтобы доказать, что онъ далекъ отъ хуленія Бога Израилева,—Богъ славы явился отцу нашему Аврааму въ Месопотаміи, прежде переселенія его въ Харранъ, и сказалъ ему:—Выйди изъ земли твоей, и изъ родства твоего, и изъ дома отца твоего, и пойди въ землю, которую покажу тебѣ.—Тогда онъ вышелъ изъ земли Халдейской и поселился въ Харранѣ, а оттуда, по смерти отца его, переселилъ его Богъ въ сію землю, въ которой вы нынѣ живете. И недалъ ему на ней наслѣдства ни на стопу ноги, а обѣщалъ дать ее во владѣніе ему и потомству его по немъ, когда еще былъ онъ бездѣтенъ. И сказалъ ему Богъ, что потомки его будутъ переселенцами въ чужой землѣ, и будутъ въ порабощеніи и притѣсненіи лѣтъ чотыреста. Но Я, сказалъ Богъ, произведу судъ надъ тѣмъ народомъ, у котораго они будутъ въ порабощеніи; и послѣ того они выйдутъ и будутъ служить Мнѣ на семь мѣстѣ. И далъ ему завѣтъ обрѣзанія. По семъ родилъ онъ Исаака и обрѣзалъ его въ восьмой день; а Исаакъ (родилъ и обрѣзалъ) Іакова, Іаковъ же двѣнадцать патріарховъ».

Таковъ завѣтъ Божій съ племенемъ вѣрующихъ, запечатлѣнный во плоти нѣсколькихъ поколѣній. Завѣтъ сей

не воспрепятствовалъ однако злобѣ продолжать свое дѣло и Богу благоугодно было извлечь доброе изъ злаго дѣла, дабы сообщить полную организацію Своему народу.

«Патріархи, продолжалъ Стефанъ,—по зависти продали Іосифа въ Египетъ; но Богъ былъ съ нимъ, и избавилъ его отъ всѣхъ скорбей его, и даровалъ ему мудрость и благоволеніе царя египетскаго Фараона, который и поставилъ его начальникомъ надъ Египтомъ и надъ всѣмъ домомъ своимъ. И пришелъ голодъ и великая скорбь на всю землю Египетскую и Ханаанскую, и отцы наши не находили пропитанія. Іаковъ-же, услышавъ, что есть хлѣбъ въ Египтѣ, послалъ туда отцовъ нашихъ въ первый разъ. А когда они пришли во второй разъ, Іосифъ открылся братьямъ своимъ, и извѣстенъ сталъ Фараону родъ Іосифовъ. Іосифъ пославъ призвалъ отца своего Іакова и все родство свое, душъ семдесятъ пять. Іаковъ перешелъ въ Египетъ, и скончался самъ и отцы наши; и перенесены были въ Сихемъ и положены во гробъ, который купилъ Авраамъ цѣною серебра у сыновъ Еммора Сихемова. А по мѣрѣ того, какъ приближалось время исполниться обѣтованію, о которомъ клялся Богъ Аврааму, народъ возрасталъ и умножался въ Египтѣ, до тѣхъ поръ какъ возсталъ иной царь, который не зналъ Іосифа ¹⁾; сей, ухищряясь противъ рода нашего, притѣснялъ отцовъ нашихъ, принуждалъ ихъ бросать дѣтей своихъ, чтобы не оставались въ живыхъ. Въ это время родился Моисей, и былъ прекрасенъ предъ Богомъ. Три мѣсяца онъ былъ питаемъ въ домѣ отца своего. А когда былъ брошенъ, взяла его дочь Фараонова и воспитала его у себя какъ сына. И

---

¹⁾ Повѣствованіе книги Исходъ предполагаетъ по крайней мѣрѣ трехъ Фараоновъ; по изысканіямъ египтологовъ, это были: упоминаемый въ 1-й главѣ исхода Сети I; тотъ, котораго дочь воспитала Моисей, Рамсесъ II; наконецъ тотъ, при которомъ евреи вышли изъ Египта, Менефта I.

наученъ былъ Моисей всей мудрости Египетской, и былъ силенъ въ словахъ и дѣлахъ».

Такимъ-то образомъ, посреди всѣхъ препятствій, Богъ приготавлилъ спасеніе Своего народа, въ силу даннаго Имъ обѣтованія. Съ тѣхъ поръ, какъ и въ послѣдующія времена, наибольшія затрудненія проистекали изъ упорства самого этого народа.

«Когда же исполнилось ему (Моисею) сорокъ лѣтъ, продолжалъ далѣе Стефанъ, — пришло ему на сердцѣ посѣтити братьевъ своихъ, сыновъ Израилевыхъ. И увидѣвъ одного изъ нихъ обижаемаго, вступился и отмстилъ за оскорбленнаго, поразивъ египтянина. Онъ думалъ, поймутъ братья его, что Богъ рукою его даетъ имъ спасеніе, но они непоняли. На слѣдующій день, когда нѣкоторые изъ нихъ дрались, онъ явился и склонялъ ихъ къ миру, говоря: вы—братья; зачѣмъ обижаете другъ друга? Но обижающій ближняго оттолкнулъ его, сказавъ: Кто тебя поставилъ начальникомъ и судьбою надъ нами? Не хочешь ли ты убить и меня, какъ вчера убилъ египтянина? Отъ сихъ словъ Моисей убѣжалъ и сдѣлался пришельцемъ въ землѣ Мадіамской, гдѣ родились отъ него два сына».

Никогда внутреннее чувство не подсказывало Израилю, кто его истинные друзья и чрезъ кого должно было прійти ему спасеніе. Онъ съ перваго же раза отрицался отъ нихъ и отвергалъ ихъ. Къ счастью для него, Богъ, даже видя, что онъ отвращается отъ божественныхъ даровъ, продолжаетъ стоять у дверей его сердца и стучать, дабы всячески препобѣдить его гибельное упорство.

«По исполненіи сорока лѣтъ,—продолжалъ Стефанъ,—явился ему (Моисею) въ пустынѣ горы Синая Ангелъ Господень ¹⁾ въ пламени горящаго терноваго куста.

---

¹⁾ Весьма замѣчательно, что Стефанъ постоянно указываетъ на Ангела тамъ, гдѣ Св. Писаніе говоритъ прямо о Богѣ. По ученію шко-

Моисей увидѣвъ дивился видѣнію, а когда подходилъ къ нему разсмотрѣть, былъ къ нему гласъ Господень: Я Богъ отцовъ твоихъ, Богъ Авраама и Богъ Исаака и Богъ Иакова. Моисей, объятый трепетомъ, не смѣлъ смотрѣть. И сказалъ ему Господь:—Сними обувь съ ногъ твоихъ; ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая. Я вижу притѣсненіе народа Моего въ Египтѣ и слышу стenanіе его, и ниспелъ избавить его; и такъ пойди, Я пошлю тебя въ Египетъ.—Сего Моисея, котораго они отвергли, сказавши: кто тебя поставилъ начальникомъ и судьей? сего Богъ чрезъ Ангела, явившагося ему въ терновомъ кустѣ, послалъ начальникомъ и избавителемъ. Сей вывелъ ихъ, сотворивъ чудеса и знаменія въ землѣ Египетской и въ Черномъ морѣ и въ пустынѣ въ продолженіи сорока лѣтъ. Это тотъ Моисей, который сказалъ сынамъ израилевымъ: Пророка воздвигнетъ вамъ Господь Богъ вашъ изъ братьевъ вашихъ, какъ меня; Его слушайте (Второз. 18, 15). Это тотъ, который былъ въ собраніи въ пустынѣ съ Ангеломъ, говорившимъ ему на горѣ Синаѣ, и съ отцами нашими, и который принялъ живыя слова, чтобы передать намъ, которому отцы наши не хотѣли быть послушными, но отринули его и обратились сердцами своими къ Египту, сказавши Аарону: сдѣлай намъ боговъ, которые предшествовали бы намъ; ибо съ Моисеемъ, который вывелъ насъ изъ земли Египетской, не знаемъ что случилось. И сдѣлали въ тѣ дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились предъ дѣломъ рукъ своихъ ¹⁾. Богъ-же отвратился и оставилъ

ны Александрійской, этотъ Ангелъ есть ничто иное какъ Логосъ, или Слово. Многіе отцы Церкви раздѣляли это ученіе и въ лицѣ Ангела, говорившаго совершенно такъ-же какъ Богъ, признавали Слово, второе Лице Пресвятой Троицы, предшествующее великой тайнѣ Воплощенія.

¹⁾ Израильтяне, подъ этимъ видомъ тельца, желали повидимому поклоняться не иному богу, какъ Іеговѣ, потому что Ааронъ, поставивъ

ихъ служить воинству небесному ¹⁾), какъ написано въ книгѣ пророковъ:—Домъ Израилевъ! приносили ли вы Мнѣ заколѣнія и жертвы въ продолженіи сорока лѣтъ въ пустынь? Вы приняли скинію Молохову и звѣзду бога вашего Ремфана, изображенія, которыя вы сдѣлали, чтобы поклоняться имъ ²⁾: и Я переселю васъ далѣе Вавилона» (Амос. 5, 25—27).

Таковы ожесточеніе, невѣрность и безуміе древнихъ временъ. Настоящее не лучше ихъ, и тѣ, которые отрицали Моисея, отвергли теперь Мессію. Еслибы еще, по заблужденію, предавъ Его смерти, они согласились не препятствовать совершиться Его дѣлу, распространиться Его Духу и устроиться Его царству! Но нѣтъ, они такъ тѣсно были связаны съ прошлымъ своими предразсудками, что они не допускаютъ инаго будущаго ни для Бога, ни для

предъ ними жертвенникъ, провозгласилъ: «завтра праздникъ Господу» (Исх. 25, 5); преступленіе же народа состояло въ томъ, что онъ восхотѣлъ изобразить своего Бога въ осязательной формѣ, «примѣнявъ славу свою на изображеніе вола, ядущаго траву», какъ говоритъ Псалмопѣвецъ (Пс. 105, 20). Очевидно, мысль объ этомъ вынесена изъ Египта, и истуканъ этотъ напоминалъ или быка Аписа, которому поклонялись въ Мемфисѣ, или, еще вѣроятнѣе, судя по пѣнію и пляскамъ, упомянутымъ въ книгѣ Исходъ, быка Мневиса, боготворимаго въ Иліополѣ.

¹⁾ Солнцу, лунѣ и звѣздамъ, которые были богами Сабейзма.

²⁾ Молохъ былъ богъ—покровитель аммонитовъ (3 Цар. 11, 7). Его изображали съ головой быка и съ руками вытянутыми и поднятыми вверхъ. Идола, вылитого изъ мѣди и имѣвшаго въ срединѣ пустоту, изнутри раскаляли и въ раскаленные руки его клали дѣтей; для того чтобы заглушить раздражительные вопли несчастныхъ, священники били въ бубны. Дѣти, такимъ образомъ, по сказанію однихъ, умирали въ страшныхъ мученіяхъ, а по другимъ, только очищались, проходя сквозъ огонь. Обыкновенно думаютъ, что Молохъ изображалъ собою Солнце, а Ремфанъ Сатурна. Изъ повѣствованія Моисея нельзя утвердительно сказать, чтобы евреи поклонялись этимъ богамъ въ пустынь; но на основаніи книги Левитъ (17, 9; 18, 21 и 20, 2) можно повидимому допустить это.

человѣка. Въ ихъ храмѣ сосредоточивается вся ихъ религія, и они перестаютъ понимать ее, если она выходитъ за предѣлы, въ которые они ее заключили,—вотъ гдѣ скрывается ихъ преступленіе! Пусть же они откроютъ наконечъ глаза! Эти новые вѣрующіе, которыхъ они обвиняютъ въ томъ, будто они возносятъ хулу на Моисея и на храмъ, не должны преграждать путь великому явленію Божію въ Іисусъ Христъ. Прославивъ Моисея и патріарховъ, Стефанъ такимъ же образомъ прославилъ скинію Завета и храмъ Божій, съ тѣмъ лишь, что такъ какъ и скинія и храмъ имѣли только переходное значеніе, то они должны были упраздниться.

«Скинія свидѣтельства была у отцовъ нашихъ въ пустынѣ, какъ повелѣлъ Говорившій Моисею сдѣлать ее по образцу имъ видѣнному. Отцы наши съ Іисусомъ, взявши ее, внесли во владѣнія народовъ, изгнанныхъ Богомъ отъ лица отцовъ нашихъ. Такъ было до дней Давида; сей обрѣлъ благодать предъ Богомъ и молилъ, чтобы найти жилище Богу Іакова. Соломонъ же построилъ Ему домъ».

Этимъ оканчивается длинное изложеніе благодѣяній Іеговы, Который окончательно утвердилъ Свой домъ посреди народа Своего. Проникнувшись неразумнымъ себялюбіемъ, народъ Божій думалъ до такой степени заключить Іегову въ этотъ домъ, что храмъ, при неправильномъ пониманіи его значенія, вмѣсто того, чтобы служить прославленію Іеговы, послужилъ тому лишь, что содѣлался преподною явленію Бога въ человѣчествѣ. Святое мѣсто было закрыто для язычниковъ, искавшихъ Іегову, а между тѣмъ іудеи увѣряли, что человѣкъ можетъ обрѣсти истиннаго Бога только чрезъ это святилище. Вотъ къ чему привелъ узкій духъ іудейства! Къ счастью, «Всевышній не въ рукотворенныхъ храмахъ живетъ, какъ говоритъ пророкъ:—небо престолъ Мой, и земля подножіе ногъ Моихъ. Какой домъ созиждете Мнѣ, говоритъ Господь, или какое мѣсто

для покоя Моего? Не Моя ли рука сотворила все сіе?» (Исаи 66, 1—2).

Такимъ образомъ, Стефанъ неуклонно, но медленно идетъ къ своей цѣли, дабы дать своимъ судьямъ время размыслить и взвѣсить, насколько безотрадно истинна исторія невѣрности Израиля. Что іудеи дѣлаютъ теперь со Стефаномъ, они точно тоже дѣлали и по отношенію къ Самому Богу въ теченіи многихъ столѣтій. Подобно своему Учителю и Господу, при подобныхъ же обстоятельствахъ, Стефанъ сравниваетъ свое дѣло съ дѣломъ Моисея и пророковъ. И тамъ и здѣсь противоположеніе одинаково: съ одной стороны лучезарная истина, съ другой жалкое упорство; милосердіе сталкивается съ невѣрностью; богохульники обвиняютъ въ богохуленіи посланниковъ Божиихъ; Іисусъ Христосъ, въ лицѣ Своего благовѣстника, еще разъ приводится на судъ нечестивыхъ; виноградари, вмѣсто того, чтобы принять сына господина виноградника, убиваютъ его, дабы присвоить себѣ его наслѣдіе.

Всѣ эти скорбныя воспоминанія переполнили душу Стефана и вопль негодованія вырвался изъ груди его: «Жестокыйныя! воскликнулъ онъ,—люди съ необрѣзаннымъ сердцемъ и ушами! Вы всегда противитесь Духу Святому какъ отцы ваши, такъ и вы. Кого изъ пророковъ не гнали отцы ваши? Они убили предвозвѣстившихъ пришествіе Праведника, Котораго предателями и убійцами сдѣлались нынѣ вы,—вы, которые приняли законъ при служеніи Ангеловъ, и не сохранили». Такимъ образомъ, обвиняемый обратился въ обвинителя. Его огненные слова падали на присутствующихъ какъ острыя стрѣлы, которыя насквозь пронизывали ихъ сердца и затѣмъ вызвали самую страшную грозу. До сихъ поръ они сдерживались, скрежеща, зубами. Но наконецъ ярость ихъ прорвалась съ такою силою, что въ быстромъ разсказѣ трудно различить, гдѣ оканчивается облеченное въ законныя формы участіе си-

недріона въ новомъ преступленіи Израиля и гдѣ начинается участіе въ немъ приведенной въ смятеніе толпы.

Между тѣмъ, Стефанъ оставался спокойнымъ посреди всеобщаго возбужденія. Душа его преисполнилась Духа Святаго. Его взоръ, отрѣщенный отъ земли, созерцалъ на небесахъ вѣщище, приведшее его въ восторженное состояніе. И вотъ, покрывая шумъ толпы, раздается голосъ его, и онъ, съ восторгомъ побѣдителя, который уже привѣтствуетъ свое торжество и шествуетъ къ славѣ, восклицаетъ: «Вотъ, я вижу небеса отверстыя и Сына Человѣческаго стоящаго одесную Бога» ¹⁾. Такимъ образомъ, сквозь облако смерти, онъ созерцаетъ небо, и значитъ, онъ великодушно принимаетъ мученичество. Онъ чувствуетъ, что ему предстоитъ умереть за произнесенныя имъ слова, но какая нужда, если эта смерть должна привести его къ истинной жизни? Сынъ Человѣческій уже сталъ одесную Отца, чтобы принять Своего свидѣтеля, облеченнаго славою. Стефанъ трепещетъ отъ радости, встрѣчая въ глубинѣ небесъ исполненіе божественнаго обѣтованія, и онъ хо-

---

¹⁾ Ни одинъ изъ Апостоловъ не употреблялъ выраженій «Сынъ Человѣческій», которымъ Самъ Господь часто именовалъ Себя. Стефанъ употребляетъ это наименованіе или чтобы подтвердить мессіанское призваніе Іисуса согласно съ пророчествомъ Даніила (7, 13), или чтобы показать, что онъ видитъ Іисуса въ человѣческомъ образѣ и въ томъ видѣ, въ какомъ Онъ пострадалъ. Или можетъ быть Стефанъ желалъ сопоставить свое положеніе съ положеніемъ Іисуса предъ Каіафою и окружающими Господа членами синадріона, которымъ Онъ говорилъ: «Отнынѣ узрите Сына Человѣческаго сидящаго одесную силы» и пр. (Матѣ. 26, 64). Здѣсь замѣчательно еще, что Сынъ Человѣческій представляется у Стефана *стоящимъ* одесную Бога, тогда какъ въ послѣднемъ текстѣ, какъ и вездѣ въ Новомъ Завѣтѣ Онъ представляется *сидящимъ* одесную Отца. Стефанъ какъ будто желаетъ показать, что Господь всталъ, чтобы поддержать Своего мужественнаго борца, или чтобы пойти на встрѣчу ему и дать ему достославное свидѣтельство, обѣщанное пострадавшимъ за ния Его (Матѣ. 10, 22).

четь, чтобы испускаемый имъ вопль упованія послужилъ ободреніемъ для мучениковъ грядущихъ временъ.

Побѣдоносное восклицаніе Стефана показалось верхомъ богохульства его врагамъ. Они заткнули себѣ уши и испускали громкіе крики. Тогда самая дикая сцена произошла на глазахъ самого синаedrіона, который или не могъ или не хотѣлъ вступить въ дѣло. Толпа не дожидается приговора и не беспокоится о томъ, произнесетъ ли Верховный Совѣтъ смертный приговоръ. Фанатизмъ не заботится ни о какихъ политическихъ или законныхъ соображеніяхъ. Толпа, собственными руками примѣняя постановленія закона къ дѣлу, бросается на мужественнаго діакона и увлекаетъ его за городъ, чтобы предать его смерти ¹⁾. И не одинъ только простой народъ хотѣлъ обогреть свои руки въ крови человѣка Божія. Когда Стефанъ былъ приведенъ на мѣсто казни, тогда свидѣтели, которые должны были первые начать побіеніе камнями, сбросили съ себя плащи и поручили охранять ихъ молодому человѣку, получившему прекрасное воспитаніе, знакомому съ еврей-

---

¹⁾ Согласно требованію закона (Левит. 24, 14), богохульникъ долженъ былъ подвергнуться побіенію камнями внѣ стана и въ Талмудѣ сказано: «Всякій городъ, окруженный стѣнами, находится въ такихъ же условіяхъ, какъ и станы. Преступниковъ должно побивать камнями за валами». Древнѣйшее преданіе, приводимое въ посланіи пресвитера Лукіана «Объ обрѣтеніи мощей св. Стефана», около 415 года, указываетъ мѣсто мученичества у сѣверныхъ воротъ, на пути въ Кидаръ. Племя Бени-Кидаръ занимало сѣверную часть Аравіи и его достигали, направляясь къ Геннисаретскому озеру, откуда нужно было повернуть къ востоку. Такимъ образомъ, Стефанъ былъ побитъ близъ дороги, которая вела въ Іерусалимъ чрезъ сѣверныя ворота. Императрица Евдокія, супруга Θεодосія Младшаго, поручила епископу іерусалимскому Ювеналію построить церковь на мѣстѣ убіенія Стефана. Сюда должно было перенести останки первомученика, обрѣтенные въ Кафаръ-Гамалѣ. Остатки этой церкви, построенной на холмѣ къ сѣверу отъ Іерусалима, найдены недавно доминиканцами, которые владѣютъ этимъ мѣстомъ.

скимъ богословіемъ, вліятельному и очень уважаемому посреди фарисейской партіи. Юноша этотъ, уроженецъ города Тарса, Савлъ, былъ очень радъ принять участіе въ этомъ кровавомъ дѣлѣ.

Казнь чрезъ побіеніе камнями совершалась такимъ образомъ. Свидѣтели противъ преступника должны были первыми бросить въ него камнями (Второз. 13, 9). Это было тяжелымъ испытаніемъ для тѣхъ, кто свидѣтельствоваъ ложно; оно давало чувствовать имъ, что между оклеветаніемъ и убійствомъ нѣтъ разницы. Первый камень обыкновенно направляли въ пояснуу осужденнаго; онъ падалъ навзничъ, а второй камень долженъ былъ попасть въ сердце. Здѣсь все произошло въ безпорядкѣ и сумятицѣ, такъ какъ всякій соперничалъ съ другими ревностію и желалъ нанести первые удары. Стефанъ, съ сердцемъ, преисполненнымъ божественнаго видѣнія, которое взоръ его созерцалъ въ небесной глубинѣ, продолжалъ оставаться спокойнымъ. Если онъ былъ свидѣтелемъ преступленія, совершившагося на Голгоѣ за четыре года предъ тѣмъ, то онъ не могъ не усмотрѣть сближенія между собою и Господомъ. Посреди разъяренной толпы, которая, вопреки всякой справедливости, поражала его человекоубійственными камнями, онъ въ священной радости вкушалъ счастье быть Его ученикомъ. И воззвалъ: «Господи Іисусе! приими духъ мой!» Потомъ, поражаемый новыми, болѣе сильными ударами, онъ вспомнилъ о моленіи Господа (Лук. 23, 46) и имѣлъ мужество повторить слова своего божественнаго Учителя. «Господи! воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ, дѣлая послѣднее усиліе, чтобы засвидѣтельствовать предъ ними о своихъ милосердыхъ чувствахъ,—Господи, не вѣни имъ грѣха сего» ¹⁾). И засви-

¹⁾ Стефанъ прियываетъ здѣсь Іисуса точно также, какъ Самъ Іисусъ прियывалъ на крестѣ Своего Отца, предавая въ руки Его духъ Свой (Лук. 23, 46). Его же онъ молитъ простить своимъ убійцамъ.

дѣлствовалъ такимъ образомъ о своей любви къ Богу и людямъ,—онъ перешелъ изъ кровожадныхъ рукъ своихъ убійцъ въ лоно правосудія Божія ¹⁾).

Тѣла побитыхъ камнями обыкновенно подвѣшивались на столбахъ до вечера, чтобы сдѣлать зрѣлище казни спасительнымъ для всего народа. Очень древнее преданіе свидѣлствуетъ, что и тѣло Стефана было подвергнуто этому крайнему опозоренію ²⁾. Но благочестивые люди озаботились погребеніемъ его священныхъ останковъ. Хотя Церковь была сильно взволнована столь преступнымъ посягательствомъ, но въ тоже время она гордилась мученичествомъ своего архидіакона. Умершему были возданы погребальныя почести съ большою торжественностью, и синагога не осмѣлилась воспрепятствовать

¹⁾ Употребленное здѣсь выраженіе «почилъ» замѣчательно въ виду насильственной смерти Стефана. Оно указываетъ на полное спокойствіе мученика и на его вѣру въ переходъ въ лучшую жизнь. Стефанъ закрываетъ глаза предъ временными скорбями и откроетъ ихъ для священныхъ радостей вѣчности.

²⁾ Вышеупомянутый пресвитеръ Лукіанъ свидѣлствуетъ, что тѣло первомученика было выставлено въ теченіи цѣлыхъ сутокъ, и ни дикіе звѣри, ни хищныя птицы не смѣли прикоснуться къ нему. Гамалиилъ предложилъ тѣмъ изъ христіанъ, которыхъ онъ считалъ наиболѣе благочестивыми, снять тѣло; затѣмъ, возложивъ его на свою собственную колесницу, онъ препроводилъ его въ одно изъ своихъ имѣній, Кафаръ-Гамалу, что значитъ селеніе Гамалиила, въ восьми миляхъ отъ Іерусалима. Здѣсь-то, по указанію выше, тѣло было найдено, около 400 лѣтъ спустя, пресвитеромъ Лукіаномъ, который представилъ по этому поводу подробное донесеніе всей церкви, не разъ упоминаемое блаженнымъ Августиномъ. Кости первомученика, вполне уцѣлѣвшія, находились еще въ своемъ естественномъ положеніи. На камнѣ, вложенномъ въ усыпальницу, еще можно было прочесть имена Хеліила, которое есть переводъ греческаго Стефанъ, Назуама или Никодима, наконецъ Гамалиила и сына его Авива, которые, по тому же преданію, пожелали быть погребенными рядомъ съ достославнымъ архидіакономъ.

этому. Нерѣдко случается, что на другой день послѣ смятенія господствуетъ какое-то зловѣщее спокойствіе. Преступные люди какъ будто сами дивятся совершенному ими дерзкому поступку, а въ это время жертвы спокойно погребаются, если совѣмъ не возстанавливается ихъ славная память. Первомученикъ погибъ за великую истину, которой предстояло покорить цѣлый міръ.

ГЛАВА III.

Гонитель Савль содѣйствуетъ распространенію Церкви за предѣлами Іерусалима.

Съ точки зрѣнія истинъ, проповѣдникомъ которыхъ явился Стефанъ, становится очевиднымъ, что первомученикъ обозначилъ собою новую стадію въ развитіи Церкви. Въ лицѣ его, духъ христіанства обнаружилъ присущее ему стремленіе упразднить всякій бесполезный формализмъ и поставить на его мѣсто поклоненіе въ духѣ и истинѣ, на которое Господь Іисусъ указалъ какъ на отличительный признакъ Своей религіи. Благоглавый архидіаконъ не видѣлъ препятствій къ призванію всѣхъ народовъ въ Царствіе Божіе. Ничего не могло быть болѣе способнаго раздражить фарисейскую партію, какъ это прямое нападеніе на ученія, которыми она дорожила болѣе всего. До сихъ поръ эта партія обнаруживала почти благосклонное отношеніе къ проповѣдуемымъ истинамъ; но съ этой минуты она прониклась въ высшей степени враждебными чувствами. И притомъ, она была увѣрена въ своемъ успѣхѣ. Для нея ничего не могло быть легче, какъ расшевелить исконную гордость народа, указавъ, какъ на враговъ Израиля, на людей, которые стремятся упразднить его привилегіи, храмъ, Моисея и самый Заветъ. Во всякой странѣ возбуждать фанатизмъ народа составляетъ опасную неосторожность; въ Іерусалимѣ это

значило создать категорію подозрительныхъ людей, внести раздоръ въ среду семейную и разрѣшить совершеніе самыхъ преступныхъ посягательствъ.

Однимъ изъ самыхъ необузданныхъ подстрекателей гоненія былъ Савлъ, почти юноша, о которомъ упомянуто выше и который принялъ участіе въ убіеніи Стефана. Ему могло быть въ это время около тридцати лѣтъ ¹⁾ и исторія его была слѣдующая. Родившись въ средѣ эллинистовъ, въ Тарсѣ Киликійскомъ, но въ семействѣ чисто еврейскомъ и не знавшемъ никакихъ языческихъ связей, Савлъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ партіею фарисеевъ. Нельзя допустить, что-бы при своемъ выхожденіи умъ онъ самъ собою сочувствовалъ тому идеалу религіи, который эта партія всецѣло сосредоточивала въ превеличенномъ слѣдованіи обряду; но, будучи сыномъ фарисея, онъ съ раннихъ лѣтъ зналъ, слушалъ и читилъ людей, выдававшихся своимъ характеромъ, знаніемъ и добродѣтелью и энергично защищавшихъ начала обрядности. Въ виду рѣдкихъ способностей его ума и религіозной пылкости его духа, семейство его думало сдѣлать изъ него раввина. Святыи градъ былъ великою школою, гдѣ формировался всякій истинный учитель закона. Савлъ былъ посланъ сюда еще въ молодыхъ годахъ, потому что, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, онъ хвалился предъ своими единовѣрцами, превратившимися въ его враговъ, тѣмъ, что

---

¹⁾ Хотя священный дѣписатель именуется его юношею, но самъ Павелъ, тридцать лѣтъ спустя называетъ себя старцемъ (Филим. 9). Древніе предполагали, что юность продолжается до 40 лѣтъ; затѣмъ наступаетъ врѣмный возрастъ, смѣняемый, въ 60 лѣтъ, старостію. Діонъ Кассій называетъ Юлія Цезаря, когда ему было 40 лѣтъ, молодымъ человѣкомъ. Цицеронъ также именуется Антонія, имѣвшаго 30 лѣтъ отъ рода, а Іосифъ-Флавій говоритъ о Давидѣ, который былъ такого же возраста, когда онъ выступилъ на единоборство съ Голиафомъ, что онъ былъ «молоденькимъ человѣкомъ» (неанискосъ).

онъ былъ здѣсь воспитанъ. Учителемъ его былъ Гамаліилъ. Этотъ человѣкъ, котораго называли славою закона, внушилъ своему юному ученику уваженіе къ древнимъ раввинскимъ преданіямъ и преподавалъ имъ примѣры самыхъ строгихъ добродѣтелей, хотя и не могъ, не взирая на всю свою умѣренность, укротить фанатическій пылъ того, кто, воспитываясь при ногахъ его, дышалъ яростію на возникавшую Церковь. Слѣдуетъ ли допустить, какъ намекаетъ Талмудъ, что Гамаліилъ менѣе враждебно относился къ произведеніямъ язычниковъ, чѣмъ другіе книжники израильскіе? Можетъ быть; этого однако недостаточно, чтобы объяснить то литературное образованіе, которое замѣчается въ твореніяхъ Павла. Онъ не только приводитъ различные мѣста изъ греческихъ поэтовъ, но онъ какъ будто заимствуетъ у Аристотеля всю силу его діалектики ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, могучая твердость и сила приводимыхъ имъ доказательствъ рѣзко отличаются отъ способовъ, которые употребляла обыкновенно синагога.

---

¹⁾ Полустишіе: «мы Его и родъ», приводимое Павломъ въ рѣчи предъ Ареопагомъ (Дѣян. 17, 28), встрѣчается одновременно въ «Феноменахъ» поэта Арата, родившагося въ Солахъ, въ Киликіи, а можетъ быть даже въ Тарсѣ, около 272 г. до Рожд. Хр.; въ гимнѣ стоика Клеанта къ Юпитеру, и у Пиндара. Слѣдовательно, Павелъ весьма вѣрно говоритъ, что выраженіе это употребляли нѣкоторые изъ греческихъ стихотворцевъ. Въ посланіи къ Коринтянамъ (15, 33) онъ повторяетъ мысль Таисы изъ Менандра, а можетъ быть и изъ какого либо затерявшагося сочиненія Еврипида: «худыя сообщества развращаютъ добрые нравы». Наконецъ, въ посланіи къ Титу (1, 12) онъ приводитъ извѣстный стихъ изъ Эпименида о критянахъ: «критяне всегда лжецы, злые звѣри, утробы лѣнивыя». Что касается до діалектики Аристотеля, то слѣдъ ея видѣнъ въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ. Предполагаютъ, что онъ зналъ по крайней мѣрѣ «Нравственность» къ Никомаху (Сравн. Рим. 5, 12—21). Здѣсь слово «оправданіе» употреблено въ такомъ же смыслѣ, какъ и у Аристотеля. Наконецъ, выраженія, употребленные въ посланіи къ Галатамъ (4, 3. 9), напоминаютъ рѣчь стоическихъ философовъ.

И самый языкъ греческій знакомъ ему со всѣми разнообразными оборотами словъ и мыслей, ораторскихъ пріемовъ ¹⁾, изящества и антицизма ²⁾. Но онъ прибѣгаетъ ко всему этому только для точнѣйшей передачи своихъ мыслей. Онъ полноправно распоряжается этимъ прекраснымъ греческимъ языкомъ и даетъ ему тѣ обороты, которыхъ требуетъ его умъ, чтобы разомъ выразить наполняющія его великія и сильныя идеи. Если нужно ему слово не существуетъ, то онъ создаетъ его, и если бы онъ искалъ литературныхъ эффе́ктовъ, онъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы ихъ ³⁾. Одинъ изъ германскихъ ученыхъ не безъ основанія находитъ въ его слогѣ сходство со слогомъ Фукидида. Всѣ эти поэтическіе отголоски, это знакомство съ греческой литературой, это полное обладаніе языкомъ, объясняются тѣмъ именно фактомъ, что съ самаго дѣтства, равно какъ въ послѣдующія посѣщенія Тарса, Павелъ испытывалъ на себѣ вліяніе греческихъ риторовъ и философовъ, которые превратили въ то время этотъ городъ въ первый университетъ римской имперіи ⁴⁾. Трудно до-

¹⁾ Такова рѣчь предъ Ареопагомъ.

²⁾ См. посланія къ Филимону и Филиппійцамъ.

³⁾ Весьма замѣчательно, что неоднократно и какъ бы сама собою прозаическая рѣчь его принимаетъ поэтическую форму въ видѣ гекзаметровъ; таковы мѣста: 1 Кор. 15, 25; 2 Тим. 3, 6; 1 Кор. 9, 2; 2 Тим. 2, 12 и др.

⁴⁾ Страбонъ, родившійся за 50 лѣтъ до Рожд. Христова, ставитъ Тарсъ, какъ ученый городъ, выше Аѳинъ и Александріи. Изъ Тарса произошли Аеннодоръ, наставникъ Августа, и учитель Тиверія Несторъ. Расположенный на точкѣ отправленія главныхъ дорогъ, проликавшихъ въ самое сердце Азіи, на обоихъ берегахъ того самаго быстротечнаго Кидна, въ которомъ едва не утонулъ Александръ Великій и посредствомъ котораго онъ сообщался съ моремъ, Тарсъ былъ очень многолюднымъ коммерческимъ и военнымъ центромъ. Въ настоящее время, отъ древняго города сохранилось лишь нѣсколько колоннъ, которыми жители постоянно пользуются или для устройства тумбъ на улицахъ или для закругленій на терассахъ. Иногда на нихъ

пустить, чтобы, обладая природой, столь счастливо одаренной и жаждавшей истины и знанія, Павелъ оставался равнодушнымъ къ великимъ вопросамъ философіи и словесности, который поднималъ вокругъ него греческій гений. Семейство его, хотя бы было безусловно еврейскимъ по своему происхожденію и понятіямъ, должно было пользоваться весьма почетнымъ положеніемъ въ большомъ торговомъ городѣ, и нельзя не допустить предположенія, что, силою обстоятельствъ, онъ неоднократно приходилъ въ соприкосновеніе съ извѣстнѣйшими представителями современной ему образованности.

Мы знаемъ, что отецъ его былъ римскій гражданинъ. Это титуло, со всѣми присущими ему преимуществами, было приобрѣтено имъ цѣною услугъ, оказанныхъ лицамъ, спорившимъ изъ-за власти въ римской имперіи,—для этого достаточно было снарядить корабль и отдать его въ распоряженіе одной изъ воюющихъ сторонъ¹⁾; или цѣною золота,—извѣстно, что Маркъ Антоній въ особенности дозволялъ богатымъ негоціантамъ покупать столь полезныя для нихъ грамоты на званіе римскаго гражданина; или наконецъ вслѣдствіе выдержаннаго въ Римѣ рабства, которое оканчивалось освобожденіемъ, приводившимъ, при соблюденіи законныхъ формальностей, къ гражданскому праву. Это послѣднее предположеніе становится

встрѣчаются интересныя въ историческомъ отношеніи надписи. Новый городъ лишь въ незначительной степени занимаетъ часть стараго. О домѣ, гдѣ родился Павелъ, ничего опредѣленнаго неизвѣстно. Никто не заботился въ Тарсѣ о сохраненіи славныхъ христіанскихъ воспоминаній. Въ настоящее время производятъ здѣсь ученые изысканія группа англійскихъ ученыхъ.

¹⁾ Можетъ быть, онъ очень кстати сдѣлалъ поставку военныхъ палатокъ для императорскихъ армій. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что самъ онъ не могъ поступить подъ знамена Рима, потому что іудейскій законъ запрещалъ всякому израильтянину выступать въ походы на ряду съ язычниками.

вѣроятнымъ вслѣдствіе того факта, что въ борьбѣ Октавія и Антонія противъ Брута и Кассія, городъ Тарсъ, принявшій сторону первыхъ, вынужденъ былъ сдаться Кассію. Вслѣдствіе того, значительное число его жителей были проданы въ рабство для уплаты военнаго налога, которому городъ былъ подвергнутъ. Дѣло, однако, въ томъ, что прибывшіе въ Римъ не замедлили возвратить свою свободу, потому что побѣда при Филиппахъ, раздавивъ партію заговорщиковъ, разомъ измѣнила положеніе вещей. Общій эдиктъ исправилъ зло, причиненное жителямъ Тарса, и, во вниманіе къ перенесеннымъ ими испытаніямъ, всѣ тѣ, которые были проданы въ рабство, возвратились на родину съ титуломъ римскаго гражданина.

Не слѣдуетъ ли въ имени Павла, которое юный Савль носилъ между язычниками, видѣть напоминаніе объ освобожденіи его отца какимъ-либо членомъ знатной фамиліи Павловъ? Это согласно съ римскими обычаями. Съ другой стороны, не должно забывать, что если эллинистующіе іудеи обыкновенно носили одно имя для міра израильскаго и другое для міра языческаго ¹⁾, то считалось еще болѣе естественнымъ, чтобы всякій человѣкъ, пользовавшійся званіемъ римскаго гражданина, носилъ римское имя. Почти всегда второе имя формировалось по сходству значенія или по созвучію съ еврейскимъ. Изъ имени Саулъ или Савль, очень распространенномъ въ колѣнѣ Веніаминавомъ, въ память перваго израильскаго царя, вышедшаго изъ этого колѣна, образовалось имя Павелъ, столь же знаменитое въ лѣтописяхъ Рима. Савль означало «желанный», можетъ быть потому, что дитя, носив-

---

¹⁾ Такъ Іоаннъ назывался еще Маркомъ, Гиллель—Полліономъ, Кифа—Петромъ. Когда арамейское имя позволяло, его превращали въ такое имя на греческомъ или латинскомъ языкѣ, которое наиболѣе къ нему приближалось. Напр., Эліакимъ превращалось въ Алкимъ, Іисусъ въ Іасона, Іосифъ въ Эгезиппа.

шее это имя, было долго жданнымъ наслѣдникомъ въ своемъ семействѣ; дѣйствительно, въ семействѣ апостола Павла намъ извѣстна только сестра его ¹⁾. Павелъ означало «малый» и могло быть дано молодому челоѣку по причинѣ или его небольшого роста ²⁾, или слабаго тѣлосложенія, если только онъ не самъ выбралъ для себя это имя впоследствии, чтобы выразить наполнявшее его чувство о своей собственной слабости ³⁾. Во всякомъ случаѣ, нельзя предположить, чтобы этимъ именемъ онъ пожелалъ освятить память обращенія кипрскаго проконсула Сергія Павла. Дѣеписатель употребляетъ двоякое наименованіе апостола «Савль, онъ же и Павелъ» точно также, какъ тутъ же имъ употреблено двоякое наименованіе «Елима—волхвъ». (Дѣян. 13, 8. 9). Апостолъ не могъ принять на себя имя обращеннаго имъ челоѣка, прежде нежели обратилъ его. Да и не подобало ли скорѣе ученику принять имя своего учителя, нежели учителю имя ученика?

Молодость Савла прошла, повидимому, въ Іерусалимѣ, куда онъ долженъ былъ отправиться, какъ подобало всякому послушному сыну Закона, для посѣщенія храма. Жизнь его здѣсь была безупречна и посвящена ученію (26, 9). Судя по тому, въ какой формѣ онъ приводитъ мѣста изъ Ветхаго Завѣта въ своихъ посланіяхъ,—то свободно, то съ буквальною точностію, а иногда сопоставляя между собою различныя мѣста или фразы, служащія къ точному выраженію выясняемыхъ имъ истинъ,—не подле-

---

¹⁾ См. Дѣян. 23, 16. Многіе думали, что эта сестра, сынъ которой оказывалъ такую услугу Павлу, жила въ Іерусалимѣ. Можетъ, впрочемъ, быть, что этотъ племянникъ Павла жилъ не у матери, а у дяди.

²⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ, который съ особеннымъ восторгомъ относился къ Павлу, называлъ его «челоѣкомъ въ три локтя».

³⁾ Мы знаемъ, съ какою силой онъ выражался о своемъ личномъ недостойнствѣ, называя себя «извергомъ, наименьшимъ изъ апостоловъ, недостойнымъ называться апостоломъ» (1 Кор. 15, 8. 9).

жить сомнѣнію, до какой степени близко онъ былъ знакомъ со Священнымъ Писаніемъ. Знаніе это приобрѣтено имъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Оно связывается у него иногда съ методомъ аллегорическаго толкованія (Галат. 3, 16; 4, 22; 1 Кор. 10, 1—4), конечно, заимствованнымъ отъ синагоги. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что если синагога, до мелочности занятая тѣмъ, чтобы, какъ говорили о ней, цѣлыя горы догматовъ вѣшать на волоскѣ нѣсколькихъ текстовъ, пыталась внушить ей свои оригинальныя начала, то въ послѣдствіи его умъ подсказалъ ему, насколько цѣнны эти начала. Онъ могъ иногда пользоваться ими, какъ пріятными воспоминаніями, но никогда въ подрывъ строжайшей логикѣ, или чтобы обойтись безъ болѣе серьезныхъ доказательствъ. Онъ взялъ все, что было истиннаго въ пророческихъ образахъ Ветхаго Завѣта, и представилъ раввинизму его фантастическія измышленія.

Павелъ хвалится тѣмъ, что онъ имѣлъ хорошаго учителя въ лицѣ Гамалиила; послѣдній долженъ былъ еще болѣе гордиться такимъ ученикомъ. Если-бы молодой тарсянинъ и не сдѣлался христіаниномъ, онъ тѣмъ не менѣе обладалъ всѣмъ, чтобы составить себѣ имя: быстрымъ разумѣніемъ, деликатностью чувствъ, возвышеннымъ умомъ, сильною волею, и, превыше всего, безпредѣльною любовію къ истинѣ и добродѣтели. Трудно было-бы встрѣтить натуру, лучше одаренную, нежели его. Признавая, что истину еще лучше приводить въ дѣйствіе, нежели знать, онъ исполнялъ то, чему его учили, и юность его прошла въ преслѣдованіи идеала правды въ точномъ до мелочей выполненіи закона. Преданія отцовъ онъ соблюдалъ съ такою крайнею ревностію, что затмѣвалъ всѣхъ своихъ сверстниковъ своею исполнительностію. Это неудержимое желаніе блага едва не довело его до фанатизма, сдѣлавъ изъ него гонителя (Дѣян. 22, 3; сравн. Галат. 1, 14, Филип. 3, 6). Но даже въ самыхъ крайностяхъ, намѣ-

ренія его оставались чистыми, и Богъ сжалился надъ его великодушнымъ заблужденіемъ.

Чтобы вполне подготовиться къ будущей дѣятельности раввина, Савлъ занялся ремесломъ. «Не учить ремеслу сына, говорила синагога, значить научить его воровству». Пламенный ревнитель фарисейскихъ правилъ былъ слишкомъ гордъ, чтобы помириться съ возможностью жить когда нибудь на чужой счетъ. Потому-ли, что въ родномъ его домѣ фабриковались палатки изъ козьей шерсти, или потому, что въ этомъ заключалась обычная промышленность жителей Тарса и всей Киликіи, онъ избралъ этотъ ручной трудъ, чтобы обезпечить себѣ средства на могущіе встрѣтиться недостатки въ будущемъ.

Впрочемъ, здоровье его было слабо, или даже подорвано какимъ-то недугомъ, свойство котораго трудно опредѣлить, но который самъ онъ называетъ «жаломъ въ плоть» ¹⁾ (2 Кор. 12, 7). Мы знаемъ только, что этотъ недугъ или испытаніе, попущенное Богомъ чтобы смирить его, могло внушать отвращеніе и что онъ иногда очень долго страдалъ отъ него. Церковь у галатовъ была обязана своимъ основаніемъ одному изъ припадковъ этого недуга. Онъ самъ говорить о своей внѣшности, что она далеко невнушительна и что онъ напротивъ слабъ (2 Кор. 10, 10). Но какая энергія въ душѣ его и какъ онъ былъ способенъ забыть всѣ физическія препоны, которыя природа и люди должны были воздвигать предъ нимъ! Нельзя не изумляться необычайной дѣятельности

---

¹⁾ Въ чемъ заключалось это жало (по гречески *сколонсъ*, означающее также колючка или заноза)? Существуютъ различныя мнѣнія на этотъ счетъ; по однимъ изъ наиболѣе вѣроятныхъ намъ представляется то, что это было воспалительное состояніе глазъ, которое Господь оставилъ на Апостолѣ, какъ неизгладимый знакъ Своего чудеснаго явленія ему на пути въ Дамаскъ (см. Дѣян. 9, 3, 17, 18; сравн. 22, 13; 23, 3. 5; Гал. 4, 15).

его въ теченіе всей жизни, и вотъ случай подивиться тому, что можетъ творить крѣпко закаленная душа въ слабомъ тѣлѣ, которое она одушевляетъ. Слава Божія составляетъ его сильнѣйшее и единственное стремленіе. Удивительно-ли послѣ этого, что онъ отказался отъ брачныхъ узъ? Религіозное одушевленіе слишкомъ рано охватило его чтобы оставить ему время, или даже подать мысль заключить союзъ, который послужилъ-бы препятствіемъ для его религіозной ревности. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что онъ считалъ даромъ небеснымъ то, что онъ призванъ жить внѣ этихъ узъ, и первымъ коринескимъ ученикамъ писалъ, что онъ желаетъ, чтобы всѣ люди были, какъ и онъ, изъятыми отъ требованій супружеской жизни (1 Кор. 7, 7).

Началь-ли Павелъ между эллиниствующими іудеями свою дѣятельность, какъ раввинъ проповѣдникъ, или миссіонеръ обрѣзанія, предъ тѣмъ, какъ онъ возвратился въ Іерусалимъ, чтобы играть здѣсь воинствующую роль въ іерархической партіи? Это возможно ¹⁾ и упоминаемый періодъ дѣятельной жизни Павла вдали отъ Іерусалима какъ будто соотвѣтствуетъ времени общественнаго служенія Іисуса ²⁾. Трудно допустить, чтобы Павелъ не видѣлъ и не слышалъ Іисуса, если онъ, съ самой ранней юности, постоянно жилъ въ Іерусалимѣ. Если-же онъ

---

¹⁾ Галат. 5, 11; сравн. 1, 14; Дѣян. 22, 3; Филипп. 3, 5, и слова Самаго Господа о ревности, которою отличались фарисеи (Матѣ. 23, 15).

²⁾ Если не сдѣлать этого предположенія, то пришлось-бы сказать, что Савль отправился заниматься богословскими науками въ Іерусалимъ гораздо позже, уже по смерти Христа Спасителя, что противорѣчило-бы его собственнымъ словамъ о томъ, что онъ былъ воспитанъ въ Іерусалимѣ (Дѣян. 22, 3). Замѣчательно вѣтъмъ что когда Іисусъ явился ему на пути въ Дамаскъ, то онъ не узналъ Господа, ибо воскликнулъ: «Кто Ты, Господи?».

видѣлъ и слышалъ Его, то какъ объяснить, что онъ ничего не говоритъ намъ ни о равнодушiи своемъ къ Его лицу, ни даже о враждебныхъ чувствахъ, которыя Онъ внушалъ ему? Ибо, въ виду ненависти, которую онъ питалъ къ ученикамъ, ясно, что если-бы онъ видѣлъ Учителя, то ненавидѣлъ-бы и Его. А если онъ ненавидѣлъ Иисуса, обвинялъ Его и требовалъ Его смерти, то можемъ ли мы допустить, чтобы онъ устоялъ отъ потребности сказать въ своихъ посланiяхъ хоть одно слово сожалѣнiя о совершенномъ имъ ужасающемъ богоубiйствѣ? Тяжкое воспоминанiе о Стефанѣ и другихъ мученикахъ всегда было присуще ему,—могла-ли же такъ скоро изгладиться изъ его сердца память объ Иисусѣ, умершемъ на крестѣ и покрытомъ его насмѣшками и проклятiями? Нѣтъ, и это первое доказательство того, что Павелъ не зналъ Иисуса, уже вполне убѣдительно. Но можно привести и другое доказательство, не менѣе убѣдительное. Если-бы Павелъ слышалъ Иисуса, то онъ несомнѣнно сдѣлался-бы Его ученикомъ. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, отрицать, что между душой Павла и новой религiей существовала такая предустановленная гармонiя, что одного слова Господа, одного взора, открытаго и могучаго указанiя на христiанскiй идеалъ, было достаточно, чтобы просвѣтить его, привлечь и переродить. Нельзя себѣ представить, чтобы прямая, чувствительная и возвышенная натура молодаго Тарскаго раввина могла устоять предъ влiянiемъ Иисуса. Мало того: для того, чтобы понять, что онъ могъ быть противникомъ Его учениковъ, нужно предположить, что, будучи новичкомъ въ Иерусалимѣ, онъ оперся единственно на свои фарисейскiя предубѣжденiя и со всею необдуманностью и пылкостью юноши бросился въ ряды гонителей. Чудесъ, совершившихся въ день Пятидесятницы, при Воскресенiи Христовомъ, на Голгоѣ, онъ не видѣлъ. Разказы обо всемъ этомъ могли показаться его преду-

объденному уму баснями и выдумками. Вотъ почему онъ предложилъ свои услуги, чтобы уничтожить тѣхъ, кого онъ считалъ обманщиками, и онъ съ такой-же энергіей преслѣдовалъ ихъ, съ какой ненавидѣлъ ложь и заботился о торжествѣ истины.

Ничего нѣтъ прискорбнѣе, какъ подробности о томъ, что ревность его придумала противъ христіанъ. (Дѣян. 22, 4, 19; 26, 9—11). Здѣсь можно видѣть наглядное доказательство того, что теократическій фанатизмъ совершенно отстранилъ римскую власть и что прокураторъ получилъ повелѣніе предоставить странѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Савлъ, въ описаніи своей религіозной ярости, сравнивалъ себя съ дикимъ звѣремъ, который все истребляетъ, и до восьми разъ, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ или въ его посланіяхъ, печальное воспоминаніе о его фанатизмѣ въ строгихъ выраженіяхъ упоминается и подвергается порицанію. Снабженный достаточными полномочіями отъ синедріона, которому пылкій фарисей предложилъ свои услуги, онъ сдѣлался самымъ безжалостнымъ изъ гонителей. Онъ переходилъ изъ синагоги въ синагогу, вызывая пренія, чтобы заставить сторонниковъ Стефана открыться. Когда они высказывались, то вмѣсто того, чтобы вступить съ ними въ споръ, онъ приказывалъ хватать ихъ, влечь на судилище или ввергать въ темницу. И когда Савлъ не находилъ уже подозрительныхъ людей въ синагогахъ, потому что судьба болѣе рѣшительныхъ людей заставляла другихъ быть осторожнѣе, то онъ искалъ ихъ даже въ неприкосновенномъ святилищѣ семействъ. Онъ заставлялъ брата доносить на брата, сына на отца, жену на мужа,—и всѣ обвиненные, мужчины или женщины,—послѣднія повидимому играли важную роль въ этомъ первомъ, вселенскаго характера, движеніи христіанскаго общества,—были отводимы въ тюрьмы. Приговоръ судей былъ произнесенъ разъ навсегда: нужно

было или отречься отъ своей вѣры или умереть. Какъ всегда, въ этой толпѣ подвергаемыхъ насилію людей, были и трусливые отступники, и самоотверженные мученики. Савль укорялъ себя въ теченіе всей жизни за то, что принуждалъ однихъ богохульствовать, другихъ умирать (Дѣян. 22, 4; 26, 11). Понятно, что смущеніе и испугъ были велики въ стадѣ, въ средѣ котораго рыскалъ кровожадный левъ. Одни только апостолы 'повидимому испытывали менѣе волненія, потому ли, что чувствовали себя подъ защитой народа (Дѣян. 5, 13, 16), или потому, что, будучи по наружности больше привязаны къ Моисеевымъ установленіямъ, нежели Стефанъ и его сторонники, не имѣлись непосредственно въ виду гонителей. Они мирно пребывали въ Іерусалимѣ, между тѣмъ какъ эллинисты, по крайней мѣрѣ наиболѣе подозрѣваемые, памятуя наставленіе учителя, который повелѣвалъ бѣжать, если опасность становилась неминуемою, цѣлою массою оставили Іерусалимъ и разсѣялись по другимъ городамъ и селеніямъ.

Вмѣстѣ съ ними начинали распространяться и новыя идеи объ освобожденіи христіанской Церкви отъ синагоги и о призваніи всякаго благочестиваго человѣка, каково бы ни было его происхожденіе, въ Царствіе Божіе. Повсюду, гдѣ останавливались гонимые, они начинали проповѣдывать новое ученіе. Такимъ образомъ, возбужденная Савломъ гроза имѣла непосредственнымъ результатомъ то, что она распространила божественный пламень за предѣлами Іерусалима, и съ этой минуты уже небыло возможности остановить его. Дѣйствительно, немного спустя послѣ того, христіане уже были въ Дамаскѣ (Дѣян. 9, 10), Финикіи, на островѣ Кипрѣ, въ Антіохіи (11, 19) и даже въ Римѣ, гдѣ Павелъ привѣтствовалъ въ послѣдствіи, какъ мы увидимъ, Андроника и Юнію, какъ безстрашныхъ сродниковъ своихъ, равнѣ его увѣровавшимъ въ Христа и

которыхъ онъ, можетъ быть, также преслѣдовалъ (Рим. 16, 7). Такъ, когда яростный ураганъ несется по полямъ, то мы, видя, какъ онъ вырываетъ съ корнемъ деревья и скашиваетъ цвѣты, думаемъ, что онъ совершаетъ одно только дѣло истребленія. Между тѣмъ, если нѣсколько дней спустя мы взглянемъ еще разъ на равнину, то мы легко признаемъ, что Богъ самого истребителя заставилъ посѣять и умножить жизнь, которую онъ повидимому уничтожилъ. На деревъ и цвѣткѣ, которые вѣтеръ какъ будто окончательно погубилъ, онъ безсознательно взялъ элементы прозябанія и далеко разнесъ ихъ. Тамъ съ нетерпѣніемъ ждала ихъ бесплодная земля, чтобы и ей въ свое время украситься деревьями, цвѣтами и плодами. Таковъ дивный законъ Провидѣнія, которое изъ зла извлекаетъ добро и повелѣваетъ смерти порождать жизнь.

ГЛАВА IV.

Церковь, по исходу изъ Іерусалима, возвѣщаетъ, чрезъ діакона Филиппа, спасеніе самарянамъ.

Избѣгая гоненій со стороны синаedrіона, ученики естественно искали убѣжища въ Самаріи, такъ какъ іерархическій деспотизмъ не могъ ихъ здѣсь достигнуть. Будучи мучениками религіозной идеи, они должны были прилагать усилія для примѣненія этой идеи на практикѣ. Одинъ изъ такихъ укрывшихся въ Самаріи, Филиппъ, не апостоль, потому что, какъ мы замѣтили, весь сонмъ апостольскій остался въ Іерусалимѣ, но діаконъ или благотѣститель Филиппъ, отправился прямо въ Севастію, главный городъ самарянъ. Это была древняя Самарія, великолѣпно перестроенная Иродомъ, который, получивъ ее отъ Августа., наименовалъ ее Севастією ли Августою, что значитъ одно и то же, въ честь того, кто сдѣлалъ ему этотъ подарокъ. Она временно замѣнила Сихемъ, который былъ лучше расположенъ, какъ военный городъ, но удобнѣе, какъ торговый центръ.

Старыя развалины Севастіи, на конической возвышенности, живописно выдѣляющейся посреди равнины, еще и теперь интересны для путешественника. Тамъ и сямъ встрѣчаются остатки Иродовыхъ сооруженій. Безчисленное множество сѣроватыхъ колоннъ, валяющихся посреди хлѣбовъ, или стоящихъ между тощими маслинами и полуразби-

тыхъ, показываютъ, съ какою чисто восточною пышностію царь возстановилъ великій городъ.

Здѣсь-то Филиппъ рѣшился проповѣдывать спасеніе всѣмъ. Это было съ его стороны наилучшимъ отвѣтомъ насильственнымъ дѣйствіямъ фарисейской исключительности, изгнавшей его изъ Іерусалима. Будучи родомъ изъ Кесаріи, или по крайней мѣрѣ обитателемъ этого города, онъ жилъ въ средѣ чрезвычайно смѣшанной, каковыми являлись всѣ вообще города по берегамъ Средиземнаго моря. Его имя и принятіе его въ число семи діаконовъ достаточно указываютъ, что онъ былъ эллинистъ, и мѣсто, занятое имъ вслѣдствіе избранія, первое послѣ Стефана, доказываетъ, какимъ уваженіемъ онъ пользовался въ христіанской общинѣ. Все заставляеть предполагать, что имѣя собственный домъ и семейство въ Кесаріи¹⁾, онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Самаріею. Кесарія, въ самомъ дѣлѣ, была гаванью, въ которой самаряне преимущественно собирались для устройства своихъ коммерческихъ дѣлъ. Съ высоты Севастійскаго холма, чрезъ отверстіе между горами, къ западу, можно видѣть ея мѣстоположеніе, омываемое голубыми волнами моря.

Люди, которыхъ лучше всего можно привести къ религіозной истинѣ, большею частью живутъ совершенно внѣ ея. Будучи чуждыми свѣта, они тѣмъ скорѣ чувствуютъ влеченіе къ нему, когда онъ показывается, чѣмъ сильнѣе они его желали. Въ этомъ именно заключается даже и въ наши дни, одна изъ причинъ, почему христіанство сильнѣе дѣйствуетъ на идолопоклонниковъ, нежели на мусульманъ или даже евреевъ. Уже съ перваго раза, въ началѣ служенія Іисуса, можно было видѣть, насколько народъ самарійскій былъ болѣе доступенъ благой вѣсти,

---

¹⁾ Въ Дѣян. 21, 8 сказано, что онъ жилъ впоследствии въ этомъ городѣ съ своими четырьмя дочерьми, дѣвственницами и пророчицами.

нежели народъ іерусалимскій. Будучи родомъ падшимъ и презираемымъ (Экклес. 50, 27. 28), онъ мечталъ о своемъ нравственномъ возрожденіи. Составляя смѣшеніе язычниковъ и іудеевъ-отступниковъ, онъ имѣлъ легковѣріе однихъ и нѣсколько искръ откровенія, руководившаго религіозною жизнію другихъ. Такъ что онъ легко допускалъ предположеніе о Мессіи Спасителѣ, тѣмъ болѣе что Его возвѣстилъ Мойсей, книги котораго читались самарянами, — и онъ охотно искалъ Его въ лицѣ всякаго человѣка, приписывавшаго себѣ чрезвычайную миссію, и самыя горькія разочарованія не могли ослабить его ничѣмъ несокрушимаго легковѣрія ¹⁾).

Около этого времени, человѣкъ, совершавшій необыкновенныя дѣла и котораго называли волхвомъ, дерзко воспользовался этимъ стремленіемъ радушно принимать всякаго, кто выдавалъ себя за посланнаго небомъ. Это былъ Симонъ Гитонскій, названный такъ или потому, что, по свидѣтельству св. Іустина, онъ родился въ этомъ самарянскомъ селеніи, или потому, что онъ просто поселился здѣсь, происходилъ же самъ, по свидѣтельству Іосифа Флавія, съ острова Кипра. Получивъ воспитаніе, по всей вѣроятности, въ Египтѣ, онъ усвоилъ тамъ гностическія теоріи, къ которымъ склонялось александрійское іудейство. Ко всему этому примѣшивалось у него общее, но очень несовершенное понятіе о религіозномъ ученіи Іисуса, и въ концѣ концовъ онъ создалъ богословскую систему столь же нечестивую, какъ и нестройную. Окончательно разработана

---

¹⁾ Незадолго предъ тѣмъ эти несчастные самаряне, отправились, по указанію одного обманщика, на гору Гаризимъ, для отысканія священныхъ сосудовъ Моисеевыхъ, которые будто бы были въ ней спрятаны. Пилать приказалъ подвергнуть ихъ избіенію, но нѣсколько времени спустя самъ былъ наказанъ въ Римѣ за свои жестокости. Этотъ обманщикъ, можетъ быть, и былъ Симонъ, о которомъ идетъ рѣчь далѣе.

она была имъ лишь въ послѣдствіи, если только онъ предоставилъ своимъ ученикамъ придать ей окончательную устойчивость. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя сказать навѣрное, чтобы книга «Великое изложеніе», изъ которой любопытные отрывки сохранены намъ въ «Философумена», была произведеніемъ самого Симона; очень можетъ быть, что она составляетъ лишь сводъ изъ системы, гораздо лучше разработанной его учениками, нежели имъ самимъ. Какъ бы то ни было и насколько можно судить по разбросаннымъ свидѣтельствамъ церковныхъ писателей, Симонъ допускалъ, какъ начало всѣхъ вещей, невидимый, открытый огонь, содержащій въ себѣ основаніе всѣхъ существъ и котораго міръ есть вѣчное проявленіе. Это начало есть дѣйствующее и страдательное, или лучше, изъ него, какъ изъ одного и того же корня, происходятъ двѣ силы: одна мужеская, творческая, а другая женская, являющаяся всемірною матерью, въ которой все создано. Эта послѣдняя, вѣчная мудрость или мысль, исходитъ отъ Бога и порождаетъ духовъ. Духи, или Эоны, раздѣленные на десять классовъ, творятъ и сохраняютъ міръ. Но они держатъ какъ бы въ плѣну мысль Божію, отъ которой они произошли, и эта божественная мысль претерпѣваетъ на землѣ самыя унижательныя къ себѣ отношенія. Симонъ есть всемогущее начало, посланное въ міръ, чтобы освободить плѣненную мудрость. Онъ именуется Непреложнымъ, Воздвигнутымъ, Словомъ, Красотою, Утѣшителемъ, Всецѣлымъ Божіимъ, и безустанно слѣдитъ за мыслию, изгнанною на землю, пока не найдетъ ее въ несчастной блудницѣ тирской и пока не освободитъ ее, возвративъ ей почетное около себя мѣсто, котораго она достойна.

Въ ту минуту своей исторіи, которую мы рассматриваемъ, Симонъ выдаетъ себя за существо сверхъчеловѣческое (Дѣян. 8, 9). Онъ повидимому хотѣлъ быть у сама-

рянъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Іисусъ у Іудеевъ, и выдавалъ себя предъ ними за воплощеніе Божества. Въ этомъ онъ былъ предваренъ другимъ ложнымъ Мессіею—Досіееемъ, современникомъ Іисуса Христа, по словамъ Оригена, выдававшимъ себя за сына Божія. Симонъ, чтобы поддерживать свои притязанія, творилъ чудеса, пытаясь такимъ образомъ подражать силѣ Іисуса надъ стихіями, болѣзнью и даже смертію. Но онъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы постарался подражать святости Его жизни. Добродѣтель проповѣдника обыкновенно служить самымъ естественнымъ ручательствомъ истинности ученія, которое онъ проповѣдуетъ. Между тѣмъ какъ нужно мудро отличать въ чудесахъ истинное отъ ложнаго и дѣло Божіе отъ дѣла діавола, — въ нравственной святости нѣтъ надобности устанавливать какія либо отличія: гдѣ святость тамъ и Богъ.

Какія чудеса творилъ Симонъ? Онъ вѣрилъ, что можетъ добровольно быть видимымъ и невидимымъ, проходить сквозь горы и пронзать скалы, какъ глину, безопасно устремляться въ пространство, разрывать самыя крѣпкія узы и сковывать своихъ противниковъ, оживлять деревянные или каменные статуи, заставлять разомъ распускаться деревья, невинно входить въ огонь. Вѣроятно даже, что съ помощію обмана, котораго поклонники его не замѣчали, — магія повидимому сдѣлала въ это время большіе успѣхи, — ему удавалось увѣрить, что повремениамъ онъ дѣйствительно совершалъ обѣщанное. Отсюда всеобщее чувство удивленія, заставлявшее сторонниковъ Симона, въ соотвѣтствіе съ его теософическими теоріями, говорить: «Онъ самъ есть Сила Божія, именующаяся великою силою». Такимъ образомъ, для самарянъ, ловкій волшебникъ былъ прежде всего какъ бы воплощеніемъ первой изъ божественныхъ силъ. И они не могли не принимать его съ распростертыми объятіями, такъ какъ онъ пробовалъ поддѣ-

латься подъ то, что происходило въ іудейскомъ народѣ, — врагѣ, къ которому они такъ ревниво относились. Самарія охотно увлеклась тщеславнымъ чувствомъ выставить противъ іудейскихъ пророковъ другихъ чрезвычайныхъ посланниковъ Божіихъ, какъ они выставили свой храмъ противъ ихъ храма и свою религію противъ ихъ религіи.

Такимъ образомъ, когда Церковь христіанская открывала свои объятія проклинаемымъ и обезславленнымъ самарянамъ, то они устремились къ ней, какъ къ дѣйствительности, оставляя призраки, занимающіе людей, потому что они напоминаютъ дѣйствительность, но затѣмъ и приводящіе ихъ въ раздраженіе, потому что на самомъ дѣлѣ они никогда не дають ее. Между неуловимыми теоріями Симона и общедоступнымъ богословіемъ Іисуса была такая же разница, какая существуетъ между словами человѣка въ бреду и задушевными, сердечными изліяніями отца или матери, которые наставляютъ своихъ дѣтей. Когда Филиппъ возвѣстилъ этому народу, такъ давно стоявшему въ сторонѣ и между тѣмъ столько жаждавшему религіозной истины, евангеліе царствія Божія, основаннаго Іисусомъ Христомъ и открытаго для всякаго благочестиваго человѣка, безъ различія рода, воспитанія и положенія, то каждый воскликнулъ: «Это просто и широко, какъ сама истина!» Отрадно было услышать о себѣ отъ новыхъ проповѣдниковъ, что нѣтъ болѣе парій въ будущемъ и что въ новомъ обществѣ всѣ люди — братья.

Чтобы придать больше рельефности результату этихъ рѣчей, которыя сердце человѣческое находило уже преисполненными чудной сладости истины, Филиппъ совершилъ много чудесъ, и между его чудесами и чудотвореніями Симона было такое же различіе, какъ и между ученіемъ обоихъ проповѣдниковъ. По его повелѣнію, злые духи выходили изъ несчастныхъ бѣсноватыхъ, испуская громкіе вопли. Разслабленные и хромые внезапно исцѣлялись.

Древнія колонны, разбросанныя въ настоящее время въ Севастіи, были безъ сомнѣнія безмолвными свидѣтелями этихъ чудесъ. Филиппъ вѣроятно проповѣдывалъ недалеко отъ гумна, на которомъ, за девять столѣтій предъ тѣмъ, пророкъ Михей далъ урокъ самарянскимъ лжепророкамъ, въ присутствіи Ахава и Іосафата. Эти удивительныя исцѣленія, совершенныя безъ притязаній, съ самою трогательною благостію и всегда одинаковымъ успѣхомъ, не были дѣломъ человѣческимъ. Самаряне прямодушно признали это и, тотчасъ же забывъ Симона и его волшебства, съ самымъ радостнымъ восторгомъ начали прославлять новаго проповѣдника.

Религіозное движеніе приняло обширные размѣры. Мушны и женщины толпами приходили просить крещенія, т. е. посвященія въ новую жизнь, во имя Того единого, Кто былъ истиннымъ явленіемъ Бога на землѣ, Іисуса Назарянина, умершаго для спасенія міра, и единственнаго Царя человѣчества. Самъ Симонъ не могъ устоять предъ общимъ порывомъ, и или для того, чтобы, облевшись въ овечью одежду, удержаться въ средѣ стада, которое онъ не отчаявался покорить своей власти въ послѣдствіи, или чтобы узнать тайну новой религіи и совершаемыхъ ею чудесъ, сдѣлавшись однимъ изъ сыновъ ея, онъ также попросилъ крещенія. Торжество Евангелія казалось полнымъ.

Когда Апостолы узнали въ Іерусалимѣ, что Самарія приняла Слово Божіе, то они поспѣшили отправить Петра и Іоанна, чтобы получить свидѣтельство объ этомъ событіи и освятить это новое развитіе церкви. Это было громаднымъ шагомъ въ смыслѣ идей вселенства. Важнымъ и знаменательнымъ событіемъ было не то, что нѣсколько тысячъ самарянъ вошли въ Царствіе Божіе, но что два посланника, Петръ и Іоаннъ, имѣвшіе видное значеніе въ сонмѣ Апостольскомъ, отправились въ путь, не смотря

на всѣ національныя предубѣжденія, чтобы лично отверзть двери людямъ, нѣкогда проклинаемымъ, и дать имъ братское лобзаніе. Твердая оболочка іудейства наконецъ пріоткрывалась, не подвергаясь слишкомъ большимъ разрывамъ, чтобы дать выходъ Евангелію, которое уже не должно было остановиться на этомъ благодатномъ пути.

Увидѣвъ дѣло Филиппа во всей своей живѣйшей дѣйствительности, оба Апостола испытали священнѣйшую радость и приготовились окончательно завершить столь прекрасно начатое дѣло. Безъ сомнѣнія, въ новомъ обществѣ каждому вѣрующему подобаетъ пріобщать къ христіанскому воинству всякаго, кто этого требуетъ; но этотъ первый шагъ, совершенный чрезъ крещеніе, долженъ быть утвержденъ, не священникомъ только, который представляетъ собою отца семейства, но и епископомъ, который есть глава церковной общины. Ему принадлежитъ право низвести Духа Святаго во всей полнотѣ и облечь во всеоружіе воиновъ Иисуса Христа. Апостолы, помолившись Богу, чтобы Онъ проявилъ Свою силу надъ прозелитами, сообщивъ имъ не внутреннюю только благодать, такъ какъ они получили ее чрезъ крещеніе, но и внѣшніе дары Духа Святаго, возложили на нихъ руки, и сила Божія стала видимою въ нихъ чрезъ принятіе ими чрезвычайныхъ даровъ.

Это неслыханное и неожиданное зрѣлище повергло Симона въ величайшее изумленіе. Если Филиппъ удивилъ его, творя чудесныя знаменія, то Петръ и Іоаннъ, сообщая новокрещеннымъ силу творить ихъ, должны были еще болѣе удивить его. Такъ какъ, по существу своему, характеръ Симона носилъ на себѣ отпечатокъ грѣховности, то его душа, себялюбивая и лицемѣрная, ограничивалась очень тѣснымъ кругозоромъ. Въмѣсто того, чтобы задаться вопросомъ, откуда происходитъ такая сила и что она доказываетъ, онъ взглянулъ на нее только со стороны выгоды, какую можно извлечь изъ нея, если самому удастся

приобрѣсть ее. Само собою разумѣется, что такіа соображенія должны были отклонить его отъ религіознаго движенія, къ которому онъ присоединился сначала. Въ самомъ дѣлѣ, не видно, чтобы онъ былъ чѣмъ либо инымъ, при изліянніи Святаго Духа, какъ лишь простымъ свидѣтелемъ. Для него, получить сверхъестественные дары было дѣломъ безразличнымъ, но приобрѣсть возможность сообщать ихъ другимъ сдѣлалось очень важнымъ. Онъ готовъ былъ даже заплатить за нихъ. Захвативъ съ собою сумму денегъ, онъ попросилъ Апостоловъ продать право подавать Духа Святаго. Кромѣ безстыдства, предложеніе Симона въ своей грубой формѣ обличало въ немъ еще самое полное невѣжество по отношенію къ предметамъ божественнымъ. Симонъ нечестиво смѣшивалъ религію съ колдовствомъ и апостольское достоинство съ суетными успѣхами волшебства или выгоднымъ ремесломъ волхва. Слова его непріятно разстраидали единодушіе благочестія и смиренной вѣры, изливавшихся изъ сердецъ всѣхъ прозелитовъ. Петръ разгнѣвался на подобное предложеніе и видя, что онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, не принадлежащимъ къ Церкви, сказалъ: «Серебро твое да будетъ въ погибель съ тобою, потому что ты помыслилъ получить даръ Божій за деньги. Нѣтъ тебѣ въ семъ части и жребія, ибо сердце твое неправо предъ Богомъ. Итакъ покайся въ семъ грѣхѣ твоёмъ, и молись Богу; можетъ быть, отпустится тебѣ помысль сердца твоего; ибо вижу тебя исполненнымъ горькой желчи и въ узахъ неправды». Говоря такимъ образомъ, Петръ не отказываетъ во всякой надеждѣ человѣку, который думалъ закупить руку Божию, чтобы пользоваться ею для цѣлей нечестивыхъ. Онъ относится съ жалостію къ его невѣчеству и ограничивается тѣмъ, что предрекаетъ самую печальную будущность несчастному.

Взоръ Апостола проникъ въ глубину этой души, которая, оставаясь до сихъ поръ прежде всего невѣжественною и грубою, отнынѣ дѣлается озлобленною противъ всего хри-

стіанскаго и способною къ самымъ святотатственнымъ посягательствамъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, Симонъ отвѣчалъ: «Помолитесь вы за меня Господу, дабы не постигло меня ничто изъ сказаннаго вами». Говорилъ ли онъ такъ по ложному смиренію и чтобы избѣжать нападеній со стороны раздраженной толпы? Или проклятіе Петра, предававшего его вмѣстѣ съ деньгами несчастному концу, утратило его и онъ сталъ искать помощи тамъ, гдѣ чувствовалъ сверхъестественную силу? Можетъ быть. Но несомнѣнно то, что опасаясь возмездія, онъ и не думалъ возненавидѣть грѣхъ, а между тѣмъ это только и нужно было, чтобы не подвергнуться несчастному концу.

Воздавъ такимъ образомъ свидѣтельство Господу Іисусу и возвѣстивъ народу Его ученіе, Апостолы возвратились въ Іерусалимъ, останавливаясь въ самарянскихъ селеніяхъ, чрезъ которыя проходили, и проповѣдывая жителямъ ихъ благую вѣсть. Стѣна, раздѣлявшая два народа, падала такимъ образомъ предъ благовѣстниками и Апостолами. Работники Господни, вышедши наконецъ изъ Іерусалима чтобы засѣять поля Отца семейства, предшествовали имъ, призывая всѣми силами тотъ день, когда по слову Господа, благая вѣсть, перейдя за предѣлы Самаріи, распространится, чтобы покорить цѣлый міръ.

Что касается до Симона волхва, то исторія, сквозь дымку неясныхъ легендъ, свидѣлствуетъ намъ, что онъ не замедлилъ открыть все нечестіе своего сердца. Роль чудотворца и мессіи такъ соотвѣтствовала его гордости и матеріальнымъ интересамъ, что онъ не могъ отказаться отъ нея. Іосифъ Флавій рассказываетъ, что онъ своимъ кудесническимъ вліяніемъ побудилъ дочь Ирода Агриппы I Друзиллу оставить мужа своего, царя Эмескаго Азиза, и отдаться проконсулу римскому Феликсу, который страстно любилъ ее. Съ другой стороны, древнѣйшее преданіе клеймитъ его какъ неутомимаго и дерзкаго противника Петра и христіанства. Развивая постепенно свои сумасбродныя

теоріи, онъ дошелъ до того, что сталъ проповѣдывать самого себя, вездѣ гдѣ только его соглашались выслушивать, какъ высшее проявленіе Бога на землѣ: какъ Отца по отношенію къ самарянамъ, Сына къ іудеямъ и Духа Святаго къ другимъ народамъ. Чтобы сдѣлать болѣе удобопонятною свою систему, подкрѣпляя ее символизмомъ въ восточномъ вкусѣ, а также и потому, что при подобномъ умственномъ растлѣніи плоть нерѣдко также предъявляетъ свои права, онъ водилъ съ собою блудницу Елену, взятую въ Тирѣ и представлявшую якобы божественную истину, освобожденную отъ человѣческаго порабощенія. Онъ называлъ ее воплотившеюся вѣчною мыслию и приобщилъ ее къ своимъ дѣламъ волхвованія и проповѣдничества. Не разъ онъ пытался повредить ученію и дѣламъ Петра, то въ Кесаріи приморской, то въ Антиохіи и въ особенности въ Римѣ. Всякій разъ будучи разоблачаемъ словомъ Апостола и приводимъ въ смущеніе его чудесами, онъ тѣмъ не менѣе продолжалъ обманывать народъ. Раздраженіе первенствующихъ христіанъ противъ Симона доказываетъ, что онъ усиливался много вредить имъ. Онъ подвергался всевозможнымъ обвиненіямъ и погибъ жалкимъ образомъ. По одному преданію, онъ велѣлъ ученикамъ своимъ заключить его въ гробницу, увѣряя, что онъ воскреснетъ въ третій день; но, свидѣтельствуется св. Ипполитъ, «онъ умеръ, потому что не былъ Христомъ». По другимъ сказаніямъ, желая подняться и летать въ воздухѣ, чтобы доказать свое всемогущество, онъ позорно упалъ на землю и раздробилъ себѣ кости. Этотъ роковой опытъ повергъ его въ тяжкое уныніе и онъ окончилъ жизнь самоубійствомъ¹⁾. Нѣкоторые ученики продолжали проповѣдывать его сумасбродное ученіе, и Оригенъ свидѣтельствуется, что послѣдователи Симона были еще и въ его время.

---

¹⁾ При прокураторѣ Феликсѣ въ 54 году.

ГЛАВА V.

Обращеніе языческаго евнуха Филиппомъ.

Для ревнителей Закона было нѣчто худшее предъ вратами Царствія Божія, нежели самарянинъ; это человѣкъ, по происхожденію язычникъ, и кромѣ того униженный поворнымъ искаженіемъ, которому восточный деспотизмъ во всѣ времена подвергалъ надсмотрщиковъ надъ женщинами въ гаремахъ. Моисей сказалъ: «Евнухъ не войдетъ въ Царствіе Божіе» (Второе 23, 1). Сыны язычества также не могли входить въ него. Даже и тогда, когда они поклонялись Іеговѣ, іудейство удаляло ихъ за ограду, которая отдѣляла священное мѣсто въ храмѣ отъ прочихъ частей его.

Но вотъ Ангелъ Божій говоритъ Филиппу: «Встань и иди на полдень, на дорогу, идущую изъ Іерусалима въ Газу, на ту, которая пуста». Два пути вели изъ Святаго града въ Газу ¹⁾. Одинъ шелъ чрезъ горы и Елевее-

---

¹⁾ Городъ Газа былъ столицею Филистимлянъ. Будучи взятъ и разрушенъ Александромъ Великимъ, онъ впоследствии снова достигъ цвѣтущаго состоянія. Янній подвергъ его полному разрушенію въ 96 г. до Рожд. Хр., но 30 лѣтъ спустя проконсулъ Габиній возстановилъ его изъ развалинъ. Августъ передалъ его во власть Ирода Великаго и онъ былъ причисленъ къ городамъ Сирійской провинціи. Стратегическое положеніе его считалось очень важнымъ. Помпоній Мела писалъ около 50 л. до Рожд. Хр., что это былъ «большой укрѣпленный городъ». Іудеи разрушали его въ 69 году. Современная Газа состоитъ изъ 15.000 жителей и вся построена изъ остатковъ древнихъ памятниковъ, между двумя рядами холмовъ, въ 4 верстахъ отъ морскаго берега. Древній

рополь (Бейтъ-Джибринъ), котораго достигали или чрезъ Нетофа (Бейтъ-Неттифъ), или, идя южнѣе, чрезъ Хевронъ и Едну. Назвать этотъ путь пустыннымъ было трудно, потому что гористая страна, по которой онъ проходилъ, была покрыта значительными городами. Другой шелъ изъ Іерусалима въ Лидду и оттуда круто поворачивалъ на югъ, сливаясь съ главной дорогой, по которой двигались караваны и которая шла изъ Сихема, и достигалъ Газы чрезъ Сефелу, Авоть и Аскалонъ. Вѣроятно, на эту именно дорогу указалъ Ангелъ Филиппу, потому что ея прямѣе всего онъ могъ достигнуть въ Лиддѣ. Дѣйствительно, по всѣмъ признакамъ, діаконъ проповѣдывалъ еще въ Самаріи, когда получилъ съ неба повелѣніе двинуться въ путь. Этотъ путь названъ былъ пустымъ потому, что по немъ проходили только люди, имѣвшіе возможность защищаться. На Востокѣ, ровныя мѣстности болѣе всего подвержены разбойничеству. Разбойники стараются въ особенности издѣлать примѣтити людей, которыхъ хотѣтъ ограбить. Они, какъ молніи, устремляются на нихъ, прежде чѣмъ они найдутъ какое либо ограждающее ихъ убѣжище. Такими убѣжищами служатъ города, или селенія, расположенныя обыкновенно на возвышенностяхъ. Тамъ легче выдерживать нападенія непріятеля. По дорогѣ ведущей въ Газу песчаной и покрытой высокими травами, рѣшались слѣдовать только вооруженные караваны, или путе-

---

филистимскій городъ, лежавшій болѣе на западъ, былъ постепенно занесенъ морскими песками. Предпринятая въ недавнее время раскопки на его мѣстѣ дали очень хорошіе результаты. Оказалось, что подъ этими песчаными холмами можно открыть настоящія археологическія сокровища. Находясь на границѣ Египта и при вступленіи въ пустыню, Газа по прежнему посѣщается многочисленными караванами. Базары ея изобилуютъ предметами торговли. Жители отличаются хитростію и плутовствомъ и являются единственными друзьями и союзниками бедуиновъ, съ которыми находятся въ ежедневныхъ сношеніяхъ.

шественики, ѣхавшіе быстро и способные избѣгнуть нападенія.

Отправившись такимъ образомъ по этой ровной дорогѣ, Филиппъ увидѣлъ приближеніе колесницы. По ея особенной формѣ и украшеніямъ, онъ могъ понять, что ему придется встрѣтиться съ лицомъ значительнымъ, народности чужестранной и вѣроятно египтяниномъ. Вельможи съ береговъ Нила любили отличать себя красотою своихъ экипажей. Экипажи эти обыкновенно запрягались лошадьми различнаго цвѣта. Кромѣ кучера, два путника могли занять мѣсто въ этихъ сановническихъ колесницахъ. Но въ томъ экипажѣ, который ѣхалъ по равнинѣ Сефельской, сидѣлъ только одинъ человекъ. Онъ былъ занятъ чтеніемъ. По цвѣту его кожи, равно какъ по одеждѣ, Филиппъ легко могъ признать египтянина.

Это былъ высокій сановникъ и внукъ Кандакин, царствовавшей въ то время въ Египтѣ ¹⁾, въ странахъ Меріе и въ тѣхъ верхнихъ областяхъ, которыя мы называемъ теперь Нубіею, Суданомъ египетскимъ и Абиссиніею. Хотя этотъ вельможа былъ хранителемъ всѣхъ сокровищъ царицы ²⁾, тѣмъ не менѣе душа его была занята болѣе высокими предметами, нежели человѣческія дѣла. Задачи общественной или домашней экономіи безпокоили его менѣе, нежели правила истинной религіи, которымъ должно слѣдовать, и мысль о спасеніи, къ которому должно стремиться. Наставленный можетъ быть какими либо іудеями, а ихъ было много въ Египтѣ, и они многихъ обратили въ іудейство, и посвященный въ познаніе священныхъ книгъ,

---

¹⁾ Страна эта долгое время управлялась женщинами, носившими названіе Кандакин, также какъ египетскіе цари назывались фараонами, а императоры римскіе кесарями.

²⁾ Восточные цари имѣли особые дворцы, въ которыхъ складывали богатства всякаго рода—золото, серебро, драгоценныя украшенія, важныя документы. Главный казначей завѣдывалъ этими дворцами.

въ то время очень распространенныхъ въ Египтѣ, онъ признавалъ, что Богъ Израиля есть единый истинный Богъ, и онъ ѣздилъ въ Іерусалимъ для поклоненія Ему во храмѣ Его. Отсюда однако нельзя заключать, что онъ былъ прозелитомъ у вратъ, въ истинномъ значеніи этого слова. По причинѣ его каженничества и полной неопытности въ толкованіи Священнаго Писанія, можно допустить, вмѣстѣ съ Евсевіемъ, что въ дѣйствительности онъ былъ язычникъ, весьма благорасположенный къ Ветхому Завѣту, но еще неофитъ, возложившій на себя иго его.

Въ эту минуту, онъ читалъ пророка Исаію. Раввины совѣтывали читать Законъ, когда человѣкъ путешествуетъ безъ товарища. Можетъ быть, во время пребыванія евнуха въ Святомъ городѣ, то что говорилось здѣсь по поводу Іисуса Назарянина и учениковъ Его, сильно занимало его. Понятно, что, послѣ убіенія Стефана, религиозное движеніе въ Іерусалимѣ приняло большіе размѣры. Умы не могли не обратиться къ важнымъ вопросамъ, возбужденнымъ проповѣдникомъ-мученикомъ и обсуждавшимся съ противоположныхъ точекъ зрѣнія со стороны обѣихъ партій. Углубившись въ доказательства, выдвинутыя тѣми и другими, евнухъ можетъ быть искалъ на всякій случай опоры для зараждавшейся въ душѣ его вѣры, читая того изъ пророковъ, который яснѣе всѣхъ говорилъ о Мессіи. Или, можетъ быть, онъ просто желалъ поддержать въ себѣ, путемъ назидательныхъ размышленій, сладостныхъ волненій, испытанныхъ имъ въ домѣ Іеговы. Какъ бы то ни было, но онъ такъ погрузился въ чтеніе, что повидимому даже не замѣтилъ прошедшаго мимо него Филиппа, такъ что, когда Духъ Святой указалъ благовѣстнику, что предъ нимъ человѣкъ, которому должно возвѣстить Евангеліе, то Филиппъ, чтобы догнать колесницу, долженъ былъ ускорить шагъ. На Востокѣ нерѣдко можно видѣть, какъ иной человѣкъ бѣжитъ запыхавшись за проѣзжающимъ съ цѣлю

просить его о чемъ нибудь или предложить ему свои услуги. Евнухъ и его возница не обратили даже вниманія на бѣжавшаго около колесницы. Еёіоплянинъ по обычаю читалъ вслухъ ¹⁾. Филиппъ слышалъ, что онъ читалъ въ это время, одно изъ наиболѣе знаменитыхъ мѣстъ у пророка Исаи, и нѣсколько свободнымъ голосомъ спросилъ его: «Разумѣешь ли что читаешь»? Евнухъ не обидѣлся подобнымъ вопросомъ и съ смиреніемъ, соответствовавшимъ религіозному настроенію его души, отвѣчалъ: «Какъ могу разумѣть, если кто не наставитъ меня?» Этимъ отвѣтомъ онъ какъ-бы заранѣе принималъ предложеніе, заключавшееся въ словахъ Филиппа. Богъ отверзалъ такимъ образомъ сердце евнуха, и благовѣстникъ тотчасъ же воспользовался случаемъ, дабы посѣять въ немъ доброе сѣмя. Вельможа остановилъ колесницу и предложилъ благовѣстнику взойти. Филиппъ сѣлъ. Мѣсто же Священнаго Писанія, которое евнухъ читалъ по переводу семидесяти, заключало въ себѣ слѣдующее знаменитое пророчество въ книгѣ Исаи: «Какъ овца веденъ былъ Онъ на закланіе, и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзаетъ устъ Своихъ. Въ униженіи Его судъ совершился; но родъ Его кто разъяснить? ибо вземлетъ отъ земли жизнь Его» (Исаи 53 7, 8). Обратившись къ Филиппу, еёіоплянинъ сказалъ: «Прошу тебя сказать: о комъ пророкъ говоритъ это? о себѣ ли или о комъ другомъ»? Такъ какъ евнухъ предполагалъ, какъ видно изъ этихъ словъ, что въ прочитанномъ мѣстѣ подразумѣвается или самъ пророкъ или другое какое либо лицо, но не Мессія, то можно прійти къ заключенію, что въ его словахъ слышится отголосокъ возраженій, по отношенію къ лицу Іисуса Христа, дошед-

---

¹⁾ И до сихъ поръ восточные жители почти всегда читаютъ вслухъ, даже когда находятся одни.

шихъ до его свѣдѣнія въ бытность въ Іерусалимѣ. Можетъ впрочемъ быть, что вопросъ его есть простодушное выраженіе незнанія, весьма извинительнаго въ чужестранцѣ. Филиппъ, начавъ свою рѣчь, тотчасъ же приступилъ къ объясненію мѣста, затруднявшаго евнуха. Ему не трудно было показать, что Іисусъ былъ главнымъ предметомъ всѣхъ пророчествъ и краеугольнымъ камнемъ Вѣтнаго Завета. И ничто лучше не примѣнялось къ такому благовѣстію, какъ эта 53-я глава книги пророка Исаіи, надъ которою тщетно употреблялъ умственные усилія вельможа египетской царицы. Въ самомъ дѣлѣ, все, что говорится здѣсь, только и можетъ быть отнесено къ Іисусу. Даже іудейство временъ болѣе позднихъ, послѣ напрасной попытки подразумѣвать въ этомъ мѣстѣ то Езекию, то самаго Исаію, то Іеремію, то наконецъ народъ Израильскій, вынуждено было признать, что такое объясненіе не выдерживаетъ критики, и что необходимо примѣнить это пророчество къ Самому Мессіи, какъ это дѣлала древняя синагога до тѣхъ поръ, пока политическія соображенія въ спорѣ съ христіанами не заставили ее обратиться къ другимъ толкованіямъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ не согласиться, что это дивное пророчество есть ничто иное какъ Евангеліе, написанное прежде Евангелія. Нечестіе всѣхъ временъ было поставлено имъ въ такое затрудненіе, что, не имѣя возможности ни устранить его, ни отвергнуть исполненіе его въ лицѣ Іисуса Назарянина, оно выдвинуло нелѣпное предположеніе, будто бы Іисусъ въ Своихъ страданіяхъ, рядомъ обдуманыхъ и искусно расположенныхъ обстоятельствъ, нарочито восхотѣлъ исполнить все, предсказанное пророкомъ о Мессіи. Это жалкое измышленіе, будучи постыднымъ посягательствомъ на достоинство Іисуса, въ самомъ себѣ и вопреки намѣренію самихъ изобрѣтателей заключаетъ свидѣтельство о полномъ сходствѣ между Мессіею, предвозвѣщеннымъ Исаіею, и Мес-

сією, Которому мы покланяемся. Въ этомъ вся сущность. Нравственное чувство отвергаетъ все остальное и разуму нѣтъ надобности усиленно доказывать всю нелѣпость подобныхъ этому измышлений.

Краснорѣчиво - наставительный урокъ Филиппа произвелъ рѣшительное дѣйствіе на умъ еѳіопскаго вельможи. Для всякаго прямодушнаго человѣка, ищущаго истины, ничего не можетъ быть поразительнѣе, какъ изложеніе христіанской системы во всѣхъ ея подробностяхъ и во всей ея гармонической совокупности. Древніе въ особенности поражались тѣмъ свѣтоварнымъ сопоставленіемъ, которое первобытная апологетика дѣлала между Мессією, возвыщеннымъ пророками, и Іисусомъ Назаряниномъ, Мессією явившимся. Въ то время проповѣдывали Христа, Который былъ и есть «вчера и сегодня», мы проповѣдуемъ Того, «Кто тотъ же и во вѣки». Это доказательство царства Мессіи, послѣдовательно развивающагося въ теченіи слѣдующихъ другъ за другомъ вѣковъ, частію замѣняетъ для насъ то доказательство, коимъ побѣждены были первыя христіанскія поколѣнія. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что указывая Новый Завѣтъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, или наоборотъ Ветхій Завѣтъ въ Новомъ Завѣтѣ, проповѣдники Евангелія съ полнымъ успѣхомъ изображаютъ предъ умомъ людей промыслительное домостроительство Божіе и заставляютъ его преклониться предъ мудростію Господа, все направляющаго, и попечительностію Отца, спасающаго насъ по безконечной любви Своей.

Мессіи, Котораго провидѣли и провозвѣстили пророки, подобало прійти на землю для спасенія человѣчества. Филиппъ выяснилъ безъ сомнѣнія, какимъ образомъ спасеніе совершается чрезъ искупленіе; какъ само искупленіе осуществилось чрезъ воочеловѣченіе Мессіи, какъ это воочеловѣченіе воспринимается вѣрою, какъ вѣра утверж-

дается при крещеніи и какъ крещеніемъ преподается благодать освящающая и осуществляется оправданіе. Въ это самое время, они проѣзжали или по руслу ручья или около одного изъ тѣхъ источниковъ, у которыхъ почти всегда путешественники останавливаются на Востокѣ. «Вотъ вода, сказалъ евнухъ; что препятствуетъ мнѣ креститься?» Филиппъ же сказалъ ему: «Если вѣруешь отъ всего сердца, можно». «Да, отвѣчалъ евнухъ, я вѣрую, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій». Затѣмъ онъ приказалъ остановить колесницу и, когда оба сошли въ воду, Филиппъ крестилъ евнуха. Такимъ образомъ, этотъ язычникъ, хотя и былъ евнухомъ и чернокожимъ по происхожденію, но сдѣлался прозелитомъ, былъ включенъ въ число учениковъ Христовыхъ и былъ принятъ церковію, какъ новый членъ ея. Вопреки всѣмъ предубѣжденіямъ іудейства, Духъ Святыи совершилъ Свое дѣло. Въ ту же минуту, Ангелъ Господень чудеснымъ образомъ восхитилъ Филиппа и, содѣлавъ его невидимымъ для евнуха, направилъ его для продолженія дѣла благовѣстія. Филиппъ былъ отведенъ въ Азотъ или Ашдодъ, по сосѣдству съ которымъ онъ находился въ это время ¹⁾. Неизвѣстно, какъ принялъ его благовѣстіе этотъ старинный филистимскій городъ, но священный дѣеписатель свидѣлствуетъ, что славный діаконъ продолжалъ мужественно благовѣствовать по всѣмъ сосѣднимъ городамъ, до тѣхъ поръ, пока, посѣявъ на пути своемъ, насколько возможно, сѣмя Евангелія, онъ

---

¹⁾ Азотъ нынѣ называется Эсдудъ. Во время борьбы іудеевъ съ филистимлянами (1 Цар. 4, 5), ковчегъ пребывалъ здѣсь въ храмѣ Дагона. Будучи покоренъ Саргономъ, царемъ ассирійскимъ, и послѣ 29-ти лѣтней осады Псамметихомъ, царемъ египетскимъ, онъ былъ совершенно уничтоженъ во время маккавейскихъ войнъ, но затѣмъ восстановленъ Габиніемъ, отданъ Ироду и окончательно занятъ римлянами. Груды развалинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя очень замѣчательны, свидѣлствуютъ о минувшемъ блескѣ этого великаго города. Эсдудъ—селеніе совершенно новаго происхожденія.

не возвратился въ Кесарію, гдѣ по всей вѣроятности жило его семейство.

Что касается до евнуха, то убѣдившись внезапнымъ исчезновеніемъ Филиппа, что онъ былъ наставленъ и крещенъ посланникомъ небеснымъ, онъ радостно продолжалъ свой путь, будучи преисполненъ благодатію и внутреннимъ свѣтомъ. Преданіе утверждаетъ, что и вполнѣ естественно, что, прибывъ въ Еѳіопію, онъ проповѣдывалъ вѣдьсѣ Евангеліе и основалъ цвѣтущую Церковь, причемъ сама царица была обращена ко Христу. Но не всякое пустившее ростки сѣмя достигаетъ зрѣлости. Событія, оставшіяся для насъ неизвѣстными, вскорѣ разрушили то, что было создано ревностію этого первенца изъ язычниковъ, какъ называетъ его историкъ Евсевій, ибо въ четвертомъ вѣкѣ, въ царствованіе равноапостольнаго Константина, св. Фрументій долженъ былъ снова предпринять евангельскую проповѣдь въ Еѳіопіи.

ГЛАВА VI.

Обращеніе Савла.

Почти въ то же время совершилось другое событіе, имѣвшее неисчислимыя послѣдствія въ исторіи нарождавшагося христіанства. Тотъ самый Савлъ, котораго мы еще недавно видѣли исполненнымъ ненависти къ ученикамъ Іисуса, потребовалъ у синедріона полномочія принять на себя личное руководство преслѣдованіемъ ихъ внѣ Іерусалима. Онъ чувствовалъ, что Евангеліе, выйдя изъ сятаго града вмѣстѣ съ гонимыми эллинистами, распространится повсюду, если не расширить кругъ преслѣдованія и не остановить такимъ образомъ его движенія.

Дамаскъ представлялся мѣстностію, которая болѣе всего въ самомъ началѣ могла быть охвачена новымъ ученіемъ. Іудеи въ немъ были многочисленны. Іосифъ Флавій замѣчаетъ, что дамаскія женщины почти всѣ принадлежали къ религіи Моисея. Отсюда, какъ изъ главнаго очага, Евангеліе отбрасывало свои лучи въ среду важнѣйшихъ израильскихъ общинъ, учредившихся къ востоку по берегамъ Евфрата и Тигра, къ сѣверу и западу въ областяхъ и прибрежьи Малой Азіи. Богатый и великолѣпный городъ, построенный у подошвы восточнаго склона Анти-Ливана, въ обширной и плодородной долинѣ, орошаемой семью развѣтвленіями рѣки Варады, служилъ какъ бы центромъ, въ которомъ сходились главныя дороги Востока. Будучи

древнѣе Авраама (Быт. 15, 2), онъ содѣлался въ послѣдствіи столицею сирійскихъ царей. Дважды занимали его израильтяне—при Давидѣ и Іеровоамѣ II; потомъ онъ послѣдовательно подпадалъ подъ власть ассиріянъ, вавилонянъ, персовъ и грековъ, пока Помпей не покорилъ его во время войны съ Митридатомъ. Въ ту минуту, когда Савль намѣревался устроить въ немъ исходную точку преслѣдованія христіанъ, онъ повидимому принадлежалъ уже Ареѣ, царю арабійскому, который, подобно царямъ изъ дома Иродова въ Палестинѣ, властвовалъ здѣсь, подъ высокими покровительствомъ Рима. Какъ бы то ни было, въ особенности со временъ Селевкидовъ, іудеи поселились здѣсь въ весьма значительномъ количествѣ, какъ и въ другихъ важныхъ торговыхъ центрахъ. Здѣсь было нѣсколько синагогъ (Дѣян. 9, 20). Изъ этого великаго города, почти сопредѣльнаго съ ихъ отечествомъ, они поддерживали частыя сношенія съ духовной партіей Іерусалима и находились въ болѣе непосредственной духовной зависимости отъ синедріона, нежели болѣе отдаленныя еврейскія общины.

Итакъ Савль исходатайствовалъ у первосвященника грамоты, которыми онъ назначался въ качествѣ уполномоченнаго при начальникахъ синагоги, для поддержанія его въ борьбѣ, которую онъ имѣлъ въ виду предпринять въ пользу находившагося въ опасности іудейства. Весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы тщательно разыскивать послѣдователей Іисуса, разысканныхъ хватать и въ цѣпяхъ отправлять какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, такъ какъ послѣдніе принимали дѣятельное участіе въ распространеніи Евангелія, въ Іерусалимѣ, гдѣ торжественно должно было совершиться надъ ними правосудіе. Извѣстно, что іудейскія общины, при какомъ бы правленіи онѣ ни существовали, во владѣніяхъ римской имперіи или въ независимыхъ центрахъ, сохраняли привилегію вѣдать свои

религіозныя дѣла по своимъ обычаямъ и законамъ. Такимъ образомъ, первосвященникъ, или лучше, синедріонъ чрезъ его посредство, далъ Савлу требуемыя грамоты и молодой фанатикъ, запасшись чрезвычайными полномочіями, двинулся въ путь.

Пройдя Самарію и Галилею, онъ долженъ былъ направиться или на востокъ чрезъ мостъ дочерей Іакова, или на сѣверъ, причемъ путь его лежалъ на Кесарію Филиппову, у подошвы Ермона. Отъ Іерусалима до Дамаска считается до 200 верстъ, и это разстояніе можно было пройти болѣе чѣмъ въ недѣлю. Впрочемъ весьма вѣроятно, что Павелъ останавливался на своемъ пути, давая пищу своей ревности и во время путешествія. Онъ имѣлъ все время обдумать нечестивую задачу, которую взялъ на себя и преслѣдованіе которой вмѣнялъ себѣ въ славу, посреди самыхъ необычайныхъ мыслей, волновавшихъ его душу. Воспоминаніе объ умиравшемъ Стефанѣ, несокрушимое терпѣніе и вѣра новыхъ мучениковъ, имъ создаваемыхъ, позорная роль человѣка насилій и грубой силы предъ лицомъ представителей права и свободы, восторженное настроеніе и жизненность, проявляемая нарождающеюся церковію, въ сравненіи съ холодной казуистической неподвижнаго и окаменѣлаго фарисейства, слышанные имъ рассказы о жизни Іисуса, Его смерти, воскресеніи и прославленіи,—все это дѣйствительно ли занимало его душу и начинало смущать его фанатизмъ въ безмолвные часы, проведенные въ путешествіи? Нѣкоторые предполагаютъ это, но мы не находимъ никакихъ слѣдовъ этого въ повѣствованіи Дѣеписателя или самого Павла. Напротивъ, все здѣсь говоритъ намъ, что онъ до послѣдней минуты трепеталъ отъ ярости и былъ внезапно пораженъ сильнѣйшимъ ударомъ, котораго ничто человѣческое не подготовляло. Самъ Апостоль, съ такимъ вниманіемъ наблюдавшій за своимъ внутреннимъ міромъ и разъяснявшій его въ

разнообразныхъ проявленійхъ своей религіозной жизни, ни въ чемъ другомъ видить причину своего обращенія, какъ въ небесномъ явленіи, повергшемъ его на землю. Все совершилъ одинъ только Богъ, и Павелъ сталъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ послѣдствіи, единственно чрезъ непосредственное, чудесное и неотразимое дѣйствіе Христа Спасителя, какъ и самъ говоритъ: «Благодатию Божіею есмь еже есмь». Въ немъ, внезапно превратившемся въ агнца изъ волка хищника, Господь болѣе дивнымъ образомъ, нежели въ какомъ либо иномъ ученикѣ Евангелія, проявилъ это внезапное торжество благодати и неожиданное низложеніе злаго человѣка.

Маленькій караванъ подходилъ уже къ концу своего путешествія. Несмотря на то, что наступилъ полдень, караванъ не остановился. Обыкновенно, зной бываетъ невыносимъ въ хаосѣ базальтовыхъ камней, чрезъ которые нужно перебраться, прежде нежели достигнуть великаго оазиса, въ которомъ расположенъ Дамаскъ. Но желаніе поскорѣе прибыть дѣлало всякую остановку излишнею. Великій городъ, окруженный зеленѣющимъ поясомъ смоковницъ и апельсинныхъ и гранатныхъ деревьевъ, съ которыми живописно перепутывались виноградныя лозы уже показывалъ свои зубчатые стѣны, ворота съ башнями на верху и дворцы со сверкавшими куполами. Для того, кто выступалъ изъ бесплодной пустыни, Дамаскъ, по справедливому замѣчанію путешественниковъ, представлялъ собою какое-то райское видѣніе. То, что испытываетъ полководецъ въ виду мѣсть, гдѣ ему предстоитъ дать сраженіе, безъ сомнѣнія испытывалъ Савль въ эту минуту. Подъ этими жгучими лучами знойнаго солнца, іудей и фанатикъ проявился въ немъ во всей силѣ. Левъ уже предвкушалъ свою добычу. И въ эту-то самую минуту, Богу угодно было повергнуть его дѣйствіемъ непостижимаго Своего милосердія. Собственно говоря, какъ и про-

чіе фанатики, Савль думаль, что онъ поступаетъ хорошо. Онъ былъ прямодушень по своей природѣ и одушевлялся однимъ только стремленіемъ — посвятить свою жизнь на служеніе истинѣ. Къ несчастію, фарисейскія предубѣжденія мѣшали ему видѣть, гдѣ находится истина. Отсюда эта безошадная ненависть къ христіанамъ, въ которой онъ съ такою горечью до конца упрекалъ себя, какъ единственномъ пятнѣ, омрачившемъ его жизнь.

По всѣмъ видимостямъ, караванъ былъ пѣшій; іудеи рѣдко ѣдили верхомъ. Во всякомъ случаѣ, въ рассказѣ не упоминается ни о какой верховой ѣздѣ, и мы читаемъ, что Савла привели «за руку» въ Дамаскъ. Внезапно сильный свѣтъ осіялъ путниковъ; свѣтъ этотъ былъ ярче молніи, такъ какъ подъ столь чистымъ небомъ востока, онъ могъ затмить солнце, находившееся въ зенитѣ. Это было самое блистаніе славы небесной, въ которой пребываетъ Іисусъ. Всѣ пали на землю, въ трепетѣ и одѣпенѣніи. Въ ту же минуту Савль услышалъ голосъ: «Савль, Савль! что ты гонишь Меня?» Слова эти произнесены были на еврейскомъ нарѣчій, дабы быть болѣе удобопонятными и убѣдительными. Въ нихъ не было ничего громоноснаго и суроваго; напротивъ, въ нихъ звучала грустная нѣжность. Какое зло сдѣлалъ Іисусъ Павлу, чтобы заслужить его ненависть? Здѣсь повторилась въ нѣкоторой степени та кроткая жалость, съ которою обратился Спаситель къ нечестивому рабу: «За что ты бьешь Меня?» и къ Іудѣ: «Другъ! для чего ты пришелъ сюда? Лобзавіемъ ли предаешь Сына чловѣческаго?» Видъ Господа долженъ былъ, сквозь сіяніе Его величія, сохранять тотъ оттѣнокъ самоотверженной скорби, который придаетъ непреодолимую прелесть непризнанной любви, когда Онъ безъ горечи выражаетъ нѣжнѣйшій изъ упрековъ.

Савлъ никогда не видѣлъ Іисуса, и потому не узналъ Его. Тотъ, кто входилъ въ соприкосновеніе съ Господомъ и находился подъ обаяніемъ Его рѣчей или взоровъ, никогда не забывалъ Его. Марія Магдалина и Симонъ Петръ не спросили бы, кто говорить съ ними. Савлъ былъ въ оцѣпенѣніи. Между тѣмъ, этотъ голосъ и это видѣніе заключали въ себѣ нѣчто столь поразительное, что онъ не могъ не уразумѣть въ лицѣ Того, Кто говорилъ ему, — Самого Господа. «Кто Ты, Господи?» съ трепетомъ сказалъ Павелъ. И Спаситель, со властію, неотдѣлимою отъ царственной кротости на устахъ Его, говорить: «Я Іисусъ, Котораго ты гонишь». Итакъ, Тотъ, Кого Савлъ считаетъ врагомъ своимъ, не убѣгаетъ отъ него, но идетъ ему на встрѣчу. Іисусъ предъ Савломъ, истина предъ заблужденіемъ, сила предъ слабостію, любовь предъ ненавистію, благость предъ злобою, Сынъ Божій предъ посланцемъ синедріона, Царь неба предъ земнымъ возмутителемъ, — всѣ эти противоположенія всецѣло вмѣщаются въ словахъ, произнесенныхъ Іисусомъ. Но Савлъ счастливъ тѣмъ, что въ нихъ господствуетъ чувство безконечнаго милосердія. Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы сокрушить Савла дѣйствіемъ Своего всемогущества, Господь обращается къ нему съ самымъ дружественнымъ упрекомъ и съ самымъ милосерднымъ предложеніемъ мира. Господь не желаетъ даже оставить Савлу лишнюю минуту быть нечестивымъ и злымъ; ибо, благодатію Своею, Онъ возбуждаетъ въ душѣ его какбы цѣлую бурю угрызений, которая неизбежно должна вызвать въ немъ самое искреннее раскаяніе. Разъяренное существо тщетно будетъ упорствовать на дурной стезѣ, на которую оно выступило, — могущественная рука остановитъ его и поведетъ на другой путь. Къ чему послужило бы ему дальнѣйшее противленіе дѣйствію благодати и бодѣзненное истощеніе въ неравной и

святотатственной борьбѣ? Мудрость требуетъ уступить. «Трудно тебѣ идти противъ рожна».

Савль не сопротивляется болѣе, и посреди невыразимыхъ страданій, какія вѣдомы только пламеннымъ сердцамъ, осужденнымъ на внезапный поворотъ назадъ, чтобы тамъ искать идеалъ, который они думали найти въ противоположной сторонѣ, онъ признаетъ себя побѣжденнымъ. Тотъ, кто отправился въ путь для того, чтобы гнать Іисуса, не теряетъ ни минуты, чтобы отдаться Тому, Кто въ свою очередь преслѣдуетъ его Своею любовію, и онъ спрашиваетъ: «Господи! что повелишь мнѣ дѣлать?» Отдаваясь такимъ образомъ безусловно и будучи готовъ на все, что ему будетъ повелѣно, онъ тѣмъ самымъ возвѣщаетъ, что онъ дѣйствительно побѣжденъ и что онъ слуга и рабъ Того, Кто остановилъ его посреди его безумной ярости. И Господь присовокупляетъ: «Встань и иди въ градъ, и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать».

Спутники Савла слышали звукъ голоса одновременно съ небеснымъ явленіемъ, но не разобрали произнесенныхъ словъ и слѣдовательно не поняли неотложнаго требованія покориться, обращеннаго къ Савлу. Они видѣли свѣтъ, пролитый Іисусомъ, но Самого Іисуса не видѣли. Не въ первый разъ священныя книги указываютъ здѣсь, что Богъ сообразуетъ Свои откровенія, то съ внутреннимъ расположеніемъ тѣхъ, кто является свидѣтелемъ этихъ откровеній, то съ планами милосердія и правды, которыя Онъ имѣетъ по отношенію къ такимъ избранникамъ. Что касается Савла, то онъ никогда не могъ забыть ни этого сладостнаго видѣнія Іисуса Назарянина, ни небеснаго голоса, который внезапно преобразилъ его жизнь, ни неотразимой благодати, содѣлавшей его апостоломъ. Онъ повторялъ всѣмъ желавшимъ узнать подробности его обращенія, что вѣра его основывается на томъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ вѣруетъ въ воскресеніе, потому что ви-

дѣлъ Иисуса воскресшаго. Онъ видѣлъ Его не въ состояніи восхищенія, но тѣлесно, какъ видѣли Его Кифа, Іаковъ и прочіе Апостолы (1 Кор. 15, 8).

Если онъ вѣруеть въ свое предназначеніе въ средѣ язычниковъ и подтверждаетъ дѣйствительное и божественное свойство его, то потому, что онъ былъ призванъ къ сему изъ устъ Самого Иисуса Христа. Кто осмѣлится оспаривать принадлежащее ему титуло Апостола? Развѣ онъ не въ дѣйствительности и не собственными глазами видѣлъ Господа? (1 Кор. 9, 1). Варнава потому и представилъ его Апостоламъ въ Іерусалимѣ, что онъ былъ удостоенъ этого явленія, которое было послѣднимъ изъ всѣхъ явленій въ евангельской исторіи (Дѣян. 9, 27). На него опирался въ послѣдствіи Павелъ предъ іудеями (гл. 22) и предъ Агриппою, въ Кесаріи (гл. 26), полною опредѣленностію своихъ увѣреній въ обоихъ этихъ случаяхъ исключая всякое объясненіе, которымъ имѣлось въ виду отвергнуть чудо, и заранѣе обличая неосновательность толкованія, которое захотѣло бы смотрѣть на исторію этого явленія, какъ на басню. По убѣжденію Павла, его религіозная жизнь, апостольская дѣятельность и вліяніе въ Церкви получили свое начало именно здѣсь.

Когда Савль поднялся, повинувшись полученному имъ повелѣнію, то онъ былъ слѣпъ. Тщетно старался онъ открыть глаза, закрывшіеся при паденіи предъ этимъ великимъ явленіемъ: солнечный свѣтъ уже не проникалъ въ нихъ, какъ будто, узрѣвъ Царя славы, они уже отказывались теперь смотрѣть на то, что не было Имъ. Это было совершенно неожиданное и тревожное для его спутниковъ зрѣлище: Савль уже не устремлялся неудержимо впередъ, какъ было сейчасъ, когда они можетъ быть сами просили его пріостановиться, будучи не въ состояніи выносить солнечный зной; шатаясь и какъ будто пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ встаетъ, протяги-

ваетъ руки, ища дороги, и къ неопisanному смущенію своихъ спутниковъ объявляетъ, что онъ потерялъ зрѣніе.

Спутники должны были взять его за руку, чтобы проводить въ городъ. Онъ остановился у нѣкаго еврея, по имени Іуды, можетъ быть у одного изъ друзей ихъ; а скорѣе у содержателя какой нибудь гостинницы, посѣщавшейся евреями, приходившими въ Дамаскъ. Здѣсь-то, въ такъ называемой Прямой улицѣ¹⁾, пламенный фарисей, на котораго низошла теперь благодать Божія, въ невыразимомъ волненіи, забывъ всѣ требованія физической жизни, провелъ три дня безъ пищи и питья. Какія чувства наполняли его душу? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ, принявъ во вниманіе логическую силу этого могучаго ума, можно предположить, что онъ быстро охватилъ и намѣтилъ всю религіозную систему Евангелія, въ томъ видѣ, какъ онъ долженъ былъ въ послѣдствіи проповѣдывать ее язычникамъ. Онъ видѣлъ

---

¹⁾ Эта улица, подъ наименованіемъ Эс-Султани, существуетъ и нынѣ; но хотя и находится на мѣстѣ прежней, но ея нельзя назвать теперь Прямою. Зависитъ это конечно отъ того, что съ теченіемъ времени она постепенно суживалась, причемъ о сохраненіи ея прямого направленія никто не заботился. Судя по цоколямъ колоннъ, которыя и теперь находятся подъ почвой и напоминаютъ колоннаду Пальмиры, древняя улица должна была имѣть 30 метровъ въ ширину и 1800 въ длину. Входили въ нее двумя большими воротами, изъ коихъ одни шли съ востока, другіе съ запада. Восточные ворота, Баб-эль-Шарка, и до сихъ поръ лучшіе во всемъ городѣ. Они имѣли три арки, изъ которыхъ открыта только одна, сѣверная. Средняя въ закругленіи имѣетъ 7 метровъ въ ширину на 8 въ вышину подъ капителью. Другой входъ, Баб-эль-Джабія, съ западной стороны, имѣетъ также три отверстія, изъ которыхъ теперь существуетъ только одно. Вопреки принятому мнѣнію, я думаю, что Савлъ вошелъ въ Дамаскъ чрезъ ворота Джадія, а не Шарка, и думаю такъ потому, что это вполне естественно для тѣхъ, кто прибываетъ изъ Іерусалима.

и слышалъ Иисуса; слѣдовательно Иисусъ живъ, слѣдовательно Онъ воскресъ. Сіяніе славы, въ которомъ Онъ явился ему, служило несокрушимымъ тому доказательствомъ. Если же Онъ воскресъ, то дѣйствительно отъ Бога; ибо человѣкъ не можетъ воскресить самого себя, равнымъ образомъ обманщикъ не можетъ быть воскрешенъ Богомъ. Но въ такомъ случаѣ, ученіе Его Божественно. Спасеніе человѣка Крестомъ есть дѣйствительность и пріобрѣсть это спасеніе или усвоить его себѣ вѣрою должно составлять главный предметъ человѣческой жизни. Грѣхъ, оправданіе, благодать, — все это такіе вопросы, которые легко разрѣшить при свѣтѣ дивнаго видѣнія, которое только что совершило полное его преобразование.

Что душа его подвергалась тяжкому содроганію, при мысли о той отвѣтственности, которая лежала на ней за прошлое, это вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру того, кто, просвѣтивъ міръ свѣтомъ Евангелія, страшился впоследствии, что онъ не больше какъ жалкій отверженецъ. Въ продолженіи этихъ трехъ дней онъ пребывалъ въ молитвѣ, — вотъ что намъ извѣстно о немъ. Эта молитва, внушаемая ему попеременно раскаяніемъ, благодарностью, вѣрою и страхомъ, заканчивалась безъ сомнѣнія состояніемъ восхищенія. Въ то время, какъ колесницы везли людей, погруженныхъ въ суетныя заботы, или проходили караваны, покрытые пылью и едва двигаясь отъ изнеможенія; въ то время, какъ толпа толкалась подъ двойной колесницей, украшенной статуями и тянувшейся вдоль Прямой улицы; въ то время, какъ соотечественники его евреи, на шумныхъ базарахъ, продавали и покупали произведенія богатой промышленности Востока, — Савль прозиралъ небо и пламенѣлъ желаніемъ показать его землѣ. Отчего не дано намъ съ достовѣрностію знать то мѣсто, гдѣ Апостолъ, въ продолженіе трехъ дней, подготовилъ побѣду надъ міромъ? Послѣ Виллема, Назарета и Геесиманскаго

сада, можетъ быть, нѣтъ другаго болѣе досточтимаго для человѣчества мѣста¹⁾).

Когда Богъ позволилъ, чтобы новопріобрѣтенный воинъ Христовъ постепенно успокоился и вновь овладѣлъ самимъ собою, то Ему угодно было опредѣлять, что наступило время посвятить будущаго благовѣстника крещеніемъ. Иона провелъ три дня въ ужасѣ и отлученіи отъ людей, въ глубинѣ бездны; Сынъ Человѣческій пребывалъ три дня въ безмолвіи и униженіи гробницы; испытаніе или нравственная туга Павла длилась не болѣе. Въ Дамаскъ былъ одинъ ученикъ Евангелія, по имени Ананія. Будучи родомъ еврей, какъ показываетъ его имя²⁾, онъ былъ вѣрнымъ исполнителемъ закона, и всѣ соотечественники воздавали свидѣтельство его возвышенной добродѣтели (Дѣян. 22, 12). Но не видно, чтобы онъ занималъ оффиціальное положеніе въ церковной іерархіи, и такъ какъ священная исторія ничего не говоритъ намъ объ этомъ, то мы должны, вмѣстѣ съ св. Іоанномъ Златоустомъ, признать, что если Богу угодно было употребить для этого не Петра, Іоанна или другаго Апостола, этихъ столповъ новой религіи, а простаго, новорожденного въ вѣрѣ ученика Христова, дабы ввести въ лоно Церкви того, кто былъ въпослѣдствіи самымъ мужественнымъ борцомъ ея, то для того, чтобы лучше показать, что Павелъ получилъ свое назначеніе прямо отъ Самого Іисуса Христа и что, подобно двѣнадцати, онъ поистинѣ избранъ въ Апостолы Самимъ Господомъ и получилъ благую вѣсть не отъ человѣковъ, но отъ Бога.

¹⁾ На западной оконечности улицы Эс-Султани стоитъ маленькая невзрачная мечеть, которая, по преданію, обозначаетъ домъ Іуды. Она ниже настоящаго уровня улицы и религіозное назначеніе ея заставляетъ предполагать, что это былъ христіанскій храмъ, но захваченный мусульманами.

²⁾ Ананія—имя вполне израильское и часто упоминаемое въ Священной Исторіи (см. Іерем. 28, 1. Дан. 1, 6. Эздры 10, 28).

Между тѣмъ какъ Ананія находился въ домѣ своемъ, пребывая въ богомыслии,—душа въ особенности располагается принимать явленія высшаго міра, когда она ограждена отъ заботъ міра сего,—Господь сказалъ ему: Ананія!—Онъ отвѣчалъ: Я, Господи!—Въ эти благодатные дни, сердце всякаго ученика, подъ вліяніемъ Духа Святаго, жило въ непрерывномъ и близкомъ общеніи съ небомъ. Безъ напряженія слышалъ онъ голосъ свыше и съ простотою младенца давалъ отвѣты на него. «Встань и поди на улицу, такъ называемую Прямую, и спроси въ Іудиномъ домѣ Тарсянина, по имени Савла ¹⁾. Онъ теперь молится. И видѣлъ въ видѣніи мужа, именемъ Ананію, пришедшаго къ нему и возложившаго на него руку, чтобы онъ прозрѣлъ». Тотъ, Кто говорилъ теперь Ананію, говорилъ значить и Павлу и двоякимъ явленіемъ подготавлилъ встрѣчу этихъ двухъ человѣкъ, какъ въ послѣдствіи Онъ подготовилъ свиданіе Петра съ сотникомъ Корниліемъ. Ананія не могъ однако освободить себя отъ нѣкотораго чувства страха. Савлъ имѣлъ грозную репутацію между іудеями, ставшими на сторону Евангелія. Ученику показалось, что ему предстоитъ итти на явную смерть, хотя Спаситель никогда не говорилъ при жизни, что овца должна итти на встрѣчу разъяреннаго волка. «Господи! воскликнулъ онъ съ какой-то дѣтской простотой,—я слышалъ отъ многихъ объ этомъ человѣкѣ, сколько зла сдѣлалъ онъ святымъ Твоимъ ²⁾ въ Іерусалимѣ. Издѣсь онъ

¹⁾ Домъ Ананіи, по преданію, находится немного къ сѣверу Прямой улицы, около восточныхъ воротъ. На этомъ мѣстѣ стоятъ католическая часовня, на три метра ниже уровня почвы.

²⁾ Здѣсь въ первый разъ ученики Іисуса Христа названы святыми. До сихъ поръ они именовались учениками, вѣрующими, братьями. Новое наименованіе означаетъ, что христіане, вѣрою въ Спасителя и дѣйствіемъ благодати, которую они приняли въ оправданіе, отдѣлены отъ растлѣннаго міра и приобщены къ святости Іисуса, который покрываетъ ихъ Своею кровію (Рим. 1, 7; 1 Кор. 1, 2; Ефес. 1, 4).

имѣть отъ первосвященниковъ власть вязать всѣхъ, призывающихъ имя Твое». И Господь, желая однимъ словомъ успокоить ученика ¹⁾, присовокупилъ: «Иди, ибо онъ есть Мой избранный сосудъ, чтобы возвѣщать имя Мое предъ народами и царями и сынами Израилевыми. И Я покажу ему, сколько онъ долженъ пострадать за имя Мое». Такимъ образомъ, самый жестокий изъ гонителей долженъ содѣлаться наиболѣе самоотверженнымъ и наиболѣе пострадавшимъ изъ гонимыхъ. Ананія встрѣтитъ не льва исполненаго яростью, но агнца, который безъ сопротивленія пойдетъ на закланіе. Рука ученика, какъ бы ни была она робка, легко можетъ взять его и приготовить къ служенію Іисусу Христу.

Ученикъ тотчасъ же всталъ и пошелъ въ домъ, который указалъ ему Господь. Онъ нашелъ тамъ Савла съ сердцемъ сокрушеннымъ отъ раскаянія, тѣломъ изможденнымъ отъ пощенія и душою всецѣло предавшемуся молитвѣ. «Братъ Савлъ, сказалъ онъ съ выраженіемъ безпредѣльной любви,—Господь Іисусъ, явившійся тебѣ на пути, которымъ ты шелъ, послалъ меня, чтобы ты прозрѣлъ и исполнился Святаго Духа». Въ то же время челоуѣкъ Вожій вложилъ руки на пылающую голову новообращеннаго, который тотчасъ же почувствовалъ, что какъ будто чешуя отпала отъ его глазъ ²⁾. Смотря на своего благодѣтеля, онъ призналъ въ немъ того самого челоуѣка,

---

¹⁾ Моисей (Исх. 3, 11) и Іеремія (1, 6) также утрашились, когда Іегова призвалъ ихъ исполнить Свой предначертанія.

²⁾ То, что священныи дѣписатель сравниваетъ здѣсь съ чешуею, есть ничто иное, какъ кристаллизація гноя, застилающаго глаза при остроиъ воспаленіи (Сравн. Товит. 11, 13). Многіе предполагали, что Апостолъ носилъ всю свою жизнь остатки этого воспаленія. Этимъ между прочимъ объясняется, что онъ прибѣгалъ къ помощи писцовъ, когда ему пужно было составлять Посланія, самъ же писалъ очень рѣдко и то очень крупными буквами (Галат. 6, 11).

котораго небо указало ему, когда онъ былъ въ восхищенномъ состояніи. Болѣе чѣмъ когда либо онъ находился теперь въ средѣ сверхъчувственнаго міра. Въ душѣ его, разомъ и въ необычайныхъ размѣрахъ, возрастали вѣра, надежда и любовь. «Богъ отцовъ нашихъ, прибавилъ Ананія (Дѣян. 22, 14), предъизбралъ тебя, чтобы ты позналъ волю Его, увидѣлъ Праведника и услышалъ голосъ изъ устъ Его, потому что ты будешь Ему свидѣтелемъ предъ всѣми людьми о томъ, что ты видѣлъ и слышалъ». Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ говорилъ посланникъ Божій, будущее развернулось предъ очами Павла со всѣми его трудами, скорбями и славою. Подобно тому, какъ Богъ отмѣчалъ перстомъ Своимъ пророковъ, предназначенныхъ на служеніе Ему, Онъ отмѣтилъ теперь Своего избранника. И такъ какъ всепоглощающая ревность юнаго раввина требовала дѣятельности, то ему будетъ указано назначеніе, но не для низверженія Иисуса, какъ онъ мечталъ объ этомъ, а для того, чтобы проповѣдывать Его и устроить царство Его во всей вселенной; не для того, чтобы заглушить нарождающуюся Церковь, но дабы быть самымъ неустрашимымъ ея Апостоломъ и самымъ побѣдоноснымъ ея воиномъ.

Павелъ какъ будто падаетъ подъ возлагаемымъ на него достославнымъ бременемъ. Онъ остается распростертымъ и безмолвнымъ предъ божественными указаніями: «Итакъ, продолжалъ Ананія. въ голосѣ котораго постепенно слышится величіе посвящающаго,—что ты медлишь? Встань, крестись и омой грѣхи твои, призвавъ имя Господа Иисуса». Новообращенный не могъ противостоять столь торжественному призыву. Дамаскъ, орошенный святыми водами рѣки Варады, ни теперь ни прежде, не имѣлъ ни одного сколько нибудь значительнаго дома безъ этихъ прелестныхъ водоемовъ, гдѣ, посреди внутренняго двора, въ тѣни апельсиновыхъ и миртовыхъ деревьевъ,

подъ расцвѣтшими розанами и жасминами, житель Востока не находилъ бы въ частыхъ омовеніяхъ убѣжища отъ лучей палящаго солнца. Павелъ всталъ и крестился. Это таинство крещенія, которое онъ сравнивалъ въ послѣдствіи съ гробницею, въ которую погребается ветхій človѣкъ вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ, чтобы выйти изъ нея новымъ человѣкомъ, было внѣшнимъ знаменіемъ, запечатлѣвшимъ его обращеніе. Сподобившись крещенія, онъ согласился принять нѣсколько пищи. Великій дѣятель Евангелія среди народовъ отнынѣ становится подъ хоругвь Назарянина и Онъ не замедлитъ доказать, какой мужественный воинъ Христовъ пріобрѣтенъ въ лицѣ его.

Въ продолженіи немногихъ дней, проведенныхъ имъ въ Дамаскѣ въ усвоеніи ученія и нравовъ христіанской жизни, онъ неоднократно воздавалъ славу Тому, Кто столь милосердно побѣдилъ его. Если онъ являлся въ синагоги, то для того лишь, чтобы со всѣмъ пыломъ новообращеннаго возвѣщать, что Іисусъ есть Сынъ Божій ¹⁾ и Мессія израилевъ. Онъ не старался доказывать эту истину, — но свидѣтельствовалъ о внутреннемъ впечатлѣніи своего духа, какъ прямомъ послѣдствіи того, что онъ видѣлъ и испыталъ. Тѣмъ не менѣе, это свидѣтельство въ устахъ его не могло не казаться въ высшей степени удивительнымъ. Всякій зналъ его прошлое и какъ совершившееся надъ нимъ чудо никому не было извѣстнымъ, то жители города не могли не приходить въ изумленіе въ виду столь внезапной перемѣны. «Не тотъ ли это самый, говорили они другъ другу, который такъ безжалостно преслѣдовалъ въ Іерусалимѣ тѣхъ, кто призывалъ имя, которое онъ теперь прославляетъ? Не для того ли онъ пришелъ и сюда,

¹⁾ Такимъ образомъ исповѣданіе вѣры Савла было однородно съ исповѣданіями Наанана (Іоан. 1. 49) и Петра (Мате. 16, 16).

чтобы захватывать тѣхъ изъ нихъ, кого онъ найдетъ здѣсь, и влечь въ оковахъ къ князьямъ священниковъ»? Но Савлъ не приходилъ въ волненіе отъ справедливыхъ предубѣжденій, которыя встрѣчалъ у всѣхъ противъ себя. Онъ тѣмъ съ большою силою воздавалъ свое свидѣтельство и выраженіемъ своей вѣры приводилъ въ замѣшательство дамасскихъ іудеевъ, которые были раздражены тѣмъ, что находятъ въ немъ уже не гонителя, а пособника нарождающейся Церкви.

Но недостаточно было для этой богатой и могучей натуры быть только свидѣтелемъ; ему подобало вмѣстѣ съ тѣмъ быть Апостоломъ и борцомъ. Пылкостью онъ обладалъ въ достаточной мѣрѣ, но ему нужно еще было приобрѣсти знаніе. Шумъ, окружавшій его, равно, можетъ быть, какъ и сознаніе своей неподготовленности, внушили ему мысль удалиться на нѣкоторое время въ уединеніе. Онъ пошелъ въ пустыню, чтобы отдохнуть здѣсь душой отъ жгучихъ волненій, сокрушавшихъ ее, и, въ лучахъ восхищеннаго состоянія, укрѣпить свой умъ въ сокровищницѣ познанія, открытой Учителемъ, Котораго отнынѣ онъ избралъ для себя ¹⁾.

---

¹⁾ Память кажется, что сюда удобнѣе вставить, въ очень сжатомъ разсказѣ евангелиста Луки, удаленіе въ Аравію, о которомъ говоритъ самъ Павелъ (см. слѣдующую главу). Допустивъ, такимъ образомъ, не первую проповѣдь, но простое предварительное свидѣтельство Савла въ синагогахъ дамасскихъ, легко понять выраженіе: «нѣсколько дней» (Дѣян. 9, 19), которые Павелъ провелъ сначала въ Дамаскѣ съ учениками, и разсужденія лицъ, которые ждали его какъ гонителя, тогда какъ онъ явился въ качествѣ новообращеннаго или прозелита. Вставка можетъ быть сдѣлана или передъ стихомъ 22-мъ, или въ стихѣ 23-мъ, гдѣ сказано: «когда же прошло довольно времени». И это тѣмъ болѣе, что послѣднее выраженіе, обыкновенно указываетъ на довольно продолжительное пространство времени. Сходное съ этимъ выраженіе въ 3-й книгѣ Царства (2, 38) на еврейскомъ языкѣ равняется, какъ здѣсь, тремъ годамъ.

ГЛАВА VII.

Савль удаляется въ Аравію.

Въ посланіи къ Галатамъ (1, 15—17), Апостоль Павелъ пишетъ, что будучи призванъ благодатію Божіею узрѣть очами души Сына Божія и благовѣствовать Его язычникамъ, онъ не сталъ тогда же совѣтоваться съ кровію и плотію, т. е. съ какимъ либо человѣкомъ, родственникомъ, другомъ, учителемъ или ученикомъ Евангелія, ни даже съ апостолами, которые ранѣе его были избраны и поставлены. вмѣсто того, чтобы пойти къ нимъ въ Іерусалимъ, чтобы поучиться и просить ихъ о посвященіи его въ званіе апостольское, онъ удалился въ Аравію и оттуда возвратился въ Дамаскъ. Только спустя три года послѣ своего обращенія, ходилъ онъ въ Іерусалимъ видѣться съ Петромъ и показать ему, что онъ былъ наученъ не имъ, а Самимъ Іисусомъ Христомъ. На этомъ основаніи возможно предположить, что время удаленія Савла въ одно изъ пустынныхъ мѣстъ Аравіи и было тѣмъ временемъ, когда онъ былъ наученъ и подготовленъ къ званію Апостола Господомъ. Притомъ, нельзя не признать вполне естественнымъ, что послѣ крещенія душа его чувствовала неизмѣримую потребность въ уединеніи и сосредоточеніи въ самомъ себѣ. Великіе переломы въ нравственной жизни человѣка, послѣ вызываемаго ими сильнаго потрясенія, требуютъ времени, отдыха, безмолвія, уединенія, когда потрясенное существо постепенно собирается съ новыми силами и стремленіями. Чѣмъ могущественнѣе и возвы-

шеннѣе природа человѣка, тѣмъ болѣе она нуждается въ такой передышкѣ, чтобы снова стать на дорогу и искать своего идеала въ пунктѣ, противоположномъ тому, въ которомъ она ранѣе его поставляла. Что человѣкъ поверхностный и чуждый убѣжденій тотчасъ же сожигаетъ то, чему онъ только что поклонялся и наоборотъ, — такое явленіе заурядно. Но человѣкъ серьезный, котораго коснулась благодать, останавливается, перестаетъ творить зло, но нуждается въ сосредоточенности, чтобы знать, какимъ образомъ онъ будетъ творить добро. Онъ долженъ обдумать свои новыя убѣжденія, уравновѣсить свои силы для новой цѣли и начать новый образъ жизни. А все это требуетъ размышленія, при которомъ душа взымаетъ свои способности, безмолвія, посреди котораго слышатся небесные голоса, и смиреннаго самоуничиженія, въ которомъ необходима помощь Божія. Мойсей, Ілія и Самъ Господь въ уединеніи подготавливали себя къ своему великому предназначенію. Савлъ послѣдовалъ ихъ примѣру.

Итакъ слѣдуетъ предположить, что удаленіе въ Аравию было какъ бы послушничествомъ будущаго Апостола. Въ школѣ божественнаго Учителя, при непрерывномъ вѣдѣннѣ Святаго Духа, онъ научился не только добродѣтелямъ христіанскимъ, но и знаніямъ, которыя должны были образовать изъ него великаго богослова новой религіи. Въ ту минуту, когда благодать Божія осіяла его, онъ очевидно не имѣлъ объ Іисусѣ и Евангеліи никакихъ свѣдѣній, кромѣ гнусныхъ клеветъ, обращавшихся въ средѣ его единовѣрцевъ. Живѣйшимъ желаніемъ его было безъ сомнѣнія узнать всю истину, которую онъ провидѣлъ въ ея возвышенной общности, но которой частности общали его сердцу, уже преисполненному Христомъ, самыя сладостныя утѣшенія. Въ нѣсколько дней или въ нѣсколько часовъ, Ананія и другіе дамаськіе ученики могли сообщить ему лишь краткія свѣдѣнія. Самъ онъ не могъ быть

увѣренъ, что онъ непосредственно будетъ просвѣщенъ божественными откровеніями. Поэтому онъ старался прибѣгнуть къ помощи человѣческихъ средствъ, которыя могли удовлетворить его благочестивой любознательности и содѣйствовать его потребности вполне знать Іисуса. Очень вѣроятно, что уже въ это время существовали въ видѣ летучихъ листовъ письменныя изложенія, въ которыхъ вѣрующіе ученики заносили повѣствованія устнаго Евангелія. Тотъ, кто желалъ проповѣдывать Христа, но не слышалъ Его во время земной Его жизни, такимъ образомъ записывалъ что рассказывали Апостолы въ христіанскихъ собраніяхъ, или скопировывалъ то что записано было другими. Довольно естественно предположить, что Савлъ, удаляясь въ пустыню, ваялъ съ собою тѣ документальныя данныя, которыя дамаскіе ученики сохраняли объ общественномъ служеніи Іисуса. Онъ несомнѣнно желалъ знать объ Іисусѣ все, что знали о Немъ въ христіанской общинѣ, и духовный Христосъ сталъ тѣмъ живѣе въ душѣ его, чѣмъ ближе онъ могъ узнать, при помощи достовѣрныхъ рассказовъ, Христа историческаго. Правда, въ своихъ посланіяхъ онъ не приводитъ словъ Господа и не упоминаетъ о Его дѣяніяхъ; но Петръ, Іоаннъ, Іаковъ, Іуда, поступаютъ такимъ же образомъ, а между тѣмъ они хорошо знали, что Господь дѣлалъ и говорилъ. Дѣло въ томъ, что люди этого времени были до того преисполнены Іисусомъ, жившимъ въ сердцахъ ихъ, что они и не думали воспроизводить слова Того, для Кого они служили постоянными и вѣрными свидѣтелями.

И Павелъ во всѣхъ подробностяхъ зналъ жизнь Іисуса. Всякій разъ, когда онъ считаетъ это необходимымъ, онъ постоянно показываетъ, что для него нѣтъ ничего въ ней неизвѣстнаго. Если любовь Апостола къ тайнѣ Креста приводитъ его къ разъясненію этого кроваваго и спасительнаго жертвоприношенія, то онъ съ точностью указы-

васть, что Господь былъ осужденъ начальниками народа, преданъ ночью и подвергнутъ тяжкимъ страданіямъ, что члены Его были прободены гвоздями, что Онъ умеръ во время пасхальныхъ празднествъ и воскресъ въ третій день (1 Кор. 2, 8; 15, 1—9; 16, 2; 5, 7; 2 Кор. 13, 4; Рим. 15, 3—6; Кол. 2, 14 и др.). Если говорить о безбрачїи, то прямо говорить, что Господь училъ объ этомъ, и отдѣляетъ наставленія Господа отъ своихъ собственныхъ совѣтовъ (1 Кор. 7, 10 и пр.). Если хочетъ опредѣлить права благовѣстниковъ Евангелїя, то выше закона естественнаго и Моисеева ставить повелѣніе Иисуса (1 Кор. 9, 14). Но поразительная точность, съ какою онъ усвоилъ себѣ устные или письменныя повѣствованія Евангелїя, въ особенности видна изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ, въ которомъ онъ излагаетъ событіе учрежденія таинства Св. Евхаристїи. Будучи сходенъ съ соотвѣствующими мѣстами въ Евангелїяхъ Маттея и Марка, рассказъ Павла совершенно тождественъ съ повѣствованіемъ евангелиста Луки. Павелъ, точно также какъ и первые три евангелиста, зналъ устное Евангеліе. Да и какъ могли бы понимать его проповѣдь язычники, которымъ онъ благовѣствовалъ Христа, если бы эта проповѣдь оставалась чисто богословскою, какъ написанныя имъ посланія? Прежде всего нужно было рассказать самую жизнь Иисуса слушателямъ, чуждымъ благой вѣсти, и лишь напитавъ ихъ этимъ млекоу ученія, съ пользою можно было преподать имъ болѣе твердую пищу. Для того же, чтобы рассказать другимъ, нужно знать самому.

Однимъ изъ пунктовъ, который наиболѣе долженъ былъ занимать Савла, какъ сына синагоги, было безъ сомнѣнія отношеніе Вѣтнаго Завѣта къ Новому. Въ глубинѣ души своей, онъ былъ іудей. Отвергнуть откровеніе, преподаваемое Моисеемъ, потому что въ немъ самомъ обитало Откровеніе Иисуса Христа, должно было представляться ему со-

вершенно невозможнымъ. Богу угодно было тотчасъ же показать ему, какимъ образомъ прошлое находилось въ согласіи съ настоящимъ, причемъ первое было прообразомъ и обитованіемъ, а второе дѣйствительностью и исполненіемъ, и какимъ образомъ Иисусъ, Царь будущаго вѣка, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ пророчественныхъ прообразованіяхъ, и Царемъ вѣковъ минувшихъ. А отсюда какое лучезарное сіяніе въ умѣ Савла! При свѣтѣ Новаго Завета онъ изслѣдуетъ Ветхій Заветъ, и знаніе, пріобрѣтенное имъ въ школѣ Гамаліила, послужило ему впослѣдствіи къ тому, чтобы воздать должное Иисусу Христу. Его богословіе было плодомъ сопоставленія, которое умъ и вѣра его сдѣлали между Евангеліемъ и закономъ Моисея. Христіане вѣрують, что въ теченіи сорока дней, проведенныхъ въ пустынѣ, Иисусъ подготовлялся къ Своему общественному служенію; не тѣмъ ли съ большимъ основаніемъ должно придать величайшую важность приготовленію Павла въ Аравіи къ апостольскому служенію? Здѣсь въ особенности Господь воссоздалъ сердце и умъ новаго ученика и украсилъ избранный сосудъ, предуготованный для язычниковъ. Когда душа, въ глубинѣ безмолвной пустыни, возносится на крыльяхъ вѣры и любви въ ту превыспреннюю область, за предѣлами которой начинается божественный міръ, то Богъ позволяетъ ей провидѣть кругозоръ безконечности и слышать языкъ Откровенія, изъясняющій божественныя тайны. Исторія Церкви рассказываетъ о чудесномъ превращеніи нѣсколькихъ святыхъ въ безмолвіи пустынь, но какъ все это было далеко отъ того, что Богъ предуготовилъ для дивнаго мужа, который долженъ былъ содѣлаться самымъ мужественнымъ борцомъ Евангелія предъ лицомъ языческаго міра!

Въ какомъ мѣстѣ Аравіи Савлъ искалъ для себя убѣжища? Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Многіе предполагаютъ, что, будучи сыномъ Закона, онъ удалился для

самоутлубленія къ подножію тѣхъ самыхъ синайскихъ утесовъ, на которыхъ провозглашенъ былъ Законъ, какъ бы желая, прежде нежели порвать съ нимъ всѣ связи, узрѣть самое поприще ветхозавѣтнаго откровенія и получить новыя повелѣнія отъ Бога для людей въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Богъ вѣщалъ нѣкогда Израилю сквозь молніи и громы. Не въ сихъ ли пещерахъ Хорива укрывался для богомыслія величайшій изъ пророковъ, Исаія, убѣгая отъ гнѣва Іезавели? (3 Цар. 19, 8). Эти древнія воспоминанія хранили въ себѣ нѣчто увлекательное для новаго ученика Евангелія. Посему, можно признать естественнымъ, что Савлъ, направляясь въ пустыню и убѣгая отъ общества людей, дабы скрыть волненія своего сердца, остановился у подножія тѣхъ священныхъ вершинъ, гдѣ все говорило о Богѣ, Его всемогуществѣ и милосердіи предъ человѣческою слабостію. Ничто не могло могущественнѣе воздѣйствовать на благочестивый восторгъ души, какъ безмолвное величіе этихъ мрачныхъ ущелій и стремнинъ. Здѣсь, за много вѣковъ до того времени, какъ христіанство воздвигло свои монастыри и одинокіе скиты, рука человѣческая ископала глубокія убѣжища въ гранитныхъ и гнейстовыхъ утесахъ, видѣвшихъ у своихъ подножій шествіе Моисея, Аарона и народа израильскаго. Великіе служители Божіи любили укрываться здѣсь¹⁾. Сколько мыслей созрѣло здѣсь, сколько вознеслось моленій къ Богу, сколько пролилось слезъ! Чѣмъ болѣе мы станемъ думать объ этомъ, тѣмъ менѣе покажется намъ удивительнымъ, что одна изъ этихъ пещеръ послужила Павлу мѣстомъ уединенія, гдѣ посреди молитвъ, покаянія и любви, онъ принялъ Евангеліе царствія Божія и повелѣніе благовѣствовать его всему человѣчеству. Эта смѣна яркаго свѣта и мрачной темноты, посреди высо-

---

¹⁾ Въ одной изъ такихъ именно пещеръ укрывся пророкъ Ілія (3 Цар. 19, 9).

кихъ скалъ, отвѣсно ниспадающими въ глубокія пропасти; эти тучи, внезапно смѣняющія лучезарное сіяніе чистѣйшаго неба, на красноватыхъ гребняхъ Джебель-Мусы, Деира и Сербала, гдѣ иногда какъ будто еще искрится отпечатокъ стопъ Іеговы, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ души, то восхищенной къ престолу любви Божіей, то повергнутой въ глубину скорби предъ своимъ недостойнствомъ. Въ свѣтѣ немного найдется мѣстоположеній, которыя производили бы на душу болѣе сильное впечатлѣніе. Сердце человѣческое проникается здѣсь священнымъ трепетомъ. Рѣдко безмолвіе этой дикой природы нарушается однообразнымъ пѣніемъ паломника и трескомъ покрывающихъ путь хрящей, по которымъ ступаетъ нога верблюда и которыхъ разнообразныя цвѣта напоминаютъ причудливыя восточныя ковры. Шествовавшій здѣсь Іегова оставилъ слѣды не только Своего грома на этихъ облаженныхъ вершинахъ, но въ особенности Своего безмолвнаго величія.

Въ предположеніи, что Павелъ удалился къ подошвѣ Синая, можетъ показаться страннымъ, что, возвращаясь изъ своего убѣжища, онъ пошелъ прямо въ Дамаскъ и уже оттуда вернулся въ Іерусалимъ, который онъ обошелъ на своемъ возвратномъ пути. Но кто знаетъ, небыла ли такова воля Божія, чтобы онъ началъ свое апостольское служеніе въ самомъ Дамаскѣ, и не сказалъ ли ему Господь, какъ нѣкогда Іили: «Иди, возвратись на путь твой чрезъ пустыню въ Дамаскъ» (3 Цар. 19, 15)? И этотъ путь чрезъ пустыню не былъ ли самымъ прямымъ и наиболѣе посѣщаемымъ, для того, чтобы достигнуть Сиріи? И не представлялось ли нѣсколько неудобнымъ прійти прямо въ Іерусалимъ, не испытавъ своихъ силъ въ другомъ мѣстѣ?

Если же мѣсто его уединенія слѣдуетъ искать не на югѣ Палестины, а на сѣверѣ или на востокъ отъ Дамаска, то можно предположить, что новообращенный направился въ

тѣ грустно пустынные мѣста, которыя, будучи расположены ниже Пальмиры и по ту сторону Гаурана, тянутся до Евфрата, не имѣя ни оазисовъ, ни убѣжищъ, ни воспоминаній, ни жизни, и оставляя въ душѣ впечатлѣніе полного одиночества, дабы тѣмъ лучше раскрыть ее для дѣйствія благодати.

Какъ бы то ни было, но для Савла пустыня съ Иисусомъ не была пустынею, и находясь наединѣ съ Тѣмъ, Кого онъ возлюбилъ, онъ быстро осуществилъ въ себѣ то коренное преобразование своего существа, которое позволяло ему говорить: «И уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ».

ГЛАВА VIII.

Проповѣдь Савла въ Дамаскъ и Іерусалимѣ.

Изъ своего пребыванія въ Аравіи, которое продолжалось повидимому около трехъ лѣтъ, съ конца 37-го до осени 40-хъ годовъ, Савлъ возвратился съ сердцемъ, преисполненнымъ Божества и полученныхъ отъ Бога откровеній. Откровенія эти составляли его Евангеліе, т. е. воззрѣнія Апостола на религію и въ частности на допущеніе язычниковъ въ Церковь.

Для другихъ апостоловъ, міръ долженъ былъ сдѣлаться сначала іудейскимъ и потомъ уже христіанскимъ. Спасеніе предуготовано было только для сыновъ Авраама и для обрѣзанныхъ. Савлу Іисусъ открылъ, что нѣтъ пользы вводить міръ языческій въ синагогу, чтобы привести его въ Церковь, или преподавать ему обрѣзаніе, чтобы расположить его къ крещенію (Гал. 1, 16; Дѣян. 9, 16; 22, 21; 26, 18. 19). Искупитель пришелъ спасти не сыновъ Авраама, но сыновъ Адама, и даруетъ спасеніе не чрезъ законъ Моисеевъ, но чрезъ крестъ,—такъ что, если законъ былъ нуженъ, чтобы привести къ Іисусу Христу, то послѣ Христа онъ становится ненужнымъ и можно получить спасеніе безъ него. Вотъ почему, согласно съ благоговѣніемъ Павла, не законъ должно проповѣдовать, но благодать, которая исходитъ отъ Бога Отца, въ предвѣчномъ совѣтѣ указавшаго Своихъ избранныхъ; олицетворяется въ Сынѣ, родившемся отъ жены для искупленія виновныхъ и пригвоздившемъ ко кресту постыдный завѣтъ на-

шого рабства, разодранный Имъ въ знакъ нашего освобожденія, и проникая всего человѣка, возводитъ его, дѣйствіемъ вѣры и совершеннѣйшей любви, къ жизни Самого Іисуса Христа, дабы содѣлать его сонаслѣдникомъ славы Его.

Все это составляло дивную гармонію и было способно возбудить восторгъ въ душѣ новаго благовѣстника. Посему онъ долженъ былъ направиться въ Дамаскъ, сгарая такимъ же нетерпѣніемъ принести сюда истину и спасеніе, какимъ онъ былъ преисполненъ нѣкогда, дабы посягать здѣсь гоненіе и насиліе. Сердце его было переполнено потребностію возвѣстить Іисуса. Безмолвіе пустыни могло только усилить пламенное желаніе Апостола проповѣдывать во имя благодаренія и истины. Посему онъ снова явился въ дамаскскихъ синагогахъ, но на этотъ разъ въ продолженіе долгаго времени наученный Богомъ, достигшій зрѣлости размышленіемъ и сильный полнотою обладанія свѣтомъ и любовію. Онъ не довольствовался простымъ проповѣданіемъ, но разилъ своихъ противниковъ и старался убѣдить ихъ. Сущность его проповѣди была та-же, что и въ первые дни по его обращеніи, но развитіе ея полнѣе и разнообразнѣе: «Іисусъ есть Христосъ!» говорилъ онъ, и борьба сосредоточивалась около этой истины. Такъ какъ личное чувство его по отношенію къ этой истинѣ въ существѣ было неоспоримо только для него самого, то, не ограничиваясь одними восторженными изъясненіями, онъ обращался къ доказательствамъ, извлекаемымъ изъ Священнаго Писанія, и попеременно показывалъ, что законъ былъ установленъ единственно для того, чтобы привести къ Іисусу Христу, что ветхозавѣтное домостроительство всецѣло было подготовленіемъ къ Нему, пророки изъ вѣка въ вѣкъ возвѣщали Его и послѣднія событія, совершившіяся въ Іерусалимѣ самымъ непререкаемымъ образомъ доказали, что Онъ пришелъ. Человѣкъ обладаетъ

способностію противиться истинѣ и нерѣдко приходитъ ему искушеніе, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, на самое лучшее изъ доказательствъ отвѣчать наихудшимъ изъ способовъ, насиліемъ. Павелъ зналъ это, потому что нѣкогда самъ прибѣгалъ къ этому средству по отношенію къ христіанамъ іерусалимскимъ. Дамасскіе іудеи умыслили схватить его и предать смерти. Такъ какъ на сторонѣ ихъ была численность и богатство, то они обратились къ правителю города, намѣстнику царя аравійскаго Ареты, и послѣдній охотно согласился исполнить ихъ желаніе. Онъ поставилъ стражу у воротъ, чтобы схватить Савла, если онъ будетъ проходить днемъ или ночью. Въ то-же время, всяческими хитростями іудеи старались узнать, гдѣ онъ скрывается, и вовлечь его въ какую-нибудь западню. Но вѣрность маленькой дамаской общины побѣдоносно оберегала его ото всѣхъ. Когда христіане увидѣли, что за нимъ слѣдуютъ по пятамъ и что онъ подвергается опасности быть схваченнымъ, то они придумали спустить его въ корзинѣ по крѣпостной стѣнѣ¹⁾, чрезъ окно дома господствовавшего надъ стѣною, или продѣланное въ самой стѣнѣ²⁾. Въ Дамаскѣ и теперь еще существуютъ отверстія, которыя могли служить для подобнаго рода бѣгства³⁾. Этимъ спасеніемъ отъ вражьихъ рукъ долженъ

¹⁾ Въ Ветхомъ Завѣтѣ не разъ упоминается о такомъ способѣ бѣгства.

²⁾ Блудница Раавъ спасла еврейскихъ соглядатаевъ въ Іерихонѣ, спустивъ ихъ по веревкѣ чрезъ окно, выходившее на городскую стѣну (Ис. Нав. 2, 15). Мелхола спасла мужа своего Давида отъ ярости отца своего Саула, спустивъ его также изъ окна (1 Цар. 19, 12).

³⁾ Лѣтъ 50 тому назадъ, въ старой южной дамаской стѣнѣ, около Баб-кизанскихъ воротъ, указывали (неизвѣстно впрочемъ, насколько основательно) отверстіе, по которому Павелъ былъ будто-бы спущенъ на землю. Фанатизмъ одного мусульманина разрушилъ его. Неподалеку отсюда, находится небольшая часовня, окруженная рѣшеткой и устроенная въ память воина Георгія, который тайно присоединившись

былъ начаться тотъ рядъ гоненій, который отнынѣ сдѣлался жизнію Павла и который онъ съ такимъ краснорѣчіемъ описываетъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (11, 23—27).

Будучи одинъ посреди глубокой ночи, въ двухъ шагахъ отъ враговъ своихъ, и увѣренный въ неизбежности гибели, если онъ будетъ открытъ и схваченъ, Савль началъ чувствовать, что апостольство есть дѣло не одного только энтузіазма, но въ особенности терпѣнія и мужества, есть истинное мученичество, начало которому положилъ первый подвигоположникъ Евангелія, Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Преданіе и до сихъ поръ еще показываетъ неподалеку отъ христіанскаго кладбища, около старой римской дороги, древнюю глыбу известняка, въ которой выдолблено углубленіе, со сводомъ вверху, гдѣ Савль укрылся прежде всего, тотчасъ же послѣ своего бѣгства. Это остатокъ древней церкви, съ которымъ соединяется память о какомъ-либо важномъ событіи. Павлу не было времени долго раздумывать, чтобы тотчасъ же отправиться въ Іерусалимъ. Тамъ было средоточіе перваго, установленнаго Самимъ Христомъ апостольства, и тамъ же Павелъ долженъ былъ искать посвященія въ свое чрезвычайное апостольство. Чтобы совершить дѣло полезное и негибнущее, онъ считалъ необходимымъ видѣться съ Петромъ и бесѣдовать съ нимъ. Посему онъ отправился въ св. городъ, не останавливаясь для проповѣди въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ проходилъ (Гал. 1, 22). Намѣреніе его было не предпринимать ничего, не войдя въ предварительное соглашеніе съ сонмомъ апостоловъ.

къ новой религіи, во время ночнаго караула у южныхъ воротъ, содѣйствовалъ будто бы бѣгству Савла. Его чествуютъ какъ святаго предполагая, что онъ заплатилъ жизнію за услугу, оказанную имъ дѣлу Іисуса Христа. Предъ гробницею святаго горятъ многочисленныя лампы.

Какое волненіе должно было наполнять его душу, когда онъ слѣдовалъ вновь по тому самому пути, по которому проходилъ за три года предъ тѣмъ, но совершенно съ иными цѣлями! Мѣсто, гдѣ Іисусъ повергъ его на землю и, возродивъ къ новой жизни, показалъ ему одинъ только лучъ Своей славы, этотъ Синай Новаго Завѣта для него, лежалъ на его пути. Съ какимъ сердечнымъ изліаніемъ онъ вѣроятно молился здѣсь и благодарилъ Бога! Мысли ненависти, фанатическія угрозы, проклятія, которыя онъ изрыгалъ до сихъ поръ, какимъ раскаяніемъ и слезами онъ долженъ былъ искупить все это! Потомъ, когда онъ приблизился къ Іерусалиму, какія сопоставленія между храмомъ и Голгозою должны были возникнуть въ душѣ его! Тамъ, на вѣвѣ, громадное и величественное зданіе, жертвы отнынѣ излишнія, ниспавшее священноначаліе, прообразы потерявшіе всякое значеніе,— а ближе, направо, на скалѣ Голгозы, невидимый для взоровъ іудейства, но грозный и достославный, окровавленный и спасительный, единый живущій и высящійся для всѣхъ грядущихъ вѣковъ, лучезарный и достопоклоняемый для его вѣрующей души, Крестъ Господа Іисуса Христа; древній Сіонъ исчезающій во мракѣ, и новый возстающій посреди свѣта, и онъ, благодатію Распятаго, покинувшій первый и ставшій борцомъ послѣдняго! Какъ это чудесное видѣніе должно было восхитить его! Проходя ватѣмъ близъ поля, на которомъ Стефанъ былъ побитъ камнями ¹⁾, Савлъ вѣроятно съ благоговѣйнымъ чувствомъ вспомнилъ о первомученикѣ, смерти котораго онъ такъ желалъ, а когда окинулъ взоромъ мѣсто, гдѣ нѣкогда разжигалъ фанатизмъ убійцъ и гдѣ палъ мужественный воинъ Христовъ, то ему безъ сомнѣнія еще

---

¹⁾ Мѣсто это находится близъ дороги, по которой Павелъ прибылъ въ Іерусалимъ.

разъ слышалась глубоко трогательная молитва мученика за своихъ убійцъ, бывшая, можетъ быть, первымъ толчкомъ его духовнаго перерожденія. Съ какимъ вліяніемъ сердца онъ долженъ былъ облобызывать землю, изъ которой еще вопіяла кровь праведника! Изъ нея выходило слово мира и прощенія, и когда онъ всталъ, подавленный сожалѣніями и священнымъ волненіемъ, то, положа руку на сердце, онъ могъ воскликнуть: «Я убилъ его, но я чувствую, что здѣсь скрывается нѣчто, чѣмъ можно его оживить!»

Въ самомъ дѣлѣ Савль вступилъ въ Іерусалимъ, готовый вынести все и на все рѣшиться для славы Іисуса Христа. Положеніе его, въ самомъ себѣ, было неопредѣленнымъ. Преніе друзей его не могли оставаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, онъ не удовлетворилъ ихъ расчетамъ. Что же касается до христіанъ, то повѣрять ли они на первый разъ искренности его обращенія и откроютъ ли безъ недовѣрія объятія свои тому, кто былъ жесточайшимъ ихъ противникомъ? Священный дѣеписатель не говоритъ, у кого онъ встрѣтилъ гостепріимство во Святомъ Градѣ,—можетъ быть у сестры, которая, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, поселилась въ Іерусалимѣ, но во всякомъ случаѣ не у членовъ синаedrіона, которые послали его, какъ жесточайшаго гонителя, въ Дамаскъ, и которымъ онъ долженъ былъ теперь, въ видѣ результата возложеннаго на него порученія, принести извѣстіе, что онъ самъ сдѣлался христіаниномъ.

Какъ бы то ни было, но уже съ первыхъ дней было видно, что Павелъ теперь не прежній человѣкъ. Онъ искалъ общества съ учениками и желалъ принимать участіе въ ихъ собраніяхъ. И теперь онъ имѣлъ на это полнѣйшее право, такъ какъ, если онъ былъ прежде гонителемъ Іисуса, то отнынѣ въ душѣ его были сильнѣйшія побужденія къ тому, чтобы занять мѣсто между самыми искренними друзьями Его. Къ несчастію, въ Іеру-

салимѣ почти ничего не знали о видѣніи его на пути въ Дамаскъ, и, во всякомъ случаѣ, прошло три года съ тѣхъ поръ, а онъ не представилъ другихъ явственныхъ доказательствъ своего обращенія. Его послѣднія проповѣди и опасность, которой онъ подвергался въ Дамаскъ, не были извѣстны въ Святомъ городѣ. Ученики затруднялись отнестись къ нему съ нѣкоторымъ довѣріемъ. Между тѣмъ, душа его имѣла нужду въ утѣшеніи въ чемъ либо сообществѣ, ибо она должна была жестоко страдать отъ совершившагося разрыва со всѣми его прежними наставниками и друзьями.

Люди обыкновенно не взвѣшиваютъ того, до какой степени было самоотверженно и необъяснимо съ человѣческой точки зрѣнія, это обращеніе Павла. Переходя въ новую вѣру, Павелъ приносить въ жертву всѣ свои искреннѣйшія предпочтенія и предразсудки, вполне установившійся образъ мыслей и славу, на которую онъ имѣлъ всѣ права посреди сыновъ синагоги, однимъ словомъ, несомнѣннѣйшее свое торжество. Въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ онъ пользовался полнымъ довѣріемъ своей партіи и получилъ вѣрительныя грамоты отъ синагогіона для одного изъ самыхъ важныхъ предпріятій. Теперь, отказавшись отъ всего этого, онъ старается присоединиться къ юной Церкви, этому скромному стаду, не пользующемуся уваженіемъ со стороны общества, чуждому матеріальныхъ средствъ и, съ человѣческой точки зрѣнія, не имѣющему никакой будущности. Болѣе того,—эта Церковь съ недоовѣріемъ отвергаетъ его. Не поразительна ли настойчивость, съ которою этотъ недавній гонитель Церкви желаетъ вступить въ нее во чтобы то ни стало, чтобы жить въ ней бѣднымъ, гонимымъ, проклинаемымъ, если бы мы не знали, что его влечетъ къ ней двигатель сверхъестественный и неодолимый, какъ истина? Не скажутъ ли, что для иныхъ увлекающихся душъ крайности сходятся

и что онѣ, случайно или по прихоти, переходятъ отъ одного предмета къ другому со всѣмъ пыломъ внутренняго вдохновенія, впадая въ самыя рѣзкія противорѣчія и доказывая тѣмъ свою слѣпоту и неразумительность. Но Павелъ, несмотря на священный огонь, пламенѣвшій въ сердцѣ его, далекъ отъ увлеченій; онъ обсуждаетъ свою вѣру, развиваетъ ея ученіе и строитъ свое богословіе съ такою строгою логическою послѣдовательностью, что, съ одной только человѣческой точки зрѣнія, оно безконечно превосходитъ самыя великія и мощныя идеи всѣхъ философовъ міра. Ни Павелъ, ни совершенное имъ дѣло не были бы для насъ понятны, если бы мы устранили здѣсь Иисуса Христа, Который одинъ только могъ переродить Апостола и поддержать его дѣло.

Въ ту самую минуту, когда испытаніе становилось особенно тяжкимъ для молодаго прозелита, Богъ послалъ человѣка, который можетъ быть зналъ его или въ Тарсѣ (островъ Кипръ былъ недалеко оттуда), или въ Дамаскѣ, или наконецъ въ синагогахъ іерусалимскихъ еллинистовъ, въ эпоху великой борьбы Стефана. Этотъ человѣкъ былъ кипрскій левитъ Варнава, истинный сынъ утѣшенія или увѣщанія, какъ свидѣтельствуется самое его имя, который, какъ мы видѣли выше, великодушно отдалъ все свое имѣніе христіанской общинѣ. Будучи сначала другомъ юности, а теперь повѣреннымъ заветныхъ думъ Павла посреди обуревавшихъ его волненій, Варнава расточалъ Павлу всѣ сокровища любви истинно христіанской. Онъ взялъ его за руку и лично ввелъ въ среду Апостоловъ. Въ дѣйствительности, судя по словамъ посланія къ Галатамъ (1, 18. 19), которыя должно принять къ соображенію для дополненія разсказа Дѣеписателя, Павелъ совѣщался только съ двумя изъ нихъ, Петромъ и Іаковомъ, не Заведеевымъ, а братомъ Господнимъ. Это не значитъ, что въ ту пору другіе Апостолы окончательно покинули

Святой городъ. Конечно, можно было бы предположить, что они разошлись по Палестинѣ, гдѣ въ то время основывались новыя церкви, но гораздо вѣроятнѣе, что они еще всѣ находились въ то время въ Иерусалимѣ. Варнава разсказалъ, какимъ образомъ Господь явился гонителю Церкви на пути въ Дамаскъ и что изрекъ ему. Онъ утверждалъ, что этимъ несомнѣннымъ и вполне божественнымъ явленіемъ, Савлъ преобразился совершенно. Онъ присовокупилъ кромѣ того, что его безбоязненная проповѣдь въ Дамаскѣ, гдѣ онъ всенародно прославилъ имя Іисуса, не оставляетъ никакихъ сомнѣній относительно искренности его вѣры. Но Варнава пользовался большимъ вліяніемъ въ христіанской общинѣ, что зависѣло сколько отъ недавней щедрости его на пользу вѣрующихъ, столько же и отъ возвышенности его личныхъ свойствъ и краснорѣчія. Такъ какъ любовь его къ Павлу дѣлала особенно убѣдительными его увѣренія, то онъ восторжествовалъ наконецъ надъ всѣми опасеніями. Петръ жилъ вѣроятно у Маріи, матери Іоанна Марка, а Маркъ былъ родственникомъ Варнавы (Кол. 4, 10). Поэтому Варнавѣ нетрудно было помѣстить Павла въ томъ самомъ семействѣ, которое было какъ бы зерномъ юной Церкви. Въ чемъ заключалась бесѣда Петра и Павла во время этого перваго свиданія? Петръ зналъ то, чему училъ Христосъ на землѣ; Павелъ могъ разсказать, что изрекъ ему Господь съ неба въ пустынѣ. Петръ излагалъ безъ сомнѣнія великія событія евангельской исторіи; Павелъ— великое ученіе, вытекавшее изъ этихъ событій, и оба единогласно выдѣляли изъ дѣяній Іисуса и Его мученической кончины и воскресенія великую мысль, составлявшую христіанскій догматъ.

Все заставляетъ думать, что Павелъ съ настойчивостью указывалъ на нарочитую волю Іисуса относительно непосредственнаго допущенія язычниковъ къ крещенію. Та-

ково было предназначеніе, которому онъ долженъ былъ посвятить себя.

Павелъ жилъ въ братскомъ союзѣ со всею христіанскою общиною и чтобы доказать искренность своего обращенія, онъ являлся въ синагоги еллинистовъ и безбоязненно проповѣдовалъ въ нихъ Іисуса Христа. Желалъ ли онъ замѣнить здѣсь краснорѣчивый голосъ Стефана, который умолкъ отчасти по его же винѣ? Или онъ предпочиталъ проповѣдовать истины, столь сильно подрывавшія іудейство, предъ людьми менѣе проникнутыми іудействомъ? Все это возможно.

Какъ бы то ни было, сила его доказательствъ и пылкость рѣчи скоро возбудили въ Іерусалимѣ бурю, не менѣе сильную, какъ и въ Дамаскѣ. Вслѣдствіе ли ненависти къ человѣку, который по понятіямъ еллинистовъ былъ вѣроотступникомъ, или раздосадованные тѣмъ, что книжники ихъ были окончательно разбиты имъ, еллинисты рѣшились поступить съ нимъ также, какъ они поступили со Стефаномъ. Они даже не захотѣли скрывать до времени свои намѣренія. Въ это время (къ концу 40 года), чѣмъ свирѣпѣе дѣйствовалъ въ Римѣ безумный деспотизмъ Калигулы, тѣмъ болѣе терпимости обнаруживали прокураторы въ провинціяхъ, такъ что въ Іерусалимѣ религіозная партія считала все для себя дозволеннымъ. Ученики, убѣжденные, что фанатизмъ евреевъ способенъ на жесточайшія насилія, хотѣли уговорить Павла тотчасъ же удалиться; но Павелъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые легко отступаютъ предъ опасностью и если онъ согласился бѣжать изъ Дамаска, чтобы видѣться съ Петромъ, то, увидѣвшись съ нимъ, онъ уже не считалъ нужнымъ удалиться изъ Іерусалима.

Въ это время явился ему Самъ Господь: «Когда я молился въ храмѣ, говоритъ Апостолъ,—пришелъ я въ вѣстование. И увидѣлъ Его и Онъ сказалъ мнѣ: посѣщи

и выйди скорѣе изъ Іерусалима, потому что здѣсь не примутъ твоего свидѣтельства обо Мнѣ». Считалъ ли Павелъ, что онъ долженъ исправить зло въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ совершилъ его? Предполагалъ ли онъ, что его свидѣтельство, тѣмъ болѣе рѣшительное, что оно было тяжелымъ укоромъ всему его прошлому, наконецъ восторжествуетъ надъ тѣми, которые еще мыслили такъ, какъ онъ нѣкогда мыслилъ самъ? Отвѣтъ его Іисусу можетъ имѣть и то и другое значеніе. «Я сказалъ: Господи! мнѣ извѣстно, что я вѣрующихъ въ Тебя заключалъ въ темницы и билъ въ синагогахъ; и когда проливалась кровь Стефана, свидѣтеля Твоего, я тамъ стоялъ, одобрялъ убіеніе его и стерегъ одежды побивавшихъ его». Но Господь уготовлялъ другое назначеніе ученику Своему: не быть убитымъ въ Іерусалимѣ предстояло ему, а содѣлаться свидѣтелемъ Іисуса между язычниками и великимъ Апостоломъ языческаго міра. Господь сказалъ ему: «Иди, Я пошлю тебя далеко, къ язычникамъ».

Пламенный ученикъ повиновался велѣнію Господа и въ сопровожденіи братій, дружески самоотверженныхъ, прибылъ въ Кесарію Стратонову. Тамъ находилась только что зародившаяся община (мы уже упоминали о діаконѣ Филиппѣ, который жилъ здѣсь съ женою). Новый Апостолъ, освободившись такимъ образомъ отъ опасности, присоединился къ каравану, или, вѣроятнѣе, сѣлъ на корабль, отправлявшійся въ Сирію и Киликію. Здѣсь онъ долженъ былъ найти среду, менѣе подверженную фанатизму фарисеевъ, и слушателей, отличающихся болѣею терпимостію.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Христіанская Церковь въ Антиохіи.

ГЛАВА I.

Пастырское путешествіе Петра.

Мы приходимъ къ заключенію, что главною цѣлью путешествія Павла въ Іерусалимъ было разсмотрѣть вмѣстѣ съ Петромъ вопросъ о благовѣствованіи Евангелія язычникамъ. Новообращенный сознавалъ, что онъ предназначенъ для этой миссіи, но ему не приличествовало входить въ прямое противорѣчіе съ установившимися воззрѣніями на этотъ вопросъ и брать въ свои руки управленіе Церковью, въ общеніе съ которой онъ только что былъ принятъ. Павлу приписывали характеръ упornaго революціонера, или по крайней мѣрѣ яраго реформатора: онъ не представляетъ собою ни того ни другаго; уже тотъ фактъ, что онъ придаетъ важное значеніе увѣщанію, сдѣланному имъ Кифѣ, при обстоятельствахъ гдѣ всѣ права были на его сторонѣ, въ достаточной мѣрѣ доказываетъ то уваженіе, которое онъ питалъ къ нему. Мѣста его посланій, гдѣ какъ предполагаютъ онъ дѣлаетъ намеки на скрытую борьбу между нимъ и Петромъ, истолковываются невѣрно и нѣтъ никакого основанія смѣшивать Петра съ послѣдователями обрѣзанія. Въ учрежденіи, облеченномъ безусловною властію, какимъ по своему божественному устройству должна быть Церковь, самыми мудрыми и самыми сильными считаются не тѣ, которые стремятся ввести въ нее своимъ частнымъ почи-

номъ великія преобразованія, но скромные и умѣренные, которые прежде всего желаютъ чтобы ихъ мысли были приняты главными руководителями, предоставляя имъ время и способъ для окончательнаго приведенія ихъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ и Павелъ, несмотря на горячность своего темперамента и увѣренность въ своей правотѣ, остерегался вызвать рѣшительный переворотъ въ лонѣ Церкви. Онъ считалъ необходимымъ условиться по этому вопросу съ Петромъ, но предоставлялъ послѣдствія теченію обстоятельствъ.

По прибытіи въ Тарсъ, Павелъ началъ прилагать свое рвеніе къ дѣлу проповѣди безъ шума, но плодотворно: именно къ этому періоду его жизни нужно отнести основаніе церквей въ Киликіи, о которомъ мы будемъ говорить впослѣдствіи. Удаленіе Павла изъ Палестины дало возможность христіанской общинѣ приобрести вновь тотъ благотворный миръ, которымъ она пользовалась съ нѣкотораго времени. По всей вѣроятности, эта терпимость относительно новой религіи восходила къ самому времени обращенія молодого гонителя. Необходимо однако же указать на другую причину ея, указанную къ тому же историческими данными. Іудейство переживало тогда тяжелое время. Секта, вышедшая изъ среды его и видимо еще не отдѣлившаяся отъ него, потому что ученики Іисуса продолжали, несмотря на свою проповѣдь, по внѣшности несоотвѣтствующую требованіямъ іудейства, соблюдать законъ и чтить храмъ, не представляла для него въ сущности никакой опасности въ виду двухъ римскихъ легионовъ и цѣлаго корпуса вспомогательныхъ войскъ, соединенныхъ въ Птолемаидѣ подъ начальствомъ Петронія, правителя Сиріи, для исполненія святотатственнаго посягательства безумца, державшаго тогда въ своихъ рукахъ судьбы міра.

Это было въ 40-мъ году нашей эры.

Преемникъ Тиверія, Кай Калигула, сынъ Германика, потерявъ въ болѣзни, постигшей его вслѣдствіи распутства и едва не стоившей ему жизни, остатокъ здраваго смысла, которымъ и безъ того обдѣлила его природа, надорванная къ тому же припадками падучей болѣзни и постоянными галлюцинаціями, стремился удивлять Римъ и вселенную необычайностью и нелѣпостью своихъ желаній и многочисленностію преступленій. Если неограниченная власть способна иногда вскружить голову даже у людей ровнаго характера, то чего можно было ожидать отъ несчастнаго человѣка, который, будучи уже ослабленъ годами притворства и постоянного страха, неожиданно перешелъ отъ уничиженной жизни къ высокому положенію властителя римской имперіи? Калигула, вышедшій изъ безвѣстности, и увидя вдругъ подъ своимъ скипетромъ цѣлую вселенную, вообразилъ себѣ, что онъ сдѣлался богомъ и захотѣлъ быть имъ. Онъ говорилъ: «Пасущіе быковъ, овецъ и козъ не бываютъ ни волами, ни баранами, ни козлами: это существа высшей природы, люди. Поэтому тотъ, кто властвуетъ надъ всѣми людьми не можетъ быть такимъ же человѣкомъ, — онъ богъ». И вотъ онъ переодѣвался Меркуріемъ, Нептуномъ, Аполлономъ. Онъ имѣлъ свой храмъ, своихъ жрецовъ, свою золотую статую. Къ несчастію, мысль сдѣлаться богомъ не внушила ему желанія быть добрымъ и милосерднымъ. Его божественность заключалась въ томъ, чтобы придумывать и совершать самыя ужасныя жестокости. По склонности къ фиглярству, витійству и наѣздничеству, онъ проливалъ потоки крови. По любви къ деньгамъ онъ умножалъ ссылки и заточенія и безъ всякой вины предавалъ смерти тѣхъ, отъ которыхъ ожидалъ себѣ наслѣдства. Онъ жестоко издѣвался надъ добродѣтелью, честью, гражданскими доблестями и умственными дарованіями и восхищался своими кровожадными подвигами. Из-

вѣстно, что этотъ жалкій человѣкъ дошелъ наконецъ до того, что сожалѣлъ что римскій народъ не имѣлъ одной только головы, чтобы можно было отсѣчь ее однимъ ударомъ.

Все чудовищное соотвѣтствовало наклонностямъ его разслабленной природы и онъ проводилъ свое время въ изобрѣтеніи самыхъ невѣроятныхъ жестокостей и въ стараніи осуществить ихъ. Построить городъ гдѣ нибудь посрединѣ моря или на вершинѣ Альпійскихъ горъ; проложить по волнамъ отъ Баія до Поло римскую дорогу и торжественно ѣхать по ней верхомъ; поднимать глубокія долины, срывать высокія горы, однимъ словомъ невозможное во всѣхъ видахъ представлялось ему единственнымъ развлеченіемъ, достойнымъ боговъ, и онъ упражнялся въ немъ, чтобы доказать свою божественность.

И вотъ однажды было объявлено этому опасному безумцу, что несмотря на то что всѣ народы земли признаютъ его высшую природу и преклоняются предъ его статуями, іудейскій народъ противится подобнымъ требованіямъ и упорно отказывается клясться именемъ Кесаря. Доносъ этотъ присланный изъ Александріи, гдѣ возникли сильныя несогласія между греко-египетскимъ населеніемъ и израильтянами, не могъ не возбудить въ безумномъ императорѣ жесточайшей мести. Дѣйствительно, ярость Калигулы была безмѣрна, къ тому же два шута Апеллесъ изъ Аскалона и Геликонъ египтянинъ еще болѣе постарались разжечь ее. Императоръ немедленно приказалъ Петронію поставить въ самомъ Іерусалимскомъ храмѣ императорскую статую и заставить іудеевъ поклоняться ей вмѣсто Іеговы. Повелѣнію императора нельзя было сопротивляться, хотя бы іудейскому народу предстояло погибнуть до послѣдняго человѣка. Ничего болѣе ужаснаго не могло быть объявлено сынамъ

Израиля, и понятно что они забыли въ эту минуту все, что разъединяло ревнителѣй закона Моисеева отъ учениковъ Иисуса Христа. Впрочемъ, надо сознаться, что іудеи явились въ этихъ обстоятельствахъ истинными героями. Нельзя не удивляться всей силѣ энергіи, которую способенъ былъ проявлять этотъ необыкновенный народъ всякій разъ когда угрожала какая либо опасность его религіи. Иосифъ и Филонъ свидѣтельствуютъ, что народъ цѣлыми толпами сбѣгался на встрѣчу Петронію то въ Птолемаидѣ, то въ Тиверіадѣ; тутъ были мужчины и женщины различнаго состоянія и возраста и они единодушно оглашали воздухъ своими жалобными воплями. Голова ихъ была покрыта пепломъ и руки связаны за спиною, какъ у преступниковъ, осужденныхъ на смерть. Напрасно Петроній старался убѣдить, какъ безумно вѣдти наперекоръ властителю міра. Но на всѣ его увѣщанія они отвѣчали: «Мы и не думаемъ вступать въ борьбу, мы желаемъ только умереть, чтобы не видѣть, чтобы такъ попиралась вѣра отцовъ вашихъ». Въ теченіи сорока дней они оставались въ положеніи челобитчиковъ, распростершись на землѣ, подставляя головы подъ мечъ римскихъ воиновъ, отказываясь засѣвать свои поля, и не желая себѣ другой будущности кромѣ смерти, если дѣйствительно ихъ храмъ подвергнется такому омерзительному оскверненію. Петроній не устоялъ предъ такой могучей привязанностью къ проявленіямъ вѣрѣ отцовъ; скептикъ могъ не понять ее, но истиннаго римлянина она привела въ удивленіе. Онъ старался прежде всего выиграть время, предписавъ сидонскимъ художникамъ, высѣкавшимъ статую новаго бога, не пренебрегать ничѣмъ, чтобы представить ему образецъ совершеннѣйшаго искусства. Потомъ онъ рѣшился написать императору о неожиданныхъ препятствіяхъ, которыя задерживали исполненіе

высочайшаго повелѣнія: о возможности голода въ будущемъ, потому что народъ отказывался воздѣлывать поля, общаго восстанія страны и смерти всей націи, съ которой пришлось бы не сражаться, но прямо подвергнуть ее избіенію. Рискавъ самъ лишиться жизни, онъ попросилъ новыхъ приказаній. Какъ разъ въ это самое время депутація Александрійскихъ евреевъ явилась въ Римъ, чтобы съ своей стороны умолять бога Калигулу отказаться отъ обожанія себя въ синагогахъ Египта. Восьмидесятилѣтній старецъ Филонъ, одинъ изъ видныхъ дѣятелей этого времени, находился въ составѣ этого посольства. Онъ оставилъ намъ возмутительный разсказъ объ этомъ печальномъ свиданіи, въ которомъ уполномоченные, безусловно заслуживающіе уваженія по своимъ убѣжденіямъ и добродѣтели, должны были пресмыкаться у ногъ безумца и считаться съ его всемогуществомъ. Заставивъ ихъ напрасно пройти изъ Рима въ Кампанію и изъ Кампаніи въ Римъ, Калигула удостоилъ наконецъ принять ихъ во дворцѣ Мecenата, который онъ только что соединилъ съ дворцомъ Ламіа, и гдѣ осматривалъ въ тотъ день новыя великолѣпныя украшенія. Этотъ странно созданный чловѣкъ, котораго именovali императоромъ, былъ довольно высокаго роста, но худо сложенъ; его блѣдное лицо и дико блуждающіе впалые глаза производили удручающее впечатлѣніе; при этомъ онъ то фиглярничалъ какъ комедіантъ, принимая страшный видъ, то, представляя собою бога, одѣвался въ разноцвѣтный плащъ, украшенный драгоценными камнями, носилъ браслеты и женскую обувь, иногда же, надѣвая золотую бороду и волоча за собою длинную шелковую тунику, судорожно потрясалъ жезломъ Меркурія или перунами Юпитера. Явившись къ нему, посланные въ трепетѣ поверглись ницъ. Съ первыхъ же словъ Калигула перебилъ ихъ, грубо упрекая ихъ въ нежеланіи обоготворить его. Потомъ, среди са-

мыхъ возмутительныхъ шутокъ, онъ заставлялъ ихъ бѣгать запыхавшись за собою изъ залы въ залу, на минуту выслушивалъ ихъ, потомъ убѣгалъ и наконецъ отпустилъ ихъ съ слѣдующими словами: «Бѣдные! они не такъ злы, какъ глупы: они не знаютъ, что я богъ». Удивительное это было время, когда цѣлый міръ повиновался такому извергу, и можно представить себѣ отчаяніе іудеевъ, когда они убѣдились, что несмотря на всѣ ихъ посольства и прошенія, ужасное святотатство будетъ совершено. вмѣсто всякаго отвѣта на благоразумныя представленія Петронія императоръ велѣлъ написать ему приказъ убить себя самого, если не хочетъ быть умерщвленнымъ чрезъ палача. Въ то же время непризнанный богъ приказалъ вылить въ Римѣ собственную статую и намѣревался, отправляясь въ Египетъ, дойти до Іерусалима, чтобы поставить ее въ Святое Святыхъ храма. На фронтонѣ священнаго зданія предположено было сдѣлать надпись: «Храмъ новаго Юпитера, свѣтлѣйшаго Каія». Къ счастью, замѣчаетъ Филонъ, чѣмъ болѣе дѣло казалось проиграннымъ у кесаря, тѣмъ вѣрнѣе можно было надѣяться на благопріятный исходъ его у Бога. 24-го января 41 года, мечъ Кереаса, поразивъ Калигулу, послужилъ къ спасенію жизни честнаго Петронія и къ возвращенію нравственной свободы еврейскому народу, избавивъ въ то же время Римъ отъ изверга, поработившаго его.

Это стеченіе обстоятельствъ, столь полное опасностей и неожиданностей, не мало способствовало къ поддержанію религіознаго мира въ Палестинѣ. Церковь, раздѣляя скорбь іудейства, продолжала однако развиваться и устраиваться. Мы видимъ, что съ этого времени она уже насчитывала въ Іудеѣ, Галилеѣ и Самаріи нѣсколько отдѣльныхъ общинъ, жившихъ своею особою жизнью, но тѣмъ не менѣе составлявшихъ одну церковь. Одна и та же вѣра,

участіе въ одинаковыхъ духовныхъ дарахъ, повиновеніе одному и тому же священноначалію, были орудіемъ того могущественнаго единства, которое должно было упрочить жизнь церкви. Петръ выходилъ время отъ времени изъ святаго Города, желая видѣть воли и благословить добро, сдѣланное другими апостолами или евангелистами, и радость его была велика при видѣ того, что повсюду (какъ говорить священный дѣписатель) «въ Іудеѣ, Галилеѣ и Самаріи церкви были въ покой, назидаясь и ходя въ страхъ Господнемъ, и при утѣшеніи отъ Святаго Духа умножались». (Дѣян. гл. 9 ст. 31—32).

Въ одно изъ такихъ пастырскихъ путешествій Петръ посѣтилъ святыхъ или общину въ Лиддѣ. Лидда, древняя Лода колѣна Веніамина, а повдигѣ Діосполисъ римлянъ, которые возобновили ее послѣ того какъ она была ими разрушена, была, по сказанію Іосифа, довольно большимъ городомъ. Она существуетъ и теперь, хотя въ гораздо меньшемъ видѣ, среди долины, красиво обсаженной оливковыми и фиговыми деревьями, находящейся въ разстояніи одного дня пути отъ Іерусалима, на одной изъ дорогъ ведущихъ въ Яффу, въ предмѣстьи Луддъ, откуда начиналась древняя дорога въ Кесарію. Весьма вѣроятно, что она была въ то время средоточіемъ извѣстнаго умственного броженія. Мы знаемъ по свидѣтельству раввиновъ, что, немного лѣтъ спустя, тамъ была учреждена знаменитая школа, которою руководилъ около 68 года Гамалиль второй. Успѣхъ благовѣствованія въ такой мѣстности легко объясняется, если принять во вниманіе, что повсюду, гдѣ только человѣческій умъ занимался серьезными вопросами, было открыто мѣсто для Евангелія.

Прибытіе Петра было значительнымъ событіемъ для маленькой общины, и особенно счастливымъ для злополучнаго калѣки, называемаго Енеемъ. Былъ ли Еней

самъ изъ числа вѣрующихъ или только родственникомъ какого либо ученика? Ничто не даетъ намъ возможности рѣшить этотъ вопросъ. Его греческое имя заставляетъ предполагать, что онъ былъ или природнымъ язычникомъ, или по крайней мѣрѣ евреемъ-эллинистомъ. Въ продолженіи восьми лѣтъ, этотъ несчастный лежалъ въ постели, разбитый параличемъ. Слава Петра, какъ чудотворца, проникла и въ Лидду. Безъ всякаго колебанія, ему тотчасъ же представили больнаго. Апостолъ понялъ, что чудо будетъ содѣйствовать успѣху Евангелія. Въ глубинѣ своего сердца онъ спросилъ Иисуса, и получивъ внутреннее удостовѣреніе въ Его соизволеніи, сказалъ расслабленному: «Еней, Господь Иисусъ Христосъ исцѣляетъ тебя. Встань съ постели твоей» (Дѣян. гл. 9 ст. 34). И тотчасъ параличный всталъ, получивъ вновь употребленіе членовъ. Всѣ жители Лидды и Саронской долины, убѣдившись въ дѣйствительности этого исцѣленія, признали, что Иисусъ, именемъ, Котораго дѣлались такіа чудеса, былъ истинный Мессія, и увѣровали въ Него.

Эта вѣра простиралась если не до требованія воскрешенія умершаго, то по крайней мѣрѣ до надежды на это, иначе нельзя объяснить себѣ попытки, сдѣланной относительно Петра вѣрующими сосѣдняго города Іоппіа, въ настоящее время Яффы. Тамъ умерла одна добродѣтельная женщина, пользовавшаяся большимъ уваженіемъ въ христіанской общинѣ. Намъ неизвѣстны ни года ея, ни положеніе въ свѣтѣ. Была ли она вдова или дѣвица, посвятившая себя служенію бѣднымъ? Никто не разъясняетъ намъ этого; только если ея имя Тавивеа, что значить Серна, отвѣчало ея физическимъ качествамъ, то вѣроятно въ ея походкѣ или ея взглядѣ проявлялось что нибудь, напоминающее естественную грацію и кротость, отличающія это симпатичное животное. Молодымъ

дѣвушкамъ часто давалось имя красивыхъ цвѣтовъ и наиболѣе привлекательныхъ животныхъ, въ особенности же имя Доркасъ, означающее тоже что Тавиѳа, было очень распространено у грековъ и иудеевъ. По всей вѣроятности Тавиѳа принадлежала къ эллинскому семейству. Іоппія, морская гавань, открытая для всѣхъ иностранцевъ, имѣла очень смѣшанное населеніе, вслѣдствіе чего историкъ и замѣчаетъ, что Тавиѳа называлась еще Доркасъ, смотря по тому произносили ли ея имя по сиро-халдейски или по-гречески. Эта прекрасная женщина «вела жизнь, исполненную добрыхъ дѣлъ и творила много милостынъ». (Дѣян. гл. 9 ст. 36). Безошибочно и съ благоговѣйнымъ удивленіемъ можно привѣтствовать въ ней первую извѣстную въ исторіи сестру милосердія. Но всѣ ея добродѣтели не могли предохранить ее отъ смерти, и церковь Іоппійская горько оплакивала потерю своей неутомимой благодѣтельницы. Скорбь была столь общою, что было необходимо, вопреки всѣмъ обычаямъ, обратить въ нѣчто въ родѣ молебни горницу дома, и положить тамъ на диванѣ омытое и покрытое благовоніями тѣло матери бѣдныхъ *). Воспоминаніе о самоотверженной добротѣ, привѣтливости и кротости придаетъ даже суровому облику мертвыхъ нѣкоторый ореолъ, и въ данномъ случаѣ каждый стремился подойти къ

---

*) Горница обыкновенно служила для совершенія молитвъ, и нововведеніе, по которому для Тавиѳы она превращена была какъ бы въ часовню, въ которую знавшіе ее приходили помолиться предъ ея смертными останками, доказываетъ, какъ далеко ушли ученики Евангелія отъ иудейства. Въ Яффѣ и донынѣ указываютъ мѣсто, съ которымъ связывается воспоминаніе о Тавиѳѣ. Не беремъ судить, насколько вѣрно относящееся сюда преданіе, но въ домѣ владѣльца этого мѣста можно еще видѣть горницу, которая несомнѣнно похожа на ту, въ которой было положено тѣло Тавиѳы.

смертному ложу усопшей, чтобы почтить ее слезами и благоговѣйнымъ созерцаніемъ. Потому ли что нѣкоторые просто желали видѣть Петра идущаго во главѣ такихъ знатныхъ похоронъ и умѣряющаго общественную печаль, или потому что другіе таили въ себѣ смутную надежду на возможность чуда, но только церковь Іюппійская послала двухъ нарочныхъ просить верховнаго Апостола, чтобы онъ поспѣшилъ придти въ Іюппію. Огорченный этимъ грустнымъ извѣстіемъ, Петръ тотчасъ же послѣдовалъ за двумя посланными. Когда онъ пришелъ въ городъ и вступилъ въ домъ усопшей, то его немедленно ввели въ горницу; это, по всей вѣроятности, было сдѣлано съ затаенною мыслью побудить его дать торжественное доказательство своего дерзновенія предъ Богомъ. Тамъ его ожидало весьма трогательное зрѣлище. Всѣ бѣдныя вдовы, облагодѣтельствованныя Тавиею, окружали одръ усопшей и оплакивали ее. Увидя вошедшаго Петра онѣ принялись, съ жалобными воплями и выразительными тѣлодвиженіями, сопровождающими всякую печальную церемонію на Востокѣ, показывать ему одѣтыя на нихъ рубашки и платья, которыя дѣлала имъ Доркасъ, Серна, живя съ ними. (Дѣян. гл. 9 ст. 36). Нужно видѣть погребальныя обряды въ этихъ странахъ, чтобы составить себѣ понятіе о тѣхъ многорѣчивыхъ восхваленіяхъ, которые долженъ былъ произносить каждый бѣднякъ во славу своей благодѣтельницы. Не заставляя просить себя, эти импровизаторы говорятъ по очереди похвальное слово, а хоръ плакальщицъ быстро приставляетъ къ нему припѣвъ. Петръ не остался безучастнымъ къ этому краснорѣчивому доказательству благотворительности покойной и ко всеобщей скорби вѣрующихъ: онъ рѣшился испросить у Бога чудо, котораго всѣ желали, не смѣя упомянуть о немъ. Выславъ вонъ толпу, въ воспоминаніе конечно того, что такъ посту-

паль его Учитель, онъ остался одинъ съ усопшей, и упавъ на колѣни, началъ молиться. Молитва Апостола была пламенна; къ тому же онъ имѣлъ достаточное основаніе ходатайствовать передъ Господомъ за столькохъ несчастныхъ, оплакивающихъ горькими слезами свою благодѣтельницу. Господь услышалъ его. Получивъ въ этомъ внутреннее удостовѣреніе и исполненный святаго восторга, Петръ взглянулъ на тѣло и воскликнулъ: «Тавиѳа, встань!» (Дѣян. гл. 9 ст. 40). Усопшая открыла глаза и, увидѣвъ Петра, поднялась на своемъ ложѣ, какъ бы привѣтствуя его. Онъ подалъ ей руку, поднималъ ее, и затѣмъ, призвавъ вѣрныхъ и вдовицъ, возвратилъ имъ живую ту, которую они такъ оплакивали.

Подобное чудо произвело сильное впечатлѣніе въ Іопіи, и число увѣровавшихъ въ Іисуса Христа было очень велико. Къ тому же городъ былъ извѣстный. Древнее преданіе относило его построеніе къ допотопному времени. Іафеть возобновилъ его въ послѣдствіи, давъ ему свое имя. Несмотря на то, что его гавань была подвержена вліянію юго-западныхъ вѣтровъ и была частію засыпана песками, она долго оставалась единственною гаванью Палестины.

Тамъ выгружали матеріалы, предназначенные для построенія древняго и новаго храма. Оттуда отправлялись корабли, обмѣнивавшіе съ Западомъ богатства Востока, на одинъ изъ которыхъ въшелъ иѣкогда пророкъ Іона, чтобы избѣжать путешествія въ Ниневію для исполненія тамъ предназначенія, возложеннаго на него Богомъ. Не разъ разрушаемая и возобновляемая, Іопіи переходила попеременно изъ рукъ іудеевъ въ руки сирійцевъ, потому она была завоевана римлянами, которые, повинувшись капризу римскихъ владыкъ, то возвращали, то вновь отнимали ее у іудеевъ. Въ этотъ историческій моментъ, со времени низложенія Архелая, она была присоединена къ римской провинціи Сиріи. Недавнее построеніе Иродомъ

Великимъ гавани въ Кесаріи не воспрепятствовало ей остаться однимъ изъ коммерческихъ пунктовъ страны. Смищеніе всѣхъ народностей дѣлало изъ нея среду, почти независимую отъ іерархическаго іудейства. Петръ рѣшилъ, что между этимъ населеніемъ моряковъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ, могло найдтись не мало людей, способныхъ принять евангельское благовѣстіе, и на основаніи этого, онъ остался тамъ нѣкоторое время. Потому ли, что знатные іудеи ставили ни во что его самого и его проповѣдь, или въ виду того, что онъ преимущественно хотѣлъ казаться сторонникомъ людей смиренныхъ и униженныхъ, но только онъ поселился у скромнаго ремесленника Симона кожевника. Такъ какъ ремесло Симона считалось у іудеевъ нечистымъ *), то нехотѣлъ ли Петръ показать этимъ поступкомъ, что послѣдователи Евангелія должны были отказаться отъ мнѣній и предразсудковъ, которые не могли быть ни слѣдствіемъ, ни нравственнымъ началомъ истиннаго благочестія?

Кожевники жили обыкновенно уединенно въ одной какой либо части города. На этотъ разъ имъ выпало на долю счастье имѣть среди себя Апостола, который, быть можетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣятельно исполнялъ долгъ своего званія. Еще и теперь показываютъ въ Яфѣ, недалеко отъ маяка, домъ, занимающій то мѣсто, гдѣ, по преданію, жилъ Симонъ кожевникъ, оказавшій Петру свое гостепріимство. Это маленькая мечеть, сооруженная на мѣстѣ древней церкви. Источникъ воды, находящійся внутри ея, могъ быть въ то время съ пользою употребленъ для выдѣлыванія кожи, а самое мѣстополо-

---

*) Въ Талмудѣ сказано, что если кожевникъ женится, скрывъ отъ жены свое ремесло, то это можетъ служить поводомъ къ разводу. «Свѣтъ не можетъ жить безъ кожевниковъ, но горе тому, кто занимается этимъ ремесломъ!»

женіе этого зданія вблизи моря, отвѣчаетъ какъ нельзя лучше указаніямъ книги Дѣяній. Нельзя безъ волненія подниматься по разрушенной лѣстницѣ на маленькую площадку Джамать ель Фабія. Если даже и не на этой самой плоской крышѣ Петръ имѣлъ знаменательное видѣніе, указавшее ему его обязанности по отношенію къ язычникамъ, то во всякомъ случаѣ мы имѣемъ право сказать что это великое событіе произошло на террасѣ дома, совершенно подобнаго этому. Такого убѣжденія вполнѣ достаточно для сердца паломника.

ГЛАВА II.

Петръ и сотникъ Корнилій.

Мы уже имѣли случай упомянуть, сколь ошибочно приписывать Петру и другимъ апостоламъ, даже наиболѣе приверженнымъ къ Моисееву закону, желаніе лишить язычниковъ евангельскаго благовѣстія, и слѣдовательно вѣчнаго спасенія. Не получили ли они повелѣнія учить и крестить всѣ народы? Не общалъ ли Спаситель привлечь къ Себѣ цѣлый міръ, послѣ того, какъ Онъ будетъ вознесенъ отъ земли?

Развѣ не были очевидны предреченія древнихъ пророковъ объ окончательномъ, религіозномъ возрожденіи всего человѣчества? Не должны ли были всѣ народы земли ходить во свѣтѣ, явленномъ въ Іерусалимѣ, поклоняться истинному Богу и принимать участіе въ служеніи Ему? Да, конечно, и окончательное, всемірное торжество Евангелія составляло твердую основу ихъ вѣры. Но все это прикрывалось грубымъ, всеобщимъ заблужденіемъ, состоявшимъ въ томъ, будто бы подобныя предсказанія должны были осуществиться только послѣ принятія въ царство Божіе всѣхъ сыновъ Израиля. Въ ожиданіи этого, нужно было или быть или сдѣлаться израильтяниномъ, дабы имѣть право стать христіаниномъ, какъ будто синагога была необходимымъ преддверіемъ Церкви, а іудейство, со всѣми своими обрядами, единственною дверью въ царство небесное. Дѣйствительно предназначеніе Моисея имѣло

божественное происхождение и открыто признано таковым Самимъ Иисусомъ Христомъ. Для благочестиваго чувства и національныхъ предразсудковъ нѣкоторыхъ вѣрующихъ предстояла такимъ образомъ весьма трудная задача свыкнуться съ мыслью, что законъ моисеевъ долженъ подлежать отмѣнѣ и уступить свое мѣсто постановленіямъ Новаго Завета. По повелѣнію Бога въ Ветхомъ Заветѣ, всякій необрѣзанный исключался изъ среды народа Божія. Могли ли члены Церкви болѣе совершеннаго Новаго Завета допускаться въ общеніе съ нею безъ обряда обрѣзанія? Если Евангеліе было вѣнцомъ Закона, то не чрезъ Законъ ли нужно было приходить къ Евангелію? Несмотря на мужественныя попытки Стефана и Филиппа, несмотря на взгляды, высказанные Павломъ отъ имени Божія, вѣрующіе продолжали держаться того мнѣнія, что такъ какъ дѣло Моисея божественно, то Богу и надлежало явить опредѣленно—было ли необходимо пожертвовать имъ. Дѣйствительно, Богъ и благоволилъ разрѣшить всѣ относящіяся сюда недоумѣнія.

Въ Кесаріи, на берегу моря, жилъ человекъ, именемъ Корнилій, сотникъ полка, называемаго Италійскимъ. Его имя, если даже онъ и не унаслѣдовалъ его прямо отъ древняго рода Корнелія, доказываетъ всетаки, что онъ былъ римлянинъ, и слѣдовательно воспитанъ въ средѣ язычества. Тѣмъ не менѣе, подобно многимъ другимъ людямъ этой эпохи, онъ томился жаждой истинной религіи и душа его возвысилась до познанія единого Бога и своихъ личныхъ обязанностей относительно этого Бога. «Онъ былъ мужъ благочестивый,—говоритъ священный дѣписатель,—боящійся Бога со всѣмъ домою своимъ и всегда молившійся Богу». (Дѣян. гл. 10 ст. 2).

Ничто не доказываетъ, чтобы онъ принадлежалъ хотя зпѣшнимъ образомъ къ іудейству. Напротивъ, мы увидимъ въ послѣдствіи, что Петръ называетъ его иноплеменикомъ,

что, безъ всякаго сомнѣнія, означало язычникъ. Однако, будучи приверженцемъ единобожія по убѣжденію и набожнымъ по врожденному чувству, онъ питалъ особенное уваженіе къ іудейской религіи, которая, проповѣдуя единого Бога, чтитъ Его столь благоговѣйнымъ, сыновнимъ поклоненіемъ. Вслѣдствіе этого онъ охотно переносилъ на іудейскій народъ свое тайное расположеніе къ Моисееву закону.

Вѣзчисленные милостыни, которыя онъ раздавалъ наиболѣе нуждающимся іудеямъ, заслужили ему уваженіе отъ всѣхъ остальныхъ іудеевъ. Командуя Италійскимъ полкомъ, Корнилій могъ считаться первымъ римскимъ солдатомъ на землѣ Палестинской и тѣмъ болѣе нужно было цѣнить проявляемыя имъ чувства благорасположенія; какъ прямопротиворѣчащія понятіямъ объ иностранцѣ-притѣснителѣ.

Въ цѣломъ легіонѣ одинъ только Италійскій полкъ состоялъ изъ итальянскихъ добровольцевъ, другіе же девять полковъ были сформированы изъ рекрутовъ, которыхъ набирали въ тѣхъ странахъ, гдѣ полкъ имѣлъ свое мѣстопробываніе. Въ случаѣ какого либо возмущенія разсчитывали особенно на него, потому что личный составъ его былъ наилучшимъ ручательствомъ его вѣрности. Подобно преторіанской гвардіи, этотъ полкъ состоялъ на постоянной службѣ у представителей римской власти.

Въ концѣ 40-го года въ Палестинѣ былъ прокураторомъ Маркеллъ, но вскорѣ Агриппа, царь по выбору императора Клавдія, занялъ его мѣсто. Маркеллъ, подобно своимъ предшественникамъ, имѣлъ мѣстопробываніе въ Кесаріи, которая и считалась по тому политической столицей Палестины.

Этотъ городъ, построенный съ непомѣрнымъ великолѣпіемъ Иродомъ Великимъ на мѣстѣ древней башни Стратона, имѣлъ большое значеніе въ теченіи своего

полувѣковаго существованія. Его гавань была весьма удобнымъ убѣжищемъ для кораблей, плавающихъ въ этой части моря, будучи закрыта отъ вліянія сильныхъ южныхъ вѣтровъ широкою земляною насыпью, которая останавливала пески и разбивала валы, столь опасные на этомъ берегу. Просторные доки, тѣнистыя набережныя, служившія мѣстомъ прогулокъ, роскошные дворцы, театръ, ристалище, площадь, амфітеатръ и цѣлый рядъ хорошо устроенныхъ укрѣпленій, упрочили политическое значеніе этого города, а приморское положеніе дѣлало его особенно цѣннымъ для римлянъ. Населеніе Кесаріи было тоже очень смѣшанное: большую часть его составляли греки, финикіане и сирійцы всякаго рода. Язычество занимало оффиціальное мѣсто. Іосифъ Флавій повѣствуетъ, что при самомъ входѣ въ гавань возвышался Себастеумъ, храмъ, построенный въ честь Августа и Рима. Это замѣчательное сооруженіе выдѣлялось по своему великолѣпію и мѣстоположенію. Императоръ и городъ были изображены тамъ въ видѣ колоссальныхъ статуй, напоминающихъ извѣстнаго Юпитера Олимпійскаго и Юнону Аргосскую. Однако въ послѣднее время, даже въ этой смѣшанной средѣ, гдѣ язычество и іудейство шли рука объ руку, успѣла уже основаться христіанская община. Какъ извѣстно, въ этомъ городѣ жилъ діаконъ Филиппъ, и его семья, конечно должна была составлять центръ, около котораго группировались другіе новообращенные. Кто знаетъ, не поставили ли обстоятельства Корнилія въ соприкосновеніе съ кѣмъ либо изъ учениковъ Евангелія? Мы увидимъ, что Петръ говорилъ ему объ Іисусѣ и Его дѣлѣ, какъ будто ничего во всемъ этомъ не было новаго. Быть можетъ, сотникъ уже провидѣлъ все дивное величіе христіанства, и съ душой, жаждавшей истины и правосудія, желалъ только побольше просвѣтиться, чтобы окончательно усвоить себѣ смыслъ новой религіи. Это святое

желаніе должно было выражаться въ пламенныхъ молитвахъ, на что повидимому и намекаетъ священный Дѣеписатель, когда, заканчивая очеркъ нравственного образа благороднаго воина, говорить, что онъ не преставаѣлъ приывать истиннаго Бога. (Дѣян. гл. 10 ст. 2).

Однажды, около трехъ часовъ вечера (это было времянемъ молитвы у іудеевъ, и Корнилій слѣдовалъ безъ сомнѣнія ихъ обычаямъ),—благочестивый сотникъ имѣлъ видѣніе. Ему явился Ангелъ Божій, и называя его по имени, сказалъ: «Корнилій». Римскій воинъ, неспособный трепетать передъ людьми, не могъ однако же преодолѣть невольнаго страха предъ посланникомъ неба. Вглядѣвшись въ него съ большимъ вниманіемъ, онъ рѣшился отвѣтить:—Что Господи?—Ангелъ сказалъ: «Молитвы твои и милостыни твои пришли на память передъ Богомъ». Добрыя дѣла Корнилія не предварили его вѣру, но сопровождали ее. Онъ совершалъ ихъ, потому что вѣровалъ, если еще не въ пришедшаго, то уже въ обѣтованнаго Мессію.—Итакъ пошли людей въ Іоппію,—продолжалъ Ангелъ, и призови Симона, называемаго Петромъ. Онъ гоститъ у нѣкагого Симона кожевника, котораго домъ находится при морѣ; онъ скажетъ тебѣ слова, которыми спасешься ты и весь домъ твой». (Дѣян. гл. 10 ст. 3—6).

Сказавъ это, небесный вѣстникъ сдѣлался невидимъ. Не теряя ни одной минуты, Корнилій призывалъ двухъ изъ своихъ слугъ и одного благочестиваго воина и, рассказавъ о случившемся, послалъ ихъ въ Іоппію, которая находилась въ разстояніи двѣнадцати часовъ пути отъ Кесаріи. Посланные не могли совершить безостановочно этого путешествія, потому что оно было сопряжено съ большими затрудненіями: приходилось переходить то чрезъ крутые утесы и наносные пески, то по большимъ болотамъ, поросшимъ тростникомъ и камышами. Предполагая, что маленькій караванъ вышелъ изъ Кесаріи въ тотъ

же вечеръ, около четырехъ или пяти часовъ, и остановился для ночлега около Наръ-Абу-Цабура, потока, вытекающаго изъ Ефремовыхъ горъ, а рано утромъ отправился далѣе,— надо допустить, что онъ пришелъ въ Юппію около полудня слѣдующаго дня. Это былъ тотъ часъ, когда Богъ, въ видѣніи, посланномъ апостолу, восполнилъ то, что столь явственно уже было подготовлено видѣніемъ Корнилія. Петръ только что взшелъ на плоскую крышу дома, въ которомъ онъ гостилъ, чтобы совершить обычную молитву передъ полуденнымъ обѣдомъ.

На Востокѣ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дождь составляетъ рѣдкое явленіе, какъ напримѣръ въ Яфѣ и Іерусалимѣ, террасы дѣлаются нѣсколько выпуклыми, чтобы лучше стекала и уничтожалась сырость, иначе сказать, онѣ напоминаютъ собою нѣчто въ родѣ свода; и когда священный дѣписатель говоритъ, что Петръ былъ на верху дома, то это означаетъ, что онъ молился на открытомъ воздухѣ, а не въ верхнемъ помѣщеніи, или такъ называемой горницѣ дома. Восточные люди нисколько не заботятся о полуденномъ солнцѣ, особенно когда дѣло касается исполненія установленной молитвы. Съ террасы кожевника Петръ могъ видѣть открытое море, а зрѣлище великихъ силъ природы приближаетъ человека къ Богу, или же, повинувшись внушенію благочестивыхъ чувствъ, онъ могъ молиться, повернувшись лицомъ къ Іерусалиму. Однако религіозный порывъ души не уничтожаетъ физическихъ потребностей тѣла. Апостолъ былъ истощенъ постомъ и усталостью; онъ почувствовалъ сильный голодъ. Между тѣмъ, пока ему приготовляли обѣдъ, онъ пришелъ въ изступленіе. Это умственное состояніе предполагаетъ душу, освободившуюся на мгновеніе отъ земной оболочки и живущую такимъ образомъ внѣ впечатлѣній чувственнаго міра. Ея духовный взоръ устремленъ непосредственно на міръ вещей невидимыхъ, и слѣдовательно вполне распо-

долженъ принимать божественныя откровенія. Надъ своею головою Петръ увидѣлъ глубоко отверстыя небеса, и спускающійся къ нему оттуда нѣкоторый сосудъ, какъ бы большое полотно, привязанное за четыре угла. Въ этомъ полотнѣ, приподнятомъ въ видѣ четырехъугольной чаши, находились всякія четвероногія и пресмыкающіяся, обитающія на землѣ, и птицы, парящія въ небесахъ. Невидимый голосъ сказалъ Петру: «Встань, Петръ, заколи и ѣшь». Нѣтъ, Господи,—отвѣтилъ Петръ,—я никогда не ѣлъ ничего сквернаго или нечистаго.—Тогда былъ къ нему голосъ вторично, говорящій: «Что Богъ очистилъ, того ты не почитай нечистымъ». Это повторилось трижды, послѣ чего сосудъ опять поднялся на небо. (Дѣян. гл. 10 ст. 9—16).

Петръ старался объяснить себѣ смыслъ этого видѣнія. Онъ былъ голоденъ, и быть можетъ его отвращеніе отъ употребленія пищи, считавшейся по закону нечистою, вызвало у него это состояніе тѣлеснаго изнеможенія и изступленія. Итакъ, Богъ явилъ ему, что отнынѣ всякое раздѣленіе между животными чистыми и нечистыми отмѣнено и эта часть закона Моисеева должна померкнуть предъ животворнымъ свѣтомъ Евангелія и пророкою Новаго Завѣта.

Однако видѣніе Петра имѣло болѣе высокое значеніе. Душа его ощущала иной голодъ, несравненно сильнѣйшій голода тѣлеснаго. Онъ пламенно желалъ скорѣйшаго распространенія на землѣ Царствія Божія, и молился объ этомъ со всей силой несокрушимой вѣры. На такой вошль души преимущественно и должно было отвѣчать это знаменательное видѣніе. Крестомъ уничтожено навсегда всякое различіе между чистымъ и нечистымъ въ человѣческихъ племенахъ.

Всѣ люди могутъ теперь, въ братскомъ союзѣ, провозгласить на Голгоѣ свое полное равенство. Если Петръ

еще не уразумѣлъ этого, то событія это осязательно доказали. Дѣйствительно, въ то время какъ онъ находился въ недоумѣніи относительно истиннаго смысла небеснаго откровенія, посланные Корнилія, распросивши о домѣ Симона кожевника, остановились у воротъ и спрашивали громкимъ голосомъ: «Здѣсь ли Симонъ, называемый Петромъ?» (Дѣян. гл. 10 ст. 18). Съ высоты террасы Апостоль могъ слышать ихъ вопросъ, но, погруженный въ размышленія, онъ повидимому прислушивался только къ раздававшемуся въ душѣ его тайному голосу Духа Святаго. Духъ сказалъ ему: «Вотъ три человека ищутъ тебя; встань, сойди и иди съ ними, ни мало не сомнѣваясь, ибо Я послалъ ихъ». (Дѣян. гл. 10 ст. 19, 20).

Петръ, простертый все время на землѣ въ молитвенномъ положеніи, всталъ, и сошедши къ посланнымъ Корнилія, сказалъ имъ: «Я тотъ, котораго вы ищите; за какимъ дѣломъ пришли вы?» Они отвѣчали:—«Корнилій, сотникъ, мужъ добродѣтельный и боящійся Бога, одобряемый всѣмъ народомъ іудейскимъ, получилъ отъ святаго Ангела повелѣніе призвать тебя въ домъ свой и послушать рѣчей твоихъ». (Дѣян. гл. 10 ст. 17—22).

Столь опредѣленное приглашеніе, которое при другихъ обстоятельствахъ привело бы Петра въ сильное недоумѣніе, показалось ему теперь вполне естественнымъ; оно слишкомъ явно относилось къ событію только что происшедшему на террасѣ, такъ что апостоль пожелалъ тотчасъ же привести въ дѣйствіе полученное имъ откровеніе, и несмотря на то, что его посѣтители были язычники и что іудейство считало ихъ нечистыми, онъ ввелъ ихъ въ домъ Симона кожевника.

На другой день онъ отправился вмѣстѣ съ ними въ Кесарію въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ братьевъ, жившихъ въ Іоппіи и пожелавшихъ быть свидѣтелями того, что должно было произойти. Путь былъ раздѣленъ,

какъ и первый разъ, на два перехода, и Корнилию, только послѣ четырехъ дней ожиданія, пришлось увидѣть на себѣ и своемъ семействѣ исполненіе обѣщаннаго свыше милосердія. Ревностный новообращенный заранѣе рассчиталъ время, въ которое можно было ожидать прибытія столь дорогаго посѣтителя. Чтобы лучше почтить его и доставить случай другимъ воспользоваться его приходомъ, онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ своихъ родственниковъ и друзей. Извѣстно, какими торжественными церемоніями сопровождаютъ на Востокѣ эти собранія, когда между ними должно занять мѣсто какое нибудь значительное лицо. Особенно заслуживаютъ вниманія безмолвіе и неподвижность, съ которыми воссѣдають на диванѣ приглашенные, напоминающіе собою въ это время безжизненныхъ истукановъ. Какъ только черезъ раскрытыя двери почетной комнаты Корнилій увидѣлъ Петра, входящаго во дворъ его дома, онъ бросился къ нему на встрѣчу, и повергнувшись къ ногамъ его, лицомъ на землю, казалось воздавалъ ему не только долгъ вѣжливости, но какъ бы приличествующее почитаніе божеству. Апостолъ поднялъ его и сказалъ: «Встань, я тоже человѣкъ». И дружески бесѣдуя съ нимъ, вошелъ въ домъ. Увидѣвъ приглашенныхъ, число которыхъ повидимому было довольно значительно, Петръ нисколько не смутился, но обращаясь къ нимъ, сказалъ: «Вы знаете что іудею запрещено сообщаться или сближаться съ иноплеменикомъ, но мнѣ Богъ открылъ, чтобы я не почиталъ ни одного человѣка сквернымъ или нечистымъ. Посему я, будучи позванъ, и пришелъ безпрекословно. Итакъ спрашиваю: для какого дѣла вы призвали меня?» (Дѣян. гл. 10 ст. 28, 29). Петру было извѣстно явленіе Ангела Корнилию: нѣтъ сомнѣнія, что онъ спрашивалъ посланныхъ сотника о причинѣ ихъ прихода; но сколько для назиданія собранія, столько же и для личнаго удовольствія ховяина, онъ хотѣлъ за-

ставить его повторить передъ всѣми равсказъ о небесномъ откровеніи, совершившемся въ его домѣ. «Четвертаго дня, — сказалъ Корнилій, — я постился до теперешняго часа, и въ девятомъ часу молился въ своемъ домѣ, и вотъ сталъ предо мною мужъ въ свѣтлой одеждѣ и говорить: Корнилій! услышана молитва твоя и милостыни твои вспомянулись предъ Богомъ. Итакъ пошли въ Иоппію и приволи Симона, называемаго Петромъ: онъ гоститъ въ домѣ кожевника Симона при морѣ; онъ придетъ и скажетъ тебѣ. Тотчасъ послалъ я къ тебѣ, и ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ. Теперь всѣ мы предстоимъ предъ Богомъ, чтобы выслушать все, что повелѣно тебѣ отъ Бога». (Дѣян. гл. 10 ст. 30—33). Если откровенность, прямота и рѣшительность составляютъ отличительную черту военныхъ людей, то Корнилій выказываетъ себя здѣсь истиннымъ воиномъ. Въ отвѣтъ на слова Корнилія, торжественнымъ голосомъ, въ которомъ замѣтно было охватившее его волненіе, Петръ произнесъ слѣдующее: «Истинно познаю, что Богъ нелицепріятенъ, но во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятенъ Ему». (Дѣян. гл. 10 ст. 34, 35). Апостоль не сразу отрѣшился отъ іудейскихъ предубѣжденій, чтобы проникнуться этой истиной; но теперь, въ виду двукратнаго откровенія съ неба и благочестиваго настроенія слушателей, должны были исчезнуть послѣднія недоумѣнія. Апостоль навсегда убѣдился, что всякій добродѣтельный человѣкъ, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, можетъ вступить въ Церковь и что право получить спасеніе предоставлено всѣмъ желающимъ. Однакоже въ этой истинѣ нѣтъ ничего, что бы оправдывало религиозное безразличіе. Петръ проповѣдуетъ о безразличіи народовъ, но не религій, происхожденія, но не вѣры. Таковъ же былъ смыслъ ученія Самого Іисуса Христа: призваніе всѣхъ народовъ къ божественному свѣту со-

ставляетъ основу Евангелія. «Все это, — продолжаетъ Петръ,—сообразно слову, которое Богъ послалъ сынамъ Израилевымъ, благовѣствуя миръ черезъ Іисуса Христа». (Дѣян. гл. 10 ст. 36). Богъ, дѣйствительно, не скрывалъ отъ іудеевъ, что весь міръ будетъ призванъ къ познанію истины и къ принятію благодати Его; иначе что означали бы пророчества объ Іафетѣ, укрывающемся въ шатрахъ Сима, о народахъ, сидящихъ у подошвы горы Сіона, о всемірномъ Пастырѣ и единомъ стадѣ, если не соединеніе всѣхъ человѣческихъ племенъ, возрожденныхъ самымъ плодотворнымъ изъ жертвоприношеній? Не были ли онѣ прообразомъ того спасительнаго мира, который будетъ дарованъ человѣчеству «Агнцемъ, берущимъ на Себя грѣхи всѣхъ людей, Іисусомъ Христомъ»? (Іоан. гл. 1 ст. 29). «Сей, — восклицаетъ Апостолъ,—есть Господь всѣхъ». (Дѣян. гл. 10 ст. 36). Онъ дѣйствительно представляетъ Собою главу человѣческаго рода и всемірнаго царя народовъ. Всѣ люди, поставленные между собою на одинаковую стезю равенства, раздѣляютъ и одинаковую зависимость относительно Его, и могутъ удостоиться равныхъ правъ на будущее блаженство въ Его вѣчномъ царствѣ. «Вы знаете,—продолжалъ Петръ,—происходившее по всей Іудеѣ, начиная отъ Галилеи, послѣ крещенія, проповѣданнаго Іоанномъ: какъ Богъ Духомъ Святымъ и силою помазалъ Іисуса изъ Наварета, и Онъ ходилъ, благотворя и исцѣляя всѣхъ, обладаемыхъ діаволомъ, потому что Богъ былъ съ Нимъ». (Дѣян. гл. 10 ст. 37. 38). Столь удивительныя событія имѣли отголосокъ во всей странѣ, и Петръ былъ увѣренъ, что они не были совершенно неизвѣстны его слушателямъ, которые желали теперь услышать только подтвержденіе этихъ событій изъ устъ того, кто былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ жизни, смерти и воскресенія Іисуса Христа. Апостолъ охотно даетъ имъ это удостовѣреніе, свидѣ-

тельствую о томъ, что онъ видѣлъ своими глазами и слышалъ своими ушами; но примѣняясь къ религиознымъ понятіямъ слушателей, бывшихъ еще недавно многобожниками, и поэтому способныхъ легко возвратиться къ прежнимъ заблужденіямъ, онъ показываетъ имъ въ Иисусѣ преимущественно Его человѣчество, облеченное божествомъ и возвысившееся до степени необыкновенной святости и могущества. О божественности Христа онъ сказалъ только одно слово, какъ отголосокъ его пламенной вѣры: «Иисусъ есть Господь всѣхъ». (Дѣян. гл. 10 ст. 36). Но вслѣдъ затѣмъ, обращаясь къ другимъ мыслямъ, онъ начинаетъ описывать живыми чертами исторію мессіанской дѣятельности, что какъ нельзя болѣе свидѣтельствуешь о его благоразуміи и осторожности.—«Да,—продолжаетъ онъ, — Богъ былъ съ Нимъ. И мы свидѣтели всего, что сдѣлалъ Онъ въ странѣ Іудейской и въ Іерусалимѣ, и что наконецъ Его убили, повѣсивши на древѣ. Сего Богъ воскресилъ въ третій день, и далъ Ему являться не всему народу, но свидѣтелямъ, предъизбраннымъ отъ Бога, намъ, которые съ Нимъ ѣли и пили по воскресеніи Его изъ мертвыхъ. И Онъ повелѣлъ намъ проповѣдывать людямъ и свидѣтельствовать, что Онъ есть опредѣленный отъ Бога Судія живыхъ и мертвыхъ. О Немъ всѣ пророки свидѣлствуютъ, что всякій вѣрующій въ Него получитъ прощеніе грѣховъ именемъ Его». (Дѣян. гл. 10 ст. 39—43).

Итакъ сущность новой религіи заключается въ томъ чтобы вѣровать въ божественнаго Ходатая, имѣющаго власть отпускать грѣхи Своимъ послѣдователямъ. Онъ есть верховный Судія, предсказанный всѣми пророками. Ничего нѣтъ достовѣрнѣе Его посредничества между Богомъ и людьми, на которое Онъ Самъ указывалъ, повелѣвая Своимъ апостоламъ, дабы ученіе о Немъ было главнѣйшимъ предметомъ ихъ проповѣди. Онъ же не

могъ ни заблуждаться, ни обманывать другихъ, потому что основаніемъ Его существа были: благость, мудрость и святость. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прослѣдить различные періоды Его общественной жизни. Не держалъ ли Онъ въ Своихъ рукахъ всемогущество Бога въ то время, когда творилъ чудеса? Могъ ли Богъ покровительствовать обманщику? А главное могъ ли Онъ освятить жизнь и ученіе Его, еслибы они не были согласны съ истиной и правосудіемъ, допустивъ величайшее изъ чудесъ — Его воскресеніе? Между тѣмъ Богъ воскресилъ Іисуса въ третій день, достаточно поздно чтобы не было сомнѣнія въ Его смерти, и достаточно рано чтобы ближайшіе свидѣтели не разочаровались въ Его обещаніяхъ. Затѣмъ Богъ явилъ Его живымъ предъ вѣрующими. Народъ не заслуживалъ этой милости, но избранные, истинные друзья Іисуса увидѣли Его и вступили вновь съ Воскресшимъ въ тѣ искреннія отношенія ежедневной жизни, которыми они пользовались до смерти Его. Несомнѣнно, что Петръ, со свойственнымъ ему рвеніемъ, изложилъ вкратцѣ предъ своими слушателями сущность евангельскаго ученія. Слушатели были покорены его пламенною рѣчью, и сердца, издавна подготовленные свойственными человѣку добродѣтелями, раскрывались теперь сами собою предъ божественною благодатію. Небывало пламенному желанію тѣхъ, которые стремились вступить въ новое царство. Дѣйствительно, въ то время какъ говорилъ Апостолъ, Духъ Святой сошелъ на благочестивое собраніе. Это была новая Пятидесятница язычниковъ. По словамъ Петра, необычайныя знаменія, сопровождавшія ее, были тѣ же, которыя произошли ранѣе въ Іерусалимѣ. Вѣрующіе изъ обрѣзанныхъ, пришедшіе вмѣстѣ съ апостолами, были изумлены этимъ явленіемъ. Итакъ, эти язычники, не были болѣе псами, такъ какъ на нихъ благоволилъ низойти и пребывать Духъ Святой. Не-

обрѣзанные, дѣйствительно, стали говорить новыми языками, величая Бога на разныхъ нарѣчіяхъ. Оспаривать у нихъ право войти въ Царствіе небесное было теперь невозможно, послѣ того, какъ они уже были приняты въ него со всѣми преимуществами дѣлателей перваго часа. Петръ воскликнулъ: «Кто можетъ запретить креститься водою тѣмъ, которые, какъ и мы, получили Святаго Духа?» (Дѣян. гл. 10 ст. 47).

Развѣ крещеніе Духомъ не было выше крещенія водою, и когда небо соизволило даровать первое, то могли ли люди отказывать въ послѣднемъ? Такимъ образомъ, Богъ даровалъ Петру возможность, по выраженію св. Іоанна Златоустаго, чудомъ, совершившимся надъ этими язычниками, защитить себя передъ іерусалимскими іудеями. Чего было ему отнынѣ опасаться, когда оправданіе его образа дѣйствій было такъ сказать начертано божественною рукою?

Петръ тотчасъ же далъ повелѣніе крестить новыхъ учениковъ во имя Господа Іисуса Христа. Онъ не захотѣлъ совершить самъ надъ ними этого таинства, быть можетъ для того, чтобы побудить и обрѣзанныхъ, пришедшихъ изъ Іоппіи, принять это великое нововведеніе. Крещенію, которое было совершено послѣ изліянія Святаго Духа, не предстояло уже произвести ни отпущенія грѣховъ, ни благодати помилованія; оно являлось только символомъ перерожденія, которому должна была подвергнуться внѣшняя жизнь Корнилія и его домашнихъ. Новообращенные погрузились въ очистительную воду въ знаменіе того, что они уже были мертвы для міра и готовы жить впредь только въ Іисусѣ Христѣ. Радость новокрещенныхъ была велика; они умоляли Апостола не омрачать ее своимъ поспѣшнымъ уходомъ. Петръ уступилъ ихъ желанію и остался на нѣсколько дней гостемъ Корнилія.

Такимъ образомъ Назарянинъ простеръ Свою руку на

сыновъ Рима, чтобы принять ихъ въ Свое Царствіе, и побѣдители міра начали преклонять свои колѣна передъ Распатымъ. Первымъ Своимъ ученикомъ между ними, Іисусъ не избралъ ни философа, ни оратора, ни политика, но воина. Прямодушіе, смѣлость и сила характера, которыхъ требуетъ военная служба, служить наилучшимъ приуготовленіемъ къ подвигамъ христіанской жизни. О четырехъ сотникахъ, упоминаемыхъ въ Евангеліяхъ или въ книгѣ Дѣяній, сообщаются самыя утѣшительныя свѣдѣнія *). Кесарійскій сотникъ повидимому въ особенности представлялъ собою типъ прямого и честнаго человѣка. Судя по тому, что евангелистъ Лука говоритъ о его добродѣтеляхъ, можно заключить, что онъ былъ достоинъ стоять во главѣ языческихъ воиновъ, какъ бы приготовляясь взять силою Царствіе небесное. Принадлежа къ первому народу міра, и быть можетъ къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій этого народа, онъ еще болѣе выдается своимъ великодушіемъ и благородствомъ своего сердца. Сколько проявилъ онъ смѣлости и благорасположенія, собравъ вокругъ себя своихъ родныхъ и друзей, чтобы сдѣлать ихъ свидѣтелями, а если возможно, то и участниками своего обращенія къ Евангелію! Этотъ человѣкъ желалъ просвѣщенію своимъ домашнимъ, въ той же мѣрѣ какъ и самому себѣ, и достигъ этого вполне. Но онъ вѣроятно не предвидѣлъ того, что за нимъ стояло все язычество, ожидая чтобы онъ первый пробился чрезъ ограду подзаконнаго іудейства; вѣдь, съ Востока и За-

---

*) Такъ, сотникъ капернаумскій смиренно проситъ Іисуса объ исцѣленіи его служителя (Мате. VIII, 5). Сотникъ на Голгоѣ бьетъ себя въ грудь, восклицая, что Распатый есть воистину Сынъ Божій (Мате. XXVII, 53). Корнилій является праведнымъ между язычниками. Наконецъ, сотникъ, сопровождавшій Павла въ Римъ, оказываетъ великое снисхожденіе своему узнику (Дѣян. XXVII, 3. 43).

туда, устремилось оно по его слѣдамъ съ восторгомъ и самоотверженіемъ. Нѣсколько дней спустя, ученики Іисуса оказались уже не только въ средѣ Антиохійскихъ язычниковъ, но и между жителями Рима и даже во дворцѣ цесарей.

ГЛАВА Ш.

Возвращеніе Петра въ Іерусалимъ.

Съ трудомъ можно представить себѣ впечатлѣнія иныя, лучше тѣ неожиданности, которыя должны были произойти вслѣдствіе временнаго пребыванія Петра въ языческомъ семействѣ. Понятія, нравы, языкъ, обычаи—все здѣсь было ново и чуждо для него. Дѣйствительно, ниспосланная свыше благодать снизошла въ сердца новообращенныхъ, наполняя ихъ неземною радостью: она составляла высокую связь, соединявшую съ ними Апостола и дававшую ему чувствовать себя какъ бы членомъ ихъ семьи. Но благодать не уничтожаетъ природы. Помимо просвѣщенія, свойственного сынамъ Евангелія, не было ничего общаго между истиннымъ іудеемъ и природными язычниками. Петръ, съ умомъ и прямымъ сердцемъ галилейскаго простолюдина, долженъ былъ оцѣнить основныя начала добра и зла, которыя преобладали въ этихъ добрыхъ и мужественныхъ поколѣніяхъ язычества. Чувствительный и сластолюбивый, но въ тоже время великодушный, расположенный къ суевѣрію, но желающій найти истину, необузданный и кроткій, мужчина и ребенокъ—язычникъ представлялъ собою полную противоположность іудею, исправному относительно своего обрядоваго закона, но являющему себя повсюду надменнымъ и безсердечнымъ эгоистомъ. Апостолъ не могъ не сдѣлать сравненія между своими и язычниками, и съ сердечнымъ со-

крушеніемъ долженъ былъ убѣдиться, что большая сумма достоинствъ оставалась на сторонѣ послѣднихъ. Тогда, проникая въ глубину своей души, онъ привелъ себя на память слова, которыми его божественный Учитель запечатлѣлъ навсегда Свое предпочтеніе мытарямъ, грѣшникамъ и язычникамъ. Чѣмъ болѣе старался Петръ вникать во все окружающее его, тѣмъ болѣе онъ убѣждался, что осужденіе однихъ и избраніе другихъ будетъ послѣднимъ словомъ будущаго и великимъ урокомъ, приготовленнымъ міру правосудіемъ Бога. Нѣтъ сомнѣнія, что узы, соединявшія Петра съ семействомъ Корнилія, послужили наилучшей подготовкой его къ апостольскому служенію посреди язычниковъ, особенно въ Римѣ, гдѣ онъ вскорѣ долженъ былъ начать свое посланничество.

Между тѣмъ слухъ о происшедшемъ въ Кесаріи быстро распространился между вѣрующими и дошелъ до Іерусалима. Апостолы и братія, волнуемые различными чувствами, передавали другъ другу, что и «язычники приняли слово Божіе» (Дѣян. гл. 11 ст. 1). Большая часть изъ нихъ, особенно изъ эллинистовъ, должны были радоваться, видя въ дѣлѣ Петра осуществленіе мыслей первомученика Стефана—начало всемірной, евангельской проповѣди. Они видѣли отнынѣ весь міръ открытымъ для апостольской дѣятельности, и въ виду подобной побѣды, готовы были пожертвовать своими послѣдними іудейскими предразсудками. Нѣкоторые же, какъ ихъ называетъ священный дѣеписатель «изъ обрѣзанныхъ» (Дѣян. гл. 11 ст. 21), болѣе полагавшіеся на Моисея чѣмъ на Іисуса, были недовольны. Въ этомъ явномъ нарушеніи закона они видѣли святотатство. Развѣ въ мірѣ семъ, оскверненномъ грѣхами, Богъ не положилъ различія между чистымъ и нечистымъ, между сыномъ Авраама и сынами другихъ народовъ и племенъ? Войти въ близкія, и особенно религіозныя отношенія съ тѣми, которые не

были Божиими, не значило ли попирать ногами религію Моисея и дѣлаться преступникомъ? Такимъ образомъ, въ своемъ упорномъ ослѣпленіи, они были расположены подвергнуть суду апостола язычниковъ. Но не были ли эти лжебратія только наружно членами юной Церкви? Участвуя въ ея собраніяхъ, они не прониклись ея духомъ. Ни имя, ни внѣшнія дѣла, ни призваніе: «Господи, Господи» не составляютъ еще признака истинно вѣрующаго; таковымъ дѣлаютъ единственно смиренная покорность и согласіе сердца съ Евангеліемъ. Большинство священниковъ, принявшихъ христіанство послѣ избранія семи діаконъ (Дѣян. гл. 6 ст. 7), не отказываясь, быть можетъ, въ то же время отъ исправленія своихъ обязанностей въ храмѣ, вѣроятно были душою этой партіи, такъ упорно защищавшей отжившія права обрядоваго іудейства. Они хотѣли согласить Евангеліе съ Закономъ, и не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы достигнуть этого, хотя бы своими поступками явно шли наперекоръ ясно и опредѣленно выраженной волѣ Іисуса. Людей этой партіи не должно ставить въ связь ни съ Іоанномъ, ни съ Петромъ, ни съ кѣмъ либо изъ Апостоловъ. Авторитетъ ея шелъ отъ нея самой. Члены ея выдавались по своему положенію въ свѣтѣ, образованію, и быть можетъ богатству, но особенно по своей ревности къ Закону. Проявивъ себя въ Іерусалимѣ, Галатіи, Коринѣ, Римѣ, и повсюду гдѣ только іудейскій элементъ былъ способенъ поддерживать ея притязанія, эта партія оказывала также иногда свое вредное вліяніе на нѣкоторыхъ изъ вѣрующихъ, но было бы несправедливо заключать изъ этого, что она могла когда либо первенствовать надъ Церковью. Имена ея членовъ остались не извѣстными, но всѣ ихъ дѣйствія доказываютъ, что они не имѣли ни малѣйшаго понятія ни о смиреніи, отличающемъ истиннаго христіанина, ни о значеніи требо-

ваній новой религіи. Съ нѣкоторымъ самодовольствомъ требуютъ они отчета у Апостола въ разсужденіи чистоты религіознаго предмета, и не безъ горечи дѣлають ему упрекъ за то что онъ вошелъ къ язычникамъ и принялъ ихъ гостепріимство. Если они не ставятъ ему въ вину ни совершеніе крещенія, ни открытіе дверей Церкви необрѣзаннымъ, то только потому, что не признають, по-видимому, особенной важности этимъ событіямъ. Такова непримиримая партія, проявившая себя здѣсь въ первый разъ, къ которой впоследствии надо будетъ отнести строгія слова Апостола Павла «къ тѣмъ, которые отъ обрѣзанія». (Рим. гл. 2 ст. 17—29). Они поднимають теперь голосъ противъ Петра, не желая щадить никого, кто по ихъ мнѣнію нарушаетъ Законъ Моисеевъ. «Ты ходилъ къ необрѣзаннымъ,—восклицають они,—и ѣлъ съ ними». (Дѣян. гл. 11 ст. 3). Очень древнее преданіе говоритъ, что однимъ изъ наиболѣе выдающихся обвинителей верховнаго Апостола былъ Керенъ.

Весьма вѣроятно, что за этими лживыми учениками Евангелія выступали скромные и истинно вѣрующіе, успѣвшіе однако уже подвергнуться вліянію вышеупомянутой партіи. Они думали, конечно, болѣе про себя, не рѣшаясь громко возставать на поведеніе Апостола и спрашивая только, какимъ образомъ Петръ будетъ оправдывать его. Апостолъ сжалился надъ ихъ недоумѣніемъ, и съ полною снисходительностію къ слабымъ, которая никогда не можетъ унижить сильныхъ, онъ началъ спокойно и по порядку разсказывать обо всемъ, происшедшемъ въ Кесаріи: «Въ городѣ Іоппін,—сказалъ онъ,—я молился, и въ изступленіи видѣлъ видѣніе: сходилъ нѣкоторый сосудъ, какъ бы большое полотно, за четыре угла спускаемое съ неба, и спустилось ко мнѣ; я посмотрѣлъ въ него и разсматривая, увидѣлъ четвероногихъ земныхъ, звѣрей, пресмыкающихся и птицъ небес-

ныхъ. И услышалъ я голосъ, говорящій мнѣ: встань, Петръ, заколи и ѣшь. Я же сказалъ: нѣтъ Господи, ничего сквернаго или нечистаго никогда не входило въ уста мои. И отвѣчалъ мнѣ голосъ вторично съ неба: что Богъ очистилъ, того ты не почитай нечистымъ. Это было трижды; и опять поднялось все на небо. И вотъ въ тотъ самый часъ три человека стали предъ домомъ, въ которомъ я былъ, посланные изъ Кесаріи ко мнѣ. Духъ сказалъ мнѣ, чтобъ я шелъ съ ними, ни мало не сомнѣваясь. Пошли со мною и сіи шесть братьевъ, и мы пришли въ домъ того человека. Онъ разсказалъ намъ, какъ онъ видѣлъ въ домѣ своемъ Ангела святаго, который сталъ и сказалъ ему: пошли въ Іопцію людей, и призови Симона, называемаго Петромъ; онъ скажетъ тебѣ слова, которыми спасешься ты и весь домъ твой. Когда же началъ я говорить, сошелъ на нихъ Духъ Святой, какъ и на насъ вначалѣ. Тогда вспомнилъ я слово Господа, какъ Онъ говорилъ: Іоаннъ крестилъ водою, а вы будете крещены Духомъ Святымъ. Итакъ, если Богъ далъ имъ такой же даръ, какъ и намъ, увѣровавшимъ въ Господа Іисуса Христа, то кто же я, чтобы могъ воспрепятствовать Богу?» (Дѣян. гл. 11 ст. 5—17).

Эти доводы были неопровержимы. Дѣйствительно въ распредѣленіи Своихъ даровъ Богъ не положилъ различія между іудеями и язычниками: тѣ и другіе имѣли свою Пятидесятницу; могъ ли человекъ присвоить себѣ право идти наперекоръ божественнымъ намѣреніямъ? Господь хотѣлъ отъ язычниковъ не обрѣзанія, но вѣры, для того чтобы даровать имъ Духа Святаго; по какому бы праву Петръ сталъ требовать отъ нихъ бѣдшаго, чтобы совершить надъ ними крещеніе водою, которое несравненно ниже крещенія Духомъ Святымъ? Итакъ, если онъ былъ обязанъ крестить и принять въ общеніе съ Церковью тѣхъ, которыхъ Богъ усыновилъ Себѣ чрезъ совершив-

шееся чудо и которые поэтому сдѣлались теперь его братьями, то тѣмъ большее имѣлъ онъ основаніе принять предложенное ими гостепріимство. Все это было въ высшей степени справедливо и убѣдительно. Поэтому и сказано что, выслушавъ Петра, всѣ успокоились. Слушавшіе разсказъ Апостола могли бы еще, пожалуй, отрицать вышеприведенныя событія, но шесть человѣкъ, ходившіе изъ Іоппіи въ Кесарію и изъ Кесаріи въ Іерусалимъ, были на лицо чтобы засвидѣтельствовать истину всего происшедшаго. Поэтому ярые приверженцы Закона предпочли теперь умолкнуть, надѣясь возобновить свои возраженія позднѣе и не при такихъ неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ; остальные же вѣрующіе тотчасъ перешли отъ возбужденія къ восторгу. Увидя новый горизонтъ, открывающійся для нихъ, они стали славить Господа, Который такъ милосердо руководилъ постепеннымъ развитіемъ Своей Церкви. «Видно и язычникамъ далъ Богъ покаяніе въ жизнь», — говорили они. (Дѣян. гл. 11 ст. 18).

ГЛАВА IV.

Проповѣдь въ Антиохіи.

Гоненіе, послѣдовавшее за мученичествомъ Стефана, удалило нѣсколькихъ благовѣстниковъ изъ Іерусалима. Это были наиболѣе ревностные изъ нихъ. Они проповѣдовали сначала въ Палестинѣ, но, чувствуя, что іудейскій фанатизмъ слѣдуетъ за ними по пятамъ, перешли въ Финикию. Морскія и сухопутныя сношенія между обѣими странами были очень часты. Они и теперь еще поддерживаются судами вдоль береговъ и караванами внутри.

Финикия или страна пальмъ была сначала землею Ханаанскою или Кна, низменною странюю, по противоположенію съ Арамомъ, что значитъ верхняя страна, какъ выражались евреи, говоря о Сиріи. Языкъ, на которомъ говорили въ этой странѣ не только принадлежалъ къ семейству семитическихъ языковъ, но составлялъ съ еврейскимъ языкомъ священныхъ книгъ совершенно одинаковый языкъ, съ различными только нарѣчіями. Помимо этого средства, общіе интересы всегда соединяли эти два народа и въ торговые центры Финикии уже съ раннихъ поръ прибывали іудейскіе космополиты, промышленный духъ которыхъ никогда не пропускалъ случая обогатиться. Въ главныхъ городахъ, каковы: Тиръ, Сидонъ, Беритъ, Виблосъ, Арадъ, существовали синагоги. Здѣсь-то изгнанные изъ Іерусалима проповѣдники начали возвѣщать Евангеліе. И можно думать—небезплодно, потому что впо-

слѣдствіи, по крайней мѣрѣ въ Тирѣ и Сидонѣ, Павелъ привѣтствовалъ полныя жизнненности христіанскія общины (Дѣян. 21, 4 и 27, 3).

Островъ Кипръ находился въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Отдѣляясь отъ твердой земли проливомъ, онъ наиболѣе посѣщаемыи гаванями своими былъ обращенъ къ финикійскому берегу, и самыя дорогія преданія соединяли его съ центральнымъ отечествомъ. Извѣстно, что по своему образованію островъ не могъ имѣть надежныхъ пристанищъ для кораблей на сѣверной сторонѣ. Горы продолжаютъ здѣсь въ видѣ очень высокихъ песчаныхъ отмелей и красноватыхъ отвѣсныхъ скалъ до самаго нижняго берега. Къ востоку напротивъ и къ югу, его многочисленныя бухты окружены богатыми торговыми городами. Къ Саламину, Китіону, Амаеунту и Пафну ежедневно приставали суда съ финикійскаго берега. Евреи поселились здѣсь въ большомъ числѣ со временъ Маккавеевъ (Макк. 15, 23). При Иродѣ вліяніе ихъ увеличилось, и они приняли значительное участіе въ разработкѣ мѣдныхъ рудъ, начатой этимъ царемъ, съ согласія императора Августа. Извѣстно, что въ началѣ втораго вѣка нашего лѣтосчисленія они сочли себя настолько сильными, что возстали на кипрянъ и подъ предводительствомъ нѣкогого Артемія подвергли ихъ страшному избіенію, но были наказаны за то Адрианомъ. Здѣсь-то благовѣстники Христовы проповѣдовали Евангеліе, подобно тому, какъ это совершенно было ими вдоль финикійскаго берега.

Ревность благовѣстниковъ возрастала и они обратили взоры къ самой столицѣ Сиріи, Антиохіи, которой легко было достигнуть какъ изъ Финикіи, такъ и изъ Кипра, чрезъ очень оживленную въ тѣ времена гавань Селевкійскую. Этотъ великій городъ, построенный Никаторомъ у подошвы Сильпіи и на берегахъ Оронта, былъ однимъ изъ наиболѣе населенныхъ іудеями центровъ на всемъ

Востоку. Они пользовались здѣсь важными преимуществами со временъ Селевкидовъ, которые соперничали любовностью съ египетскими Птолемеями, чтобы привлечь къ себѣ этихъ семитовъ, драгоценныхъ пособниковъ въ ихъ политике. Римскіе императоры подтверждали и еще болѣе увеличивали всѣ эти преимущества, такъ что какъ въ Александріи, такъ и въ Антиохіи, они имѣли своего алаварха (князя) и подъ вѣдѣніемъ совѣта семидесяти старѣйшинъ, на подобіе синагога, управлялись сами собою, по своимъ собственнымъ законамъ. Разысканія на мѣстѣ древняго города вставляютъ предполагать, что здѣсь, опять также какъ и въ Александріи, они занимали восточную часть города, или участокъ встроенный Каллиникомъ. Неподалеку отсюда, близъ нынѣшнихъ воротъ Св. Павла, покровитель ихъ Агриппа возвелъ обширное предмѣстье, чтобы помочь безъ сомнѣнія ихъ быстрому развитію. Иосифъ Флавій рассказываетъ, что Иродъ, желая возблагодарить антиохійцевъ за ихъ благорасположеніе къ его подданнымъ, продолжалъ въ этомъ направленіи великодушную улицу, вымощенную бѣлымъ мраморомъ и украшенную по обѣимъ сторонамъ портиками. Прекрасная улица эта пересѣкала городъ съ одного конца до другаго. Остатки ея еще видны и до сихъ поръ, отъ воротъ Св. Павла до входа въ нынѣшнюю Антакію. Пользуясь такимъ образомъ покровительствомъ отовсюду, евреи жили въ Антиохіи какъ у себя дома. Имъ выдана была часть священныхъ сосудовъ, нѣкогда похищенныхъ Елифаномъ въ храмъ іерусалимскій, и они свято хранили ихъ. Два золотыхъ херувима, вынесенные также изъ дома Божія, чтобы украсить триумфальное шествіе угнетателей, дали свое имя однимъ изъ городскихъ воротъ. Въ Антиохіи была не одна синагога; поэтому совершенно естественно, что благовѣстники Христа вознамѣрились проповѣдать здѣсь Евангеліе.

Израиль имѣлъ право первымъ услышать благую вѣсть, гдѣ бы онъ ни находился. Посему и здѣсь благовѣстники обратились къ нему прежде всего. Это вовсе не значитъ, чтобы въ глубинѣ своей души они не имѣли живѣйшаго желанія идти впередъ и безразлично вѣсть проповѣдывать религію, установленную для всего человѣчества; но какова ни была ихъ ревность, они не имѣли полномочія начать такого рода апостольство, и священный дѣеписатель опредѣленно говоритъ, что они проповѣдовали Евангеліе прежде всего однимъ только іудеямъ. То же чувство подчиненности установленному Господомъ чиноначалію, которое остановило Павла, не дозволило и имъ сдѣлать рѣшительный шагъ и безъ ясно выраженнаго разрѣшенія приступить къ разрушенію средостѣнія, которое содѣлало Израиля народомъ обособленнымъ. Они чувствовали, что объятія ихъ раскрываются и вопль сердца готовъ вырваться изъ устъ ихъ, чтобы призвать всякую тварь къ познанію Іисуса Христа; но долгъ требовалъ, чтобы они оставались недвижимыми, несмотря на нетерпѣливость, до тѣхъ поръ пока Церковь не обратится къ нимъ съ материнскимъ призывомъ, и они могли удовлетворить стремленію своему къ проповѣди всемірной лишь послѣ крещенія римскаго сотника Апостоломъ Петромъ.

Ревностные проповѣдники, образъ мыслей которыхъ превышалъ своею широтой господствовавшія въ Іерусалимѣ воззрѣнія, всѣ принадлежали къ составу іудеевъ эллинистовъ. Они жили въ постоянномъ соприкосновеніи съ язычниками. Нemoжесть ничего быть полезнѣе для людей съ предразсудками и узкимъ кругозоромъ, какъ жить посреди самыхъ различныхъ народовъ, слышать защиту всевозможныхъ ученій и встрѣчать на пути своемъ всякаго рода заблужденія. Только удалившись изъ ограниченного круга, гдѣ они находились подъ давленіемъ жизненной рутины, полной застоя и себялюбія, они приуча-

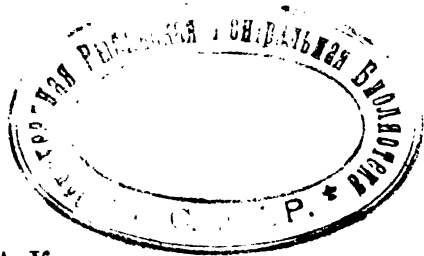
ются свободно взирать на истину. Узнавъ ее наконецъ и усвоивъ, они великодушно желаютъ содѣйствовать ея распространенію. Одни изъ этихъ людей происходили съ острова Кипра, о которомъ мы упомянули выше и гдѣ унизительное зрѣлище гнусныхъ страстей челоувѣчества должно было внушить всякой честной душѣ желаніе всемірнаго возрожденія. Другіе прибыли съ береговъ Африки, гдѣ, между Египтомъ и Карфагеномъ, за шесть вѣковъ до Рождества Христова, на плодоносной возвышенности, спускающейся уступами къ морю, греческою колоніею была построена Киринея. По смерти Александра. Киринейская область перешла подъ власть египетскихъ царей, которые привлекли сюда іудеевъ, обезпечивъ имъ всякаго рода выгоды. Подобно Александру, они предполагали, что это умное, дѣятельное и религіозное племя, уважающее власть и вѣрное своимъ клятвамъ, послужить добрымъ примѣромъ посреди населеній безнравственныхъ, буйныхъ и недобросовѣстныхъ и всегда готовыхъ устраивать заговоры. Вѣроятно, впрочемъ, что за деньги іудеи охотно образовывали изъ себя нѣчто въ родѣ тайной полиціи. Римляне удержали ихъ со всѣми присвоенными имъ преимуществами въ Киринейской области, присоединенной въ отношеніи къ управленію къ острову Криту. Рядомъ съ этими киринейцами и кипрянами жили вѣроятно и сиріане съ азійцами, этимъ благословеннымъ плодомъ проповѣди Стефана или Павла въ синагогахъ іерусалимскихъ (Дѣян. 2, 10; 6, 9; 9, 29). Они наперерывъ старались подражать ревности тѣхъ, кто приобрѣлъ ихъ Христу, и распространять ихъ ученіе. Имена ихъ намъ неизвѣстны. Можно предположить только одно, что Луцій, названный киринейциномъ, Манахемъ, молочный братъ Ирода Антипы, и Симонъ Черный, о которомъ будетъ рѣчь впереди, были главные между ними. Варнава былъ еще въ Іерусалимѣ; Петръ же, несмотря на увѣренія

нѣкоторыхъ писателей, не могъ находиться въ то время въ Антиохіи, а по всей вѣроятности былъ въ Палестинѣ и въ Іерусалимѣ.

Слушатели, къ которымъ обратились проповѣдники, были не іудеи эллинисты, что было бы и неудивительно, такъ какъ сами они принадлежали къ этому разряду іудеевъ, но греки, т. е. язычники. Антиохія, посреди своего легкомысленнаго, безпокойнаго и сладострастнаго населенія, имѣла людей, преисполненныхъ тревожнымъ исканіемъ истины. Отсюда та удивительная легкость, съ которою они принимали новыхъ людей, откуда бы посѣдніе ни приходили къ нимъ. На этотъ разъ пришельцы были чужды притязаній и излишней подвижности, но отличались сврошностію и благодушіемъ. По сіявшей на лицахъ ихъ кроткой и мирной радости, по ихъ вдохновенному взору и таинственной рѣчи, можно было гадать о совершеннѣйшемъ сокровищѣ, скрывавшемся въ сердцахъ ихъ. Слушатели просили благовѣстниковъ объясниться и научить ихъ тайнѣ своего счастья. Они оказывали великое милосердіе всѣмъ, обращающимся къ нимъ съ просьбами. Начавъ говорить лицомъ къ лицу, они скоро стали проповѣдывать на кровляхъ. Такъ началась эта проповѣдь «всякой твари», которую Господь предвозвѣстилъ и которой требовалъ.

Рука Господня была съ ними. Они приводили въ движеніе сердца, пробуждали въ нихъ священное безпокойство и всюду посѣвая сѣмя, видѣли появленіе обильныхъ плодовъ. Число увѣровавшихъ и обратившихся было, съ самаго дѣла, значительно. Это были начатки посреди язычества и первая Церковь, возникшая вне синагоги, на землѣ свободной.

ГЛАВА V.

Варнава въ Антиохіи и Тарсѣ.

Вѣсть объ этихъ обращеніяхъ язычниковъ произвела въ Іерусалимѣ впечатлѣніе величайшаго изумленія у однихъ и живѣйшаго неудовольствія у другихъ. Становилось все болѣе и болѣе очевиднымъ, что новая религія, будетъ ли она принята или отвергнута Израилемъ, предназначена къ тому, чтобы проложить себѣ путь посреди народовъ и покорить цѣлый міръ. Вотъ почему она такъ смѣло сокрушила старыя рамки іудейства и приводила подъ свое знамя всѣхъ благорасположенныхъ людей, откуда бы они ни пришли и какая бы кровь ни текла въ ихъ жилахъ. Храмъ, Святый Градъ, Обитованная земля должны, значить, потерять свое значеніе. Тяжело было это для іудеевъ и какъ примириться съ этимъ? А между тѣмъ, такова была воля Провидѣнія, такова была задача Евангелія. Всѣ матеріальныя и осязательныя связи въ народѣ или городѣ должны были исчезнуть, чтобы уступить мѣсто связямъ духовнымъ и невидимымъ, что было рѣшительнымъ отрицаніемъ іудейскаго формализма. Народъ Божій, запечатлѣнный огненнымъ внутреннимъ знакомъ, призывается поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, и болѣе въ глубинѣ души, нежели въ храмѣ, и образовать царство, безграничное какъ міръ, въ дивномъ единеніи вѣры и любви, въ общеніи однихъ и тѣхъ же упованій.

Тѣ изъ учениковъ, которые болѣе всего прониклись словами Господа: «Научите вся языки», съ восторгомъ прозирали въ это славное будущее и охотно направляли возникающую Церковь на эти пути, широкіе, какъ любовь Отца Небеснаго. Іудеи упорно вопіяли о соблазнѣ. Они все еще держались вѣковаго ученія, что грѣхомъ все осквернено въ мірѣ: люди, животныя и неодушевленные предметы, что Богу угодно было избрать для Себя одно только племя въ человѣчествѣ, отдѣльныя породы животныхъ, извѣстные дни въ году и единственную страну въ мірѣ, и что это избраніе сообщило имъ чистоту непреложную; не принимать во вниманіе эту древнюю вѣру Израиля, значитъ сдѣлаться вѣроотступникомъ и еретикомъ. Между этими двумя партіями было много людей нерѣшительныхъ, которые боялись этого новшества, хотя и были сильно поколеблены успѣхомъ, которымъ Богъ повидимому благоволилъ благословить его. Рѣшено было ближе изучить этотъ вопросъ и послать на мѣсто вѣрнаго челоуѣка, который долженъ былъ провѣрить все это и затѣмъ представить отчетъ о результатѣ своего разслѣдованія. Порученіе это было возложено на Варнаву, одного изъ доблестнѣйшихъ членовъ первенствующей Церкви.

Варнава находился конечно въ сношеніяхъ съ новыми проповѣдниками атіохійскими, потому что онъ былъ іудей еллинистъ, какъ и они, и соотечественникъ кипрскихъ уроженцевъ. Выборъ его поэтому былъ какъ нельзя болѣе уличенъ и вполне соответствовалъ новому направленію, которое Богъ даровалъ Своей Церкви. Варнава былъ покровителемъ новообращеннаго Павла и по всей вѣроятности раздѣлялъ его всеобъемлющія стремленія. Обладая умомъ обширнымъ и душою возвышенною, онъ былъ настолько остороженъ въ своихъ дѣйствіяхъ, что не потерялъ бы никакого увлеченія; но въ то же время онъ от-

личался такою кротостію и общежительностію, что не могъ огорчить антиохійскихъ братьевъ какою либо неу-мѣстною требовательностію. Апостолы очень заботились о томъ, чтобы не подавать повода къ какому бы то ни было раздѣленію между новой антиохійской общиной и общиной іерусалимской. Варнава долженъ былъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, торжественно дать первой изъ этихъ общинъ права усыновленія, если найдетъ ее достойною этого, и такъ сказать признать ее канонически, поддержавъ быстрое ея распространеніе. Онъ прошелъ всю страну до Антиохіи, слѣдуя безъ сомнѣнія по стезямъ проповѣдниковъ, если не въ Кипрѣ, то по крайней мѣрѣ вдоль финикійскаго берега и повсюду убѣждаясь, что они дѣйствительно трудились во славу Божию. Но въ особенности въ столицѣ Сиріи трудъ ихъ поразилъ его и преисполнилъ сердце его великимъ утѣшеніемъ. Здѣсь онъ увидѣлъ во всемъ блескѣ и неоспоримой дѣйствительности благодать, свыше снисшедшую на юную Церковь. Дары небесныя освятили это поразительное обращеніе язычниковъ. Здѣсь произошло безъ сомнѣнія нѣчто подобное божественнымъ явленіямъ, открывшимъ руку Божию въ крещеніи Корнилія и семейства его въ Кесаріи. Поелику же Небо продолжало такимъ образомъ ясно обнаруживать Свою волю и открывать Царствіе всякому желающему войти въ него, то оставалось только слѣдовать этому неудержимому движенію. Наступило время научить вся языки и крестить ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Съ прямою своею душою и съ одушевлявшей его пламенной вѣрой, Варнава началъ громко выражать свою радость обо всемъ, что было до него сдѣлано, а въ особенности о томъ, что угодно было совершить Богу. Онъ убѣждалъ юную общину непрестанно держаться Господа, согласно съ Его намѣреніями, сердцемъ искреннимъ и непоколебимымъ. Этотъ сынъ утѣшенія или увѣщанія,

какъ его называли (Дѣян. IV, 36), не оставилъ никого словомъ ободренія. Люди Божіи имѣютъ ту особенность, что своими добродѣтелями они запечатлѣваютъ возвыщаемую ими истину. Варнава убѣдилъ многихъ обратиться къ Христу и принять новую религію. Такимъ образомъ, предѣлы юной общины быстро раздвигались.

Вступивъ на указанную Богомъ стезю, Варнава развернулъ во всю ширь дѣятельность, къ которой онъ былъ способенъ. Со скромностію и самоотверженіемъ, которыя составляли сущность его благороднаго характера, онъ пришелъ къ убѣжденію, что силъ одного его недостаточно, чтобы вести великое дѣло, которое, начавшись ограниченнымъ кругомъ дѣйствія, тѣмъ не менѣе должно было окончиться просвѣщеніемъ всей вселенной. Тогда онъ обратился мыслию къ тому самому Павлу, котораго, какъ новообращеннаго, онъ ввелъ незадолго передъ тѣмъ въ церковь іерусалимскую и который теперь жилъ въ Тарсѣ въ своей семьѣ, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидая торжественнаго призыва къ дѣлу, для котораго Богъ предназначилъ его. Онъ не могъ не знать, сколько въ душѣ этого юноши было ревности ко славѣ Господа, любви къ заблудшему міру и краснорѣчія для торжества дѣла, на защиту котораго онъ долженъ былъ выступить. А дѣло язычниковъ и было тѣмъ самымъ дѣломъ, къ которому онъ былъ призванъ въ самый день своего обращенія. Въ своихъ бесѣдахъ въ Іерусалимѣ, Павелъ несомнѣнно разъяснилъ своему покровителю намѣренія Божіи относительно этого предмета.

Отъ Антиохіи до Тарса путь совершается въ три дня. Варнава рѣшилъ немедленно туда отправиться. Онъ слѣдовалъ вѣроятно по римской дорогѣ, слѣды которой видны еще и теперь. Пройдя послѣдовательно чрезъ Багразъ, Пейжанское ущелье и Александретту, онъ обогнулъ восточный берегъ залива, по узкой дорожкѣ, или высѣчен-

ной въ скалѣ, или проходящей по морской отмели. Черезъ Иссъ, Моисуэсть и Адаву, онъ достигъ большого и красиваго города Тарса. Вошелъ онъ вѣроятно римскими воротами, которые существуютъ и понынѣ, но безъ древнихъ своихъ украшеній. Углубленіе, обращенное къ полудню и порожнее въ настоящее время, заключало въ себѣ божество, охранявшее городъ. Этотъ каменный богъ, какъ и римскій часовой, стоявшій подъ существующимъ и понынѣ стрѣльчатымъ сводомъ воротъ, равнодушно посмотрѣли на этого кипрскаго іудея, покрытаго пылью и съ подобраннымъ платьемъ и тростию въ рукѣ сиѣшившаго въ городъ. Кто могъ подозрѣвать въ эту минуту то великое назначеніе, враждебное старому порядку вещей и роковое для язычества, которое Варнава шелъ исполнить въ Тарсѣ?

Все заставляетъ предполагать, что мужественный ученикъ Христовъ засталъ Павла въ домѣ его отца *). Одни предполагаютъ, что Павелъ проводилъ въ это время жизнь, полную сосредоточенности и богомыслія, какъ это было и во время уединенія его въ Аравіи; другіе напротивъ предполагаютъ, что онъ упражнялся въ преніяхъ съ наставниками языческой мудрости, чтобы лучше поражать ихъ когда наступитъ время борьбы. Священная исторія не

---

*) Очень жаль, что преданіе не оставило точныхъ указаній о мѣстѣ, гдѣ родился и жилъ великій Апостолъ. Въ Тарсѣ указываютъ на два мѣста, подлинность которыхъ однако трудно доказать. Одно находится у американскаго консула; здѣсь недавно найдена была въ колодезѣ мраморная плитка, съ остатками надписи, говорящей о Павлѣ, но точное содержаніе ея неизвѣстно; притомъ же плитка эта давно украдена у ея владѣльца. Внутри домъ сохраняетъ всѣ признаки древняго монастыря. Колодезь замѣчателенъ по своему красивому и прочному устройству. Другое мѣсто занято мечетью, въ которую несомнѣнно обращена очень древняя христіанская церковь. Вообще же, въ Тарсѣ не осталось никакихъ достовѣрныхъ слѣдовъ Апостола Павла; нѣтъ даже церкви, посвященной его имени.

даетъ намъ никакихъ указавій на этотъ счетъ. Трудно однако представить себѣ, чтобы пламенный прозелитъ согласился жить въ бездѣйствіи, послѣ того, какъ онъ столь мужественно проявилъ свою ревность въ Дамаскѣ и Іерусалимѣ, особенно если мы подумаемъ, что пребываніе его въ Тарсѣ продолжалось можетъ быть болѣе года. Заниматься изящной словесностью или языческой философіей было, уже не время для этой души преисполненной Іисусомъ Христомъ. Всѣ могли предаваться подобнымъ занятіямъ. теперь уже не соотвѣтствовавшимъ его мыслямъ и заботамъ, въ другую эпоху своей жизни, въ годы юности. Почему не предположить, что онъ былъ апостоломъ своей страны и основателемъ церкви въ Киликіи, которыя онъ снова посѣтилъ впоследствии (Дѣян. 15, 41; сравн. Галат. 1, 22—24), дабы утвердить ихъ въ вѣрѣ и повиновеніи наставленіямъ апостоловъ и старѣйшинъ? Когда обстоятельства или злоба людская осуждаютъ людей съ возвышеннымъ стремленіемъ на бездѣятельность, они утѣшаются тѣмъ, что продолжаютъ трудиться для торжества истины не съ такимъ безъ сомнѣнія блескомъ, но почти всегда съ дѣйствительною пользою. Слишкомъ трудно быть вынужденнымъ къ тому, чтобы пожертвовать хотя бы однимъ годомъ жизни прихотямъ людей злыхъ и враждебныхъ свѣту, если принять во вниманіе тотъ трудъ, котораго Богъ ожидаетъ отъ насъ, и ту незначительную долю времени, которая дана намъ для его осуществленія?

Оба ученика Христовы конечно съ великою радостію встрѣтились снова. Нетрудно представить себѣ, какъ они, сидя на кровлѣ дома Павлова, долго бесѣдовали о важныхъ событіяхъ, происшедшихъ какъ въ Кесаріи, такъ и Антиохіи, и о переворотѣ, совершавшемся въ образѣ мыслей учениковъ въ Іерусалимѣ. Бесѣда имѣетъ невыразимую прелесть на этихъ живописныхъ терассахъ тарсійскихъ домовъ, когда вечерній вѣтерокъ разсыпаетъ вдѣсь свѣжее

благоуханіе цвѣтущихъ розъ, жасминовъ и апельсинныхъ деревьевъ. Панорама роскошна, кругомъ мягкій свѣтъ и глубокая тишина. На сѣверной оконечности обширной долины, въ видѣ громадной крѣпостной стѣны, высится Тавръ съ своими снѣжными вершинами, которыя лучи входящаго солнца окрашиваютъ то въ бѣлый, то въ розовый цвѣтъ, тогда какъ ниже въ мрачныхъ ребрахъ его, вырисовывается на голубомъ небѣ длинный рядъ прихотливыхъ и глубокихъ впадинъ, похожихъ на лѣтницы, высѣченныя для восхожденія исполиновъ. Изъ одной изъ этихъ впадинъ вытекаетъ Киднъ. Онъ низвергаетъ свои прохладныя струи по неровному мѣсту, въ плодоносныя долины, и пробѣжавъ по пустыннымъ окрестностямъ стараго города, теряется въ болотистыхъ берегахъ Регмы, древней гавани; занесенной песками. Пышная растительность поднимается со всѣхъ сторонъ и лишь немногіе минареты господствуютъ надъ обширной и прелестной рощей, скрывающей Тарсъ въ зеленой колыбели. Подъ этимъ чистымъ небосклономъ посреди упоительной атмосферы, на лонѣ этой дивной природы, нѣсколькихъ словъ достаточно, чтобы унести душу въ тѣ надзвѣздныя области, гдѣ пребываетъ Богъ и гдѣ сіяетъ немерцающій свѣтъ Божій. Для Варнавы, человѣка сильнаго убѣжденіемъ, не было нужды въ большихъ усиліяхъ, чтобы привлечь Павла къ дѣлу, котораго онъ былъ первымъ и самымъ пламеннымъ орудіемъ. Его слова падали, какъ масло на огонь для его оживленія. Легко представить себѣ, что при этихъ извѣстіяхъ, за которыми естественно должно было слѣдовать столь нетерпѣливо ожидаемое приглашеніе приступить къ дѣлу, лицо юнаго тарсянина просвѣтлѣло, взоры поднялись къ небу и руки скрестились на груди, въ знакъ благодаренія Господу. То былъ часъ Божій и его собственный часъ, и онъ могъ сказать, вставъ предъ Варнавою: «Вотъ я, я готовъ!»

Исусъ послалъ апостоловъ и учениковъ по двое воз-
вѣщать Царствіе небесное. Изъ Тарса отправились также
два проповѣдника, направляясь въ Антиохію. Доступъ сюда
былъ открытъ и требовалось только разрѣшеніе сонма
апостольскаго, чтобы идти далѣе. Проповѣдники, послан-
ные сюда Провидѣніемъ, можно сказать, дополняли одинъ
другого. Если Павелъ обладалъ чрезмѣрною пылкостью,
то Варнава былъ способенъ умѣрять его своимъ кроткимъ
вліяніемъ, такъ что, поддерживая другъ друга, они могли
безъ особенно сильныхъ потрясеній, обезпечить окончатель-
ное освобожденіе Церкви Христіанской. Не безъ нѣкото-
раго нетерпѣнія ихъ ожидали въ Антиохіи, но и они при-
были сюда, преисполненные священнымъ восторгомъ. Жат-
ва Отца небеснаго на нивѣ человѣчества, цѣлыми вѣками
страданій, безплодія и напрасныхъ стремленій, явля-
лась предъ ними не ограниченной какимъ нибудь горо-
домъ или страной, но безпредѣльной какъ самый міръ.
Благодать Божія вливалась въ ихъ души несокрушимое
мужество и желаніе самопожертвованія, столь же великія
какъ велика была духовная нищета бѣднаго человѣчества.
При видѣ ихъ, невольно можно было воскликнуть: Коли
красны ноги благовѣствующихъ благая! Въ Антиохію, въ
особенности въ теченіи послѣдняго столѣтія, приходили
только кровожадные побѣдители и деспоты; но наконецъ
въ стѣнахъ ея являются спасители.

ГЛАВА VI.

Павель и Варнава въ 'Антиохіи.

Городъ, въ который вступили теперь Павелъ и Варнава, былъ въ это время однимъ изъ прекраснѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ. Обширный параллелограмъ, въ которомъ онъ былъ расположенъ, и до сихъ поръ ясно обрисовывается между Сильпіемъ съ южной стороны и Оронтомъ съ сѣверной. Онъ простирался на четыре версты въ длину, и на двѣ въ ширину, не включая горы. Древнія римскія стѣны, возстановленныя Юстиніаномъ, образуютъ длинную линію развалинъ въ его прихотливой окружности. Начиная отъ воротъ Св. Павла, онѣ зигзагами поднимаются къ вершинѣ Ставриса, затѣмъ зубцами спускаются внизъ и снова поднимаются чрезъ оврагъ у Желѣзныхъ воротъ, окружаютъ бывшую крѣпость и доходятъ до вершины Сильпія съ западной стороны, на высотѣ трехъ сотъ метровъ, до оконечности Орокассіада, откуда круто сворачиваютъ въ долину. Остатки четвероугольных башенъ указываютъ на рядъ главныхъ укрѣплений, разбросанныхъ на окружности въ пятнадцать верстъ, со включеніемъ и тянувшейся вдоль рѣки разрушенной части, которую однако легко отыскать. Эта укрѣпленная линія, издали похожая на непрочную узенькую ленту, имѣла однако пять метровъ въ ширину и семнадцать въ высоту. Она служила лѣстницей для входа въ акрополь. Мѣстоположеніе, гдѣ находилась Ан-

тіохія, несмотря на свой опустошенный видъ, все еще представляетъ собою одну изъ величественнѣйшихъ картинъ природы. Въ долинѣ, гдѣ растительность роскошна, несмотря на полное отсутствіе помощи со стороны чело-вѣка, Оронть катитъ свои быстрыя струи и распростра-няетъ свѣжесть, которой вѣтерокъ, постоянно дующій въ этихъ широкихъ и глубокихъ ущельяхъ, не даетъ пре-вратиться во вредную для здоровья сырость. Подъ чистымъ небеснымъ сводомъ, мрачная гора, прорѣзываемая по мѣстамъ красноватыми линіями, поднимается въ видѣ известковыхъ уступовъ, какъ будто обожженныхъ мол-ніей, въ которыхъ, какъ въ громадномъ ульѣ, зіяють пещеры, похожія на гробницы, въ которыхъ, въ продол-женіи 18-ти столѣтій, не переставали жить отшельники. Въ время грозъ, потоки, спускающіеся съ этихъ высотъ безчисленными каскадами, прорываютъ почву и, пробѣгая по широкимъ и глубокимъ канавамъ, прорѣзывающимъ улицы современной Антиохіи, низвергаются въ рѣку, обна-жая на пути погребенныя въ землѣ сокровища древняго города. Антиохія, построенная Селевкомъ Побѣдителемъ (Никаторомъ), подвергалась по крайней мѣрѣ двумъ земле-трясеніямъ въ теченіи каждого столѣтія. Такимъ обра-зомъ, она періодически живыми слоями погребалась подъ своими собственными развалинами. Ничего здѣсь нѣтъ обыкновеннѣе, какъ, разрывая почву, находить драгоцен-ные камни, браслеты, жемчугъ, золотыя монеты, произ-веденія искусства, однимъ словомъ, всѣ воспоминанія богатой и прекрасной цивилизаціи.

Посреди обширныхъ садовъ, выросшихъ на развали-нахъ, нѣсколько кипарисовъ высятся надъ группами мин-дальныхъ, миртовыхъ или лавровыхъ деревьевъ, и какъ будто сторожатъ эту гробницу, которая столько разъ раск-рывалась, чтобы поглотить тѣхъ, кто осмѣливался стро-ить себѣ здѣсь жилища, но которая, не смотря на періо-

дическіе перевороты въ землѣ, разцвѣтетъ снова въ тотъ день, когда мусульманское варварство позволить ей жить.

Три царя строили эту великолѣпную столицу. Первый, Селевкѣ Никаторѣ, переведшій сюда городъ Антигонію, положилъ ей первое основаніе близъ рѣки, тамъ гдѣ находится современная Антиохія, а гору превратилъ въ крѣпость Іополь, составлявшую второй городъ, который долженъ былъ служить защитой для перваго. Такъ какъ народонаселеніе города постоянно увеличивалось, то Каллиникъ построилъ новый городъ, съ восточной стороны. Онъ находился въ непосредственной связи съ остальными двумя и былъ расположенъ вдоль горы, которая служила для него сильной оградой съ юга, между тѣмъ какъ рѣка прикрывала его съ сѣвера. Наконецъ Антиохъ III Великій, или можетъ быть Антиохъ IV Епифанъ, пожелалъ соорудить четвертый городъ рядомъ съ тремя прочими и создать такимъ образомъ тетраполь или четвероградіе. Онъ выкопалъ искусственный рукавъ къ рѣкѣ Оронту, уже намѣчавшійся съ сѣверной стороны небольшимъ ручьемъ и существующій понынѣ подъ названіемъ Нахръ—эль—Коассихъ, и на образовавшемся такимъ образомъ островѣ поставилъ новый городъ, вмѣстѣ съ царскимъ дворцомъ. Ничего не можетъ быть величественнѣе этой группы четырехъ городовъ, изъ которыхъ каждый сохранялъ свои первоначальные окопы, а между тѣмъ всѣ они вмѣстѣ были заключены въ общей оградѣ, наполненной грозными укрѣпленіями. Тутъ сосредоточивались въ гармоническомъ единствѣ потокъ Ононнѣ или Фирминъ и Зива, отвѣсныя скалы, выровненные горныя возвышенности, рѣка, островъ, громадныя аллеи, украшенныя колоннами, какъ въ Герасѣ или Пальмирѣ, превосходившими красотой колонны въ Самаріи, дворцы, храмы, базилики, триумфальныя арки, театры, ипподромы, общественныя зданія всякаго рода. Развалины этихъ роскошныхъ сооружений,

особенно съ восточной стороны, и теперь еще покрываютъ почву неизмѣримой скатертью бѣлыхъ мраморовъ, разбитыхъ на куски самаго страннаго вида, гдѣ и понинѣ Онопнитъ и Оронтъ, выходя изъ своего ложа, вырываютъ изъ земли порфировидныя колонны или великолѣпныя саркофаги.

Серьезныхъ раскопокъ никогда не было произведено на этихъ развалинахъ, повсюду выбивающихся изъ почвы знаменательными возвышеніями. Турки употребляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать эти раскопки невозможными, вслѣдствіе чего, для того, чтобы опредѣлить мѣстоположеніе древняго города, бывшаго важнымъ пунктомъ въ исторіи начатковъ христіанства, остается только обратиться къ исторіи и воображенію, и ими дополнить то, что съ гораздо большею достовѣрностью заступъ изыскателей давно уже раскрылъ бы, въ удовлетвореніе ихъ любознательности.

Извѣстно, что греческіе города, строившіеся обыкновенно у подножія акрополя, почти всѣ походили другъ на друга правильнымъ размѣщеніемъ памятниковъ на откосѣ горы, вокругъ общественной площади и на двухъ или трехъ главныхъ улицахъ, облегчавшихъ движеніе въ городѣ. Таковы были Аѣины, Коринѣ, Смирна, Ефесъ. На вершинѣ укрѣпленной горы строили храмъ богу покровителю города; на отлогостяхъ святилища особо чествуемыхъ боговъ, каковы: Панъ, Венера, Эскулапъ, Марсъ и Бахусъ; ниже театры и амфитеатръ; ближе къ центру города форумъ, базилики, общественныя зданія, дворцы. Такимъ именно образомъ, по свидѣтельству древнихъ, была сооружена Антиохія. Храмъ Юпитера Керавна возвышался на вершинѣ акрополя къ западу, на томъ мѣстѣ, гдѣ Селевкомъ основанъ былъ Юполь. Орель съ молніей въ когтяхъ есть одинъ изъ символовъ, который чаще всего встрѣчается на антиохійскихъ монетахъ. На отло-

гости Сильція, въкоторыя развалины показываютъ еще, что здѣсь сгруппированы были святилища и другихъ покровительствующихъ божествъ. Даже Харонъ, этотъ зловѣщій лодочникъ ада, имѣлъ здѣсь свое мѣсто. Его исполинская голова, высѣченная на одномъ изъ отвѣсныхъ утесовъ, господствовала надъ всѣмъ городомъ. Народъ вѣрилъ, что это самый надежный талисманъ для удаленія чумы. Страшный перевозчикъ по Стиксу былъ обязанъ оказывать нѣкоторое благорасположеніе своимъ поклонникамъ и потому не очень спѣшилъ звать въ свою лодку тѣхъ, кто чествовалъ его безобразную фигуру.

У подошвы горы находятся вѣроятныя мѣсторасположенія амфитеатра и театра, впереди которыхъ стоялъ храмъ Бахуса. Тиверій поставилъ здѣсь колоссальныя статуи Діоскуровъ, Амфіона и Зіеа, подражаніе фарнезскаго тельца, этого высокохудожественнаго произведенія Аполлонія и Таориска тралльскаго. Двѣ большихъ параллельныхъ улицы пересѣкали городъ отъ востока къ западу. Одна, названная именемъ Тиверія и менѣе красивая, соприкасалась съ театромъ и амфитеатромъ и проходила почти у подошвы горы. Другая, носившая названіе большой улицы Портиковъ, была окончена Иродомъ Великимъ. Она была гораздо шире первой и больше всѣхъ была изукрашена. Длина ея простиралась до четырехъ верстъ. Она служила мѣстомъ сходимъ всѣхъ ничего недѣлающихъ людей, мѣстомъ прогулки высшаго свѣта и центромъ самой лихорадочной дѣятельности. Здѣсь проѣзжала и проходили колесницы, направлявшіяся въ циркъ, съ запряженными въ нихъ великолѣпными степными конями, которыхъ подковы гулко раздавались на мраморномъ помостѣ; рабы, переносившіе на носилкахъ своихъ убитанныхъ владѣльцевъ, и женщины, выставлявшія здѣсь, при закатѣ солнца, всю роскошь и кокетливость дочерей Востока. Третья улица, спускавшаяся изъ-подъ подошвы горы, чрезъ Средніе-во-

рота, у которыхъ Тиверій поставилъ группу Ромула и Рема съ волчицей, питавшей ихъ своимъ молокомъ, пересѣкала первыя двѣ подъ прямымъ угломъ, подъ триумфальными арками въ четыре фаса, покрытыми изваяніями и статуями. Она пероходила чрезъ форумъ и оканчивалась у Нимфеума, на берегу рѣки. Здѣсь, подъ кровлей полу-круглаго зданія, посреди цвѣтовъ и брызговъ каскада, предъ статуями нимфъ и боговъ, поэты читали свои стихотворенія. На Агорѣ (площади) кишѣлъ міръ торговцевъ и мелкаго люда, толковавшихъ о дѣлахъ на всевозможныхъ нарѣчіяхъ Востока и Запада. Въ базиликѣ Кесаря творился судъ, тогда какъ риторы обучали краснорѣчію въ перестроенномъ Тиверіемъ музеѣ. Остроумныя выходки, которыми они пересыпали свои уроки, съ восторгомъ принимались и переходили изъ устъ въ уста въ этомъ на-смѣшливомъ и легкомысленномъ городѣ. Въ экзедрахъ общественныхъ бань толкались философы, не имѣвшіе учениковъ. Обитатель Востока живетъ не столько разсужденіемъ, сколько впечатлѣніями. Оттого-то это преданное удовольствіямъ и шумное народонаселеніе любило больше всего театры и общественныя игры. Вся его забота сосредоточивалась на этомъ. Оно страстно спорило изъ-за какого нибудь актера, борца съ дикими звѣрями или гучера и не боялось произвести иногда цѣлый бунтъ въ честь ихъ. Религіозность была въ его племенныхъ наклонностяхъ и религія составляла его потребность. Оно выбирало себѣ такую религію, которая наиболѣе отвѣчала его вкусамъ. На первомъ планѣ у него стояло поклоненіе удовольствіямъ. Подъ предводительствомъ самыхъ почетныхъ гражданъ, поклонники веселья часто собирались въ Дафне чествовать Аполлона и отправлять гнусныя мистеріи подъ тѣнью миртовъ и лавровъ. Праздники Вахуса и Венеры, или Майюмы, подавали поводъ къ самымъ непристойнымъ дѣйствіямъ. Оргіи продолжались по цѣлымъ

недѣлямъ. Легкость жизни, въ роскошномъ климатѣ, способствуетъ безнравственности, а смѣсь племенъ располагаетъ къ самой возмутительной распущенности. Судя по словамъ греческихъ или латинскихъ историковъ и сатириковъ, Антиохія была похожа на Коринѣ. Прибывавшіе туда иностранцы скоро подпадали подъ вліяніе сирійскихъ нравовъ, и мы знаемъ, что самъ Римъ горько жаловался на изнѣженность, въ которую впадали здѣсь его воины. Эта испорченность нравовъ соединялась съ общимъ расположеніемъ ко всякаго рода суевѣріямъ. Умственного образованія, блестящаго, но далеко не серьезнаго, было недостаточно, чтобы предохранить высшіе классы отъ слѣпаго и неодолимаго легковѣрія. Антиохія легко становилась жертвою всякаго рода волшебниковъ. Извѣстно, что самъ Германикъ, въ этой странной средѣ, не могъ устоять отъ общаго увлеченія амулетами и талисманами. У дверей храмовъ, предъ жертвенниками, разставленными по перекресткамъ, волшебники, окруженные толпой народа, нашептывали ему свои секреты, а халдейскіе шарлатаны продавали вѣрнѣйшія средства для предохраненія отъ сѣверныхъ вѣтровъ, лихорадокъ, мошекъ и скорпіоновъ. Около безчисленныхъ бань, гдѣ, вмѣстѣ съ самою утонченною роскошью, цѣлый городъ, по выраженію Аполлонія Тианскаго, въ злоупотребленіи продолжительными ваннами искалъ дряхлости преждевременнаго старчества, комедіанты давали нелѣпыя и непристойныя представленія, флейтчики предавались сладострастной пляскѣ, а пѣвцы съ нахальной, хотя чуждой остроумію, энергіей, отпускали грубыя шутки. Посреди этого міра праздныхъ людей, болтуновъ, кутиль, ханжей, нахаловъ и зѣвакъ, дѣятельный муравейникъ все-таки продолжалъ заниматься дѣлами, торговлей, сдѣлками всякаго рода, и въ эту странную смѣсь тонкости и варварства, лукавства и глупости, расточительности и эгоизма, вносилъ серьезный элементъ

труда и спекуляціи, который живьемъ рисуеъ намъ эту столь оригинально сформированную среду.

Торговое движеніе было, дѣйствительно, громадно въ обширной отолицѣ Сиріи. Караваны прибывали сюда въ большомъ числѣ и съ богатымъ грузомъ по прекраснымъ дорогамъ съ сѣвера, юга и въ особенности съ береговъ Евфрата. Цѣлый рой легкихъ судовъ, плывшихъ изъ Антиохіи въ Селевкію и обратно, совершалъ обмѣнъ произведеній Востока и Запада, и превращалъ столицу Сиріи въ громадное складочное мѣсто. Въ этомъ-то международномъ обмѣнѣ еврейскій элементъ находилъ себѣ, какъ всегда, широкое мѣсто. Торговый міръ охотно вступалъ въ коммерческія отношенія съ сынами Израиля для успешнаго совершенія самыхъ трудныхъ сдѣлокъ. Евреи захватили наконецъ въ свои руки часть общественнаго богатства, и приходилось съ ними считаться. Несмотря на то, что они жили въ отдѣльной части города, какъ въ Александріи, и притомъ жизнию почти самостоятельную, они старались смѣшиваться и съ горожанами и съ народной толпой, чтобы извлекать изъ нихъ всяческія выгоды. Поэтому легко понять, что первые проповѣдники Евангелія, въ началѣ бывшіе въ непосредственныхъ связяхъ съ ними, могли съ полнымъ удобствомъ войти въ сношенія съ антиохійскимъ населеніемъ и возвѣщать ему Евангеліе. Какъ бы низокъ ни былъ его нравственный уровень, все же въ средѣ его находились благородныя души, искавшія истины и преисполненныя благоговѣйныхъ чувствъ въ добродѣтели. Въ глубинѣ души всякаго жителя Востока всегда скрывается потребность религіи и суевѣрные обряды лишь поверхностно удовлетворяютъ ей. Между самими греками нерѣдко можно было встрѣтить людей, которымъ противно было поклоненіе матеріи и которые имѣли стремленія, гораздо высшія, чѣмъ грубое многобожіе, принесенное изъ далекой родины на берега Оронта, гдѣ не было

ни поэтовъ ни художниковъ для ихъ идеализаціи. И тѣ и другіе, поглощенные водоворотомъ бурной жизни и увлеченные вихремъ самыхъ упоительныхъ наслажденій, не имѣя руководителя, который указалъ бы имъ на небо, гдѣ можно было найти свѣтъ, жили и умирали затерянными въ толпѣ. Огнь Нееміи, смѣшавшись съ грязью, ждалъ солнечнаго луча, чтобы вспыхнуть. Этотъ благословенный лучъ достигъ наконецъ до него чрезъ Евангеліе.

Когда Павелъ, пройдя по длиннымъ предмѣстіямъ праваго берега и переступивъ чрезъ мостъ на Оронть, можетъ быть тотъ самый, который существуетъ и понынѣ, вошелъ въ столицу Сиріи, онъ нашелъ здѣсь безъ сомнѣнія нѣчто похожее на свою родину Тарсъ, съ большимъ только смѣшеніемъ племенъ, съ менѣе широкимъ умственнымъ движеніемъ и болѣе циническою развращенностію. Вѣроятно, онъ былъ приведенъ Варнавою въ еврейскую часть города. Представивъ Павла маленькой церкви антиохійской, какъ нѣкогда онъ представилъ его Церкви іерусалимской, онъ ознакомилъ его со всѣмъ, что было уже сдѣлано и что предстояло дѣлать. Новый воинъ Христовъ только и ждалъ знака, чтобы устремиться въ битву.

Какой образъ дѣйствій избрали два проповѣдника и какъ представить себѣ эту первую проповѣдь между язычниками? Въ какихъ мѣстахъ и при какихъ обстоятельствахъ должна была она совершиться? Отвѣта на эти вопросы мы не находимъ у священнаго Дѣеписателя. Безъ сомнѣнія, оба апостола говорили въ синагогахъ, но былъ ли тамъ кто либо, кромѣ іудеевъ или прозелитовъ, и допускались ли туда язычники? Можетъ быть, апостолы предпочитали обращаться въ средѣ торговаго населенія и даже простаго народа, и скромно начали свое апостольство въ лавкѣ какого нибудь купца или въ шалашѣ рабочаго, посреди обыкновенныхъ сношеній по куплѣ или работѣ? Все это возможно; но, по всѣмъ признакамъ, населеніе

Антиохіи отличалось большою терпимостью въ дѣлѣ религіознаго назиданія и ничто не мѣшаетъ предположить, что, овлакомившись въ теченіи нѣсколькихъ дней съ городомъ, Павелъ пробовалъ принимать участіе въ разговорахъ на площадяхъ, разсуждать въ колоннадахъ общественныхъ бань, въ притворахъ базиликъ и на улицѣ Портиковъ, наконецъ являться даже въ школѣ риторовъ. Во всякомъ случаѣ, намъ извѣстно, что такъ именно онъ дѣйствовалъ въ Ефесѣ и Аѳинахъ. Преданіе указываетъ на одну улицу, называемую Сингонъ, въ которой, не вдалекѣ отъ Пантеона (храма, посвященнаго всѣмъ богамъ), Павелъ торжественно проповѣдовалъ Евангеліе. Можетъ быть, на этомъ мѣстѣ и была въ послѣдствіи воздвигнута Церковь, называвшаяся древнею. Такимъ образомъ, рядомъ съ идолами ложныхъ боговъ, въ самомъ центрѣ города, онъ съ перваго же времени избралъ для себя мѣсто, куда созывалъ язычниковъ, чтобы убѣдить ихъ и обратить ко Христу. Съ другой стороны, мѣстомъ, гдѣ онъ собиралъ учениковъ, подготовлявшихся къ крещенію, была пещера, о которой упоминаетъ Θεодоритъ и которую и теперь еще можно видѣть близъ развалинъ монастыря Св. Павла. Въ продолженіи многихъ лѣтъ, особенно во времена гоненій, вѣрные антиохійцы любили собираться здѣсь, и эта пещера является однимъ изъ немногихъ памятниковъ достославной эпохи, подлинность котораго неоспорима.

Варнава съ своей стороны много потрудился во время этого перваго проповѣданія и его слово, полное помазанія и силы, содѣйствовало успѣху дѣла. Они проповѣдовали цѣлый годъ посреди юной Церкви и число обращенныхъ ими привелитовъ священный Дѣяписатель называетъ «немалымъ». Невидно, чтобы что нибудь воспрепятствовало ихъ ревности. Такая терпимость антиохійцевъ составляетъ замѣчательный контрастъ съ фанатизмомъ іудеевъ, которые воздвигли въ это время новое гоненіе въ Іерусалимѣ.

ГЛАВА VII.

Гоненіе въ Іерусалимѣ

Между тѣмъ, въ Іерусалимѣ, гражданская власть рѣшилась принять свои мѣры противъ Церкви, и положеніе христіанъ сдѣлалось вслѣдствіе этого очень затруднительнымъ. Правда, что, Апостолы претерпѣвали съ самаго начала враждебное отношеніе къ себѣ синедріона, но народъ былъ еще тогда на ихъ сторонѣ: позднѣе же онъ принялъ сторону синедріона и умертвилъ Стефана. Однако, несмотря на это, гражданская власть, представителями которой отъ 37-го до 41-го года были прокураторы Самаріи и Іудеи—Маркеллъ и Маруллій, въ особенности же правители Сиріи—Вителлій и Петроній, оставалась безучастною къ такому насилію, пока не прибылъ въ Іерусалимъ новый правитель, назначенный императоромъ Клавдіемъ съ титуломъ царскимъ. Этотъ царь, согласно своимъ семейнымъ преданіямъ, выказалъ относительно релігіозныхъ вопросовъ гораздо менѣе равнодушія чѣмъ римляне, проявивъ этимъ сильное желаніе быть пріятнымъ своему новому народу. Онъ приходился внукомъ Ироду Великому и извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ Ирода Агриппы I-го. Его жизнь, будучи въ высшей степени необузданною, походить на вымыселъ и представляетъ собою грустный примѣръ успѣха, котораго способны достигнуть въ смутныя времена даже

самые презрѣнные люди при посредствѣ своей смѣлости и пронырства. Воспитанный въ Римѣ вмѣстѣ съ Друзомъ, сыномъ Тиверіа, онъ быстро расточилъ въ невоздержной жизни богатые имѣнія, переданныя матерью его Вероникой по наслѣдству отъ отца ея Аристовула. Когда Друзъ умеръ, Тиверій приписалъ его преждевременную смерть распутству, и удалилъ отъ своего двора Агриппу и другихъ соучастниковъ его оргій. Преслѣдуемый своими кредиторами, потомокъ Ирода принужденъ былъ скрываться въ небольшомъ замкѣ Идумей, и тамъ, придя въ полное отчаяніе отъ недостатка средствъ, началъ уже помышлять о самоубійствѣ. Въ это время, жена его Кипроза съумѣла склонить на сторону безпутнаго расточителя сестру его Иродіаду, которая находилась въ незаконной связи съ своимъ дядей Иродомъ Антипой. Семейство Иродовъ представляло собою примѣръ всевозможныхъ пороковъ, соединенныхъ съ необычайнымъ безстыдствомъ. Убіиства, кровосмѣшенія и предательства—вотъ чѣмъ наполнена его исторія. Агриппа, сдѣлавшись правителемъ Тиверіады и оказавшись такимъ образомъ на виду у своихъ родныхъ, не могъ долго выносить возникшаго отсюда зависимаго положенія, которое его дядя старался при всякомъ случаѣ дать ему почувствовать. Убіица Іоанна Крестителя не потерялъ еще страсти къ чрезмѣрному пьянству, за которымъ обыкновенно слѣдовали всякаго рода непріятности относительно того или другаго лица, если не преступленія, при окончаніи пира. Послѣ ссоры, происшедшей за столомъ, Агриппа внезапно удалился изъ Тира, гдѣ онъ тогда находился, и отправился искать себѣ убѣжища у одного изъ своихъ старыхъ римскихъ друзей, именно у Флакка, который былъ въ то время губернаторомъ Сиріи. Но тамъ онъ нашелъ соперника въ лицѣ своего роднаго брата Аристовула, которому и удалось вскорѣ его устранить.

Между тѣмъ Тиверій узналъ, что смерть Друза произошла не отъ распутства, а отъ отравленія его измѣнникомъ Сеяномъ, которому Друзъ далъ пощечину, причемъ собственная жена Друза, Ливія, предложила Сэяну свои услуги для совершенія мщенія. Агриппѣ пришло на мысль, что, быть можетъ, старый императоръ окажется менѣе враждебнымъ къ тѣмъ, которые напоминали ему нѣжно любимаго сына, столь жестоко похищеннаго смертью въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ. Доведенный до крайности въ своихъ денежныхъ обстоятельствахъ, Агриппа счелъ это предположеніе единственнымъ для себя средствомъ спасенія. На основаніи этого, онъ беретъ заимообразно у стараго вольноотпущенника своей матери двадцать тысячъ драхмъ, по двѣнадцати съ половиною годовыхъ процентовъ, и спѣшитъ отправиться морскимъ путемъ въ Римъ. Губернаторъ Іамніи, Ириней Капитонъ, приказываетъ задержать его какъ должника трехъ сотъ тысячъ драхмъ, которыя онъ взялъ изъ государственной казны, во время своего пребыванія въ Римѣ, и не возвратилъ. Агриппа, съ присущей его характеру хитрой уклончивостью, дѣлаетъ видъ, что покоряется распоряженію губернатора, но въ слѣдующую же затѣмъ ночь скрывается и достигаетъ Александріи, гдѣ старѣйшина Іудеевъ, Александръ, соглашается одолжить, не ему однако, потому что считаетъ его недостойнымъ какого либо довѣрія, но женѣ его Кипрозѣ, очаровавшей его своими рѣчами, двѣсти тысячъ драхмъ, въ надеждѣ что эта крупная сумма будетъ ему щедро возмѣщена въ лучшіе дни. Но на первый разъ онъ выдалъ Кипрозѣ только тридцать тысячъ, обѣщая прислать остальные деньги по прибытіи Агриппы въ Италію, такъ какъ онъ опасался его легкомысленной расточительности.

По прибытіи въ Пуццоло, Агриппа попросилъ аудіенціи у Тиверія, который пребывалъ въ то время на островѣ Капри, стараясь посреди самыхъ необузданныхъ оргій

заглушить упреки своей преступной совѣсти. Императоръ уже успѣлъ принять его благосклонно, какъ вдругъ письмо Ириней мгновенно измѣнило его добрыя расположенія. Тиверій, являвшій въ своемъ лицѣ образецъ самаго строгаго правителя, не могъ понять, даже въ виду своей близкой смерти и среди всѣхъ своихъ влодѣяній, чтобы было можно безнаказанно посягнуть на государственную казну и рассчитывать на оправданіе себя передъ царскимъ правосудіемъ. Тиверій объявилъ, что Иродъ долженъ немедленно уплатить свой долгъ, и только послѣ этого онъ согласится вновь принять его. Антонія, мать Германика и Клавдія, въ память Вероники, бывшей нѣкогда самой близкой ея подругой, даетъ тогда взаймы іудейскому властителю достаточную сумму денегъ для приведенія въ порядокъ его дѣлъ. Спустя немного, вольноотпущенникъ Тиверія, самаритянинъ Фаллій, вѣруя въ счастливую звѣзду внука Иродова, доходитъ до того что дѣлается его единственнымъ кредиторомъ на миллионъ драхмъ, уплативъ предварительно долги всѣмъ другимъ займодавцамъ. Тогда Тиверій принялъ Агриппу къ своему двору. Въ это время ужасный старикъ приближался уже къ концу своей гнусной жизни; поэтому Агриппа всячески старался стяжать благосклонность его вѣроятнаго преемника Калигулы. Онъ заискивалъ въ немъ съ такою явною неосторожностью, что однажды кучеръ его Евтихій, обвиненный въ похищеніи одежды своего господина, не нашелъ ничего лучшаго какъ отомстить за себя, открывъ императору безразсудное нетерпѣніе, съ которымъ Иродъ желалъ его смерти и восшествія на престолъ Калигулы, въ нарушение правъ внука Тиверіева, который долженъ былъ сдѣлаться его законнымъ наслѣдникомъ. Вслѣдствіе этого Тиверій приказалъ заключить въ тюрьму этого искательнаго человѣка, одинъ только разъ въ жизни проявившаго такую неловкость въ своихъ дѣйствіяхъ.

Спустя полгода Калигула сдѣлался императоромъ; и переимѣнилъ на золотыя цѣпи желѣзные узы, въ которые былъ закованъ его другъ, превративъ такимъ образомъ молодника въ царя, и давъ ему во владѣніе Итурею и Трахонитиду Филиппову, Ливанъ и Авилиенъ Лизанія. Такое неожиданное счастье возбудило величайшую зависть въ дядѣ его Антипѣ и сестрѣ Иродіадѣ. Но ничто уже не могло остановить его успѣховъ. Въ то время когда четверовластникъ отправлялся съ Иродіадой въ Римъ, рассчитывая самъ получить здѣсь титулъ царя и уничтожить вліяніе своего племянника и шурина, послѣдній предупредилъ его, сдѣлавъ доносъ на Антипу какъ на врага государства. Калигула принялъ его и лукаво спросилъ, — сдѣлалъ ли онъ заготовку оружія для арміи. Антипа отвѣчалъ утвердительно, и чрезъ то погубилъ себя, надѣясь заслужить одобреніе. Не производя даже слѣдствія, императоръ, убѣжденный въ его злоумышленіи противъ государства въ сообществѣ съ паѳеяниномъ Артабаномъ, сослалъ его въ Галлію, и сдѣлалъ Агриппу, вмѣсто него, четверовластникомъ Галилеи.

Когда Кереасъ пронзилъ мечемъ Калигулу, Иродъ, какъ величайшій лицемеръ и льстецъ, началъ заискивать покровительства у Клавдія, играя по отношенію къ нему и Сенату весьма незавидную роль, въ которой, по словамъ историка Іосифа, выказался въ полномъ блескѣ его низкій характеръ. Клавдій, составивъ себѣ убѣжденіе, что онъ именно Ироду обязанъ своимъ восшествіемъ на престолъ, осыпалъ его новыми милостями. Самарія и Іудея были присоединены къ его владѣніямъ, которыя вслѣдствіе этого оказались обширнѣе владѣній его дѣда, и приносили ему дохода около десяти милліоновъ драхмъ въ годъ. Такимъ образомъ оказалось, что Самаритянинъ Фаллій въ хорошія руки помѣстилъ свои деньги. Весьма вѣроятно, что іудейскій царь не позабылъ объ уплатѣ своихъ долговъ.

Въ царствованіе Агриппы многіе увидѣли возвращеніе милосердія Божія къ угнетенному Израилю. Страна, сдѣлавшаяся теперь почти независимою, надѣялась вмѣстѣ съ своими царями получить вновь отблескъ своей прежней славы, быть можетъ даже своего Мессію. Дѣйствительно, Агриппа не щадила ничего, чтобы поддержать эти заблужденія и предать забвенію свое гнусное прошлое. Онъ сооружалъ дворцы, амфітеатры, галлерей, бани; расширилъ даже городскія стѣны въ Іерусалимѣ и увеличилъ городъ новою частію, подъ наименованіемъ «Везеа». Подобныя дѣйствія однако возбудили подозрительность римской власти и Клавдій счелъ нужнымъ напомнить новому царю объ осторожности. Казалось, Іудеи никогда еще не имѣли своимъ властителемъ болѣе симпатичнаго и болѣе пригоднаго для нихъ человѣка. Онъ показывалъ себя ревностнымъ блюстителемъ и верховнымъ покровителемъ закона. Имѣя пребываніе въ святомъ городѣ, онъ принималъ участіе въ священныя церемоніяхъ, совершалъ жертвоприношенія, повѣсилъ по обѣту въ одномъ изъ притворовъ храма золотыя цѣпи, подаренныя ему Калигулой, уступалъ мѣсто погребальной процессіи или свадебному поѣзду, когда они ему встрѣчались на пути, и вообще старался всѣми способами проявить свои религіозныя чувства. Раввины рассказываютъ, что однажды, во время праздника Кушей, онъ стоялъ въ притворѣ храма и читалъ вслухъ Второзаконіе. Дойдя до мѣста гдѣ было сказано: «Ты не можешь поставить надъ собою царемъ иноплеменца, который не братъ тебѣ» (Втор. гл. 17, ст. 15), онъ внезапно остановился, и при мысли, что онъ Идумецянинъ, залился слезами. Быть можетъ, этотъ лицемѣръ, воспитанный въ школахъ Тиверіа, желалъ посредствомъ притворнаго волненія вывѣдать истинныя чувства своихъ подданныхъ. Толпа, тронутая душевнымъ смущеніемъ царя, принялась тотчасъ же кричать: „Не бойся Агриппа, ты братъ нашъ“.

Въ самомъ дѣлѣ, въ его жилахъ текла кровь Асмонеевъ чрезъ его бабушку Маріамну, которая вела свое происхожденіе отъ Маккавеевъ, приходясь внучкою старѣйшинѣ Гирсану II-му. Но еще болѣе онъ оказывался ихъ братомъ по своему почитанію закона. Проведя жизнь въ самомъ безстыдномъ распутствѣ, Агриппа теперь сталъ выражать негодованіе при всякомъ нарушеніи законныхъ постановленій. Онъ постоянно присутствовалъ при ежедневныхъ жертвоприношеніяхъ, охотно занимался малѣйшими богослужебными вопросами и дошелъ наконецъ до того, что оплачивалъ жертвы бѣдняковъ, не имѣвшихъ возможности исполнить свои обѣты. Въ сущности, несмотря на всѣ эти лицемѣрные свидѣтельства, въ немъ еще не умеръ закоренѣлый невѣръ и безумецъ, внушившій, какъ говорятъ, Калигулѣ часть его преступныхъ сумасбродствъ, и мы увидимъ, что послѣ гоненій, совершенныхъ имъ надъ Церковью для защиты Моисеева закона, онъ не могъ отказаться отъ удовольствія нанести оскорбленіе этому закону, или такъ сказать надругаться надъ нимъ, заставивъ боготворить самого себя. Несмотря на свое омерзительное прошлое, Агриппа являлся чело-вѣкомъ вполне пригоднымъ для ревнителѣ іудейства. Иногда подобные изверги рассчитываютъ на отпущеніе своихъ преступленій, предоставляя фанатикамъ воспользоваться ихъ силой и вліяніемъ. Въ данномъ случаѣ, обстоятельства складывались какъ нельзя лучше, чтобы установить соглашеніе между свѣтскою властью, готовою послужить религіознымъ вождямъ народа, и духовною, въ лицѣ своихъ представителей, пылавшею бѣшенствомъ при видѣ независимаго положенія послѣдователей новой религіи относительно древняго Закона; ученики Иисуса не только выказывали настойчивость въ своихъ требованіяхъ, но и входили въ братскія отношенія съ необрѣзанными. Можно ли было, по іудейскимъ понятіямъ

представить себѣ болѣе дерзкое пренебреженіе къ старымъ преданіямъ и священнымъ преимуществамъ Израиля? Повсемѣстный успѣхъ проповѣдниковъ новой религіи дѣлалъ еще болѣе безнадежною будущность старо-іудейской партіи. Объ этомъ шли горячіе споры. Глухая злоба синедриона, ропотъ народа, всенародныя обличенія со стороны ревностныхъ учениковъ Іисуса Христа, указали наконецъ царю что ему надлежало дѣлать, если онъ желалъ быть пріятнымъ своимъ іудейскимъ подданнымъ.

Будучи вынужденъ принять сторону волковъ или овецъ, онъ не измѣнилъ врожденнымъ свойствамъ своей фамиліи, и сдѣлался гонителемъ. Онъ видѣлъ какъ производились въ Римѣ ссылки и осужденія на смерть. Эта ужасная игра деспотизма, вопирающаго ногами правосудіе и человѣческую жизнь, была хорошо ему знакома, и онъ началъ гоненія, отъ которыхъ многимъ вѣрующимъ предстояло пострадать. Покровительствовать донощикамъ, вознаграждать предателей, однимъ словомъ дѣлать зло во всѣхъ его видахъ, являлось торжествомъ для царственного ученика Тиверія и друга Калигулы. Желая нанести рѣшительный ударъ христіанамъ, Иродъ приказалъ схватить прежде всего Іакова, брата Іоаннова. Быть можетъ, онъ предполагалъ, что этотъ „сынъ грома“ (Марк. гл. 3, ст. 17) былъ главою новорелигіозной общины; весьма вѣроятно, что на него указали какъ на одного изъ наиболѣе ревностныхъ сторонниковъ евангельской проповѣди язычникамъ. Какъ бы то ни было, но Иродъ приказалъ умертвить его. Итакъ, изъ двухъ сыновей Зеведея, одинъ умеръ первымъ изъ всѣхъ Апостоловъ, другой послѣднимъ. Іакова не стало въ то время, когда царство Іисуса начинало разрывать пути іудейства и, постепенно развиваясь, пускать все болѣе и болѣе глубокіе корни въ народѣ, тогда какъ Іоаннъ, заключивъ собою апостольскій вѣкъ, увидѣлъ Церковь распростра-

нившиеюся во всемъ римскомъ мірѣ и образовавшею свое священноначаліе. Оба брата одинаково приняли на себя высокій подвигъ мученичества, съ тою только разницею, что Іоаннъ вышелъ здравымъ и невредимымъ изъ кипящаго масла, тогда какъ Іаковъ испилъ до дна чашу, о которой говорилъ въ предсмертной молитвѣ Божественный Учитель, и крестился кровавымъ крещеніемъ, которое освятилъ Своею смертію Іисусъ Христосъ (Мате. гл. 20, ст. 23). Іаковъ былъ обезглавленъ. Агриппа видѣлъ въ Римѣ отсѣченіе головъ Кереаса, Луппа и многихъ другихъ, и призналъ удобнымъ ввести и въ Іерусалимъ этотъ родъ казни. По іудейскому закону, казнь Іакова, осужденнаго на смерть за преступленіе противъ религіи, должно было служить побіеніе камнями. Іоаннъ Креститель былъ обезглавленъ только потому, что Иродіада потребовала себѣ на блюдѣ его окровавленную голову.

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что священный дѣписатель весьма кратко упоминаетъ о смерти перваго апостола мученика (Дѣян. гл. 12, ст. 2), тогда какъ онъ съ большою подробностію повѣствуетъ о казни Стефана (Дѣян. гл. 7, ст. 55—60), а между тѣмъ Іаковъ былъ не только однимъ изъ двѣнадцати, но и однимъ изъ трехъ избранныхъ Господомъ свидѣтелей Его Божественной силы въ воскресеніи дочери Таира, славы въ преображеніи и предсмертной скорби въ Геосиманскомъ саду. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этой замѣчательной краткости одно изъ доказательствъ желанія дѣписателя быть безусловно точнымъ, въ передачѣ излагаемыхъ въ книгѣ Дѣяній событій, хотя бы рассказъ его и долженъ былъ вслѣдствіе этого быть краткимъ? Въ концѣ втораго вѣка, св. Климентъ Александрійскій передалъ трогательное преданіе, указывающее при кончинѣ Іакова на черту сходства съ мученическою смертію Стефана. Сходство это заключалось въ томъ, что и Іаковъ, подобно Стефану,

молился за своихъ мучителей. Климентъ присовокупляетъ, что человѣкъ, который привелъ Иакова на судилище, былъ до такой степени пораженъ, слыша мужественное исповѣданіе Апостола и свидѣтельство его объ Иисусѣ, что тутъ же объявилъ себя послѣдователемъ новой религіи. Когда затѣмъ и его также повели на мѣсто казни, то онъ сталъ просить у апостола прощенія за его участіе въ преступномъ дѣяніи властей. Апостолъ задумался на мгновеніе, и потомъ, протянувъ руки къ этому человѣку, сказалъ ему: *«миръ тебѣ»*, и братски поцѣловалъ его.

Подобныя дѣла насилія не могли не вызвать полного одобренія со стороны синедріона, и это побудило Агриппу продолжать дѣйствовать въ такомъ же духѣ. Ему ничего не стоило купить кровію нѣсколькихъ невинныхъ людей ту популярность, которой требовала его политика; къ тому же устоячивость юной Церкви, не поддававшейся малодушному страху, еще болѣе возбуждала его ярость. Царь приказалъ схватить Петра и заключить его въ темницу, а чтобы произвести большее впечатлѣніе на народъ (такъ какъ у Ирода все было рассчитано заранѣе), онъ пожелалъ, чтобы это произошло во время празднованія Пасхи 44-го года.

Такимъ образомъ не только жители Іерусалима, но и всѣ богомольцы, прибывшіе на праздникъ, должны были сдѣлаться свидѣтелями ревности, которою проявлялъ Иродъ въ своемъ покровительствѣ древней религіи Израиля противъ нововводителей. Чтобы нагляднѣе доказать необходимость строгихъ мѣръ, было рѣшено приставить для охраны узника стражу, состоявшую изъ четырехъ отрядовъ солдатъ, по четыре человѣка въ каждомъ. Петръ долженъ былъ оставаться въ темницѣ до истеченія седьмаго дня Пасхальнаго праздника. Продолжительностію заключенія имѣлось въ виду сосредоточить на узникѣ вниманіе не только цѣлаго города, но и прибывшихъ на

праздникъ чужестранцевъ. Торжественный судъ и казнь осужденнаго должны были довершить впечатлѣніе на всю страну.

Изъ четырехъ отрядовъ, смѣнявшихся на каждой стражѣ ночи, только одинъ стоялъ на караулѣ; три остальные спали въ караульнѣ. Изъ четырехъ же человѣкъ двое стояли на посту у входа въ тюрьму, а двое внутри, около самаго узника, который, по всей вѣроятности, былъ прикованъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ побѣгъ.

Пока стерегли Петра въ темницѣ, Церковь приходила въ ужасъ, видя Апостола въ узахъ и обреченнаго на вѣрную смерть, и не переставала возносить о немъ къ небу горячія молитвы, въ надеждѣ, что всемогущество Божіе найдетъ способъ для отвращенія ничѣмъ невознаградиимаго несчастія, если это совершится. Необходимо было чудо, и вѣрующіе пламенно молились о божественномъ милосердіи. Молитва была услышана.

Въ ночь, предшествовавшую роковому дню, Петръ, снявъ съ себя сандаліи, плащъ и поясъ, завернулся въ свой длинный хитонъ, и крѣпко заснулъ, ничего не опасаясь на завтра. Два солдата сидѣли около него и вѣрооятно также спали. Вдругъ Ангелъ Господень явился въ темницѣ и наполнилъ ее яркимъ сіяніемъ. Прикоснувшись къ спавшему Апостолу, онъ разбудилъ его и сказалъ: «Встань скорѣе». Цѣпи въ ту же минуту спали съ рукъ узника. «Опояшься и обуйся», продолжалъ Ангелъ. Петръ исполнилъ это; тогда Ангелъ сказалъ: «Пойдемъ, надѣнь одежду твою и иди за мною» (Дѣян. гл. 12 ст. 7 и 8). И Петръ послѣдовалъ за нимъ, не вѣря въ дѣйствительность своего освобожденія, но предполагая что онъ видитъ все это во снѣ. Между тѣмъ и два караульныхъ, бывшіе внутри темницы, и другіе двое, стоявшіе у дверей, мимо которыхъ нужно было пройти, ничего не видѣли и не слышали: высшая сила какъ бы закрыла имъ глаза и

уши. Желѣзные ворота темницы также не остановили Ангела и Петра: они сами собою раскрылись передъ ними. Выйдя, они пошли до конца улицы, и затѣмъ Ангелъ исчезъ. Когда Петръ остался одинъ и на свободѣ, посреди города, то онъ понялъ чудо, которое Господь совершилъ для его спасенія, и какъ бы очнувшись воскликнулъ: «О! теперь я вижу воистинну, то Господь послалъ Ангела Своего и избавилъ меня изъ руки Ирода и отъ всего чего ждалъ народъ Іудейскій» (Дѣян. гл. 12, ст. 11). Апостолъ пошелъ къ дому Маріи, матери Іоанна Марка, гдѣ вѣрующіе имѣли обыкновеніе собираться для общей молитвы, особенно въ часы скорби и унынія. Служила ли мѣстомъ заключенія Петра крѣпость Антонія, или, что вѣроятнѣе, одна изъ башенъ дворца Иродова,—во всякомъ случаѣ Ангелъ и Апостолъ направились прямо къ центру города, гдѣ, по преданію сохранившемуся въ древней сектѣ іаковитовъ, находился домъ Маріи. Если, что весьма вѣроятно, подобныя мѣстности могли исчезнуть изъ памяти людей съ теченіемъ времени, то нельзя отвергать того, что онѣ были хорошо извѣстны и заботливо охранялись съ самаго начала возникновенія христіанства. Этотъ домъ составлялъ, безъ сомнѣнія, часть собственности юной Церкви. Марія, тетка, если не сестра апостола Варнавы, слѣдуя примѣру своего великодушнаго родственника, отдала въ распоряженіе общины свое жилище; здѣсь-то и собирались ученики, а Петръ былъ въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ Іоанну Марку, такъ какъ онъ въ своемъ первомъ посланіи (5, 13) даетъ ему наименованіе сына.

Подойдя къ дому Маріи, Петръ постучался въ большую дверь, которая выходила на внутреннюю галерею двора и на улицу. Молодая дѣвушка, по имени Рода, первое олицетвореніе должности привратниковъ, игравшей столь важную роль въ катакомбахъ, тихо подошла, чтобы узнать кто могъ стучаться въ такой поздній часъ.

Христіанская община, послѣ смерти Іакова и ареста Петра, справедливо опасалась за свою безопасность и могла ожидать всего со стороны своихъ гонителей. Поэтому Рода остерегается отворять. Она прислушивается къ голосу стучащаго. О удивленіе! это голосъ Петра. Ошибиться въ этомъ она не могла, такъ какъ Петръ былъ обычнымъ посѣтителемъ дома, и ей не разъ доводилось слышать его рѣчи въ христіанскомъ собраніи. Радость Роды такъ велика, что, вмѣсто того чтобы тотчасъ же отворить дверь, она быстро возвращается въ домъ и спѣшитъ объявить всѣмъ, что Петръ стоитъ у воротъ. *«Въ своемъ ли ты умѣ?»* восклицаютъ со всѣхъ сторонъ. Но такъ какъ она продолжаетъ подтверждать принесенное ею извѣстіе, то ученики въ ужасѣ говорятъ: *«это Ангелъ его»*. (Дѣян. гл. 12, ст. 15). Между тѣмъ Петръ продолжалъ стучаться. Наконецъ ему отворяютъ и, увидя его, приходятъ въ изумленіе.

Справедливо опасаясь шумнаго выраженія радости съ ихъ стороны, Апостолъ даетъ имъ рукою знакъ умолкнуть и рассказываетъ, какъ Богъ вывелъ его изъ темницы.

Собраніе было въ восхищеніи. *«Пойдите, уведомьте объ этомъ Іакова и братьевъ»* (Дѣян. гл. 12, ст. 17), сказалъ Петръ, и тотчасъ же вышедши вонъ удалился изъ Іерусалима.

Іаковъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, былъ сыномъ Клеопы и Маріи, сестры или иначе сказать невѣстки Пресвятой Дѣвы, и приходился по плоти двоюроднымъ братомъ Іисусу Христу. По смерти своего отца, или быть можетъ Іосифа, онъ съ тремя своими братьями, сестрами и матерью, составлялъ одну семью съ Маріей и Іисусомъ. Вотъ почему онъ именуется братомъ Господнимъ и этому славному родству, равно какъ и своимъ доблестямъ, онъ былъ обязанъ высокимъ положеніемъ, которое занималъ въ Іерусалимской общинѣ. Подвижническое настроеніе Іакова и приверженность къ іудейству не располагали его къ

проповѣданію Евангелія за предѣлами Іерусалима, и на него было возложено управленіе Церковью Іерусалимскою; причемъ возможно, что въ помощь ему былъ оставленъ и Апостолъ Іоаннъ, который, своимъ кроткимъ и любвеобильнымъ характеромъ, могъ смягчать суровыя требованія іудейства, нечуждыя душѣ сына Клеопова. Основываясь на свидѣтельствѣ апостола Павла, можно утверждать, что эти два апостола, вмѣстѣ съ Петромъ, были столпами нарождающейся Церкви (Галат. гл. 2, ст. 9). Впослѣдствіи мы увидимъ, что вліяніе Іакова вскорѣ сдѣлалось очень значительнымъ.

Чудесное избавленіе Петра совершилось уже при наступленіи утра; иначе послѣдняя стража, при смѣнѣ третьей стражи, замѣтила бы исчезновеніе заключеннаго и подняла-бы тревогу среди самой ночи. По словамъ священнаго дѣписателя, бѣгство Апостола было замѣчено только съ наступленіемъ дня. Солдаты приведены были въ ужасъ и отчаяніе и не могли понять, какимъ образомъ и гдѣ удалось Петру выйти изъ темницы. Иродъ, раздраженный тѣмъ, что никто не могъ разъяснить ему это непонятное событіе, приказалъ подробнѣе распросить тѣхъ четырехъ солдатъ, которые стояли на часахъ во время послѣдней стражи. Но сколько ни пытали ихъ, они не могли ничего сказать и дѣло окончилось для нихъ очень неблагопріятно. По римскимъ законамъ, стражи присуждались къ такому же наказанію, какому должны были подвергнуться бѣжавшіе заключенные. Это обстоятельство дѣлаетъ для насъ вполне понятнымъ отчаяніе тюремщика, который, въ Филиппахъ, хотѣлъ лишить себя жизни, когда Павелъ и Сила были чудесно освобождены изъ темницы (Дѣян. гл. 16, ст. 27). Притомъ же не въ характерѣ Ирода было щадить несчастныхъ солдатъ, тѣмъ

болѣе, что ему было извѣстно, что войска не любятъ его. Пристыженный этою неудачей и почувствовавъ отвращеніе къ роли гонителя, онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы оставить Іерусалимъ и отправиться въ Кесарію.

ГЛАВА VIII.

Смерть Ирода Агриппы.

Какая была причина поспѣшнаго отъѣзда Ирода изъ Іерусалима? Нельзя-ли видѣть въ этомъ признаковъ тайнаго безпокойства, которое онъ долженъ былъ испытать вслѣдствіе необычайнаго спасенія Петра, приписываемаго, вначалѣ вѣрующими, а затѣмъ и всеобщею молвою, дѣйствию силы божественной? Въ нечестивомъ семействѣ Ирода были примѣры подобныхъ угрызений совѣсти. Агриппѣ конечно были извѣстны мрачныя предчувствія его дяди Антипы, преслѣдуемаго воспоминаніемъ обезглавленнаго Іоанна Крестителя. Какъ бы то ни было, но видимо онъ не желалъ болѣе продолжать роль гонителя и покинулъ поле сраженія, оставивъ іерусалимскихъ іудеевъ предаваться ихъ религіознымъ распрямъ.

Іосифъ Флавій указываетъ на другую причину этого отъѣзда. Въ это время въ Кесаріи готовились народные игры и празднества въ честь императора Клавдія, возвратившагося здравымъ и невредимымъ изъ своей экспедиціи въ Британію. Всѣ знатныя лица намѣревались отправиться туда, и присутствіе Агриппы дѣлалось необходимомъ въ виду предстоящаго торжественнаго пріема ихъ. Во всякомъ случаѣ, желаніе Агриппы присутствовать при этихъ языческихъ празднествахъ, послѣ того, какъ онъ сдѣлался въ угоду фарисеямъ, гонителемъ христіанъ, доказываетъ всю шаткость его религіозныхъ

убѣжденій. Есть впрочемъ основанія думать, что его религиозная ревность была ничто иное какъ лицемѣрный расчетъ, которымъ онъ пользовался всякій разъ, когда его интересъ и страсти находили въ этомъ свою выгоду. Иосифъ рассказываетъ, что въ Иерусалимѣ ему даже былъ сдѣланъ упрекъ въ легкомыслии, съ которымъ онъ переходилъ отъ иудеевъ къ язычникамъ и отъ храма къ театру. Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ раввиновъ этого времени, Симонъ, имѣлъ даже мужество указать на это странное поведеніе народу, и объявить, что царь, который оскверняетъ себя общеніемъ съ язычниками, не долженъ быть допущенъ въ святилище храма, куда доступъ, по закону Моисееву, предоставляется однимъ лишь вѣрнымъ израильтянамъ. Иродъ былъ настолько рассудителенъ, что не обидѣлся на подобную выходку, хотя и дерзкую по внѣшности, но законную въ своемъ основаніи. Онъ ограничился тѣмъ, что вызвалъ ревностнаго книжника въ Кесарію, посадилъ его около себя въ театрѣ и совершенно хладнокровно попросилъ его сказать, находятъ-ли онъ что нибудь дурное въ представленіи и противны-ли Моисееву закону подобныя развлечения. Изъ страха и лести, строгій раввинъ вынужденъ былъ отвѣтить, что онъ не находить въ нихъ ничего достойнаго порицанія, и просилъ царя простить ему, чувствуя себя вполне счастливымъ, что ему удалось такъ легко выпутаться изъ бѣды. Царь, съ своей стороны, не только простилъ его, но и сдѣлалъ ему богатый подарокъ и отпустилъ его домой.

Въ это время отношенія городовъ Тира и Сидона съ фивикійцами были очень натянуты. По какимъ причинамъ,—неизвѣстно. Иродъ,—говоритъ священный дѣписатель,—былъ очень раздраженъ противъ нихъ (Дѣян. гл. 12, ст. 20). Но объявить имъ войну онъ не могъ, потому что они были подданные римлянъ и составляли часть

Сирийской провинціи; но за то ему было удобно тормозить ихъ торговлю, при помощи которой они доставали себѣ зерновой хлѣбъ изъ Галилеи, Самаріи, Іудеи и другихъ земель, и доходили морскимъ путемъ до Палестинскаго берега. Области Сидона и Тира были сами по себѣ очень незначительны и не могли пропитывать населеніе этихъ большихъ городовъ, тѣмъ болѣе поддерживать, подобно финикійцамъ, обширную торговлю съ островами, Африкой и всѣмъ Западомъ. Запретить вывозъ хлѣбныхъ произведеній отъ Ливана до Газы, или по крайней мѣрѣ увеличить налогъ на привозъ и вывозъ въ гаваняхъ Яффы и Кесаріи, могло быть тяжкимъ ударомъ для торговыхъ людей Тира и Сидона. Чтобы предупредить или остановить эту бѣдственную для нихъ мѣру, они рѣшились умиловить царя, польстивъ его самолюбію. Съ этою цѣлію было отправлено къ царю особое посольство. Агриппа пожелалъ воспользоваться предстоящими празднествами, чтобы принять пословъ въ присутствіи всего народа. Это послужило для царя случаемъ доказать силу своей власти и торжество политики, задавшейся цѣлію всячески унижать своихъ надменныхъ сосѣдей.

Пріемъ пословъ происходилъ на второй день народныхъ празднествъ. Финикійяне предварительно склонили на свою сторону царскаго слугу Власта, котораго Агриппа по всей вѣроятности привезъ изъ Рима, сдѣлавъ его своимъ постельничимъ, или что тоже, лицомъ довѣреннымъ. Власту, съ своей стороны, удалось умиловить гнѣвъ царя. Было условлено, что посольство будетъ принято, и что окончательное примиреніе состоится въ театрѣ. Агриппа приказалъ сдѣлать всѣ приготовленія для задуманнаго имъ блистательнаго выхода. Зная лучше чѣмъ кто либо характеръ восточныхъ народовъ, столь легковѣрныхъ въ своемъ грубомъ идолопоклонствѣ и столь

уничженныхъ вѣковымъ рабствомъ, онъ задумалъ предстать предъ нимъ во всемъ блескѣ свѣтоварныхъ обитателей Олимпа и вызвать со стороны ихъ поклоненіе себѣ, какъ божеству. Раннимъ утромъ отправился онъ въ театръ въ богатомъ бѣломъ одѣяніи, затканномъ серебряною битю, отчего солнечный свѣтъ, отражаясь на его одеждѣ, долженъ былъ окружить его чѣмъ-то въ родѣ божественнаго сіянія или небесной славы. Мѣстоположеніе театра, развалины котораго можно видѣть еще и теперь въ пятистахъ метрахъ къ югу отъ Кесаріи Крестоносцевъ, позади старой гавани и вблизи городского вала Кесаріи Иродовой, было расположено по направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу. Скамьи для зрителей были высѣчены въ холмахъ, образующихъ въ этомъ мѣстѣ совершенно естественное полукружіе. Какъ большая часть греческихъ театровъ, и театръ кесарійскій былъ расположенъ такимъ образомъ, что позволялъ зрителямъ переносить взоръ отъ сцены на окружающую природу и наслаждаться величественнымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ собою на горизонтѣ прекрасное лазуревое море. Когда поднять былъ театральнй навѣсъ, солнце, не безпокая присутствующихъ, защищенныхъ тѣнью круговой стѣны, устремило всѣ свои лучи на сцену. Здѣсь-то и приказалъ царь устроить себѣ почетное мѣсто. Окруженный блестящею свитой, онъ обратилъ къ посольству блестящую по формѣ и содержанію рѣчь и вызвалъ въ присутствующихъ самое восторженное удивленіе.

Толпа льстецовъ подавала народу примѣръ, выражая жестами и рукоплесканіями благоговѣйныя чувства къ царскому величію. Они кричали: «Это голосъ не человѣка, а Бога» (Дѣян. гл. 12, ст. 22). Иосифъ Флавій, согласно съ священнымъ дѣеписателемъ, прибавляетъ, что пораженные лучезарнымъ блескомъ царскаго одѣянія, многіе приняли положеніе молящихся и восклицали: «Помилуй

насть! Если до сихъ поръ мы почитали тебя какъ чело-
вѣка, то впредь мы будемъ признавать тебя Богомъ.» И царь
не остановилъ ихъ, но принялъ принесенныя ему божест-
венныя почести.

Рука Господня поразила мнимаго бога. Онъ умеръ,
важиво съѣденный червями. Въ этой страшной болѣзни,
маленькія глисты причиняють иногда засореніе кишекъ
и, просверливъ ихъ, производять воспаленіе брюшины.
Больной испытываетъ тогда очень острыя желудочныя
боли, подобныя тѣмъ, о которыхъ говорятъ Іосифъ, опи-
сывая состояніе царя. Малѣйшее прикосновеніе усиливаетъ
боль. Вскорѣ черты страдальца искажаются, наступаетъ
болѣзненная рвота, дыханіе ускоряется; потомъ, на пятые
сутки, боль какъ будто утихаетъ, благодѣтельный, пови-
димому, потъ струится со всѣхъ членовъ; окружающіе на-
чинають уже питать надежду на выздоровленіе; но вдругъ
лицо больного дѣлается багровымъ, и затѣмъ наступаетъ
смерть.

Таковъ безъ сомнѣнія былъ и конецъ Агриппы, кото-
рый, конечно, носилъ въ своихъ внутренностяхъ печаль-
ные плоды распутной молодости. Іосифъ Флавій упоми-
наетъ объ очень сильныхъ желудочныхъ боляхъ, но
св. Лука, историкъ-врачъ, точнѣе опредѣляетъ причину ихъ,
говоря, что черви изѣли больному внутренности (Дѣян.
гл. 12, ст. 23). По словамъ Іосифа, Агриппа раскаялся
передъ смертію въ своемъ безумномъ тщеславіи. «Вашъ
богъ,—говорилъ онъ своимъ друзьямъ,—собирается уми-
рать», и, признавая въ своей болѣзни руку Провидѣнія,
безропотно ей покорился.

Тѣмъ неменѣе, войско относилось весьма недоброже-
лательно къ Агриппѣ, и та самая толпа, которая, какъ
свидѣтельствуемъ Іосифъ, одѣвшись во вретисце, плакала
и молилась о выздоровленіи царя, стала, по смерти его,
осыпать память его всякаго рода оскорбленіями, доказавъ

тѣмъ что почтеніе, которое выказывать ему народъ при жизни, было не болѣе какъ обманчивая форма рабскаго страха. Солдаты ворвались во дворецъ, и, похитивъ статуи царскихъ дочерей, выставили ихъ въ самыхъ грязныхъ мѣстахъ города и на террасахъ домовъ, и съ безпримѣрною наглостью оскверняли ихъ. Затѣмъ устроились пиршества, на которыхъ съ безстыдствомъ выражалась народная радость, и нѣсколько человекъ, умастивъ себѣ головы благовоніями и украсивъ вѣнками, совершили возліанія въ честь Харона, которому пришлось перевозить въ адъ столь знаменитаго мертвеца.

Агриппа умеръ пятидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, процарствовавъ четыре года при Калигулѣ и три при Клавдіѣ. Онъ оставилъ послѣ себя трехъ дочерей и семнадцатилѣтняго сына. Но Клавдій не нашелъ нужнымъ возводить этого юношу на престолъ. Римская политика стала замѣчать, что она дѣлала немалую ошибку, восстанавливая хотя и незначительныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ небезопасныя царствѣ Востока, и теперь представлялся для нея весьма удобный случай упразднить ихъ. Такимъ образомъ, Іудея вступила въ непосредственное распоряженіе Рима и вновь стала управляться прокураторами, и только въ духовныхъ дѣлахъ она была поставлена подъ наблюденіе Ирода, царя Халкидскаго, который испросилъ себѣ у императора верховную власть надъ храмомъ и его сокровищами, вмѣстѣ съ правомъ назначать первосвященниковъ.

Такое раздѣленіе между свѣтскою и духовною властями дало очень благопріятные результаты. Иродъ, находясь вдали отъ Іерусалима, мало вмѣшивался въ религіозныя вопросы, къ которымъ братъ его Агриппа относился съ видимымъ пристрастіемъ; и Церковь Іерусалимская, еще недавно вынесшая глубокое потрясеніе, обрѣла новый міръ по смерти своего гонителя, а это придало ей новую

силу для своего распространенія и развитія. Иродъ Халкидскій воспользовался своею властью надъ первосвященникомъ, отрѣшивъ отъ должности первосвященника Канфера и возведя на его мѣсто Іосифа, сына Камія, человека болѣе спокойнаго и миролюбиваго. Присланный изъ Рима прокураторъ, нечуждый административныхъ способностей и твердости, назывался Куспій Фадъ. Все это совершилось въ 44-мъ году по Р. Х.

ГЛАВА IX.

Проповѣдь Петра внѣ Палестины.

Таковъ былъ несчастный конецъ гонителя. Но что сдѣлалось съ гонимымъ Петромъ? Его имя исчезаетъ со страницъ книги Дѣяній и священный дѣеписатель упоминаетъ о немъ только черезъ шесть лѣтъ, во время апостольскаго собора въ Іерусалимѣ, послѣ чего уже вовсе не говорится о немъ. Что же дѣлалъ онъ съ 44-го по 50-й годъ, въ то время когда Павелъ предпринималъ свои великія миссіонерскія странствованія? Здѣсь необходимо, за отсутствіемъ опредѣленныхъ указаній, вступить въ область предположеній.

Выраженіе книги Дѣяній: «Потомъ вышедъ, пошелъ въ другое мѣсто» (Дѣян. гл. 12, ст. 17) можетъ повидимому означать то, что Петръ скрылся у кого нибудь изъ своихъ друзей въ Іерусалимѣ или окрестностяхъ; но на самомъ дѣлѣ, въ этихъ словахъ должно подразумѣвать нѣчто иное, а именно какое-либо необходимое путешествіе, вызванную важными причинами перемѣну мѣстожителства, для чего и потребовалось долгое отсутствіе. Богъ не для того чудесно избавилъ Апостола отъ рукъ Ирода, чтобы подвергнуть его новой опасности. Если онъ вышелъ изъ дома матери Іоанна Марка, даже лично не увѣдомивъ Іакова о своемъ освобожденіи, то это доказываетъ, что

онъ послѣдно и надолго долженъ былъ удалиться изъ Іерусалима. Савль и Варнава уже не нашли его здѣсь, когда пришли съ милостынею для христіанской общины. Итакъ, въ послѣдній день пасхальнаго праздника 44-го года, Петръ оставилъ не только Іерусалимъ, но и вообще владѣнія гонителя.

Чтобы вѣрнѣе укрыться отъ своихъ враговъ, ему слѣдовало избрать самую короткую дорогу, добравшись или до пустыни, ведущей къ Египту и Сиріи, или до моря чрезъ Іопнію. Послѣдній путь, въ то время, когда полицейскій надзоръ еще не былъ такъ хорошо устроенъ, какъ въ наши дни, и не имѣлъ возможности получать всѣ необходимыя для него свѣдѣнія, оказывался во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе расчетливымъ и удобнымъ. Петръ имѣлъ связи въ этомъ городѣ, гдѣ, еще недавно, было столь плодотворнымъ его апостольство. Друзья могли съ удобствомъ скрыть его побѣгъ. Ежедневно купеческіе корабли отплывали отъ Іопніи къ Александріи, финикійскому берегу, островамъ, Греціи и Италіи. Въ каждой изъ этихъ мѣстностей Петръ могъ съ полною увѣренностью найти немалую часть іудейскаго населенія. На этомъ основаніи онъ рѣшился предпринять морское путешествіе; но потому ли, что вслѣдствіе промыслительной случайности, корабль, на который онъ сѣлъ, отправлялся въ Римъ; или потому, что пустившись въ путь безъ опредѣленнаго назначенія, онъ получилъ внушеніе свыше принести въ столицу Запада благовѣстіе, которое другіе проповѣдывали съ такимъ уснѣхомъ въ Антиохіи, главномъ городѣ Востока, — Апостоль прибылъ въ Римъ. Здѣсь онъ могъ встрѣтить учениковъ, которыхъ крестилъ въ Іерусалимѣ, и при содѣйствіи ихъ употребить на проповѣдываніе Евангелія все время, протекшее между послѣднимъ удаленіемъ его изъ Іерусалима и появленіемъ на соборѣ, происшедшемъ здѣсь около 51-го года. Итакъ, мы полагаемъ, что священные писатели древности справед-

ливо упоминають о путешествіи Петра въ Римъ, совершенномъ болѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ до его мученической кончины. Только они назначаютъ для этого болѣе раннее время, нежели это было въ дѣйствительности. До половины 44-го года Петръ не удалялся изъ Палестины, и лично руководилъ нарождавшуюся Церковь въ Иерусалимѣ. Къ тому же, сомнительно, чтобы благовѣстіе въ чужихъ краяхъ, хотя бы оно ограничивалось одними только синагогами, могло входить въ его планы раньше проповѣди въ Самаріи и даже видѣнія въ Іоппіи. Такимъ образомъ слѣдуетъ предположить, что Апостолъ дважды проповѣдывалъ въ столицѣ имперіи: первый разъ вскорѣ послѣ того какъ онъ избѣжалъ отъ рукъ Ирода въ Иерусалимѣ, другой—передъ своею мученическою кончиною при Неронѣ. Между же этими двумя посѣщеніями Рима, протекло около двадцати лѣтъ, въ теченіи которыхъ Апостолъ проявлялъ свою дѣятельность въ другихъ мѣстахъ.

Предполагать, что начиная съ этого времени, когда положено было основаніе покоренію міра Евангеліемъ, Петръ могъ подолгу останавливаться въ Иерусалимѣ, Антиохіи или Римѣ, значило бы имѣть невѣрное понятіе о временахъ апостольскихъ. Не должно смѣшивать апостолство съ епископствомъ. Епископъ пребываетъ въ своей епархіи, среди паствы, чтобы надзирать и руководить ею; апостолъ путешествуетъ, распространяя во всемъ мірѣ слово Божіе. Вотъ почему ни одинъ апостолъ, даже Іаковъ, не былъ епископомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Іисусъ Христосъ поставилъ апостоловъ отцами епископовъ, или лучше сказать, епископами вселенской Церкви.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, мы приходимъ къ заключенію, что вскорѣ послѣ 44-го года Петръ приступилъ къ проповѣди Евангелія въ Римѣ, положивъ основаніе этой знаменитой Церкви, предоставилъ затѣмъ

Павлу часть трудиться тамъ въ свою очередь, и принять на себя управленіе ею только въ послѣдніе годы своей жизни.

Укажемъ теперь тѣ основанія, по которымъ мы утверждаемъ, что Петръ проповѣдывалъ въ Римѣ около четвертаго года царствованія Клавдія.

Обратимъ прежде всего вниманіе на слѣдующія два обстоятельства. Первое, что до 58-го года, вѣроятное время Посланія къ Римлянамъ, уже существовала въ столицѣ имперіи значительная христіанская община. Второе, что вся древность приписываетъ Петру славу основанія, вмѣстѣ съ Павломъ, Римской Церкви и, въ своемъ непреложномъ свидѣтельствѣ объ ихъ совокупномъ апостольствѣ, она предоставляетъ первенство времени Петру.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что съ половины перваго вѣка уже находилось въ Римѣ общество учениковъ, посвященныхъ въ новую религію, потому что Павелъ обращаетъ къ нимъ важнѣйшее изъ своихъ посланій, выражая въ немъ благодарность Богу за вѣру ихъ «которая возвѣщается во всемъ мірѣ» (Римл. гл. 1, ст. 8). Такое одобреніе ревности римскихъ христіанъ повидимому согласуется съ нѣкоторыми указаніями свѣтской исторіи. Что означали, въ самомъ дѣлѣ, жалобы Клавдія на пагубное развитіе чуждыхъ суевѣрій (Тад. Лѣт. XIV, XLIV) и обвиненія, высказанныя Кассіемъ предъ лицомъ всего сената, противъ рабовъ, начинающихъ во множествѣ исповѣдывать новую религію, если не тревожный вопль язычества въ виду успѣховъ Евангелія? Ничто не могло казаться болѣе страннымъ и непонятнымъ для римскихъ многобожниковъ какъ чисто духовная религія Іисуса Христа. Она представлялась имъ столь непостижимой и чуждою всякой положительности, что они даже смѣшивали ее съ безбожіемъ. Религія безъ идоловъ, безъ боговъ, сдѣланныхъ изъ дерева и камня, которую, судя по словамъ Кас-

сія, въ большинствѣ случаевъ принимали рабы, не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ христіанствомъ. Эти несчастные находили утѣшеніе въ религіи, которая проповѣдывала человѣческое братство и общала уничиженнымъ возстановленіе и блаженство въ будущей жизни.

Одновременно съ гражданскою властью, но еще съ большей силой, возвысило свой голосъ встревоженное іудейство, свидѣтельствуя въ своихъ синагогахъ противъ нововводителей, которые, хотя и вышли изъ его среды, но по своему ученію и стремленіямъ были совершенно чужды ему.

Всѣ эти явленія имѣли настолько тревожный характеръ, что они вынудили добродушнаго Клавдія обратить на нихъ вниманіе. Послѣ нѣкоторой нерѣшительности принять строгія мѣры противъ столь значительнаго числа людей, онъ ограничился вначалѣ запрещеніемъ собраній этихъ возмутителей общественнаго порядка, а затѣмъ подвергнувъ изгнанію, безъ разбора, и защитниковъ закона и проповѣдниковъ Евангелія, подъ общимъ наименованіемъ іудеевъ. Мы увидимъ впослѣдствіи доказательство этого въ Коринѣѣ (Дѣян. гл. 18, ст. 2). Акила и Прискилла были уже христіанами до своей встрѣчи съ Петромъ, потому что въ книгѣ Дѣяній не сказано чтобы ему приходилось обращаться къ нимъ. Въ числѣ изгнанныхъ несомнѣнно находился самъ Петръ и тогда-то, по всей вѣроятности, онъ и вернулся въ Палестину.

Если же отрицать, что именно Апостоль Петръ вызвалъ въ Римѣ быстрое развитіе юной Церкви, столь опасное для язычниковъ и ненавистное для іудеевъ, то кому же придется тогда приписать честь его? Нѣсколькимъ ученикамъ, которыхъ онъ крестилъ на другой день Пятидесятницы и которые возвратились потомъ въ Римъ, откуда они и приходили въ Іерусалимъ (Дѣян. гл. 2, ст. 10)? Но и въ такомъ случаѣ все-таки истиннымъ основателемъ

Римской Церкви слѣдуетъ признать Петра, хотя бы дѣйствія его совершились здѣсь при посредствѣ учениковъ. Иначе, какъ объяснить, что взрывъ негодованія и ненависти со стороны іудеевъ произошелъ только черезъ пятнадцать или шестнадцать лѣтъ послѣ вышеуказаннаго крещенія и совпадаетъ въ точности съ тѣмъ временемъ, когда Петра уже не было въ Іерусалимѣ? Періодъ полнаго бездѣйствія Апостола былъ бы слишкомъ продолжителенъ и потому не естественнѣе ли предположить, что новая и особенно плодотворная дѣятельность Петра проявилась именно въ Римѣ и что здѣсь совершилось обильное изліяніе Святаго Духа при такомъ проповѣдникѣ, который былъ несравненно выше неизвѣстныхъ учениковъ первыхъ дней евангельской проповѣди?

Нельзя ли затѣмъ найти въ общихъ свойствахъ Римской Церкви, какъ они представляются намъ изъ Посланій Апостола Павла, что нибудь напоминающее частныя наставленія Петра или, такъ сказать, отпечатокъ руки, которая ее основала? Мы увидимъ это позднѣе. Во всякомъ случаѣ, можемъ замѣтить, что Павелъ пишетъ членамъ этой Церкви съ оттѣнкомъ такого уваженія къ нимъ, которое доказываетъ, что основателемъ ея былъ одинъ изъ ревностныхъ Апостоловъ Христовыхъ. Наконецъ, какъ объяснить ту особенность, что ни одинъ писатель древнихъ вѣковъ не отказываетъ Петру въ чести основанія Римской Церкви? Не служитъ ли это доказательствомъ общаго убѣжденія въ томъ, что Петръ проповѣдывалъ здѣсь ранѣе Павла? Въ совокупности свидѣтельствъ, указывающихъ на стеческія отношенія обоихъ Апостоловъ къ этой Церкви, мы не встрѣчаемъ нисколько разногласія, и всѣ они признаютъ Петръ первымъ проповѣдникомъ Евангелія въ Римѣ. Но такое преимущество, оказываемое Петру, было бы несправедливостью, если бы Павелъ проповѣдывалъ въ Римѣ ранѣе его. Къ этому

единогласному свидѣтельству отцовъ Церкви присоеди-
няется еще болѣе ясное свидѣтельство Евсевія и бла-
женнаго Іеронима о продолжительномъ пребываніи Петра
въ Римѣ.

Изъ свидѣтельствъ Евсевія о двадцатилѣтнемъ пре-
бываніи Петра въ Римѣ выводъ тотъ, что Апостолъ на-
чалъ свою проповѣдь въ столицѣ имперіи около 45 года;
и положивъ здѣсь основаніе Церкви, удалился въ другія
мѣста, а около 66-го года пришелъ въ Римъ вторично,
чтобы принять здѣсь мученическую кончину. Около 50-го
года мы видимъ его на апостольскомъ соборѣ въ Іеруса-
лимѣ. Немного спустя онъ уже былъ въ Антиохіи, и, по
всей вѣроятности, оставался тамъ нѣкоторое время.
Въ 58-мъ году его уже не было въ Римѣ. Это можно ви-
дѣть изъ Посланія Апостола Павла, гдѣ онъ обращается
съ привѣтствіями къ важнѣйшимъ лицамъ Римской об-
щины, не называя Петра. Подобное молчаніе Павла было
бы необъяснимо, если бы Петръ находился въ это время
въ городѣ. Тѣмъ болѣе не могъ онъ быть здѣсь три года
спустя, когда Апостолъ язычниковъ явился въ Римъ для
оправданія себя предъ Кесаремъ. Книга Дѣяній, какъ
извѣстно, останавливается на 63-мъ годѣ; если бы Петръ
былъ около этого времени въ Римѣ, то невозможно было
бы объяснить, почему въ яркой картинѣ, которую ри-
суетъ священный дѣеписатель при описаніи приѣма, сдѣ-
ланнаго христіанскою общиною узнику Павлу, и тѣхъ
составаній, которыя послѣдній принужденъ былъ вести
одинъ съ іудеями, онъ вовсе не упоминаетъ о Петрѣ.
Далѣе, когда Павелъ, во время своего перваго заключенія
пишетъ къ Филимону, къ Колоссянамъ, Ефесянамъ и
Филиппійцамъ, то онъ также ничего не говоритъ о
Петрѣ, но зато указываетъ (*Филип. гл. 2, ст 14—17*) на
нѣкоторый подъемъ духа у римскихъ христіанъ и на
возбужденіе ревности между проповѣдниками, а это пред-

полагаетъ время, предшествовавшее нѣкоторому онѣмѣнію и упадку и несомѣстное съ присутствіемъ между ними Петра. Нужно не знать пламенной души верховнаго Апостола, чтобы допустить, что, пребывая посреди римскихъ учениковъ, онъ могъ допустить такое ослабленіе вѣры между ними. Во всякомъ случаѣ, Павелъ не могъ, хотя бы изъ простаго чувства справедливости, неотдѣлить дѣло Петра, если только онъ пребывалъ тогда въ Римѣ, отъ дѣла «нечестивыхъ людей», которымъ, въ обличительныхъ словахъ своего Посланія, онъ объявляетъ столь строгій приговоръ (Римл. гл. 1, ст. 18—32.)

Итакъ, Лактанцій и Ливерій не ошибаются, говоря, что Петръ поселился окончательно въ Римѣ только при Неронѣ, но, что уже начиная съ четвертаго года царствованія Клавдія, онъ положилъ основаніе Римской Церкви и поучалъ тамъ, какъ позднѣе онъ проповѣдывалъ въ провинціяхъ Понта, Галатіи, Каппадокии, Асіи, Визиніи и Месопотаміи. Если мы согласимся съ этимъ, то передъ нами съ совершенной ясностью раскроется цѣлый рядъ событій, имѣющихъ несомнѣнную связь между собою. Петръ проповѣдуетъ въ Римѣ, пока его проповѣдь не прерывается возмущеніемъ іудеевъ въ синаногахъ и послѣдовавшимъ затѣмъ поголовнымъ изгнаніемъ Семитовъ изъ Рима. Можно сказать утвердительно, что основаніе Римской Церкви было положено ранѣе того времени, когда іудеи и христіане подверглись этому изгнанію. Петръ успѣлъ уже хорошо засѣять ниву и теперь предоставилъ другимъ возвращать посѣянное. Затѣмъ, когда окончилось время ссылки, община пріобрѣла новыя силы, и Павелъ писалъ ей уже не какъ Церкви, которую было нужно только еще основывать, но уже какъ воипству, прославившему себя подвигами самоотверженія и утвержденіемъ своей вѣры. Проповѣдуя письменно или устно, онъ продолжалъ дѣло Петра, который былъ завязъ

въ то время благовѣстіемъ въ другихъ странахъ. Проповѣдь Павла въ Римѣ продолжалась до его мученической кончины; и ему, по всей справедливости, принадлежитъ вмѣстѣ съ Петромъ право на наименованіе основателя Римской Церкви.

ГЛАВА X.

Разсѣяніе апостоловъ.

Въ послѣдній разъ о сонмѣ Апостольскомъ упоминается по поводу присоединенія къ Церкви Корнилія и его семейства (Дѣян. гл. 11, ст. 1). До этого времени двѣнадцать Апостоловъ оставались въ Іерусалимѣ, непрестанно благовѣствуя объ Іисусѣ Христѣ въ домахъ и притворахъ храма и подтверждая истину своихъ словъ чудесами (Дѣян. 4, 33; 5, 42; 2, 43 и т. д.). Послѣ смерти Іакова старшаго и заключенія Петра, когда голодъ опустошалъ страну, о нихъ уже не говорится и Церковь святаго города управляется старѣйшинами. Это доказываетъ, что опасаясь внезапной вспышки изувѣрства со стороны Ирода, и конечно также вслѣдствіе откровенія, полученнаго Петромъ по поводу обращенія язычниковъ, они разошлись въ разныя стороны, дабы, согласно повелѣнію Учителя, начать проповѣдь Евангелія всему міру.

Когда, по желанію Петра, вѣрующіе, встрѣченные имъ въ домѣ Маріи, увѣдомили о его освобожденіи Іакова и братьевъ, то вѣроятно, одновременно съ этимъ, имъ было назначено и свиданіе съ Апостолами въ опредѣленномъ мѣстѣ внѣ Іерусалима. Здѣсь по всей вѣроятности каждый получилъ указаніе для своей апостольской дѣятельности и здѣсь же совершилось послѣднее прощаніе между апостолами. Нельзя безъ чувства глубочайшаго благословенія и свѣтлой радости, представить себѣ это торже-

ственное собраніе двѣнадцати Апостоловъ, когда они, послѣ братской бесѣды о великой задачѣ, предстоявшей имъ въ разныхъ концахъ земли, и припоминая благія дѣянія Божественнаго Учителя, послѣ взаимныхъ объятій и цѣлованій, должны были разстаться навсегда. На челѣ ихъ отблескъ небеснаго сіянія. Ихъ рука мужественно сжимаетъ посохъ путешественника, который будетъ ихъ скипетромъ. У нихъ нѣтъ никакой другой опоры въ предстоящей борьбѣ со врагомъ, кромѣ вѣры въ посылающаго ихъ Господа, а между тѣмъ они какъ бы уже предвкушаютъ свое торжество, потому что этими галилейскими простолюдинами, бѣдными, невѣжественными, неопытными, будетъ побѣждено язычество, какъ нѣкогда Голіаѳъ былъ побѣжденъ Давидомъ, пастухомъ Вилеемскимъ.

Очень древнее преданіе, подтверждаемое между прочимъ Климентомъ Александрійскимъ, говоритъ, что Апостолы оставались въ Иерусалимѣ въ теченіи двѣнадцати лѣтъ послѣ Вознесенія Господня, и затѣмъ уже разсѣялись по всему міру. Если это такъ, то нашъ рассказъ соотвѣтствуетъ этому времени.

Какъ раздѣлили Апостолы между собой народы?

Прежде всего, конечно, нужно было упрочить управление Церкви Иерусалимской, которая подвергалась постояннымъ нападеніямъ, и потому требовала опытнаго и разумнаго кормчаго, власть котораго была бы неоспорима. Апостолы единогласно рѣшили возвести на эту трудную должность Іакова, брата Господня. Св. Климентъ Александрійскій увѣряетъ, что починъ этого выбора принадлежалъ Петру и сыновьямъ Зеведея; это заставляетъ предполагать, что избраніе Іакова произошло ранѣе гоненія Иродова. Дѣйствительно, все свидѣтельствоваало, что Іаковъ пользовался общимъ уваженіемъ Иерусалимской Церкви строгость его жизни, родство съ Іисусомъ Христомъ и на-

конецъ пламенная вѣра, за которую онъ удостоился, какъ говорить преданіе, особеннаго явленія воскресшаго Богочеловѣка. Въ евангеліи евреевъ, по свидѣтельству блаженнаго Іеронима, говорится, что Іаковъ, давши клятву не вкушать ничего послѣ того какъ онъ пилъ на Тайной Вечери чашу Господню, пока не увидитъ Іисуса воскресшимъ, имѣлъ счастье увидѣть Учителя, Который ему сказалъ: «Братъ Мой, вкуси хлѣба, ибо Сынь Человѣческій возсталъ отъ мертвыхъ». Спокойный, но твердый характеръ Іакова отличался благочестіемъ, по образу самыхъ строгихъ іудеевъ. Говорятъ, что онъ никогда не пилъ ни вина, ни сикера, не ѣлъ мяса и не стригъ волосъ. На умищеніе елеемъ или освѣжающія омовенія онъ смотрѣлъ, какъ на роскошь, отъ которой считалъ долгомъ воздерживаться. Онъ напоминалъ собою Іоанна Крестителя, но съ ревностію, смягчаемою духомъ Евангелія. Примѣръ Господа, поселивъ въ строгой для себя самой душѣ его, стремленіе къ умерщвленію плоти и неуклонное повиновеніе закону, сообщилъ ей особенную любовь къ молитвѣ и священную готовность совершать это самоумерщвленіе какъ жертву Богу за грѣхи народа. Всегда одѣтый въ льняныя одежды, онъ любилъ молиться одинъ въ храмѣ, и отъ частыхъ колѣнопреклоненій на колѣнахъ его образовались наросты, подобные затвердѣлой кожѣ верблюдовъ пустыни.

Народъ былъ преисполненъ величайшимъ уваженіемъ къ святому мужу, добродѣтели котораго одновременно носили на себѣ печать Ветхаго и Новаго Завѣта. Его называли «Праведнымъ» или оплотомъ народа. Даже іерархическая партія, несмотря на всю свою ярость противъ учениковъ Іисуса Христа, казалось, относилась къ нему съ почтеніемъ.

Историкъ Евсевій, у котораго мы заимствуемъ всѣ эти подробности, предполагаетъ, что только одному Іакову

дозволено было входить для молитвы во Святаго храма, куда допускались только священники.

Изъ всего вышесказаннаго можно заключить, что первый епископъ Иерусалимской Церкви обладалъ всѣми достоинствами, которыя могли обезпечить, насколько это было возможно, примиреніе Церкви съ синагогой. Іаковъ протягивалъ, такъ сказать, руку той и другой и, открыто почитая прошедшее, относился съ довѣріемъ къ будущему.

На этомъ основаніи было рѣшено предоставить ему управленіе Церковію Иерусалимскою, потому что, лучше чѣмъ кто либо, онъ могъ найти возможность умиротворить враговъ Евангелія. Нѣкоторые думаютъ даже, что онъ былъ поставленъ епископомъ Иерусалима самимъ Іисусомъ Христомъ; но это надо понимать, конечно, не въ смыслѣ прямаго дѣянія Господня, но какъ опредѣленіе Его святой воли, выразившейся въ этомъ избраніи чрезъ посредство Апостоловъ. Вопреки предположенію св. Климента Александрійскаго, о которомъ мы упомянули выше, приходится думать, что избраніе Іакова совершилось послѣ кончины его соименника, сына Зеведеева, и предъ разсѣяніемъ двѣнадцати Апостоловъ. Иначе нельзя бы было объяснить себѣ, почему внезапное проявленіе изувѣрства со стороны Ирода не поразило настоящаго представителя Иерусалимской Церкви. Притомъ же, во главѣ управленія этою Церковію стояли тогда Петръ и другіе Апостолы, находившіеся въ Иерусалимѣ, такъ что уже не было необходимости, при ихъ присутствіи, назначать туда особаго епископа.

Совѣтникомъ Іакову былъ оставленъ Іоаннъ. Проповѣдуя Евангеліе въ маленькихъ городахъ Палестины и учреждая тамъ новыя общины, возлюбленный ученикъ Христовъ сохранялъ свое мѣстопробываніе въ Иерусалимѣ, гдѣ жилъ вмѣстѣ съ Приснодѣвой Маріей, Которую ввѣрилъ его попеченію умирающій Спаситель. Совергатель-

ная душа Іоанна любила уединеніе, и часть его дѣятельности долженъ былъ наступить только послѣ смерти остальныхъ Апостоловъ. Люди мысли выступаютъ обыкновенно послѣ людей дѣла, и любомудрію и теардости духа принадлежить право довершать ихъ труды, и установивъ связь между ними, направить ихъ къ великой цѣли. Вотъ почему несмотря на свое мѣстопробываніе въ Іерусалимѣ, Іоаннъ почитается Павломъ за одного изъ трехъ столповъ первенствующей Церкви (1 Гал. гл. 2 ст. 3).

Жребій Андрея, брата Петрова, могъ бы показаться самымъ тяжелымъ для души менѣе твердой. Онъ пошелъ къ Скиѳамъ, которыхъ ни Киръ ни Александръ не могли покорить, и которые, подъ различными именами Готеовъ или Гунновъ, дѣлали постоянныя нашествія на римскія владѣнія. Большія греческія колоніи южнаго берега Чернаго моря: Гераклея, Синопъ и Трапезонтъ должны были сдѣлаться главными поприщами дѣятельности Апостола.

Въ Синопѣ онъ претерпѣлъ истязанія отъ іудеевъ, и послѣ своего чудеснаго выздоровленія возвратился въ Неокесарію, а оттуда въ Іерусалимъ, гдѣ надѣялся почерпнуть новыя силы для своей ревности. Спустя немного времени онъ снова отправился на сѣверъ, въ Византію, гдѣ еще недавно поставилъ епископомъ Стахія. Наконецъ онъ скончался, будучи распятъ на крестѣ въ городѣ Патрасѣ, на пути къ Риму, гдѣ быть можетъ разсчитывалъ встрѣтить брата своего Петра.

Вареоломей или Наеванаилъ, ученикъ изъ Каны Галилейской, отправился въ страны Индіи, гдѣ, по преданію, онъ распространилъ Евангеліе св. Маттея.

Пантенъ, знаменитый начальникъ христіанскаго училища въ Александріи, отправившись съ проповѣдью въ эти отдаленныя земли въ концѣ втораго вѣка, съ нѣкоторымъ изумленіемъ узналъ, что евангельское благовѣстіе уже опередило его здѣсь.

Ему показали евангеліе отъ Маттея, написанное на арамейскомъ языкѣ, которое, какъ говорили, сохранялось здѣсь отъ временъ Вареоламея. Мужественный проповѣдникъ умеръ мученическою смертію: съ живаго у него была содрана кожа въ Арменіи.

Оома проповѣдывалъ также въ Индіи, а равно, по свидѣтельству Оригена, и въ Парейи, хотя послѣднее служеніе нѣкоторые приписываютъ Маттею, несмотря на то что онъ считается обыкновенно апостоломъ Эеіоніи. Маттеей былъ замученъ въ Надаберѣ. Св. Климентъ Александрійскій упоминаетъ о его строгихъ добродѣтеляхъ; его аскетизмъ и глубокое самоотреченіе дѣлали жизнь его подобною жизни Есеевъ. Іуда, или какъ онъ назывался иначе, Леввей или Оаддей, былъ посланъ Оомою къ Авгарю, царю Эдесскому. Симонъ Зилоть, слѣдуя сѣвернымъ берегомъ Африки, долженъ былъ дойти до Британскихъ острововъ; но другіе съ большею вѣроятностію предполагаютъ, что онъ проповѣдывалъ и умеръ въ Вавилоніи.

Какое бы значеніе мы ни придавали этимъ преданіямъ, но они вполнѣ подтверждаютъ ту истину, что начиная съ этого времени весь міръ былъ открытъ для благовѣстниковъ Евангелія, и въ этомъ смыслѣ, они, можно сказать, заключаютъ собою первый періодъ развитія Церкви. Узы, которые привязывали апостоловъ къ Святой Землѣ, были теперь окончательно порваны. Понадобилось двѣнадцать лѣтъ, и быть можетъ даже болѣе, чтобы событія увѣнчались такими великими послѣдствіями, но на будущее время успѣхъ уже былъ обезпеченъ. Намѣреніе раздѣлить между собою міръ, въ видахъ его религіознаго возрожденія, могло казаться слишкомъ смѣлымъ со стороны простолюдиновъ, не имѣющихъ ни малѣйшей возможности осуществить подобныя мечты, но планъ этотъ былъ безуміемъ въ глазахъ іудеевъ, которые, по врож-

денному чувству рѣшительно противились всякому распространенію свѣта въ Іерусалима, а тѣмъ болѣе какому либо религіозному общенію съ язычниками. Допустить что Апостолы приступили къ этому дѣлу сами собою, — значить допустить невозможное, и мы видимъ здѣсь одно изъ самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ божественности христіанства. Было необходимо, чтобы сверхъестественная сила внушила имъ содѣлать таковое апостольство великою цѣлію ихъ жизни. Богъ допустилъ синагогѣ и Ироду возбудить гоненіе въ Іерусалимѣ, но, какъ и всегда въ промыслительномъ управленіи міромъ, изъ этого зла проистекло добро; свѣтъ, котораго міръ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ, распространился за предѣлы священной ограды, скрывавшей его въ теченіе вѣковъ. Съ этихъ поръ вопросъ объ обращеніи язычниковъ былъ уже рѣшенъ не только съ умозрительной, но и съ практической точки зрѣнія. Петръ отправляется къ чужимъ народамъ, имѣя всегда на первомъ планѣ, какъ главный предметъ своего служенія, іудеевъ и ихъ синагоги, и другіе Апостолы слѣдуютъ его примѣру. Дѣйствительно было бы несправедливо предполагать, что только Павелъ и Варнава сдѣлали открыто первые шаги въ этомъ направленіи. Павелъ ожидалъ еще въ Тарсѣ знаменія изъ Іерусалима; Варнава не имѣлъ мысли проповѣдывать въ Антіохіи, когда Богъ, желая сдѣлать Петра орудіемъ великаго переворота въ Церкви, побуждалъ его, вопреки всѣмъ его іудейскимъ убѣжденіямъ, крестить Корнилія и его домашнихъ. Мы уже видѣли какъ мужественно отстаивалъ Петръ предъ Церковію свое право и обязанность поступить такимъ образомъ, внушивъ, вслѣдствіе этого, и другимъ апостоламъ желаніе слѣдовать его примѣру. Его рѣчь, казалось, дѣйствительно передавала каждому изъ нихъ слово повелѣнія, полученное имъ самимъ: «Вставъ и ѣшь». Они поняли что имъ предстояло теперь ввести въ царство Божіе всѣ души,

призывавшія его въ своихъ желаніяхъ, къ какой бы народности и общественному положенію онѣ ни принадлежали. Наступившее гоженіе ускорило только ходъ событий; поэтому весьма естественно предположить что всѣ апостолы, одни по ревности, другіе изъ осторожности, покинули въ это время Іерусалимъ.

Книга Дѣяній умалчиваетъ о миссіонерскихъ путешествіяхъ и трудахъ какъ прочихъ Апостоловъ, такъ и Петра. Въ второй части повѣствованія св. Луки, Петръ упоминается только одинъ разъ и то какъ бы случайно, на Іерусалимскомъ соборѣ. Первенствующая роль отнынѣ переходитъ къ Павлу.

Какъ торжественна была та минута, когда благовѣстники Евангелія прощались въ послѣдній разъ съ храмомъ, городомъ и великими воспоминаніями, которыя они тамъ оставляли! Съ сердцемъ, пламенѣющимъ любовію къ ближнимъ, съ душой, переполненной свѣтомъ, съ божественнымъ могуществомъ въ своихъ десницахъ, готовились они идти на завоеваніе міра. Перстъ Божій указывалъ имъ путь; дыханіе Божіе наполняло паруса кораблей, на которые они восходили, божественный голосъ призывалъ ихъ переходить пустыни, рѣки и горы; Духъ Святыи, показывая имъ цѣлый міръ, варварскіе народы и образованныя страны, говорилъ: «Заколи и ѣшь, потому что все чисто со времени Голгоетскаго жертвоприношенія». Мы можемъ не знать всѣхъ превратностей этой великой, міровой борьбы, но намъ извѣстно, и новѣйшій міръ служитъ тому доказательствомъ, что тѣ, которые предприняли эту борьбу, одержали побѣду.

ГЛАВА XI.

Голодь въ Іерусалимѣ.

Ко времени выхода Апостоловъ изъ Іерусалима можно отнести пришествіе въ Антиохію пророковъ, о которыхъ говоритъ книга Дѣяній, и которые составляютъ совершенно особый разрядъ между проповѣдниками апостольскаго вѣка. Служеніе ветхозавѣтныхъ пророковъ заключалось въ томъ, что они возвѣщали будущее и возбуждали сердца людей, напоминая имъ объ ихъ обязанностяхъ къ Богу и правосудію Божию, ободряя и угрожая, обличая и утѣшая ихъ въ одно и то же время. При этомъ, они присоединяли къ своимъ рѣчамъ, всякій разъ когда находили полезнымъ для подтвержденія высказанныхъ ими угрозъ или обѣщаній, сверхъестественныя видѣнія, которыя Богъ открывалъ имъ относительно будущихъ событій. Подъ новымъ закономъ благодати, пророчество являлось исключительнымъ даромъ. Тѣ, которые удостоивались этого дара, подъ наитіемъ Духа Божія, пламенною, восторженною рѣчью приводили людей къ любви и подражанію Господу Іисусу. Кромѣ дара назиданія и ученія, они получали иногда и чудесныя откровенія касательно будущаго, и это преимущество придавало еще большую силу ихъ слову. Между тѣмъ Апостоль Павелъ же придаетъ ихъ рѣчамъ и предсказаніямъ безусловнаго авторитета. Такъ онъ писалъ Коринѣянамъ: «И пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть разсуждаютъ» (1 Кор. гл. 14, ст. 29).

Приходъ этихъ проповѣдниковъ особаго рода долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе въ юной общинѣ Антиохійской. Чрезвычайные дары, проявившіеся въ нихъ, очевидно, перешли въ новую Церковь изъ іудейской среды, гдѣ они не признавались и подвергались гоненію. Можно думать, что эти пророки строго обличали предъ лицомъ новообращенныхъ язычниковъ Антиохіи невѣріе Іерусалима, упорно продолжавшаго, несмотря на призывъ Божій, закрывать глаза передъ свѣтомъ и оставаться непримиримымъ врагомъ Іисуса Христа и Евангелія. Одинъ изъ нихъ получилъ, во время своей рѣчи, сверхъестественное откровеніе грядущихъ бѣдствій, которыя небесный гнѣвъ предуготовлялъ вѣроломному городу, и по внушенію Святаго Духа, онъ началъ предсказывать о большомъ голодѣ, который будетъ опустошать весь міръ и особенно Іудею. Пророкъ этотъ назывался Агавъ, и вѣроятно былъ еще молодъ, потому что мы снова встрѣчаемъ его, шестнадцать лѣтъ спустя, въ Кесаріи, гдѣ онъ умоляетъ Павла не ходить въ Іерусалимъ и въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ предрекаетъ ему опасности, которыя его здѣсь ожидаютъ. Голодъ уже свирѣпствовалъ въ Римѣ, въ первый и второй годы царствованія Клавдія, т. е. въ 42 и 43 году по Р. Хр., что и понудило этого императора принять на будущее время мѣры, въ числѣ которыхъ было сооруженіе при устьи Тибра гавани, дававшей возможность кораблямъ подвозить хлѣбъ въ зимнее время; но трудно было предвидѣть, не будучи пророкомъ, что этотъ бичъ можетъ перейти море и разразится два или три года спустя, надъ Палестиной. Вслѣдъ затѣмъ голодъ распространился далѣе и подвергъ опустошенію Грецію, на девятомъ году царствованія Клавдія, разразившись съ новою силою въ Римѣ на одиннадцатомъ году. Такимъ образомъ, исполнилось пророчество Агава. Въ частности, по отношенію къ Палестинѣ, оно

послужило для Антиохійской Церкви поводомъ засвидѣтельствовать свою сыновнюю преданность Церкви Іерусалимской. Въ теченіи восемнадцати мѣсяцевъ со времени этого предсказанія Агава, вѣрующіе Антиохіи подготовляли каждый по своему достатку, пособіе братьямъ, въ виду угрожавшаго Іерусалиму бѣдствія. Такимъ образомъ, для юной церкви язычниковъ представлялась возможность проявить во всей широтѣ христіанское милосердіе и великодушное отношеніе къ своимъ братьямъ изъ іудеевъ. Въ ея глазахъ отнынѣ всѣ люди являлись равными между собою; особенно же среди тѣхъ, которые были запечатлѣны знаменіемъ Христа, не могло уже быть, по ея повятію, іудеевъ, ни варваровъ, а были одни только братья, несчастія которыхъ были ея собственными несчастіями, и она стремилась братски облегчить ихъ.

По словамъ Іосифа Флавія, этотъ голодъ произвелъ большія опустошенія въ Іерусалимѣ въ 46 и 47 годахъ, въ концѣ прокураторства Куспія Фада и въ началѣ правленія Тиверія Александра, іудея-вѣроотступника, сына александрійскаго старѣйшины. Получивъ первое извѣстіе объ этомъ бѣдствіи, антиохійскіе христіане послали Варнаву и Савла доставить нуждающимся братьямъ собранную для нихъ милостыню. Апостоловъ въ это время уже не было въ Іерусалимѣ, потому что священный историкъ не упоминаетъ о нихъ, и посланные вручили свои приношенія старѣйшинамъ. Эти старѣйшины или пресвитеры, которые появляются здѣсь въ первый разъ, были людьми многолѣтней опытности и служили своими совѣтами религіозной общинѣ, между тѣмъ какъ діаконы, болѣе молодые и дѣятельные, исполняли обязанности раздателей милостыни, а иногда и проповѣдниковъ. Должность старѣйшины была очень полезною въ синагогахъ, и потому христіане нашли полезнымъ ввести ее въ Церковь. Сами синагоги устраивались по образцу перво-

бытныхъ учреждений народа Божія (Исх. 3, 16; 4, 29; I. Нав. 24, 1. 2. 19. 21; I Цар. 8, 4. 7. 10. 19 и проч. Ездр. 5, 5; 6, 7. 14 и т. д.). Моисей взялъ старѣйшину, со всею принадлежащею ему властью главы семейства или племени, подъ палаткою кочеваго народа, гдѣ его еще и теперь находятъ съ этимъ же самымъ званіемъ шейха, и ввелъ его въ составъ превосходно устроеннаго имъ народнаго управленія. Старѣйшина игралъ важную роль верховнаго совѣтника у многихъ народовъ.

Содѣйствіе, оказываемое всякому управленію сенатомъ, умѣряющимъ слишкомъ порывистую дѣятельность, всегда способствовало истинному преуспѣянію данной страны. Поэтому и Апостолы поставили рядомъ съ епископами, во главѣ христіанскихъ общинъ, нѣсколько старцевъ, почтенныхъ по возрасту и особенно по нравственнымъ качествамъ соединявшимъ въ себѣ благочестіе съ знаніемъ. Ихъ права были такъ тѣсно связаны съ властью епископовъ, что съ перваго взгляда обѣ эти должности какъ будто смѣшиваются между собою. Можно было бы подумать, что это только разныя названія, но должность одна и та же. Но мы еще возвратимся къ этому важному и трудному вопросу, когда будемъ излагать исторію христіанской Церкви въ періодъ ея окончательнаго образованія.

Возвращаясь къ вопросу о голодѣ въ Іерусалимѣ, мы считаемъ умѣстнымъ разсказать здѣсь исторію милосердой женщины, Елены Адіабенъ, супруги и матери царей, проявившей во время этого голода неистощимую благотворительность. Іосифъ Флавій, очень пространно описывая ея жизнь, говоритъ, что она приняла іудейскую религію но не вѣриле-ли предположить, что, будучи обращена однимъ изъ проповѣдниковъ Евангелія, она исповѣдывала религію Иисуса Христа? Она отличалась такимъ человеколюбіемъ, которое стоитъ неизмѣримо выше іудейскихъ понятій, и

въ исторіи ея обращенія есть нѣчто, напоминающее великія побѣды первыхъ провозвѣстниковъ Евангелія.

Елена была сестра и въ то же время супруга Монобазы, владѣтельнаго князя одной изъ Ассирійскихъ провинцій, которая называлась Адіабена. Второй сынъ ея, Изать, сдѣлался скоро предметомъ родительскаго предпочтенія, и вслѣдствіе этого, съ самаго ранняго дѣтства, внушалъ къ себѣ сильную ревность со стороны своихъ братьевъ. Преданіе говорить, что таинственный голосъ предсказалъ его будущность, и Монобазъ долженъ былъ позаботиться о его безопасности, удаливъ его отъ двора. Онъ довѣрилъ его Авеннеригу, царю мисійскому. Послѣдній скоро оцѣнилъ рѣдкія качества юноши, и отдавъ ему въ замужество дочь свою, перучилъ ему управленіе одной изъ своихъ наиболѣе важныхъ провинцій.

Однако старый Монобазъ не хотѣлъ сойти въ могилу, не увидѣвъ еще разъ этого нѣжно любимого сына. Потребовавъ его къ себѣ, онъ отдалъ ему во владѣніе Карійскую область, и скорѣй послѣ того умеръ. Царица знала его желанія. Очень ловко счумѣла она возложить корону на голову Изата, помимо старшаго брата, который согласился быть временнымъ правителемъ, въ ожиданіи прибытія новаго царя изъ своей отдаленной области. Для избѣжанія междоусобныхъ смутъ, прочіе братья были посажены въ тюрьму, и новому царю даже было предложено лишить ихъ жизни, но Изать отвергнулъ этотъ преступный замыселъ, и возвративъ имъ свободу, послалъ ихъ, вмѣстѣ съ своими собственными сыновьями, въ видѣ заложниковъ, однихъ въ Римъ, другихъ къ царю Парсіи. Такая доброта души могла бы показаться удивительною въ молодомъ царѣ, еслибы не было извѣстно, что съ нѣкотораго времени онъ жилъ весь поглощенный религіозными мыслями, и жаждалъ возвысить свою нравственную природу до уровня пресвѣщенія, которое онъ получилъ свыше. Дѣйствительно,

во время его пребыванія въ загородномъ дворцѣ Спазинѣ, одинъ іудей, носящій даже имя того, который крестилъ Савла въ Дамаскѣ, привелъ его къ познанію истиннаго Бога. Ананія былъ купецъ, и въ тоже время проповѣдникъ. Распространяя евангельское ученіе между женщинами гарема, которымъ онъ продавалъ разныя принадлежности туалета, онъ попросилъ чтобы ему дали возможность войти въ сношенія съ самимъ Изатомъ, и, достигнувъ этого, онъ обратилъ его въ христіанскую вѣру. Когда послѣдній долженъ былъ возвратиться въ Адіабену, то онъ не пожелалъ разстаться съ Ананіей, и привезъ его съ собою въ свое государство.

Между тѣмъ христіане, вышедшіе изъ Палестины послѣ смерти Стефана, пришли вездѣ къ заключенію о необходимости проповѣдыванія Евангелія язычникамъ. Въ это самое время, одинъ изъ учениковъ апостола Павла убѣдилъ и мать Изата, царицу Елену, принять религію Іисуса Христа. Очевидно, что этотъ проповѣдникъ настолько убѣдилъ ее въ преимуществѣ христіанской вѣры предъ обрядолюбивымъ ученіемъ іудеевъ, что, когда Изать хотѣлъ было принять обрѣзаніе, то она горячо воспротивилась этому, и Ананія, вмѣстѣ съ царицей, старался убѣдить царя, что можно служить Богу и быть Ему угоднымъ, не подчиняясь этому ветхозавѣтному обряду, несмотря на то, что іудеи признаютъ его существенно необходимымъ для спасенія.

Вотъ это-то обстоятельство и заставляетъ думать, что Ананія не былъ обыкновеннымъ іудейскимъ раввиномъ. Указаніе на бесполезность обрѣзанія, для того чтобы быть ревностнымъ исполнителемъ Закона Божія, несомнѣнно доказываетъ, что Ананія былъ христіанскимъ проповѣдникомъ и ученикомъ апостола Павла. Въ это же именно время случайно прибылъ въ столицу юнаго монарха другой іудей, галилеянинъ по происхожденію, именемъ

Елеазаръ; въ противоположность Ананіи, онъ показавъ себя неумолимымъ приверженцемъ обрѣзанія, что и побудило Изата исполнить свое первое намѣреніе.

Когда царица увидѣла, что все благополучно въ царствѣ ея сына, то она пожелала предпринять путешествіе въ святой городъ, чтобы воздать поклоненіе Богу въ Его храмъ и ближе познакомиться съ свидѣтелями Евангелія и тѣми мѣстами, гдѣ совершилось божественное откровеніе. Изать одобрилъ намѣреніе матери и даже самъ пожелалъ сопровождать ее въ теченіе нѣсколькихъ дней, выразивъ сожалѣніе, что не можетъ слѣдовать за нею до самой Палестины. Онъ снабдилъ ее деньгами и драгоценными предметами, которымъ эта благочестивая женщина дала наилучшее употребленіе. Пребываніе ея въ Іерусалимѣ какъ разъ совпало со временемъ великаго неурожая. Люди умирали съ голоду; и тогда-то доброе сердце и царственная щедрость Елены проявили себя во всей широтѣ для уменьшенія народнаго бѣдствія. Не теряя ни одной минуты, она послала своихъ служителей закупить въ Александріи весь находящійся тамъ хлѣбъ, а на островѣ Кипрѣ сдѣлать запасъ сушеныхъ смоквъ, считая себя счастливою, что можетъ въ данномъ случаѣ быть ангеломъ-хранителемъ бѣдныхъ. Ея сынъ, получивъ увѣдомленіе о томъ что происходило въ Іудеѣ, послалъ въ свою очередь вождамъ народа, быть можетъ старѣйшинамъ Церкви, большія суммы денегъ для помощи наиболѣе нуждающемуся населенію. Изать и его мать были преданы всей душой святому городу и народу Божию. Послѣ ихъ кончины, Монобазъ, который, воспринявъ свое право первородства, наследовалъ младшему брату, приказавъ перенеституда ихъ смертные останки. Елена заранѣе устроила здѣсь три могилы—для себя и для двухъ своихъ сыновей; онѣ возвышались на подобіе пирамидъ, на трехъ площадяхъ города, насупротивъ башни Женщинъ, нынѣ

Дамасскихъ воротъ. Итакъ, уже съ этого времени Іерусалимъ оказывалъ на благочестивыя души ту силу притяженія, которая, развиваясь въ теченіи вѣковъ, выразилась неисчислимымъ множествомъ паломничествъ. Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, умысленно рѣшившись никогда не говорить о христіанствѣ, даже тогда, когда ему надо по необходимости упоминать о людяхъ, сдѣлавшихся христіанами, и на этотъ разъ, не смотря на неполноту своего свидѣтельства, не помѣшаетъ намъ видѣть въ обращеніи Ізата и его матери, особенно въ описаніи ихъ доблестныхъ подвиговъ, слѣды великихъ преобразовательныхъ началъ христіанства, затмившихъ приходившее въ упадокъ іудейство. Начала эти представляютъ собою тотъ священный огонь, который низвелъ на землю Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Въ точности неизвѣстно, какъ продолжительно было пребываніе Варнавы и Савла въ Іерусалимѣ, но повидимому пребываніе ихъ здѣсь было очень кратковременно и не имѣло другой цѣли, кромѣ передачи пособій христіанской общинѣ. Вотъ почему Павелъ, перечисляя свои путешествія въ Іерусалимъ, не упоминаетъ объ этомъ послѣднемъ. Дѣйствительно, въ посланіи къ Галатамъ (Гал. гл. 1 и 2) желая доказать, что онъ просвѣщенъ непосредственно Самимъ Іисусомъ Христомъ, а не Апостолами, съ которыми рѣдко встрѣчался, онъ упоминаетъ только о тѣхъ путешествіяхъ, гдѣ ему приходилось вступать въ прямыя сношенія съ ними по дѣламъ благовѣстія. Такимъ образомъ очевидно, что прибывъ въ Іерусалимъ, чтобы доставить подаваніе умиравшимъ отъ голода братіямъ, онъ не имѣлъ времени заниматься религіозными вопросами; тѣмъ болѣе, что повидимому ни Іакова, ни другихъ Апостоловъ даже не было тогда въ Іерусалимѣ, такъ какъ писатель книги Дѣяній говоритъ опредѣленно, что милостыня была вручена пресвитерамъ. И Церковь радовалась этому сыновъ

нему милосердію новообращенныхъ язычниковъ къ своей матери. Во всѣ времена іудеи разсѣянія приходили на помощь своимъ іерусалимскимъ братіямъ, когда послѣдніе бывали истощены войною или голодомъ. Вѣрующіе изъ язычниковъ, относясь съ почтеніемъ къ христіанамъ святаго Города, старались и сами сохранить навсегда этотъ прекрасный и плодотворный обычай. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что Петръ, Іаковъ и Іоаннъ поручали Павлу не забывать бѣдныхъ Іерусалима и увеличить сборъ милостыни на содержаніе ихъ. (Галат. гл. 2, ст. 10).

Трудныя обстоятельства приходилось теперь переживать Церкви, въ виду непрестанныхъ смуть и мятежей, продолжавшихся до окончательнаго разрушенія города; этимъ объясняется отчасти господствующая бѣдность іерусалимской общины. Со времени прибытія Кумана непрерывно продолжались народныя возстанія и бунты, которые приходилось обуздывать и укрощать. Умы находились въ состояніи какого-то лихорадочнаго возбужденія. Еще ранѣ появленія цѣлой шайки наемныхъ убійцъ, преступные люди истребляли цѣлыя селенія и поджигали хлѣбныя поля, распространяя повсюду ужась и опустошеніе. Тѣ, которые до сихъ поръ выказывали себя только строгими защитниками іудейской обрядности, подъ именемъ фарисеевъ, предаются теперь самому необузданному изувѣрству. Они образуютъ въ средѣ своей группы такъ называемыхъ зилотовъ, или ревнителей, которые пускаютъ въ дѣло кинжалъ, когда ихъ слова или примѣры не приносятъ ожидаемыхъ ими послѣдствій. Можно сказать, что эти безумцы, не признавая искупленія міра, совершеннаго Іисусомъ Христомъ, и, вслѣдствіе ложнаго толкованія пророческихъ предреченій, ожидая его отъ какого-то религіознаго переворота, мечтали достигнуть такого, основаннаго на обрядовомъ формализмѣ совершенства, которое какъ бы силою должно было вырвать изъ рукъ Іеговы спасеніе Израилію;

но такими безумными притязаніями они только ускорили печальный конецъ іудейства. Ученики Евангелія, при всей своей кротости и преданности въ волю Божію, должны были много страдать, не будучи въ состояніи подчиниться новымъ требованіямъ, которыя, казалось, хотѣли возвратить Церковь назадъ и отнять у нея всѣ условія искупленія. Гонимые, терпя недостатокъ во всемъ за неимѣніемъ труда и средствъ, презираемые всѣми, они познали нищету во всѣхъ ея видахъ. Эти доблестные вѣрующіе, жаждущіе истины, могли назваться мучениками, и Павелъ имѣлъ основаніе заботиться о нихъ, собирая по временамъ милостыню на ихъ содержаніе и утѣшая ихъ со всей силой своей всеобъемлющей любви. Такая картина полной тревогъ и скорбей жизни Іерусалимской общины представляетъ поразительную противоположность съ быстрымъ и безпрепятственнымъ развитіемъ церкви Антиохійской. Десница Божія видимо удалялась отъ Израиля и простиралась къ язычникамъ.

ГЛАВА XII.

Христіане въ Антиохіи.

Число новообращенныхъ Антиохійской церкви очень быстро увеличивалось. Они принадлежали большею частью къ языческому населенію города, и говоря на греческомъ, сирійскомъ или латинскомъ языкахъ, отнимали у Церкви ея исключительно іудейскій обликъ первыхъ временъ. Хотя Антиохійскіе вѣрующіе держались одинаковаго исповѣданія съ членами Іерусалимской церкви, хотя они также любили другъ друга и собирались для общей молитвы и преломленія хлѣба, тѣмъ не менѣе они руководились разнымъ духомъ и охотно обнаруживали свою полную независимость относительно Моисеева закона. Такимъ образомъ, уже невозможно было смѣшивать ихъ съ іудеями: они были людьми инаго рода и иныхъ стремленій.

Чтобы отличить ихъ, понадобилось особенное наименованіе, и оно было найдено, но кѣмъ? Исторія умалчиваетъ объ этомъ. Однако можно думать, что названіе «Христіане» было придумано не іудеями, потому что они побоялись бы унижить имя Мессіи или Христа, приписывая его сектѣ, которую они не столько ненавидѣли, сколько презирали. Въ своемъ изувѣрствѣ, они скорѣе согласились бы называть послѣдователей Христа наварейскими или галилеянами, но никогда бы не рѣшились дать имъ имя «Христіанъ», то-есть учениковъ Мессіи.

Многіе думали, что вѣрующіе дали сами себѣ это наименованіе, желая объявить предъ всѣми имя Того, Кого они признавали своимъ Богомъ и Кому посвящали себя на служеніе. Существуетъ преданіе, что одинъ изъ наиболѣе знаменитыхъ членовъ юной Церкви, Еводій, первый придумалъ и ввелъ въ употребленіе слово «Христіане». При первомъ взглядѣ, можно, повидимому, удивляться смѣлости христіанъ, уподоблявшимъ себя нѣкоторымъ образомъ воинственнымъ приверженцамъ владыкъ міра сего, кесарей, царей, всякаго рода претендентовъ, тогда какъ имя ихъ Вождя, умершаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было не болѣе какъ пустымъ звукомъ для невѣрующихъ. Между тѣмъ этотъ восторженный порывъ новообращенныхъ объясняется ихъ пламеннымъ желаніемъ провозгласить передъ всѣми своимъ новымъ наименованіемъ, что Христосъ всецѣло наполняетъ ихъ сердца Своею любовію, вѣрою и воздѣйствіемъ. Называться Христіанами значило однимъ уже именемъ ихъ Учителя проповѣдывать Іисуса Христа. Усвоивая себѣ по собственному почину какое нибудь опредѣленное наименованіе,—а на это необходимо было рѣшиться, такъ какъ Церковь, переставъ скрываться въ тѣсномъ кругу близкихъ между собою людей начинала жить совершенно открыто,—тѣ, которые назывались до сихъ поръ учениками, вѣрующими, братьями, избранными, святыми, могли почувствовать себя въ Антиохіи достаточно свободными отъ іудейства, и въ особенности достаточно связанными съ жизнью и лицомъ Искупителя міра, чтобы составить себѣ имя изъ принадлежащаго Ему титула, ибо Христосъ есть дѣйствительно титуло Спасителя, между тѣмъ, какъ Іисусъ есть Его имя. Въ сущности, названіе «Христіане» было избрано очень удачно, такъ какъ давало понять, что Христосъ былъ всегдашнимъ предметомъ размышлений Своихъ учениковъ, ихъ исключительной любви и,

можно сказать, ихъ жизнью. Въ этомъ наименованіи заключалось изреченіе апостола Павла: «Для меня жизнь—Христосъ» (Филип. гл. 1, ст. 21), выраженное однимъ словомъ; оно сдѣлалось родовымъ названіемъ вѣрующихъ, неотъемлемымъ свидѣтельствомъ ихъ благороднаго происхождения.

Но въ такомъ случаѣ, почему же ученики не усвоили себѣ тотчасъ же этого наименованія и почему постоянно не называли себя такъ въ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ? Есть другое предположеніе, не чуждое вѣроятія, что названіе «Христіане» было дано вѣрующимъ или римской полиціей и гражданскою властью города Антиохіи, которымъ было нужно охарактеризовать какимъ нибудь образомъ новое общество,—или, какъ прозвище, самимъ антиохійскимъ населеніемъ, который могъ придавать ему насмѣшливое значеніе, слыша безпрестанно имя Христа на устахъ новообращенныхъ. И дѣйствительно, только два раза встрѣчается это наименованіе въ писаніяхъ Новаго Завѣта, и оба раза ему придано унизительное значеніе. Агриппа говоритъ насмѣшливо Павлу: «Ты не много не убѣждаешь меня сдѣлаться христіаниномъ» (Дѣян. гл. 26, ст. 28), и Петръ, подтверждая, что это имя употребляется язычниками съ цѣлью причинить безчестіе послѣдователямъ Христа, говоритъ: «Если кто страдаетъ какъ христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Петр. гл. 4, ст. 16). Слово «Христіане»—греческое по своему корню, но съ латинскимъ окончаніемъ. Въ ту эпоху, когда Римъ повсюду, вмѣстѣ съ своими управителями и солдатами, вводилъ въ употребленіе свой языкъ, въ греческомъ простонародномъ нарѣчій часто встрѣчаются эти разнородныя формы, вмѣстѣ съ безчисленными новыми словами, доказывающія полное смѣшеніе между завоевателями и побѣжденными народами.

Впрочемъ, хотя бы и дѣйствительнѣе это имя было придумано съ дурнымъ намѣреніемъ, но Богу было угодно обратить его во славу Свою. Слово «Христіане» можетъ быть названо еврейскимъ по тому понятію о Мессіи, какое имъ выражается, греческимъ по своему корню и латинскимъ по окончанію; оно напоминаетъ этимъ тройнымъ соотношеніемъ надпись, сдѣланную надъ главою Распятаго и точно также послужившую орудіемъ торжественнаго оглашенія на трехъ языкахъ того, что враги имѣли въ виду написать въ насмѣшку. И эта надпись и это имя послужили истиннымъ пророчествомъ. Несмотря на то, что побужденіемъ къ надписи было издѣвательство со стороны Римлянъ, Іисусъ былъ и есть дѣйствительный Царь міра; равнымъ образомъ и Христіане, каково бы ни было происхожденіе этого имени, содѣлались славнымъ родомъ, живымъ подобіемъ, непрерывнымъ проявленіемъ Христа посреди временъ. Всякій, желавшій достойнымъ образомъ носить это имя, долженъ былъ прежде всего плѣнить свой разумъ въ послушаніе вѣры, сердце преисполнить любовію, непрестанно размышлять объ Іисусѣ Христѣ, содѣлать Его законъ своимъ закономъ, Его добродѣтели своими добродѣтелями, какъ бы это ни было трудно для испорченной человѣческой природы; и только умертвивъ въ себѣ ветхаго человѣка и переродившись торжественно воскликнуть: «Я христіанинъ!».

Когда мы можемъ произнести это слово съ увѣренностью, что оно соотвѣтствуетъ въ насъ высокой дѣйствительности, то все остальное для насъ уже теряетъ свое значеніе, потому что въ глазахъ истинной мудрости— все величіе, вся радость, вся надежда заключаются въ великомъ внутреннемъ убѣжденіи, что мы содѣлались живымъ подобіемъ или, такъ сказать, истиннымъ олицетвореніемъ Іисуса Христа. Какъ прекрасны были въ своей священной гордости и вдохновенной вѣрѣ доблестные му-

ченики, на всѣ вопросы гонителей объ ихъ имени, отечествѣ, семействѣ, неизмѣнно отвѣчавшіе: «Я христіанинъ!»

Удивительны судьбы Божіи! Имя христіанина, выдуманное быть можетъ насмѣшливыми лжемудрецами и произнесенное ими совершенно случайно, сдѣлалось выраженіемъ святыхъ стремленій, отвѣтомъ души на всякое сопротивленіе плоти, похвалою человѣка, господствующаго надъ самимъ собою и стоящаго неизмѣримо выше своихъ притѣснителей, исходною точкой и вѣнцомъ всякой добродѣтели и всякаго просвѣщенія, однимъ словомъ всего, что въ теченіи девятнадцати вѣковъ было совершено великаго для торжества истины, справедливости и свободы. Петръ писалъ, что это имя должно служить во славу Божію; кто могъ бы исчислить безконечный рядъ побѣдъ, которыя оно совершало съ тѣхъ поръ, когда раздаваясь на судилищахъ, въ амфитеатрахъ, на кострахъ, оно заставляло трепетать проконсуловъ, укрощало ревъ дикихъ звѣрей и самихъ мучителей обращало ко Христу? Слабый и беззащитный человѣкъ поправилъ силу звѣрей, пренебрегъ всѣми прелестями міра, испровергнувъ всѣ доводы лжемудрецовъ,—все побѣдилъ, восклицая: «Я христіанинъ»! Онъ открылъ это имя міру, чтобы вступить съ нимъ въ борьбу, пустынь, чтобы населить ее, нравственному страданію, чтобы смягчить его, жалу плоти, чтобы притупить его, и повсюду, какъ священный залогъ божественной силы, оно производило чудеса. Не говорить ли намъ исторія, что Юліанъ отступникъ хотѣлъ совершенно уничтожить это наименованіе, въ виду славной извѣстности и могущественнаго вліянія, которыми оно пользовалось? Оно было краснорѣчивымъ призывомъ къ новой религіи, создавало апостоловъ и собирало учениковъ. И теперь еще съ словами: «Я христіанинъ», наши миссіонеры переплываютъ моря и переходятъ горы, и повсюду искореняють заблужденія и пороки. Ремесленникъ за своей

работой, солдатъ на полѣ битвы, ученый въ своихъ размышленіяхъ, произносятъ это имя, чтобы утѣшить или ободрить себя. Оно составляетъ лучшее надгробное слово для тѣхъ, которые достойно носили его въ своей жизни. Отъ хижины до дворца, отъ колыбели до могилы, изъ глубины долинъ до вершины горъ, отъ истощенной груди бѣдняка до вѣнценосной главы монарха, отъ подземной пещеры до величественнаго храма, крестъ напоминаетъ намъ, что намъ подобаешь хвалиться этимъ великимъ именемъ и возлагать на него наше упованіе. «Я христіанинъ!» Это имя внесло въ міръ правосудіе, благость и независимость духа, истинное человѣческое достоинство, всемірное братство. Никакой народъ не можетъ изгладить его безнаказанно изъ своего государственнаго строя, потому что, не почитая этого имени, онъ подвергаетъ себя самоубійству. Писатели первыхъ вѣковъ не разъ пользовались особой формою этого слова, которую, по ошибкѣ или по созвучію, придавали ему язычники. Часто писали *Хрестіане* вмѣсто *Христіане*, и не рѣдкость найти этому примѣры на памятникахъ древнихъ римскихъ владбищъ. Светоній, называя главу новой секты—*Хрестосъ*, дѣлаетъ ошибку, тѣмъ болѣе извинительную, что греческая *ита* произносилась то какъ латинское *i*, то какъ *e*, и что имя *Хрестосъ* было очень распространено въ Римѣ. На греческомъ языкѣ *Χρηστος* есть имя прилагательное, означающее: хорошій, превосходный. Въ этомъ смыслѣ св. Климентъ Александрійскій могъ сказать объ ученикахъ Христа, что они были превосходны по своему имени и по дѣламъ. И Тертулліанъ, обращаясь къ язычникамъ, восклицалъ: «Вы произносите неправильно имя Христіанъ, называя насъ христіанами, потому что, какъ слѣдуетъ, и незнакомы съ нашимъ именемъ, но тѣмъ не менѣе оно сохраняетъ еще прекрасное значеніе доброты и крестости».

Что придаетъ чрезмѣрную важность появленію этого имени на человѣческихъ нарѣчіяхъ, это то, что оно доказываетъ окончательное освобожденіе Церкви, до тѣхъ поръ привязанной къ іудейству, и служить несокрушимымъ свидѣтельствомъ возникновенія совершенно новаго общества, именно чрезъ это имя занявшаго мѣсто въ исторіи человечества, началомъ новой эры какой еще никогда въ этой исторіи не было и никогда не будетъ. Оно появилось въ то время, когда чеканилось неисчислимое множество медалей, для сохраненія въ памяти людей разныхъ беззаконныхъ войнъ, ничтожныхъ дѣяній и напыщенныхъ похвалъ, какія лестію расточались въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Несправедливость людская не сочла нужнымъ выбить хотя бы одну медаль въ честь общества, которое должно было пріобрѣсть больше славы и значенія, и имѣть большую будущность, чѣмъ всѣ кесари, цари и завоеватели. Но Христосъ и не требовалъ суетныхъ человѣческихъ почестей. Ученикамъ, принимавшимъ Его имя, предстояло содѣлаться живыми медалями, которыя должны были провозгласить міру и осуществлять на дѣлѣ всемогущество Вождя, воинами Котораго они себя признавали. Они не измѣнили своему предназначенію, потому что дѣйствительно имѣли счастье начертать въ своей душѣ, глубже и краснорѣчивѣе, чѣмъ на золотомъ или бронзовомъ слиткѣ, образъ, добрыхъ дѣла и жизнь Того, Кому, какъ истинному Богу, подобало поклоненіе въ духѣ и истинѣ.

Начиная съ этого времени, новообращенные іудеи, греки и варвары, стали пользоваться сдинаковыми преимуществами. Христіанская Церковь, отдѣлившись отъ церкви іудейской, начала мало по малу вытѣснять ее, жить своей личной жизнью и готовить себѣ на свободѣ великую будущность. Ея новое имя доказываетъ дѣйстви-

тельность ея существованія, открываетъ ея самобытность и опредѣляетъ ея знамя.

Этихъ важныхъ послѣдствій сыны Евангелія могли достигнуть только послѣ двѣнадцати лѣтъ терпѣнія, вѣры и борьбы съ злонамѣренной и закоренѣлой въ своемъ обрядолубіи синагогой. Цѣлый рядъ гоненій нуженъ былъ для того, чтобы такая непроницаемая среда могла произвести и развить силу распространенія, составляющую отличительное свойство Евангелія. Первые равномыслія между палестинскими іудеями и эллинистами послужили поводомъ къ избранію семи діаконѣвъ. Послѣдніе были взяты большею частью изъ числа обращенныхъ язычниковъ и обнаружили большую широту возврѣній, нежели палестиняне. Стефанъ мужественно запечатлѣлъ ее своею кровью. Тогда его сотрудники удалились изъ Іерусалима и, пользуясь большею свободою, сдѣлали первые опыты введенія въ жизнь всемірнаго предназначенія благой вѣсти. Сначала въ Самаріи, потомъ на пути въ Газу, Филиппъ былъ осѣненъ Духомъ Святымъ, который повелѣлъ ему немедленно исполнить слова Учителя: «Вы будете Мнѣ свидѣтелями въ Іерусалимѣ и во всей Іудеи и Самаріи, и даже до края земли» (Дѣян. гл. 1, ст. 8.), и онъ повиновался этому божественному внушенію. Другіе соединились между собою, чтобы общими силами продолжать дѣло проповѣди вдоль финикійскаго берега, въ Кипрѣ и даже въ Сиріи, и съ этой минуты легко было усмотрѣть пожара, который долженъ былъ распространиться во всѣ стороны и котораго синагога уже не могла остановить, потому что ему надлежало охватить все пространство вселенной. Внезапный призывъ Промысла Божія превратилъ бывшаго гонителя Савла въ одного изъ самыхъ вѣрныхъ и ревностныхъ учениковъ Евангелія. Повергнувъ его на землю, Богъ внушилъ ему, что ему предстоитъ проповѣдывать Евангеліе язычникамъ. Павелъ возвращается изъ своего убѣжища

въ Аравіи, въ полной увѣренности, что это служеніе должно открыться тотчасъ же, но его предложеніе пока еще не находитъ отголоска среди апостоловъ. Послѣ бесѣды съ Петромъ, онъ былъ вынужденъ удалиться изъ Іерусалима въ Тарсъ, чтобы терпѣливо ожидать здѣсь дальнѣйшихъ указаній Промысла Божія.

Между тѣмъ необходимость открыть всему человѣчеству двери Царствія Божія проявляется со всѣхъ сторонъ за исключеніемъ Іерусалима, гдѣ ученики продолжаютъ еще противиться этому. Въ это время, Богъ является Петру на крышѣ дома кожевника и ведетъ его въ Кесарію, чтобы нанести первый ударъ непроницаемой доселѣ стѣнѣ іудейства. Съ быстротою молніи, сверкающей въ пространствѣ, извѣстіе о происшедшемъ въ Кесаріи достигаетъ Сиріи. Едва Петръ успѣлъ сообщить объ этомъ великомъ переворотѣ, дабы оправдать справедливость его предъ Апостолами въ Іерусалимѣ, какъ другіе начинаютъ уже приводить его въ дѣйствіе въ Антіохіи. Такимъ образомъ, не теряя времени на излишнія пренія, Церковь шествуетъ впередъ; и это совершилось согласно промыслительному плану, потому что Іерусалиму суждено было сдѣлаться вскорѣ необитаемымъ мѣстомъ, отмѣченнымъ печатью проклятія, такъ что Церковь должна была поспѣшно удалиться отсюда, чтобы не оставаться въ ужасающей средѣ крови, позора и преступленій. Тамъ нѣтъ болѣе мѣста для сыновъ Божіихъ, а наконецъ нѣтъ мѣста и для самого города. Между тѣмъ, какъ бы въ отмщеніе за невѣріе избраннаго народа, въ Антіохіи, главномъ городѣ Сиріи, между языческими купцами или воинами, пришедшими отовсюду и готовыми вынести съ собою во всѣ страны міра божественное сѣмя; на народной площади, гдѣ выступаютъ на показъ роскошь, суетность, праздность, злоба, невѣріе и легкомысліе; среди собраній риторовъ и философовъ пропозносится новое имя: Іисусъ Христосъ, которое всѣхъ

приводить въ недоумѣніе и смущеніе; слышатся разсказы о жизни и смерти, дѣлахъ и ученіи Того Кто носилъ это имя, Его славное воскресеніе и побѣдное вознесеніе на небо. Мечта объ избавленіи, которую такъ долго желѣяло несчастное падшее человѣчество, наконецъ осуществилась. Новое благовѣстіе заставляетъ трепетать отъ восторга всѣ сердца. Идеаль нравственной красоты, истины и добра всегда оказывалъ свое вліяніе на честныхъ людей, и этотъ идеаль, плѣняющій умъ и сердце, есть Іисусъ Христосъ. Безчисленные новообращенные единогласно подтверждаютъ это. Они стремятся вступить подъ Его знамя, сдѣлаться Его учениками и воинами. Рука проповѣдниковъ погружаетъ ихъ въ воды крещенія, гдѣ они оставляютъ, вмѣстѣ съ своимъ ветхимъ человѣкомъ, все свое языческое нечестіе. Сіяя духовнымъ свѣтомъ и благодатью, выходятъ они изъ этихъ священныхъ купелей. Греки, сиріане, азійцы, римляне, — всѣ, въ расprostертыхъ объятіяхъ Павла или Варнавы, признаютъ себя братьями, и протягивая другъ другу руку, образуютъ новое общество, «родъ избранный, царственное священство, народъ святой, церковь Бога живаго» (1 Петр. гл. 2, ст. 9). Они отличаются непорочною жизнію, примѣрными добродѣтелями и терпѣніемъ, исполненнымъ кротости, неистощимую благотворительностью и ревностію къ обращенію язычниковъ. Среди нихъ всякій ученикъ дѣлается апостоломъ, и юное воинство скоро должно было одолѣть обветшалый міръ. Да и самое названіе христіанъ, утвердившееся за ними, не въ знакъ ли надежды заимствовано не изъ языка іудеевъ, который изображалъ собою прошлое, а изъ языческихъ нарѣчій, принадлежавшихъ будущему?

Такимъ образомъ торжественно завершился первый періодъ Церкви апостольскаго вѣка. Двѣнадцать апостоловъ сдѣлались цѣлымъ народомъ, и этотъ народъ дол-

женъ былъ превратиться въ человѣчество и имѣть свою вѣчную Пятидесятницу, гдѣ, устами христіанъ безъ всякаго чуда, будутъ говорить всѣ земные языки. «О Церковь Божія — скажемъ мы съ пророкомъ Исаіею, — распространи мѣсто шатра твоего, расширь покровы жилищъ твоихъ; не стѣсняйся, — пусти длиннѣе верви твои и утверди колья твои». Изъ Антиохіи, страны свободы, призови къ себѣ Востокъ и Западъ. «Ты распространишься направо и налѣво, и потомство твое завладѣетъ народами и населитъ опустошенные города. Не бойся, ибо не будешь постыжена; не смущайся, ибо не будешь въ поруганіи» (Исаіи гл. 54, ст. 2—4).

И язычество, до сихъ поръ представлявшее собою сухую и неплодную пустыню, должно было испустить радостный крикъ, увидя свою внезапную плодovitость, «потому что у оставленной будетъ гораздо болѣе дѣтей, нежели у имѣющей мужа, говорить Господь» (Исаіи гл. 54, ст. 1). «Ея Творецъ есть Супругъ ея, Который, съ Своей вѣчною любовью, соединяетъ великую милость къ ней. Искупитель ея — Святыи Израилевъ» (Исаіи гл. 54, ст. 5—8). «Благодаримъ Тебя, о Боже, — воспоетъ новая Церковь вмѣстѣ съ святымъ Климентомъ, — за то что имя Твоего Христа нарицается въ насъ». Будучи титломъ славнаго происхожденія, свидѣтельствомъ бани пакибытія и грамотою освобожденія, это имя лучше всего объяснить намъ что представляетъ собою эта Церковь относительно Бога, у Котораго она его заимствуетъ, относительно іудейства, изъ котораго оно выдѣляется Церковь и относительно человѣчества, которому Церковь открываетъ свои материнскія обязанности.

«И ученики въ Антиохіи въ первый разъ стали называться христіанами». (Дѣян. гл. 11, ст. 26).

К О Н Е Ц Ъ .

ДЕНЬ БОЛЬНЫХЪ

(УТѢШЕНІЕ СТРАЖДУЩИМЪ)

Соч. Аббата Генриха Перейва (Perreyve)

Переводъ съ французскаго

А. П. ОЗЕРОВА

Изданіе редакціи «РУССКАГО ПАЛОМНИКА»

С. - ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина. Стремянная ул., № 12.
1892

**Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать
довволяется. С.-Петербургъ, 16 іюня 1892 г.**

Цензоръ Архимандритъ *Борисъ*.

ВВЕДЕНІЕ.

Вы меня просите, драгоцѣнный другъ, чтобы я доставилъ вамъ нѣсколько страницъ, дабы ихъ помѣстить во главѣ книги, которую вы назначаете для больныхъ. Вамъ не одобреніе нужно,—вы получите его отъ достойнѣйшаго и полномочнѣйшаго меня. Но я понялъ вашу мысль: вы ожидаете отъ меня оживленія воспоминаній о прекрасныхъ дняхъ, проведенныхъ нами въ монастырѣ (l'oratoire). Провидѣніе насъ разлучило, поразивъ васъ продолжительною, вѣроятно, многолѣтнею болѣзнью. Здѣсь дѣло не объ одномъ воспоминаніи; вы можете быть, хотите выразить, что если прервана была связь наружная, то неизмѣнною осталась другая, лучшая. Я сочувствую этому и мнѣ отрадно будетъ выразить увѣреніе, что въ этой связи есть взаимность.

Затѣмъ, любезный другъ, выслушайте замѣчанія, внушенныя мнѣ вашею книгою.

Сначала мнѣ подумалось, что достойны всякой похвалы намѣреніе ваше и осуществленіе его, такъ какъ Господь приуготовилъ васъ испытаніемъ къ такому дѣлу. Чтобы писать о какомъ-нибудь предметѣ, надо основательно изучить его, а никакое знаніе не можетъ сравниться съ тѣмъ, которое при-

обрѣтается опытомъ. Въ книгахъ, начертанныхъ по откровенію Св. Духа, намъ преподаны по этому предмету поразительныя выясненія. Само воплощенное Слово возжелало пройти черезъ эту школу. Кто бы могъ это подумать? Оно прибѣгло къ опыту, сему великому наставнику людей, и отъ него восхотѣло почерпнуть знаніе, будучи Богомъ, и потому всевѣдущимъ.

И чѣмъ могъ просвѣтитися Божественный Искатель ученія? Что могъ Ему открыть опытъ человѣческихъ судебъ и особенно опытъ нашихъ горестей? Св. Павелъ намъ это открываетъ.

Черезъ страданіе Иисусъ Христосъ позналъ послушаніе: „Уничживъ Себя Самого, принявъ образъ раба, содѣлавшись подобнымъ человѣкамъ, смирилъ Себя, бывъ послушнымъ даже до смерти, смерти крестныя“ (посл. къ Филип. III. 7, 8, 9), Онъ на Самомъ Себѣ хотѣлъ испытать, что есть послушаніе, какими трудностями оно часто сопровождается, какая въ немъ заслуга и какое мужество при соблюденіи его требуется отъ насъ, бѣдныхъ и слабыхъ, и при томъ нерѣдко среди тяжкихъ испытаній. Онъ хотѣлъ пройти черезъ опытъ страданія въ принятомъ Имъ человѣческомъ образѣ; хотѣлъ познать всю глубину страданія, вкусить оное до самой крайней степени, чтобы походить на тѣхъ, которыхъ назвалъ братьями. И для чего? Апостолъ разъясняетъ эту божественную тайну, намъ непостижимую. Для того, проповѣдуетъ онъ, чтобы черезъ этотъ опытъ, самоличный и скорбный, содѣлаться еще болѣе милосерднымъ и сострадательнымъ къ скорбящимъ; такъ что чудодѣйственно, по Его изволенію, страданіе какъ бы усугубило Его нѣжную безконечную любовь ко всѣмъ бѣдствующимъ

и скорбящимъ. Не становится ли, такимъ образомъ, совершенно вразумительно, что Онъ восхотѣлъ провести черезъ ту же школу опыта тѣхъ, которые предназначены Имъ быть утѣшителями страждущихъ братій? Какъ удивляться тому, что тѣ, которые совместно съ Нимъ испытаны, проникаются болѣе глубокими, болѣе убѣдительными проявленіями сострадательныхъ чувствъ? Безъ этого таинственнаго ученія они могли оставаться холодными и равнодушными къ страждущимъ.

И еще прибавлю: книга, написанная исключительно для болѣющихъ, изнемогающихъ, дряхлыхъ, для тѣхъ, которые недугомъ прикованы къ одру или заключены безвыходно въ комнатѣ, — такая книга есть твореніе, близкое сердцу Господа нашего Иисуса Христа.

Въ самомъ дѣлѣ, посѣщеніе больныхъ есть одинъ изъ главнѣйшихъ подвиговъ милосердія евангельскаго и принадлежитъ къ первымъ обязанностямъ священника. Оно такъ многоцѣнно, что вошло въ торжественный обѣтъ, который пророчески и предупредительно произнесенъ Спасителемъ, — обѣтъ блаженства тѣмъ изъ возлюбленныхъ Отцемъ, которые услышатъ его въ день послѣдняго суда. „Я былъ боленъ и вы посѣтили меня“. И какое это божественное правосудіе! Кому же, какъ не бѣднымъ больнымъ преподавать утѣшеніе, ласку, ободреніе?

Книга, обращенная къ больнымъ, исполняетъ эту обязанность въ самыхъ широкихъ и практическихъ размѣрахъ.

Даже самый ревностный священнослужитель, на которомъ лежитъ столько многообразныхъ обязанностей и требъ, можетъ лично посѣтить только

весьма ограниченное количество больных. Но сколько таковых даже издали могут быть посѣщаемы книгою. Они сочтутся тысячами, если Господь, какъ надо уповать, Своимъ благословеніемъ распространить вашу книгу. Такъ сѣмена одного дерева разносятся на крыльяхъ вѣтра, по теченію потоковъ, и даже волнами океана сѣются и обильно произрастаютъ въ дальнѣйшихъ краяхъ.

Личное посѣщеніе больныхъ имѣетъ неоспоримо преобладающую цѣну. Я самъ въ этомъ не разъ убѣдился. Приближеніе священника, слушаніе его увѣщаній, составляютъ плодотворное врачеваніе. Самъ Господь придаетъ особое значеніе силѣ живого слова. Сколь часто больные такъ привѣтствуютъ входящаго къ нимъ служителя алтаря: „Отецъ святой, какъ вы меня осчастливили! Ваше присутствіе, вашъ голосъ мнѣ отрадны; словно страданія мои утихли; съ вами словно радостью обновилось мое сердце; съ какимъ нетерпѣніемъ мы васъ ожидали! Будьте благословенны: благословенъ приходящій во имя Господне!“ А нѣкоторые прибавляли; „Какъ давно не посѣщали вы насъ!“ И какъ ни рѣдки могутъ быть такіа посѣщенія, они неоцѣнимы, ибо радованіемъ осѣняютъ болящаго.

Но посѣщеніе не частое бываетъ въ то же время непродолжительно: священника призываютъ другія обязанности, а съ его уходомъ и свѣтлая радость больного меркнетъ и съ болѣзненнымъ вздохомъ вырывается у него жалоба: „Какъ, отецъ, вы уже уходите?“—А книга остается, она всегда подъ рукою и во всякую минуту и насколько желательно можно обратиться къ ней.

Господь во время посѣщенія священника внушилъ слова, подобныя врачующему снадобью, баль-

заму для ранъ. По уходѣ его больной припоминаетъ ихъ и подобно тому, какъ бываетъ при воспаленіи раны, прикладываетъ къ ней цѣлительный бальзамъ; но не всегда ему это удается: его утомленная недугомъ память слабѣетъ, мысли путаются, ему осталось только самое неясное воспоминаніе, и цѣлебная сила мало дѣйствуетъ. А если въ книгѣ онъ найдетъ нѣсколько страницъ или даже строкъ, которыя тронуть его сердце, утѣшать и порадовать его, то онъ не разъ прибѣгнетъ къ чтенію ихъ и уже не кратковременно, а сколько душа пожелаетъ, будетъ почерпать въ нихъ врачующую помощь.

Наконецъ, какъ ни жаждетъ больной благотворнаго посѣщенія, оно не всегда исполняется благо временно. Священнослужитель часто на удачу, безъ выбора, пользуется для этого свободными минутами. У больного, независимо отъ воли, свои часы; онъ или утомленъ, или сильнѣе страдаетъ, или не въ желанномъ расположеніи духа: священникъ можетъ придти именно въ такія минуты. Вчера, сегодня вечеромъ, завтра это такъ было бы кстати. И хотя посѣщеніе принято, ибо больной боится, чтобы оно не было отложено на нѣкоторое время, но оно уже не такъ плодотворно.

А книга всегда присуща, какъ вѣрный преданный другъ, свободно располагающій своимъ временемъ: она исполняетъ безъ помѣхи свое призваніе, выжидая удобную и подходящую минуту. Это другъ непритязательный, снисходительный, необидчивый. Больной обращается къ нему когда хочетъ и проводитъ съ нимъ столько времени, сколько желательно, покидаетъ его, когда чувствуетъ себя утомленнымъ, и при этомъ не требуется особой деликатности или формальной учтивости.

Таковы преимущества книги передъ посѣщеніемъ: они значительны. Потому, любезный другъ, благословеніе будетъ надъ тѣмъ, который составляетъ книгу для пользы и утѣшенія болящихъ; это благословеніе принесутъ ему молитвы страждущихъ и благодарность священнослужителей за оказанную имъ столь дѣятельную помощь въ святой обязанности, на нихъ лежащей. Самъ Господь благословитъ его, Онъ, глаголавшій: „придите, благословенные Отца моего, боленъ былъ, и посѣтили Меня!“ Да! Самъ Спаситель болѣлъ и Его они посѣтили. Онъ принялъ душеполезную книгу, Онъ узналъ ея содержаніе, Онъ истолковалъ ее больному, примѣнилъ ее къ состоянію больного, съ которымъ Онъ какъ бы сроднился милосердіемъ; наконецъ Онъ Самъ вознаграждаетъ за посѣщеніе, и вознаграждаетъ щедролюбиво. Какое утѣшеніе приносятъ такіа добрыя и нѣжныя слова!

А такъ какъ, любезный другъ, вы сами желаете, чтобы я пользовался вашею книгою, то я воспользуюсь ею, чтобы сказать и отъ себя нѣсколько совѣтовъ, имѣющихъ большое значеніе для больныхъ. Пусть эти увѣщанія будутъ относиться къ больнымъ, дошедшимъ уже до состоянія, въ которомъ еще не находятся ваши больные. Вѣдь можетъ случиться, что болѣзнь посѣщаемыхъ вами приведетъ ихъ къ тому же, и во всякомъ случаѣ, то, что я хочу, будетъ не безъ пользы для всякаго больного. Вотъ въ какихъ простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ я обращусь къ болящимъ:

„Любезные больные, когда вы будете одержимы болѣзною, я не говорю—легкою, не говорю—опасною, но болѣзною серьезною, не откладывая прибѣгайте къ исповѣди; сами просите, требуйте, чтобы

призвали къ вамъ священника и, если нужно, если вамъ дѣлають затрудненія, объявите самымъ твердымъ и положительнымъ образомъ, какъ сдѣлала это знакомая мнѣ больная, истинная христіанка, что вы не допустите къ себѣ доктора, не повидавшись прежде со священникомъ. Будьте увѣрены, что получите очень скоро желаемое; исполненіе его ускорять тѣ же, которые противились ему. Вотъ мой совѣтъ, понимаете ли его основаніе и пользу?“

Мнѣ слышится отвѣтъ вашъ. Онъ не труденъ. Вы понимаете, что серьезная болѣзнь можетъ сдѣлаться сомнительною, привести къ самымъ крайнимъ послѣдствіямъ, и что предвидя это, я хочу, чтобы вы во время приняли должную предосторожность, чтобы не застигла васъ неожиданность. Конечно, вы отгадали главное побужденіе мое и готовы неотложно исполнить его. Но вы не вполне прочли мою мысль: есть еще другіе вѣскіе доводы въ пользу моего совѣта.

Болѣзнь и особенно одна изъ тѣхъ, которыя признаются серьезными, хотя не безнадежными, имѣеть драгоцѣннѣйшій смыслъ. Въ ней обрѣтаются истинныя сокровища, неисчерпаемый источникъ богатства. Ихъ надо исчерпывать неустанно, какъ за ихъ высокое достоинство, такъ и за достояніе, ими приобретаемое. Ими достигается небо, достигается не безъ трудовъ и страданій, но для достиженія цѣли прежде всего потребна чистая совѣсть, а она достигается только исповѣдью. Страданіе тяжело намъ сказывается, но страданіе безутѣшное, истощающее наше терпѣніе и встрѣчаемое съ безсиліемъ, еще во сто кратъ тяжелѣе; а страдать недостойно, съ ропотомъ и оскорбленіемъ Господа,—это самая ужасная степень страданія. Но исповѣдь

и причащеніе Святыхъ Таинъ ограждаютъ насъ отъ такого безотраднaго бѣдствія. Даже болѣе того, они преподають такой миръ, такое спокойствіе душѣ, что самое страданіе получаетъ нѣчто улаждающее, какъ переносимое съ упованіемъ на Бога. Но слѣдуетъ сказать еще о другихъ сторонахъ, второстепенныхъ, но не менѣе достойныхъ вниманія, преподаваемого вамъ увѣщанія.

Не случилось ли вамъ присутствовать при скорбномъ состояніи семейства, окружающаго больного, когда доктора объявляютъ, что истощены послѣднія средства къ спасенію больного, а онъ самъ и не подозреваетъ опасности? Вы желали бы доставить ему послѣднія утѣшенія и душевныя врачеванія вѣры, но какъ не бояться подвергнуть его ощущеніямъ, которыя будутъ ему не по силамъ? Какъ скрыть отъ него истину? Что дѣлать? На что рѣшиться? Конечно, можно ему посовѣтовать прибѣгнуть къ исповѣди, особенно если онъ не часто исполнялъ это. И при этомъ беретъ страхъ, что такъ долго откладывали этотъ святой долгъ, когда теперь уже каждая минута дорога. Но въ этихъ тяжелыхъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ надобно только вспомнить, что Спаситель, Пресвятая Дѣва, Ангелъ Хранитель готовы разрѣшить всѣ эти недоумѣнія. Ихъ помощи надо просить, и въ моемъ священническомъ опытѣ я не знаю ни одного случая, когда бы ихъ предстательство не было успѣшно, а при совершеніи Таинствъ съ вѣрою и упованіемъ Они всегда присущи. Но вы сами, любезные больные, собственнымъ починомъ можете избавить семью вашу отъ горестныхъ и тяжкихъ волненій: сами настоятельно потребуйте священника. Внушенія мои не касаются однако только родныхъ вашихъ;

я рѣшаюсь относить ихъ прямо къ вамъ, хотя, можетъ быть, въ первую минуту они покажутся вамъ жесткими и безжалостными. Я исполняю при этомъ материнскую попечительность Церкви.

Вы еще не убѣждены? Пойдете далѣе. Боитесь вы смерти? Не опасайтесь, признайтесь откровенно. Я не выдамъ вашей тайны.—Да, смерть устрашаетъ меня, и я боюсь, что этотъ страхъ удвоится, когда она явится передо мной. Что же? желали бы вы, чтобы она явилась неожиданно, чтобы никто не предупредилъ васъ объ этомъ? Однимъ словомъ, предпочитаете ли вы умереть неожиданно и однако же получить спасеніе души? Я и отвѣта вашего не жду: я знаю, что это такъ. Не скрою отъ васъ, что для себя я не желалъ бы такого конца, и буду молить Бога, чтобы Онъ измѣнилъ расположеніе вашего духа. Но если все-таки вы въ немъ пребываете, при всей его недостаточности оно не совсѣмъ несовмѣстимо со спасеніемъ вашимъ. При первыхъ признакахъ серьезной болѣзни прибѣгайте къ исповѣди, къ приобщенію Святыхъ Тайнъ, повторяйте это въ продолженіе болѣзни для подкрѣпленія. Такимъ образомъ, чтобы ни случилось, вы будете готовы. Но есть другая готовность христіанина, которая выше и спасительнѣе. Это—знать приближеніе смерти и умирительно жертвовать жизнью своею Богу. Но во время этой борьбы вашей для ободренія вашего я вамъ укажу еще средство. Если вы не въ силахъ воззвать: „Господи, я знаю, что смерть моя близка и что Ты требуешь жизни моей: возьми ее, предаю ее въ Твои руки съ умиленіемъ и сыновнею покорностью“. А если останетесь въ прежнемъ невѣдѣніи послѣдняго часа, то по крайней мѣрѣ, такъ молитесь: „Господи, не вѣдаю я,

опасна ли, безнадежна ли моя болѣзнь; не знаю, какія она обѣщаетъ послѣдствія, и что Тебѣ благоугодно будетъ совершить съ жизнью моею, исповѣдаю Тебѣ мою немощь. Господи! я не смѣю желать узнать, что со мною будетъ, припадаю къ стопамъ Твоимъ и молю, да исполнится святая воля Твоя: предстоитъ ли мнѣ жить или умереть, прими меня въ лоно Своего милосердія!

Еще послѣднее благотворное дѣйствіе моего увѣщанія хочу сообщить вамъ. Это особенно близко моему сердцу, и вы, конечно, отнесетесь къ этому сочувственно.

Много разъ былъ я глубоко оскорбленъ, исполняя священническую обязанность положеніемъ, которое мнѣ указывали при больныхъ.

Во многихъ семействахъ принято за обыкновеніе призывать священника какъ можно позже и только тогда, когда всякая надежда потеряна и даже тогда, когда больной находится при послѣднемъ издыханіи. Не говорю я о тѣхъ жалкихъ семействахъ, въ которыхъ ожидаютъ у больного полной потери сознанія, чтобы изъ священнаго обряда вѣры сдѣлать только требуемое приличіемъ. Я говорю только о тѣхъ семействахъ, члены которыхъ, при истинномъ христіанскомъ направленіи и вѣрованіи въ спасительность Таинствъ, рѣшаются однако же прибѣгать къ нимъ только тогда, когда всякая надежда на выздоровленіе потеряна. Посмотрите же, что происходитъ тогда въ отношеніи къ призванному священнику. Привратникъ бросаетъ на него косые взгляды, какъ на человѣка опаснаго и подозрительнаго. Онъ понялъ данное ему приказаніе „впустить“. Войдя въ скорбную комнату, онъ видитъ, что всѣ предстоящіе разступаются передъ

нимъ и становятся въ отдаленіи, какъ передъ какимъ-то страшилищемъ,—словно думаютъ, что онъ подъ рясою несетъ смерть, и всякій боязненно отъ него отстраняется. Больной, видя все это, содрогается, и не легко бываетъ священнослужителю его успокоить и ободрить. Онъ знаетъ, что въ семействѣ его принято посылать за священникомъ, когда уже нѣтъ надежды! И что же? Пастырь душъ уже не является ему Ангеломъ божественныхъ утѣшеній, но страшнымъ предтечею смерти. И больной и всѣ его присные чуть ли не съ отвращеніемъ смотрятъ и принимаютъ того, который призванъ принести миръ, упованіе и всепрощеніе умирающему.

Любезные больные, умоляю васъ, не будьте такъ извращены, отнеситесь справедливо къ великому и святому призванію приносящаго вамъ вѣсть о спасеніи во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Сами отъ себя, не мѣшкая, примите его не съ суетною боязнью, но съ сердцемъ, исполненнымъ отрады, какъ вѣстника мира и любви во имя Спасителя.

Да подкрѣпитъ васъ Господь въ несеніи испытанія и да возраститъ обильно въ сердцахъ вашихъ преданность Его волѣ, терпѣніе въ скорбяхъ и упованіе на Его милосердіе. Да будетъ съ вами благословеніе Господне.

О болѣзни, какъ уединеніи и предостереженіи.

Первый благодатный даръ болѣзни доставляетъ уединеніе и предостереженіе о томъ, что болящему надо помышлять о той жизни, которая есть настоящая жизнь.

Изъ всѣхъ ощущеній, которыя отвлекають человѣка отъ мысли о вѣчности, можетъ быть, самое опасное есть горделивое сознаніе силы и энергіи жизненной, которое Апостолъ называетъ *«гордостю житейской»*. Эта житейская гордость приводитъ человѣка въ безчувствіе и въ этомъ состояніи ведетъ его до самого края гроба, гдѣ уже не будетъ времени для опаматованія.

Настаетъ утро: онъ встаетъ отдохнувши и тотчасъ же принимается за дневныя дѣла, отдаетъ приказанія, распечатываетъ полученныя письма, отвѣчаетъ на нихъ, читаетъ газеты и за ними прогуливается по всему земному шару; ѣстъ и пьетъ съ удовольствіемъ, чувствуетъ себя здоровымъ и бодрымъ; занимается по управленію имѣніемъ, выказываетъ во всемъ твердость и точность; дѣла идутъ хорошо, онъ доволенъ; корабль его плыветъ на всѣхъ парусахъ попутнымъ вѣтромъ, начинаются свиданія съ друзьями и знакомыми, толкуютъ, разсуждаютъ обо всемъ, строятъ и перестраиваютъ міръ; тысячу вещей предпринимаетъ и ведетъ къ успѣшному концу; настаютъ часы, проводимые въ семействѣ, вечера проводятъ то въ тѣсномъ кружкѣ, то въ шумныхъ собраніяхъ весело и

оживленно. Приходить время успокоенія, и вмѣстѣ съ нимъ погружаются въ сонъ всѣ веселья и заботы дневныя.

Въ это время тѣло по крайней мѣрѣ отдыхаетъ, кровь успокаивается и освѣжается, жизнь сосредоточивается и обновляется; но въ это время что дѣлается съ душой, и какіе часы во дню посвящаются ея обновленію?

Нѣтъ, признайтесь, вихрь летитъ и уноситъ васъ, и вы такъ привыкаете къ его быстротѣ, что вы изумлены, когда онъ прекращается, и вамъ становится неловко, неприятно, какъ бываетъ съ путешественникомъ, котораго экипажъ на быстромъ ходу вдругъ останавливается и онъ только что убаюканный, въ тревожномъ недоумѣніи спрашиваетъ: «что случилось, отчего остановка»?

Чтобы вамъ угодить, жизнь должна протекать какъ величественная и быстротечная рѣка, полноводная и гордо сверкающая подъ лучами солнца. На ней все въ движеніи: корабли снуютъ во всѣ стороны, путешественники изъ дальнихъ странъ везутъ обильныя любопытныя новости, встрѣчаютъ, провожаютъ другъ друга, лихорадочно слѣдятъ за успѣхами торговыхъ предпріятій и расчетовъ, озабочены превратностями счастья, ищутъ то тѣни, чтобы прикрыть неудачи, то солнца для блистательныхъ успѣховъ; смѣхъ, веселье, слава, много шума, а болѣе всего погоня за новизной, безпрестанное разнообразіе въ непрерывномъ движеніи.

Кто не согласится, что такая жизнь олицетворяетъ наилучшія мечты большинства людей?

Когда посреди этого опьяняющаго разгула жизни вдругъ является служитель Церкви и во имя вѣры хочетъ, чтобы живущій въ непрестанномъ свѣтскомъ водоворотѣ очнулся, чтобы отрезвившись онъ позналъ, что настоящій міръ не тотъ, который его поглощаетъ, но міръ будущей жизни, — можете себѣ представить, съ какимъ удивленіемъ принимаютъ и взираютъ на этого вѣстника; съ сожалѣ-

ніемъ спрашиваютъ, что это за обезумѣвшій выходець, котораго жизнь проходитъ въ разочарованіи, разоблаченіи всего земного; и пусть онъ тамъ, гдѣ-нибудь, проповѣдуетъ. И вихрь опять уноситъ земного счастливца.

Люди достойные имени сыновъ Божіихъ не всѣ избавлены отъ свѣтскаго головокруженія. Конечно, они могутъ пробуждаться и врачеваться Словомъ Божиимъ и увѣщаніями Церкви, и Господь по крайней мѣрѣ не менѣе двухъ разъ въ день милосердою рукою ведетъ ихъ и собесѣдуетъ съ ними въ молитвѣ; но многіе, увлекаемые легкомысліемъ, не пользуются какъ бы слѣдовало попечительностью Церкви. Многіе смотрятъ на вѣчность какъ на неясное сновидѣніе и остаются въ оковахъ плоти, ободряя себя при мысли о смерти несомнѣнными доказательствами здоровья и силы; на призывъ благодати Господней отвѣчаютъ прислушиваясь къ біенію свѣтской жизни.

Блуждающій глазъ человѣка, идущаго невѣрнымъ шагомъ и представляющаго себѣ, что свѣтила небесныя нестройно двигаются, развѣ можетъ измѣнить гармонию неба? Точно также блуждающая въ самозабвеніи душа, направляясь къ смерти, отуманенная жизнью, удовольствіями и шумомъ міра, не можетъ измѣнить законовъ вѣчности и законодателя Творца, Который ожидаетъ ее.

Будемъ ли мы погружены въ сонъ или будемъ бодрствовать, надо наконецъ выйти изъ міра обманчивыхъ грезъ и стать лицомъ къ неизмѣнной вѣчности.

Кто посмѣетъ утверждать, что пробужденіе не запоздало, и что не тяжело будетъ предстать передъ великимъ разумомъ Создателя еще не отрезвившимся отъ винныхъ земныхъ паровъ?

Незнаю, какъ бы разсудили легкодумцы, если бы они могли спокойно объ этомъ подумать, но я знаю, что всѣ святые угодники Божіи трепетали при мысли о вѣчности.

Въ такомъ положеніи вещей великое благо для всѣхъ смертныхъ, для добрыхъ христіанъ, какъ и для сыновъ вѣка, хотя къ послѣднимъ не всегда примѣнительно, великій, благой даръ Провидѣнія, позволяющаго болѣзни вырывать человѣка изъ уносящаго его потока и на нѣкоторое время уединить его отъ свѣта, поставить его въ общеніе съ Богомъ, Котораго онъ едва знаетъ, съ душою его, еще менѣе ему извѣстной, и знакомить его съ страданіемъ, которое отъ тѣла ведетъ къ душѣ, а отъ души къ Богу.

Не далѣе какъ вчера, какъ вамъ было еще трудно отрѣшиться отъ міра и приблизиться къ Богу! Необходимы были геройскія усилія, чтобы разорвать столько связей потаенныхъ и нѣжныхъ. Даже подумать объ освобожденіи себя отъ этихъ путъ вамъ было тяжело, и едва удалось вамъ найти нѣсколько минутъ среди житейской суеты, чтобы уединиться съ мыслями. А все это вамъ теперь дается. Уже нѣтъ этого кипучаго броженія жизни и молодыхъ силъ, которые увлекали въ забвеніе душу; тѣло поражено и недавній жаръ его остылъ. И какъ мало потребовалось, чтобы уничтожить такъ горделиво красовавшееся, такое выхоленное, орудіе такихъ блистательныхъ возмечтаній! Вокругъ васъ тишина. Она вамъ предписана для врачеванія тѣла: требуйте, чтобы всѣ около васъ ее сохраняли, храните ее сами; въ Промыслѣ Господа она потребна для излеченія души вашей. Прошедшее проносится передъ вами во время долгихъ часовъ безсонницы или неподвижности; не отгоняйте этихъ воспоминаній. Просмотрите рядъ минувшихъ дней. Спросите себя, какіе были ваши счастливые дни. Тѣ ли, которые ознаменованы добрыми дѣлами или другіе, посвященные удовольствіямъ? Замѣчаете ли вы, что вы постепенно тѣряете прежній жаръ, охлаждаетесь по мѣрѣ того, какъ удаляетесь отъ Бога? Продолжайте углубляться въ минув-

шее: о! радости дѣтства, о! сладкое воспоминаніе, хотя скоро позабытое, о вашемъ приступленіи къ Таинству Тѣла и Крови Господнихъ! О, умиряющее чудо покаянія и приближенія имъ къ Предвѣчному! Вамъ представляется, что вы оттолкнувши Его, уже не найдете Его, и думаете, что Онъ недосыгаемо далеко отъ васъ. А я говорю вамъ, что Онъ близокъ къ вамъ, къ вашему сердцу; какъ въ замкнутыя двери стучится въ него, и такъ близокъ къ вамъ оставался даже во время вашего равнодушія, вашей неблагодарности. Онъ предусмотрѣлъ настоящій часъ; Онъ провидѣлъ, что настанетъ этотъ день безмолвія и памятованія пройденной жизни, и Онъ терпѣливо ожидаетъ у вратъ души вашей, какъ ожидаетъ бѣднякъ у палатъ царскихъ. Онъ, Царь Царей, ожидаетъ у двери вашей, бѣдняка изъ бѣдняковъ! Онъ ждетъ, Онъ призываетъ, Онъ проситъ, молить. Вы слышите Его голосъ—берегитесь! ужасно остаться безчувственнымъ передъ такою любовью: «Нынѣ, о еслибы вы послушали гласа Его: не ожесточите сердца вашего» (Пс. XCIV, 8).

И вы, добрые христіане, не увлеченные соблазнами вѣка, хотя болѣзнь застала васъ не утопающихъ въ мірскихъ наслажденіяхъ, вы также принимайте ее, какъ избранное благо и готовьтесь обратить себѣ ее въ пользу. Вы имѣете теплую вѣру, и сердце ваше исполнено упованія на милосердіе Божіе; но всегда ли вы соображали жизнь вашу съ этими высокими чувствами? Душа ваша не погружалась ли иногда въ дремоту чувственную, не находилась ли она иногда въ оскудѣніи бодрости, близкой къ тому духовному сну, изъ котораго только рука Господня можетъ извлечь избранныхъ своихъ? Не случалось ли вамъ иногда посреди житейскихъ суетныхъ заботъ утрачивать миръ душевный, миръ, въ которомъ сердце успокоивается въ Господѣ? Духовное око ваше всегда ли бодрствовало, всматриваясь въ образы грядущей вѣчности?

Вдумайтесь пристально въ самого себя и возвратитесь на прямой путь. Господь таинственно сообщается съ вами. Примите покорно страданіе, которое очиститъ ваше сердце и готовьтесь къ духовному собесѣдованію въ усиленной молитвѣ съ Іисусомъ Христомъ. Вы преуспѣете въ этомъ испытаніи и въ послѣдствіи измѣряя памятью великое благо, отъ него полученное, будете благословлять дни, въ которые были испытаны.

Радости измѣряются трудовымъ потомъ и слезами, коихъ капли мѣшались съ зернами въ бороздахъ вспаханнаго поля.

I.

Утро. Пробужденіе.

Больной: Боже! Ты мой Богъ! Къ Тебѣ утреннюю (Ис. LXII). О, Боже мой, Боже мой! Я бодрствую и взываю къ Тебѣ до утренней зари! Поддержи меня Господи съ самаго начала дня; Ты знаешь, что именно тогда я чувствую себя слабымъ и устрашаюсь видя передъ собой длинный рядъ часовъ, которые придется проводить въ бездѣйствіи и страданіи.

Помню я то время, когда пробужденіе отъ сна было для меня праздникомъ, когда я привѣтствовалъ первые дневные лучи съ невыразимою радостью и свѣтлымъ упованіемъ: я былъ тогда ребенкомъ. Прохожденіе снова тихаго безмятежнаго дня меня восхищало. Каждое утро я ожидалъ новаго неизвѣстнаго счастья. Начало дня было для меня загадкою, которая должна была разрѣшиться радостью. Подъ ласками матери глаза мои прояснялись и міръ представлялся мнѣ полнымъ обѣщаній; едва сбрасывалъ я съ себя послѣднія тѣни сна, какъ уже мнѣ

хотѣлось разразиться веселою пѣснью, подобно птичкамъ, которыя въ утренней пѣснѣ славятъ Бога и радуются жизни.

Я также, Господи, былъ вполне убѣжденъ, что вся жизнь преисполнена радостями. Я заблуждался, потому что, продолжая жить, увидѣлъ: что все измѣнилось. Ты Господи, вразумилъ меня, что тотъ не позналъ всего, значенія жизни, кто не страдалъ, и Ты меня повергъ на это ложе болѣзни, на которомъ такъ долго тянутся дни.

Пробужденіе мое уже не то, какъ бывало прежде. Когда послѣ томительной ночи появляются первые отблески зари, вмѣсто того чтобы съ вѣрою и упованіемъ встрѣтить начинающійся день, я вижу только длинную, ничѣмъ не нарушаемую цѣпь неизмѣнныхъ страданій, слабостей и разочарованій.

Первая моя мысль—измѣрять эти утомительные часы. Простишь ли мнѣ, Господи, если исповѣдую Тебѣ, что день представляется мнѣ невыносимо тяжкимъ? Я напередъ знаю все, что меня ожидаетъ. Надо будетъ все время выносить эту немощь, томительную, непрерывную; она представляется мнѣ какимъ-то безсердечнымъ существомъ, которое остается глухимъ къ моимъ стenanіямъ и мольбамъ и даже, когда терпѣніе мое истощено, не дастъ мнѣ хотя нѣсколько минутъ успокоенія. Это полное бездѣйствіе тяжелѣе самой трудной работы. Передъ глазами у меня опять горестъ меня любящихъ и мнѣ дорогихъ, опять ихъ мучительная озабоченность, невыносимѣе для меня моихъ собственныхъ опасеній. Надо будетъ принимать съ улыбкою истертыя утѣшенія людей равнодушныхъ, ихъ мало искреннія увѣренія въ томъ, чему они сами не вѣрятъ. Придется прибѣгать опять къ тѣмъ же лѣкарствамъ и снадобьямъ, слушать увѣщанія тѣхъ, которые сами никогда не страдали. До васъ доходитъ снаружи движеніе жизни людей счастливыхъ, довольныхъ,

а вы до самой ночи остаетесь въ четырехъ стѣнахъ вашей кельи: это весь вашъ міръ, и границы его тамъ, гдѣ истощаются ваши силы.

Господи! съ самаго утра я все это предвижу, и вотъ почему пробужденіе, которое когда-то было для меня радостью, теперь стало болѣзненной раной. Не смѣю я горько жаловаться на эту рану, отъ Тебя, Господи, посылаемую: она будитъ мою душу и вынуждаетъ ее броситься въ Твои объятія. Преклоняюсь передъ этимъ призывомъ страданія. Прежде чѣмъ поденщикъ не началъ свой дневной трудъ, прежде чѣмъ не смѣнитъ ночной стражъ, отъ глубины сердца обращаюсь къ Тебѣ, Господи, съ молитвою: Господи, услыши вопль мой, обрати ко мнѣ лице Твое. ибо Ты единый можешь подать мнѣ силы и терпѣніе. Я устрашаюсь начинающагося дня!

Утѣшитель. Сынь Мой, вникни въ слова, сказанныя Мною во время оно первоверховному Апостолу: *«Когда ты былъ молодъ, то препоясывался самъ, а когда состарѣешься, то прострешь руки твои, и другой тебя препояшетъ и поведетъ, куда не хочешь»* (Іоан. гл. XXI, 18). Эти слова заключаютъ въ себѣ всю таинственность Моего союза съ душами. Эти слова призываютъ вѣрующихъ къ любви и къ сердечному вѣрованію въ Мое милосердіе. Замѣть, что Я ихъ обратилъ къ послѣдователю Моему не иначе, какъ троекратно измѣривъ до глубины его любовь и троекратно получивъ отъ него проявленіе непоколебимой вѣры. Ты долженъ изъ сего заключить, какъ важно услышать эти слова, предназначаемыя только избраннымъ Мною душамъ.

Когда ты былъ молодъ, ты какъ смертный утѣшался радостями и утѣшеніями земными, находя утѣху въ свѣтскихъ развлеченіяхъ и въ сладкомъ чувствѣ, что живешь подобно дѣтямъ, забавляющимся игрушками и плачущимъ, когда ихъ отнимаютъ. Тебѣ пріятно тогда было

располагать днями и всею твоею жизнью; тебя воспламеняла твоя свобода. Отрадно тебѣ было заранѣе устраивать твою дѣятельность по собственному плану, въ угоду твоему разуму и твоимъ вкусамъ. Крѣпость твоего здоровья позволяла тебѣ надѣяться, что будущее тебя не обманетъ, и ты не допускалъ, чтобы не сбылись твои излюбленныя надежды и желанія.

Не думаешь ли ты, что такое состояніе есть верхъ совершенства для души? Увѣренъ ли ты въ томъ, что къ ней приведетъ твоя самонадѣянная независимость? Знаешь ли ты, чего Я могу ожидать отъ сердца всецѣло и себялюбиво отдавашаго себя увлеченіямъ къ преслѣдуемому счастью? Не сомнѣвайся, сынъ Мой, въ томъ, что сосудъ долженъ быть разбитъ для изліянія благовоній, въ немъ заключенныхъ; точно также должно быть разбито сердце, чтобы сдѣлаться великодушнымъ, разсудительнымъ, исполненнымъ милосердія, безгранично преданнымъ Моему служенію и Моей славѣ. Для вразумленія тебя Я подвергъ тебя испытанію страданія и горести. Не нужно тебѣ было достигнуть старости, чтобы удостоверить, что упоеніе юности скоротечно, и что послѣ страстнаго порыва къ свободѣ настанетъ возрастъ послушанія, содѣлывающаго человѣка способнымъ жертвовать собою на служеніе Господу и ближнимъ. Ты почувствовалъ тогда воздѣйствіе сего *мною* божественнаго, о которомъ повѣствуетъ Мое Евангеліе. Ты понялъ, что не въ исполненіи своей воли главная задача бытія, но въ подчиненіи ея Его волѣ, и что забота твоя должна быть не въ исполненіи преднамѣреній одного дня, но въ преуспѣяніи согласно Его предвѣчнымъ начертаніямъ.

И кто же сей *мой* божественный, сынъ Мой, какъ не Я Самъ, твой другъ, твой братъ, пострадавшій и принявшій смерть ради человѣчества, и поэтому нечуждый всему, что ты переносишь? Итакъ, прими Меня, возьми

Меня руководителемъ твоей жизни; закрой глаза, христіанинъ, закрой глаза, простри руки, дай Мнѣ опоясать тебя поясомъ, во вѣки не умирающимъ; пусть онъ будетъ вервиемъ, желѣзомъ, огнемъ; пусть будетъ поясомъ страданія и болѣзни; простри руки, дай себя опоясать въ духѣ истинной покорности Моей волѣ. Даже болѣе, подобно слѣпому дай повести себя Моею рукою туда, куда идти ты не хочешь и не можешь желать. На простой взглядъ, возможно ли, сынъ Мой, чтобы ты пожелалъ идти къ горести, къ бездѣйствию, къ жизни въ неизвѣстности, къ забвенію отъ людей, къ страданію отъ продолжительной и тяжелой болѣзни. Побѣди твое нехотѣніе вѣрою и любовью и, подобно малому ребенку, который остается безбоязненнымъ въ темнотѣ, когда держится за платье матери, иди въ мирѣ посреди мрака твоихъ скорбей, будучи увѣренъ, что Мое присутствіе утѣшительнѣе всякаго свѣта, и что, слѣдуя за Мною, ты не будешь идти ощупью въ потемкахъ.

Съ самаго утра углубись въ эти помышленія и да будетъ пробужденіе твое первымъ мужественнымъ шагомъ въ подвигъ вѣры и преданности подъ охраною Моей любви.

Большой. Господи, предаю душу, жизнь мою, тѣло мое въ Твои руки.

II.

Б л а г о в ѣ с т ь .

Тотъ, кто свѣтлымъ майскимъ утромъ проснулся на своемъ болѣзненномъ ложѣ въ то время, какъ церковный благовѣстъ возвѣщалъ о великомъ праздникѣ; тотъ, кто видѣлъ или слышалъ, какъ братья и друзья его поспѣшно собирались на божественное служеніе; тотъ, кто изъ

окна могъ слѣдить за дѣтьми и молодыми дѣвушками, идущими въ церковь въ праздничныхъ нарядахъ, съ цвѣтами въ рукахъ; тотъ, кто цѣлый день провелъ въ одиночествѣ, пока уже позднимъ вечеромъ сострадательная рука не принесла ему въ малое утѣшеніе поблекшій цвѣтокъ, поднятый на паперти церковной, тотъ въ состояніи написать нижеслѣдующія строки:

Господи! я возлюбилъ велелѣніе Твоего храма, святое мѣсто, гдѣ Ты возсѣдаешь во славу. Я любилъ эту неземную красоту съ самаго дѣтства Моего. Я любилъ ее, стремился къ ней, находилъ въ ней отраду даже тогда, когда могъ увлекаться красотой свѣтскихъ храминъ, посвященныхъ суетѣ мірской. Я любилъ Твои святыя обряды, строго внушительное пѣніе псалмовъ, великолѣпіе Твоихъ празднествъ, дымъ кадила, восходящій къ сводамъ храма, зажженные свѣчи на Твоемъ алтарѣ, священнослужителей въ блестящихъ ризахъ, получающихъ изъ рукъ Твоихъ благословеніе и преподающихъ его собранію молящихся. Мнѣ дорого было самое невидное, отдаленное мѣсто, въ которомъ я проливалъ передъ Тобою мои моленія; я любилъ позади всей толпы погружаться въ полное забвеніе себя обрѣтая внутреннимъ окомъ одного Тебя; любилъ даже оставаться въ пустомъ храмѣ, когда потухали свѣчи и слышались послѣдніе звуки церковнаго пѣнія.

Господи, какъ любилъ я Твое святилище! И теперь когда болѣзнь держитъ меня далеко отъ него, мнѣ кажется, я еще сильнѣе, пламеннѣе люблю его, словно изгнанникъ внѣ Твоихъ престоловъ. Увы! почему же эта любовь содѣлалась горестью и тяжкою жертвою? Когда настаютъ Твои празднества, которыхъ прежде такъ жаждала душа моя, которыя я привѣтствовалъ съ восторгомъ, теперь съ приближеніемъ ихъ мною овладѣваетъ невольный страхъ. Я не могу преодолѣть глубокое грустное

чувство. Когда нѣтъ силъ, чтобы дойти до церкви въ Свѣтлое Воскресенье или въ Троицынъ день, то лучше не жить! Я страдаю и раздражаюсь. Уединенная молитва меня не удовлетворяетъ. Чтеніе про себя псалмовъ мнѣ представляется бездушнымъ въ сравненіи съ ихъ воспѣваніемъ; на каждомъ словѣ чудятся мнѣ зажженные свѣчи, украшающія алтарь; но слышу я, какъ глухой, которому иногда кажется, что до него доходятъ звуки; вижу, какъ слѣпой, который хочетъ увѣрить, что онъ видитъ. А въ самомъ дѣлѣ я слышу только затихающій шумъ на улицахъ когда церкви полны, вижу только всю однообразную обстановку моей больничной комнаты. Господи, прости мнѣ мои сѣтованія и не оставь раба Твоего въ часы изнеможенія.

Утѣшитель. Сынь Мой, Я сострадаю твоей горести, и чистота твоихъ сокрушеній трогаетъ Мое сердце. Тебѣ больно не быть съ чадами Моими во храмѣ въ Мои праздничные дни и не участвовать въ торжественныхъ праздничныхъ трапезахъ Моихъ. Эта печаль свидѣлствуетъ о твоей набожности и ставитъ тебя въ ряды вѣрныхъ слугъ Моихъ, которые не въ силахъ воспѣвать радостные гимны вдали отъ Іерусалима. Будь благословенъ за такую вѣрность, рѣдкую между людьми; но храни ее въ душѣ для укрѣпленія и утѣшенія ея, а не для унынія и ослабленія. Твоя привязанность къ благолѣпію храмовъ Господнихъ и къ пѣснопѣніямъ въ нихъ, твоя привязанность къ наружному блеску, окружающему Мои алтари, которые существуютъ только до скончанія міра, составляютъ только начало благочестія, а не конечный исходъ его. Это вѣрованіе младенческихъ душъ, которымъ Я открылъ только нѣкоторую часть божественныхъ тайнъ; имъ нужно еще питаніе млекоу милосердія, потому что они еще не перенесли бы болѣе укрѣпляющую пищу. Чѣмъ человекъ простодушнѣе и ближе къ младенче-

ству, тѣмъ въ отношеніи ко Мнѣ Я болѣе его заставляю мало по малу проходить чрезъ рядъ внушительныхъ церковныхъ обрядовъ, дабы постепенно посвятить его во внутренній смыслъ богопочитанія. Сначала Я даю ему бродить подъ сводами храма, внушаю ему молитву, услаждаемую пѣснопѣніями, зрѣлищемъ изукрашеннаго дома Господня; даю ему время на созерцаніе отпавленія священныхъ таинствъ, безъ чего онъ не могъ бы проникнуть въ ихъ высокое значеніе. Но не всѣ души въ одинаковой степени требуютъ этого руководства. Есть души болѣе отстраненныя отъ внѣшнихъ впечатлѣній, не столь подверженныя слишкомъ воспріимчивой чувствительности, болѣе сосредоточенныя въ самихъ себѣ и стремящіяся искать Меня (не посреди звонкихъ обрядностей и крестныхъ шествій, а въ одиночествѣ молитвенномъ. Много различныхъ воздѣйствій приводятъ души къ этому внутреннему созерцанію любви христіанской, но ни одно изъ нихъ такъ не дѣйствительно, какъ болѣзнь, испытующая въ духѣ самоотверженія и смиренія.

Болѣзнь удаляетъ христіанина отъ всего мірскаго, отъ чувственныхъ упоеній. Она пересоздаетъ его тѣло, орудіе его обманчивыхъ призраковъ и суетныхъ вождѣлій; она уничтожаетъ преграды, воздвигаемыя безразсудствомъ и тщеславіемъ между Мною и душами, и внушаетъ дѣянія прямо Мнѣ угодныя. Тогда уже нѣтъ заботы о взглядахъ человѣческихъ; уразумѣваетъ только внутреннее око, и больной христіанинъ пребываетъ исключительно со Мною.

Если ты, сынъ Мой, только размыслишь о тѣхъ трудахъ подвижничества, которыя привели Моихъ святыхъ угодниковъ къ этому драгоцѣнному самоотреченію. и о тѣхъ стenanіяхъ, которые вырывала у нихъ трудность достичь хотя на малое время этого блаженнаго состоянія

то ты поймешь какъ чрезвычайно и богато содержаніемъ благо болѣзни.

Оно приготовляетъ душу, которая умѣетъ имъ пользоваться, къ тому поклоненію въ духѣ, которое Мною заповѣдано женѣ самарянкѣ, когда Я ей говорилъ: *«Повѣрь мнѣ, что наступаетъ время, когда и не на се горѣ и не въ Иерусалимѣ будете поклоняться Отцу,—но настанетъ время, и настало уже, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ»* (Іоан. IV, 21. 22). Несомнѣнно, что символы—вѣрованія переходящія. Не вѣчно существованіе храмовъ, не сохраняются даже таинства, нынѣ необходимыя, потому что состояніе человѣка на землѣ не ангельское и, какъ Мною сказано чрезъ Апостола, «пройдутъ вѣра и упованіе». Но не пройдетъ и возобитааетъ въ вѣчности поклоненіе въ духѣ и истинѣ, т. е. совершеннѣйшее милосердіе и успокоеніе душъ во Мнѣ. Итакъ, сынъ Мой, усматривай въ болѣзни посвященіе въ эту совершеннѣйшую, чистѣйшую вѣру, которую исповѣдуютъ всѣ Святые въ небѣ. Будь удовлетворенъ принятіемъ Св. Таинъ, которыхъ болѣзнь тебя не лишаетъ, потому что, по Моему установленію, онѣ тебѣ доступны даже на одрѣ болѣзни. Не предавайся черезъ мѣру сожалѣнію о томъ, что въ храмѣ наружномъ услаждало твои чувства. Принеси Мнѣ въ жертву твои желанія и сокрушенія. Я приму ихъ, потому что Я ихъ люблю за ихъ невинность и чистоту, и говори себѣ, что во всемъ мірѣ у меня нѣтъ драгоценнѣе алтаря, какъ душа человѣческая.

III.

Литургія для больного.

Истиннымъ христіанамъ бываетъ очень прискорбною невозможность по болѣзни посѣщать богослуженіе — осо-

бенно литургію: имъ это лишеніе тѣмъ еще чувствительнѣе, что самыя страданія особенно возбуждаютъ въ нихъ возвышенное духовное желаніе участвовать молитвою въ принесеніи безкровной Жертвы.

Нѣкоторые не идутъ далѣе сожалѣнія объ этомъ и думаютъ, что при отсутствіи ихъ изъ храма и безъ участія въ совершеніи великой Тайны Тѣла и Крови Спасителя они какъ бы остаются чуждыми ему, и мало по малу это священнодѣйствіе исчезаетъ изъ памяти ихъ. Такимъ образомъ они утрачиваютъ пріобрѣтеніе единенія съ божественною Жертвою, которое должна имъ доставить болѣзнь.

Они не даютъ себѣ довольно отчета въ томъ, что ихъ недугъ доставляетъ имъ прямое участіе въ принесенной Спасителемъ жертвѣ и что, при восхожденіи ихъ къ жертвеннику страданія и скорби, къ которому призываетъ ихъ Господь, имъ дозволено на немъ совершать, въ соединеніи со страданіемъ на Крестѣ, жертвоприношеніе во славу Бога и во спасеніе души и даже простирать на братій воинствующей и болѣзняющей Церкви благодатную силу, получаемую въ испытаніи болѣзною.

Кто знаетъ ученіе Церкви о совершеніи литургіи тотъ не усумнится, что страждущій христіанинъ можетъ примѣнять его къ себѣ, хотя не буквально и не непосредственно, но въ смыслѣ нравственномъ и отвлеченномъ, однако же вполне существенномъ, потому что ученіе Іисуса Христа въ различныхъ проявленіяхъ есть божественная истина, и пока разумъ человѣческій истощается въ разъясненіи ея высокаго смысла, сама истина обильно, непрестанно и очевидно разъясняетъ ее.

Литургія олицетворяетъ совершеннѣйшимъ образомъ жертвоприношеніе, при которомъ священникъ возобновляетъ памятованіе крестной Жертвы и дѣйствительно ее воспроизводитъ, примѣняя къ нуждамъ Церкви и вѣрующихъ всѣ блага предвѣчной Жертвы.

Оставаясь вѣрною этимъ памятованіямъ, которыя связуютъ всякую частную литургію съ наипервѣйшею литургіею Креста, Церковь учитъ, что при всякомъ жертвоприношеніи на алтарѣ Господнемъ въ лицѣ священника являются три жертвоприносителя, не только имъ изображаемые, но дѣйствительно присущіе и черезъ него подающіе дары Благодати.

Во первыхъ Іисусъ Христосъ—предвѣчная Жертва и предвѣчный Первосвященникъ, продолжающій въ богослуженіи священника Свое безконечное богослуженіе, принятое Имъ отъ Отца; и такъ явно присутствуетъ Онъ въ Своихъ служителяхъ, что завѣщаетъ при освященіи Святыхъ Даровъ говорить не «*сіе есть тѣло и сія есть кровь Іисуса Христа*», а «*сіе есть Мое тѣло и Моя кровь*».

Второй жертвоприноситель есть вся Церковь, сообщающая священнику посланничество, которое она получила отъ своего божественнаго Жениха. И такъ всѣ души, находящіяся въ союзѣ съ Церковію, участвуютъ, даже не зная о томъ, въ совершеніи всѣхъ приношеній на алтаряхъ всего земнаго шара и дѣлаются причастными къ раздаванію ихъ благъ.

Наконецъ третій жертвоприноситель есть самъ священникъ, слабое орудіе божественнаго творенія.

Остановимся на этихъ первыхъ чертахъ и посмотримъ, можетъ ли болѣющий христіанинъ нѣкоторымъ образомъ признать ихъ въ самомъ себѣ.

Если первый жертвоприноситель, олицетворенный въ священникѣ, тайнодѣйствующемъ у алтаря, есть Самъ Іисусъ Христосъ, то я смѣю сказать, что и соболѣзнующій страждущему христіанину есть тотъ же жертвоприноситель, и что приношеніе себя съ полною покорностью ради любви Господа есть такъ же, какъ и обѣдня, хотя не столь совершенное, продолженіе крестной жертвы. «*Я исполняю недостатокъ страданій Христовыхъ въ моей плоти*

скорбей за тѣло Его, которое есть Церковь» (Колос. I, 24), сказалъ св. Апостолъ Павелъ; конечно не въ томъ смыслѣ, что не восполнены были страсти Христовы, а въ томъ, что имѣ, какъ предвѣчной жертвѣ своей Церкви, недоставало благовольнаго усвоенія и продолженія ихъ всѣмъ сонмомъ чадъ Господнихъ. Итакъ во всякомъ страждущемъ христіанинѣ есть страждущій Христосъ, какъ во всякомъ приносящемъ безкровную жертву священникѣ есть Христосъ — крестная Жертва. Онъ одинъ и можетъ придать обоимъ жертвоприношеніямъ ту чудесную спасительную благодать, которая не досягаема для человѣческихъ дѣйствій.

Итакъ, чада Божіи, остерегайтесь презиранія себя во время скорби и страданія (Еклез. XXXVIII, 9), и совершенно въ томъ же смыслѣ, какъ первомученики, которые именовали себя носителями Христа (Христоφόροι), вы въ самомъ дѣлѣ носите въ себѣ страждущаго Христа и вашимъ преданіемъ себя жертвѣ продолжаете Его жертву страстную. Вы, конечно, слишкомъ слабы, слишкомъ немощны, чтобы скорбно не взирать на самихъ себя, но закройте глаза, чтобы себя не видѣть, и какъ служитель алтаря, проникнутый чувствомъ своего недостойнства, признаетъ однако же и убажаетъ въ себѣ присутствіе безгрѣшнаго Первосвященника, такъ и вы, облеченные въ ризу страданія, признавайте и поклоняйтесь Іисусу Христу, присутствующему въ васъ и сожертвующему съ вами.

Другой жертвоприноситель есть вся Церковь, и нѣтъ сомнѣнія, что она сожертвуетъ также съ болѣющимъ христіаниномъ для оплодотворенія въ немъ благъ жертвоприношенія. Всѣ души, воссоединенныя Церкви въ союзѣ милосердія, подобно общенію святыхъ, живутъ съ нею одною жизнью. Каждая изъ этихъ душъ такъ тѣсно сое-

динена въ размышленіи, въ любви, въ дѣлахъ милосердія со всѣми другими душами, что каждымъ дѣйствіемъ вліяетъ на все общеніе душъ. Тѣмъ болѣе никакая скорбь не можетъ поразить христіанина безъ участія въ ней всей Церкви, никакое его преуспѣяніе не пройдетъ нераздѣленнымъ со всею Церковью. Тотъ же св. Апостоль учить: *«Ибо какъ тѣло одно, но имѣетъ многіе члены, и всѣ члены одного тѣла составляютъ одно тѣло... члены, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнее, и такимъ образомъ страдаютъ не одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены и вы тѣло Христово, а порознь члены»* (1 Кор. XII, 12. 22. 26. 27).

Итакъ ничто не должно быть такъ удалено отъ разумѣнія чадъ Божіихъ, какъ мысль отчужденія, когда они повергнуты въ пламя скорбныхъ испытаній. Даже слова «одиночество», «отчужденіе», нельзя назвать христіанскими, потому что вѣрный христіанинъ никогда не отчужденъ, никогда не одинокъ, и душа, озаренная божественною благодатію, посѣщается Господомъ и Его Церковію; а когда со смиреніемъ и покорностью приняты страданія и самопожертвованіе, то это еще несбыточнѣе и противорѣчитъ всему тому, что намъ извѣстно изъ тайны общенія душъ.

Итакъ, знайте страдающіе христіане, что подобно тому, какъ священникъ не въ одиночествѣ приноситъ жертву и воспринимаетъ плоды ея, такъ и вы не отчуждены, находясь передъ жертвенникомъ, на которомъ принесены вами страданія. Вся Церковь соприсутствуетъ вамъ. Она съ вами дѣлитъ освященіе, она раздѣляетъ вашу твердость и бодрость при изысканіи благъ, приносимыхъ вашею жертвою. Никогда не позволяйте себѣ помышлять, что ваши усилія тщетны, и что проходима въ молчаніи скорбь остается неплодною для всего Христова братства. Развѣ не вѣдомо вамъ, что самый малоизвѣст-

ный священникъ, исполняя служеніе въ покинутой церкви, обогащаетъ, несмотря на одиночество свое, сокровище всей Церкви и, такъ сказать, умножаетъ славу небесъ. И это отчасти даруется вашему испытанію въ скорби. Оно вкладъ въ сокровище общенія душъ, и въ дни небесныхъ откровеній вамъ будетъ указанъ тотъ или другой изъ братій, искупленныхъ вашею жертвою.

Наконецъ, третій жертвоприноситель при совершеніи литургіи есть самъ священникъ. Конечно, ему не воспрещено скорбѣть о своей собственной грѣховности и молиться о помилованіи, ибо Апостоль говоритъ, что первосвященникъ *«приноситъ жертвы сперва за свои грѣхи, а потомъ за грѣхи народа»*. (Евр. VII, 27). Поэтому, по какому бы особому побужденію ни совершалось священное жертвоприношеніе, священнику всегда предоставлено участіе въ благодати, преподаваемой жертвою, и, развѣ заисключеніемъ обстоятельствъ, о которыхъ даже страшно подумать, онъ никогда не сходитъ со ступеней жертвенника, не обновленный вѣрою и любовію.

Итакъ, ты, христіанинъ, долженъ имѣть постоянно передъ глазами благо, почерпаемое тобою въ твоихъ страданіяхъ. Законъ правды постановляетъ, что всякая жертва приноситъ пользу жертвующему или, какъ говорятъ обыкновенно, что священникъ живетъ отъ алтаря. Итакъ, христіанинъ страждущій, живи отъ даровъ алтаря души твоей. Да не испаряется это благо ропотомъ и безплодными жалобами. Да не оскудѣваетъ ничѣмъ душеполезное воздаяніе за твое терпѣніе. Апостоль въ нѣсколькихъ словахъ изображаетъ, какъ многоцѣнно это воздаяніе: *«Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святыни?»* (1 Кор. IX, 13).—*«Ибо я считаю, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славой, которая откроется въ насъ»*. (Рим. VIII, 18).—

«Ибо миновенное, легкое страданіе наше производитъ для насъ въ величайшемъ преизбыткѣ вѣчную славу». (2 Кор. IV, 17, 18).

IV.

Л и т у р г і я.

(Продолженіе).

Тебѣ извѣстна теперь, христіанинъ, вся цѣна приносимой тобою жертвы страданіемъ и великое достоинство твоего священнослуженія; иди къ жертвеннику, уготованному тебѣ Господомъ Предвѣчнымъ въ скорби и болѣзни, и по указанію Церкви съ умиленіемъ, въ твоемъ уединеніи, слѣдуй за мною по порядку за литургією, совершаемою въ храмѣ. Безъ препинанія можемъ произнести съ Псаломоѣвцемъ: «Возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень внидемъ».

Вступаю, Господи, съ утра къ тому алтарю, у котораго Ты ожидаешь уничиженія воли моей и всѣхъ моихъ мірскихъ вождедѣній.

Ты, Господи, украсившій радостями юность мою, — можешь вновь окрылить меня орлинымъ полетомъ и возвратить мнѣ силу и мощь молодыхъ годовъ, если это должно послужить къ Твоей славѣ. Потому что Ты, Господи, моя сила.

Почему же Ты какъ будто отталкиваешь меня? Почему я обреченъ шествовать въ скорби, пока врагъ меня удручаетъ? Ниспошли мнѣ свѣтъ Твой и истину Твою. Они одни могутъ меня освободить отъ земныхъ помысловъ и ввести меня на Голгоѳу по Твоему зову.

Молитва предъ начатіемъ литургіи.

Господи Іисусе Христе, щедрый и милостивый всѣмъ истинно призывающимъ Тя! Тебѣ молюся и Тебѣ мился дѣю (прошу сжалиться надо мною): сподоби мя со

тщаниємъ, любовію, страхомъ и всякимъ вниманіємъ, даже до конца божественныя службы сея пребыти и съ сокрушеннымъ сердцемъ и чистою совѣстію молитися Тебѣ милосердому Богу. Ей Господи Царю! услыши мя начинающа призывать Тя и даруй ми оставленіе всѣхъ грѣховъ моихъ. Ты бо единъ благословенъ еси со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Егда глаголетъ Іерей: «благословенно Царство».

Боже, Боже мой! призри на мя грѣшнаго и исправи молитву устъ моихъ: отжени помыслы скверныя отъ сердца моего и просвѣти мой умъ свѣтомъ Твоего Богоразумія: приклони ухо Твое и услыши мя Тебѣ молящагося и Твоея сильныя милости чающаго: яко Ты еси Богъ мой, и передъ Тобою, въ дому Твоемъ семъ молитвенномъ стоя, умильно вопію укрѣпи мя и вразуми, Боже щедрый, въ страсть Твоемъ. Аминь.

При входѣ со святымъ Евангеліємъ.

Господи Іисусе Христе, Боже нашъ! Нынѣ мене грѣшнаго входъ со святымъ Твоимъ Евангеліємъ видѣти, святое же Твое Богоявленіе и съ человѣки пожитіе воспоминанути сподобивый, призри на мя человѣколюбнѣ, и умилосердився, даждь ми поминати Твоя святыя заповѣди и право хранить я, достойно же Тебѣ всегда воспѣвати: Приидите, поклонимся и припадемъ ко Христу: спаси ны, Сыне Божій, воскресый изъ мертвыхъ (или молитвами Богородицы, или во Святыхъ дивенъ сый), поющія Ти: аллилуія.

Когда поютъ: «Святый Боже».

Господи Боже Вседержителю! приемай отъ небесныхъ Твоихъ силъ трисвятую пѣснь, пріими и отъ меня, недостойнаго раба Твоего, трисвятое сіе пѣніе, и даждь ми вся лѣта живота моего и на всякій часъ безъ грѣха Тебѣ славу возсылати Отцу и Сыну и Святому Духу и

со страхомъ пѣти: Святый Боже, Святый крѣпкій, Свя-
тый безсмертный, помилуй насъ.

Передъ чтеніемъ Апостола.

Сподоби мя, Господи, съ любовію достойно послуша-
ти Святыхъ Апостолъ Твоихъ благовѣстія, благовѣствующ-
ихъ намъ миръ и возвѣщающихъ благая: о откровеніи
же словесъ ихъ, да просвѣтится и вразумится духъ мой
Твоею благодатию. Аминь.

*Второе посланіе св. Апостола Павла къ Коринѳянамъ
(гл. I, ст. 8, 9, 10).*

«Ибо мы не хотимъ, братія, оставить васъ въ невѣ-
дѣніи о скорби нашей, которая приключилась намъ въ
Азіи и которою мы отягчены были чрезмѣрно и сверхъ
силы, такъ что сомнѣвались даже въ жизни. Но мы сами
носили въ себѣ приговоръ къ смерти, для того, чтобы
надѣяться не на самихъ себя, но на Бога, воскрешающаго
мертвыхъ, Который и избавилъ насъ отъ столь близкой
смерти и на Котораго надѣемся, что и еще избавить».

По окончаніи Апостола.

Тебѣ хвалу возсылающе, Пресвятая и нераздѣльная
Троице, Отче и Сыне и Святый Душе, со Ангельскими
чинми поемъ: Аллилуія. И молимся: исцѣли вся недуги
наша душевныя и тѣлесныя, да здрави суще поемъ Тебѣ
Богу нашему: Аллилуія. Троице Пресущественная, Пребо-
жественная и Предобрая, Отче и Сыне и Святой Душе,
едине Боже, просящимъ дателю премудрости! исправи насъ,
да достойно хваляще Тя, поемъ: Аллилуія. Троице живона-
чальная, Господи Боже нашъ! избави насъ отъ смерти вѣч-
ныя и сподоби со всѣми Праведными въ вѣчныхъ Твоихъ
селеніяхъ пѣти Тебѣ: Аллилуія. Троице долготерпѣливая
и многомилостивая! даждь ми грѣховъ оставленіе и сподоби
мя наслѣдiti животъ вѣчный, да пою Ти во вѣки: Алли-
луія.

Евангеліе отъ Св. Матѳея (Гл. IX, 18—35).

«Во время оно, нѣкто изъ начальниковъ пришелъ и кланаясь Ему говорилъ: дочь моя теперь умираетъ; но приди, возложи на нее руку Твою, и она будетъ жива. И вставъ Иисусъ пошелъ за нимъ, и ученики Его. И вотъ женщина, страдавшая кровотеченіемъ двѣнадцать лѣтъ, подошедши сзади прикоснулась къ краю одежды Его. Ибо, говорила она сама въ себѣ: ежели только прикоснусь къ одеждѣ Его, выздоровѣю. Иисусъ же, обратясь и увидя ее, сказалъ: дерзай дщерь! вѣра твоя спасла тебя. И женщина исцѣлилась въ тотъ же часъ. И когда пришелъ Иисусъ въ домъ того начальника и увидѣлъ свирѣльщиковъ и людей въ смятеніи, то сказалъ имъ: выйдите вонъ, ибо дѣвица не умерла, но спитъ. И смѣялись надъ Нимъ. Когда же люди были высланы, Онъ, войдя, взялъ ее за руку, и дѣвица воскресла. И разнесся слухъ о томъ по всей землѣ той.

«Когда Иисусъ шелъ оттуда, два слѣпыхъ идучи за нимъ кричали и говорили: умилосердись надъ нами, Иисусъ, сынъ Давидовъ! Когда же Онъ пришелъ въ домъ, то приступили къ нему тѣ слѣпые, и говорить имъ Иисусъ: «вѣруете ли, что Я могу это сдѣлать?» Они говорятъ Ему: «вѣруемъ, Господи!» Тогда Онъ, прикоснувшись къ глазамъ ихъ, сказалъ: «по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ». И отверзлись глаза ихъ. И строго запретилъ имъ Иисусъ, говоря: «смотрите, чтобы никто не узналъ». А они, вышедши, разгласили по всей землѣ той. При выходѣ ихъ привели къ Нему нѣмого бѣсноватаго. И по изгнаніи бѣса нѣмый сталъ говорить. И народъ, удивляясь говорилъ: «никогда сего не видано во Израилѣ!» Фарисеи же говорили: «Онъ изгоняетъ бѣсовъ силою князя бѣсовскаго!» И ходилъ Иисусъ по всѣмъ городамъ, уча въ синагогахъ ихъ, проповѣдуя Евангеліе Царствія и исцѣляя всякую болѣзнь и всякую немощь въ людяхъ».

Господи! сколь уладительно все повѣствуемое въ этомъ Евангеліи и сколь благотворны для меня въ моемъ состояніи послѣднія въ немъ слова Спасителя. Они указываютъ на то, что Ты не пренебрегалъ ни единымъ человѣческимъ страданіемъ и помоществовалъ людямъ не только въ изнеможеніи плоти ихъ, но еще болѣе въ извращеніи ихъ разума. Утѣшительны эти слова въ виду нѣкоторыхъ ученыхъ, съ гордостью взирающихъ на слабости человѣческія. Они говорятъ о потребности хладнокровія при видѣ страданій, никогда сами ихъ не испытавши. Легко имъ, не проходивъ испытаній, проповѣдывать мужество и терпѣніе.

Ты одинъ безконечно милостивъ, Господи. Ты обращаешься къ смертному съ кротостью; Ты такъ великъ, что снисходишь къ болящему, воздавая ему должное, и жалобамъ его внимаешь съ любовію, ненегодуя на исторгающую ихъ боль. О неизмѣримая глубина Твоего отеческаго милосердія! Подай мнѣ живое упованіе на любовь божественнаго сердца Твоего и не отвергни меня, когда страданія мои невольно вырываютъ у меня стоны.

По Святомъ Евангеліи.

Слава Тебѣ, Господи, Царю, Сыне Бога живаго, сподобивый мя, недостойнаго, Божественныя Твои слова и гласъ Святаго Евангелія Твоего слышати: симъ убо владычнымъ Твоимъ гласомъ укрѣпи мя во обращеніи и покаяніи настоящія сея жизни преити ношъ, отъ всякихъ избавляя мя навѣта и злобы видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Ты бо еси единъ сильный и царствующій во вѣки. Аминь.

При тѣни «Иже херувимы».

Припоминая чинъ литургіи, больной можетъ припоминать и произносить слѣдующія молитвы:

Нынѣ видящи, душе моя, честныя приносимыя Дары, отвержи вся помышленія суетная и со страхомъ воспой: «Иже херувимы тайно образуеша и животворящей Трои-

цѣ трисвятую пѣснь припѣвающе, всякое нынѣ житейское отложимъ попеченіе: яко да Царя всѣхъ подыместъ Ангельскими невидимо дориносима чинми. Аллилуія (трижды)». Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, едине безсмертный человѣколюбе! Слава Тебѣ, отъ отеческихъ нѣдръ, и отъ небесныя славы пришедшему, отъ Святыя-же Дѣвы вочеловѣчшемуся и сообразну бывшему плоти смиренія нашего, да насъ сообразныхъ славъ Твоей сотвориши! Слава Тебѣ, вшедшему славно во Іерусалимъ на жребяти ослемъ и въ немъ раны и распятіе претерпѣти и смерть подъяти изволившему, спасенія нашего ради! Дажь нынѣ, Христе, слезы очесамъ моимъ, да омыю скверну беззаконій моихъ, и, якоже сподобилъ еси Іосифа съ Никодимомъ пречистое Тѣло Твое снемше съ Креста честно со страхомъ понести: сице и мене, днесъ видяща честныя и Божественныя Дары преносимыя, сподоби Тебѣ сѣдѣщему на престолѣ со страхомъ поклониться: за вся же смотрѣнія и благоволенія Твоя достойно благодарити и съ воздыханіемъ исповѣдаться Тебѣ Спасу и Богу моему. Ты же, милостиве, сія пріемъ отъ мене, кончину житія благую даруй ми и сподоби меня въ день судный одесную Тебе стати и слышати гласъ Твой благодій: приидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ Царствіе. Аминь.

Помяни мя, Господи, егда придеши во царствіи Твоемъ. Помяни мя, Владыко, егда придеши во Царствіи Твоемъ. Помяни мя, Святыи, егда придеши во Царствіи Твоемъ. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! якоже разбойника оправдалъ еси къ Тебѣ возопивша: помяни мя Господи во Царствіи Твоемъ, и мене помяни, Господи Боже мой, безпрестанно Тебѣ тожде вопіющаго, и тояжде, еяже онаго, части сподоби мя, яко благъ и человѣколюбецъ. Аминь.

По принесеніи Святыхъ даровъ.

Владыко Господи Иисусе Христе, Боже мой! Твоего ради страданія, на крестѣ распятія и погребенія, не остави мене во грѣсѣхъ погибнути, занеже зѣло грѣшенъ есмь, но по множеству щедротъ Твоихъ очисти вся беззаконія моя и даждь ми безъ напасти препроводити животъ мой и радости Святыхъ причастника мя быти сподоби, яко благъ и человеколюбецъ. Аминь.

Когда рѣчено: Двери, двери!

Повтори исповѣданіе Православныя вѣры и потомъ прочти молитву:

Утверди мя Господи во истиннѣй сей вѣрѣ, юже исповѣдахъ и даждь ми, вся дольная возненавидѣвъ, горѣ къ Тебѣ имѣти сердце и достойно хвалити всесвятое Имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

При возлаженіи «Побѣдную пѣснь».

Соборъ Святыхъ Ангелъ и Архангелъ со всѣми небесными силами поетъ Тя и глаголетъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исполнь небо и земля славы Твоя! Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во Имя Господне, Осанна въ вышнихъ! Спаси мя, иже еси въ вышнихъ Царю, спаси мя и освяти, Источниче освященія: отъ Тебе бо вся тварь укрѣпляема есть, Тебѣ безчисленнии вои небесни непрестанно Трисвятую пѣснь поютъ съ трепетомъ поклоняющесе. Тебѣ и азъ недостойный, сѣдѣющему во свѣтѣ неприступнѣмъ, Его же ужаются всяческая, молюся: умъ мой просвѣти, сердце очисти и устнѣ отверзи, яко да достойно возмогу пѣти тебѣ: святъ, святъ, святъ еси, Господи, въ безконечныя вѣки вѣковъ. Аминь!

При словахъ: «приидите, ядите».

Вѣрую Господи и исповѣдую, яко Ты еси воистину

Христось, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихъ же первый есмь азъ.

При словахъ: «пійте отъ нея вси».

Вечери Твоея Тайныя днесь, Сыне Божій, причастника мя приими, не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ, яко Іуда, но яко разбойникъ исповѣдаю Тя: помяни мя Господи во Царствіи Твоемъ.

Примѣчаніе. Послѣднія двѣ молитвы больной произносить, когда удостоивается на одрѣ болѣзни приобщаться Св. Таинъ.

При словахъ: «Твоя отъ Твоихъ».

Тебѣ поемъ, Тебѣ благословимъ, Тебѣ благодаримъ, Господи, и молимся Боже нашъ. Дажь намъ обрѣсти благодать и милосердіе у Тебе, покажи многія щедроты Твоя на насъ, да не постыдимся на судѣ Твоемъ, не отлучи насъ праваго стоянія онаго, еже одесную Тебѣ стати, яко Твоя есть держава во вѣки. Аминь.

Тогда же больной можетъ прочесть молитву Св. Духу:

Приди, Душотворецъ, посѣти умы Твоя, исполни вышнюю благодатию сердца сотворенныя Тобою. Ты нарицаешься Параклитель, даръ Бога Небеснаго, источникъ жизни, огонь, любовь, духовное помазаніе, Ты седмиченъ въ дарахъ, Ты перстъ Десницы Божія, исполненіе обѣтованія Отчаго, уста словомъ обогощающія. Возвѣсти свѣтъ въ душахъ, пролей любовь въ сердцахъ, укрѣпи силы немощи тѣлесныя и силы вѣчныя. Отжени далеко врага нашего, да подъ Твоимъ Предводительствомъ избѣжимъ всего вреднаго. Дажь намъ, да познаемъ чрезъ Тебя Отца и Сына и да вѣруемъ въ Тебя отъ Отца исходящаго Духа. Во всякое время хвала да будетъ Отцу и Святому Духу дыханіемъ души священнымъ огнемъ возжигающаго и просвѣщающаго во вѣки. Аминь.

При словахъ: «Изрядно о пресвятѣй».

Богородице Дѣво, радуйся, Благодатная Марія, Господь

съ Тобою, благословенна Ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева Твоего, яко Спаса родила еси душъ нашихъ. Радуйся, едина Пречистая, мати единого Содѣтеля, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и буди ми ходатаица въ день страшнаго испытанія, егда предстану нелицемѣрному Судіи, яко да огненнаго грознаго прещенія избавлюся молитвами Твоими, едина благословенная!

При словахъ: «въ первыхъ помяни Господи».

Архіерею, вѣчный, Христе Боже нашъ, прилежно ти молюся: Твоимъ вышнимъ благословіемъ архіереевъ нашихъ православныхъ благослови, утверди, укрѣпи, миромъ огради и святѣй Твоей Церкви цѣлыхъ, здравыхъ, честныхъ, долгоденствующихъ и правоправящихъ Слово Твоея Истины даруй; отъ всѣхъ же сопротивленій враговъ видимыхъ и невидимыхъ милостивно избави.

При словахъ: «и сподоби насъ, владыко».

Вѣра. Отче нашъ, Его же сынове есмы, вѣрою о Христѣ Иисусѣ, Иже еси, за упованіе отложенное намъ на небесѣхъ.

Любовь. Да святится Имя Твое еже быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Тобою въ любви.

Надежда. Да приидетъ Царствіе Твое, яко да оправдившеся благодатию Твоею, наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя.

Мудрость. Да будетъ воля Твоя, благодать спасительная всѣмъ челоуѣкамъ, наказующая насъ, яко на небеси ждати блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, тако и на земли, отвергшимся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно въ нынѣшнемъ вѣкѣ пожити.

Воздержаніе. Хлѣбъ нашъ насущный, не къ сласти плотскѣй, но ко исполненію нужды житейскія, даждь намъ днесь, не излишній, но довольный.

Правда. И остави намъ долги наша, яко Отецъ сыномъ прощая вины, а не яко судія казнь налагаая. Якоже и

мы, обычаемъ зли суще, оставляемъ должникомъ нашимъ, кольми паче Ты, естествомъ благъ, сіе сотвориши.

Кръпость. И не введи насъ во искушеніе, да напасть насъ не постигнетъ. Аще же и постигнетъ искушеніе человѣческое, Ты сильный Боже не остави искуситися паче, еже можемъ, но сотворивъ со искушеніемъ и избытіе, яко возможи намъ понести, избави насъ отъ лукаваго, да не прикасается намъ, но паче бѣгаетъ отъ насъ, Тебѣ всегда въ насъ дѣйствующу и еже хотѣти и еже дѣлати о благоволеніи. Яко Твое Отца Вседержителя есть Царство и Сына Икупителя Сила и Духа освятителя Слава во вѣки. Аминь.

При словахъ: «Святая святымъ».

Едине Святе святыхъ, едине Царю царствующихъ и Господи господствующихъ Иисусе Христе Боже мой! Тебѣ сущему въ нѣдрѣхъ и во славѣ предвѣчной Бога Отца, пострада же насъ дѣля и подъ видомъ хлѣба и вина въ пречистыхъ сихъ тайнахъ истинному Богу и человѣку, яко же на небеси сущему, поклоняюся и, Тебе славя, яко Бога и Спаса моего молю: призри на мя въ часъ сей и во вся дни живота моего, и помилуй мя; въ день же разлученія души отъ тѣла моего пріими ю въ руцѣ Твои съ миромъ и пощадѣвъ со святыми упокой.

Когда поютъ причастенъ.

Владыко Господи Иисусе Христе Боже нашъ, воспоминанія ради святыхъ Твоихъ страстей, животворныя же смерти и погребенія, моихъ страстей мглу разжени и просвѣти ми омраченныя очи къ познанію Твоея истины и не омерзи моего воздыханія; занеже нечистъ и скверненъ сый, дерзаю мольбы къ Тебѣ простирати и призывати пресвятое и страшное имя Твое: но яко единъ милосердъ еси и вѣдый немощь естества человѣческаго и вся, ихже требуемъ, смиренно молю Тя, покажи на мнѣ недостойнѣмъ великое богатство Твоея милости, оставленіе же грѣ-

ховъ даруй ми и посѣти мя Твоею благодатію, яко да вселится въ мя и пребываетъ Слово Твое, и буду храмъ пресвятому Твоему Духу, и настави мя на путь заповѣдей Твоихъ, еже ходити ми всегда во истинѣ Твоей, и научи мя совершати святыню въ страсѣ Твоемъ, яко да и въ часъ исхода души моя отъ тѣла сподоблюся пріяти часть святынь Твоихъ и нынѣ да со страхомъ и вѣрою узрю подъ видомъ хлѣба подносимое пречистое тѣло Твое и подъ видомъ вина животворящую кровь Твою. Ты бо еси истинный воплощенный Богъ мой и Тобою надѣюсь отъ всякаго зла избавитися и отъ Тебе спасеніе получитьи, славословя Тя со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки. Аминь.

Проникнутый воспоминаніями о совершеніи святой Литургіи и переносясь мысленно въ церковь, гдѣ приносится безкровная жертва тѣла и крови Христовыхъ, страждущій въ упованіи на милосердіе Спасителя погружается въ такія молитвенныя мысли:

Господи, если Ты внемлешь моимъ страданіямъ и не отвергаешь моего приношенія Тебѣ въ умиленную жертву, смѣю Тебѣ приносить ее всецѣло, въ духѣ, въ сердцѣ, въ волѣ, въ тѣлѣ и крови моей, признавая Твое владычество надъ всѣми тварями и покланаясь Тебѣ, яко Единому истинному Богу. Покланяюсь съ горячею благодарностью за всѣ Твои благодѣянія, коими одаряешь меня и всѣхъ близкихъ мнѣ; покланяюсь, исповѣдуя передъ Твоею правдою несчетныя прегрѣшенія мои; покланяюсь, испрашивая даровъ благодати со всѣмъ сонмомъ вѣрующихъ сыновъ Твоихъ, вѣрныхъ Твоей Святой Церкви. Братъ во Христѣ, оставайся въ мирѣ съ упованіемъ, что Церковь молится о принятіи твоей жертвы, во славу имени Христа Спасителя, въ благословеніе и спасеніе твое и во благо Святой Церкви.

Благоволи въ то же время, Господи, во имя и въ сплу

общенія, связующаго всѣ души, оправданныя Твоею любовію, снизойти къ моимъ страданіямъ, дабы они послужили въ назиданіе духовное и тѣлесное всѣмъ близкимъ моему сердцу; да соединится мое страданіе со всѣми скорбями другихъ братій, и какъ общая всѣмъ страдальцамъ молитва призоветъ Твое милосердіе на всѣхъ успокоенныхъ отъ земной жизни и томящихся въ ожиданіи небеснаго суда.

Господи Иисусе Христе, падая ницъ передъ Всевышнею волею Твоею, допустившею смерть приблизиться къ Тебѣ и надъ Тобой исполнить приговоръ, коему обречены смертные, я готовъ принять безропотно, покорно смерть, яко жертву Твоей славѣ, Твоей любви, во спасеніе всѣхъ Твоихъ избранныхъ и во искупленіе мнѣ убогому.

Преклоняя волю мою, я готовъ воспринять смерть, не избирая путей и не приближаясь къ ней по земнымъ желаніямъ моимъ, но идя со смиреніемъ во слѣдъ Тебѣ, Господи, въ этотъ мракъ неизвѣстности, мысль о которомъ такъ глубоко испытуетъ души.

Господи, я не достоинъ вступить въ глубину Твоихъ величественныхъ тайнъ, но скажи слово благи и немощствующая душа моя получить исцѣленіе.

Господи Премилосердый, благоволи просвѣтитъ меня и научи меня мое страданіе перенести на крестъ Твой и на немъ соединиться съ Тобою.

Ко всѣмъ размышленіямъ, переносящимъ тебя въ церковь на совершеніе Святой литургіи, присовокупи мысль о молитвѣ священника передъ алтаремъ Господа, на которомъ принесена великая жертва Тѣла и Крови Спасителя. Онъ такъ молится, и молитва его и на тебя призываетъ Божеское милосердіе.

Господи, Ты благоволившій мнѣ указать въ страданіи сына Церкви путь къ прославленію Тебя и къ назиданію братій моихъ, не допусти меня пренебрегать симъ спаси-

тельнымъ путемъ въ духовное врачеваніе страждущихъ. Соединяясь духовно съ ними и сожертвуя вмѣстѣ съ ними всею жизнью моею Тебѣ во славу и имъ во спасеніе, молю Тя посвятить меня вѣрою въ тайну истиннаго воскресенія, какъ полнѣйшей и совершеннѣйшей жизни, пока прохожу я жизнь земную и когда благоволишь призвать меня въ лучшій міръ, гдѣ нѣтъ болѣзней, ни скорбей, ни плача, но радованіе, усыщеніе благодатію, миръ и вѣчная любовь. Аминь.

*При подъятіи тѣла и крови Христовыхъ и словахъ:
«со страхомъ Божиимъ».*

Благословенъ грядый во имя Господне, Богъ Господь и явился намъ, Іисусъ Христосъ, Его же пречистое Тѣло и Кровь зря нынѣ подъ видомъ хлѣба и вина въ божественной сей чашѣ, покланяюся и славлю глаголя: радуйся пресвятое, обоженное и одушевленное Тѣло Господа Нашего Іисуса Христа, распятое за ны, страдавшее, погребенное и въ третій день воскресшее спасенія нашего ради. Радуйся, пречестная, животворящая, божественная Кровь, изъ пречистыхъ и божественныхъ Его ребръ, во оставленіе грѣховъ нашихъ, истекшая и животь вѣрнымъ дающая. Радуйся, Животе вѣрныхъ, радуйся Свѣте святыхъ, радуйся спасеніе наше и на небо возведеніе вѣрою пріемлющихъ Тя. Радуйся Хлѣбе животный, духовная Манно, Источниче присноживотнаго питія неисчерпаемый, насыти душу мою, алчущую и жаждущую Твоимъ божественнымъ и сладкимъ Причащеніемъ во вся дни живота моего и въ день смерти моея. Аминь. И даждь ми, Господи Іисусе Христе Боже мой, молотися, всегда память Твоихъ Пресвятыхъ страстей, юже въ сей божественнѣй истиннаго и поклоняемаго Твоего Тѣла и Крови тайнѣ творити уставилъ еси, въ еердцѣ и умѣ моемъ водруженну имѣти и никогда же спасенныя страсти Твоя ради мене подъятыя и божественныхъ Твоихъ кровей изліяніе, во мнѣ тѣла и без-

дѣльна да явятся, но да будутъ ми, яко же всѣмъ избран-
нымъ Твоимъ, во спасеніе и животъ вѣчный.

При словахъ: «всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».

Вознесыйся на небеса, Христе Боже нашъ, вознеси
умъ нашъ, еже оставившимъ намъ плотская мудрованія
и земная попеченія, Твоимъ всегда внимати и послѣдо-
вати спасительнымъ повелѣніямъ. Исполни уста наша
хваленія Твоего, яко да поемъ славу Твою, яко сподо-
билъ еси насъ причаститися святымъ Твоимъ Пречистымъ
и безсмертнымъ тайнамъ; утверди насъ во Твоей свя-
тыни, вся дни поучатися правдѣ Твоей. Аллилуіа (трижды).

При словахъ: «благословеніе Господне».

Боже ущедри ны и благослови ны, просвѣти лице
Твое на ны и помилуй ны, еже познати на землѣ путь
Твой и получитьи спасеніе Твое во вѣки. Аминь.

Благодарственная молитва по Божественной Литургіи.

Благодарю Тя, пренебесный Царю, и всѣмъ тѣломъ и
душею моею хвалю, славлю, почитаю и превозношу Тя,
яко сподобилъ еси мене грѣшнаго божественную Твою и
благопріятную, безкровную и словесную о нашихъ согрѣ-
шеніяхъ Тебѣ принесенную и пожертую, мысленно пере-
носясь во святой храмъ Твой, видѣти жертву, въ воспо-
минаніе пречистыхъ страстей, преславнаго воскресенія,
на небеса восшествія и страшнаго паки пришествія Госпо-
да нашего Іисуса Христа, ихъ же ради молю Тя, вся моя
согрѣшенія омый, очисти и прости, и даждь ми во вся
дни живота моего поминати Твоя благодѣянія и въ чистѣй
совѣсти благодаренія и мольбы Тебѣ приносить безна-
чальному Отцу, со Единороднымъ Твоимъ Сыномъ и все-
святымъ, благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ
и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Молитва при отпустѣ.

Честнѣйшая и славнѣйшая всѣхъ чиноначалій небес-
ныхъ, Дѣво Богородице Маріе Бога Слова безъ истлѣнія

рождающая! Призри на мое недостойное моление, смиренно молюся. Со безплотныхъ же чины и со всѣми святыми, простерши Богоносныя Твои руки милостиво сотвори ми Сына Твоего Владыку, Судію и Господа моего, нынѣ и въ день смерти моей и на страшномъ судѣ матерски Того умоли, да одесную Себя поставить мя: можеша бо елика хочеша, едина суща Предстательница и Заступница рода христіанскаго.

Молитва Пресвятой Богородицы.

Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице Дѣво, молитвъ нашихъ не презри въ скорбѣхъ, но отъ бѣдъ насъ избави, едина чистая и благословенная.

V.

Послѣ литургіи. Воздаяніе благодаренія.

Больной. О Господи! обрати лице Твое ко мнѣ. Излей въ душу мою жизнь Твою и она возрадуется во Имя Твое.

Яви мнѣ спасеніе, Господи, и obnovи меня Твоимъ милосердіемъ.

Внимать буду тому, что Господь гласомъ Своимъ вызываетъ къ душѣ моей, ибо въ Его гласѣ миръ.

«Онъ изрекаетъ миръ на народъ свой и на святыхъ своихъ и на обращающихся сердцемъ къ Нему». (Псал. LXXX, 9).

Утѣшитель. Ты правъ, сынъ Мой, не усомнившись въ духѣ Моемъ, духѣ мира и кротости въ отношеніи душъ, искренно ко Мнѣ прибѣгающихъ.

Я услышалъ твое моленіе и молитвенная жертва твоя доступна моему сердцу. Ты мужественно принеся себя въ жертву, которой прообразованіемъ служило кровавое приношеніе Авраама, прообразованіемъ Моей собственной жертвы. Приводи себя на память ее; и ты познаешь, что

избраннымъ Моимъ я предлагаю жертвованіе собою, но исполненіе онаго не сужу со всею строгостью.

Я довольствуюсь тѣмъ, что искренно намѣреніе ихъ совершать эту жертву во славу Мою. Мнѣ пріятно твое изволеніе съ покорностью принять смерть. Молитвы твои услышаны и благословенны. Но нынѣ не помышляй о смерти—это не благовременно.

Изъ размышленія о смерти должна для тебя исходить жизнь. Послушай слова Моего Апостола: *«ибо вы умерли и жизнь ваша сокрыта со Христомъ въ Богѣ.»* (Колос. III. 3). Онъ говоритъ сперва: «вы умерли». Казалось бы послѣ этого надо умолчать; ибо что же говорить умершимъ и зачѣмъ продолжать къ нимъ рѣчь?

Но эти первыя слова сказаны съ тѣмъ, чтобы назвать жизнь: *«и ваша жизнь сокрыта»*. Итакъ смерть только скрываетъ жизнь, принимаетъ въ свое лоно и тщательно оберегаетъ, какъ Господь оберегаетъ ребенка въ чревѣ матери и тамъ въ тайнѣ питаетъ, укрѣпляетъ, развиваетъ жизнь до того дня, *«когда явится Христосъ, жизнь ваша, и вы съ Нимъ явитесь во славу»* (Колос. III. 4).

Ты не знаешь, сынъ Мой, когда настанетъ этотъ преславный день, и Я тебѣ не открылъ этого, потому что это не нужно было для твоего спасенія. Будь только убѣжденъ, что день этотъ придетъ и что онъ не далекъ.

Потому что въ этихъ словахъ св. Писанія есть многосторонній смыслъ, какъ во всемъ писаніи Моемъ.

Это возвращеніе жизни въ откровеніи Моей Славы, конечно, можетъ означать награду за труды, понесенные въ земной жизни и твое окончательное отдохновеніе въ средѣ Святыхъ Моихъ. Но оно можетъ также означать, что Я простираю свои преднамѣренія касательно тебя и въ этомъ мірѣ, и когда содѣлаю тебя такимъ, какимъ

ты долженъ быть, то прикрывая тебя во время испытанія и воспринимая тебя въ смерти, Я въ день мнѣ угодный сокрушу гробницу твоего безсилія и твоей немощи и сообщу тебѣ силы преобильныя для Моей славы.

Сынъ Мой, никакая душа не можетъ совершить что-либо великое въ служеніи Мнѣ, если подобно Мнѣ не пройдетъ чрезъ смерть. Дѣти вѣка не могутъ постигнуть Моихъ словъ и въ числѣ поученій, которыя болѣе всего ихъ приводятъ въ смущеніе, находится Моя божественная истина, кажущаяся жестокою и безумною. Но всѣ святые познали это безуміе Креста и воспріяли его. Были ли обладателями жизни по міру Іоаннъ Креститель, Павелъ, Іеронимъ, Аванасій? Конечно, сынъ Мой, по понятіямъ мірскимъ, они были погребены, а между тѣмъ *«гласъ Господень гремитъ, гласъ Господень силенъ, гласъ Господень величественъ, онъ прославляетъ ихъ»*. Итакъ ты видишь, что умирая въ забвеніи самого себя, въ отреченіи отъ своихъ желаній, исканій, надеждъ, воли своей, отнюдь не должно помышлять о бесполезности своей въ грядущемъ для Моей славы. Эта смерть, напротивъ того, есть начатокъ твоего призванія, ею ты ознаменованъ какъ Мой избранный. Когда для людей разрушено все, что принадлежитъ смертнымъ, тогда именно они должны помышлять, что ихъ время настало, ибо Я ничего не творю безъ смерти, и должны принимать съ возрастающимъ упованіемъ это плодотворное принесеніе себя въ жертву, черезъ которое должны пройти всѣ Мои вѣрные слуги.

Итакъ ты исполнилъ это, сынъ Мой; ободрись и умирись. Воспріими чашу и пусть всѣ въ мірѣ живущіе, тебѣ ближайшіе родные и друзья, оплакиваютъ тебя и считаютъ уже тебя излишнимъ на землѣ. Не разубѣждай ихъ, не открывай имъ твоихъ упованій и сохраняй въ тайнѣ Мои обѣтованія. Посвяти Мнѣ еще на нѣкоторое время твое терпѣніе и твою вѣру. Предоставь Мнѣ судить и рѣ-

нать о временахъ и дняхъ, и въ мирѣ и упованіи ожидай дня твоего воскресенія.

Часъ этотъ пробѣтъ въ свое время, но онъ уже опредѣленъ отъ вѣчности.

VI.

Довольно для каждаго дня своей заботы.

Братъ мой, когда тебя постигаетъ испытаніе, не утруждай души своей предвидѣніемъ будущаго и разсчитываніемъ продолженія и предѣла твоихъ немощей.

Ибо нѣтъ земного труда болѣе тщетнаго и безплоднаго.

Горести приходятъ неожиданно и проходятъ внезапно, когда уже не ожидалось облегченія, всегда противъ ожиданія, развѣ только для всевидящаго ока Господа.

Поэтому настоящая мудрость состоитъ въ томъ, чтобы всегда оставаться въ нѣкоторомъ невѣдѣніи, которое равномѣрно не согласуется съ слишкомъ большою самоувѣренностью въ счастіи, какъ и съ крайнимъ уныніемъ въ злополучіи.

Это невѣдѣніе было извѣстно древней философіи, и поэтъ совѣтовалъ держаться его въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

«Въ дни злополучія одушевляйся бодростью, и силою; будь равно мудръ, когда вѣтеръ тебѣ попутенъ и не ставь безъ осмотрительности всѣ паруса» (Горацій, Стих., кн. II. Ода X).

Но эта философическая неувѣренность, основанная на одномъ сомнѣніи, не подавала человѣку ни утѣшенія, ни упованія. Христіанству предоставлено было придать ей основаніе въ вѣрѣ и смягчить ее увѣренностью болѣе отрадною, чѣмъ всѣ предвидѣнія.

«Не заботьтесь о вашихъ нуждахъ», повѣдалъ во время оно Спаситель, «потому что Отецъ Вашъ Небесный знаетъ,

*

что вы во всемъ томъ имѣете нужду; ищите же во 1-хъ Царствіа Божія и правды Его, и все сіе приложится вамъ. Итакъ не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ. Ибо завтрашній день самъ будетъ заботиться о своихъ нуждахъ. Довольно для каждаго дня своей заботы». (Матѣ. VI. 31, 33, 34). Господь говоритъ сначала объ Отцѣ, потомъ о днѣ, и въ самомъ этомъ раздѣленіи жизни какъ бы преподаетъ утѣшеніе и миръ. Постараемся проникнуть въ настоящій смыслъ словъ Господнихъ.

1) Знаетъ Отецъ вашъ Небесный, что вы во всемъ томъ имѣете нужду. Что можетъ быть успокоительнѣе и уповательнѣе? Отъ меня сокрытъ исходъ моихъ немощей. Я не знаю, будутъ ли онѣ продолжительны и чѣмъ онѣ разрѣшатся. Но есть единый все провидѣвшій, и отъ Него не скрыто ничего изъ ожидающаго меня; есть единый, который въ то самое время, какъ я ничего не предвижу, все предвидитъ; пока я немощенъ, Онъ всемогущенъ; пока я бреду подобно слѣпому, Онъ указываетъ мнѣ путь съ ненарушимою мудростью. И сей прозорливый и всемогущій—мой Отецъ. Онъ можетъ, насколько знаетъ; и насколько знаетъ и можетъ, настолько любитъ: Онъ безконеченъ въ Своемъ тріипостасномъ единствѣ, мудрости, всемогуществѣ и любви!

Конечно, если вмѣняется въ добродѣтель отцамъ между людьми, когда они, не взирая на безпечность своихъ сыновей, предусматриваютъ и готовятъ съ нѣжною попечительностью будущность ихъ, то что можно сказать о всемірномъ Отцѣ, Который, властвуя надъ вселенной, имѣетъ попеченіе о каждомъ изъ насъ, какъ будто каждый изъ насъ одинъ во всемъ мірѣ.

Отецъ всепремудрый, вселюбящій и всемогущій блюдетъ меня своимъ окомъ; Онъ видитъ мои страданія, мои соболѣзнованія, мои опасенія; Его прозорливость не ограничена, какъ моя, вѣдущая только дни истекшіе, Онъ знаетъ

завтрашніе дни, Онъ измѣряетъ потребность силъ моихъ и никогда не дозволить имъ немоществовать въ испытаніи.

Но тогда скажетъ страждущій, отчего это предусмотрительный Отецъ, столь могущій, не удалилъ отъ меня грозу страданій? «Онъ возмогъ бы это содѣлать», говоришь ты, «Онъ любитъ меня. Почему же не отвратилъ Онъ нашествіе болѣзни, которое предвидѣлъ?»

Братъ во Христѣ, для чего Онъ исполнилъ бы это? Развѣ душа твоя утратила чистоту и возвышенность во время твоихъ страданій? Развѣ она менѣе стала отрѣшаться отъ земного, менѣе содѣлалась свободною отъ безумныхъ пожеланій и низкихъ страстей?

Напротивъ того, не очищена ли уже она, не прошла ли черезъ испытаніе огня, не стала ли она участливѣе къ человѣческимъ страданіямъ, милосерднѣе, сострадательнѣе, болѣе близкою къ Богу, уподобляясь Ему и, слѣдовательно, болѣе приготовленною къ послѣднему часу и къ вѣчному блаженству? Гдѣ же блуждаютъ твои жалобы и роптанія? Вспоминай съ вѣрою слова Христовы: *Отецъ твой знаетъ твои нужды*. Будь увѣренъ, что все произошло для спасенія души твоей; предоставь твоему всевидящему и нѣжнѣйшему Отцу пещись о дняхъ послѣдующихъ и, не вдаваясь въ горькія изслѣдованія грядущаго тебѣ невѣдомаго, заботься только о томъ, чтобы праведно начать и окончить день, ибо *«довольно для каждого дня своей заботы»*.

2) *Каждый день*. Не тщетно Отецъ людей раздѣлилъ жизнь мѣрою дней! Надобно сколь можно углубиться въ мудрость Его божескихъ основаній и научиться пользоваться днемъ рождающимся и проходящимъ.

Ремесленникъ, даже самый неутомимый въ работѣ, когда приводятъ его передъ громадное зданіе и предлагаютъ ему соорудить подобное сему, изумился бы и, не осмѣливаясь предпринять трудъ, превосходящій его силы,

не рѣшился бы поднять для онаго даже перваго камня. Но если зодчій, не отырыван ему весь планъ сооруженія, будетъ поручать ему каждодневно исполнимую работу и распредѣлять его силы соразмѣрно его дневному труду, то ремесленникъ съ охотою примется за работу, и не пройдетъ года, какъ онъ уже будетъ въ состояніи привѣтствовать оконченную кровлю зданія.

То же примѣнимо и къ безсмертному труду нашего спасенія. Если божественный зодчій грядущаго Іерусалима указалъ бы земному труженику все сооруженіе работы, не предоставляя ему отдыха, то этотъ рабочій горько улыбулся-бы при этой задачѣ и отошелъ бы ко сну съ отчаяніемъ въ душѣ.

Мудрый строитель нашего блаженства иначе руководитъ работою трудящихся. Онъ скрываетъ отъ насъ всю объемлемость зданія и только постепенно, день за днемъ, отырываетъ намъ по частямъ предположенное сооруженіе. Онъ раздѣляетъ нашъ трудъ, рассчитываетъ дневные часы, соразмѣряя работу съ силами нашими. Съ утра заданную работу единственно предлежитъ намъ знать. Проведемъ весь день въ трудѣ для исполненія задачи, а когда наступитъ вечеръ, унедобимся смиренному труженику, который, не заботясь о трудѣ завтрашняго дня и не гонясь за несбыточною мечтою о неотложномъ исполненіи неизвѣснаго ему плана, спокойно беретъ свой дневной хлебъ и раскидываетъ, направляясь къ жилищу своего отдохновенія.

Довольно для насъ дня своей заботы.

Или недостаточна тебѣ та мѣра испытаній, немощи и борьбы, которую Господь Богъ опредѣляетъ тебѣ на настоящій день? Для чего предусматривать и вѣѣнчивать заранѣе заботу завтрашняго дня? Благословляй Господа, сокрывшаго ее отъ тебя. Благодари его за то, что онъ устроилъ послѣдовательность временъ и дней, чтобы да-

вать отдыхъ твоей слабой природѣ, неспособной къ непрерывному труду. Послѣдовательность благая для нужнаго отдохновенія и для успѣха работы; послѣдовательность въ разнообразіи, дабы отвратить томительную скуку земного труда и дабы даровать предвкушеніе не измѣняющейся вѣчности.

Настанетъ день, когда минетъ послѣдовательность временъ. На землѣ будетъ послѣдній вечеръ, за которымъ просіяетъ утро безъ заката вѣчнаго дня. Тогда представитъ глазамъ нашимъ въ одно мгновеніе ока все сооруженіе, которое съ помощью Господа и благодаря милосердному распредѣленію труда, мы совершили во всю нашу смутную жизнь. Можно уповать, что избранники Божіи будутъ изумлены при величіи ихъ собственнаго труда и что отдавая честь и хвалу великаго сооружения единому Богу, всетаки дозволено будетъ имъ удивляться, что оно совершилось трудами рукъ ихъ.

Когда бѣдный поденщикъ, который въ продолженіе многихъ дней трудится надъ неблагодарною работою, затерявшись въ толпѣ, очутится передъ зданіемъ, окованнымъ его трудами и на которое онъ положилъ жизнь и кровь свою, я полагаю, что онъ остановится передъ нимъ въ изумленіи, признавая, что участвовалъ въ этомъ великомъ твореніи и воздастъ хвалу водчему, соорудившему на цѣлые вѣка зданіе руками людей и дневными стараніями. Еще болѣе насладимся мы, когда откроется передъ нами величественное зданіе, нашими руками возведенное. Когда настанетъ часъ возмездія, ослѣпленные блескомъ и жизненною красотою Иерусалима, надъ сооруженіемъ котораго мы сами трудились подъ руководствомъ Господа, трати на это наши страданія и борьбу земную, мы скажемъ, обращаясь къ Ангеламъ Господнимъ: какимъ образомъ старанія, положенныя нами въ продолженіе нѣсколькихъ дней и часовъ земныхъ, могли создать такое зданіе во

славу Предвѣчнаго? И услышимъ голосъ, который скажетъ намъ:

Довольно для каждаго дня своей заботы.

VII.

Мы слуги безполезные.

Конечно, это изреченіе справедливо, потому что всю славу оно относитъ къ единому Богу; оно запечатлѣно смиреніемъ, потому что уничижаетъ насъ передъ Нимъ и учить насъ никогда не считать себя необходимыми для совершенія Его твореній.

Но чтобы это изреченіе сохраняло свое великое значеніе, надо хорошенько вникнуть въ его смыслъ и произносить его въ возвышенномъ и правдивомъ духѣ, въ такомъ, какъ изрекъ его Спаситель.

Ибо можно различнымъ способомъ произносить эти слова. Можно говорить ихъ съ истиннымъ смиреніемъ, даже послѣ самыхъ геройскихъ подвиговъ. Но они могутъ быть сказаны также въ расположеніи къ унынію и правдности, когда мы уступаемъ искушенію лѣни и отыскиваемъ оправданіе преступной слабости подъ личиною смиренія ложнаго и пристрастнаго.

Состояніе разслабленія, къ которому приводитъ продолжительная болѣзнь, располагаетъ къ упадку духа и, если не будутъ употреблены мужественныя усилія къ преодоленію горестной дремоты, то кончается тѣмъ, что человѣкъ погружается въ нее всецѣло, къ ущербу души и въ то же время тѣлу, которое отъ безчувственности духа немоществуетъ и склоняется къ смерти.

При болѣзни обыкновенно является расположеніе, уступающее разслабленію, совершенно пренебрегать всякимъ трудомъ, занятіемъ, умственной дѣятельностью и погру-

жаться въ безплодное, напряженное и обезсиливающее вниманіе къ своей немощи. Больной легко поддается неразумнымъ совѣтамъ, лишаетъ себя чтенія, всякаго разсѣянія, всякой работы, требующей старанія. Душа, такъ сказать, падаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ и не усиливается поднять жизнь. Даже набожность не возбуждаетъ душу, склонившуюся къ земному, и свое изнеможеніе она старается объяснить якобы смиренными словами: «мы слуги бесполезные».

Но не надо забывать, что не всѣ въ правѣ произносить такіе слова и что тѣ преимущественно не въ правѣ, которые слишкомъ легко отдаются изнеможенію и праздности.

Спаситель изрекъ: «когда исполните все повелѣнное вамъ, говорите: мы рабы ничего не стоящіе (бесполезные); потому что сдѣлали только должное» (Лук. XVII, 10).

Не совершенно ли ясно, что это изреченіе, понятое во всемъ его смыслѣ, далеко не предполагаетъ праздность, бездѣйствіе слуги, но напротивъ того требуетъ его рвенія, прилежанія, усилій преданныхъ и непрерывныхъ, увѣчанныхъ чувствомъ смиренія, которое тѣмъ болѣе похвально, что слуга, казалось бы, имѣлъ право выражаться иначе и хвалиться своими заслугами.

Итакъ, собственно дѣятельность должна предшествовать смиренію; оно цѣнится въ мѣру борьбы и всепреданности; твердое постоянство души въ совершеніи ея обязанностей и въ доведеніи ихъ до конца почерпаетъ право съ достоинствомъ унижаться передъ Богомъ и объяснять себя нестоящимъ слугою. Безъ дѣятельности это изреченіе оказывается бессмыслицею и признаніемъ своей недостойной униженности.

Слѣдовательно слова Спасителя влагаются въ уста христіанина только тогда, когда смыслъ ихъ оправдывается бодрымъ рвеніемъ въ трудѣ.

Но какимъ образомъ больной можетъ трудиться?

На это надо отвѣчать, зная какого рода немощь боль-

ного. Потому что неоспоримо, что обязанности больного не измѣняются, если болѣзнь лишаетъ его совершенно дѣятельности духовной или тѣлесной или если силы его хотя не совершенно истощены, но значительно сокращены и ослаблены.

Обратимся къ первому изъ этихъ двухъ состояній; оно все-таки допускаетъ дѣятельность возвышенную, рѣдкую и вполне достойную души свободной.

Вся философія стойковъ заключалась въ одномъ словѣ, энергическую строгость котораго нельзя не признать. Это слово «sustine» — мужайся! Древній стоицизмъ произносилъ это слово болѣе съ ѣдкимъ высокоуміемъ, чѣмъ съ возвышеннымъ духомъ; христіанство одно могло его осмыслить въ настоящемъ духѣ, внушая людямъ умѣрять гордое слово кротостью Евангельскою.

Sustine! — мужайся, крѣпись, юный братъ, юный воинъ Христа. Господь видитъ борьбу твою, исчисляетъ твои усилія и обращаетъ къ славѣ Своего имени и къ торжеству правды въ семъ мірѣ тяжкій трудъ твоего терпѣнія. Когда послѣ тяжелаго дня, проведеннаго въ отраженіи земныхъ желаній, и испытавъ всю тайную горечь твоего самопожертвованія, ты къ ночи предаешь душу твою въ руки Господа, ты приобретаешь право произносить смиренное изреченіе истинныхъ тружениковъ: «Господи, я сдѣлалъ только должное, я слуга ничего не стоящій».

Sustine! — мужайся въ особенности ты, душа посвященная Богу, мой братъ по подвигу богослуженія, удаленный отъ трудовъ, для которыхъ ты покинулъ міръ, страдающій жестоко отъ невозможности исполнять въ храмѣ Божіемъ твое подвижничество. Когда при наступленіи вечера, ты помышляешь о паствѣ твоей, добрый пастырь, и огорчаешься тѣмъ, что не въ силахъ былъ подняться съ одра болѣзни, чтобы принести ей Слово Божіе. Бодрись, Господь видитъ твое вожделѣніе, читаетъ его въ твоемъ сердцѣ, пріемлетъ его,

благословляетъ и оплодотворяетъ для всѣхъ вѣрующихъ. Ты достойно потрудишься и, безъ искушенія слабости, можешь смиренно сказать: я слуга ничего не стоящій!

Sustine! мужайся всякая душа христіанская, которой силы надломлены продолжительнымъ страданіемъ и которая, будучи исполнена возвышенныхъ стремленій къ славѣ Господа и ко благу ближнихъ, имѣетъ сомнѣніе въ томъ, не была-ли ты бесполезна въ святомъ дѣлѣ, которому желала послужить. Крѣпись вѣрою; не считай себя отверженною Господомъ, потому что по своей немощи ты не можешь нести ему службу видимую и ощущаемую. Помни, что Господь не требуетъ нашего тревожнаго и бесплоднаго служенія и что суетливая услужливость Марѳы приносить Ему менѣе славы, чѣмъ спокойное вниманіе Маріи слову Его.

Познай, что страданіе есть дѣятельность и что трудъ, полный преданности волѣ Божіей, основанный на вѣрѣ и любви, возвышаетъ душу до высоты тѣхъ вѣрныхъ слугъ, которые считая сами себя бесполезными, довершаютъ въ терпѣніи и смиреніи безсмертное посланничество Іисуса Христа.

VIII.

Бодрость и трудъ.

Болъшой. Братъ мой, я не въ томъ состояніи, о которомъ ты говоришь и въ которомъ тяжкая болѣзнь или гнетъ непрерывнаго страданія удручаетъ и клонитъ къ землѣ.

Жизнь во мнѣ не истреблена, она только поражена. Я не падаю подъ тяжестью немощи, но ежедневно чувствую ее гнетъ. Страданіе не покидаетъ меня на одрѣ болѣзни, но даетъ мнѣ непрестанно ощущать ее жало и

по временамъ измѣняетъ въ горечь только что появившуюся у меня улыбку. Я слабъ, безпокоенъ, нерѣшителенъ. Не въ моей власти конецъ наступившаго часа, и я не могу рассчитывать на окончаніе самаго не долговременнаго труда.

Эта неизвѣстность, при крайней слабости, лишаетъ меня всякой бодрости при трудѣ. Что предпринять при такой неустойчивости силъ? Мнѣ говорятъ, что постоянное и правильное напряженіе духа одно можетъ исполнить возвышенные труды. Что предпринять при той растерянности, въ которую повергаетъ болѣзнь? Какое можно начать дѣло, когда болѣзнь требуетъ безпрестанныхъ измѣненій времени и мѣста. Мнѣ приходится ожидать выздоровленія, возвращенія силъ и увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, чтобы сдѣлаться способнымъ къ труду, достойному Славы Божіей и удовлетворяющему моимъ пламеннымъ желаніямъ.

Друж. Братъ мой! твоя душа увлекается напрасными мечтаніями и то, что ты принимаешь за изнеможеніе тѣла, есть болѣе всего упадокъ духа.

Трудъ человѣческій на землѣ не измѣряется количествомъ силъ, но качествомъ доброй воли.

Взгляни на войска и вникни въ то, чѣмъ измѣряется трудъ военный. Думаешь-ли ты, что побѣда всегда остается за большею численностью и за сильнѣйшими? Весь ходъ исторіи тебѣ доказываетъ, что какія бы ни были войны, мірскія или священныя, въ нихъ побѣда не на той сторонѣ, которая обладаетъ большимъ числомъ воиновъ, но на той, гдѣ царствуетъ величіе и бодрость духа.

Душа создаетъ мужественныя войска, рѣшимость побѣдить даетъ побѣду, и то, что справедливо для великихъ состязаній, которыми гремитъ мірская слава, одинаково справедливо для самой скромной и невѣдомой борьбы въ частной жизни cadaго человѣка.

Трудъ всегда предполагаетъ борьбу, и только одна добрая воля одерживаетъ побѣду, причемъ самая побѣда совершается не иначе, какъ черезъ самопожертвованіе.

Самопожертвованіе—вотъ послѣднее слово всякой дѣятельности въ мірѣ: нужно умѣть приносить себя въ жертву, идти на встрѣчу опасности, даже не бояться смерти, покорно принимая на себя утомленіе, истощеніе силъ, потребныхъ для совершенія великихъ трудовъ. При этомъ надо обуздывать невольное отвращеніе изнеможенныхъ чувствъ къ труду, понуждая себя идти къ нему, какъ вождь понуждаетъ отрядъ войска, истомленного долгою борьбою, возвращаться въ огонь.

Это ни что иное, какъ дѣйствіе доброй воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое условіе побѣды надъ врожденною склонностью къ праздности и слѣдовательно отвращеніемъ къ труду.

Ожидать всякій разъ для начатія работы, чтобы тѣло къ ней было расположено, чтобы здоровье было крѣпкое и чтобы физическія силы были въ надлежащемъ состояніи, значило бы для многихъ погружаться въ бездѣйствіе и обрекать жизнь на безплодіе. Большая часть людей подвержена какому нибудь тѣлесному недугу. Успѣхъ на сторонѣ тѣхъ, которые умѣютъ совладать съ недугомъ, обойти его, какъ говорится, слѣзгать къ работѣ вопреки своему собственному расположенію.

Надо посмотрѣть только на тѣ результаты, которыхъ достигаютъ, не смотря на препятствія, на истощеніе силъ и на болѣзни, люди страстно относящіеся къ своему дѣлу. Какіе труды готовъ нести правитель, когда его имущественныя выгоды требуютъ отъ него дѣятельности! Какъ онъ готовъ бодрствовать, привязать себя къ труду! Сколько часовъ ночи тратится имъ на расчеты и предположенія! Какъ онъ всюду поспѣваетъ, какъ пренебрегаетъ отдыхомъ! Душа поддерживаетъ его тѣло и заставляетъ его дѣйство-

вать по ея волѣ. Всѣ сильныя страсти—стремленія къ славѣ, наукѣ, даже удовольствіямъ, даютъ душѣ преобладаніе надъ чувствами; но большая часть людей не подвержена такимъ страстямъ и потому находится въ дремотѣ духовной и погружена въ мелкія скорби.

У насъ, христіане, одна страсть должна преобладать въ душѣ: страсть къ труду въ семъ мірѣ, труду неустанному, въ ожиданіи пришествія Царствія Господня и торжества правды.

Счастливы души—и есть таковыя, которыми владѣетъ эта страсть, отвергая всѣ другія и предаваясь ей въ замѣну страстей славы, честолюбія, науки, удовольствій, даже благоденствія. Эти души пропитаны усердіемъ въ служеніи Богу и ближнимъ и для нихъ жертвуютъ волею, трудомъ, мужествомъ; онѣ не останавливаются, болѣзненно чувствуя, что утомленіе, даже смерть, близки; они забываютъ самихъ себя и готовы «отдать жизнь за Евангеліе», и по обѣту Спасителя обрѣтаютъ уже въ земномъ странствованіи жизнь исполненную великодушія, широкую, плодотворную, плывутъ на полныхъ парусахъ и находятъ уже въ здѣшнемъ мірѣ вознагражденіе въ величій понесенныхъ трудовъ и въ обиліи неожиданныхъ радостей.

Радованіе отъ труда! Я говорю о трудѣ христіанскомъ, жертвуемомъ Богу, совершаемомъ подѣ Его всеобъемлющимъ окомъ, въ сотрудничествѣ съ Нимъ, и чуждомъ побужденій выгоды и честолюбія; такой трудъ, побѣдившій всѣ сопротивленія тѣла, всѣ его слабости, становится скорѣ врачующимъ; онъ преодолагаетъ утомленіе и уныніе. Нѣтъ печали, говоритъ Монтескье, которая бы не утѣшилась однимъ часомъ труда. Сѣять въ слезахъ и пожинаать въ радости, вотъ въ чемъ заключается чудная мзда для души, по словамъ Св. Писанія.

Итакъ познай, христіанская душа, великое значеніе

труда и не отстраняйся отъ него, въ виду трудностей и немощности чувствъ. Поразмысли о томъ, что искони ведется убійственная война между тѣломъ и духомъ, что равновѣсіе между ними рѣдко и что если тѣло не слабѣе души, хотя въ малой степени, то оно подавляетъ ее своимъ самодовольствіемъ. Большая часть людей удалена отъ духовной дѣятельности скорѣе слабостію плоти, чѣмъ страданіемъ. Благодаримъ Господа за то, что принадлежишь къ людямъ тщедушнымъ. О святомъ Григоріи Двоесловѣ извѣстно, что все, что онъ говорилъ въ бесѣдахъ, творилъ, писалъ, распространялъ своею властію, совершалось имъ посреди немощей и постоянныхъ тѣлесныхъ страданій.

Неоднократно, и въ своихъ твореніяхъ, и въ проповѣдяхъ, и въ письмахъ, святитель высказываетъ горькія сожалѣнія о томъ, что недуги препятствуютъ ему совершать все то, что онъ желалъ. «Вотъ уже два года, пишетъ онъ Евлогію, что я не выхожу изъ комнаты, и болѣзнь причиняетъ мнѣ такія острые страданія, что я иногда не въ силахъ перенести ихъ. И однако эти страданія не составляютъ для меня единственнаго бѣдствія. Болѣзнь не позволяетъ мнѣ исполнять долгъ священнослужителя,—вотъ что глубоко меня огорчаетъ. Увы! не вставать съ постели, не приступать къ престолу Божію и быть какъ будто заперченнымъ въ священнослуженіи! Суди самъ, не составляетъ ли непрерывнаго мученичества такая томительная жизнь, когда здоровье нужно не для чего инаго, какъ только для выполненія своего долга и для совершенія возложеннаго на тебя труда!» Но если мы припомнимъ великія дѣянія достоправнаго пастыря, не смотря на его тяжкіе недуги; если мы представимъ себѣ это величественное зрѣлище души въ борьбѣ съ немощностію тѣла и окончательнаго торжества ея надъ удручающими тѣло недугами то примѣръ святителя, лучше всякихъ разсужденій, научить

насъ не изнемогать слишкомъ скоро подъ ударами невзгоды и посреди самыхъ жестокихъ страданій и немощей продолжать дѣло, которое возложено на рамена наши.

Припомнимъ слова великой души, которая на приглашеніе къ покою, отвѣтствовала: «Будемъ трудиться теперь, а для отдохновенія мы обрѣтемъ вѣчность».

Д Е Н Ъ.

I.

Привязанность къ своей комнатѣ.

Писатель «Подражанія Христу», глубокий и опытный читатель уединенія, такъ выражается: «Келья, которую охраняешь, становится со временемъ отрадною; неохраняемая порождаетъ отвращеніе и тоску. Если съ самаго начала ты заботишься о ней и тщательно ее охраняешь, она вскорѣ содѣлается твоимъ любезнѣйшимъ другомъ и самымъ драгоценнымъ утѣшеніемъ твоимъ!» Это прекрасное удостовѣреніе, при первомъ взглядѣ, можетъ показаться начертаннымъ для монашествующихъ, но разсмотрѣнное ближе, оно оказывается примѣнимымъ ко всѣмъ душамъ. Конечно, справедливо по отношенію къ каждой изъ нихъ, что склонность къ внутренней жизни зависитъ отъ усвоенныхъ съ самаго начала привычекъ и что склонность эта пріобрѣтается или утрачивается по мѣрѣ усилій, которыя употребляются для внутреннихъ духовныхъ размышленій, или неудержимаго влеченія къ суетнымъ мірскимъ удовольствіямъ. Но я полагаю, что эта мысль въ особенности утѣшительна для болящихъ, которымъ она открываетъ невѣдомый для нихъ источникъ наслажденій тамъ, гдѣ они думали встрѣтить только тоску и утомленіе.

Докторъ только что тебя оставилъ. Онъ подробно разсмотрѣлъ состояніе твоей болѣзни и тѣ опасенія или надежды, которыя она представляетъ. Онъ объявилъ тебѣ, что, по его убѣжденію, тебѣ надобно будетъ на продолжительное время безвыходно оставаться въ комнатѣ, и вотъ началось твое уединеніе и одиночество.

Какъ ты прежде всего отнесешься къ этому убѣжищу, дарованному тебѣ Господнимъ милосердіемъ для успокоенія въ твоей немощи? Какъ ты водворишься въ немъ: дружелюбно или враждебно? Берегись, не взирай на это равнодушно.

Вмѣсто того, чтобы оглядѣться въ твоей комнатѣ съ досадою и озлобленіемъ, вмѣсто того, чтобы осматривать ея обстановку съ обидчивымъ отвращеніемъ и подходя къ окну лихорадочно предаваться мечтаніямъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя бы ожидали тебя внѣ твоего заключенія, повѣрь мнѣ, лучше оставайтесь между собою друзьями. Твой пріютъ полюбить тебя, если ты его полюбишь, хотя по настоящему ты больше въ немъ нуждаешься, чѣмъ онъ въ тебѣ.

Останься въ немъ безъ горечи, въ миролюбивомъ настроеніи. «Замкни твою дверь и призови предвѣчнаго Утѣшителя» (Подр. Христу); скажи этому вѣрному Другу, что продолжительное пребываніе съ Нимъ въ искреннемъ союзѣ дружбы тебя не устрашаетъ и что ты въ близости къ Нему перенесешь безъ горечи томленія, которыя будутъ наложены на твою чувствительную природу; прежде всего пусть комната твоя освятится присутствіемъ божественнаго Друга. Какъ часто придется тебѣ прибѣгать къ Его обществу! Дорожи Имъ, прими съ покорностію Его увѣщанія. Переноси смиренно ожидающія тебя испытанія, не отвергая ничего, что благоутодно будетъ Богу.

Привстань, огляди, твою комнату. Не правда ли, что теперь все получило въ глазахъ твоихъ другой видъ: что въ ней мрачнаго и злокачественнаго? Она близко тебѣ знакома и если доселѣ ты не оцѣнилъ сладости собесѣдованія съ нею, то это не ея вина, а твоя. Обращайся съ нею, какъ съ другомъ, котораго дружба тебѣ дорога. Содержи ее въ порядкѣ, украшай по возможности. Чистота жилища вліяетъ на чистоту тѣла, и то и другое

необходимо больному. Тогда она тебѣ улыбнется, изъ мелкой сдѣлается великою, изъ укромной покажется обширною, изъ бѣдной красивою. И по правдѣ сказать, трудно было бы полюбить комнату великолѣпную, убранную съ роскошью, выставляющую на показъ все свое тщеславіе. Можетъ ли въ такой комнатѣ существовать искренняя дружба? Ей нужны толпа, шумъ, оживленіе праздничное. Въ уединеніи она скучаетъ и жалуется; поэтому можно обладать дворцами и не имѣть своей комнаты. Итакъ во всемъ, что я говорю, нѣтъ ничего непримѣнимаго къ самымъ простымъ и бѣднѣйшимъ братіямъ.

Очень умный человѣкъ, обреченный, вопреки желанію своему, на уединеніе, описалъ путешествіе новаго рода, которое озаглавилъ: «Странствованіе около моей комнаты». Вотъ прекрасное путешествіе для больного. Примись бодро за него. Если ты совершишь его со вниманіемъ и сердечнымъ расположеніемъ, то получишь открытія удивительныя. Человѣкъ, совершившій два раза путешествіе кругомъ свѣта, не откроетъ того, что открываетъ больной, странствуя вокругъ своей комнаты. Все заключается въ томъ расположеніи, съ какимъ совершается предпринятое путешествіе, потому что въ странствованіяхъ ничего другаго не находишь, кромѣ того, что вносишь въ нихъ самъ,—а ты въ своемъ обходѣ комнаты можешь принести столько терпѣнія, столько воспоминаній, наблюденій, столько раздумья, искренности духовной, надеждъ, порывовъ сердца, что ты, даже не отдавая себѣ отчета, взберешься на высоту, съ которой узришь все, что есть наиболѣе величественнаго въ мірозданіи: твою душу и Бога!

Итакъ, бодрись и отправляйся въ походъ. Два, три мѣсяца тебѣ покажутся нескончаемыми; но они окончатся прежде, нежели ты сдѣлаешь первый шагъ въ пространномъ и величественномъ путешествіи, къ которому мнѣ такъ бы желалось расположить тебя.

Вступи въ вѣчно обновляемую область размышленія и умственныхъ проникновеній, въ нихъ откроются тебѣ небывалые виды,—только при этомъ побѣдномъ шествіи покинь суетныя тревоги, тебя удручающія. Злобный духъ, ищущій перемѣнъ и разнообразія, подвергаетъ мученіямъ болящихъ. Весь земной шаръ не представляетъ того разнообразія, которымъ обладаетъ душа и міръ духовнаго разумѣнія; земля не такъ обширна какъ сердце человѣческое, выше котораго только одинъ Господь. А Бога ты скорѣе, чѣмъ гдѣ либо, обрѣтешь именно въ уединеніи.

Любезный братъ, вотъ твоя излюбленная келья, вотъ книги, твои собесѣдники, картины для разсѣянія твоего, твои письма, говорящія тебѣ о прошедшемъ, Распятіе, внушающее тебѣ упованіе въ грядущее. Чего же болѣе нужно для разумнаго существа, чтобы дать ему счастье?..

II.

Т р е в о г и .

Больной. Господи! Не избытокъ страданій и не продолжительность ихъ потрясаютъ въ настоящее время мою душу; но то положеніе, въ которое повергаетъ меня болѣзненное смятеніе и душевная тревога, которыми наполняетъ меня болѣзнь. Все мнѣ представляется сомнительнымъ въ послѣдующихъ дняхъ моей жизни, я не въ состояніи что либо въ нихъ предусмотрѣть и распредѣлить заранѣе, такъ что самое скромное намѣреніе представляется мнѣ слишкомъ смѣлымъ.

Я обращаюсь за совѣтомъ къ наиболѣе осторожнымъ и опытнымъ людямъ. Никто изъ нихъ не рѣшается

открыть мнѣ, когда прекратятся мои немощи. Сначала они мнѣ представляли все въ радужномъ свѣтѣ, а теперь упорное молчаніе ихъ на мои вопросы меня страшитъ и волнуетъ, я почти сожалѣю о томъ времени, когда они ослѣпляли меня обманчивыми грезами.

Родные и друзья мои, видя тревожное состояніе моей души, думаютъ подать мнѣ успокоеніе, безпрестанно обѣщая мнѣ выздоровленіе. Я слушаю ихъ; я даже стараюсь ихъ утѣшить, показывая, что вѣрю имъ, какъ они мнѣ въ утѣшеніе дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ въ мое выздоровленіе; я имъ не противорѣчу; но только что я остаюсь одинъ, я падаю духомъ подъ тяжестью моего и ихъ сокрытаго безпокойства, и всякое внушаемое мнѣ упованіе исчезаетъ.

Господи, когда же лучъ свѣта проникнетъ въ эту бездну неизвѣстности? Не требую я узнать, излѣчусь ли я; хочу только знать, что со мною будетъ, хотя бы самое неблагоприятное; хочу поднять эту непроницаемую завѣсу, которая содержитъ душу мою въ болѣзненныхъ потемкахъ. Господи отвѣчай мнѣ, просвѣти меня! *Господь Богъ мой, просвѣти тѣмъ во мнѣ!* (Пс. XVII, 30).

Утѣшитель. Сынъ Мой, ты захотѣлъ отдаться и служить Мнѣ: не удивляйся же тому, что Я воспринялъ твое обѣщаніе вполне предаться Мнѣ и что Я дозволилъ врагу человечества испытать любовь твою.

Сынъ Мой, поступивъ на служеніе Господу, пребывай въ правдѣ и страхѣ Божіемъ, приуготовляя душу твою къ испытанію.

Смири свое сердце и оставайся въ ожиданіи; приклони ухо твое и восприми глаголы высочайшей мудрости и не будь опрометчивъ, когда мракъ окружитъ тебя.

Переноси посылаемые Господомъ испытанія, оставайся въ союзѣ съ Нимъ и жди. Настанетъ день, когда жизнь твоя преизобилуетъ въ вѣчности.

Переноси все, что съ тобою случается и будь въ ожи-

даніи, а во время твоего уничтоженія, вооружись терпѣніемъ.

Ибо въ огнѣ испытывается злато и серебро и въ горнилѣ бѣдствія Господь распознаетъ и избираетъ сыновъ своихъ.

Вѣруй въ Господа, и Онъ избавитъ тебя. Шествуй прямо и вѣруй въ Господа. Сохрани страхъ передъ Нимъ и да укореняется онъ въ тебѣ.

О! всѣ вы пребывающіе въ страхѣ передъ Господомъ, уповайте на Его милосердіе! не отвращайте лица ваши отъ Него, чтобы не падать.

Боящіеся Господа, имѣйте вѣру въ Его правосудіе, и награда не минуетъ васъ. Милосердіе Его обниметъ васъ, какъ переполненіе радованія, какъ обиліе свѣта.

Господь попечителенъ и милостивъ; Онъ прощаетъ грѣхи, содѣланные во время сокрушенія. Онъ покрываетъ, ищущихъ правды. (Еклез. 2, 1—13).

Еще разъ говорю тебѣ, сынъ мой, пусть не приводитъ тебя въ соблазнъ и смущеніе темная и долговременная продолжительность твоихъ страданій.

Приводи на память себѣ обѣты, которые ты столько разъ давалъ Мнѣ, смиренно припадая къ стопамъ Моимъ. Могъ ли я усомниться въ твоей искренности и обращаться къ тебѣ, какъ къ тѣмъ сомнительнымъ друзьямъ, на вѣрность которыхъ нельзя разсчитывать?

Сколько разъ говорилъ ты предъ лицомъ Моимъ: предаю душу мою въ руки Твои, Господи! Господи, смыкаю очи мои и уповаю на Тебя единого! Веди и направляй меня, я отрекаюсь отъ себя и всецѣло предаюсь Тебѣ! Послушествовую всему, что потребовать отъ меня соизволишь, прими мое отреченіе отъ самого себя!

Ты долженъ былъ знать, сынъ Мой, что такихъ обѣщаній нельзя произносить легкомысленно и что, будучи исполнены любви и величія, они налагаютъ на тебя отвѣтственность предо Мною. Я вправѣ утверждаться на

душахъ, связавшихъ себя такими клятвами, рассчитывать на нихъ, какъ на Моихъ избранниковъ, для того, чтобы явить на нихъ всю мою славу. Какъ же не избрать передовыми воинами тѣхъ, кто не страшится опасностей и какъ милости просить быть поставленнымъ въ первыхъ рядахъ во время сраженія? Ты былъ въ числѣ такихъ людей и Я вѣрилъ твоимъ воплямъ ко Мнѣ.

Не ослабѣвай же теперь, не смущайся предъ стрѣлами врага и ожидай Моей помощи; если Я повременю съ нею, то знай, что только для того, чтобы вѣрнѣе доставить тебѣ побѣду и дать случай, во славу Мою, проявиться доблести тѣхъ, кто служитъ Мнѣ.

Для чего желаешь ты предузнать исходъ твоей болѣзни? Если-бы открылось тебѣ, что она прекратится только со смертію твоею, то, при слабости твоей, не утратилъ ли бы ты миръ и спокойствіе? Если же бы ты могъ провидѣть, что близко выздоровленіе твое, то была ли бы заслуга въ твоей преданности и упованіи? Вѣрь, что Я все содѣлываю для спасенія души твоей и оставайся вѣренъ посреди неизвѣстности, дабы возымѣть со временемъ часть въ грядущемъ озареніи.

Не читалъ ли ты въ повѣствованіи Св. Евангелія, что когда въ вертоградѣ Я былъ схваченъ и приведенъ къ первосвященнику, то слуги его, закрывъ Мою голову, заушали меня и говорили: «Пророкъ, отгадай, кто Тебя ударилъ?» (Лук. XXII, 64).

Взгляни на Меня въ эти скорбныя минуты и знай, что Я перенесъ ихъ для поддержанія и подкрѣпленія тебя, бѣднаго, встревоженного, колеблющагося и заключеннаго во мракъ продолжительныхъ страданій, для того, чтобы научить тебя, что торжественное сіяніе воскресенія ближе, чѣмъ ты думаешь, къ часамъ постигшаго тебя злополучія.

Больной. Господи Іисусе! поклоняюсь Тебѣ, поражаемому окровавленными тростями нечестивыхъ воиновъ.

Взираю на Тебя, какъ стоишь Ты безмолвенъ, со смутнымъ взоромъ, передъ издѣвляющеюся надъ Тобою толпой палачей и какъ молчишь, когда кричатъ Тебѣ: «отгадай, кто ударилъ Тебя». Самъ я, пребывая во мракѣ скорбей, будучи ударяемъ посреди окружающей Меня тьмы, не въ состояніи отвѣчать вопрошающимъ Меня и высказать мои душевныя тревоги, и Я соединяю мое помраченіе съ нѣкогда окружившимъ Тебя мракомъ, мое молчаніе съ Твоимъ молчаніемъ, и вѣрю, уповаю, ожидаю.

III.

Разслабленіе.

Была зима. Ночь была темная и холодная. По Іудейской дорогѣ шла женщина, поддерживаемая бѣднымъ ремесленникомъ. Они приближались къ Виелеему.

Тотъ, кто повстрѣчалъ бы эту бѣдную чету, если бы былъ добръ и милосердъ, исполнился бы состраданія; но будучи жестокъ сердцемъ и высокомеренъ, отнесся бы съ презрѣніемъ къ подобнымъ бѣднякамъ.

Женщина изрѣдка останавливалась по дорогѣ, будучи изнурена усталостью, но она въ рѣчахъ своихъ исповѣдала Бога и продолжала путь.

Что, казалось, могло быть бѣднѣе, ничтожнѣе и безпомощнѣе въ глазахъ людей, и болѣе чуждо судьбамъ міра?

А между тѣмъ, тѣ минуты, въ которыя совершалось путешествіе этой женщины, были такими минутами, когда на вѣки рѣшались судьбы міра. Вся земля была у ногъ ея, въ трепетномъ и невыразимомъ ожиданіи; небеса взирали на нее и когда эта слабая женщина дала плодъ чрева

своего, то въ высотахъ небесныхъ раздалась пѣснь: «Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ и въ человѣкахъ благоволеніе!»

Зачѣмъ же ты въ мѣру своей слабости хочешь измѣрить объемъ намѣреній о тебѣ Господа? Когда же ты убѣдишься, что Господь славу Свою извлекаетъ изъ ничтожества? Когда убѣдишься, что Онъ преимущественно избираетъ то, что слабо, дабы поразить сильныхъ, и что эта избранная и освященная Богомъ слабость сильнѣе, чѣмъ вся человѣческая сила?

О, всѣ вы, немоществующіе и утомленные на пути жизни, вы съ отчаяніемъ спрашиваете, для чего Господь повергъ васъ въ это состояніе? Поднимите же голову и уповайте: *«Сыется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сыется въ униженіи, возстаетъ въ славу; сыется въ немощи, возстаетъ въ силу»* (1 Кор. XV, 42. 43).

Посмотри на избранниковъ Божиихъ, на которыхъ Господь возлагаетъ исполненіе Своихъ славныхъ дѣлъ и которыхъ избираетъ изъ всѣхъ, дабы воздать Ему подобающую славу. Въ глазахъ міра они были немощны. Но эти немощные сдѣлались сильными и обрѣли столь великую силу въ своей немощности, что сдѣлались избраннѣйшими воинами Его въ часъ борьбы: *«укрѣплялись отъ немощи, были крѣпки въ войнѣ»* (Евр. XI, 34).

Еслибы вы были сильны въ мірѣ, то вамъ болѣе слѣдовало бы опасаться, что Господь отвратится отъ васъ, какъ недостойныхъ исполнять Его дѣла, ибо Онъ рѣдко призываетъ къ тому сильныхъ міра, которые въ десницѣ Его являются орудіями слишкомъ гордыми и высокомерными и, вмѣсто воздаянія чести Богу, усвояютъ ее себѣ.

А вы, надломленные испытаніемъ, долгое время назидаемые и наконецъ убѣдившіеся въ вашей немощи вы въ ней-то и почерпнули особенную пригодность для служенія Богу.

Апостолъ зналъ это, радовался за себя и въ ликованіи духа говорилъ: *«Ежели должно мнѣ хвалиться, то буду хвалиться немоцію моею»* (2 Кор. 11, 40), а въ другомъ мѣстѣ: *«И потому я гораздо охотнѣе буду хвалиться своими немощами, дабы обитала во мнѣ сила Христова»* (12, 9). И наконецъ еще: *«Посему я благодушествую въ немощахъ, въ обидахъ, въ нуждахъ, въ гоненіяхъ, въ притѣсненіяхъ за Христа, ибо когда я немощень, тогда силенъ»* (12, 10).

Странныя и непонятныя на первый взглядъ рѣчи, а на самомъ дѣлѣ онѣ заключаютъ въ себѣ величественную правду, полагая крайнюю силу въ крайней слабости, ибо слабость смиренная и глубоко прочувствованная въ служителѣ Божіемъ призываетъ на помощь всемогущаго Господа, и такимъ-то образомъ истинная сила, для которой все возможно и которую ничто остановить не можетъ, возникаетъ, растетъ и достигаетъ совершенства въ немощи.

Итакъ, христіанинъ, оставь нечестиваго гордиться его мнимою силою: пусть онъ презираетъ тебя въ твоей немощи, въ скудной долѣ твоего разума и счастья, во всей твоей жизни. Ты слабъ, но съ помощью Божіею ты одолѣешь исполина и «не защититъ сильнаго множество силы его» (Пс. XXXII, 16), и народъ въ изумленіи спросить, какъ случилось, что, въ самомъ началѣ битвы, исполинъ палъ отъ руки Давида, о которой онъ говорилъ такъ презрительно.

Ты самъ будешь изумленъ твоими побѣдами и такъ какъ памятованіе твоей слабости не дозволитъ тебѣ приписать себѣ славу этихъ побѣдъ, то ты воздашь славу Тому, Кому она принадлежитъ, единому Господу, Богу всемогущему, о Которомъ сказано: «Камень во главѣ угла Той и сила моя» (2 Цар. XXII, 2).

IV.

Священникъ.

Апостолъ Павелъ, созерцая священнодѣйствіе Христово, такъ говоритъ: *«Ибо мы имѣемъ такого Первосвященника, Который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но Который, подобно намъ испыталъ все кромѣ грѣха. Посему приступаемъ смѣло къ престолу благодати, дабы получить милость и обрѣсти благодать для благовременной помощи»* (Евр. IV. 15, 16). Вотъ каковъ священникъ не только во Христѣ, но во всякомъ человѣкѣ, посвященномъ на служеніе христіанское. Таковъ священникъ по разуму Господа.

Въ священникѣ по благодати Христа отражается Господь. Ему переданы полномочія отъ Бога, ибо «кто можетъ прощать грѣхи, кромѣ единого Бога?» (Марк. II, 7). Священникъ же разрѣшаетъ грѣхи, и грѣшникъ исповѣдуетъ ихъ не человѣку, а посреднику Бога, Самому Богу чрезъ него; священникъ возраждаетъ душу во святомъ крещеніи, питаетъ ее святыми дарами Тѣла и Крови Христовой, благословляетъ бракъ, помазуетъ елеемъ. Это дѣла негибнущія.

Но онъ особенно является посланникомъ Божиимъ чрезъ Христа, со Христомъ и во Христѣ, когда онъ предстоитъ алтарю Господню и приносить во спасеніе вѣрующихъ святую, безкровную, чистѣйшую и честнѣйшую жертву.

Но продолжая разсматривать священника и представивъ его въ самомъ величественномъ и святомъ видѣ, я усматриваю съ другой стороны, что онъ подобно мнѣ подверженъ слабости.

Св. Павелъ, сей возвышеннѣйшій Апостолъ Христовъ, который, въ священномъ рвеніи своемъ, протекъ почти весь тогда знаемый міръ, дважды обошелъ Римскую им-

перію отъ береговъ Іордана до Геркулесовыхъ столповъ, призвалъ къ Евангелію болѣе областей, нежели число лѣтъ его жизни,—сей доблестный воинъ Христовъ, чтобы отдохнуть одинъ день, уединялся въ свою храмину. Я прислушиваюсь къ глаголу его и останавливаюсь въ изумленіи. Какое тревожное состояніе овладѣло имъ, что значить его смущеніе? Какая сила могла потрясти это сердце, не трепетавшее ни предъ огнемъ, ни предъ желѣзомъ, не страшившееся предъ владыками міра? Въ своемъ уединеніи, послѣ столькихъ одержанныхъ имъ побѣдъ, св. Павелъ находитъ въ сердцѣ своемъ, во всемъ своемъ существѣ врага, который страшнѣе ненависти іудеевъ, нечистоты Коринѳеа, мудрости Аѳинской и самовластия римскихъ кесарей. Онъ смущается, трепещетъ и жалуется, подобному самому слабому изъ смертныхъ: «Бѣдный я человѣкъ; кто избавитъ меня отъ могилы и смерти?» (Рим. VII, 84). Такъ проявляется человѣческая природа и во священникѣ.

Итакъ, братъ во Христѣ, слабый и немощный, недугующій тѣломъ и страждущій душой, какова бы ни была твоя немощь, предъ тобою стоитъ священникъ, посланный Богомъ для твоего утѣшенія и спасенія.

Когда, истерзанный страданіями, ты находишься въ уныніи и сомнѣніи, то призови на помощь священника и ты въ немъ найдешь человѣка, опытомъ познававшего твою немощь, найдешь и посредника Христова несущаго тебѣ изцѣленіе духовное. Приступи къ нему съ полнымъ довѣріемъ, ибо если ему дозволено подниматься до престола Господа Славы, то не избавленъ и онъ отъ искушенія грѣховнаго, и въ этомъ именно зиждется таинственность его священнослуженія. Приступи къ нему безъ боязни, ибо онъ, какъ ты самъ, сынъ Адамовъ и въ твоихъ ранахъ узнаетъ собственные свои раны; приступи

съ вѣрою, потому что въ лицѣ его предъ тобою всепрощающій и всеисцѣляющій Христосъ.

Понимаешь ли ты теперь, почему и его постигаетъ уничтоженіе? Потому что оно нужно для твоей немощи. Священнодѣйствующій самъ прикованъ къ немощамъ смертнаго, чтобы быть въ состояніи разогнать твой смертельный страхъ и пріобщить тебя ко спасенію.

Взирай на священника глазами вѣры. Не смущайся при видѣ человѣка, являющагося тебѣ въ образѣ Ангела, который снисходитъ до немощи человѣческой. Преклонись, смирись и удержишься отъ неразумныхъ обвиненій, потому что избранный между людьми Господомъ для людей, по слову Апостола, *«всякій первосвященникъ изъ чело-
вѣковъ для чело-
вѣкъ ставляется»*, священникъ жертвуетъ собою для тебя и Господь не избавилъ его отъ немощи, для того, чтобы, когда ты немоществуешь, онъ могъ тебя утѣшать, исцѣлять и проповѣдывать тебѣ спасеніе души твоей.

V.

В р а ч ь.

Большая часть людей питаетъ по отношенію къ врачу или крайнее недовѣріе или преувеличенное легковѣріе.

Надобно остерегаться обѣихъ этихъ крайностей. Не надо внимать пустымъ насмѣшкамъ людей, которые будучи здоровыми и не познавъ страданій, иронически относятся къ медикамъ и медицинской наукѣ. Это большею частію тѣ, которые хвастаются невѣріемъ, отрицаютъ религію и въ тоже время смѣются надъ врачебною наукою. Имъ нѣтъ другаго отвѣта, какъ словами высокой мудро-

сти: «Рано или поздно, другъ мой, и ты будешь въ рукахъ ея».

Конечно, послѣ изцѣленія души нѣтъ ничего выше, какъ излеченіе тѣла, и тотъ, кто усвоилъ себѣ эту науку, обладаетъ большою силой.

Случалось ли вамъ присутствовать при хирургическихъ операціяхъ и видѣть въ особенности такую операцію, которая проникаетъ въ самую глубину жизни? Когда первые смѣлые удары ножа удалили причину недуга и предстала задача исправить разрушеніе, причиненное леченіемъ, когда въ каждую минуту жизнь можетъ отлетѣть и страшнѣйшій безпорядокъ въ организмѣ представляется непоправимымъ, посмотрите на этого спокойнаго, твердаго и увѣреннаго человѣка; посмотрите, какъ его глаза и руки проникаютъ въ самыя сокровенныя вмѣстилища жизни, съ какимъ хладнокровіемъ онъ углубился въ возстановленіе этого организма, который находится въ рукахъ его между жизнію и смертію. Онъ въ самомъ дѣлѣ величественъ. Около него всѣ въ страхѣ и съ блѣдностью на лицахъ, а онъ продолжаетъ свою трудную задачу, а есть ли, скажите мнѣ, другая подобная ей задача, столь близко подходящая къ творенію Самаго Господа въ первое утро созданія человѣка?

Когда вы оставляете это зрѣлище и дыханіе у васъ еще спирается, не овладѣваетъ ли вами благоговѣйное уваженіе къ человѣку, который возбудилъ погасавшую жизнь человѣка? Если вы не прочувствовали этого, то вы достойны сожалѣнія.

Да! чтите врача, потому что такой даръ исцѣленія можетъ ему исходить только отъ Бога.

Чтите его за его знаніе, за его преданность наукѣ и человѣчеству, за его благотворительность, выше ему внушенную, за дарованную ему способность помогать вамъ и нерѣдко излечивать вашъ недугъ.

Но чтите его, какъ человѣка, а не какъ высшее существо. Ожидайте отъ него возможнаго, а не сверхъестественнаго или чудодѣйственнаго.

Сказать ли вамъ? Есть души даже благочестивыя, которыя обращаются къ Богу неразумно и безпорядочно. Онѣ испрашиваютъ у Него милостей, которыхъ въ премудрости Своей Господь не можетъ даровать имъ. Для удовлетворенія ихъ прошеній, потребовалось бы безпрестанное разстройство міроваго порядка и нарушеніе, по ихъ произволу или по ихъ слабостямъ, предвѣчныхъ законовъ. Эти прошенія, дерзкія и невѣжественныя, не останавливаются передъ мыслию о неизмѣнной премудрости Создателя и требуютъ удовлетворенія мелкихъ страстей; они оскорбляютъ величіе Господа, соблазняютъ людей, неумѣющихъ различать истинное благочестіе отъ ложнаго и лишаютъ ихъ тѣхъ благодѣяній, которыя были бы дарованы имъ при разумной и благоговѣйной молитвѣ.

Суевѣріе есть недугъ души; оно извращаетъ чувство благочестія; но сверхъ того затрогиваетъ и другія чувства: есть суевѣріе материнское, суевѣріе ложной чести, суевѣріе въ игрѣ и есть даже суевѣріе въ области врачебной науки.

Это изумительно и разоблачаетъ всю немощность духа нашего. Ничего нѣтъ обыкновеннѣе какъ расположеніе у людей переходить отъ насмѣшливаго недовѣрія къ медицинѣ, къ неограниченной вѣрѣ въ искусство врачей до невозможнаго и нелѣпаго.

Тотъ самый человѣкъ, который, по вашему ранѣе выраженному мнѣнію, ничего не смыслить и не можетъ, теперь сталъ необыкновенно дорогъ для васъ; теперь вы неудержимо хватаетесь за него и будучи смущены вашими опасеніями и тревогами, просите у него жизни, какъ будто она сокрыта въ его наукѣ; и онъ будетъ въ глазахъ вашихъ самымъ негоднымъ человѣкомъ и зловред-

нымъ обманщикомъ, если не остановить неизлечимой болѣзни и не оживить умирающаго!

Все это противно Богу и въ тоже время противно вѣрѣ и разуму.

Приведу вамъ глубокомысленныя слова знаменитаго врача, который послѣ самыхъ поразительныхъ излеченій отъ смертельныхъ болѣзней, говаривалъ: «Я врачевалъ его, а Господь излѣчилъ».

Прочтите въ заключеніе слѣдующее мѣсто изъ книги Премудрости Іисуса сына Сирахова (гл. XXXVIII):

«Почитай врача честию по надобности въ немъ, ибо Господь создалъ его, и отъ Вышняго врачеваніе, и отъ царя получаетъ онъ даръ.

Знаніе врача возвыситъ его голову, и между вельможами онъ будетъ въ почетѣ.

Господь создалъ изъ земли врачевства, и благоразумный человѣкъ не будетъ пренебрегать ими.

Для того Онъ и далъ людямъ знаніе, чтобы прославляли Его въ чудныхъ дѣлахъ Его: ими онъ врачуетъ человѣка и уничтожаетъ болѣзнь его.

Приготовляющій лѣкарства дѣлаетъ изъ нихъ смѣсь, и занятія его не оканчиваются, и чрезъ него бываетъ благо на лицѣ земли.

Сынъ мой! въ болѣзни не будь пренебреженъ, помолись Господу, и Онъ исцѣлитъ тебя.

И дай мѣсто врачу, ибо и его создалъ Господь, и да не удаляется онъ отъ тебя, ибо онъ нуженъ.

Въ иное время и въ ихъ рукахъ бываетъ успѣхъ, ибо и они молятся Господу, чтобъ Онъ помогъ имъ подать больному облегченіе и исцѣленіе къ продолженію жизни».

VI.

В р а ч ъ.

(Продолженіе).

Но остерегайтесь; не всякій врачъ подобенъ тому, о которомъ гласить св. Писаніе, не всякій заслуживаетъ уваженія и довѣрія.

«Многіе врачи думаютъ, что они знаютъ человѣка, а они познали только животное», какъ говоритъ одинъ писатель. А ты, братъ мой, человѣкъ.

Человѣкъ есть созданіе сложное. Этимъ онъ различается отъ Ангела и отъ камня, какъ существо и вещество простыя.

Человѣкъ, сказалъ Лейбницъ, есть совокупленіе времени и вѣчности. Великое слово! Но вѣчность превосходить время: что же сказать о людяхъ, которые думаютъ, что познали человѣка, не признавая его души?

Не только человѣкъ созданъ изъ души и тѣла, но въ немъ душа гораздо болѣе тѣла: поэтому мнѣніе, что человѣкъ есть совокупленіе души и тѣла, можетъ справедливо казаться непригоднымъ, потому что оно какъ бы сливается двѣ разнородныя и несравнимыя стихіи и я готовъ скорѣе, вопреки нѣкоторымъ возраженіямъ и въ нѣсколько измѣненной формѣ, принять слѣдующее извѣстное опредѣленіе: «человѣкъ есть душа, которой служатъ органы» (члены тѣла).

Но если вы—душа, имѣющая служителями своими органы, то не забудьте, что вы таковы не въ угоду однимъ только философамъ, но что вы дѣйствительно и непрестанно являетесь выраженіемъ этого опредѣленія во всѣхъ ощущеніяхъ и проявленіяхъ вашей жизни, въ силѣ и слабости, въ состояніи здоровомъ и болѣзненномъ, въ

жизни и смерти. Ребенокъ при рожденіи есть уже душа, владѣющая органами; человекъ, живущій и трудящійся, есть душа, которой служатъ органы; больной есть душа, страдающая въ своихъ органахъ; умирающій есть душа, котораго органы перестаютъ служить ему,—однимъ словомъ вездѣ и всегда прежде всего душа!

Вы вѣруете этому, ибо невозможно быть христіаниномъ, не имѣя этой вѣры. Но не ясны ли вамъ важныя послѣдствія такого состоянія? Если человекъ есть вмѣстѣ душа и тѣло, то онъ душа, прежде чѣмъ содѣлался тѣломъ, и всегда душа превосходитъ тѣло. Не ясно ли послѣ этого, что во всѣхъ проявленіяхъ физической жизни, необходимо считаться съ душою и принимать ея внутреннія предѣлы началомъ cadaго дѣянія?

Такъ какъ двѣ неравныя силы, будучи совокуплены, не сливаются одна съ другою, то если даже допустить, что слабѣйшая и второстепенная можетъ имѣть воздѣйствіе на сильнѣйшую, нельзя въ тоже время не согласиться, что сильнѣйшая и первенствующая въ свою очередь должна превозмогать слабѣйшую. А въ человекѣ душа занимаетъ первое мѣсто.

Итакъ, знайте, что душа присуща всему, что до человека касается: его радостямъ, горестямъ и немощамъ.

На основаніи этого я утверждаю, что если врачъ не вѣритъ въ существованіе души, то когда бы онъ изслѣдовалъ васъ въ продолженіи двадцати лѣтъ, онъ никогда васъ не узнаетъ.

Въ состояніи болѣзни вы будете въ его рукахъ какъ арфа, которую отдали чинить столяру. Онъ пожалуй кое-что и кое-какъ можетъ исправить наружно, такъ сказать въ тѣлѣ арфы—все что дерево и желѣзо, но струны, но аккорды, но душа ея! Бѣдный столяръ, бѣдная арфа!

Повѣрьте мнѣ, не отдавайтесь легкомысленно въ такія руки, развѣ только мимоходомъ, случайно, чтобы ис-

править какой нибудь наружный изъянъ, какъ въ арфѣ. Но въ остальномъ обратитесь къ специалисту художнику.

Я подтверждаю тебѣ, христіанская душа, что ты душа и что, какъ таковая, ты достойна полного вниманія въ твоихъ страданіяхъ!

Я утверждаю, что слабость и болѣзнь не даютъ всякому фельдшеру право орудовать тобою, и что насколько врачъ, исповѣдующій Бога и вѣрующій въ Него, достоинъ уваженія, настолько матеріалистъ невѣжественъ и вреденъ, ибо, повторяю, онъ знаетъ только животный организмъ, а не тебя.

Врачъ, который призванъ для охраненія здоровья вашего, долженъ войти непосредственно въ сношеніе съ душою вашею, и нѣкоторымъ образомъ, издали вліять на вашу нравственную жизнь; поэтому слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ при выборѣ врача и недозволять ему переступать порогъ вашего дома, если онъ невѣрующій. Самый недолговременный опытъ достаточенъ, чтобы распознать его.

Берите врача скромнаго, честнаго, серьезнаго, безкорыстнаго; такихъ всегда можно встрѣтить, и я, нуждаясь часто во врачебной помощи, находилъ ихъ вездѣ.

Вы узнаете его по простотѣ пріемовъ, по тому благородному добродушію, которое исходитъ отъ сердца, видавшаго страданія. Чѣмъ онъ будетъ сдержаннѣе въ обѣщаніяхъ, тѣмъ болѣе надѣйтесь на его помощь: довѣряйтесь ему, если онъ силенъ въ наукѣ, еще болѣе если добросердеченъ; Господь благословляетъ и просвѣщаетъ добрыхъ сердца.

Дайте себѣ время узнать его; для этого недостаточно одного дня. Если откроете въ немъ скромную, простую, глубокую душу, какую мнѣ не разъ случалось встрѣчать, то довѣрьтесь ему безусловно. Такія чистыя души достойны исполнѣ довѣрія. Чѣмъ важнѣе довѣряете имъ потаенное

ваше, тѣмъ вѣрнѣе они хранять его. Полная довѣренность порождаетъ полную преданность дѣлу.

Врачъ, о которомъ я говорю, вѣритъ въ существованіе душъ, знаетъ ихъ и любить: ему нѣтъ дѣла до того бѣдны-ли онѣ или немощны. Врачъ, подобно духовному лицу, одаренъ отъ Господа особенно сострадательнымъ сердцемъ къ грѣшнымъ людямъ. Откройте ему вашу душу, ваши тревоги, опасенія, скорби. Даже болѣе, не скройте отъ него проступковъ вашихъ. Въ большинствѣ случаевъ болѣзнь происходитъ отъ грѣха.

Не мѣняйте часто врача и не прибѣгайте къ совѣту другихъ врачей безъ крайней надобности. Довѣренность, какъ я сказалъ, не пріобрѣтается въ одинъ день. Повѣрьте, что никто не можетъ лучше устроить жизнь вашу, какъ тотъ, который долѣе времени знаетъ ее.

Я говорилъ о томъ, что вамъ надо вполне познать. И дѣйствительно врачу вашему недостаточно знать человѣка и, вообще, надо чтобы онъ позналъ человѣка въ васъ, изучилъ бы васъ непосредственно.

Во вселенной нѣтъ двухъ душъ, нѣтъ двухъ тѣлъ совершенно подобныхъ. Поэтому для каждого больного, въ нѣкоторомъ смыслѣ, надобны особыя соображенія, особыя распознаванія. Тотъ, который основательно узналъ васъ, не остановится передъ какими нибудь опасеніями, не встревожится понапрасну и не будетъ самоувѣренъ безъ основанія. Онъ будетъ умѣть примѣнять къ вашему особенному состоянію общіе законы и даже можетъ вылечить васъ вопреки этимъ законамъ. Развѣ это не важно?

Не будьте въ отношеніи къ врачу своенравнымъ и непокорнымъ. Но для этого, дайте себѣ время попасть на настоящаго врача.

Наконецъ будьте признательны за его попеченія и не думайте, что вы ни къ чему болѣе не обязаны, когда отдали ему назначенную плату. Есть вещи, за которыя

въ этомъ мірѣ въ достаточной мѣрѣ уплатить нельзя. Воинъ не получаетъ платы на полѣ сраженія; священникъ не получаетъ мзды предъ алтаремъ. Точно также нѣтъ достаточной платы врачу, который не убоился заразной болѣзни и который не разъ въ продолженіи дня превозмогалъ свои сомнѣнія, чтобы держать руку вашу, отъ которой можетъ быть остерегаются ваши друзья и родные.

За это ничѣмъ нельзя заплатить и возмездіе можетъ только получиться изъ сокровищницы Предвѣчнаго Бога, если не изъ казнохранилища благодарности и памятованія человѣчества.

VII.

Лекарства.

Господь вездѣсущъ.

Это одна изъ тѣхъ простѣйшихъ и въ то же время глубочайшихъ истинъ, которыя мы однакоже познаемъ смутно, безъ ясности и усиленнаго напряженія духа.

Когда приближаешься къ этимъ первобытнымъ истинамъ, на коихъ основаны всѣ другія, и когда возбуждаешь разумъ, чтобы проникнуть въ нихъ, то сначала страхъ и смятеніе овладѣваютъ вами при сознаніи, что они безъ конца возрастаютъ и открываются разуму постепенно съ его развитіемъ.

Господь вездѣсущъ.

Господь, говоритъ св. Апостолъ Павелъ, близъ cadaго изъ насъ. *Онъ недалеко отъ cadaго изъ насъ, ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ.* (Дѣян. 17, 27. 28).

Господь, говоритъ одинъ благочестивый мужъ, присущъ во всемъ, какъ дѣятель, присущъ тамъ, гдѣ Онъ

дѣйствуетъ. Поэтому Господь присущъ во всемъ что происходитъ въ мірѣ, не только въ началѣ дѣйствія, но и во все продолженіе его.

Всѣ явленія въ мірѣ суть завѣсы, прикрывающія Бога (Паскаль).

Всѣ творенія суть какъ бы тайнства, или видимыя оболочки невидимаго Существа Божія, скрывающагося подъ ними.

Господь неизмѣримъ и сущностью Своею присутствуетъ во всемъ и вездѣ.

Вотъ нѣсколько изреченій относительно дѣйствительнаго и внутренняго присутствія Бога во всякомъ духовномъ или тѣлесномъ существѣ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія объ этихъ постороннихъ доказательствахъ, я долженъ вамъ указать на нѣкоторые подводные камни, которые могутъ быть опасны для слабодушныхъ. Ибо есть между ними такіе, которые не ограничиваются тѣмъ, что признано богословіемъ христіанскимъ о вездѣсущности Бога, и не признаютъ разграниченія между Творцомъ и тварью, утверждая ихъ тождественность въ единствѣ существа. Но такое грубое заблужденіе не угрожаетъ душѣ непоколебимой въ ученіи христіанскомъ и не должно отвлекать отъ глубокаго бодрственнаго размышленія о присутствіи Господа во всемъ и вездѣ.

Но перейдемъ отъ теоріи къ практикѣ.

Если Господь вездѣсущъ, то Онъ и въ лучахъ просвѣщающихъ разумѣваемъ, какъ и въ сіяніи солнца, свѣтящаго глазамъ вашимъ. Онъ присущъ и въ истинѣ, которая питаетъ вашъ разумъ, и въ пищѣ, поддерживающей ваше тѣло. Онъ присущъ въ тайнствахъ, врачующихъ душу вашу, какъ и въ цѣлебныхъ средствахъ, преподаваемыхъ вашему тѣлу. Христіанская душа, помышляла-ли ты объ этомъ?

Когда тебѣ совѣтовали обратиться во время болѣзни къ спасительному лекарству и ты нашелъ въ веществѣ созданномъ облегченіе, силу и жизнь, то призналъ-ли ты въ этомъ веществѣ прикосновеніе руки Божіей? Поклонялся-ли Господу, сокрытому подъ завѣсою чувственной?

О, какъ велико ослѣпленіе тѣхъ, которые, пользуясь всѣмъ, что есть во вселенной, не подозреваютъ, что вся она проникнута Господомъ, и которые не видятъ Бога, будучи Имъ отовсюду объаты!

Не будьте въ числѣ такихъ людей. Зрите и слышите; умѣйте притомъ и любить.

Какою становится безпредѣльною, свѣтлою, оживленною, эта вещественная и внѣшняя природа, когда она не самобытна, а содѣлывается одѣяніемъ Господа!

Она не только въ своихъ благотворныхъ явленіяхъ представляется случайнымъ сочетаніемъ стихій, преобилующемъ пользою. Она орудіе Провидѣнія, проявленіе божественнаго попеченія и любви.

Тогда дозволено любить природу не то, что она представляетъ собою, такъ какъ она безчувственна и недарена разумомъ, но за Того, Кто сокрытъ въ ней. Утѣшительная и священная тайна!

И не только Господь присущъ во всякомъ веществѣ, какъ Творецъ и Промыслитель; но Онъ является опорою всякаго особеннаго дѣйствія; такъ что Онъ не только явентъ въ существѣ, но дѣйствуетъ въ немъ и управляетъ всякимъ его дѣйствіемъ, какого-бы рода оно ни было.

Итакъ Господь не только Творецъ и Промыслитель въ той чудной цѣлебной силѣ, которую вы почерпаете для выздоровленія отъ жестокой болѣзни, но Онъ въ ней присущъ какъ дѣйствующій и направляющій подобающее средство для вашего именно пользованія, а не для другихъ.

Поэтому дозволено и разумно просить Господа о по-

даніи силы лекарству, о благословеніи и примѣненіи его къ той или другой немощи.

Цѣлительное средство само по себѣ доброкачественно: во вотъ бѣдная мать, единственная опора дѣтей, юноша питающій свое семейство, пастырь, окруженный любовью своего духовнаго стада, получаютъ отъ Господа въ этомъ врачевствѣ особенную, имъ предназначенную дѣйственность.

Что же въ томъ несообразнаго, что мы всего ожидаемъ отъ благодати Божіей? У Господа неисчислимы способы для дарованія силы лекарству безъ нарушенія естественнаго порядка въ природѣ. Онъ вліяетъ на силу самаго лекарства, вліяетъ на тѣло ваше, предрасполагая его къ принятію съ пользою врачеванія.

Вы видите, что слѣдуетъ прибѣгать съ молитвою къ Господу, принимая лекарства, дабы Онъ освятилъ ихъ, какъ силу, въ которой нуждается ваша немощь.

Вы видите наконецъ, что Господу должно воздавать хвалу и приносить благодарственное моленіе послѣ исцѣленія. Вамъ ясно, что въ этомъ нѣтъ ни ослабленія разума, ни суевѣрныхъ дѣйствій.

Обыкновенная слабость людей состоитъ не въ томъ, чтобы во всемъ видѣть Господа, а въ томъ чтобы ни въ чемъ не видѣть проявленій Его милосердія.

Всѣ мы думаемъ, что Господь далеко отъ насъ, а Онъ Благій всегда къ намъ близокъ.

VIII.

Покорность больного.

«Итакъ умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божиимъ, представьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумнаго служенія вашего» (Рим. 12, 1).

Это обращеніе Апостола въ поразительной степени

примѣнимо къ больнымъ. Онъ совѣтуемъ имъ, еще болѣе чѣмъ прочимъ братіямъ во Христѣ, разумное служеніе, т. е. покорность, которая знаменуетъ жизнь христіанскую.

Другіе святые отцы совѣтуютъ творить добро такъ, чтобы христіанинъ могъ всегда отдать себѣ отчетъ о побужденіяхъ къ оному.

«Да будетъ ваша покорность разумною, говоритъ св. Василій Великій, то есть исполняйте волю Господню съ разумомъ и предусмотрительностію, въ духѣ и истинѣ. Въ покорности слѣдуйте разуму а не увлеченію».

«Разумъ, проповѣдуетъ авва Бернадъ, есть мѣрило и руководитель добродѣтелей, привязанностей и добрыхъ нравовъ. Онъ упорядочиваетъ добро и порядокъ, приносить съ собою мѣру, свѣтлую наружность и постоянство. Отнимите разумъ, и самая добродѣтель можетъ превратиться въ порокъ».

Всѣ эти изрѣченія богомудрыхъ отцевъ относятся къ послушанію христіанъ Богу. Но если они внушаютъ, что послушаніе должно быть разумно, то что же сказать о повиновеніи людямъ? и въ частности каково должно быть оно въ отношеніи къ врачу?

Каковы же условія, качества и границы такого послушанія?

Во первыхъ, есть повиновеніе неразумное, не правое, безразсудное, именно когда больной повинуется врачу противъ своего долга и совѣсти.

Мы говорили о суевѣріи медицинскомъ и о томъ слѣпомъ довѣріи, которое ожидаетъ отъ человѣка болѣе чѣмъ онъ можетъ дать. Тогда является покорность суевѣрная. ведущая больного къ безусловному подчиненію христіанской души такому авторитету, который не сообразуется ни съ гласомъ Божиимъ, ни съ совѣстью, ни даже со здравымъ смысломъ. Ясно, какова опасность въ этомъ увлеченіи. И многіе больные поддаются ему. Врачъ рѣ-

шилъ такъ: для многихъ слабыхъ это ненарушимый законъ, и если этотъ законъ былъ противенъ волѣ Божіей, то все же должно смѣло слѣдовать опредѣленію человѣка.

Что же случится, если медикъ не тотъ разумный, честный, просвѣщенный, боящійся Бога и почтительно внимательный къ душамъ человѣкъ, на котораго мы указывали и къ руководству котораго совѣтовали прибѣгать? Что если это гордый умъ, грубый матеріалистъ, человѣкъ плоти и крови, какіе нерѣдко встрѣчаются? Сколь тогда постыдно оболъщенье чада Божія, врученнаго для руководства такому человѣку! Какое жалкое повиновеніе души человѣку въ ея суевѣрномъ настроеніи! Врачъ сказалъ больному, что церковь холодна, и больной не пойдетъ въ церковь. Чтеніе будетъ найдено утомительнымъ, и оно будетъ оставлено. Врачъ объявитъ законы, законы Божіи, неисполнимыми, и больной ими пренебрежетъ изъ послушанія этому деспоту. Куда онъ не заведетъ больного! Несомнѣнно, что то разумное повиновеніе, о которомъ говоритъ Апостолъ, не имѣетъ ничего общаго съ повиновениемъ суевѣрнымъ, которое подъ предлогомъ излеченія тѣла освобождаетъ душу отъ соблюденія закона Божія, отъ долга и даже иногда отъ чести. А между тѣмъ Апостолъ повелѣваетъ повиноваться. Но какъ и когда? Какія условія дѣлаютъ повиновеніе разумнымъ и освящаютъ его? Когда благоугодно Богу, чтобы мы повиновались врачу?

Первое условіе для повиновенія разумнаго—это уваженіе больного къ врачуящему его. Вы знаете, что врачъ вѣруеть въ Бога, познаетъ Его, знаетъ ваши обязанности, потому что и свои исполняетъ; признаетъ значеніе души вашей, потому что также имѣетъ свою душу; не жертвуетъ онъ для тѣла вашего нравственною жизнію, потому что самъ соблюдаетъ чистоту нравовъ и законы.

Такой врачъ будетъ имѣть единственною цѣлью при уходѣ за вами возвратити васъ къ исполненію обязан-

ностей вашихъ, возобновивъ нарушенный порядокъ природы вашею болѣзнью. Вы изучили вашего врача, вы увѣрены въ немъ. Когда онъ наставляетъ васъ—вы обязаны повиноваться.

Есть другое соображеніе, прямѣе относящее къ нашему христіанскому вѣрованію и покорности нашей велѣніямъ Господнимъ. Страждущій христіанинъ долженъ считать себя жертвою и воспринимать всѣ обязательства самопожертвованія, какъ бы они ни были тяжки. И первая изъ этихъ обязанностей есть покорность, отреченіе отъ своей воли и непринудительно принимаемое подчиненіе.

Это именно то время, когда слѣдуетъ закрыть глаза и безъ боязни съ вѣрою шествовать во мракѣ, подобно св. апостолу Петру, который былъ пробужденъ ночью и, выходя изъ мрачной тюрьмы, послѣдовалъ за Ангеломъ избавителемъ.

Это духовное самопожертвованіе разумно, потому что оно приносится Господу, испытующему людей въ вѣрѣ и терпѣніи.

Но изъ всѣхъ побужденій, которыя содѣлають разумнымъ ваше повиновеніе, самое правое есть то, которое, путемъ исцѣленія, ведетъ васъ къ исполненію вашихъ обязанностей предъ Богомъ и предъ людьми.

У всякой души христіанской есть призваніе и она, обладая тѣломъ, отъ самаго рожденія должна смотрѣть на него, какъ на орудіе для исполненія Божескихъ предназначеній.

Итакъ тѣло, усвоенное душою, принимаетъ участіе въ ея призваніи, и тѣмъ самымъ на него возлагаются особыя обязанности. Эти-то обязанности и составляютъ самую возвышенную сторону жизни физической. Душа извлекаетъ изъ тѣла не одни чувственные отправления, но соглашаетъ его дѣятельность съ своимъ божественнымъ призваніемъ; воинъ подвергаетъ свое тѣло трудамъ службы

и обученію военнымъ пріемамъ, священникъ отдаетъ тѣло свое подвижничеству и цѣломудрію, художникъ развиваетъ въ немъ вѣрность глаза и руки, ораторъ придаетъ ему должную осанку, лекаръ безошибочность взгляда, ученый принуждаетъ его къ бдѣнію до утренней зари, при слабости мерцаніи ночника.

Когда болѣзнь угрожаетъ лишить ваше тѣло способности во слѣдъ души служить Богу, слѣдовать ея призванію, то справедливо, разумно и угодно Богу, чтобы все было сдѣлано для возстановленія въ здравіи вашего тѣла. И чѣмъ болѣе врачъ направляетъ усилія свои къ этой цѣли, тѣмъ болѣе требуется, чтобы вы поддерживали его старанія, и, сознавая, что онъ желаетъ возвратить васъ къ дѣятельному служенію Господу и ближнимъ, разумно ему повиновались.

Но если врачъ, вопреки своимъ обязанностямъ, отвлекаетъ васъ отъ вашего призванія, то остерегайтесь: надобно ближе въ него взглядѣться и можетъ быть воспротивиться ему. Блаженный Августинъ, во многихъ изъ писаній своихъ, жалуется на сильныя головныя боли; весьма можетъ быть, что докторъ ему совѣтовалъ частое отдохновеніе и удаленіе отъ труда. Сей великій мужъ конечно благодарилъ осторожнаго медика, но благодарилъ и Бога и продолжалъ свои безсмертныя бдѣнія. Одной святой подвижницѣ, одержимой болѣзнію, врачъ запрещалъ посѣщать бѣдныхъ. «Дѣти мои», говорила она сестрамъ,— «пусть врачи исполняютъ свое ремесло; мы же останемся вѣрны своему призванію».

Какое же слѣдуетъ изъ всего этого заключеніе? Предоставляю вашимъ собственнымъ разумомъ придти къ нему, любезный читатель; я увѣренъ, что вы съумѣете найти должную мѣру разумнаго послушанія, которое, будучи основано на мудрыхъ началахъ, возвышаетъ приказывающаго и дѣлаетъ честь повинующемуся, прежде всего

изыскиваетъ волю Божию, чтить свои обязанности, равно какъ и права души, представляя ей ту долю свободы, которая влечетъ ее къ самымъ великодушнымъ подвигамъ.

Встрѣчаются такія обстоятельства, въ которыхъ чело-вѣческая осмотрительность уступаетъ свои права,—это особенные случаи самопожертвованія.

IX.

Т е р п ѣ н і е.

«По семъ былъ праздникъ Іудейскій и пришелъ Іисусъ въ Іерусалимъ.

«Есть же въ Іерусалимѣ у овечьихъ воротъ купальня, называемая по-еврейски Виеезда, при которой было пять крытыхъ ходовъ.

«Въ нихъ лежало великое множество больныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, изсохшихъ, ожидавшихъ движенія воды.

«Ибо Ангелъ Господень по временамъ сходилъ въ купальню и возмущалъ воду; и кто первый входилъ въ оную по возмущеніи воды, тотъ выздоравливалъ, какою бы ни былъ одержимъ болѣзнію.

«Тутъ былъ нѣкоторый человѣкъ, находившійся въ болѣзни тридцать восемь лѣтъ.

«Іисусъ, увидавъ его лежащаго и узнавъ, что онъ лежить уже долгое время, говоритъ ему: «хочешь ли ты быть здоровъ?»

«Больной отвѣчалъ ему: «хочу Господи, но человѣка не имѣю, который бы опустилъ меня въ купальню, когда возмущается вода; когда же я прихожу, другой входитъ прежде меня».

«Іисусъ говоритъ ему: «встань, возьми постель твою и ходи».

«И онъ тотъ часъ выздоровѣлъ, взялъ постель свою и пошелъ» (Іоан. V, 1—9).

Я желалъ бы убѣдить бѣдныхъ больныхъ, которые въ продолженіи многихъ лѣтъ напрасно ожидаютъ выздоровленія и впадаютъ въ нѣкоторое уныніе, чтобы они сблизились и вошли въ сердечныя сношенія съ разслабленнымъ купальни Виноезда.

Каждый разъ, повѣствуя въ Св. Евангеліе, когда онъ намѣревался сойти въ цѣлительную купель, его предупредалъ другой болѣе его расторопный и онъ оставался въ томъ же состояніи страданія и недуга. И не смотря на это, онъ не впадалъ въ уныніе, но уповалъ, что придетъ время, когда можно будетъ и ему исполнить цѣлебное погруженіе.

Однажды, когда онъ опять находился въ притворахъ купальни и снова былъ лишенъ возможности воспользо-ваться благословенною минутою возмущенія воды, онъ также перенесъ терпѣливо, безъ досады и ропота, эту неудачу и, оставаясь неподвижнымъ, терпѣлъ въ смиреніи. Тутъ увидѣлъ онъ возлѣ себя Человѣка съ особеннымъ видомъ достоинства и кротости, отличнаго отъ большей части людей, и услыхалъ поразительныя слова: хочешь ли быть здоровымъ?

Не могли ли эти слова ему, разслабленному, пролежавшему безъ движенія тридцать восемь лѣтъ, показаться жестокимъ глумленіемъ? Какъ онъ принимаетъ ихъ? Со скорбію, сомнѣніемъ и горечью? Нѣтъ, потому что онъ все-таки не утратилъ упованія.

— Господи! отвѣчалъ онъ.—и безустанно приползаю сюда и ожидаю возмущенія воды, но не имѣю человѣка, который опустилъ бы меня, когда возмутится вода, и всѣ другіе погружаются въ нее прежде меня.

«Встань, сказалъ Господь, и ходи!»

О, неожиданное слово! О, дѣйствіе еще болѣе изумитель-

нос! О, благословенная минута, въ которую Господь внезапно вознаграждаетъ терпѣніе своего чада и въ одно мгновеніе возстановляетъ разрушеніе цѣлой жизни!

«Встань и ходи!» Слышишь ли, братъ мой, это слово воскресенія и искупленія?

Но это слово произносится въ свой день и часть, и нужно съ покорностью и смиреніемъ ожидать этой знаменательной минуты. Ибо таковы предначертанія Господа, что въ назначенный для совершенія Своихъ великихъ дѣяній, день и часть. Онъ не отступаетъ отъ условій и требованій времени при распредѣленіи ихъ; не разстраиваетъ общихъ законовъ, поставленныхъ въ самомъ началѣ міра Его премудростію, дабы они свидѣтельствовали о Его словѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ пріобщаетъ къ дѣламъ Своимъ человѣка, предоставляя и ему участіе и заслугу въ ихъ совершеніи. Ибо разслабленный, будучи исцѣленъ въ первые дни болѣзни, явилъ бы людямъ менѣе назиданія, а Господу менѣе славы, нежели при долговременномъ задержаніи его недуга, сообразно съ обыкновенными условіями естества, и при сохраненіи въ пораженныхъ недугомъ членахъ полноты жизни и мужественнаго терпѣнія.

Однако милосердіе склонилось къ нему, потому что Хранитель нашихъ душъ не допускаетъ ихъ испытанія не въ мѣру. Руки Его внезапно простираются къ страждущему, когда уже не ожидалась помощь и предвидѣть ее было нельзя. Какое изумленіе и вмѣстѣ какое счастье при такомъ неожиданномъ и быстромъ возстановленіи силъ! Таковы дѣла любви: она на нѣкоторое время остается скрытою, дабы испытать желанія и вѣру возлюбленнаго брата, но ей самой тяжело продолжительное испытаніе и приходитъ время, когда уже ничто не можетъ удержать ее. Она летитъ, какъ окрыленная состраданіемъ, и нѣтъ мѣры, нѣтъ препятствій ея рвенію. Она все возмогаетъ, все предначинаетъ и все совершаетъ.

Часть благословенный, часть отрадный и блаженный, въ который является божественный другъ и съ Нимъ происходитъ чудо Его всемогущаго милосердія! Часть многоцѣнный, когда послѣ нескончаемыхъ дней терпѣнія, послѣ неистощимаго упованія, неожиданная помощь вѣнчаетъ доблесть больного! Какое можетъ быть лучшее доказательство вѣрности Христу, какъ не такая твердая преданность Его волѣ?

Итакъ, христіанская душа, тебѣ предстоитъ нынѣ великое подвижничество. Книга «О подражаніи Христу» такъ выражаетъ хваленіе этому подвижничеству. «Великій христіанскій подвигъ, изъ всѣхъ наибольшій, состоитъ въ томъ, чтобы умѣть страдать, не смѣя уповать на помощь Божію и мужественно поддерживать біеніе жаждущаго любви сердца, во славу Господа». Недугъ увеличиваетъ эту потребность сердца; страждущій повидимому покинуть, забыть, а между тѣмъ онъ, совершая подвигъ самопожертвованія, совершаетъ всесоженіе Богу, въ Которомъ заключается спасеніе міру.

Душа христіанская! Когда прочитаешь эту страницу и страданія твои до того приведутъ душу твою въ изнеможеніе, что въ ней ослабѣетъ вѣра и любовь, то закрой книгу и въ безмолвномъ уединеніи сердца воззови къ Божественному Другу и скажи Ему, что ты готова выносить страданіе, Ему во славу.

Возлягъ подобно разслабленному, простертому на краю купели. Смотри безъ озлобленія и зависти на тѣхъ, которые прежде тебя будутъ погружаться въ купель, и получишь исцѣленіе. Не обвиняй въ этомъ ни Бога, ни людей, и ожидай Того, Который придетъ. А Онъ придетъ, повѣрь мнѣ!

«Вскорѣ Вы не увидите Меня и опять вскорѣ увидите Меня» (Іоан. XVI, 16).

«Еще чрезъ малое время придетъ Тотъ, Который

долженствуетъ придти, говорить пророкъ» (Аввакумъ). Если Онъ не явился, еще ждите и ждите. Онъ идетъ, Онъ близокъ, каждую минуту должно ожидать Его.

Х.

Чтеніе.

Если болѣзнь не истощила въ конецъ силъ вашихъ и позволяетъ вамъ предаваться легкому труду чтенія, благодарите Бога и пользуйтесь тщательно такою значительною помощью.

Ибо не говоря обо всемъ претерпѣваемомъ душою, несомнѣнно, что ослабленіе умственныхъ силъ разрушительно для тѣла; между тѣмъ какъ отрадное и разумное упражненіе ума возбуждаетъ и поддерживаетъ жизнь.

Итакъ, въ томъ предположеніи, что болѣзнь отняла у васъ возможность предаваться привычному вамъ труду, по позволяетъ утѣшеніе чтенія,—какія книги изберете вы?

Принадлежите ли вы къ числу тѣхъ людей, которые, будучи весьма разборчивыми въ ихъ личныхъ сношеніяхъ, невнимательны къ выбору чтенія и охотно берутся въ уединеніи за такія книги, даже сочинителей которыхъ они стыдились бы признать своими знакомыми. Странное правило нравственности! Люди отказываются отъ неблаговиднаго сообщества не потому, что оно вредно, но потому, что боятся сужденій свѣта. Странное понятіе о чести! Между тѣмъ какъ, среди бѣлаго дня, они не отворятъ двери человѣку, заслуживающему презрѣнія, открываютъ ему постоянный входъ въ сокровищницу своей совѣсти и въ продолженіи многихъ часовъ, упиваются его смѣлыми разсужденіями и постыдными мыслями!

А есть честныя души, которыя впадаютъ въ эту грубую непослѣдовательность и, не смотря на свою наружную строгость, дозволяютъ себѣ частое сообщеніе съ душами безчестными или, по крайней мѣрѣ, внушающими сомнѣнія.

Братъ мой, теперь по крайней мѣрѣ настало для тебя время отвергнуть этихъ безстыдныхъ посѣтителей; ихъ присутствіе всегда вредно, а теперь оно было бы злополучно. Уважай свою собственную слабость и страданіе и не отдавай себя безоружнымъ въ обиду извращенному искусителю.

Книга есть лице. Точно такъ, какъ вы не потерпѣли бы въ вашемъ состояніи дерзкаго посѣщенія перваго встрѣчнаго, не захотѣли бы слушать смѣха и шутокъ неприличнаго фигляра, который бы задумалъ развеселить васъ,—вы не должны позволять, чтобы безсердечная книга приблизилась къ вашей страждущей душѣ и насмѣялась бы надъ вашими мученіями.

О, мужайтесь! Больной большею частію живетъ въ воспоминаніяхъ. Память — его собесѣдница въ длинные часы уединенія и безсонницы. Эта собесѣдница должна быть благородною и чистою. Не позволяйте ей доходить до низости и приносить вамъ, вмѣсто возвышеннаго утѣшенія, тяжелое испытаніе недостойныхъ фактовъ. Память честная, разборчивая, дѣвственная! Счастливы тѣ, которые не утратили ея съ такими свойствами, ибо никакія сожалѣнія, никакія усилія забыть свою ошибку не возвратятъ подобную утрату.

Я не воспрещаю вамъ читать книги, пріятно развлекающія васъ. Надо стараться избѣгать скуки и тоски и ободрять себя нѣкоторою веселостію, которая не чужда самыхъ закаленныхъ людей и даже не покидаетъ воина на полѣ сраженія.

А что иное вашъ одръ болѣзни, какъ не поле сра-

женія? И я убѣждаю васъ смотрѣть съ полнымъ спокойствіемъ въ лице невзгоды.

Но именно при этомъ нужно умѣть выбирать.

Въ чтеніи для развлеченія ищите простоты, естественности, цѣлей благородныхъ и возвышенныхъ. Я уже не говорю о дурныхъ книгахъ, задающихся роковою цѣлію облскать въ блестящую форму богохуленіе и старающихся, путемъ хитрыхъ измышленій и запутанности, упразднить требованія чести.

Избѣгайте также тѣхъ романическихъ произведеній, въ которыхъ авторы наполняютъ свои рассказы небывалыми драматическими, какъ они выражаются, сценами и считаютъ свои вымыслы лишенными всякаго интереса, если они допустятъ въ нихъ хоть искру правдоподобія и здраваго смысла. Жалкія книги, обращающіяся не къ душѣ, а къ возбужденію крови и нервовъ, и весь успѣхъ у читателя видящія въ томъ, чтобы привести его въ лихорадочное состояніе.

Что же, неужели вамъ нужно такое именно состояніе?

Но если романы, раздражающіе чувствительность и переполненные убійствами, зловредны для воображенія, ослабленнаго болѣзнію, то я еще болѣе опасаюсь для него тѣхъ современныхъ произведеній, на которыя достаточно указать, называя ихъ литературою реалистовъ, такъ усердно и энергически старающихся развратить и одурачить умы.

Реализмъ. Какъ! неужели возможно и существенно то, что они изображаютъ? Какъ! это все, что у нихъ въ распоряженіи, чтобы утѣшить душу вашу посреди обычныхъ и до скуки однообразныхъ зрѣлищъ свѣтскихъ? Это все, что извѣстно имъ, какъ средство возвысить ваше сердце, укрѣпить его въ тяжеломъ испытаніи? Это все, что вымыслено ими, чтобы плѣнить вашъ умъ? Когда предки наши изображали въ романахъ своихъ героевъ, то по крайней мѣрѣ они придавали имъ или добродѣтели

или пороки: нынѣшніе писатели посвящаютъ нѣсколько страницъ для описанія навозныхъ кучъ... Оставимъ, ради всего честнаго, этотъ предметъ и отдохнемъ на другихъ.

Отбросьте съ презрѣніемъ эту отвратительную литературу, которая публично старается оторвать души ваши отъ міра возвышеннаго, развѣнчать ихъ отъ красоты духовной, развратить цинизмомъ и повергнуть въ реализмъ, т. е. въ грязь, чтобы вы пріобыкли жить въ ней безъ отвращенія. Да будутъ незнаемы вами такіа книги!

Книги хорошія, забавныя, разборчивыя въ сюжетахъ, возвышенныя и остроумныя, и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительныя и успокоивающія, слава Богу, не рѣдки и легко могутъ быть отысканы. Избирайте ихъ, я обещаю вамъ съ ними разумное и сердечное сообщество.

Но, братъ мой, Господь вамъ предлагаетъ еще другія чтенія, не только для развлеченія ума, но и для всецѣлой пользы души вашей.

У васъ недостаетъ времени, посреди разныхъ житейскихъ заботъ и тревоженій, чтобы заняться чтеніемъ серьезнымъ, христіанскимъ, уготовляющимъ васъ ко спасенію. Не пренебрегайте представляющеюся вамъ возможностью послушать ученіе Святыхъ угодниковъ и гласъ Господа.

Какія же книги предложить вамъ для такого благочестиваго чтенія? Сохрани меня Богъ отъ самоувѣренности въ выборѣ ихъ! Посмотрите, послушайте около себя. О какихъ книгахъ говорится въ церкви Божіей? Какія чтенія эта божественная заботливая мать предлагаетъ чадамъ своимъ? Что молвить объ этомъ обычай христіанскій? Повѣрьте, вамъ ничего лучшаго не предстоитъ, какъ обратиться къ этимъ источникамъ.

Первѣе всего: *Евангеліе*.

Неужели, вопреки всякому чаянію, достигли вы на-

стоящаго возраста, не читавъ Евангелія? Я говорю о чтеніи постоянномъ и послѣдовательномъ, всестороннемъ, о чтеніи, подобномъ тому, которому вы посвящаете ваши досуги, избирая разные литературныя фантазіи. Можетъ быть, что это случилось съ вами? Тогда мнѣ останется лишь глубоко пожалѣть васъ, но не дѣлая вамъ упрековъ и не слишкомъ удивляясь. Многіе хрістіане думаютъ, что для нихъ вполне достаточно чтенія Евангелія во время воскресныхъ литургій въ церкви, и они остаются въ обманчивой увѣренности, что достаточно знаютъ эту Священную книгу. А между тѣмъ они далеки отъ настоящаго разумѣнія ея и достигаютъ преклонныхъ лѣтъ, пораженные печальною немощью—незнанія Евангелія.

Ваше болѣзненное состояніе даетъ вамъ неопѣнимую возможность изучить эту вѣчную книгу. Откройте ее на первой страницѣ и продолжайте ея чтеніе. Да не затрудняетъ васъ раздѣленіе на главы и стихи; читайте въ полное удовольствіе сердца. Я думаю, что вы сами изумитесь, найдя это чтеніе столь увлекательнымъ и подходящимъ къ состоянію вашего духа, и вмѣстѣ съ тѣмъ своевременнымъ, глубокимъ и неизмѣнно внушительнымъ.

Въ этомъ и есть высокое достоинство Господнихъ произведеній, что они кажутся примѣнимыми къ каждому изъ насъ и ко всему міру.

Нѣтъ ничего проще, разнообразнѣе, успокоительнѣе, отраднѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ величественнѣе этой божественной книги. Все въ ней повѣствуется съ такимъ миролюбіемъ, съ такою естественностью и ясностью, что она проникаетъ глубоко въ душу и святитъ ее. Да! все въ ней просто и въ то же время божественно. Исусъ Христосъ въ ней не обезображенъ руками человѣческими, какъ это многократно бывало и бываетъ. То, что вы о Немъ читаете въ Евангеліи, указывается Имъ Самимъ и каждое слово исходитъ изъ Его священныхъ устъ, при-

нося утѣшеніе, осушая слезы, извлекая изъ бездны жизненныхъ сокрушеній.

Дѣянія Св. Апостоловъ также ободряющее чтеніе во время немощи. Они намъ постоянно указываютъ на слабость и ничтожество людей, служащихъ Богу орудіемъ для Его величайшихъ твореній.

Во время страданій читайте: *Житія мучениковъ*. Они наполнены примѣрами, поученіями и ободреніемъ для страждущихъ. Тутъ на каждой страницѣ найдете въ радованіе при самопожертвованіи, презрѣніе къ тѣлѣнной плоти, отсутствіе привязанности къ жизни, безстрашіе смерти, которой мученики не боялись глядѣть въ лицо и которая подъ этимъ свѣтлымъ взглядомъ теряетъ все, что въ ней есть ужасающаго. Но ближе всего узнаете вы въ этихъ разсказахъ изъ первыхъ временъ христіанства то всемілосердое вниманіе, которое Богъ оказываетъ къ немощамъ чадъ Своихъ, и ту нѣжную любовь, съ которою Онъ считаетъ ихъ слезы. Вы почувствуете себя пристыженными, когда узнаете испытанія Св. мучениковъ и съ сокрушеніемъ сердца припомните ваши недостойныя жалобы, когда услышите безстрашныя слова, которыя дѣвственные чада Божіи произносили посреди мученій, и представите себѣ ихъ радостныя лица, приводившія въ содроганіе проконсуловъ.

Читайте: *Житія Святыхъ*. Это дѣянія Господа посреди людей; въ нихъ описываются тѣже доблести, какъ и въ предыдущихъ, но въ большемъ разнообразіи характеровъ и временъ.

Я долженъ вамъ также указать на многія письма Святыхъ отцевъ и учителей Церкви, полныя утѣшеній и ободреній. Не могу въ частности не упомянуть о переложеніи нѣкоторыхъ псалмовъ и въ особенности СХХХVІ: «При рѣкахъ Вавилонскихъ», составленномъ блаженнымъ Августиномъ, въ которомъ изнеможеніе отъ невзгодъ зем-

ныхъ изображается чуждымъ ропота и унынія и преисполненнымъ вождельніа небеснаго града, и при томъ столь вдохновеннымъ языкомъ, что съ нимъ не можетъ сравниться ни одно произведеніе ума человѣческаго.

Говорить ли вамъ о книгѣ: *Подражаніе Христу*? Она написана мужемъ, глубоко постигшимъ испытанія и скорби во времена величайшихъ бѣдствій для душъ, отвращающихся отъ внѣшней жизни и исключительно ищущихъ жизни внутренней *).

Не мало найдется и другихъ книгъ, чудно примѣнимыхъ въ часы испытанія и скорби. Душа всегда найдетъ въ нихъ пищу для подкрѣпленія своихъ силъ и для духовнаго утѣшенія. Читать можете и не по порядку, а гдѣ раскроете книгу и сколько позволить вамъ ваше состояніе. Это самый трогательный и необыкновенно основательный обычай между вѣрующими, заставляющій ихъ наудачу открывать книгу для обрѣтенія въ ней того, что желалось найти.

Таково, болящій христіанинъ, подходящее къ твоему состоянію чтеніе. Можно сказать, что Самъ Спаситель поучаетъ тебя, говоря словами Апостола Павла къ Тимоѳею: «Доколѣ не приду, занимайся чтеніемъ: о семъ заботься, въ семъ пребывай!.. Вникай въ себя и въ ученія» (1 Тим. 4, 13—16). Къ сему одинъ христіанскій писатель прибавляетъ: «Христосъ непрестанно приходитъ: въ нашихъ страданіяхъ, радостяхъ, въ умноженіи испытаній, въ излеченіи нашемъ временномъ въ настоящей жизни и въ переходѣ чадъ Его въ вѣчность».

---

*) На русскомъ языкѣ существуетъ превосходная книга преосвященнаго Евсеія, архіепископа Могилевскаго, прямо относящаяся къ положенію болящаго: «Утѣшеніе въ скорби и болѣзни».

XI.

Посѣщенія.

Начните съ того, что закройте вашу дверь. А потомъ рѣшите, кому вы ее отворите. Это требуетъ размышленія.

Если больной тщательно долженъ составлять свою библіотеку, то тѣмъ болѣе требуется вниманія и разборчивости при составленіи себѣ общества.

Посѣщенія! Остерегайтесь этихъ живыхъ и своевольныхъ книгъ, которыхъ нельзя закрыть, когда хочешь, и которыя продолжаютъ разглагольствовать даже тогда, когда вы утомлены и васъ клонить ко сну.

Въ самомъ началѣ этихъ размышленій мы согласились съ тѣмъ, что наиболѣе благотворная сторона въ болѣзни есть требуемое ею уединеніе, молчаніе и жизнь души въ самой себѣ.

Совѣты Господа внушаютъ вамъ молчаніе, и врачъ также предписываетъ вамъ его; вотъ одинъ изъ случаевъ не часто встрѣчающихся, гдѣ два авторитета, божескій и человѣческій, всегда будутъ согласны между собою. Непростительно было-бы не повиноваться имъ.

Въ свѣтѣ люди и безъ того много говорятъ, и вы съ своей стороны, въ продолженіи десятковъ лѣтъ, сами тоже много наговорили. Знайте же, что нѣсколько дней молчанія будетъ для васъ прекраснымъ отдохновеніемъ!

Вы любите новизну. Такъ помолчите нѣкоторое время. Кто знаетъ, не найдете ли вы въ молчаніи неожиданностей и небывалыхъ ощущеній?

Но я замѣчаю, что говорю вамъ о молчаніи по поводу разговоровъ, сношеній съ людьми и посѣщеній. Не отдалился ли я отъ своего предмета? Нѣтъ! Потому что, во первыхъ и прежде всего, молчаніе есть посѣщеніе Божіе. Приберегите самую большую и самую ненарушимую часть

часовъ вашихъ для этого божественнаго Посѣтителя. Отъ Него никогда не бываетъ утомленія, Онъ всегда пойметъ васъ и, посѣтивъ вашу душу, никогда не покинетъ ее такою же немощною, какою нашелъ ее.

Кого же тѣмъ принимать? Очень немногихъ.

Во-первыхъ, тѣхъ, на которыхъ само Провидѣніе вамъ указываетъ; тѣхъ, которые около васъ, ухаживаютъ за вами, близкіе родные ваши и ваши служители.

Эти посѣтители не утомятъ васъ. Они привычныя и всегданіе ваши спутники. Передъ ними нечего сдерживаться; они до мелочей и съ полною охотою пекутся о васъ и исполняютъ ваши желанія и вамъ нѣтъ надобности показывать себя имъ человѣкомъ умнымъ или гордымъ, или заботиться о томъ, чтобы нравиться имъ. Наслаждайтесь отдохновеніемъ отъ мірской суеты. Пусть приближаются къ вамъ ласковыя и нѣжныя лица ухаживающихъ за вами. Видя ихъ попечительность, любите ихъ. Самыя заманчивые предметы исканій, которые вы-бы получили отъ свѣта и въ которыхъ вы скоро нуждаться не будете, стоятъ-ли заботъ приставленной къ вамъ сестры милосердія или сидѣлки-слуги, хотя ихъ заботливость о васъ останется неизвѣстною міру, но зато тѣмъ болѣе окажется вамъ необходимою?

А посѣщенія? Послѣ участія семьи вашей, если Господь даровалъ вамъ таковую, принимайте съ радостію и благодарностію небольшое число друзей, которымъ не чужда душа ваша, съ ея требованіями, вкусами и слабостями, которые съумѣютъ ободрить васъ своими совѣтами и не вступятъ въ союзъ съ болѣзнію вашею, чтобы до конца разслабить васъ. Они придутъ въ часъ потребный, достойный. Они будутъ молиться вмѣстѣ съ вами, почи-таютъ вамъ что нибудь душеполезное, разгоняютъ добрыми рѣчами вашу грусть. Чѣмъ болѣе страдать вы будете, тѣмъ они будутъ къ вамъ усерднѣе. Чѣмъ жилище ваше

будеть сумрачнѣе и печальнѣе, тѣмъ чаще будутъ они переступать черезъ порогъ вашъ, и еслибы даже случилось, что приближаться къ вамъ было-бы опасно, то и тогда нашлось бы въ числѣ ихъ нѣсколько самоотверженныхъ людей, чтобы пожать вамъ участливо руку, подвѣргая себя, можетъ быть, смертной опасности.

А посѣщенія? Но скажите, что вы подразумѣваете подъ этими словами? Идетъ-ли дѣло о нѣкоторыхъ личностяхъ, которыя хотя не изъ близкихъ къ вамъ, но принимаютъ искреннее участіе въ вашей болѣзни и хотятъ вамъ выразить это? Пусть войдутъ они къ вамъ, и вы старайтесь не докучать имъ вашими жалобами и воздыханіями; пусть они отойдутъ отъ васъ, увидѣвши примѣръ того, какъ христіанинъ переноситъ испытанія.

Если же подъ посѣщеніями вы разумѣете смѣшное разгуливаніе свѣтскихъ людей изъ любопытства, для развлеченія, ихъ холодныя соболѣзнованія, пустыя утѣшенія, совѣты, пропитанные чувственностью, болтовню, злословіе, поверхностное благочестіе, однимъ словомъ если это тѣ комедіанты, которые бродятъ по свѣту, то, повѣрьте мнѣ, лучше всего приставить въ такомъ случаѣ къ дверямъ вашего дома вѣрнаго слугу; велите ему быть непреклоннымъ и не допускать къ себѣ подобныхъ посѣтителей; если же онъ окажется слишкомъ снисходительнымъ къ посѣтителямъ, то не оставляйте его безъ упрека за это.

Но о комъ же и для кого я говорю все это? Мнѣ кажется, что я обращался до сихъ поръ только къ людямъ счастливымъ на землѣ, къ тѣмъ, которые избалованы дарами фортуны и съ отвращеніемъ думаютъ о ней самой.

О, бѣдный страдалецъ, братъ во Христѣ! ты въ твоей нищенской каморкѣ, истощенный лихорадкою, ожидаешь посѣщенія христіанской души, — конечно, я не пройду

мимо тебя! Конечно, не тебя надо предостерегать противъ загроможденія твоего жилища толпою. Толпа не будетъ тѣсниться у твоей двери.

Еще менѣе придется мнѣ, бѣднякъ, внушать тебѣ благодарность. Когда послѣ ночи и цѣлаго дня болѣзненнаго ожиданія, другъ, дарованный тебѣ Христомъ, придетъ къ постели твоей, и ты протянешь ему твою горячешную руку, то въ рукожатіи болѣе цѣнномъ, чѣмъ его золото, ты выразишь ему, со слезами на глазахъ, всю свою признательность. Затѣмъ, ты съ молитвою проводишь его до двери, когда онъ соберется уйти. Слезы твои увидитъ Господь, и онѣ спасительны будутъ твоему посѣтителю. Итакъ, бѣдный братъ, прими съ любовію это посѣщеніе, посылаемое тебѣ Богомъ и Евангеліемъ. Оно не принесетъ съ собою своекорыстной личины и лживыхъ рѣчей. Ты можешь вѣрить тому, что тебѣ скажетъ милосердный посланникъ Божій, ибо если бы ему не было дорого твое бѣдствіе, то онъ не посѣтилъ бы тебя.

Обрати кроткій взоръ на этого богатаго и блестящаго юношу, когда онъ войдетъ въ твой укроанный пріютъ и тихонько положитъ тебѣ на столикъ даваніе. Но вотъ нарядная женщина сидитъ около твоего изголовья, — смотри на нее съ душевнымъ миромъ и довѣріемъ, ибо она оставила почетныя личности, чтобы посѣтить тебя, и многіе вельмѣжи напрасно добивались чести видѣть ее въ своихъ палатахъ. Да, не бойся встрѣтить ее ласковымъ взглядомъ. Тѣ, которые поставили себѣ задачею послужить тому или другому бѣдному страдальцу, искренни, и если они говорятъ, что любятъ тебя, то ты можешь имъ на слово повѣрить.

Что-же касается до живущихъ въ изобиліи, то да послужить къ стыду нашему и злоупотребленіе нашими земными благами и самый избытокъ ихъ. Будемъ молить Господа, чтобы Онъ возвратилъ душѣ нашей все, что

міръ ежедневно отъѣмлетъ у нея: простоту сердечную, изысканіе настоящихъ даровъ благоденствія и смиренную благодарность.

XII.

Разрушеніе.

«Не искушеніе ли (борьба) житіе человѣку на земли и яко же наемника повседневнаго жизнь его» (Іова VII, I)?

Эти слова божественнаго Писанія оправдываются въ жизни съ различныхъ сторонъ.

Они означаютъ, что нравственная жизнь человѣка есть постоянная борьба и что, будучи повержена въ борьбу между добромъ и зломъ, душа человѣческая должна ожидать непрестаннаго боренія на землѣ и всегда пребывать во всеоружіи.

Они означаютъ также, что жизнь тѣлесная также проходитъ въ борьбѣ, и что душа, постоянно поражаемая болѣзнію въ членахъ ея одушевляемыхъ, подобна воину, осаждаемому въ крѣпости и постоянно занятому исправленіемъ проломовъ въ стѣнахъ ея.

Смерть бродитъ вокругъ насъ, неутомимо подвергая насъ осадѣ и нападенію. Какія хитрости, внезапности, уловки, обманчивое миролюбіе пускаетъ она въ ходъ накануне неожиданныхъ нападеній, и если даже удастся намъ отразить сдѣланное ею нападеніе, то какому страшному разрушенію подвергаются наши поврежденные стѣны!

Это поврежденіе бываетъ разнаго рода: болѣзни, которыя можно назвать приступами смерти, подвергаютъ тѣло наше общей слабости, или какому нибудь особенному

недугу, или немощи старческой, или обезображенію и увѣщью.

Что сказать объ искаженіи нашего благообразія? Это бѣдствіе весьма нерѣдко встрѣчается на землѣ и обыкновенно служить поводомъ къ отчужденію и презрѣнію со стороны, какъ будто не придетъ время, когда всѣ должны будутъ подвергнуться утратѣ тѣлесной красоты. Кто-то сказалъ, что еслибы существовала порода людей безсмертныхъ, то мысль о смерти утрапала-бы ихъ болѣе, нежели насъ смертныхъ. Но можно ли было бы сказать, что люди, обладающіе совершеннѣйшею красотой, снисходительнѣе смотрѣли бы на безобразіе? Но въ мірѣ всѣ болѣе или менѣе имѣютъ въ себѣ нѣчто некрасивое, и однакоже, всѣ неумолимо строги къ безобразію! Двойное доказательство нашего злонравія и ослѣпленія.

Что же сказать въ утѣшеніе страждущимъ этими страшными скорбями, которыя тѣмъ болѣе горьки и гнетущи, что нѣкоторые изъ нихъ, сопровождаемыя отвратительными наружными язвами, служатъ даже предметомъ насмѣшекъ?

Что сказать тѣмъ прекраснымъ и чистымъ душамъ, которыя, будучи обезображены огнемъ и мечемъ болѣзни, должны удалиться отъ общества съ людьми, не смѣютъ входить въ храмъ Божій во время богослуженія, прячутся отъ людей и даже заставляютъ близкихъ и друзей быть осторожными и окончательно должны жить и умереть въ пустынномъ убѣжищѣ и одиночномъ заключеніи?

Мы уже сказали, что только одинъ Господь Иисусъ Христосъ распятый можетъ преподавать утѣшеніе въ нѣкоторыхъ скорбяхъ, претерпѣваемыхъ и скрывающихся втайнѣ. Рука человѣческая слишкомъ жестка, чтобы, дотрогиваясь до этихъ глубокихъ язвъ, не раздражать ихъ.

Итакъ, скорбящая душа, пусть презирають тебя и издѣваются надъ тобою эти безжалостные и дерзкіе судьи

твои. Ты обрати взоры свои къ Іисусу Христу, Утѣшителю во всякомъ страданіи и горѣ, и отъ Него жди утѣшенія.

Но, Господи, что представляется глазамъ моимъ? Они смущены и это зрѣлище становится для меня неразрѣшимую загадкою. О Спаситель! не обладалъ ли Ты не-земною красотою? Не Тотъ ли Ты, Котораго дѣти увлекаемыя красотою Твоею, всегда съ любовію окружали Тебя? Отчего же произошло, что Ты являешься людямъ, будучи неузнаваемъ даже пророками Твоими? Кто посмѣлъ обезчестить и осквернить ликъ Твой? Въ то время, когда Ты поднимаешься на Голгоѳу и падаешь подъ тяжестью Креста, Пророкъ Ісаія, созерцающій Тебя изъ глубины временъ, восклицаетъ:

«Кто вѣрилъ нашему благовѣствованію, и мышца Господня кому открывалась?

«Онъ взошелъ предъ Нимъ, какъ молодой ростокъ и какъ отпрыскъ отъ корня изъ сухой земли; нѣтъ въ Немъ ни вида, ни красоты, чтобы смотрѣли на Него, и нѣтъ у Него благообразія, которое бы насъ влекло къ Нему.

«Онъ былъ презрѣнъ и отвергнутъ людьми, Мужъ скорбей, испытавшій болѣзни, и какъ человѣкъ, отъ котораго отвращали мы лице; Онъ былъ презрѣнъ и ни во что ставили мы Его.

«Но по истинѣ Онъ принялъ на Себя болѣзни наши и обременилъ Себя страданіями нашими, а мы думали, что Онъ поражаемъ и наказуемъ отъ Бога и униженъ.

«Но Онъ израненъ былъ за грѣхи наши и мучимъ за беззаконія наши; Онъ принялъ на Себя наказанія для спасенія нашего и чрезъ Его язвы мы исцѣлились» (Ісаія LIII, 1—5).

О Царь, понесшій оскорбленія и безчестіе! Пророкъ Твой, описуя сію тайну, въ тоже время объясняетъ намъ ее. Ты избить, чтобы уврачевать мои язвы; Ты покрыть стыдомъ и оскверненіемъ, чтобы возстановить меня въ моемъ крайнемъ униженіи. Я жаловался, о Господи! я находилъ нестерпимымъ отвращеніе людей, и въ виду ихъ безжалостнаго презрѣнія, ощущалъ къ нимъ ненависть и озлобленіе. Но я вижу Тебя, Иисусе Христе, и внимаю Твоему гласу: «Смотри, сынъ Мой, и сравни твое безчестіе съ Моимъ. Я — червь земной, а не человѣкъ. Я посрамленіе въ людяхъ, изчадіе посреди народа. Они пронзили ноги и руки Мои, изломали Мои кости, метали жребій о ризахъ моихъ и пожирали Меня глазами своими. Всѣ, видящіе Меня, ругаются Мнѣ, разширяютъ уста, киваютъ головою» (Пс. XXI, 7. 8.),

Я слышу гласъ Твой, Господи; я въ скорбяхъ моихъ нахожусь въ общеніи съ Твоими скорбями; вмѣстѣ съ Тобою скрываюсь, не жалуясь, пребываю въ молчаніи, забываю презрѣніе людей, прощаю имъ, готовъ принять ихъ! Что я говорю? я призываю и люблю ихъ, потому что прежде, чѣмъ поразить меня, они оскорбили ликъ Твой, Спаситель!

О Богъ Слово, сіяніе вѣчной красоты, но сіяніе сокрытое, помраченное, оскверненное изъ любви къ намъ; о красота Иисуса Христа, но красота обезображенная страданіями и смертію на крестѣ! Поклоняюсь Тебѣ съ любовію, взирая на Твое униженіе. Мое безобразіе неразлучно съ истязаніями Твоего безвиннаго Лика. Слезы мои, извлекаемыя грѣхомъ, соединяю съ разрушеніемъ претерпѣннымъ Твоею любовію; укрываюсь въ поношеніи креста на землѣ, чтобы въ грядущій день явиться съ Тобою въ преображеніи Славы.

ХІІІ.

Скорби посреди роскоши.

Вамъ встрѣтятся на свѣтѣ люди, которые полагають, что никогда не подвергнутся страданіямъ, но которые находятъ отраду и наслажденіе въ томленіи, когда имъ можно порисоваться, и произносятъ жалобы, когда случается имъ потерпѣть хотя отъ легкаго недуга, разстроивающаго ихъ времяпровожденіе. Когда случится, что мимоходящая тревога обезпокоитъ ихъ ночью, они увѣряють, что бессонница и лихорадка измучили ихъ. Не будьте таковыми.

Если отъ небольшого утомленія нервовъ отяжелѣть у нихъ голова, они запираются въ своей комнатѣ, всѣмъ толкуютъ о своей немощи; имъ нужно услуживать, все имъ прощать; они раздражаются, плачутъ отъ нечего дѣлать, отчаяваются безо всякой причины, изображаютъ себя жертвами, между тѣмъ какъ всѣхъ обременяють собою, и объявляютъ во всеуслышаніе, что они страдальцы безпомощные, что боли ихъ нестерпимы и ужасны.—Не подражайте таковымъ.

При малѣйшемъ признакѣ немоготы въ тѣлѣ, они дважды въ день призываютъ врача и отвлекають его своими больше воображаемыми, нежели дѣйствительными болями отъ ожидающихъ помощи истинныхъ страдальцевъ.—Не поступайте подобно имъ.

Сожалѣя объ ихъ недостаткахъ, вы, можетъ быть, спросите у нихъ, чѣмъ они страдаютъ? Они просто отвѣтятъ вамъ, что изнемогли отъ мученій. Не будьте мучениками подобнаго свойства.

Братъ мой, не будемъ подражать изнѣженнымъ людямъ, которые такъ озабочены своимъ здоровьемъ, что малѣйшая вещь ихъ тревожитъ и выводитъ изъ себя; не

будемъ также подобны тѣмъ щеголямъ, которые, только что имъ немного понездоровится, носятся со своею болью и рисуются ею, какъ какимъ-то украшеніемъ. Они иногда до того увлекаются этимъ настроеніемъ, что иногда въ самомъ дѣлѣ заболѣваютъ, накликая на себя своими вымышленными, какъ будто ради моды, недугами настоящую болѣзнь.

Точно Провидѣніе Само склонилось къ ихъ желаніямъ и послало имъ недугъ, на который придется обратить можетъ быть серьезное вниманіе и который потребуетъ серьезнаго врачеванія.

Кто не знаетъ, какъ счастливыцы міра сего склонны къ тому, чтобы посреди ихъ изобилія и утонченности роскоши, изобрѣтать какія-то особенныя немощи, которыхъ названіе даже неизвѣстно бѣднякамъ, а въ концѣ концовъ создаютъ для себя дѣйствительныя огорченія и настоящіе недуги?

Не изыскивайте такихъ истязаній для жизни вашей. Сохраняйте жалобы ваши и ваше мужество для дѣйствительныхъ немощей, отъ которыхъ, все равно, вы не будете избавлены, и берегите состраданіе къ вамъ со стороны другихъ людей до временъ дѣйствительно злосчастныхъ.

Въ ожиданіи же этихъ немощей, откажитесь отъ искусственныхъ страданій, развивающихся посреди роскоши. Не все безопасно въ этихъ неестественныхъ усиліяхъ, не все въ нихъ шуточно. Они унижаютъ душу и отвращаютъ ее отъ трудолюбивой и укрѣпляющей жизни; они оскорбительны для дѣйствительныхъ страданій человѣческихъ; они предосудительны въ виду правды Господа, Который не внимаетъ пустымъ жалобамъ неблагодарныхъ счастливецъ.

XIV.

Болѣзни на чужбинѣ.

Вы, которыхъ постигло страданіе на родинѣ, въ собственномъ жилищѣ вашемъ, посреди близкихъ, любящихъ и попечительно окружающихъ васъ, не жалуйтесь и не обвиняйте Провидѣніе.

Подумали ли вы о томъ странникѣ, котораго застигла болѣзнь далеко отъ роднаго края, который занемогъ въ гостинницѣ, слышитъ около себя чужеземный говоръ, встрѣчаетъ взгляды людей равнодушныхъ и корыстолюбивыхъ, котораго не понимаютъ даже, когда онъ проситъ стаканъ воды?

Подумали ли вы о больномъ путешественникѣ, котораго высаживаютъ съ корабля въ первой встрѣчной гавани, далеко отъ береговъ, къ которымъ онъ направлялся, когда съ неизвѣстнаго ему берега онъ слѣдитъ на горизонтѣ за парусами удаляющагося судна и когда съ исчезновеніемъ ихъ, для него исчезаетъ послѣдняя надежда, послѣдній призракъ родины?

Подумали ли вы о молодой женщинѣ, которая покидаетъ отца, мать, чтобы слѣдовать въ дальнія страны за своимъ мужемъ, у которой во время пути на рукахъ умираетъ тотъ, кого она любила, и она одинокая пристаётъ къ чужому берегу, а въ то-же время ее ожидаютъ материнскія немощи?

Подумали ли объ изгнанникѣ, который желалъ передъ смертію увидать еще разъ свою престарѣлую мать, и при увеличеніи опасности предвидитъ, что онъ обреченъ, посреди неизвѣстности, быть погребеннымъ на чужеземномъ кладбищѣ?

Подумали ли о бѣдномъ матросѣ, котораго постигла страшная болѣзнь и который лежитъ въ больницѣ ко-

рабля, вышиною въ четыре фута, и тамъ, оставленный на сильномъ попеченіи товарища, съ ужасомъ глядитъ на обширный саванъ, поглотившій столько жертвъ?

Подумали ли о миссіонерѣ, котораго оставили силы и который, въ истощеніи, въ мучительныхъ припадкахъ лихорадки, лежитъ распростертый посреди дикихъ дебрей и за тридцать миль посылаетъ своего прислужника искать помощи?

Подумали ли о неподражаемой сестрѣ милосердія, которая почти въ дѣтскомъ возрастѣ съ радостью отправляется въ даль, неся Господа въ сердцѣ, и содѣлывается жертвою своего подвижничества въ чуждой для нея странѣ?

Подумали ли о молодомъ солдатѣ, раненомъ на полѣ битвы или пораженномъ заразою, который, упавши на краю дороги, видитъ проходящія войска, своихъ товарищей, друзей, видитъ, какъ вдали исчезаетъ его родное знамя, и въ тяжкихъ страданіяхъ лежитъ въ госпиталѣ, въ чужомъ краю?

Думали ли вы о скорбяхъ столькихъ людей, страдающихъ безпомощно, вдали отъ матери, семьи, дѣтей, покинутыхъ на рукахъ иноземцевъ, безъ нѣжныхъ попеченій, безъ утѣшительной улыбки близкихъ, уповая на милосердіе Божіе и воздаяніе небеснаго Правосудія? А они не впадаютъ въ уныніе, не ропщутъ и даже благословляютъ Господа.

Братъ, такія скорби дѣйствительно существуютъ; онѣ обычны, ежедневны и, можно сказать, сжесчасны, и куда ни взглянешь, ты вездѣ можешь встрѣтить ихъ.

А мы, малопострадавшіе въ сравненіи съ ними, неужели будемъ малодушно жаловаться?

XV.

Болѣзни въ бѣдности и нуждѣ.

При первомъ зимнемъ снѣгѣ, покрывающемъ крыши городскихъ домовъ, недалеко одинъ отъ другаго, впади въ болѣзнь богачъ и бѣднякъ.

Первый изъ нихъ заперся въ своемъ роскошномъ жилищѣ и позвалъ свою прислугу. Немедленно окружается онъ обильными попеченіями; десятки слугъ подобострастно услуживаютъ ему; толпа пріятелей старается, другъ передъ другомъ, выказать свое усердіе; по всему городу разнеслась вѣсть о его болѣзни, словно случилась какая-нибудь всеобщая бѣда.

Бѣднякъ, несмотря на немощь, долженъ отправиться на работу для снисканія дневнаго хлѣба.

Богачъ окруженъ близкими. Нѣжныя заботы окружаютъ его изголовье; любящая жена, милыя дѣти, не отходятъ отъ него и не упускаютъ малѣйшаго случая, чтобы помочь ему.

Бѣднякъ пришелъ домой на склонѣ дня; онъ изнеможенъ, горитъ въ лихорадкѣ. Черезъ силу взобрался онъ въ помещеніе свое, куда нибудь подъ крышу, или спустился въ подвалъ, вошелъ въ свою каморку и нашелъ тамъ только соломенное ложе, да потухшій огонекъ въ печкѣ.

Богачъ жалуется. Эта докучливая болѣзнь разстроила его планы, дѣла и удовольствія. Онъ предвидитъ, что будетъ лишенъ праздничныхъ пріемовъ, изъясненій почета, занятій весьма для него важныхъ; болѣзнь его неприятно подѣйствовала на его пріятелей; управление дѣлами терпитъ задержки, и онъ дѣлится недовольствомъ своимъ съ своей благочестивой и доброй женой, которая старается ободрить его.

А когда бѣднякъ расположился на своемъ тощемъ одрѣ, то ему слышалось, что кто-то поднимается по лѣстницѣ, входитъ въ его комнату и зажигаетъ ночникъ. Это его бѣдная жена съ тремя малютками. Она подходитъ къ больному мужу и спрашиваетъ: «Другъ мой, что мы будемъ дѣлать завтра?»

Богачъ призываетъ своего управителя и, будучи добръ и сострадателенъ, поручаетъ ему подать нуждающимся щедрую милостыню, уповавъ, что это сочтется ему заслугой передъ Богомъ. Потомъ, опасаясь, что болѣзнь будетъ продолжительна, отдаетъ приказанія по управленію имѣніемъ.

Бѣднякъ открываетъ глаза и, видя жену, истощенную скуднымъ дневнымъ заработкомъ, вернувшихся изъ пріюта малютокъ, которые жалобно протягиваютъ руки къ матери, отъ удручающаго его скорбнаго чувства не можетъ проговорить ни слова: предъ его замутившимися взорами предстаетъ вѣчное страшилище бѣднаго—голодъ!

Ему тогда представляется то, что всегда бываетъ у бѣдняковъ во время болѣзни: очагъ безъ огня, дѣти безъ хлѣба, отказъ лавочника отпустить провизію въ долгъ, передача занимаемаго имъ мѣста въ мастерской другому рабочему и, если болѣзнь продолжится, отказъ въ квартирѣ, задержаніе его скуднаго имущества и необходимость получить призрѣніе въ госпиталѣ.

Къ больному богачу призваны медики. Между самыми извѣстными изъ нихъ возникло завистливое соперничество. Прославленные специалисты употребляютъ всѣ средства врачебной науки и напрягаютъ все свое вниманіе при пользованіи больнаго.

Жена бѣдняка не можетъ идти на работу; она отправилась за помощью въ общество вспомошествованія бѣднымъ. Ее подробно спрашиваютъ, очень пространно записываютъ ея показанія. На другой день является

врачъ, человѣкъ знающій, сострадательный, но обремененный несчетными обязанностями. Онъ не можетъ долго оставаться въ бѣдномъ жилищѣ, не имѣть даже времени присѣсть и, справившись съ своей записной книжкой, спѣшить удалиться: ему предстоитъ еще посѣтить десятка полтора бѣдняковъ.

Болѣзнь богатаго продолжается; но, благодаря наукѣ и попечительному, нѣжному уходу семьи, ничего безнадёжнаго не представляется, и никакое серьёзное опасеніе, за исключеніемъ обычныхъ хлопотъ о больномъ, не переступаетъ черезъ порогъ его роскошнаго жилища.

Въ тоже самое время нужда бѣдняка дошла до послѣдней крайности. Старая книга, составляющая драгоценную и единственную память объ отцѣ, продана, и болѣе ничего не остается, чтобы выйти изъ безнадёжнаго положенія.

Богатому представился случай выгоднаго денежнаго оборота. Его управляющій вошелъ въ соглашеніе съ банкиромъ. Рѣшено не тревожить больнаго денежными разсчетами; нѣсколько друзей его немедленно дадутъ займы потребную для этого сумму. Предпріятіе состоялось и доставило больному отличный процентъ.

Жена бѣдняка, одѣвшись прилично, насколько позволяетъ ея незавидное состояніе, отправляется къ сосѣду, какъ слышно, очень состоятельному; рассказываетъ ему, въ какой она находится крайности, и проситъ ссудить ее нѣсколькими рублями. Онъ рѣшается показать себя сострадательнымъ, и созвавъ всѣхъ своихъ домашнихъ, вынимаетъ изъ кошелька нѣсколько рублей и начинаетъ проповѣдь о томъ, какъ бѣдняки безпечны, непредусмотрительны, часто порочны: только добросовѣстный трудъ можетъ избавить ихъ отъ нужды, и бережливость, рвеніе и усидчивость въ работѣ должны составлять непремѣнное качество хорошаго работника. Затѣмъ онъ торже-

ственно выдаетъ бѣдной женщинѣ деньги и записываетъ ихъ въ книгу.

Такъ продолжается нѣкоторое время, и хорошо еще, если христіанское состраданіе не допускаетъ бѣдняка до злополучнаго исхода.

Но вотъ наступаетъ весна, солнце подогрѣваетъ растительность, богачъ выздоравливаетъ. Ему предписано переселиться въ имѣніе, гдѣ воздухъ полей и лѣсовъ долженъ возстановить совершенно его силы. Онъ отправляется потомъ доканчивать леченіе на водахъ, а когда наступаетъ холодное время, изъ предосторожности остается въ благотворенномъ климатѣ.

Но если во время зимы бѣднякъ подверженъ самымъ тяжелымъ испытаніямъ, то лѣтомъ онъ лишается всякой поддержки. Одинъ за однимъ благотворители его оставляютъ городъ, и онъ остается безпомощнымъ. Настаетъ срокъ платежа, послѣдняя капля, переполняющая горькую чашу. Ему отказываютъ въ жильѣ; все, что оставалось у него, продано, и то, что грезилось ему иногда въ лихорадочномъ бреду, совершилось въ какіе нибудь два—три дня. Мѣсяць спустя бѣднякъ умираетъ.

Въ тотъ же день богачъ пишетъ одному изъ друзей своихъ: «Вы не можете себѣ представить, любезный другъ, сколько различныхъ доукъ я претерпѣваю отъ запутанности въ дѣлахъ, причиненной моею болѣзнію во время минувшей зимы. Все съ тѣхъ поръ пошло какъ-то вверхъ дномъ. Я пропустилъ время, потребное для самыхъ выгодныхъ предпріятій, долженъ былъ отложить блестящія постройки; зиму провелъ съ приступами болѣзни, а теперь удаленъ отъ моихъ привязанностей и любимыхъ развлеченій. Стараюсь смиряться предъ опредѣленіями Промысла Божія, но мнѣ это стоитъ большихъ усилій, и я искренно завидую участи мелкаго люда, который не обремененъ большими и сложными дѣлами. Чѣмъ болѣе

я объ этомъ размышляю, другъ мой, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что такіе люди никогда не имѣютъ права жаловаться на свое положеніе и что, въ концѣ концовъ, они счастливы насъ».

Поразмыслимте съ вами, читатель, и припомнимъ, можемъ ли мы сказать навѣрное, что мы никогда не писали подобнаго письма.

XVI.

Даръ утѣшенія.

Больной: Господи, день склоняется, скоро солнце блеснетъ послѣдними лучами.

До сихъ поръ Твое благодатное слово поддерживало и укрѣпляло меня, но проходящій день приноситъ мнѣ новое испытаніе, и какъ-бы нахлынула на меня новая волна горести.

Я повсюду вижу дѣятельную жизнь; слышу неясные отголоски трудолюбивыхъ занятій людей, со рвеніемъ и выгодною работающихъ. Мнѣ кажется, что я въ мірѣ одинъ празденъ и бесполезенъ, и что если у довольныхъ, посреди ихъ удовольствій, есть своя доля эгоизма, то больные въ своихъ страданіяхъ также подвержены ему.

Эта мысль терзаетъ и уничтожаетъ меня, потому что и у меня, Господи, было сердце, способное любить, была широкая и горячая охота послужить Славѣ Твоей и ближнихъ моихъ.

Почему же меня постигла полная безпомощность, не истребивъ наполнявшихъ меня желаній? почему жизненность разума и сердца должна пасть предъ истощеніемъ силъ? Господи! погаси во мнѣ священное пламя, кото-

рое жжетъ меня безо всякой пользы и дѣлаетъ для меня еще болѣе тяжкимъ бремя бесплодной жизни.

Утѣшитель: Сынъ Мой, ужели ты до сихъ поръ не постигъ глубокаго смысла страданій?

Выслушай Меня и повѣрь словамъ Моимъ.

Изъ всѣхъ задачъ жизни, коихъ разрѣшеніе представлено человѣку, самую неразрѣшимою и таинственною для него остается страданіе.

Кто не страдалъ самъ, тотъ, будь у него нѣжнѣйшее сердце и проницательнѣйшій умъ, никогда не пойметъ человѣческихъ страданій. Онъ говоритъ и судитъ о нихъ, какъ слѣпой о краскахъ. Отъ этого происходитъ полная и коренная неспособность людей, никогда не страдавшихъ, преподавать утѣшеніе скорбящимъ, и ничто не устраняетъ этой неспособности—ни самая горячая привязанность, ни самопожертвованіе. Только собственный опытъ можетъ разбить этотъ ледъ и овладѣть даромъ утѣшенія.

Сынъ Мой, не испыталъ ли ты это въ сотнѣ случаевъ? Какое облегченіе получилъ ты во время немощи отъ тѣхъ блестящихъ любимцевъ счастья, которые никогда не знали утратъ и неудачъ? Однако нѣкоторые изъ нихъ любили тебя и можетъ быть искренно хотѣли бы тебѣ помочь; но ни разсудительности ихъ, ни краснорѣчія не было для того достаточно; во всѣхъ ихъ рѣчахъ не доставало одного только слова, и это слово одно могло ободрить твою душу.

Это таинственное слово, эта капля священнаго елея, это спасительное успокоеніе, дается только душѣ, прошедшей черезъ школу страданія.

Законъ этотъ такъ глубокъ и всеобъемлющъ, что Я, сынъ Мой, обладающій всестороннимъ знаніемъ, и Которому слѣдовательно вполнѣ извѣстны всѣ земныя скорби, долженъ былъ Самъ испытать немощи тѣлесныя, дабы

содѣлаться тѣмъ опытнымъ Утѣшителемъ, котораго они призываютъ въ страданіяхъ своихъ.

Въ томъ, что Я раздѣляю ихъ страданія, они обрѣтаютъ особенное, непреодолимое влеченіе ко Мнѣ, и взираютъ не столько на славу Мою въ Преображеніи, сколько на крестъ, который Я претерпѣлъ, и видя на Мнѣ слѣды собственннхъ истязаній, съ утѣшительнымъ упованіемъ повторяютъ: «Ибо мы имѣемъ не такого Первосвященника, Который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ, но Который, подобно намъ, испыталъ все, кромѣ грѣха» (Евр. IV, 15).

Еще повторяю тебѣ, сынъ Мой, это великое знаніе, ничѣмъ не замѣнимое: ни геніальнымъ умомъ, ни изученіемъ, ни самою любовію.

Кто не имѣетъ его, тотъ не долженъ прикасаться къ страданіямъ человѣческимъ; но кто обладаетъ имъ, тому все возможно: онъ одаренъ несокрушимою добродѣтелью.

Кто страдалъ, кто въ продолженіи многихъ лѣтъ вынесъ потокъ горестей, душевныхъ тревогъ, безнадежныхъ предчувствій, тайныхъ изнеможеній, тоски, отвращенія, небывшихся надеждъ и уединенныхъ слезъ, тотъ, сынъ Мой, если онъ не вотще одаренъ душою, содѣлается живымъ примѣромъ тайны преподаваемого Мною утѣшенія. Слово его имѣетъ могучую силу и онъ всегда вѣрно познаетъ немощи душевныя.

Несчастный, больной, огорченный, знаютъ его и умѣютъ различить его между многими людьми. Тѣ и другіе одинаково стараются успокоить страждущаго, но только онъ одинъ постигаетъ тайну слова, совѣта, знака, проникающихъ въ душу, и всегда знаетъ, на какую сторону можно лучше всего подѣйствовать.

Такой человѣкъ кротокъ, терпѣливъ, остороженъ. Онъ знаетъ, что больной какъ-бы впадаетъ въ младенчество, что духъ его требуетъ сильнаго слова, которое бы под-

мало его, и что онъ нуждается въ снисхожденіи и самой материнской осторожности.

Онъ съ кротостію и мало по малу приводитъ души къ памятованію Меня, и никогда не захочетъ превозмочь сопротивленіе суровостію. «Онъ не переломитъ надломленной трости и не погаситъ курящейся свѣтильни». (Исаія XLII, 3).

Онъ знаетъ, что душа, плѣненная тѣломъ, есть царственное лицо, которое требуетъ тѣмъ болѣе почтительнаго къ себѣ отношенія, что оно утратило свое огражденіе.

О, сынъ Мой, радуйся твоимъ страданіямъ и не скорби о продолженіи ихъ. То, что Я дарую тебѣ, посвящая тебя въ тайны скорбей и немощей, есть сокровище неоцѣненное.

Ты скоро приблизишься къ скорбящимъ, и если не сможешь пойти на встрѣчу страждущихъ, то будь спокоенъ, они сами придутъ къ тебѣ, ибо ищутъ такого утѣшителя.

Прими посылаемое тебѣ страданіе, какъ исходящее отъ Меня; прими его потому, что ты приобрѣлъ на него право своими скорбями и немощами.

Не приготовляй заранѣе твоихъ рѣчей. Открой больному твое сердце и обнажи передъ нимъ твои раны; выслушивай его и отвѣчай, какъ тебѣ внушитъ сердце. Въ испытанныхъ тобою страданіяхъ скрывается несокрушимая сила утѣшенія:

Обладая этимъ сокровищемъ, иди безбоязненно къ страждущимъ и нуждающимся. Твои скорби исчезнутъ передъ ихъ скорбями; душа твоя всепреданно отдастъ себя имъ, и когда настанетъ вечеръ, то, изумляясь тому, что чувствуешь сердце свое обновленнымъ, ты скажешь Мнѣ съ благодарностью: «Господи, не понимаю, что случилось со мною. Боже сокровенный, куда привелъ Ты меня и что я сдѣлалъ? Я хотѣлъ подвизаться только для

другихъ, а мнѣ кажется, что я все приобрѣлъ для самого себя; я хотѣлъ лѣчить больныхъ, а уврачевалъ свои раны; хотѣлъ утѣшить плачущихъ, и осушилъ свои собственные слезы; желалъ успокоить ихъ страданія, и утратилъ горечь собственныхъ страданій; хотѣлъ все отдать и все приобрѣлъ».

В Е Ч Е Р Ъ.

I.

Часъ уединенія.

Для больного настаетъ часъ, который тяжелѣе пробужденія. Это послѣдній часъ дня, когда оканчивается вечеръ и ожидается ночь.

Во время дня нѣжная и благотворная дѣятельность окружающихъ его какъ бы замѣняетъ ему собственную дѣятельность.

Окружающіе его стараются его разсѣять, поддержать, читаютъ ему вслухъ, забавляютъ разсказами, чтобы отвлечь его отъ усиленнаго вниманія къ своимъ немощамъ.

Къ концу вечера, всѣ друзья уходятъ, и бѣдный больной остается въ одиночествѣ.

Всѣ болящіе испытали горечь этого часа, когда непрерывное въ теченіе дня и полное любви участіе пріостанавливается, и они остаются въ обществѣ одной только мерцающей лампы, имѣя въ виду десять часовъ безсонницы.

Для всѣхъ это время отдыха, а для больного, напротивъ, часы тоскливой тревоги. Оставаясь въ совершенномъ бездѣйствіи, онъ не находитъ ни спокойствія, ни освѣженія силъ. А тѣ немногія силы, которыя у него еще остались, еще болѣе его раздражаютъ: лихорадочное возбужденіе объемлетъ его и смущаетъ его душу.

Страждущій христіанинъ, что мнѣ сказать тебѣ, чтобы облегчить тяжесть этихъ часовъ? Какое воспоминаніе освѣжить въ твоей памяти, чтобы умирить твою мучительную тревогу?

Христіанинъ, при избыткѣ нѣкоторыхъ страданій я не могу тебѣ указать никакой другой помощи, кромѣ единственной и всегда дѣйствительной,—Страстей Христовыхъ.

Представь себѣ, что Вѣчное Слово—Богъ, имѣя силу однимъ мановеніемъ спасти міръ, восхотѣлъ снизойти до страданія плотію и до испытанія чрезмѣрныхъ мученій.

Такое великое дѣяніе не открываетъ ли все величіе Божественныхъ намѣреній? Спаситель не только восхотѣлъ искупить Своихъ избранныхъ отъ вѣчной смерти, но еще пожелалъ ихъ утѣшить, укрѣпить, облегчить имъ земную жизнь и всякую немощь, и запечатлѣть ихъ Своимъ Божественнымъ терпѣніемъ и Своею Славою.

Что же содѣлано имъ для умиротворенія тревожнаго состоянія больного въ ночномъ одиночествѣ? Несомнѣнно, что Онъ Самъ позналъ и испыталъ этотъ часъ, и что Онъ освѣтилъ его на всѣ времена лучемъ торжественнаго памятованія.

Откроемъ святое Евангеліе и прочтемъ въ Немъ: «Потомъ приходитъ съ учениками Своими въ селеніе, называемое Геесиманія, и говоритъ имъ: «Посидите тутъ, пока Я пойду помолюсь тамъ».

«И взявъ съ Собою Петра и обоихъ сыновъ Зеведеевыхъ, началъ скорбѣть и тосковать».

«Тогда говоритъ имъ Іисусъ: Душа Моя скорбитъ смертельно; побудьте здѣсь и бдите со Мною».

«И отошедъ немного, палъ на Лице Свое, моляся и говоря: Отче Мой! если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; однако не какъ Я хочу, но какъ Ты».

«И приходитъ къ ученикамъ и находитъ ихъ спя-

щими и говорить Петру: Такъ ли вы не могли одного часа побдить со Мною?»

«Вдите и молитесь, да не впадете въ искушеніе; Духъ бодръ, но плоть немощна».

«Потомъ пошелъ въ другой разъ и молился, говоря: «Отче Мой! если не можетъ чаша сія миновать Меня, чтобы Мнѣ не пить ея, буди воля Твоя!»

«И пришедши, находятъ ихъ опять спящими, ибо глаза у нихъ отяжелѣли»;

«И оставя ихъ, пошелъ опять, и помолился въ третій разъ, сказавъ тѣ же слова». (Матѣ. XXVI, 34—45).

До этого вечерняго часа, когда начались Страсти Господни, Иисусъ Христосъ былъ окруженъ учениками Своими. Онъ совершилъ съ ними Тайную Вечерю, оставилъ имъ Божественный завѣтъ Тѣла и крови Своихъ, преподавъ послѣднія наставленія и молился съ ними.

Но насталъ часъ принесенія Себя въ жертву, и начало этого жертвоприношенія совершилось въ уединеніи.

Иисусъ входитъ въ садъ Геосиманскій, разставшись съ учениками своими; но такъ какъ совершенное уединеніе устрашаетъ Его въ минуты душевныхъ мукъ и крайней скорби, то Онъ оставляетъ при Себѣ наиболѣе близкихъ къ Нему учениковъ, бывшихъ свидѣтелями славы Его на Оаворѣ: Петра и двухъ сыновей Зеведевыхъ.

Онъ открываетъ имъ душу Свою, открываетъ гнетущую Его скорбь, и проситъ молиться за Него.

Ему остается такимъ образомъ утѣшеніе драгоцѣннаго сообщества любимыхъ учениковъ, но такъ какъ жертвоприношеніе еще не совершенно исполнилось, то Иисусъ удаляется и отъ трехъ оставшихся при Немъ учениковъ, и остается въ одиночествѣ предъ горькою чашею мучительной страсти.

Онъ одинъ! И тотчасъ же ощущаетъ всѣ ужасы, ко-

торыми сопровождается въ такія минуты уединеніе, и впадаетъ въ такое мучительное предсмертное смятеніе чувствъ, что оно вызываетъ кровавый потъ на лицѣ Его.

Два раза, смятенный ощущеніями смерти, Онъ возвращается къ избраннымъ ученикамъ и просить у нихъ молитвенной помощи, и два раза находитъ ихъ погруженными въ сонъ. Наконецъ покидаетъ ихъ и возвращается въ уединеніе для принесенія Своей божественной жертвы.

Бѣдный больной, будучи покинутъ вечеромъ друзьями твоими, ты тотчасъ же объемлешься смущеніемъ, устрашающими предчувствіями и страшными призраками: не оставайся въ сомнѣніи, что для тебя, какъ для всѣхъ, покинутыхъ людьми во время ихъ душевной скорби, Спаситель восхотѣлъ Самъ провести такія же жестокія минуты одинокимъ въ саду Геосиманскомъ.

Міръ удалился отъ тебя, возвратившись къ своимъ удовольствіямъ и празднествамъ; до тебя, можетъ быть, доходятъ отголоски этихъ людскихъ увеселеній. Забудь о немъ, предоставь его, безъ озлобленія и зависти, отуманившему его ложному счастью, и въ этомъ первомъ отреченіи соединишься со Христомъ, разставшимся съ большинствомъ учениковъ Своихъ при входѣ въ садъ Геосиманскій.

Твои близкіе, искренніе друзья, служители, преданные тебѣ, оставляютъ тебя одинъ за другимъ. Съ ихъ стороны это не есть безчувственность или невѣрность; но они слабы, ибо подвержены утомленію, и расположеніе ко сну превозмогаетъ любовь ихъ. Не противься ихъ отдыху, заслуженному дневными заботами. Не проси ихъ бодрствовать около тебя; не взирай съ горечью на одолѣвшій ихъ сонъ. Будь твердъ противъ самого себя. Мужайся! покорись одиночеству и опять, во вторичномъ отреченіи, соединишься со Христомъ, Который оставляетъ

Своихъ любимѣйшихъ учениковъ, чтобы шествовать на встрѣчу чашѣ страданія.

Когда же обезсиленный немощью въ одиночествѣ, ты пожелаешь разбудить бѣдныхъ прислужниковъ во время страданій твоихъ, то не негодуй на нихъ, если скованные усталостью они едва въ силахъ отозваться на твой призывъ, наскоро тебѣ прислуживаютъ и снова впадаютъ въ безчувствіе сна. Не возмущайся, не упрекай, не обвиняй. Петръ, Іаковъ и Іоаннъ любили Христа, но они заснули въ вертоградѣ Геосиманскомъ, будучи застигнуты утомленіемъ и слабостью человѣческой природы. Еще разъ увѣщаваю тебя, оставайся въ безмолвной тишинѣ и соединишь, въ этомъ труднѣйшемъ изъ всѣхъ отреченій, со Христомъ, который не восхотѣлъ нарушить сонъ учениковъ Своихъ. Придутъ и неодолимая тоска и смущеніе духа: соединишь въ нихъ съ предсмертными муками, преклонившими Спасителя къ землѣ.

Если ты проливаешь слезы, то вмѣстѣ со Христомъ, потому что и Онъ плакалъ; если произносишь жалобы, то опять вмѣстѣ со Христомъ, потому что и онъ не избѣгнулъ ихъ. Если просишь конца одолѣвшему тебя страху смертному, то все же моли Отца Небеснаго, такъ какъ и Христосъ умолялъ Его:

«Отче Мой! Если возможно, да минуетъ Меня чаша сія; однако не какъ Я хочу, но какъ Ты!»

Итакъ, оставайся въ одиночествѣ со Христомъ. Но ты спросишь: какой же таинственный смыслъ заключается въ этомъ? Отвѣчаю: тотъ, что ты никогда не будешь покинутъ въ немощи, тебѣ всегда будетъ присущъ Божественный Другъ, безпрестанно бодрствующій и готовый помочь тебѣ, и въ тяжелыя минуты Онъ пошлетъ тебѣ Ангела, носителя проникающей душу благодости Его.

II.

Н о ч ь.

Братъ мой во Христѣ, остерегайся негодовать на ночь за то, что она приноситъ тебѣ тяжелые бессонные часы и скорбныя тревоженія.

Напротивъ того, дорожи ею, вдумайся въ ея таинственность, считай ее благословенною, потому что она часто бываетъ временемъ Господа.

Была ночь, когда Та, Которая носила во чревѣ Спасителя, оставила съ Іосифомъ жилище свое, вслѣдствіе повелѣнія Кесаря, и по каменистой дорогѣ Іудеи отправилась въ Вифлеемъ; была ночь, когда Она стучала въ двери обитателей города и не нашла даже скромнаго пріюта въ гостинницѣ.

Была ночь, когда Ангелы, озаренные блистательнымъ свѣтомъ, воспѣвали: «Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе».

Была ночь, когда Младенецъ возлежалъ на соломѣ въ ясляхъ.

Была ночь, когда Ангелъ Господень явился вѣстникомъ Іосифу, и вѣрный рабъ Божій, возставши, бѣжалъ съ Младенцемъ и Матерью отъ губительнаго меча Ирода въ Египетъ.

Была ночь, когда возвратившись въ Назаретъ, по смерти гонителей, Марія, возставая съ ложа въ святомъ молчаніи, подходила къ колыбели, въ которой покоился Младенецъ и, съ упоеніемъ вглядываясь въ Него, проливала слезы.

Была ночь, когда Іисусъ въ пустынномъ одиночествѣ и ночномъ бдѣніи несъ на раменахъ искупленіе рода человѣческаго. Была ночь, когда оставляя учениковъ Своихъ, погруженныхъ въ сонъ, Онъ шелъ къ молитвѣ.

Была ночь, когда ученики переплывая море въ на-
правленіи къ Капернауму, увидѣли Іисуса, вблизи ихъ
ходящаго по водамъ, и въ то время, какъ они желали
поскорѣ видѣть Его въ своей ладѣ, увидѣли, что цѣль
плаванія ихъ уже достигнута.

Была ночь, когда Іисусъ, пробужденный криками уче-
никовъ: «Господи, спаси насъ, погибаемъ!» повелѣлъ
вѣтру и морю, и они внезапно утихли.

Была ночь, когда Петръ и другіе съ нимъ бросали
мрежи и, трудясь до разсвѣта, ничего не могли изловить,
а когда Іисусъ сказалъ имъ: «Отплывите на средину
озера и погрузите мрежи», они изловили такое множе-
ство рыбы, что мрежи прорывались.

Была ночь, когда Никодимъ приходилъ къ божествен-
ному Учителю, и Онъ, снисходя къ слабости этого ду-
ховнонемошняго мужа, поучалъ его.

Была ночь, когда Учитель въ средѣ учениковъ Сво-
ихъ совершилъ послѣднюю вечерю и преподалъ имъ въ
снѣдѣ Тѣло и Кровь Свою.

Была ночь, когда вышедши съ ними, Онъ въ послѣд-
ній разъ повѣдалъ имъ о Своей смерти и въ послѣдній
разъ открывалъ великія тайны искупленія.

Была ночь, когда оставивъ учениковъ, съ душею со-
крушенною до смерти, Іисусъ упалъ челомъ на землю,
и въ смертельномъ страхѣ проливая слезы и обливаясь кро-
вавнымъ потомъ, былъ укрѣпляетъ Ангеломъ.

Была ночь, когда Іуда облобызалъ Его, и Его повели
во дворецъ первосвященника, въ преддверіи котораго
Петръ отрекся отъ Спасителя и пролилъ слезы, когда
Спаситель взглянулъ на него.

Была ночь, когда стражи, покрывая главу Его, гово-
рили: «узнай, кто ударяетъ Тебя»? И до самаго утра осы-
пали Его хулами и ругательствами.

Была ночь, когда Іосифъ отъ Аримаѳеи и другіе вѣр-

ные ученики умащали благовоніями пречистое Тѣло Спасителя и обвивали Его плащаницею, а фарисеи, приложивъ печать ко Гробу, приставили къ нему стражу.

Была ночь, когда Марія Магдалина, придя съ благовоніями ко Гробу, увидѣла, что камень отваленъ отъ него; когда объятая ужасомъ, она поспѣшила извѣстить о томъ апостоловъ Петра и Іоанна, и когда они всѣ трое, отправившись ко гробу, нашли его пустымъ.

Была ночь, когда посреди собранныхъ учениковъ явился Спаситель и сказалъ: «миръ вамъ»!

Была ночь, когда св. Петръ, пробужденный въ темницѣ, увидѣлъ лучезарнаго ангела; онъ полагалъ, что видитъ его во снѣ, а между тѣмъ былъ освобожденъ имъ отъ оковъ и послѣдовать за нимъ.

Была ночь, когда ангелъ явился св. Павлу, заключенному въ темницѣ въ Іерусалимѣ, и возвѣстилъ ему: «Мужайся, Павелъ! какъ ты свидѣтельствовалъ обо Мнѣ во Іерусалимѣ, также будешь свидѣтельствовать въ Римѣ».

Была ночь, когда корабль, на которомъ плыль св. Павелъ, обуреваемый волнами, долженъ былъ погибнуть, но Ангелъ Господень, явившись ему, возвѣстилъ, что всѣ на кораблѣ будутъ спасены.

Была ночь, когда Петръ и Павелъ были заключены у подошвы Капитолія и, какъ повѣствуетъ преданіе, по мановенію ихъ, потекла вода изъ расщелины скалы, и они въ ней крестили своихъ стражниковъ предъ своею смертію за Христа.

Была ночь, когда первые христіане приносили мучениковъ своихъ въ катакомбы, и мѣста погребенія ихъ обозначали наскоро высѣченною на камнѣ вѣткою пальмы.

Была ночь, когда дѣти святыхъ мучениковъ, накануне казни въ амфитеатрахъ, утѣшаемы были въ сновидѣніяхъ вѣстію объ ожидающей родителей ихъ вѣчности.

Была ночь, когда священнослужители приносили уз-

никамъ и недужнымъ Св. Тѣло и Кровь Христовы. Въ такія же ночи донынѣ преподають иногда Св. Таинства недужнымъ служителямъ Евангелія.

Ночью бодрствуетъ покаяніе и не спитъ милосердіе; ночь бѣднякъ проводить въ работѣ; ночью испытывается терпѣніе страдальца.

Ночью Ангелъ Господень паритъ надъ большимъ городомъ и, видя, посреди безумныхъ оргій и нечестивыхъ иришествъ, побѣду цѣломудреннаго чада Божія, милуетъ городъ за эту одну праведную душу.

О, ночи христіанскія! Ночи безсмертныя, обильныя спасеніемъ міра, преисполненныя Господомъ! Болящіе христіане! въ воспоминаніяхъ вашихъ всегда помышляйте о нихъ: *«прострите руки ко святыни и благословите Господа»* (Пс. СXXXIII); и мракъ ночной содѣлается для васъ блистательнѣе дня, и ночь освѣтится радovanіемъ: *«И ночь, какъ свѣтъ вокругъ меня, и тѣма не затмѣитъ отъ Тебя; тѣма также, какъ и свѣтъ»*. (Пс. СXXXVIII, 11. 12).

III.

Распятіе.

Насталь, Господи, часъ моей немощи, и душа моя не могла перенести тяжести этого часа.

Всѣ мои душевныя силы были угнетены нестерпимою горечью, потоки слезъ невольно исторгались изъ глазъ.

Въ этой смертельной тоскѣ, уstraшеннѣй, я искалъ около себя помощи; мнилось мнѣ, что такія страданія наконецъ вызвали соболѣзнованіе Утѣшителя, но я былъ одинъ, и Утѣшитель не являлся.

Тогда, Господи, увидѣлъ я Твое святое изображеніе.

Упованіе спастись чрезъ него увлекло меня: дрожащими руками взялъ я священное изображеніе, и лицо мое, орошенное слезами, припало къ нему.

Какія благодатныя слезы проливаются предъ святымъ Твоимъ Образомъ, о Господи распятый! Слезы людскія знаютъ и ищутъ его. Между крестомъ и страданіями людей есть сродство безконечное.

Сквозь слезы увидалъ я руки Твои, пронзенныя изъ любви къ человѣкамъ; устами моими прикасался я къ гвоздямъ, коими пригвождены ноги Твои, и рука моя, обнимавшая тебя, дотронулась до раны сердца Твоего.

Что сказалъ я? Что услышалъ? Смѣю-ли повторить это самому себѣ? Я долго оставался въ общеніи съ Тобою, лобзая Твои раны, обнимая главу Твою въ терновомъ вѣнцѣ, глубоко растроганный видомъ Креста Твоего.

Долго обливалъ я слезами этотъ крестъ, орошенный Твоею кровію. Я не въ силахъ былъ вымолвить ни одного слова, но въ глубинѣ души моей слышались слова Твои, о Христе: «Господи, предаю духъ Мой въ руки Твои!» Этотъ гласъ проникалъ все мое существо.

Тогда миръ снизошелъ на меня; я какъ-бы опочилъ на Твоемъ сердцѣ, и мало по малу любовь побѣдила страданіе.

Невиданное, нежданное утѣшеніе, которое я почувствовалъ, не отъ меня происходило; оно незамѣтно наполняло отрадою мою душу, и пока я изумлялся этой внезапной переимѣнѣ, ощущаемая мною отрада превратилась въ великое радованіе.

Я плакалъ еще, но уже плакалъ отъ счастья, и вмѣсто раздражающихъ жалобъ, которыя еще недавно бушевали въ душѣ моей, теперь невольно обращалъ я хвалебныя и благодарственныя слова къ Господу.

Успокоительная сила обладала мною, и я чувствовалъ себя обновленнымъ для борьбы.

Почему такое чувство неземнаго восторга не продолжается во все время болѣзни? Почему страждущіе не получаютъ великой благодати умереть въ такія сладостныя минуты? Почему, когда минуетъ этотъ часъ Господняго пощенія, безжалостное однообразіе жизни возобновляется?

О, Крестъ Христовъ! Величайшая отрада болящаго! Я всегда буду помнить Твое могущество въ минуты унынія и отчаянія, и какъ велика Твоя сила, что самыя горькія слезы превратились чрезъ Тебя въ миръ и отраду!

Могущество Твое изумляетъ меня и тѣмъ болѣе ободряетъ. Очевидно, что вѣрующаго христіанина, который постигъ Тебя, одинъ видъ Твоего креста можетъ поддерживать въ жизни и утѣшить въ смерти.

Окажи мнѣ милость, чтобы я въ послѣднія минуты лицезрѣлъ Твое изображеніе, Распятый Христе Боже; чтобы любящая душа вложила его въ руки мои и чтобы я могъ зрѣть Тебя и устами прикасаться къ Тебѣ. Если немощь послѣднихъ часовъ помѣшаетъ мнѣ молиться, то одинъ взглядъ мой на Тебя дастъ мнѣ упованіе на помощь Твою и вѣру въ Твое присутствіе. Блаженъ буду я, если жизнь моя потухнетъ вмѣстѣ съ этимъ взглядомъ любви, подобно тому великому подвижнику, который предъ кончиной своей не отводилъ глазъ отъ Распятія и говоря про себя: «Нѣтъ силъ молиться Ему, но я взираю на Него».

IV.

Медленіе Господа.

Есть нѣчто иное, кромѣ мучительныхъ страданій; страданія эти могутъ быть скоропреходящими и исчезнуть; но бываетъ чрезмѣрная продолжительность однихъ

и тѣхъ-же немощей и неизмѣнное однообразие недуга, когда онъ не усиливается и не ослабѣваетъ.

Эта-то продолжительность однѣхъ и тѣхъ же немощей, какъ будто не подающая никакой надежды на измѣненіе къ лучшему, и повергаетъ душу въ особое состояніе, которое, собственно говоря, не есть ни уныніе, ни отчаяніе, но утомленіе отъ неперестающаго недуга.

Душа смирилась, но изнемогаетъ подъ тяжестью непрестанной болѣзни. У нея едва достаетъ силы сказать: «Господи, доколѣ? Господи, сколько времени буду я взывать къ Тебѣ, и Ты меня не услышишь? Ужели всегда будешь отвращать отъ меня Лице Твое? Господи, доколѣ земля будетъ страдать отъ засухи и травяное зеліе отъ палящаго огня? Доколѣ, Господи, будешь безъ милосердія взирать на сокрушеніе Іерусалима? Господи, почто Ты оставилъ меня?» (Пс. XII, 1. Іерем. XII, 6. Зах. 1, 42). «Или! Или! лама савахани?» то есть: «Боже мой! Боже мой! почто Ты меня оставилъ?» (Матѣ. XXVII, 46.)

Такая угнетенная душа часто теряетъ ясное воззрѣніе на міръ: она уже ничего не ожидаетъ впереди, она не вѣритъ въ возможность измѣненія ея горькой участи. Таково обыкновенно послѣдствіе крайне продолжительныхъ болѣзней.

Душа должна быть одарена необыкновеннымъ мужествомъ, чтобы безнадежно надѣяться (*contra spem in spem*). Она должна знать, что эти призрачныя ощущенія не поддающейся леченію продолжительности болѣзни являются неоднократно въ жизни, но почти всегда такъ бываетъ, что съ теченіемъ времени и событій ощущенія эти разсѣваются.

Когда гроза продолжительна и небосклонъ помраченъ тучами, когда мореходецъ на всемъ протяженіи глаза ничего не видитъ, кромѣ бурныхъ волнъ и пѣнящейся

зыби, ему кажется, что не видѣть уже ему солнца и что это безпорядочное смятеніе волнъ никогда не уймется.

Однакоже достаточно малаго дуновенія вѣтра, чтобы небо прояснилось и за ближнимъ мысомъ бурливый океанъ превратился въ спокойное и тихое озеро.

Душа христіанская! Ты слаба въ упованіи! То, что ты принимаешь, какъ забвеніе отъ Бога, есть дивное произволеніе Его любви. Онъ медлитъ помощію? А это совершается Имъ въ пользу тѣхъ, кого Онъ любитъ и отъ кого ожидаетъ Своего прославленія.

Возьмемъ Евангеліе: кто можетъ лучше Самого Иисуса Христа помочь тебѣ словомъ и дѣйствіемъ? Итакъ замолчимъ и отдадимся чтенію:

«Быль же боленъ нѣкто Лазарь изъ Виваніи, гдѣ жили Марія и Марѳа, сестра ея (Марія же, коея братъ Лазарь былъ боленъ, была та, которая помазала Господа муромъ и отерла ноги Его волосами своими).

Сестры послали сказать Ему: «Господи, тотъ, кого Ты любишь, боленъ. Иисусъ, слыша то, сказалъ: «сія болѣзнь не къ смерти, но къ славѣ Божіей, да прославится чрезъ нее Сынъ Божій». Иисусъ же любилъ Марѳу, и сестру ея, и Лазаря.

И какъ услышалъ, что онъ боленъ, то пробылъ еще два дни на томъ мѣстѣ, гдѣ находился; послѣ сего сказалъ ученикамъ: «Пойдемъ опять въ Іудею»..

Ученики сказали Ему: «Равви! давно-ли Іудеи искали побить Тебя камнями, и Ты опять идешь туда?» Иисусъ отвѣтствовалъ: «Не двѣнадцать ли часовъ во днѣ? Кто ходитъ днемъ, тотъ не спотыкается, потому что видитъ свѣтъ міра сего. А кто ходитъ ночью, спотыкается, потому что свѣта нѣтъ съ нимъ.» Сказавъ сіе, говоритъ имъ потомъ: «Лазарь другъ нашъ уснулъ: но Я иду разбудить его.» На сіе ученики Его сказали: «если уснулъ,

то выздоровѣть»; Иисусъ-же говорилъ о смерти его, а они думали, что Онъ говорить о снѣ обыкновенномъ.

Тогда Иисусъ сказалъ имъ прямо: «Лазарь умеръ. И радуюсь за васъ, что Меня тамъ не было, дабы вы увѣровали, но пойдѣмъ къ нему».

Тогда Өома, иначе называемый Дидимъ (близнецъ), сказалъ соученикамъ: «пойдемъ, и мы умремъ съ Нимъ».

Итакъ Иисусъ, пришедши, нашель, что онъ четыре дня уже лежитъ во гробѣ! (Внеанія же была близъ Іерусалима стадіяхъ въ пятнадцати).

Многіе изъ Іудеевъ пришли къ Марѣ и Маріи утѣшать ихъ въ печали о братѣ ихъ. Марѣа, услыша, что идетъ Иисусъ, пошла на встрѣчу Ему; а Марія сидѣла дома. Тогда Марѣа сказала Иисусу: «Господи, еслибы Ты былъ здѣсь, братъ мой не умеръ-бы».

«Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, дастъ Тебѣ Богъ». Иисусъ говоритъ ей: «воскреснетъ братъ твой»; Марѣа говоритъ Ему: «знаю, что воскреснетъ въ воскресеніе, въ послѣдній день».

Иисусъ сказалъ: «Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ, и всякій живушій и вѣрующій въ Меня не умретъ вовеки. Вѣришь-ли сему»? Она говоритъ Ему: «такъ, Господи! я вѣрую, что Ты, Христосъ, Сынъ Божій, Которому надлежало придти въ міръ».

Сказавъ сіе, пошла и позвала тайно Марію, сестру свою, говоря: «Учитель здѣсь и зоветъ тебя».

Она, какъ скоро услышала, поспѣшно встала и пошла къ Нему (Иисусъ же не пришелъ еще въ селеніе: но былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтила Его Марѣа).

Іудеи, которые были съ нею въ домѣ и утѣшали ее, увидя, что Марія поспѣшно встала и вышла, пошли за нею, думая, что она идетъ на гробъ плакать тамъ.

Марія же, пришедши туда, гдѣ былъ Иисусъ, и уви-

дѣвъ Его, пала къ ногамъ Его и сказала Ему: «Господи, если бы Ты былъ здѣсь, не умеръ-бы братъ мой».

Иисусъ, когда увидѣлъ ее плачущую и пришедшихъ съ нею Иудеевъ плачущихъ, Самъ возскорбѣлъ духомъ, и возмущился.

И сказалъ: «гдѣ вы положили его?» Говорятъ Ему: «Господи! пойдй и посмотри».

Иисусъ прослезился.

Тогда Иудеи говорили: «смотри, какъ Онъ любилъ его».

А нѣкоторые изъ нихъ сказали: «не могъ ли Сей, отверзшій очи слѣпому, сдѣлать, чтобы и этотъ не умеръ?»

Иисусъ же, опять скорбя внутренно, приходитъ ко гробу. То была пещера, и камень лежалъ на ней.

Иисусъ говоритъ: «отнимите камень». Сестра умершаго, Марѳа, говоритъ Ему: «Господи! уже смердитъ; ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ».

Иисусъ говоритъ ей: «не сказалъ ли Я тебѣ, что если будешь вѣровать, увидишь славу Божию?»

И такъ отняли камень отъ пещеры, гдѣ лежалъ умершій. Иисусъ же возвелъ очи къ небу, и сказалъ: «Отче! благодарю Тебя, что Ты услышалъ Меня. Я и зналъ, что Ты всегда услышишь Меня; но сказалъ сіе для народа, здѣсь стоящаго, чтобы повѣрили, что Ты послалъ Меня».

Сказавъ сіе, Онъ воззвалъ громкимъ голосомъ: «Лазарь! иди вонъ».

И вышелъ умершій, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами, и лице его обвязано было платкомъ. Иисусъ говоритъ имъ: «развяжите его, пусть идетъ». (Іоанн. гл. XI.)

Надо читать и перечитывать сіе Святое Евангеліе, надо лобзать каждую страницу его и благодарить Господа, дозволившаго, чтобы такіа дѣла, совершенныя съ толи-

кою любовью, были вписаны въ книгу жизни для непрестаннаго и неизсякаемаго утѣшенія человѣчества!

О, Иисусе Христе! Ты любилъ Марѳу и ея сестру Марію и брата ихъ Лазаря. Тебѣ такъ и говорятъ о больномъ: «тотъ, котораго Ты любишь». Чтобы помочь ему, Ты рѣшаешься возвратиться въ Іудею, несмотря на злобу и смертельныя угрозы Іудеевъ. Когда Марѳа прибѣгаетъ, чтобы позвать Тебя, Ты тотчасъ общаеми явить Твою чудодѣйственную силу и возвратить ей брата; а когда вслѣдъ за нею Марія также припадаетъ къ ногамъ Твоимъ, Ты тронуть ея слезами; душа Твоя смущена и передъ гробомъ Лазаря Ты, Божественный Другъ его, прослезился. Наконецъ, будучи властелиномъ надъ горестями человѣческими, Ты глаголешь, яко Богъ, и Лазарь выходитъ изъ гроба. Вотъ, Господи, какъ много Ты возлюбилъ Лазаря!

Однако же, въ разсказѣ Евангельскомъ есть подробности, для насъ не совсѣмъ вразумительныя, ибо сказано: «Иисусъ, узнавъ о болѣзни Лазаря, остался два дня тамъ, гдѣ находился»,—и еще: «Лазарь умеръ въ этотъ промежутокъ, и тогда Иисусъ сказалъ ученикамъ Своимъ: «Лазарь умеръ и радуюсь за васъ, что Меня тамъ не было, дабы вы увѣровали». Наконецъ, когда Иисусъ Христосъ пришелъ ко гробу и сказалъ: «отнимите камень», Марѳа отвѣчаетъ: «Господи, уже смердитъ, ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ».

Какъ же, Господи, любя такъ нѣжно Лазаря, Ты остаешься въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ты находился, цѣлыхъ два дня и не поспѣшаешь къ нему на помощь? Какъ, имѣя власть остановить смерть на порогѣ жилища друга Твоего, Ты не исцѣляешь его при самомъ началѣ болѣзни? Почему не избавляешь его отъ предсмертныхъ утрашеній? Для чего, наконецъ, любя Марѳу и Марію, медлишь четыре дня, чтобы возвратить имъ возлюбленнаго брата?

Таинственна Твоя медлительность, но одно слово отъ устъ Твоихъ объясняетъ ее! «Болѣзнь эта не къ смерти», говоришь Ты, «но къ славѣ Божіей, дабы прославился Сынъ Божій».

Итакъ, если мы воззримъ на Твою славу, на величіе Лазаря, друга Твоего, на живое участіе іудейской толпы и всѣхъ грядущихъ поколѣній человѣчества въ судьбѣ его, на счастье и радость двухъ сестеръ, которыхъ Ты также любишь, то мы убѣдимся, что каждое изъ замедленій Твоихъ было внушено мудростью и любовью.

Ибо Лазарь, исцѣленный при началѣ болѣзни, не содѣлался-бы чуднымъ и безсмертнымъ свидѣтелемъ божественности св. Евангелія, который въ теченіи столькихъ вѣковъ возстаетъ изъ гроба, чтобы поразить ухищренныя толкованія невѣрія.

Лазарь, заранѣе исцѣленный, не былъ-бы блаженнымъ свидѣтелемъ вѣрной любви Спасителя, Который плачетъ у гроба друга, и Іудеи не сказали бы намъ, видя слезы Господа надъ человѣкомъ: «Смотрите, какъ Онъ любилъ его».

Лазарь, вначалѣ исцѣленный, на себѣ самомъ не испыталъ бы, до какого предѣла простирается глубина любви Его божественнаго Друга, и не узналъ-бы, что она сильна, какъ смерть, и преодолагаетъ смерть.

Лазарь, будучи исцѣленъ вначалѣ болѣзни, не наполнилъ-бы виванское жилище такимъ блаженнѣйшимъ восхищеніемъ, какъ возвратившись изъ гробоваго мрака, уже зараженного тлѣніемъ, и прижимая къ сердцу Марѳу и Марію по пробужденіи отъ смерти.

О, таинственная медлительность, о, божественная косность! Несовершенная любовь людская сомнѣвается въ Тебѣ и обвиняетъ Тебя,—и я это понимаю, ибо людямъ предоставленъ только одинъ день для любви, Тебѣ же отданы вѣчныя вѣки на служеніе, Христе Боже! и Ты вла-

стенъ избирать день и часъ, когда Тебѣ благоугодно даровать обильныя утѣшенія и радованія тѣмъ, которые умѣли съ терпѣніемъ и вѣрою ожидать Твоихъ благодѣяній.

Христіанинъ! доселѣ омрачаемый и утомляемый своими страданіями, не приравнивай таинственныя медленія Промысла къ полному о Тебѣ забвенію. Хотя бы Ты, по наружному виду, уже какъ-бы находился, подобно Лазарю, въ гробовомъ мракѣ твоихъ смертельныхъ немощей; хотя-бы мудрецы вѣка сего рѣшили, что ты обреченъ на неминуемую смерть и уже заранѣе какъ-бы готовились привалить надгробный камень къ твоей могилѣ и хотя бы ты уже взывалъ вмѣстѣ съ Іовомъ: «Одѣто червями тѣло мое и кусками персти» (Іов. VII, 5.), но ты все еще прислушивайся: вотъ уже слышатся шаги Того, Который приходитъ въ неожиданный часъ, и когда раздастся голосъ Его, подающій жизнь, сердце и плоть твои встрепенутся, ибо «сердце и тѣло мое рвутся къ Богу живому» (Пс. LXXXIII, 4), Ты сорвешь перевязи, освободишься отъ своего савана и, опираясь, какъ Лазарь на руку Господню, вступишь въ сообщество живыхъ; но вступишь въ него, какъ вступаютъ только прошедшіе чрезъ врата смерти, а тѣ, кои будутъ свидѣтелями этого, воздадутъ хвалу Господу и Славѣ Его.

V.

Евангельскія молитвы.

Братъ мой, не скорби чрезмѣрно о слабости твоей предъ Господомъ и смирись взирая на свое безсиліе, не позволяющее тебѣ молиться, какъ бы ты желалъ; ибо Господь Спаситель челоуѣчества знаетъ твое немощество-

ваніе и цѣнить малѣйшее усиліе твоего благорасположенія.

Вникалъ ли ты въ тѣ молитвы, которымъ Господу благоугодно было внять, по Евангелію? Онѣ отличаются такою простотою, что никакіе недуги не помѣшаютъ тебѣ произносить ихъ. Слушай, братъ мой, и убѣдись.

Прокаженный приближается къ Іисусу и говоритъ только такія слова: «Господи, если захочешь, можешь меня очистить». Іисусъ, простря руку, прикоснулся къ нему: «хочу, очистись!» и онъ тотчасъ-же очистился отъ проказы.

Подошелъ къ Нему сотникъ и просилъ Его, говоря: «Господи: слуга у меня лежитъ дома разслабленъ и жестоко страдаетъ». Іисусъ говоритъ ему: «Я приду, исцѣлю его». Сотникъ къ этому, правда, прибавляетъ слова, сдѣлавшіяся обычнымъ выраженіемъ смиренія предъ Богомъ: «Господи, я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой, а только скажи слово, и выздоровѣетъ слуга мой».

Ученики на кораблѣ съ Іисусомъ на Геннисаретскомъ озерѣ. «Вдругъ на морѣ сдѣлалась великая буря, такъ что лодка заливалась волнами. Ученики Его, подошедши къ Нему, стали будить Его, говоря: «Господи! спаси насъ, погибаетъ». Тогда, вставъ, Онъ запретилъ вѣтру и морю, и настала великая тишина. (Матѣ. VІІІ, 2. 6. 25. 26.).

Женщина, страдавшая кровотеченіемъ двѣнадцать лѣтъ, подошедши сзади, прикоснулась къ краю одежды Его, ибо говорила она сама въ себѣ: «Если только прикоснусь къ одеждѣ Его, выздоровѣю». Іисусъ же обратился и увидя ее, сказалъ: «Дерзай, дочь, вѣра твоя спасла тебя». И женщина исцѣлилась въ тотъ же часъ (Матѣ. ІХ, 20).

Двое слѣпыхъ, идучи за Нимъ, кричали и говорили:

«Умилосердись надъ нами, Иисусъ, сынъ Давидовъ!» — и говорить имъ Иисусъ: «вѣрите ли, что Я могу это здѣлать»? Они говорятъ Ему: «вѣримъ Господи!» И отвѣрались глаза ихъ (Мате. IX, 23—27).

Женщина Хананейская кричала Ему: «помилуй меня, Господи, Сынъ Давидовъ! дочь моя жестоко бѣснуется». Но Онъ не отвѣчалъ ей ни слова. Она же, подошедши, кланялась Ему, говоря: «Господи! помоги мнѣ!» Но Онъ (испытывая ея вѣру) сказалъ въ отвѣтъ: «Несправедливо отнять хлѣбъ у дѣтей и бросить псамъ»; Она же сказала: «Такъ Господи! но и псы ѣдятъ крошки, падающія со стола господъ своихъ». Тогда Иисусъ сказалъ ей въ отвѣтъ: «О, женщина! велика вѣра твоя, да будетъ тебѣ по желанію твоему». И исцѣлилась дочь ея въ тотъ самый часъ (Мате. XV, 22—29).

Приходитъ одинъ изъ начальниковъ синагоги, именемъ Іаиръ, и увидѣвъ Его, падаетъ къ ногамъ Его и слезно молить Его, говоря: «дочь моя при смерти, приди и возложи на нее руки, и она исцѣлится и будетъ жива». Иисусъ пошелъ съ нимъ. Приходятъ изъ дому начальника синагоги и говорятъ: «дочь твоя умерла; что еще трудишь Учителя»? Но Иисусъ, услыша сказанное, тотчасъ говорить начальнику синагоги: «не бойся, только вѣруй». — И взявъ дѣвицу за руку, говорить ей: «дѣвица, тебѣ говорю, встань!» Тотчасъ дѣвица встала и пошла (Марк. V, 22—42).

Принесли нѣкоторые на одрѣ чловѣка, бывшаго въ разслабленіи и искали средства внести его въ домъ и положить предъ Иисусомъ; и не нашедши, гдѣ пронести его за многолюдствомъ, влѣзли на верхъ дома и сквозь кровлю спустили его съ одромъ на средину предъ Іисуса. Такое великое свидѣтельство вѣры и упованія замѣняетъ молитву, и когда разслабленный не произнесъ ни слова, Иисусъ сказалъ ему: «Встань, возьми постель

твою и поди въ домъ твой». И онъ пошелъ въ домъ свой, славя Бога (Лук. V, 18. 19).

Въ другой разъ нѣмыя слезы матери получаютъ желаемое. Иисусъ входилъ въ городъ, называемый Наинъ. Тутъ выносили умершаго, который былъ единственнымъ сыномъ у матери. Увидѣвъ ее, Господь сжалился надъ нею и сказалъ: «не плачь». И пойдя, прикоснулся къ одру и сказалъ: «юноша, тебѣ говорю: встань!» Мертвый, поднявшись, сѣлъ и сталъ говорить. И отдалъ его Иисусъ матери его (Лук. VII, 12—14).

Грѣшница также выражаетъ просьбу свою слезами. Узнавши, что Онъ обѣдаетъ въ домѣ фарисея, она принесла алавастровый сосудъ съ мѣромъ и, обливая ноги Его слезами и отирая ихъ волосами головы своей, лобызала ноги Его и мазала мѣромъ. Видя то, фарисей, пригласившій Его, сказалъ самъ въ себѣ: если бы Онъ былъ Пророкъ, то узналъ бы кто и какая женщина прикасается къ Нему, — ибо она грѣшница. Но слезы Магдалины краснорѣчивы, Иисусъ защищаетъ ее, какъ избранную овцу Своего стада, и говоритъ Симону: «прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много». Ей же сказалъ: «прощаются тебѣ грѣхи. вѣра твоя спасла тебя. иди съ миромъ» (Лук. VII, 37—50).

Закхей также ничего не говоритъ. и только сердечное рвеніе его привлекаетъ ему благословеніе Спасителя: со смоковницы, на которую онъ влѣзъ, чтобы видѣть проходящаго Иисуса, слышитъ онъ слова Его вѣчнаго милосердія: «Закхей, сойди скорѣе, сегодня надобно Мнѣ быть у тебя въ домѣ». (Лук. XIX, 2—6).

Послушай, какъ Мать Господа обращается къ Нему въ Канѣ: «Вина нѣтъ у нихъ», говоритъ Она. О, всемогущая сила простой сердечной молитвы! Она вызываетъ первое чудо Христа (Іоан. II, 3).

Самарянка также произноситъ немногія слова Послѣ

того, какъ Господь открылъ ей о существованіи источниковъ вѣчной Благости и Правды, она восклицаетъ: «Господинъ, дай мнѣ этой воды!» Въ этихъ словахъ спасеніе ея, и этотъ голосъ сердца услышанъ. (Іоан. IV, 15).

Разслабленный въ Визездѣ произноситъ только такіа полныя скорби и смиренія слова: «Господи! человѣка не имѣю, который бы опустилъ меня въ купальню, когда возмутится вода». Сердце Спасителя отозвалось на эти слова, и Онъ, превосходя надежды бѣднаго больного, произнесъ: «возьми постель твою и ходи!» (Іоан. V, 12).

Въ молчаніи услышана грѣшница. Ее осыпають обвиненіями, вполнѣ доказанными, а она молчитъ передъ Іисусомъ. Она какъ-будто не смѣетъ оскорбить ухо Господне нечистою рѣчью и лежитъ у ногъ Его, уничтоженная и едва живая. Эта безмолвная молитва трогаетъ сердце Христа, и Онъ, обращаясь къ обвинителямъ, говорить: «Кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень». Обличаемые совѣстью, всѣ обвинители одинъ за другимъ удалились. И остался одинъ Іисусъ съ нею и сказалъ ей: «женщина! гдѣ твои обвинители, никто не осудилъ тебя»? «Никто, Господи!» вотъ единственное сказанное ею слово. «И Я тебя не осуждаю. Поди и впредь не грѣши». (Іоан. VIII, 3).

Что можетъ быть проще и короче просьбы учениковъ изъ Еммауса? Іисусъ хотѣлъ оставить ихъ. Они удерживали Его, говоря: «Останься съ нами, потому что уже поздно»; и, войдя, Господь остался съ ними и возлежалъ съ ними за столомъ и, взявъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и подалъ имъ. (Лук. VIII, 29. 30).

А обращалъ ли ты вниманіе на моленіе Святыхъ женъ, друзей Іисуса, въ величественномъ Евангельскомъ повѣствованіи о Лазарѣ? Опять какая простота и какая искренность! Тутъ каждое слово вырывалось изъ глубины

души и глубоко проникало въ любящее сердце Божественнаго Друга.

Сначала сестры посылають Ему сказать: «Господи, тотъ, кого Ты любишь, боленъ». И Господь рѣшается возвратиться, хотя ученики удерживаютъ Его, указывая на то, что тамъ грозятъ побить Его камнями. Но что нужды! Тотъ, кого любить Иисусъ, боленъ, и Онъ идетъ къ нему.

Марѳа узнавъ, что идетъ Господь, спѣшить къ Нему на встрѣчу и говорить: «Господи! еслибы Ты былъ здѣсь, братъ нашъ Лазарь не умеръ-бы». Нѣсколько минутъ спустя, Марія также прибѣгаетъ и, падая къ ногамъ Иисуса, повторяетъ тѣ-же простыя и сердечныя слова: «Господи, если-бы Ты былъ здѣсь, братъ нашъ Лазарь не умеръ-бы». Сынъ Божій внимаетъ этой чистосердечной мольбѣ; видя слезы Маріи, плачетъ съ нею, смущается и только обращается съ вопросомъ: «гдѣ положили вы его?» И когда отвѣчаютъ Ему: «Приди Господи и виждь», прослезился Спаситель. О, слезы Исккупителя, какъ я люблю ихъ, какъ исполненъ къ нимъ благодарности! Я собираю и храню ихъ. Эти божественныя слезы сливаются съ моими слезами, когда я плачу о любимомъ существѣ, и болѣе всего свидѣтельствуютъ о любви Спасителя къ человѣкамъ, о доступности Его къ намъ въ горестныя минуты нашей жизни.

Послѣднее моленіе обращено къ Спасителю передъ самою кончиною. Несчастный разбойникъ, распятый возлѣ Иисуса, посреди крестныхъ мученій, находитъ довольно силъ, чтобы обратиться къ Нему и воззвать: «Господи, помяни мя, егда приидеши во царствіи Твоемъ», и до его слуха дошло божественное обѣтованіе. «Нынѣ же будешь со Мною въ раю».

Таковы слова, по волѣ Господа, сохраненныя намъ въ Евангеліи.

Послѣ всѣхъ этихъ высоко назидательныхъ примѣровъ, будемъ-ли мы, во время страданій нашихъ, измышлять соотвѣтственные обстоятельствамъ или изысканныя рѣчи? О сердце человѣческое, созданное Господомъ и извѣстное Ему со всѣми его достоинствами и слабостями! Когда скорбишь ты, просто повѣдай твою скорбь Вѣчному Другу, Который любитъ и всегда пойметъ тебя. Отбрось, какъ безумную и гордую, мысль объ украшеніи молитвы твоей, когда довольно твоихъ слезъ, чтобы Господь услышалъ тебя и пришелъ къ тебѣ на помощь. Не сѣтуй о томъ, что ничего не можешь выразить, кромѣ признанія твоей слабости, и довольствуйся лепетомъ ребенка, лежащаго на колѣняхъ матери. Господь, какъ истинный Отецъ нашъ, болѣе всего любитъ чистосердечность молитвы, выражающей только вѣру и упованіе на Него. О, Иисусе Христе! Ты съ любовію внимающій простосердечнымъ мольбамъ вѣрующихъ въ Тебя и въ Евангеліи Твоемъ показывающій намъ, какъ Ты ихъ тогда же исполняешь, прими и нашу молитву, когда мы падаемъ къ стопамъ Твоимъ, подаждь намъ любовь и забвеніе о самихъ себѣ и дай намъ видѣть Твое милосердіе и слезы Твоего состраданія, проливаемые на скорби человѣческія.

VI.

Чудеса.

Братъ мой, не будь изъ числа тѣхъ іудеевъ и еллиновъ, о которыхъ Апостолъ Павелъ говоритъ: «Іудеи требуютъ чудесъ, а Еллины ищутъ мудрости».

Не будь изъ числа тѣхъ, которые, будучи ослѣплены гордостію разума, отказываются вѣрить, даже когда видятъ, и отрицаютъ чудеса Господа, ихъ окружающія.

Не будь также и въ числѣ тѣхъ, которые не хотятъ вѣрить, если собственными глазами не видятъ чудесъ, будучи слишкомъ безчувственны, чтобы довольствоваться зрѣлищемъ во всемъ проявляющагося благаго Промысла, и требуютъ необычайныхъ явленій, думая, что тогда только любить ихъ Господь, когда чудодѣйствуетъ для нихъ

Потому что первымъ сказано, что мудрованіе плоти противно Господу, что, познавъ Бога, они не прославили Его, какъ Бога, но заблудились въ собственныхъ разсужденіяхъ и съ помраченнымъ сердцемъ погрузились во мракъ безумія.

Вторымъ сказано: «Не видя чудесъ, не имѣете вы вѣры; сей родъ развращенный ищетъ только чудесъ».

Будь напротивъ въ числѣ тѣхъ простыхъ и разумныхъ душъ, которыя взирая на Господа, какъ на Отца вселюбшаго и всесильнаго, твердо вѣрятъ, что Онъ можетъ по Своему изволенію содѣлать для нихъ чудеса, но рѣдко прибѣгаютъ къ молебъ объ этомъ по своему смиренію и всегда прибавляютъ къ прошенію такое исполнѣ христіанское моленіе: «Господи! да будетъ воля Твоя!»

Таковые часто слышатъ благословенный отвѣтъ: «Иди, сынъ Мой, вѣра твоя спасла тебя!»

Болящій христіанинъ, которому не помогла наука челоувѣчества и который уже не довѣряетъ ей! Побуждаемый движеніемъ сердца къ испрошенію всемогущей помощи Господней, берегись внимать такъ называемой мудрости, которая будетъ употреблять усилія, чтобы отклонить тебя отъ упованія на помощь свыше. Это все тѣ же маловѣрныя, языческія мудрованія грековъ.

Вѣрь, что Господь силенъ произвести для тебя чудо. Вѣрь, что это упованіе внушено тебѣ здравымъ и возвышеннымъ разумомъ. «Духовный судить о всемъ», говоритъ Св. Павелъ (1 Кор. II, 15). И такъ разсудимъ объ этомъ.

Вѣруешь-ли ты въ личность Бога, или другими словами, вѣришь-ли, что Господь есть Существо личное, разумное, любящее, снисходящее къ тебѣ, знающее твои нужды, сострадающее скорбямъ твоимъ и всегда готовое съ любовью помочь тебѣ? Конечно, ибо если Господь не таковъ, то нѣтъ Господа. А Господь есть.

Вѣруешь-ли, что этотъ личный Богъ создалъ міръ и управляетъ имъ? Вѣруешь-ли, что все произошло изъ рукъ Его и что все Имъ держится и направляется по Его премудрымъ законамъ? Вѣруешь-ли, что Богъ Творецъ и Зиждитель вполнѣ свободенъ въ исполненіи предначертаній Своихъ?

Вѣруешь-ли, что Онъ можетъ допустить нарушенія Своихъ законовъ, не противорѣча присущей Ему премудрости, и непосредственно направлять волю Свою на управление вселенной въ Свое прославленіе?

Вѣруешь-ли, что эта полная и властная независимость принадлежитъ одному Богу Промыслителю, и что если для людей она немыслима, то для Бога составляетъ основаніе премудраго и непреложнаго всемогущества?

Да! ты долженъ всему этому вѣровать, ибо елибы было не такъ, то не было-бы Бога. А Богъ есть.

Достаточно такой вѣры, христіанинъ, и большаго отъ тебя не требуетъ здравый разумъ. Таковъ истинный Богъ, и Онъ, по воззрѣнію вѣры, какъ и по воззрѣнію философіи, можетъ производить чудеса, а если можетъ, то и совершаетъ ихъ, ибо нѣтъ у Бога бездѣйствующаго могущества.

Такъ говоритъ разумъ.—Затѣмъ раскройте Евангеліе. Въ немъ все указываетъ на этого Господа, низшедшаго въ образъ человѣческій на встрѣчу нашимъ скорбямъ, исцѣляющаго недуги наши, врачующаго наши раны, изгоняющаго изъ сердецъ нашихъ сомнѣнія, слабость, уныніе и даже начинающееся господство смерти. То, что

зрѣлъ Іерусалимъ очами своими, видѣла и ощущала вся земля. На всѣхъ извѣстныхъ берегахъ раздавались клики благоговѣнія и признательности вѣрующихъ, которыми въ продолженіи трехъ лѣтъ оглашалось побережье Геннисаретскаго озера. Всѣ страданія человѣческія, облегчаемыя благодатнымъ всемогуществомъ Божиимъ, обратили сердца людей къ Господу, Другу Лазаря, и вотъ уже почти двѣ тысячи лѣтъ всякій вѣрующій страдалецъ обращается къ Іисусу Христу. Послѣдуй, братъ мой, сему великому преданію, засвидѣтельствованному девятнадцатью вѣками и идущему отъ людей, которые, видя, что помощь ближнихъ оскудѣваетъ, обращаются сердцемъ къ Богу, и знай, что тѣмъ, на кого низшло милосердіе Господа, явенъ одинъ только Побѣдитель: Іисусъ, Сынъ Давидовъ и Сынъ Божій.

Если страданіе становится выше силъ твоихъ, припади вмѣстѣ съ прокаженнымъ, съ сотникомъ, съ іерихонскимъ слѣпцомъ, съ разслабленнымъ въ Вивездѣ, съ Мареою и Марією къ ногамъ Того, Кто не перестаетъ исцѣлять немощи человѣческія. Смирясь прежде всего предъ волею Господнею, испрашивай всего по сердцу; вѣрь всему, уповай на все, зная, что если глаза и руки тѣхъ людей видѣли и осязали Его чудотворенія, то и нашимъ чувствамъ они не чужды и эти чувства свидѣлствуютъ о всемогуществѣ Спасителя, преизобилующемъ въ прошедшемъ, настоящемъ, будущемъ и въ вѣчности.

VI.

Чудеса.

(Продолженіе).

Когда побуждаемый глубокою вѣрою и святымъ упованіемъ, ты испрашивашь, братъ мой, чуда отъ Господа всемогущаго, то прибѣгай къ этому съ смиренною покорностію, всегда повторяя, какъ заповѣдалъ намъ и какъ примѣромъ научилъ насъ Іисусъ: «Отче! да совершится воля Твоя! Отче! да будетъ не якоже Я хочу, но якоже Ты!»

Ибо высокоумное невѣріе еллиновъ того времени оскорбляетъ всемогущество Божіе, а самоувѣренное требованіе іудеевъ оскорбляетъ Божию премудрость.

Что сказать, братъ мой, о тѣхъ несмысленныхъ людяхъ, которые, требуя отъ Господа чудесъ, предлагаютъ вѣру свою, какъ возмездіе, за получаемое благодѣяніе, негодуютъ и соблазняются, если моленія ихъ не услышаны, и даже готовы предаться сомнѣнію и дерзкому ропоту?

Души слабыя, даже болѣе слабыя по разуму, чѣмъ по вѣрѣ, и недостойныя носить славное имя души христіанской!

Души невѣжественныя и гордыя, осмѣливающіяся судить дѣла Божіи!

Почему сомнѣваются онѣ въ божественномъ Промыслѣ? Потому, что Промыслъ Господа не разстроилъ по ихъ желанію порядокъ вселенной. О, высокоуміе!

Почему сомнѣваются онѣ въ любви Господа? Потому, что Господь не ниспосылаетъ имъ, по ихъ желанію, дара, который могъ бы повести ихъ къ неминуемой гибели. О, слѣпая неблагодарность!

Нѣтъ тебѣ извиненія, душа побѣжденная плотью, я

съ трепетомъ повторяю я предъ тобою слова Господа: «Родъ лукавый и прелюбодѣйный ищетъ знаменія, и знаменія не дастся ему» (Матѣ. XII, 39). Лукавый, ибо пренебрегаетъ славой Господней и домогается только собственной выгоды въ чудотвореніи; прелюбодѣйный, ибо уподобляется легкомысленной женѣ, при малѣйшемъ замедленіи супруга, готовый броситься въ объятія посторонняго человѣка.

Чтобы было, еслибы такъ унижалось поклоненіе Святому Провидѣнію, еслибы вѣра христіанъ омрачалась таковою тщеславною самоувѣренностью, еслибы она только по личному расчету испрашивала у Господа ниспроверженія чуднаго благоустройства мірозданія и приходила бы въ негодованіе и роптала, когда бы неразумныя требованія ея не исполнялись? Такой вѣрѣ можно было бы предпочесть мудрость стоиковъ. Маркъ Аврелій и Эпиктетъ, относившіеся почтительно къ тайнствамъ божественнаго управленія, были бы просвѣщеніе насъ.

Но кто же поддастся столь нечестивому невѣрію? Кто захочетъ приравнять святое упованіе вѣры и простоту смиренія христіанской молитвы съ дерзкою требовательностью и язвительнымъ негодованіемъ суевѣровъ?

Горе намъ, если злоупотребляя неисчерпаемымъ милосердіемъ Божиимъ, мы станемъ не въ мѣру требовательны, относясь къ сострадательному и величественному милосердію Божию, подобно тому, какъ заимодавецъ требуетъ уплаты отъ должника! Горе намъ, если ощущая постоянно близъ насъ благодать Господню, мы утратимъ къ ней должное почитаніе!

Братъ, возвратимся къ истинѣ. Высоко и неопровержимо вѣрованіе, что Богъ управляетъ вселенной при посредствѣ самыхъ несложныхъ и обыкновенныхъ законовъ.

Эта непреложность общихъ законовъ и составляетъ высшую славу Провидѣнія; безъ нея мы бы не познали

божественной премудрости, и самая крайняя осторожность и предусмотрительность между людьми оставались бы пустыми словами. Безъ нея вселенная была бы царствомъ случая.

Эта непреложность законовъ есть такое осязательное доказательство Премудрости Божіей, что блаженный Августинъ не колеблется сказать, что она для него составляетъ свидѣтельство, болѣе поразительное, нежели самыя чудеса, и что чудеса даруются человѣку единственно для того, чтобы возбуждать его вниманіе, какъ бы дремлющее и утомленное непрерывнымъ созерцаніемъ міроваго благоустройства.

Итакъ надобно чтить постоянное благоустройство вселенной и поклоняться дѣйствительно присутствующей въ ней божественной мудрости. Даже, еслибы эта стройность не согласовалась съ нашими видами, а неизмѣнность законовъ требовала отъ насъ временныхъ жертвъ, то и тогда надо любить ихъ, такъ какъ чрезъ нихъ прославляется Богъ.

Немудрено относиться почитительно къ стройному порядку, установленному Провидѣніемъ, когда все въ немъ удовлетворяетъ нашимъ вождѣніямъ. Для большей части людей изъ всѣхъ міровъ предпочтительнѣе тотъ, въ которомъ они наслаждаются счастьемъ, гдѣ удовлетворены ихъ страсти и дана пища ихъ честолюбію, гдѣ они могутъ пресытиться удовольствіями и почестями. Но воздаяніе благодарности отъ такихъ людей, какъ себя только любящихъ, непріятно Господу.

Праведникъ, испытываемый многими скорбями, не престаётъ преклоняться предъ мудростію Промысла Божія въ управленіи міромъ и не проситъ чудесъ, которыхъ считаетъ себя недостойнымъ, не ропщетъ, если ожидаемое чудо не совершилось; его хвала Господу исходитъ изъ чистаго сердца, и прославленіе Божіе, исходящее изъ устъ его, есть святая молитва.

Такой христіанинъ, твердый въ упованіи-и преисполненный смиреніемъ, не раздѣляетъ легкомысленныхъ восторговъ оптимистовъ, которые находятъ, что нѣтъ ничего лучше земнаго шара. Онъ знаетъ, что міръ послѣ грѣхопаденія уже не тотъ, который былъ при его созданіи; но ему извѣстно также, что со времени пришествія Иисуса Христа міръ пересталъ быть и такимъ, какимъ онъ былъ, когда грѣхъ привелъ его въ разстройство. Онъ знаетъ: «что любящимъ Бога, призваннымъ по Его изволенію, все содѣйствуетъ ко благу» (Римл. VIII, 23) и что если нельзя совершенно примириться съ испытаніями и страданіями, то можно принять и даже возлюбить ихъ, видя въ нихъ волю Божію, которая ихъ допустила и не забывая любовь Божію, которая освящаетъ испытанія и вознаграждаетъ за нихъ. Братъ мой, желаю тебѣ быть такимъ христіаниномъ.

Если побуждаемый упованіемъ, ты просилъ у Господа чрезвычайной помощи, то получивъ ее, принеси Ему благодареніе, и не присвоивая себѣ даже малѣйшей части принадлежащей Господу славы, иди и провозглашай Его славу. Если же молитва твоя какъ будто не услышана, то немедленно оденись въ броню терпѣнія, преисполнись твердой и смиренной любви и преклонись въ тишинѣ и безмолвіи предъ мудростію Творца. Отецъ твой лучше тебя знаетъ, что тебѣ нужно.

Вѣрь непоколебимо, что Господь можетъ во всякое время совершить величайшія чудеса, но не испытывай легкомысленно Его всемогущество; вѣрь и люби одинаково, какъ въ продолженіе испытанія, такъ и въ то время, когда благодѣяніе тебѣ оказано. Будь читателемъ Господа въ духѣ и истинѣ, чтобы, когда настанетъ обѣтованный день, ты удостоился лицезрѣть во славѣ Того, Кого ты ожидать, не ослабѣвая въ терпѣніи и не усиливаясь про-

никнуть въ тайны Господни. «Блаженни не видѣвшіе и увѣровавшіе». (Іоан. XX, 29).

VIII.

Молитва при выздоровленіи.

Вотъ славословіе Езекии, царя Іудейскаго, когда онъ боленъ былъ и выздоровѣлъ отъ болѣзни:

Я подумалъ, что въ половинѣ дней моихъ я сойду во врата ада, я долженъ лишиться остальныхъ своихъ лѣтъ.

Я думалъ, что не увижу Господа, Господа на землѣ живыхъ; не увижу больше человѣка между жителями гробовъ.

Что мое жилище снимается съ мѣста и уносится отъ меня, какъ шалашъ пастуха; что я ткалъ свою жизнь какъ ткачъ, и Онъ отрѣжетъ меня отъ основы; и днемъ, и ночью я ждалъ, что Ты пошлешь мнѣ кончину.

Я ждалъ до утра, что Онъ, какъ левъ, сокрушитъ всѣ мои кости; днемъ и ночью ждалъ, что Ты пошлешь мнѣ кончину.

Я кричалъ, какъ журавль, какъ ласточка, стоналъ какъ голубь. Глаза мои были подняты къ небу. Мнѣ страшно, Господи, спаси меня!

Что скажу я? Онъ общалъ мнѣ, Онъ и сдѣлалъ; теперь я буду проводить всѣ мои годы, помня горестъ души моей.

Господи, этимъ продолжатся мои годы, и во всемъ этомъ жизнь моего духа. Ты исцѣлилъ меня и оживилъ меня.

Вотъ тяжкое горе постигло меня для моего блага, и Ты съ любовью избавилъ душу мою отъ погибели; ибо Ты удалилъ отъ Себя всѣ грѣхи мои.

Потому что адъ не исповѣдуетъ Тебя, смерть не бу-

детъ хвалить Тебя; нисходящіе въ могилу, не могутъ возвѣщать Твою истину.

Живой, только живой будетъ исповѣдовать Тебя, какъ я нынѣ; отецъ возвѣститъ дѣтямъ своимъ Твою истину.

Господь мнѣ въ помощь, а мы будемъ воспѣвать мои пѣсни во всѣ дни наши въ домѣ Господнемъ. (Исаи XXXVIII, 9—26).

Псал. LXXVI.

Гласъ мой ко Господу, и Онъ услышитъ меня.

Въ день скорби моей взыскалъ я Господа; ночью рука моя простерта, и не опускается; душа моя отрывается отъ утѣшенія.

Вспоминаю о Богѣ и стенаю; помышляю и нощь духъ мой.

На стражѣ Ты держишь очи мои; я пораженъ и не могу говорить.

Пересчитываю дни древніе и лѣта вѣковъ. Вспоминаю пѣсни мои въ ночи; бесѣдую съ сердцемъ моимъ, и испытываю духъ мой.

Ужели вѣчно будетъ гнѣваться на насъ Господь и не будетъ болѣе любить?

Ужели навсегда престала милость Его, и пресѣклось слово Его въ родъ и родъ?

Ужели забылъ Богъ миловать и во гнѣвѣ затворилъ Свое милосердіе?

И сказалъ я: прискорбно для меня сіе измѣненіе десницы Всевышняго!

Помню я дѣла Господа; помню древнее чудо Твое.

Вникалъ я во всё дѣла Твои, размышлялъ о великихъ Твоихъ дѣяніяхъ.

Боже, путь Твой святъ; какой Богъ такъ великъ, какъ Богъ нашъ; Ты еси Богъ, творяй чудеса!

Являлъ могущество Твое среди народовъ; мышцею защищалъ Ты народъ Твой, сыновъ Іакова и Іосифа.

Псал. СХІV.

Радъ я, что услышалъ Господь молитвенный гласъ мой, что преклонилъ ко мнѣ ухо Свое.

И потому я во всё дни буду призывать Его; окружили меня болѣзни смерти, и бѣды адскія постигли меня; сретилъ я скорбь и муку.

Но призвавъ имя Господне, Господь избавилъ душу мою. Господь благъ и праведенъ, и Богъ нашъ милосердъ. Хранить простодушныхъ Господь. Я бѣдствовалъ, и Онъ спасъ меня.

Возвратись, душа моя, въ покой твой, ибо Господь благоворить тебѣ!

Ты избавилъ душу мою отъ смерти, око мое отъ слезъ, ногу мою отъ преткновенія.

Буду ходить предъ лицемъ Господнимъ на землѣ живыхъ.

Господи! Ты явилъ волю Свою, я возвращаюсь къ жизни.

Я чувствую, какъ обновляются мои силы; я ощущаю глубокое наслажденіе жизнью, которая восторжествовала.

Даже слабость, оставшаяся во мнѣ вслѣдствіе продолжительности страданій, для меня усладительна. Мнѣ представляется, что я вновь родился на свѣтъ; все мнѣ какъ будто незнакомо, ново, свѣжо, молодо! Тѣло, духъ, сердце,

все возбуждено къ крайней чувствительности. Я, къ моему собственному удивленію, радуюсь только потому, что живу.

Господи! Ты не воспрещаешь мнѣ эти ощущенія, какъ потребность природы моей, какъ выраженіе благодарности за ея возрожденіе и, однакоже, я вижу въ этомъ опасность и страшусь ея.

Я провелъ нѣсколько времени подъ гнетомъ страданія и тревоги; смерть приближалась ко мнѣ, я слышалъ ея голосъ.

Я слышалъ ея внушительныя предостереженія; при озареніи, которымъ она освѣтила мой умъ, я перебралъ въ памяти весь рядъ прожитыхъ дней; я осуждалъ допущенную мною въ минувшей жизни моей утрату дней, которые оказались' безплодными для Твоей Славы и для ближнихъ моихъ; я горько укорялъ себя за мелкое тщеславіе, вялость, сокрытыя въ глубинѣ природы моей слабости и можетъ быть даже безстыдство, за ту уступчивость, которую я позволилъ себѣ предъ врагомъ чelовѣчества; тогда я обратился къ Тебѣ и молилъ Тебя о дарованіи мнѣ жизни, присовокупляя къ этому чистосердечныя и торжественныя обѣты.

Но печальный опытъ убѣдилъ меня, до какой крайней степени простираются во мнѣ непостоянство и слабость; я извѣдалъ, какъ далеки отъ исполненія тѣ обѣщанія, которыя даны мною во время угрожавшаго мнѣ бѣдствія, и знаю, что между покаяннымъ смиреніемъ въ минуты страха и воспоминаніемъ о немъ при наступившемъ душевномъ мирѣ лежитъ цѣлая пропасть, ископанная только что удалившеюся смертію и чelовѣческимъ непостоянствомъ.

Вижу, Господи, мою несостоятельность, и тягостно для меня это зрѣлище. Вижу этотъ ненавистный призракъ неблагодарности. Нѣтъ, нѣтъ, Господи! я не буду изъ тѣхъ

измѣнниковъ и предателей, которые, приблизившись къ Тебѣ во время угрожавшей опасности, вооружаются противъ Тебя, когда опасность миновала, и которые служатъ Тебѣ съ низкимъ подобострастіемъ раба, а не съ великодушною свободою сыновъ Господнихъ.

Итакъ прими, Господи, отъ умиренной нынѣ души подтвержденіе всѣхъ обѣтовъ, изреченныхъ передъ Тобою во время безпокойствъ и близкой гибели. Прими также и правду души моей при мысли, какъ бы не впасть мнѣ въ непостоянство и предательски не употребить во зло Твоихъ благодѣяній.

Нынѣ, возвратившись въ среду людей и снова вовлеченный въ водоворотъ земныхъ заботъ и дѣлъ, причемъ такъ трудно душѣ избѣгнуть шума и тревоженій и найти нѣсколько мгновеній для мира душевнаго и размышленія, молю Тебя, Господи, укрѣпи во мнѣ памятованіе о только что истекшихъ дняхъ.

Это памятованіе не опечалить меня, ибо оно преисполнено Твоего милосердія; оно не устрашитъ меня, потому что принесетъ съ собою благословенное упованіе; оно, посреди мірской толпы, одоляемой суетностью и легкомысліемъ, будетъ слѣдовать за мною, какъ вѣрный другъ. Оно будетъ мнѣ напоминать о слабости моихъ силъ, близости смерти и тѣхъ великихъ истинахъ, которыя она открываетъ: что время быстро уходитъ, что вѣчность близка и что безумно предаваться усиліямъ пріобрѣсти міръ, когда тѣмъ утрачиваемъ Господа.

Сему великому Господу, Спасителю, Утѣшителю скорбящихъ, укрѣпляющему немощныхъ, общающему воскресеніе умершихъ и награду безсмертную тѣмъ, кто уповаетъ на милость Его, Сему Господу силъ слава, честь, любовь и благословеніе, во вѣки вѣковъ. Аминь!

IX.

Возвращеніе къ жизни.

Сынъ Мой, не для тебя даровано тебѣ обновленіе жизни.

Помни, что послѣ угрожавшей тебѣ смертной опасности, если ты вновь обрѣлъ великое сокровище, то вмѣстѣ съ тѣмъ возложилъ на себя и долгъ.

Жизнь эту, тебѣ вновь дарованную, ты обязанъ посвятить ближнимъ, Мнѣ во славу.

Если, благоговѣя предъ величіемъ этихъ словъ, ты пожелаешь точнѣе уразумѣть ихъ значеніе и спросишь Меня, какимъ именно ближнимъ ты обязанъ посвятить жизнь, то Я отвѣчу тебѣ: «всѣмъ людямъ».

Усердіе твое нешироко, если ты рѣшилъ потрудиться только въ пользу нѣсколькихъ ближнихъ, окружающихъ тебя. Христіанинъ принадлежитъ вселенной; ему не должно быть чуждо ничто, касающееся Моей славы.

Христіанинъ—это человѣкъ, который въ продолженіи всей своей жизни долженъ произносить слова молитвы Господней: «Отче нашъ! да будетъ Царствіе Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли». Это значить, что христіанинъ непрестанно долженъ памятовать обо всѣхъ живущихъ на землѣ и молиться за нихъ.

Апостолъ такъ поучалъ современныхъ ему христіанъ: «Итакъ, прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ» (Тим. II, 1—2) и почерпая въ сердце своемъ, способномъ объять весь міръ, безграничную любовь къ человѣчеству, утверждалъ: «Кто немощенъ, съ которымъ бы я не чувствовалъ немощи? Кто соблазняется, за кого-бы я не воспламенялся?» (2 Кор. XI, 29), воспламенялся же онъ попеченіемъ «о всѣхъ церквахъ», т. е. о всѣхъ душахъ человѣческихъ на землѣ.

Св. Іоаннъ Златоустъ, проникнутый такимъ-же чувствомъ, не усумнился сказать о священникѣ, что онъ «стоитъ на стражѣ всего міра» и вѣдаетъ дѣла всѣхъ людей, не только живыхъ, но и умершихъ. «Міръ отданъ на его попеченіе, и онъ обнимаетъ его, съ отеческою заботливостью. Онъ молится о прекращеніи войнъ, объ усмиреніи мятежей, о мирѣ и благосостояніи всѣхъ странъ, о благоденствіи всѣхъ людей, о прекращеніи болѣзней частныхъ и всенародныхъ. Какое сердце надо ему имѣть для такихъ моленій? Конечно, едва для сего достанетъ сердца Моисея или Іліи». (Іоан. Злат. О священствѣ).

А это, другъ мой, относится ко всякому христіанину, только обязанности эти распредѣляются соотвѣтственно положенію cadaго; сердце его должно быть преисполнено тѣми же великими стремленіями, какія наполняли сердца Апостоловъ, и неутомимо пещись о спасеніи міра.

Смерть, которая такъ близко была къ тебѣ, служить для Меня средствомъ вразумленія чадъ Моихъ относительно того, какъ велико ихъ призваніе.

Смерть, даже только предчувствуемая, разрываетъ связи, которыя удерживаютъ душу въ предѣлахъ частныхъ привязанностей и земныхъ попеченій. Она сближаетъ времена, уничтожаетъ разстоянія, сокращаетъ земное и возстановляетъ истинныя отношенія между людьми. Внезапно освѣщаетъ она живымъ лучемъ крайнюю простоту вещей; подробности исчезаютъ, все, что должно умереть, блѣднѣетъ, и на виду у души остается только спасеніе міра Божія.

Таково, сынъ Мой, святое назиданіе, преподаваемое смертію. Блаженны души, воспринявшія его при возвращеніи къ жизни и сохраняющія памятованіе о немъ.

Это чувство всеобъемлющей попечительности о благахъ и бѣдствіяхъ человѣческихъ къ славѣ Моей отнюдь не отвлечетъ тебя отъ исполненія частныхъ твоихъ обяза-

ностей и не внушить душъ твоей отвращенія отъ узкой дѣятельности ежедневной. Ты не содѣлаешься однимъ изъ тѣхъ мечтателей, которые, трудясь всю жизнь надъ теоріею спасенія всего человѣчества, не оказали ни малѣйшей услуги самому меньшему брату. Тебя не постигнетъ такое постыдное бѣдствіе, и ты поймешь, что если подвиги во славу Мою не имѣютъ границъ, то твои особенныя, частныя обязанности заключены въ болѣе узкія рамки, и всетаки исполненіе ихъ содѣйствуетъ преуспѣванію всеобъемлющей дѣятельности.

Ахъ! еслибы ты когда нибудь могъ сдѣлаться столь мудрымъ и твердымъ, сдержаннымъ и предприимчивымъ, осторожнымъ и непобѣдимымъ, точнымъ исполнителемъ самыхъ малыхъ обязанностей и преисполненнымъ великими стремленіями, то вѣрь Мнѣ, сынъ Мой, гдѣ-бы ты ни былъ, какъ-бы ни было скромно между людьми твое положеніе, ты будешь однимъ изъ главнѣйшихъ Моихъ слугъ, участникомъ Моимъ въ спасеніи міра.

Начни, прежде всего, сынъ Мой, страдать, ибо это путь къ спасенію человѣка. Изъ всѣхъ сокрытыхъ силъ, спасительныхъ для міра, страданіе, соединенное съ крестомъ Моимъ, есть самая мощная Сила.

Нужны ли тебѣ доказательства того, что душа, проникнутая и возвышенная истинною любовью къ Богу и къ ближнимъ, должна испытать страданія? Возри на исторію временъ. взгляни на міръ земной въ настоящее время.

Какое мятежное состояніе между людьми! Какое помраченіе! Какое смѣшеніе того, чему подобаешь жить, съ тѣмъ, что должно погибнуть! Какое глумленіе надо всѣмъ священнымъ, какіе примѣры слабости у праведныхъ и разнаго рода посягательствъ у злыхъ!

Какія плачевныя недоразумѣнія, которыя въ послѣдующія времена можетъ быть придется искупать потоками крови!

Взираи на все это и страдай, страдай и молись, молись и ожидай, но не оставляй борьбы.

Не довольствуйся сладкимъ спокойствіемъ себялюбиваго умиротворенія и, стоя на вершинѣ горы, не услаждайся зрѣлищемъ бушующихъ внизу грозъ и урагановъ. Раскрывай сердце твое, внимай праведнымъ слезамъ, прислушивайся къ голосу твоей совѣсти и сооружая великое зданіе, принеси свою долю страданій мужества и надеждъ.

Наконецъ, сынъ Мой, пойми, что ты только что испыталъ страхъ смерти, и что этотъ великій урокъ не долженъ пройти даромъ для твоей души: «Ибо никто изъ насъ не живетъ для себя, и никто не умираетъ для себя; а живемъ ли, живемъ для Господа, умираемъ ли, для Господа умираемъ, и потому живемъ ли мы, или умираемъ, всегда Господни». (Римл. XIV, 8.)

Х.

Обѣщаніе вѣчныхъ блаженствъ.

Слова Господа.

Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою васъ. (Матѣ. XI.)

Блаженны нищіе духомъ; ибо ихъ есть Царство небесное.

Блаженны плачущіе нынѣ; ибо они утѣшатся.

Блаженны кроткіе; ибо они наслѣдуютъ землю.

Блаженны алчущіе и жаждущіе правды; ибо они насытятся.

Блаженны милостивые; ибо они помилованы будутъ.

Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ.

Блаженны миротворцы; ибо они будутъ наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду; ибо ихъ есть царство небесное.

Блаженны вы, когда будутъ поносить васъ и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

Радуйтесь и веселитесь; ибо велика ваша награда на небесахъ. (Мат. V, 2—12.)

Не бойся, малое стадо, ибо Отецъ вашъ благоволилъ дать вамъ Царство.

Гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше.

Да будутъ чресла ваши препоясаны, и свѣтильники горящи.

И вы будете подобны людямъ, ожидающимъ возвращенія Господина своего съ брака, дабы какъ придетъ и постучится, тотчасъ отворить Ему.

Блаженны рабы тѣ, коихъ Господинъ найдетъ бдящими; истинно говорю вамъ, онъ препояшется и посадить ихъ и, подходя, станетъ служить имъ.

И если придетъ во вторую стражу и въ третью стражу придетъ и найдетъ ихъ таковыми же, блаженны рабы тѣ. (Лук. XII. 32. 34—39.)

Добрый и вѣрный рабъ! въ маломъ ты былъ вѣренъ; надъ многимъ тебя поставлю; войди въ радость Господина твоего. (Матѣ. XXV, 21.)

Когда же придетъ Сынъ Человѣческій во Славѣ Своей и всѣ святые Ангелы съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ Славы Своея; и соберутся предъ Нимъ всѣ народы;

И отдѣлитъ ихъ, другъ отъ друга такъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ.

И поставитъ овецъ по правую Свою руку, а козловъ по лѣвую.

Тогда скажетъ Царь, стоящимъ по правую руку Его:

Придите благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вамъ отъ созданія міра.

Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ и вы приняли Меня; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; боленъ былъ, и вы посѣтили Меня; въ темницѣ былъ, и вы пришли ко Мнѣ.

Тогда праведники, отвѣтствуя Ему, скажутъ:

Господи! когда мы видѣли Тебя алчущимъ, и накормили? или жаждущимъ, и напоили? Когда также мы видѣли Тебя странникомъ, и приняли? или нагимъ, и одѣли? Когда также мы видѣли Тебя больнымъ, или въ темницѣ, и посѣтили Тебя?

Царь скажетъ имъ въ отвѣтъ: Истинно говорю вамъ, поелику вы сдѣлали сіе одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ.

Тогда скажетъ и стоящимъ по лѣвую руку: подите отъ Меня проклятые въ огонь вѣчный, уготованный дьяволу и ангеламъ его:

Ибо алкалъ Я, и вы не дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы не напоили Меня; былъ странникомъ, и не приняли Меня; былъ нагъ, и не одѣли Меня; боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня.

Тогда и они скажутъ Ему въ отвѣтъ: Господи! когда Мы видѣли Тебя алчущимъ, или жаждущимъ, или странникомъ, и не приняли Тебя; былъ нагъ и не одѣли Тебя, боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Тебя.

Тогда скажетъ Онъ имъ въ отвѣтъ: Истинно говорю вамъ: поелику вы не сдѣлали сего одному изъ сихъ меньшихъ, то не сдѣлали Мнѣ.

И пойдутъ сіи въ муку вѣчную, а праведники въ жизнь вѣчную. (Матѣ. XXV, 31—46.)

Просите, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите и отворятъ вамъ.

Ибо всякій просящій получаетъ, и ищущій находить и стучащему отворятъ.

Есть ли между вами такой человѣкъ, который, когда сынъ его попроситъ у него хлѣба, подалъ бы ему камень?

И, когда попроситъ рыбы, подалъ бы ему змѣю?

Итакъ если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него (Матѳ. VII, 7—11).

Все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите (Матѳ. XXI, 22).

Если пребудете во Мнѣ, и слова Мои въ васъ пребудутъ, то, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ (Іоан. XV, 7).

Истинно говорю вамъ: ежели двое изъ васъ на земли согласятся просить о чемъ либо, все то будетъ дано имъ отъ Отца Моего Небеснаго.

Ибо, гдѣ соберутся двое или трое во Имя Мое, тамъ и Я посреди ихъ. И если о чемъ попросите, отъ Отца во имя Мое, то сдѣлаю (Іоан. XIV, 13).

Истинно, истинно говорю вамъ, о чемъ ни попросите Отца Моего во имя Мое, дастъ вамъ.

Донынѣ вы ничего не просили во Имя Мое.

Просите и получите, да будетъ радость ваша совершенна.

Претерпѣвшій же до конца, спасется (Матѳ. XXIV, 13).

Какъ Моисей вознесъ змѣю въ пустынѣ, такъ должно вознесену быть Сыну человѣческому.

Дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.

Ибо такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную.

Ибо не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ чрезъ Него. (Іоан. III, 14—17).

Здравые не требуютъ врача, но больные.

Милости хочу, а не жертвы. Ибо Я не пришелъ призвать праведниковъ, но грѣшныхъ.

Истинно, истинно говорю вамъ: слушающій слово Мое и вѣрующій въ пославшаго Меня имѣетъ жизнь вѣчную, и на судъ не приходитъ, но перешелъ отъ смерти въ жизнь (Іоан. V, 24).

Я есмь хлѣбъ жизни; приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать, и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда.

Воля же пославшаго Меня Отца есть та, чтобы изъ того, что Онъ Мнѣ далъ, ничего не погубить, но все то воскресить въ послѣдній день.

Воля пославшаго Меня есть та, чтобы всякій видящій Сына, и вѣрующій въ Него, имѣлъ жизнь вѣчную; и Я воскрешу его въ послѣдній день.

Истинно, истинно говорю вамъ: вѣрующій въ Меня имѣетъ жизнь вѣчную.

Я есмь хлѣбъ жизни.

Отцы ваши ѣли манну въ пустынѣ, и умерли.

Хлѣбъ же, сходящій съ небесъ, таковъ, что ядущій его не умретъ.

Я хлѣбъ живой, спедшій съ небесъ: ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра.

Истинно, истинно говорю вамъ: если не будете ѣсть плоти Сына человѣческаго, и пить крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни.

Ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную; и Я воскрешу его въ послѣдній день.

Ядущій Мою плоть и піющій Мою кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ.

Какъ послалъ Меня живой Отецъ и Я живу Отцемъ такъ и ядущій Меня жить будетъ Мною. (Іоан. VI, 35. 57).

Я есмь пастырь добрый; и знаю Моихъ, и Мои знаютъ Меня.

Какъ Отецъ знаетъ Меня, такъ и Я знаю Отца; и жизнь Мою полагаю за овецъ.

Есть у Меня и другія овцы, которыя не сего двора и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести: и онѣ услышатъ голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ Пастырь. (Іоан. X, 14—16).

Я есмь воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ.

И всякій живущій и вѣрующій въ Меня, не умретъ во вѣкъ. Вѣришь-ли сему?

Да не смущается сердце ваше; вѣруйте въ Бога, и въ Меня вѣруйте.

Я иду приготовить мѣсто вамъ.

И когда пойду и приготовлю вамъ мѣсто: прииду опять, и возьму васъ къ Себѣ, чтобъ и вы были, гдѣ Я.

А куда Я иду вы знаете, и путь знаете.

Я есмь путь и истина и жизнь.

Не оставлю васъ сиротами, приду къ вамъ.

Еще немного; и міръ уже не увидитъ Меня; а вы увидите Меня, ибо я живу, и вы жить будете.

Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ; не такъ, какъ миръ даетъ, Я даю вамъ: да не смущается сердце ваше, и да не устрашается.

Вы слышали, что Я сказалъ вамъ: иду отъ васъ, и прииду къ вамъ. (Иоан. XIV).

Сіе сказалъ Я вамъ, да радость Моя въ васъ пребудетъ, и радость ваша будетъ совершенна.

Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ.

Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положить душу свою за друзей своихъ.

Вы, друзья Мои, если исполняете то, что Я заповѣдую вамъ.

Я уже не называю васъ рабами; ибо рабъ не знаетъ, что дѣлаетъ господинъ его; но Я назвалъ васъ друзьями, потому что сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего.

Не вы Меня избрали, а Я васъ избралъ, и поставилъ васъ, чтобы вы шли, и приносили плодъ, и чтобы плодъ вашъ пребывалъ. (Иоан. XV, 11—16).

Истинно, истинно говорю вамъ: вы восплачете и возрыдаете, а миръ возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша обратится въ радость.

Женщина, когда рождаетъ; терпитъ скорбь, потому что пришелъ часъ ея, но когда родить младенца, уже не помнитъ скорби отъ радости, потому что родился человекъ въ миръ.

Такъ и вы теперь имѣете печаль; но Я увижу васъ опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отниметъ у васъ.

Сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли во Мнѣ миръ. Въ мирѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь; Я побѣдилъ миръ. (Иоан. XVI).

Не говорите ли вы, что еще четыре мѣсяца, и наступитъ жатва? А Я говорю вамъ: возведите очи ваши, и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ.

Жнущій получаетъ награду и собираетъ плодъ въ жизнь вѣчную. (Іоан. IV, 35—36).

Послѣ сихъ словъ Іисусъ возвелъ очи Свои на небо и сказалъ: «Отче! пришелъ часъ, прославь Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тебя:

Такъ какъ Ты далъ Ему власть надъ всякою плотію, да всему, что Ты далъ Ему, дастъ Онъ жизнь вѣчную.

Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога, и посланнаго Тобою Іисуса Христа.

Отче Святый! соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты Мнѣ далъ, чтобы они были едино, какъ и Мы.

Не молю, чтобы Ты взялъ ихъ изъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ зла.

Они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра.

Освяти ихъ истиною Твоею; слово Твое есть истина.

Какъ Ты послалъ Меня въ міръ: такъ и Я послалъ ихъ въ міръ.

И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино.

Я въ нихъ, и Ты во мнѣ: да будутъ совершены во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня, и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня.

Отче! которыхъ Ты далъ Мнѣ, хочу, чтобы тамъ, гдѣ Я, и они были со Мною. (Іоан. XVII).

Ибо дѣвица не умерла, но спитъ. (Матѣ. IX, 24).

Не бойся, дщерь Сіонова! се, Царь твой грядетъ. (Іоан. XII, 15).

Марія же избрала благую часть, которая не отнимется у нея. (Лук. X, 42).

Ободритесь! это Я, не бойтесь. (Марк. VI. 50).

Миръ вамъ! (Іоан. XX. 19).

Се, гряду скоро, и возмездіе Мое со Мною, чтобы воздать каждому по дѣламъ его.

Я есмь Альфа и Омега, начало и конецъ, первый и послѣдній.

Блаженны тѣ, которые соблюдаютъ заповѣди Его, чтобы имѣть имъ право на древо жизни, и войти въ городъ вратами.

Я, Иисусъ, послалъ Ангела Моего засвидѣтельствовать вамъ сіе въ церквахъ. Я есмь корень и потомокъ Давида, звѣзда свѣтлая и утренняя.

И духъ, и невѣста говорятъ: прииди! и слышащій да скажетъ: прииди! Жажущій пусть приходитъ, и желающій пусть беретъ воду жизни даромъ.

Свидѣтельствующій сіе говоритъ: ей, гряду скоро. Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе! (Откровеніе Св. Іоанна XXII, 12—20).

К О Н Е Ц Ъ

СВЯТЫЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИКЪ

ДИМИТРІЙ МҮРОТОЧЕЦЪ.

Д. Б.

Сергія, Епископа Могилевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная № 12

1892

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать
дозволяется. Сентября 12 дня 1892 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

(Печатается съ благосклоннаго разрѣшенія Преосвященнѣйшаго Сергія,
епископа Могилевскаго).

СВЯТЫЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИКЪ ДИМИТРІЙ МУРОТОЧЕЦЪ *).

Во всей вселенской церкви славенъ св. великомученикъ Димитрій. Славенъ своею жизнію, славенъ своею кончиною или страданіями за Христа, славенъ великими и многими чудесами по смерти, славенъ обильнымъ истеченіемъ мѣры отъ св. мощей его, продолжавшимся болѣе пяти столѣтій.

Св. Димитрій родился въ третьемъ столѣтіи по Р. Х. въ Македонскомъ городѣ Солуни или Θεσσαλονικαхъ, находящемся на берегу Егейскаго моря въ Салоникскомъ заливѣ (въ 560 верстахъ на западъ отъ Константинополя). Здѣсь христіанская Церковь основана самимъ св. апостоломъ Павломъ и ее первую онъ почтилъ своими посланіями. Родители великомученика Димитрія были благородные и благочестивые. Поелику св. вѣра христіанская тогда преслѣдуема была императорами язычниками, то родители его были тайными христіанами и втайнѣ воспитали и сына своего въ Христовой вѣрѣ. Пришедши въ возрастъ, Димитрій отличался благоразуміемъ и храбростію на войнахъ. Поэтому императоръ сдѣлалъ его правителемъ

---

*) Празднованіе ему 26 октября.

Солунской страны и почтилъ его высокимъ саномъ консула, приказавъ ему преслѣдовать всѣми мѣрами христіанъ. Но св. Димитрій началъ обращать язычниковъ въ св. вѣру. Скоро это сдѣлалось извѣстнымъ царю.

Возвращаясь съ войны съ Сарматами, императоръ Максиміанъ прибылъ въ Солунь. Между тѣмъ св. Димитрій все имущество свое передалъ своему слугѣ Луппу для раздачи бѣднымъ и приготовилъ себя къ мученическому подвигу молитвою и постомъ. Представъ царю, онъ торжественно исповѣдалъ себя христіаниномъ и заключенъ въ близъ находившихся печныхъ каморахъ при общественной банѣ. Здѣсь онъ утѣшенъ былъ явленіемъ Ангела Божія. Между тѣмъ Максиміанъ сталъ забавляться и забавлять жителей города играми и зрѣлищами. Особенно онъ любилъ смотрѣть на борьбу одного вандала великана Лія, обладавшаго необычайною силою, который однимъ взглядомъ и крикомъ приводилъ многихъ въ трепетъ; много было убито имъ крѣпкихъ и сильныхъ мужей. На площади Солунской устроенъ былъ высокій помостъ, а подъ нимъ земля была уставлена копьями и другими орудіями, обращенными острою вверхъ. Лій съ того мѣста въ присутствіи царя и многочисленныхъ зрителей сбросилъ многихъ на копья; много убито было имъ и христіанъ, которыхъ силою принуждали къ борьбѣ съ нимъ. Въ городѣ былъ юноша христіанинъ, красивый и крѣпкій силою, Несторъ. Онъ былъ наученъ св. вѣрѣ самимъ Димитріемъ. Видя убиваемыхъ Ліемъ христіанъ, онъ разгорѣлся ревностію и въ немъ явилось желаніе вступить въ борьбу съ этимъ извергомъ. Онъ побѣждалъ къ св. Димитрію въ его заключеніе и объявилъ ему свое намѣреніе. Св. Димитрій, сотворивъ на его челѣ и груди крестное знаменіе, благословилъ его и сказалъ: Лія побѣдишь и за Христа пострадаешь. Получивъ благословеніе, Несторъ прибѣжалъ на зрѣлище и объявилъ желаніе всту-

пить въ борьбу съ Ліємъ. Получивъ соизволеніе на то, онъ взошелъ на помость. Ліи, забавляясь и играя, приблизился къ нему. Несторъ воскликнулъ: Боже Димитріевъ! помоги мнѣ, и вступилъ въ борьбу; и вотъ Ліи какъ дубъ, низверженъ на копья и извергъ свою душу. Граждане Солунскіе, особенно-же христіане, громко закричали: великъ Богъ Димитріевъ. Царь со стыдомъ ушелъ во дворецъ и потомъ отдалъ приказаніе: начальника города Димитрія исколотъ копьями, а Нестора усѣкнуть мечемъ. Это было около 306 года по Р. Х. Христіане тайно погребли тѣло великомученика на мѣстѣ его кончины. Когда умертвили святаго Димитрія, слуга его Луппъ взялъ себѣ плащъ господина, омоченный кровію его, омочилъ въ крови его и перстень, и этими предметами сталъ производить многія чудеса, исцѣляя больныхъ, прогоняя злыхъ духовъ. Узнавъ объ этомъ, Максиміанъ велѣлъ отсѣчь ему голову.

Вскорѣ послѣ того воцарился и утвердился силою Божіею на престолѣ императоръ Константинъ Великій и св. вѣра восторжествовала надъ языческимъ нечестіемъ; тогда надъ мощами мученика созданъ былъ малый храмъ и въ немъ совершались отъ мощей его великія чудеса. Спустя около ста лѣтъ по кончинѣ великомученика, Леонтіи префектъ (правитель) Иллирика, къ которому относилась Солунская область, исцѣленъ св. мученикомъ отъ неизлѣчимаго тяжкаго смертнаго недуга и создалъ на мѣстѣ банъ великолѣпный храмъ; при этомъ св. мощи страстотерпца обрѣтены нетлѣнными, но оставлены на мѣстѣ погребенія подъ спудомъ.

Нѣкоторыя изъ чудесъ св. великомученика.

Архіепископъ Солунскій Іоаннъ, жившій въ 6 и 7 вѣкахъ по Р. Х., оставилъ намъ описаніе нѣкоторыхъ изъ чудесъ св. великомученика. Судя по внутреннимъ признакамъ описанія ихъ, почти всѣ они относятся къ VI вѣку. Послѣднее изъ нихъ—освобожденіе Солуня отъ осады, славянами производившейся, было при греческомъ императорѣ Маврикіѣ въ 597 году. Мы приведемъ здѣсь немногія изъ означенныхъ чудесъ.

Испытаніе бѣсноватаго. «Расскажемъ, говоритъ архіепископъ Іоаннъ, недавно бывшее. Воины благородные и храбрые взяли одного изъ легіона ихъ, страдающаго отъ духовъ нечистыхъ; двое ухватились за руки, двое за голову, а другіе за средину тѣла и силою повели его въ храмъ всеславнаго мученика, а онъ не зналъ, куда его влекутъ, не узнавалъ и ведущихъ его, хотя они ему были весьма близки, и вовсе не имѣлъ смысла. Злые духи такъ омрачили его умъ, что самыя животныя настолько превосходили его въ пониманіи, насколько люди превосходятъ животныхъ. Когда привели его къ храму; онъ не хотѣлъ идти въ него и демоны такой дали толчекъ, что всѣ, ведшіе его, вмѣстѣ съ нимъ упали на землю предъ дверями храма. Сдѣлалось смятеніе; выбѣжали изъ храма служители его вмѣстѣ съ другими и съ большимъ усиліемъ внесли его въ храмъ и бросили на приготовленное для него на полу ложе и опять связали его, на что потребовалось болѣе восьми человекъ. Святый мученикъ въ короткое время дѣлаетъ его здоровымъ, такъ что при этомъ не произошло никакого шума, ни вопля, какъ въ подобныхъ случаяхъ бываетъ съ другими. Наутро ближніе его опять по обычаю взяли его за руки, плеча, голову и колѣна. Онъ же, взглянувъ на нихъ не кровавымъ и сму-

ценнымъ взоромъ, но весьма кроткимъ и являющимъ спокойствіе души, выразилъ удивленіе, соединенное съ веселостію; они отъ радости не знали, что и сказать ему; такъ, онъ самъ спросилъ ихъ на римскомъ языкѣ: зачѣмъ вы на меня нападаете и держите меня, какъ одержимыхъ сильною лихорадкою или нечистыми духами? Они же, видя его въ здравомъ умѣ, постыдились сказать ему всю правду и отвѣчали: держимъ тебя, чтобы ты, вставъ, одѣлся и пошелъ съ нами домой. Онъ сказалъ: для чего же мы пришли сюда, когда нѣтъ ни праздника, ни другаго случая къ тому? Они отвѣчали ему: для чего ты пришелъ сюда, теперь тебѣ не слѣдуетъ допытываться; благодари Бога и прославь святаго мученика Его за то что Онъ отпускаетъ тебя смыслящимъ въ домъ, тогда какъ ты пришелъ сюда, ничего не понимая».

Пламень исторшійся отъ гроба мученика. Перейдемъ къ явленіямъ великаго и богоноснаго мученика. Поелику христіане боголюбиваго Солуня были всегда читателями мучениковъ вѣрными и твердыми, особенно-же во времена языческаго идолослуженія, то, опасаясь, какъ бы тѣла святыхъ мучениковъ не предать ярости идолопоклонниковъ, полагали ихъ въ землѣ тайно и скрытно, такъ что донинѣ хорошо неизвѣстны мѣста святопріемныхъ гробовъ мучениковъ города, кромѣ честнѣйшей и святой дѣвы Матроны-*). Зная это, блаженной памяти императоръ Маврикій, желая испытать любовь гражданъ къ мученикамъ, насколько она истинна, возбужденный и божественною любовію къ всеславному мученику Димитрію, ибо слышалъ, что многое о немъ написано, какъ благочестивый государь, пользуясь божественною властію, потребовалъ отъ пастыря христіанскаго Солунскаго народа, чтобы онъ прислалъ ему нѣкую часть мощей христіан-

---

*) Память св. мученицы Матроны Солунскія празднуется 27 марта.

скаго мученика Димитрія, надѣясь имѣть въ немъ спорника себѣ. Блаженной памяти архіепископъ Евсевій (ибо онъ получилъ сказанное требованіе отъ царя) отвѣчалъ ему слѣдующею грамотою:

«Государь! Въ другихъ странахъ тѣла святыхъ мучениковъ обыкновенно полагаются на виду, дабы видѣніемъ ихъ и осязаніемъ постоянно возбуждались души къ благочестію, а чада боголюбиваго Солуня, напротивъ, утвердивъ вѣру разумно въ сердцахъ и страшась чувственного созерцанія ихъ по преизбыточеству благоговѣнію, полагали, что для богоугожденія достаточна чистая вѣра, и потому скрывали тѣла мучениковъ такъ, что никто не зналъ мѣста ихъ, кромѣ тѣхъ, которые участвовали въ погребеніи ихъ. Подлинно, Государь! и блаженные памяти бывшій самодержецъ нашъ Іустиніанъ (527—565 г.) посылалъ грамоты къ занимавшимъ здѣсь архіепископскій престолъ, какія и нынѣ посылаетъ къ намъ ваша держава, и онъ, подобно вамъ, объять былъ божественнымъ раченіемъ и безмѣрною любовію къ преславному страсто-терпцу. Желая исполнить царское прошеніе, они, прокопавъ то мѣсто всечестнаго храма, гдѣ надѣялись найти пресвятая мощи, взявъ съ собою и другихъ богочестныхъ іереевъ, съ пѣснопѣніями, свѣчами и кадилами стали углубляться внизъ. Когда же кончили часть рва и скорѣе хотѣли туда взойти, внезапно исторгся извнутри огонь и направился на нихъ. Услышали они и голосъ: оставьте далѣе испытывать. Объятые страхомъ и трепетомъ, они тотчасъ обратились назадъ. Чтобы оказать царю должное повиновеніе и показать опасность начинанія, они, наклонившись, взяли персть земную, которую ископали, сколько могли, до исторженія огня; она съ запахомъ огня соединяла неизреченное благоуханіе; ее положили честно въ ризницѣ нашей великой церкви, часть ея послали благочестивому просителю, описавъ бывшее. Онъ получилъ ее

съ великою радостію, какъ-бы пріялъ самое тѣло мученика. И мы, смиренные, вамъ, равнымъ предкамъ вашимъ по царскому достоинству, а по благочестію превосходящимъ ихъ, посылаемъ отъ благословенія святой персти. Испытывать-же болѣе послѣ того божественнаго знаменія, о которомъ сказано, нашли не только неразумнымъ, но и опаснымъ» *).

Чудо съ стѣнью мученика. «Мы слышали, пишетъ архіепископъ Іоаннъ, отъ того-же правдолюбиваго архіепископа (Евсевія) слѣдующее о великомъ промышленіи и попеченіи о градѣ страстотерпца. Случилось, говоритъ онъ, что во всечестномъ его храмѣ сѣнь (надъ мученикомъ), вся изъ чистаго серебра, сгорѣла ночью, такъ что серебро расплавилось и часть его повредилась. Преподобнѣйшій означенный архіепископъ заботился о томъ, чтобы сдѣлать ковчегъ вновь, и, не находя достаточнаго количества серебра для исполненія дѣла, задумалъ перелить для того серебряный тронъ всечестнаго храма, ибо этою сѣнью покрылся бы и священный гробъ мученика и она послужила-бы великимъ украшеніемъ всего храма. Когда въ немъ утвердилось это намѣреніе и онъ еще никому о немъ не говорилъ, является мученикъ Христовъ пресвитеру Дмитрію, мужу прекрасной жизни, и говоритъ ему: иди, скажи епископу города: не смѣй переливать трона дома моего. Архіепископъ сначала пораженъ былъ его словами, но потомъ, подумавъ, что онъ какъ-нибудь узналъ его намѣреніе (ибо онъ былъ правитель этого храма), отпустилъ его съ выговоромъ. Спустя нѣсколько дней архіепископъ приказываетъ привести серебряныхъ дѣлъ мастера, чтобы

---

*) Описывавшій чудеса мученика Дмитрія архіепископъ Іоаннъ былъ современникъ предшественнику своему Евсевию, какъ это видно изъ многихъ мѣстъ его описанія, и многое слышалъ отъ него о чудесахъ святаго. Копія съ посланія Евсевія къ императору Маврикію конечно сохранялась въ Солунской церкви при Іоаннѣ.

отдать ему тронъ для перелитія на сѣнь, и вотъ ему говорятъ, что пресвитеръ Димитрій желаетъ видѣть вашу святыню. Пресвитеръ вошелъ и сказалъ: страстотерпецъ опять явился мнѣ грѣшному во снѣ съ видомъ печальнымъ и приказалъ сказать твоему блаженству такъ: ради любви не печаль меня лишеніемъ трона. Архіепископъ принялъ и отпустилъ его еще суровѣе. Когда прошло восемнадцать мѣсяцевъ, и архіепископъ не нашелъ какъ бы восполнить недостающее количество серебра для сѣни, рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе, и вотъ великомученикъ въ третій разъ является пресвитеру и говорить: иди, скажи епископу: не унывай, я болѣе забочусь о моемъ домѣ и городѣ, нисколько не заботюсь о томъ. Архіепископъ пролилъ слезы и, по уходѣ пресвитера, сказалъ окружающимъ: подождемъ немного, братіе; ибо вѣрно общаніе страстотерпца. Едва только онъ кончилъ эти слова, ему докладываютъ, что пришелъ господинъ Мина съ приношеніемъ. Это было въ пятомъ часу дня. Мина объяснилъ, что мученикъ часто избавлялъ его отъ опасностей и даже отъ самой смерти, поэтому у него издавна было желаніе сдѣлать приношеніе ему отъ своего имущества; но нынѣ отъ самаго утра до сего часа мысли мои побуждали меня къ тому: неси то, что ты часто общалъ, нынѣ время благопріятное. Затѣмъ Мина просилъ архіепископа употребить это серебро на сѣнь великомученика. Серебра было принесено 75 фунтовъ. Послѣ Мины пришелъ знаменитый Солунскій адвокатъ Іоаннъ и онъ принесъ на сѣнь-же мученику 40 фунтовъ серебра. Подобныя приношенія сдѣлали и другіе, но тайно, такъ что никто объ нихъ не зналъ, кромѣ архіепископа. Такимъ образомъ устроена была прекрасная сѣнь *) и по всему городу разнеслась слава о промысленіи мученика.

*) Изъ описанія послѣдующихъ чудесъ видно, что сѣнь была закрыта со всѣхъ сторонъ и имѣла двери.

Чудо съ пономаремъ. Не слѣдуетъ, пишетъ архіепископъ Іоаннъ, прейти молчаніемъ и сего повѣствованія вышеупомянутаго преподобнѣйшаго архіепископа (то-есть Евсевія). Былъ въ храмѣ добропобѣднаго мученика Димитрія пономарь Онисифоръ. Онъ былъ другъ вышеупомянутаго архіепископа (Евсевія), который тогда былъ чтецомъ. Въ одинъ день, пришедши въ храмъ всечестнаго великомученика, онъ нашель этого пономаря предъ серебряными дверями такъ называемой сѣни безгласнымъ и почти бездыханнымъ, ничѣмъ не отличнымъ отъ умершаго. Спустя долгое время Онисифоръ пришелъ въ себя и, увидѣвъ друга своего, обливающагося слезами, рассказаль ему на разпросы его слѣдующее: я впаль въ великій грѣхъ, и не по глупости ребяческаго ума, и прेमного оскорбилъ великомученика, такъ что мнѣ стыдно смотрѣть и на двери его храма и касаться священной сѣни его. Ты знаешь, что внутри этой священной сѣни возжигаются свѣчи; я, какъ пономарь, желаль сдѣлать полезнѣйшее и ему и себѣ (скажу всю правду, Богъ знаетъ все), великія изъ приносимыхъ свѣчей немедленно гасиль, а вмѣсто ихъ ставиль для горѣнія тонкія и малыя. Вотъ явился мнѣ грѣшному святой во снѣ и сладкимъ голосомъ безмѣрнаго снисхожденія говоритъ: братъ Онисифоръ! мнѣ непріятно то, что ты дѣлаешь; не такъ пріятны мнѣ тысячи литръ золота, какъ спасеніе одной души; или ты не знаешь, что приносимое, насколько употребляется для служенія, настолько возбуждаетъ святыхъ на ходатайство за принесшаго? Пусть приносимыя свѣчи горять, доколѣ не принесетъ другой. Проснувшись, я, несчастный, размышляя о своихъ грѣхахъ, почель это за грезы, ибо, говорятъ, грѣшнику святой не является; потомъ, во второй и въ третій разъ получивъ извѣщеніе во снѣ, я отсталъ отъ того дѣла и такъ поступаль до вчерашняго дня; въ эту-же ночь нѣкто принесъ весьма

большія свѣчи. Когда этотъ мужъ помолился и ушелъ, я обольстился этими свѣчами, какъ Агаръ заклятымъ, и какъ только я устремился взять и погасить ихъ и вмѣсто ихъ зажечь меньшія, самъ святой громкимъ голосомъ вскричалъ: *опять за то же!* Я, несчастный, пораженный онымъ страшнымъ голосомъ, поднятъ былъ отъ земли и выброшенъ за двери сѣни; здѣсь ты и напелъ меня безгласнаго и бездыханнаго и безъ признаковъ жизни. Это рассказалъ намъ (Іоанну, послѣ архіепископу) о видѣнномъ имъ и слышанномъ *блаженный отецъ нашъ* и архіепископъ (Евсевій).

Чудеса при избавленіи Солуня въ 597 году отъ Аваровъ и Славянъ тогда еще язычниковъ.

Каганъ Аварскій посылалъ къ императору Маврикію (582—602) пословъ съ требованіями. Императоръ отказался исполнить эти требованія. Раздраженный Каганъ положилъ отмстить Маврикію на Солунѣ, богатомъ торговомъ городѣ, тѣмъ болѣе, что голодъ и язва уменьшили тогда число защитниковъ Солуня. Онъ собралъ до 100.000 войска и приказалъ быстро идти къ Солуню, чтобы явиться подъ стѣнами его за день и никакъ не болѣе до полученія слуха о войнѣ въ Солунѣ. Войско почти все состояло изъ Славянъ. Аварскій Каганъ, какъ поведитель Славянъ, «призвалъ народъ жестокій, Славянъ-данниковъ и, присовокупивъ къ тому варваровъ изъ другихъ народовъ, приказалъ взять оружіемъ богохранимый Солунъ» Самого Кагана не было въ войскѣ.

Такого грознаго войска Солунъ еще не видалъ подъ стѣнами своими; вся Ѳессалія и Иллирія не могли выставить столько войска, сколько послалъ Каганъ. Хотя Солунъ не былъ безоруженъ, ибо императоръ Маврикій прислалъ ему войско, озабоченный, вѣроятно, неудовольствіемъ,

какое выразили предъ нимъ послы Кагана, но Солунъ истощенъ былъ язвою; многіе изъ жителей его оставили городъ, частію по случаю язвы, частію вызванные въ столицу по ссорѣ съ градоначальникомъ. Притомъ было время сбора плодовъ. Мало того: въ воскресный день, 22 сентября *), узнали о намѣреніяхъ Кагана и, положивъ, что непріятель явится предъ Солунемъ не прежде четырехъ или пяти дней, оставались довольно безпечны; между тѣмъ онъ приблизился къ Солуню чрезъ день по полученіи слуха о немъ. Гибель Солуня казалась неизбѣжною.

Но въ Солунѣ былъ воеводою св. Димитрій. За восемь или десять дней солунскій архіепископъ *Евсевій* видѣніемъ былъ уже вразумленъ о томъ, что къ городу близка страшная бѣда, и бодрствовалъ на молитвѣ.

Такъ какъ непріятель явился скорѣе, чѣмъ полагали Солуняне, даже могъ свободно ночью войти въ городъ, когда безпечно всѣ спали, то счастіемъ для Солуня было, что непріятель пробылъ цѣлую ночь въ отдаленіи отъ города: онъ принялъ загородный укрѣпленный монастырь за самый городъ и простоялъ около него ночь; на утро увидѣлъ онъ ошибку и поспѣшилъ съ машинами къ стѣнамъ. Но тутъ совершилось другое чудо, «уже не по духовному видѣнію, но очевидно явился на стѣнѣ (мученикъ) въ видѣ вооруженнаго воина; перваго, кто шель на стѣну и уже готовъ былъ стать на нее ногою, поразилъ копьемъ изъ-за зубцевъ стѣны и сбросилъ мертваго за стѣну; опрокинутый, катясь по ступенямъ, увлекъ за собою стоявшихъ на нихъ, оставя между зубцами капли крови своей». Варвары отступили, пораженные ужасомъ.

Славяне являются въ этой войнѣ не толпою безпорядочною, безъ средствъ для приступа къ укрѣпленному городу. Все, чѣмъ дѣйствовало тогдашнее военное искус-

---

*) Въ 597 году дѣйствительно 22 сентября было въ воскресенье.

ство, Славяне употребили въ дѣло противъ Солуня. «На другой день, говорить очевидецъ, они приготовили осадныя машины и желѣзные бараны, огромныя каменометныя орудія и, такъ называемыя, черепахи, покрывъ ихъ сухими кожами; потомъ, переимѣнивъ намѣреніе, чтобы тѣ не повреждены были горячею смолою, употребили кожи недавно убитыхъ быковъ и верблюдовъ, прикрѣпя ихъ къ машинамъ гвоздями. Распорядясь такимъ образомъ вблизи стѣны, съ третьяго дня стали бросать каменья; стрѣлки ихъ метали стрѣлы подобно облакамъ, такъ что нельзя было стоявшимъ на стѣнѣ безъ опасности показаться за стѣну и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Придвинувъ черепахи къ наружной стѣнѣ, сильно потрясали они основанія ея рожнами и серпами. Каменометныя орудія были четвероугольныя, послѣ широкихъ основаній оканчивавшіяся узкими верхами; они выбрасывали непрерывный дождь камней огромныхъ. Для того, чтобы находившіеся въ нихъ воины не терпѣли вреда отъ бросаемыхъ со стѣны стрѣлъ, три стороны сихъ четвероугольныхъ машинъ покрыты были досками».

Солуняне, безъ надежды спастись своими средствами, молились пламенно великомученику. Храмъ Димитріевъ днемъ и ночью былъ наполненъ молящимися. И они ободрены были надеждою на помощь своего воеводы.

Когда наступилъ третій день войны, одинъ изъ благородныхъ, славный по состоянію, а еще болѣе по чистотѣ сердца,—по сану *сіятельный* (иллюстрій) *), во снѣ, или, какъ другіе точнѣе это называютъ, въ видѣніи видитъ себя предъ храмомъ славнаго мученика Димитрія. И вотъ являются мнѣ, говорить онъ, двое прекрасныхъ лицемъ и мужественныхъ. Они казались тѣлохранителями импе-

---

*) Въ славянскихъ переводахъ древнихъ титулъ *сіятельный* (иллюстрій) сдѣланъ собственнымъ именемъ.

ратора и вошли въ тривиль (преддверіе храма). Одинъ изъ нихъ сказалъ: гдѣ господинъ этихъ мѣстъ? Въ самомъ храмѣ былъ одинъ изъ его слугителей и тотъ отвѣчалъ для чего онъ нуженъ вамъ? Они отвѣчали: Владыка послалъ насъ доставить ему опредѣленіе. Тотъ, указавъ имъ на раку, сказалъ: тамъ онъ. Они же (видъ ихъ — какъ ангеловъ Божіихъ) сказали: постучи и возвѣсти о насъ. Объятый трепетомъ, я слѣдовалъ за ними въ тривиль... Служитель постучалъ въ двери раки и святой, славный мученикъ Христовъ, тотчасъ отворилъ извнутри и сталъ какъ казалось мнѣ грѣшному, въ дверяхъ. Я не могъ смотрѣть на лице его, казавшееся лицомъ Ангела, и палъ на лице свое. Видомъ онъ былъ таковъ же, какъ изображается на древнихъ иконахъ, но блескъ лица его бросалъ сіяніе, подобное лучамъ солнечнымъ... Мужичи говорятъ: Владыка послалъ насъ къ твоей святыни объявить тебѣ слѣдующее: иди скорѣе отсюда ко Мнѣ, ибо городъ предается врагамъ. Услышавъ это, я сильно смутился и въ смятеніи поднялся нѣсколько на рукахъ и, глядя вверхъ вижу скорбь на наклоненномъ лицѣ милостиваго и любящаго городъ мученика. Слѣдовало молчаніе и довольно долго. По ланитамъ его текли слезы... Ужели такъ угодно милосердію Его? Мужичи отвѣчали: Если бы не благоугодно Ему это, Онъ не послалъ бы насъ къ богопочтенной душѣ твоей. Тогда Святой еще ниже склонилъ лице отъ скорби и, долго качая головою, какъ бы въ размышленіи, далъ отвѣтъ съ глубокою скорбію (ибо голосъ его прерывался стenanіемъ и вздохами): Ты, Господи, Владыко мой и сего города и всего міра, какъ имѣющій власть, повелѣлъ мнѣ обитать здѣсь съ рабами Твоими: какъ же могу оставить ихъ въ такой нуждѣ и удалиться отсюда?... Я былъ съ ними духомъ, когда они благоденствовали; пусть же не оставляю ихъ и въ бѣдствіи... Ты Самъ, будучи Владыкою, положилъ душу Свою за овецъ Твоихъ. Знаю, хо-

рошо знаю, грѣхи наши не побѣдятъ Твоего милосердія... Останусь цѣль, если они будутъ спасены, или, когда они будутъ истреблены, пусть не будетъ и меня... Мужичи сказали: это ли повелѣваешь сказать Господу? Святый отвѣчалъ: точно такъ, прошу васъ о томъ. Они спросили: зачѣмъ не идешь ты съ нами? Смотри, не оскорбился бы Пославшій насъ какъ неповиновеніемъ? Святый отвѣчалъ: я знаю, что гнѣвъ Его превосмогается челоуѣколюбіемъ; хорошо зная благодать Его, я далъ отвѣтъ, соотвѣтственный Ей. Когда сказалъ онъ это, то облобызалъ мужей и, затворивъ серебряныя двери (раки), среди которыхъ стоялъ, остался внутри... Но я грѣшный тотчасъ пришелъ въ себя, ибо я совсѣмъ не спалъ. Сейчасъ же этотъ мужъ побѣждалъ на стѣну города и началъ воодушевлять гражданъ. Это видѣніе было въ тотъ самый день, въ который непріятель началъ громить городъ осадными машинами. Сперва били въ стѣны съ сѣвера и запада. Бросили деревянный валъ на море, чтобы войти въ пристань. Но осажденные разрушили машину. Осаждали восточную стѣну, но здѣсь непріятель былъ прогнанъ.

На четвертый день принялись за ту же восточную стѣну: бросали въ нее изъ машинъ громадныя камни. Но три машины были зажжены раскаленными стрѣлами, и непріятель отступилъ. На слѣдующій день опять придвинули тѣ же орудія, вновь покрывъ ихъ кожею и поставивъ еще ближе къ стѣнѣ, метали *на насъ* горы (ибо какъ иначе назвать эти чрезмѣрно громадныя камни?). Это былъ приступъ самый жестокій. Съ утренней зари до седьмого часа пятьдесятъ орудій извергали громады каменныя на городъ; осажденные защищали стѣны щитами и дѣлали удачную вылазку.

На седмой день,—это былъ воскресный день,—непріятель былъ покоенъ, готовился къ новому сраженію. Но *часу въ восьмомъ*, совсѣмъ неожиданно, войны непріятель-

скіе съ крикомъ побѣжали въ горы, оставивъ палатки, а нѣкоторые и свои орудія. Утромъ на слѣдующій день нѣсколько отрядовъ приблизилось къ стѣнамъ, тогда какъ главныя силы еще ночью и безъ шума оставили окрестность города. Подойдя къ стѣнамъ, отряды эти давали знать, что хотятъ друзьями войти въ городъ; жители не довѣряли, но наконецъ впустили.

Дѣло объяснили сами враги. Солунъ спасенъ своимъ Воеводою. «Ни оружія, ни богатствъ у него не было, говорить очевидецъ, но вмѣсто всего служила Десница Вышняго... Одни ли мы это видѣли? Мы ли только такъ воображали себя? Не тоже ли видѣли варвары? Многіе изъ нихъ, когда, отчаявшись одержать побѣду, перешли къ начальникамъ города, прямо признавались: мы съ самаго того времени, какъ пришли, такъ много и такихъ защитниковъ видѣли на стѣнахъ. что они превосходили наше войско и числомъ и храбростію. Мы прибѣгли къ вамъ, чтобы иначе не погибнуть отъ язвы. Мы хорошо знаемъ, что вы до сего времени скрывали ваше войско внутри города и только вчера, часу въ восьмомъ, когда, какъ видѣли и вы, побѣжали мы въ горы, выслали его все на насъ изъ воротъ.» На вопросъ: кто былъ предводителемъ сего войска? отвѣтъ былъ такой: «Мы видѣли огненнаго и свѣтлаго мужа, на бѣломъ конѣ и въ бѣлой одеждѣ,— вотъ такого», и, ухватя одного изъ предстоящихъ, указали на консульскую одежду *).

---

*) Изъ описанія этой войны видно, что описывалъ ее очевидецъ «я равскажу», говоритъ онъ, и то, что *видѣлъ своими глазами* (§ 132), «ясно вразумленные опытомъ *говоримъ* (§ 124)», «метали на насъ горы» (см. выше), есть и другія подобныя мѣста. Описаніе этого чуда нами заимствовано изъ статьи архіепископа Филарета (Св. великомученикъ Димитрій и Солунскіе славяне, въ чтеніяхъ Общ. Исторія. 1848 годъ), но свѣрено по оригиналу—въ Дѣяніяхъ Святыхъ. Октября 8 день.

Чудо избавленія Солуня отъ голода въ 597 году.

Очевидецъ, описавшій чудо избавленія Солуня отъ Аваровъ и Славянъ, Іоаннъ, архіепископъ Солунскій, говоритъ и о другомъ, послѣдовавшемъ за нимъ, чудѣ. «Разскажу, пишетъ онъ, кратко, ибо есть еще многіе современные свидѣтели этого истиннаго происшествія. Богохранимый градъ Солунъ обложенъ былъ безчисленнымъ множествомъ варваровъ. Потомъ, послѣ отшествія ихъ, городъ и всю страну постигъ страшный голодъ, главнымъ образомъ потому, что этотъ, подобно песку, многочисленный народъ все опустошилъ за городомъ: такъ что и самую персть земли полизалъ, по Писанію (Пс. 71, 9); потомъ повсюду разнесся слухъ, что городъ взять, потому никто изъ мореплавателей и не заглядывалъ туда, оттого для спасшихся въ немъ предстояла опасность, равная самой войнѣ,—погибнуть отъ голода. Но любящій свой градъ челоуѣколюбивый и исполненный всякія благостыни преславный страстотерпецъ бодрствовалъ во время этого бѣдствія и не пренебрегъ слугами своими, хотя мы были и не достойны пощадѣнія ради множества грѣховъ нашихъ. Корабельщику Стефану, который съ большимъ грузомъ хлѣба плылъ въ столицу, онъ является около острова Хиоса ясно днемъ, въ такомъ видѣ, какъ изображается на иконахъ, въ то время какъ корабельщикъ хотѣлъ поднять правый парусъ, чтобы направиться въ Византію. Представъ на кораблѣ Стефану, мученикъ говоритъ ему: «послушай меня, подними парусъ и плыви безбоязненно въ Солунъ безъ замедленія. Тамъ нужда въ хлѣбѣ и ты хорошо это сдѣлаешь, такъ какъ я пойду передъ тобою». Бывъ внѣ себя, по причинѣ чудеснаго видѣнія мученика, корабельщикъ съ трудомъ сказалъ ему: мы слышали, господинъ, что этотъ городъ взять варварами и какъ ты

приказываешь плыть туда? Страстоносецъ отвѣчалъ: «поистинѣ взять онъ у людей, а не у Бога, ибо все возможно Богу. Плыви туда и встрѣчающимся кораблямъ сказывай, что Солунъ спасенъ милостію Божіею». Сказавъ это, онъ сошелъ съ корабля и, идя по водѣ, сказалъ Стефану: «вотъ сюда плыви, какъ видишь меня, идущаго предъ тобою». Стефанъ сейчасъ вставъ, поднялъ другой парусъ корабля и поплылъ въ Солунъ, долго видя шествующаго по морю преславнаго мученика. Видя многихъ и другихъ плывущихъ, Стефанъ кричалъ имъ, по повелѣнію стратотерпца, что городъ спасенъ помощію Божіею, и убѣждалъ ихъ направляться туда же. Самъ-же, пришедши прежде всѣхъ, разсказалъ о томъ многимъ въ городѣ, клятвою и самымъ дѣломъ подтвердивъ свое сказаніе. Скоро преславный мученикъ челоуѣколюбнѣйшимъ попеченіемъ своимъ обратилъ плачь города въ радость, ибо въ немногіе дни приплыли многіе купцы съ разными припасами и предупредили даже возвращеніе пословъ, ходатайствовавшихъ за городъ передъ царемъ по причинѣ голода. Отсюда можете понять, какъ велико было бѣдствіе, что городъ принужденъ былъ утруждать слухъ царя своимъ посольствомъ» *).

О мурѣ, изливавшемся отъ мощей св. великомученика Димитрія.

Изъ сочиненія архіепископа Іоанна о чудесахъ св. великомученика видно, что въ его время мощи св. Димитрія были еще въ землѣ, но послѣ онѣ были откопаны и гробъ его былъ на виду; это послѣдовало не ранѣе конца VII вѣка. Почему мученику, воспретившему открытіе

*) Много св. великомученикомъ совершено и другихъ чудесъ въ послѣдующія времена. Нѣкоторые изъ нихъ описаны въ книжкѣ: «Жизнь, страданіе и чудеса св. славнаго великомученика Димитрія Муроточиваго». Изданіе 4-е русскаго на Афонѣ Пантелеймонова монастыря 1883 года.

мощей его для отдѣленія отъ нихъ частицы при императорѣ Іустиніанѣ (527—565), благоугодно было разрѣшить открытіе ихъ въ послѣдствіи, это извѣстно Богу и самому мученику. Можно думать, что пожары, бывшіе въ Солуни, изъ коихъ одинъ въ храмѣ въ концѣ VI вѣка столь сильный, что расплавилась серебряная сѣнь надъ могилою мученика, предвидѣнные страсготерпцемъ, могли быть причиною тому.

Господу угодно было прославить мощи своего великаго воина, по открытіи ихъ обильнымъ истеченіемъ св. мѹра.

Въ 904 году 29 августа Сарацыны или Арабы приступили къ Солуню, взяли и разграбили городъ и черезъ 10 дней оставили его, но мощи мученика остались цѣлы. Солунскій житель и чтець церковный Іоаннъ Каменіата, очевидецъ этого событія, описалъ его подробно, причемъ свидѣтельствуешь объ истеченіи въ это время св. мѹра отъ мощей великомученика *).

Изъ XI столѣтія, кромѣ Георгія Скилицы, представимъ свидѣтеля о томъ же хронографъ греческаго монаха Георгія Кедрена. Въ 1041 году Болгары, подъ предводительствомъ перебѣжавшаго къ нимъ изъ Царьграда патриція и начальника города Θεοδοсіополя Алузіана, осадили, по распоряженію царя ихъ Делеана, Солунь. Шесть дней они дѣлали приступы, но, не могши взять города, рѣшились довести его до сдачи голодомъ чрезъ осаду. Осужденные защитники, пишетъ современникъ Кедренъ, «въ одинъ день собрались ко гробу мученика Димитрія, провели всю

---

*) Пѣснотворцы: св. Германъ, патріархъ Константинопольскій (VIII в.), въ стихирѣ великомученику и преподобный Θεοφάνης (IX вѣка) въ канонѣ ему не говорятъ объ истеченіи мѹра отъ мощей его; но Георгій Скилица, жившій въ XI вѣкѣ, много говоритъ о св. мѹрѣ великомученика въ канонѣ ему (этотъ канонъ есть въ славянской служебной минеѣ 26 октября); въ XIV вѣкѣ патріархъ Филофей (+ 1376 г.) также написалъ ему канонъ, который помѣщенъ въ греческихъ минеяхъ; въ немъ онъ много говоритъ о мѹрѣ отъ мощей великомученика.

ночь въ молитвахъ и, помазавшись, изливающимся отъ мощей его, громъ, отворили ворота и быстро устремились на Болгаръ, имѣя съ собою легіонъ магнанимовъ (то-есть великодушныхъ, храбрыхъ), обратили въ бѣгство непріателя, уstraшеннаго неожиданнымъ нападеніемъ, такъ что никто не смѣлъ противостать или защищаться. Предводителемъ римскаго войска былъ мученикъ; онъ и путь открывалъ. Плѣнные Болгары съ клятвою увѣряли, что они видѣли юнаго всадника, предшествовавшего римской фалангѣ, отъ него исходилъ огонь, пожигавшій враговъ. Пало болѣе пятнадцати тысячъ Болгаръ, не менѣе того взято въ плѣнъ, прочіе со стыдомъ бѣжали къ Делеану».

Анна Комнена, дочь императора Алексія I Комнена (1081—1118 г.), также свидѣтельствуеъ о мощахъ св. великомученика Димитрія, изливавшихъ цѣлебное муро въ концѣ XI вѣка и въ слѣдующемъ XII столѣтіи. Говоря о Солуни во время воцаренія отца ея, она называетъ его «важнѣйшимъ городомъ въ Фессаліи, въ которомъ сооружаемъ былъ тогда превосходный храмъ во имя великомученика Димитрія, коего честная гробница источаетъ муро, всегда подающее дивныя исцѣленія людямъ, приступающимъ къ нему съ вѣрой» *).

Историкъ Никита Хоніать, какъ современникъ, пишетъ, что Сицилійцы въ концѣ XII столѣтія во время греческаго императора Андроника (1183—85 г.), взявъ Солунь, не оказывали уваженія и самымъ угодникамъ Божиимъ. «Такъ муро, истекающее изъ гроба славнаго чудесами и страданіями мученика Димитрія, они, черпая кувшинами и кострюлями, вливали въ рыбныя жаровни, смазывали имъ обувь и безъ всякаго уваженія и нечестиво употребляли на другія надобности, для которыхъ обыкновенно употребляется елей. Но муро, какъ будто оно

*) Анны Комнены. Русскій перев. стр. 112.

вытекало изъ неистощимаго источника или поднималось изъ бездны, текло еще въ большемъ количествѣ, чудесно изливаясь въ такомъ изобиліи, что сами варвары признавали это явленіе чудомъ и ужасались благодати, полученной мученикомъ Христовымъ отъ Бога» *).

Іоаннъ Ставракій, хартофилаксъ Солунскій, жившій въ XIII вѣкѣ и писавшій о чудесахъ великомученика Димитрія, говоритъ о величайшемъ чудѣ его и источникѣ многихъ чудесъ—св. мурѣ: «кто не знаетъ объ источникѣ мвра, истекающемъ отъ всечестнаго тѣла Димитрія въ такомъ изобиліи, что оно переливаясь наполняетъ сосуды. стоящіе кругомъ божественнаго гроба его. Приѣмля отъ мвроноснаго источника блаженнаго изливающимъ благоуханный токъ, они служатъ на всякое время готовымъ врачевствомъ для желающихъ изъ христіанъ. Всякъ полъ и возрастъ обогащаются здѣсь отъ этого независтнаго общественнаго мѣста мвромъ мученика. Мужи, жены и дѣти пригоршнями и сифонами достаютъ себѣ оттуда мвро и одни освящаютъ имъ очи, другіе уста и уши, иные помазываютъ имъ грудь и всѣ члены тѣла и, словомъ сказать, не насыщаются этимъ мвропомазаніемъ» **).

Когда императоръ Андроникъ II устарѣлъ и ослабѣлъ въ своей дѣятельности, то внукъ его Андроникъ III Младшій рѣшился взять въ свои руки бразды правленія и сталъ собирать войска внѣ Царьграда. Андроникъ Старшій узнавъ объ этомъ, запретилъ ему входъ въ Царьградъ и началъ противъ него дѣйствія. Андроникъ Младшій скрывшись подъ простою одеждою, вошелъ въ Солунь, но взшедши онъ внутри стѣнъ тотчасъ скинулъ съ себя одежду и явился предъ всѣми, какъ царь. Тотчасъ

---

*) Пикиты Хоніата. Русскій переводъ. Т. I, стр. 388.

**) Дѣянія святыхъ 8 октября.

сбѣжался къ нему народъ и всѣ отдали ему царскую честь и привѣтствовали радостными кликами, а назначенные Андроникомъ Старшимъ начальники для защиты Солуня съ войсками своими находились внѣ стѣнъ города и заняты были распрями между собою. Такимъ образомъ Андроникъ Младшій легко и неожиданно овладѣлъ Солунемъ. Это было въ декабрѣ 1327 г. Въ это время св. великомученикъ совершилъ надъ Андроникомъ Младшимъ чудо. Но пусть говорятъ объ этомъ современный царственный историкъ Іоаннъ Кантакузенъ, котораго сей Андроникъ сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ и предъ смертію поручилъ ему опеку надъ сыномъ (1341 г.) и который самъ коронованъ въ императора въ 1342 году. «Царь», говоритъ Іоаннъ Кантакузенъ, «распорядившись охраненіемъ замка, пошелъ къ святому гробу Димитрія мученика и муроточца, какъ для того, чтобы поклониться ему (ибо онъ отъ перваго возраста чтить и вѣровалъ въ него преимущественно предъ другими мучениками и пламенно любилъ его), такъ вмѣстѣ для принесенія благодарности за настоящую удачу. Онъ принесъ поклоненіе и благодареніе. Но у него ранена была нога во время сраженія съ Персами; въ продолженіи 14 мѣсяцевъ она не могла быть уврачевана самыми опытными лекарями и, постоянно ноя, причиняла несносныя боли. Снявъ обувь, онъ помазалъ ногу муромъ святаго, воодушевленный тою мыслию, что, чего не могли сдѣлать искусство и стараніе человеческое, то силенъ совершить Богъ чрезъ святыхъ мучениковъ. Когда же онъ обнажилъ ногу, снявъ съ нея повязки (о! какъ Богъ прославляетъ мучениковъ), корпія найдена отставшею, а нога оказалась такъ здоровою, что не было никакого слѣда раны и нельзя было узнать, что она болѣла. Видя это, царь обрадовался болѣе сему, чѣмъ покорности Солунянъ и воздалъ большія и теплѣйшія благодаренія. И весь городъ, узнавши о чудѣ надъ ца-

ремъ, воспѣлъ многія пѣсни Богу и служителю Его Димитрію *). Это междоусобіе кончилось тѣмъ, что въ слѣдующемъ 1328 году власть перешла въ руки Андроника Младшаго.

Димитрій Хрисолоръ, весьма способный мужъ, родомъ Солунянинъ, а потомъ переселившійся въ Царьградъ и при императорѣ Мануилѣ Палеологѣ въ концѣ XIV вѣка исполнявшій весьма важныя и трудныя государственныя порученія, въ похвальномъ словѣ великомученику Димитрію, такъ говоритъ о св. мврѣ, истекавшемъ отъ его раки: «по времени надъ тѣломъ его (Димитрія) открывается нѣкій новый источникъ—муро (о чудо), текущее вмѣсто воды; потокъ его, несущій токи благоухающіе, наполняетъ вмѣстилище всякимъ благовоніемъ; это другой океанъ, содержащій волны мвра; это по свойству своему не вода, но гуще ея и не походитъ ни на одно изъ тѣлъ на землѣ ни изъ жидкихъ, ни изъ твердыхъ и ни на одно изъ приготовляемыхъ искусственно. Можно подумать что это плоть; но опять это удивительнѣе всѣхъ благоуханій, не только приготовляемыхъ искусствомъ, но и по естеству созданныхъ Богомъ. Истекающее муро раздѣляется на два потока, которые приѣмлютъ двѣ трубы и поднимаютъ его вверхъ; какъ будто кто выталкиваетъ его оттуда, а когда оно сравняется съ плоскостію (пола) храма **) успокоивается и каждая труба содержитъ какъ бы заткнутое и какъ-бы браздами удерживаетъ его отъ теченія впередъ. Трубы полны мвра и всегда радуется черпающій его и не убавляющій, изливающій и не уменьшающій, приѣмлющій и видящій цѣлымъ. Исходящее почти безмѣрно; ибо дается всякому изъ благочестивыхъ, кто сколько пожелаетъ; источникъ не истощается и ни-

*) I. Кантакузена, кн. I, гл. 53.

**) Гробница съ мощами была ниже пола храма.

когда не уменьшается, и это зрѣлище удивительно не только для вѣрующихъ, но и для всякаго изъ невѣрныхъ: хотя-бы былъ еретикъ или безбожникъ, но и онъ не можетъ поносить этого дѣла съ мвромъ, коего слава не помрачима» *).

Въ 1429 году Солунь былъ взятъ и ограбленъ Турками и вотъ что пишетъ очевидецъ этого событія Іоаннъ чтецъ: «что сказать о ракъ нашего побѣдоносца и мученика, источающей мвро? Неистовствовавшіе противъ насъ, подобно свирѣпымъ звѣрямъ, по необычайной ярости своей не оставили и ее нетронутою. Другія, построенныя нами, гробницы раскрыты и разворочены и останки, въ нихъ лежавшіе, разсыпаны по землѣ; ибо въ нихъ Турки находили скрытыя гражданами деньги, потому всѣ ихъ открыли и разрыли; а здѣсь они сдѣлали тоже не только по причинѣ украшенія раки не малымъ количествомъ золота и серебра, драгоценныхъ камней и жемчуга, но и по причинѣ цѣлбоноснаго божественнаго мвра. Нѣкоторые разворяли ее только для того, чтобы воспользоваться украшеніемъ, а другіе—завидуя намъ въ изліяніи отъ нея мвра и желая лишить насъ истекающихъ отъ него исцѣленій. Поэтому, отнявши мраморные покровы, не съ малымъ стараніемъ черпаютъ мвро и стараются извлечь святое тѣло мученика. Но безумное желаніе ихъ не исполнилось. Они въ продолженіи многихъ дней обѣими руками исчерпывали мвро и это для нѣкоторыхъ было предметомъ смѣха, а болѣе разумные желали отвезти его въ свое отечество, ибо они слышали отъ знающихъ людей, что это мвро во всѣхъ болѣзняхъ дѣйствительнѣе всякихъ лекарствъ, тѣмъ не менѣе они не могли истощить источника мвра, сколько они ни старались» **).

*) Дѣянія св. 8 октября. Новое изданіе, стр. 208.

**) Дѣянія св. 8 октября Т. IV, новое изданіе, стр. 74.

Рядъ вышеприведенныхъ свидѣтелей истеченія мұра отъ мощей угодника Божія (а есть не мало и другихъ, свидѣтельствующихъ о томъ-же) ставить внѣ всякаго сомнѣнiя это великое и продолжительное чудо, бывшее источникомъ многихъ другихъ чудесъ. Храмъ великомученика обращенъ Турками въ мечеть, по утвержденiи ихъ въ Солунѣ, но гробница святаго показывается въ немъ и доселѣ.

Въ заключенiе приведемъ сказанiе современнаго намъ писателя о храмѣ и гробѣ св. великомученика Димитрія. Высокоученный архимандритъ Антонинъ, нынѣ настоятель русской миссiи въ Иерусалимѣ, въ своемъ сочиненiи: *Замѣтки поклонника Святой Горы* (тс-есть Аѳонской), написалъ *): «Любопытство влекло меня поскорѣе увидѣть славный храмъ св. великомученика Димитрія. Онъ указанъ былъ мнѣ почти въ центрѣ города, сторожимый самымъ большимъ минаретомъ. Мало возвышаясь надъ окружающимъ его уровнемъ домовъ, онъ превосходитъ всѣ зданiя города своею обширностiю и виденъ съ моря во всю длину, рисуясь розовою стѣною, прорѣзаною множествомъ оконъ по два вмѣстѣ... Мы поспѣшили отправиться въ бывший въ давнiя времена митрополiею храмъ св. великомученика и мұроточца Димитрія. Общество наше состояло изъ археолога, архитектора, фотюграфъ и меня, примкнувшаго къ нему въ качествѣ поклонника. Мы введены были на дворъ церковный и потомъ въ самую церковъ стражемъ ея дервишемъ. Входъ въ храмъ съ сѣверной стороны его вблизи алтаря. Колонны небольшой высоты всякихъ размѣровъ и во всѣхъ направленiяхъ съ аркадами поверхъ ихъ, поддерживающими деревянный потолокъ, встрѣтили насъ съ самаго порога церковнаго и сначала давали намъ смѣшанное понятiе о цѣломъ. Но

*) Стр. 9—12.

Когда мы вступили на средину церкви, насъ поразило ее великолѣпіе. По десяти огромныхъ колоннъ драгоцѣннаго мрамора, пересѣкаемыхъ въ двухъ мѣстахъ четырехъугольными столпами, стояли вдоль храма, ограждая средину его; накинута на нихъ аркада поддерживала широкіе хоры, идущіе кругомъ всего храма и образующіе колоннаду, увѣнчанную также арками, надъ коими возвышается пробитая окнами стѣна до стропиль крыши, не закрытой извнутри ничѣмъ. Лицевая стѣна между нижнею и верхнею колоннадою вся одѣта мраморомъ, съ широкимъ, искусно сдѣланнымъ изъ разноцвѣтнаго мрамора карнизомъ. Между колоннами хоровъ вмѣсто перилъ вставлены большія мраморныя плиты съ рѣзбою, выражающею большею частію знаменіе креста, теперь слегка забѣленное. Храмъ имѣетъ планъ базилики съ двухъ-ярусными галлереями, двойными внизу, чѣмъ и отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ подобной архитектуры зданій. Это, безъ сомнѣнія, величайшая изъ церквей Востока; числомъ-же колоннъ и великолѣпіемъ алтаря она превосходитъ всѣ западныя базилики. Полъ ея устланъ мраморными плитами, между коими встрѣчается множество обломковъ отъ стѣнныхъ и оконныхъ украшеній съ рѣзбою и частію надписями и много цѣлыхъ надгробныхъ плитъ. Насладившись зрѣлищемъ архитектурнаго величія храма, мы пожелали видѣть сокрытую во мракѣ гробницу св. великомученика Дмитрія. Услужливый стражъ ввелъ насъ въ малую и темную, лишенную всякихъ украшеній, комнату, примыкающую къ сѣверозападному углу храма, и указалъ на вдѣланную въ стѣну гробницу, озаренную горѣвшими предъ нею свѣчами. Мы поклонились мѣсту покоя великомученика и поскорбѣли глубоко объ окружающемъ его запустѣніи. При выходѣ изъ усыпальницы иновѣрный вожатый предложилъ намъ напиться святой воды изъ колодца, находящагося въ самомъ храмѣ, вблизи сѣверной

стѣны бывшаго алтаря; а стражъ указалъ намъ при томъ на одну смежную колонну, источающую изъ себя по временамъ маслянистую влажность, въ видѣ какъ-бы пота, въ знаменіе продолжающагося чуда муроточенія отъ св. мощей страстотерпца. Пріятно было слышать то и другое изъ устъ магометанъ». Это было въ 1859 году.

МЕССИАНСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЧУДЕСЪ

ИСУСА ХРИСТА.

Р. МАКАРЬЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. И. Сойкина, Стрѣляная, д. 12.

1892.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 Декабря 1892 г.

Мессіанское значеніе чудесъ Исуса Христа.

Евангельская исторія земной жизни Исуса Христа, послѣдовательно описывая совершенное Имъ дѣло великаго искупленія и, между прочимъ, раскрывая Его божественную проповѣдь, съ которою ходилъ Онъ «по градомъ» и «весьмъ» благовѣствуя «лѣто Господне», — отводить видное мѣсто и Его чудеснымъ дѣламъ, которыя Онъ во множествѣ творилъ въ тѣхъ же самыхъ городахъ и селеніяхъ, среди тѣхъ же слушателей-иудеевъ. Дѣла эти, и по самому характеру и по способу совершенія ихъ, по истинѣ необычайны! Въ нихъ Иисусъ Христосъ является полновластнымъ Повелителемъ надъ всѣмъ міромъ—видимымъ и невидимымъ; въ нихъ и чрезъ нихъ Онъ простираетъ Свою всепокоряющую руку и въ область виѣшней, вещественной природы, смиряя бурныя стихійныя силы ея, и въ кругъ человѣческой жизни, воскрешая мертвыхъ и исцѣляя недужныхъ, и даже въ область не земного, чисто духовнаго бытія, вступая въ борьбу съ темными силами ада и освобождая отъ нихъ ихъ несчастныя жертвы. И все это безусловно преклонялось предъ Нимъ, все вдругъ совершалось по одному лишь властному слову Его, подобно тому, какъ нѣкогда по творческому «да будетъ»—вся «быша» и «создашася». Необычайныя по своему существу, всѣ эти чудотворенія Христовы были, какъ мы замѣтили уже, и не-

обычайно многочисленны,—настолько многочисленны, что, если бы подробно описывать ихъ, то, по выраженію евангелиста, «и всему міру не вмѣстятъ бы написанныхъ книгъ»¹⁾.

Таковъ, по описанію св. евангелистовъ, общій характеръ чудесныхъ дѣлъ Христовыхъ. Всѣ эти особенности ихъ, съ одной стороны—ихъ необычайность и многочисленность, съ другой — ихъ обиліе съ проповѣдью Іисуса Христа, которую они неизмѣнно сопровождаютъ въ теченіе всего періода Его дѣятельнаго мессіанскаго служенія, — все это естественно приводитъ къ вопросу: какой же смыслъ, какое значеніе имѣютъ эти столь поражающія насъ дѣла Христовы? Были-ли они явленіями только случайными, или же имѣютъ ближайшую, непосредственную связь съ тѣмъ самымъ ученіемъ, рядомъ съ которымъ всегда совершались? Другими словами, были-ли они только случайными проявленіями Божьего, естественнаго чувства состраданія къ страждущимъ братьямъ по плоти, неспособнымъ въ немощной борьбѣ съ стихійными силами природы и земными духовными; или же въ нихъ, въ этихъ величественныхъ дѣлахъ победы надъ зломъ, тагующимъ надъ человѣчествомъ, Божественный Учитель запечатлѣлъ какое-либо особенное намѣреніе, особую, высшую цѣль, скрывающуюся въ предѣлахъ Его искупительной миссіи?

Прежде чѣмъ дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, считаемъ не лишнимъ остановиться на особомъ взглядѣ по этому предмету крайней рраціоналистической школы. Исходя изъ своего основнаго принципа, что «чего нѣтъ въ природѣ, то не существуетъ и не можетъ быть признано ничѣмъ другимъ, какъ только идеей» (Галотъ)²⁾, представители рраціонализма не могутъ примириться съ тѣмъ, что не отвѣчаетъ этому принципу, что по своему характеру

¹⁾ Іоан. XXI, 25.

²⁾ Прессансе—«Іисусъ Христосъ и Его время».

переступаешь границы «природы». Неудивительно послѣ этого, что «чудо», понимаемое христіанско-богословскою наукою какъ историческое событіе, совершающееся внешне нѣхъ законовъ природы, для исследователей этого принципа—одно лишь пустое слово, лишнее всякаго смысла; а потому и вопросъ о значеніи «чуда» въ системѣ христіанскаго вѣроучія съ нѣхъ точки зрѣнія является совершенно празднымъ и даже несущественнымъ вопросомъ. Какъ отступление отъ разъ установленнаго порядка природы и, следовательно, нѣхъ физическая невозможность, чудеса, по нѣхъ воззрѣнію, представляютъ лишь глупое затрудненіе и препятствіе къ принятію христіанства и во всякомъ случаѣ представляютъ собою явленія, для христіанства совершенно лишнія. Поэтому, единственная и наиболѣе вѣрная почва, на которой богословская наука можетъ смѣло выступить въ защиту чудесъ и нѣхъ значенія для христіанскаго ученія, — это само же ученіе Христово; только на этой твердой, неизмѣнной почвѣ, предъ которою блѣднѣютъ и сами рационалисты, чудеса находятъ свое вѣрное оправданіе и получаютъ все свое значеніе въ системѣ христіанства.

Такимъ образомъ, чтобы отвѣтить на возникающій насъ вопросъ о мессіанскомъ значеніи чудесъ Христовыхъ, — о томъ, суть-ли они только случайныя и даже лишнія явленія по отношенію къ ученію Христа-Мессіи, или, наоборотъ, необходимы и существенно важны, — чтобы дать болѣе или менѣе полный и обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно заглянуть въ самую сущность христіанскаго ученія и отмѣтить въ немъ такіа характеристическія черты, изъ которыхъ тотъ или другой отвѣтъ вытекалъ бы самъ собою, какъ естественный логическій выводъ.

Существеннѣйшею цѣлію божественной проповѣди Іисуса Христа было—благовѣстить «лѣто Господне»¹⁾, проповѣдывать

¹⁾ Лук. IV, 19; Мат. LXI, 2.

міру о томъ царствѣ, о которомъ нѣкогда «многочастнѣ и многообразнѣ» возвѣщали избранному народу Божію пророки, воздвигаемые Духомъ Святѣмъ,—о томъ царствѣ, которое должно было открыться на землѣ вмѣстѣ съ послѣднимъ, завершительнымъ актомъ Его миссіи—искупительной жертвой. Но, по ученію Божественнаго Учителя, царство это—«не отъ міра сего» ¹⁾: въ немъ нѣтъ мѣста для обычныхъ въ «мірѣ семъ» гражданскихъ правъ и привилегій, равно какъ и для какихъ-либо политическихъ преимуществъ одного избраннаго народа предъ всѣми другими народами. Въ него войдутъ всѣ «чистиі сердцемъ» ²⁾, безъ различія между ними «аллиновъ или іудеевъ» ³⁾, всѣ готовые и способные къ нравственному самоусовершенствованію, всѣ стремящіеся, по мѣрѣ своихъ силъ, къ дѣятельному уподобленію Всесовершеннѣйшему Отцу Небесному ⁴⁾ какъ высочайшему нравственному идеалу, и руководящіеся ученіемъ Его Божественнаго Сына, Христа-Мессіи. Отверывая свои двери для всѣхъ «труждающихся и обремененныхъ» грѣхами ⁵⁾, оно не требуетъ отъ вступающихъ въ него членовъ ни кровавыхъ очистительныхъ жертвъ, какъ уже измѣненныхъ, въ виду великой искупительной жертвы Самого Христа-Мессіи, пришедшаго отдать Себя на закланіе за грѣхи всего міра; ни поклоненія Богу въ единомъ іерусалимскомъ храмѣ, обязывая своихъ вѣрныхъ сыновъ поклоняться Отцу Небесному всегда и вездѣ лишь «въ духѣ и истинѣ» ⁶⁾, ни выполненія другихъ обрядовыхъ постановленій ветхозавѣтнаго закона, какъ уже отжившихъ свое время и исполнившихъ свое подготовительное назначеніе. Чтобы сдѣлаться достойнымъ членомъ

¹⁾ Іоан. XVIII, 36.

²⁾ Мат. V, 8.

³⁾ Колос. III, 11.

⁴⁾ Мат. V, 48.

⁵⁾ Мат. XI, 28.

⁶⁾ Іоан. IV, 21—23.

благовѣстуемаго царства, необходимо всегда и въ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ, кто бы они ни были, одушевляться тою безпредѣльною любовью его Божественнаго Учредителя, по которой Онъ, безъ различія племени и рода, «велить сіять солнцу на злыхъ и благихъ, на праведныхъ и неправедныхъ» ¹⁾: нужно «всѣмъ сердцемъ, всею душою и всею мыслию возлюбить Бога и ближнихъ, какъ себя самого» ²⁾. Словомъ, божественная проповѣдь Христа возвышала объ особомъ, духовномъ всечеловѣческомъ царствѣ, гдѣ вся великая человѣческая семья должна была слиться воедино на началахъ правды, мира и любви, во имя Христа, Сына Божія.

Таково было ученіе Иисуса Христа о царствѣ Мессіи,—ученіе, съ которымъ Онъ явился среди іудеевъ—избраннаго «народа Божія», издревле предназначавшагося и столь «многообразнѣ» подготавливавшагося ко вступленію въ это обѣтованное царство. Но достаточно ли было одного лишь этого ученія, чтобы слушатели-іудеи преклонились предъ нимъ, какъ предъ небесною, божественною истиною? Столь величественное и необычайное—заключало-ли оно въ самомъ себѣ всѣ необходимыя данныя къ тому, чтобы встрѣтить въ той средѣ сердца, готовые и способные легко и охотно воспринять его? Если мы вникнемъ въ настроеніе и характеръ той среды, на которую долженъ былъ дѣйствовать своею проповѣдью Божественный Учитель, то легко поймемъ все значеніе этого вопроса для нашей задачи, и отвѣтъ на него явится уже самъ собою.

Современное Христу іудейство переживало едва ли не самую тяжелую и мрачную эпоху въ своей политической жизни. Уже давно потерявшіе свою политическую независимость, томившіеся подъ игомъ то той, то другой чуждой народности, іудеи незадолго до начала христіанской эры подпали,

¹⁾ Матѣ. V, 45.

²⁾ Матѣ. XXII, 37—39

наконецъ, подъ жалѣнное владычество Рима, не оставлявшее, повидимому, уже ни малѣйшей надежды на естественное возвращеніе поправленной національной свободы. Оскорбленное и униженное, но гордое національное самолюбіе «сыновъ Авраама» никогда, однако, не могло примириться съ такимъ порядкомъ вещей: съ одной стороны, оно побуждало ихъ отъ настоящаго униженія невольно переноситься мыслію въ минувшіе времена ихъ политической славы, когда Израиль мирно и безбоязненно наслаждался покоемъ подъ кущами виноградныхъ лозъ и смоковницъ¹⁾, заставляя трепетать передъ собою окрестные народы; съ другой — напоминало имъ тѣ пророчества и обѣтованія о грядущемъ царствіи Мессіи, которыми Богъ такъ часто отличалъ ихъ передъ всѣми другими народами. По мѣрѣ того, какъ мысли іудеевъ все чаще и чаще останавливались на этомъ историческомъ прошломъ и на этихъ мессіанскихъ обѣщаніяхъ, въ нихъ постепенно стала дрѣмнуть и созрѣвать неумолкавшая вѣра въ лучшее, болѣе счастливое политическое будущее: вмѣстѣ съ тѣмъ въ ихъ воображеніи сталъ живѣе и живѣе предлоситься и виновникъ, герой, такъ сказать, этого будущаго, — это Самъ обѣщанный Мессія.

Не надѣясь уже на свои собственные силы восстановить потерянную независимость, они на Него и только на Него одного обращали теперь свои взоры, возлагали всѣ свои чаянія и надежды. Сдѣлавшись предметомъ подобнаго чаянія, образъ Мессіи въ воображеніи іудеевъ естественно воспринималъ въ себя все новыя и новыя, уже чисте политическія свойства, такъ что оное время пришестія Христа они представляли себѣ Мессію уже не иначе, какъ вселенногосподствующимъ, грознымъ даремъ-завоевателемъ, который долженъ разрушить гордый, ненавистный Римъ, и на развалинахъ его восстановить іудейское царство въ прежней

¹⁾ Матт. V. 4.

доголѣ славѣ и блескѣ.—Такимъ образомъ, прежде чѣмъ явился Іисусъ Христосъ среди іудеевъ, они уже успѣли вполнотѣ въ религіи свое національное богопочтеніе въ ихъ религіозномъ сознаніи создавался и вполнѣ опредѣлился уже свой особый идеалъ царства Мессіи,—идеалъ чисто политическаго характера. И вотъ съ такимъ-то уже готовымъ идеаломъ въ душѣ они услышали проповѣдь Христа о наступающемъ царствѣ. Но какъ безконечно далека была эта проповѣдь отъ ихъ идеала! Не о томъ царствѣ слышали они, которое такъ заманчиво рисовалось въ ихъ воображеніи. Мечтавшіе встрѣтить въ лицѣ Мессіи грознаго, славнаго царя, они увидѣли въ Проповѣдникѣ, свидѣтельствовавшемъ о Себѣ, какъ о Мессіи, лишь вроткаго, скромнаго сына плотника; ожидавшіе освобожденія отъ ненавистнаго политическаго ига, они, напротивъ, услышали отъ Него ученіе о любви ко врагамъ и о свободѣ лишь отъ какого-то нравственнаго, внутренняго ига грѣха; съ страстнымъ нетерпѣніемъ жаждавшіе національно-политической славы, они должны были выслушивать обѣтованія о какой-то высшей, духовной славѣ, ожидающей воиъ достойныхъ ея въ небесномъ отечествѣ. Словемъ, имъ возмѣщалось ученіе о какомъ-то всеобщемъ духовномъ царствѣ, которое должно было создаться въ сердцахъ воиъ вѣрныхъ послѣдователей его, —ученіе, въ самомъ корнѣ разрушавшее ихъ налюбленный идеалъ царства Мессіи, отбѣлавшее всѣ ихъ вѣровныя чаянія и мечты.

Очевидно, такое ученіе Іисуса Христа, столь рѣзко протирѣчивавшее всему складу религіозно-политическихъ воззрѣній іудеевъ, само по себѣ не могло достигнуть среди нихъ своей мессіанской цѣли; оно могло быть рѣшительно и единодушно отвергнуто ими, съ одной стороны—какъ не отбѣчавшее ихъ давнѣйшихъ ожиданій, съ другой—какъ слишкомъ отвлеченное и необычайно высокое, стоявшее немыслимо выше ихъ узкопрактическихъ стремленій. Поэтому

му, чтобы не остаться лишь «гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ», Проповѣдникъ такого ученія долженъ былъ все сомнительное и невѣроятное въ немъ для слушателей вооружить силою непререкаемаго авторитета, отвлеченное, мало доступное воплотить въ наглядныхъ, реальныхъ образахъ. Словомъ, какъ Проповѣдникъ необычнаго великаго ученія. Онъ долженъ былъ подтвердить и выяснить его и необычайно великими дѣлами. Такими-то дѣлами, достигавшими какъ той, такъ и другой цѣли въ рукахъ Божественнаго Учителя, и были всѣ тѣ безчисленные чудесныя дѣла, которыми Онъ всегда и вездѣ сопровождалъ Свое ученіе.

Итакъ, уже изъ общаго очерка ученія Иисуса Христа, въ связи съ религіознымъ состояніемъ современныхъ Ему іудеевъ, мы видимъ, что совершенныя Имъ чудеса—вовсе не случайныя и тѣмъ болѣе не излишнія явленія на лонѣ христіанства; мы видимъ, что они должны были служить особымъ и необходимымъ орудіемъ въ Его мессіанской дѣятельности. И прежде всего, какъ мы видѣли, они должны были служить по отношенію къ ученію Христову необходимыми внѣшними авторитетными свидѣтельствами истинности его, какъ ученія божественнаго. Такое именно значеніе чудесъ для ученія Христова признается за ними и евангельской исторіей: такъ смотрѣлъ на нихъ и Самъ Иисусъ Христосъ, такъ относились къ нимъ и Его современники іудеи; оно весьма ясно видно также и изъ того дѣйствія, какое производилось чудесами на очевидцевъ.

По свидѣтельству евангелистовъ, Иисусъ Христосъ, проповѣдуя о наступленіи царства Божія, почти вездѣ встрѣчалъ или недовѣрчивое недоумѣніе, сомнѣніе, или же рѣшительную, фанатическую злобу и ненависть. Іудеи-слушатели, какъ мы видѣли, никакъ не могли примириться съ мыслию, чтобы съ такими надеждами ожидавшійся ими Мессія могъ возвыщать о царствѣ «не отъ міра сего», что, слѣдовательно, созданный ими идеалъ Его царства—одно лишь

жалкое заблужденіе. «Не сей ли есть Іисусъ, сынъ Іосифовъ, Его же мы знаемъ отца и мать?» ¹⁾ — недоумѣвали одни изъ іудеевъ, слыша ученіе Іисуса Христа о Его особенномъ, божественномъ достоинствѣ и назначеніи. «Отъ Назарета можетъ ли что добро быти?» ²⁾ скептически замѣчали другіе. «Бѣса имать и неистовъ есть» ³⁾, — рѣшали третьи, и «мнози отъ ученикъ Его идоша вспять и ктому не хожду съ Нимъ» ⁴⁾. До такой степени слово Христово не вмѣщалось въ ихъ религіозномъ кругозорѣ! И вотъ, чтобы побѣдить такое фанатическое упорство іудеевъ, Господь съ горечью и настойчиво обращалъ ихъ вниманіе на Свои чудесныя дѣла, какъ на рѣшительныя и несомнѣнныя знаменія и Своихъ божественныхъ мессіанскихъ правъ и истинности Своего ученія. Такъ, однажды, излагая предъ іудеями ученіе о Себѣ, какъ обѣтованномъ Мессіи, и о Своемъ божественномъ достоинствѣ, — ученіе, за которое они не разъ искали убить Его ⁵⁾, — Іисусъ Христосъ обратился къ нимъ съ такими словами: «Аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно. Инъ есть свидѣтельствуй о Мнѣ.....; дѣла бо, яже даде Мнѣ Отецъ, да совершу я, — та дѣла, яже Азъ творю, — свидѣтельствуютъ о Мнѣ, яко Отецъ Мя посла» ⁶⁾. Въ другое, позднѣйшее время, возвращаясь къ тому же ученію о Себѣ, изъ-за котораго іудеи уже «взяша камень, да побіютъ Его», Господь прямо сказалъ имъ: «Аще не творю дѣла Отца Моего, не имите Ми вѣры; аще ли творю, аще и Мнѣ не вѣруете, дѣломъ Моимъ вѣруйте» ⁷⁾. Тотъ же взглядъ на Свои чудеса, какъ непоколебимое, жи-

¹⁾ Іоан. VI, 42.

²⁾ Іоан. I, 46.

³⁾ Іоан. X, 20.

⁴⁾ Іоан. V, 66.

⁵⁾ Іоан. V, 18.

⁶⁾ Іоан. V, 31—36.

⁷⁾ Іоан. X, 31. 37—38.

вое и очевидное свидѣтельство Его истинно-мессіанскаго назначенія, Онъ выразилъ и предъ учениками Іоанна, пришедшими узнать, тотъ ли Онъ, Которому должно прійти, или много нужно ожидать. Не давая прямого отвѣта и считая его какъ бы излишнимъ, Господь намѣлъ совершенно достаточнымъ указать только на совершенныя Имъ дотолѣ необычайныя дѣла: «Шедша возвѣстита Іоанну, яже видѣста и слышаста: аки слѣдѣи превращать, хроміе ходять, прокаженніи очищаются, глухіи слышать, мертвіи востаютъ, нищїи благовѣстуютъ.» ¹⁾). Весь сомнѣнія, такое же значеніе усвѣдалъ Іисусъ Христосъ Своими чудотвореніямъ и посылая на проповѣдь Своихъ учениковъ. Заповѣдуя имъ въ Своихъ напутствіяхъ проповѣдать о наступленіи «царства небеснаго», Онъ въ то же время внушаетъ имъ, какъ нѣчто необходимое при этой проповѣди, «больнымъ исцѣлять, прокаженныхъ очищать, мертвыхъ воскрешать, бесовъ изгонять.» ²⁾ Такимъ образомъ, не намѣреніемъ Самого Господа Іисуса, вои творимыя Имъ чудесныя «дѣла» должны были служить для ученія Его въ глазахъ іудеевъ тѣмъ, чего послѣдніе такъ «одебѣлывали сердцемъ», не видѣли въ этомъ высочайшемъ ученіи, — должны были служить для него вѣнчанными авторитетами знаменіями Его, какъ небесной, божественной власти.

Такъ, дѣйствительно, смотрѣли на нихъ и сами іудеи. Независимо отъ особеннаго склада религіозно-политическихъ воззрѣній іудеевъ, чудеса Христовы были для нихъ весьма важное значеніе и по другимъ причинамъ. Какъ вѣрные сыны народа, по самой природѣ своей, по своему національному характеру, всегда отличавшагося слишкомъ сильною впечатлительностію нервной системы и крайне слабымъ спо-

¹⁾ Лук. V, 20—22.

²⁾ Мате. X, 7—8.

способностью къ абстрактному, отвлеченному мышлению ¹⁾, иудеи склонны были признавать истину и уклоняться ея лишь въ томъ случаѣ, когда она поражала ихъ своею очевидностію, облеченная въ какіе-либо положительные образы или формы, когда она съ неотразимою силою дѣйствовала на ихъ чувства; внутренняя же сторона ея, то, что характеризуетъ ее, именно какъ отвлеченную истину, была мало доступна для нихъ и потому имѣла какъ бы второстепенное значеніе. Съ другой стороны, быть можетъ, подѣ влияніемъ именно этой національной психической особенности, у иудеевъ того времени крайне развита была инстинктивная страсть во всемъ необычайному, поразительному, такъ или иначе выходящему изъ ряда естественныхъ, обычныхъ явленій природы и жизни, — страсть, создавшая особый культъ всевозможныхъ различій, чародѣйствъ и всякаго рода «знаменій»; существовало даже особенное уточненное различіе между «знаменіями» вообще и «знаменіями съ небомъ» ²⁾. Все это вмѣстѣ, очевидно, должно было служить для иудеевъ весьма сильными побужденіями къ тому, чтобы ожидать отъ Божественнаго Учителя рядомъ съ ученіемъ и необычайныхъ внѣшнихъ дѣйствій, или чудесъ, безъ которыхъ одно ученіе, какъ ни высокое само по себѣ, теряло въ ихъ глазахъ всю свою силу и значеніе. Отсюда становится вполне понятною для насъ та упорная настойчивость, съ какою иудеи постоянно требовали отъ Иисуса Христа чудесныхъ знаменій ³⁾, «Кое

---

¹⁾ Такого мнѣнія о психическихъ особенностяхъ еврейскаго народа держатся, напр., Ренанъ и проф. Д. Абр. Хвольсонъ.

²⁾ Мате. VII, 28; XVI, 1. Марк. VIII, 11.

³⁾ Правда, не всегда Иисусъ Христосъ удовлетворялъ иудеевъ, требовавшихъ отъ Него «знаменій»; напротивъ, иногда, какъ свидѣлствуютъ евангелисты, Онъ рѣшительно и даже съ упрекомъ отвергалъ подобныя требованія (Мате. XVI, 4). Но это обстоятельство, какъ можно думать, объясняется тѣмъ, что въ данномъ случаѣ иудеи требо-

твориши знаменіе»,—не разъ допрашивали они Его,—«да видимъ и въру имемъ Тебѣ?»¹⁾. Знаменія, или чудеса, являлись такимъ образомъ въ глазахъ іудеевъ авторитетнѣйшими, сильнѣйшими свидѣтельствами въ пользу истинности ученія Христова,—свидѣтельствами, совершенно достаточными для того, чтобы преклониться предъ этимъ ученіемъ, какъ именно предъ несомнѣнною истиною.

Это мы и видимъ изъ того неотразимо-покоряющаго дѣйствія, какое производили чудеса Христовы на очевидцевъ. Сопровождаѣ Божественнаго Учителя, іудеи весьма часто были свидѣтелями безчисленныхъ необычайныхъ дѣлъ Его. Они воочію видѣли, какъ Онъ исцѣлялъ страждущихъ отъ самыхъ тяжкихъ тѣлесныхъ недуговъ, какъ напр.—отъ проказы, передъ которою безсильны были всякія человѣческія врачебныя средства²⁾, какъ возвращалъ къ жизни мертвыхъ когда не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ смерти³⁾; какъ побѣждалъ стихійныя силы природы, укрощая бури, ходя по водамъ⁴⁾; видѣли, наконецъ, какъ передъ Нимъ трепетали силы самого ада—бѣсы, которыхъ Онъ, какъ «власть имущій», изгонялъ изъ несчастныхъ жертвъ ихъ страшныхъ козней⁵⁾. Мало того, они видѣли, что все это совершалось вдругъ, по одному лишь властному слову Чудотворца, что бѣсы при одномъ лишь имени или приближеніи Его спѣшили оставить свои жертвы, открыто и смиренно исповѣдуя Его Христомъ, Сыномъ Божиимъ. Все это, неотразимо дѣйствуя

вали, быть можетъ, такого чуда, которое по своему характеру не отвѣчало достоинству и цѣли миссіи Христовой,—такого чуда, которое бы, напротивъ, оправдало и польстило ихъ мессіанскимъ чаяніямъ.

¹⁾ Иоан. VI, 30.

²⁾ Лук. XVII, 11—19.

³⁾ Иоан. XI, 1—45.

⁴⁾ Матѣ. VIII, 26—27.

⁵⁾ Матѣ. VIII, 29.

на чувства и воображеніе слишкомъ впечатлительныхъ ищущихъ—иудеевъ, естественно должно было сломить фанатическое сопротивленіе ихъ ученію Христову, заставляя невольно примириться съ тѣмъ, чего не могли признать ихъ слабый, зараженный предрассудками умъ. И дѣйствительно, по свидѣтельству евангельской исторіи, многія изъ чудесныхъ знаменій Христа привлекали къ Нему цѣлыя толпы иудеевъ ¹⁾. «Егда Христосъ придетъ, егда больша знаменія сотворить, яже Сей творить?»—разсуждали они однажды, послѣ цѣлаго ряда видѣнныхъ ими чудесъ Иисуса Христа,—и, по замѣчанію евангелиста, «мнози вѣроваша въ Него» ²⁾. Или, рассказавъ о поразительномъ чудѣ воскрешенія Лазаря, уже четыре дня лежавшаго во гробѣ и начинавшаго «смердѣть», тотъ же евангелистъ добавляетъ: «Тогда мнози отъ іудей, пришедше къ Маріи и видѣвше, яже сотвори Иисусъ, вѣроваша въ Него» ³⁾.

Чтобы понять всю силу обаянія чудесъ Иисуса Христа на умы иудеевъ и въ этомъ смыслѣ—все авторитетное значеніе ихъ для ученія Его, достаточно остановиться на

¹⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что не на всѣхъ иудеевъ чудеса Иисуса Христа производили такое покоряющее дѣйствіе; многіе изъ нихъ, особенно книжники и фарисеи, и послѣ того оставались упорными противниками ученія Его. Самые поразительныя изъ чудотвореній, какъ напр.—изгнанія бласовъ, они готовы были объяснять силою Вельзевула, дѣйствовавшаго чрезъ Христа, какъ бы чрезъ свое послушное орудіе (Мате. XII, 24). Но это были отъявленные фанатики, совершенно и безвозвратно погибшіе уже для слова и дѣйствія небесной истины. Отуманенные своими заблужденіями и исконными предрассудками, эти люди сдѣлались неспособными уразумѣть даже и той простой истины, что «аще сатана сатану изгонитъ», то онъ уже «на ся раздѣлился есть», и что тогда уже «не устоитъ царство его»,—какъ премудро обличалъ ихъ Господь (Мате. XII, 26). Словомъ, это были люди, надъ которыми, по замѣчанію евангелиста, во всей силѣ исполнились слова пр. Исаи: «Ослѣпи очи ихъ и окаменилъ есть сердца ихъ, да не видятъ очима и не разумѣютъ сердцемъ» (Іоан. XII, 40; Ис. VI, 10).

²⁾ Іоан. VII, 31.

³⁾ Іоан. XI, 45.

грядѣ, такъ сказать, всѣхъ чудесъ Христовыхъ—воскресеніи Его и именно на томъ основаніи, какое имѣло это чудо чудное для всѣхъ Его бывшихъ учениковъ. Но свидѣтельству очевидцевъ, событія послѣдуютъ дѣлу земной жизни Иисуса Христа сильнѣе и повелѣніи всѣхъ даже избранныхъ учениковъ Его. Еще во время суда надъ Нимъ у первосвященника тотъ ученикъ, который, поведенію, болѣе всѣхъ былъ готовъ перестать ученикомъ своего Божественнаго Учителя, болѣе и чаще другихъ извѣщалъ Его въ своей познательной вѣрности,—даже этотъ ученикъ (Петръ), послѣ нечестнаго признанія, оторвался отъ Него ¹⁾. Но совершеніи же крестной казни надъ Иисусомъ Христомъ и всѣ остальные ученики Его разбѣжались, предвзвѣсивъ скорби и унынію ²⁾. Со смертію, позорною смертію своего обожаннаго Учителя, они полагали разрушенными всѣ своя надежды, съ погребеніемъ Его считали погребенными всѣ тѣ высокія чаянія, которыя Онъ такъ часто внушалъ имъ при жизни. До такой степени смерть Иисуса Христа казалась имъ непримиримою, несоизвѣстною со всѣмъ тѣмъ, что они видѣли и слышали отъ Него, какъ постоянные, неразлучные спутники! Но вотъ совершается величайшее изъ чудесъ — воскресеніе Иисуса Христа, и въ настроеніи тѣхъ же учениковъ происходитъ рѣшительный переворотъ. Какъ убѣдительнѣйшее доказательство божественнаго достоинства воскресшаго Учителя и, слѣдовательно, какъ рѣшительное свидѣтельство въ пользу истинности миссіи, совершенной Нимъ на землѣ,—это чудо чудное снова воспроизводитъ ученикахъ ту самую вѣру и чинниа, снова возобновляетъ божественный авторитетъ Его ученія и сдѣлало ихъ потомъ вдохновенными и самоотверженными проповѣдниками этого ученія.

¹⁾ Іоан. XVIII, 17, 25, 27.

²⁾ Мате. XXVI, 56; Марк. XIV, 50.

Итакъ, чудеса Иисуса Христа, прежде всего, имѣли внѣшнее отношеніе къ ученію Его, какъ необходимыя внѣшнія условія или средства для насажденія этого ученія среди первыхъ слушателей Его—іудеевъ. Они слушали необходимыми авторитетными «знаменіями» божественно-мессіанскаго достоинства Иисуса Христа, безъ которыхъ, какъ имъ видѣли, проповѣданное Имъ ученіе не могло бы найти въ нихъ для себя прочной и воспріимчивой почвы; безъ которыхъ великія истины этого ученія никуда не могли бы сдѣлаться для нихъ предметомъ вѣры, закономъ для ума и заповѣдью для сердца.

Но мессіанское значеніе чудесъ Христовыхъ далеко еще не исчерпывается этимъ: оно простирается также и на внутреннюю сторону ученія Христова. Сокровищами радостей съ проповѣдью о царствѣ Божіемъ,—проповѣдью, какъ имъ видѣли, не только не встрѣчанной догѣри со стороны іудеевъ, но и мало доступной для нихъ по своему всемістному и болѣе или менѣе отвлеченному характеру,—чудеса въ рукахъ Божественнаго Учителя верѣе являлись средствомъ къ болѣе наглядному и положительному выраженію ея истиннаго смысла. Само собою понятно, что такое именно значеніе они имѣли не для тѣхъ, конечно, іудеевъ, которые съ фанатическимъ упорствомъ замышляли, такъ сказать, свой умъ и сердце для всакой истины, не подходившей подъ кругъ изслѣдываемыхъ ими понятій; но для тѣхъ, которые, съ чистымъ сердцемъ внимая божественной проповѣди Христа, связывались верѣе слабыми, бессильными для истиннаго уразумѣнія ея и вмѣстѣ съ тѣмъ не вполне свободными отъ своихъ исконныхъ національных предразсудковъ. Въ числу такихъ іудеевъ принадлежали даже и ближайшіе, избранные ученики Иисуса Христа. Всюду сопровождавшіе Божественнаго Учителя, всегда бывшіе непосредственными слушателями Его ученія о грядущемъ царствѣ,—даже и они до самаго момента полнаго прославленія Его (черезъ воскресеніе) все

еще не могли усвоить себѣ истинное понятіе о характерѣ этого царства; имъ, какъ и всѣмъ вообще іудеямъ, все еще представлялось оно какимъ-то чувственнымъ царствомъ, исполненнымъ до нѣкоторой степени земной силы и славы. Что и они были не чужды этого общеіудейскаго заблужденія, объ этомъ прямо свидѣлствуетъ евангелистъ, когда, описывая торжественное шествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи и приведя слова Его, обращенныя къ Іерусалиму: «Не бойся, дщи Сіона! се Царь твой грядетъ»,—вслѣдъ за тѣмъ замѣчаетъ: «Сихъ же не разумѣша ученицы Его прежде, но егда прославился Іисусъ, тогда помянуша, яко сія быша о Немъ писана» ¹⁾. Безъ сомнѣнія, та же затаенная національная мечта іудеевъ о чисто земномъ царствѣ Мессіи слышится и въ словахъ двухъ эммаусскихъ учениковъ, которые, встрѣтивъ неузнаннаго ими воскресшаго Христа, въ бесѣдѣ съ Нимъ объ обстоятельствахъ крестной смерти великаго «Пророка» съ глубокою грустью замѣтили: «Мы же надѣяхомся, яко сей есть хотя избавити Израиля» ²⁾. Такимъ-то іудеямъ и являлись на помощь чудеса Христовы, опредѣленныя и наглядныя выяснявшія имъ истинный образъ царства Божіа въ его существенныхъ чертахъ,—образъ хотя и начертанный Божественнымъ Учителемъ чрезъ устное слово, но по своему существу не легко вкладывавшійся въ раменіа ихъ религіознаго кругозора.

Разсматриваемыя съ этой стороны, чудеса существенно не отличались отъ самаго ученія; они имѣли самую тѣсную внутреннюю связь съ послѣднимъ, такъ же, какъ и оно, преслѣдуя ту или другую истину, ту или другую цѣль божественнаго домостроительства, которое нигдѣ открыться въ грядущемъ царствѣ Божіемъ. Такимъ образомъ, чудеса въ

¹⁾ Іоан. XII, 15—16.

²⁾ Лук. XXIV, 15—21.

рукахъ Всемогущаго Учителя явились тѣмъ же «евангеліемъ царствія», какъ и устное ученіе Его,—но «евангеліемъ», учившимъ не словами, а наглядными, болѣе выразительными фактами. «Чудеса», по выраженію блаж. Августина, «имѣютъ свой особый языкъ, заключающій въ самомъ себѣ нѣчто такое, что поражаетъ насъ своею внѣшностью». Какъ такой именно языкъ, говорившій самими фактами и притомъ фактами необычайными, поражающими, чудеса какъ нельзя больше служили указанной цѣли—выясненію ученія Христова, глубже и убѣдительнѣе запечатлѣвая въ душѣ очевидца-слушателя выражаемые ими истины этого ученія.

Чему же и какъ именно учили этотъ чудный, своеобразный «языкъ»? Развивая основную мессіанскую идею ученія Христова о наступленіи царства Божія, чудеса представляли собою какъ бы фактическое подтвержденіе этой идеи въ ея двухъ существеннѣйшихъ пунктахъ: они наглядно, воочію убѣждали, съ одной стороны, въ предназначеніи царства Божія для всѣхъ народовъ, съ другой—въ его чисто духовномъ характерѣ.

Мы видѣли, что іудеи, представляя себѣ царство Мессіи, какъ царство собственно іудейское, не допускавшее никакого другого, чуждаго элемента, опирались въ этомъ случаѣ на дарованныхъ имъ отъ Бога особыхъ, исключительныхъ привилегій передъ всѣми прочими народами. Они исходили при этомъ изъ того историческаго факта, что всѣ пророчества и обѣтованія о Мессіи, равно какъ и самый законъ, имѣвшій своею цѣлію приготовить ихъ къ должному срѣтенію Его,—все это вѣрено было единственно имъ, іудеямъ. Отсюда заключали они, что только іудейскій народъ и есть единственный наслѣдникъ этого царства; всѣ же другіе народы, не знавшіе обѣтованій и не имѣвшіе въ своихъ рукахъ положительнаго, руководящаго закона, по тому самому не имѣютъ и права на это наслѣдіе. Разсѣвая это заблужденіе іудеевъ, Іисусъ Христосъ въ своей

устной проповѣди неоднократно разъяснялъ имъ, что одно лишь обладаніе обѣтованіями и формальное, холодное исполненіе закона еще не даетъ рѣшительнаго права на вступленіе въ Его царство: что право это можетъ дать только живая, сердечная вѣра въ Него, растворенная любовію къ Богу и ближнимъ; что только обладающій этими внутренними качествами, кто бы онъ ни былъ—іудей или эллинъ—есть достойный наслѣдникъ Его царства. Поэтому, если Онъ и посланъ прежде всего «къ погибшимъ овцамъ дома Израилева,» ¹⁾ то это еще не значитъ, что всѣ прочіе народы обречены на гибель. «И ины овцы имамъ,»—внушалъ имъ Иисусъ Христосъ,—«аже не суть отъ двора сего; и тыя Ми подобаетъ привести, и гласъ Мой услышать, и будетъ едино стадо и единъ Пастырь». ²⁾

Эту истину всемірнаго характера царства Божія, проповѣданную словомъ, Иисусъ Христосъ неоднократно подтвердилъ тѣми Своими чудотвореніями, въ которомъ Онъ входилъ въ непосредственное общеніе съ не-іудеями, или язычниками, простирая и на нихъ свою врачующую помощь. Какъ на болѣе характерномъ изъ нихъ, остановимся на чудесномъ исцѣленіи прокаженного самарянина. Проходя между Самаріею и Галилеєю,—разсказываетъ евангелистъ,—Иисусъ Христосъ у одного селенія встрѣтилъ десять прокаженныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и названный самарянинъ. На ихъ мольбу о помощи Господь отвѣтилъ имъ лишь повелѣніемъ пойти показаться священникамъ; на пути къ послѣднимъ они и получаютъ исцѣленіе. Но, замѣчаетъ евангелистъ, только «единъ отъ нихъ, видѣвъ, яко исцѣленъ, возвратися со гласомъ велимъ, слава Бога... и той бѣ самарянинъ». Тогда Господь, порицая всѣхъ остальныхъ исцѣленныхъ іудеевъ, которые «не обрѣтошася возвращшеся воздати славу Богу, токмо иноплеменикъ сей»,—сказалъ послѣднему: «иди,

¹⁾ Мате. X, 6.

²⁾ Іоанн. X, 16.

вѣра твоя спасе тебя» ¹⁾). Такимъ образомъ, чудесно исцѣливъ вмѣстѣ съ прокаженными іудеями и иноплеменника, Иисусъ Христосъ самымъ дѣломъ засвидѣтельствовалъ, что самаряне, отвергнутые и презираемые іудеями, а въ лицѣ ихъ и всѣ вообще не іудей, чуждые великихъ обѣтованій и закона, вовсе не чужды Его великой искупительной миссиі, слѣдовательно—и проповѣданнаго Имъ царства; мало того—что они способны и могутъ войти въ это царство даже прежде самихъ іудеевъ, издревле предназначавшихся къ этому великому наслѣдію и имѣвшихъ «законъ и пророковъ». Слова же Христа, обращенныя къ исцѣленному самарянину: «иди, вѣра твоя спасе тебя»,—ясно опредѣляютъ и то главнѣйшее условіе, которое открываетъ всѣмъ, не исключая и иноплеменниковъ, доступъ и спасеніе въ устрояемомъ Имъ царствѣ: это вѣра, живая, сердечная вѣра въ Него ²⁾).

Проповѣдуя объ откровеніи царства Божія среди всѣхъ народовъ и подтверждая эту истину чудесными дѣлами, Иисусъ Христосъ училъ въ то же время, какъ мы видѣли, и объ истинномъ характерѣ этого царства. Это—не то внѣшнее; чувственное царство, о которомъ такъ себялюбиво и довѣрчиво мечтали іудей, представлявшіе себѣ его не иначе, какъ въ ореолѣ необычайнаго блеска и славы; а то скромное, но неизмѣримо высочайшее внутреннее царство, которое уже зна-

¹⁾ Лук. XVII, 11—19.

²⁾ Замѣчательно, что на «вѣру» Иисуса Христосъ указываетъ почти при всякомъ случаѣ чудеснаго исцѣленія. Онъ не просто врачуетъ отъ недуга словомъ или прикосновеніемъ, но обращается къ внутреннему, душевному настроенію страждущаго, какъ бы въ этомъ настроеніи указывая весь смыслъ, все значеніе своей чудесной помощи. Такъ, однажды, умоляемый двумя слѣпцами о дарованіи прозрѣнія, Онъ предвѣрительно испытываетъ твердость ихъ вѣры въ Него. «Вѣруете ли,»—спросилъ ихъ Христосъ,—«яко могу сіе сотворити?» И только по исповѣданіи вѣры въ Него, Онъ даруетъ имъ исцѣленіе. «По вѣрѣ вашей да будетъ вамъ»,—сказалъ Господь,—и «отверзшася очи има» (Мате IX, 27,—30).

комо было человечеству въ лицѣ его прародителей въ раю,— царство полной побѣды и владычества духа надъ страстями и немощами плоти. Словомъ, Онъ училъ о первобытномъ внутреннемъ духовномъ царствѣ человѣка, которое нѣкогда было разрушено черезъ первородный грѣхъ и которое Онъ, Христосъ Мессія, имѣлъ возстановить теперь чрезъ искупленіе. «Царство Мое нѣсть отъ міра сего» ¹⁾; «царство Божіе внутрь васъ есть» ²⁾),—такъ опредѣлили Господь общій характеръ Своего царства.

Возвѣщаемая устно, эта великая идея царства духовнаго еще съ большею силою говорила о себѣ и въ чудесахъ Христовыхъ. Общая всѣмъ почти чудесамъ Иисуса Христа, идея эта выражается въ нихъ, однако, различно. Одни изъ нихъ заключаютъ въ себѣ какъ бы символическое воплощеніе ея, указывая прикровенно, въ нѣкоторыхъ чувственныхъ образахъ лишь на общій характеръ царства Божія. Такимъ, на примѣръ, чудомъ было первое по времени чудо Христово— претвореніе воды въ вино на бракѣ въ Канѣ Галилейской ³⁾. Символическое значеніе этого чуда выражается, съ одной стороны, во взаимоотношеніи между элементами — водой и виномъ, съ другой — въ той послѣдовательности, съ какою одинъ изъ нихъ чудеснымъ образомъ претворяется въ другой: преобразуя воду—элементъ первоначальный и нейтральный, въ вино — элементъ сильный и питающій, Иисусъ Христосъ тѣмъ самымъ таинственно предуказывалъ какъ бы на то новое и совершеннѣйшее царство, которое онъ пришелъ благовѣстити міру ⁴⁾. Съ такимъ именно значеніемъ

¹⁾ Иоан. XVIII, 36.

²⁾ Лук. XVII, 21.

³⁾ Иоан. II, 1—11.

⁴⁾ Думаемъ, что не будетъ особенной натяжки, если позволимъ себѣ замѣтить, что символическій смыслъ данного чуда, помимо указанного уже, выражается также и въ той обстановкѣ, въ тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ оно совершилось. Мы хотимъ сказать, что это торжественное, мирное и отраднѣвшее событіе въ жизни чело-

чудо это является весьма знаменательнымъ. Совершенное Іисусомъ Христомъ еще въ самомъ началѣ Его мессіанской дѣятельности, когда Онъ только что выступилъ съ проповѣдью о наступающемъ царствѣ Божіемъ, слѣдовательно, когда Онъ не успѣлъ еще начертать болѣе или менѣе опредѣленный, положительный образъ его, это чудо могло служить именно только символическимъ и самымъ общимъ предуказаніемъ, намекомъ на него, смыслъ котораго долженъ былъ открыться лишь впоследствии. Въ другихъ, болѣе многочисленныхъ чудесахъ, сопровождавшихъ собою положительную проповѣдь Іисуса Христа о цѣляхъ Его искупительной миссіи, идея царства Божія выражается уже со всею прямою и опредѣленностью. Всѣ главнѣйшіе догматы откровенія объ этомъ царствѣ, какъ царствѣ людей искупленныхъ и возрожденныхъ, въ чудесахъ этого рода получаютъ уже какъ бы практическое приложеніе, являются какъ истина и вмѣстѣ фактъ. Хотя еще въ отдѣльныхъ только случаяхъ и въ отношеніи отдѣльныхъ людей, въ нихъ осуществляются уже всѣ важнѣйшіе моменты того великаго искупленія человечества, которое исполнѣ и всецѣло должно было совершиться только чрезъ крестную жертву Іисуса Христа. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ длинный рядъ этихъ чудесъ, мы видимъ, что искупительное дѣйствіе благодати простирается чрезъ нихъ на всѣ стороны человѣческой жизни, въ которыхъ такъ или иначе отразились роковыя послѣдствія грѣха прародителей. Если грѣхъ первородный поставилъ человѣка въ непрерывную, упорную борьбу съ природой, подчинивъ его вліянію ея разрушительныхъ стихій; предавъ его въ страшную власть діавола, открывши

ѣка, какъ бракъ, который Господь ознаменовалъ Своимъ милостивымъ чудеснымъ участіемъ,—это событіе, въ связи съ самымъ чудомъ, также символически предвизображало то царство, которое Господь имѣлъ проповѣдать, царство, гдѣ, по предвѣднію пророка, «милость и истина обрѣтостася, правда и миръ обобызастася» (Псал. LXXXIV, 11).

полный просторъ всевозможнымъ кознямъ духовъ злобы, и даже самую жизнь человѣка осудилъ на разрушеніе, смерть, — то Иисусъ Христосъ чрезъ Свои чудеса, хотя, повторяемъ, и въ частныхъ только случаяхъ, освобождаетъ падшее человечество отъ этихъ враждебныхъ, нерѣдко гибельныхъ вліяній природы, врачуя отъ всевозможныхъ недуговъ и укрощая дѣйствія бурныхъ стихій; уничтожаетъ эту власть и эти козни діавола, изгоняя бѣсовъ, и одерживаетъ побѣду надъ самою смертію, возвращая къ жизни многихъ умершихъ. Такимъ образомъ, чудеса эти должны были служить въ глазахъ іудеевъ какъ бы отдѣльными, начальными дѣйствіями искупленія человечества отъ грѣха и всѣхъ его роковыхъ послѣдствій, искупленія, завершенаго Иисусомъ Христомъ на крестѣ и открывшаго для всѣхъ «хотящихся спастися и въ разумъ истины пріити» врата въ проповѣданное Имъ царство Божіе. Вмеѣстѣ съ тѣмъ въ этихъ чудесахъ, въ этихъ частныхъ, единичныхъ фактахъ торжества надъ всѣми враждебными для человѣка силами указывался уже какъ бы вѣрный залогъ грядущаго полного и всеобщаго торжества человечества надъ этими все еще тяготѣющими надъ нимъ страшными слѣдами грѣха, указывалась какъ бы уже яркая, свѣтлая заря новой, блаженной и вѣчной жизни, обѣтованной Христомъ Спасителемъ всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Его царства и имѣющей наступить съ того невѣдомаго великаго момента, когда настанетъ «новое небо и новая земля».

Итакъ, дѣлая выводъ изъ всего сказаннаго нами о значеніи чудесъ Иисуса Христа въ дѣлѣ великой искупительной миссіи Его, мы должны придти къ слѣдующимъ общимъ заключительнымъ положеніямъ:

1) что все значеніе свое чудеса Иисуса Христа получаютъ лишь въ связи съ самымъ ученіемъ Его;

2) что, разсматриваемыя съ этой точки зрѣнія, они являются вовсе не случайными, а существенно-важными фактами въ земной жизни Иисуса Христа, какъ необходимыя авторитетныя свидѣтельства Его мессіанскаго и виѣстѣ божественнаго достоинства;

3) что чудеса и ученіе Иисуса Христа—это два равно существенныхъ элемента въ системѣ христіанства, которые, поочередно выступая и смѣняясь, должны были взаимно подкрѣплять, разъяснять и восполнять другъ друга;

4) Что безъ этого взаимодѣйствія и взаимоотношенія ихъ идеальнѣйшія истины, возвѣщенные Благовѣстникомъ новозавѣтнаго Откровенія, не сдѣлались бы предметомъ религіознаго вѣрованія, равно какъ и величайшія изъ чудотвореній остались бы одними лишь непонятными событіями, если бы при совершеніи ихъ не раздавался голосъ божественной мудрости, открывшій ихъ истинное значеніе: «дѣла, яже Азъ творю свидѣлствуютъ о Миѣ, яко Отецъ мя посла».

МОСКОВСКІЙ МИТРОПОЛИТЪ

ФИЛАРЕТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія П. П. Сойкина, Остромянская д. 12

1892

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Декабря 1892 г.

Извлечено изъ «Тобольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Московскій митрополитъ Филаретъ.

Одинъ изъ нашихъ великихъ людей, которому въ теченіе полувѣка, въ продолженіе трехъ царствованій, съ любовью и удивленіемъ внимали вся Россія, православный Востокъ и инославный Западъ,—это, безспорно, митрополитъ Московскій Филаретъ. Неодолимый умъ и непоколебимая ревность великаго святителя, его мощное слово одинаково и неуклонно служили благу церкви и благу государства: нѣтъ ни одной стороны церковно-государственной жизни за его время, гдѣ бы не было видно прямого участія или вліянія этого іерарха, и вездѣ его голосъ, его сужденіе имѣли самый рѣшительный, даже подавляющій авторитетъ. Широчайшая богословская ученость у него до гениальности гармонировала со свѣдѣніями и знаніями, можно сказать, по всѣмъ отраслямъ наукъ, и вездѣ со свойственною его уму проникательностію онъ является, если не выше, то, по крайней мѣрѣ, вровень со специалистами тѣхъ знаній. Въ недавно вышедшихъ томахъ его бумагъ по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ съ одинаковымъ любопытствомъ и удивленіемъ читаются какъ его богословскія и церковно-каноническія разсужденія и замѣтки, такъ и разные проекты и протоколы, а равно и статьи объ «учрежденіи ткацкой фабрики при Императорскомъ Человѣколюбивомъ

Обществѣ», объ очищеніи товаровъ по случаю холеры, о леченіи крестьянъ гомеопатіею (которой митрополитъ не довѣрялъ) и т. п. Всѣ современные важные вопросы и событія не обходили пера пр. Филарета; безъ его мнѣній, указаній и совѣтовъ не обходилось ни одно церковно-государственное предпріятіе. Однѣ его резолюціи по епархіальному управленію составляютъ цѣлый канонико-практическій кодексъ; учено-литературные труды его останутся вѣковѣчными.

Святитель Московскій Филаретъ родился въ Московской губерніи въ г. Коломенѣ въ 1782 году, на второй день праздника Рождества Христова, и 1 января 1783 года крещенъ съ именемъ Василия. Отецъ его Михаилъ Θεодоровичъ Дроздовъ былъ тогда діакономъ коломенскаго кафедральнаго собора. Въ домашнемъ кругу особенно благотѣльно было для него вліяніе доброй, благочестивой и свѣтлымъ умомъ одаренной матери. Изъ домашняго воспитанія онъ вынесъ прекрасный залогъ своей будущей свѣтлой дѣятельности: это — чистое, цѣломудренное, духомъ искренняго благочестія проникнутое сердце. Ребенокъ былъ онъ живенькій и понятливый, но при тогдашнемъ способѣ обученія не легко давалось ему первоначальное образованіе. Девяти лѣтъ Василій отданъ былъ въ Коломенскую семинарію. Озадаченный варварскими приемами учителей того времени, бѣдный нервный ребенокъ долго, говорятъ, избѣгалъ школы, и не разъ роднымъ приходилось отыскивать его, скрывшагося подъ выбузомъ бархата на рѣкѣ, чтобы снова представить въ школу. Сохранилась отиѣтка о немъ въ то время, когда онъ былъ уже студентомъ философіи: «дарованій, прилежанія, успѣховъ похвальныхъ». Безъ сомнѣнія, о Коломенской семинаріи воспоминалъ святитель полвѣка спустя, когда совершалъ въ 1844 году освященіе храма въ домѣ Московской духовной семинаріи. «Дѣти! (говорилъ онъ) спросите родителей или отцевъ ихъ: съ такою-ли, какъ нынѣ, многообразною заботливостію были они приращиваемы, когда, полуиѣкомъ ранѣе,

проходили поприще, вами теперь проходимое? Изъ неблагоустроенныхъ жилищъ нерѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблагоустроенный путь до дома ученія; и случалось, что только «въ поученіи нашемъ разгорался огонь» (Ис. 38, 4), когда въ согрѣвающимъ или освѣщающимъ огнѣ нуждалась учебная хранина» (Слова и рѣчи. М. 1848 ч. 2, стр. 94). Въ 1799 году Коломенская семинарія, выѣстъ съ епархіей, была упразднена, и ученикамъ ея дозволено было указомъ Св. Синода поступать въ духовно-учебныя заведенія Московской епархіи, въ тотъ классъ, куда выдержать экзаменъ. Василій Дроздовъ, по прошенію отца, будучи 17 лѣтъ, былъ принятъ по экзамену въ философскій классъ Лаврской семинаріи. Оторванный отъ семьи онъ сталъ теперь одинокимъ, но за то тѣмъ усиленнѣе сосредоточился на образованіи себя. Скоро и въ Лаврской семинаріи онъ оказался по всѣмъ предметамъ «похвальнѣйшіе успѣхи». Славнымъ м. Платонъ, часто проживавшій въ Виеаніи, близъ Лавры, скоро замѣтилъ и отличилъ высокоталантливаго юношу. Въ 1802 году, слушая богословскіе уроки, онъ въ первую же третью заслужилъ такой отзывъ: «отлично остръ, прилеженъ и успѣшенъ». Въ то же время онъ продолжалъ изученіе исторіи, греческаго и еврейскаго языковъ и слушалъ уроки медицины. Почти всѣ преподаватели отзывались о немъ самымъ лучшимъ образомъ. Въ 1803 г., съ открытіемъ въ семинаріи вакансіи учителя греческаго и еврейскаго языковъ, ректоръ представилъ въ кандидаты на это мѣсто Дроздова и еще одного, какъ достойнѣйшихъ изъ студентовъ богословія, и онъ былъ утвержденъ м. Платономъ. Въ послужномъ спискѣ Василія Михайловича за 1803 г. читаемъ: «по гречески переводить, писать и говорить можетъ совершенно». Въ первый же годъ преподаванія у Дроздова явилось по греческому языку 162 ученика (въ числѣ которыхъ были и его товарищи), а по еврейскому—51 человекъ. Изъ ежегодныхъ донесеній Василія Михайловича въ семинарское

правленіе о ходѣ его занятій видно, что молодой наставникъ старался ввести въ свое преподаваніе широкій практическій элементъ; для переводовъ избиралъ книги библейскія и творенія святоотеческія. Творенія св. Григорія Богослова были особенно угодны его духу и съ такою любовію были имъ изучаемы, что нѣкоторые стихотворенія Григорія, на греческомъ языкѣ, сохранились у него въ памяти до позднѣйшихъ лѣтъ его жизни.

Въ 1806 году Василій Михайловичъ сразу приобрѣлъ себѣ извѣстность и какъ проповѣдникъ, послѣ двухъ написанныхъ и произнесенныхъ имъ проповѣдей, которыя, противъ обычая того времени, по настоянію м. Платона обѣ были отпечатаны. По поводу первой его проповѣди Платонъ писалъ своему викарію Августину: «А у меня проявился отличный проповѣдникъ, учитель Дроздовъ. Я сообщу его проповѣдь и удивитесь». Выслушавъ другое его слово на великій пятокъ того же года, м. Платонъ, не обинуясь, при всѣхъ окружающихъ его, съ обычною ему откровенностію и благодушіемъ, отдалъ Василию Михайловичу первенство надъ собою въ проповѣданіи. Великій проповѣдникъ, дѣйствительно, слышится уже въ этихъ первыхъ опытахъ: пламенное краснорѣчіе и необоримая сила мысли въ нихъ производятъ потрясающее вліяніе даже при чтеніи теперь. Иногда м. Платонъ сравнивалъ его съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ. На экземпляръ одной его проповѣди Платонъ подписалъ о немъ: «*Tu es princeps praedicatorum*» (т. е. ты глава проповѣдниковъ). Отъ современниковъ м. Платона жизнеописатель его П. Снегиревъ слышалъ такой же отзывъ о Василіи Михайловичѣ: «Я пишу по-человѣчески, а онъ пишетъ по-ангельски». Когда открылось въ Коломиѣ священническое мѣсто, то прихожане просили Платона дать имъ въ священники Дроздова. Но прозорливый м. Платонъ сказалъ на это: «Дамъ я вамъ его! я его берегу на свое мѣсто».

Продолжительная разлука съ семьей и сосредоточенныя занятія священнымъ писаніемъ и отцами церкви въ оригиналахъ расположили его къ отреченію отъ міра—къ монашеству. Въ іюнѣ 1808 года Василій Михайловичъ подалъ м. Платону прошеніе о постриженіи его въ монашество. «Обучаясь и потомъ обучая, я научился по крайней мѣрѣ находить въ ученіи удовольствіе и пользу въ уединеніи,—говоритъ скромный наставникъ. Сіе расположило меня къ званію монашескому. Я тщательно испыталъ себя въ семъ расположеніи въ теченіе почти пяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ должности учительской». По полученіи отъ Св. Синода разрѣшенія на это, м. Платонъ написалъ въ резолюціи: «Сшить ему рясу камлотную и китайчатый кафтанъ на мой коштъ и прочее приготовить». И вотъ 16 ноября того же 1808 г. Василій Михайловичъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Филарета, а 21 ноября, въ Виоаніи, Платонъ посвятилъ его въ іеродіакона. Легко понять, что Платонъ, всегда радовавшійся, когда ученые его академисты поступали въ монахи, еще болѣе возлюбилъ о. Филарета; но не долго онъ порадовался имъ.

Въ концѣ того же 1808 г. Филаретъ былъ вызванъ духовно-учебнымъ начальствомъ въ Петербургъ. Съ величайшею неохотою и даже со слезами отправлялся онъ туда; но былъ еще человѣкъ, который болѣе его скорбѣлъ о разлукѣ съ нимъ: это былъ самъ Платонъ. Какъ убѣдительно и трогательно проситъ онъ, въ своемъ донесеніи Св. Синоду (отъ 28 декабря 1808 года), чтобы возвратили ему его Филарета: «*Особливо о іеродіаконѣ Филаретѣ усердно прошу Св. Правительствующій Синодъ—обратить его паки въ Троицкую семинарію, гдѣ онъ, яко сходственно съ его желаніемъ, можетъ лучший успѣхъ оказать для общей пользы; и какъ я объ немъ особливо прилагалъ, въ разсужденіе его воспитанія, отеческое стараніе, то сіе много послужитъ къ утѣшенію моей старости; а его единого отбытіе удобно можетъ*

вознаграждено быть изъ другихъ училищъ». М. Платонъ, какъ видимъ, усиливался даже ослабить достоинства своего избранника предъ Св. Синодомъ.

Но Филаретъ не возвратился къ Платону. Съ горькимъ, чувствомъ писалъ послѣдній къ Августину: «Филарета не отдають! весьма несовѣстно: ибо уже что разсматривать когда было опредѣленіе его здѣсь оставить? Но что же дѣлать? терпѣть? да терпѣнію конца нѣтъ». Св. Синодъ въ своемъ указѣ на имя М. Платона объяснилъ свой отказъ тѣмъ, что Филаретъ предназначенъ бакалавромъ богословскихъ наукъ въ Петербургской духовной академіи и, вслѣдствіе назначенія къ такой важной должности, уволенъ быть не можетъ.

Изъ первыхъ годовъ дѣятельности о. Филарета видно, какого высокаго интереса была полна его жизнь. Конечно, только далекое будущее откроетъ, сколько въ этой жизни было возвышеннаго и трогательнаго. Въ Петербургѣ новыя обязанности потребовали отъ него новыхъ усилій къ самообразованію и вмѣстѣ открыли ему болѣе широкое и болѣе видное поприще для дѣятельности. Въ 1809 году Филаретъ опредѣленъ инспекторомъ семинаріи, и профессоромъ философскихъ наукъ, съ званіемъ академическаго бакалавра, рукоположенъ въ іеромонаха и назначенъ ректоромъ Александро-Невскаго училища съ оставленіемъ въ прежнихъ должностяхъ. Заходящее свѣтило время Екаторины, и. Платонъ, несочувствовавшій направленію новаго поколѣнія съ его крайностями, не даромъ полюбилъ Филарета. Воспитанный самобытію, въ должныхъ увлеченій вѣка, отличавшійся притомъ не только свѣжестью силъ, талантомъ, сильнымъ характеромъ и тонкимъ практическимъ смысломъ, но и богословскою ученостію, онъ явился для тогдашняго Петербургскаго митрополита Амвросія надежною нравственною опорой въ борьбѣ съ нападающею на него стороною, которая состояла изъ части духовенства и общества, увлекавшихся

блескомъ французскаго образованія и модной философской лексикологіи. Амвросій понялъ и оцѣнилъ его: онъ открылъ ему, широкій путь учено-служебной дѣятельности, сблизилъ съ оберъ-прокуроромъ Синода и со многими вліятельными лицами и быстро доставлялъ ему заслуженныя награды. Въ 1811 г. Филаретъ возводится въ санъ архимандрита и получаетъ отъ Государя наперсный крестъ съ драгоценными камнями. Съ 1810 г. учебная дѣятельность его въ качествѣ академическаго бакалавра, усложняется все болѣе и болѣе, почти до невозможности совмѣстить многія должности въ одномъ лицѣ. Къ этому времени учебной дѣятельности Филарета относится фактъ, сообщаемый въ жизнеописаніи архіепископа Тобольскаго Аванасія, который, будучи воспитанникомъ 1-го курса Петербургской академіи, между прочимъ, рассказывалъ объ одномъ изъ профессоровъ и начальниковъ академіи, что «онъ въ теченіи 6-ти лѣтняго курса почти одинъ прочиталъ студентамъ всѣ богословскія науки, что онъ, страдая отъ усиленныхъ занятій гемороємъ, иногда на лекціяхъ заплевывалъ весь платокъ кровію, и что этотъ ученый труженикъ послѣ не разъ самъ говорилъ, что онъ иногда идя въ классъ, сомнѣвался, возвратится ли домой живымъ». Этотъ профессоръ, какъ потомъ стало гласнымъ, былъ блаженной памяти высокопреосвященный Филаретъ *). Быстро росли и зрѣли его силы духовныя. Труды его въ изъясненіи Писанія показывали въ немъ стремленіе къ таинственному и сокровенному; и вообще слова его тогда уже было исполнено глубокихъ богословскихъ созерцаній. И долго еще потомъ онъ любилъ углубляться въ догматы православной вѣры и изъяснять ихъ съ силою созерцанія и разсужденія, достойною великихъ отцевъ церкви. Въ 1812 году архимандритъ Филаретъ назначенъ ректоромъ академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ. Ставъ во главѣ академіи, онъ

*) Стран. 1867, янв. 1, стр. 14, прил. 2; см. Стран. 1868, авг. 1, стр. 94.

учредилъ въ ней порядокъ, сдѣлавшійся образцомъ для всѣхъ академій, довершая въ ней преобразование среди множества другихъ постороннихъ работъ, постоянно поручаемыхъ ему высшею властію. Въ 1814 году, за успѣшное окончаніе пераго академическаго курса, отличные труды и способность къ образованію юношества. Филаретъ удостоенъ былъ Высочайшаго рескрипта, съ изъявленіемъ Всемилостивѣйшаго благоволенія и награжденъ пожизненнымъ пенсіономъ. Мы видимъ также необыкновенно усиленные труды его при началѣ втораго академическаго курса. Вообще въ академіи труды его по-истинѣ изумительны и результаты ихъ высокоблагодѣтельны. Первые два академическіе курса, прошедшіе подъ его руководствомъ, вполнѣ оправдавъ правительственныя заботы, дали церкви знаменитыхъ пастырей, обществу достойныхъ членовъ, духовнымъ училищамъ образованныхъ и надежныхъ наставниковъ, наукъ талантливыхъ и трудолюбивыхъ дѣятелей.

Среди столькихъ заботъ Филаретъ успѣваетъ оказать великую услугу церкви и государству. Іезуиты, въ 1801 году проникшіе въ Россію, явились въ это время крайне вредными для православія. Не успѣвъ склонить императора Павла на соединеніе церквей, они скоро пустили въ ходъ обыкновенную свою мѣру,—предложили свои услуги при воспитаніи дѣтей, проникли въ лучшіе дома и очутились воспитателями нашего барства; ловко посѣянные ими плевеы стали оказывать и плоды. Предпримчивость іезуитовъ возрастала со дня на день. Начались явныя совращенія нашихъ барчей, питомцевъ іезуитской коллегіи; во всѣхъ гостинныхъ смѣло витійствовали дамы въ пользу латинства. Тогда-то иностранные противники іезуитовъ ударили въ набатъ,—и у насъ встрепенулись: обратились къ архимандриту Филарету съ предложеніемъ написать поскорѣе полное опроверженіе латинскихъ притязаній и догматовъ, что и выполнилъ онъ блистательно. Немедленно сочиненіе это было напечатано.

Вслѣдъ затѣмъ (въ 1816 году) іезуитовъ выслали изъ Петербурга, а потомъ въ 1820 году совсѣмъ изъ предѣловъ Россіи. Въ 1816 и 1817 гг. Филаретъ былъ назначенъ членомъ открытаго въ Петербургѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и членомъ Главнаго Правленія Училищъ и принималъ участіе въ трудахъ послѣдняго во время усиленныхъ мѣръ къ устроенію народнаго образованія на прочныхъ основаніяхъ, выясненныхъ предшествовавшими полувѣковыми опытами; въ то же время онъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ комисіи духовныхъ училищъ.

И вотъ уже настало время увѣнчать высокой наградой многосторонніе и полезныя труды его. Митрополитъ Петербургскій Амвросій, любившій Филарета какъ сына, рѣшился избрать его себѣ въ помощники епископскаго служенія. Когда ректоръ узналъ о предстоящемъ назначеніи, то не обинуясь сказалъ своему архипастырю: «Если хотите наградить меня этимъ саномъ, то епископство не честь, а подвигъ». Ученость, дарованія и неутомимое трудолюбіе уже хорошо были извѣстны вниманію Императора, который Высочайшимъ рескриптомъ 23 іюля 18 года, утвердилъ его избраніе въ званіе викарія С.-Петербургской епархіи, съ наименованіемъ епископомъ Ревельскимъ и съ оставленіемъ въ должности ректора академіи. Посвященіе во епископа совершилось 5-го августа того же года.—Теперь наступила пора самой блистательной и многоплодной дѣятельности Филарета. Кромѣ замѣчательной его учебной дѣятельности, какъ наставника и ректора, отличающейся не только теплымъ вниманіемъ къ порученному ему дѣлу, но и самостоятельнымъ, здравымъ педагогическимъ тактомъ, гдѣ на каждомъ шагѣ чувствовалась глубокая основательность, сила, ясное пониманіе человѣческой натуры и цѣли образованія, онъ является въ это время главнымъ орудіемъ преобразованій въ духовенствѣ и блистательнымъ проповѣдникомъ. Глубина, спокойная сила мысли, художнически-возвышенное слово увлекали слушате-

лей и читателей и приобрѣли ему славу образцоваго преподавателя. Почти три курса академій прошли подъ его ближайшимъ опытнымъ руководствомъ.

Въ 1819 году Филаретъ, пользовавшійся дружбою самого царя, былъ возведенъ въ санъ архіепископа Тверскаго и назначенъ членомъ Св. Синода, а въ 1820 году былъ перемѣщенъ въ Ярославль. Рядъ порученій, которыя выполнить достойно могъ только онъ одинъ, и перемѣщеніе на высшую кафедру свидѣлствуютъ, что онъ былъ незаменимъ и незаменимо цѣнимъ. Въ 1821 году онъ возведенъ былъ на кафедру первопрестольной Москвы въ санъ же архіепископа; смѣститель до конца дней остался въ Москвѣ, но въ первые годы онъ все еще жилъ по полугодіямъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. И теперь, какъ и прежде обширная дѣятельность его сохраняла ту же ровность, спокойную силу, строгую разумность и сдержанность. Къ этому времени служенія Филарета относятся труды его въ дѣлѣ перевода новозавѣтныхъ книгъ на русскій языкъ. Первымъ двигателемъ какъ этого, такъ и вообще перевода св. Писанія на русскій языкъ въ средѣ іерарховъ былъ преосвященный Филаретъ и благодаря ему сокровища спасительнаго ученія были открыты для всѣхъ. Такимъ образомъ въ 1822 году явился и издавъ въ русскомъ переводѣ весь Новый Заветъ. Въ тотъ же періодъ времени онъ составилъ свой знаменитый «Катихизисъ», который служить символической книгой нашей церкви. Катихизисъ послужилъ духовной связью Московскаго іерарха съ православнымъ народомъ русскимъ. Не говоря объ умеренныхъ монашѣвскихъ, почерпавшихъ знанія изъ этой книги, большая часть тѣхъ живущихъ еще русскихъ людей изъ этой же книги впервые узнала догматы православія. Такимъ образомъ митрополитъ Филаретъ былъ, въ теченіе почти полу столѣтія, и будетъ впредь, какъ бы воспріимчивымъ дѣтелъ русской церкви, которыя тѣмъ самымъ становились его собственными духовными дѣтьми. Съ 1823 го-

да по 1825 годъ онъ совершилъ великую государственную услугу. Высокимъ довѣріемъ Императора Александра I онъ былъ избранъ хранителемъ подлиннаго писма Цесаревича Константина Павловича къ Императору отъ 14 янв. 1822 г., содержавшаго въ себѣ торжественное отреченіе отъ престола, и составителемъ проекта манифеста о назначеніи наслѣдникомъ Великаго Князя Николая Павловича. Государь не поручилъ составленія послѣдняго акта даже тому, кого онъ называлъ „мой накрѣпій“, т. е. Карамзину. Слишкомъ два года послѣдняя воля Александра Благословеннаго хранилась въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, закрытая покровомъ тайны. Преслащенный Филаретъ понаружило соблюлъ ее въ сердцахъ и подъ сѣнію святыхъ до тѣхъ поръ, пока звянулъ былъ къ провозглашенію ея въ самыя роковыя минуты. Нельзя было найти тайника болѣе непроницаемаго, даже въ области политическихъ дѣлъ. 18 декабря 1825 г. онъ торжественно обнародовалъ этотъ актъ въ Успенскомъ соборѣ и совершилъ знаменитое разрѣшеніе отъ присяги бывшему Цесаревичу. Потомъ началась присяга, совершившаяся по всей Москвѣ вполне спокойно. Могучія слова святителя: «разрѣшаю и благословляю» содѣйствовали къ предупрежденію недоразумѣній въ первопрестольной столицѣ къ то время, когда смуты готовы были поколебать спокойствіе и порядокъ въ нашемъ отечествѣ. Понятно, что Императоръ былъ очень доволенъ, узнавъ о вдохновенномъ словѣ и благословеніи архіеп. Филарета. Наконецъ, въ 1826 г. (авг. 22), Филаретъ пригласствовалъ Императора Николая рѣчью при совершеніи коронаванія, и въ этотъ торжественный день возведенъ былъ въ санъ митрополита Московскаго и Коломенскаго. О другихъ знакахъ Монаршаго вниманія къ нему не говоримъ.

Здѣсь мы останавливаемся въ изображеніи жизни Московскаго архипастыря. Скажемъ только, что къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ окончательно созрѣли плоды его предшествующей дѣятельности, какъ наставника и вѣро-

учителя. 5 августа 1867 г. торжественно праздновался въ Москвѣ 50-лѣтній юбилей его служенія въ епископскомъ санѣ. Въ послѣдніе годы жизни онъ чувствовалъ большой упадокъ физическихъ силъ, но духовная бодрость его, при немоощномъ тѣлѣ, казалась видѣвшимъ его еще болѣе яркою. По устроенію Провидѣнія Божія, архипастырь былъ предъизвѣщенъ о приближавшейся кончинѣ. 17 сентября 1867 г. онъ сказалъ пришедшему къ нему намѣстнику Лавры архимандриту Антонію: «Я нынѣ видѣлъ сонъ и мнѣ сказано: береги 19 число». На замѣчанія о. Антонія владыка съ увѣренностью прибавилъ: „Не сонъ я видѣлъ: мнѣ явился родитель мой и сказалъ мнѣ тѣ слова. Я думаю съ этого времени каждое 19 число причащаться св. Тainнъ». Идѣйствительно 19 сентября и 19 октября въ Москвѣ владыка причащался св. Тainнъ въ домовоѣ церкви. Здѣсь онъ занимался дѣлами съ обычною неутомимостью, неоднократно выѣзжалъ. 19 ноября, въ день кончины Александра 1-го, митрополитъ совершалъ литургію такъ бодро и громогласно, какъ давно уже не служилъ, потомъ принималъ въ покояхъ новаго Московскаго губернатора. Предъ обѣдомъ писалъ, какъ говорить, отвѣтъ Антиохійскому патріарху на его прашетствіе по поводу юбилея. Черезъ 10 минутъ пришли напомнить ему объ обѣдѣ и нашли его на полу, въ колѣнопреклоненномъ положеніи съ опершимися въ полъ руками, какъ бы въ предварительной готовности встрѣтить въ объятія ангела смерти; онъ уже не могъ говорить и въ исходѣ 2 часа по полудни мирно и безболѣзненно въ Бозѣ почилъ.

Московскіе органы общественнаго мнѣнія вполнѣ искренно и прекрасно отзывались при вѣсти о кончинѣ митрополита Филарета. Особенно ярко и выразительно очерченъ умственный и нравственный образъ почившаго въ газетѣ „Москва“ словами нашего славяно-и-народолюбца Ивана Сергѣевича Аксакова, недавно сошедшаго въ могилу. Приводимъ эти теплыя, краснорѣчивыя строки. «М. Филарета не стало! писалъ Аксаковъ.

Упразднилась сила, великая, нравственная сила, въ которой весь русскій міръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,—сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая, долгая современность, что обняла собою пространства полувѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ-бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, ей не избыть и во вѣки. Угасъ свѣтильникъ, полустолѣтія свѣтившій на всю Россію не оскудѣвая, не померкая, но какъ-бы питаясь преумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженія вечерняго сумрака жизни. Сжежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ — въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смогло художественное слово, полувѣка, и болѣе полувѣка, раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ... Въ теченіе цѣлаго полустолѣтія русской церкви ея представитель, предстатель и предстоятель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствіемъ личнаго внутренняго достоинства), — въ теченіе же полувѣка былъ онъ и *свидѣтельствующій* о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходить въ могилу цѣлая историческая эпоха»...

Историческая слава м. Филарета останется едва ли не навсегда неумаляемой, и задача выяснить историческое значеніе этой личности для настоящаго времени есть необъятная задача. Общій голосъ единодушно признаетъ, что это былъ богословъ, справедливо прославленный во всемъ христіанскомъ мірѣ, строгій подвижникъ церкви, непоколебимый и мудрый ревнитель непарушимости священныхъ пра-

былъ и церковнаго благочиния, мужъ воистину государствен-
ный, одинъ изъ преданнѣйшихъ сыновъ Россіи, знамени-
тѣйшій изъ іерарховъ русской церкви и одинъ изъ твер-
дыхъ столповъ церкви вселенской. Онъ вѣковѣчно вписалъ
свое имя въ исторію и приобрѣлъ право на благодарность
современниковъ и потомства. Значеніе его въ жизни и судь-
бахъ православной Россіи—*общенародное*, какъ вѣроучителя
и верховнаго пастыря православныхъ русскихъ людей,—*обще-
церковное*, какъ представителя іерархін и правителя рус-
ской церкви,—*общегосударственное*, какъ пособника и сози-
дателя блага отечества. Это значеніе всегда будетъ неостра-
нимо, арко, неизмѣнимо.

Коснемся въ некоторыхъ частныхъ сторонъ церковно-об-
щественной дѣятельности и свойствъ нравственнаго харак-
тера святителя Московскаго, за невозможностью представить
то и другое въ полномъ освѣщеніи. — Его ученость давала
тонъ и направленіе всей нашей богословской наукѣ. Его
слова, рѣчи и бесѣды, катихизисъ, библейская исторія и
прочія руководства, расходившіяся въ милліонахъ экземпля-
ровъ, выѣстъ съ его учеными богословскими трудами, про-
должали уже и безъ его посредства утверждать и вырабо-
тывать въ пастырь и пастыряхъ ясное, строгое пониманіе
ученія православной вѣры. Онъ первый своимъ свѣтлымъ и
строгимъ разумомъ обналъ и опредѣленно выразилъ его
основы и характеръ. Зная, что прочность, неизмѣнность
формъ особенно полезны для пастыри мало созрѣвшей и да-
ютъ ей силу духа, Филаретъ вообще нерасположенъ былъ
къ быстрымъ перемѣнамъ внѣшнихъ формъ, если внутрен-
нее содержаніе не требовало того настоятельно. Поэтому
понятно, что онъ былъ вѣрный хранитель установившихся
основъ; въ этомъ случаѣ онъ не щадилъ ни себя, ни дру-
гихъ. Примѣромъ можетъ служить дѣло съ ученнѣйшимъ фи-
лологомъ, гебранстомъ, первымъ и лучшимъ ученикомъ его,
протоіереемъ Павскимъ, смѣлая попытка котораго въ пере-

водѣ святозавѣтныхъ книгъ митрополитъ осудилъ смѣло и рѣшительно. Такъ же сильно и строго было мнѣніе его касательно ученыхъ трудовъ многихъ даже архипастырей. Но какъ подобаетъ истинно православному богослову, онъ былъ свободенъ отъ духа фанатизма въ своихъ сужденіяхъ. Онъ не позволялъ себѣ даже называть ересью христіанскія разномыслія, неосужденныя вселенскими соборами. Строгъ и выѣстъ съ тѣмъ осмотрителенъ былъ владыка Московскій не только къ другимъ, но и къ самому себѣ. Его сдержанность, его замкнутость въ самомъ себѣ, его требованія въ разговорѣ съ каждымъ только одного дѣла и дѣла имѣли, между прочимъ, слѣдующее основаніе, какъ свидѣтельствуєтъ Стурдза. Въ первые годы царствованія Императора Николая Павловича многіе приписывали Филарету огромное честолюбіе, или точнѣе сказать — властолюбіе. Замѣчая умственное его первенство, многіе думали и говорили, что ему хочется засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ и располагать не одними церковными жребіями. Эти и подобные толки постоянно вредили ему во мнѣніи предержавныхъ и возбуждали нелѣпныя опасенія, будто высоко мѣтитъ честолюбивый пастырь. Извѣстно, что со временъ Петра Великаго уворенилось у насъ (и чуть-ли не таится донынѣ) упорное предубѣжденіе противъ духовенства и мнимыхъ его замысловъ. Но въ нашей исторіи мы не открываемъ почти никакихъ слѣдовъ церковнаго преобладанія въ ущербъ власти мірской; напротивъ, издавна и доселѣ встрѣчались у насъ высокіе и умиленные примѣры самоотверженія церкви и ея служителей въ пользу и во спасеніе государства. Съ своей стороны и преосвященный Московскій никогда не обнаруживалъ упорной попытки къ настойчивому и вполне самостоятельному образу дѣйствованія. Между тѣмъ онъ, выѣстъ съ сомненнымъ ему митрополитомъ Кіевскимъ, скоро былъ уволенъ безсрочно въ свою епархію, только вслѣдствіе разномыслія его и частныхъ столкновеній съ Новгородскимъ

митрополитомъ, старцемъ Серафимомъ, и съ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шишковымъ. Кромѣ другихъ случайныхъ разногласій возникло между ними одно рѣзкое различіе мнѣній по предмету новаго изданія Библіи. Филаретъ отстаивалъ необходимость изданія Ветхаго и Новаго Завѣта съ краткими примѣчаніями и поясненіями на текстъ, почерпнутыми изъ твореній св. отцевъ и правилъ соборныхъ. Государь повелѣлъ передать проектъ его м. Серафиму, съ требованіемъ отъ него мнѣній. Серафимъ, хотя и не могъ охуждать благой мысли и дѣли своего собрата, однако наперекоръ ему изъявилъ слѣдующее опасеніе: новое изданіе сіе съ примѣчаніями не подастъ-ли раскольникамъ повода утверждать и разглашать въ народѣ, что іерархія въ угодность правительству снова замышляетъ поврежденіе старыхъ церковныхъ книгъ? Опасеніе это признано справедливымъ, — и благое начинаніе рушилось на дѣлахъ 30 лѣтъ. Непосредственно послѣ этого святители Московскій и Кіевскій отпущены каждый на свою паству. Съ тѣхъ поръ митрополитъ Московскій безотлучно проживалъ въ Москвѣ и никогда не присутствовалъ лично въ Синодѣ (съ 1842 г.)

Еще до такого исхода этого столкновенія, святитель Московскій, живя въ Петербургѣ, выражаетъ тяжелое чувство одиночества своего въ этой борьбѣ такими словами письма къ матери своей: «Я здѣсь чужой, и хочу такимъ оставаться; а потому уклоняюсь отъ сношеній, кромѣ необходимыхъ». Еще яснѣе, еще прямѣе и краснорѣчивѣе изображаетъ святитель глубокое чувство своей скорби о такомъ положеніи дѣлъ и тяжести личнаго своего положенія среди такихъ отношеній къ осуществленію его завѣтной истинно-патріотической мысли въ письмѣ къ своему викарію Иннокентію Сельно-Кринову, писанномъ въ мартѣ 1829 г. «Прискорбна душа моя, преосвященнѣйшій!» пишетъ онъ. «Мнѣ кажется, что судъ, начинающійся отъ дома Божія, болѣе и болѣе

открывается. Сегодня вновь и довѣрїе получилъ я извѣстїе, что г. Демидовъ (начальникъ военно-учебныхъ заведеній Петербургскаго округа) предписалъ директорамъ подчиненныхъ ему заведеній строго запретить воспитанникамъ чтеніе Библіи,—и прибавилъ своею рукою,—равно и трагедій и пр. Причина та, что два кадета лишились ума. Но довѣрно извѣстно, что они не были охотники читать Библію; что одинъ изъ нихъ лишился ума отъ отчаянія, потому что отецъ и мачиха его бросили, а другой отъ раздраженнаго честолюбія, потому что его обнадеживали произвести въ офицеры, а вмѣсто того выскбли розгами. Но вотъ что не менѣе печально: старшіе законоучители, въ томъ числѣ и пресловутый, уважаемый г. Демидовымъ, Кочетовъ, при личномъ отъ г. Демидова объявленіи сего распоряженія, не отверзали устъ своихъ для представленія истины. Въ слѣдъ за тѣмъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ не пускаютъ въ праздники ко всенощной службѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ добровольно желаютъ сего. А люди, не заботясь о томъ, что воздвигается гоненіе на слово Божіе и на молитву, боятся, чтобы религія не пострадала отъ того, что Турчанинова лѣчитъ больныхъ глазами! Какъ густо идетъ дымъ изъ студнца бездны (Апок. 9, 2) и какъ высоко поднимается! Дымъ ѣстъ глаза, а они говорятъ: такъ ѣдокъ солнечный свѣтъ! Задыхаются отъ боли и съ трудомъ выговариваютъ: какъ вредна вода изъ источника жизни!... Но прекратимъ рѣчи, за которыя и меня, можетъ быть, лишили бы Библіи, если бы на то была власть». Въ виду такого положенія дѣлъ, иногда становившагося уже невыносимо тяжкимъ для святителя Московскаго, ему нерѣдко приходила мысль даже отказаться отъ святительской дѣятельности для тишины монастырской келліи. Равнымъ образомъ, въ 1842 г., огорченный по тому же самому дѣлу, т. е. переводу Библіи, писалъ онъ намѣстнику Сергіевской Лавры архимандриту Антонію: «Помолитесь, чтобы Господь вразу-

милъ меня, что я долженъ дѣлать, и скажите мнѣ благое слово совѣта... Не указывается ли мнѣ время устранишься, чтобы оплакивать грѣхи мои, и вѣдѣя матежа дѣлать молиться о благосостояніи святныя церкви?»—И вотъ мы теперь уже многіе годы имѣемъ цѣлую русскую Библію, переводъ которой совершился на началахъ, положенныхъ святителемъ Московскимъ Филаретомъ, который одинъ на своихъ плечахъ вынесъ многолѣтнюю борьбу, преисполненную тяжкихъ огорченій изъ-за этого перевода.

Говоря вообще, не было ни одного церковнаго дѣла, въ которомъ м. Филаретъ не принималъ бы дѣятельнаго участія въ теченіе болѣе, нежели полстолѣтія. Церковное управленіе, въ теченіе цѣлой эпохи, какъ въ частныхъ дѣлахъ, имѣвшихъ какую-либо важность, такъ и въ цѣломъ его строѣ и направленіи, запечатлѣно сильнымъ непосредственнымъ вліяніемъ славнаго іерарха. Мало того: всѣ важнѣйшіе вопросы о преобразованіяхъ не только по духовному вѣдомству, но даже въ государствѣ, всегда были провѣряемы его сознаніемъ. И пастырь стада Христова являлся мужемъ государственными, когда былъ призываемъ къ разсмотрѣнію вопросовъ, въ которыхъ нужды церкви соприкасались съ дѣлами государства, или когда довѣріемъ Самодержцевъ русскихъ поручаемы были ему особенно важныя дѣла. Въ нуждахъ государства онъ первый приносилъ жертвы отъ сбереженныхъ имъ даваній. Во всѣхъ радостяхъ и скорбяхъ Царскаго Дома принималъ глубочайшее участіе, съ молитвой въ сердцѣ, съ словомъ духовнымъ. И при всѣхъ радостныхъ и печальныхъ событіяхъ въ Россіи онъ былъ дѣтелемъ, или мудрымъ совѣтникомъ, или краснорѣчивымъ учителемъ,—всегда усерднымъ молитвенникомъ. Двери его дома всегда были открыты для всѣхъ скорбящихъ и уязвленныхъ въ совѣсти. Онъ раздѣлялъ и болѣзни другихъ церквей, намъ единовѣрныхъ, стараясь водворить между ними миръ.—Иновѣрному Змѣяду знакомо было имя Филарета, какъ имя великаго представи-

теля и мужественнаго защитника православія. Къ его просвѣщенному содѣйствію обращались ученые Запада, имѣвшіе нужду въ немъ по своимъ ученымъ работамъ, по своимъ вопросамъ и недоумѣніямъ; къ нему являлись не разъ лица, искавшія союза съ православнымъ Востокомъ; къ нему являлся примасъ, архіепископъ Шотландіи, и одинъ изъ старшихъ епископовъ дальней Америки. Къ нему являлись даже будущіе владѣтели Пруссіи, Англіи, Италіи, Даніи и другіе владѣтельные князья Европы, чтобы подѣловать его благословляющую десницу и услышать отъ него слово поученія и назиданія...

Ему православная Россія обязана теперешней правильной организаціей миссіонерскаго дѣла въ Имперіи и за ея предѣлами и учрежденіемъ миссіонерскихъ обществъ. Его могущественному вліянію и заботамъ обязана Россія водвореніемъ начала мира и единенія старообрядцевъ съ православною церковью. Съ 1854 г. православіе имѣло четыре свѣтлыхъ торжества на Рогожскомъ кладбищѣ и четыре на Преображенскомъ, — разумѣемъ освященіе на нихъ часовень въ единовѣрческіе храмы, и торжество присоединенія къ единовѣрію (1865 г.) многихъ членовъ раскольнической австрійской лже-іерархіи, и въ числѣ ихъ трехъ епископовъ (Онуфрій, Паѳнутій и Сергій). Его священными руками вѣнчанъ на царство Царь-Освободитель. Его же рукою писанъ былъ знаменитый манифестъ 19 февраля 1861 г., возвѣстившій міру о дарованіи свободы 23 милліонамъ русскихъ людей. Являя и въ маститой старости неоскудѣваемую мощь духа, преосвящ. Филаретъ, кромѣ обширныхъ занятій своихъ по управленію дѣлами церкви, не переставалъ посвящать свои силы и другимъ подвигамъ своего высокаго призванія. По случаю совершившагося тысячелѣтія Россіи, онъ для молебнаго пѣнія составилъ особую молитву и особыя же возглашенія послѣ обычныхъ многолѣтій, какъ ровно за 50 лѣтъ до этого событія онъ же составилъ молебное пѣніе въ 25 день декабря, по случаю избавленія Россіи отъ нашествія Галловъ.

Однимъ изъ послѣднихъ дѣлъ его было воззваніе къ Россіи о помощи единовѣрцамъ въ Кандіи,—открывшимъ тогда борьбу съ турками (1867 г.).

Относительно личныхъ свойствъ характера Московскаго іерарха приведемъ нѣсколько свидѣтельствъ, изъ которыхъ два принадлежатъ иностранцамъ и относятся къ началу и концу его дѣятельности. Квاکеръ Стефанъ Грелле, бывшій въ Петербургѣ въ 1818—19 годахъ и лично извѣстный Императору Александру I-му, такъ отзывался о преосвящ. Филаретѣ, бывшемъ тогда викаріемъ Ревельскимъ: «Покои у него не обширные, безъ всякаго убранства, съ простою необходимою мебелью, какъ монашеская келья. Это мужъ науки и знатокъ мертвыхъ языковъ; не менѣе того въ немъ видны признаки большаго смиренія. Его уважаютъ, какъ человѣка набожнаго и духовнаго. И по нашимъ собственнымъ наблюденіямъ, и по тому, что намъ о немъ говорили, мы думаемъ, что онъ заслуживаетъ эту добрую славу».—Другой иностранецъ, епископъ, примасъ Шотландіи, лордъ Морай-Россъ, бывшій въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1866 г., по порученіи комитета сближенія церквей англиканской и греко-россійской, и посѣтившій Московскаго владыку, отзывался о немъ такъ: «Я полагаю, что нѣтъ въ цѣлой русской Имперіи болѣе уважаемаго, болѣе справедливаго и вообще болѣе любимаго человѣка, какъ почтенный Филаретъ. Кроткій, смиренный, благочестивый, простой въ образѣ жизни, онъ тратитъ на благочестивыя дѣла почти всѣ свои весьма значительные доходы. Школы для первоначальнаго образованія бѣдныхъ устроенныя въ Троицкомъ монастырѣ, для ознакомленія съ употребительными ремеслами и другими промыслами, для достиженія высшихъ искусствъ, будутъ служить вѣчнымъ памятникомъ мудрости, человѣколюбія и щедрости этого знаменитаго митрополита. Чрезвычайно знаменательно, что сердце благочестиваго сановника на 50 году епископства желаетъ единства христіанства».

А вотъ сужденія о Московскомъ владыкѣ людей, бывшихъ въ болѣе близкихъ къ нему отношеніяхъ.—Одинъ изъ нихъ такъ характеризуетъ его нравственныя свойства: «Святитель Филаретъ ничего не дѣлалъ для шума, для показа, для того только, чтобъ заговорили о немъ; да и другихъ удерживалъ отъ сего. Онъ никогда не старался выказать себя набожнымъ, молитвенникомъ, подвижникомъ, а на дѣлѣ былъ и молитвенникъ, и подвижникъ, и благоговѣнно набожный. Безчисленныя благодѣянія его совершались большею частію тайно. Вудучи по преимуществу мужемъ долга и законности, онъ строго преслѣдовалъ безпорядокъ. Сочувствуя всему доброму и хорошему, онъ не подчинялся минутнымъ увлеченіямъ такъ называемаго общественнаго мнѣнія, и для снисканія столь модной въ нынѣшнее время популярности—не жертвовалъ св-ими убѣжденіями. Онъ никогда не былъ назади своего вѣка, но не давалъ его теченію и увлечь себя, строгимъ анализомъ своего глубокомысленнаго ума повѣрнѣя его движеніе. Какъ въ дѣлѣ, такъ и въ словѣ былъ онъ воздерженъ. Онъ не говорилъ ничего не подумавши, никогда не говорилъ неправды, не хвасталъ, не льстилъ... Онъ не обременялъ подчиненныхъ дѣлами выше силъ; напротивъ самъ старался сдѣлать все, что могъ сдѣлать, и работалъ, какъ послѣдній приказный, не только за себя, но и за другихъ. Трудолюбіе его было непостижимое: онъ не зналъ, что такое отдыхъ отъ дѣла. Отвѣтственность за дѣла никогда не сваливалъ на другихъ, но самъ на себѣ несъ помощи немощныхъ, подобно апостолу Павлу. Онъ былъ епископъ съ утра до вечера и съ вечера до утра». «Дѣятельность его,—говоритъ другой близкій свидѣтель его жизни,—шла во всю жизнь изумительна и для обыкновеннаго человѣка невѣроятна. Никакое дѣло не представлялось ему труднымъ до непреодолимости, и не было столь маловажнаго дѣла, которое бы онъ считалъ недостойнымъ своего вниманія...

Мощный духъ его какъ будто былъ выше ограниченій тѣлесными условіями».

О трудолюбіи его свидѣтельствовала вся жизнь его, исполненная благихъ дѣлъ. Оберъ-прокуроръ Св. Синода 40-хъ и 50 годовъ, графъ Н. Протасовъ говаривалъ: «Случаются иногда дѣла, почти неразрѣшимыя, возникаютъ обстоятельства сомнительныя, поднимаются вопросы щекотливыя; мы думаемъ, думаемъ — и ничего не придумаемъ; вотъ я, пользуясь его (преосвящ. Филарета) правиломъ не отказываться ни отъ какого труда, беру всѣ бумаги, нужныя къ разрѣшенію задачи, запечатаю, надпишу «въ собственныхъ руки» — и правъ!... Святой отецъ все обсудитъ, обдѣлаетъ и скорехонько мнѣ возвратитъ. Наша частная переписка остается въ тайнѣ, безъ слѣдовъ канцелярскихъ». (Сушковъ, Записки 142). Многие въ послѣднее время совѣтовали святителю поберечь свои силы, поменьше утомлять себя работами, — и слышали отвѣтъ: «я тогда и здоровъ когда работаю». Ему возражали: все же вамъ нуженъ отдыхъ. Онъ отвѣчалъ: «я отдыхаю на разнообразіи занятій» (тамъ же, 282). Такія мало свойственныя людямъ черты святителя естественно привлекали къ нему сердца и стяжали ему общую любовь и благоговѣнное почитаніе; послѣднее имѣло дѣйствительное оправданіе еще при жизни святителя въ многократныхъ случаяхъ спасенія отъ несчастій и исцѣленія страдавшихъ разными недугами по его благодатной молитвѣ (тамъ же, 162). Когда же не стало на землѣ этого молитвенника, и когда торжественно переносили тѣло его изъ Троицкаго подворья въ Чудовъ монастырь, — народъ собиралъ съ пути можжевеловыя, и притомъ съ такимъ усердіемъ, что опоздавшіе не могли уже найти для себя ни одной вѣтки. Такъ любили святителя, такъ благоговѣли предъ нимъ.

Святитель при жизни еще обладалъ даромъ прозрѣнія, что подтверждается фактами. Приведемъ одинъ случай изъ

его жизни. — Въ одномъ дворянскомъ семействѣ братъ съ сестрою были разнаго мнѣнія о высокопреосвященномъ Филаретѣ; сестра очень почитала его, но братъ позволялъ себѣ говорить о немъ безъ всякаго уваженія. Однажды между ними зашелъ разговоръ о прозорливости владыки, и братъ, нисколько не довѣряя этому, вознамѣрился испытать оную обманомъ, и, несмотря на просьбу сестры оставить это намѣреніе, оставался непреклоненъ; и вотъ однажды, одѣвшись въ самое бѣдное платье, онъ отправляется въ Троицкое подворье, представляется владыкѣ и говоритъ ему, что его постигло несчастье, — помѣстье его сгорѣло, и онъ находится въ крайности. Выслушавъ это, владыка удалился во внутренніе покои, вынесъ пакетъ съ деньгами, который и отдалъ ему со словами: «Вотъ вамъ на погорѣвшее имѣніе». По возвращеніи домой, онъ показываетъ полученныя имъ отъ владыки деньги, и съ восторгомъ рассказываетъ обо всемъ подробно, чѣмъ сестра его была ужасно огорчена. На другой день онъ получаетъ извѣстіе, что въ тотъ самый день и часъ, въ который онъ былъ у владыки, въ его помѣстьи, сгорѣла часть его имѣнія и именно на ту сумму, какую онъ получилъ отъ владыки. Это событіе его ужасно поразило, и онъ немедленно поѣхалъ къ владыкѣ, рассказалъ обо всемъ чистосердечно, и со слезами просилъ прощенія. Съ того времени онъ вѣрилъ въ прозорливость владыки и очень уважалъ его. (Брош. «Особ. замѣч. случаемъ.. чрезъ свят. Фил.» 1876, 14—15).

Ученость и литературные труды святителя Филарета колоссальны. Онъ состоялъ членомъ академіи наукъ, всѣхъ духовныхъ академій, почетнымъ членомъ Московскаго университета, С.-Петербургской медико-хирургической академіи, Москов. общества исторіи и древностей Россійскихъ, общества любителей росс. словесности, С.-Петерб. Императ. челоѣкол. общества, географическаго общества, археолог. общества, Императ. новоросс. университета, общества любите-

лей дух. просв. и многих других ученых и благотворительных учреждений.

Литературная дѣятельность м. Филарета продолжалась 62 г. (1806 — 1867). Какъ писатель и особенно писатель-проповѣдникъ, онъ стоялъ и будетъ стоять на высотѣ недостигаемой. Его литературные труды — безсмертны, по количеству они чрезвычайно обильны и разнообразны. Въ литературной дѣятельности, не говоря о его переводахъ, онъ былъ ораторъ (однихъ рѣчей его насчитываютъ пока до 450), экзегетъ, догматистъ, историкъ, литургистъ, полемикъ, апологетъ,—даже поэзія не была ему чужда,—сочиненія его переводились и переводятся на многія европейскіе и не европейскіе языки, не исключая арабскаго. Не исчисляя множества его воззваній, отвѣтовъ, писемъ къ государямъ и членамъ Царствующаго Дома, къ сановникамъ и разнымъ частнымъ лицамъ, замѣтимъ только, что изъ одной Московской синодальной типографіи вышло твореній его болѣе 360 изданій и болѣе 2,200,000 книгъ (адресъ Моск. типогр. м. Ф. въ стран. 1867, сент. IV, 112).

Выше мы упомянули, что и поэзія не была чужда Москов. святителю. Въ рукописяхъ хранятся стихотворенія — переводы его изъ твореній св. Григорія Богослова. Изъ его собственныхъ напечатанныхъ стихотвореній, кромѣ извѣстнаго стихотворнаго отвѣта Пушкину, извѣстны: а) «пѣснь увѣщательная» и б) «вечерняя пѣснь путешественника». Такъ какъ стихотвореній преосв. Филарета писалъ очень—очень мало, и даже указанные нами рѣдко кому извѣстны, то мы позволимъ себѣ привести здѣсь одну часть послѣдней пѣски, писанной митрополитомъ 24 августа 1820 года на Тверской дорогѣ по пути въ Петербургъ. Неизвѣстно, чѣмъ были навѣяны на святителя эти поэтическія думы, но благоговѣніе, чуемое сердцемъ въ этой «пѣсни» и счастливое сочетаніе въ ней славянизмовъ съ русскою рѣчью придаютъ ей

значеніе молитвы и какую-то тайную силу, охватывающую сердце... Вотъ часть изъ нея:

*«Отъщаго же Петръ рече: Господи,
аще Ты еси, повели ми прійти къ Тебѣ по
водамъ» (Мѡ. XIV).*

Къ Тебѣ, о Путь непреткновенный,
Къ Тебѣ, Путь истинный, живый,
Взываетъ путникъ утомленный,
Пути его во тьмѣ не скрый.
Ты волны нѣкогда высоки
Въ путь гладкій уравниль пловцамъ;
Ты воды нѣкогда глубоки
Въ путь безопасный далъ стопамъ.
Сей путь мой не въ водахъ и въ морѣ,
Но волны есть въ душѣ моей...
Явись, волнѣ Укротитель, вскорѣ,
И бурѣ запрети страстей!
По выблемой водѣ текущей
Ничтожныхъ временныхъ вѣщей,
Къ странѣ живыхъ присноцвѣтущей
Дажь твердый путь душѣ моей!
Увы! изнемогаетъ вѣра:
Твой легкій путь я труднымъ чту;
Плоть извлекаетъ маловѣра,
И погружаетъ въ суету.
Спаси, Наставникъ! гибну, гибну!
Умилосердись, ускори...
Не съ гласомъ грознымъ, руку миру
Извлечь погрязнаго прости.

Кстати, чтобы показать факты участія великаго пастыря къ знаменитому нашему поэту, Пушкину, приведемъ здѣсь многимъ извѣстные стансы Пушкина, выразившіе ходячій тогда у насъ въ литературѣ и поэзіи духъ байронизма, легкаго взгляда на жизнь, преждевременнаго разочарованія ею, охватившаго молодая поколѣнія, — стансы, на которые м. Филаретъ въ тонѣ народнѣ представилъ поэту истинно-христіанскій взглядъ на жизнь; на это поэтъ отвѣтилъ митрополиту чувствомъ глубочайшей искренней признательности.

Пушкинъ написалъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, вѣдь ты мнѣ дала?
Иль вѣдь судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?
Цѣли нѣтъ передо мною;
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучной жизни шумъ.

Митрополитъ Филаретъ ему на это отвѣчалъ:

Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на жизнь осуждена.
Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ бедъ воззвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.
Вспомнись мнѣ, Забытый мною!
Просіяй сквозь сумракъ думъ,
И соиздается Тобою
Сердце чисто, свѣтлый умъ.

Возраженіе владыки поколебало сомнѣнія и заблужденіе поэта. Умиленный и образумленный, онъ принесъ гласное покаяніе въ новомъ отвѣтномъ стансѣ, гдѣ между прочимъ говоритъ:

.....Никѣ отъ тисоты духовной
Мнѣ руку простирася ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа пала, и
Отвергла шракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Л. 3—смѣ.

АРХИМАНДРИТЪ МАКАРІЙ

ОСНОВАТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12
1892

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Декабря 1892 г.

Извлечено изъ «Томскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».

АРХИМАНДРИТЬ МАКАРІЙ, ОСНОВАТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ МИССИИ.

Помни его, Господи, во царствіи Твоємъ!

Восьмой день мѣсяца ноября текущаго 1892 года замыкаетъ собой столѣтіе, прошедшее со дня рожденія достопамятнаго архимандрита Макарія. На разнаго рода юбилейныхъ торжествахъ принято обыкновенно или припоминать жизнь и дѣятельность виновниковъ ихъ, или же подводить той и другой итоги. Въ этомъ отношеніи личность архимандрита Макарія занимаетъ нѣсколько особое положеніе. Съ одной стороны собрано еще далеко не все что дало бы возможность историку произвести правильную и всестороннюю оцѣнку его заслугъ; съ другой, такой ученый трудъ едвали и соотвѣтствовалъ бы требованіямъ и обстоятельствамъ настоящей минуты. Архимандрить Макарій свои познанія и силы любилъ посвящать пользѣ ближняго, понимая подъ послѣдней все, что клонится къ распространенію и утвержденію христіанскаго просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ; поэтому лучшимъ нашимъ дѣломъ въ настоящую пору, лучшей данью уваженія къ памяти знаменитаго дѣлателя на нивѣ Христовой будетъ, если мы, хотя слабо, оживимъ въ нашемъ сознаніи его образъ, чтобы, глядя на его дороую тѣнь, научиться, какъ надо быть человѣкомъ и христіаниномъ.

I.

Природа дала Михаилу Яковлевичу Глухареву—такъ звали архимандрита Макарія въ мірѣ—хорошія способности и чуткую впечатлительную душу. Какъ извѣстно, эти качества составляютъ почву, одинаково воспріимчивую какъ къ добру, такъ и къ злу. Но десница Господня хранила душу Михаила Яковлевича, и съ нимъ не случилось того, что пало на голову другихъ. Тяжелая для каждого и опасная для многихъ пора роста и развитія, во время которой душевному и тѣлесному организму человѣка предстоитъ одолѣть столько препятствій—въ видѣ всѣхъ этихъ искушеній, соблазновъ, ошибокъ, разставляемыхъ грѣхомъ въ области нравственной и безпорядкомъ и неустойчивостью въ области мысли,—проходила для него въ самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Можно сказать, съ самаго дня рожденія онъ дышалъ воздухомъ, насыщеннымъ не зловредными испареніями грѣха и лжи, но оздоравливающей свѣжестью устойчивой правды и въ мысли и въ дѣлѣ. Его отецъ, скромный и трудолюбивый священникъ (г. Вязьмы Смоленской губерніи) пользовался почетомъ, уваженіемъ и любовью всѣхъ, кто его зналъ. Обстоятельство это заслуживаетъ полнаго вниманія. Это была извѣстность человѣка, не высоко стоящаго; слѣдовательно—она происходила исключительно изъ качествъ его души. Отца Іакова любили, значить онъ былъ добрѣ; его уважали и почитали, значить въ чемъ-то онъ стоялъ много выше окружающихъ его. Тотъ фактъ, что онъ прошелъ весь тогдашній курсъ семинарскихъ наукъ и кончилъ его съ званіемъ студента, ясно свидѣтельствуетъ, въ чемъ состояло его преимущество. Онъ былъ образованъ. Сунруга о. Іакова Агапія своею добротою и кротостію составляла

продолженіе прекрасныхъ качествъ мужа. Скромные супруги были благочестивыми христіанами,—явный знакъ что въ ихъ жизни преобладали духовныя стороны. Таковы были лица, которые окружали колыбель Михаила Яковлевича, такова была та среда, въ которой онъ росъ свои первые молодые годы.

Благородныя качества души находили въ этой средѣ много благопріятныхъ условій для своего развитія. Направляемый умѣлой бдительностью отца, мальчикъ Глухаревъ быстро проходилъ начальный курсъ ученія. Семи лѣтъ онъ уже былъ изрядно знакомъ съ латынью и при поступленіи въ училище оказался достаточно подготовленнымъ прямо въ третій классъ, куда и былъ принятъ. Ранніе успѣхи маленькаго Глухарева показываютъ, что въ немъ жила и дѣйствовала любовь къ наукѣ; нельзя допустить, чтобы кроткій и любящій о. Іаковъ палкой или страхомъ заставлялъ сына сидѣть за книгой, да эти средства едва ли и привели бы къ такимъ хорошимъ послѣдствіямъ. Любознательность на всю жизнь осталась господствующей чертой въ настроеніи Михаила Яковлевича, съ нею же онъ является передъ нами и на школьной скамьѣ. Исправно приготовить урокъ было, кажется, главной его заботой, поглощавшей, все его дѣтское вниманіе. Ради школы и урока онъ забывалъ все: и домъ, который съ своей тишиной долженъ былъ особенно привлекать къ себѣ послѣ школьныхъ строгостей впечатлительнаго мальчика, и даже обѣдъ. Училище было далеко отъ дому, и Глухаревъ часто не хотѣлъ изъ-за обѣда тратить время на переходы. Онъ оставался въ училищѣ на цѣлый день, какъ будто не замѣчая, что понавшагося утромъ подъ руку куска хлѣба или картофеля совсѣмъ недостаточно для питанія. Зато какъ глубоко страдалъ Михаилъ Яковлевичъ, когда ему почему либо не удавалось въ совершенствѣ осмыслить урока! Однажды послѣ подобнаго случая

учитель строго пригрозилъ ему: «если ты опять не выучишь урока, я тебѣ спору всю кожу отъ шеи до пятъ»! Испуганный мальчикъ едва не заплатилъ жизнью за этотъ выговоръ. Со слезами возвращался онъ домой, огорченный неудачей и совершенно забывши зимній холодъ. Простуда положила мальчика въ постель, съ которой онъ не вставалъ полгода; слабость груди и голоса была пожизненнымъ слѣдствіемъ этого недуга. Любовь къ наукѣ Михаилъ Яковлевичъ понесъ съ собою и дальше. Онъ прекрасно кончаетъ курсъ въ смоленской духовной семинаріи и, какъ даровитый юноша, посылается начальствомъ въ Петербургскую духовную академію. Здѣсь Глухаревъ съ успѣхомъ занимался изученіемъ различныхъ наукъ и даже такихъ, какъ исторія и языки, которые въ ту пору не пользовались уваженіемъ духовнаго юношества. Такая широкая любознательность доставила ему особенное расположеніе ректора академіи архимандрита Филарета, въ послѣдствіи Московскаго митрополита. Благодаря своей любознательности, которая относилась съ одинаковымъ вниманіемъ ко всему что предлагала школа, студентъ Глухаревъ усвоилъ себѣ просвѣщенный и широкій взглядъ на вещи. Онъ не замкнулся въ тѣсную скорлупу специалиста и не пренебрегалъ ни одной изъ наукъ, справедливо находя въ нихъ торжество и силу человѣческаго ума; онъ глубоко уважалъ всѣ человѣческія познанія. Въ 1840 году, когда Михаилъ Яковлевичъ былъ уже сорока восьмилѣтнимъ мужемъ и архимандритомъ, онъ спѣшилъ воспользоваться днями своего пребыванія въ Казани и ознакомиться, сколько позволяло время, не только съ татарскимъ языкомъ, который былъ нуженъ для миссіи, но, напримѣръ, и съ *анатоміей*; онъ съ любопытствомъ осматриваетъ анатомическій театръ, на самыхъ трупахъ изучаетъ нѣкоторые фیزیологическія явленія, готовъ узнать, что можно изъ ботаники и другихъ отдѣловъ естествовѣдѣнія и наконецъ

съ глубокимъ вниманіемъ, почти съ благоговѣніемъ, разсматриваетъ съ обсерваторіи чрезъ телескопъ луну, Юпитера, Сатурна, удивляясь различнымъ механическимъ приспособленіямъ зданія. Высокопросвѣщенная мысль о. Макарія нашла себѣ приложеніе и въ его миссіонерской дѣятельности. Онъ желалъ видѣть въ миссіонерѣ не одного сѣятеля слова Христова, а также насадителя и того, безъ чего всходы евангелія могутъ погибнуть, именно—насадителя просвѣщенія и гражданственности, цивилизаціи, какъ бы выразилось свѣтское перо. Онъ готовъ былъ, какъ увидимъ ниже, удовлетворять двумъ нуждамъ инородцевъ: нуждѣ религіозной, нуждѣ въ божественной истинѣ и нуждѣ въ тѣхъ вещественныхъ благахъ, неимѣніе которыхъ приводитъ человѣка ко всѣмъ ужасамъ нищеты и распущенности, приучая его съ тупымъ, безпечнымъ равнодушіемъ сносить всякія невзгоды бродячей жизни и совершенно подавляя въ немъ высшія способности духа.

Многостороннее образованіе Михаила Яковлевича не было простымъ накопленіемъ разнородныхъ познаній; кромѣ развитія и укрѣпленія ума оно сослужило ему еще другую, столь же важную службу: очищало и возвышало его сердце, помогало постановкѣ и разрѣшенію вопросовъ нравственнаго свойства. Онъ не былъ похожъ на тѣхъ юношей, которые пользуются своимъ счастливымъ образованіемъ не съ цѣлію воспитать въ себѣ, какъ говорятъ, идеалъ и создать сообразныя ему житейскія правила, а напротивъ—съ цѣлію увеличить средства къ устраненію этого лежащаго на каждомъ человѣкѣ долга и не жизнь приспособить къ идеалу, но послѣдній сѣзвить до такой степени, чтобы онъ не противорѣчилъ требованіямъ первой. Жизнь—подательница удовольствій,—этотъ взглядъ, въ которомъ, какъ въ волшебномъ кругѣ, вращается сознаніе большинства, былъ несроденъ его душѣ, онъ искалъ въ жизни поля для нравственной дѣятельности и

за право жить стремился платить искреннимъ, горячимъ, честнымъ исполненіемъ долга и обязанностей, какими связывалъ его усвоенный имъ идеалъ. Онъ никогда не хотѣлъ уклоняться съ этого пути и всегда круто поворачивалъ, если замѣчалъ, что какое нибудь увлеченіе сбивало его съ избраннаго направленія. Совѣсть, неутомимый стражъ долга, помогала ему въ этомъ дѣлѣ; онъ приобрѣлъ привычку внимательно прислушиваться къ ея голосу и до такой степени изощрилъ способность разбирать ея рѣчь среди шума другихъ душевныхъ состояній, что отъ этого вниманія не могло ускользнуть ни одно, даже самое тонкое и повидимому неуловимое ея движеніе. Въ одномъ изъ его писемъ проскользнуло прекрасное замѣчаніе, съ необыкновенной ясностью показывающее, какое строгое послушаніе несъ онъ передъ своею совѣстію. Увлечшись довольно подробнымъ описаніемъ времени, проведеннаго въ Казани, въ концѣ письма онъ какъ бы очнулся отъ своего очевидно пріятнаго забытья и спѣшитъ добавить: «но вотъ время летитъ и нынѣ, и память представляетъ многія требованія службы, которыя несомнѣнны, и *совѣсть съ колокольчикомъ повсаниваетъ, призывая къ благоразумію и порядку*». Относясь съ такимъ уваженіемъ къ дѣлу совѣсти, иначе—къ дѣлу нравственнаго развитія, Михаилъ Яковлевичъ совсѣмъ не имѣлъ того ложнаго самолюбія, которое не сноситъ никакихъ замѣчаній и грубо обижается на всякія указанія недостатковъ, видя въ этомъ проявленіе деспотизма или, такъ называемое, «нарушеніе правъ личности»—слово, которымъ любить щеголять нѣкоторые юноши. Онъ никогда, напริมѣръ, не терялъ уваженія къ митрополиту Филарету, постоянно питалъ къ этому святителю глубокую благодарность за многія оказанныя имъ благодѣянія, а въ числѣ ихъ имѣли мѣсто и «стропотные пути», какъ Михаилъ Яковлевичъ называлъ обращенныя къ себѣ воспи-

тательныя мѣры бывшаго ректора академіи.— Съ чувствомъ такой же благодарности отзывался Михаилъ Яковлевичъ и объ отношеніяхъ къ себѣ екатеринославскаго преосвященнаго Іова, которыя современники готовы были считать верхомъ несправедливости и даже какъ бы гоненіемъ: «преосвященный Іовъ, говорилъ онъ, выжималъ изъ меня всякую сырѣ—все, что казалось ему недовольно чистымъ». Это образцовое нравственное саморазвитіе имѣло свои послѣдствія въ жизни архимандрита Макарія. При избраніи рода занятій онъ руководится не своекорыстнымъ расчетомъ, ставитъ себѣ на видъ не прибыль, но соотвѣтствіе избираемаго дѣла составленному идеалу, и на служеніе этому дѣлу смотритъ не какъ на бремя, а какъ на ближайшую, прямую цѣль своей житейской дороги. Только этимъ и можно объяснить то обстоятельство, что о. Макарій отдавалъ избранному дѣлу всю свою душу и все свое вниманіе. Что бы ни говорилъ или ни писалъ онъ о немъ, все это проникнуто чувствомъ, оживлено горячей любовью и нисколько не походитъ на сухіе канцелярскіе отчеты. Видно, что этотъ человѣкъ не только умѣетъ дѣлать, но и съ любовью дѣлать, смотря на свой долгъ, какъ на святыню, что мысли его совершенно не коснулось вредное дѣйствіе пословицы: *дѣло не медведь, въ лѣсъ не убѣжитъ*.

Укрѣпленный образованіемъ умъ и твердо поставленная въ соотвѣтствіе идеалу воля произвели свое дѣйствіе. Самыя прихотливыя обстоятельства и самая неожиданная новизна дѣла не могли застигнуть Михаила Яковлевича врасплохъ: онъ въ состояніи былъ найтись среди самаго измѣнчиваго потока случайностей, потому что всегда оставался вѣренъ себѣ, всегда слѣдовалъ голосу неусыпнаго своего руководителя—совѣсти или долга. Современники видали его въ разныхъ должностяхъ и службахъ, но они не могли конечно не засвидѣтельствовать,

что съ перемѣною ихъ Михаилъ Яковлевичъ оставался неизмѣннымъ, умѣя всюду находить одну свою прямую дорогу. Назначенный прямо по окончаніи курса академіи инспекторомъ екатеринославской семинаріи, онъ заявляетъ себя на этомъ мѣстѣ честнымъ исполнителемъ того, что, по его сознанію, требовала польза дѣла, и ни на шагъ не отступаетъ отъ своихъ убѣжденій, хотя послѣднія очень круто столкнулись со взглядами его сослуживцевъ. Онъ не боялся, напримѣръ, послушаться своего ректора въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было слушать другаго распорядителя—совѣсть. Во время одной рекреаціи ректоръ дозволилъ ученикамъ пѣть свѣтскія пѣсни; Михаилъ Яковлевичъ нашелъ это неприличнымъ званію воспитанниковъ духовной школы; соблазнъ представлялся ему тѣмъ важнѣе, что въ рекреаціи принимали участіе и нѣкоторые постороннія лица. По этой причинѣ, вопреки распоряженію ректора, онъ приказалъ пѣть духовныя пѣсни. Осыпанный тутъ же насмѣшками и колкими замѣчаніями сослуживцевъ, онъ удалился. Повелительный голосъ той же совѣсти одинаково громко раздавался для слуха Михаила Яковлевича даже и тогда, когда ему приходилось слушать своего архипастыря. По одному денежному дѣлу онъ считалъ себя обязаннымъ не согласиться съ желаніемъ преосвященнаго Іова и на нетерпѣливое замѣчаніе владыки: «какъ? ты не вѣришь мнѣ»? кротко, но твердо отвѣчалъ: «ваше высокопреосвященство! какъ архипастырю, я вамъ вѣрю, какъ человѣку—не вѣрю: вы можете умереть». Справедливость поступка Михаила Яковлевича была доказана тѣмъ, что преосвященный Іовъ отказался отъ своего желанія.

Вотъ въ какихъ чертахъ возстаетъ предъ нашимъ воображеніемъ тѣнь о. архимандрита Макарія изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ полуразрушенныхъ воспоминаній о

немъ. Но эта тѣнь становится яснѣе и оживляется по мѣрѣ того, какъ къ ней присоединяются христіанскія черты.

II.

Кротость, благочестіе и смиреніе—эти важнѣйшія качества христіанина—отличали Михаила Яковлевича съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Они помогли ему усвоить всѣ лучшія стороны нашего школьнаго воспитанія и не вызывали въ немъ того пагубнаго противодѣйствія, какое къ несчастію встрѣчается среди молодежи всѣхъ временъ. Онъ вовсе не почиталъ для себя униженіемъ быть *послушнымъ* и *откровеннымъ* предъ своими воспитателями; его, напри- мѣръ, христіански-сыновнія отношенія къ ректору академіи не только заслуживаютъ упоминанія, но и должны быть поставлены въ образецъ. Самъ онъ такъ говоритъ объ этомъ. «Я отдалъ свою волю вполнѣ преосвященному Филарету, ничего не дѣлалъ и не начиналъ безъ его совѣта и благословенія и почти ежедневно исповѣдывалъ ему свои помыслы». Какіе быстрые успѣхи сдѣлало бы наше воспитаніе, если бы наши низшія и высшія школы были наполнены подобными людьми! Благодаря своему довѣрчивому отношенію къ воспитателямъ и неизмѣнному благочестію, Михаилъ Яковлевичъ счастливо прошелъ тотъ возрастъ, въ который увлеченіе часто подвергаетъ молодыхъ людей разнымъ опасностямъ. Подобное случилось однажды и съ Михаиломъ Яковлевичемъ. Въ годы его академической жизни наше столичное общество болѣло религіознымъ недугомъ—мистицизмомъ. Распространились масонскія ложи и хлыстовскія сборища Татариновой. На одно изъ такихъ сборищъ и попалъ Михаилъ Яковлевичъ; но его христіанская душа не могла примириться съ дикимъ неистовствомъ сектантовъ, и онъ въ ужасѣ убѣжалъ въ самый разгаръ радѣнья.

Съ окончаніемъ дней школьной опеки оказалось, что христіанскія начала уже глубоко укоренились въ душѣ Михаила Яковлевича. Онъ былъ образцомъ благочестія, простоты и воздержанія въ жизни, скромности, смиренія, трудолюбія и той непреклонной прямоты, которою всегда обладаютъ люди непоколебимыхъ, твердыхъ убѣжденій. Въмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ съ особенной силой стало обнаруживаться еще одно весьма высокое и вполне христіанское качество — *уваженіе къ человеческой личности*. Это уваженіе не было похоже на ту вѣжливую снисходительность, съ какою люди склонны бываютъ скорѣе снисзойти пороку, чѣмъ удержать отъ него, — но выражало собою христіанскую любовь, которая ревнуетъ о благѣ ближняго, съ полною, разумѣется, справедливостію почитая такимъ благомъ спасеніе его души. По этой причинѣ Михаилъ Яковлевичъ, поступивъ на семинарскую службу, не хотѣлъ ограничиться одними холодными официальными отношеніями къ ученикамъ, а напротивъ близко принималъ къ сердцу участь каждого изъ нихъ. Духовная польза воспитываемыхъ стояла здѣсь на первомъ мѣстѣ. Но, какъ мы видѣли, подобныя отношенія къ воспитанію сопровождались иногда для Михаила Яковлевича огорченіями и не по его винѣ нарушали его согласіе не только съ сослуживцами, но даже и съ лицами начальствующими. Такіе случаи не проходили даромъ. Весь проникнутый христіанскими убѣжденіями, Михаилъ Яковлевичъ не могъ дѣйствовать въ половину, ему необходимо было въ каждомъ дѣлѣ раскрыть все свое неподкупное сердце и, очевидно, только тогда онъ могъ чувствовать себя спокойнымъ, иначе колокольчикъ совѣсти продолжалъ неугомонно звонить. Но служба, съ ея множествомъ неизбѣжныхъ официальныхъ отношеній, не всегда оказывалась удобной къ тому, и Михаилъ Яковлевичъ сталъ ею тяготиться. У него вырываются по временамъ такіа восклицанія: «мракъ

души моей часто покрываетъ тѣнію печальною все меня окружающее». Этотъ мракъ былъ, очевидно, слѣдствіемъ внутренняго неудовлетворенія, задержанныхъ, непроявившихся потребностей сердца. Привыкнувъ поступать согласно съ убѣжденіями, отецъ Макарій уже будучи архимандритомъ и ректоромъ костромской духовной семинаріи, сталъ проситься на покой. Его просьба была уважена и въ 1825 году онъ съ радостью ѣхалъ въ Кіевскую лавру, къ братіи которой былъ причисленъ синодскимъ указомъ. Но жизнь въ монастырѣ вовсе не была для о. Макарія мѣстомъ покоя. Прежніе идеальныя порывы его совѣсти, находившіе примѣненіе въ простомъ исполненіи служебнаго долга, стѣснились теперь болѣе определеннымъ и постояннымъ стремленіемъ къ возвышенію духа путемъ подвижнической дѣятельности. Припадки тоски, которымъ подвергался Михаилъ Яковлевичъ въ свободное отъ разныхъ занятій время, когда ему невольно приходилось сталкиваться съ обыденной житейской пустою, были вѣрно поняты имъ: онъ слышалъ въ нихъ тоску души по другой жизни, ближе подходящей къ единой вѣчной цѣли всякаго земнаго человѣческаго существованія, и 24 іюня 1818 года принялъ постриженіе съ именемъ Макарія. Очувтившись въ древнѣйшей нашей лаврѣ, гдѣ все напоминало о великихъ и изумительныхъ подвигахъ первыхъ отшельниковъ христіанской Руси, и отказавшись отъ своихъ образовательныхъ и служебныхъ преимуществъ, онъ рѣшается пройти всѣ степени монастырскаго искуса. Съ этою цѣлью онъ перепросился у св. Синода въ Глиновскую пустынь Курской губерніи, гдѣ въ то время былъ извѣстенъ своими подвигами старецъ Филаретъ. Здѣсь онъ, по его собственнымъ словамъ, «хотѣлъ знакомиться съ искушеніями свойственными монастырскому общажію». Нѣсколько Глиновская обитель въ состояніи была удовлетворить аскетическимъ стремле-

ніямъ о. Макарія, показываетъ его собственный восторженный отзывъ о ней: «Эго школа Христова; это одна изъ свѣтлыхъ точекъ на земномъ мірѣ, въ которую дабы войти, надлежитъ умаляться до Христова младенчества». Въ продолженіе четырехлѣтняго пребыванія въ обители о. Макарій неуклонно пользовался наставленіями старца Филарета, уже опытнаго воина Христова, и нелегкій подвигъ монастырскаго послушанія несъ съ обычнымъ своимъ терпѣливымъ смиреніемъ. Съ такою заботливостью старался о. Макарій воспитать въ себѣ лучшія качества, выжать, выражаясь его языкомъ, всю сырь, сознаніе которой, очевидно, ни на минуту не позволяло задремать его совѣсти. Между тѣмъ Господь уготовлялъ великое дѣло, въ которомъ окрѣпшія духовныя силы о. Макарія нашли самое высокое приложеніе. Въ 1828 году св. Синодомъ была открыта Сибирская миссія сообразно проекту ея, составленному въ Tobольскѣ подъ руководствомъ мѣстнаго преосвященнаго Евгенія (Каванцева). Вѣсть объ этомъ достигла о. Макарія весьма знаменательнымъ путемъ. Однажды онъ сидѣлъ въ своей холодной кельѣ между печью и стѣной за письменной работой. Въ это время къ нему входитъ странникъ Атласъ, бывшій католикъ, принявшій потомъ православіе и странствовавшій по святымъ мѣстамъ. Этого человѣка о. Макарій зналъ и относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. «Что, о. Макарій, сказалъ Атласъ, забился и сидишь тутъ въ темнотѣ? Ты человѣкъ просвѣщенный, тебѣ надобно другихъ просвѣщать, а ты засѣлъ здѣсь въ темнотѣ. Иди, проповѣдуй Евангеліе Сибирскимъ язычникамъ, вотъ Св. Синодъ ищетъ такого человѣка». Небеснымъ призывомъ отоввались слова странника въ душѣ о. Макарія; показать путь спасенія темному, угнетенному нищетой и невѣжествомъ люду, являлось, очевидно, незамѣнимымъ и неожиданнымъ средствомъ отдать свои силы полезному

и спасительному служенію на благо ближнему, на дѣлѣ обнаружить ту любовь къ человѣку, которая переполнила сердце о. Макарія. Онъ забываетъ свои уже немолодые годы, не обращаетъ вниманія на очень слабое и недужное тѣло и съ благословенія о. Филарета проситъ у Св. Синода разрѣшенія на подъятіе миссіонерскихъ трудовъ; разрѣшеніе не замедлило послѣдовать, и 1 сентября 1829 г. архимандритъ Макарій былъ уже на пути къ Tobольску. Такъ собственныя желанія и стремленія въ связи съ внѣшними обстоятельствами, направляемыми рукою Всевышняго, доставили наконецъ архимандриту Макарію способъ завершить свое духовное развитіе и избрать служеніе, въ которомъ онъ до сихъ поръ продолжаетъ быть образцомъ — по тому въ высшей степени христіанскому духу, какимъ отличалось оно.

Если Господь опредѣлилъ инородцамъ Алтая имѣть въ будущемъ свою исторію, то несомнѣнно, въ послѣдствіи они прославятъ отца Макарія, какъ человѣка, который ввелъ ихъ въ семью христіанскихъ народовъ, энергически вырвавъ не только изъ рукъ грубаго язычества, но и тяжелаго, гнетущаго варварства. Проповѣдь о. Макарія была не однимъ только наученіемъ христіанской вѣры, нѣтъ — она являлась полнымъ христіанскимъ просвѣщеніемъ края; онъ разомъ положилъ тамъ начатки и гражданственности и обращенія ко Христу, возсоздавъ, такимъ образомъ, въ своей дѣятельности гражданственно-религіозное значеніе древне-русскаго монастыря. Онъ поставилъ миссію на самыхъ широкихъ основаніяхъ. Прежде всего онъ позаботился объ устройствѣ жизни и взаимныхъ отношеній самихъ служителей миссіонерскаго дѣла и пишетъ для ихъ малочисленной сначала общины уставъ или правила. Эти правила при простотѣ и краткости поражаютъ однако своей глубиной. Въ нихъ однимъ изъ непремѣнныхъ условій поставлялось, чтобы у миссіонеровъ было

всеобщее— не только вещи: книги, деньги, пища, одѣяніе, но и, что особенно важно, помыслы. На каждого миссіонера возлагается обязанность откровенно исповѣдывать начальнику свои мысли. Это сразу придавало миссіи видъ дружнаго семейства, члены котораго связывались между собою единомудріемъ, а съ своимъ руководителемъ полнымъ послушаніемъ и безусловнымъ довѣріемъ. Такимъ образомъ миссія уже съ самаго начала своего существованія представляла изъ себя строго организованную силу, единство дѣйствія которой могло съ успѣхомъ восполнять недостатокъ въ дѣятеляхъ. Затѣмъ начинается самая миссіонерская дѣятельность о Макарія. Основное направленіе значеніе ея кратко можно выразить такъ: *онъ, уча, учился, поучая, какъ вести дѣло проповѣди*. Здѣсь поучителенъ каждый шагъ о. Макарія.

Обладая самыми незначительными свѣдѣніями въ татарскомъ языкѣ, онъ однако не хочетъ терять времени и быстро приступаетъ къ своему дѣлу. Нѣсколько случаевъ бесѣдъ съ инородцами и счастливаго обращенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ Христову вѣру даютъ уже ему возможность лучше овладѣть мѣстными нарѣчіями. Онъ спѣшитъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и приступаетъ, такъ сказать, къ закладкѣ мѣстной духовной *тисменности*: переводить сначала краткія молитвы, писать исповѣданіе вѣры для новообращенныхъ и чрезъ нѣсколько времени находить возможнымъ положить начало переводу Священнаго Писанія переложеніемъ на языкъ мѣстныхъ инородцевъ Евангелія отъ Маттея. Съ теченіемъ времени эти переводные труды были увеличены многими другими. О. Макарій перевелъ почти отдѣльныя части изъ Апостола; все первое посланіе Іоанна, исторію Іосифа по Библіи, избранные тексты изъ другихъ книгъ Священнаго Писанія, краткую Священную Исторію, разныя церковныя пѣсни, псалмы, огласительное поученіе, Символъ

вѣры, десять заповѣдей съ толкованіемъ на нихъ, молитву Господню и другія молитвы и вопросы при исповѣди и крещеніи. Въ самомъ обращеніи инородцевъ о. Макарій является въ полномъ смыслѣ слова «ловцемъ чело-
вѣковъ», который не выжидаетъ спокойно или безопасно благопріятнаго случая, а самъ ревностно отыскиваетъ его. Онъ ищетъ и любитъ людей и, развѣ встрѣчается съ ними, уже во всѣ случаи и обстоятельства почитаетъ благопріятными, во исполненіе словъ апостола, повелѣвающего проповѣдывать «благовременно и безвременно». Глубоко поучителенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай. Однажды о. Макарій приходитъ въ юрту. Тамъ кричалъ ребенокъ, а его мать татарка суетилась около своей перво-
бытной печи. О. Макарій завелъ съ хозяйкой бесѣду, но стрипия, а главнымъ образомъ крикъ ребенка развлекали вниманіе матери, которая, повидимому, охотно послушала бы проповѣдника. Тогда о. Макарій самъ сталъ утѣшать ребенка и, качая колыбель, проповѣдывалъ матери слово жизни. Какъ выше было замѣчено, о. Макарій не ограничивался однимъ преподаваніемъ язычникамъ ученія вѣры, а старался подвергнуть жизнь каждого инородца всестороннему измѣненію. Онъ глубоко скорбѣлъ, глядя на лѣнивую, праздную и грязную жизнь инородцевъ, и, разумѣется, понималъ, что средѣ такой жизни сѣмена Христовой вѣры не могутъ принести плода и легко заглухнутъ. Вотъ почему о. Макарій каждому новообращенному старался внушить любовь къ труду и осѣдлой жизни, поручалъ его обыкновенно вниманію какого нибудь добропорядочнаго и трудолюбиваго селянина, отъ котораго можно было бы поучиться сельскому хозяйству, и, гдѣ было возможно, не оставлялъ его въ прежней языческой кочевой общинѣ. Какъ полезна и плодотворна была эта мѣра, о. Макарій имѣлъ предъ собой наглядное доказа-
тельство тому въ видѣ цвѣтущихъ селеній христіанъ та-

тарь, бывшихъ кочевниковъ. Служа, такимъ образомъ, религіозно-духовнымъ и гражданскимъ цѣлямъ, о. Макарій желалъ, чтобы миссія въ состояніи была обучать, на примѣръ, глухонѣмыхъ, оказывать врачебную помощь и быть руководительницею инородцевъ по сельскому хозяйству. Съ этой цѣлью онъ намѣревался отправить въ Москву двухъ молодыхъ людей для приобрѣтенія соотвѣствующихъ познаній, и намѣреніе его осталось неисполненнымъ лишь благодаря тому, что Св. Синодъ нашелъ его неудобнымъ.

Жизнь новообращенныхъ постоянно составляла для о. Макарія предметъ заботливыхъ попеченій. Крещеніемъ язычника и удаленіемъ его изъ прежней среды онъ не почиталъ своего дѣла оконченнымъ и старался не упустить новообращеннаго изъ вида и потомъ. Ему, прошедшему довольно продолжительный житейскій искусь, хорошо были извѣстны слабости человѣческія и то, какая опасность можетъ угрожать еще неокрѣпшимъ въ вѣрѣ. Поэтому онъ ревностно слѣдитъ за недавними христіанами во всѣхъ проявленіяхъ ихъ жизни: во время труда, молитвы и отдыха. Труду инородцевъ онъ всегда стремился дать полезное направленіе; что же касается молитвы ихъ, то онъ съ особенною строгостію слѣдилъ за исправнымъ посѣщеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ службъ. Какъ отъ мужчинъ, такъ женщинъ и дѣтей, онъ требовалъ непремѣннаго присутствія за вечерними и утренними службами въ указанное время, и уклоненіе отъ нихъ отнюдь не допускалось безъ уважительныхъ причинъ. Каждого члена своей паствы, простиравшейся потомъ до семи сотъ человѣкъ, о. Макарій зналъ въ лицо, а потому онъ легко могъ замѣтить отсутствующихъ во время службы. Если это случалось за утреней, которую онъ имѣлъ обыкновеніе совершать довольно рано, то во время обѣдни нерадивые подвергались строгому выговору и горькимъ упре-

камъ отъ о. архимандрита, тутъ же имъ назначалась и соотвѣтствующая эпитимія, напр. поклоны. Иногда послѣ строгихъ внушеній смиренный о. Макарій самъ сочтетъ себя виноватымъ, поклонится провинившемуся въ ноги и, испрашивая прощеніе за обиду, именемъ Божиимъ увѣщеваетъ усердно посѣщать службы. Время отдыха отъ трудовъ, которое люди спѣшатъ обыкновенно отдать какому нибудь развлеченію, также не ускользнуло отъ внимательнаго глаза ревностнаго о. архимандрита. Онъ хочетъ занять праздное вниманіе христіанъ предметами назидательными, то посѣщая жилища своихъ пасомыхъ и проводя съ ними время въ благочестивыхъ бесѣдахъ, то приглашая ихъ для этого къ себѣ; при чемъ грамотнымъ онъ раздавалъ разныя назидательныя книги для чтенія вслухъ на другихъ подобныхъ собраніяхъ. Плодомъ его заботъ дать людямъ христіанскій отдыхъ и развлеченіе явился потомъ сборникъ кантатъ духовноназидательнаго содержанія съ переложеніемъ на ноты; этотъ сборникъ называется Лентой и до сихъ поръ продолжаетъ оказывать незамѣнимую услугу лицамъ, ищущимъ въ отдыхѣ не празднаго препровожденія времени, но пользы и назиданія.

Не менѣе взрослыхъ заботами о. Макарія окружены были и дѣти. Онъ относился къ нимъ съ искусствомъ мудраго и опытнаго воспитателя. Обучая многихъ изъ нихъ грамотѣ, онъ обращалъ вниманіе и на тѣхъ, которыя почему либо не имѣли возможности принимать участіе въ его школьныхъ занятіяхъ. Онъ какъ бы мимоходомъ сообщалъ послѣднимъ, что было можно, напримѣръ—обучалъ молитвамъ, рассказывалъ о важнѣйшихъ событіяхъ изъ священной исторіи, пѣлъ «Господи помилуй» и непремѣнно добивался того, что дѣти запоминали его уроки. При этомъ онъ умѣлъ не только сообщить имъ легкость, доступность, но и сдѣлать ихъ пріятными: не стыдился вступать съ дѣтьми въ игры, чередуя, такимъ образомъ,

отдыхъ и занятія. По рассказамъ очевидцевъ, онъ самъ становился въ это время какъ бы ребенкомъ: до такой степени его чистая душа радовалась при видѣ дѣтскаго веселья. Дѣти непосредственно понимали искренность его чувства, его доброту и неподдѣльную любовь къ себѣ и охотно дѣлили съ нимъ часы своихъ забавъ. Но особеннымъ вниманіемъ и любовію о. Макарія пользовались дѣти несчастныя, лишенныя почему либо надлежащаго ухода и здороваго питанія. Для нихъ онъ дѣлалъ обыкновенно все необходимое: прискивалъ умѣлыхъ лицъ, преимущественно изъ женщинъ, стараясь возбудить въ нихъ состраданіе къ несчастнымъ малюткамъ, приобреталъ для нихъ одежду на средства миссіи и отсюда же выдавалъ денежные пособія принявшимъ на себя трудъ ухода за ними лицамъ.

Такъ, мы видимъ, что о. Макарій положилъ начало всѣмъ отраслямъ безконечно полезнаго миссіонерскаго дѣла: распространенію Христовой вѣры, введенію полезныхъ знаній, письменности, школьному дѣлу и наконецъ дѣлу благотворенія. Уѣзжая съ Алтая 4 іюля 1844 года на покой, онъ покидалъ организмъ миссіи, народившійся уже во всѣхъ существенныхъ частяхъ. Все, что приобрѣла она впослѣдствіи, было только развитіемъ того, что было придано или сообщено ей частію его прямою дѣятельностію, а частію въ мысли, перешедшей, какъ драгоценное наслѣдство, къ его преемникамъ. Быть-можетъ, пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ будутъ исчерпаны всѣ его миссіонерскія предначертанія и намѣренія, до сихъ поръ скрывающіяся отъ свѣта и людей въ стѣнахъ библіотеки Московской духовной академіи. Тамъ, какъ извѣстно, подъ номеромъ 8, по каталогу о. ректора Горскаго, хранится рукопись о. Макарія: «Мысли о способахъ къ успѣшному распространенію Христовой вѣры между евреями, магометанами и язычниками въ Россійской дер-

жавъ». Когда эти мысли увидятъ свѣтъ, миссія, можетъ быть, найдетъ возможнымъ расширить настоящія свои задачи и даже поставить новыя.

Послѣдніе годы жизни архимандритъ Макарій провелъ въ Оптиной пустыни, въ качествѣ настоятеля этого монастыря. На новомъ мѣстѣ онъ вовсе не отдыхалъ отъ миссіонерскихъ трудовъ, а напротивъ, съ прежнимъ жаромъ продолжалъ ихъ, по опыту зная, какъ «неизлишне быть, говоря словами митрополита Филарета, миссіонеромъ и среди православныхъ». По прибытіи въ пустынь, одной изъ первыхъ его заботъ было ознакомиться съ религіозно-нравственнымъ состояніемъ паствы города Болхова, въ которомъ находился монастырь. По этому поводу онъ имѣлъ любопытное и въ высшей степени характерное объясненіе съ мѣстнымъ городскимъ головой. О. Макарій спрашиваетъ:

— Что, у васъ въ Болховѣ всѣ православные знаютъ Символь вѣры?

Голова видимо не понимаетъ вопроса и молчитъ.

— Знаютъ-ли у васъ Символь вѣры? продолжаетъ спрашивать о. Макарій.

— Что это, батюшка,—вѣрую что-ли?

— Да, да, *вѣрую во единого Бога...* или не слыхалъ словъ: «Символь вѣры»?

— Гдѣ намъ грѣшнымъ слышать? Покойный мой родитель отдалъ меня къ дядьку и заплатилъ ему за выучку два съ полтиной. Вотъ и вся моя наука.

— Ну, да знаешь-ли самъ-то *Вѣрую*?

— Вѣрую не прочитаю, а *Вотчу* знаю...

Оказалось, что Вотча была молитва Господня: Отче нашъ. О. Макарій былъ сильно огорченъ грубымъ невѣжествомъ представителя мѣстныхъ горожанъ, сдѣлавъ ему строгое внушеніе и просилъ, чтобы граждане сами приходили къ нему и дѣтей своихъ приводили учиться. Съ тѣхъ

поръ монастырь сталъ наполняться множествомъ желающихъ послушать наставленій о. архимандрита и поучиться отъ него. Онъ отдался новому дѣлу со всѣмъ жаромъ своей пылкой природы и ревностно занялся наученіемъ народа въ храмѣ и у себя въ покояхъ. Въ простыхъ и краткихъ словахъ онъ объяснялъ обыкновенно съ амвона дневное Евангеліе или Апостолъ и, не ограничиваясь однократнымъ истолкованіемъ прочитаннаго, заставлялъ кого-нибудь изъ присутствующихъ повторить слышанное. Ему хотѣлось, чтобы молящіеся выносили изъ храма дѣйствительныя познанія, необходимыя для благочестія и спасенія. Для этого онъ, между прочимъ, внимательно слѣдилъ за богомольцами и, если замѣчалъ разсѣяннo стоящихъ, возбуждалъ ихъ къ вниманію. На дому онъ, естественно, велъ дѣло шире и свободнѣе. Въ его покояхъ обыкновенно тѣснились люди разныхъ возрастовъ и половъ. Не имѣя возможности обучать всѣхъ вмѣстѣ, онъ размѣщалъ ихъ по отдѣламъ, занимаясь, такимъ образомъ, сначала съ одними, потомъ съ другими. Ожидающимъ очереди послушникъ читалъ обыкновенно русское Евангеліе. Къ о. Макарію собирались, разумѣется, люди самые простые, не получившіе, по большей части, никакого образованія; поэтому его уроки состояли въ обученіи самымъ необходимыми началамъ, истинамъ и правиламъ вѣры. Изучали Символъ вѣры, важнѣйшія молитвы, псалмы, учились пѣть краткія молитвословія и пѣснопѣнія, правильно и истово творить крестное знаменіе и пр. О. Макарій не гнушался этимъ маловажнымъ съ виду, но великимъ по цѣли, дѣломъ и часто бесѣдовалъ съ своими слушателями болѣе пяти часовъ сряду ¹⁾).

---

¹⁾ Нельзя не упомянуть о томъ впечатлѣніи, которое производилъ о. Макарій на человека, видѣвшаго его въ первый разъ. Объ этомъ можно составить себѣ понятіе изъ словъ біографа его, нѣкоего Филонова. «По приѣздѣ въ Москву говорить онъ, о. Макарій оставившійся

Кончая нашъ краткій очеркъ, еще разъ взглянемъ на то лицо, образъ котораго мы старались воспроизвести въ своемъ слабомъ и несовершенномъ опытѣ. Мы вспоминаемъ въ лицѣ архимандрита Макарія человѣка и христіанина. Какъ человѣкъ, онъ представляетъ образецъ разумнаго, а главное—духовно-нравственнаго отношенія къ жизни,

у митрополита Филарета на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ намъ пришлось навѣщать его; къ этому времени относится и наше личное знакомство съ о. Макаріемъ. 14 сентября, день храмова праздника въ Алексѣевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, который незадолго до того былъ переведенъ (по случаю построения храма Спасителя) отъ Пречистенскихъ воротъ въ Красное Село къ церкви Воздвиженія животворящаго Креста. День этотъ собирались отпраздновать въ устроенной на новомъ мѣстѣ обители особенно торжественно. Митрополитъ общалъ самъ служить литургію и въ числѣ назначенныхъ къ сослуженію съ нимъ упоминали и архимандрита Макарія, прибывшаго недавно съ Алтая. Живя въ то время недалеко отъ Краснаго Села, въ Нѣмецкой слободѣ, я отправился въ Алексѣевскій монастырь къ обѣднѣ. Архимандритъ Макарій приковалъ мое вниманіе. Небольшаго росту, непредставительный, нѣсколько сутуловатый, съ сѣдовой бородкой, онъ сначала не привлекалъ особеннаго вниманія, но разъ взглядывшись въ него и особенно въ его умные и выразительные глаза, какъ-то невольно приходилось слѣдить за нимъ. Онъ замѣтно выдѣлялся и скромностью и вмѣстѣ отсутствіемъ всякаго подобострастія передъ митрополитомъ, и простотой и безыскусственностью обращенія во время служенія и особенно кроткимъ и пріятнымъ выраженіемъ въ чертахъ лица. Въ глазахъ его свѣтилось искреннее благовѣйное настроеніе души, голосъ у него былъ тихій, но пріятный и мелодическій. Глядя на него, какъ-то поневолѣ приходили на мысль святые отцы первыхъ вѣковъ христіанства, поневолѣ думалось, что именно такъ готовились они къ святому Таинству, которое Божественный Учитель заповѣдалъ творить въ Его воспоминаніе. Когда обѣдня кончилась и митрополитъ обратился къ народу съ благословеніемъ, я увидѣлъ въ растворенныя царскія двери, что въ углу алтаря одинъ изъ іеродіаконовъ съ усмѣшкой показывалъ другому помятый и полинялый монашескій клобукъ, и что вошедшій затѣмъ въ алтарь архимандритъ Макарій, снявъ ризу, надѣлъ этотъ самый клобукъ. Дистармонія только что снятаго богатаго облаченія съ убогой монашеской расой, въ которой предсталъ архимандритъ, бросалась въ глаза».

подавая примѣръ того, какъ изъ животнаго прозябанія возвысить ее до степени служенія идеалу; какъ христіанинъ, онъ представляетъ примѣръ глубокаго уваженія къ человѣку, искренняго и горячаго участія къ благу ближняго; благо это—есть его спасеніе. Свое высокое, всестороннее просвѣщеніе и богатія духовныя силы о. Макарій беззавѣтно отдалъ дѣлу спасенія ближняго, указавъ тѣмъ наилучшее примѣненіе христіанской науки и христіанскаго образованія. О немъ съ полною справедливостію можно сказать: онъ не зарылъ данный ему отъ Бога талантъ, но возвратилъ его сторицею.

Позволительно надѣяться, что не одна христіанская душа, обязанная его неусыпнымъ трудамъ полученіемъ какого либо духовнаго блага—въ видѣ ли послѣдованія Христовой вѣрѣ, или разумнаго усвоенія ея, вознесла горячую молитву ко Господу о приснопамятномъ рабѣ Божиѣмъ Архимандритѣ Макаріѣ, въ день его столѣтняго юбилея 8 ноября.

Помяни его, Господи, во царствіи Твоемъ!

М. Л.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ
СЕРДЦА .
ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО.

Е. Т.

МОСКВА.

Типографія И. Д. Ситина и К^о., Валовая ул., собств. дѣлѣ.
1891.

Отъ московскаго духовно-печурнаго комитета печатать дозволяется. Москва,
13 сентября 1891 года.

Цензоръ протоіерей *Симеонъ Вилинко*.

ГЛАВА I.

ЖИЗНЬ ХРИСТИАНИНА—НЕПРЕСТАННАЯ БРАНЬ.

Доколѣ мы живемъ на землѣ, вся жизнь наша есть непрерывная брань. Крестившись во Христа, мы облеклись во Христа (Галат. III, 27), дали Ему обѣтъ въ непрекословной вѣрности и повиновеніи до послѣдняго нашего издыханія. Какъ *добрые воины Иисуса Христа* (2 Тим. II, 3), мы должны выполнить этотъ обѣтъ, должны вести борьбу подъ Его знаменемъ до конца.

Съ кѣмъ же такая наша борьба?— Съ врагами нашего спасенія. *Весь міръ*, по слову апостола, *лежитъ во злѣ* (1 Иоан. V, 19). Изначальною же причиною и источникомъ всякаго зла въ мірѣ служитъ грѣхъ, лишившій невинности и блаженства нашихъ прародителей, и вмѣстѣ съ ними и всѣхъ насъ, потомковъ ихъ.

Но откуда грѣхъ въ мірѣ? Первый виновникъ грѣха—діаволъ, противникъ Бога и врагъ людей, *человѣкоубійца отъ начала* (Іоан. VIII, 44). И такъ *брань наша не противъ крови и плоти, но противъ начальствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы въка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ* (Ефес. VI, 12). *Трезвитесь, бодрствуйте*, — возбуждаетъ насъ апостолъ, — *потому что противникъ вашъ діаволъ ходитъ, какъ рыкающій левъ, ища кого поглотить* (1 Петр. V, 8).

Воинъ во время брани не спитъ, не предается безпечности — иначе непріятель нападетъ на него неожиданно, поразитъ и погубитъ.

Такъ и мы, окруженные и уловляемые кознями хитраго и злобнаго врага нашего діавола, должны неусыпно бодрствовать, чтобы онъ не уязвилъ и не погубилъ насъ. *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть въ искушеніе* (Матѣ. XXVI, 41).

Молитесь, бодрствуйте, — сказалъ Господь, —

Да не впадете въ искушеніе:

Духъ бодръ, но немощна въ васъ плоть.

Страшитесь вражья нападенья!

Коваренъ врагъ вашъ, злобой дышетъ,

Не дремлетъ онъ, сидитъ въ засадѣ,

Погибели онъ вашей ищетъ,

Вооруживъ всѣ силы ада.

Идите въ брань, вооружитесь

Молитвой, вѣрой и крестомъ.

Всей силы ада не страшитесь:

Вы побѣдите со Христомъ!

Всѣ мы призываемся на брань, всѣмъ намъ предстоитъ вести борьбу. Но всѣ ли мы оказываемся благоуспѣшными въ борьбѣ? Всѣ ли одерживаемъ побѣду? Увы, далеко не всѣ! Многіе изъ насъ, едва начавъ борьбу, ослабѣваютъ и падаютъ; иные даже и не думаютъ начинать борьбы, находя ее ненужною; и только немногіе ведутъ неустанную борьбу, только немногіе могутъ сказать о себѣ: *подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ* (2 Тим. IV, 7).

Зато какая великая, какая сладостная награда ожидаетъ ихъ! *Побѣждающій облечется въ бѣлыя одежды, и не изглажу имени его изъ книги жизни и исповѣдаю имя его предъ Отцемъ Моимъ и предъ ангелами Его. Побѣждающему дамъ състь со Мною на престолѣ Моемъ, какъ и Я побѣдилъ и сълъ со Отцемъ Моимъ на престолѣ Его* (Апокал. III, 5, 21).

ГЛАВА II.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ СЕРДЦА ЧЕЛОВѢКА, ПРЕБЫВАЮЩАГО ВО ВЛАСТИ ДІАВОЛА.

Однимъ человекомъ грѣхъ вошелъ въ міръ (Римл. V, 12) и возобладать надъ всѣми людьми. „Грѣхъ приравился ко всему существу человѣка—и къ душѣ, и къ мыслямъ, и къ уму, потрясъ всѣ тѣлесные члены; и ничто, ни въ душѣ, ни въ тѣлѣ, не свободно и не удалено отъ злыхъ вліяній живущаго въ насъ грѣха. Весь человѣкъ облеченъ въ грѣхъ, чтобы не могъ уже смотрѣть такъ, какъ бы хотѣлось, но чтобы и видѣть худо и слышать худо, чтобы и ноги имѣли скорыя къ злодѣянію, и руки, простертыя къ беззаконію, и сердце, занятое злыми помыслами“ (Макарій Великій).

Грѣхъ, живущій въ насъ вмѣстѣ съ отцомъ его—дѣволомъ, держитъ душу нашу въ плѣну и не даетъ намъ дѣлать то, что противно ему. Грѣшнику, обладаемому грѣхомъ, и на мысль не приходитъ измѣ-

нить свою жизнь: онъ и не думаетъ о томъ, не сознаетъ того, что грѣшитъ. „Округъ бо сердца его,—говоритъ *Макарій Великій*,—завѣса нѣкая тмы обложена лежитъ, дымъ, глаголю, исходящій отъ огня мірскаго духа, который ниже мысли допускаетъ обращаться съ Богомъ, ниже душѣ дозволяетъ по соизволенію молиться или вѣровать или любить Господа“.

И живетъ грѣшникъ по обычаю міра сего, по волю князя, господствующаго въ воздухъ, духа, дѣйствующаго нынѣ въ сынахъ противленія (Ефес. II, 2); живетъ, не помышляя о душѣ, о Богѣ, о вѣчной жизни. Будемъ наслаждаться настоящими благами и спышнѣть пользоваться міромъ (Прем. Сол. II, 6)! Станемъ псть и пить, ибо завтра умремъ (1 Кор. XV, 32)!—вотъ всѣ помышленія, всѣ правила жизни человѣка, въ сердцѣ котораго господствуетъ, какъ владыка, грѣхъ.

Есть ли это жизнь? Нѣтъ! это не жизнь: это сонъ, это мечта, это смерть. Ты носишь имя, будто живъ, но ты мертвъ (Апокал. III, 1),—вотъ приговоръ Божій грѣшнику!

„Представьте себѣ кругъ людей мертвыхъ,—не такихъ, которые лежатъ въ могилахъ, и не такихъ, которыхъ называютъ привидѣніями, а людей дѣйствительныхъ, только не живыхъ,—мертвыхъ, однакожъ ходящихъ по землѣ, ѣдающихъ и пьющихъ и поддерживающихъ всѣ обычныя житейскія соотношенія между собою и съ другими людьми, живыми.

Можетъ ли это быть?—скажете вы. Можетъ,—скажу я, — потому что такіе живо-мертвые люди очень хорошо видимы тѣмъ, которые *имѣютъ очи—видѣти*. Это ужасно!—не правда ли? Что же это за странныя существа? и чѣмъ они отличаются отъ другихъ, вполне живыхъ людей? Таковы именно люди, у которыхъ есть только обликъ жизни, есть жизнь плоти, но нѣтъ духа живого, нѣтъ внутренняго, существеннаго дѣйствія истинной жизни. Это люди, у которыхъ нѣтъ доброй мысли въ головахъ, ни святаго чувства въ сердцахъ, ни религіи въ совѣсти, ни правилъ въ нравственности. И выходитъ то, что Спаситель міра сказалъ одному изъ Своихъ послѣдователей, просившему у Него позволенія идти на погребеніе отца: пусть *мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ*“ *).

Духъ Святый и благодать Божія не имѣютъ входа въ сердце такого человѣка, потому что не могутъ имѣть мѣста тамъ, гдѣ вселился діаволъ. *Что общаго у свѣта со тьмою? Какое согласіе между Христомъ и вельяромъ* (2 Кор. VI, 14, 15)? Правда, всѣ мы получили въ купели крещенія обновляющую, возрождающую и освящающую благодать Святаго Духа, облеклись во Христа, Сына Божія, Спасителя нашего; но грѣшникъ дерзновенно *попираетъ Сына Божія и не почитаетъ за святыню кровь завета, которою освя-*

---

*) Бесѣды, поученія и рѣчи Іоанна, епископа Смоленскаго. Изд. 2-е, 1876 г., стр. 32—33.

Внутреннее состояние сердца человека, пребывающего во власти дьявола.

щезъ, и Духа благодати оскорбляетъ (Евр. X, 29), онъ богоубійственно снова распинаетъ въ себѣ Сына Божія и ругается Ему (Евр. VI, 6).

„Достойно изгнанъ былъ изъ едема Адамъ, какъ не сохранившій одной заповѣди Твоей, Спаситель! Я же чтѣ долженъ буду потерпѣть, нарушая непрестанно Твои животворныя повелѣнія?“

„Отобразивъ въ себѣ безобразіе страстей, сластолюбивыми стремленіями исказилъ я красоту ума“.

„Осквернилъ я ризу плоти моей и очернилъ въ себѣ, Спаситель, то, чтѣ было создано по Твоему образу и подобію“.

„Помрачилъ я красоту души страстными удовольствіями и весь умъ совершенно сдѣлалъ прахомъ“.

„Раздралъ я первую одежду мою, которую въ началѣ исткалъ мнѣ Создатель, и оттого лежу нагимъ“.

„Облекся я въ разодранную ризу, которую исткалъ мнѣ змій коварствомъ, и стыжусь“.

„На хребтѣ моемъ орали всѣ вожди страстей, проводя вдоль по мнѣ беззаконіе свое“.

„Облекся я одѣяніемъ стыда, какъ листьями смоковницы, въ знакъ самовольныхъ страстей моихъ“.

„Одѣлся я въ ризу, постыдно запятнанную и окровавленную нечистотою страстной и сластолюбивой жизни“.

„Подвергся я мученію страстей и вещественному тлѣнію, и оттого нынѣ врагъ угнетаетъ меня“.

„Усердно заботясь объ одномъ внѣшнемъ благолѣпіи, я пренебрегъ внутреннюю, по образу Божію устроенную, скинію“ *).

Я вышелъ чистымъ изъ святой купели,

Съ омытой, убѣленной душой.

Но, ахъ! я впалъ душой и тѣломъ

Въ грѣховный плѣнъ, плѣнъ роковой.

Я сталъ рабомъ грѣха: влачъ

Я жалкое, постыдное существованье.

Ахъ! за свое безуміе я дорого плачъ.

Какъ пагубно грѣха очарованье!

Я нагъ, я нищъ, я окаянень,

Погибшая я есмь овца,

Святымъ и ангеламъ и Богу странень:

Гнѣвъ праведный Небеснаго Отца

Лежитъ на мнѣ!

Въ огнѣ,

Возжженомъ пламенемъ страстей,

Томлюся я и задыхаюсь,

О, Боже мой! Я, грѣшный, каюсь:

Въ великой милости Твоей

Помилуй мя!

---

*) Изъ великаго канона св. Андрея критскаго.

ГЛАВА III.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ СЕРДЦА ГРѢШНИКА КАЮЩАГОСЯ.

Милосердый Богъ не хочетъ смерти грѣшника, но хочетъ, чтобы онъ обратился и былъ живъ. *Спаситель нашъ Богъ хочетъ, чтобы всѣ люди спаслись и достигли познанія истины* (1 Тим. II, 4). Человѣку, находящемуся въ состояніи ослѣпленія, нечувствія и нерадѣнія, самому очувствоваться нельзя, пока въ его грѣховной тмѣ не возсіяетъ свѣтъ божественной благодати. Діаволъ наводитъ на него тьму и запутываетъ въ свои сѣти,—и никто не можетъ самъ собою разогнать эту тьму и выпутаться изъ этихъ сѣтей, безъ вразумленія свыше. *Никто не можетъ прійти ко Мнѣ,—говоритъ Господь,—если не привлечетъ его Отецъ, пославшій Меня. Всякій, слышавшій отъ Отца и научившійся, приходитъ ко Мнѣ* (Іоан. VI, 44, 45). Поэтому Самъ Господь стоитъ у дверей сердца и стучитъ (Апок. III, 20), какъ бы говоря: *встань, спящій, и воскресни изъ мертвыхъ* (Ефес. V, 14)!

Этотъ зовущій голосъ Божій приходитъ къ грѣшнику или прямо въ сердце или же чрезъ слово Божіе, а нерѣдко и чрезъ тѣ или иныя внѣшнія событія—въ природѣ и въ жизни его самого, и другихъ.

Вспомнимъ исторію обращенія преподобной Маріи египетской, Евдокии и другихъ. Дѣйствіе благодати Божіей проявляется всегда въ человѣкѣ безпокойствомъ духа, смятеніемъ, тревогою и самопрезрѣніемъ.

Впрочемъ, оно не влечетъ человѣка насильно, а только останавливаетъ его на порочномъ пути, послѣ чего человѣкъ совершенно властенъ или обратиться или возвратиться въ прежнее грѣховное состояніе.

Употребляя всѣ возможныя средства для вразумленія и обращенія грѣшника, Богъ показываетъ любовь Свою къ намъ особенно тогда, когда мы сами хотимъ придти въ чувство и стараемся всемірно обратиться къ Нему, чтобы получить спасеніе. „Хотя младенецъ,—говоритъ *Макарій Великій*,—ничего неспособенъ дѣлать или не можетъ на своихъ ногахъ идти къ матери, однакоже онъ, ища матери, движется, кричитъ, плачетъ. И мать сжаливается надъ нимъ; она рада, что дитя съ усиліемъ и воплемъ ищетъ ее, и такъ какъ младенецъ не можетъ идти къ ней, то сама мать, преодоливаемая любовію къ младенцу, за долгое его иснаніе подходитъ къ нему и съ великою нѣжностію беретъ, ласкаетъ и кормитъ его. То же

дѣлаетъ и человеколюбивый Богъ съ душою, которая приходитъ и взыскуетъ Его. И какъ слѣпой, если бы не возопилъ, и кровоточивая, если бы не пришла къ Господу, не получили бы исцѣленія: такъ если кто не приступитъ къ Господу по собственной волѣ и отъ всего произволенія и не будетъ умолять Его съ несомнѣнностію вѣры, то не получить исцѣленія. Какъ тѣло близко къ душѣ, такъ и Господь близокъ и готовъ придти и отверзть заключенныя двери сердца и даровать намъ небесное богатство. Человѣкъ по природѣ имѣетъ предназначеніе (наклонность къ добродѣтели), и его-то взыскуетъ Богъ, повелѣвая поэтому, чтобы человѣкъ сперва понялъ, понявъ, возлюбилъ и предназначалъ волею. А чтобы мысль привести въ дѣйствіе или перенести трудъ или совершить дѣло,—это благодать Господня даетъ возжелавшему и увѣровавшему. Поэтому воля человѣческая есть какъ бы существенное условіе. Если нѣтъ доброй воли,—Самъ Богъ ничего не дѣлаетъ, хотя и можетъ по свободѣ Своей. Поэтому совершеніе дѣла Духомъ зависитъ отъ воли человѣка“.

Въ притчѣ о блудномъ сынѣ наглядно изображается обращеніе человѣка отъ грѣховной жизни къ Богу. Младшій сынъ, получивъ отъ отца слѣдовавшую ему часть имѣнія, ушелъ въ далекую сторону и тамъ прожилъ все, живя распутно. Безразсудный думалъ, что, живя на своей волѣ, онъ всегда будетъ жить весело, будетъ жить такъ, какъ угодно его

душѣ. Но мечты его разсѣялись: онъ впалъ въ нищету. Дойдя до самаго крайняго, безвыходнаго положенія, онъ, сынъ богатаго отца, отдаетъ себя въ рабство чужому человѣку, и тотъ посылаетъ его пасти свиней. Лишенный насущнаго хлѣба, мучимый голодомъ, распутный сынъ желаетъ насытиться хотя тѣмъ, чѣмъ питаются нечистыя животныя,—но ему отказываютъ и въ этомъ. Какое жалкое, какое печальное положеніе! Но благой Промыслъ, незримо для насъ располагающій ходомъ дѣлъ человѣческихъ, поставляетъ развратнаго грѣшника въ безвыходное положеніе для того, чтобы дать ему почувствоваться. Растворяя судъ милостію, Богъ подвергаетъ грѣшника напастямъ, потерѣ средствъ къ жизни, болѣзнямъ, безчестію—съ тѣмъ, чтобы болѣзненными опытами смягчить ожестѣвшее сердце его и привести его въ самого себя. И вотъ распутный сынъ дѣйствительно пришелъ, наконецъ, въ самого себя и сказалъ: „Сколько наемниковъ у отца моего,—и всѣ они сыты и довольны, а я, сынъ его, умираю съ голоду! Встану и пойду къ отцу моему“. Очувствовавшійся блудный сынъ не довольствуется тѣмъ, что искренно сознаетъ низость своего положенія и свою виновность, но рѣшается возвратиться къ оскорбленному имъ отцу.

Истинное покаяніе не есть перемѣна одного только образа мыслей,—оно есть перемѣна всей души. Вся душа жила для грѣха,—вся душа должна и обра-

Внутреннее состояние сердца грѣшника кающагося.

титься отъ грѣха къ Отцу небесному. Всталъ блудный сынъ и пошелъ къ отцу своему. Отецъ увидѣлъ его еще издали и сжалился надъ нимъ. Виновный сынъ еще не явился къ отцу, еще не просить прощенія,—а отецъ уже увидѣлъ его взоромъ любви и сжалился надъ нимъ. Такъ и Отецъ небесный принимаетъ кающагося грѣшника. Всебѣдѣніе Его видитъ и любовь Его жалѣетъ еще прежде, чѣмъ грѣшникъ является къ Нему. Зоркое око любви Его видитъ грѣшника еще въ бѣдственномъ его положеніи, еще при первомъ его сознаніи своего бѣдствія, еще при первой мысли его о возвращеніи съ несчастнаго пути грѣха. Тревожимый стыдомъ и страхомъ, виновный сынъ робко шелъ къ отцу. Нѣжный отецъ побѣждалъ къ нему, кинулся ему на шею и цѣловалъ его. Сынъ же сказалъ ему: *Отецъ! согрѣшилъ я противъ неба и предъ тобою и уже недостойнъ называться сыномъ твоимъ: сдѣлай меня однимъ изъ наемниковъ твоихъ.* Но любвеобильный отецъ не только простилъ своего возвратившагося сына,—онъ осыпаетъ его своими дарами и возвращаетъ ему всѣ сыновнія права. Созвавъ всѣхъ своихъ домочадцевъ, онъ устраиваетъ пиръ. *Будемъ ѣсть и веселиться,*—говоритъ онъ, — *потому что этотъ сынъ мой былъ мертвъ—и ожилъ, пропадалъ—и нашелся.*

Такъ радость бываетъ на небеси, предъ ангелы Божіи, о единомъ (о каждомъ) грѣшникѣ кающемся (Лук. XV, 7, 10).

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья
И духъ мой томный обнови,
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.
Не страшны мнѣ мои страданья:
Они—залогъ любви святой.
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.

* * *

Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жаръ священный,
Дай Іоанна чистоту,
Дай мнѣ донести вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа *).

О Боже мой! возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый.
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы.

* * *

Запуганъ мракомъ ночи я,
И въ немъ я оцупью блуждаю;
Ищу въ свѣтильникъ свой огня,
Но гдѣ обрѣсть его—не знаю.

---

*) Стихотвореніе И. Козлова.

* * *

Въ изнеможенъ скорбный часъ
Прости спасительныя руки,
Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идутъ сомнѣнья муки.

* * *

Внезапнымъ свѣтомъ озаренъ,
Отъ лжи мой умъ да отрѣшится
И вмѣстѣ съ сердцемъ да стремится
Постигнуть истины законъ.

* * *

Услышь, о Боже, голосъ мой,
Да возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тмѣ затерянной тропой
Пойду я вновь—и безъ возврата *).

Когда грѣшникъ войдетъ въ себя и почувствуется, когда въ немъ возбудится рѣшимость оставить путь грѣха и начать жить для Бога, врагъ, державшій его до сихъ поръ въ своихъ сѣтяхъ, старается запнуть его на первыхъ же шагахъ: коварный искusstель внушаетъ грѣшнику, что ему уже нѣтъ возврата, нѣтъ прощенія у Бога, что онъ погибъ безвозвратно. Но ты, грѣшникъ, не внимай внушенію исконнаго врага-человѣкоубійцы. Вспомни мытаря, разбойника, блудницу. Вспомни слова Господа: *при-*

*) Стихотвореніе А. Плещева.

ходящаго ко Мнѣ не изгони вонъ. Кайся и молись:
„Разбойника благоразумнаго во единомъ часѣ раеви
сподобилъ еси, Господи! И мене древомъ вѣстнымъ
просвѣти и спаси мя“.—Если ты грѣшникъ,—твори
милостыню, стяжи смиреніе и чистоту, покайся, и
спасешься. Мытарь ли ты,—можешь сдѣлаться еван-
гелистомъ; гонитель ли,—апостоломъ; разбойникъ
ли,—можешь съ Господомъ быть въ раю; волхвъ ли,—
можешь поклониться и принести дары Владыкѣ. Нѣтъ
грѣха, котораго бы не разрѣшало покаяніе“ (Ду-
шеспасительныя главы Леонтія іерея.)

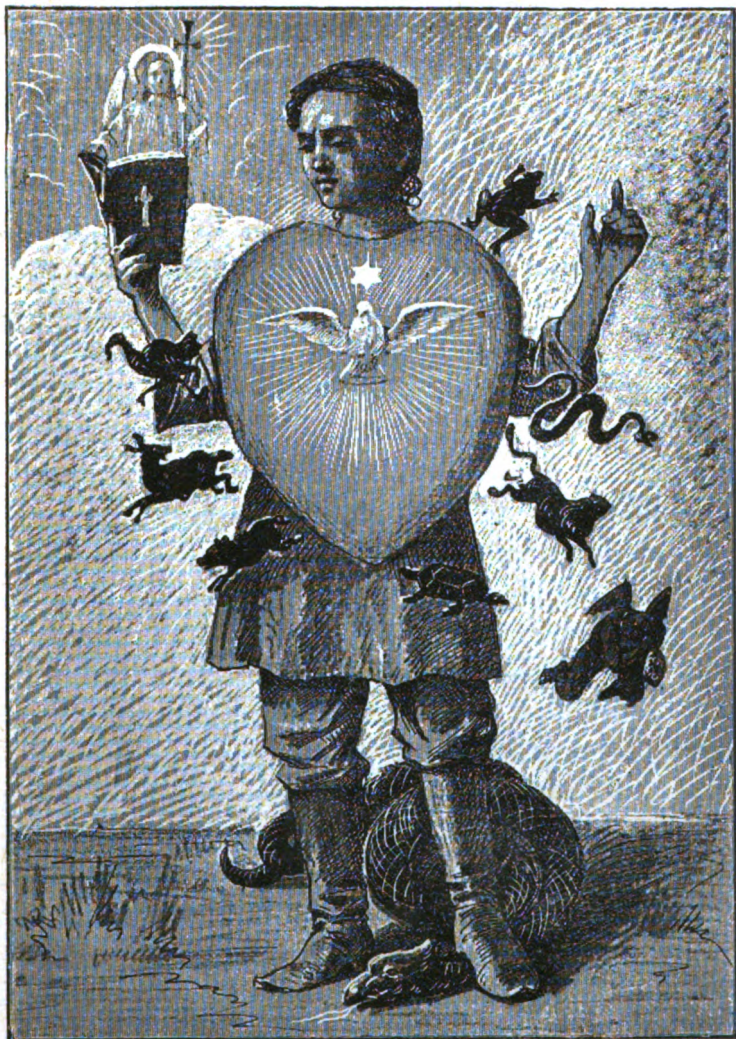
ГЛАВА IV.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ СЕРДЦА ЧЕЛОВѢКА, УКРѢПЛЯЮЩАГОСЯ ВЪ ДОБРѢ.

„Когда благодать не обитаетъ въ человѣкѣ, — говоритъ *Макарій Великій*, — демоны, какъ змѣи, гнѣздятся въ глубинѣ сердца, совсѣмъ не позволяя душѣ пожелать добраго. Когда же въ душу войдетъ благодать, то они, какъ мрачныя какія облака, носятся по частямъ сердца, преобразуясь въ грѣховныя страсти или въ различныя развлеченія, чтобы затмить память, отвлечь умъ отъ бесѣдованія съ благодатію“. Человѣку, рѣшившемуся жить новою жизнію, предстоитъ еще много бороться, чтобы прогнать врага своего изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ можетъ еще укрываться. Сила къ веденію внутренней брани подается благодатію Св. Духа; а благодать Св. Духа привлекается молитвою. Неутомимо призывай имя Господа Іисуса, и, нисшедши въ глубину сердца, оно погаситъ всѣ корни грѣха и оживотворитъ душу. Непрестанно призывай имя Господа Іисуса, и сердце

твое воспріиметь Господа, и Господь—сердце, и будутъ два—едино. Если не ощущаешь въ себѣ молитвеннаго духа, знай, что это—искушеніе со стороны живущаго еще въ тебѣ врага: борись съ нимъ, не ослабѣвай, нудь себя къ молитвѣ. Одного инокъ врагъ одолѣлъ предъ началомъ молитвеннаго правила: его бросало въ ознобъ и жаръ, онъ разболѣвался. Что же онъ сдѣлалъ?—„Ну,—говорить,—душа! умирать пришло время: давай-ка въ послѣдній разъ помолимся и поплачемъ передъ Господомъ“. Сталъ на молитву и нудилъ себя. Голова трещить,—а онъ все свое. Кончилъ правило, и боль прошла. На другой день опять то же. Тогда онъ понялъ, откуда идутъ нападки, и уже никогда не оставлялъ своего правила.

Молитва есть путь нашъ къ Богу. Однако, къ молитвѣ требуется также нѣкоторое приготовленіе. Приступай къ Господу не вдругъ, а сначала принарядись духовно, какъ дѣлаютъ, когда идутъ къ царю,—хоть немного подумай предъ тѣмъ о себѣ и о Богѣ: кто ты и кто Тотъ, съ Кѣмъ ты хочешь бесѣдовать? Что тебѣ нужно и по какому праву ты смѣешь просить себѣ нужнаго? Затѣмъ поставь себя самоуничиженно въ присутствіе Божіе и говори какъ бы въ уши Божіи, просто, по-дѣтски. Душа безъ молитвы—то же, что и птица безъ крыльевъ. Молитва—проводникъ свѣта и благодатныхъ силъ: соединяя насъ съ Господомъ, она низводитъ на насъ

Внутреннее состояніе сердца человека, укрѣпляющагося въ добръ.

дары неба. „Быть не можетъ,—говорить *св. Иоаннъ Златоустъ*,—чтобы безъ молитвы жизнь могла быть добродѣтельною“. Молитва—вѣрная защита душъ отъ грѣховъ. „Скажи мнѣ,—говорить тотъ же св. отецъ,—если бы тебѣ пришлось стать передъ царемъ, не стоялъ ли бы ты со страхомъ? Потому—возбуждаешься ли ты гнѣвомъ, улаждаешься ли преступно, дѣлаешь ли что другое,—помышляй, что присутствуетъ Богъ, и грѣхъ убѣжить отъ тебя“. И небесныя Силы предстоятъ Богу со страхомъ и трепетомъ.

Царство небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его (Матѣ. XI, 12). Отъ война Христова, борющагося съ врагами спасенія, требуется совершенная преданность Господу, непрестанное призываніе Его помощи и дѣтская покорность Ему. Много скорбей, много преткновеній и искушеній ожидаетъ человѣка на пути его къ небу; но Господь всегда будетъ ему Помощникомъ, Утѣшителемъ и Заступникомъ. *Призови Меня въ день скорби, — Я избавлю тебя* (Псал. XLIX, 15). Бываютъ въ жизни человѣка такія тяжелыя, мрачныя минуты, когда вѣра его колеблется, когда онъ близокъ бываетъ къ отчаянію. Въ такія-то минуты особенно требуется помощь свыше. Когда апостолъ Петръ, вышедши изъ лодки, пошелъ по водѣ къ Іисусу Христу и началъ утонать, то воскликнулъ: *Господи! спаси меня, погибаю!* Съ такою же молитвою долженъ

обращаться къ Господу всякій христiанинъ въ тяжелыя минуты своей жизни. *Пути моя направи — молюся!*

Къ Тебѣ, о Путь непреткновенный,
Къ Тебѣ, Путь истинный, живой,
Взываетъ путникъ утомленный:
Пути его во тьмѣ не скрой.
Ты волны нѣкогда высоки
Въ путь гладкій уравниаешь пловцамъ;
Ты волны нѣкогда глубоки
Въ путь безопасный даль стопамъ:
Сей путь мой не въ водахъ и въ морѣ, —
Но волны есть въ душѣ моей...
Явись, волнъ Укротитель, вскорѣ
И бурѣ запрети страстей!
По зыблемой водѣ текущей
Ничтожныхъ временныхъ вещей
Къ странѣ живыхъ присноцвѣтущей
Даждь твердый путь душѣ моей!
Увы! изнемогаетъ вѣра:
Твой легкій трудъ я труднымъ чту;
Плоть увлекаетъ маловѣра
И погружаетъ въ суету.
Спаси, Наставникъ! гибну, гибну!
Умилосердись, ускори...
Но съ гласомъ грознымъ руку миру
Извлекъ погрязшаго простри *).

*) Стихотвореніе митрополита московскаго Филарета.

При помощи благодати Божіей, человѣкъ обновляется въ духѣ, сменяется ветхаго человѣка и облекается въ новаго, созданнаго по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины. Онъ жилъ прежде плотію, а теперь сталъ жить духомъ. *Плодъ же духа: любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе* (Галат. V, 22, 23).

ГЛАВА V.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ СЕРДЦА ХРИСТІАНИНА, ПОМЫШЛЯЮЩАГО ТОЛЬКО О РАСПЯТОМЪ ИСУСѢ ХРИСТѢ.

Возрожденный и обновленный христіанинъ перерождается въ своемъ внутреннемъ самосознаніи. Онъ погибалъ—и вотъ избавленъ; онъ былъ въ ранахъ—и вотъ исцѣленъ; былъ отверженъ—и вотъ принятъ въ сыновство; своевольничалъ, -- а теперь связалъ себя послушаніемъ по обѣту. Все это должно отзываться въ его сердцѣ и составлять въ совокупности одно то, чѣмъ онъ чувствуетъ себя во Христѣ Иисусѣ. Въ чувствѣ исцѣленія и свободы онъ знаетъ себя Христовымъ рабомъ, работаетъ и трудится какъ бы отъ Его лица, предъ Нимъ и ради Него,—до того, что говорить съ апостоломъ: *уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. II, 20). Это христіанское самосознаніе бывало такъ сильно во многихъ изъ первенствующихъ христіанъ, что

на всѣ вопросы и допросы мучителей они отвѣчали только: „Я рабъ Христовъ! я рабъ Христовъ!“

Св. Тихонъ Задонскій вотъ какое правило написалъ для своей паствы: „Краткое увѣщаніе, что всякому христіанину отъ младенчества до смерти всегда въ памяти содержать должно. Помни 1), что при крещеніи святомъ чрезъ отца и мать крестную отрекся ты сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его и всея гордыни его, и сіе учинилъ троекратнымъ отреченіемъ; 2) отречшися сатаны, ты обѣщался троекратно же служить Христу Сыну Божію, со Отцемъ и Святымъ Его Духомъ. Итакъ ты на крещеніи въ службу Христу записался и присягнулъ—такъ, какъ воины и прочіе царю земному въ службу записуются и присягаютъ. Сіе въ памяти содержать, домашнимъ внушать, а особенно малымъ дѣтямъ, чтобъ, помня свое обѣщаніе, отъ малыхъ лѣтъ приучались они къ благочестію“. (Это увѣщаніе было прибито по церквамъ во всей епархіи Воронежской.)

Христосъ Спаситель сказалъ: *если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и слѣдуй за Мною* (Мате. XVI, 24). И истинный послѣдователь Христовъ говоритъ съ апостоломъ: *я не желаю хвалиться, разве только крестомъ Господа нашего Іисуса Христа, которымъ для меня міръ распятъ и я для міра* (Галат. VI, 14). *Я разсудилъ,—говоритъ тотъ же апостолъ,—быть у васъ не знающимъ*

ничего, *кроме Иисуса Христа, и притомъ распятаго* (1 Кор. II, 2). Христосъ Искупитель дѣлается *душою души истиннаго христіанина*. Въ Немъ одномъ находитъ онъ источникъ всякаго утѣшенія и всякаго блага. Онъ знаетъ, что *Христосъ за всѣхъ умеръ, чтобы живущіе уже не для себя жили, но для умершаго за нихъ и воскресшаго* (2 Кор. V, 15), и потому всѣ помыслы его обращены къ подражанію Христу, къ сораспятію съ Нимъ. *Тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями* (Галат. V, 24). Его сладостнѣйшее желаніе—*разрѣшиться и быть со Христомъ* (Филип. I, 23). И Самъ Христосъ утѣшаетъ его обѣтованіемъ: *кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдуетъ; и гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ. И кто Мнѣ служитъ, того почититъ Отецъ Мой* (Іоан. XII, 26). Напротивъ того,—*кто не пребудетъ во Мнѣ, извернется вонъ, какъ вѣтвь; а такія вѣтви собираютъ и бросаютъ въ огонь, и онѣ сгораютъ* (—XV, 6).

Сладчайшій Иисусе мой,
 Души моей Улада!
 Я рабъ послушный, вѣрный Твой,—
 Одинъ Ты мнѣ—отрада.
 Чтò значить для меня сей міръ?
 Чтò всѣ его утѣхи?
 Разбилъ, низвергъ я сей кумирь,
 Чтòбъ не былъ мнѣ помѣхой...
 Не я живу, но Ты живешь
 Во мнѣ Своей любовью,

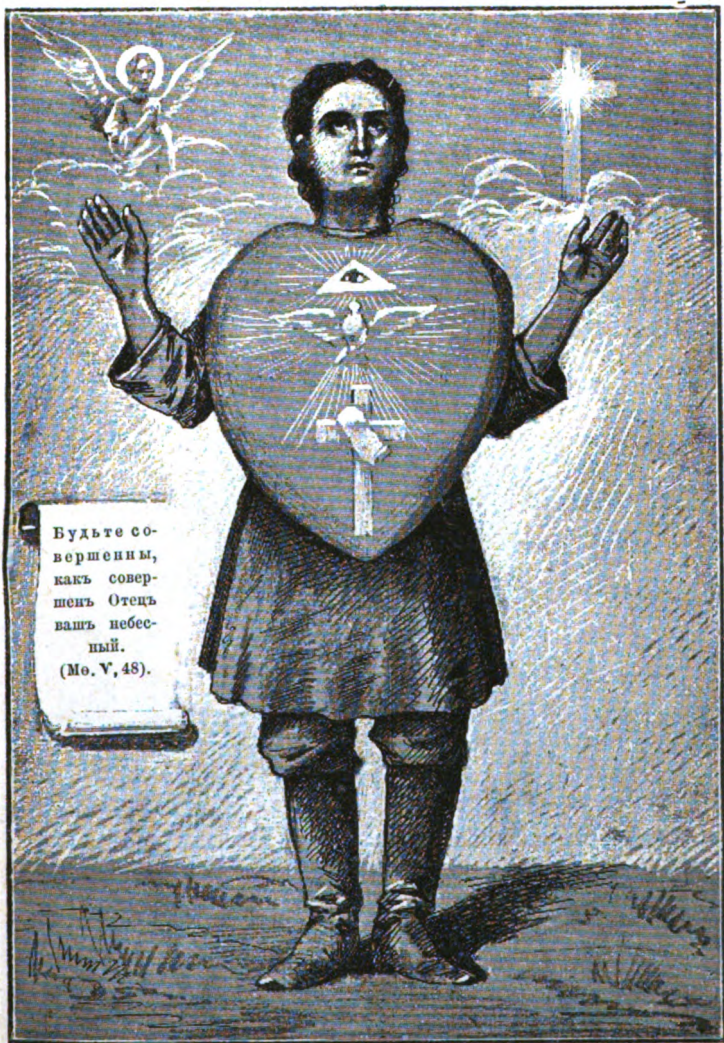
Всѣ блага мнѣ Ты подаешь,
Своимъ пречистымъ тѣломъ, кровью
Честной Своей меня питаешь
И горечь жизни услаждаешь.
Не отступи же отъ меня,
Да вѣчно славлю я Тебя!

ГЛАВА VI.

**ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА, СЕРДЦЕ КОТО-
РАГО ЕСТЬ ХРАМЪ БОГА ЖИВАГО, ОБИТЕЛЬ ПРЕСВЯ-
ТОЙ ТРОИЦЫ.**

Господь Богъ изрекъ въ Троицкостасномъ совѣтѣ:
*сотворимъ человека по образу Нашему и по подобію
Нашему. И сотворилъ Богъ человека по образу Своему*
(Быт. I, 26, 27). Поэтому цѣль жизни человѣческой
есть богоуподобленіе. *Будьте совершенны, какъ совер-
шенъ Отецъ вашъ небесный* (Матѣ. V, 48). *Возлюблен-
ные! мы теперь дѣти Божіи; но еще не открылось,*
что будемъ. Знаемъ только, что когда откроется, бу-
демъ подобны Ему (1 Іоан. III, 2). „Отъ вѣчности
сокрытая тайна нынѣ открывается, и Сынъ Бога
становится сыномъ человѣка, дабы, заимствовавъ
худшее, преподать мнѣ лучшее. Обманулся нѣкогда
Адамъ и, возжелавъ сдѣлаться Богомъ, не сдѣлался:
человѣкомъ становится Богъ, чтобы сдѣлать Адама
богомъ“ (стихира на Благовѣщеніе Пресвятыя Бого-
родицы).

Будьте со-
вершениы,
как совер-
шенъ Отецъ
вашъ небес-
ный.
(Мѡ. V, 48).

**Внутреннее состояніе челоѣка, сердце котораго есть храмъ Бога
живаго, обитель Пресвятой Троицы.**

Внутреннее состояніе христіанина, пребывающаго до конца жизни въ сопротивленіи грѣхамъ.

Имѣя въ виду такую возвышенную цѣль и такое высокое предназначеніе, истинный христіанинъ еще въ настоящей жизни стремится къ тѣснѣйшему единенію съ Господомъ, своимъ Первообразомъ; потому что *соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ* (1 Кор. VII, 17). Что христіанинъ живою вѣрою, искреннею любовію и добрыми дѣлами уже здѣсь на землѣ дѣлаетъ себя храмомъ Божиимъ, это удостовѣряетъ слово Божіе. *Кто любитъ Меня,—говоритъ Спаситель,—тотъ соблюдетъ слово Мое; и Отецъ Мой возлюбитъ его, и Мы приидемъ къ нему и обитель у него сотворимъ* (Іоан. XIV, 23). *Развѣ не знаете,—говоритъ апостолъ Христовъ,—что вы—храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ васъ? Если кто разоритъ храмъ Божій, того покараетъ Богъ; ибо храмъ Божій святъ,—а этотъ храмъ вы* (1 Кор. III, 16, 17). *Вы храмъ Бога живаго, какъ сказалъ Богъ: вселюсь въ нихъ и буду ходить въ нихъ, и буду ихъ Богомъ, и они будутъ Моимъ народомъ* (Левит. XXVI, 12; 2 Кор. VI, 16). *Итакъ, возлюбленные, имѣя такіа обѣтованія, очистимъ себя отъ всякой скверны плоти и духа, совершая святыню въ страхъ Божіемъ* (—VII, 1). *Мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и утѣрали въ нее. Богъ есть любовь, и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ* (1 Іоан. IV, 16, 19).

О, глубина неизреченнаго милосердія Божія! Богъ обнищалъ по насъ, чтобы обогатить насъ и прибли-

зить къ Себѣ. Помня это, христіанинъ, со страхомъ и трепетомъ содѣвай свое спасеніе и не оскорбляй Святаго Духа Божія.

Кто словеса Мои блюдетъ,
Сказалъ Ты, Боже, мой Спаситель,
Во Мнѣ всегда пребудетъ тотъ
И будетъ Троицы обитель.
О, сердце чисто мнѣ создай
И обнови во мнѣ духъ правый:
Тогда вселится во мнѣ рай,
Тогда я буду храмомъ славы.
Лицо Твое не отврати
И Духа Твоего Святаго
Ты отъ меня не отыми —
Подателя всего благаго.
Сухая вѣтвь я безъ Тебя,
Пригодная лишь для сожженья:
Ты Самъ животвори меня,
Избавь меня отъ тѣнныя.
Очисти, освяти меня,
Омой меня, Спаситель,
Да буду недостойный я
Твоя, мой Богъ, обитель!

ГЛАВА VII.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ХРИСТІАНИНА, ПРЕБЫВАЮЩАГО ДО КОНЦА ЖИЗНИ ВЪ СОПРОТИВЛЕНІИ ГРѢХАМЪ.

Когда въ сердцѣ твоємъ, христіанинъ, вселится миръ Божій, превосходящій всякій умъ; когда ты кончишь брань съ врагами своего спасенія, — благодари Господа за избавленіе отъ пораженія, но не предавайся чрезъ мѣру радости, не попускай безпечности, не ослабляй ревности: врагъ часто только притворяется побѣжденнымъ, чтобы, когда ты предашься безпечности и будешь считать себя безопаснымъ, тѣмъ легче поразить тебя нечаяннымъ нападеніемъ. Потому не снимай никогда бранныхъ оружій, будь всегда бодрымъ и бдительнымъ воиномъ.

Облекитесь во всеоружіе Божіе, чтобы вамъ можно было стать противъ козней діавольскихъ, дабы вы могли противустать въ день злый и, все преодолевъ, устоять. Итакъ станьте, препоясавъ чресла ваши истиною, и облекшись въ броню праведности, и обувъ ноги въ готов-

ность благовѣствовать миру. А паче всего возьмите щиты
вѣры, которымъ возможете угасить всю раскаленную
стрѣлу лукаваго; и шлемъ спасенія возьмите, и мечъ
духовный, который есть слово Божіе (Ефес. VI, 11,
13—17).

Не забывай того, что, пока ты находишься въ
тѣлѣ и живешь на землѣ, брань съ врагами спасенія
никогда нельзя считать вполне оконченною; ибо
только умершій освободился отъ грѣха (Рим. VI, 7),
слѣдовательно и отъ борьбы съ грѣхомъ. „Лжетъ,—
говоритъ *Макарій Великій*, — сказуяй сердце себѣ
имѣти чисто, ибо никогда сего не бываетъ въ самой
вещи, дабы кто по пріятіи благодати абіе чисто
сталъ; предается бо врагамъ и различнымъ искуше-
ніямъ въ наказаніе и наученіе. Самые первые и ве-
ликіе люди такъ суть предъ совершенствомъ, какъ
слуга предъ господиномъ или какъ потокъ предъ
Евфратомъ“. Мутная вода отстоялась и кажется чи-
стою; взволнуется вода, и осѣдшая на дно нечистота
опять разойдется по всей водѣ. Не говори съ гор-
достію: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю
нужды (Апокал. III, 17); но говори со смиреніемъ:
сила Божія совершается въ моей немощи (2 Кор.
XII, 9). *Возмогай въ Господь и въ державы крѣпости
Его* (Ефес. VI, 10). *Бодрствуй на всякое время и мо-
лись* (Лук. XXI, 36)!

Мужайся, стой, крѣпись,
Молись на всякое время

И ежечасно тщишь
Стрясти грѣховно бремя.
Въ борьбѣ ты не слабѣй
Съ коварными врагами,
И Бога ты имѣй
Всегда передъ очами.
Его всеильну помощь
Зови на всякій часъ—
Твою исправить немощь:
Онъ твой услышитъ гласъ.

ГЛАВА VIII.

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ЧЕЛОВѢКА, ОХЛАДѢВАЮЩАГО БЪ ЛЮБВИ КЪ БОГУ И НАЧИНАЮЩАГО ОПЯТЬ ЛЮ- БИТЬ МІРЪ.

У воина Христова должны быть постоянно два бдительныхъ стража: *трезвеніе* и *благоразсмотрѣніе*, тщательно блюдущихъ за всѣмъ, входящимъ въ сердце и исходящемъ изъ него. Пока эти стражи бдятъ, онъ можетъ считать себя въ безопасности. Когда же они засыпаютъ, приходитъ лукавый, какъ тать, и начинаетъ сѣять въ сердцѣ безпечнаго свои плевелы. Плевелы, не исторгнутыя во-время, мало-по-малу растутъ и даютъ горькій, погибельный плодъ. Человѣкъ охладѣваетъ въ любви къ Богу и всему святому и начинаетъ влечься къ міру, начинаетъ помышлять не о горнемъ, но о земномъ (Колос. III, 2).

Никто не можетъ служить двумъ Господамъ (Матѳ. VI, 24), говоритъ Господь. Итакъ, если ты—слуга житейскихъ попеченій,—не обманывай себя: ты не

**Внутреннее состояніе сердца христіанина, помышляющаго только
о распятіи Іисуса Христа.**

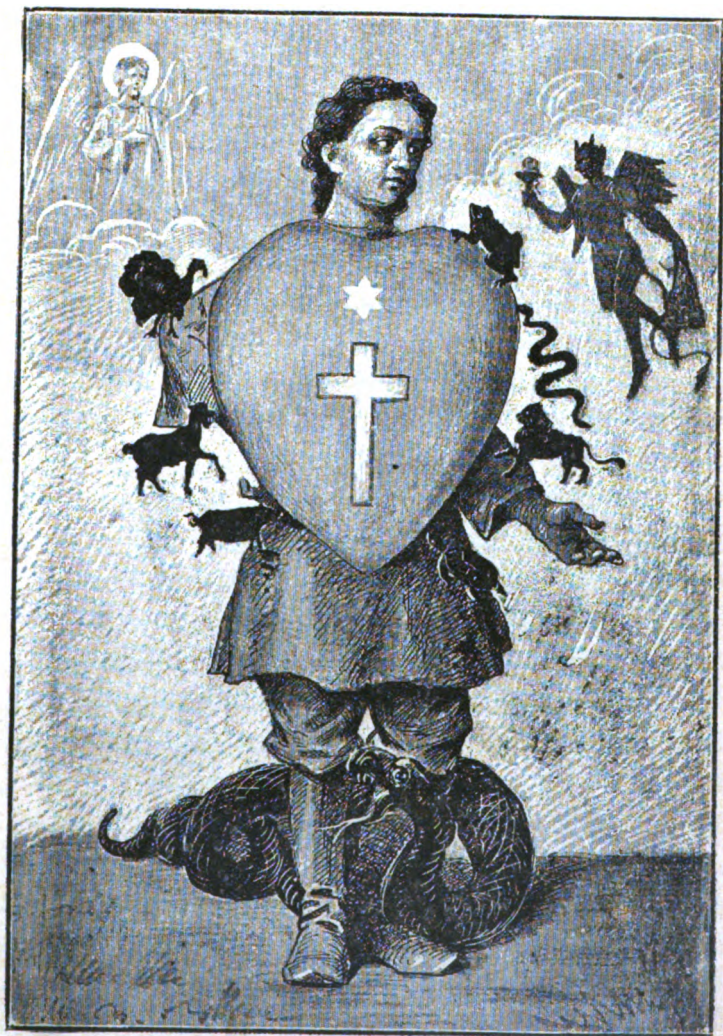

можешь быть въ то же время рабомъ Божиимъ. *Не можете служить Богу и мамонѣ*: не можете служить въ одно и то же время и Богу, и идолу богатства, какъ и каждому другому идолу души вашей. Одно изъ двухъ: или мамону полюбите и будете холодны къ Богу—или наоборотъ. *Никакой воинъ не связываетъ себя дѣлами житейскими, чтобъ угодить военачальнику* (2 Тим. II, 4). *Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для царствія Божія* (Лук. IX, 62). Итакъ, если нынѣ, какъ вчера, душевное твое расположеніе крѣпко привязано къ житейскому, нынѣ, какъ и вчера, только и заботь у тебя, что о пищѣ и одеждѣ,—то съ чего ты льстишь себя надеждою, что душа твоя угодна Владыкѣ Христу? Богъ требуетъ отъ насъ всей нашей воли, всей нашей любви, всей дѣятельности души и тѣла. Что же дѣлаютъ, какъ не святотатствуютъ тѣ, которые отдають душу, посвященную Богу, на служеніе землѣ и земнымъ страстямъ? Съ чего надѣются на спасеніе души, когда душа въ рабствѣ у страстей? Житейскія попеченія обезсиливаютъ волю нашу въ ея стремленіи къ Богу. Оттого-то происходитъ, что тѣ самые люди, которые въ началѣ обращенія своего къ Богу совершали тяжелые подвиги самоотверженія, потомъ въ продолженіе многихъ лѣтъ все только начинаютъ дѣло спасенія своего, ищутъ Бога—и не находятъ, ищутъ спасенія—и не спасаются. Связавъ душу пристрастіемъ

къ земному и житейскому, не расстаются съ дѣлами погибели; желая неба, волнуются заботами о землѣ; ищутъ Бога, но не хотятъ потерять и тварей. И чѣмъ все это кончится? Чѣмъ другимъ, какъ не вѣчною погибелью? Не живя для неба на землѣ, нельзя взойти на небо за предѣлами гроба.

Когда нечистый духъ выйдетъ изъ человека, то ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находя говоритъ: возвращусь въ домъ мой, откуда вышелъ. И пришедши находитъ его выметеннымъ и убраннымъ. Тогда идетъ и беретъ съ собою семь другихъ бѣсовъ, злѣйшихъ себя; и вошедши живутъ тамъ. И бываетъ для человека того послѣднее хуже перваго (Лук. XI, 24—26). Если, избѣгши сквернъ міра чрезъ познаніе Господа и Спасителя нашего Іисуса Христа, опять запутываюся въ нихъ и побѣждаются ими, то послѣднее бываетъ для таковыхъ хуже перваго. Лучше бы имъ не познать пути правды, нежели познавъ возвратиться назадъ отъ преданной имъ святой заповѣди. Но съ ними случается по вѣрной пословицѣ: песь возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья идетъ валяться въ грязи (2 Пет. II, 20—22).

Душе моя, душе моя! возстани,—что спиши? Душе моя, душе моя! Ты, которая у меня одна, такъ что если потеряю тебя, то лишусь всего. Что спиши? Тебѣ ли спать, когда внутри тебя непрестанная, денно-нощная брань, брань нечистой плоти съ лучшими стремленіями духа? Тебѣ ли спать, когда и въ

**Внутреннее состояние человека, охладѣвающаго въ любви къ Богу и
начинающаго опять любить міръ.**

бодромъ состояніи иные теряли спасеніе? Отчего ты пьешь грѣхи, какъ воду, и нечестія, какъ вино дорогое? Оттого, что спишь. *Возстани,—что спиши? Конецъ приближается.* Тутъ ли спать, когда передъ тобою вѣчность нескончаемая? Тутъ ли спать, когда передъ тобою адъ съ духами отверженными? Тутъ ли спать, когда каждый часъ такъ дорогъ для тебя, когда ни одной минуты не въ правѣ употребить на свою прихоть? Ты спишь,—бѣдная душа моя,—а время благодати и помилованія течетъ и уходитъ безвозвратно. Ты спишь, а число грѣховъ твоихъ и беззаконій растетъ и множится, и опасность для тебя становится грознѣе и грознѣе. Ты спишь,—а смерть близится къ тебѣ, приблизится, настигнетъ, ударить,—и что будетъ съ тобою? *Воспрями убо!* Пробудись, несчастная, пока еще есть время. Еще не гласъ вѣчнаго гнѣва гремитъ надъ тобою, а кроткій гласъ благодати будить тебя: *возстани, спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и осветитъ тя Христосъ* (Ефес. V, 14). Поднимись съ грѣховнаго ложа, собери разсѣянные по суетамъ міра мысли, приди въ себя, начни новую жизнь. *Да пощадитъ тя Христосъ Богъ.* Какъ бы глубоко ни пали мы, вездѣ проникаетъ живительная сила Христова, для всякаго прощеніе и милость—Христосъ Господь, *вездѣ сый и вся исполняй.*

Душа моя, о, бѣдная душа моя! что спишь?
Возстань, воспрями и покайся.

Ужель конца ты грознаго не зришь?
Пока есть время,—бди, спасайся.
Грядетъ неотвратимый, страшный часъ —
Часъ смерти грозной, горькой, лютой:
Какими онъ застигнетъ насъ?
Не снизойти бы намъ на вѣчны муки.
Господь благой и милосердый
Ждетъ покаянья до конца.
Такъ возгласи же съ теплою вѣрой:
Погибшая я есть овца.
О, пощади меня, Спаситель!
Прости лѣниваго раба.
Я беззаконій всѣхъ обитель,
Достоинъ строгаго суда.
Но—плачу я, молюсь, рыдаю,
Слезами душу омываю:
Прости меня, не осуди!
О, пощади! о, пощади!

ГЛАВА IX.

СМЕРТЬ ГРѢШНИКА ЛЮТА.

Многомилостивый и долготерпѣливый Господь всѣми средствами призываетъ грѣшника къ покаянію и исправленію. Но ожесточенный грѣшникъ не внимлетъ гласу Божію. И вотъ, наконецъ, наступаетъ для него время расплаты за жизнь, проведенную во грѣхахъ. О, смерть! какъ горька ты для всѣхъ людей! Но какъ ты ужасна для нераскаяннаго грѣшника, старавшагося не думать о тебѣ!

„Видѣли ли вы, какъ злая душа отходитъ изъ здѣшняго міра? Видѣли ли тѣ невыразимые ужасы, какими сопровождается ея отшествіе? Она не знала въ жизни,—не имѣетъ и въ часъ смерти ни самосознанія, ни самообладанія, ни покорности. Всѣ чувства ея волнуются; но эти чувства злы, и раздраженіе ихъ въ послѣднія минуты доходитъ до крайней степени. Ея зло, освобождаясь вмѣстѣ съ нею отъ послѣднихъ узъ, которыми еще сдерживалось сколько-нибудь въ здѣшней жизни, со всею силою подни-

мается и, въ виду ужасовъ смерти, ожесточается до отчаянія. Душа хочетъ бороться съ этими ужасами; она какъ будто бы вызываетъ на бой самую смерть и силою собственнаго зла хочетъ одолѣть ее; она усиливается овладѣть стлетающею жизнію, но въ то же время, чувствуя подъ собою разверзающуюся бездонную пропасть вѣчнаго зла, 'неодолимо увлекается въ нее силою сродныхъ стремленій своей злой природы. Въ борьбѣ съ жизнію и смертію душа борется еще сама съ собою, она терзаетъ самое себя. Можно ли и какими словами выразить весь ужасъ этихъ минутъ? Одинъ внѣшній видъ этого зрѣлища заставляетъ живыхъ бѣжать отъ умирающихъ. Такъ поистинѣ *смерть грѣшниковъ люта*". (Бесѣды, поученія и рѣчи *Іоанна*, епископа смоленскаго.)

Эта тѣлесная смерть грѣшника нераскаяннаго и ожесточеннаго есть начало его духовной смерти—отверженія отъ лица Божія и осужденія на вѣчныя мученія съ діаволомъ и ангелами его.

Вотъ почему любвеобильная и попечительная мать наша, св. Церковь, учитъ насъ молиться ежедневно: *Христіанскія кончины живота нашего, безболѣзненны, непостыдны, мирны, и добраго отвѣта на страшныя судищи Христовы просимъ!*

ГЛАВА X.

БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА ПРАВЕДНИКА.

Вся земная жизнь человѣка, благочестиваго и праведнаго служитъ приготовленіемъ къ вѣчности и къ переходу въ вѣчность, называемому смертію. Апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ, что онъ умираетъ ежедневно (1 Кор. XV, 31). И точно: кто ежедневно приготовленъ къ смерти, тотъ умираетъ ежедневно; кто поправъ всѣ грѣхи и всѣ грѣховныя пожеланія, чья мысль отъ земли переселилась на небо и тамъ пребываетъ, тотъ умираетъ ежедневно; а кто умираетъ ежедневно, тотъ уже живетъ вѣчною, истинною жизнію.

Душа праведника отходитъ мирно: ясность, чистота, глубокая вѣра и преданность Богу, отличавшія ее при жизни, не оставляютъ ее и въ часъ смерти. Внутренняя свѣтлость ея разсѣваетъ передъ нею мракъ и страхъ смертнаго пути, и, всецѣло вручая себя Богу, она съ тихою покорностію отдается по-

слѣднимъ волнамъ житейскаго моря, прибивающимъ ее къ берегамъ вѣчности.

Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко, съ миромъ! — радостно говоритъ праведникъ, разставаясь съ землею жизнію. Подвигомъ добрымъ я подвизался, теченіе совершилъ, вѣру сохранилъ (2 Тим. IV, 7). Если я пойду и долиною смертной тѣни, не боюсь зла, потому что Ты со мною (Псал. XXII, 4).

Какъ грозный витязь смерть нашла,
Меня, какъ хищникъ, низложила,
Свой зѣвъ разинула могила
И все житейское взяла.

Спасайтесь, сродники и чада! —

Изъ гроба къ вамъ взываю я, —

Спасайтесь, братья и друзья,

Да не узрите пламень ада!

Вся жизнь есть царство суеты,

И, дуновенье смерти чуя,

Мы увядаемъ, какъ цвѣты.

Почто же мы мѣтемся всуе?

Престолы наши суть гроба,

Чертоги наши — разрушенье...

Прійми усопшаго раба,

Господь, въ блаженные селенья!

* * *

Средь груды глѣющихъ костей

Кто царь? кто рабъ? судья или воинъ?

Кто царства Божія достоинъ?

Смерть грѣшника люта.

И кто—отверженный злодѣй?
О, братья! гдѣ серебро и золото?
Гдѣ сонмы многіе рабовъ?
Среди невѣдомыхъ гробовъ
Кто есть убогій, кто богатый?
Все—пепелъ, дымъ, и пыль, и прахъ.
Все—призракъ, тѣнь и привидѣнье.
Лишь у Тебя на небесахъ,
Господь, и пристань и спасенье!
Исчезнетъ все, что было плоть,
Величье наше будетъ тлѣнье...
Прійми усопшаго, Господь,
Въ Твои блаженные селенья!

* * *

И Ты, Предстательница всѣмъ!
И Ты, Заступница скорбящимъ!
Къ Тебѣ о братѣ, здѣсь лежащемъ,
Къ Тебѣ, Святая, воіемъ:
Моли божественнаго Сына,
Его, Пречистая, моли,
Дабы усопшій на земли
Оставилъ здѣсь свои кручины!
Все—пепелъ, прахъ, и дымъ, и тѣнь!
О, други, призраку не вѣрьте!
Когда дохнетъ въ нежданный день
Дыханье тлительное смерти,
Мы всѣ поляжемъ, какъ хлѣба,
Серпомъ подрѣзанные въ нивахъ...

Прійми усопшаго раба,
Господь, въ селеніяхъ счастливыхъ!

* * *

Иду въ незнаемый я путь,
Иду межъ страха и надежды;
Мой взоръ угасъ, остыла грудь,
Не внемлетъ слухъ, сомкнуты вѣжды.
Лежу безгласенъ, недвижимъ,
Не слышу братскаго рыданья,
И отъ кадила синій дымъ
Не мнѣ струить благоуханье.
Но вѣчнымъ сномъ пока я сплю,
Моя любовь не умираетъ,—
И ею, братья, васъ молю,
Да каждый къ Господу взываетъ:
Господь! въ тотъ день, когда труба
Вострубитъ міра представленье,
Прійми усопшаго раба
Въ Твои блаженныя селенья! *)

*) Изъ поэмы графа А. Толстого: „Іоаннъ Дамаскинъ“.

Блаженная кончина праведника.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ГЛАВА I. Жизнь христіанина—непрестанная брань	3
ГЛАВА II. Внутреннее состояніе сердца человѣка, пребывающаго во власти діавола	6
ГЛАВА III. Внутреннее состояніе сердца грѣшника кающагося	13
ГЛАВА IV. Внутреннее состояніе сердца человѣка, укрѣпляющагося въ добръ	23
ГЛАВА V. Внутреннее состояніе сердца христіанина, помышляющаго только о распятомъ Иисусѣ Христѣ .	30
ГЛАВА VI. Внутреннее состояніе человѣка, сердце котораго есть храмъ Бога живого, обитель Пресвятой Троицы	36
ГЛАВА VII. Внутреннее состояніе христіанина, пребывающаго до конца жизни въ сопротивленіи грѣхамъ . .	41
ГЛАВА VIII. Внутреннее состояніе человѣка, охладѣвающаго въ любви къ Богу и начинающаго опять любить міръ	46
ГЛАВА IX. Смерть грѣшника люта	53
ГЛАВА X. Блаженная ковчина праведника	57

4765912

